
граф
КЕЛЛЕР

. БЕЛЫЕ ВОИНЫ .

Л. Шенкер

Граф
КЕЛЛЕР

МОСКВА «ПОСЕВ» 2007

Военно-историческая серия «Белые Воины»

Издается по благословению

Святейшего Патриарха

Московского и Всея Руси

Алексия II

Граф Келлер

М.: НП «Посев», 2007

Автор проекта серии – *А. Н. Алекаев*

Научный редактор серии – кандидат исторических наук *В. Ж. Цветков*

Координатор проекта – *Р. Г. Гагкуев*

Пятая книга серии «Белые воины» посвящена судьбе генерала от кавалерии графа Ф А Келлера (1857–1918). Участник русско-турецкой и Великой войн, один из наиболее известных кавалерийских начальников Русской Императорской армии, Федор Артурович Келлер оказался одним из немногих офицеров, сохранившим в феврале 1917 года верность данной Государю присяге. Жизнь его трагически оборвалась в 1918 году в Киеве во время братоубийственной Гражданской войны.

Историко-художественная книга известного православного историка и писателя С В Фомина – первое подробное исследование, посвященное этой выдающейся личности. Жизнеописание графа Ф А Келлера дано на широком фоне эпохи, начиная с русско-турецкой войны 1877–1878 годов и заканчивая начальным периодом второй русской смуты. Известные битвы и сражения сменяются описанием полузабытого военного быта Русской Императорской армии в столице и дальних гарнизонах. Решения, принятые коронованными особами государств Европы, продолжают картинками тайных заседаний масонских лож, находящихся завершение на полях брани, в революциях и гражданских войнах.

Документальный очерк историков Р Г Гагкуева и С С Балмасова посвящен последним годам жизни блестящего кавалерийского офицера и рассказывает о его участии в Великой и Гражданской войнах. Основу исследования составили впервые публикующиеся документы 10-й кавалерийской дивизии и 3-го кавалерийского корпуса, которыми командовал Федор Артурович в годы Мировой войны, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, а также материалы Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного военного архива.

Книга иллюстрирована редкими фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов, а также частных коллекций.

Автор книги «Золотой Клинок Империи» – *С. В. Фомин*

Авторы очерка «Генерал Ф. А. Келлер в годы Великой войны и русской смуты» –

Р. Г. Гагкуев, С. С. Балмасов

Художественное оформление – *Е. Г. Клодт, В. Н. Карпухин*

Художник – *А. В. Лебедева*

Автор портрета Ф. А. Келлера – *В. Мирошниченко*

Заказы и отзывы направлять по адресу
107497, г. Москва, а/я 4, В. Ж. Цветкову,
тел. (495) 625-92 48, e-mail: posevru@online.ru,
Р. Г. Гагкуеву – tg@rusk.ru

©Некоммерческое партнерство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество “Посев”», 2007

©А. Н. Алекаев, проект серии, 2007

©С. В. Фомин, автор книги «Золотой Клинок Империи», 2007

©Н. А. Ганина, автор цикла стихов «Памяти графа Келлера», 2007

©Р. Г. Гагкуев, С. С. Балмасов, авторы очерка «Генерал Ф. А. Келлер в годы Великой войны и русской смуты», 2007

©В. Мирошниченко, портрет Ф. А. Келлера, 2007

©А. Лебедева, иллюстрации, 2007

©Е. Г. Клодт, В. Н. Карпухин, оформление, 2007

ISBN 5-85824-170-0

Предисловие редактора

«Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни»

Откр II, 10

«За Веру, Царя и Отечество мы присягали сложить свои головы – настало время исполнить свой долг. Вспомните и прочтите молитву перед боем, – ту молитву, которую мы читали перед славными нашими победами, осените себя крестным знамением и с Божьей помощью вперед за Веру, за Царя и за целую неделимую нашу родину Россию»

*Из воззвания Ф. А. Келлера «Призыв старого солдата»,
обращенного к офицерам и солдатам Русской армии
с призывом к борьбе с большевизмом*

Октябрь 1918 года

Очередная книга серии «Белые воины» не совсем обычна... Она посвящена судьбе генерала от кавалерии, графа Федора Артуровича Келлера. Представителя славного дворянского рода, участника русско-турецкой и Великой войн. Георгиевский кавалер, монархист не по форме, не по «статуту», а по глубокому, искреннему убеждению. С полным осознанием генерала Ф. А. Келлера можно назвать «верноподданным», не отречимся от единожды принесенной присяги Государю Императору, оставшимся преданным монархической идее до самых последних минут жизни, до своей мученической кончины...

Судьба графа Келлера – образец достойного поведения офицера в дни второй русской смуты. «Вера и верность» – девиз ордена Святого апостола Андрея Первозванного – вполне применим к Федору Артуровичу. Остаться верным несмотря ни на что, верить в спасение России, хранить преданность заветам чести русского оружия – качества, оказавшиеся, увы, весьма редкими во времена российского лихолетья...

Особенно значима связь биографии генерала с российским Белым движением. Он как бы стоял у истоков будущих центров сопротивления большевистскому хаосу. В годы Великой войны генерал Ф. А. Келлер командовал 3-м конным корпусом, ставшим основой будущего «похода на Петроград» генералов Л. Г. Корнилова, А. М. Крымова и П. Н. Краснова в 1917 году.

В 1918 году Федор Артурович Келлер получил благословение от Святейшего Патриарха Тихона. Это весьма показательный факт в истории Белого движения, свидетельство поддержки его участников главой Русской Православной церкви.

Генерал готовился возглавить силы Северной армии, ставшей в 1919 году основой формирования белого Северо-Западного фронта. 3 ноября 1918 года командующий Добровольческой армией генерал А. И. Деникин утвердил графа Ф. А. Келлера в должности командующего Северной армией. Но, оказавшись всего на неделю главным командующим вооруженными силами на территории Украины (с 5 по 13 ноября), он своим авторитетом попытался повернуть симпатии офицеров гетманской армии (фактически офицеров бывшей Императорской армии) к возрождению Единой и Неделимой России.

8 декабря 1918 года Федор Артурович совершил свой жертвенный подвиг, принимая своей кончиной венец мученичества, повторив крестный путь погибшей Царской Семьи...

Новая книга состоит из двух самостоятельных работ, содержащих в себе разные оценки событий второй русской смуты. Такой подход к составлению издания –

новый для нашей серии. Не вдаваясь в анализ разногласий между авторами двух разных как по объему, так и по положенным в основу материалам работ, позволим отметить себе следующее.

Было бы неправомерно противопоставлять графа Ф. А. Келлера остальным участникам Белого движения. Да, нельзя отрицать существовавших разногласий по ряду политических вопросов. Но никоим образом нельзя отрицать и того, что в борьбе с большевизмом, прикрытым лозунгами «пролетарского интернационализма», «диктатуры бедноты» или социалистической «самостийности», бойцы всех белых армий были едины. А вопрос о форме правления, об официальном принятии монархических лозунгов неизбежно бы разрешился в случае ликвидации безбожного «советовластия» и освобождения Москвы и Петрограда.

Очевидность восстановления единоличного правления в России через возрождение Монархии поддерживал в 1918 году даже столь «одиозный либерал» (по мнению многих современных историков и публицистов), как П. Н. Миллюков. Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М. В. Алексеев в частной переписке прямо заявлял, что никакой другой формы правления в будущей России не будет. Но, несмотря на это, в годы Гражданской войны среди белых стало общепризнанным мнение, что поднять монархическое знамя возможно лишь тогда, когда будет решен вопрос о Главе государства Российского.

После большевистского злодеяния – Цареубийства, совершенного 4 июля 1918 года, разрешить этот вопрос можно было лишь очень условно. Примечательно, что даже решения Приамурского Земского Собора 1922 года обходили стороной вопрос о персональном возглавлении будущей Российской державы. Собор утвердил только сам принцип монархической государственности.

Белое движение объединялось на лозунгах Единоверия и тесно связанного с ним Единодержавия. Восстановление Единой Руси, Православной Русской державы – вот та высшая цель, которая определяла существо политической программы российского Белого движения. В этой программе далеко не главную роль играл вопрос о военно-политическом союзе белых с Германией или Антантой. Так или иначе, но при любом повороте событий опираться можно было лишь на собственные силы. И жертвенный подвиг графа Келлера был неотделим от жертвенного подвига всех белых армий. Благочестивый воин своей гибелью доказал, что возрождение России может произойти только через самоотречение во имя высшей цели.

А судить белых воинов в их правоте и ошибках – не нам дано. Правда – Воля Господня...

Основу книги составили работы, написанные на основании редких документальных материалов из Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного военно-исторического архива и Российского государственного военного архива. Используются фотоматериалы из собрания Национальной библиотеки федеральных архивов, Российского государственного архива кинофотодокументов, книги J. Ferrand «Les familles comtales de l'ancien Empire de Russie en emigration» (Montreil, б. г.), а также частных коллекций. Редакция серии выражает признательность директору Государственного архива Российской Федерации С. В. Мироненко, заведующей фондами Русского Зарубежья Л. И. Петрушевой, сотруднику Библиотеки федеральных архивов А. А. Федохину, а также сотрудникам Российского государственного военно-исторического архива за помощь в подготовке книги к изданию.

Василий Цветков –
главный редактор альманаха «Белая Гвардия»,
кандидат исторических наук

ПАМЯТИ ГРАФА КЕЛЛЕРА*

I

Армия! А нам что за горесть?
Но из пустоты – темноты –
Слышится неведомый голос:
– Армия!.. Да знаешь ли ты

(Это я скажу и в могиле,
Из-за океана, со дна) –
Две на свете армии были:
Римская и наша. *Одна.*

Нынешние скажут: блистала...
Что парады! В буднях своих –
Гранями громады-кристалла,
Гнездами кристаллов живых.

А врата войны отворялись –
Двигалась, дышала, текла,
На путях земных простираясь
Грозным очертаньем орла.

II

Всадник превознесен, изъят.
Дотянись. Угонись.
И осанка – отвес, и взгляд –
Неминуемо сверху вниз.

Предначертано: всадник – знать.
Не в рабах у земли сырой!
Пеший – смертный, а здесь – как знать...
Утро мира. Всадник – герой.

* Публикуется впервые. Написано специально для нашего издания.

Тише. Вот они. Мимо нас.
Сладким звуком – цокот подков.
О как блещет последний час
Века всадников и клинков.

III

Чести и совести
Вопреки
Будут отброшены
Те клинки.

Горечи-то! Позора-то!
Прежнее – хоть бы луч его!
О как потускло золото,
Золото наилучшее.

Кто не пограл
Славу свою? –
А генерал
Умрет не в бою.

IV

*Тогда Игорь взрв на светлое солнце
и виде от него тьмою вся своя воя прикрыты.*

В бою – в руке Божьей. Все были верны.
Ты помнишь начало Великой войны?

И труд, и тревога – и радость, и свет
Тех конных атак и крылатых побед.

Врезаемся в гущу, проходим насквозь!
Но солнце над битвой во мглу облеклось.

Так было когда-то – и так при конце:
Черное солнце в горящем венце.

V

Ближе к славе – ближе к гибели!
Тем, кто этого искал,
Никакой не будет прибыли...
Скажет: – Знаю. – Скажет: – Знал.

Подвиги – труды, и тайна их:
Ты в свершении одинок. –
Закаленный в испытаниях,
Богом кованный клинок.

У солдат не спросят, больно ли.
А спросив, услышат: – Что ж...
Пусть в тебя ударит молния –
Это ты перенесешь.

VI

Хмельная вьюжная муть.
Что будет? – Что есть, то есть. –
Как в сказке: вскрой эту грудь –
Увидишь: *верность и честь.*

Твердыни тают, как дым.
Беззвучно рушится Рим.
Язык измены – другим.
Отныне буду немым.

VII

В темноте городка
На угрозу бродяги
«Стой-стреляю-убью» –

Тот же взгляд свысока,
Холодной отваги –
Что в каждом бою.

Мысль обо всем,
Уже неподвластном,
О том, чего не успел...

С тем же лицом,
Спокойным и ясным –
И на расстрел.

VIII

Он знать не будет ни степей ковыльных,
Польных, горестных – ни шляхов пыльных,
Ни клятв напрасных, ни бросков бессильных.

Ни вод соленых, ни песков зыбучих,
Ни стран чужих, ни проволок колючих,
Ни совести упреков поздних, жгучих.

Всего, что неприметно подступает
И настагает – и вовек не канет...
О память, память.

IX

Могила ушла глубоко
В святую землю
В городе Михаила
Архистратига.

Вместо надгробных плачей
И эпитафий:

Он Царям Благоверным
Служил измлада.
Был славой Царского войска,
Грозой чужого.

Он своего Государя
В злой час не оставил.

Тайно и прикровенно
На дней кончину
Сподобился благословенья
Пречистой Девы.

Пал у Святой Софии,
От рук неверных.

Март–май 2005.

С . В . Ф о м и н

ЗОЛОТОЙ КЛИНОК ИМПЕРИИ

**Свиты Его Императорского
Величества**

**генерал от кавалерии
граф Федор Артурович
Келлер**

Безмерным Солдатам Священной Империи посвящается

Автор книги **С. В. ФОМИН**
приносит глубокую признательность
г-ну Иржи ВАЧЕКУ
(Национальная библиотека Чешской республики, Прага),
г-же Патрисии ПОЛАНСКИ
(Библиотека имени Гамильтона Гавайского университета, Гонолулу),
Лидии Федоровне КАПРАЛОВОЙ
(Российская национальная библиотека, С.-Петербург),
Татьяне Александровне КОРОЛЬКОВОЙ
(Библиотека фонд «Русское зарубежье», Москва),
а также неизменным нашим сотрудникам
Наталии Александровне ГАНИНОЙ
и Григорию Борисовичу КРЕМНЕВУ,
за предоставление ряда ценных материалов,
помощь в их сборе и копировании.

«ИСТИННЫЙ ГЕРОЙ И ХРИСТИАНИН»

«Наш храбрый Келлер», «Славный Келлер», – говорил о нем Царь-Мученик.

«Истинный герой и христианин!» – отзывалась о графе Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна.

«Прямой, цельный...»¹ – так характеризовал генерала Ф. А. Келлера организатор в эмиграции все еще остающегося загадочным Братства Русской Правды герцог Г. Н. Лейхтенбергский.

«Генерал граф Келлер, – писал старший адъютант 10-й кавалерийской дивизии А. В. Сливинский, – обладал присущей только выдающимся военачальникам способностью наэлектризовывать войска, воодушевлять и увлекать массу на самые отчаянные и опасные предприятия, на блестящие подвиги и на тяжелые жертвы...»²

«Нужно было удивляться выносливости, силе воли и энергии этого неумолимого начальника»³, – свидетельствовал командир одного из полков его дивизии. А ведь с началом Великой войны Федору Артуровичу было уже под шестьдесят...

«Подчиненные боялись, но были преданы ему, – писал другой офицер дивизии, – любили и преклонялись перед могучей лично

Книга печатается с учетом особенностей авторской орфографии: так, сохранены дореволюционное правописание приставки *без-* перед глухими согласными, корни *мир*, *мір* и *мъро* в соответствующих словах; восстановлены и некоторые другие особенности, существовавшие до октябрьского переворота 1917 г. и упраздненные волевым решением безграмотной ленинской гвардии (примером может служить написание слова *большевицкий*).

стью, железной волей и неутомимой энергией своего Начальника. Войска трепетали, но обожали, беззаветно верили своему командиру и так же беззаветно вверяли ему свою жизнь»⁴.

Когда в сентябре 1914 г. во время боевых действий кавалеристы графа Келлера заболели холерой, генерал, по свидетельству очевидца, «совершенно игнорировал опасность заразиться, – подходил к тяжело больным и сам растирал им руки, пробовал, горячили вода в бутылках, разговаривал, утешал больных, что холера у них в легкой форме, никто еще не умер и, наверное, смертных случаев не будет. Это сильно ободряло больных солдат морально»⁵.

«...Рыцарь, оставшийся безупречно верным Государю и непоколебимо преданный идее монархии»⁶, – писал о Федоре Артуровиче служивший одно время под его началом генерал П. Н. Краснов.

«Если Вы увидите милого графа Келлера снова, – писала в марте 1918 г. Государыня ближайшей Своей подруге Ю. А. Ден, – передайте ему, что его бывший Шеф шлет ему сердечный привет (Он [*Государь*] тоже), и еще скажите, что Она всегда за него молится»⁷.

Эти высокие характеристики можно длить и длить...

Действительно, как говорил генерал-лейтенант А. В. Черячукин, бывший в 1910 г. начальником штаба дивизии, которой потом командовал граф Ф. А. Келлер, «светлым ореолом был окружен этот военный до мозга костей человек»⁸.

Люди, подобные генералу Келлеру, в мирное время составлявшие гордость Императорской Армии, в годы революционного брожения бывшие надежнейшей опорой Трона, с началом войны стали грозой врагов.

В трагические дни Русского Лихолетия, после ухода Царя от отрекшегося от Него народа, не Корнилов или Алексеев, не Скоропадский или Брусилов, не Деникин или Юденич, а именно граф Федор Артурович Келлер спас честь Русской Армии.

Не Белая Гвардия, а Русская Императорская Армия; не Белый Вождь, а верный слуга Русского Императора, не Единая Неделимая, а Императорская Самодержавная Россия с природным Царем во главе – таково было кредо генерала Келлера.

И когда пришел его час, он – один из немногих – без всякого позорного словоблудия, четко и просто, по-военному исполнил

долг присяги своему Императору: **верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови.** Клятву, запечатленную целованием Креста и Евангелия.

Жизнью своей, смертью своей подтвердил он, что присяга человека чести – не поцелуй Иуды.

Не Отечеству, не Русскому народу, не России, не ее народам присягал он, а **своим истинным и природным ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИМ ВЕЛИКИМ ГОСУДАРЯМ ИМПЕРАТОРАМ**

сначала

АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,

потом

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,

и, наконец,

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,

САМОДЕРЖЦАМ ВСЕРОССИЙСКИМ.

И только *после этого* – Их России.

Белым воином графа Келлера можно назвать с одной лишь точки зрения – безпредельной верности его *Белому Царю* – Императору Всероссийскому – Самодержавному Монарху III Рима – *Удерживающему теперь** от прихода в мир богопротивного презренного антихриста.

Какие же заветные слова несет он нам, людям, перешагнувшим порог XXI века, почти сто лет спустя? – А только одно. Но зато *какое!* Его почувствовал и запечатлел сразу же после гибели генерала поэт лейб-гусар В. П. Мятлев:

*То, что мыслил славный Келлер,
Скоро выскажет народ⁹.*

И мы ждем исполнения этого вещего слова, когда, по предсказанию духоносца, *восстанут из народа неизвестные миру и восставят поправное¹⁰.*

* 2 Сол. 2, 6-8.

*Мы прогоним вас из чужих земель,
Вы узнаете, что мы русские!..*

– пелось в старой солдатской песне.

*И взойдет в Столицу – Белый полк!**

– Благословенное Богом Воинство Русского Белого Царя.

Так и будет!

* *Марина Цветаева. Лебединый стан.*

часть первая

ПОЛЕТ ОРЛА

Юные военнослужащие, надобно непременно, чтобы вы упоены были восторгом; чтобы честь потрясала сердца ваши; чтобы огонь победы блистал в глазах ваших; чтобы душа ваша при одном помышлении о славных подвигах возносилась выше самой себя.

**Из старинной французской книги
«Советы военного человека сыну своему».**

КОРЕНЬ И КРОНА

Дворяне – все родня друг другу...

А. Блок.

Жизнь любого человека начинается с его рождения. Впрочем, столь же очевидно, что истоки характера, многих поступков, особенно личностей исторических, следует искать среди его предков, ибо давно известно, что *не ты держишь корень, а корень тебя*.

Вынесенные в эпитафию слова в полном смысле относятся и к графу Феодору Артуровичу Келлеру, хотя род его в России и не имел глубоких корней.

Согласно немецким генеалогическим источникам, род Келлеров происходил из Швабии. Члены его считали своим родоначальником Генриха Кельнера, упомянутого в грамоте под 1298 г., в 1306 г. – горожанина и владельца виноградников в Эсслингене, а в 1329 г. – судьи в Штутгарте. Достоверное свое родословие род вел от Иоганна Келлера, упоминавшегося в древних немецких грамотах под 1390 г.

Первым в рыцарское Имперское дворянство, с пожалованием герба, 14 сентября 1737 г. в Вене был возведен тайный советник герцогства Вюртембергского Кристоф Дитрих Келлер. Он же 26 июля 1765 г. Австрийским императором Францем I был возведен в баронское достоинство Империи Римской¹. А 29 ноября 1789 г. в Берлине его сыну, Камергеру Прусского Двора Доротею-Людвигу-Христофору барону фон Келлеру, «из древнего баронского рода происходящему», Прусским королем Фридрихом Вильгельмом было присвоено графское достоинство «вместе с его законнорожденными потомками обоюбого пола по нисходящей линии»².

Мы, писал Король в Дипломе, «не только утверждаем до сего употребляемый им герб, но еще дозволяем ему таковой увеличить и исправить, так что настоящий его Графский герб состоять будет

в следующем: на обе стороны выгнутый внизу кругло сходящийся, золотом обведенный косо разделенный щит, в коего вышнем голубом поле три черные Орлиные головы с шеями, золотыми носами, с выданными красными языками: две выше, одна ниже, между сими головами видны три золотые о шести лучах звезды, одна выше, а две ниже; в нижнем красном поле белый Лев, почивающий на зеленом дерне, щит покрывает золотая Графская Корона, на которой стоят три золотом оправленные, голубым цветом обданные, а красным подбитые, золотыми лучками и соразмерными висящими алмазами украшенные, золотом увенченные открытые Рыцарские Шлемы, щит упирается с правой стороны о черного Орла с золотым носом и протянутым красным языком, а с левой о белого Льва с протянутым же красным языком, стоящего на мраморном пьедестале»³.

Этот-то граф Доротей-Людвиг-Христофор фон Келлер (1757–1827), Прусский королевский посланник сначала в Стокгольме, потом в Гааге и Петербурге (а впоследствии в Вене), стал родоначальником русской ветви графов Келлеров. (Его дед, уроженец Швейцарии, Фридрих-Генрих Келлер (1653–1732) был полковником австрийской службы)⁴.

Впоследствии двоюродная сестра нашего героя вспоминала о пребывании при Дворе Императрицы Екатерины Великой их общего прадеда: «Во время одного торжества в честь Великой Правительницы, данного моим прадедом, моя прабабушка почувствовала себя плохо, ввиду ожидаемого материнства. Императрица предложила ей удалиться, и сказала моему прадеду: “Если супруга Ваша подарит Вам сына, Я буду его крестной. Определите его на русскую службу”. В ту же ночь родился мой дед. Императрица сдержала слово, и когда, спустя три года, мой прадед получил назначение в Вену, он оставил своего сына на воспитание своей золовке, принцессе Витгенштейн»⁵.

Именно этот сын Д.-Л.-Х. Келлера от его брака с графиней Амалией-Луизой Сайн-Витгенштейн (1771–1853), граф Теодор (Федор Федорович) Келлер (1791–1860) и вступил впоследствии в российское подданство.

В 1809 г. он поступил на русскую военную службу. В конце 1825 г., уже будучи отставным полковником, в Режицком уездном суде Витебской губернии Федор Федорович «учинил присягу на верность и подданство Государю Императору Николаю Павловичу и Наследнику Престола Александру Николаевичу»⁶. А в 1837 г.

в Департаменте Герольдии им было начато дело о признании за родом Келлеров дворянского и графского достоинства.

Наконец, «Высочайше утвержденным 14 ноября 1844 г. мнением Государственного Совета отставной полковник Федор-Людвиг-Вильгельм Келлер и дети его, Эдуард, Альфред, Артур, Оскар, Виктор, Аделаида, Леонида, Алиса и Евгения, признаны в графском достоинстве»⁷. Графский род Келлеров в Российской Империи был внесен в дворянские матрикулы Курляндской и Эстляндской губерний, а также в V часть дворянских родословных книг Витебской, Смоленской и Нижегородской губерний⁸.

Без малого целый век представители этого рода занимали высокие посты на службе Императорам Всероссийским и новому своему Отечеству. Не раз им пришлось проливать свою кровь, ибо большая часть графов Келлеров предпочитала военную карьеру. Среди предков этого рода было три российских фельдмаршала – граф Бурхард-Христофор Миних (1683–1767), известный своей безпредельной отвагой граф Георг Браун (1698–1772)* и, наконец, светлейший князь Петр Христианович Витгенштейн (1768–1843), «вождь герой, Петрополя спаситель»⁹.

Дед нашего героя Федор Федорович Келлер в ноябре 1809 г. вступил на службу в Л.-Гв. Гусарский полк корнетом. «Был в походах и действительных сражениях против неприятелей с 1809 по 1815 год включительно, – читаем в его формулярном списке, – за что и награжден орденами Св. Георгия 4 клас., Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 4 и 2 ст. алмазами украшенной...»¹⁰

Из того же источника узнаем, что в сражении под Полоцком 6, 7 и 8 октября 1812 г. штабс-ротмистр граф Ф. Ф. Келлер, «находясь при генерале графе Витгенштейне [приходившемся ему дядей], развозил его приказания в опаснейшие места с большою неустрашимостию в точности, а особенно 6 числа, когда неприятельские латники, заскакав на нашу батарею, отрезали было вместе с оною часть пехоты, то бросаясь к сводному Гвардейскому полку с удивительною скоростью, ударил вместе с ним с такою храбростию и быстротою, что не только выручил наши орудия и пехоту, бывшие в руках неприятеля, но и самые латники с их начальниками взяты в плен».

* Происходил из католического ирландского дворянского рода. На русскую службу принят в 1730 г. капитан-лейтенантом; участвовал во всех войнах вплоть до 1762 г. Император Петр III произвел его в фельдмаршалы, назначив Лифляндским губернатором. В этой должности он состоял в течение 30 лет.

Помянутый нами граф Федор Федорович Келлер с января 1813 г. женат был на Софье Михайловне (1795–1880), урожденной Борх. От этого брака родилось пятеро сыновей: **Эдуард**, **Альфред**, **Оскар**, **Артур** и **Виктор**.

Старший сын, граф **Эдуард** Федорович Келлер (1819–1903), камергер, тайный советник, в 1858–1861 гг. состоял губернатором Минской губернии, впоследствии – сенатор. От брака с Марией Ивановной (1827–1914), урожденной Ризнич*, у них было шестеро детей: Иоанна (1849–1937), гофмейстерина Вел. Княгини Александры Иосифовны; Анна (1849–1931); Леонилла; Федор (1850–1904), ставший генералом; Александр (1858–ок. 1940), камергер Высочайшего Двора, воспреемниками которого при крещении были Император Александр II и Вел. Княгиня Александра Петровна¹¹.

Однако особенно заметной фигурой стала впоследствии старшая дочь Мария (1846–1931), вышедшая в 1871 г. в Петербурге замуж за генерал-майора, графа Н. П. Клейнмихеля (1837–1878), сына знаменитого министра путей сообщения эпохи Императора Николая I, строителя первой железной дороги в России Москва–Петербург.

В написанных ею впоследствии воспоминаниях есть примечательный эпизод, относящийся к 1858 г., когда ее отец, Эдуард Федорович, только что был переведен в Минск губернатором: «Император Александр II, приехав в Минск, остановился в доме губернатора. Мать моя лежала еще больной в постели, после родов моего младшего брата [Александра]; таким образом я, десятилетняя девочка, должна была, по нашему русскому обычаю поднести Императору на пороге дома нашего хлеб-соль. Император меня обнял и сказал: “Приезжайте в Петербург и Я дам вам шифр”. Я никогда не слыхала ни о каком “шифре” и еще не знала, что шифр – это украшенный бриллиантами вензель Императрицы, дающийся, как от-

* В 1877 г. в Лондоне, будучи 50-ти лет, она вступила в брак с чиновником Министерства внутренних дел Франции, поэтом Александром Сент-Ивом (1842–1909), более известным ныне под титулом, который он вскоре купил в Италии, – маркиз д'Альвейдр. Этот известный впоследствии эзотерик, друг Виктора Гюго, связывал перелом в своей судьбе именно со своей женитьбой. Перу этого известного мистика принадлежат пять книг: «Миссия соверенов» (1882), «Миссия рабочих» (1883), «Миссия евреев» (1884), «Миссия Индии в Европе» (1886), «Миссия французов» (1887) (Андреев А. И. *Время Шамбалы. Оккультизм, наука и политика в Советской России*. СПб.-М., 2002. С. 116–117; Дугин А. И. *Конспирология*. (Наука о заговорах, тайных обществах и оккультной войне). М., 1993. С. 35–39).

личие, придворным дамам. На следующий день Император выразил желание быть крестным у моего маленького брата. В это же время оба моих брата были возведены в пажы, что дало им право на казенный счет воспитываться и вступить впоследствии в Гвардию»¹².

Салон Марии Эдуардовны на Сергиевской был весьма популярным в столице Империи. Попастъ на балы, устраиваемые там, о которых не только писали в газетах, но и говорили за завтраком у Государя, многие почитали за честь. С началом первой мировой войны большой шум возник из-за слухов, приписывавших ей (в связи с немецкой фамилией и происхождением) шпионаж в пользу Германии. В 1917 г. эти вздорные обвинения едва не стоили ей жизни. С трудом вырвавшись за границу, она написала на французском языке мемуары, переведенные впоследствии на русский язык, пользовавшиеся известностью среди эмигрантов и даже переизданные в сокращенном виде в СССР.

В эмиграции утверждали, что в России у графини от Великого Князя Константина Константиновича (поэта К. Р.) был внебрачный ребенок, получивший фамилию Придворов, более известный как Демьян Бедный¹³. Интересно, что эти распространенные в эмиграции сведения подтверждал впоследствии и советский функционер от литературы К. А. Федин*. (Некоторые исследовате-

* В предвоенную пору он рассказывал русскому писателю-эмигранту Р. Б. Гулю: «Из-за каких-то гонорарных недоразумений Демьян был в ссоре с “Красной газетой” и не давал туда ни строки, запрещая даже перепечатывать его басни. Но однажды к редактору “Красной газеты” Чагину вдруг звонок. Звонит Демьян, говорит, что хочет мириться и будет печататься, но просит немедленно прислать ему 500 рублей, он сидит у антиквара-букиниста на проспекте 25 Октября. Чагин и так и сяк, говорит, сию минуту в кассе свободных денег нет. Но Демьян упрямится, говорит, что 500 рублей ему нужны сейчас дозарезу. И наконец 500 рублей Чагин отправляет Демьяну к антиквару-букинисту. Оказывается, ловкий антиквар случайно где-то приобрел письма Демьяна к его незаконному, но кровному отцу Вел. Кн. Константину Константиновичу и сообщил об этом в Москву Демьяну. Тот стремглав примчался в Ленинград выкупать их. Но для выкупа до 2000 рублей не хватило 500. И не выходя из магазина, Демьян звонил в “Красную”, предлагая Чагину мировую, только чтоб тот немедленно привез ему эти 500 рублей. Ну, и выкупил». Но Федин, смеясь, говорил: – “Я этого антиквара-букиниста превосходно знаю, он хитрущий ч..., и я уверен, что парочку самых махровых писем он все-таки на всякий случай припрятал» (Гуль Р. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. I. «Россия в Германии». Нью-Йорк, 1981. С. 257–258).

ли, правда, оспаривают этот слух, указывая на определенную несогласованность дат и считая, что Демьян Придворов, обласканный Великим Князем, попросту придумал себе родословную).

С упомянутым уже нами братом графини М. Э. Клейнмихель, генерал-лейтенантом гр. Федором Эдуардовичем Келлером* мы еще не раз встретимся на страницах нашей книги. О нем дошло до нас немало воспоминаний. О личных его качествах сохранились

* Необычна была судьба его сына от брака с Марией Александровной, урожденной княжной Шаховской (1861–1944) – *Александра* (1883–1946). После кончины бабушки и сестры Марии (1884–1894) он жил в Версале у второго мужа бабушки маркиза Александра Сент-Ив д'Альвейдра и воспитывался им. После окончания Пажеского корпуса (1902) выпущен в Л.-Гв. Кавалергардский полк. Переведен в Нежинский драгунский полк (1904). Затем вновь возвратился в Л.-Гв. Кавалергардский полк. Поступил в Николаевскую Академию Генерального штаба (1907). Одно время работал в качестве адвоката в Польше. В своем имении Сенницы Загорского уезда создал естественнонаучный музей. Участник русско-японской и первой мировой войн. Награжден орденом св. Георгия 4-й ст. за взятие 15.2.1915 дер. Брань, занятой австрийской пехотой. Командир Чеченского конного полка. Эмигрировал во Францию (1920). Полковник в отставке. Жил в Париже, а с 1936 г. – в Медоне. Член масонской ложи. В эмиграции был служащим банка (1926); рантье (1927). Работал в Лиге Наций. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Будучи археологом и нумизматом, вел раскопки в Сирийской пустыне. Интерес к восточной археологии восходит, вероятно, к брату первой его жены (1907–1916) И. В. Скарятину (1888–1962; во втором браке Блэкли) – Михаилу Владимировичу Скарятину (ум. 1963), однополчанину, полковнику-кавалергарду, автору расшифровки (под псевдонимом Enel) каббалистической надписи в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге. Во втором браке (с 1916) граф А. Ф. Келлер состоял с фрейлиной Императорского Двора Ниной Ивановной, урожденной Крузенштерн (1893–1966), так же как и он, масонкой. Характерно, что и вторым браком (после кончины графа) она была замужем за масоном, другом первого своего мужа, полковником Генерального штаба Н. Л. Голевским (1878–1958), до революции русским военным атташе в США, служащим американского посольства во Франции (1925–1940), секретарем консульства США во Франции (с 1945), возвратившимся в СССР (1954), где он доживал свой век в Доме актеров ВТО в Москве (<http://www.vgd.ru/K/keller.htm#КЕЛЛЕР>; *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 386, 387, 246). Дети (от первого брака): Федор (1908–1911), Мария (р. 1910), служащая страховой фирмы. Еще в 2002 г. она жила во Франции, ей было 92 года. От второго брака у нее была одна дочь Анна (1919–1988), в замужестве Ратманн.

мемуары литератора кн. Б. А. Щетинина¹⁴. Воспоминания о графе как сослуживце во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оставил офицер 3-й дружины болгарского ополчения, действовавшей в составе передового отряда генерала И. В. Гурко (бой под Эски-Загрой, оборона Шипкинского перевала, переход через Балканы, сражение при Шипке-Шейново) Стефан Кисов¹⁵. Оставило след в мемуаристике и его руководство в 1893–1899 гг. Императорским Пажеским корпусом¹⁶. Наконец, сохранились воспоминания об управлении графом Екатеринославской губернией (1900–1904)¹⁷, а также о его участии в русско-японской войне и героической гибели в качестве начальника Восточного отряда¹⁸.

Остальные сыновья графа Федора Федоровича Келлера также все были военными: **Альфред** (1820–1897) дослужился до звания генерал-лейтенанта, **Оскар** (1824–1877), **Артур** (1827–1915) и **Виктор** (1834–1906) стали генерал-майорами.

Именно генерал-майор граф Артур Федорович Келлер и станет отцом героя нашего повествования. Родился он 16 января 1827 г. в Русколове. Так же, как впоследствии и его сын, был кавалерийским офицером¹⁹.

В службу вступил в марте 1846 г. в Драгунский Его Королевского Высочества Принца Александра Нидерландского полк. В апреле 1848 г. за выслугу лет гр. Келлера произвели в прапорщики. Вместе с полком он в 1849 г. усмирлял мятеж в Венгрии.

Вскоре по возвращении из похода, в сентябре 1850 г., «для испытаний по службе», молодого офицера перевели в Л.-Гв. Конно-Гренадерский полк, из которого он 14 апреля 1852 г. вышел уже ротмистром в Клястицкий гусарский Его Великогерцогского Высочества Принца Людвиг Гессенского полк. Там его через четыре месяца назначили командовать эскадромом. С ним более года (с апреля 1854 г. по ноябрь 1855 г.) ротмистр Келлер принимал участие, как записано в его формулярном списке, в «войне против соединенных флотов войск Англии и Франции». Клястицкие гусары были «в составе войск Балтийского корпуса, охранявших берега Лифляндии и Курляндии». В октябре 1856 г. Артур Федорович Келлер был произведен в майоры.

В строю он, однако, оставался недолго. «За болезнью» гр. Келлер 24 декабря 1859 г. вынужден был выйти в отставку в чине полковника и с мундиром. В августе 1860 г. отставной гусарский офицер был назначен управляющим Тульской земской конюшней, после закрытия которой в ноябре 1863 г. – на такую же должность

в Смоленскую заводскую конюшню, поставлявшую лошадей армейской кавалерии.

«За отлично-усердную службу» гр. Келлер не раз представлялся к наградам. Он был кавалером орденов св. Анны 2-й ст., Св. Станислава 2-й ст. и св. Владимира 4-й ст. В 1867 г. ему было присвоено звание полковника, а 22 сентября 1878 г. «за отличие» по Высочайшей воле он был произведен в генерал-майоры.

Последнее его назначение последовало в январе 1879 г.: ген. гр. А. Ф. Келлера направили в распоряжение Командующего войсками Варшавского военного округа. Однако уже в июле его отчислили со службы.

Граф Артур Федорович владел поместьями в Витебской и Смоленской губерниях.

9 июня 1853 г. в Петербурге он вступил в брак с Натальей-Софией-Марией (1835–1892), урожденной фон Розеншильд-Паулин. (В русских документах ее обычно называют Натальей Николаевной.)

Она была дочерью камергера Двора герцога Саксен-Веймарского, также помещика Витебской губернии, Николая Николаевича фон Розеншильд-Паулина (1795–1879), в молодости служившего в Министерстве народного просвещения в Петербурге.

Будущий полный генерал Федор Артурович Келлер был вторым ребенком в семье, мальчиком-первенцем. Появился он на свет 12 октября 1857 г. в Курске. Ровно десять лет спустя родился его младший брат Артур (1867–1915), также избравший военную стезю*.

Происходили братья, согласно послужным спискам, «из дворян Смоленской губернии», вероисповедания лютеранского.

Кавалерийский генерал П. Н. Краснов, досконально знавший военную среду, в одном из своих многочисленных романов так —

* Генерал-майор. Участвовал в подавлении боксерского восстания в Китае 1900–1901 гг., русско-японской войне 1904–1905 гг. В годы первой мировой командовал Донской казачьей бригадой. Его первой супругой (в 1895–1898 гг.) была Надежда Васильевна, урожденная Перрет. Впоследствии она вышла замуж за войскового атамана Всевеликого Войска Донского, генерал-лейтенанта А. П. Богаевского (1872–1934). Трагически погибла в июле 1941 г. во время бомбардировки Белграда немцами. Вторым браком (с 1906 г.) был женат на Инне Николаевне, урожд. Верховской (1879–1962). От первого брака родилась дочь Татьяна (1898–1953); от второго два сына и дочь: Артур (1907–1937), Наталия (1906–1910), Михаил (1909–1970).

необыкновенно просто и в то же время трогательно – описывал начало карьеры обычного кадрового офицера Российской Императорской Армии:

«Ему было восемь лет, но он знал полки. Все стены квартиры были увешаны картинами, изображавшими войска: битвы, сцены на биваках, парады, церемонии. Саша любил их смотреть [...]

– Папа, я буду офицером?

– Всенепременно.

– А если, папа, я не хочу офицером?

– Нельзя, брат. Все Саблины были офицерами. Что штатские? Штатские и не люди даже»²⁰.

*Терпеть я штатских не могу
И называю их шпаками,
И даже бабушка моя
Их бьет по морде башмаками.
Зато военных я люблю,
Они такие, право, хваты,
Что даже бабушка моя
Пошла охотно бы в солдаты...*

– распевали юнкера Александровского военного училища²¹. Каких только прозвищ не давали штатским в военной среде: шпак, стрюцкий, штафирка, рябчик... Гимназистов кадеты называли «синей говядиной»...

Уже с малых лет у Федора Артуровича было некое особое отношение к лошадям. Когда ему приходилось близко видеть скаковых лошадей, его охватывало неопишное волнение и восхищение.

«Детство графа, – писал автор первой его биографии, – прошло почти безвыездно в родовых имениях. Когда же наступило время поступать в училище – отец отвез его в Ригу к бабушке и поместил графа в пансион некоего Баренгаупта. Через 2 года он был переведен в Москву к его дяде гр. Виктору Феодоровичу Келлеру, женатому на графине Бобринской, и там он продолжал свое образование»²².

Затем, по желанию родителей, он отправился в Петербург, где «после непродолжительной специальной подготовки» поступил в подготовительный пансион старейшего Николаевского кавалерийского училища.

«Старый офицер Российской Армии, – писал ген. П. Н. Краснов, – родился с именем Государя в сердце. Преданность Монарху он приобрел с молоком матери. До семидесяти процентов офицеры

были сыновьями, внуками или правнуками офицеров же или солдат. Традиции семьи и рода смешивались с традициями полка. И эти традиции были – безпредельная преданность своему Государю.

Ребенком будущий офицер привыкал чтить Царя и любить Родину. С малых лет кадет в ротных залах видел портреты Государя, учился петь народный гимн в соответствующей торжественно-молитвенной обстановке. В Царские дни он бывал на Божественной литургии и молебне. Эти дни запоминались. Государя посещали столичные корпуса и при всяком посещении провинции бывали и в губернских корпусах. [...] Эту высокую преданность Государю офицеры несли в полки и заражали ею солдат»²³.

Из пансиона училища гр. Ф. А. Келлер был выпущен досрочно, из седьмого класса²⁴.

Обстоятельства *выпуска* были не совсем обычны: связаны они были с началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

СЛАВЯНСКИЙ ПОЖАР

«В разгаре лета 1875 года, – вспоминал кн. В. П. Мещерский, – на политическом европейском горизонте появилась маленькая тучка, и телеграф принес известие о столкновении между герцеговинцами и турецкими солдатами. Это было в июне. И вот эта маленькая тучка начала расти, расти, и из нее уже выросло целое восстание, в 1876 году охватившее и Сербию, и Болгарию, и Черногорию.

История восстания этой маленькой тучки в целую грозу происходила в 1875 году на наших глазах [...]

Самым интересным в то время было явное безсилие Турции справиться с горсткою восставших герцеговинцев и босняков; к концу 1875 года уже знали в Европе о ряде побед, одержанных инсургентами над турецкими войсками [...]

Когда началось восстание, в Петербурге сразу почувствовали что-то вроде симпатического этому восстанию течения мыслей. Оно настолько усилилось, что уже месяц спустя после восстания не только правительство разрешило подписи в газетах в пользу нуждающихся семейств герцеговинцев, но и Красный Крест стал принимать пожертвования в пользу семейств инсургентов, бежавших из Герцеговины в Черногорию, а Сам Государь дал на эту цель из Своих средств личных десять тысяч рублей»¹.

Деньги же вообще буквально лились рекой...

Следует особо отметить, что очередная эта турецкая резня на Балканах возникла на почве произвольного увеличения взимания налогов.

Особую роль в потрясших всю Европу зверствах (и это также весьма примечательно!) сыграли расселенные в Болгарии турками их единоверцы-черкесы. Под этим собирательным именем подразумевались кавказские горцы-мусульмане, находившиеся под покровительством Турецкой Порты. До полумиллиона их после замирения Кавказа в 1858 г. по приглашению турецкого правительства переселились в Болгарию и Фессалию, усилив там мусульманское присутствие*. «Но и здесь, – отмечали русские исследователи, – их разбойничий нрав, варварская дикость возбудили против них туземное население»².

«...Все безчисленные рассказы о безчисленных мучениях и истязаниях славян – совершенная истина, – писал в те дни Ф. М. Достоевский, – истина, засвидетельствованная теперь тысячею свидетелей и очевидцев всех наций. То, что мы узнали в эти полтора года об истязаниях славян, пересиливает фантазию всякого самого болезненного и иступленного воображения. Известно, во-первых, что убийства эти не случайные, а систематические, нарочно возбуждаемые и всячески поощряемые. Истребления людей производятся тысячами и десятками тысяч. Утонченности в мучениях таковы, что мы не читали и не слыхивали ни о чем еще подобном прежде. С живых людей сдирается кожа в глазах их детей; в глазах матерей подбрасывают и ловят на штык их младенцев, производится насиливание женщин, и в момент насилия он прокалывает ее кинжалом, а главное, мучат в пытках младенцев и ругаются над ними»³.

Ставшие известными в Европе некоторые подробности этой беспощадной резни восстановили против Турции все цивилизованные государства. Это дружное возмущение вполне позволяло предотвратить войну, если бы Турция не поощрялась в своих действиях Англией. Именно при ее содействии в ночь с 29 на 30 мая 1876 г. (н. ст.) был свергнут с престола, а через четыре дня убит недостаточно воинственно настроенный султан Абдул-Азис. Но и новый

* После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Балканы были очищены от черкесов. Тогда же от этих фанатичных приверженцев турок был очищен и Северный Кавказ. Будучи водворенными в азиатскую Турцию, черкесские селения были разбросаны на пространствах Малой Азии, Сирии и Палестины. Как отдельная нация вскоре они прекратили свое существование

монарх Мурад V продержался лишь до 31 августа, когда, также не без ведома англичан, был низложен⁴. В результате новой дворцовой революции султаном стал брат свергнутого – Абдул-Гамид, последний Турецкий султан, низложенный в 1909 г. младотурками и вскоре ими убитый. Молодой Абдул-Гамид был известен как горячий защитник ислама. По всей Оттоманской империи развернулась проповедь священной войны против неверных.

Душой этой турецкой политики, своим острием направленной против России и балканских христиан, был английский премьер-министр (1874–1880) Бенджамин Дизраэли (1804–1881), с 1876 г. ставший именоваться виконтом Хьюинден, графом Биконсфильдом, пэром Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии. Об этом патологическом ненавистнике России, игравшем первую скрипку в европейском антирусском концерте, стоит сказать особо.

Происходил он, как по отцу, так и по матери, из старых еврейских родов. В Европе представители рода его отца жили первоначально в Испании, из которой в 1492 г., после того, как ими заинтересовалась инквизиция, они были вынуждены спасаться бегством. Обосновавшись в Венеции, в которой впоследствии прожили более двух с половиной веков, они тут же отказались от имени, которое носили в Испании и приняли фамилию Дизраэли (D'Israeli), как они утверждали «в знак признательности Богу Израиля, спасшему их от безпримерных испытаний и от неслыханных опасностей»⁵. В 1748 г. дед Веньямина (таково было подлинное имя английского премьера) перебрался в Англию.

Здесь Веньямин, достигнув 13-летнего возраста, был крещен по настоянию отца, который до конца дней своих сам так и остался иудеем. Это было сделано, чтобы «избавить красивого и способного ребенка от необходимости отказаться от наиважнейших гражданских прав и высших социальных благ вследствие его вероисповедания»⁶.

Начав традиционно с адвокатской практики и занятий литературой, Бенджамин со временем решил попытать счастья и в политике. Причем из лагеря крайних либералов (много левее вигов) он весьма быстро перекинулся в стан аристократических консерваторов (тори). Впоследствии всем этим своим прыжкам он дал вполне циничное публичное объяснение: «Государственный деятель обязан быть, прежде всего, практиком и, когда достигнет власти, не должен считаться с тем, что он когда-то думал о том или ином вопросе; ему нужно лишь знать, что в данный момент полезно и необходимо»⁷.

Впрочем, и ранее в одной из своих книг, которые он называл «воплощением моих чувств», Дизраэли весьма откровенно писал: «Кто я – виг или тори? [...] Что касается торизма, я люблю антиквариат, в особенности ветхий... Думаю, что я – тори. Но виги устраивают такие хорошие обеды, они так милы. Полагаю, что я – виг. Однако сильная сторона тори – мораль, а мораль – моя основа; я должен прижиться к тори. Но виги гораздо

лучше одеты, а скверно одетая партия, подобно скверно одетому человеку, не может быть права»⁸.

Несмотря на преследовавшие его неудачи, он упорно лез во власть. По воспоминаниям современников, ораторскими талантами он не блистал и не умел владеть вниманием аудитории. Провалы только распалили его. Внешний вид Дизраэли (мягко определяемый его соплеменниками как «неанглийский») при появлении на парламентской трибуне вызывал смех и едкие замечания. Однажды, когда речь его в очередной раз была прервана страшным шумом, он, не выдержав, заявил: «Я теперь сяду, но настанет время, когда вы будете меня слушать». И слово свое, следует признать, сдержал.

Какова же была сумма идей этого человека?

«Это был консерватор особого рода, – писал о нем французский историк А. Метен. – Дизраэли не любил аристократии, надменность которой доставила ему немало горьких минут в первые годы его общественной деятельности. [...] Он утверждал, что одна из основных задач английской конституции – возводить в дворянство даровитых людей и что она должна совершенно игнорировать происхождение. Он с симпатией говорил о требованиях рабочих»⁹.

Следовало бы уточнить, что Дизраэли не любил именно *английскую* аристократию. А его симпатии к рабочим, даже к движению чартистов (в свое время, как известно, вдохновлявших Маркса и его последователей), создание им партии «молодой Англии» (или партии недовольных)¹⁰, призывы к молодым аристократам-консерваторам идти в народ, научиться понимать его нужды и изыскивать средства к их облегчению¹¹ – все это служило подрыву позиций истинно английской аристократии и утверждению новой, истинной, с точки зрения этого деятеля, элиты.

Когда в 1846 г. избранному в английский парламент барону Лайонелю Ротшильду, как иудею, не разрешили занять место в палате общин, бывший в то время фактическим лидером оппозиции Дизраэли «выступил в защиту его прав. Подчеркивая долг европейского общества перед еврейством, из среды которого вышел Иисус, Дизраэли при этом, как и в других случаях, подчеркивал свое еврейское происхождение. [...] Дизраэли неоднократно утверждал, что семитская раса выше других, а евреи в силу их духовности, являются элитой»¹².

Дизраэли, как все подобные ему деятели, составлял выгодный контраст грубым европейским материалистам XIX века. Так, в разгар споров о дарвиновской гипотезе Дизраэли (тогда уже известный в политике) заявил: «Кому нравится думать, что человек происходит от ангела». Карикатуристы не преминули изобразить Дизраэли в виде «ангела». Парадигма «зверя» для одних, «ангела» для других и станет путями Европы XIX века.

Открыть дорогу евреям-талмудистам в английский парламент Дизраэли удалось в конце 1858 г., когда он занимал пост министра финансов в кабинете близкого ему лорда Дерби. (Ранее иудеям в этом препятствовали

слова присяги, в которых нужно было клясться «истинной верой христианина»; теперь им было разрешено пропускать эти слова.)

Сумев утвердиться в 1874 г. на посту премьер-министра, он первоначально был антипатичен королеве Виктории, чувствовавшей себя «неуверенно в его присутствии»¹³. «Он очень необычный человек, – писала она одной из своих дочерей, – ...не похожий на остальных, правда, с характерными еврейскими чертами. [...] Конечно, его внешний вид не назовешь слишком привлекательным»¹⁴. Такого же мнения придерживался и супруг королевы, принц-консорт Альберт, писавший о Дизраэли, как о человеке, «не обладающем ни единым признаком истинного джентльмена»¹⁵.

Очень скоро, однако, ловкач сумел-таки преодолеть барьер естественного отчуждения и даже кое-кому понравиться. Современный британский биограф королевы пишет о «хитрости и подкупающей лести, которые Дизраэли так эффективно использовал для оказания на нее давления и получения нужных себе результатов. Фактически он пытался навязать ей свою волю и часто добивался в этом нелегком деле успеха. “У него был свой метод разрешения тех противоречий, которые иногда возникают у нас по самым разнообразным вопросам, – говорила королева лорду Роузбери вскоре после смерти Дизраэли. – Он так нежно произносил ‘дорогая мама’, что ему невозможно было отказать”. При этом так мило склонял голову на одну сторону, что его кудрявые локоны спадали на виски»¹⁶. Некоторые секреты воздействия на королеву Дизраэли и сам открыл своим собеседникам: «Я никогда не отрицаю, никогда не спорю, никогда не противоречу и всегда кое-что забываю»¹⁷. Или: «...Многие люди называют меня льстецом, и это истинная правда. Лесть нравится всем, а когда вы приходите к королеве, то просто обязаны поднести эту лесть на блюдечке»¹⁸.

Королева Виктория впоследствии столь трепетно чтילה память Дизраэли, что повелела ежегодно отмечать день его кончины – 19 апреля н. ст. – обозначив эту дату как «Primerose Day» («День примулы») – в честь любимого цветка Дизраэли первоцвета.

Расистский круг идей Дизраэли запечатлен в их обзоре в «Еврейской энциклопедии»: «У еврейской расы резко выражено определенное тяготение к религии, собственности и аристократическому правлению. Государственные люди должны были бы в них поощрять это тяготение и пользоваться им для своих целей. [...] Тем, что евреи сохранили свою веру и особенности расы, они доказали ошибочность “пагубной доктрины наших дней, учения о равенстве всех людей”. Дизраэли поэтому добивался равноправия евреев не во имя этого “пагубного принципа”, а во имя права такой выдающейся расы, как еврейская, занимать среди других народов культурного мира места, которого она заслуживает»¹⁹. «Высшая раса, – утверждал он, имея в виду евреев, – никогда не может быть истреблена низшей»²⁰.

Ненависть Дизраэли к России, проистекавшая из его происхождения, чисто внешне совпадала с чувствами английского простонародья²¹ и потому резко не бросалась в глаза. Целью его политики было не допустить Рос-

сию в Средиземное море, а сокровенной – не подпустить ее к Святой Земле, которую, судя по содержанию многих его романов, он приберегал для галмудического жидовства.

Его открытые протурецкие симпатии, слишком дико выглядевшие на фоне турецких жертв на Балканах, имели давнюю традицию. Еще во время своего путешествия 1830 г., когда он посетил места пребывания своих предков (Палестину, Испанию, Италию), Дизраэли побывал на Балканах. «Я превратился в турка, – писал он с дороги, – ношу тюрбан, курю трубку... и восседаю на диване... Греков я презираю больше, чем когда-либо». Среди новых его знакомцев был визирь Решид-паша, уничтоживший половину населения управлявшейся им Албании. В ответ на поздравления Дизраэли этот «маленький, свирепо выглядевший человечек с морщинистым и озабоченным лицом» сказал, что мир во всем мире – его заветная цель, а «счастье человечества – его желание»²².

Политические противники Дизраэли середины 1870-х гг. утверждали, что «борьба с Россией не представляет в данный момент никаких выгод для Англии и что для цивилизованного государства позорно оказывать поддержку столь варварскому правительству, как турецкое»²³. «Если перед нами альтернатива: предоставить Боснию, Герцеговину и Болгарию турецкому производству или дать России овладеть ими, – писала в те дни влиятельная английская газета “Daily News”, – то пусть Россия берет их себе – и Господь с ней!»²⁴

Политический соперник Дизраэли, лидер либералов У. Гладстон 200-тысячным тиражом напечатал свой памфлет «Ужасы в Болгарии и Восточный вопрос», описав в нем кошмар турецкой резни на Балканах и назвавший в нем турок «самой антигуманной нацией человечества». «Пусть османские власти, – писал он, – во имя памяти толп убитых, поруганной чести матрон, девиц, чистоты детей, во имя цивилизации, которую они попрали и опозорили, во имя Господа или, если хотите, Аллаха и общечеловеческой морали, со всеми своими пожитками уберутся из провинции, которую они опустошили и над которой надругались»²⁵. Английская общественность была возмущена. Обозленный Дизраэли назвал опус Гладстона «презренным произведением», «злонамеренно лживым пасквилом», «продуктом безпринципного маньяка, возможно, более опасного, чем весь болгарский ужас»²⁶. (Всё это – и лексика и сам психотип Дизраэли – заметьте-ка, прямой вектор к Ленину...)

По словам современного английского историка, «Дизраэли был совершенно равнодушен к судьбам угнетенных народов Османской империи и к их борьбе за освобождение от турецкого ига. [...] ...Он не проявил сколько-нибудь значительного интереса к сообщениям о преследовании и угнетении христианских народов на территории империи. [...] Когда в Лондон пришли срочные сообщения о массовой резне болгарских крестьян турецкими войсками, Дизраэли отмахнулся от них и назвал “болтовней бездельников в кафе”. А такие слова, как “зверства”, “убийства”, “резня”, он предпочитал брать в кавычки, показывая тем самым, что они являются выдум-

кой чересчур эмоциональных журналистов»²⁷. И вообще «там, где дело касается жизненных интересов Англии, – заявил Дизраэли, – он не может считаться ни с настроением масс, ни с ложно понятой гуманностью»²⁸.

Под «жизненными интересами Англии» следует, разумеется, понимать жизненные интересы мирового еврейства. Недаром именно Англии было дано, в конце концов, овладеть Палестиной, избавившись от ненавистной «союзницы» России, между прочим, как раз в день большевицкого октябрьского переворота 1917 г. Политические противники Дизраэли справедливо утверждали, что «его политика часто определялась отношением того или иного государства к евреям»²⁹. Именно при поддержке Дизраэли в Берлинский договор 1878 г. был включен параграф, гарантирующий гражданские права евреев в восстановленных государствах освободившихся от турецкого ига балканских народов.

(Не случайно с этим прожженным еврейским лисом был солидарен его соплеменник К. Маркс, в разгар войны писавший В. Либкнехту: «Мы самым решительным образом стоим за турок». При этом он выдвигал две причины. Во-первых, турецкий крестьянин, который, по утверждениям Маркса, являлся «безусловно одним из самых дельных и самых нравственных представителей» этого класса в Европе. Ну а, во-вторых, «потому что поражение русских очень ускорило бы социальный переворот в России...»³⁰)

Однако самое печальное это то, что Дизраэли сумел внушить свои воззрения Английской королеве, первоначально, по свидетельству ее личного секретаря, ненавидевшей турок «из-за сообщений об учиненных ими жертвах». Однако вскоре, вслед за своим премьером, Английская королева стала называть Гладстона, автора памфлета в защиту турецких христиан, «полоумным человеком», «сумасшедшим смутьяном». Королева заговаривалась до того, что всю ответственность за массовую турецкую резню в Болгарии возлагала на Россию. В феврале 1877 г. она демонстративно посетила загородный дом Дизраэли, которого Гладстон открыто называл «наглым и высокомерным евреем», а его дом – «еврейским гетто»³¹. «О, если бы королева была мужчиной, – повизгивал, окрыленной высокой поддержкой, премьер, – она бы пошла в армию и показала этим негодным русским, которым никогда и ни в чем нельзя верить на слово»³².

Император Александр II отлично понимал, кто был двигателем всех этих антирусских акций. В одном из частных писем он весьма откровенно высказывался о раскладе сил в английских верхах: «Самое любопытное то, что там, даже в министерстве, большинство высказывается против войны, что, конечно, ни от чего не гарантирует, так как эта сука Биконсфильд решает все собственной башкой»³³.

Такая антиправославная (а значит, и антихристианская), антирусская политика Великобритании с тех пор в отечестволюбивой части русской общности выражалась устойчивой формулой *Англичанка гадит*.

И все же под воздействием возмущения английской общественности и международного мнения туркофилы и ненавистники России вынуждены

были отступить. Достаточно сказать, что в министерство иностранных дел Великобритании пришло более тысячи меморандумов и заявлений протеста от англичан. Королева Виктория получила адрес, подписанный 44 тысячами женщин. На состоявшихся в палате общин дебатах один из депутатов заявил: «У нас великолепный флот в Безикской бухте, мы держим посла в Константинополе, а вынуждены довольствоваться газетной информацией о делах, позорящих человечество и являющихся одной из самых кровавых страниц его истории». Либеральная газета «Daily News» называла правление Дизраэли «бедствием для Европы». А американская газета «Chicago Tribune», обвинив Великобританию в «подлых деяниях», заявила, что Дизраэли «опозорил последние дни своей карьеры, выступив апологетом жестокости и защитником убийц женщин и малых детей»³⁴.

Со всем этим трудно было не считаться. И 31 июля 1876 г. Дизраэли вынужден был капитулировать, по крайней мере на словах: «Признаю, что зверства в Болгарии, о которых говорили в палате, действительно имели место, признаю, что все они были совершены одной стороной...»³⁵

Между тем все усилия потушить занявшийся на Балканах «славянский пожар» дипломатическими средствами оказались тщетными. 30 июня 1876 г. Турция объявила войну Сербия и Черногория. «...Какая-то роковая сила, – писал позднее кн. В. П. Мещерский, – влекла события к цели, совсем противоположной этим усилиям и цели европейского концерта [...] ...Как дали этим крошечным в зародыше событиям разгореться в такие громадные размеры, этого понять тогда никто не мог. Тут было именно что-то исторически роковое»³⁶.

«Все чувствуют, – писал Ф. М. Достоевский в апрельском выпуске “Дневника писателя”, – что началось что-то окончательное, что наступает какой-то конец чего-то прежнего, долгого, длинного прежнего и делается шаг к чему-то совсем уже новому, к чему-то преломляющему прежнее надвое, обновляющему и воскрешающему его уже для новой жизни и... что шаг этот делает Россия! [...] Когда читали Царский манифест, народ крестился, и все *поздравляли* друг друга с войной. Мы это сами видели своими глазами, слышали, и всё это даже здесь в Петербурге. И опять начались те же дела, те же факты, как и в прошлом году: крестьяне в волостях жертвуют по силе своей деньги, подводды, и вдруг эти тысячи людей, как один человек восклицают: “Да что жертвы, что подводды, мы все пойдем воевать!”»³⁷. Это давало право писателю назвать эту войну *народной*³⁸.

Тот же Ф. М. Достоевский подметил особую роль молодежи в начавшейся войне: «Из армии доносятся известия о геройстве, о самоотверженности русских, как солдат, так и офицеров. Тут молодежь. Еще недавно было такое безверие в молодежь – в надежду

нашу; многие видели в ней лишь цинизм, обвиняли ее в тупом отрицании, в холодности, в равнодушии, в тупом самоубийстве, а теперь вдруг как бы прочистился воздух: та же молодежь проявляет великодушие, жажду геройского порыва, долга, чести, жертвы. Они идут впереди солдат, они бросаются первые в опасность... [...]

Тут не одни кулачные бойцы, тут есть почти еще дети, чистые сердцем дети. Он только что произведен, он бросается вперед на подвиг, с мыслию о том, что скажет о нем, там, далеко, его мать, сестра, с которыми он только что простился... [...] Он понимает, что Россия взяла задачу трудную, что задача эта может и еще усложниться. Они все видят теперь, что Россия не с одной уж Турцией ведет войну, что турецкими армиями руководят английские генералы, что английские офицеры воздвигают многочисленнейшие укрепления на английские деньги, что флот английский ободряет Турцию продолжать войну, что, наконец, чуть ли не явились (в азиатской Турции) уже английские войска... Они знают всё это и бросаются почти на смерть, понимая, что пришло время сослужить России верную службу»³⁹.

*Живей, друзья. На коня, на коня.
На поле! На волю честную!
На поле, на воле ждет доля меня.
И сердце под грудью я чую,
Кто смерти безтрепетно выдержит взгляд,
Один только волен, а кто он?.. Солдат*.*

Помните слова юного Пети Ростова летом 1812-го: «Ну, теперь, папенька, я решительно скажу – и маменька тоже, как хотите, – я решительно скажу, что вы пустите меня на военную службу, потому что я не могу... вот и всё... [...] все равно я не могу ничему учиться теперь, когда... – Петя остановился, покраснел до поту и проговорил-таки: – когда отечество в опасности»⁴⁰.

А тут были *братья*. Евангельские слова: «Больши сея любве никтоже имать, дакто душу положит за други своя» (*Ин. 15, 13*) – до сих пор тихо светят (не переставали светить и в семидесятилетней кромешной тьме века XX-го) со стен Плевненской часовни в самом центре Москвы.

По-иному писали о подобных чувствах властители революционных дум тогдашней молодежи и нарождавшегося в ту пору рос-

* Ф. Шиллер. Валленштейн (явл. 11).

сийского либерализма. «Всю Россию охватил сифилис патриотизма!»⁴¹ – сокрушался из Лондона присяжный звонарь Foreign Office`а «разбуженный декабристами» А. И. Герцен.

Двадцатилетний юноша, граф Федор Келлер, втайне от родителей, записался на правах вольноопределяющегося 2-го разряда* в 1-й Лейб-Драгунский** Московский Его Императорского Величества Александра II полк*** нижним чином. «Отец, поставленный перед *fait accompli*, не противодействовал и благословил своего сына на воинский подвиг»⁴².

* Вольноопределяющимися в Русской Армии назывались лица, поступавшие на военную службу по добровольно выраженному желанию, а не по вынужденному жребию. К получению этого звания допускались только те, которые имели определенный образовательный ценз. Ко второму разряду относились выдержавшие испытания по особой программе (как правило, за курс 4-классного училища). В мирное время они должны были служить два года, в военное же оставались на действительной службе до тех пор, пока это признавалось необходимым. Поступавшие в Гвардию и кавалерию (как в интересующем нас случае) вольноопределяющиеся на казенное содержание не принимались. Поступая рядовыми, принадлежавшие ко 2-му разряду производились в унтер-офицеры в мирное время не ранее чем через год по удостоверению начальства и лишь после того, как они выдерживали испытания в строевом образовании. Офицерами они могли стать также не иначе как по удостоверению начальства, после того, как выдержат офицерский экзамен при военном или юнкерском училище. Причем принадлежавшие ко второму разряду допускались к сдаче экзамена не раньше, чем после того, как они прослужили нижним чином три года. Но таковы были правила мирного времени. Участие в боевых действиях да еще боевые награды – все это давало немалые льготы.

** От нем. *Leib – тело*, обычно первая часть сложного слова, обозначающего непосредственно состоящий при Монархе. Наряду с полками Лейб-Гвардии это слово прибавлялось к названиям армейских частей, шефом которых был Император или Императрица.

*** Полк был основан в 1700 г. Звание «Лейб» присвоено 19.2.1855. Наименование «Московский» – 19.3.1857; № 1 – 25.3.1864. Император Александр II был назначен Шефом полка еще в 1837 г., в бытность Наследником. Вторым Августейшим шефом 26.2.1874 был назначен Цесаревич Александр Александрович, будущий Император Александр III. По случаю Его кончины, 2.11.1894 полк стал называться 1-м Лейб-драгунским Московским Императора Александра III полком. В день празднования 200-летнего юбилея Полтавской битвы, в котором московские драгуны принимали участие под начальством кн. А. Д. Меншикова, 27.7.1909 ему было присвоено название 1-го Лейб-драгунского Московского Императора Петра Великого полка.

Вместе с будущими своими боевыми товарищами юный граф Ф. А. Келлер отправился на поле чести, которым для русского человека в страдном 1877 году стали Балканы.

Там за Дунаем с 1876 года уже сражался его двоюродный брат гр. Федор Эдуардович Келлер. Произведенный в ротмистры Кавалергардского Ее Величества полка сразу же после окончания им в 1876 г. Императорской Николаевской академии Генерального штаба, он добровольцем, в чине подполковника, вступил в ряды Сербской армии. Участвуя во многих сражениях (в том числе и против известного впоследствии Осман-паши), он выделялся своей отвагой, за что и был награжден серебряной медалью «За храбрость»⁴³.

Истины ради следует заметить, что в русском добровольчестве середины 1870-х, как и во всем подъеме русского общества (и, прежде всего, образованной его части), в начале войны была некая *двойственность*. «Очки, через которые мы глядели тогда на добровольцев, – вспоминал издатель-редактор известного в то время консервативного “Гражданина” кн. В. П. Мещерский, – надо признаться, были очень розовые... Для меня этот период розовых очков длился недолго, до поездки моей в августе в Сербию; но пока он длился, мне, как и всем, казалось, что эти добровольцы были герои, носители какой-то святой идеи, новый вид крестоносцев, шедших умирать за свободу угнетенных братьев... И через эти розовые очки мы не замечали, или, вернее, не хотели видеть, какая сволочь шла в ряды добровольцев и какое меньшинство составляли порядочные люди, бросавшие спокойную жизнь дома, чтобы ехать на войну за славянскую братию... Потом я понял, что это большинство составляли люди, которым нечего было проигрывать и которые ампошировали русские деньги славянских комитетов, чтобы пускаться в авантюру. И от Петербурга до Дуная покрывали стыдом русское имя... Самыми симпатичными в этой массе были отставные солдаты, шедшие в большинстве случаев действительно из идеи, ими просто воспринятой, и охотно готовые подраться с турками...»⁴⁴ И умереть с Именем Христа на устах за Русского Белого Царя.

Но оставим в стороне представлявший все еще могучую силу русский народ, безошибочно *чувствовавший*, по-Достоевскому, «главнейшую сущность Восточного вопроса»⁴⁵. Дело было также и не в обычном западничестве большей части русского образованного общества (от революционеров-демократов до либералов включительно), выражавшемся до сих пор, пусть и в ядовитой, но все-таки в одной лишь болтовне.

Когда на фоне выкалывания глаз и ловления на штык подбираемых турецкими солдатами православных младенцев писали: «Турки не виноваты, что Бог создал их магометанами, а они от них требуют христианских добродетелей. Это нелепо. [...] А мы дразним и раздражаем, и совершенно бессовестно, Турцию...»⁴⁶, – всё это были все-таки еще только слова...

Но вот уже нечто иное... «В Москве народным диктатором стал Иван Сергеевич Аксаков, взявший в свои руки все дело славянского движения*, а в Петербурге его единоличную роль, действительно всемогущую, исполнял коллегиально славянский комитет [...] Славянофильское движение, охватившее умы в начале лета этого [1876] года, было действительно весьма интересным событием; интерес его заключался в общности этого настроения и в особенности в его популярности: чем ниже был общественный слой, тем сильнее проявлялся этот Drang** на дунайский восток. В особенности народность этого настроения заметна была в Москве»⁴⁷.

Не лишним в связи со сказанным будет привести и мнение о наших славянофилах Императора Николая I в изложении (что также важно) К. Н. Леонтьева: «Государь Николай Павлович чувствовал, что под боярским русским кафтаном московских мыслителей кроется обыкновенная блуза западной демагогии. “Кроется” – не в том смысле, что они, эти славянофилы, *преднамеренно и лукаво* сами скрывают ее. Вовсе нет! Но в том смысле, что *они не сознают на себе присутствия этой западной блузы*. [...] Они не догады-

* И. С. Аксаков не только участвовал в переправке через границу ген. М. Г. Черняева и целых отрядов русских добровольцев, не только обеспечил сбор и отправку крупных денежных средств в Сербию, но и организовал заем сербскому правительству. Уже после завершения русско-турецкой войны за чрезмерно неумеренную критику правительства России в печати И. С. Аксаков был выслан из Москвы, а Славянские благотворительные общества были закрыты (*Курилов А. С.* Константин и Иван Аксаковы // *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика. М., 1981. С. 23). Характерно, что «прогрессивная болгарская молодежь» выдвинула кандидатуру Ивана Сергеевича на ...Болгарский Престол (*Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978. С. 246). Сразу же после восшествия на Престол Императора Александра III в адресе Государю Славянского комитета, составленном не без участия И. С. Аксакова, говорилось о чае «земском соборе», вычеркнутом из адреса Самим Царем (*Тютчев А. Ф.* Воспоминания. М., 2000. С. 344). – С. Ф.

** Поход. Натиск (*нем.*).

вались, что прекрасный, оригинальный патриотический *кафтан*, непрочно (т. е. *слишком эмансипационно*) сшитый, спадет со временем неожиданно с плеч России и обнаружит печальную истину во всей ее наготе: *“И мы такая же демократическая и пошлая Европа, как и самая последняя Бельгия”*. Государь Николай видел по некоторым, едва, быть может, заметным тогда признакам, что в старом славянофильстве есть одна сторона, весьма, по его мнению, и европейская, и опасная: *это наклонность к равноправности*, и поэтому не давал ему хода»⁴⁸.

В конце 1870 г., воспользовавшись негативной реакцией Европы на русскую правительственную декларацию, объявлявшую в самый разгар франко-прусской войны статьи Парижского мира 1856 г. более необязательными для России, славянофилы составили так называемый Московский адрес Императору Александру II. В нем эти «непрощенные советчики власти» предлагали последней не что иное, как «взаимовыгодную сделку»: «тесно сомкнуться вокруг Престола» взамен на обязательство этой власти «неуклонно служить началу народности»⁴⁹. В основу адреса, отредактированного И. С. Аксаковым, по словам К. П. Победоносцева, были «положены три просьбы, или желания – от имени народа – свободы печати, свободы церковной, свободы совести»⁵⁰. То был, как считали даже советские историки, «путь к подчинению правительственной политики общественному мнению, которым славянофилы рассчитывали руководить»⁵¹. Речь шла, подчеркнем мы, именно об «общественном мнении», а не об «интересах русского народа», преданностью которому славянофилы всегда демонстративно щеголяли, но которого фактически всегда боялись. Отсюда, кстати говоря, простекал страх одного из видных славянофилов Ю. Ф. Самарина по поводу «неизбежного сближения двух крайностей [sic!] – верховной власти и народа, причем все промежуточное будет раздавлено, а это – вся просвещенная Россия, вся наша культура»⁵². Страх по поводу сближения Царя и Его народа!

Таило в себе славянофильство и другую опасность. Имеем в виду принципы «Священного Союза» – пути, по которому Россия, не без его влияния, отказалась следовать. Известный баварский публицист и близкий родственник Ф. И. Тютчева (брат его супруги Эрнестины) барон Карл фон Пфэффель писал в июле 1867 г. сестре и ее падчерице: «Боюсь, дорогие друзья, что движение, которое поддерживает своим талантом ваш муж и отец, споспешествует прежде всего революции и может повлечь за собой волне-

ния, опасные не только для Австрии, но и для всеобщего мира. Разве мало у нас в Европе уже сейчас поводов для потрясений, разве мало воспламеняющего материала, чтобы была надобность подбрасывать в него еще и эти пылающие головни?»⁵³

Так или иначе, ощутив реальность своей силы, славянофилы попытались диктовать власти.

В мае 1876 г. в Сербию с группой русских офицеров прибыл непредсказуемый генерал авантюрной складки М. Г. Черняев (1828–1898), за взятие без приказа в 1864 г. Ташкента (за что и был уволен со службы) прозванный «ташкентским львом». Назначенный, по прибытии в Белград, главнокомандующим Тимоко-Моравской армией, Михаил Григорьевич, по мнению современников, принадлежал к числу тех, кому было все равно, где сражаться, лишь бы сражаться⁵⁴.

Прибытие русских добровольцев в Сербию к середине июля 1876 г. приняло массовый характер. Сначала туда ехали главным образом отставные офицеры или те, которые на свой страх и риск специально выходили в отставку. Организацию отправки их взяли на себя Славянские комитеты.

Закончивший счеты с жизнью в лестничном проеме, писатель В. М. Гаршин (1855–1888), пытавшийся в 1876 г. записаться добровольцем в сербскую армию, не без вызова писал в те дни:

*Мы не идем по прихоти владыки
Страдать и умирать;
Свободны наши боевые клики,
Могуча наша рать...⁵⁵*

Как видим, «славянофильская воинственная атмосфера»⁵⁶ настолько была пронизана революционно-демократическими мотивами, что часто уже было трудно отделить одно от другого.

«Славянские благотворительные комитеты в Москве и Петербурге, – писал Вел. Кн. Николай Михайлович, – заговорили в пользу восставших; почти все газеты и во главе их “Московские ведомости” Каткова стали возбуждать еще больше общественное мнение, и все славянофилы во главе с И. С. Аксаковым заговорили воинственным языком, дошедшим до высших слоев и до Двора... [...] Словом, вдруг после длительного мира Россию захватил какой-то вихрь славянолюбия, перешедший в течение двух лет (1875–1877) в такие формы, что, несмотря на все миролюбие Александра II, Он был увлечен потоком...»⁵⁷

Подобные настроения, видимо, и вынудили Императора Александра II 27 июля 1876 г. «открыто объявить в Красном Селе о разрешении офицерам выходить временно в отставку, чтобы ехать на театр войны, с обещанием, что каждый возвратится потом в свой полк, не потеряв своего старшинства»⁵⁸.

После этого временный выход офицеров из полков перестал быть чем-то экстраординарным. Сбившись в партии, они выезжали в Белград. По далеко не полным сведениям в разное время их туда понаехало от 2,5 до пяти с лишним тысяч человек⁵⁹.

Следует признать, что именно подобные массовые настроения русского общества (выразившиеся в конкретных действиях) заставили Императора Александра II, в конце концов, объявить Турции войну («уступая увлекавшему Его национальному потоку»⁶⁰, – как, не без французского изящества, писал А. Дебидур).

Еще более широкую (с точки зрения хронологии и агентов влияния на Власть) оценку происходившего (да еще и под весьма неожиданным углом!) дал военный врач, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. И. И. Пантюхов: «На почве расового анархизма, безграничности желаний и порывов идти на “ура” для достижения иногда гуманных, но вредных для народа и государства целей, дворянство вовлекало правительство в рискованные и дорого стоившие войны с персами и турками за освобождение живущих в другом зоологическом районе, чуждых русским – армян, греков, грузин. Неумеренные претензии защиты единоверных нам балканских славян вызвали против России, окончившуюся для нее безславно, и европейскую коалицию»⁶¹.

Когда «могучая» (как оказалось, лишь в воображении таких неуравновешенных личностей, как Гаршин) рать русских добровольцев потерпела вместе с сербской армией поражение от турок, с Балкан в Россию тут же полетели телеграммы, не без надежды, видимо, что содержание их не останется неизвестным Государю. Одна из них была получена в Москве 11 октября: «Русские добровольцы умоляют спасти их и Сербию, сделавших уже все, что было в силах: жертв наших недостаточно. Нужна помощь деятельная; помогите нам во имя общего дела»⁶².

Люди опытные, вроде престарелого князя П. А. Вяземского, предвидели многое из того, что действительно случилось впоследствии. «...Правительства, – писал он гр. С. Д. Шереметеву, – не должны увлекаться сентиментальными утопиями: они должны держаться принципов. Без принципов правительство играет

в жмурки, да я и не верю в глубину и сознательность нынешнего народного движения. *Народ не может желать войны*, а по своей недосмотрительности ведет к войне. Война может быть для нас теперь не только вред, но и гибель. Она может наткнуться на государственное банкротство... Видеть Россию в руках Аксакова и Каткова страшно и грустно. Следовательно, правительство молча попускает этой политической неурядице и [...] может поплатиться за нее. Хороши и сербы! Россия стяхнула с себя татарское иго, а после наполеоновское, руками своими, а не хныкала и не попрошайничала помощи от соседей. Неужели мы своими боками, кровью своей, может быть, будущим благоденствием своим должны жертвовать для того, чтобы сербы здравствовали? Сербы сербами, а русские – русскими. В том-то и главная погрешность, главное недоразумение наше, что мы считаем себя больше славянами, нежели русскими. *Русская кровь у нас на заднем плане*, а спереди – славянолюбие. Единоверство тут ничего не значит. Французы тоже единоверцы с поляками. А что совершилось, когда французы вступились за мятежных поляков? Религиозная война хуже всякой войны и есть аномалия... [...] Турки не виноваты, что Бог создал их магометанами, а от них требуют христианских, евангельских добродетелей. Это нелепо... Выселите их из Европы, если можете, или окрестите их, если умеете; если нет, то оставьте их и Восточный вопрос в покое до поры до времени. Восточный вопрос очень легок на подъеме, и мы любим подымать его, но не умеем поставить на ноги и дать ему правильный ход... Сохраните письмо мое. Хочу, чтобы потомство удостоверилось, что в “немой России” раздавались кое-какие трезвые голоса»⁶³.

Однако уже тогда наиболее трезвые головы в России понимали: «...Раз правительство пошло так далеко по пути своих симпатий к славянскому мятежу открыто, оно, очевидно, не будет в силах устоять против напора событий, влекущего Россию на войну»⁶⁴. Так и случилось...

Масла в разгоравшийся огонь подлил стойкий ненавистник России английский премьер Дизраэли. «Обуреваемый почти лихорадочным возбуждением, – писал французский историк дипломатии, – он дал распоряжение английскому флоту Архипелага стать на якорь в Безике, т.е. почти у входа в Дарданеллы. Затем на торжественном банкете он обратился к лондонскому лорду-мэру с самой воинственной речью. “Война, – заявил он, – может вспыхнуть; во всем мире нет нации, которая была бы лучше подготовлена к ее

ведению, чем наша страна. Раз она уже начнет борьбу в защиту своего права, она никогда не поколеблется предпринять, если понадобится, две или три последовательные кампании". Эти слова были произнесены английским министром 9 ноября»⁶⁵.

Буквально на следующий день после этой вызывающей речи, 28 октября/10 ноября Император Александр II, возвращаясь из Ливадии, прибыл в Москву.

Курский вокзал. Шествие к Иверской часовне под нескончаемые крики «ура». Древний Кремль...

«НА КРОВАВЫЙ БРАННЫЙ ПИР...»

29 октября был выход из Дворца с Красного крыльца в Успенский Собор. Затем снова Дворец. Принимая от московского городского головы хлеб-соль, Государь громким голосом заговорил...

Его слова и реакция на них собравшихся тысяч москвичей были по своему существу спором о войне и мире, о будущем России. Пока еще только спором...

«Я знаю, – сказал Император, – что вся Россия вместе со Мною принимает живейшее участие в страданиях наших братьев по вере и по происхождению; но для Меня истинные интересы России дороже всего, и Я желал бы до крайности щадить дорогую русскую кровь.

Вот почему Я старался и продолжаю стараться достигнуть мирным путем действительного улучшения быта всех христиан, населяющих Балканский полуостров. На днях должны начаться совещания в Константинополе между представителями шести великих держав для определения мирных условий.

Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Если же оно не состоится и Я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то Я имею твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на Мой призыв, когда Я сочту нужным и честь России того потребует».

Государь Свою речь еще не закончил, но в ответ на последние слова «в залах грянуло “ура”, но такое, что даже страшно стало; буквально задрожал пол, задрожали стекла».

Император поднял руку – и всё смолкло. Тогда были сказаны заключительные слова: «Я уверен также, что Москва, как всегда, подаст в том пример. Да поможет нам Бог исполнить наше святое призвание».

«Тогда “ура” грянуло еще сильнее, еще страшнее. По лицу Императрицы покатались слезы... Многие плакали... [...] На улице целовались*»¹.

Получивший телеграмму с этими словами Императора для напечатания в «Правительственном вестнике» министр внутренних дел Российской Империи А. Е. Тимашев не поверил своим глазам, заявив: «Не может быть, чтобы Государь это сказал, это переврано...»²

1 ноября объявили мобилизацию войск Киевского, Одесского и Харьковского военных округов. Гвардию решили пока не трогать.

В начале зимы 1876 г. назначенный Главкомандующим брат Царя**, Вел. Кн. Николай Николаевич направился к южным рубежам России, в Кишинев, устраивать там свою главную квартиру. Вскоре, в наступившем новом 1877 году он стал именоваться уже Главкомандующим Действующей армией. Под ружье было поставлено около полумиллиона человек.

На коллективное предложение шести держав 19 марта 1877 г. о решении конфликта мирным путем, как и на русскую циркулярную ноту от 19 января, Порты ответила отказом.

Война была объявлена 12 апреля. В тот день в Кишиневе на Скаковом поле в присутствии Государя архиепископ Павел зачитал Манифест.

* Так же как – позволим себе напомнить – ранее, в 1801 г., после убийства Императора Павла I; позднее, в 1916 г., после убийства Царского Друга Г. Е. Распутина, и, наконец, в феврале–марте 1917 г., после клятвопреступного бунта.

** В войне приняли участие все пять Царских сыновей: Великие Князья Александр Александрович, Владимир Александрович, Алексей Александрович, Сергей Александрович и Павел Александрович. А также Великие Князья Михаил Николаевич, Константин Константинович и Николай Михайлович, герцоги Николай Максимилианович и Евгений Максимилианович Лейхтенбергские, принцы Александр Петрович и Константин Петрович Ольденбургские. Смертью храбрых пал герцог Сергей Максимилианович Лейхтенбергский. Сам Государь был со Своей армией вплоть до падения Плевны.

«Один-единственный кабинет, – писал французский историк дипломатических отношений, – запротестовал против объявления Россией войны. Это было лондонское правительство. [...] По распоряжению Биконсфильда английский флот, незадолго перед тем покинувший Безику, вернулся туда на якорную стоянку»³.

Вскоре после заключения военной конвенции с Румынией (4 апреля), обеспечивавшей свободный проход Русской армии по ее территории, она, в день объявления войны, переправилась через Прут и остановилась на Дунае.

«...Знаем... что Государь собирается ехать в Молдовлахию, – напутствовал Державного Вождя и Его Боголюбивое славное русское воинство святитель Феофан Затворник. – Благослови Господи путь Его! Насилу дождали... Ибо это значит, что дорога войску углажена за Дунаем. Марш! Марш! Бог в помощь! – други наши солдатики!..

[...] Нам необходимо взять в свои руки вход в Босфор со стороны Черного моря. А то всякая дрянь... мало-мало размолвка, врывается со своими кораблями и грызет наши окраины»⁴.

Над густыми колоннами русских войск, стекавшимися к Дунаю, среди вспыхивавших то здесь, то там песен выделялась – мелодичностью и смыслом – одна. Пели ее в основном донские казаки, среди которых она и родилась без малого четверть века назад, с открытием Крымской кампании 1853 года*. Песня эта сейчас была словно пасхальное яичко ко Христову дню – началу Крестового похода Русского воинства за освобождение турецких христиан от многовекового магометанского ига:

*Всколыхнулся, взволновался,
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв Монарха он.*

*Он детей своих сзывает
На кровавый бранный пир,
К туркам в гости снаряжает,
Чтоб добыть России мир.*

* В 1918 г. эта песня, изуродованная мечтателями о самостийности Дона, станет гимном «Всевеликого Войска Донского». В 1996 г. эти измененные/изменнические слова (со «свободой» вместо «Монарха») снова приглянулись: песня стала гимном Ростовской области.

*С Богом, дети, ведь широкий
Переплыть вам лишь Дунай,
А за ним уж недалеко
Цареград, и наших знай.*

*Сорок лет тому в Париже
Нас прославили отцы,
Цареград – еще к нам ближе...
В путь же, с Богом, молодцы!*

*Стойте крепко за святую
Церковь – общую нам мать –
Бог вам даст луну чужую
С храмов Божиих сорвать,*

*На местах, где чтут пророка,
Скласть Христовы алтари,
И тогда к звезде востока
Придут с запада цари!*

*Над землю всей прольется
Мира кроткого заря,
И до неба вознесется
Слава Русского Царя!*

В поход вышел вернувшийся к тому времени из Белграда двоюродный брат Федора Артуровича – подполковник Генерального Штаба гр. Федор Эдуардович Келлер, состоявший штаб-офицером для поручений при штабе XI армейского корпуса. Служил он впоследствии под началом генерала М. Д. Скобелева, заменив раненого начальника штаба генерала А. Н. Куропаткина. С Михаилом Дмитриевичем он был в весьма коротких отношениях благодаря тому, что оба они начинали службу в Кавалергардском полку⁵.

Естественными преградами для Русской Армии был широко разлившийся (около трех верст в ширину) в тот год Дунай, защищавшийся крепостями (Калафатом, Раховым, Никоподем, Рущукком, Туртукаем, Силистрией), гористый высокий турецкий берег и наш – ровный и низкий, делавший русские позиции видными как на ладони и оттого легко уязвимыми. Немало хлопот доставляли и ходившие вверх и вниз по течению 20 турецких броненосцев. Предстояло дожидаться, когда вода хоть немного спадет, построив за это время средства переправы, и прекратить или хотя бы нарушить движение турецких военных судов по Дунаю.

В эти дни совершил свой подвиг мичман Гвардейского экипажа Константин Дмитриевич Нилов (1856–1919), будущий флагкапитан Его Величества, адмирал, личный и преданнейший друг Царя-Мученика Николая Александровича, насильно с ним разлученный в 1917 г. и убитый большевиками. Тогда, в начале июня 1877 г., только что произведенный в первый офицерский чин, К. Д. Нилов, командовавший тремя маленькими паровыми катерами, атаковал среди белого дня хорошо вооруженную турецкую броненосную канонерскую лодку «Подгорицу», командовал которой английский офицер. Под градом ружейно-пушечного огня подойдя к самому борту оцетинившегося минами судна, мичман Нилов хладнокровно расстрелял из револьвера англичанина. Впоследствии стало известно, что лишившаяся командира судовая команда в страхе разбежалась. «Безстрашие моряков невообразимое, невероятное и неслыханное», – писал в донесении Императору Главнокомандующий. Государь наградил отважного офицера орденом св. Георгия IV степени⁶.

Следует подчеркнуть, что английский офицер на судовом мостике турецкого корабля – явление не единичное и не случайное. Об активной английской помощи туркам свидетельствовали сообщения русских газет, для вящей объективности, как правило, ссылавшихся на сообщения иностранных средств массовой информации:

«Всеми работами [вокруг Руцука на Дунае] руководят два английских инженера, препротивные фигуры... [...] В белых фуражках, в каких-то бархатных коротких курточках, с сигарами в зубах, они целый день рыскают по окрестностям, верхом на горячих местных лошадках и беспощадно хлещут гуттаперчевыми хлыстами заленившихся солдат-рабочих; восемь раз счетом я наткнулся на красивое зрелище подобной гуманной расправы...»⁷

«Из Константинополя телеграфируют в “Международное Телеграфное Агентство” от 30 апреля (12 мая): “Уже несколько дней как три английских офицера интендантского ведомства деятельно собирают справки относительно подробностей, касающихся провианта и мест, удобных для его хранения. Они ежедневно имеют совещания с сераскиром и, по-видимому, довольны полученными ими сведениями. Английский посол г-н Лейярд употребляет все усилия, чтоб оживить настроение Порты, обещая в частных беседах с турецкими министрами, что Англия впоследствии, в последних числах июня (по новому стилю), окажет Турции помощь”»⁸.

«В “Новое время” телеграфируют из Константинополя от 6 мая, что здесь ждут прибытия в июне английского корпуса, наехало много английских офицеров, которые снимают помещения для оккупационного корпуса»⁹.

«Укрепления самого Ардагана слабы и не могли бы представить особых затруднений разрушительному действию артиллерии; но в последнее время оборона его была усилена постройкой отдельных фортов и батарей, в планировке которых принимали участие английские инженеры»¹⁰.

«В Константинополь ежедневно прибывает множество английских офицеров; оборонительные работы производится в обширных размерах; реквизируются лошади, рабочие и деньги»¹¹.

«Судя по чрезвычайному накоплению госпитальных средств, Англия готовится к сухопутной демонстрации»¹².

«В “Новое время” пишут из Константинополя, от 22 мая, что генерал Кемпбалл находится в Эрзеруме; девятнадцать английских офицеров, возвратившихся из Малой Азии, отправились на болгарские пункты, которым наиболее угрожает опасность»¹³.

«По словам “Neue Freie Presse”, Россия протестовала против образа действий английского уполномоченного при турецкой азиатской армии, который всеми силами старается помочь турецким операциям»¹⁴.

«В “С.-Петербургские ведомости” сообщают, что английский офицер, руководивший действиями турецких войск в битве у Зейдекана [близ Карса], ранен»¹⁵.

Об этом же распевали русские солдаты в песнях, сложенных за Дунаем:

*Эх, вы, турки, ротозеи,
Где-ж вам с нами воевать –
Ваша тетка-англичанка
Вам забыла хлеба дать*¹⁶.

Разумеется поддержка турок англичанами проистекала вовсе не из их особенной любви к последним. Еще накануне Крымской войны, в 1853 г. английский премьер-министр лорд Г. Пальмерстон вполне определенно заявил: «Мы поддерживаем Турцию для нашего собственного дела и во имя наших собственных интересов»¹⁷. «Мы не любим турок, – заявили в Лондоне русскому послу гр. П. А. Шувалову, – но они задолжали нам столько денег, что мы желаем успеха их оружию»¹⁸.

В 1877 г. Дизраэли получил чрезвычайный кредит, призвал запасных и сосредоточил войска на Мальте (до семи тысяч индийских солдат)¹⁹.

Вся Англия распевала ставшую чрезвычайно модной песенку, сочиненную Хантом и распевавшуюся популярным шансонье Макдермоттом, представляющую из себя популярное изложение политики Дизраэли:

*Мы не хотим войны, но если нас заставят, черт возьми,
У нас есть корабли, есть воины и денег вдоволь,
Мы били медведя раньше, и, пока останемся истинными
британцами,
Русские не получат Константинополь*²⁰.

В июне 1877 г. Британия заключила с Турцией секретное соглашение, в котором выразила готовность оказать помощь против агрессии со стороны третьих держав²¹ (т. е. фактически против России).

Следует отметить, что во внешней политике Великобритании, наряду с традиционными антирусскими настроениями, большую роль, несомненно, играли также личные чувства Английской королевы Виктории. Историки уже давно заметили, что они осложнились у нее «давним оскорбленным женским чувством»²². Весной 1839 г. Лондон посетил «Первый жених Европы», Наследник Цесаревич Александр Николаевич. В те дни незамужняя королева признавалась: «Я совсем влюблена в Великого Князя, он милый, прекрасный молодой человек...»²³ Цесаревич, по свидетельству современников, также не скрывал от окружающих своих взглядов на королеву, вряд ли слишком отличавшихся от вот этой записи в его личном дневнике: «Она очень мала ростом, талия нехороша, лицом же дурна, но мило разговаривает»²⁴.

С тех пор «все, что было связано с Россией, неизменно вызывало у Виктории стойкую антипатию»²⁵. Разумеется, Цесаревич как воспитанный человек того времени задеть королеву Викторию не мог. Предполагать подобное выгодно западным историкам, охотно видящим в Цесаревиче «русского медведя». На самом же деле Английская королева, скорее всего, к сожалению, находилась под обаянием г-на Дизраэли. Во время Крымской войны 1854–1855 гг. королева «своими высказываниями и действиями подогривала шовинистическую истерию. Во время войны она на своей яхте проводила военную эскадру до “последнего маяка”, показав всему миру, что война с Россией не только война Британии, но и ее личная война»²⁶.

Могло ли смягчиться сердце той, которая «выносила свои заключения раз и навсегда», когда на Русский Престол взошел Тот, Кто когда-то отверг ее?.. Как бы то ни было, известны требования Английской королевы с началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. от правительства «решительных шагов» по отношению к Российской Империи. Миротворившим некоторым членам кабинета она пригрозила скорее «сложить с себя корону», чем «терпеть оскорбительное поведение русских»²⁷. «Королева не потерпит пощечины от этих лживых русских» (Записка от 17.4.1877). «Надо быть твердыми, говорить с Россией решительно, и остальная Европа за нами последует» (Записка от 17.6.1877). «...Мы утрачиваем позиции и престиж, а Россия наступает и скоро будет перед Константинополем... Будьте смелым!.. России надо сказать: “Ни шагу дальше!”»²⁸ Отличавшиеся некоторой сдержанностью министры вынуждены были уйти в отставку. Кабинет же стал по сути «сплоченным единым фронтом против общего врага» – русских²⁹.

Облеченный особым доверием королевы, Дизраэли летом 1877 г. предлагал нанести удар по России в Азии: «очистить Среднюю Азию от

москвитов и загнать их в Каспий»³⁰. «...Заговор полусумасшедшей бабы с министром, не лишенным дарований, но выродившимся в политического клоуна»³¹, – оценивал сложившуюся ситуацию русский посланник в Лондоне гр. П. А. Шувалов.

Не остался в долгу и Государь. На военном совете 26 октября он заявил собравшимся генералам: «Должен сообщить, что Я только что получил письмо от королевы Виктории; она предлагает Мне свое посредничество между султаном и Мною для начала мирных переговоров, но ставит условием, чтобы наша армия до начала переговоров ушла за Дунай, в Румынию»; «Какова стерва»*, – закончил Свою речь Государь...»³²

Форсирование Русской армией Дуная было тщательно подготовлено. Дезинформацией, ложными демонстрациями и маскировкой противника вполне удалось ввести в заблуждение. Накануне переправы русская артиллерия вела интенсивный огонь на широком фронте.

В ночь на 15 июня части 14-й пехотной дивизии генерал-майора М. И. Драгомирова, входившие в состав VI армейского корпуса генерала Ф. Ф. Радецкого, в полной тишине вышли к дунайскому берегу у Зимницы против Систова и затаились. В два часа ночи от нашего берега оттолкнулась первая лодка. Войска были одеты в черные зимние мундиры. Лишь у одного не имевшего определенного назначения генерал-майора М. Д. Скобелева, шедшего охотником, был белый китель, за который он в этой кампании и получит в народе прозвание *Белого генерала*.

*В семьдесят седьмом году
Было в ночь одну темну*³³.

Переправляющиеся были замечены турками слишком поздно. Умело стреляла русская артиллерия, безстрашно действовала пехота. К исходу дня всё было кончено. Военная наука в лице западных военных теоретиков, предрекавших, что форсирование такой крупной военной преграды обойдется-де не менее чем в 20–30 тысяч человек убитыми, была в очередной раз посрамлена мужеством рус-

* Тут уж невольно вспоминается послание Царя Иоанна Грозного к Английской королеве Елизавете от 24 октября 1570 г.: «Ажно у тебя мимо тебя люди владеют, и не токмо люди, но мужики торговые... [...] А ты пребываешь в своем девическом чину, как есть пошлая девица» (Памятники литературы древней Руси. Втор. пол. XVI в. М., 1986. С. 114.).

ского солдата и умением русских генералов и офицеров: потери нашей армии были ничтожны – 748 убитых, утонувших и раненых при двух ушедших в воду орудиях.

16 июня поутру через Дунай переправился Главнокомандующий, Великий Князь Николай Николаевич со своим штабом:

*Не туман с моря поднялся,
Три дня кряду сильный дождик шел –
Князь Великий переправлялся,
Через Дунай он с войском шел.
Он шел с крестом-молитвой,
Чтоб турок победить,
Чтоб турок победить,
Всех болгар освободить³⁴.*

В лодке вместе с отцом был его сын – Великий Князь Николай Николаевич Младший. На картине Н. Д. Дмитриева-Оренбургского (ГРМ), запечатлевшего этот момент, лодку осеняет личный Великокняжеский значок, тот самый, с которым Главнокомандующий на яхте «Ливадия» приплыл впоследствии в Константинополь подписать 3 марта 1878 г. мир с султаном: белое полотнище с голубым восьмиконечным православным крестом и надписью на ленте под ним: «С нами Бог», вышитой металлическими нитями³⁵. В декабре 1999 г. правнук Августейшего владельца передал этот значок в Эрмитаж на вечное хранение³⁶.

В полдень 16 июня к переправе подъехал Император Александр II со Свитой. На том берегу был хорошо виден Систов – небольшой город с православным собором. Все это теперь было уже нашим. Переправившегося Государя встретил Его брат Главнокомандующий Великий Князь со своей свитой.

22 июня Передовой отряд под командованием ген. И. В. Гурко выступил для овладения Балканскими проходами. 25-го он вступил в древнюю болгарскую столицу Тырново*. На левом фланге Рушукский отряд Наследника Цесаревича Александра Александровича вышел на реку Янтру. 3 июля IX армейский корпус генерал-лейтенанта барона Н. П. Криденера начал штурм Никополя. На следующий день турецкий гарнизон крепости выкинул белый флаг. В плен сдалось около 7 000 турок, два паши и 105 офицеров. Турецкая армия была разрезана пополам.

* Болгарский «Третий Рим».

*Уж ты степь ли, наша степь, степь наша широкая!
Широко, долго, степь, ты протянулась,
Пролегла по степи больша дороженька,
По этой дороженьке никто не прохаживал,
Никто следик у не прокладывал...*

.....
*Не в чистом поле снежки забелелися,
Не алы цветы зазелелися –
Забелелось тело белое,
Зазелелась кровь алая³⁷.*

Тем временем ген. И. В. Гурко подошел к Шипкинскому горному перевалу. Фактически без боя турки 7 июля сдали прекрасную позицию, бросив на перевале всю свою артиллерию. В плен сдалось до 400 человек. Отряд Гурко овладел двумя важнейшими дорогами, которые вели вниз, в Румелию, к Филиппополю и долине реки Марицы.

Все это было достигнуто всего за три недели. Европа была ошеломлена. Дизраэли бесновался.

Из захваченного Никополя в Главную квартиру были доставлены взятые в бою семь турецких знамен и пленные пашы. К сожалению, тогда никто из окружавших Государя генералов не проникся важностью совета сопровождавшего трофеи Свиты Его Величества генерала И. Н. Толстого озаботиться быстрейшим занятием свободной тогда Плевны (название это в высших военных кругах в те дни прозвучало едва ли не впервые)³⁸. К сожалению, на этот дельный совет тогда никто не обратил должного внимания, как и на географическое (важный узел путей сообщения) и стратегическое (угрожающее фланговое положение и близость к переправе через Дунай) положение этого пункта. А через несколько дней, 4 июля, Плевна, по повелению не на шутку встревоженного султана Абдул-Гамида, была занята Осман-пашою, стоявшим незадолго до этого у Видина. Занята без единого выстрела. Будущие кровавые ужасы для русских и румынских войск, таким образом, были предreshены, что еще раз доказывает, что незначительные с виду причины приводят часто к большим последствиям.

ЧЕТЫРЕ ПЛЕВНЫ

Первая атака Плевны сходу, с явно недостаточными силами (в два раза меньшими турецких), была предпринята 8 июля. Потери были велики: 1 генерал, 74 офицера, 2 771 нижний чин. Треть всего отряда.

18 июля штурм был повторен. И снова безуспешно. На поле боя остались 1 генерал, 168 офицеров и 7 167 нижних чинов. IX армейский корпус был практически полностью разгромлен. Пренебрежительное отношение к противнику принесло свои горькие плоды.

Эти кровавые потери выступивших на защиту православных жертв мусульманской резни русских воинов вызвали у главы западных христиан Римского папы Пия IX прилив неопишуемой радости: «Я всегда сердечно и неизъяснимо радуюсь, когда слышу, что русские потерпели поражение, и уповаю с уверенностью на правосудие и милосердие Всевышнего, что русские будут поражены. Я ручаюсь вам за честность турок. Хорошо было бы, когда бы все христиане были так добросовестны, как турки, которые еще никого не обманули»¹.

На следующий день Государь повелел мобилизовать Гвардейский и Гренадерский корпуса, 24-ю и 26 пехотные, а также 1-ю кавалерийскую дивизию.

22 июля в гвардейских полках была получена депеша Главнокомандующего: «Лучше поздно, чем никогда. Государь Император повелел мобилизовать Гвардию. Распорядиться следует быстро и хорошо, как я люблю»².

4 августа последовал Высочайшее повеление о приведении на военное положение полков 1-й Кавалерийской дивизии, в которую входил стоявший в Твери 1-й Лейб-Драгунский Московский Его Императорского Величества полк. Именно с ним, как мы уже писали, гр. Ф. А. Келлер и выступил в свой первый поход.

В полку с энтузиазмом тотчас же началось приготовление к выступлению³. 30 августа полковой священник отслужил напутственный молебен. В тот день Федор Артурович был уже в полку. Хлопоты об отправлении в Действующую Армию он начал, видимо, задолго до этого. Было лето, а значит, занятий в пансионе не было. Вольноопределяющимся он был зачислен 31 августа, а днем раньше, согласно записи в послужном списке, он «выступил с 1-м Лейб-Драгунским Московским Его Величества полком в составе 1-й Кавалерийской дивизии» в поход.

Погрузившись в Твери в пять эшелонов, полк под командой флигель-адъютанта полковника Языкова выехал по маршруту: Москва–Тула–Орел–Курск–Харьков–Елисаветград. Далее эшелоны следовали по Одесской железной дороге.

*Спокойдай, служивенький,
Отца, мать, жену,
Всею родину свою.
Ты бери, служивенький,
Ружейную суму,
Привыкай, служивенький,
Ко турецким степям...⁴*

В Бирзулу прибыли 7 сентября. Выгрузившись, провели дневку в семи верстах от станции в деревне Коссы. Здесь было получено приказание о выступлении в Зимницу.

Выступили, однако, не сразу. На то были свои причины...

Еще 13 августа победой русского оружия под руководством ген. Ф. Ф. Радецкого завершилось шестидневное шипкинское сражение. Сулейман с большими потерями отступил. В те же дни Рущукский отряд отбил атаки Мехмеда-Али.

25 августа на Военном совете в Горном Студне было принято несчастное решение о немедленном, не дожидаясь подхода гвардии и гренадеров, штурме Плевны. Этим старшие военачальники думали побыстрее, до начала холодов, развязать себе руки и вместо топтания на месте направить все наличные силы (в том числе и освободившиеся непосредственно от осады 100 тысяч) на Константинополь – цель всей кампании.

Последовала «Третья Плевна», наиболее кровавое сражение за всю историю русско-турецких войн. Четыре дня шла артиллерийская подготовка. 30 августа пошли на штурм. На правом фланге архангелогородцы и вологодцы взяли Гривицкий редут. Захватили знамя и три орудия. На левом фланге генерал М. Д. Скобелев в белом кителе и фуражке на белом коне повел батальоны в бой. Два редута – «Ключи Плевны» – были наши.

*В Плевне турки, турки-басурманы
В редутах засели.
Мигом, братцы, наши молодцы
На редут взлетели⁵.*

Турки под знаменем пророка шли в контратаку тучами. Одна волна за другой. Под пение магометанских молитв.

С майора Ф. М. Горталова (1839–1877), командира батальона 61-го пехотного Владимирского полка, оборонявшего редут Абдулбея на юго-западной окраине Плевны, Михаил Дмитриевич взял слово: с редута живым не сходить. Пять яростных атак были отбиты. Получив от командования отказ в подкреплениях, ген. М. Д. Скобелев послал к Ф. М. Горталову приказ отступить, освободив от ранее данного слова. «Скажите генералу Скобелеву, – спокойно ответил Федор Матвеевич, – что русского офицера освободить от данного слова может только смерть!» Приказав остаткам батальона под командой оставшегося в живых офицера вернуться к основным силам, сам он, благословив уходящих, осенил себя широким крестом и, скрестив руки на груди, взошел на бруствер. Через минуту во время шестой атаки он был поднят турками на штыки и буквально разорван на куски⁶.

Всё это, впрочем, как и весь неравный бой 22 скобелевских батальонов с турецкой армией, происходило на глазах 84 батальонов резерва, стоявших и смотревших. Они так и не были брошены в сражение, которое, по мнению специалистов, в этом случае могло иметь совершенно иной итог*.

Ум и сердце отказываются всему этому верить и понимать. Но на войне так иногда бывает...

Три с половиною месяца спустя, после того, как Плевна, наконец, пала, М. Д. Скобелев приказал на том редуте панихиду. Панихида шла своим чередом. Михаил Дмитриевич молился и вспоминал, как солдатки, чтобы было легче идти на штурм, побросали шанцевый инструмент. И потом, когда подкрепления не пришли, а турки все шли и шли, они пытались ковырять твердую почти как камень землю штыками и просто руками... Конечно, выкопать не успели. Набежали турки и всех перебили. «Указывая мне эту канавку, рытую пальцами, – вспоминал В. В. Верещагин, – Скобелев буквально залился слезами и потом, во время панихиды, опять горько плакал. Признаюсь, всплакнул и я вместе с большей частью присутствовавших»⁷.

Наши потери были вопиющи: два генерала, 295 офицеров, 12 471 нижний чин. Румыны потеряли 3000 человек.

* После спешно собранного военного совета Осман-паша отдал было даже секретное распоряжение об отступлении.

«Да, эта Плевна! – с гневом писал Наследник Цесаревич. – Никогда ее не забудем. Что ужасно в этом штурме 30 августа, что даром пожертвовали такой массой дорогой русской крови, безрассудно, без всякой надобности. [...] ...В этом я вижу не только безрассудство действий Главнокомандующего и его штаба, но *преступление*, за которое он и все виновники этого страшного дня должны будут отдать отчет не только перед всею Россией, но и перед Самим Богом»⁸.

Турки, по их словам, лишились 3000 солдат и офицеров. Осману-паше султан пожаловал титул *гази* (непобедимый).

Государь, узнав обо всем этом, писал: «О, Господи, помоги нам и прекрати эту ужасную войну во славу России и во благо христианства»⁹. Сбывались слова, сказанные свт. Феофаном Затворником еще перед началом кампании: «...Война сделает Государя еще более православным»¹⁰.

Газеты писали о том, что Император не только приветствовал Свои войска, но посещал лазареты, ободрял раненых, молился на могилах. «Эти зрелища, – можно прочесть в Его письмах, – заставляют Мое сердце сочиться кровью, и Я едва удерживаю слезы»¹¹.

Враги же Самодержавной Монархии в России радовались. Как известно, сражение было приурочено к дню тезоименитства Государя. Хотели поднести Царю подарок... Используя это обстоятельство, «народники» сочинили песню:

*Именинный пирог из начинки людской
Брат подносит Державному Брату...
А на севере там – ветер стонет, ревет
И разносит мужицкую хату...¹²*

Но вот наш прославленный художник-баталист В. В. Верещагин, геройски погибший 31 марта 1904 г. во время русско-японской войны вместе с адмиралом С. О. Макаровым на борту броненосца «Петропавловск»... Осматривавший весной 1880 г. знаменитую верещагинскую выставку батальных полотен на тему только что завершившейся русско-турецкой войны Император Александр II задумчиво произнес: «Все это верно, все это так было»¹³. К счастью для Него (жертвы Третьей Плевны оставались незаживающей раной Царского сердца), Он не увидел в тот день *авторской* подписи под одной из картин, изображавшей небурные еще трупы русских солдат близ Его Царской ставки: «*Царские именины*». За несколько часов до Высочайшего посещения эта надпись была снята по категорическому настоянию полиции¹⁴.

О, этот неукротимый русский характер! Отказываешься его иногда не только понимать, но и принимать! До того, право, бывает *широк* русский человек, что его, как говаривал Ф. М. Достоевский, и *обузить* не мешало. Ну, хоть иногда, что ли...

Ошеломленные поражением, генералы на Военном совете в Порадигме предлагали не только отступить от Плевны (некоторые даже прямо за Дунай), но и вообще прекратить кампанию до будущего года. Лишь воля Государя, согласившегося с меньшинством, что в создавшихся условиях такое предложение немыслимо ни с военной, ни, тем более, с политической точки зрения, спасло престиж России и честь Армии.

«Я не покину Своей армии, пока Плевна не будет взята»¹⁵, – твердо заявил Царь. И это при том, что от английского военного представителя при Главной квартире Он получил вот такое откровенное заявление: «Английское правительство не сможет более противиться желанию своего народа начать войну с Россией»¹⁶.

На совесть этих английских джентльменов, когда речь шла о России или о турецких христианах, не приходилось рассчитывать. В одном из летних писем Государь писал:

«После обеда Я пошел посмотреть двух несчастных болгар, зверски замученных турками. Казаки нашли их на дороге, ведущей из Никополя в Систово, и принесли в госпиталь Красного Креста, находящийся в ста шагах от Моего дома.

Я пригласил полковника Уэлсли, английского военного атташе при Главном штабе, обедавшего вместе с Моей Свитой, пойти со Мной – пусть полюбуется зверствами покровительствуемых ими турок.

Один из этих несчастных скончался незадолго до нашего прихода, и убитая горем жена его рыдала над трупом. Его голова была раздроблена двумя крестообразными ударами сабли. У второго три раны. Надеются его спасти. Его молодая жена тоже все время при нем»¹⁷.

Переживания серьезно подорвали здоровье Императора. «Государя нельзя было узнать, так его третья Плевна сразила»¹⁸, – свидетельствовал часто Его видевший ген. И. В. Гурко. «Когда Царь уезжал на войну, – писал современник, – это был высокий и красивый воин, державшийся очень прямо, несколько склонный к полноте. Когда Он возвратился, Его с трудом можно было узнать. Щеки Его отвисли, глаза потускнели, фигура согнулась, все тело исхудало так, что казалось, это была кожа да кости. Несколько месяцев было достаточно, чтобы Он превратился в старика»¹⁹.

«Главная квартира, – описывал положение вещей после Третьей Плевны ген. И. В. Гурко, – представляла картину, жалости достойную, в ней все еще были под впечатлением погрома под Плевной. Подходили подкрепления, и не знали, что с ними делать, куда их девать...»²⁰

После некоторой заминки, 17 сентября московские лейб-драгуны, отслужив молебен, вместе с приданной им 2-й конной батареей между деревней Сарацыкой и Леово перешли границу Румынского княжества. Направление было взято на г. Текуч. Уже пахло осенью, хотя дни стояли по-летнему теплые.

Почти три недели полк шел по румынской земле...

*Поле чистое, поле турецкое,
Мы когда тебя пройдем?...²¹*

Достигнув румынского города Бузэу, полк направился напрямик к Дунаю, где в ожидании дальнейших распоряжений расположился на квартирах в с. Обелешти-Ноу.

Погода тем временем круто изменилась: все вокруг стало белым-бело от снега, загудела сильнейшая метель²².

Приказом от 7 октября лейб-драгуны были причислены к Каларашскому отряду, состоявшему под началом командира 1-й Кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта М. Н. Дохтурова, при котором вольноопределяющегося Федора Артуровича Келлера определили ординарцем²³.

Полку, начиная с 8 октября, приказано было занять аванпостами и разъездами берег Дуная от с. Обелешти-Ноу до с. Монастирь против крепости Силистрии²⁴. С 20 октября гр. Ф. А. Келлер состоял «в ольпеницком отряде против крепости Туртукая».

Около 4 ноября был получен приказ: готовиться к выступлению за Дунай. 21 ноября в 11 часов дня полк благополучно совершил переправу. Вольноопределяющийся гр. Ф. А. Келлер перешел через Дунай несколькими днями позже (25 ноября), в Турну-Мугурели против Никополя, в котором уже расположился его полк.

После многочисленных неудач под Плевной, как известно, было решено начать правильную осаду, порученную герою Севастополя генерал-адъютанту Э. И. Тотлебену. Вызванный по телеграфу, генерал прибыл 15 сентября. Войска под его командованием, стоявшие под Плевной, были переименованы в Отряд обложения.

Именно к этому отряду были причислены московские лейб-драгуны. «По прибытии в дер. Магулу, – читаем в послужном спи-

ске гр. Ф. А. Келлера, – поступил в состав войск 6 участка обложения города Плевны с присоединением к Гренадерскому корпусу».

Вскоре все сообщения между Плевной и Софией были прерваны. В немалой степени этому способствовал Руцукский отряд под командой Наследника Цесаревича, будущего Императора Александра III. При этом проявились особые черты Его характера – «спокойствие, медленная вздумчивость, твердость воли и отсутствие интриг»²⁵.

12 октября сосредоточившаяся за два дня перед этим у Плевны Русская гвардия атаковала сильно укрепленные турецкие редуты – Телиш, Горный и Дольный Дубняк. Это было боевым крещением Гвардии в турецкую кампанию 1877 года. Ее полки атаковали с *блистательным мужеством*, не считаясь с неслыханными потерями: 3 генерала, 126 офицеров и 3 410 нижних чинов. Горный Дубняк был взят. 16 октября после восьмичасового обстрела 72 орудиями пал Телиш.

«Когда турки сдались, – пишет участник боя, – то генерал Гурко потребовал, чтобы гарнизон вышел из укрепленного лагеря и у выхода сдавал оружие нашим войскам, построеным шпалерами по обе стороны Софийского шоссе»²⁶. Для поднятия духа.

Лишенный подкреплений, притока оружия и боеприпасов, а также продовольствия, 28 ноября Осман-паша предпринял отчаянную попытку вырваться из окружения, но был отброшен. При этом было перебито до 6000 турок, атаковавших густыми массами, захвачено 7 знамен и 88 орудий. Плевна была взята. Неприятель сложил оружие. На милость победителя сдалось 10 пашей, 128 штаб- и 2000 обер-офицеров, 41 200 нижних чинов.

*Заплакала наша Плевна,
Запропала турецкая слава
И не будет больше никогда!*²⁷

Раненый Осман-паша вручил свою саблю командиру Гренадерского корпуса генерал-адъютанту И. С. Ганецкому. Когда 29 ноября во время завтрака его несли к Государю через двор, стоявшие там аплодировали и кричали «браво». Однако, как писал присутствовавший при этом ген. П. Д. Зотов, «дикарь вообразил себе, что это было выражением радости, что он попался в наши руки»²⁸. Насилу его убедили, что этим ему хотели «выразить похвалу за стойкость». Получилось недоразумение и с двумя взятыми в плен младшими пашами. Их решили уступить румынам, хотя те к их плене-

нию никакого касательства и не имели. Узнав о таком решении своей судьбы, те «пришли в негодование и заплакали от позора попасть в плен к “валахам”. Осман все время подчеркивал, что сдался в плен исключительно русским»²⁹.

«Доблести» этих вынужденных союзников России, с которыми графу Ф. А. Келлеру предстояло еще раз столкнуться во время последней его войны, красноречиво описаны в дневнике очевидца как раз в день, когда Государь пожелал увидеть плененного Осман-пашу: «За мостом, на левом берегу Вида, вся местность была просто вымощена брошенным оружием. Турецкий обоз с больными, ранеными и пожитками стоял вдали шоссе и частью двигался в Плевно. Румыны, рассыпавшись, подбирали оружие, шарили в обозах и в карманах турок. Грабеж был невообразимый. Румынские офицеры, большей частью выпившие, вероятно, для храбрости в предполагавшемся деле, не отставали от солдат в грабеже турок. Доблесть румынской армии в этот день окончательно выяснилась»³⁰.

ПОКОРЕНИЕ БАЛКАН

Узнав о падении Плевны, выдающийся военный ум, «великий молчальник», начальник германского Имперского Генерального штаба генерал-фельдмаршал Х.-К.-Б. фон Мольтке (1800–1891) объявил офицерам Большого Генерального штаба, изучавшим под его руководством русскую кампанию на Балканах, что теперь им вполне можно сложить все карты и спрятать их до весны, пока Русская армия будет зимовать в Северной Болгарии¹.

По-иному отреагировала на эту весть Английская королева. Опираясь на преданного ей Дизраэли, она предприняла беспрецедентный шаг. Презрев формулу «английский монарх царствует, но не управляет», королева Виктория, в полной тайне от министерства иностранных дел, поручила возвращавшемуся в Россию британскому военному атташе полковнику Ф. А. Уэлсли передать Императору Александру II, что в случае продолжения кампании на Балканах Великобритания станет воюющей стороной².

Но 30 ноября под председательством Государя Императора состоялся Военный Совет, на котором Главнокомандующий на вопрос Державного своего Брата, что тот намерен делать, ответил: «То, чего никто не ожидает». Большинство генералов было против продолжения боевых действий в виду предстоявшей суровой зимы.

И историческая заслуга Императора была в том, что Он еще раз поддержал немногих, веривших в дух русского солдата. Утвердив план Главнокомандующего, тем самым благословив Свои войска на предстоявший им невиданный в мировой истории подвиг, Император 5 декабря отбыл в Санкт-Петербург.

«Вчера слух дошел, – делился своими мыслями в частном письме свт. Феофан Затворник, – что Плевна наконец взята, и что побито 30 т[ысяч] турок. Хотя это вообще о выбывших из строя, но все же и это очень утешительное дело. Если это войско расстроят, то далее нигде не будет остановки... День другой и София наша... а там по дороге Филиппополь – и Адрианополь... куда стягиваются турки... куда и наши верно потянутся в большем числе – чрез Шипку... Благослови, Господи... [...] Помилуй нас, Господи, и вразуми!»³

И Русские войска действительно двинулись к ухотившим в небо горным вершинам. Преодолевали Балканы по восьми горным проходам.

Уже на южных склонах Балкан они сложили песню с такими словами:

*Мы Балканы проходили,
Потому что был приказ.*

Прекрасная самохарактеристика русского солдата.

К этому времени установились довольно сильные морозы. К 13 декабря «к довершению всех неприятностей, мосты на Дунае сорвало ледоходом, почтовая и телеграфная корреспонденция с Россией прекратилась»⁴.

Наступление русских войск через Балканы для сковывания турецких сил и введения противника в заблуждение было разновременным. 13 декабря начал наступать отряд ген. Гурко; 23 декабря – отряд Карцева, 23 и 24 декабря Центральный отряд Радецкого.

29 ноября и 1-й Лейб-Драгунский Московский полк, входивший в состав общего резерва, начал движение через Ловчу и Сельви на Габрово, где 25 декабря был причислен к VIII армейскому корпусу генерал-лейтенанта Радецкого.

Его отряд, как известно, оборонял Шипку.

Отстоянием Шипки, по свидетельству ген. И. В. Гурко, «Россия обязана исключительно тому, что русский солдат не умеет отступать, ни один солдат мира не удержал бы Шипки с теми незначительными силами...»⁵

Русские воины, оборонявшие в горах свои «орлиные гнезда», укрывались в землянках и палатках, которые нещадно трепали вьюги и метели. Изношенное обмундирование слабо защищало от установившихся сильных морозов, обувь была сбита. (Впоследствии в болгарском Габрове было отнято 2000 обмороженных ног)⁶. Продовольствие доставлялось нерегулярно. Вокруг всё утопало в снегу.

Взору защитников Шипки открывались долины, по которым века назад шли фаланги Александра Македонского, римские легионы несли своих орлов, крестоносцы шли освобождать Гроб Господень. Сквозь вой метелей уходящего 1877-го, казалось, все еще доносилась их мерная поступь...

Пришло Рождество. И особым смыслом наполнялись слова Рождественской вечерни, служившейся в тот год на занесенных снегом русских бивуаках *под звездами Балканскими*.

Меж ними была и стихира, сложенная еще IX в. единственной между древними церковными песнописцами женщиной – царьградской аристократкой Кассией, заключающая в себе все богословие всемирной истории после пришествия Христа в мир:

**Августу единоначальствующу на земли, многоначалие чело-
веков преста: и Тебе вочеловечуся от Чистыя, многобожие идо-
лов упразднися. Под едином царством мирским гради быша, и во
едино владычество Божества языцы вероваша. Написахася лю-
дие повелением кесаревым: написахомся вернии Именем Божес-
тва, Тебе вочеловечшагося Бога нашего. Велия Твоя милость,
Господи слава Тебе*.**

Днем 27 декабря лейб-драгуны вошли в деревню Топлиш, непосредственно за которой начинался крутой горный подъем, и расположились на дневку. В восемь вечера тронулись в путь.

*Вот полночь наступает,
Луна горит светло,
Отряд наш выступает
С бивака своего.*

* «С единовластительством Августа на земле прекратилось многоначалие у людей. С вочеловечением Твоим от Чистой упразднилось многобожие идолов. Одному царству мирскому подчинились государства, и в одно владычество Божества племена уверовали. Переписаны народы указом кесаря, написаны мы, верные, Именем Божества, Именем Тебя, вочеловечившегося Бога нашего. Велика Твоя милость, Господи, слава Тебе».

*Идем мы тихо, стройно,
Подходим к высотам;
Вершины эти грозно
Показывались нам⁷.*

Подъем был страшно крут. Ехать верхом не представлялось никакой возможности. Лошадей вели в поводу. Тропа была узка. Справа и слева чередовались глубокие пропасти и глубокий многометровый снег. Замедляли движение попадавшаяся артиллерия и болгарские ополченцы.

«Шли налегке, – вспоминал впоследствии один из участников перехода, – батареи взяли только по четыре орудия, задки зарядных ящиков, а равно и все обозы были оставлены на месте; людям выдали на руки по пять фунтов вареного мяса. Дорога была страшно тяжелая – крутая и скользкая. Орудия тащила пехота; верховые должны были спешиться»⁸.

К часу ночи авангард был уже на перевале, где пришлось простоять в холод почти шесть часов. Дремали вполглаза. «Мороз крепко давал себя чувствовать, – писал офицер-преображенец, – но костры были строго воспрещены. [...] Особенно тяжело было, что горячую пищу невозможно было давать нам, офицерам, и солдатам, чтобы не возбудить внимания турок разведенными кострами; пищу готовили только в манерках, укрывая огонь складками местности, да к тому же люди, крайне утомленные работой, поневоле довольствовались только сухарями. [...] От постоянного пребывания на морозном воздухе почти все люди страдали катаром дыхательных путей, вследствие чего общий кашель в полку был неумолкаем; казалось, весь полк непрерывно кашлял. Железное нужно было здоровье, чтобы перенести все эти тяжкие испытания; но нужна была и сила воли, и безропотное перенесение всех трудов и лишений – эти люди были те же суворовские “чудо-богатыри”»⁹. И еще: «...В этих условиях армия была действительно великим братством, и это доказывалось не трескучими фразами, а делом»¹⁰.

Спуск был не менее крут. Лошади скатывались на задах. Драгуны спускались, держась за поводья.

На смотре генерал Радецкий, от имени Главнокомандующего Вел. Кн. Николая Николаевича, за славный переход через Балканы пожаловал на каждый эскадрон Московского лейб-драгунского полка по пять знаков отличия Военного ордена.

А другой военачальник ген. Гурко обратился в эти дни к своим воинам с такими словами: «Наконец, пришел час перехода через Балканы. Стойкость ваша, твердость в перенесении трудов и лишений и поразительные труды и терпение составят удивление всех, кто взглянет на эти дикие горы. [...]

Занятием Софии окончился этот блестящий период настоящей кампании, переход через Балканы, в котором не знаешь чему более удивляться: храбрости ли и мужеству вашему в боях с неприятелем или же стойкости и терпению в перенесении тяжелых трудов в борьбе с горами, морозами и глубокими снегами.

Пройдут года, и потомки наши, посетив эти дикие горы, с гордостью и торжеством скажут: “Здесь прошли русские войска и воскресили славу суворовских и румянцевских чудо-богатырей”.

Спасибо вам, молодцы, за вашу геройскую службу, спасибо вам за то, что вы порадовали Царя и Россию и поднесли им столь блестящий подарок к празднику Рождества Христова»¹¹.

И действительно, как писал другой участник похода: «Что за чудный богатырь русский солдат – ни холод, ни голод, ни горы, ни пропасти, ничто его не останавливает! Умейте его вести, и победа над целым миром обеспечена. Пред этим простым и безыскусственным созданием нельзя не благоговеть»¹².

Перейдя Иметлийский перевал, Московский лейб-драгунский полк был присоединен к правой обходной колонне генерал-лейтенанта Скобелева 2-го и вместе с ней участвовал в знаменитом сражении под Шейновым и Шипкой.

О его предыстории писал начальник Скобелевского отряда ген. А. Н. Куропаткин: «Самый переход через Балканы вследствие встретившихся местных трудностей (глубокий снег, крутые подъемы и спуски и бой у Иметли) совершен головой войск согласно предположений, но подтягивание всего отряда к Иметли потребовало почти на сутки более времени, чем рассчитывалось.

Благодаря медленному подтягиванию всего отряда, Скобелев, вопреки отданным ему приказаниям и данным обещаниям, атаковал Шейново 28 декабря, т.е. днем позже, чем следовало, и этим подвергнул риску успех всей операции под Шипкой.

В оправдание Скобелева можно сказать лишь только одно: он глубоко веровал, что атакуй Шейново 27-го, он был бы отбит»¹³.

В подоплеку событий тех дней, о которых А. Н. Куропаткин, будучи раненым, знал с чужих слов, был, кроме самого М. Д. Скобелева, посвящен двоюродный брат перешедшего как раз в те дни

Иметлийский перевал вольноопределяющегося гр. Ф. А. Келлера – подполковник граф Федор Эдуардович Келлер*.

«В многочисленных спорах по поводу указанного сражения под Иметли-Шейновым, – вспоминал А. Н. Витмер, – я всегда горячо защищал Скобелева [...], а в 1903 г. мне удалось услышать и подробное описание этого сражения от графа Келлера, бывшего с 27 декабря, после раны Куропаткина, начальником штаба Скобелевского отряда.

Граф Келлер был тогда, в 1903 году, губернатором в Екатеринославе**. Я заехал к нему, как к бывшему ученику по академии, и провел у него два вечера до позднего часа. Разумеется, заставил его не только рассказать во всех подробностях “Шейново”, но даже начертил план местности. Замечу, что граф Келлер, погибший через год на полях Маньчжурии, был рыцарем в полном смысле слова: благородный, блестяще храбрый, прямой, безхитростный, обаятельно симпатичный.

Келлер передавал мне весь эпизод с величайшим одушевлением и утверждал, что Скобелев, по пылкости натуры, непременно хотел атаковать 27-го и что он, граф Келлер, настоял на том, чтобы атака была отложена до 28-го.

* К тому времени за боевые отличия он был награжден орденами св. Владимира 4-й степени и Станислава 4-й степени (оба с мечами) и золотую саблю «за храбрость». 24 декабря 1877 г. подполковник гр. Ф. Э. Келлер был назначен и. д. начальника штаба Иметлийского отряда ген. М. Д. Скобелева вместо раненого подполковника А. Н. Куропаткина. Именно он 24–27 декабря провел отряд Скобелева через перевал и за отличие под Шейновым был награжден орденом св. Георгия 4-й степени. Впоследствии гр. Ф. Э. Келлер был назначен начальником штаба Болгарского земского войска, а в 1878 г. начальником штаба 1-й Гренадерской дивизии. Произведенный в полковники и пожалованный флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству, в 1879 г. он был командирован в Константинополь для участия в работах международной комиссии по определению границ Болгарского княжества.

** В Царствование Императора Александра III гр. Ф. Э. Келлер был назначен командиром Л.-Гв. 4-го Стрелкового Императорской Фамилии батальона (30.12.1882). Потом был заведующим мобилизационной частью Главного управления казачьих войск в чине генерал-майора (1890), директором Императорского Пажеского корпуса (1893–1899). Произведен в генерал-лейтенанты (1899) и назначен Екатеринославским губернатором, которым пребывал вплоть до марта 1904 г., когда отправился на театр военных действий против Японии. – С. Ф.

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ.

Святи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Маюра Графа К Е Л Л Е Р А .

I.	Святи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-Маюра Чинъ, имя, отчество и фамилия.
II.	Федосій Артуровичъ Графъ КЕЛЛЕРЪ.
Должность по службѣ:	

Приложенъ къ ст. 908.

внѣкъ отличія военнаго орденъ
т. полкъ № 8741 и 3 отъ. съ
5 полкъ № 2553.
орденъ: Св. Владимира
въ орденовъ за 25 лѣтъ" Св. С.
в 2 ст. Св. Анны 3 ст. и Св.
Анна 3 ст.
в орденовѣ медалъ въ чинѣ
полковника въ Боев Почтеннаго
ГОРА АЛЕКСАНДРА III, орденов:
медалъ за участіе въ Турціи:
1877-1878 г. г. Румынскій крестъ
орденъ, Кавалерскія кресты I и
орденскаго ордена Фелиппа Ве
нсаго" и Болгарскій орденов
Св. Александра 2 ст.

года Октября 12-го.

орьянъ
кол губ.

санскаго

господствующимъ сановитѣмъ Чино-
вѣ Кавалерійскаго учинивъ въ
днѣ 7 ян. Выдѣлѣвъ означеннѣ
своимъ Чинамъ вѣкомъ учинивъ по
всѣмъ и околнѣвъ. Чинамъ Орденов
введеніи околнѣвъ — отличіемъ

ПОСЛУЖНОЙ СПИСОКЪ

Святи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Генералъ-

Маюра Графа К Е Л Л Е Р А

Составленъ 23 Мая 1910 г.

Ф. А. Келлеръ

*487
4/1 487
487
487*

ЦГВИА
С. 2
С. 3
С. 4
С. 5
С. 6

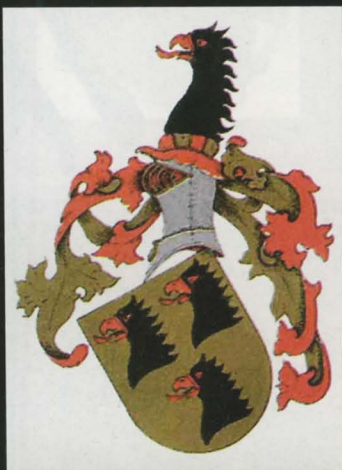
409
29728

Граф Федор Артурович Келлер (1857–1918) (ГА РФ)

Родовые гербы графов Келлеров

Родовой герб Розенцильд фон Паулинов, к которому принадлежала мать Ф. А. Келлера – графиня Н. Н. Келлер (1835–1892)

Генерал-майор
Я. П. Кульнев (1763–1812),
героический шеф
клятицких гусар, предок
графа Ф. А. Келлера со
стороны матери.
Наградное оружие
«За храбрость» генерала
Я. П. Кульнева

Граф Федор Федорович
Келлер (1791–1860),
крестник Императрицы
Екатерины Великой, дед
Ф. А. Келлера

Граф Эдуард Федорович Келлер
(1819–1903) с сыновьями:
слева – граф Федор (1850–1904),
справа – граф Александр (1858–?)
(из собрания В. Р. Ракитянского)

Генерал-лейтенант граф Федор
Эдуардович Келлер (1850–1904),
двоюродный брат Ф. А. Келлера

Граф Федор Эдуардович Келлер
(из собрания Н. К. Букринской)

Граф Федор Эдуардович Келлер
с сыном Александром
(из собрания В. Р. Ракитянского)

Полковник граф
Александр
Федорович Келлер
(1883–1946),
двоюродный
племянник
Ф. А. Келлера,
с супругой
Ириной
Владимировной
(1888–1962),
урожденной
Скарятиной

А. Ф. Келлер

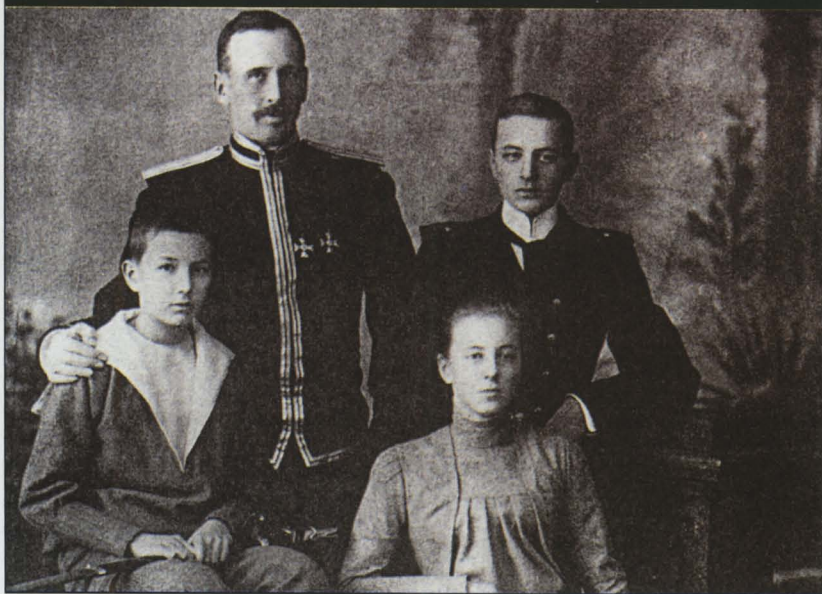

Граф Артур Артурович Келлер
(1907–1937), племянник
Ф. А. Келлера

Граф Александр
Федорович Келлер,
офицер
Кавалергардского
полка, во времена
Великой войны
ротмистр
Чеченского конного
полка Дикой дивизии
(из собрания
В. Р. Ракитянского)

Граф Ф. А. Келлер с детьми: Павлом (1883–1980) – справа;
Александром (1887–1944) и Елизаветой (1885–1965) – сидят

Мария Эдуардовна Кленмихель (1846–1931), урожденная графиня Келлер. Двоюродная сестра Ф. А. Келлера

Капитан 1-го ранга граф Павел Федорович Келлер, сын Федора Артуровича

Портрет графини Марии Александровны Келлер (Л. С. Бакст, 1902), урожденной княгини Шаховской (1861–1944), супруги графа Ф. Э. Келлера (Зарайский краеведческий музей)

Графъ Ѳ. А. Келлеръ,
Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ

НѢСКОЛЬКО КАВАЛЕРІЙСКИХЪ ВОПРОСОВЪ.

ВЫПУСКЪ 11.

1. Мѣсто конницы въ бою и причины неустойчивости взглядовъ на работу и назначеніе конницы.
2. Подготовкa офицеровъ къ командованію отрядами.
3. О приказахъ, выдаваемыхъ офицерамъ за скачку и ѣзду.
4. Малленъ, какъ мѣра искорененія сапа въ полкахъ.

Иванъ В. Березовскій

Комиссіонеръ Военно-Учебныхъ заведеній.

С.-Петербургъ, Колокольная, № 14.

1910.

Граф Ф. А. Келлер в период командования 3-м конным корпусом в форме 1-го Оренбургского казачьего Наследника Цесаревича Алексея Николаевича полка со знаками Александрийского гусарского Ее Величества Государыни Александры Феодоровны полка и Оренбургского казачьего войска (ГА РФ)

Нагрудный знак
Оренбургского
казачьего войска

Нагрудный знак 5-го гусарского
Александрийского Его Величества
Государыни Императрицы
Александры Феодоровны полка

Св. вмч. Федор Стратилат – небесный покровитель
графа Ф. А. Келлера

*Генерал-квартирмейстер
штаба войск
Императорской Гвардии
генерал-майор Б. В. Геруа
(1876–1942)*

*Наградное оружие
пожалованное Государем
Императором командиру
123-го пехотного
Козловского полка
полковнику Б. В. Геруа
за оборону города Ясло
3–4 октября 1914 года*

*Штаб Западной добровольческой армии.
В центре (в черкеске) – командующий армией генерал-майор
князь П. М. Бермонт-Авалов (ГА РФ)*

*Генерал-майор
князь
П. М. Бермонт-
Авалов и
генерал-майор
граф Рюдигер
фон дер Гольц,
(ГА РФ)*

Офицеры Западной добровольческой армии и германские добровольцы. В центре – П. М. Бермонт-Авалов (ГА РФ)

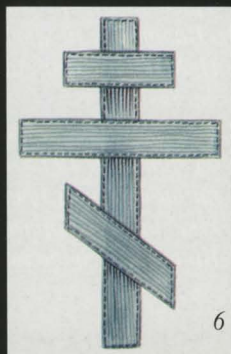
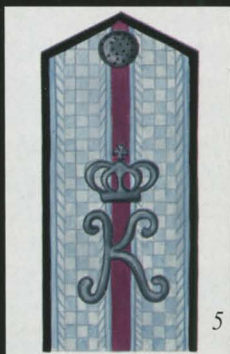
Части Западной добровольческой армии с боевым знаменем (РГАКФД)

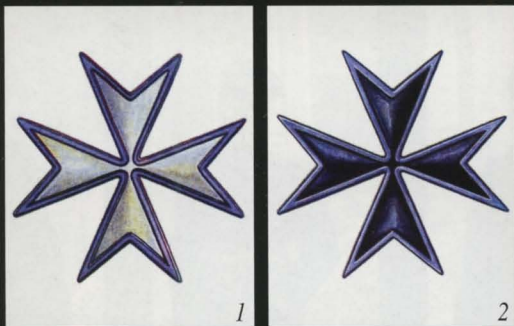

Форма Западной добровольческой армии:

1. Стрелок. Особый русский корпус. 1919 год.
 2. Офицер конвоя командующего армией.
 3. Офицер казачьей полусотни при конвое командующего.
 4. Офицерский погон чинов конвоя командующего.
 5. Погон чинов казачьей полусотни при конвое.
 6. Нарукавный знак чинов армии из галуна или тесьмы.
- (художник – А. В. Лебедева)

Знаки и награды Западной добровольческой армии:

- 1. «Крест Келлера». Нагрудный знак первых добровольцев, учрежденный в память о графе Ф. А. Келлере.*
- 2. «Крест Бермонт-Авалова». Нагрудный знак, учрежденный в знак траура по графу Ф. А. Келлеру в марте 1919 года. Носился в розетке георгиевских черно-оранжевых цветов.*
- 3. «Балтийский крест». Нагрудный знак, учрежденный князем П. М. Бермонт-Аваловым специально для германских добровольцев.*
- 4. «Крест Русского корпуса». Имел две степени. Учрежден 6 сентября 1919 года. Носился на ленте одновременно двух национальных цветов: с одной стороны – русских (бело-сине-красная), а с другой – германских (черно-бело-красная).*
- 5. Бронзовая медаль в память боев в Курляндии осенью 1919 года*

Граф Келлер передал мне даже весь разговор его со Скобелевым, на французском языке.

Скобелев страшно волновался.

– Нет, нет, – говорил он, – необходимо атаковать сегодня же (т.е. 27-го), а то, увидишь, меня будут упрекать, что я не исполнил диспозиции и этим подвергнул Мiрского* отдельному поражению. Увидишь, что меня будут обвинять.

– Ты, значит, – отвечал Келлер, – ставишь собственный интерес выше интереса дела. Извини, но я считаю, что, руководясь личным интересом, ты поступишь просто нечестно. Ты не имеешь права из личных побуждений рисковать успехом большого дела.

“Только этим доводом, – говорил мне Келлер, – мне удалось убедить Скобелева отложить атаку до 28-го, до сбора всего отряда. Таким образом, если кто упрекает Скобелева, я беру этот упрек всецело на себя”.

Зная Келлера за благороднейшего человека, я ни мало не сомневаюсь в истине его слов, и, тем не менее, отдавая должную справедливость основательности совета – честь решимости отложить атаку до 28-го всецело должна быть приписана Скобелеву: мало ли разнообразнейших советов приходится выслушивать военачальнику. Советовать не трудно. Трудно разобраться в советах, а, главное, – решиться принять тот или другой совет и взять на себя ответственность перед войсками, родиной и историей за принятое решение, от которого зависят иногда не только тысячи жизней, но участь сражения, исход целой войны...

В данном же случае представлялась следующая задача, разрешить которую было нелегко: атаковать немедленно, 27-го, теми частями, которые успели спуститься с гор – значило подвергнуться опасности быть разбитым по частям; но, с другой стороны, если не атаковать 27-го, то турки, свободные с этой стороны, могли всеми силами обрушиться на колонну Мiрского, могли разбить его, заставить отступить и на другой день, освободясь от Мiрского, опять-таки всеми силами ударить на Скобелева и, в свою очередь, подвергнуть его колонну отдельному поражению. Разобраться здесь было, повторяю, крайне трудно, и честь решения Скобелева, понадеявшегося на то, что Мiрский выдержит до начала его атаки – безусловно должна быть приписана ему, Скобелеву, одному Скобелеву»¹⁴.

* Начальник дивизии генерал-лейтенант Н. И. Святополк-Мiрский (1833–1898). – С. Ф.

В результате этого ожесточенного и одного из самых славных сражений русско-турецкой кампании под Шипкой-Шейновым, неоднократно описанного многими его участниками и подробнейшим образом разобранного военными историками, к концу второго его дня была пленена целая турецкая армия Весселя-паши (31 000 человек при 104 орудиях).

Все – как в песне 13-го стрелкового полка:

*Было, братицы, трудноовато,
Да помиловал нас Бог.
От рассвета до заката
Отдохнуть никто не мог¹⁵.*

Был ли этот бой для вольноопределяющегося гр. Ф. А. Келлера первым, неизвестно. Во всяком случае, судя по записи в послужном списке, он в нем участвовал и «за отличие в делах под Шейновым награжден знаком отличия Военного ордена 4 ст. под № 52741».

*Поручик хвалит: «Молодчага!
С первой кровью!
Отбились, господа. А вольнопер каков?!
И не тушуйся, братец...»**

Испытывал он в бою, вероятно, то же, что и все. Храбрые называют это чувство трусостью, трусы – инстинктом самосохранения. Севастопольский герой генерал-лейтенант С. А. Хрулев говорил, что «вначале героев нет, все трусы, а потом трусов уже нет ни одного, все герои»¹⁶.

«М. Д. Скобелев, – писал участник похода на Балканы генерал Н. А. Епанчин, – считается легендарным героем, но он сам говорил близким людям, что чувство страха на поле боя у него было сильное, но он побеждал его силою воли; те, кто его видел в боях, говорили мне, что лицо его страшно бледно; зная это, Скобелев всегда надевал белый китель, ездил на белом коне, чтобы менее заметна была необычная белизна лица, и казалось, что он совершенно спокоен. Но ведь это и есть настоящая храбрость – победить самого себя, победить свойственное человеку чувство самосохранения»¹⁷.

* О. Анатолий Кузнецов.

«Наши потери в Шейновском сражении, – писал русский военный историк, – 5679 убитых и раненых. Скобелев награжден шпагой с бриллиантами, Радецкому Великий Князь Главнокомандующий вручил свою Георгиевскую звезду. Пала не только линия Балкан – живой силе турок был нанесен непоправимый удар»¹⁸.

«ЛЮДИ БЛИЗКОГО КРУГА»*

К обычным во всяком походе лишениям прибавилась необычно суровая зима. Но то были трудности объективные. К сожалению, было немало и таких, которых можно было избежать, обрати на них командование должное внимание.

Военный министр Д. А. Милютин, писал известный русский военный историк А. А. Керсновский, передал довольствие армии «еврейскому товариществу “Коган, Грегер, Горвиц и К”». Обворованные войска терпели недостаток во всем – “товарищество” загребало золотые горы. Контракт с этим “товариществом” являет собой верх легкомыслия... [...] Главная Квартира обязана была сообщать агентам “товарищества” за неделю вперед местонахождение воинских частей и соединений на театре войны и все их маршруты. “Святая святых” военной тайны выносилась на улицу, доверялась сотням посторонних частных лиц, в большинстве “факторов” Западного края, знавших за неделю то, о чем старшие начальники армии обычно ставились в известность за день или за два»¹.

Члены этого товарищества совместно с будущим железнодорожным предпринимателем, а тогда южным откупщиком А. М. Варшавским, пишет современный исследователь, «выступали как коммиссионеры и получали 10% от стоимости поставок, причем “почти без всякого контроля этих цен и доставляемого количества”. Варшавский подрядился поставить для полевого интендантства 7000 пароконных крестьянских подвод, а затем печеный хлеб для Русской Армии в Сан-Стефано. Прибыли были огромными, армия платила 3 р. золотом и 1 р. 65 к. бумажными деньгами за подводу в день»².

Такую «сладкую жизнь» еврейским предпринимателям создал, как свидетельствовал гр. С. Ю. Витте, начальник штаба Действующей Армии, генерал-адъютант А. А. Непокойчицкий (1813–1881).

* Юрий Кузнецов. Маркитанты.

Именно он «устроил так, чтобы громадный подряд по интендантству был дан компании “Трегер, Варшавский, Горвиц и Коген”. Как говорили в то время, и, вероятно, не без основания, злые языки, Непокойчицкий за этот подряд получил или соответствующее вознаграждение, или чуть ли он не был пайщиком этой компании»³.

«Нынешняя кампания, – читаем в дневнике генерала от инфантерии П. Д. Зотова, – замечательна по отсутствию в войсках порядочных маркитантов. Даже на Кавказе, в диких горах, офицерство бывало более обеспечено в своем существовании, чем здесь, в 70–80 верстах от Дуная, куда упирается железная дорога»⁴.

Что уж говорить, если даже Императорская Гвардия при тяжелейшем безпримерном переходе через Балканы испытывала трудности с ...сахаром. «По этой части все бедствовали; перед переходом через Балканы Гвардию с трудом нагнал ее маркитант Львов, и у него с трудом удалось добыть несколько фунтов, чуть ли не по серебряному рублю (полтора рубля кредитками) за фунт. Поэтому все пили чай вприкуску или с маленьким кусочком сахара на стакан...»⁵ – свидетельствовал будущий военный министр России генерал А. Ф. Редигер, а в 1877 г. офицер Лейб-Гвардии Семеновского полка.

«Кое-как еще перебиваемся с продовольствием, – писал 14 января 1878 г. своему брату Вел. Кн. Сергею Александровичу Цесаревич Александр Александрович, – и Господь милостив, еще не голодаем, но кавалерия в жалком положении, изнурена, без фуража, и люди выбились из сил после 8-месячной постоянной сторожевой службы почти без отдыха»⁶.

Неунывающий русский солдат, тот, благодаря стойкости которого только и смогли состояться все наши немислимые победы и до этого, и впоследствии, после трехдневного интендантского поста (когда во рту не было и сахарной крошки) беззлобно шутил: «А знаете ли, братцы, ведь турецкий султан приезжал к царю и говорит ему: “Что ты, царь, пристал ко мне и хочешь отобрать у меня пленных, я, вот, отпущу своим в один день по три чарки водки, допущу их пьяных на твои полки, так они их прогонят аж за Дунай”. А царь ему на это в ответ: “Шутишь, брат султан, я выберу штуку получше: я своим солдатам ничего не дам трое суток, а пущу их на тебя голодных, так не только что возьмут твою Плевну, с голоду-то поедят и всех твоих турков”»⁷.

«Вот так потешается русский человек над своими невзгодами, – писал приведший этот окопный анекдот помянутый ген.

П. Д. Зотов, – не ропщет, не бунтует, а, посмеиваясь, терпит и исполняет свой долг».

В его же дневнике находим мы и нелюбезные характеристики «братушек», резко отличавшиеся от хорошо известных и до сих пор широко тиражируемых картинок хлебосольных столов, которыми болгары поначалу действительно встречали своих освободителей от полутысячелетнего не только инородного, но и иноверного ига. Но самое трудное, как и в самом обычном странноприимстве, это не только встретить, но упокоить и достойно проводить незваного (но в нашем-то случае давно и страстно чаемого!) брата во Христе, у которого ведь и свои привычки, и не всегда только благочестивые. Потому, наверное, странноприимство и вменяется в один из христианских подвигов. (Ведь что-то такое недовысказанное ни ими, ни нами позволило болгарам в первой и второй мировой войнах быть союзниками врагов «майки России»-освободительницы, вплоть до формирования ими частей СС⁸?..)

Но вот, собственно, выписки из дневника генерала:

(13.12.1877): «Дрова так дороги, что каждая топка железной печки обходится не дешевле франка. Ближайшее знакомство с болгарам располагает к ним все менее и менее. Я в этой нации не нахожу никаких симпатических черт: они весьма сходны с евреями, отличительная черта – это страсть к наживе денег, и эксплуатируют они нас же, своих спасителей. Цены на все поднимают неимоверно... [...] Нет сомнения, что у жителей есть запасы, сохраняемые где-нибудь под землей, но они их не продают, выжидая, что цены еще поднимутся...»⁹

(4.1.1878): «У болгар такое же начальное устройство в торговле, как у евреев, и никто не сможет продавать дешевле определенной таксы, дороже же брать дозволяется. Нас они эксплуатируют всеми зависящими от них средствами; цены на все поднимают невероятно высокие и деньги от нас принимают по курсу, ими намеченному...»¹⁰

К слову, заметим, что евреи все же оказались похитрее. Появляясь выше еврейская компания, которой мирволил русский военный министр, известный либерал генерал Д. А. Милютин, должна была «платить жителям золотом за взятые у них припасы по ценам, установленным полевым интендантством. Но агентам, конечно, было выгоднее получать припасы даром, и они придумали “золотую грамоту”; это была рамка из золоченого багета, в которую вставляли лист какой-нибудь газеты – “печатное слово”, столь магически дей-

ствовавшее на темное крестьянство, каковым были и болгары, большей частью селяки. Агент компании являлся с такой грамотой в деревню в сопровождении нескольких казаков, назначенных для охраны “особы” агента, что, конечно, сильно действовало на болгарских селяков. Эти жиды умели находить деревни подальше от района военных действий, где только знали, что пришли “русите” и бьют турок. [...] Агенты, учтя это, являлись в деревни, объявляли, что у них золотая Царская грамота, торжественно, в присутствии казаков, показывали ее селякам и объявляли, что Царь повелел им жертвовать для Русской армии, “освободителните”, все, что ей нужно. Царская грамота и казаки производили на селяков магическое впечатление, и агенты увозили нагруженные подводы в интендантские склады»¹¹. Однако и давали болгары, по свидетельству ген. И. В. Гурко, «то, что они собирали с турецких полей»¹², хозяева которых бежали.

О судьбе тех, кто не успел или не пожелал бежать, писал все тот же ген. П. Д. Зотов:

(19.1.1878): «В Осман-Базаре уничтожен турецкий квартал, видно, что не турки, а болгары жгут и уничтожают города»¹³.

(20.1.1878): «В Ески-Джуме тоже уничтожена только турецкая часть города, в болгарской же только 3-4 дома разрушено»¹⁴.

(24.1.1878): «Болгары плохо повинуются при деликатном с ними обращении»¹⁵.

(28.1.1878): «Натура болгар начинает высказываться»¹⁶.

«Край являл картину полного разорения, – писал русский военный историк об обстановке на подходах к Андрианополю. – Особенно тяжело было положение мусульман, массами погибавших от болгарских ножей»¹⁷.

Как тут не вспомнить обнаруженную еще в начале 1913 г. характеристику Г. Е. Распутиным болгар после опыта личного с ними знакомства во время паломничества: «...Ожесточенная нация, оцетинилось у них сердце; турки куда религиознее, вежливее и спокойнее. Вот видишь, как, а когда смотришь в газету – выходит по-иному».

В октябре 1913 г., как бы подводя итоги Балканских войн, Г. Е. Распутин говорил своему собеседнику: «Что нам, – спрашивал он, – показали наши “братушки”, о которых писатели так кричали, коих защищали, значит... Мы увидели дела братушек и теперь поняли... Все... Да...»

Основной вывод, который мы должны были бы вынести из русско-турецкой войны 1877–1878 гг., сформулировал незабвенной памяти Император Александр III, Сам несший все тяготы кам-

пани, удостоенный за боевые подвиги высшего ордена Русской Воинской Славы – Георгиевского Креста: у России есть только два верных союзника – ее Армия и Флот. Все остальное, как говорится, от лукавого.

К ТЕПЛОМУ МОРЮ!

Чтобы воспользоваться плодами победы под Шейновым, предупредив сосредоточение на пути к Царьграду сколько-нибудь значительных турецких сил, Главнокомандующий решил безотлагательно овладеть Адрианополем. Согласно директиве от 1 января, средней колонне, авангардом которой командовал ген. М. Д. Скобелев, надлежало идти на Адрианополь; туда же должна была направляться левая колонна ген. Радецкого; правой колонне под командованием ген. Гурко предстояло овладеть Филиппополем и, двинувшись далее, воспрепятствовать движению турок от Адрианополя к Царьграду.

Позднее, в своем приказе от 24 января, Главнокомандующий Русской Императорской армией так охарактеризовал то время: «Когда перешагнули вы через Балканы, я, несмотря на вашу усталость, потребовал от вас еще новых усилий. И вы не пошли, вы полетели»¹.

Скобелевский авангард возглавляла 1-я Кавалерийская дивизия. Три ее полка (включая московских лейб-драгун) вел Георгиевский кавалер, генерал-адъютант, генерал-майор Александр Петрович Струков (1840–1912).

Этот блистательный рейд собственно и решил исход всей кампании.

Занятием 2 января московскими лейб-драгунами важнейшего железнодорожного узла театра войны – Семенли турецкая армия Сулеймана была отрезана от Адрианополя. Она вынуждена была двинуться на юг к Эгейскому морю. В трехдневных боях, с 3 по 5 января, у Филиппополя турки были совершенно разгромлены, потеряв 20 000 человек и всю свою артиллерию (114 орудий). Таким образом, правая колонна ген. Гурко вывела из строя последний оплот Османской империи. Но первопричиной этого успеха было – не забудем – взятие Семенли.

Из послужного списка гр. Ф. А. Келлера известно, что с 1 по 8 января он находился в составе передового отряда средней колонны

(т. е. Скобелевского авангарда). С этим отрядом он шел от Казань-лыка до Адрианополя. 2 января он участвовал во взятии с боя железнодорожной станции Трнов на Марице, довольно широкой, но неглубокой (не более полутора аршин) реке, по которой шел мелкий лед...

Полковая история довольно подробно описывает этот эпизод:

«В первый день нового 1878 года полк получил приказание идти из г. Ески-Загры к станции железной дороги Трнов.

Выступив 2 января в 10 ч. утра и пройдя 45 верст, мы пришли в 8 ч. вечера в дер. Аладаг, где должны были остановиться, так как разъезды и жители доставили сведения, что станция занята турецкой пехотой и артиллерией, равно жители дер. Трнов и Семенли вооружены.

В 9 1/2 часов вечера выслан был второй эскадрон, под командой капитана Амосова, на рекогносцировку станции, где должен был постараться испортить телеграф и линию железной дороги.

Эскадрон этот неожиданно налетел на дер. Семенли и, сбив до 100 человек турецких солдат, захватил вход на мост и приступил к снятию рельс и телеграфа, что было поручено прапорщику Камсаракан. Около часу ночи капитан Амосов прислал донесение, что дер. Семенли занята громадными обозами вооруженных турок, а в 2 1/2 ночи – донес, что, спешив эскадрон, он занял эту деревню и мост через р. Марицу. Вызванные охотники с прапорщиками Веревкиным и Решетовым проникли на ту сторону реки, причем турки открыли по ним огонь из ружей и шести орудий, находящихся на батарее, построенной левее дер. Трнов. Не смотря на неприятельский огонь, охотники успели испортить линию железной дороги, порвали телеграфную проволоку, и, отступив за брошенные среди моста повозки, удержались. Турки с своей стороны стали разбирать настилку моста. Пододвинувши коноводов, капитан Амосов посадил эскадрон и отступил к полку.

В числе охотников, высланных для порчи железной дороги, находился рядовой второго эскадрона Борисов. Он был эскадронный кузнец. Были в эскадроне и другие кузнецы, но на долю Борисова всегда выпадало больше всех работы, так как он был хороший мастер своего дела.

Борисов ковал почти всех лошадей. [...] В руках Борисова и строгая лошадь делалась безсильной, когда он брал ее за ногу. Он обладал богатырскою силою. Вот и здесь при разрушении полотна железной дороги он выказал свою силу.

Когда охотники столпились и приступили к работе, турки скоро заметили это и открыли огонь. Пули завизжали около ушей ловавших дорогу солдат. Борисов работал за десятерых. Он с силою отбрасывал тяжелые рельсы, скидывал кучи камней, бросал шпалы, как легкое полено дров. Турецкие выстрелы усилились. Прапорщик Вережкин отозвал солдат, из которых несколько были уже ранены. Борисов продолжал усиленно работать. Он не слышал отзывающего приказания.

– Борисов, брось, довольно! – кричал офицер из-за прикрытия.

Но кузнец-молодец продолжал выворачивать шпалы, не обращая внимания на свистящие возле него пули. Офицер любил его. Он подбежал к нему, схватил его за руку и начал тащить от дороги.

– Довольно, Борисов, брось!..

– Постой, ваше благородие! Дай еще поломать маленько... Я, вишь, сейчас... Только вот... – Его насилу с руганью оттащили и только этим спасли от града сыпавшихся пуль.

Было еще много случаев, в которых рядовой Борисов выказывал свою стойкость и отчаянную храбрость, не щадя живота своего!

Конечно, такие солдаты отличаются начальством, и Борисов был отличен и получил в награду Георгиевский крест и унтер-офицерское звание.

Когда его поздравляли офицеры с получением креста, он отвечал:

– Да это что... я с тем и шел на войну, либо этот крест, либо деревянный в поле. Нет, вот что удивительно!.. и в учебной команде не был, а галуны заслужил. Никогда и во сне этого не видал.

– Доковался? – говорили офицеры.

– Доковался, ваше благородие. Чугунку турецкую изломал, всю в щепки. Ну и произвели. [...]

Временно командующий 1-й бригадой нашей дивизии Свиты Его Величества генерал-майор Струков, желая лично видеть расположение неприятеля, в 8 час. утра с авангардом, состоящим из эскадрона Его Величества и одного взвода четвертого эскадрона, под общей командой капитана Касторского, двинулся к станции Грнов, приказав остальным эскадронам выступить через час. Авангард, поднявшись на возвышенность, увидел станцию, пройти к которой можно было только по железнодорожному мосту. Влево от моста, на высоком кургане была расположена неприятельская батарея. При приближении нашего авангарда из-за батареи вышла турецкая пехота и направилась к мосту. Видя наступление, турки зажгли мост и отошли к станции железной дороги.

Подойдя к мосту, эскадрон должен был остановиться, так как настилка моста саженей на шесть от берега уже сгорела. Люди эскадрона спешили, кинулись на мост и стали гасить огонь, что им и удалось исполнить. В это время остальные эскадроны заняли деревню Семенли и стали исправлять мост, люди же эскадрона Его Величества перебрались на ту сторону и, добежав до батареи с криком “ура”, подхватили орудия и на себе привезли их к мосту, который в это время был уже настолько исправлен, что можно было по нем перевезти взятые орудия. Вслед за этим сейчас же был выслан четвертый эскадрон для занятия станции»².

Это событие отмечено многими участниками войны. Так, в дневнике генерала П. Д. Зотова читаем запись за 4 января о генерале А. П. Струкове: «С одним эскадром он берет Тырнов, защищаемый 300 низами с 6-ю орудиями и 5000 вооруженных жителей; подобно Карцову, взявшему штурмом Орлиное Гнездо без всякой потери»³.

«За занятие ст. Семенли Тернова» гр. Ф. А. Келлер 4 января 1878 г. был «награжден знаком отличия Военного ордена 3 ст. с бантом под № 2553»⁴.

Эта награда была учреждена 13 февраля 1807 г. Императором Александром I специально для нижних чинов «за заслуги боевые и за храбрость против неприятеля оказанные». Императором Александром II 19 февраля 1856 г. было установлено четыре степени Знака отличия Военного Ордена (две первые золотые, а 3-я и 4-я серебряные). За русско-турецкую войну 1877–1878 г. ими было награждено 46 000 человек. В 1913 г. по воле Императора Николая II Знак был переименован в Георгиевский Крест⁵.

Сохранилось свидетельство, что обоими своими Георгиевскими крестами Федор Артурович был награжден Великим Князем Николаем Николаевичем собственноручно⁶.

По этому случаю прилично также повторить и вот эти строчки, сказанные о себе человеком, удивительным образом (почти через сорок лет) повторившим судьбу графа Келлера: вольноопределяющийся, кавалерист, награжденный двумя солдатскими Георгиями, и при этом тоже ни одной царапины. У него также:

*...Святой Георгий тронул дважды
Пулею не тронутую грудь*.*

* Николай Гумилев. Память.

Стоит, пожалуй, отметить, что из 73 награжденных знаком отличия Военного ордена за кампанию 1877–1878 гг. московских лейб-драгун лишь трое были удостоены Именного приказа. Двое других также вольноопределяющиеся и из титулованных: граф Николай Щепкин и граф Отто фон Валь. Но единственный из них – гр. Ф. А. Келлер – был награжден *дважды*⁷. Впоследствии, будучи уже генералом, он неизменно носил эти солдатские награды среди других, полученных уже позднее. Они были ему дороги. Сослуживцам (подчиненным) на распросы, за что им были получены солдатские Георгии, он отвечал весьма кратко с самоуничижительным оттенком: «Сам не знаю за что! Первый крест получил по своей неопытности: ординарцем вез приказание и вместо штаба наскочил на турецкий окоп. Турки обстреляли меня, а начальство увидало и наградило. А второй крест за то, что проскакал горящий мост. Вот и все!»⁸

Из послужного списка, далее, известно, что гр. Ф. А. Келлер принимал участие во взятии г. Хермонова (Германли). Вот что об этом сообщает полковая история московских лейб-драгун:

4 января «третий эскадрон под командой майора Чулкова был выслан для преследования неприятеля. Подойдя к шоссе, ведущему из г. Филиппополя в г. Адрианополь, майор Чулков заметилдвигающийся к г. Германли огромный обоз; чтобы узнать, какого рода идет обоз и зачем, майор Чулков послал прапорщика Протасьева с 10 драгунами. Только что прапорщик Протасьев подъехал к обозу, как был встречен градом пуль, лошадь под ним была убита и он был ранен одной пулей в руку, а другой контужен в грудь; его спасла записная книжка и гребенка, которая была в боковом кармане и которую пуля не могла пробить. Услыхав эту перестрелку, майор Чулков послал на помощь взвод; после довольно долгой перестрелки турки, находившиеся при обозе, бежали, оставив его в наших руках. Оттеснив турак, майор Чулков продолжал наступать к г. Германли, пройдя который, занял станцию железной дороги, находившуюся в двух верстах от города. Вскоре разъезды третьего эскадрона донесли, что идет турецкий обоз под сильным прикрытием; майор Чулков пошел с эскадронам навстречу обозу; приближаясь к городу, он услышал перестрелку. Турки оттеснили наши посты за шоссеиный мост, в самый город, причем мост завалили повозками; железнодорожный мост, находившийся в тылу эскадрона, был зажжен болгарами.

Спешив эскадрон, майор Чулков выслал стрелковую цепь, которая завязала перестрелку. Посланный с донесением прапорщик

Горталов, услышав сильную перестрелку, поторопился к генералу Струкову, которому обо всем доложил. Генерал Струков немедленно послал подполковника Алексеева с полуэскадронам эскадрона Его Величества и наездниками. Майор Чулков между тем стал сильно теснить турок и повел свой эскадрон в штыки; в это время показались в тылу у неприятеля наездники эскадрона Его Величества, и турки бежали, бросив весь обоз. Утром 5 января полк вступил в г. Германли.

В 12 часов ночи четвертый эскадрон, под командой капитана Ригера, был послан к г. Мустафа-Паша; при занятии этого города четвертый эскадрон был встречен огромным отрядом черкесов и принужден был отступить к полку. В помощь ему был дан второй эскадрон, и дружными усилиями двух эскадронов черкесы были принуждены отдать город и станцию»⁹.

6 января, в день Крещения Господня боевых действий не вели. Стояли морозы. На реке вырубил лед. Освящали воду. «Глас Господень на водах вопиет...» «Днесь вод освящается естество...» Потом погружались в студеную глубину. «Во Иордане крещающуся Тебе, Господи...»

Между тем, в расположении кавалерийской бригады генерал-майора А. П. Струкова прибыли выборные от жителей Адрианополя. Они просили занять его и спасти от угрожающего, по их мнению, разгрома наполнивших город башибузуков и фанатичных черкесов.

Адрианополь часто именовали второй столицей Османской империи. На его окраине располагался обширный султанский дворец. Для прикрытия Константинополя там уже во время войны английскими инженерами была сооружена сильнейшая крепость с 36 фортами. Во взятии ее, судя опять-таки по послужному списку, участвовал гр. Ф. А. Келлер. А было это, согласно исторической памяти московских лейб-драгун, так:

«В 6 часов утра 8 января 2-й дивизион нашего полка и 1-й дивизион Петербургского, тогда бывшего 1-го Уланского полка, выступил к Адрианополю. 1-й дивизион нашего полка был оставлен в г. Мустафа-Паша для наблюдения за отступающими частями армии Сулеймана-Паши.

Сводный полк прибыл к г. Адрианополю ровно в час дня. На встречу нам вышли все жители города с духовенством, хоругвями и иконами, восторженно приветствуя наши войска. Не входя в город, полк расположился биваком, куда жители принесли солдатам хлеб,

вино и мясо. В городе было взято 28 орудий, приготовленных к отправлению в г. Константинополь»¹⁰.

«Этот отряд, – писал в воспоминаниях ген. Н. А. Епанчин, имея в виду бригаду А. П. Струкова, – состоял из 1-го уланского Петербургского полка, 1-го драгунского Московского полка и казачьего Донского № 1 полка. Этот небольшой отряд прискакал к Адрианополю, и генерал Струков потребовал немедленной сдачи этой славной крепости, окруженной 36 фортами с гарнизоном в 22 000 человек и с обильными запасами всякого рода.

Крепость [...] сдалась генералу Струкову без сопротивления, и это, конечно, объясняется тем сильным впечатлением, которое на турок произвело падение Плевны, особенно неожиданный для них зимний переход через Балканы, разгром армии Шакира в Этропольских Балканах, взятие в плен армии Вессель-паши и Шипки и, наконец, поражение армии Сулеймана у Филиппополя»¹¹.

Через день после занятия Адрианополя отряд ген. А. П. Струкова выступил на Царьград. Мороз сменился оттепелью. Наступила распутица. В ночь с 12 на 13 января заняли железнодорожную станцию Люле-Бургас; «17 января эскадрон Его Величества участвовал в занятии города Чорлу [Чарлу], вступив в который получил благодарность от Его Императорского Величества Государя Императора и от Великого Князя, Главнокомандующего армией, за действия полка с 1-го января»¹². В этом последнем населенном пункте 19 января была получена телеграмма о заключения перемирия.

Для того, чтобы яснее дать себе отчет, каким было значение тех боевых дел, в которых принял участие вольноопределяющийся гр. Ф. А. Келлер в первой половине января 1878 г., за что он получил свои первые боевые награды, предоставим слово военному историку:

«Главная масса нашей конницы всю войну действовала безцветно, в чем виной было исключительно рутинерство старших военачальников [...] Но всякий раз, когда во главе этих эскадронов и сотен становились достойные их командиры, слава венчала их штандарты»¹³.

«Из общего количества 260 эскадронов и сотен конницы стратегическую роль суждено было сыграть лишь 14. Но рейд их на Адрианополь поставил Турцию на колени. Никогда еще за всю новую историю на долю конной части не выпало столь решительного жребия, что достался московским драгунам, петербургским уланам, донцам 1-го полка и их лихому начальнику генералу Струкову»¹⁴.

«Девять русских эскадронов нарушили все стратегические расчеты Турции. Неутомимый Струков громил тылы противника, захватывал обозы, огромные склады продовольствия и снаряжения и 6 января стоял уже в Мустафа-Паше, в кавалерийском полупереходе от Адрианополя.

Взятие Семенли побудило турецкое правительство обратиться, наконец, к великодушию победителя. 5 января турецкие парламентарии прибыли на русские аванпосты. Разгром Сулеймана делал защиту Адрианополя безнадежной. 7-го он был эвакуирован, 8-го туда вступил Струков, а 10-го и авангард Скобелева. Развивая успех, Скобелев в тот же день двинул 1-ю Кавалерийскую дивизию – на Радосто. 14 января к Адрианополю стали подходить войска Гурко, а 16-го подошел и Радецкий. В Адрианополе найдено 70 исправных орудий. Все движение к Адрианополю совершалось при чрезвычайно неблагоприятных обстоятельствах – в 10-градусный мороз, а затем в оттепель и гололедицу. Неся все запасы на себе, войска переходили вброд разлившиеся реки и ручьи. [...] Двинувшись от Адрианополя, Струков занял 13 января Люле-Бургас, обгоняя и обезоруживая бегущих турок и выслав летучие отряды к Чаталдже. [...]

Изверившись в помощь англичан и в свои деморализованные войска, уstraшенное рейдом конницы Струкова, турецкое правительство предписало своим уполномоченным безусловно подчиниться русским требованиям [...] Турецкие войска были доведены к самому Константинополю. Русские авангарды, пройдя Чаталджу, стали в 10-15 верстах от Царьграда»¹⁵.

«19 января вечером, – вспоминал очевидец, – переговоры были закончены, но когда старому, заслуженному Савфету-паше* пришлось подписать Адрианопольский договор, он от волнения и сознания тяжкой ответственности заплакал, и тут-то сказалося золотое сердце [Великого Князя] Николая Николаевича, который ласковыми словами стал успокаивать бедного пашу и, зная, как магометане покорны воле Аллаха, сказал Савфету, что как ни тяжело его положение, но он знает, что все совершается по воле Аллаха и против нее идти нельзя. Договор был подписан...»¹⁶

Вот какой предстала Русская Императорская Армия, спустившаяся с гор и дошедшая почти что до самых стен столицы Оттоман-

* Министру иностранных дел Турции в 1875–1882 гг. – С. Ф.

ской Империи, иностранным корреспондентам, осматривавшим бивуак авангарда русских войск 12 февраля 1878 г.:

«Вид людей был бодрый, гордый одержанными успехами; это были наиболее сильные духом и телом воины, ибо все более слабое осталось позади; со времени перехода через Балканы, т.е. в течение двух месяцев, считая от середины декабря, мы не получали маршевых команд, т.е. людей, прибывавших в войска на их усиление, и в строю были только люди, перешедшие Балканы и совершившие поход до Царьграда.

Корреспонденты внимательно осматривали бивак, восхищались бодрым видом наших молодцев, интересовались многими сторонами нашей боевой и походной жизни.

По окончании обхода бивака они говорили мне, что они знают, какие ужасные испытания и лишения мы перенесли во время стоянки на Балканах в зимнее, суровое время. Они просили показать им тех людей, отдельно от остальных, которые выдержали ужасы стоянки и участвовали в зимнем переходе через Балканы. Когда я сказал им, что все люди, которых они видят, были на Балканах, они мягко выразили сомнение и настойчиво просили все же указать на тех, которые перенесли все ужасы зимнего похода... Очевидно, в их представлении эти люди должны были иметь совсем особый вид, нечто вроде “пещерного человека”, человека “каменного века”; они, видимо, никак не могли представить себе, чтобы человек, перенесший все эти ужасы, сохранил обычный “человеческий облик”. [...] ...Это было блистательное воинство, отбор славной нашей армии, лучшие силы одной из лучших в мире армий»¹⁷.

Препровождая в 1-й Лейб-Драгунский Московский полк боевые награды, начальник 1-й Кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта М. Н. Дохтуров на списке кавалеров сделал следующую надпись:

«Товарищи! Вы достойно поддержали славу первого конного полка, названного Петром Великим “Московским”.

Поздравляю Вас с пожалованными Вам щедрою рукою Царя и Августейшего Главнокомандующего знаки отличия Военного Ордена.

*Генерал ДОХТУРОВ»*¹⁸.

Дер. Костанкиой.
9 февраля 1878 года.

Государь Император пожаловал полку Георгиевский Штандарт с надписью «За быстрое наступление и взятие Адрианополя в 1878 году»¹⁹. В Высочайшей грамоте говорилось²⁰:

Божиею Милостию
Мы, Александр Второй, Император и Самодержец Всероссийский,
Царь Польский, Великий Князь Финляндский
и проч. и проч. и проч.
1-му Лейб-Драгунскому Московскому Имени Нашего полку.

В ознаменование особенного МОНАРШЕГО благоволения НАШЕГО, за оказанные подвиги мужества и храбрости 1-го Лейб-Драгунского Московского ИМЕНИ НАШЕГО полка, в Турецкую войну 1877 и 1878 годов, ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ жалует полку сему Георгиевский Штандарт с надписью: “за быстрое наступление и взятие Адрианополя в 1878 году” с сохранением и прежней под Орлом надписи: “1700 и 1850” и ПОВЕЛЕВАЕМ Штандарт сей освятить по установлению, употреблять на службу НАМ и Отечеству с верностью и усердием, Российскому воинству свойственными.

На подлинном Собственной ЕГО
ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА
Рукой начертано:

АЛЕКСАНДР.

В Царском Селе
21 июля 1878 года.

Пожалованный штандарт был освящен и прибит к древку в присутствии всех офицеров, вахмистров и выбранных от каждого эскадрона двух рядовых. Было это уже на родине...

Сам Царь венчал драгун наградой...

.....
*И памятник тому есть вечный:
Штандарт Георгиевский в строю;
Под ним умрет драгун безпечный,
Сложивши голову в бою²¹.*

«Штандарт считался полковой святыней – как бы душою полка – и ему оказывали совсем особые почести. Штандарту при-

сягали молодые солдаты и офицеры, штандарту отдавали честь, становясь во фронт, даже генералы. Вблизи штандарта никто не смел произнести ругательства или скверного слова. Штатские люди и обыватели обязаны были снимать шапки при встрече со штандартом»²².

Такое отношение выработалось не сразу: «В Царствование Императора Александра I, знамена, как полковые, так и батальонные, считались как бы просто полковым имуществом, и когда приходили в ветхость, то взамен них просто жаловались новые». Иным был взгляд на это Императора Николая I. В нем мы находим основания для описанного отношения к знамени части, как к великой святыне. В приказе генерал-инспектора по инженерной части Вел. Кн. Михаила Павловича 1827 г. читаем: «Государь Император отозваться соизволил, что жалуемые полкам знамена в знак мужества и в память отличных в войнах подвигов присвоятся уже навсегда полкам, как отличительные воинские доспехи, свидетельствующие о храбрости и доблестях воинов под оными служивших. Почему каждый полк обязан с особенным попечением охранять знамена свои от ветхости и в самой древности их находить лестнейшее удостоверение в достоинствах и заслугах тех воинов, коими приобретены оные»²³.

Среди этого всеобщего почитания и необычных почестей этому, по словам одного гвардейского штандартного унтер-офицера, «неодушевленному предмету, представляющему собою, однако, душу полка»²⁴, знаменательно единственное исключение. Описывая объезд фронта Гвардии Императором, очевидец вспоминал: «Мое место было рядом со штандартом. Царь поравнялся. И вдруг штандарт, наш гордый штандарт, при встрече с которым ломали шапки штатские люди, а старые генералы струнками вытягивались во фронт, наш штандарт с ликом Бога Небесного, плавно склонился к самым копытам Государевой лошади, чуть не дотронувшись ликом Христа до грязной земли. Слезы разом затуманили глаза. [...] Я с трудом узнавал Государя. [...] ...Мне серьезно чудилось, что взгляд Его безмолвных глаз хотел сказать: “Да, вы правы, Я больше, чем человек. Я могущественнейший на земле. Так должно быть, и вы это знаете”»²⁵. – Зримое воплощение слов Первого Русского Грозного Царя: Истинный Государь «есть образ одушевлен Царя Небесного»²⁶.

БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

Последний седьмой месяц русско-турецкой кампании после перехода Балкан, когда, по словам одного из выдающихся военных историков, «русское военное искусство пробуждается. Грозно и прекрасно оно в этом своем пробуждении!» ... «Тут в первый ряд выдвигаются три вождя: Гурко, Радецкий, Скобелев. Все трое – люди железной воли. Каждый, однако, по-своему: Гурко – могуч и решителен; Радецкий – спокоен и непреклонен; Скобелев – блестящий, “сверкающий”. В свои энергичные руки принимают они ведение войны, сообщают ему свой неизгладимый отпечаток»¹. Этот же отпечаток наложили они и на многих участников кампании, многие из которых, уже в эпоху Царя-Мученика, поведут Русскую Императорскую Армию на последнюю ее войну, довести которую до конца, однако, им уже не придется... Среди этих военачальников-ветеранов будет и полный генерал граф Федор Артурович Келлер, близко наблюдавший за действиями всех трех названных выше вождей славной русской военной силы, служивший непосредственно под началом двух из них. Как тут не вспомнить совет непревзойденного Суворова: избрав себе героя, изучить его действия, следовать за ним, чтобы, наконец, превзойти его во славу Царя и Отечества!

Из сражений на Балканах Федор Артурович не мог не вынести того убеждения, что «те из начальников, которые сами шли на смерть с войсками, не вызывали упреков, какие бы ошибки не делали»².

Таким генералом, которого, без всякого преувеличения, каждый солдат желал бы иметь своим начальником, был генерал М. Д. Скобелев. Вольноопределяющийся гр. Ф. А. Келлер был свидетелем того объезда войск *Белым генералом* после завершения кровопролитнейшего сражения под Шипкой-Шейновым, которое художественно было закреплено на одном из полотен Верещагина: «Войска отвечали на его приветствие восторженно, бросали вверх шапки, кричали “ура” до хрипоты, у многих были на глазах слезы. Глубоко взволнованным был и сам Скобелев. Несомненно, что эта минута была одной из лучших во всей его жизни»³.

Каким же был секрет этой солдатской любви, привязанности и веры этому генералу? Прежде всего, этого он достиг заботой о войсках. «Он их кормил даже в горячем бою, – свидетельствовал ближайший его соратник генерал А. Н. Куропаткин. – В то время, как другие начальники с началом боя засылали кухни своих частей воз-

можно дальше, в опасении как бы они при отступлении не попали в руки противника, Скобелев, думая, прежде всего, об обеспечении победы, напротив, возможно продвигал кухни к боевым линиям, требовал, чтобы котлы с горячей пищей привозились даже на передовые позиции. Трудно представить себе, какое успокаивающее, бодрящее на войска впечатление производило появление на позиции ротной повозки с котлами, наполненными горячей пищей или бочки с водой. Утомленные, с надорванными уже нервами, бойцы оживали и не столько от радости, что вот утолят голод, сколько от сознания, что об них заботятся, что они не забыты.

Прибавим, что Скобелев умел появляться именно в такие минуты и ласковым словом, шуткой, заботливым участием еще усиливал благотворное впечатление на войска своих распоряжений. Перед боем войска видели Скобелева в неустанной заботе по подготовке успеха боя. Они видели, что и ночью в ставке Скобелева не было отдыха.

В день боя Скобелев каждый раз представлялся войскам особенно радостным, веселым, симпатичным. При объезде войск Скобелев представлял собой, как бы олицетворение самой войны. Солдаты и офицеры весело и с доверием смотрели на его воинственную красивую фигуру, любовались им, радостно приветствовали его и от всего сердца отвечали ему «рады стараться» на его пожелание, чтобы они были молодцами в предстоящем деле.

Встречаясь с частями, с которыми уже был в деле, Скобелев умел несколькими словами напомнить их общее боевое прошлое. [...]

С началом боя Скобелев обыкновенно следовал с передовыми войсками до того пункта, откуда ему лучше всего было руководить боем и, насколько то возможно в сложной обстановке современного боя, действительно руководил им, употребляя для сего резервы и становясь во главу войск лично там, где резервов не хватало или где, по ходу боя, он считал необходимым свой личный пример»⁴.

Михаил Дмитриевич вообще рассматривал военного начальника не только как руководителя боем, но и как «последний резерв»⁵, что, как мы увидим впоследствии, блестяще исполнил летом 1914 г. в славном кавалерийском сражении под Ярославцами генерал гр. Ф. А. Келлер.

«Надо помнить, – писал М. Д. Скобелев, – что мы, войска, понимаем по-своему победу и поражение и что в нашей оценке этих явлений всегда проглядывается известная доля поклонения преда-

нию и искусству; в борьбе же с вооруженными массами надо кровью нагонять страх, нанести материальный ущерб»⁶.

Но было и еще нечто, подмеченное А. Н. Куропаткиным и даже выделенное как самое главное: «Но все эти качества еще не сделали бы Скобелева любимцем войск и народным героем, *если бы он не обладал в высокой степени таинственным даром влиять на массу, подчинять ее своей власти и влиять ей к себе стихийную любовь и доверие.* [...]»

Отступавшие возвращались, лежавшие вставали и шли за ним на смерть.

Его громкое «вперед, ребята» придавало всем новые силы... Трудно передать ту глубокую веру в Скобелева и любовь к нему, какая читалась даже во время боя на некоторых лицах солдат и офицеров. Приближенные Скобелева чувствовали к нему часто обожание, были влюблены в него, и каждый из молодежи, собранной им около себя, не задумываясь отдал бы за него жизнь свою.

Этот священный и таинственный дар – влиять на массу и передавать ей свою решимость создавал столь сильную нравственную связь между войсками и Скобелевым, что для них ничего не было невозможного, ничего потерянного, пока не сомневался в успехе сам Скобелев»⁷.

Когда впоследствии мы будем знакомиться с воспоминаниями участников кавалерийских атак, которые вел генерал Келлер на полях первой мировой войны, многое из сказанного здесь о генерале Скобелеве у нас непременно всплывет в памяти...

Говоря о прославленном военачальнике, следует, однако, строго различать Скобелева, как кавалерийского генерала и полковнца, от Скобелева-политика (ею он стал особенно увлекаться в последнее время русско-турецкой войны). Именно в ту пору Михаил Дмитриевич, отмечал один из ближайших его друзей, «всцело отдался славянской идее, вытеснившей в его уме мысли о необходимости исключительной заботы о развитии нашего могущества в Азии, походе на Индию и проч.»⁸

Об общественно-политических взглядах М. Д. Скобелева сохранилось свидетельство довольно близкого его знакомого В. В. Верещагина, писавшего, что генерал «был сторонником развития России и движения ее вперед, а не назад...», но, прибавлял он, «распространяться об этом неудобно»⁹.

А вот антинемецкие настроения, принимавшие в устах М. Д. Скобелева даже некоторый антидинастический оттенок, на-

шли в русской офицерской среде сочувствие и, по крайней мере, через посредство этой самой среды, оказали определенное влияние на гр. Ф. А. Келлера.

Выступая в Петербурге перед офицерами, собравшимися в первую годовщину взятия Геок-Тепе, Скобелев, имея в виду вспыхнувшее в Боснии антиавстрийское восстание, заявил (12.1.1881): «Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки, направленные нам в груди...»¹⁰

«Славяне и тевтоны, – высказывался он за границей, – никогда не разделят мировую Империю. Одна из этих двух рас должна подчинить себе другую. Дай Бог, чтобы это была наша, которая вышла бы победительницей из этого страшного испытания, а я, как бы я хотел заставить немцев лизать пыль под нашими ногами»¹¹.

«Мы не хозяева в своем собственном доме, – сказал он посетившим его в Париже сербским студентам 5.2.1882 г. – Да! Чужеземец у нас везде. Рука его проглядывает во всем. Мы игрушки его политики, жертвы его интриг, рабы его силы... Его безчисленные и роковые влияния до такой степени властвуют над нами и парализуют нас, что если, как я надеюсь, нам удастся когда-нибудь избавиться от них, то не иначе как с оружием в руках. И если вы желаете узнать от меня, кто этот чужеземец, этот пролаз, этот интриган, этот столь опасный враг русских и славян, то я вам назову его. Это виновник “Drang nach Osten” – вы все его знаете! – это немец! Повторяю вам и прошу не забывать, наш враг – немец! Борьба между славянами и тевтонами неизбежна... Она даже близка...»¹²

Но, как отмечают современные исследователи, такие резкие речи Белого генерала были даже выгодны Бисмарку, как оправдание сколачиваемому им Тройственному Союзу (1882).

Давление извне на занявшегося политикой генерала очевидно. После известной петербургской речи 12.1.1882 г. он признавался В. В. Верещагину: «они меня заставили...» «Кто “они”, – прибавлял художник, – я, конечно, промолчу»¹³. Так же отрицал он и «*приписываемую*» (как он выразился) ему речь перед сербскими студентами. Не отказался он от нее публично только благодаря настойчивым уговорам со стороны французского государственного деятеля Л.-М. Гамбетты¹⁴. Как известно, последний буквально был одержим идеей реванша Франции после поражения ее во франко-прусской войне 1870–1871 гг. (идеей, приведшей впоследствии к первой мировой войне и Россию). Чтобы приобрести в лице прославленного русского генерала сторонника предполагавшегося им рус-

ско-французского сближения, Гамбетта подослал к Скобелеву своего политического друга, французскую писательницу г-жу Адан.

Однако, как справедливо писал советник русского посольства в Париже гр. Капнист, «партия реванша» в то время во Франции состояла из «лиц, не имеющих никакого влияния и никакого политического значения»¹⁵. Повышенное же настроение во Франции в связи с речью русского генерала проистекало вовсе не из расчета на союз с Россией, о котором тогда люди реальной власти и не задумывались, а исходя из совершенно иных политических расчетов: «Чем сильнее будут подорваны взаимоотношения между С.-Петербургом и Берлином, тем более будет вынуждена Германия считаться с Францией и поступиться некоторыми приобретенными ею преимуществами. В случае же конфликта между Россией, с одной стороны, и Германией и Австрией, – с другой, положение Франции сделалось бы совсем выигрышным, так как при умелом использовании его она могла бы надеяться возратить без боя часть того, что ею было утрачено в 1870 г.»¹⁶

Но, как бы то ни было, произнесение этих речей М. Д. Скобелева, особенно последней, парижской, приобрело, как справедливо писал известный отечественный историк Е. В. Тарле, не только «значение первостепенного политического события, но и вообще уже никогда не было забыто ни европейскою дипломатиею, ни историками...»¹⁷

Русский посол в Париже кн. Орлов в своих посланиях в Министерство иностранных дел Империи уподоблял Скобелева Гарибальди, особо подчеркивая: «Слова, произнесенные генералом Скобелевым, имеют вполне определенный и ясный смысл. В них от Государя требуется незамедлительное объявление войны, иначе Он, якобы, будет принужден к тому волей Своих подданных»¹⁸. Если учесть завязавшееся знакомство М. Д. Скобелева с И. С. Аксаковым (в начале января 1882 г., перед отъездом генерала во Францию)¹⁹ и вспомнить характер действий последнего с его Славянскими комитетами накануне русско-турецкой войны, а также его резко-негативную демонстративную реакцию на итоги Берлинского конгресса, то тут действительно есть над чем задуматься...

Сама смерть М. Д. Скобелева в расцвете сил (в 39 лет) в московском отеле Дюссо, впрочем, как и гибель за два года до этого не чаявшей души в своем сыне Ольги Николаевны Скобелевой, заколотой кинжалом в болгарской Румелии, остаются все еще под покровом тайны. «Передовые» круги намекали на причастность

к преждевременной кончине генерала чуть ли не членов Династии. Другие видели в этом действия германских агентов, что, учитывая заинтересованность Бисмарка в резких высказываниях генерала, также нелепо. С наибольшей долей вероятности, думается, можно говорить о заинтересованности в этом англичан, причастных, как известно, и к убийству Императора Павла I, и к устранению впоследствии от Престола Царя-Мученика, начавшегося убийством Царского Друга, в котором английские агенты также принимали непосредственное участие. Скобелев же, напомним, замахнулся на «святая святых» Английской короны – Индию.

«Потеря для Русской Армии, – писал в телеграмме сестре генерала Император Александр III, – трудно заменимая и, конечно, всеми истинно военными сильно оплакиваемая. Грустно, очень грустно терять столь полезных и преданных Своему делу деятелей людей»²⁰.

Некоторые высказывания М. Д. Скобелева поражают своим видением перспективы, приближаясь к зрению будущего. Сквозь легкую дымку в них проглядывают Августовские леса, Галицийские поля*, Сталинград, Берлин 1945-го, Чечня начала XXI века и еще более отдаленное будущее:

«Несомненно, что организация немецкой армии превосходна; ее дисциплина и поведение выше всяких похвал; интендантство в своей организации достигло баснословного совершенства; но, несмотря на все эти преимущества, я все-таки полагаю, что, в конце концов, она не в состоянии будет победить нашу армию. Мы, без сомнения, будем разбиты во всех или почти во всех генеральных сражениях, но вместе с тем мы уничтожим все военные силы немецкой армии, которая, как все машины вообще, нуждается в постоянной смазке главных пружин... Итак, я не боюсь войны с военной точки зрения; мы будем сперва разбиты, но в конце концов останемся победителями...»²¹

«Риск войны не одинаков: для Австрии и Германии это вопрос быть или не быть; для нас нет ничего подобного»²².

* Знакомясь с некоторыми размышлениями М. Д. Скобелева по поводу будущего столкновения с Германией и Австро-Венгрией, написанными еще до оформления Тройственного Союза, с удивлением понимаешь, что содержавшееся в его частных письмах по большей части было принято к делу (См., напр.: Ген. М. Д. Скобелев: «Мы не хозяева в своем доме» // Источник. 1993. № 5/6. С. 61–62).

«Я могу сойти за дикаря в глазах мирового общества, но я придерживаюсь того принципа, что покой или общее спокойствие в Азии прямо пропорциональны резне, на которую вызывают сами азиаты. Вы видели или слышали, как они обращаются с русскими, не только военнопленными, но и с мирными жителями? Я отвечаю им тем же: бей врага его же оружием, а азиата и по воображению. Чем сильнее их бьют, тем дольше они остаются тихими. Главный залог нашей силы в том, чтобы из этих дикарей сделать людей, это важнее победы»²³.

«Вы скажете, что эта война будет безумна, что это самоубийство. Может быть. Но есть обстоятельства, когда самоубийство неизбежно»²⁴.

У ВРАТ ЦАРЬГРАДА

Еще перед самым началом войны, составляя от имени жителей Старой Руссы письмо Императору Александру II, великий русский писатель Ф. М. Достоевский, именуя Государя «единственным на земле Великим Покровителем и Защитником веры нашей, Пресвятого Креста Господня, а вместе с тем и всех христиан православных», завершал послание знаменательной евангельской фразой: «Да будет же едино стадо и един Пастырь» (*Ин. 10, 16*)¹. То есть теми же словами, при прочтении которых в 1552 году во время Божественной литургии в виду Казани, Царь Иоанн Васильевич Грозный увидел, как на Его глазах стена татарского города осела и в образовавшийся пролом неудержимо устремились русские войска...

Используя эти слова, Федор Михайлович, разумеется, имел в виду основную сакральную цель войны для России – Царьград.

История того, почему в результате безпримерных побед русского оружия Царьград – извечная не столько геополитическая, сколько мистическая цель России – так и не был взят в 1878 году, во многом до сих пор не освещена не только с исчерпывающей, но и вообще с самонаименьшей долей ясности.

Объемистый труд известного русского историка генерала Н. К. Шильдера, специально посвященный этому вопросу, так и не был опубликован.

Основательно изучивший русско-турецкую войну 1877–1878 гг. по многочисленным документам, лично встречавшийся и знакомившийся с воспоминаниями первостепенных дея-

телей той эпохи (такими, например, как гр. Н. П. Игнатьев), наконец, сам в качестве офицера участник кампании и автор множества трудов о ней, удостоенных высоких оценок, генерал от инфантерии Н. А. Епанчин писал: «...Я имею право сказать, что довольно подробно знаю вопрос о Константинополе. В нем целый ряд недоразумений, интриг, и в результате “козлом отпущения” оказался Великий Князь Николай Николаевич»².

Царская воля была ясно выражена в разговоре Государя с Великим Князем в Ливадии 16 октября 1876 г., во время которого Император сказал брату, что в случае войны с турками тот будет назначен Главнокомандующим. В день заключения Сан-Стефанского мира Великий Князь писал Государю: «Я помню, когда Ты мне в Ливадии объявил Твою волю назначить меня Главнокомандующим, и я спросил Тебя, *какая цель войны?* Ты ответил одним словом – Константинополь, и вот я у врат Царьграда»³.

Всегда точный в изображении исторических реалий (тщательно изучавший их) генерал от кавалерии П. Н. Краснов (1869–1947), с которым мы еще не раз встретимся на страницах этой книги, в своем романе «Цареубийцы» (1938 г.), пользуясь предоставляемой жанром свободой, писал:

«...Война еще не началась, как Государя окружили масонские влияния, как дипломатия стала давить на Государя и заставила Его [...] написать письмо Английской королеве Виктории и обещать ей, что Русские войска не войдут в Константинополь. Масоны грозили, что, если этого не будет сделано, Англия и Австрия объявят войну России и повторятся события Севастопольской кампании...

Главнокомандующему и брату сказано одно – дал королеве слово исполнить другое... Легко было это Государю?.. [...] Государь жертвовал Своим самолюбием ради пользы народа.

Начались решительные победы. Сдался Осман-паша. Армия Сулеймана была отрезана от Адрианополя. Укрепленный природой и иностранными инженерами, Адрианополь был занят конным отрядом Струкова. Намык-паша, почтенный турок, старик, парламентар, со слезами сказал: “Турция пропала!..” Великий Князь Николай Николаевич Старший спешил к Константинополю. Между Адрианополем и Петербургом шел непрерывный обмен телеграмм. [...]

Свитский генерал Хан Чингис-хан рассказывал: английский флот появился у Принцевых островов. Румыны стали нахальничать и отводить свои войска к австрийской границе – своя рубашка

ближе – боялись Австрии, на Дунае один из двух мостов был сорван бурей, тиф косил нашу армию.

– Несмотря на это, – говорил с кавказским акцентом Чингисхан, – Михаил Скобелев занимает Чатаджу. Турок трепещет. Мы черкески себе новые шьем – с Николаем Николаевичем в Константинополь входить будем... Турки хотят подписать наши условия мира – англичанка их настраивает. Нах-ха-лы! Николай Николаевич выводит армию в “ружье”. Сейчас идем на Константинополь! Турки и хвосты поджали... Что ты думаешь?.. Телеграмма от Государя: “Не входите в Константинополь...” Великий Князь – брат Государя... Как может он не исполнить приказа Государя? Был бы Скобелев на его месте, вошли бы туда. Тот пошел бы на это – казни меня, а Константинополь твой!.. Но понимаешь, Великий Князь не может так поступить вопреки воле Государя... Телеграмма!.. [...]

Эти темные английские масонские силы вмешались в дело войны. Они поссорили Государя с Великим Князем и внушили Государю недоверие к брату»⁴.

Однако вот как реально для России складывалась внешнеполитическая обстановка перед началом военных действий.

Франция, не оправившаяся от разгрома ее в 1870–1871 гг., не могла никак повлиять на события. Она даже была благожелательна к России. Германия стояла на точке зрения невмешательства в Восточный кризис. Бисмарк даже заявил, что, по его мнению, оккупация Императором Александром II Болгарии является законной. Однако стоявшие до сих пор на твердой почве династических связей взаимоотношения двух Империй были серьезно поколеблены отказом в 1875 г. России поддержать превентивный удар Германии по готовящейся к военному реваншу Франции. Именно тогда весьма близорукая политика нашей дипломатии бросила Германию в объятия Австро-Венгрии. И хотя Бисмарк высказался, казалось, весьма определенно («Восточный вопрос не стоит костей даже одного померанского гренадера»⁵), он в то же время и не испытывал сильного желания сдерживать Австро-Венгрию. Последняя же, чувствуя молчаливую поддержку Германии, выдвинула требования к России (без этой поддержки она вряд ли решилась бы на такой шаг).

В январе 1877 г. между Австро-Венгрией и Россией в Будапеште была подписана секретная конвенция. Одним из условий, на которых Император Франц-Иосиф согласился сохранить свой нейтралитет, было то, что Россия не тронет Константинополя⁶. Что это был за «нейтралитет», можно судить по письмам Государя из Действующей

армии, в которых Он прямо писал, что «депеша, полученные Мною из Вены, испортили Мне немало крови»⁷. В одном из посланий Император подробно рассказывал о преступных планах венгров, формирующих отряды вольных стрелков в Карпатах с целью нанести предательский удар в спину Русской Армии в Румынии.

Другим и более серьезным препятствием была Англия.

Еще в 1876 г., на другой день после беседы с братом, 17 октября, Император Александр II принял в Ливадии английского посла Лофтуса и «дал ему слово, что в случае победоносного исхода войны Константинополь не будет *присоединен* к России. Таким образом, Государь точно разграничил эти два понятия – цель войны и присоединение»⁸.

Однако уже первая официальная реакция Англии на объявление Россией войны Турции была «прямо враждебная и даже дерзкая». Когда эту первую ноту оставили без ответа, последовала вторая. В ней были перечислены «все те пункты неприкосновенности, которых Англия требует от России под угрозой, в случае несогласия России, признавать каждое из нарушений этих перечисленных пунктов за *casus belli*. Пункты эти были следующие: Суэцкий канал, Египет, Дарданеллы и Босфор, Константинополь и, в заключение, Персидский залив». «Это не вяжется со здравым смыслом»⁹, – сделал на полях депеша с требованиями помету Император Александр II.

Абсурдность выдвинутых требований понимали искушенные в международном праве депутаты британского парламента. Как можно, задавались они вопросом, одной воюющей стороне (России) запретить посягать на территории и столицу другой (Турции)?

По оценке современников, реакция на эту английскую ноту со стороны министра иностранных дел Российской Империи А. М. Горчакова была такова, что он, «опасаясь разрыва с Англиею, поступил с достоинством России. [...] Князь Горчаков счел нужным ответить лондонскому кабинету длинным посланием, в котором уже без всякого соображения с достоинством России по каждому пункту отдельно давал обязательство Англии за Россию признавать их обязательными... [...] Эта декларация была Ахиллесовою пятою для России в предпринятой ею войне, и все то, что два года спустя произошло для России печального и унижительного под стенами Царьграда сперва и в Берлине на конгрессе после, было неизбежным последствием этой несчастной декларации, сделанной князем Горчаковым при объявлении войны. Это было прямо установлением принципа опеки не только Европы, но и лично Англии над Россиею в ее войне с Турциею»¹⁰.

«Не имея возможности предрешить заранее развитие и ход войны, Императорский кабинет все же повторяет, что захват этой столицы не входит в планы», – вот точная формулировка из ответа А. М. Горчакова на английскую ноту по интересующему нас вопросу.

До поры до времени об этом ответе не знал даже Главнокомандующий, Царский брат.

«Когда Главнокомандующий находился в июле 1877 г. в Тырнове, – писал очевидец, – то однажды за обедом с чинами полевого штаба Великий Князь высказал мысль, что если дела и впредь пойдут так же успешно, то может случиться, что нам придется вступить в Константинополь. В числе обедающих был Александр Иванович Нелидов, состоявший при Главнокомандующем по дипломатической части; после обеда он имел разговор с Великим Князем и определенно доложил Главнокомандующему, что и речи не может быть о вступлении в Константинополь, так как Государь дал Англии торжественное обещание Константинополя не занимать, понимая под этим словом неприкосновенность Константинополя для нашей армии. Такая точка зрения была совершенно неожиданной»¹¹.

Вскоре после падения в конце 1877 г. Плевны последовала новая английская нота. Правительство Ее Величества, говорилось в ней, «считает крайне желательным со всех точек зрения избежать занятия Константинополя русскими войсками»¹². И снова А. М. Горчаков поспешил успокоить британское правительство.

Так война превратилась для России, с точки зрения ее государственных интересов, в *военную прогулку* (выражение появившееся в первый период войны).

В начале 1878 года в Константинополе турки уже готовили русским войскам торжественную встречу.

Прибывшего в январе 1878 г. в турецкую столицу в придворной фуражке с кокардой кн. В. П. Мещерского турецкие купцы наперебой зазывали к себе в лавки и, угощая кофе, уверяли, что они «с нетерпением ждут появления русских войск». На главной улице ко дню вступления Русской Армии воздвигались трибуны для публики.

В Германском посольстве, на котором присутствовали итальянский и австрийский дипломаты, их германский коллега принц Рейс, обращаясь к кн. Мещерскому, заявил:

«– ...На днях русские войска входят в Константинополь [...]

Я смотрю на обоих послов и вижу на их лице тревожное изумление.

– То есть как войдут? – спросил австриец. – Частным образом?

– Нет, самым официальным.

– Как, с оружием в руках?

– Да, с оружием в руках.

– Так это взятие Константинополя? – спросил австриец.

– Да, взятие Константинополя. Я полагаю, что русские имеют на то полное право, – заметил принц.

– А Европа, – почти торжественным голосом сказал итальянский посол, – а Англия?

Принц усмехнулся.

– Мой дорогой коллега, – ответил он, – вы знаете, что Европа, а следовательно, и Англия признают принцип свершившегося факта...»¹³

«Положение наше в настоящую минуту, – писал 14 января 1878 г. в дневнике ген. П. Д. Зотов, – блестящее. Турки армии не имеют, мы от столицы их в 5-6 переходах с 100 000 армией, которая еще может быть усилена 6-ю дивизиями Восточного отряда... [...] Нам следует настаивать на мире с Турцией сепаративно, как бы это не было неприятно для наших друзей. Ни Англия, ни Австрия моментально вмешаться в войну не могут, они будут только нас пугать. Раз заключен сепаратный мир, мы им выставим un fait accompli*, а это в политике вещь очень важная, поневоле замолчат.

Кренке рассказывает, что будто бы Государь прислал Великому Князю копию с телеграммы к Нему королевы Виктории, в которой Ее Британское Величество пишет, что она надеется и уверена, что Император не станет заключать мир с Турцией без предварительного соглашения с Англией.

Мне кажется, что подобная телеграмма со стороны Английской королевы, первый министр которой, несмотря на официальный нейтралитет, всячески поддерживал Турцию и нам пакостил, есть, по меньшей мере, со стороны Ее Британского Величества самая дерзкая насмешка, за которую следовало бы ей ответить равносильной дерзостью»¹⁴.

Дальнейшие события развивались следующим образом:

«Войска мои движутся безостановочно вперед, – телеграфировал 11 января 1878 г. Августейшему Брату Главнокомандующий. – Ужасы, делаемые уходящими, бегущими в ужасе турками – страшные»¹⁵.

«15 января Государь повелел Главнокомандующему наступать на Константинополь, если турки в трехдневный срок не подпишут

* Совершившийся факт (*фр.*) – *С. Ф.*

условий перемирия и предварительных условий мира; это требование было исполнено турками 19 января 1878 г.

Граф Н. П. Игнатьев, посланный Государем в Главную квартиру армии для ведения переговоров с турками, [...] устранял всякую мысль о захвате Россией Царьграда при тогдашних обстоятельствах»¹⁶.

Турки затягивали исполнение условий договора, и тогда Великий Князь двинул войска к Царьграду. В авангард под командой ген. М. Д. Скобелева наряду с другими войсками был назначен 1-й Лейб-Драгунский Московский полк. В колонне, наступавшей вдоль берега Мраморного моря на Царьград, шел и Лейб-Гвардии Преображенский полк.

С 19 января до 19 февраля гр. Келлер, согласно послужному списку, находился в г. Чатаджи, селениях Кадыкюй, Наказкюй, Баазкий и Ихитай и г. Селевры (Силиври).

Большинство местных жителей в этих селах и городке были греки, никогда не относившиеся дружелюбно к России за исключением тех случаев, когда приезжали туда за денежными сборами.

Между прочим, в маленьком живописном городке Силиври, располагавшемся на берегу Мраморного моря, произошел оригинальный случай, свидетелем которого наверняка был и гр. Ф. А. Келлер. «...Там был греческий митрополит, к которому... полковой священник [Л.-Гв. Преображенского полка] о. Зиновьевский обратился с просьбою разрешить совершить богослужения в местной греческой церкви. Едва ли митрополит мог сомневаться, что о. протоиерей первого полка Русской Гвардии действительно православный священник, однако же он ему отказал, и потребовалось обращение к митрополиту командира нашей бригады Принца А. П. Ольденбургского с речательством, что о. Зиновьевский действительно православный священник. Митрополит присутствовал на первой Литургии и вошел в храм под руку с Принцем. На нас поведение митрополита произвело тяжелое впечатление, а положение Принца было довольно своеобразным в этом церковном вопросе, ибо Александр Петрович был лютеранин»¹⁷.

* * *

«Блестящие успехи нашей армии чрезвычайно обеспокоили английское правительство. [...] 26 января лорд Биконсфильд приказал английскому флоту бросить якорь у Константинополя с согла-

сия или без согласия турок, и 3 февраля флот стал близ южного входа в Босфор, у Принцевых островов»¹⁸.

До этого дважды уже английский флот, дежуривший в Безикской бухте, по распоряжениям из Лондона выходил в Проливы. Дважды приказ отменялся. «Если после всего происшедшего флот еще раз вернется в Безикский залив, – заметил глава Foring Office маркиз Роберт Солсбери, – наше положение станет смехотворным»¹⁹.

Однако на сей раз отмены приказа не последовало. Семь английских броненосцев под флагом вице-адмирала Хорнби с довольно значительным десантным корпусом на борту бросили якорь под Константинополем. Командиром одного из кораблей – броненосца «Султан» – по личному настоянию королевы Виктории был назначен ее второй сын – Альфред, герцог Эдинбургский (1844–1900). «Тонкость» этого шага состояла в том, что он состоял капитаном I ранга Российского Императорского Флота, приходясь зятем Императору Александру II. (В 1874 г. в С.-Петербурге, вопреки препятствиям, чинившимся будущей английской свекровью, единственная Царская дочь, Великая Княжна Мария Александровна сочеталась законным браком с герцогом Альфредом²⁰.) Командир английской эскадры получил приказ немедленно начать бомбардировку русских войск, если только они вступят в город²¹.

«Тогда Государь повелел Главнокомандующему “немедленно занять Константинополь, если англичане войдут в Босфор”, и указал, что “если англичане будут вести себя миролюбиво, то считать их как союзников”, прибывших для сохранения порядка, если же они будут действовать враждебно, то “считать их врагами”. Слова “если англичане войдут в Босфор” давали значительную неопределенность повелению Государя, ибо англичане, в сущности, уже были в Босфоре, так как их флот стоял в одном часу хода от Константинополя»²².

* * *

Для авангарда, в состав которого входил полк гр. Ф. А. Келлера, скоро наступил конец непродолжительной стоянки в г. Селевры (Силиври). «11 февраля мы получили приказ продолжать поход к Царьграду. Мы выступили в тот же день и к вечеру дошли до сильно укрепленной позиции; длинный морской залив преградил нам путь, и только у самого берега моря его пересекала длинная дамба с мостами; противоположный берег был укреплен и занят турками. После переговоров и угроз с нашей стороны турки отсту-

пили, и ночью мы перешли дамбу безпрепятственно. К утру мы подошли к местечку Сан-Стефано и стали фронтом к Царьграду, из-за которого восходило солнце; до города было около десяти верст.

Вскоре к нам приехал верхом Главнокомандующий, сердечно благодарил войска за службу и сам, взволнованный видом Константинополя, с особым чувством сказал: **Ребята, видите вы этот город; ведь это Царьград**²³.

Увы, в который раз повторялось одно и то же:

*Забудем сны. Не надо – так не надо
Ни Золотого Рога, ни Царьграда.*

*И моря мы с тобою не увидим...
Смолчим, и дум не выдадим друг другу,
И выйдем врозь в одну и ту же вьюгу*.*

* * *

Уповая на поддержку англичан (английские броненосцы в Мраморном море и вправду уже наблюдали русские войска), турки продолжали тянуть с заключением мира. Великий Князь пригрозил им занятием Константинополя. И мир был подписан.

На 19 февраля (день восшествия на Престол Государя и 17-ю годовщину освобождения крестьян) был назначен торжественный парад для торжественного объявления о заключенном мире.

Главнокомандующий Великий Князь отправил Государю телеграмму, завершавшуюся рифмой:

*В день освобождения крестьян,
Произошло освобождение христиан
От ига мусульман²⁴.*

Ознакомившись с этим текстом, офицеры-острословы, прекрасно понимавшие разницу между ценой добытой победы и выгодами мира для России, прибавили к этому одну строчку:

*Ich bin ein dummer Mann**.*

* *Наталья Ганина.* А мы с тобою моря не увидим...

** *Глупый я человек (нем).*

С этого дня чуткий слух современников начинает улавливать вполне явственное вмешательство в ход человеческой истории Вышних Сил.

«Ужасный был этот день 19 февраля в Сан-Стефано, – писал кн. В. П. Мещерский. – Все время тихая погода вдруг рассердилась и впервые явилась во всей ярости своего гнева. С утра стал шуметь ужаснейший ветер, море заволновалось, по небу неслись темные тучи, и в этой-то холодной и мрачной обстановке войска стали собираться на парад, на поле возле Сан-Стефано». Зябнувшие от ужасных порывов разбушевавшегося урагана люди думали только об одном: «как бы скорее пытка кончилась».

«Великий Князь подъехал к первым шеренгам войск и сказал солдатам: ребята, оглянитесь назад, вон Святая София. Солдаты оглянулись назад.

– Вот отсюда, с пригорка, вам лучше будет видно, – сказал Великий Князь, указывая на место, где он находился.

И солдатики подбежали к этому возвышенному месту и оттуда стали смотреть в темную даль, где с трудом, благодаря мчавшимся по небу тучам, можно было разглядеть купол какой-то мечети.

Помню, как у меня в эту минуту болезненно сжалось сердце.

Так вот для чего были все эти победные и братские клики; для чего десятки тысяч лучших сынов нашего народа легли навеки на поле битвы; вот для чего тысячи и тысячи солдат лежали, томясь в страданиях от ран и болезней, – думал я, и думали, вероятно, все до единого стоявшие на сем сан-стефанском поле русские войска, – чтобы взбежать на пригорок под стенами Константинополя и оттуда взглянуть через туманную даль на купол Св. Софии».

*Вижу глав церковных блистанье,
На крестах почивший свет...
Дивно-стройные очертанья
Цареграда, которого нет*.*

Но вот у белого домика на окраине Сан-Стефано, где происходили переговоры и за которым внимательно наблюдали войска, обнаружилось какое-то движение. «...Раздалась команда “Смирно!”, и мы увидели едущую, направляясь к фронту войска, коляску с тройкой лошадей, в которой, с бумагами в руках, сидел главный уполно-

* *Наталья Ганина.* Как в пластину розовой яшмы...

моченный, генерал-адъютант Игнатъев. Он ехал и держал бумагу свою высоко, точно торжественно и словно возносил ее над тысячами героев-солдат, стоявших в строю под своими прострелянными знаменами, точно он говорил: вот, ребята, плод вашего героизма и дело вашей крови!

И затем прочитано было объявление Сан-Стефанского мира. Раздалось “ура”.

Ураган, заглушавший это “ура”, – был сильнее звуков солдатской груди, и так же холоден, как ее крик!

Но лицо у главного представителя нашей дипломатии было сияющее, и этот контраст между сиянием вестника мира и между разочарованием войск, которым он о нем объявлял, я запомнил.

Затем всех поразила торжественность минуты, когда провозглашена была на этом поле вечная память войскам, живот свой положившим за веру, Царя и отечество, и когда все войска в эту минуту преклонили колена под звуки молитвенного пения, сливавшиеся с плачем шумящего ветра»²⁵.

Потом был церемониальный марш. Потом... «Когда же мы вернемся домой?..»

* * *

Постепенно в результате неопределенности позиции С.-Петербурга положение у Главной квартиры стало меняться. «Мы даже не догадались, – сетовал А. А. Керсновский, боясь даже предположить нечто иное, кроме глупости или недогадливости, – задержать у себя 145 000 турецких пленных до выяснения международной обстановки! Возвратив их в конце весны, мы собственными руками воссоздали турецкую армию, с таким трудом сокрушенную у Плевны, Шипки и Филиппополя. Турецкая армия у Константинополя крепла с каждым днем, наша – таяла от болезней»²⁶.

А вот свидетельства о том же очевидца: «...Турки сосредоточили под Константинополем гарнизоны крепостей Рущука, Шумлы, Варны и Силистрии, на очищении коих мы энергически настаивали, не поставив туркам условием, чтобы эти войска были перевезены в Малую Азию, а не под Константинополь.

Таким образом, на глазах нашей Главной квартиры, бывшей в Сан-Стефано, появились значительные турецкие силы, которые заняли позицию между Константинополем и нашей армией, имея правый фланг у Черного моря, а левый – у Мраморного, а оба эти моря были не в наших руках.

Если бы был исполнен совет Н. П. Игнатьева занять европейский берег Босфора севернее Константинополя, то турки не могли бы занять ту позицию для прикрытия Константинополя, которую они укрепили. Позиция эта укреплялась на наших глазах и наконец стала настолько сильной, что успех атаки ее был более чем сомнительным; ее и можно было атаковать только в лоб, и если бы Англия открыто взяла сторону турок, то ее флот угрожал бы обоим нашим флангам»²⁷.

Мы не располагаем сведениями о том, как всё это воспринимал вольноопределяющийся граф Ф. А. Келлер, однако об общем состоянии армии имеются некоторые свидетельства.

«Пребывание в Сан-Стефано, – вспоминал гвардейский офицер-семеновец, – было страшно тоскливым. [...] В войсках свирепствовал тиф. Настроение становилось все более тоскливым и унылым. Вскоре после нашего прихода в Сан-Стефано, нам были разрешены поездки в Константинополь и я там бывал раза два-три... [...] Оставалось только чтение, и для этого я закупал книги в Константинополе»²⁸.

Эти поездки в Царьград вспоминал и его сотоварищ, офицер-преображенец, проявивший при этом гораздо больше любознательности: «Мы совершали поездки в Константинополь, осматривали его исторические достопримечательности, начиная с храма Св. Софии – увы, все еще мечети. Поездки в Константинополь мы совершали не как победители, а как туристы, в штатском платье...»²⁹

*Пусть другие дивятся убранству,
Письменам-ятаганам – я же,*

.....
*Слышу отзвук далекого хора,
Вижу всё, как тогда: во славе, –*

*Ты-то знаешь. Лелея сон свой,
Ввысь и вглубь, в пределы иные
Ты глядишь, закатное солнце,
Купол света, Святая София*.*

Храм Святой Софии, вспоминал офицер Генерального Штаба, «был набит беженцами, среди которых было довольно много больных черной оспой»³⁰. Несмотря на сделанные предохранительные

* *Наталья Ганина* Купол мгlistый, Святая София!..

прививки, многие заболели, возвращаясь впоследствии на родину с сильными следами оспы на лице – отметинами сидения под Царьградом.

Лично наблюдавший русских воинов в эти дни очевидец писал: «Мне казалось, что наши героини-войска, усевшись в Сан-Стефано, у ворот Царьграда, увы, похожи были на Руслана в замке Наины, отдаваясь чарам изнеженной истомы и теряя волю, энергию и инициативу. [...]

...Измученные, усталые, почти голодные и нравственно убитые известием о том роковом “стой”, которое судьба произнесла в тот миг, когда они вынесли все невзгоды, все тяжести похода с надеждою все забыть в стенах взятого Царьграда. [...]

...Началась новая жизнь нашей гвардии. Она расположилась лагерем около Сан-Стефано и получила отдых и приволье. Но невеселы были этот отдых и это приволье. Внезапный переход от героических подвигов небывалого в истории мира перехода через Балканы, с лазанием по горам и переходами по шею через реки, – к бездействию в мягком воздухе Босфора имел губительные действия на наши войска и в физическом, и в нравственном отношении. Сразу между войсками, где не было больных на сказочных вершинах Балкан, появился тиф, сразу стали наполняться госпитали, а рядом с этим целый день, чтобы изгнать тоску, люди ели, пили, играли, дремали до вечера, когда везде открывались гостеприимные двери кафе-шантанов, и одурелые от дневного бездействия люди в полудремоте слушали похабные шансонетки. [...]

Как вчера помню сильное впечатление, которое на меня произвела картина одного из многих действий этой атмосферы на молодого офицера, еще недавно давшего своему имени ореол героизма. [...]

...После первых минут радостной встречи я стал испытывать странные впечатления, глядя на усталое, скучное и безжизненное выражение лица, глаза точно дремлющие, речь ленивая, с постоянными перерывами... [...] Что я ни делал, чтобы разбудить в нем дремлющего льва вопросами и расспросами, я не мог ничего добиться, кроме общих фраз, дышавших скукою и разочарованием, и после часовой квазибеседы вышел с самым тяжелым впечатлением на душе»³¹.

Но еще более точно (по крайней мере, с точки зрения психологии русского офицера), а также с высоты последующего тяжелейшего опыта революции, гражданской войны и эмигрантского прозябания писал об этом фантастическом стоянии у врат Царьграда кавалерийский генерал П. Н. Краснов:

«Время шло, и не видно было, как вдруг наступила весна, пришло тепло, потом стало и жарко, и вот уже июль на исходе – поспели фрукты: урюк, черная слива, абрикосы, груши, дыни, и появился первый золотистый, янтарный виноград. [...]

У деревни Амбарли был расположен госпиталь для выздоравливающих. Повыше, на горе, над деревней, стоял лагерем Лейб-Гвардии Литовский полк. [...]

Над деревней, поближе к лагерю, есть каменный уступ, как бы природный балкон над морем. На нем лежат мраморные глыбы. Сюда, особенно под вечер, когда повеет прохладой, собираются выздоравливающие из госпиталя. Они садятся на камнях и долго, часами смотрят вдаль.

Сказочная, невероятная, несказанная красота кругом. Вот оно – синее море! Море-океан детских сказок. И на нем – Царьград – тоже город-сказка, знакомый с детских лет.

Константинополь внизу, как на ладони... Он лепится по кручам перламутровую россыпь домов, золотых куполов, иглами минаретов, прихотливо прорезанный морскими заливами. Море за ним, подальше вглубь, такого синего цвета, что просто не верится, что вода прозрачная. Кажется, нальешь в стакан – и она будет, как медным купоросом настоящая. В извилине залива Золотой Рог – вода мутно-зеленая – малахитовая. Эта игра прозрачных красок, белые гребешки волн, то и дело вспыхивающие по морской дали, так чарующе прекрасны, что нельзя вдосталь налюбоваться на них.

По заливу и проливу снуют каюки, белеют паруса и взблескивают вынимаемые из воды мокрые весла. Недвижно стоят корабли в паутине снастей, и черный дым идет из высокой трубы парохода...

По другую сторону пролива в сизой дымке, точно написанные акварелью с гуашью, розовеют оранжевые горы Азиатского берега. Оливковые рощи прилепились к ним голубовато-зелеными нежными пятнами. Дома Стамбула кажутся пестрыми камушками. Вправо синий простор Мраморного моря, и на нем, в легкой дымке тумана, в белой рамке прибоя, видны розовые с зеленым Принцевы острова. [...]

...Если сказать, если осознать, что все это, что мы видим теперь перед собою, вся эта несказанная красота – *наша*... Нами завоеванная. Русская... Тогда все можно простить и забыть... [...] И мертвых, и страдающих оправдать... И все, что мы пережили на Балканах... [...] Все будет ясно и все оправдано... Кровь пролита не даром... Все это – *наше!*.. [...]

Как мы тогда шли!.. После Филиппополя... [...] Январь... Оттепель... Снег тает. Совсем весна... Лужи блестят на солнце, и повсюду радость победы. Я шел с полком по шоссе... По сторонам лежали трупы убитых турок и болгар... Резня была... Конские трупы, обломки повозок, домашняя утварь... Ужас!.. Весь ужас войны был перед нами!.. Но если вся эта здешняя красота – *наша* – ужас войны оправдан, все прощено и забыто... Мы уничтожили армию Сулеймана. Семь дней мы шли среди трупов. На привале негде стать – всюду тела... И запах!.. Мы ночевали среди разлагающихся трупов... Днем – жара нестерпимая – жажда охватывала нас. По канавам вдоль шоссе – вода... Подойдешь напиться – там трупы, нечистоты, кровь – вонь... Солдаты пили эту воду – нельзя было их удержать. Я думаю, там и начался этот ужасный тиф, что косит теперь нашу армию. 16 января мы подошли к Адрианополю. Шел дождь. Резкий, холодный ветер прохватывал нас насквозь. Мы входили в город вечером. Темно... Грязь непролазная, войска растоптали улицы. Кое-где тускло светятся окна. Куда ни приткнемся, везде грязь, теснота, все забито людьми, бежавшими из сел. Мы стояли за рекою Марицею, в предместье, у громадного каменного моста очень древней постройки. Была объявлена дневка. Нам было приказано заняться исправлением мундирной одежды... Мы поняли – для входа в Константинополь! 19 января – уже вечер наступал – слышим за рекою гремит – “ура!” Вспыхнет в одном квартале, перекинется в другой, смолкнет на несколько мгновений и снова загремит. Потом совсем близко, тут же за рекой, оркестр заиграл гимн. Мы послали узнать, что случилось. Оказалось, что приехали турецкие уполномоченные для переговоров о мире, с ними кавасы привезли золотое перо и чернильницу. Великий Князь Главнокомандующий лично объявил о заключении перемирия [...]

24 января нас собрали и перед полком читали приказ о заключении перемирия. Бурная радость, новые бешеные крики “ура!”... Люди целовались друг с другом, как на Светлый Праздник. Но это продолжалось недолго. Вскоре наступило раздумье и какая-то неопределенная тоска. Точно что-то было не закончено, недоделано... Вспомнились замерзшие на Балканах, вспомнились убитые под Карагачем, раненые, и как-то... будто стыдно стало за свою радость. Прошло так четыре дня в какой-то неопределенности, в этом раздумье о том, так ли все это хорошо вышло? 28 января получаем приказ генерал-адъютанта Гурко – на завтра – наша 3-я гвардейская пехотная дивизия выступает к Константинополю. Дивизия была построена на большом дворе громадных турецких казарм. Мы почистились,

как только могли. Обновили желтые околыши фуражек, перешили канты, нашили на наши старые, обожженные огнем костров шинели новые петлицы. А как начистили манерки! – золотом горели... И... выправка! Такой в Варшаве, на парадах, не бывало. Приехал Шеф полка Великий Князь Николай Николаевич Младший. Его Высочество благодарил полк за Филиппополь. Вызвал вперед офицеров. “Ваше дело, 4 января, – сказал нам Великий Князь, – под Карагачем, было чисто офицерское... Безпримерное, славное, молодецкое... Государь Император приказал вас благодарить. Примите же и мое поздравление, а также и мою благодарность...” [...] Потом повернулся к полку и скомандовал: “На плечо!.. шай на кра-ул!” Показал рукой на Георгиевских наших кавалеров и сказал: “Поздравляю вас, литовцы, с Георгиевскими кавалерами!..” Потом мы взяли “к ноге”. Командир полка спросил: “Прикажете вести?” – “Да, ведите”, – сказал Великий Князь. Мы взяли “ружья вольно” и справа, по отделениям, тронулись из казарм. Наш оркестр грянул наш Литовский марш. На улицах турки смотрели на нас. Мы шли лихо. Все – и турки тоже – знали – идем в Константинополь!.. В тот день дошли до Хавса, 30-го были в Алопли... 11 февраля достигли Силиври [...]

В тифу, в бреду [...] мне все виделись страшные видения... Мои предки наступали на меня, требовали отчета... Весь наш род был военный, офицерский. ...В 1814 году наша Гвардия возвращалась из Парижа!.. Наш полк стоял на rue de Babylone, на левом берегу Сены... При Елизавете наша армия возвращалась из Берлина! Наши полки были в Милане, в Вене! и с какими солдатами! Нам сдавали пьяниц, воров, преступников, – розгами, шпицрутенами, казнями мы создавали солдата – чудо-богатыря!.. Теперь с нами – лучший цвет народа Русского!.. Наши чудо-богатыри орлами перелетели через Дунай и Балканские горы... Наши деды побеждали величайших полководцев мира – Карла XII, Фридриха Великого, Наполеона, – и теперь с нашим прекрасным солдатом, сломив сопротивление Османа и Сулеймана, – мы не вошли в Константинополь!.. *Почему?..* [...]

Англия не позволила!.. Дип-пло-мат-ты вмешались!.. И Государь сдал. Перед дипломатами. С такими солдатами – нам бояться Англии? О!.. какую ненависть к себе в эти дни посеяла в русских сердцах Англия... [...] Английский жид – Биконсфильд – жирным пальцем остановил полет наших орлов к Босфору и Дарданеллам... Жид!.. Понимаете вы – жид!.. Вы знаете... – вот эти часы, когда я сижу здесь и смотрю на эту исключительную красоту, расстилающуюся передо мною, – это тяжелые часы. Очень тяжелые, жуткие часы. Если Рус-

ский гений смог из топи финских болот, из бедных сосновых и березовых Приневских лесов создать “парадиз земной”, – что создал бы он здесь!.. И вот – нельзя. Английский жид не позволяет...»³²

Речь здесь идет не о происхождении английского премьер-министра и даже не о его вполне объяснимом протекционизме соплеменникам. Это фиксация того самого *жидовства*, о котором писал еще апостол Павел (Гал. 1, 13-14), только принявшего для облегчения извечной своей задачи личину христианства. О том, что крещение Дизраэли было сплошным лицемерием (что всегда и везде было в обычаях талмудистов), свидетельствует его творчество и публично высказываемые им взгляды. Уже сюжет раннего его романа «Замечательный рассказ о Давиде Альрои» (1833) говорит сам за себя: его герой – еврейский «князь изгнания» XII в. (своего рода предантихрист), действовавший среди горских евреев северо-восточного Кавказа и мечтавший о восстановлении еврейского государства, а также о примирении еврейства с мусульманства³³.

Герой другого его романа «Танкред, или Новый крестовый поход» (1847), «молодой аристократ, уезжает в Палестину, чтобы вернуть христианской церкви ее иудейскую первооснову, в которой автор видит подлинный источник европейской цивилизации, и тем самым влить новую силу и новую нравственность в христианство»³⁴.

«Христианство есть не что иное, как более полная форма еврейства и является такой же “семитической религией”, как последнее, – вот мысль, которая повторяется почти во всех сочинениях Дизраэли»³⁵. Более того, согласно Дизраэли, «христианство – завершающая стадия иудаизма»³⁶.

«Почти во всех произведениях Дизраэли изображаются евреи, гордящиеся своим происхождением и живущие романтической верой в будущее своего народа на возродившейся древней их родине. В написанной им биографии лорда Бентика Дизраэли отводит отдельную главу проблемам еврейства и взаимоотношению иудаизма и христианства, рассматриваемых автором как две стадии одной и той же религии, которые в будущем должны слиться в единую»³⁷. Эту главу он начинает опровержением того, что евреи были рассеяны по всему земному шару и повсеместно подвергаются преследованиям в наказание за распятие ими Иисуса Христа. С ловкостью фокусника подменяя причину следствием, Дизраэли утверждал, что «смерть Иисуса на кресте была в той же мере predeterminedena, как и появление Его на земле, и только таким образом могло быть осуществлено искупление Его смертью грехов человечества. Греки и другие народы древности, продолжает он, теперь в культурной жизни никакой роли не играют, евреи же и поныне занимают в ней видное место, потому что они “представители семитического принципа”, всего того, “что есть спиритуалистического [духовного] в нас”»³⁸. Обвиняя европейских христиан, он пишет, что это именно «они преследованиями оттолкнули евреев и заставили их примкнуть к революционным партиям»³⁹.

Не все, однако, тогда предалися унынию, опустили руки. Были в ту пору в Русской Императорской Армии не только лучшие в мире солдаты, опытные офицеры, но и достойные военачальники, способные вести эту Великую армию к новым победам. «В тяжелую стоянку под Сан-Стефано, – вспоминал впоследствии генерал А. Н. Куропаткин, – Скобелев деятельно готовится к возможному и, по его мнению, необходимым действиям для занятия Босфора. Местность, позиции турок были изучены им с полной подробностью. Одновременно Скобелев готовится к войне и с европейским противником, выписывает карты, книги, составляет предположения о нападении на Австрию со стороны Румынии и Сербии. Имя Скобелева в это время было настолько популярно в армии и вообще в России, что в числе лиц, предполагавшихся к назначению в случае европейской войны командующими армиями, все чаще и чаще упоминалось среди войск и имя Скобелева»⁴⁰.

Какие-то неясные слухи достигали и до России. «Военные, вишь, так и засучают руки, – с затаенной надеждой писал свт. Феофан Затворник. – Драться и драться надо, когда нужда заставит»⁴¹.

Но вот в Петербурге закончились колебания, возобладали люди определенных взглядов и было принято определенное решение... Началось, по Скобелеву, «позорное стояние в виду Константинополя». Открыто восставшему против дипломатического решения «стать у ворот Константинополя и любоваться волшебною картиною св. Софии» герою турецкой кампании, требовавшему «немедленного похода на Галлиполи с целью воспрепятствовать англичанам войти в Дарданеллы», из Петербурга строго погрозили пальцем. Именно в этот период с генералом и познакомился кн. В. П. Мещерский. Произошло это в Константинополе в одном из кафе-шантанов. Прославленный генерал сидел за бутылкой в компании с французской кокоткой: «...Когда в промежутках между цинизмом и грубостью его речи с француженкой он возвращался к известному спокойному положению, тогда по его нервному тону я узнавал, как он негодует, как он оскорблен всем, что заключает в себе это сан-стефанское сидение для России печального»⁴².

И до сих пор...

*...скорбный терновник Галлиполи
нещадно царапает грудь*.*

* О. Анатолий Кузнецов.

Особенно если еще вспомнить Галлиполийское сидение Врангелевской армии. Сорок с лишним лет спустя...

...Позже, оправившись от шока, М. Д. Скобелев вновь не раз возвращался к нерешенному в 1878 г. вопросу. «...Рано или поздно, – писал он в августе 1881 г. М. Н. Каткову, – русским государственным людям придется сознаться, что ...Россия должна владеть Босфором, что от этого зависят не только величие, как державы первенствующей, но ее безопасность в смысле оборонительном и соответственное развитие ее мануфактурных центров и торговли»⁴³.

«Всякое государство, – считал он, – имеет право и долг искать свои естественные границы. Мы, славяне, должны иметь Босфор и Дарданеллы, иначе потеряем свой исторический *raison d'être*. Если этого не достигнем, мы задохнемся, как бы широка ни была наша территория. С этим вопросом надо покончить и блюсти здесь свои интересы. Наполеон хорошо видел, что нам надо, и в Тильзите предложил Императору Александру I Турцию, Молдавию и Валахию, предоставив ему свободу действий против Англии и Германии. К сожалению, мы этого тогда понять не могли или не сумели»⁴⁴.

«...Боже, как неутешительно смотреть вдаль, – писал Наследник Цесаревич Александр Александрович К. П. Победоносцеву 23 марта 1878 г., – и что ожидает еще наше дорогое отечество! Но на все воля Божия, лишь бы мы не зевали и Бог бы вразумил и не оставил нас. Но надо признаться, что тяжело снова начинать борьбу, и на этот раз серьезнее только что конченной нами»⁴⁵.

В свое время, внимательно ознакомившись с составленной в конце января 1897 г. профессором международного права Ф. Ф. Мартенсом «Запиской о проливах Босфорском и Дарданельском», Император Николай II отметил: «...когда и как можно достигнуть этой цели – этого теперь сказать нельзя. Это вполне зависит от обстоятельств»⁴⁶.

* * *

Между тем подходила Страстная неделя. 16 апреля отпели Светлую заутреню...

В день Пасхи последовало увольнение Великого Князя Николая Николаевича от должности Главнокомандующего. На другой день последовало присвоение ему звания генерал-фельдмаршала.

По приезде в Петербург на вокзале его встретил Государь. Внешне все выглядело благопристойно.

В личной беседе Император Александр II упрекнул брата за то, что тот не взял Константинополь. «Помилуй, Саша, – сказал Великий Князь, – да у меня хранятся телеграммы, коими Ты мне запрещал входить в Константинополь». Государь, уклонившись от обсуждения проблемы, возразил: «Никогда Я этого не запрещал»⁴⁷.

Сан-Стефанское сидение явно затягивалось...

«И не было солдата, и не было офицера, который в то время не чувствовал, что русские войска в позорном пленении у Европы перед воротами Константинополя»⁴⁸.

В памяти ветеранов сохранилось сильное землетрясение, разметавшее на биваке Л.-Гв. Семеновского полка составленные в козлы ружья. Сильное впечатление произвело оно и на гг. офицеров, проводивших, по обычаю, вечер в местных ресторанах: не помня себя, они, словно горох, посыпались в окна...⁴⁹

Так и слышится во всем этом горькая укоризна Свыше не познавшему времени посещения своего Третьему Риму...

Вот почему, когда говорят о судьбе, о Промысле Божиим (в смысле благой Божией воли, а не попушении как одного из проявлений Промысла в человеческой истории), мне всегда вспоминаются слова святителя Феофана Затворника* из его письма, написанного в 29 апреля 1878 г.: «Что же вы воевать или мириться собираетесь?! У меня воинственное настроение! – Англичан бы поколотить и австрийцев. Жалею, что я не Бова Королевич. – Хоть бы шапку-невидимку и ковер-самолет достать. – Вот бы погулять по англичанам. Первого Биконсфильда схватить бы за волосы, и ну таскать над Лондоном. Потом бросивши прогремел бы: всем вам будет то же за неприязнь к России»⁵⁰.

* Следует заметить, что наш Святитель не испытывал никакого пиетета перед Англией: (20.2.1878) «Англичане как шавки бегают кругом и вякают...» (Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М. 1898. С. 69); (25.3.1878) «...Как бы уязвить Англию?! Так и хочется ее укусить, чтоб завизжала преблагим матом. Она – пребезсовестнейшая с[коти]на!» (Там же. Вып. 7. М. 1900. С. 109).

ПОДСЧИТАЛИ – ПРОСЛЕЗИЛИСЬ...

«Народным вождением» называл Великий Князь Николай Михайлович наше «тяготение к Царьграду и Босфору, которых мы несколько раз достигали, но какой-то злой рок преследовал это влечение, и мы не сумели ни взять, ни удержать того, к чему русские люди всех слоев льнули сотни лет.

Это стремление к выходу из закрытого моря действительно было народное; но оно исказилось, когда к нему ни за что ни про что прицепили идею славянского объединения и Православия, которые потребовали громадных людских жертв, к сожалению, вполне бесплодных. Но не только они были бесплодны, но оказались в действительности вредными, так как, освобождая сперва греков, а затем болгар, мы сумели озлобить и тех, и других [...]

Русский солдат-мужик сделал свое дело чисто и благородно, он покорил турок, дошел до стен Царьграда и освободил братьев славян, до которых ему, собственно говоря, не было никакого дела. Патриотизм всего крестьянства был на выдающейся высоте, и благодушные русского темного люда сотворило чудеса, которыми не сумели и не хотели воспользоваться те лица, которым доверилась внешняя политика России!»¹

Каковы же были итоги войны? Что она реально принесла России?

Румыния при вступлении на ее территорию русских войск объявила себя независимой. Сербия и Черногория также стали независимыми государствами. Герои Боснии и Герцеговины получили австрийского генерал-губернатора. Болгария превратилась в вассальное княжество, связанное с Турцией лишь уплатой ежегодной дани. Для создания армии Болгария безвозмездно получила русских инструкторов и командиров, русские оружие и обмундирование.

«...Угнетало сознание, что все те жертвы Русского народа были принесены для создания какой-то громадной Болгарии, и так как войска стояли в Сан-Стефано уже с ощущением омерзения к этим братушкам, требовавшим деньги даже за стакан свежей воды для утоления предсмертной жажды русского солдата, то нельзя было себе представить, как мало нравственного удовлетворения внеслось в душу русского солдата после объявления Сан-Стефанского мира и как много вселилось в нее горького разочарования»².

В «Одном совсем особом словце о славянах, которое мне давно хотелось сказать» Ф. М. Достоевский еще осенью 1877 г., когда

итоги русско-турецкой войны 1877–1878 гг. были еще мало представимы, предрекал: «...По внутреннему убеждению моему, самому полному и непреодолимому, – не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными! [...] Начнут они непременно с того, что внутри себя, если не прямо вслух, объявят себе и убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшею благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись при заключении мира вмешательством европейского концерта, а не вмешайся Европа, так Россия, отняв их у турок, проглотила бы их тотчас же, “имея в виду расширение границ и основание великой Всеславянской империи на порабощении славян жадному, хитрому и варварскому великорусскому племени”. [...] ...Выставят как политическую, а потом и научную истину, что не будь во все эти сто лет освободительницы-России, так они бы давным-давно сами сумели освободиться от турок, своею доблестью или помощью Европы, которая опять-таки не будь на свете России, не только бы не имела ничего против их освобождения, но и сама освободила бы их. [...] Мало того, даже о турках станут говорить с большим уважением, чем о России. [...] ...Они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее и интриговать против нее. [...]

Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей европейской культуре, тогда как Россия – страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации. У них, конечно, явятся, с самого начала, конституционное управление, парламенты, ответственные министры, ораторы, речи. Они будут в упоении, читая о себе в парижских и в лондонских газетах телеграммы, извещающие весь мир... [...] России надо серьезно приготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу, до потери личности своей заразятся европейскими формами, политическими и социальными, и таким образом должны будут пережить целый и длинный период европеизма... [...] Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать. [...] России надолго достанется тоска и забота мирить их, вразум-

лять их и даже, может быть, обнажать за них меч при случае. [...] ...Весь этот век, может быть, придется России бороться с ограниченностью и упорством славян, с их дурными привычками, с их несомненной и близкой изменой славянству ради европейских форм политического и социального устройства, на которые они жадно накинута»³.

Все основные исторические задачи, стоявшие перед Россией в деле освобождения восточных христиан от османского ига, по существу, в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и в ближайшие после нее годы были решены. Долг был исполнен. Однако «освобожденные» считали иначе. «В отношении России, – писал слывший болгарофилом посланник в Сербии кн. Г. Н. Трубецкой, – болгары, как и другие славяне, усвоили себе убеждение, что на их стороне права, а на стороне России только обязанности»⁴.

Лишь в последние годы освобожденные от ига интернационализма отечественные историки, пусть пока достаточно робко, но все же смогли указать на серьезное недовольство итогами русско-турецкой войны 1877–1878 гг. со стороны Румынии, Греции и даже Сербии⁵.

«Я заметил, – вспоминал далее князь о своем разговоре с Императором Николаем II, – что на славянские симпатии вообще трудно полагаться и что отношения наших клиентов на Балканах напоминают отношение крестьянского мальчика к помещику, который его крестил. В понятиях крестьянина помещик должен за это помогать ему до гробовой доски, а сам он ничего не обязан делать для крестного. “Кому Вы это говорите, – перебил Государь, – у Меня столько крестников”»⁶.

Все сказанное выше об «освобожденных» Россией народах, между прочим, не случайно напоминает нынешнюю ситуацию на «самостоятельных» окраинах Большой России. Таково с неизбежностью будущее «продуктов полураспада Империй». (Для Болгарии 1878 г. – Византийской.) И чем скорее сии «продукты» помогут добить считающуюся ими «бывшей» метрополию, тем безперспективней будет жизнь народов самих этих окраинных «обломков».

* * *

Возвратить Измаильский уезд России, отнятый у России Парижским трактатом 1856 г., Государь считал безусловно необходимым: «Это был вопрос чести не только России, но и лично Импера-

тора Александра II, принужденного, вследствие неудачной Крымской войны, согласиться на отторжение этой части территории, тогда как долг Государя – не уступать ни пяди земли»⁷.

Уверенный в том, что Россия непременно пожелает возвратить отторгнутую у нее территорию, Румынский князь Карл с большой неохотой выступил против Турции, от которой он находился в вассальной зависимости. Даже национальная зависимость страны для него выглядела не столь привлекательной⁸.

Весной Румыния, присоединившая к себе территорию Добруджи по площади втрое превосходившую территорию Измаильского уезда и к тому же получившая тем самым выход к морю, посмела заявить резкий протест. Заметим при этом, что присоединение в 1856 г. завоеванной Россией в результате русско-турецкой войны 1806–1812 гг. у Османской империи Южной Бессарабии к Дунайским Княжествам (а отнюдь не к Румынскому княжеству, возникшему лишь в 1859 г.) было осуществлено европейскими державами (без какого-либо участия самих этих княжеств).

В ответ на такие недружественные действия Румынии в 1878 г. Россия пригрозила разоружить румынскую армию.

Наряду с другими частями в Румынское княжество была двинута 1-я Кавалерийская дивизия⁹. Московские лейб-драгуны выступили туда 25 марта¹⁰.

Будучи в походе, вольноопределяющийся гр. Ф. А. Келлер Высочайшим приказом от 31 марта 1878 г. был произведен в первый офицерский чин прапорщика *за отличие*.

* * *

«Глумление британского флота» завершилось для России «Берлинским самобичеванием».

Со дня подписания Сан-Стефанского договора Европа выступила в дипломатический поход против России, увенчавшийся Берлинским конгрессом, на котором, по слову ген. Н. А. Епанчина, «мы, победители, были подсудимыми; мы, страдавшие, проливавшие кровь и отдававшие жизнь “за братьев своих”, в награду за эти христианские подвиги, должны были перенести унижения от “друзей” Турции, от так называемой “Европы”»¹¹.

*Не могут что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штывки?*

«Как враг хитер! – сокрушался свт. Феофан Затворник. – Ведь все рады, что христиане получают свободу. Но зачем это сделала Россия? И ну орать на чем свет стоит»¹².

Узнав об итогах европейского судилища, «внешне Государь держал Себя как всегда, величественно и спокойно, но по лицу Его было видно, что нелегко Ему было перенести то умаление славы Его Царствования, то горькое разочарование, которое Он испытал, и ту тяжелую обиду, которую Ему нанесла Европа...»¹³

«Конгресс, видимо, не о пользах освобождаемых народов хлопотал, – писал, узнав о решениях в Берлине, святитель Феофан Затворник, – а все направлял к тому, чтоб унижить Россию. И по всем пунктам, без всякой нужды сделать урезки. Какая была нужда урезывать выговоренное для Черногории и Сербии, или у нас выговоренное в Азии? – Никакой. А Болгарии раздел ни для чего, как для того, чтоб она еще послужила поводом к войне... Но Господь знает, что строит! – Верно так лучше, и буди благословенна воля Его»¹⁴.

Но еще большее потрясение испытали мы не от природных европейцев, а от так сказать доморощенных.

Германский посол в Константинополе принц Рейс еще когда только подписывался Сан-Стефанский договор заявил своему русскому знакомому: «У вас есть дипломаты более европейцы, чем Европа, и менее русские, чем Россия»¹⁵. Позже, уже после Берлинского конгресса, он, имея в виду кн. А. М. Горчакова, гр. П. А. Шувалова и других «якобы русских» дипломатов, весьма метко писал, что он-то исполнял свои обязанности германского посла, но ему «не понятно, почему многие из влиятельных русских нам помогали»¹⁶.

Ведущая роль в этом принадлежала кн. А. М. Горчакову, в 1856–1882 гг. возглавлявшему министерство иностранных дел Российской Империи. В наши дни, не в последнюю очередь благодаря некоторым оценкам выдающегося русского мыслителя, дипломата и поэта Ф. И. Тютчева, деятельность Александра Михайловича на этом посту получила завышенную оценку*.

Его действительная роль в формировании внешней политики России, по всей вероятности, близка к той, которую он (пусть и в недопустимой форме) высказал в свое время германскому канц-

* При этом почему-то забывают другие характеристики, данные Ф. И. Тютчевым «милейшему князю»: о «невероятной пустоте» последнего и т.д.

леру Бисмарку: «В России есть только два человека, которые знают политику русского кабинета; Император, Который ее делает, и я, который ее подготавливает и исполняет»¹⁷.

Некоторое представление о том, какое направление он пытался придавать русской политике, видно из конкретных его дел. «Я первый, – хвалился кн. Горчаков, – в своих депешах стал употреблять выражение “Государь и Россия”...”»¹⁸, словно забыв основной древний принцип: «Государь и Его страна – это одно неразъемное целое»*. На этом зиждился и его принцип: «Во внешней политике необходимо руководствоваться не династическими интересами и симпатиями, а реальной пользой нации и государства»¹⁹. Практическим осуществлением этих новых взглядов был отказ кн. А. М. Горчакова от прежней, Николаевской эпохи, германской ориентации. Стратегическим партнером Российской Империи становился французский «двор революционного происхождения», страна, которая, по словам Ф. И. Тютчева, заслужила свое падение «глубоким внутренним разложением нравственного чувства»²⁰.

Такой противоестественный дуэт должен был дать (и дал!) сбой. Уже во время польского восстания 1863 г. Франция показала зубки, приняв активное участие в дипломатическом походе на Россию. Только поражение в столкновении с Пруссией в 1870–1871 гг. охладило французский пыл, круто замешанный на революционных дрожжах 1789 года. Победа Пруссии над Австрией в 1866 г. заставила Петербург признать: «...Серьезное и тесное согласие с Пруссией есть наилучшая комбинация, если не единственная»²¹.

Однако франкофильская политика кн. А. М. Горчакова помешала России вполне возвратиться на прежний путь. Энергичный отпор, данный проекту Бисмарка, опасавшемуся (и следует при-

* Собственно, потеря ориентиров в эпоху Императора Александра II среди высших чиновников Империи было явлением не столь уж редким. Вот что, например, заносил в свой дневник во время Польской смуты 1863 г. министр внутренних дел: «Мы все ищем моральной силы, на которую могли бы опереться, и ее не находим. А одною материальной силой победить нравственных сил нельзя. Несмотря на все гнусности и ложь поляков, на их стороне есть идеи. На нашей – ни одной. [...] Мы говорим о владычестве России или православия. Эти идеи для нас, а не для поляков, и мы сами употребляем их название неискренно. Здесь собственно нет речи о России, а речь о Самодержце Русском, Царе Польском, конституционном Вел. Кн. Финляндском» (Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. I. М. 1961. С. 258–259). Совершенно чудовищный текст!

знать не без основания) французского реванша, когда в 1875 г. Россия выставила для поддержки Франции на границе с Пруссией 7 дивизий Виленского военного округа, привел, в конце концов, к позору Берлинского конгресса²².

Еще большей противоестественностью явилась поддержка Россией во время гражданской войны в США 1861–1865 гг. северян. В этом случае кн. А. М. Горчакову пришлось поступиться даже добрыми отношениями с излюбленной Францией. В течение нескольких лет российская политика проделала путь от нейтралитета к прямой поддержке, когда в 1863 г. к берегам североамериканской республики отплыла эскадра контр-адмирала Лисовского. Республиканцы ликовали: «Россия и Соединенные Штаты братствуют», «Русский крест сплетает свои складки с звездами и полосами»²³.

Вспомним в связи с этим о письме «служки Божией Матери и Серафима» Н. А. Мотовилова, которое он 15 апреля 1865 г. отправил Императору Александру II. В нем он сообщал об «особом священнотайном от Великого старца Серафима извещении», данном ему 1 апреля 1865 года. «...Как выразился он, Великий отец Серафим, – писал Николай Александрович Русскому Самодержцу, – [...] обиды Линкольном и североамериканцами – Южных Штатов рабовладельцев – всецело неуютны благодати Божией, а потому на образе Божией Матери Радости всех Радостей, имевшей по тому повелению его, Батюшки отца Серафима, послаться к Президенту южных и именно рабовладельческих штатов, – велено было скрепить надписью НА ВСЕПОГИБЕЛЬ ЛИНКОЛЬНА»²⁴.

Вся эта любовь через океан завершилась 18 марта 1867 г. договором о продаже Америке Аляски, под предлогом дальности расстояний за чисто символическую сумму. После же того, как в марте 1881 г. США достигла вестей об убийстве Императора Александра II, «в Чикаго собрался двухтысячный митинг, приветствовавший царевубийство. В Нью-Йорке и других городах происходили подобные же митинги»²⁵.

На все это полезно взглянуть еще раз. Особенно теперь. В сущности, все наше сегодняшнее разномыслие укладывается в рамки заочного диалога двух Святых Сестер:

– Америка просто изумительна... Как я сожалею, что никогда там не бывала. Теперь, конечно же, я уже и не смогу. Для меня Соединенные Штаты являются воплощением порядка и продуктивности наилучшего рода. Такой род порядка может создать только сво-

бодный народ. Молю Бога, чтобы именно такой порядок когда-нибудь утвердился здесь в России²⁶.

– ...Главное, что Мы еще в России (это главное)²⁷... Боже, как Я свою Родину люблю со всеми ее недостатками! Ближе и дороже она Мне, чем многое, и ежедневно славлю Творца, что Нас оставил здесь* и не отослал дальше²⁸... Я лучше буду поломойкой, но Я буду в России²⁹.

Подлинные слова Великой Княгини Елизаветы Феодоровны и Государыни Императрицы Александры Феодоровны были произнесены практически одновременно, после крушения Российской Империи...

* * *

Возвращаясь к политике кн. А. М. Горчакова: показательна вот эта характеристика, данная ему III отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии: «Князь Александр Горчаков не без способностей, но не любит Россию»³⁰. Возможно, это чувство коренилось в неизбытом им лицейском вольнолюбивом духе, выражавшемся, в частности, в приятельских его отношениях со многими декабристами (являвшимися одновременно, как известно, членами масонских лож), причем уже после предпринятой ими попытки государственного переворота, который должен был сопровождаться цареубийством и даже истреблением Династии.

Не менее показательна (если не сказать – симптоматично) высказывание кн. А. М. Горчакова о Дизраэли: «Ну как не уступить этой милой старой лисице, насквозь пропитанной елеем доброты...»³¹ Прежде всего, конечно, удивительно видеть русского аристократа, симпатизирующего еврейскому выскочке: расста-

* Таких же взглядов придерживался и Государь. А. А. Вырубова свидетельствовала: «Единственно, что Он желал и о чем был готов просить Своих врагов, – это не быть изгнанным из России. “Дайте Мне здесь жить с Моей Семейю самым простым крестьянином, зарабатывающим свой хлеб, – говорил Он, – пошлите Нас в самый укромный уголок Нашей Родины, но оставьте нас в России”» (*Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни.* М. 2000. С. 163). То же подтверждала и другая ближайшая подруга Государыни: «Государь и Императрица не желали оставлять Россию. “Я лучше поеду в самый дальний конец Сибири”, – заявил Император» (*Ден Ю. Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны.* СПб. 1999. С. 167). – С. Ф.

новка акцентов в ту эпоху была вполне определенной, и если, к примеру, посетивший Россию «отец сионизма» Т. Герцль подпал под обаяние русского дворянства, то обратного движения быть не могло. Однако (оставляя в стороне вопрос личных симпатий) еще более странно слышать подобные признания из уст человека государственного, призванного отстаивать интересы Российской Империи.

Наконец, все это просто не вяжется с реальным обликом Дизраэли. Речь идет не только о том, что, возглавляя Английское правительство, он до старости лет так и не овладел общепринятым в то время языком международного общения. Его французский, по свидетельству современников, был «языком бакалейщика». (Как-то французский посол, оказавшийся свидетелем того, как британский премьер пытался что-то втолковывать русскому дипломату гр. Шувалову, полюбопытствовал, на каком это языке тот изъясняется. После того как он узнал, что Дизраэли считал, что говорит на французском, изумлению его не было предела.) Пришлось на Берлинском конгрессе британскому премьеру выступать на английском³². Но и в обсуждавшихся на конгрессе вопросах Дизраэли как профессионал был близок к нулю. Компетенция премьера вызывала у его английских коллег сильное сомнение. После того, как руководивший английской внешней политикой маркиз Солсбери узнал, что Дизраэли вздумал обсуждать с кн. А. М. Горчаковым разграничительную линию за Кавказским хребтом, он с испугом заявил: «Но лорд Биконсфильд не может вести переговоры, он никогда не видел карты Малой Азии»³³.

Именно Берлинский конгресс, к которому привела Россию политика ее министерства иностранных дел, по словам Германского императора Вильгельма II, «уничтожил, особенно в русских военных кругах, остатки еще поддерживавшегося у нас традиционного братства по оружию и породил раздуваемую общением с французским офицерским корпусом такую ненависть против всего прусско-немецкого, которая увеличилась до жажды мести с помощью оружия»³⁴. В подобных настроениях Кайзер смог убедиться во время продолжительных маневров в Брест-Литовске, когда один русский старый генерал заявил ему в приватной беседе: «Всему виной этот гнусный Берлинский конгресс! Это была тяжелая ошибка канцлера. Он разрушил старую дружбу между нами, посеял недоверие в сердцах людей Двора и правительства и породил убеждение, что Русской армии после кровавого похода в

1877 году нанесена тяжелая несправедливость, за которую она хочет реванша. И вот мы теперь идем вместе с этой проклятой Французской республикой, полной ненависти к вам, преисполненной разрушительных идей, которые в случае войны с вами могут стоить нам Династии»³⁵.

Это роковое охлаждение русско-германских отношений впоследствии свело в могилу три крупнейшие европейские Империи: Российскую, Германскую и Австро-Венгерскую.

* * *

Решения Берлинского конгресса до сих пор «расценивается как личная победа Дизраэли в его борьбе с антисемитской политикой русского правительства»³⁶.

Более того, за поддержку Турции Дизраэли сумел выторговать для Англии о. Кипр. «Этот старый еврей – великий человек»³⁷, – заявил своим приближенным германский канцлер Бисмарк. Возвратившемуся в Англию Дизраэли, как «творцу почетного мира», королева Виктория пожаловала орден Подвязки, а Лондон – звание почетного гражданина.

«Тогда уже, – писал в ноябре 1881 г. ген. М. Д. Скобелев в частном письме, – для слишком многих из нас было очевидно, что Россия обязательно заболит тяжелым недугом свойства нравственного и заразительно растлевающего. [...] Позорящая ныне Россию крамола есть, в весьма значительной степени, результат того почти безвыходного разочарования, которое навязано было России мирным договором, не заслуженным ни ею, ни ее знаменами.

В истории есть один пример подобного же губительного нравственного падения, вызванного причинами схожими: это могущественная тогда Испания после сражения при Лепанто*. У нее также отшибло память сердца, и люди, ошеломленные свидетели отрицательного для родины мирового события, не в силах были передать потомкам идею святости и незыблемости государственного идеала. Поколение, сражавшееся при Лепанто, оставило истории лишь одно имя – автора “Дон-Кихота”, безрукого Сервантеса, гениальная сатира которого потрясла до основания католическую, монархическую и рыцарскую Испанию, уготовив великое падение этой страны. Сервантес – тот же нигилизм»³⁸.

* Имеется в виду морское сражение 1571 г., завершившееся полным поражением турецкого флота от испано-итальянской эскадры. – С. Ф.

И действительно, разочарование итогами войны вызвало распространение и укоренение революционной пропаганды в России и привело, в конце концов, к террору, который увенчался беспрецедентной позорной охотой на Государя, завершившейся, как известно, царевбийством...

Но не забудем: «Даже самые оголтелые революционеры не посмели бы поднять руку на Царя, водрузившего Крест над Святой Софией»³⁹.

На Царский гроб легла простая пехотная золотая сабля, врученная Государю 2 декабря 1877 г. во время турецкой кампании офицерами конвоя. С ней Он с тех пор никогда не расставался. До самой смерти⁴⁰.

Стоявший у гроба своего Царственного брата Великий Князь Николай Николаевич признавался близкому ему человеку, какие мысли одолевали его у одра Августейшего мученика: «Он лежит убитый, истерзанный, а я, брат Его, ничего другого к Нему не чувствовал, кроме ненависти».

И «Великий Князь зарыдал, сотрясаясь всем телом»⁴¹.

Через несколько дней слег в постель, сильно простудившись, один из творцов Берлинского конгресса – Дизраэли. Ему так и не суждено было снова встать на ноги. 19 апреля 1881 г. он скончался. Что ж, как говорится, мавр сделал свое дело...

часть вторая

**«СЛУГА ЦАРЮ,
ОТЕЦ СОЛДАТАМ...»**

История кавалерии есть история ее начальников.

ДОМОЙ

Какие чувства испытывал возвращавшийся домой прапорщик граф Ф. А. Келлер, кавалер двух славных солдатских Георгиев?

Кроме вполне понятного чувства радости возвращения на родину, скорого свидания с родными и близкими, вперемежку со сдержанной мужской гордостью (он был в сражениях! он выдержал! он отмечен! он офицер!), было у юноши, разумеется, и чувство горечи, которую испытывали едва ли не все русские офицеры: Европа присвоила себе плоды русских побед.

*Те края – поминай, как звали!
Те заливы и небеса,
Будто пена в горсти, пропали,
Вдруг свернулись, как паруса...**

Победоносная Русская Императорская Армия, сама Россия были жестоко унижены!

Собственными глазами они видели в Мраморном море английские броненосцы. И от «своих» же – штатских – услышали команду: «Смирно! Равнение на Лондон!»

Это останется с ними навсегда, до гробовой доски.

Но было и еще одно чувство, о котором в одном из своих частных писем признавался генерал М. Д. Скобелев: «...Трудно расстаться с раздольным весельем!.. На войне, на кровавых полях чести, красная жизнь солдата. Там добро, весело, известно, славно...»¹

*Горные вершины,
Увижу ль я вас вновь,
Турецкие долины –
Кладбища удальцов?*

* *Наталья Ганина.* Те края – поминай, как звали!..

Само возвращение это ярко описано А. А. Блоком в «Возмездии». И хотя речь в поэме идет о столице, приведем эти строки, ибо так в те дни было везде: и в городах губернских, и в уездных, куда возвращались овеванные славой русские полки на постой:

*Перед Московскою заставой, –
Стена народу, тьма карет,
Пролетки, дрожки и коляски,
Султаны, кивера и каски,
Царица, Двор и высший свет!
И пред растроганной Царицей
В осенней солнечной пыли
Войска проходят вереницей
От рубежей чужой земли...
Идут как будто бы с парада.
Иль не оставили следа
Недавний лагерь у Царьграда,
Чужой язык и города?
За ними снежные Балканы,
Три Плевны, Шипка и Дубняк,
Незаживающие раны,
И хитрый и неслабый враг...
Вон – павловцы, вон – гренадеры
По пыльной мостовой идут;
Их лица строги, груди серы,
Блестит Георгий там и тут,
Разрежены их батальоны,
Но уцелевшие в бою
Теперь под рваные знамена
Склонили голову свою...
Конец тяжелого похода,
Незабываемые дни!
Пришли на родину они,
Они – средь своего народа!
.....
Их с хлебом-солью ждут подносы,
Им речи будут говорить,
На них цветы и папиросы
Летят из окон всех домов...
Да, дело трудное их – свято!
Смотри: у каждого солдата
На штык одет букет цветов!
У батальонных командиров –
Цветы на седлах, чепраках,*

*В петлицах выцветших мундиров,
На конских челках и в руках...
Идут, идут... Едва к закату
Придут в казармы...*

.....
*В глазах любого офицера
Стоят видения войны.
На их, обычных прежде, лицах
Горят заемные огни.
Чужая жизнь свои страницы
Перевернула им. Они
Все крещены огнем и делом;
Их речи об одном твердят:
Как Белый Генерал на белом
Коне, средь вражеских гранат,
Стоял, как призрак невредимый,
Шутя спокойно над огнем;
Как красный столб огня и дыма
Взвился над Горным Дубняком;
О том, как полковое знамя
Из рук убитый не пускал;
Как пушку горными тропами
Тащить полковник помогал;
Как царский конь, хряпя, запнулся
Пред искалеченным штыком,
Царь посмотрел и отвернулся,
И заслонил глаза платком...
Да, им известны боль и голод
С простым солдатом наравне...*

.....
*У нас в глазах нестрит от света,
У нас в ушах гремит ура!
И многие, забывшись слишком,
Ногами штатскими пылят,
Подобно уличным мальчишкам,
Близ марширующих солдат...*

.....
*Прошли... В ушах лишь стонет эхо,
А всё – не разогнать толпу...³*

Видимо, какой-то совершенно особый отсвет (то ли *совершенного* ими, то ли *несбывшегося* там) лежал на лицах возвратившихся *оттуда*. Призвавший к Себе в Царское Село всех Георгиевских кавалеров сразу же после возвращения их из похода Царь, выйдя

в большой зал в белоснежном кителе, словно прочел всё в устремленных на Него глазах. Охватив их, одетых в новенькое, с иголки, разноцветье мундиров с одинаковыми белыми крестами на шее и на груди, Государь, остановив Свой взор на одном 30-летнем офицере (будущем, при Его Внуке, Военном министре России), подошел к нему, обнял и, прослезившись, произнес: «Бедные вы Мои, сколько вы там выстрадали»⁴. И, казалось, всё это относилось не только к собравшимся в этом зале, но и к тем, кто сюда не попал, кто уже никогда не вернется в Россию...

* * *

На постоянные квартиры в Тверь 1-й Лейб-Драгунский Его Величества полк прибыл 30 августа 1878 года⁵.

Прапорщик Ф. А. Келлер был там ранее.

Ему предстояла сдача установленных экзаменов: Закон Божий, тактика, топография, фортификация, военная история, военная география, администрация, законоведение, гигиена, иппология*, артиллерия, русский и немецкий языки. А еще строевые занятия: езда, уставы, гимнастика, вольтижировка, ружейные и шашечные приемы, фехтование, стрельба и работа в кузнице⁶. Подъем в 6 утра, молитва, чай с французской булкой и куском холодного вареного мяса («с мертвецом» – называли такой бутерброд)⁷.

Присяга, отъезд в кавалерийские полки для представления, трепетное ожидание ответных писем, подгонка формы, традиционный 7-дневный поход летом с лагерной стоянкой под Москвой на краю Ходынского поля рядом с Серебряным бором, производство в офицеры и разборка вакансий в полки – все это из года в год повторявшиеся события, сильно волновавшие юнкеров, Федора Артуровича уже не касались. Он был уже офицером и возвращался в свой полк, с которым делал турецкую кампанию.

12 мая датирован приказ по Военному ведомству, согласно которому Федор Артурович как выдержавший экзамен в Тверском кавалерийском юнкерском училище получал право на производство в следующие офицерские чины⁸.

Впоследствии он, как и прочие выпускники, получил Высочайше утвержденный жетон, представлявший из себя подкову (на счастье) с ногами сигнала «карьер!» и его словами «Скачи – лети стрелой!» – последний завет училища своим воспитанникам⁹.

* *Иппология* – наука о лошади, ее анатомии, физиологии и разведении.

Лишь 8 октября он получил длительный отпуск (два месяца с сохранением содержания и два месяца без сохранения оно́го)¹⁰. И вскоре оказывается в объятиях семьи.

Подобно присяге, производству в офицеры, первому бою, этот первый приезд домой *после...* чем-то неуловимым был похож на такие же возвращения многих поколений русских офицеров. Вспомним хотя бы не однажды читанный и виденный нами знаменитый приезд домой Николая Ростова из «Войны и мира» Л. Толстого. Приведем и более хронологически близкое нашему герою такое возвращение домой после производства выпускника Тверского кавалерийского училища, в котором лишь воспоминания о годах учебы следует заменить на таковые же военные:

«...Передо мной молниеносно воскресло и безотчетно быстро пролетело мое далекое детство, недавние кадетские и совсем близкие юнкерские годы, и в этот момент мы въехали во двор усадьбы. Выскочив из экипажа, я быстро пошел к дому и не успел вбежать в переднюю, как в нее вошла мать. Глаза в глаза, душа в душу, мы встретились и на ее лице сразу отразилось волнение радости и счастья. Она крепко меня обняла и, прижавшись к моей щеке, тихо сказала:

– Поздравляю тебя, мой дорогой! Наконец ты вышел на дорогу новой, еще неведомой для тебя жизни; она открыта для тебя и иди по ней прямо, помня всегда мои тебе советы...

Тут же сразу подошел и отец:

– Да какой же ты красавец стал! Как прекрасно идет к тебе форма! Ну, поздравляю! Не забывай только чести Скрябинского рода, служи по совести, но не прислуживайся, будь верен Государю и дай тебе Бог успеха в новой жизни»¹¹.

После первых радостей встречи последовали рассказы о войне, а затем наверняка обсуждались вопросы дальнейшего прохождения службы и, возможно, устройства семейной жизни.

В Тверь прапорщик Келлер вернулся точно в срок, 8 февраля 1879 года¹².

Между тем, разговоры в кругу семьи получали практическое воплощение. 8 января 1880 г. Федор Артурович отправляется в очередной отпуск на 34 дня¹³, а 24 февраля (через две недели после возвращения из отпуска), по распоряжению начальства, он был переведен в 6-й гусарский Клястицкий Его Великогерцогского Высочества принца Людвиг Гессенского полк¹⁴ и переименован в корнет.

Ехать ему предстояло в город Млаву Плоцкой губернии, расположенный в центре Царства Польского чуть западнее Варшавы.

«ОГНЕВОЙ ГУСАР»

Назначение было неслучайным. Полк этот теснейшим образом был связан с именем предка Федора Артуровича со стороны матери – героическим кавалерийским генералом Я. П. Кульневым (1763–1812).

Дело в том, что дед гр. Ф. А. Келлера, Николай Николаевич фон Розеншильд-Паулин, был женат на Марии Михайловне Кульневой (ок. 1800–1861), племяннице и крестнице славного генерала. Сестра же его, Элеонора Николаевна фон Розеншильд-Паулин в 1800 г. вышла замуж за брата бравого гусара, Михаила Петровича Кульнева, городничего г. Люцина.

Клястицкими гусарами в разное время было четверо сыновей Н. Н. фон Розеншильд-Паулина, дядья Федора Артуровича, – Александр (1830–1896), Евгений (1838–1912), Модест (1833–1886) и Константин (1838–1898). Наконец, с апреля 1852-го по декабрь 1859-го в полку служил его отец – гр. Артур Федорович Келлер, а с июля 1888 г. по июль 1900 г. – брат, гр. Артур Артурович Келлер.

Да простит меня читатель, если я несколько более подробно задержусь на некоторых чертах биографии генерала Я. П. Кульнева, этого в свое время прославленного, но вскоре незаслуженно забытого человека, славную жизнь которого, несомненно, хорошо знал, следуя высокому примеру своего предка, Федор Артурович. Ибо, как незадолго до гибели писал генерал Кульнев своему брату: «Герой, служащий отечеству, никогда не умирает, а оживает в потомстве»¹.

Боевая страда Якова Петровича началась тоже на русско-турецкой войне, только почти за сто лет до кампании, в которой довелось участвовать его потомку. Затем он усмирал польский бунт, после чего в течение нескольких лет тяготился вынужденным бездействием.

Лишь летом 1807 г. подполковнику Кульневу посчастливилось со своим Гродненским гусарским полком (Les Hussards Bleus) выступить в поход против Наполеона. «У войны свои прихоти на добро и зло, – писал он накануне выступления брату, – и надо полагаться на волю Божию. Для чести и славы России не буду щадить живота своего»².

Отличаясь необыкновенной храбростью и решительностью, «в обыкновенное время это был молчаливый и застенчивый человек; в битве он преображался, его громовой голос слышался среди горячего боя...»³

«Шум ваших побед дошел до меня»⁴, – сказал ему, вручая орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом генерал барон Л. Л. Беннигсен.

За свои подвиги во время кампании отважный Кульнев был награжден Императором Александром I орденом св. Анны 2-й ст. и произведен в полковники.

Кроме безудержной храбрости на поле брани, то была еще «золотая пора истинного гусарства». Все, сопряженное с риском, привлекало молодых офицеров: кража невест, волокитство, резались в карты даже в походе верхом. Кутили, бушевали... На саблях дрались из-за любого пустяка, до первой крови, а затем в ресторане за стаканом вина – мировая. На пистолетах только, когда дело касалось вопросов чести. Но при этом нигде и никогда не было такого истинного товарищества, как среди гусар того времени. Сплетни и разного рода подстрекательства были абсолютно неприемлемы. Замеченных в этом немедленно исключали из своей среды.

Вскоре после Тильзитского мира началась война со Швецией. «Люблю нашу матушку Россию, – радовался Кульнев, – за то, что у нас всегда где-нибудь да дерутся!»⁵

Боже, что это был за поход!

Приходилось бороться не только с неприятельской армией, но и с вооруженным народом, подвергаясь опасности нападения и днем и ночью из засад.

Летом болотная жижа; шли, буквально утопая в грязи. Зимой лютая стужа. Ночевали в снежных сугробах, а то и прямо на льду замерзшего моря. И голод: часто не было хлеба и сухарей, солдаты рыли землю в поисках картошки и, не находя ее, питались кореньями.

*Мерз до костей и голодал,
Но побеждал, страдая*.*

В обращении с солдатами Яков Петрович был последователем А. В. Суворова, под началом которого ему посчастливилось сражаться. Чтобы понять его дух, приведем две выдержки из его приказов:

«С нами Бог! Я перед вами, а Багратион за нами! На марше быть бодрым и веселым. Уныние свойственно одним старым бабам. По прибытии на бивак – чарка водки, кашлица с мясом, ложе из ельника и спокойная ночь!»⁶

«Поход до шведских берегов венчает все труды наши. Сии волны истинная награда наша, честь и слава бессмертная. Море не страшно тому, кто уповает на Бога. Отдыхайте же, товарищи!»⁷

* Финский поэт Рунеберг.

*Поведай подвиги усатого героя,
О Муза, расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колтаке являлся среди боя.
Пуускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед.*

– писал его адъютант Денис Давыдов.

Мундиры гродненских гусар, получивших среди русских и даже шведов название «гусар Кульнева», изорвались, превратятся в отрепья. Так, трижды пройдя Финляндию, они и вошли в Гельсингфорс. Парад «героев в лохмотьях» принимал граф Ф. Ф. Буксгевден.

«...Князь Багратион давал жителям столицы Финляндии бал. Это была та славная, рыцарская пора, когда бои сменялись балами, недавние враги пировали вместе, уважая и отдавая должное друг другу; лилась кровь, но вскоре она терялась в потоках вина, залечивавшего раны. Одевшись в парадную форму, Кульнев поспешил на квартиру кн. Багратиона. Как только он вошел в залу, все танцевавшие остановились, сидевшие встали с мест, а все общество кинулось благодарить его за сохранение спокойствия жителей, где командовал он – герой Куортани, Сикайоки, Оровайса»⁸.

При представлении в Або Император Александр I приветствовал его словами: «Благодарю тебя за службу, но еще более за попечение о жителях. Знаю все, что ты делал для них, благодарю тебя»⁹.

Невероятно, но факт: о генерале Кульневе во время продолжавшейся кампании была сложена *шведская* песня:

*Пусть речь о Кульневе пойдет,
Слыхал ли ты о нем?*

*Вот, тот умел – всем братом быть,
И умереть, и славно жить.
Он – первый в сечь, колоть, рубить...
И первый – лихо пить.*

*Своим, носившим смерть, клинком
Он нас глубоко уязвил,
Но также любим доблесть в нем,
Как будто б наш он был.*

*Хвала же Кульневу, любовь!
Легко ль найти бойца, как он?
Пусть часто тил он нашу кровь,
Таков войны закон»¹⁰.*

Последний подвиг генерала Кульнева в шведской кампании – «Поход через море», выход к Стокгольму.

«Благодарение Богу, честь и слава Российского воинства на берегах Швеции, – докладывал он кн. П. И. Багратиону. – Я с войском в Гриссельгаме воспеваю “Тебе, Бога, хвалим”. На море мне дорога открыта, и я остаюсь здесь до получения ваших повелений»¹¹.

Об этом была сложена песня, которую в Клястицком полку пели еще во времена гр. Ф. А. Келлера:

*Вот вам, братцы, как ходили,
По льду к шведским берегам,
Да, как ворота разбили,
Как заняли Гриссельгам*¹².

Кампания была закончена. По Фридрихсгамскому миру к России отошла Финляндия и Аландские острова.

За шведскую кампанию Государь пожаловал полковнику Я. П. Кульневу ордена св. Георгия 3-й ст. св. Анны 1-й ст., чин генерал-майора и пять тысяч рублей, которые он до копейки передал находившейся в затруднительном материальном положении матери. (Безкорыстие у него было удивительное. «Утешаюсь в величии римской нищеты», – писал он в одном из писем.)

Быстро достигнув генеральского чина, в походах он жил как простой солдат, ел и спал вместе с ними, постоянно заботясь о своих подчиненных. Имя его пользовалось уважением во всей армии. Первые же подвиги и военные удачи в Отечественной войне 1812 г. еще более распространили славу его имени по всей России.

Это он 3 июля взял в плен первого французского генерала Сент-Жэнэста и оставил ему его шпагу...

В сражении под Клястицами (на западной границе, у Полоцка) 18–20 июля 1812 г. генерал-лейтенант Я. П. Кульнев, умело командуя арьергардом, а потом и центром корпуса П. Х. Витгенштейна, пресек попытки французского корпуса маршала Н. Удино продвигаться к Петербургу. Генерал решительно атаковал. Французы бежали. В те дни гусары Кульнева распевали:

Не боимся Удино, он для нас одно г...

Отряд ген. Кульнева преследовал поспешно отступавшего противника, захватив почти весь обоз и до 900 пленных. Оказавшись без поддержки, генерал подсказал к своим гродненским гусарам,

шефом которых был назначен в январе 1811 г., и прокричал надорванным голосом: «Победить или умереть!.. За Царя и отечество!.. Друзья, вперед, за мной!..» По признанию участников этого боя, ни под Фридландом, ни в Финляндии, они не атаковали с таким ожесточением. Двенадцать лет спустя, отвечая на вопрос Государя Александра I: «Скажи Мне откровенно, было ли тебе когда-нибудь страшно?» – участник того боя, мужественный офицер, не задумываясь, ответил: «Раз, Ваше Величество – под Клястицами...»¹³

...В конце Клястицкого сражения, 20 июля, П. Я. Кульневу неприятельским ядром оторвало обе ноги выше колена.

Лежа в луже собственной крови, этот «огневой гусар» успел еще крикнуть: «Чего глядите?.. Ваше место там!.. По коням!..»¹⁴

То был последний приказ командира. Смерть настигла его в 49 лет. Рассказывали, что генерал «был похоронен подле того холма, где родился, ибо его мать, беременная им, ехала из Полоцка в Люцин, внезапно почувствовала боль, вышла из экипажа и родила сына на холме, где под елями потом боевые товарищи предали тело героя матери-Земле»¹⁵. Кроме того, могила находилась 30 верстах от места, где жила его мать и где провел он младенческие свои годы. Все это отразил В. А. Жуковский в знаменитом своем «Певце во стане русских воинов»:

*Где Кульнев наш, рушитель сил,
Свирепый пламень брани?
Он пал – главу на щит склонил
И стиснул меч во длани.
Где жизнь судьба ему дала,
Там брань его сразила;
Где колыбель его была,
Там днесь его могила.
И тих его последний час:
С молитвою священной
О милой матери угас
Герой наш незабвенный!»¹⁶*

17 февраля 1824 г. Император Александр I повелел переименовать Гродненский гусарский полк в Клястицкий*, а Император Ни-

* Для того, чтобы славное имя Гродненских гусар, с которыми было связано столько побед, не осталось в забвении, 19 февраля 1824 г. на правах Молодой Гвардии был сформирован Лейб-Гвардии Гродненский гусарский полк, в который из прежних гродненцев было выделено 176 человек.

колай II пожаловал 26 января 1909 г. 6-му гусарскому Клястицкому полку вечного шефа – генерал-майора Я. П. Кульнева.

По Высочайшей воле Императора Николая I в 1831 г. прах генерала перевезли в его имение Ильзенберг. Рядом с могилой положили ядро, прервавшее его земную жизнь.

Собирая материалы о генерале Ф. А. Келлере, в одном из русских эмигрантских военно-исторических журналов, издававшихся в Париже, я нашел близкую нашему времени (по некоторым фактам и тону) заметку бывшего воспитанника Киевского кадетского корпуса Кирилла фон Морра «Могила героя»:

«...Когда-то в Латвии я посетил могилу героя Отечественной войны, генерал-майора Якова Петровича Кульнева.

Тогда так же, как сегодня, стыли в розовой дымке морозные дали, так же в серебряном инее стояли старые березы и злая поэмка заметала дорогу.

Я вылез тогда из мучительно медленного товарно-пассажирского поезда на крошечной станции, в бывшей Псковской губернии, недалеко от советской границы.

Там, куда в снежной пыли, уходил, раскачивая сигнальным фонарем, последний вагон моего поезда – была Россия. Та Родина, которую я видел в последний раз сквозь грязный иллюминатор мальчиком-кадетом, уходя на итальянском пароходе “Прага” из Новороссийска. Как давно это было...

Маленькая, занесенная глубокими сугробами, станция, жила своей незаметной, но кропотливой жизнью. Скрипя снегом, по платформе прошел начальник станции, с свернутым, полинялым красным флажком подмышкой. Из-за запотевшего окна дежурной комнаты слышался звук телеграфного аппарата. Где-то хлопнула дверь, и чей-то женский голос, смешно цокая по-псковски, крикнул: “Аленка, идешь, цто ли?” Я оглянулся. От колодца, невдалеке, еле справляясь с огромными валенками, шла девочка-подросток, повязанная синим платочком. На ее детских плечах лежало гнущее крестьянское коромысло и покачивались два ведра воды. За станцией, на унавоженном рыжем снегу, у изгрызенных деревянных конюшней понуро жевали сено несколько крестьянских лошадемок, запряженных в розвальни. Это была Россия...

– Кульнево-то? Эвоно, за лесом, баринок... – весело, блестя коричневыми медвежьими глазками, сказал мне тщедушный мужичок, в рваном тулупе, подпоясанном веревкой, обдав меня запахом самогона. – За лесом, баринок.

Через полчаса я ехал, подпрыгивая на ухабах, к синевшему бору. Ходко бежала ладная крестьянская лошаденка, комья снега летели мне в лицо, и перед глазами маячила сбившаяся в сторону сыромятная шляпа.

– Кульнев? – говорил за моей спиной подвыпивший возница, – знаем его. А как же? Герой... Отчественный... – затем он неизвестно для чего-то сплюнул в сторону и принялся скручивать козью ножку. Через минуту до меня долетел запах махорочного дыма. Мы ехали около часу молча.

– Вот оно, Кульнево, – сказал, наконец, возница, указывая кнутовищем вдоль дороги. Невдалеке на пригорке, окруженная старыми березами, стояла церковь. Бледное зимнее солнце тускло горело на ее крестах, давно не золоченных. Было видно, как редкие галки вились, борясь с ветром, вокруг ее зеленых куполов.

– Вот тут-ай и есть его могила... Отчественный!.. – еще раз убедительно повторил мой мужик и, в сердцах, хлестнул свою лошаденку под заросшее зимней шерстью брюхо.

Мы свернули с большака и подъехали к домику настоятеля Кульневского храма. Маленький, с подслеповатыми, замерзшими окнами, весь заваленный огромными снежными сугробами, стоял он на косогоре, со всех сторон открытый ветрам. Полуразвалившийся плетень, около которого вились зигзагом следы и жалась дрожащая под ветром рябина – все такое старое и бедное... такое родное.

На мой стук мне долго не открывали. Мне даже стало казаться, что дом пуст, но свежепорубленный хворост и чьи-то следы, ведущие от колодца к крыльцу, говорили о том, что в доме живут. Наконец, я услышал за дверью осторожные шаркающие шаги. Дверь отворилась. На пороге стоял старик в потертой лиловой рясе. Медный, местами позеленевший, крест висел у него на груди. Я попросил благословения. Батюшка благословил меня красной старческой рукой, глядя поверх меня в синее, холодное небо. Только теперь я увидел, что он был слеп... Я с трудом объяснил ему цель моего прихода.

– Так, так... – наконец, поняв меня, закивал он головой. – На могилу... Провожу, провожу, – бормотал он, одевая на голову меховой треух. – Уж, так и быть, провожу...

Через минуту мы шли с отцом Василием по заметенной снегом дороге, к церкви. Вокруг нас, с далеких снежных просторов, ветер мел поземку и печально и тонко пел в облетелых прутьях придорожных кустов...

– Сорок лет... вот этак... хожу... – бормотал, шаркая рыжими кожаными калошами подле меня, отец Василий. – Храм-то заштатный ныне... Попадью схоронил... Бог с ней... Сам ослепнул... все хожу... Раньше бывало, храмовый праздник... народу... телег... из Петербурга некоторые господа приезжали, а теперь тишь... холод, Бог с ним... – и он, махнув рукой, закашлялся долгим старческим кашлем.

Мы подходили к церкви.

Белая и легкая, в дивной прелести своего Александровского ампира, она, как сказка, стояла на холме, окруженная столетними березами, убранными в серебро морозного инея.

Отец Василий вынул из-за пазухи огромный ключ и, сняв свой трух – перекрестился: “Во имя Отца и Сына и Святаго Духа...”

Тяжело скрипнула зеленая тяжелая дверь, и мы вошли в церковь. Было полутемно и гулко звучали наши шаги... Пахло ладаном и сыростью – так пахнет в пустых церквях, в старых гробницах. В занесенные снегом окна с толстыми решетками скупо пробивался дневной свет.

Направо у стены – каменное надгробие... Несколько жестяных венков с поблекшими от времени Георгиевскими лентами прислонились к нему. На зеленой от сырости стене, в стеклянном ящике, – кривая гусарская сабля, с Георгиевским темляком. На гробовом камне старинной вязью начертано:

“Под камнем сим покоится тело героя Отечественной войны, генерал-майора Якова Петровича Кульнева”, а еще ниже: “Прохожий. Кто бы ты ни был – воин, гражданин или купец, стань на месте сем, сними шляпу и почти память его слезою...”

Сын городничего заштатного городка Люцина – он грозил когда-то Стокгольму, перейдя по льду Ботнический залив... Наполеон сказал про него: “Если бы не этот Кульнев... мне было бы легче” [...]

Все прошло... Осталась маленькая белая церковь среди снежных просторов... Остались эти черно-оранжевые ленты и на них “Клястицкие гусары – славному своему шефу”.

Еще осталась слава – она вечна»¹⁷.

О Русская Земле, уже за шеломянем еси...

ВСТРЕЧА С ПОЛКОМ

Вот в этот Клястицкий гусарский полк, связанный с памятью его предка, и прибыл 11 марта 1880 г. граф Ф. А. Келлер.

Может быть, встреча с полком корнета Ф. А. Келлера была такой, как описал ее полковник М. Н. Мураховский, вспоминая свое прибытие корнетом в 41-й драгунский Ябургский Ее Императорского Высочества Великой Княгини Марии Александровны полк, расквартированный тоже на западных рубежах Империи, в Варшавском округе.

Получив записку полкового адъютанта («Командир полка выразил желание видеть Вас сейчас же перед строем полка. Поторопитесь»), он поспешил оставить квартиру.

«У корнета замерло сердце. Как в полусне спустился он с лестницы и вышел на улицу. [...] На улице корнет взял себя в руки. “Надо быть молодцом и не посрамить Школу”, – гвоздем засело у него в голове, и, подтянувшись, твердой эластичной походкой он пошел вдоль фронта колонны под перекрестными взглядами сидящих на конях офицеров и солдат. “Только бы не осрамиться”, – мелькнуло в голове, и, отдавая честь офицерам, мимо которых проходил, он с облегчением читал на их запыленных лицах приветливое одобрение. До командира полка оставался десяток шагов и, подняв глаза, корнет встретился с его взглядом. Из-под широких лохматых бровей спокойно и пристально смотрели на него серые строгие глаза, в глубине которых светилось что-то такое, отчего корнету стало сразу как-то теплее на душе. Какое-то подсознательное чувство помимо воли подсказывало ему, что под этой, такой, казалось бы, суровой по виду внешностью кроется, в сущности, чуткое сердце, отлично понимающее душевное состояние его в данный момент. Остановившись в трех шагах от всадника и смотря прямо в эти строгие глаза, корнет слегка срывающимся голосом спросил разрешения явиться.

– Явишься завтра ко мне на квартиру к 10 часам, – послышался после маленькой паузы глубокий низкий голос командира полка, – а сейчас, – продолжал он, – я тебя потребовал для того, чтобы, пользуясь случаем, ты бы здесь собственными глазами увидел и сердцем своим бы почувствовал сразу весь тот полк, мундир которого ты имел честь одеть и который отныне становится твоей семьей. Оставайся у стремени, – закончил он.

Эти слова, сказанные громким, заглушающим уличный шум голосом, были слышны всем и произвели на корнета огромное

впечатление, заставив его сразу почувствовать какие-то невидимые нити, протянувшиеся между ним и этой стройной массой коней и всадников.

Обращение на “ты” не только не обидело, но даже и не удивило корнета, показавшись и естественным и нормальным.

Трубачи смолкли.

– Полковой священник просит разрешения начать молебен, – доложил подъехавший адъютант.

– Полк смирно! На молитву! Шапки долой! – послышалась команда. Головы обнажились, и служба началась.

За время молебна корнет окончательно успокоился и с огромным интересом наблюдал ряды всадников, истово крестившихся. По окончании молебна старик – священник обратился к полку с коротким словом, после чего, взяв крест и кропило, повернулся к командиру полка. Подъехав вплотную и низко склонившись с седла, командир приложился к протянутому кресту. Покропив голову командира, старик – священник с ласковой улыбкой протянул крест стоящему рядом корнету и со словами “Спаси тебя Христос” покропил его низко склоненную голову. Давши приложиться остальным штаб-офицерам, священник, сопровождаемый церковником, несущим сосуд с освященной водой, двинулся вдоль строя, кропя всадников и лошадей. Люди крестились, а лошади нервно вздергивали головы, любопытно насторожив уши.

– Сопровождай батюшку, – склонившись с седла, приказал командир полка корнету, и тот как автомат двинулся за священником. Не ограничившись обходом головных взводов, батюшка двинулся вглубь колонны, обходя и кропя остальные взводы, что дало возможность корнету видеть всех офицеров полка, стоящих на своих местах перед взводами.

Закончив обход, полковой священник, сопровождаемый корнетом, вернулся к аналою и начал снимать облачение. Корнет же снова занял свое место у командирского стремени. “Накройсь! – последовала команда. – Благодарю, господа офицеры, за помощь, а вам, молодцы, спасибо за лихую службу!” – послышался громкий голос командира полка. Одновременно взметнулись к козырьку фуражек руки господ офицеров, и оглушительное “Рады стараться!” понеслось в ответ из сомкнутых рядов солдатской массы.

– Полк смирно! Шашки вон! Слушай! – громко скомандовал командир полка, высоко поднимая обнаженную шашку и, выждав, когда командиры эскадронов повторили его команду, опустил ее вниз.

Резким взмахом выхваченные из ножен шашки ярко сверкали на солнце высоко над строем и мягко опустились в разрез плеча. Строй замер.

– Трубачи, под штандарты! Господа офицеры! – следовала новая команда.

Держа под козырек, корнет с лихорадочным интересом наблюдал, как под звуки хора трубачей от строя эскадрона Его Величества, где находился штандарт, отделился командир головного взвода и скомандовал: «Штандартный унтер-офицер, за мной!» – красивой собранной рысью пошел вдоль фронта колонны, держа шашку «подвысь». За ним тем же аллюром шли штандартный унтер-офицер со штандартом и ему в затылок ассистент. Подойдя к Штандартному эскадрону, офицер остановился и, повернув коня к строю и давая место идущему за ним штандарту, опустил шашку к стремени.

Командир головного взвода Штандартного эскадрона резким толчком шенкеля выбросил своего коня вперед, дав за собою место штандарту, отсалютовал шашкой и, выжав, когда переставшие играть трубачи под командой адъютанта стали перед взводом, скомандовал: «Штандартный взвод, шагом марш!» Трубачи, заиграв полковой марш, тронулись, а за ним и головной взвод Штандартного эскадрона.

Когда взвод со штандартом и трубачами скрылся из вида, завернув в улицу, ведущую к квартире командира полка, послышалась команда: «Господа офицеры! Полк, шашки в ножны, слушай!» По выполнению команды полку был дан трехдневный отдых и под громкое «Покорнейше благодарим!» командир полка тронул коня к своей квартире.

– То, что ты видел, пусть навсегда останется в твоей памяти, – сказал командир полка, проезжая мимо корнета. И вот прошло с тех пор почти полвека, и в памяти корнета не потускнела ни одна мельчайшая деталь этой первой встречи с его родным полком»¹.

Далее было представление в офицерском собрании, начиная с командира полка и далее по старшинству: «Господин полковник, разрешите явиться! – Являйтесь!» Вопрось: «Женаты? – Нет. – И не торопитесь! – Пьете? – Редко! – Поторопитесь!» И общий смех. «От лица всех господ офицеров полка говорю Вам: добро пожаловать в нашу дружную полковую семью! – сказал полковник, обращаясь к корнету, и скомандовал: – К столу, господа!» Обед проходил весело и шумно. Тарелка и рюмка корнета ни на минуту не оставались пусты...

На следующий день было представление командиру полка на его квартире.

Были наставления. Почти наверняка того же свойства, как и приводимые нами далее, произнесенные в разное время командирами двух совершенно разных полков, адресованные прибывшим в полк молодым офицерам:

«Вчера вы надели офицерские погоны нашего полка. Я – ваш старший полковник – требую от вас, чтобы – где бы вы ни находились, – вы ни на минуту не забывали, что у вас на плечах офицерские знаки нашего полка. Эти погоны обязывают вас... Да, эти погоны обязывают всякого, кто имеет честь их носить, к достойным поступкам, порядочности и приличию. Помните, что в глазах общества и света всякий ваш неблагоприятный поступок или даже жест будет приписан не столько вашей личности, сколько всему полку, потому что полк, принявший в свою среду офицера, тем самым гарантирует его порядочность и воспитанность. Офицера, не умеющего ограждать свое достоинство и достоинство полка, офицера, не умеющего держать себя, полк не потерпит в своей среде»².

«Есть люди, которые смотрят на полк, как на проходной двор. Прослужил три года, подыскал себе приятное место и ушел. Таких нам не нужно. Выходить к нам должны только те, которые решили служить в Полку всю жизнь, до полковничьего чина, а если случится война, то и умереть в его рядах. А не гастролеры. Нам нужны такие, для которых вне полка не только службы, но и жизни быть не может. Поняли вы меня?»³

(Между прочим, последнее приветствие молодым офицерам принадлежит прославленному генералу Г. А. Мину. Подобно графу Ф. А. Келлеру, 18-летним юношей он убежал на русско-турецкую войну 1877–1878 гг., получил там чин прапорщика, в 1905 г. истреблял крамолу, потом был убит террористкой...)

...Затем последовало знакомство с супругой командира полка; легкий завтрак. А вскоре из полковой канцелярии пришел приказ о назначении в эскадрон. После представления командиру эскадрона корнет познакомился с людьми. Эскадронный вахмистр предложил на выбор несколько кандидатов в денщики. Побеседовав со всеми, справившись о фамилии, губернии и семейном положении, корнет остановил выбор на одном: «Хочешь ко мне в денщики?» – «Так точно!»

Предстояло приобрести лошадь. Офицеры делали это обычно по приезду на место. Дело в том, что у каждого кавалерийского полка были особые требования к лошадям в отношении масти и кровности.

Еще при Императоре Николае I были определены масти коней для гвардейских кавалерийских полков. В начале XX в. они были следующими:

Л.-Гв. Кавалергардский: гнедые (1-й эск. – светло-гнедые без отметин; 2-й – гнедые с отметиной; 3-й – гнедые без отметин; 4-й – темно-гнедые без отметин).

Л.-Гв. Конный: вороные.

Л.-Гв. Кирасирский Его Величества: караковые и темно-гнедые (1-й эск. – чисто караковые; 2-й – вороные; 3-й – караковые лысые и белоногие; 4-й – караковые, гнедые и бурые; трубачи – караковые).

Л.-Гв. Кирасирский Ее Величества: рыжие (1-й эск. – золотисто-рыжие; 2-й – рыжие белоногие с проточиной; 3-й – рыжие со звездочкой; 4-й – темно-рыжие и бурые; трубачи – серые).

Л.-Гв. Конно-Гренадерский: вороные (1-й эск. – высокие вороные без отметин; 2-й – такие же, но меньше ростом; 3-й – вороные с отметинами на головах; 4-й – вороные с подпалинами и слегка караковые; 5-й – вороные белоногие; 6-й – вороные лысые и белоногие; трубачи – серые).

Л.-Гв. Драгунский: гнедые.

Л.-Гв. Уланский Его Величества: гнедые (1-й эск. – самые крупные светло-гнедые; 2-й – светло-гнедые белоногие; 3-й – гнедые без отметин; 4-й – темно-гнедые; 5-й – светло-гнедые; 6-й – самые крупные темно-гнедые).

Л.-Гв. Уланский Ее Величества: рыжие (1-й эск. – крупные рыжие со звездочкой; 2-й – рыжие лысые и белоногие; 3-й – менее рослые рыжие с крапинками и сединой; 4-й – темно-рыжие с отметинами; 5-й – бурые с отметинами; 6-й – темно-рыжие и бурые без отметин; трубачи – рыжие).

Л.-Гв. Гусарский Его Величества (1-й, 2-й и 3-й эск. – серые лошади с переходом от темно-серых к более светлым; 4-й – белые; 5-й и 6-й – серые с переходом от светло-серых к более темным).

Л.-Гв. Гродненский гусарский: караковые (1-й эск. – чисто караковые; 2-й – караковые белоногие; 3-й – караковые со звездочкой; 4-й – те, которые не подходили в др. эскадронах; 5-й – светло-караковые; 6-й – караковые белоногие со звездочкой и отметиной; трубачи – караковые без отметин).

Собственный Его Величества Конвой: гнедые. Командир, штаб-офицеры и трубачи – светло-серые.

Л.-Гв. Атаманский: рыжие; трубачи – серые.

Л.-Гв. Сводно-казачий (1-я сотня – гнедые; 2-я – серые; 3-я – гнедые; 4-я – наполовину гнедые, наполовину – серые).

Л.-Гв. жандармский эскадрон: серые.

Гвардейская конная артиллерия (1-я батарея – рыжие; 2-я – вороные; 3-я и 5-я – караковые; 4-я и 6-я – гнедые; в 6-й батарее: 1-й взвод – светло-гнедые; 2-й – вишнево-гнедые; 3-й – темно-гнедые)⁴.

В армейской кавалерии «в драгунские полки шли рыжие кони, в уланские – гнедые, в нечетные гусарские полки – вороные, в четные – серые. Исключение составлял 12-й гусарский Ахтырский полк, сидевший на со-

ловых и буланых лошадях»⁵. Трубачи всех полков, начиная с 1908 г., должны были иметь лошадей полковой масти (кроме перечисленных нами случаев). «В казачьих частях достигать такой одномастности лошадей, как в гвардейской и армейской кавалерии, не удавалось, так как казаки сидели на собственных лошадях разных мастей, выведенных ими самими в своих станицах, но каждая сотня подбирала себе лошадей своей масти, а подбор по тонам и отметинам соблюдался повзводно»⁶.

Первые дни корнет буквально дневал и ночевал на конюшне, знакомясь с нравами и привычками своей лошади. С приобретением лошади появился и постоянный вестовой. Постепенно корнет обзавелся револьвером, биноклем, седлом, походным выюком.

21 февраля 1881 года корнета Ф. А. Келлера произвели в поручики. А вскоре...

*...Грянул взрыв
С Екатеринина канала,
Россию облаком покрыв.
Все издалёка предвещало,
Что час свершится роковой,
Что выдет такая карта...
И этот века час дневной –
Последний – назван **первым марта**⁷.*

Наступило новое Царствование, знаменитое, в частности, тем, что в течение его Российская Империя, укрепляясь в духовном, экономическом, внешнеполитическом и военном смысле, не вела ни одной войны, сумев поставить на место даже англичан. Для этого достаточно вспомнить эпизод 1885 г. неподалеку от крепости Кушка.

Раздраженная русским продвижением на Юге и укреплением позиций Российской Империи в Средней Азии, Англия долгое время подталкивала афганского эмира к враждебным действиям. Наконец, в самом начале 1885 г. вооруженный англичанами отряд одного из племен Афганистана под руководством британских инструкторов вторгся на русскую территорию. Оповещенный, Русский Царь приказал изгнать непрошенных гостей и при этом «проучить их как следует». 18 марта афганцы со своими английскими учителями были разбиты и изгнаны. Англия выразила возмущение. Британский посол в С.-Петербурге потребовал принести извинения, передать Афганистану часть территорий, отдать под суд виновных офицеров. Император демонстративно наградил начальника пограничного отряда полковника К. А. Комарова орденом Св. Георгия.

В Лондоне не на шутку разгневались, объявив даже частичную мобилизацию, а на флоте повышенную боевую готовность. Русские дипломаты занервничали. Царь же на предупреждение министра иностранных дел Н. К. Гирса о том, что запахло порохом, с внутренним сознанием силы ответил: «А хотя бы и так». Англии пришлось отступить. Королева Виктория, встретившись с братом Царя Великим Князем Сергеем Александровичем в Дармштадте, просила передать Императору: она-де «искренне желает мира, и только журналисты кричат о войне»⁸.

Заносчивый британец научился сдерживать свои эмоции, смиряясь перед военной мощью и моральной силой. «Любящая и добрая сестра», как неизменно именовала себя в письмах к Царю королева Виктория, на какое-то время присмирела.

Вместе с тем в новое Царствование для Армии пришли нелегкие времена. Казна была опустошена войной и разного рода злоупотреблениями. Страна пережила цареубийство, ставшее для нее огромным потрясением. Кроме того, как пишут современные исследователи, постепенно «произошло значительное снижение материального положения офицеров, изменение их состава, снижение престижа Армии и военной службы. Это было вызвано комплексом причин, среди которых следует назвать и критику (отнюдь не всегда добросовестную) армейских порядков и традиций в либеральной печати»⁹. (Распустившуюся в предшествующую «эпоху реформ», ее не так-то легко было поставить на место.)

Офицер, сделавший впоследствии неплохую военную карьеру, вспоминал: «...Я кончал гимназию в Петербурге, кончал хорошо, с медалью. Заявил о желании поступить в военное училище. Все преподаватели меня отговаривали; дважды вызывался я на квартиру директора для убеждений отказаться от моего “некультурного” желания. “Это позор для гимназии”, – говорил мне директор. – “Ведь кто идет в офицеры? Только идиоты и неудачники”, – говорили другие»¹⁰.

Символом этого позорного отношения русского общества к своей армии стал «Поединок» А. И. Куприна.

В это время в жизни Федора Артуровича происходят важные изменения. В 1882 г. он женился.

Ему исполнилось 25 лет. По существовавшим установлениям офицер не мог жениться ранее достижения 23-летнего возраста. Только что (7 февраля 1881 г.) был принят закон, согласно которого офицеры, вступающие в брак в возрасте от 23 до 28 лет и получаю-

щие жалование менее 100 рублей в месяц, должны были вносить реверс (своего рода залог), дававший ежегодный доход в 250 рублей¹¹.

Приходилось также считаться с полковыми традициями, которые могли быть еще более строгими, чем официальный закон. Так, в 13-м гусарском Нарвском полку долгое время существовала традиция: молодые офицеры не имели права жениться, пока не получат чин ротмистра. Происходило это, как правило, в 35-летнем возрасте. Считалось, что «женатый молодой офицер будет больше думать о жене, нежели о службе, что совершенно справедливо»¹².

Непосредственное разрешение на вступление в брак офицеру давало высшее его начальство (командир дивизии). (Даже ген. А. А. Брусилов, будучи командиром армейского корпуса, должен был испрашивать официальное разрешение на второй брак у командующего войсками военного округа¹³.) Невеста должна была быть «пристойна», обладать «доброй нравственностью и благовоспитанностью». Рекомендовалось принимать во внимание «общественное положение невесты». Как правило, брак разрешался с дочерью дворянина, священника, чиновника, купца первых двух гильдий. Безусловно не разрешалась женитьба на разведенной, да еще на взявшей при разводе вину на себя¹⁴.

Супругой Федора Артуровича стала Елизавета-Мария, урожденная баронесса фон Рёнке (27.8.1862–30.11.1929), единственная дочь эстляндского помещика, отставного Гвардии ротмистра, барона Бенедикта-Алексиса-Родольфа-Эдуарда фон Рёнке (1828–1881) и Луизы-Христины, урожденной фон Коцебу (1838–1870). Бракосочетание произошло в Мексе (Эстляндия) 20 июля 1882 года. В той же Эстляндской губернии супруга гр. Келлера владела имениями Кёндес и Веннефер.

Однако гораздо больше значимым было родство графини Келлер со стороны матери. Дело в том, что она была правнучкой драматурга Августа Коцебу (1761–1819)*, автора известного «Краткого описания Императорского Михайловского дворца, 1801 г.», политического конфидента Императора Александра I (за что он и был в Маннгейме заколот кинжалом фанатиком студентом Зандом); внучкой генерала от инфантерии графа Павла Евстафьевича Коцебу (1801–1884)¹⁵. Военная карьера последнего бы-

* У него было еще два сына: художник-баталист Александр Евстафьевич (1815–1889) и известный путешественник вокруг света капитан I ранга Отто Евстафьевич (1788–1846).

ла незаурядна. Начиная с 1821 г., Павел Евстафьевич участвовал в войнах с Турцией, Персией, замирял Кавказ, подавлял Польский бунт. И везде отличался необычайной храбростью, о чем красноречивее всего свидетельствуют полученные им награды. Назовем лишь некоторые из них: орден св. Анны 4-й ст. с надписью «за храбрость» – за сражения с горцами в начале 1820-х; орден св. Георгия 4-й ст. – за осаду Силистрии в русско-турецкой войне в 1829 г.; золотая шпага «за храбрость» – за взятие Варшавы в 1831 г.; пожалование генерал-адъютантом за отличие при взятии штурмом горского аула Салты в 1847 г.; золотая шпага с бриллиантами за осаду Силистрии в 1854 г.; орден Св. Георгия 3-й ст. – за неоднократное руководство вылазками в Севастополе в 1855 году.

С образованием военных округов, в 1862 г., генералу от инфантерии П. Е. Коцебу вверен был пост Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, а заодно и командующего войсками Одесского военного округа. В 1874–1880 гг. он стал Варшавским генерал-губернатором и командующим войсками Варшавского военного округа. В 1874 г. Павел Евстафьевич получил графский титул, а в августе 1880 г. Государь пожаловал ему Свой портрет, осыпанный бриллиантами.

Еще 25 октября генерал П. Е. Коцебу был назначен членом Государственного Совета. После отъезда из Варшавы он сосредоточился на работе там как председатель Особой Высшей военной комиссии, рассматривавший вопрос об окружной и корпусной системах военного управления.

Несомненно, такие родственные связи открывали перед Федором Артуровичем новые возможности для продвижения по службе. В первое время (причем не без настояния родственников) так и было.

«После женитьбы на внучке графа Коцебу, – сообщает о гр. Ф. А. Келлере его биограф, – он по настоянию последнего принимает должность адъютанта при генерал-губернаторе гр. Тотлебене...»¹⁶

Назначение гр. Ф. А. Келлера адъютантом к Командующему войсками Виленского военного округа генерал-адъютанту графу Эдуарду Ивановичу Тотлебену состоялось 12 марта 1882 г.

Речь идет о графе Эдуарде Ивановиче Тотлебене (1818–1884), знаменитом русском военном инженере, обезсмертившем свое имя Севастопольской обороной, хорошо знакомом нам также по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Титул графа он получил в 1879 г., однако по рождению принадлежал к старинному дворян-

скому роду из Тюрингии, представители которого переселились в Прибалтийские губернии Российской Империи еще в XVII веке. После окончания турецкой кампании ген. Э. И. Тотлебен был назначен генерал-губернатором в Одессу и командующим войсками Одесского военного округа (1879), а в следующем году переведен в Вильну, став Виленским, Ковенским и Гродненским генерал-губернатором и командующим войсками Виленского военного округа. 1 июня 1880 г. он вступил в должность. Однако уже в 1882 году Эдуард Иванович вынужден был выехать за границу для лечения. Давшая там о себе знать болезнь глаз повлекла за собой тяжелую операцию. В Россию граф Тотлебен так и не вернулся, скончавшись после невыразимых страданий.

Здесь, в Вильне, 21 мая 1883 г. у Федора Артуровича появился на свет первенец Павел. Он выберет морскую стезю. В 1901 г. окончит Морской корпус. Отличится в русско-японской войне 1904–1905 гг. Получит вожделенный для каждого русского офицера орден св. Георгия 4-й ст. Кроме того, его наградят орденом Станислава 2-й ст., св. Владимира 2-й ст. и св. Анны 3-й ст. Граф П. Ф. Келлер станет командиром эсминца «Пылкий». В 1907 г. Павел Федорович получит квалификацию офицера подводного плавания, а вскоре и новое назначение – морским агентом (атташе) в Стокгольме и Копенгагене. (Военным агентом в то время там был гр. А. А. Игнатьев.) 6 апреля 1914 г. его произведут в капитаны второго ранга.

15 октября 1909 г. в эстлянском поместье Аддрих он женится на Марии-Мадлен, урожденной графине фон Ребиндер (1885–1971), от которой родятся трое детей*.

Однако вернемся к графу Федору Артуровичу Келлеру. 24 декабря 1883 г. в связи с отъездом генерала Тотлебена на лечение в Германию он вернулся в свой полк, правда, именованный уже к тому времени 18-м драгунским Клястицким Его Великогерцогского Высочества принца Людвиг Гессенского полком. Дело в том, что 18 августа 1882 г. по Высочайшей воле все армейские 14 гусарских и 14 уланских полков были переименованы в драгунские.

Русская кавалерия переживала в ту пору, пожалуй, самые трудные за всю свою историю времена. Со времен турецкой войны

* Павел, родившийся 26.7.1912 в Стокгольме (в первом браке, 1939 г., с Дорис Барбарини (1917–1965), во втором (1969) с Марией-Луизой фон Мулен, род. 1915), офицер румынской королевской армии; Федор (1913–1914) и Александр (1915–1942).

стали раздаваться голоса о том, что конницу следовало бы употреблять главным образом как «ездящую пехоту».

«До того времени, – писал полковник конной артиллерии А. А. Левицкий, – для этой цели предназначались драгунские полки. Они носили мундиры пехотного образца, имели пехотное наименование чинов; только кавалерийские кивера, серо-синие рейтузы и лялдушки отличали их форму от пехотной, и сабли их были без гарды.

Упадочный взгляд на употребление конницы в связи с режимом экономии, проводимым тогдашним военным министром Ванновским, повлек за собой упразднение уланских и гусарских полков, все стали драгунами и получили одинаковую ненарядную форму. Полки различались только по цвету приборного сукна и серебряным или золотым галуном. Эти драгунские полки вооружили шашками и винтовками. Всадники сидели в седлах, которые стесняли их движения. Это были глубокие деревянные ленчики, покрытые сложенной попоной...»¹⁷

Считалось, что «этой решительной мерой значительно усиливается способность кавалерии к действию огнестрельным оружием»¹⁸.

Все эти перемены многими офицерами были восприняты с неудовольствием, не переходившим, однако, рамок дозволенного¹⁹. Многие состоятельные офицеры-кавалеристы вышли, тем не менее, в отставку.

«...Новая форма одежды, равно как и преобразование гусар и улан в армейских драгун, – вспоминал ген. В. А. Сухомлинов, – затронули драгоценное чувство в войске, отречься от которого ни одна армия не может без соответствующего, в должной мере, существенного возмещения за это»²⁰.

Чтобы вполне понять поступки этих людей, следует знать, что лишение ношения даже каких-либо принадлежностей обмундирования, по понятиям того времени, считалось в Русской Армии одним из тяжелейших наказаний²¹. Это относилось к такому понятию, как *честь мундира*. Сколь щепетильно относились тогда к этому, можно понять из того, какими словами отчитывал один капитан не отдавшего ему честь солдата, ссылавшегося на то, что не видел в лицо офицера: «Мундир-то ведь ты видел, братец. Ну, так знай – не мне отдаешь честь, а мундиру»²².

Как же впоследствии были рады те, кто дослужился к тому времени до штаб-офицерских, а то и генеральских чинов, когда

в Царствование Императора Николая II в 1907 г. были восстановлены прежние гусарские и уланские полки, возвращена им форма:

*Мы снова надели мундиры отцов...**

Более серьезной по своим последствиям для конницы были споры вокруг тактического значения кавалерии, что, между прочим, самым трагическим образом сказывалось на конском составе.

С кончиной 13 апреля 1891 г. Великого Князя Николая Николаевича Старшего, писал исследовавший особенности развития русской конницы между турецкой и германской войнами полковник А. А. Левицкий, «была упразднена Инспекция конницы** и, таким образом, исчез руководящий орган кавалерии. Но конница не примирялась с умалением ее значения. По-прежнему, после линейного учения кавалерийских дивизий, производилось тактическое учение с обозначенным противником, карьером вылетали на позицию конные батареи, на широких аллюрах развертывались эскадроны и шли в атаку. Правда, все это проделывалось накоротке – поберегали лошадок.

Начальник дивизии, объезжая перед учением полки, мог удостовериться, что выведены требуемые 12 рядов во взводах, но, как только дивизия трогалась с места, так по тылам начиналось соскакивание драгун с лошадей, спешно уводили худоконных. Хозяйственные соображения в армейской коннице играли преимущественную роль, не без «фуражных» комбинаций. Популярной стала песенка:

*Прошу вас, птички, об одном –
Не обедайте вы овсом...*

К этому периоду относится диалог между генералом Дрентельном, Командующим войсками Киевского округа и командиром С. драгунского полка: «Я, Ваше Высокопревосходительство, пробовал давать и отруби и соломенную резку... не помогает...» – оправдывался командир полка. «Попробуйте, полковник, покормить их овсом...»

Хорошие тела достигались не кормом, а покоем, редко-редко было иначе. В 1884 году издано было новое положение о хозяйстве, но навыки остались прежние, лишь переписка увеличилась до колоссальных размеров.

* Из Песни 12-й Кавалерийской дивизии.

** Генерал-инспектором кавалерии Великий Князь состоял с 15.8.1864. Именно ему русская конница обязана чрезвычайно важным «Наставлением для выездки ремонтной кавалерийской лошади». – С. Ф.

Появились глашатаи новых тактических действий конницы, которых возглавил генерал Сухотин (будущий начальник Военной академии). Он как профессор досконально изучил рейды конницы Стюарта во время американской междоусобной войны, приемы которых хотел пересадить на русскую почву. Предлагал особые боевые построения, стрельбу с коня, вывод обучения верховой езде из манежа в поле, для чего рекомендовал замену мундштуков пелямом, упрощающим управление конем.

Он встретил ярого оппонента в лице “Остапа Бондаренко”, таким псевдонимом подписывал свои статьи генерал Сухомлинов – будущий военный министр. Брошюры его производили впечатление своим несомненным остроумием.

Генералу Сухотину, для ценза, было дано командование 1-й бригадой 12-й кавалерийской дивизии с 19-й конной батареей. С ними он “совершал рейды Стюарта” и совершенно загубил конский состав этих частей. После опыта он издал труд под названием “800 верст с 1-й бригадой 12-й кавалерийской дивизии”. Генерал Сухомлинов осмеивал не только содержание этой брошюры, но даже и заглавие, назвав его “витиеватым” и даже “жюльверновским”.

Все, о чем я до этих строк писал, относится к 80-м годам прошлого столетия, когда существовало 14 номерных кавалерийских дивизий и одна Кавказская. Десять из этих дивизий квартировали на австро-германской границе. Обычно штаб стоял в маленьком городке, а эскадроны были разбросаны по деревням, иногда в 15-20 верстах от штаба полка»²³. Не составлял в этом смысле исключения и Клястицкий полк.

Некоторое время гр. Ф. А. Келлер был полковым адъютантом, т.е. занимал одну из важнейших должностей во внутренней жизни полка; заведовал полковой учебной командой.

В это время у него родилось двое детей: дочь Елизавета* и сын Александр**.

* Людовика-Елизавета родилась 13 апреля 1885 г. в Липно. Была замужем за Арвидом фон Муленом (1883–1945). Скончалась 7 ноября 1965 г. в возрасте 80 лет.

** Родился 17 октября 1887 г. в Липно. Был женат на Марии-Елене-Юлии урожденной фон Левис оф Менар (1893–1978). Дети: Герман-Пауль (род. 24.3.1915 в Ревеле); Александр-Артур-Карл (1919–1944); Элиза-Альма-Маргарэт (род. 1919); Георг-Эрик-Эдуард-Оскар (род. 1921); Мария-Доротея-Дагмар-Бенита (род. 1933); Теодор-Фридрих (род. 1936). Гр. А. Ф. Келлер скончался 27 апреля 1944 г. в возрасте 56 лет.

Особое внимание следует обратить на назначения Федора Артуровича членом полкового суда (1887), а также членом суда общества офицеров (1889). Это свидетельствует не только о безупречной репутации гр. Келлера, но и об определенных его человеческих качествах, не оставшихся тайной для его командиров и сослуживцев.

Прослужил он в полку без малого 14 лет. В разное время командовал 1-м, 2-м, 3-м и 6-м эскадронами.

*Тронулся, двинулся, заколыхался
Алою лентою наш эскадрон.*

«В казармах нашей Императорской армии, – вспоминал генерал П. Н. Краснов, – висели картины. Это были литографии в красках, издания Ильина или типография Главного Штаба, уже точно не помню. Изображали они подвиги офицеров и солдат в разные войны. Был там майор Горталов в белом кителе и кепи на затылке, прокалываемый со всех сторон турецкими штыками; был рядовой Осипов в укреплении Михайловском с факелом в руках, кидающийся к пороховому погребу. Запомнился мне еще подвиг Архипа Бондаренко, Лубенского гусарского полка, спасающего жизнь своему офицеру, корнету Воеводскому. Улица болгарской деревни, белые хаты с соломенными крышами, вдоль них скачет большая гнедая лошадь и на ней двое: раненый офицер и солдат!

Это было воспитание солдата. Дополнение к беседам о том, что “сам погибай, а товарища выручай”. Молодыми офицерами мы ходили по казарменному помещению, окруженные молодежью, показывали картины и задавали вопросы. Называлось это “словесностью” и считалось одним из самых скучных занятий.

– Что есть долг солдата? – спрашивали мы, останавливаясь у картины, изображавшей подвиг Бондаренко.

– Долг солдата есть выручить товарища из беды. Долг солдата, если нужно, погибнуть самому, но спасти своего офицера, потому, как офицер есть начальник и нужен больше, чем солдат.

– А что здесь нарисовано?

– Изображен здесь подвиг рядового Бондаренко, который, значит, под турецкими пулями, и окруженный со всех сторон башибузуками, увидев, что его офицер, корнет Воеводский, ранен, и лошадь под ним убита, остановил свою лошадь и посадил офицера в седло, а сам сел сзади, и отстреливаясь и прикрывая собою офицера, спас его от турок...»²⁴

Конечно, приходилось иногда слышать и иные ответы на подобные вопросы. «Не только к беседам, но и книгам, выдаваемым для чтения солдатам, – вспоминал гр. Ф. А. Келлер, – они относятся с некоторым недоверием; так мне, когда я как-то указал на исторический факт, насколько помню на подвиг Архипа Осипова, пришлось услышать от неглупого солдата: “Точно так, читал, да ведь это только так для примера писано”»²⁵.

Такие ответы, разумеется, наводили на размышления... Но на практике-то потом вышло всё по-другому, во всяком случае, до проклятой памяти 1917-го...

...Но и потом сему *примеру* не суждено было изгладиться из памяти. О подвиге Архипа Осипова (рядового 77-го Тенгинского пехотного полка, героически погибшего 22 марта 1840 г. при осаде Михайловского укрепления) напоминает сохранившийся и в советское время белый крест на высоком постаменте, видный с моря у Архипо-Осиповки (близ Геленджика).

Военный приказ предписывал имя этого солдата-героя, подорвавшего себя вместе с погребом, «навсегда сохранить в списках первой гренадерской роты Тенгинского пехотного полка, считая его первым рядовым, и на всех переключках при спросе этого имени первому за ним рядовому отвечать: погиб во славу русского оружия в Михайловском укреплении», что отмечено даже в советских путеводителях по Черноморскому побережью»²⁶.

«Думали ли мы тогда, – продолжал ген. Краснов, – что двадцать пять лет спустя подвиг братской христианской любви к ближнему, подвиг высокого долга солдатского при обстоятельствах исключительных и гораздо более сложных, чем в 1877 г., будет повторен в мельчайших подробностях? Тогда казалось, да так и говорили, что красоты на войне не будет. Красоты подвига и любви. Что война обратится в бездушную бойню». Но разразилась война, «и явились герои долга и высокой христианской любви. Легендарные подвиги, запечатленные на картинах для воспитания солдатского, повторились с математической точностью. То ли, что мы хорошо их учили и сумели так воспитать солдата, что он стал способен на подвиги, то ли, что чувство долга и любви к ближнему в крови русского солдата и привито ему в семье и в Церкви?»²⁷

С солдатом, разумеется, приходилось немало работать. Нужно было воспитать в нем воинскую лихость, презрение к опасности, презрение к боли. При этом Федор Артурович всю жизнь помнил завет Великого Петра: «Офицеры суть солдатам, яко отцы детям, того ради подлежит их равным образом отечески содержать»²⁸.

Не секрет, что офицеры конца XIX – начала XX вв. предпочитали новобранцу-рабочему и даже новобранцу из крестьян-отходников (ходивших зимой работать в город) новобранцев-землепашцев, однако при этом требовалось «истребить из солдата дух крестьянства», «чтоб крестьянская подлая привычка, уклейка, ужимка, чесание при разговоре совсем были из него истреблены»²⁹.

Как писал в 1885 г. известный русский военный публицист Н. Д. Бутовский: «Присяга, которую еще до поступления на службу внушила солдату его семья, традиции его родины, та реальная, если так можно выразиться, присяга, которую солдат действительно носит в своем сердце и имеет в мыслях, целуя Крест и Евангелие, заставляет его охотно и даже с видимым увлечением умирать за родину и Государя, делает из него надежного охранителя важных постов; но она никоим образом не может заставить человека полюбить, например, стрельбу, одиночную выправку, гимнастику, а тем более разные военные формальности, которые подчас бывают надоедливы»³⁰.

Отсюда, с одной стороны, «злodiинная эта служба Государева»; «ученьице – все мученьице», во время которого приходится «стоять день до вечера», «поворотушки держать да поскорешеньку». Но с другой: «И постоим да за Россию подселенную, и сбережем да мы Царя-то благоверного», «Царя – бога Русийского». «Без этого нельзя»³¹.

Разумеется, в полки Российской Императорской Армии набирали не одних лишь православных или христиан. И это приносило дополнительные сложности. В «Правилах о сохранении здоровья солдат» требовалось, чтобы командиры «вникали в их [солдат] характеры народные, и, по возможности, согласовались с их природными наклонностями». Составители «Правил...» напоминали, что татары, например, «отличаются особенно честностью и верностью»; что поляки «с горячностью берутся за всякую новость, но малая неудача их устращает и останавливает, любят похвалы и из честолюбия решаются на многое»; что ум «волынца» «основателен, решителен, смел, но тяжел»; что характер «литовца» (белоруса) «тихий, не мстительный, хотя долго помнящий обиды, откровенный, но упрямый»³².

Как видим, даже сам тип русского народа был далеко не единым. Все эти особенности надлежало хорошо знать офицерам.

В фундаментальной работе черниговского дворянина, врача Действующей армии на Кавказе, а затем врача для особых поручений при Русской армии во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. И. И. Пантюхова (1836–1911) «Значение антропологических типов в Русской истории» (Киев, 1909) читаем:

«Не говоря о географических и исторических причинах [...], уже по свойству своих типов, при усложняющейся борьбе за существование, эти народности не могли образовать двух отдельных государств, а должны были дополнять одна другую.

Анархист великорос, склонный к величайшим крайностям*, прущий “на авось” куда угодно и не умеющий остановиться, пока не упрется в стену, слишком размахист и прямолинеен, а индивидуалист малоросс, заботящийся главное о личных интересах, недоверчивый, упрямый и мало интересующийся общественными или государственными делами, слишком осторожен и подозрителен**, чтобы каждый из них отдельно при усложняющихся условиях мог успешно бороться за свое существование. Для всестороннего развития государства к наивному доверию и альтруизму великоросса необходимо добавить скептицизм и анализ малоросса; к размахистым и широким обобщениям великоросса – умение сосредоточиться и разбирать частности малоросса, и наконец к грубоватому реализму великоросса – идеализм и большую сдержанность малоросса.

Народность полесского типа, естественно, пассивно шла за южно-русской***, а народность белорусского – была, как всегда, связующим звеном между всеми, в том числе и польским, типами, и играла важную, хотя и мало заметную роль в объединении их****. [...]

* Люди, «ищущие вечной правды и не умеющие ни на чем остановиться» (*Пантюхов И. И. Значение антропологических типов в Русской истории. С. 341*). – С. Ф.

** «Свойственные типу отсутствие инициативы, реализм, индивидуализм, забота главное о себе и равнодушие к интересам других, не могли исчезнуть и у [...] православного духовенства. Мистиков, подвижников во имя вечной правды и самоотверженных проповедников, жертвующих собой ради общего блага, между ними не было» (*Пантюхов И. И. Значение антропологических типов в Русской истории. С. 324*). – С. Ф.

*** Народность полесского типа «и по типу, и по топографическим, и политическим причинам, не имея возможности самостоятельно организоваться», обладала «большой приспособляемостью и замечательной трудоспособностью». «Имея довольно разнообразный характер и незаметно сливаясь с малорусским, а также белорусским и великорусским типами, полесский тип не может быть точно отграничен от них, но если считать основным малорусским только кареглазый, высокорослый тип, то к полесскому должно принадлежать большинство населения Волынской, Киевской, Черниговской и в настоящее время даже Воронежской и других южных губерний» (*Пантюхов И. И. Значение антропологических типов в Русской истории. С. 329*). – С. Ф.

**** «Белоруссы смягчали резкость русских типов, были более объективны, восприимчивы к культуре и обладали чувством государственности в большей степени, чем великороссы и малороссы» (*Пантюхов И. И. Значение антропологических типов в Русской истории. С. 328*). – С. Ф.

Великороссы и в дальнейшей истории всегда шли впереди, на свой страх, не взирая на препятствия, и осторожные, не умеющие самостоятельно организоваться малороссы шли по дорогам проторенным. Совершенно естественно, что, как в период Рюриковичей, так и Романовых, гегемония в государстве была великорусская.

Этому соответствуют и многие черты их этики. Малоросс всегда на что-нибудь жалуется, великоросс не жалуется, а требует. Малоросс подсмеивается, великоросс не любит шуток.

В песнях великоросса – ширь, удаль, разбой, в песнях малоросса – жалоба, любовь, мольба. Малоросс умоляет девушку полюбить его, жалуясь на свое одиночество, сиротство; великоросс увлекает девицу своей силой, подчиняет ее и заставляет полюбить себя своей решительностью. Других православных христиан малоросс, пожалуй, пожалеет, но ничего для них не сделает, а великоросс может для них пожертвовать даже жизнь»³³.

«В полках, – подтверждал ген. П. Н. Краснов, – офицерам приходилось сталкиваться с самыми разнообразными элементами. Многоликая и многоплеменная Русь являла перед ними и все богатство и все убожество свое. [...]

И тут, раньше воспитания, на помощь офицеру являлись муштра и личный пример. Когда на полковом дворе выстраивалась пестрая команда новобранцев, еще не стяхнувших хмельной угар проводов, раздавалась команда “смирно”, вытягивались офицеры и провожавшие команду солдаты, и чинно с рапортом шел к командиру полка начальник команды, – самые озлобленные сердца сжимались перед чем-то новым и непонятным – перед воинской дисциплиной.

– Как стоишь? Ноги составь, – раздавался грозный оклик, и парень, еще неделю тому назад распущенный и своевольный, покорно вытягивался.

Казарма и воинский строй захватывали его. Они говорили ему, что иначе нельзя. Тянулся седой батальонный командир перед полковым, тянулись офицеры перед батальонным и стояли навтыжку перед ним, держа руку под козырек и глядя прямо в глаза. И, расходясь по ротам, озорные парни шептались друг другу: “тут, брат, держись... нельзя... потому дисциплина...” – “Н-да, брат, это служба”...»³⁴

Особую роль в воспитании солдат играли полковые традиции, запечатленные отнюдь не в одних лишь книгах: «...В любую эпоху в полку всегда находились старожилы, которые помнили прежних людей, прежних начальников, прежние порядки. Одно поколение... сменяло другое не сразу, а постепенно, прививая новичкам свои взгляды и полковые традиции и передавая молодежи изустно старые песни и поговорки. Благодаря этой преемственности лицо пол-

ка оставалось неизменным. Подобно тому, как в теле живого человека с годами одни органические клеточки и кровяные шарики постепенно заменяются другими, но самый человек продолжает жить своей жизнью, почти не меняясь характером, так и старый боевой полк, постепенно сменяя лишь людей, играющих роль тех же клеточек организма, не менял своего “я”, а лишь приспособлялся к новым эпохам и требованиям»³⁵.

Именно в Клястицком полку происходит формирование гр. Ф. А. Келлера как дельного опытного офицера и кавалериста. Вот всего лишь несколько записей из Послужного списка Федора Артуровича: на призовой езде взял второй приз (26.9.1880)³⁶; на призовой состязательной стрельбе взял 1-й приз (14.6.1885)³⁷; на призовой езде офицеров 6-й Кавалерийской дивизии взял первый приз (13.8.1886; 8.9.1890).

Как бы опровергая свой теоретический посыл («пика страшна только в сомкнутом строю; в одиночном же бою ее отбить легко, и тогда это страшное фронтальное оружие является скорее помехой, так как бороться пикую с наскочившим вплотную всадником, вооруженным шашкою, крайне трудно»³⁸), сам граф Келлер, по свидетельству сослуживцев, «искусно отбивался» пикуей от пяти наскочивших на него всадников³⁹. Пика грозно гудела в его руках. А еще, даже будучи уже командиром полка, «он прекрасно рубил, джигитовал, стрелял и фехтовал»⁴⁰.

Военное дело любил он до самозабвения. Ради него он жертвовал многим. Это вполне соответствовало идеалам, запечатленным в трудах славного Николаевского времени: «Офицерское сословие есть благороднейшее в свете, так как его члены не должны стремиться ни к выгоде, ни к приобретению богатства или других земных благ, но должны оставаться верны своему высокому, святому призванию, руководствуясь во всем требованиями истинной чести и сосредоточивая все мысли и чувства на самоотверженной преданности своим высшим военачальникам и отечеству»⁴¹.

Словно бы к нему относятся слова и из старинной французской книги «Советы военного человека сыну своему», изданной на русском языке в 1912 г. другим человеком, больше всего на свете ценившим свое воинское звание и любившим кавалерию, гусарским офицером-героем и при этом неплохим иконописцем Львом Панаевым: «Любите военное звание больше всех других. Любите его до иступления. Если вы не думаете безпрестанно о воинских упражнениях; если не хватаетесь с жадностью за военные книги и

планы; если не целуете следа старых воинов; если не плачете при рассказах о сражениях; если не умираете от нетерпеливости быть в них и не чувствуете стыда, что до сих пор их не видали, хотя бы это и не от вас зависело, то сбросьте как можно скорее мундир, который вы безчестите»⁴².

В июне 1884 года поручик гр. Ф. А. Келлер был произведен в штабс-ротмистры. В вышедшей в 1886 г. в Варшаве полковой истории в списке офицеров против его имени значится: «Состоит в чине шт.-ротмистра командующим 2-м эскадроном»⁴³.

В феврале 1887 г. Келлера произвели в ротмистры. Ровно через год после последнего производства его командировали в Офицерскую кавалерийскую школу. Располагалась она в С.-Петербурге, под Смольным монастырем, на Песках, на Шпалерной улице в старых Аракчеевских казармах.

Из-за нехватки помещений (вследствие резкого увеличения числа командированных) довольно много офицеров вынуждено было селиться на частных квартирах неподалеку от школы.

«Задача школы, – писал тогдашний ее начальник, а впоследствии Военный министр ген. В. А. Сухомлинов, – заключалась в том, чтобы офицеров кавалерии и казачьих войск образцово подготавливать к командованию эскадроном и установить известное однообразие служебных требований в кавалерии вообще. Кроме того, унтер-офицеры кавалерии и конной артиллерии командировались в школу для обучения способам выездки лошадей, равно как и кузнецы для усовершенствования их в этом специальном деле.

Школа состояла из пяти отделов: драгунского, казачьего, инструкторского, образцового эскадрона и учебной команды. В дальнейшем в состав школы вошли хор трубачей и школа солдатских детей, учрежденная в честь многолетнего пребывания в должности инспектора кавалерии Великого Князя Николая Николаевича (Старшего).

Офицерский курс продолжался два года и начинался обычно 1 октября. Ежегодно поступало около пятидесяти офицеров. Предметами обучения были: верховая езда и дрессировка лошадей, тактика, история конницы, телеграфное, подрывное и ветеринарное дело,ковка. Зимой занятия проходили по большей части в манеже, в классах и учебной кузнице, но предпринимались и дальние осведомительные пробеги; летом производились тактические упражнения, всякого рода спорт, съемки и т.п.

После успешного окончания двухгодичного курса офицеры возвращались в свои полки и принимали освобождающиеся эскад-

роны, независимо от того, были ли в полку старшие кандидаты на должность командира эскадрона или нет, чтобы немедленно закрепить приобретенные знания практикой и передать их частям.

Кроме того, по одному от каждого кавалерийского или казачьего полка ежегодно командировались новобранцы в учебную кузницу для обучения их кузнечному ремеслу»⁴⁴.

Ротмистр Келлер был определен в эскадрон Переменного состава эскадронных командиров.

Здесь состоялась первая встреча гр. Ф. А. Келлера с А. А. Брусиловым (1853–1926). Алексей Алексеевич тоже участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., однако сражался на Кавказском театре военных действий. В постоянном составе Офицерской кавалерийской школы Брусилов служил с 1883 года. В бытность там Федора Артуровича он был ротмистром, адъютантом школы, начальником которой в 1886–1897 г. состоял полковник В. А. Сухомятинов. Одновременно Брусилов был начальником Офицерского отдела, а также ведал ездой пажей (он и сам был выпускником Пажееского корпуса). В школе он читал офицерам лекции по теории езды и выезде лошадей. Именно Брусилов был инициатором т.н. парфорсных охот⁴⁵ (о них мы еще поговорим в своем месте), которые он завел сначала в Валдайке, а затем в Поставах Виленской губернии. За его чрезмерную приверженность подобным новомодным новшествам Брусилова за глаза называли либо «лошадиной мордой», либо «берейтором офицерской школы»*.

«Будничная работа офицеров Переменного состава, – писал один из выпускников школы, – заключалась в езде и выезде, на младшем курсе трех, а на старшем четырех лошадей, затем фехтование, вольтижировка. Слушали лекции по истории конницы, тактике, артиллерии, подрывному делу, а также по конским наукам: теории верховой езды, иппологии, ковке.

Зимний сезон сменялся выходом в Красное Село»⁴⁶.

*Справа повзводно сидеть молодцами,
Не горячить понапрасну коней.*

* В 1890 г. Брусилова назначили помощником начальника школы. Одновременно он был начальником отделения верховой езды и выездки. В 1893 г. Алексей Алексеевич – начальник драгунского отдела. В 1898 г. вновь назначен помощником начальника, а в 1902 г. – начальником школы.

«Короткий курс топографических съемок, а в остальное время полевая езда по пересеченной местности, преодоление серьезных полевых препятствий...»⁴⁷

*Съемки примерные, съемки глазомерные,
Вы научили нас водочку пить.*

В одной из позднейших статей гр. Келлера сохранились краткие воспоминания о его пребывании в школе: «Переменный состав отдела эскадронных командиров в то время составляли люди в довольно уже зрелых годах, часто отцы многочисленного семейства и в их числе ротмистр с орденом Святого Владимира за двадцатипятилетнюю безпорочную службу. И вот, весь этот солидный люд, попав в ученическую обстановку, в которой его заставляли просить о выходе из класса (который для благозвучия был переименован в аудиторию), вызывали к доске для ответа, делали замечания за опоздания и т.п., превратился действительно в школьников, которые не прочь были надуть преподавателя, попользоваться шпаргалкой, оттянуть очередной экзамен, а вырвавшись из школы, готовы были пуститься хотя бы на улице в чехарду»⁴⁸.

О некоторых традициях Офицерской кавалерийской школы уже в эмиграции вспоминал полковник Конной артиллерии А. А. Левицкий:

«Много представлялось удобных случаев “закопать репу”, что, по кавалерийской терминологии, означает падение с коня или с конем вместе. Падения регистрировались самими школьниками и облагались штрафом в размере рубля за падение. На средства “репного капитала”, по окончании Школы, приобретались серебряные чарки, на одной стороне которой гравировались чин и фамилия, на другой рисунок репы, затем дробь, в числителе количество падений владельца чарки, а в знаменателе – общее количество падений курса за два года, каковое иногда превышало цифру 300, т.к. избежать падение вместе с лошадью почти никому не удавалось»⁴⁹.

*Много рыцарей прекрасных
Будет сброшено с коня...*

В августе 1889 г. ротмистр гр. Ф. А. Келлер окончил Офицерскую кавалерийскую школу на «отлично» и, получив свою серебряную чарку, вернулся обратно в свой полк. Через три года после окончания школы, 26 апреля 1892 г. он получил свой первый офицерский орден – Св. Станислава 3-й степени.

ПОРА ПЕРЕМЕН

Высочайшим приказом от 26 февраля 1894 г. за отличие по службе ротмистр гр. Ф. А. Келлер был произведен в подполковники с переводом в 24-й драгунский Лубенский Его Императорского Высочества Эрцгерцога Австрийского Карла-Людвига полк*. Ехать предстояло в Кишинев – бывший постоянным местом стоянки полка.

Сформированный в 1807 г. и называвшийся тогда гусарским, полк принимал участие в Отечественной войне 1812 г. и зарубежных походах Русской Армии. В 1814 г. он вошел в Париж, в 1831 г. штурмовал Варшаву, в 1849 г. умирал Венгерский мятеж. В полковой церкви хранилась Андреевская лента, пожалованная полку Императором Александром II, снявшим ее со Своего плеча в бытность Его еще Наследником Престола в Дармштадте. В составе Рущукского отряда под командованием Цесаревича (будущего Императора) Александра Александровича Лубенские гусары принимали участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., получив «за отличие» славный Георгиевский штандарт¹.

Это новое назначение было своего рода «последним прости» Государя верному Своему офицеру, участнику, как и Он, русско-турецкой войны 1877–1878 гг. 20 октября 1894 г. Императора Александра III не стало. Наступило последнее Царствование...

Начиналась и «новая эра в жизни конницы». Ее связывают с деятельностью Великого Князя Николая Николаевича (Младшего). 6 мая 1895 г. по Высочайшему повелению он был назначен генерал-инспектором кавалерии**. По свидетельству современников, Великий Князь, «как грозная туча, пронесся над конницей, выметая железной метлой тех, кто не мог воспринять его вполне разумных требований»².

«Великий Князь, – писал близко знавший его ген. В. А. Сухолинов, – сильной личной инициативой разбудил русскую конни-

* По случаю кончины Шефа, 21 мая 1896 г. переименован в 24-й драгунский Лубенский полк. 15 апреля 1897 г. Австрийский эрцгерцог Оттон был назначен новым Шефом полка. Лубенцы носили это имя до кончины Наследника Австрийского престола в 1906 г.

** Эту должность он занимал до 8 июня 1905 г. В том же году (26 октября) Великий Князь был назначен Главнокомандующим войсками Гвардии и С.-Петербургского военного округа.

цу: из казарменной спячки он ее вывел в поле для выработки бое-способных конных частей. Кавалерийские уставы согласованы с со-временным развитием тактики, и “Наставление для ведения заня-тий в кавалерии” выработано было именно в духе этих требований.

Если бы он питал больше уважения и любви к русскому кавалеристу, он бы достиг большего. Но он относился жестоко и к коню, и к всаднику и настолько не умел сдерживаться, что даже на смот-рах бил по голове тяжелой рукояткой хлыста дивно выезженного кровного коня. [...]

Раз нашей кавалерии могла быть поставлена задача вторжения масс конницы на западном фронте в Пруссию, то к русскому кон-скому материалу необходимо было предъявить совершенно исклю-чительные требования»³.

Командированный Вел. Кн. Николаем Николаевичем в не-сколько кавалерийских дивизий для оценки их конского состава ге-нерал от кавалерии Петровский привез потрясающие сведения: около 20 процентов лошадей оказались негодными для строевой службы. Инспекция немедленно получила кредиты для организа-ции особых районных ремонтных комиссий. Каждая из них входила в непосредственную связь с коннозаводчиками и коневодами. Исходя из повышенных ремонтных цен, заключались контракты, выдавались денежные авансы⁴.

Почти четверть века Россия не знала войн. А ветераны русско-турецкой войны занимали почти все руководящие и старшие ко-мандные должности еще и в годы последнего Царствования. Обуче-ние офицеров также оставляло желать много лучшего. Составители «Инструкции для занятий с офицерами» 1882 г. считали, что «так-тическая грамотность каждого офицера достигается прежде всего самостоятельным изучением военного искусства, практическим ру-ководством подразделениями и частями на учениях и маневрах и специальными занятиями с офицерами под началом подготовлен-ных руководителей»⁵. Беда, однако, заключалась в том, что боль-шинство этих «подготовленных руководителей» как раз и было те-ми, кто во время турецкой кампании «блистал» недостатками в так-тическом отношении (о чем говорилось в той же инструкции).

Наряду с привычными занятиями (гр. Келлер был председа-телем полкового суда, временным членом Военно-Окружного суда в Кишиневе), ему приходилось выполнять множество самых разно-образных обязанностей, несомненно, способствовавших его про-фессиональному росту как военного. Он заведовал полковой куз-

ницей, закупал офицерских верховых лошадей, был помощником командира полка по хозяйственной и строевой части. Несколько раз он временно командовал полком. Направлялся в Елисаветградское кавалерийское училище в качестве члена комиссии при выпускном экзамене. В мае 1896 г. он был награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

Во время службы в Кишиневе в личной жизни Федора Артуровича происходят весьма важные изменения. 10 января 1896 г. он оформил развод со своей супругой Елизаветой, совместная жизнь с которой (возможно, из-за беспокойной жизни военного) у него не сложилась. В том же году 39-летний граф Ф. А. Келлер сочетался в Кишиневе законным браком с 25-летней княжной Марией Александровной Мурузи.

Она родилась 6 января 1871 г. в семье дипломата кн. Александра Константиновича Мурузи (1842–25.9.1900) и Амалии Павловны, урожденной Зизиния. Род этот был древнего византийского происхождения. Из Царьграда в 1204 г. представители его переселились в Трапезунд. Впоследствии Род этот давал господарей Молдавскому и Валашскому княжествам. Именным Высочайшим указом от 9 июня 1893 г. камергеру Александру Мурузи было предоставлено право с нисходящим его потомством пользоваться княжеским титулом⁶.

Даже желчный ген. А. А. Брусилов, лично ненавидевший гр. Ф. А. Келлера, вынужден был признать, что графиня Мария Александровна была «очень скромной и милой особой»⁷.

24 октября 1896 г. от этого брака родился сын Борис⁸.

Кроме Марии, в семье было еще несколько детей. Двое старших сыновей выбрали военную карьеру. О самом старшем Павле известно только, что он был офицером Императорской Гвардии⁹. Скорее всего, он погиб во время Великой войны. Об Александре (1873–1954) известно, пожалуй, больше других. Родился он в Галаце (Румыния). Учился в Пажеском корпусе (1893), Николаевской академии Генерального Штаба (1898), Офицерской кавалерийской школе (1908) и Севастопольской авиационной школе (1911). Служил в Лейб-Гвардии Уланском Его Величества полку, был начальником авиационных школ в С.-Петербурге* и Севастополе. В Великую войну полковник кн. Мурузи – начальник штаба 3-й Особой

* Предвоенные его адреса: Рига, ул. Александровская, 70; С.-Петербург, Мойка, 61. (Almanach de St.-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1910. P. 206).

бригады во Франции. Командовал Крымским конным полком. Будучи призванным летом 1918 г. в Красную армию, создал в Архангельске антисоветскую организацию. Сумев перебежать к белым, воевал на Северном фронте в составе Славяно-Британского легиона. Генерал-майор, Георгиевский кавалер (1919). В эмиграции жил во Франции. Скончался в Париже. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа¹⁰.

Двое младших братьев, вслед за отцом, стали дипломатами. Статский советник Константин (1875–1932) в 1905 г. состоял при Российской Императорской миссии в Мюнхене, затем был секретарем Русского посольства в Париже; после революции остался в эмиграции во Франции¹¹. Младший Дмитрий служил в канцелярии Министерства иностранных дел*.

* * *

Новое Высочайшее назначение Федора Артуровича последовало 6 апреля 1901 г.: в 23-й драгунский Вознесенский полк, стоявший в Бельцах Бессарабской губернии. Там он также долго не задержался: 2 мая Высочайшим приказом опять-таки за отличие по службе гр. Ф. А. Келлера произвели в полковники с назначением командиром Крымского дивизиона, стоявшего в Симферополе.

Это было почетное назначение. История дивизиона, согласно справке в дореволюционной «Военной энциклопедии», являлась «в сущности историей боевой службы крымских татар России со времени присоединения Крыма. 1 марта 1784 г. последовал Высочайший указ “о составлении войска из новых подданных, в Таврической области обитающих”, в составе пяти дивизионов. Состав каждого дивизиона был установлен в 7 офицеров и 200 нижних чинов. Они получили наименование таврических дивизионов конного войска. Татары называли чинов их “бесилии” (название это употреблялось и официально). [...] 12 июня 1874 г. [...] был сформирован Крымский эскадрон. 22 июля 1875 г. он переформирован в дивизион. В Турецкую войну 1877–78 гг. дивизион нес кордонную службу на Крымском побережье»¹².

«10-го октября 1894 года в Симферополе ожидался приезд Принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской, Августейшей Невесты

* Жил на Фурштатской, 41. Женат на Maria Figueira d' Almeida. Дети: Евфросиния, Александр (1908–1933), Сергей, Эммануил (1900–1933) (Almanach de St.-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1910. P. 207).

Наследника Русского Престола Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича. В это время Царский Двор находился в Крыму, в Ливадии, где лежал тяжело больной Император Александр III. Сюда и направлялась будущая Русская Царица через Симферополь, откуда Она должна была ехать в Ливадию лошадьми по шоссе длиною в 90 верст, проезжая Алушту и Ялту. [...] По прибытии поезда [в Симферополь] приехавшей Принцессе Алисе была подана обычная почтовая тройка лошадей, какие тогда обращались для пассажирского и почтового сообщения между Симферополем и Южным берегом Крыма. [...] Принцесса Алиса была восторженно встречена присутствовавшими, экипаж Ее и путь, по которому он следовал в город, были засыпаны цветами. [...] Эскорт от Крымского конного дивизиона сопровождал до Ливадии экипаж, в котором Принцесса Алиса ехала в сопровождении супруги Таврического губернатора Лазарева»¹³.

«21 февраля 1906 г., – читаем далее в справке об истории Крымцев, – Крымский дивизион был развернут в полк, который 1 апреля наименован драгунским, а 31 декабря 1907 г. – Крымским конным. 10 октября 1909 г., в воспоминание высокой чести, выпавшей на долю Крымцев, – встретить и сопровождать Высоконареченную Невесту Государя Наследника Цесаревича, ныне Императрицу Александру Феодоровну, полк получил наименование Крымский конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полк. 5 ноября того же года Его Величество соизволил зачислить Себя в список полка»¹⁴.

Эти приведенные нами факты особых Высочайших милостей последовали позднее. Однако и ко времени назначения командиром Крымского дивизиона графа Ф. А. Келлера это было связано с почетною обязанностью охраны имения Его Императорского Величества Ливадия. Согласно послужного списка, полковник гр. Ф. А. Келлер находился там с 16 по 25 сентября 1902 года.

Первым событием после приезда той осенью Царской Четы в Крым стал спуск 21 сентября на воду крейсера «Очаков», команда которого несколько лет спустя поднимет восстание на Флоте. Кстати говоря, до сентября 1909 г. больше Царственные Мученики в Крым не приезжали: война с Японией, рождение Наследника, революция – все это отложило встречу с любимой Ими Ливадией на целых семь лет¹⁵.

Возможно, именно в те дни состоялось личное знакомство Императора с будущим единственным генералом Его Свиты, который

Ему не изменит. Этому благоприятствовали все обстоятельства: Кавалерский праздник ордена св. Георгия, 25-летний юбилей русско-турецкой войны, осмотр Государем построек для Крымского дивизиона. Во всех этих событиях полковник гр. Ф. А. Келлер должен был быть не последним лицом.

Вот некоторые неопубликованные записи из Царского дневника, сделанные в те дни:

«22-го сентября. Воскресение. [...] Когда подъезжали к Ливадии, пошел дождь.

У дома стояла чудная рота 15-го стр[елкового] полка в поч[етном] карауле. Пошли в нашу церковь к благодарств[енному] молебну. [...]

23-го сентября. Понедельник. [...] Завтракали со всеми и с командиром и тремя офицерами Штандарта. [...]

4-го октября. Пятница. [...] По случаю праздника Конвоя был отслужен молебен. [...]

26-го ноября. Вторник. С утра полил дождь. В 11 час. пошли к молебну, на котором присутствовали здешние Георгиевские кавалеры. Для отставных и нижних чинов были накрыты столы под сводами внутреннего дворика. Завтракали с офицерами и прежде служившими и долго разговаривали с ними. [...]

27-го ноября. Среда. [...] Вернувшись [из Ялты, куда Государь отправился в 10 часов], пошел гулять и осмотрел новые: казармы и дом для офицеров, выстроенные над большою дорогою. [...]

28-го ноября. Четверг. День празднования во всей России двадцатипятилетия войны 1877 г. и падения Плевны. В 11 1/2 час. на площадке у церкви в середине выстроившихся частей, находящихся в Ливадии, был отслужен благодарственный молебен. Затем все взводы и обе роты прошли церемон[иальным] марш[ем], и у нас был большой завтрак с начальством. День стоял холодный, за ночь выпало много снега, но настроение было приподнятое. [...]

3-го декабря. Вторник. [...] В 9 1/2 в театре смотрели новые снимки кинематографом – присутствовали все офицеры и военные моряки.

7-го декабря. Суббота. [...] Утром осмотрел помещения гребцов, музыкантов портового хора и конюшни Крымского дивизиона. [...] ...В 6 час[ов] простились с Ливадией и поехали в Ялту»¹⁶.

На этом, однако, передвижения Федора Артуровича по службе не завершаются. Причину оставления им Крымского дивизиона связывают с «недоразумением со своим ближайшим начальником;

граф, не без сожаления, покидает этот пост, ибо к дивизиону он очень привязался и полюбил его»¹⁷. Высочайшим приказом от 14 ноября 1903 г. его перевели в стоявший в Симбирске 11-й драгунский Харьковский полк, известный тем, что в 1794 г. его солдаты захватили в плен злоумышленника Костюшко, возглавлявшего польский антирусский мятеж.

Наконец, 16 февраля 1904 г. приказом Государя полковник гр. Ф. А. Келлер был назначен командиром 15-го драгунского Александрийского полка. Это назначение было более чем почетно. Шефом Его ровно через пять месяцев, 30 июля 1904 г., станет Государыня Императрица Александра Феодоровна*, в телеграммах неизменно называвшая Свой полк «Безсмертным».

Все ли в связи с этим понимают более чем ясные намеки на черных Александрийских гусар – «Безсмертных», рассыпанные в письмах Императрицы к Государю: «...на Мне надеты невидимые “брюки”» (22.8.1915); «Уверяю Тебя, что Я жажду показать всем этим трусам Свои *безсмертные* штаны!» (23.8.1915); «Я вижу, что присутствие Моих “черных брюк” в *Ставке* необходимо – такие там идиоты» (25.8.1915)?

«Шефские части, – писал ген. П. Н. Краснов, – выделялись своим видом – и в войнах оказывались выше номерных частей. Люди – те же, того же воспитания офицеры, а то, что вместо номера стоит вензель [...], поднимало его и влекло на подвиги. [...] Имя их Шефа обязывало их быть храбрыми. [...] Шефские части дрались особенно хорошо. После боя под Новым Корчином, на реке Ниде в конце ноября 1914 года, при допросе пленных о их впечатлениях, мы слышали: “Но больше всего мы боялись солдат с ‘лапками’ на погоне”. Мы не понимали, что это значит. В это время к нам подошел солдат 145-го пехотного Новочеркасского полка. – “Вот, вот, этих самых мы особенно боялись”. На погоне у солдата был вензель Государя Александра III – славянское “А” с римскою цифрою “III”, что и казалось австрийцам “лапкою”. Части, имевшие в мирное время свои боевые традиции, славное прошлое, отличались наиболее крепким духом и сражались победоносно»¹⁸.

«...По традиции, – писал служивший в Александрийском полку барон Г. К. Маннергейм, – полк может погибнуть, но не сдаться.

* Первым шефом полка (25.1.1856–26.4.1901) был Вел. Кн. Николай Николаевич Старший. 30 июля 1907 г. в списки полка был зачислен Наследник Цесаревич Алексей Николаевич.

Войсковая часть расквартирована в Калише, на границе с Пруссией. Привилегией является то, что в случае войны он первым вступает в соприкосновение с врагом»¹⁹. Между прочим, потом так и случилось, когда 19 июля 1914 г. вечером, в самый день объявления войны, V-й Германский корпус вломился в Калиш, предавая все на своем пути огню и мечу...

*Кто не знал, не видал
Подвигов заветных,
Кто не знал, не слышал
Про гусар безсмертных!*

*Марш вперед! Труба зовет,
Черные гусары.
Марш вперед! Смерть нас ждет.
Наливайте чары!²⁰*

Название «Безсмертные» и символика смерти у Александрийских гусар требует специального рассмотрения, как явления весьма важного, с предысторией и последствиями.

Еще в древние времена «Безсмертными» (*афáнатос* – греч.) назывались лучшие воины-телохранители при древнеперсидском Царе Ксерксе I, правившем в 486–465 гг. до н. э.

Смертоносным или *Безсмертным* во время Отечественной войны 1812 года именовался один из конных полков Петербургского ополчения. На головных уборах ополченцев была серебряная Адамова глава²¹. Это первый из известных на сегодняшний день случаев использования этого символа в Русской Армии.

Другой связан с одним из популярнейших героев Дона эпохи покорения Кавказа генерал-лейтенантом Яковом Петровичем Баклановым (1809–1873), человеком выдающейся храбрости, больших военных способностей и огромной физической силы (в истории навсегда останется его знаменитый «баклановский удар», располосивавший врага надвое). Однажды, будучи на Кавказе, он с верной оказией получил посылку из России. Вскрыв ее, Яков Петрович обнаружил черный шелковый плат с вышитой на нем серебряными нитями Адамовой головой и надписью вокруг нее: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь». По преданию, его вышили монахини одной из русских обителей. С этим значком, наводившим мистический ужас на горцев, генерал не расставался до конца жизни²².

Впоследствии Баклановский значок был закреплен за 17-м Донским казачьим полком, получившим легендарного героя Кавказской войны в вечные шефы. Под этим значком во время Великой войны казаки в папахах с Адамовой головой шли в Карпатах по тылам противника, наводя ужас на австро-германцев²³.

Название *Безсмертные* было присвоено себе Александрийцами по следующему случаю. Во время сражения с наполеоновскими войсками при Кацбахе Александрийский полк (награжденный за него надписью на шапках «За отличие 14 августа 1813 года») составлял одну бригаду со своими союзниками, немецкими «Гусарами смерти». После нескольких блестящих атак бригады, проходивших во время проливного дождя и бури, известный прусский военачальник генерал Г. Л. Блюхер подъехал к Александрийцам, покрытым грязью «с киверов до пят», поздравить их с блестящей атакой, полагая, что это его «Гусары смерти». Ошибка выяснилась сразу по докладе командира полка полковника кн. В. Г. Мадатова, доложившего: «Это не *Гусары Смерти*, а *Безсмертные*»²⁴. С тех пор это название прижилось.

Особо следует сказать о прусских «Гусарах Смерти» и – шире – об эмблематике смерти в европейских и Русской армиях.

В Прусской армии она была исторически связана с похоронами короля Пруссии Фридриха-Вильгельма I (1688–1740), во время которых использовались разнообразные предметы с вышитыми на них серебряной нитью черепами с двумя скрещенными костями. В память об этом были сформированы 1-й и 2-й Лейб-гусарские полки²⁵. Первый полк носил черные доломан, ментик и кивер, на котором был серебряный череп с костями. Символикой второго полка стала сама смерть – лежащий скелет с косою и песочными часами. Эмблема сама по себе единственная за всю историю европейских армий²⁶. Характерно, что эти полки сохранили свою символику в первой мировой войне, во времена Веймарской республики и даже в III Рейхе, в частях-наследниках*.

* В 1809 г. череп с костями в качестве отличительной эмблемы получили 17-й Брауншвейгский гусарский полк и 3-й батальон 93-го пехотного полка. Позднее его носили воины всего Брауншвейгского корпуса, в 1813–1814 гг. отличившегося в сражениях с наполеоновскими войсками. В годы первой мировой войны череп с костями стал эмблемой ударных частей Германской армии (штурмовых, огнеметных и танковых). Носили его и некоторые летчики. В 1918–1921 гг. его в качестве кокарды, на касках, пер-

Среди европейских армий символика смерти известна в Англии. Она появляется в 17-м уланском полку после гибели в 1759 г. в Квебеке генерала Вольфа. Особое звучание она получила после участия этого полка в атаке в Долине Смерти под Балаклавой в 1855 г. Череп с костями в эмблеме наложен на скрещенные уланские пики. Она сохранилась и до сего дня в части-наследнице – Королевском Ее Величества Королевы уланском полку²⁷.

Изображение черепа имелось на нарукавном знаке сформированного при Временном правительстве ген. Л. Г. Корниловым из добровольцев Ударного отряда. «На ваших рукавах, – говорил ударникам генерал во время смотра 10 июня 1917 г. – нашит символ смерти – череп на скрещенных мечах. Это значит – победа или смерть. Страшна не смерть, страшны позор и безчестье...»²⁸ Форма была утверждена самим ген. Л. Г. Корниловым (31.7.1917). «Императорская кокарда, – читаем в описании униформы корниловцев, – заменялась Адамовой головой в лавровом венке со скрещенными мечами»²⁹.

На касках финских солдат, сфотографированных на передовой весной 1944 г., были нанесенные белой краской черепа³⁰.

стнях, запонках и булавках носили бойцы Добровольческих корпусов (Freikorps), число которых в Германии, на территории Прибалтийских губерний России и в Австрии превышало 2000 единиц. На знаменах, флагах и значках добровольцев, наряду с мертвой головой в обрамлении различных девизов, иногда изображался скелет с косою и песочными часами. На черном знамени сформированной в Прибалтике при VIII Германской армии из наиболее стойких немецких офицеров и солдат Железной бригады (впоследствии дивизии) в 1918–1919 гг. было изображение белого черепа с костями и девизом «Trotzdem» («Вопреки всему»). Все чины дивизии носили на головных уборах вместе со старой черно-бело-красной кайзеровской кокардой череп с костями. Такое же изображение в круглом древнегерманском щите было на лицевой стороне медали Железной дивизии, учрежденной в 1920 г. для награждения ее ветеранов. Мертвую голову на тулье фуражки носили бойцы Ударного отряда (Stosstrupp) Балтийского ландесвера, в составе которого в 1918–1919 гг. плечом к плечу сражались русские остзейские немцы и бывшие солдаты и офицеры Германской армии. Наконец, кн. П. М. Авалов-Бермонт учредил для бойцов монархической Западной Добровольческой Армии (развернутой им из созданного весной 1919 г. Русского Корпуса им. графа Келлера) т.н. «Крест Русского Корпуса» двух степеней: черный мальтийский крест с серебряной каймой с перекрещенными мечами (или без оных для гражданских лиц), увенчанный серебряной Адамовой главой. С 1923 г. мертвую голову (Totenkopf) стали носить некоторые отряды СА, а позже она стала исключительно эмблемой СС (Акунов В. В. Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. М., 2004. С. 7, 12, 13, 58–59, 103, 117, 124; Залесский К. СС. Охранные отряды НСДАП. М., 2004. С. 346–347).

Безсмертных Александрийских гусар за цвет формы называли еще *Черными гусарами*. Наименование это встречается даже в официальных документах. С переименованием в Русской Армии гусарских полков в драгунские, цвет мундира Александрийцев продолжал оставаться черным. С возвращением при Императоре Николае II старым полкам прежних наименований, воротники и обшлага на рукавах черных доломанов у *Безсмертных* стали красными, а чакчиры – краповыми. Вскоре, однако, все, как и ранее, стало черным. А в 1913 г. в честь столетнего юбилея сражения при Кацбахе Александрийцам были Высочайше пожалованы парадные шапки, на которых вместо Государственного Герба были серебряные черепа точно такого же образца, как и у немецких «Гусар Смерти»³¹.

Приведем несколько эпизодов из боевой хроники полка.

26 мая 1810 г. полк, «издавна славившийся яростью в ударах и непоколебимостью в огне сражения», под командованием полковника С. Н. Ланского, скончавшего свои дни в 1814 г. генерал-лейтенантом от раны, полученной им в сражении под Краоном, отбил отчаянную вылазку турок из крепости Шумла. Во время отчаянной сечи было захвачено турецкое знамя³².

8 сентября 1812 г. у с. Несевичи взвод александрийских гусар под командой поручика графа Буксгевдена отбил три австрийских штандарта 3-го легко-конного полка Орелли, некогда полученные им от Императрицы Марии-Терезии. В русской военной истории это был первый случай пленения австрийских знамен и единственный до 1914 года³³. Ибо Русская и Австрийская армии неизменно сражались бок о бок. Взятие вражеских штандартов в бою считалось большим подвигом, за который награждали не только тех, кто совершил его, но и весь полк. Но александрийские гусары награждены не были. Более того, штандарты Императором Александром I в тайне были возвращены Австрийскому императору Францу. И это не был лишь политический жест, чтобы, как писала Императрица Елисавета Алексеевна своей матери, «осветить Австрии тот единственный путь, на который она должна стать». Дело в том, что полк Орелли прославил эти штандарты, когда в 1799 г. дрался под знаменами Суворова в Италии, а в несчастный день Аустерлицкого сражения в 1805 г. пожертвовал собой, прикрывая отход разбитой русской пехоты, которой командовал граф Ф. Ф. Буксгевден³⁴, отец пленившего штандарты поручика-александрийца...

17 января 1814 г. александрийские гусары в сражении под Бриенном во главе с полковником Ефимовичем атаковали французскую батарею, наносившую сильный ущерб русским войскам. Гусары опрокинули прикрывавших ее драгун и, изрубив прислугу, захватили восемь орудий. За отличия, оказанные в сражении, полку пожаловали 22 серебряные Георгиевские трубы с выгравированной на них надписью за Бриенн³⁵.

Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. александрийцы вновь оказались под крепостью Шумлой. Они сражались в составе 3-й Гусарской дивизии под командованием генерал-лейтенанта князя В. Г. Мадатова, бывшего командира Александрийского полка. Благодаря безстрашию и умелым действиям александрийских гусар в ходе сражения 31 мая 1829 г. турки под Шумлой лишились двух редутов, двух укрепленных лагерей с их гарнизонами и всей своей кавалерией. Было взято три неприятельских орудия и 14 знамен. В конце сражения гусары рубились уже из последних сил, потеряв почти всех своих офицеров и более половины нижних чинов. «Это кавалерийское дело, – писал русский военный историк генерал-майор Марков, – одно из блистательнейших, какие только встречаются в военных летописях. [...] В военной истории мало найдется примеров, где бы гусары, с саблями в руках, взяли укрепленный лагерь, защищаемый пехотой, и редуты с артиллерией». «И небывалое бывает, – говорилось в Высочайшем рескрипте 8 июля 1829 г., – примера же другого дела военная история не знает; геройское дело удостоивается и особых наград». Командир Александрийского полка полковник А. З. Муравьев был награжден орденом Св. Георгия 3-й ст., а полк получил Георгиевский штандарт³⁶.

*Кто не слышал всех наших дел победных?
Кому не памятни и Шумла и Бриен?
Кто не слышал про нас, гусар Безсмертных?
Кому не памятен знамен австрийских плен?*

.....
*Трубят поход!.. Подтягивай подруги!..
Веди скорей коней!.. По коням!.. полк, садись!..
Штандарт вперед!.. Ну, с Богом, други, в сечу!..
Крик... лязг железа... храп коней...
Карьер!.. Скачи врагу навстречу!..
Руби!.. коли, топчи!.. в погоню веселей!..³⁷*

КОМАНДИР «БЕЗСМЕРТНЫХ»

Время было тревожное. В ночь на 26-е января 1904 г. японские миноносцы атаковали стоявшие на внешнем рейде Порт-Артура русские суда. Без объявления войны!

Командир 15-го драгунского Александрийского полка полковник В. А. Карцов* отбыл на Дальний Восток в Действующую армию. В полку гадали, кого назначат на его место. «Называли, – вспоминал александриец, – многих кандидатов из Гвардии и Генерального Штаба [...], и совершенно неожиданно для всех, *по личной воле Государя*, был назначен полковник граф Ф. А. Келлер. О нем в полку были самые разнообразные слухи, говорили о его строгости и невероятных требованиях службы»¹.

В последних числах марта Федор Артурович отправился к новому месту службы. Полк был расквартирован в Царстве Польском в г. Калиш, памятном Александрийцам, в частности, тем, что во время заграничного похода Русской Армии за подвиг в сражении вблизи него в 1813 г. получил орден Св. Георгия 3-й степени их командир полковник князь В. Г. Мадатов.

*Жандармы, рельсы, фонари,
Жаргон и пейсы – вековые, –
И вот – в лучах больной зари
Задворки польские России...
Здесь всё, что было, всё, что есть,
Надуто мстительной химерой;
Коперник сам лелеет месть,
Склоняясь над пустою сферой...
«Месть! Месть!» – в холодном чугуне
Звенит, как эхо...
И очи панн чертят смелей
Свой круг ласкательный и льстивый...*

* *Генерал-лейтенант Владимир Александрович Карцов* (15.7.1860 – 15.10.1938) – выпускник Пажеского корпуса (1879) и Николаевской Академии Генерального штаба (1885). Участник первой мировой и гражданской войн. Георгиевский кавалер. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии, где и скончался в Белой Церкви. Председатель объединения 5-го гусарского Александрийского Государыни Императрицы Александры Федоровны полка.

*Но всё, что в небе, на земле,
По-прежнему полно печалью...
Лишь рельс в Европу в мокрой мгле
Поблескивает честной сталью².*

«Дорога была довольно утомительная, – писал направленный после окончания Николаевского кавалерийского училища в Александрийский полк в сентябре 1889 г. бар. Г. К. Маннергейм, – двое суток в поезде и двенадцать часов в тряской почтовой карете. [...] Город чуть лучше, чем я предполагал. Здесь мощенные камнем улицы, каменные дома и красивый дворец губернского правления с великолепным парком»³.

Этот небольшой польский город (всего около 19 тысяч жителей) располагался в весьма живописном месте – долине реки Просна. На старинной площади высился высокий чугунный памятник, напоминавший о русско-немецком военном братстве в войне 1813 г. против Наполеона.

Встречать нового командира полка в Варшаву выехал полковой адъютант Беккер. В назначенный день все офицеры полка и классные чиновники явились в офицерское собрание. По чинам все были выстроены в малиновой гостинной.

Офицерское полковое собрание у Александрийцев отличалось своеобразным оформлением. Как мы уже писали, «череп в Александрийском полку был эмблемой полка. Не говоря о Высочайше утвержденном полковом знаке офицеров и гусар, изображающем черный Мальтийский крест с черепом, многие предметы офицерского собрания были с этой эмблемой. Так, например: серебряные канделябры на черепаках, вместо ножек, весь столовый прибор: серебряные стаканы для вина, ножи, вилки, ложки, солонки, пепельницы – все это было с черепами; ткаными черепами были украшены скатерти и салфетки; тарелки также с черепами. Две большие братины на подносах с факсимиле изображали черепа со сложенными костями, вместо подставок. Одна из этих братин, вмещавшая четыре бутылки шампанского, по завещанию бывшего бригадного генерала маркиза де Траверсе (кирасир Его Величества), была ценным даром собранию, а другая, вмещавшая две бутылки, была приобретена офицерами полка.

На балконе офицерского собрания, выходящем в городской парк в г. Калише, находился большой металлический череп и в впадинах глаз с вечера светились электрические лампочки, освещая прилегающую площадку.

Интересно отметить: в нынешнем году* из Польши в Париж приезжала дочь бывшего Александрийца ротмистра Лялина, которой удалось побывать на старой стоянке Александрийцев в г. Калише, и она отлично видела сохранившийся до сего дня череп на балконе»⁴.

*Огни потушены и пламя голубое,
Стекая с сахара, на дне ковш горит,
Прозрачное, игривое, живое,
И ароматный ром над черепом парит.
Вокруг него Безсмертные гусары...
Ура, ура, Безсмертные гусары,
Скорее марш вперед, трубач, труби поход,
Наполним до краев кипучей влагой чары,
А утром пусть гусар с безсмертием умрет»⁵.*

В это-то собрание и вошел новый командир Александрийцев полковник гр. Ф. А. Келлер. Старший офицер полковник Рембовский представлял каждого по старшинству, называя чин, фамилию и должность. После того как знакомство закончилось, Федор Артурович обратился к собравшимся с кратким словом: «Волею Государя Императора я счастлив принять доблестнейший Александрийский полк. Говорить я не умею. Могу только сказать, что службу я люблю и работаю с восьми часов до восьми часов вечера и с восьми часов вечера до восьми часов утра. Надеюсь, что все мы так же будем работать»⁶.

Выслушав нового командира полка, офицеры поняли, что требования будут высокие, правда, не представляли пока, насколько...

Между тем, после представления, «как полагалось, в полковом собрании состоялся общий завтрак. Келлер выпил три рюмки водки, что было для всех полною неожиданностью, так как было известно, что граф, будто бы, ничего не пьет и преследует пьющих. За завтраком играли трубачи, и вскоре все освоились с новым командиром, уже не являвшимся для всех каким-то ужасным, как о том говорили раньше. Все разошлись после завтрака, делясь впечатлениями и наблюдениями.

С утра следующего дня начались обыкновенные занятия в эскадронах, а командир полка занялся работой в канцелярии и собственными делами. Но командир все же находил время и ежедневно

* Начало 1960-х годов. – С. Ф.

посещал все эскадроны и команды, разбросанные в разных районах города, и в продолжении двух первых недель поощрял и офицеров и драгун.

Через некоторое время все офицеры были снова собраны и гр. Келлер сказал следующее: “Я две недели посещал занятия и присматривался ко всему и, в общем, я доволен. Но с завтрашнего дня мы начнем все вместе работать. Сегодня же прошу всех у меня отобедать, чем Бог послал...”

Прекрасно сервированный стол. Много вкусного. Присутствуют все офицеры с их семьями и классные чиновники. Хозяева [граф Келлер и его супруга] были, как всегда, безконечно любезны.

На утро было назначено полковое учение на Большом плацу – первое учение всего полка с новым командиром. Откинув сильно назад свой корпус, на очень длинных стременах галопом скакал к полку командир и, осадив своего гнедого жеребца (гр. Келлер признавал только жеребцов) за полверсты от развернутого фронта полка, очень сильным и зычным голосом поздоровался: “Здорово, товарищи!” (Так он всегда здоровался с полком.) Последовал дружный ответ, после которого командир скомандовал: “Слезай”. Были вызваны вперед все офицеры, за ними построились вахмистры и далее взводные унтер-офицеры.

Командир полка сразу набросился на вахмистров, заслуженных стариков с опытом долголетней сверхсрочной службы. Он предупредил их, что сорвет нашивки, разжалует в рядовые и выгонит вон всякого, кто не будет заботиться о младшем. “Нагуляли брюхо на солдатской копейке, да на фураже! Держи ухо востро!”⁷.

Чтобы вполне оценить эффект, который на офицеров полка произвело то, как новый командир полка отчитал седоусых вахмистров, нужно знать традиционные внутривзводные отношения.

Помимо неодоушенных реликвий (знамен, штандартов, пожалованных труб), призванных напоминать офицерам и солдатам полка о славном боевом прошлом, которое надлежало хранить и приумножать, почти в каждой части имелись живые реликвии. Чаще всего это были сверхсрочнослужащие унтер-офицеры*. Некоторые из них ходили еще на Балканы. За долголетнюю службу, нахо-

* Приказом военного министра от 17 апреля 1863 г., отменившим, кстати говоря, наказание шпицрутенами, нижние чины за шестилетнюю выслугу без нарушения воинской дисциплины вообще освобождались от телесных наказаний; даже и по суду, в случае нарушения ими воинской дисциплины.

дядь в близком общении с офицерами, они приобретали известный лоск и культурность. Эти старики, обособленно державшиеся даже от молодых сверхсрочных унтеров, составляли неуставную полковую аристократию. Они вполне могли себе позволить обидеться даже на старших офицеров, если те, например, забывали лично засвидетельствовать такому старику свое почтение по случаю его имени или какого-либо иного семейного торжества.

Вот всего лишь одна картинка с натуры. Офицер Лейб-Гвардии Конно-Гренадерского полка вспоминал об отслуживших более 25 лет ветеранах, награжденных Георгиевскими крестами, медалями и иностранными орденами: «Командир полка и все офицеры называли их по имени и отчеству, и даже Государь, здороваясь на парадах с Масленниковым и Гейченко, называл их Кириллом Яковлевичем и Степаном Ивановичем. У каждого из этих стариков были традиционные обязанности, которые они исполняли в торжественных случаях. Синегубкин и Масленников в дни полковых праздников подносили Государю первый “пробную порцию”, а второй серебряную чарку с водкой, а Гейченко управлял полковыми песенниками, когда они пели перед Царем или другими высокими гостями.

К молодым офицерам старики относились со снисходительным пренебрежением, и хотя оказывали им положенное по уставу почтение, но абсолютно с ними не считались. А Масленников даже своего эскадронного командира, прослужившего 15 лет в полку ротмистра, считал мальчишкой, ибо ротмистр, отец которого в свое время также командовал 6-м эскадронам, родился, когда Кирилл Яковлевич уже носил два шеврона (серебряные углы на левом рукаве) за сверхсрочную службу»⁸.

Для того, чтобы было ясно, что стояло за намеком гр. Ф. А. Келлера, когда он заговорил о фураже, следует знать, что за время службы некоторые старые унтеры могли скопить довольно крупную сумму, которой вполне хватало не только для того, чтобы вывести своих детей в люди, но и приобрести недвижимость. Что уж говорить о тех из них, кто для этих целей умело пользовался казенной копеечкой.

...А разнос продолжался. «Так же, – писал очевидец, – досталось и унтер-офицерам: “Рукоприкладством занимаетесь? Новобранцев бьете? Сорву лычки и буду отдавать под суд!” Замерли и унтер-офицеры.

Эскадронных командиров и обер-офицеров внушительно попросил быть более ретивыми к исправлению служебных обязанностей и почаще проводить время в казармах с подчиненными»⁹.

Сам новый командир полка прежде всего обратил внимание на эскадронные кухни. «Гр. Келлер, – вспоминал один из офицеров, – нашел злоупотребления на кухнях. Из собственных средств он платил по 25 рублей на каждый эскадрон на улучшение пищи, но зато и требовал. И вопрос питания солдата был доведен до блестящих результатов. Кашевары в эскадронах конкурировали в приготовлении пищи, которая не раздавалась до тех пор, пока в каждом эскадроне командир полка не попробует ее лично и в обед, и в ужин, несмотря на то, что эскадроны были расположены в различных частях города. Кашевары в зависимости от пищи награждались или наказывались. Котлы запирались замками. Вся лишняя прислуга офицерского собрания и денщики у лиц, коим таковых не полагалось, вернулись в эскадроны и пополнили ряды»¹⁰.

Следует также отметить, что особое негодование графа всегда вызывали случаи унижения чести и достоинства русского солдата. «Солдату внушают на словах, – писал он в 1914 г., – о высоком звании воина, а не так еще давно на оградах парков, скверов и при входах на гулянии он мог прочесть “Собак не водить”, а рядом – “Нижним чинам вход воспрещается”. Распоряжение по таким-то улицам нижним чинам не ходить, мне приходилось читать еще не так давно в приказах по гарнизону. Объяснялись такие распоряжения тем, что солдаты стесняют публику, держать себя на гуляниях не умеют, также как не умеют ходить по людным улицам и показываются иногда очень грязно одетыми. Пора, казалось бы, переменить взгляд на солдата, пора смотреть на него как на взрослого, полноправного человека, отвечающего за свои поступки и за свое поведение и пора воспитывать его в этом направлении, выказывая ему полное доверие, но в то же время безустанно и строго требуя от него трезвого поведения, сохранения воинского достоинства и умения себя держать на улицах и в людных местах...»¹¹

«Полкового учения в этот день, – вспоминал офицер-александреец, – не было и эскадроны были отпущены по домам. Мрачно возвращались домой эскадронные командиры, таинственно перешептывалась молодежь, опустили головы драгуны. Осуждали поступок командира. Было нам обидно, что заслуженные старики вахмистры, которых мы называли “на вы”, пользовавшиеся большим авторитетом, принуждены были выслушивать брань командира. Вахмистры стали подумывать об уходе из полка, советовались с эскадронными командирами... Всем стало ясно, что жизнь в полку настанет нелегкая. [...]

До этого времени полковая жизнь шла темпом заведенного раньше порядка. Каждый прикладывал свои силы по мере своих знаний и способностей. Людей держали в строгости, лошадей откармливали и резвыми аллюрами не увлекались. Заботились о сохранении обмундирования, лучшее сохраняли, худшее же давали в носку. Молодой офицер находился как-то в стороне и исполнял лишь то, что требовал от него эскадронный командир, последний же поручал свой эскадрон своему вахмистру, которого считал непогрешимым. Рутину проникла во все отрасли полковой жизни и всякое нововведение встречало упорство»¹².

До нас дошли яркое описание того, как протекала жизнь в полку перед вступлением в командования им гр. Ф. А. Келлера.

Прослуживший здесь в 1889–1890 гг. в общей сложности больше года будущий маршал Финляндии, а тогда корнет бар. Г. К. Маннергейм, писал своему дяде: «Офицерство убогое, почти сплошь повесы [...] и в довершение всего, ссорятся между собой, как кошки с собаками. Вечные сплетни и вытекающие из них интриги и неприятные истории делают жизнь невыносимой. Командир полка – чистый ноль, и офицеры не считаются с ним совершенно. Скандал следует за скандалом, и арест на гауптвахте входит в распорядок дня. Возможностей общения здесь нет. Многие из полковых дам низкого происхождения и сомнительной репутации, как и образованности. Работы в полку идут таким образом, что с утра выполняют обязанности, а остаток дня болтаются по городским корчам»¹³.

Осенью 1903 г. в Калиш прибыл только что окончивший Елизаветградское кавалерийское училище корнет Сергей Александрович Топорков*. «Новые приятели, – вспоминал он, – запугивали меня 4-м эскадромом. Говорили, что командир эскадрона, ротмистр Кожин строг, криклив и, порою, своеволен и даже несправедлив; говорили, что солдаты боятся его, как огня, и что бьются об заклад, что больше двух-трех недель я в 4-м эскадроне не прослужу... [...]

Ночь прошла в тревоге и волнении. В полдень следующего дня, в парадной форме, я робко позвонил к своему первому эскадронному командиру в полку. Вошел. Отрапортовал. Очень ласково и лю-

* *Сергей Александрович Топорков* (ок. 1883–1961) – впоследствии полковник 5-го Гусарского Александрийского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. Участник Великой войны и Белого движения. В эмиграции с 1920 г.

безно встретил меня ротмистр Кожин и представил меня своей жене Софье Александровне. После нескольких вопросов об училище, об общих знакомых, о моих родителях и т.д., Кожин пригласил меня в свой кабинет, усадил меня, и вот, приблизительно, что он мне сказал в этот, очень памятный для меня день: “Ну, корнет, – заикаюсь, начал Кожин, – итак, с завтрашнего дня мы начинаем службу. Прошу не опаздывать на занятия. Я Вам поручаю 16 человек разведчиков, с которыми Вы должны будете заниматься как строем, так и в классе. Я сделаю сегодня распоряжение, чтобы в 8 1/2 часов утра завтра смена разведчиков была бы уже готова. Вам в помощь будет дан прекрасный унтер-офицер Шустов (впоследствии – вахмистр 5-го эскадрона), у которого Вы узнаете все подробности эскадронной жизни. К этому времени Вам будет поседлана лошадь, конь Острогомец (в Великую войну был ранен в голову и ослеп), и Вы с разведчиками займетесь ездой на большом плацу, в открытом манеже. Быть может, я тоже к этому времени приеду”. Кожин пожелал мне удачного начала службы, мы попрощались, я поцеловал ручку Софье Александровне и совсем с приятным чувством вернулся домой, уже совершенно уверенный, что Кожину приписывают совершенно неосновательно эпитет “собаки”.

Утром к назначенному времени я был в эскадроне. Мне отрапортовал унтер-офицер Шустов, бравый, румяный, с сильно заломленной на правое ухо фуражкой. Солдаты с любопытством меня осматривали. Все они были сильно загорелыми после летних маневров, окончившихся в этом году в середине октября. Лишь только смена разведчиков была выведена мною в поле, на котором манеж обозначался невысокими навозными валиками и лишь только смена первый раз прошла круг шагом, чтобы размять лошадей, мною была подана команда “сокращенной рысью!”, как вдруг унтер-офицер Шустов доложил мне: “Едут командир эскадрона!” Ротмистр Кожин, как-то изогнувшись своей длинной фигурой и болтая ногами на неровных стременах, крупной рысью подъезжая к смене, во все горло закричал: “Шагом, шагом!” Смена была мною остановлена, я скомандовал “Смирно!” и рапортовал: “Господин ротмистр, смена разведчиков четвертого эскадрона производит езду в манеже”. Не обращая внимания на мой рапорт, Кожин, заикаясь и захлебываясь слюной, продолжал кричать: “К-к-корнет, Вы так мне всех лошадей загоняете, пожалуйста занимайтесь на шагу, а не рысью, лошади и так похудели после маневров! – А ты что это торчишь, – обрушился он на Шустова. – Сколько раз тебе было сказано заниматься

только на шагу!! Шустов стоял в струнку, никто возражать и оправдываться не мог. “Корнет, прекращайте езду, на сегодня довольно!” Смена построена, спешена и отправлена в эскадрон. Я с командиром эскадрона оставался в манеже, смущенный, и не смел сказать, что рысью смена совсем не занималась, все-то занятие продолжалось не более десяти минут, со всеми указаниями и поправками.

Ротмистр Кожин начал говорить первым: “Вот что, б-б-батенька, я Вам скажу: Вы – молодой человек, а всякий молодой человек должен ухаживать за барышнями, бывать на балах, танцевать, развлекаться, а уж тут, в эскадроне, дело у нас налажено, вахмистр знающий и хороший, и Вы побольше присматривайтесь к нему и к взводным. Конечно, на учения и в эскадрон не опаздывайте, а уж строевое обучение вахмистр тонко понимает”. Я со всем соглашался, прикладывая руку к козырьку, но и думал, неужели же я ни к ч... не гожусь для того, чтобы обучить 16 человек разведчиков? “Ну, а теперь, б-б-батьюшка, мы с Вами достаточно сегодня поработали и пора позавтракать и выпить рюмку водки”. Согласившись и с этим, я снова откозырял.

По дороге домой, проходя мимо эскадрона, Кожин не мог, чтоб не разнести кого-нибудь: попало вахмистру за то, что у кобылы “Подманки” зачесан хвост, попало взводному 1-го взвода Ильину за то, что штрафованный Барков снова с подбитым глазом, попало Мингалееву за оторванный крючок, словом, попало всем, кто попался на пути, а путь был не велик, всего шагов сто.

Ротмистр Кожин занимал хорошую квартиру в доме Шмидта, где жило большинство офицеров полка и особенно семейных. Жил он со своей женой на 3-м этаже. Как только мы стали подниматься по деревянной темной лестнице, как Кожин заорал: “С-с-сонюрочка, завтрак готов?” Откуда-то сверху послышался голос высокого soprano: “Готов, готов, Сережа”. В передней нас встретила Софья Александровна, а денщики сняли с нас оружие и пальто. “Ну, Сонюрочка, вот мы и поработали сегодня с корнетом, немножко холодно, так чего бы нам выпить только?” – “Сейчас, сейчас, Сережа, – захлопотала Софья Александровна, – попроси корнета в гостиную, а я сейчас все приготовлю”. В гостиной мы сели в удобные кресла, и хозяин предложил мне прекрасную толстую папиросу. “Ну, корнет, завтра утром Вы займетесь с разведчиками ‘словесностью’ в классе, а уж езды завтра не будет. Сегодня лошади размялись, а завтра уж пусть отдохнут. Надо беречь тела, скоро предстоит смотр начальника дивизии генерала Козловского, пусть там проведует Офицер-

ская кавалерийская школа, что лошадям нужна ежедневная работа в поле, да еще на широких аллюрах. Им там хорошо, лошади у них худы, а говорят – втянуты, да и гвардейскую дачу еще дают лошадям. А я скажу так: прежде чем жирная лошадь похудеет, такая худая подохнет”. И Кожин весело смеялся над любимой его поговоркой. В общем весь наш первый разговор сводился к “телам” лошадей, и отсюда я вывел заключение, что “тела” играют самую важную роль. Пытался я возражать, но тут же получил в ответ, что “это, батенька, истина, и уж положитесь на мою опытность”. После этого возражать, конечно, не приходилось, все разбивалось о рутину.

Стол в столовой был прекрасно сервирован. Много закусок: и горячие грибки в сметане, и сосиски в пюре, и крошечные пирожки с капустой были поданы раньше, чем денщик внес и поставил перед хозяйкой большой супник с пельменями. Водка была трех сортов: простая, сливянка и перцовка. Попробовали и то, и другое, и третье. Скоро стало как-то жарко, но уютно и весело. Разговор шел сначала о службе, об эскадроне, о прошедших недавно маневрах. Потом перепрыгнул Кожин в Тверскую губернию, в Калязин, откуда он был родом. Софья Александровна любезно угощала и была искренне радушна. Не знаю, после какой по счету перцовки или сливянки Кожин оказался совсем не таким страшилищем, каким его представляли. Интересно он передавал о том, как в последний раз его встречали в Калязине, куда он ездил в отпуск: “Встречали меня крестьяне с хлебом и солью, все были одеты по-праздничному, и в церквах звонили колокола”. Я невольно улыбнулся, подумав, что хозяин увлекается, но он, проглотив румяный пирожок, добавил: “А Вы знаете, почему мне в Калязине такой почет? Потому что Святой Угодник Макарий Калязинский – мой ближайший предок”. Я не усомнился в сей истине, подтвержденной и Софьей Александровной. Отсюда стала мне понятной религиозность Кожина, его дружба с полковым священником, отцом Алексеем Ершовым, тоже уроженцем Тверской губернии, и причины, почему Кожин состоит безсменным ктитором полковой церкви, где не в тон подпевает всегда певчим, а иногда и священнику. Ушел я домой в прекрасном расположении духа и за часы, проведенные с Кожиним, совершенно освоился со своим командиром эскадрона.

Утром, в классе, я объяснял любопытным разведчикам “условные знаки” и знакомил их с элементарной топографией. Прочертил я условные знаки на черной доске мелом: здесь были дороги грунтовые, проселочные и обсаженные деревьями и с канавами, были и ука-

затели дорог, и лес, и кустарник, и, конечно, корчма. Словом, все то, что требовалось, чтобы уметь читать простую карту. Объяснил, спросил, вижу, что усваивают быстро. Перешел на горизонтали, и в это самое время вошел закутанный в белый башлык эскадронный командир, поздоровался с разведчиками и сел за отдельный стол слушать мою лекцию. Я не смущался и продолжал объяснять горизонтали как можно проще и понятнее. Кожин внимательно слушал: “К-к-корнет, прекрасно, прекрасно, прекрасно! – троекратно повторил Кожин, – а что это Вы рисовали на доске?” – “Это условные знаки”. – “Ну, теперь, батенька, Вы спросите ребят об условных знаках, понимают ли они?” Я стал по очереди спрашивать, и все отвечали без запинки. Кожин сам не верил тому, что видел. В один урок и так хорошо отвечают! Кожин был вне себя от восторга, благодарил меня и ребят, а, выходя, шепнул мне, что надеется, что разведчики его будут на смотре бригадного генерала Грекова первыми в полку. Кожин полетел в полковую канцелярию, которая потихоньку называлась у нас “брехаловкой” и всем встречным и поперечным говорил: “Ну и офицера я получил! Всех за пояс заткнет! Как здорово объясняет ‘условные знаки’ и какие-то горизонтали!” Словом, все шло как нельзя лучше.

В один осенний день разведчикам был назначен по расписанию выезд в поле. Утро было туманное, серое, с пронизывающим холодным ветром, и всегда дальновидный вахмистр Иван Филиппович Кузнецов распорядился одеть смену в полушубки дубленой кожи. Для того, чтобы выйти на Турекское шоссе, проходить надо было через весь город Калиш и мимо командира эскадрона, и случилось так, что ротмистр Кожин, имея привычку вообще рано вставать, стоял в это время у окна. Подходя к его квартире, разведчики подтянулись, подобрали лошадей и машинально поворачивали головы в сторону командирских окон. Заметив Кожина у окна, я скомандовал “смирно!” Окно вдруг с треском распахнулось, и Кожин во все горло закричал: “Корнет, корнет, что Вы делаете? В такую погоду надели полушубки! Ведь они от дождя покоробятся! Так Вы мне весь цейхгауз испортите. Скорее назад в эскадрон и никакого выезда сегодня в поле не делайте. На сегодня – занятия в классе!” Взяв руку под козырек, я на рысях повел разведчиков обратно, думая, что Кожину показалось будто бы на дворе дождь. Но ни одна капля не упала на солдатские полушубки. Возражать было нельзя, и только становилось жаль, что сегодня сильно попадет вахмистру Кузнецову. [...]

В полку Сергей Дмитриевич Кожин вел жизнь старого помещика: в эскадроне, хотя и бывал каждый день, но долго не оставал-

ся, придерживаясь того взгляда, что во всем необходимо хозяйское око. В свободные часы, а их было у него много, он отдыхал, перечитывая “Новое время” и целый день пил чай с лимоном, поджидая приближения часа завтрака, обеда или ужина. Нововведений в эскадроне не признавал и был, как тогда говорили, “завзятым рутинером”. Военной литературой он интересовался мало и споров о ней не любил, зато мог говорить безконечно о “телах” лошадей и вспоминать благодарности по службе. И если в его эскадроне тяжело было служить, то только тем, кто хотел хвастнуть своими знаниями и показать свой авторитет. Если же исполнять все требования командира, “не мудрствуя лукаво”, то в четвертом эскадроне при Кожине служить было далеко не трудно»¹⁴.

Жизнь, которую обещал полковник Келлер на первом полковом учении, началась на следующий день. «Командир полка ежедневно присутствовал на занятиях, и больше всех доставалось эскадронным командирам. [...] Эскадронные командиры не любили новшеств, и это с первых же дней было замечено командиром полка. Он начал неустанную борьбу с рутиной»¹⁵.

В сравнительно короткий срок графу Келлеру удалось подтянуть всех эскадронных командиров, включая С. Д. Кожина, сломать которому свой привычный уклад жизни было не так-то легко. Лишь за несколько дней до ухода из полка самого Федора Артуровича, 19 октября 1906 г., этот чуть ли не самый старый ротмистр во всей армейской кавалерии, был произведен в подполковники. Ему было поручено заведовать тактическими занятиями с офицерами, в чем он также не особенно преуспел. Четвертый эскадрон Сергей Дмитриевич сдал ротмистру кн. Георгию Эвлиановичу Эристову¹⁶.

Сердцевинной методики обучения солдата, которую отстаивал Ф. А. Келлер, был «вольный бой на коне».

*Не стоят, а храпят
Кони вороные.
Не ржавеют, а горят
Сабельки кривые*¹⁷.

Позднее граф Келлер сам изложил основные принципы этого обучения:

«Другое отношение солдата к езде и лошади наблюдается в тех частях, где привилась езда в одиночку и в поле, где всадник сам принимает участие в езде, добывается от своего коня того, чего хочет, где и голова и мускулы работают, где он подчиняет коня своей воле и где

на нем же на маневре он может показать свою удаль и молодечество. Такая езда солдата развивает, воспитывая в нем любовь к своему коню, самостоятельность, сообразительность и настойчивость»¹⁸.

«Старая тоже истина, что учить надо солдата тому, что ему необходимо на войне; возьмем для примера хоть наше обучение фехтованию и рубке. После прежнего, отжившего “направо руби” и “налево коли”, перешли на одностороннее и двухстороннее фехтование, но последнее делается шеренгами, по команде, и всегда пешком, на таком расстоянии шеренга от шеренги, чтобы противника и даже его оружия клинком не достать; к вольному же бою, где солдат учится наносить и отбивать удары, учится ловкости, находчивости и умению управлять конем в бою, никогда не переходят; в результате кавалерист, прослуживший четыре года, не имеет представления о том, как ему действительно на войне предстоит действовать тем оружием, с которым он упражнялся четыре года. Рубить неприятеля придется нашему солдату ведь почти исключительно в конном строю; где же и откуда у него явится умение нанести удар, отбить оружие противника, вовремя уклониться от удара и вовремя послать коня вперед, чтобы самому нанести сокрушительный удар, т.е. верткость, находчивость и уверенность в себе и в своем коне. [...]»

Не лучше ли расставить десяток разных предметов, лозу, кольца, стоящие и лежащие чучела и шары на плацу в разных направлениях, пускать против них обучаемых всадников поодиночке, требовать от них последовательного поражения без остановки на хорошем аллоре всех предметов с непременным условием, чтобы выбор оружия был предоставлен всаднику же, и он, действуя то тем, то другим, привыкал сноровисто управлять конем, выбирать и цель и оружие, переходя быстро и на ходу от пики к шашке и обратно»¹⁹.

Такое обучение не давало, разумеется, немедленных результатов. Ф. А. Келлер предупреждал: «Воспитание, которое я отстаиваю, не сразу, конечно, принесет желанные плоды и породит вначале много хлопот и неприятностей, но не пройдет и двух лет, как облик нашего нижнего чина, самосознание его и уважение к себе самому совершенно изменится»²⁰.

Сохранились воспоминания о том, как такое обучение проводилось на деле:

«Строевые занятия, ведшиеся до сего времени строго по расписанию, изменились. Новое требование сводилось к занятиям в поле, несмотря ни на какую погоду, а манеж стал обслуживать старых лошадей. Молодые лошади стали “работаться” только в поле и

лишь недели за две до смотра разрешалось пользоваться манежем. Молодая лошадь стала обучаться лишь в одиночку в поле, смены были забыты. В конюшнях, на уборке, на водопое и при работе молодой лошади всегда производилась стрельба холостыми патронами для приучения ее к выстрелу. Молодая лошадь усмиралась, легко отделялась от строя. Все молодые лошади клались на землю.

Была введена стрельба с коня холостыми патронами на полном карьере по разбросанным в поле картонным кружкам. Сначала казалось для всех это какой-то премудростью, но потом эскадроны этим так увлеклись, что разбивали кружки без промаха.

Во всех эскадронах были сооружены шпрингартены, на коих обязательно и ежедневно напрыгивались лошади, сначала без всадников, а потом со всадниками на непоседланых лошадях. Лихость была доведена до крайних пределов. Так, новобранцы 3-го эскадрона ротмистра Зыкова* на первом смотре шли справа по одному во главе с эскадронным командиром и офицерами на шпрингартен на непоседланых лошадях. Большинство новобранцев перед препятствиями делали прыжки.

Особое внимание командира полка было обращено на рубку. Сам граф Келлер своею рубкой был известен во всей кавалерии и в полку лишь в лице ротмистра Зыкова имел своего соперника. В учебной команде требовалась рубка лозы на коне направо и налево. Граф Келлер личным примером руководил этими занятиями: он прекрасно рубил, джигитовал, стрелял и фехтовал. [...]

Джигитовка была обязательна не только для солдат, но и для офицеров. Преодоление препятствий без стремян и без повода было обязательно и для штаб-офицеров. Все перечисленное граф

* *Сергей Петрович Зыков* (1873–22.3.1922) – окончил Николаевское кавалерийское училище (1893–1896). Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. Служил в Александрійском Императрицы Александры Феодоровны драгунском полку; затем в 5-м уланском Литовском. Полковник. Командир Текинского конного полка (1916), сформированного из Туркестанского конного дивизиона. Полк состоял из добровольцев-туркмен преимущественно племени теке. В дни февральского переворота 1917 г. командир полка С. П. Зыков сохранил верность Императору (см.: *Хан Р. Б. Хаджиев*. Великий Бояр. Белград. 1929). Георгиевский кавалер. Участник гражданской войны. Сражался в рядах Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России. Начальник гарнизона Ялты (1918–1919). Командир Астраханской конной бригады. Генерал-лейтенант (1919). В эмиграции в Югославии. Скончался в Белой Церкви. – С. Ф.

Келлер проделывал сам с большою ловкостью, несмотря на свой огромный рост.

Наконец, по проекту гр. Келлера, сначала в бывших гусарских полках, а потом и в других кавалерийских полках, была введена казачья лава, впоследствии вошедшая в полевой устав кавалерийской службы. Сначала все это было незнакомо и трудно, т.к. требовалась инициатива каждого всадника, но потом все освоились и всегда применяли лаву на маневрах и особенно во время первой мировой войны. [...]

Немало внимания уделял командир полка подготовке будущих унтер-офицеров, требуя особенно полевую подготовку. Смотры учебной команды бывали необыкновенно трудны, т.к. требовалась одиночная езда и однообразие.

В 1905 г. весною прибыл в Калиш командующий войсками Варшавского военного округа генерал-адъютант Скалон*. Сюда же был вызван из г. Конины Каргопольский драгунский полк со своим лихим командиром полковником Лавровым. Смотр начался с Каргопольских драгун. Их полк учился выше всякой похвалы, и Александрейцы побаивались первенства Каргопольцев. Вслед за ними началось учение Александрейцев. Граф Келлер превзошел себя: все учение произведено на полевом галопе и завершилось “восьмеркой” развернутого фронта полка. Гр. Келлер лично заводил фланги с таким искусством, что равнение не нарушалось ни на минуту, а о разрыве не могло быть и речи. Старший штаб-офицер держал направление. Ген. Скалон, выдавший, конечно, немало смотров, оставил полк, снял фуражку и сказал: “Земной поклон за полковое учение, я никогда не видал ничего подобного”.

* *Георгий Антонович Скалон* (1847–1914) – происходил из дворян С.-Петербургской губернии. После окончания Николаевского училища гвардейских юнкеров вышел в Л.-Гв. Уланский полк. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Состоял офицером для особых поручений при командующим войсками Варшавского военного округа (1893–1894). Командовал: Л.-Гв. Уланским Его Величества полком (1894–1897), 1-й бригадой 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии (1897–1899), 4-й кавалерийской (1899–1901) и 2-й Гвардейской кавалерийской (1901–1905) дивизиями. Помощник командующего войсками Варшавского военного округа (1905). Генерал-адъютант (1903), генерал от кавалерии (1906). Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (15.8.1905–1914). 5 августа 1906 г. в Варшаве на него было совершено покушение. Жена – Мария Иосифовна, урожд. баронесса Корф – дочь гвардейского полковника. – С. Ф.

В короткий срок, доведя до блестящего строевого обучения, одновременно гр. Келлер привел в такое же образцовое состояние и хозяйственную часть полка. Старый служака и прекраснейший заведующий хозяйством в полку полковник Радецкий неоднократно плакал, не зная, что делать с новыми и новыми требованиями командира полка. В те времена существовало “положение”, что заведующий хозяйством в полку аттестовался по мере представления наибольшей суммы “экономического капитала” в полку. Суммы эти накапливались, хранились в полку и по требованиям штаба округа расходились. Так, во время командования полком полковника Карцова по такому требованию полк выдал громадные деньги в округ для постройки казарм в Варшаве Л.-Гв. Кексгольмскому полку.

Гр. Келлер этот вопрос решил просто: экономические суммы полка принадлежат полку и расходуются лишь на нужды полка. Никакие параграфы законов, представляемые заведующим хозяйством командиру полка, ничего доказать не могли. Он говорил: “Высочайшею волею я команду полком и за все сам отвечаю перед Государем Императором”.

Приняв полк, гр. Келлер нашел ковку в полку неудовлетворительной. Для этого приказал выстроить новую кузницу. Для перековки приказал всех лошадей приводить к своей квартире и перекованную лошадь сам осматривал и делал указания. Часто лошадей “расчищал” и ковал лично. Старого ветеринарного врача заменил новым молодым и энергичным врачом по своему выбору. [...]

Сделав выводку офицерским лошадям и найдя некоторых лошадей не вполне пригодными к службе, гр. Келлер взял с собой штабс-ротмистра Дерюгина, большого знатока лошадей, и отправился с ним в Белую Церковь на завод графини Браницкой и за личный расчет привел одиннадцать кровных лошадей для офицеров. По своему усмотрению назначил этих лошадей для офицеров и льготной рассрочкой вернул деньги в полковую казну. Цена лошадям этим была от 600 до 1200 рублей. Когда заведующий хозяйством докладывал командиру полка, что на сей предмет нельзя расходовать казну, гр. Келлер, улыбаясь, сказал: “Я же не себе беру их в карман, а помогаю офицеру приобрести хорошую лошадь для службы, и за это я сам буду отвечать”»²¹.

Еще раз подчеркнем, что Александрийский полк отличался давними устоявшимися традициями. Касалось это как кавалеристов, так и их лошадей. «...По установившемуся обычаю, – вспоми-

нал, уже будучи в эмиграции, коренной офицер полка, – как людей, лошадей, так и офицеров назначали в эскадроны не только по росту, но и по “мастям” [...] В эскадрон Ее Величества назначали высоких, видных офицеров-брюнетов, во 2-й стройных блондинов, в 3-й и 4-й – небольшого роста, коренастых брюнетов, в 5-й, как тогда говорили, “разномастных” и в 6-й здоровых и неуклюжих.

Лошади распределялись по эскадронам также по росту, мастям и отметкам: в эскадрон Ее Величества – кони вороные, без отметин, во 2-й белонogie и с проточинами, или звездами на лбу, в 3-й и 4-й караковые, в 5-й отмастки и в 6-й рослые лошади всех категорий»²².

Однако продолжим воспоминания о Федоре Артуровиче: «Не было пределов кипучей деятельности гр. Келлера, и одновременно налаженный им полковой аппарат горел в своей работе. Всякий знал требования командира полка, всякое неисполнение по небрежности не могло иметь места. Полк усвоил требования эти, и воля его начальника была несокрушима. Волю свою гр. Келлер выражал часто фразой: “Да потрудитесь!” Вспоминаются некоторые случаи.

По сигналу командира полка полк развернутым фронтом полевым галопом шел вперед и, дойдя до обрывистых берегов р. Просны, как всегда раньше, остановился. “Кто подал сигнал ‘стой’? – гневно сверкнув глазами, спросил командир полка. – Потрудитесь все исполнять только по моей команде”. Полк был отведен назад и снова брошен вперед. С полного хода гр. Келлер первым бросился вперед с конем в воду и поплыл. Средние эскадроны попали на глубокое место, фланговым более повезло. Весь полк легко преодолел реку и благополучно выскочил на гористый берег и построился за своим лихим командиром.

Подобный же случай на маневрах у г. Серадзя. Пятый эскадрон должен был конно атаковать совершенно разрушенную старую крепость, валы которой представляли крутую стену, усыпанную щебнем. Ротмистр Лялин, не рискуя забраться наверх по этому щебню, остановил у подножья эскадрон. Увидел это гр. Келлер. Подскакал и приказал снова атаковать крепость. “Да потрудитесь!” – и этого было достаточно. Все, конечно, были наверху.

На маневрах начальник разезда корнет Дублянский доложил командиру полка, что его разезд не может подойти к лесу, т.к. вся впереди лежащая местность – сплошное торфяное болото. “Да потрудитесь!” – корнет Дублянский с разездом, по пояс в торфяной грязи, прошел. [...]

По отношению к офицерам полка и особенно к эскадронным командирам гр. Келлер был на службе строг. Ценил лихость, личный пример, находчивость и отеческую заботливость о солдате. Не любил лени, людей с унылым характером и особенно тех, у кого отсутствовало самолюбие. Во время учений он весь так горел военным пылом, что нередко бывал несдержанным в выражениях. Тот же 5-й эскадрон что-то напутал в полковом учении. Гр. Келлер подскакал к эскадронному командиру. – “Где вы там, ротмистр, болтаетесь у ч... матери?” – Ротмистр, салютуя шашкой, полным командным голосом, перед всем фронтом полка, ответил: “Господин полковник, я болтаюсь не у ч... матери, а командую 5-м эскадронном Александрийского Ее Величества полка!” Командир не сказал ни слова. Вскоре был подан сигнал “слезай” и затем сбор всех офицеров к командиру полка. Все ждали, что случай этот кончится большою неприятностью. Как и всегда раньше, командир полка сделал указания на ошибки, делал поправки и объяснения. Окончив, он подошел к ротмистру, командиру 5-го эскадрона, положил ему руку на плечо и сказал: “Мы, кажется, сегодня с вами погорячились. Мне ваш ответ понравился. Самолюбие – залог успеха на военной службе. Давайте поцелуемся”. И оба поцеловались.

За плохое равнение на ученье гр. Келлер со всего размаха запустил свою шашкою в 4-й эскадрон. Шашка прожужжала над головами драгун, кони шарахнулись в сторону. После учения гр. Келлер извинился перед командиром эскадрона и просил передать младшим офицерам свое извинение. [...]

Не менее гр. Келлер отстаивал доброе имя полка, которым командовал, привлекая к ответственности всех, кто позволял что-либо говорить недоброжелательное о служащих в нем.

За непродолжительное время полк был блестяще подготовлен во всех отношениях, но и служба становилась все тяжелее и тяжелее. Были моменты чрезвычайного напряжения. Некоторые офицеры доходили до отчаяния, некоторые хотели уходить из полка из-за невероятных требований. Но, несмотря на это, ни один офицер не оставил полка.

Во время вспыхнувшей неожиданно русско-японской войны недоразумения эти отходили как-то на второй план. Полк на эту войну не выступил, и гр. Келлер всеми силами удерживал желающих офицеров отправиться на театр военных действий, уверяя, что все-таки он верит в то, что полк будет отправлен на Дальний Восток»²³.

А тем временем война там разгоралась всё сильнее и сильнее.

Сын гр. Ф. А. Келлера, Павел, морской офицер, в сражениях на Тихом океане заслужил орден Св. Георгия.

На сопках Маньчжурии сражался также двоюродный брат командира Александрийцев – генерал-лейтенант гр. Федор Эдуардович Келлер, сменивший пост Екатеринославского губернатора на должность начальника Восточного отряда. Погиб он в боях на Янзелинском перевале 18 июля 1904 г. Остановить отважного генерала, шедшего со своими войсками в контратаку, смогли лишь 36 вражеских пуль. Государь записал в дневнике (19.7.1904): «От Куропаткина пришло известие, что гр. Келлер, командовавший Восточным отрядом, – убит в бою». В эти дни в Царской Семье ожидали прибавления. 30 июля Государыня облегчилась от бремени. Родился долгожданный Наследник Цесаревич, Которого при крещении нарекли Алексием. Восприемниками Его, по желанию Государя, стали Действующая Армия и Флот.

«Сегодня, – сообщал Государь в телеграмме 11 августа командующему Маньчжурской армией генерал-адъютанту А. Н. Куропаткину, – во время совершения таинства св. Крещения Наследника Цесаревича и Велико-го Князя Алексея Николаевича, Ее Величество и Я, в душевном помышлении о наших доблестных войсках и моряках на Дальнем Востоке, в сердце молитвенно призывали их быть восприемниками новокрещенного Цесаревича. Да сохранится у Него на всю жизнь особая духовная связь со всеми теми дорогами для Нас и для всей России от высших начальников до солдата и матроса, которые свою горячую любовь к Родине и Государю выразили самоотверженным подвигом, полным лишений, страданий и смертельных опасностей».

Постепенно гр. Ф. А. Келлер овладел душами своих подчиненных. Вот некоторые примеры «неофициальных», если так можно выразиться, отношений командира полка со своими подчиненными:

«Слова – “да потрудитесь” – всегда повторялись в шутку офицерами, и командир полка это знал. Но были и комические случаи... [...] В магистрате был большой бал. В те времена молодежь полка не любила танцевать и всегда больше жалась к буфету. Позднее прибыл командир полка и был удивлен, что все находятся в буфете и ни одного танцующего офицера в зале. Почему-то там оказался поручик Андрищенко, очень скромный, застенчивый и неуклюжий офицер. Улыбаясь, командир полка спросил его, почему он не танцует. Андрищенко доложил, что никогда в своей жизни не танцевал. “Да потрудитесь”, – пошутил гр. Келлер. – “Слушаюсь, господин полковник”. Подошел к одной даме и пригласил на вальс и тут же запутался шпорой в ее юбке, повалил даму и сам упал. Подошел к командиру полка и доложил, что приказание исполнил, но потру-

дился плохо. Очень часто об этом случае, смеясь, вспоминал командир полка»²⁴.

Как и в любом другом полку, случались и различные «истории» с офицерами, из которых Федор Артурович неизменно «вытаскивал» своих подчиненных. Вот как вспоминал о некоторых таких «историях» один из возможных их участников:

«Под арест офицеров гр. Келлер никогда не сажал, кроме тех случаев, когда этот арест выручал самого офицера. Вспоминается случай в 1906 году. После домашних маневров у г. Калиша, 4-й эскадрон возвращался домой. Вел эскадрон поручик, с ним был один корнет. Проходили мимо имения, знакомый польский помещик вышел навстречу и непременно просил отобедать у него. Офицеры согласились, и вахмистр повел эскадрон дальше. Сильно выпили, и помещик, уже совершенно невменяемый, не отпускал офицеров домой. Они там заночевали. На другой день, желая отблагодарить помещика, офицеры эти ему предложили вместе переехать германскую границу и выпить немецкого шампанского. Он согласился, и они направились в ближайший немецкий городок Скальмержице, где часто офицеры наши загуливали в кабачке Имбаха. Переезжать границу разрешалось без оружия и с «легитимационным» билетом, который безпрепятственно выдавался калишским магистратом. Билетов на сей раз у офицеров не было, и они просто решили перейти границу. Несмотря на протесты и запрещение наших пограничных жандармов, офицеры и помещик самовольно перешли границу.

Возвращаясь обратно, они нашли рогатку уже закрытой. Немцы любезно выпустили, но наши жандармы потребовали от офицеров остаться на посту до прибытия их начальника, которому было уже протелефонировано о случившемся. Поручик горячился, надерзил жандармскому вахмистру и в результате его ударил. Офицеры вскочили в экипаж и понеслись в Калиш.

Понимая страшную ответственность за все сделанное, они решили ночью же немедленно идти на квартиру командира полка и во всем чистосердечно раскаяться. Несмотря на позднее время, гр. Келлер тотчас оделся и отправился к губернатору Новосильцеву*, куда был вызван также начальник губернских жандармов, которому обо всем происшедшем было уже известно. Гр. Келлер все уладил, выругал виновников и посадил своею властью под домашний

* Николай Иванович Новосильцов – тайный советник; Калишский губернатор (10.12.1902–28.1.1913). – С. Ф.

арест: поручика на пять, а корнета на трое суток с исполнением служебных обязанностей. Виновные были наказаны, а жандармский вахмистр переведен на высшую должность.

Был и другой случай, когда командир полка выручал из беды своего офицера. Корнет, будучи в Варшаве в саперной командировке, хотел рубить шашкой жандармского ротмистра. Конечно, тотчас был арестован комендантом. О случившемся сейчас же корнет известил телеграммой командира полка. С первым поездом гр. Келлер помчался в Варшаву выручать своего офицера, результатом чего наказание ограничилось месячным арестом на варшавской гауптвахте»²⁵.

В тех же воспоминаниях сохранилось описание внешнего вида гр. Ф. А. Келлера, его характерных привычек и самого быта командира Безсмертных:

«Граф Келлер был очень высок, худощав. Голову всегда держал высоко, упираясь затылком в воротник. Подбородок слегка брал на себя. В наружных углах глаз – обозначено много мелких морщин. Нижняя губа слегка выдавалась вперед.

В отношении формы одежды гр. Келлер несколько отступал от установленных правил и носил почти всегда широкие рейтузы с напуском на сапоги, как полагалось в пехоте. Фуражку носил сильно заломленную на правый висок и этого требовал от офицеров и особенно от драгун. Зимой, вместо положенного в полку короткого полушубка, носил сюртук, подбитый мехом. На плечах его почти всегда был белый кавказский башлык.

Свою казенную большую квартиру гр. Келлер занимал частично, занимаясь и проводя досуги в первой небольшой комнате, окнами выходявшей на двор штаба полка. Большой письменный стол, заваленный уставами и приказами, да тахта, над которой висело оружие, – вот и вся обстановка его рабочей комнаты. Здесь командир полка принимал доклады, работал и отдыхал.

В частной своей жизни он был неприхотлив во всем, общественной жизни не любил, но был безконечно любезным хозяином. Придешь, бывало, дежурным по полку с вечерним рапортом, и командир полка не знает сам, как бы лучше принять дежурного. Возьмет под руки, усадит в кресло, угощает чаем с вареньем и печеньями. Просидишь так у командира часа два и никогда от него не услышишь служебного разговора, но тема всегда, конечно, военная.

О себе он почти никогда не говорил и чрезвычайно был краток и скромнен в разговоре о себе. [...] Иногда во время такого чаепития

присутствовала, расположившись на тахте и подобрав под себя ноги, жена командира, графиня Мария Александровна, пользовавшаяся громадным уважением всех, кто ее знал. Граф никогда не позволял графине, как он говорил, «вмешиваться в полковые дела», поэтому графиня никогда не высказывала своего взгляда и только поддерживала разговор на общие темы»²⁶.

Жизнь полка протекала в особых условиях. И дело было не только в том, что стоял он на самой границе с Германией. Дело было в своеобразии обстановки, создавшейся в крае, населенном главным образом поляками и евреями, в связи с революционным брожением, возникшим в результате неудачной войны на Дальнем Востоке.

ГРЕМУЧАЯ СМЕСЬ РЕВОЛЮЦИИ

Союз поляков и евреев, которому в эпоху первой русской смуты предстояло противостоять вместе с вверенным ему полком гр. Ф. А. Келлеру, на первый взгляд, выглядел противоестественным.

В действительности же у обоих сегментов имелось немало точек соприкосновения, пусть и скрытых от поверхностного взгляда.

«В психическом отношении, – характеризовал поляков в одном из своих трудов уже упоминавшийся нами весьма наблюдательный И. И. Пантюхов, – польский тип живой, пылкий, впечатлительный, увлекающийся [...] У поляков чересчур развито воображение, они преувеличивают свои силы и средства. Самообманы, в которых жило и живет человечество, особенно сильны у поляков. Психическое различие малоросса и поляка можно бы выразить словами, что малоросс во всем сомневается, а поляк ни в чем не сомневается»¹.

Святитель Московский Филарет (Дроздов), говоря о Польше, писал в 1858 г. о том, что там «хитрость и сила имеет давнюю привычку и опытность вражды против православия»; в народе же «евреями воспитан дух своеволия и противления правительству»².

Но и помимо общности в психическом и историко-психологическом складе, имелся длительный опыт исторического сосуществования. «Польские паны, – писал И. И. Пантюхов, – к евреям, как и к русскому народу, относились высокомерно. Несмотря на свою изолированность и требование культа сохранять чистоту крови, евреи в Польше, хотя и нелегальным путем, смешивались с поляками. Польские всемогущие паны, частью насильственно, частью с разре-

шения еврейских раввинов и по разным сделкам, нередко брали в любовницы еврейских женщин. Любовницы еврейки были и у королей Казимира III, Сигизмунда IV, и, вероятно, у очень многих...»³

К этому же ряду следует отнести и историю с главой Брест-Литовской еврейской общины Саулом Валем (ок. 1541 – ок. 1617), крупнейшим откупщиком соли, происходившим из старинной талмудической семьи в Падуе. После кончины чрезвычайно благоволившего Саулу короля Стефана Батория в междоусобии 1587 г. Валь был избран королем Польши, правда, на одну только ночь. На другое утро, якобы по его уговорам, членами сейма королем избрали шведского принца, правившего впоследствии 46 лет под именем Сигизмунда III. Однако это знаковое событие имело, по-видимому, большие, неведомые пока что нам, последствия. Из рода Валей, по ставшим известными в последнее время сведениям, происходил, между прочим, Карл Маркс⁴. На месте построенной С. Валем синагоги в Бресте в 1838 г. была сооружена знаменитая впоследствии Брестская крепость.

С обретением Российской Империей своих западных границ, в лице поляков и евреев она нашла коварных и упорных врагов, из *внешних* превратившихся в более опасных, *внутренних*. Объединение поляков и евреев в деле разрушения Государства Российского создало своего рода гремучую смесь.

За Польшей стояли исконные враги России. Запад – светский (Франция, Англия, США) и духовный (папский Рим). То был враг внешний. И довольно широкий спектр «внутреннего Запада» – от русского либерализма, западничества и масонства, вплоть до революционных демократов, нигилистов, террористов и социал-демократов всех мастей.

Всё это было солидарно с Варшавой, когда, бывало, та «ярким бунтом опьянела»*. Это повторялось и в 1794, и в 1830–1831, и в 1846, и в 1848, и в 1863–1864 годах. Поляки упорно и самоубийственно не желали принимать того, что понимали трезвые реальные политики. Такие, например, как У. Черчилль, не питавший никакой любви к России, а все же писавший в январе 1944 г. представителям обанкротившегося лондонского польского правительства в ответ на их, как всегда фантастические, претензии: «Нации, которые оказались не в состоянии защитить себя, должны принимать к руководству указания тех, кто их спас и кто представляет им перспективу истинной свободы и независимости»⁵.

* А. С. Пушкин.

Родство душ, нашедшее выражение во всех этих восстаниях, сумел разглядеть еще великий Пушкин:

*Когда ж Варшавы бунт раздавленный лежал
Во прахе пламени и в дыме,
Поникнул ты главой и горько возрыдал,
Как жид о Иерусалиме.*

Позднее о том же писал А. А. Блок:

«Освободительная истерика польской литературы. Вечный возбудитель Европы, как и евреи»⁶.

Развязыванию и поддержанию террора, приведшего, в конце концов, к царевубийству и революционному брожению в Империи, способствовали и некоторые внутрироссийские явления.

Прежде всего, то были пресловутые общественность, общественное мнение и периодическая печать.

Наши либералы и западники порой не отдавали отчета в том, как они смешны и пошлы («Чем либеральней, тем они пошлее»):

*Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещения, а холопы⁷.*

В одном из своих посмертно опубликованных стихотворений А. С. Пушкин весьма точно определил суть таких дворянских интеллигентов:

*И нежно чуждые народы возлюбил,
И мудро свой возненавидел.*

Отвага дедов, верноподданность отцов – ничто не спасало детей от этой заразы! Одержимым этой тяжелой болезнью оказался, например, сын русского майора Печерина, беспощадно, как и подобает офицеру, давшему присягу, истреблявший польский бунт 1831 года. Изпод пера этого русского по рождению человека, предавшего веру отцов, представлявшегося во Франции «бедным польским эмигрантом», выползло нечто невысказанное и, видимо, единственное во всем мире:

*Как сладостно отчизну ненавидеть,
И жадно ждать ее уничтоженья,
И в разрушении отчизны видеть
Всемирного денницу возрожденья¹⁸*

Не избежал отчасти этого соблазна, пусть и основанного на иной, славянофильской, химере, даже русский мудрец Ф. И. Тютчев, в 1831 г. позволявший себе писать:

*Ты пал, орел одноплеменный,
На очистительный костер!
Верь слову русского народа:
Твой пепл мы свято сбережем,
И наша общая свобода,
Как феникс, зародится в нем⁹.*

Со временем Федор Иванович сумел преодолеть эту самопожирательную русскую химеру («Воспрянь – не Польша, не Россия – / Воспрянь, Славянская Семья!»¹⁰). Уже в 1867 г. он, осмыслив реальность, с горечью и гневом писал об «опально-мировом племени» поляков и особом покровительстве ему Запада в связи с особым отношением их к России:

*А между нас – позор немалый, –
В славянской, всем родной среде,
Лишь тот ушел от их опалы
И не подвергся их вражде,
Кто для своих всегда и всюду
Злодеем был передовым:
Они лишь нашего Иуду
Честят лобзанием своим¹¹.*

Примечательно, что стихотворение это прочитано было на проходившем в мае 1867 г. Славянском съезде, на котором общее отношение к полякам было выражено надписью на пустующем кресле: «отсутствующему Иуде»¹².

Со временем (особенно в Царствование Императора Александра II) в русском образованном обществе все заметнее стали проявлять себя чуждые не только по духу, но и по происхождению элементы. «Обращает на себя внимание, – пишет современный исследователь И. Дронов, – весьма заметное, если не преобладающее, участие инородческого элемента как в либеральном, так и в революционно-нигилистическом движении. Особенно пресса в значительной мере попала в нерусские, преимущественно еврейские, руки. И хотя среди официальных издателей и редакторов наиболее крупных газет и журналов евреев было немного (на “еврейскую” газету мало бы нашлось охотников подписываться), закулисное

влияние и денежная власть их крепко опутывали эти “фабрики общественного мнения”»¹³.

«...Многие органы периодической печати, – отмечает он далее, – служили как бы легальной “крышей” для революционеров-террористов, являясь важнейшими идеологическими, а отчасти финансовыми и административными структурами нелегального, подпольного *нигилистического* мира – *антимира*, служа связью его адских глубин с земной, дневной поверхностью...»¹⁴

Это укрытие за спинами подставных лиц, как псевдонимы и всякая иная мимикрия, во все времена характерны для этих «детей дьявола» (*Ип. 8, 44*).

Знавший положение дел в отечественной периодике не понаслышке, Ф. М. Достоевский писал: «...Редакторы, нанятые жидами, подписывают газету или журнал русскими именами – вот и всё в них русского. [...] А ведь жид и его кагал – это всё равно, что заговор против русских!»¹⁵ (За раскрытие этих кагалных тайн великого русского писателя ненавидят и сегодня. Недавно небезызвестный Чубайс заявил в интервью английской газете: «...Я перечитал всего Достоевского, и теперь к этому человеку я не чувствую ничего, кроме физической ненависти. Он несомненно гений, но когда в книгах я вижу его мысли о том, что русский народ – народ особый, богоизбранный, когда я читаю о страданиях, которые он возводит в ранг культа, и о том, что он предлагает человеку выбор между неправильным и кажущимся, мне хочется порвать его в куски»¹⁶).

Приведенные выше слова Федора Михайловича о кошерной сути «русской» печати подтверждал и другой великий мыслитель К. Н. Леонтьев. В специальной записке 1882 г., адресованной К. П. Победоносцеву, он предупреждал, что «в Петербурге решительно преобладают газеты... медленно-разрушительного направления [...] Таковы прежде всего: “Голос”, “Страна” г-на Полонского (поляка) и “Порядок” – явное орудие жидовско-польского заговора, издание до крайности вредное, содержимое даже на весьма крупное еврейское пособие (как слышно, до 130 000 в год!!!)»¹⁷.

Вот как всё это выглядело на деле...

Одна из наиболее влиятельных газет того времени “Голос” А. А. Краевского (в конце 1870-х гг. ее тираж достигал 25 тыс. экз.) финансировалась известными еврейскими банкирами Поляковыми¹⁸. Не случайно, видимо, русский народ в этой газете именовался «святой скотиной»¹⁹. «Вы для меня роднее более, чем родной», – нежно ворковал Краевскому Самуил Соломонович Поляков²⁰.

Другой газетой, которую финансировал С. С. Поляков, был редактировавшийся поляком И. И. Родзевичем «Московский телеграф». Эта была та самая газета, о которой К. П. Победоносцев писал Государю, что она «заявила себя самую вреднейшею из вредных в политическом отношении и, кроме того, органом и польской, и социальной партии»²¹.

Журнал «Вестник Европы», печатавшийся вплоть до революции, выходец из разночинской среды М. М. Стасюлевич выпускал на капиталы своей жены, дочери крупного еврейского финансиста Исаака Утина. Оба брата Лидии Исааковны, первоначально ближайшие сотрудники М. Бакунина, находившиеся в тесном общении с К. Марксом, бросили, в конце концов, революционную деятельность и, перейдя под начало Самуила Полякова, начали делать недурные гешефты, разбогатев на казенных поставках во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.²² (Мы помним, как это делалось.)

Знаменитую газету М. М. Стасюлевича «Порядок», агитировавшую за конституцию, финансировал другой еврейский банкир Гораций Гинцбург, как поговаривали, бывший в подкреплявших сей «идейный альянс» неофициальных интимных отношениях с супругой Стасюлевича Лидией Исааковной²³. Гинцбург был человеком весьма религиозным. Его любимой фразой, причем не только во время общения с собратьями-иудеями, была: «Да ведь в талмуде давно уже сказано так-то и так-то...»²⁴

Когда в 1863 г. в С.-Петербурге было образовано «Общество для распространения просвещения между евреями в России» (задачи и значение которого в действительности были много шире заявленного в названии), на первом же его заседании 17 декабря 1863 г. в почётные члены его были избраны почти все руководители тогдашней *либеральной* журналистики (между прочим, отнюдь не евреи): А. А. Краевский (редактор «Голоса» и «Отечественных записок»), В. Ф. Корш («Санкт-Петербургские ведомости»), А. Скачков («Биржевые ведомости»), П. Усов («Северная пчела»), И. В. Вернадский («Экономист») и другие²⁵.

Так закладывались основы власти «разбойников пера и мощенников печати», этих, по словам Ф. М. Достоевского, «субсидиров»²⁶ мирового кагала, обеспечивавших легальное прикрытие необъявленной войны против Русского Царя и Его России.

Недаром на докладе министра внутренних дел В. К. Плеве 1883 г. о роли либеральной печати в возникновении и распространении нигилизма в России Император Александр III начертал

кратко и весьма определенно: «...Надо идти *прямо и решительно* против всей этой литературной сволочи»²⁷.

«И поделом этому скоту»²⁸, – написал Государь на докладе министра внутренних по поводу закрытия “Голоса” Краевского в том же 1883 году. Иная реакция была на это у С. С. Полякова. «Я никак не могу примириться с мыслью, чтобы «Голос» таки не существовал, меня это, право, больше мучает, чем вас...»²⁹ – жаловался он Краевскому.

* * *

Первое покушение на Государя произошло в Санкт-Петербурге 4 апреля 1866 г. Стрелял Дмитрий Каракозов из террористического центра под коротким «говорящим» названием «Ад».

Первое его слово – и это очень характерно – было: «Я, русский»³⁰. Это, значит, что он готовился именно *так* ответить. Кому-то *именно эта русскость* была почему-то крайне важна.

Но вот один из первых поэтических откликов на покушение:

*Кто ж он злодей? Откуда вышел он?
Из шайки ли злодейской,
Что революцией зовется европейской?
Кто б ни был он, он нам чужой,
И нет ему корней ни в современной нам живой,
Ни в исторической России*.*

То же читаем в первых корреспонденциях о покушении в катковских «Московских ведомостях»: «Никто не хочет верить, чтобы злодей был действительно настоящий русский; какие ни подбирайте доводы, не придумаете мотива, который в силах был бы побудить русского на цареубийство. Если бы, паче чаяния, злодей и оказался таковым, то он, очевидно, может быть только орудием партии, конечно, *нерусской*, ибо ничто не может быть враждебным самому себе»³¹.

Обращает на себя внимание, что наша либеральная общественность западнического толка *посмела* и в этих явно неблагоприятно складывающихся для нее обстоятельствах проводить все же свою линию. «...Есть люди, – читаем в тех же “Московских ведомостях”, – столько безсовестные, что даже и в эту минуту, при первом серьезном внимании, обращенном на зло, начинает говорить о какой-то будто бы начинающейся у нас реакции, грозящей нашему общественному про-

* Аполлон Майков.

грессу. Политические злоумышленники [...] начинают возбуждать в обществе толки о том, что слишком сильные действия против нигилизма угрожают нашему прогрессу и просвещению и что с либеральной точки зрения не следует желать, чтобы исследование дела простиралось слишком далеко и глубоко. Толки эти идут из Петербурга...»³²

«...Здесь, – писал в апреле 1866 г. из Петербурга Ф. М. Достоевский, – очень многие верят, что дело так и кончится одними нигилистами, а корень зла скажется разве только через несколько лет, сам собою, путем историческим»³³. Так, собственно говоря, и вышло.

Тщательно изучавший прошлое Русской Земли и одновременно чрезвычайно внимательный и чуткий к современным ему общественным процессам Д. И. Иловайский писал: «В 1866 году, вслед за усмирением польского восстания и за наделом землёю польских крестьян, совершается покушение Каракозова. Следственная комиссия не сумела добраться до его корней; но русское общественное мнение сильно заподозрило тут участие польской революционной партии, и действительно, в следующем году эта партия обнаружила себя с покушением Березовского»³⁴.

Второй выстрел прозвучал действительно ровно через год в Париже 25 мая 1867 года. Стрелял поляк Антон Березовский. На первый вопрос: «Как могли вы стрелять в Государя, находящегося здесь в качестве гостя Франции...?» – последовал весьма характерный ответ: «Я совершил большое преступление *против Франции*». И Березовский заплакал.

Через несколько дней парижские адвокаты, собравшись с духом, вышли демонстрировать в пользу «говнюка Березовского»³⁵ (Достоевский), во время которой оглашали стогны французской столицы криками: «Vive la Pologne!»

О том, что все эти воображавшие себя спасителями народа революционеры и террористы в действительности были лишь безродной шайкой *извергов*, в точном понимании этого слова, лучше всего свидетельствуют воспоминания самих т.н. «народников», подтверждающие полный провал их попыток «хождения в народ» в 1874 году. Крестьяне, составлявшие в то время 9/10 населения Российской Империи, как правило, вязали приходивших к ним «буревестников» и сдавали их чинам полиции. Бывало, правда реже, и по-другому. «Раз идём мы с товарищем по дороге, – рассказывал П. А. Кропоткину С. Кравчинский. – Нагоняет нас мужик на дровнях. Я стал толковать ему, что податей платить не следует, что чиновники грабят народ и что по Писанию выходит, что надо бунтовать. Мужик стегнул коня,

но и мы прибавили шаг. Он погнал лошадь трусцой, но и мы побежали вслед, и всё время продолжал я ему втолковывать насчёт подачей и бунта. Наконец мужик пустил коня вскачь, но лошадёнка была дрянная, так что мы не отставали от саней и пропагандировали крестьянина, покуда совсем перехватило дыхание...»³⁶ Что тут можно сказать? – Пожалуй, лишь, что насильно, как говорят, мил не будешь. Этот провал, отчасти, толкнул неудачников к террору.

Основная причина (хотя и не столь явная) была, однако, иная...

О том, какая духовная отравка готовилась для России, свидетельствовала инструкция, составленная для своих единомышленников одним из вождей польского восстания 1863–1864 гг. Людвигом Мерославским: «Неизлечимым демагогам нужно открыть клетку для полёта за Днепр. Пусть там распространяют казацкую гайдамагчину против попов, чиновников и бояр, уверяя мужиков, что они стараются удержать их в крепостной зависимости. Должно иметь в полной готовности запас смут и излить его на пожар, зажжённый уже во внутренностях Москвы. Вся агитация малороссианизма пусть перенесётся за Днепр... Вот весь польский герценизм! Пусть он издали помогает польскому освобождению, терзая сокровенные внутренности Царизма... Пусть себе заменяют вдоль и поперёк анархией Русский Царизм, от которого, наконец, освободится и очистится соседняя нам московская народность. Пусть обольщают себя девизом, что этот радикализм послужит “для нашей и вашей свободы” (слова Герцена из статьи “Колокола”). Перенесение его в пределы Польши будет считаться изменой отчизне и будет наказываться смертью, как государственная измена...»³⁷

Так появилось на свет «украинофильство», поддерживаемое впоследствии всеми врагами России (Австро-Венгрией, Германией, США). С ним нам еще придется встретиться на заключительных страницах этой книги.

Вкусив первые его отравленные плоды, Русское Правительство в 1875 г. закрыло Юго-Западное отделение Географического общества, ставшее, под прикрытием науки, рассадником этого антигосударственного сепаратистского движения. Тогда же из Киевского университета св. Владимира был изгнан один из главных адептов инспирированного недругами России «украинофильства» профессор М. П. Драгоманов, бежавший за границу. Впоследствии, уже после смерти М. Бакунина, лондонская «Times» рекомендовала его как «руководящий ум», жилище же его в Женеве именовала «штаб-квартирой нигилизма», откуда террористы получали приказы убивать³⁸.

Именно с этими, ныне почти что забытыми, событиями в Киеве историк Д. И. Иловайский связывал причину возобновления покушения на цареубийство: «...Покушения прекратились, было, на целые двенадцать лет. Они возобновились в 1879 году. А вообще революционная агитация усилилась с 1877 года, одновременно с тою освободительной войною, которую тогда предприняла Россия. Что же такое произошло в этот промежуток, что возбудило анархистов? Ничего более, как помянутые меры 1875 и 1876 годов»³⁹.

Более планомерный, организованный характер «охота на Русского Царя» приняла вместе с окончательным структурным оформлением летом 1879 г. боевой организации т.н. «Народной воли» – «Исполнительного комитета». Первой же его акцией стало вынесение 26 августа 1879 года «смертного приговора» Императору Александру II. Первым среди народовольцев мысль об этом пришла еврею Г. Д. Гольденбергу и поляку Л. А. Кобылянскому. Произошло это еще в марте 1879 года.

«Для осуществления этой, – читаем в полицейском протоколе, – мысли Гольденберг, по прибытии в Петербург, обсуждал этот вопрос с Зунделевичем и Александром Михайловым... По словам Гольденберга, он первым вызвался осуществить этот замысел, а за ним предложил свои услуги Кобылянский, но предложения их не были приняты на том основании, что Гольденберг – еврей, а Кобылянский – поляк, тогда как признавалось необходимым, чтобы покушитель был непременно русский...»⁴⁰ Так, подобно тому, как это было устроено в *русской* либеральной прессе (о чем мы писали), создавалась иллюзия «*русского* освободительного движения».

«...Откровения Гольденберга, – считал Д. И. Иловайский, – подтвердили и прежде существовавшую догадку, что для совершения цареубийства систематически выбирались люди с чисто русскими, т.е. великорусскими фамилиями, конечно, для того, чтобы придать всему делу якобы исключительно русский характер и притом исключительно социалистический»⁴¹.

Этого не отрицала и революционерка В. Фигнер: «...Вопрос об участии еврея или поляка в покушении на Государя был сразу же устранен. Мотивом при этом было устранить всякую возможность каких-либо репрессий против угнетаемых национальностей. Это должно быть непременно дело русского»⁴².

2 апреля 1879 г. в Летнем Саду в Петербурге на Государя выпускают русского сельского учителя Александра Соловьева. Ни один из пяти выстрелов не достиг цели.

Все сказанное, разумеется, не значит, что поляки и евреи, которых среди террористов был явный переизбыток, сидели без дела. Приведем ряд сведений, которые собрал И. Дронов в недавно изданной интереснейшей работе:

«9 февраля 1879 года Григорий Гольденберг убил харьковского губернатора Д. Н. Кропоткина. Он же сыграл ведущую роль в подготовке взрыва Царского поезда под Москвой в ноябре 1879 г. В этом преступлении непосредственно был замешан также и Айзик Арончик. В феврале 1880 г. И. И. Млодецкий стрелял в Лорис-Меликова, бывшего тогда фактически главой Российского государства. Геся Гельфман судилась за участие в царубийстве 1 марта 1881 года...

В 1890 году за покушение на царубийство была осуждена Софья Гинсбург. «Нигилистка-жидовка Гюнцбург, – отмечал тогда в дневнике генерал Киреев, – присуждена к смертной казни, но прощена Государем... Гюнцбург очень хорошенькая и влюбляла в себя молодёжь... [но] отдавалась своим любовникам не иначе как взявши с них клятву, что они убьют Государя!»⁴³

...В рядах революционного движения поляки и евреи шли рука об руку. Помимо покушения Антона Березовского на Александра II в 1867 г., поляки «отличились» ещё в марте 1879 г., когда Леон Мирский лихо стрелял в шефа жандармов Дрентельна; в ноябре 1881 г., когда Н. М. Санковский пытался убить начальника Императорской охраны П. А. Черевина; в 1890 г., когда Станислав Подлевский застрелил в Париже военного прокурора генерала Стрельникова. Наконец, 1 марта 1881 года взрыв бомбы Игнатия Гриневицкого оборвал жизнь Государя»⁴⁴.

«...Организация подпольных шаек и весь образ их действия, – отмечал Д. И. Иловайский, – сильно напоминают польскую справу шестидесятых годов. [...] Второй элемент, ясно выдающийся и даже бьющий в глаза, это революционеры из евреев. В последних процессах, убийствах, покушениях и университетских беспорядках они выступают едва ли не самым деятельным элементом»⁴⁵.

В марте 1879 г. К. П. Победоносцев писал о том же Е. Ф. Тютчевой: «Я не имею никакого сомнения, что весь нынешний террор того же происхождения, как и террор 1862 года, только придуманный искуснее прежнего, а наши безумные, как всегда, идут, как стадо баранов. Всё спокойное в Западном крае и Польше. Поляки хвалятся этим и отводят глаза, – но всё это нарочно устроено. Агитация, заговор кинжальщиков – всё это перенесено сюда... Главным сознательным орудием служат жиды – они ныне повсюду первое орудие революции. Посмотрите: все эти покушения посредством всадников с рысаками под рукою, – разве всё это не носит на себе печать польского изобретения? В журналах агитируют тоже поляки...»⁴⁶

Так же считал и известный русский историк Д. И. Иловайский. «Я всегда высказывал убеждение, – писал он в марте 1881 г., – что русские нигилисты и социалисты – только грубое, нередко бессознательное орудие:

что их направляют на преступления цели политические, т.е. не столько враги собственности и общественного порядка, сколько внутренние и внешние враги Русского государства, Русской национальности..»⁴⁷ «...В них-то я и вижу собственно так называемое панургово стадо. Во всей этой подпольной шайке только наши недоучки и составляют элемент социальный или анархический по принципу, – элемент, не имеющий национальных мотивов. Каракозовы, Соловьевы и Рысаковы суть именно те грубые, бессмысленные орудия, которые действительно уловлялись в сети с помощью социальной пропаганды, которые сами не знали, для какого дела, для каких целей они служили орудием»⁴⁸.

«Евреи и поляки, – пишет И. Дронов, – в едином теле Российского государства составляли наиболее мощный – тысячелетней выработки – сегмент “внутреннего Запада”, национально и религиозно несовместимый с русской православной традицией. Понятно, что в любом противостоянии России и Запада они оказывались в авангарде антирусской борьбы.

.. Даже те евреи и поляки, которые порвали со своей традицией и заявили себя атеистами, а таковых было большинство в либерально-интеллигентной среде, тем не менее, в глубинах подсознания, безусловно, сохраняли устойчивую, завещанную веками, неприязнь: евреи – к христианству вообще, поляки – специально к православию...

...Борьба поляков и евреев против русского государства и, следовательно, против русского народа, вполне, быть может, оправданная, с их национальной точки зрения, лживо прикрывалась социальной демагогией, лозунгами борьбы за счастье и свободу якобы самого этого русского народа»⁴⁹.

В связи со всем сказанным следует, однако, определенно сказать, что без широкой поддержки русской общественности террор (если бы в этом случае, правда, на него решились) тут же бы захлебнулся, а его организаторы были бы либо уничтожены, либо надежно нейтрализованы Русской Властью.

Но все сложилось по-другому. «Значительная часть общества, – писал, вспоминая годы своей студенческой юности, П. Н. Милюков, – и всё либеральное общественное мнение втайне сочувствовали революционерам...»⁵⁰

Сплотка либералов с революционерами была по глубинному своему существу своеобразным союзом *отцов* и *детей*.

«Глядя на Запад, – писал в одной из своих статей 1768 г. Н. Н. Страхов, – мы, если преклонялись перед его духовной жизнью, то должны были последовательно отрицать *всю* русскую жизнь, *весь* её смысл»⁵¹.

Как это получалось на деле, видно на примере И. С. Тургенева, этого, по определению Ф. М. Достоевского, «русского изменника»⁵². «Он сам говорил мне, – рассказывал в письме А. Н. Майкову

Федор Михайлович, – что главная мысль, основная точка его книги [“Дым”] состоит в фразе: “Если б провалилась Россия, то *не было бы* никакого ни убытка, ни волнения в человечестве”. Он объявил мне, что это его основное убеждение о России. [...] Он объявил мне, что он окончательный атеист. [...] Ругал он Россию и русских безобразно ужасно. [...] Я перебил разговор [...] и как-то, совсем без намерения, к слову, высказал, что накопилось в три месяца в душе от немцев: “Знаете ли, какие здесь плуты и мошенники встречаются. Право, черный народ здесь гораздо хуже и безчестнее нашего, что глупее, то в этом сомнения нет. Ну вот Вы говорите про цивилизацию; ну что сделала им цивилизация и чем они так очень-то могут перед нами похвастаться!” Он побледнел (буквально, ничего, ничего не преувеличиваю!) и сказал мне: “Говоря так, Вы меня *лично* обижаете. Знайте, что я здесь поселился окончательно, что я сам считаю себя за немца, а не за русского, и горжусь этим!”»⁵³.

Вольно ж было после этого Щедрина писать, что подобные антизападнические выпады Достоевский писал «руками, дрожащими от гнева». Да как иначе и писать-то было? Неужто, как говорил Майков, друзья Тургенева да и он сам и впрямь могли вообразить, что «Россия на коленях примет всё, что он плюнет»?⁵⁴

Придет время, и неудавшийся доброволец 1876 г. В. М. Гаршин, впоследствии в своих рассказах о русско-турецкой войне 1877–1878 гг. публично позоривший Русскую армию, противопоставит «кроткое сиянье» Тургенева «блеску» «царства деспотов земных»:

*Исчезнут все венцы, престолы,
Порфиры всех земных царей,
Но чистые твои глаголы
Все будут жечь сердца людей*⁵⁵

В Германии же Ф. М. Достоевский столкнулся с постоянно там жившим одним русским барином, аккуратнo раз в год приезжавшим в Россию «получить доход» со своих имений, заявившим писателю: «Цивилизация должна сравнять всё, и мы тогда только будем счастливы, когда забудем, что мы русские, и всякий будет походить на всех». Из дальнейшего разговора, правда, стало ясно, что в действительности стоит за всем этим всесмесительным интернационализмом:

- А вы не любите Каткова? – спросил Достоевский.
- Он подлец.

– Почему?

– Потому что поляков* не любит⁵⁶.

Выходит, все-таки, различал этот «всечеловек» национальности, желая растворения во вселенской смази почему-то лишь одних русских...

Таковы были «отцы».

А вот и «дети»...

«Нигилизм, – определял Н. Н. Страхов, – есть не что иное, как крайнее западничество – западничество, последовательно развившееся и дошедшее до конца...»⁵⁷ «Все нигилисты, – дополнял его Ф. М. Достоевский, – суть социалисты. Социализм (а особенно в русской переделке) – именно требует отрезания всех связей»⁵⁸.

Заложниками этой большой и чуждой для нас игры стали русские мальчики и девочки. Это после первого же выстрела в Русского Царя сразу же почувствовал Ф. М. Достоевский: «...У русских, бедненьких, беззащитных мальчиков и девочек, есть еще свой, вечно пребывающий *основной* пункт, на котором еще долго будет сидеть социализм, а именно, энтузиазм к добру и красота их сердец. Мошенников и пакостников между ними бездна. Но все эти гимназистики, студентики, которых я так много видал, так чисто, так беззаветно обратились в нигилизм во имя чести, правды и истинной пользы! Ведь они беззащитны против этих нелепостей и принимают их как совершенство. Здравая наука, разумеется, всё искоренит. Но когда *еще* она будет? Сколько жертв поглотит социализм до того времени? [...] ..Бедняжки убеждены, что нигилизм – дает им самое полное проявление их гражданской и общественной деятельности и свободы»⁵⁹.

В «малодушии столь многих отцов» Федор Михайлович видел причину «дикого безумства детей их, *уверовавших в злодейство и искренно ему поклонившихся*»⁶⁰.

Взаимодействие либералов и нигилистов образно показал М. Н. Катков: «...Революционер говорит правительству: “Уступи, или я буду стрелять!”, а либерал говорит правительству: “Уступи, или он будет стрелять!”»⁶¹

Они были нужны друг другу, как сиамские близнецы... Одни убивали, а другие шантажировали, вырывая выгодные уступки.

* Подставьте вместо этого слова *еврей* – и вы получите вполне современного политкорректного отечественного интеллигента или «среднего европейца». – С. Ф.

Вспомним в связи с этим хотя бы земскую фронду с ее навязчивой идеей «самоуправления», из которой никогда так ничего и не вышло. Но под прикрытием демагогии некоторые наиболее продвинутые земства приняли «отчетливо мафиозные очертания»⁶².

Ряд респектабельных представителей образованного класса не брезговал прямо и опосредованно финансировать цареубийц. Скончавшийся в 1877 г. поэт Н. А. Некрасов завещал на нужды революции 500 тыс. рублей⁶³. Другой классик русской литературы И. С. Тургенев в 1870-е гг. субсидировал издание радикальной эмигрантской газеты «Вперед!»⁶⁴. Напомним, что годовой бюджет Исполнительного комитета «Народной воли», по признаниям одного из его видных деятелей Л. Тихомирова, составлял 60 тысяч рублей⁶⁵. Сумма по тем временам немалая.

Зная все тайные недуги, которым страдало русское общество, Ф. М. Достоевский ставил вопрос едва ли не самый важный, с предельной простотой обнажающий главную язву того времени:

«Зимний Дворец только что был взорван, – вспоминал А. С. Суворин события начала февраля 1880 г. – Достоевский говорил о том, что мы все ужасно неискренни и лицемерны, что, в сущности, мы сочувствуем всем этим покушениям и только притворяемся.

– Ну, например, представьте себе, вы или я, мы стоим у магазина Дациаро и слышим, что нигилист говорит другому, что через десять минут Зимний дворец будет взорван. Пошли бы их предупредить? Едва ли. Я сомневаюсь. А уж схватить этих нигилистов или указать на них полиции, да это и в голову не пришло бы. А ведь мы с вами вот как негодуем против этих преступлений и говорим против них. Что же другие? Другим и подавно до этого дела нет»⁶⁶.

В «Бесах» Достоевский пошел еще дальше, обострив и как бы еще более обнажив суть вопроса. Сначала Верховенский на сборище «у наших» ставит уже известный нам вопрос: «Если бы каждый из нас знал о замышленном политическом убийстве, то пошел ли бы он донести, предвидя все последствия, или остался бы дома, ожидая событий?»

И получает на него известный ответ: «Агентом тайной полиции никогда не бывал-с [...] Разумеется, *не* донесу!»⁶⁷

Но на этом Верховенский не останавливается:

«– Ну, а если бы вы знали, что кто-нибудь хочет убить и ограбить другого, обыкновенного смертного, ведь вы бы донесли, предупредили?»

– Конечно-с, но ведь это гражданский случай, а тут донос политический»⁶⁸.

Иностранцы коноводы весьма умело смогли воспользоваться этим бездумным, легкомысленным, ложно понимаемым благородством и порядочностью оторвавшегося от родных своих корней образованного русского общества и молодежи, используя эти заблуждения в своих грязных целях для разрушения дома и самого благополучия наших легковерных дурачков.

(Заметим, что согласно «Уложению о наказаниях» (ст. 241) за «всякое злоумышление и преступное действие против жизни, здоровья или чести Государя Императора и всякий умысел свергнуть Его с Престола, лишить свободы и власти верховной, или же ограничить права оной, или учинить священной Особе Его какое-либо насилие» полагалась смертная казнь. Наказуемым был и «обнаруженный только умысел» (ст. 242). Одинаковое наказание распространялось на укрывателей и недоносителей (ст. 243)).

Об этом же почти в одних и тех же словах говорилось в «Присяге производимому во священника» и в «Воинской присяге». «...О ущербе же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися», – произносил каждый рукополагаемый, завершая: «В заключение сего клятвенного обещания моего целую слова и Крест Спасителя моего. Аминь». Поступающие же на воинскую службу клялись: «Об ущербе же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать потщуся... В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь»).

Неумение, а иногда и нежелание властей бороться с крамолой, благоприятное общественное мнение, излишне либеральствующие судебные учреждения и особенно адвокатура, рекрутировавшаяся, как правило, из евреев и поляков, – все это существенно поддерживало террористов.

Знавший Кавказ не понаслышке, известный русский журналист и историк В. Л. Величко писал, имея в виду реалии конца XIX – начала XX века: «...На Кавказ разновременно было выслано или принято на службу довольно много *поляков*, не примирившихся с русской государственностью и не останавливающихся перед самыми иезуитскими средствами, чтобы вредить русскому делу. Плоды их разрушительной работы и доселе можно проследить в не-

которых местах. Являясь по языку и мундиру пришлыми русскими чиновниками, они эксплуатировали, притесняли и дразнили народную массу, роняя, опорочивая в ее глазах русское имя, а наряду с этим сближаясь с безпокойнейшими слоями разноплеменной туземной интеллигенции, порождая и обостряя в ней отрицательное отношение к русской государственности. По многим признакам, *есть, в частности, серьезное основание утверждать, что некоторые местные волнения начинались не без польских внушений, и что армянская инсurreкционная программа [...] есть лишь выработанная в тридцатых и усовершенствованная в шестидесятих годах разновидность подобной же программы польского жонда*»⁶⁹.

О том, что служба многих польских священнослужителей-католиков имела гораздо большее отношение к политике, нежели к вере, имеется также немало свидетельств. Вот одно из них, относящееся к середине 1880-х годов. По словам командира расквартированного в Сувалках, на самой границе с Германией, 6-го драгунского Павлоградского полка, случилось умереть солдату четвертого эскадрона, католику. Командиру эскадрона подполковнику Паевскому, также католику, было приказано «устроить похороны с соблюдением как религиозного обряда, так и почестей по воинскому уставу».

Настоятелю католического костела была послана соответствующая официальная бумага. Далее события, по словам командира полка, развивались следующим образом: «После целого часа ожидания в костел был послан вахмистр и, возвратившись, доложил, что все кругом там заперто, а достучаться он не мог.

Тогда я приказал поднять гроб на носилки и отправиться всей церемонией к костелу. Гроб был поставлен на ступеньках перед церковными дверьми, и я просил самого Паевского добиться ксендза и заявить, что покойник и караул останутся на площади, пока обряд погребения не будет совершен.

Через полчаса, по крайней мере, открылись ворота костела, вышел ксендз с причетником, произнес над гробом несколько латинских слов, сухим кропилом мотнул два раза по крышке и ушел обратно.

Мы все ожидали, что затем последует внесение тела в храм, поэтому не трогались с места.

Через некоторое время мы убедились, что ждать больше нечего. Поэтому, покинув храм, в котором нас так неприветливо встретили, мы в сопровождении толпы любопытных, жаждавших знать, чем это закончится, отправились на кладбище. [...]

На кладбище, где была приготовлена нашими же павлоградцами могила, после прочитанных наших уже, православных, молитв, тело предано было земле»⁷⁰.

«Демонстративно-враждебным поведением ксендза» был возмущен не только эскадронный командир-католик, но и местный католический епископ, которому за безобразие на паперти костела дал нагоняй командующий войсками Виленского военного округа генерал И. В. Гурко. (С этим прославленным генералом шутки были плохи.)

Польский костел в Русской Польше умело использовал и межнациональные браки. Генерал А. И. Деникин вспоминал, как один польский ксендз не дал его матери, урожденной Вржесинской, на исповеди «разрешения грехов и не допустил к причастию, потребовав, чтобы впредь она воспитывала тайно своего сына в католичестве и польскости...»⁷¹ Возмущенный отец, узнав об этом, дал ксендзу крепкую нахлобучку. Но и только. Местом обитания этого служителя польской идее по закону должна была стать Сибирь. А вот какой был итог в действительности: **«Конечно!**], никакой огласки дело не получило». Государственный преступник остался на свободе и мог, после короткого испуга, снова приступить к своей работе «своротителя».

Таковы же были «охранители» и на самом верху. Вот что, например, читаем мы о министре внутренних дел Империи и диктаторе в записке неизвестного, написанной вскоре после царевбийства и хранившейся в архиве К. П. Победоносцева: «Граф Лорис-Меликов человек честный в том смысле, что он не брал и не берет взятки; но вместе с тем это крайне честолюбивый и властолюбивый, совершенно безсердечный эгоист, и по своему умственному и нравственному склону – человек чисто восточный: ум его хитрый и лукавый, но отнюдь не дальнзоркий и не глубоко проницательный и весьма односторонне развитый жизненной практикой и интригами в сношениях с восточными людьми. Благородного, широко государственного в этом уме ничего нет. [...] ...России и русского народа он не понимает и совершенно чужд им по своим сердечным влечениям. Он не предан Царю и **никогда не подвергнет за Него свою жизнь опасности.** [...] Гр. Лорис-Меликов познакомился только с внешними проявлениями этого [социального] вопроса у нас в России, из наших политических процессов, и главным источником в этом отношении ему служили показания преступника Гольденберга. [...] ... Для крамолы-то гр. Лорис-Меликов оказался не только не опасным, а именно тем человеком, который ей нужен был. Не армянин перехитрил жида,

а жид – армянина. Не гр. Лорис-Меликов обошел Гольденберга, а Гольденберг понял гр. Лорис-Меликова и провел его. Крамольники тотчас же поняли, что гр. Лорис-Меликов попал к ним в ловушку, и, после покушения [на него] Млодецкого, оставили его в покое»⁷².

Один из бомбометателей-«первомартовцев» Рысаков в январе 1881 г. в одном из частных писем признавался: «Граф Лорис-Меликов нам дарует все виды свобод; это не жизнь, а масленица...»⁷³

Именно в эпоху этого министра внутренних дел, которого в придворных кругах называли «вице-императором», возникают наиболее крайние либеральные периодические издания. Появилась даже газета «Гласность», откровенно названная ее издателем г-ном Иероглифовым «органом научного социализма и масонства». Особенно тесно граф сотрудничал с крупнейшими либеральными издателями А. А. Краевским и М. М. Стасюлевичем.

И он был далеко не одинок. Отличавшийся либеральными настроениями председатель Департамента государственной экономики А. А. Абаза был тесно связан с еврейским банкиром Рафаловичем, за жульнические махинации с которым, в конце концов, был с позором изгнан при Императоре Александре III⁷⁴.

Следующие, после Соловьева, два покушения на Государя Александра II (также ни к чему не приведшие) – попытки взорвать Царский поезд. Первое последовало 18 ноября 1879 г. в окрестностях г. Александровска Екатеринославской губернии. Андрей Желябов соединил провода, но взрыва не последовало. Произошедший на следующий день, 19 ноября, взрыв повредил поезд с царской прислугой. Обошлось без жертв.

«Что они имеют против Меня, эти несчастные? – узнав о готовившемся на Него покушении, сказал Царь. – Что они травят Меня, как зверя?»⁷⁵

Казалось бы, после взрыва, прогремевшего 5 февраля 1880 г. в Зимнем Дворце, благодущию должен был наступить конец. Устроившийся там под видом истопника Степан Халтурин взорвал грандиозную адскую машину. Погибло 11 солдат Л.-Гв. Финляндского полка, стоявших в карауле. Десятки были покалечены.

На похоронах жертв Александр II, едва сдерживая рыдания, сказал: «Кажется, что мы ещё на войне, там, в окопах под Плевной!»

Семьи убитых были зачислены на вечный пансион. На памятник героям-финляндцам на Смоленском кладбище со всей России было собрано 100 тысяч золотых рублей. Обезображенный в советское время, ныне этот памятник восстановлен.

Переломным в истории России стало 1 марта 1881 года. Зверь из бездны попробовал Царской Крови.

«Бог наказал нас таким горем, таким позором! – писал в ночь с 1 на 2 марта К. П. Победоносцев. – [...] Что теперь будет? Спаси нас Господи!»⁷⁶

Реакция народа на цареубийства была вполне определенной, о чем свидетельствует полицейская хроника тех дней: простонародье без разбора било студентов, господ в очках или еврейской наружности. Прошли первые еврейские погромы.

Так же считал и Ф. М. Достоевский, вполне определенно писавший в первой половине февраля 1880 г.: «Эти юные русские силы, увы столь искренно заблудившиеся, подпали наконец под власть силы темной, подземной, под власть врагов имени русского, а затем и всего христианства»⁷⁷.

Генерал А. И. Деникин, живший в то время в одном из подобных Калишу польских городков, вспоминал: «В нашем городке – в переполненной молящимися православной церкви, в русских семьях, в нашем доме – люди плакали. Как отнеслось к событию польское население, я тогда оценить не мог. Помню только, что в течение нескольких дней город был погружен в жуткую тишину и пустоту. По распоряжению растерявшегося местного начальства в полупустевшем городе ездили конные уланские патрули, и лягз конских копыт, в особенности ночью, усиливал тревожное настроение, которое можно передать словами польского поэта:

*Тихо вшендзе, глухо вшендзе.
Цо то бэндзе, цо то бэндзе...**⁷⁸

Но как-то обошлось...

Как писал по поводу другого убийства, совершенного 30 лет спустя, уже в Киеве, второй составляющей могучего подрывного союза стороной, проникательный В. В. Розанов, «евреи и еврейство [...] пощупали русских на тельце Юшинского, как стекло испытывается на алмаз. Святые страдания Андриюши... [...] ...Евреи “попробовали” на этих страданиях сердце... [...] Сердце не задрожало. [...] И тогда евреи, естественно, сказали: – О, мы свободны!!! – Теперь-то мы уж свободные и *все можем* в этой подлой России. Где родители не плачут о детях своих, где брат продает брата... [...] Русское общество молчит. Т. е. счастливо улыбается собственной щедрости. [...] Евреи

* «Тихо всюду, глухо всюду. / Что то будет, что то будет...» (польск.).

повернулись друг к другу: – Мы – *решительно все можем!!* Они даже детскую кровь продают, эти милые демократы, эти просвещенные русские. Эти о-т-лич-ные русские!!! [...] “В России для нас *все возможно*”, – без сомнения говорят теперь везде по еврейским гостиным, по еврейским залам, по еврейским деловым кабинетам»⁷⁹.

Но в 1881-м до этого было еще далеко. Графу Льву Толстому, осмелившемуся написать Императору Александру III письмо с просьбой о помиловании убийц Его Отца, и переславшему его для передачи К. П. Победоносцеву, сей последний с достоинством отвечал: «...Прочитав письмо ваше, я увидел, что ваша вера одна, а моя и церковная – другая, и что наш Христос – не ваш Христос. Своего я знаю мужем силы и истины, исцеляющим расслабленных, а в вашем показались мне черты расслабленного, который сам требует исцеления. Вот почему я – по своей вере – и не мог исполнить ваше поручение...»⁸⁰

Государю Константин Петрович в те же трагические дни писал: «Я русский человек, живу среди русских и знаю, что чувствует народ и чего требует. В эту минуту все жаждут возмездия. Тот из этих злодеев, кто избежит смерти, будет тотчас же строить новые ковы. Ради Бога, Ваше Величество, – да не проникнет в сердце Вам голос лести и мечтательности»⁸¹.

Итог оказался совсем не таким, на какой рассчитывали террористы. Император Александр III сразу же недвусмысленно заявил: «Конституция! Чтоб Русский Царь присягал каким-то скотам»⁸². Нет, недаром еще при жизни убитого ими Государя нигилисты расклеивали по Петербургу прокламации с истошным призывом: «Долой Наследника!»⁸³

В 1890 г. на сланной в архив «Конституции Лорис-Меликова» Император начертал: «Слава Богу, этот *преступный и спешный шаг* к конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в совете министров весьма незначительным меньшинством...»⁸⁴

* * *

Остается рассказать о том, чем впоследствии, обретая волю, отвели русским поляки. К сожалению, об этом мало что известно широкому кругу наших читателей.

Эти факты – лучшая оценка мыслительным способностям наших прекраснодушных мечтателей, пусть и принадлежавших к т.н. славянофилам, а все же так и не сумевших вполне освободиться из-

под глыб либерального западничества. «Каждый смотрит на нее, – писал в 1855 г., имея в виду Польшу, наш известный любомудр И. В. Киреевский, – как на необходимую, но несчастную жертву, как на жалкую страданицу, только временно под русским гнетом вздыхающую»⁸⁵. И эту мысль Иван Васильевич пытался, между прочим, приписать русскому народу.

Пока он так рефлектировал, суровые практики, истинные представители польского народа, добившиеся – следует признать – действительных практических успехов, думали об ином.

«Еще мальчиком, – признавался глава Всероссийской ЧК кокаинист и садист Дзержинский, – я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей»⁸⁶.

А вот думы будущего «начальника государства» Пилсудского, организатора под кличкой «Дзюк» в Кракове* боевой школы Польской социалистической партии, выпускавшей для засылки в Россию убийц и грабителей⁸⁷. Признаваясь в своих чувствах время учебы в Виленской гимназии, позднее он вспоминал: «Я ненавидел врага и стыдился своего безсилия. Мне так хотелось вредить России»⁸⁸.

Для того, чтобы вполне понять, какие силы сдерживала Русская Армия в Царстве Польском, приведем лишь несколько фактов того времени, когда руки у этих ненавистников России оказались развязанными.

До сих пор замалчивается преступное содержание в 1920–1924 гг. русских военнопленных (причем не только красноар-

* Там, вне пределов Российской Империи, разрабатывались преступные планы. В течение 1905–1908 гг. в Царстве Польском «боювцами» Пилсудского было убито более тысячи членов русской администрации и частных лиц, произведено до 30 ограблений. Польские помещики на Холмщине, самым бесовестным образом эксплуатировавшие православных крестьян, в этом смысле выполняли директивы польских националистов. Последние открыто (устно и в печати) призывали поляков бойкотировать государственные учебные заведения, заставляя посылать своих детей в тайные польские школы. Прикрывало всю эту деятельность т.н. Польское коло – поляки, являвшиеся членами Государственной думы. Противостоявший этому националистическо-террористическому шабашу в западных губерниях Империи, премьер-министр П. А. Столыпин заявил одному из собеседников: «Поляки сильно любят свою Польшу и народ, почему им многое удается в борьбе с нами. Мы тоже с Вами преисполнены такими чувствами и потому не будем жертвовать интересами своей родины» («Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М., 2004. С. 470, 478–479, 480).

мейцев, но и белых, казаков и участников других антисоветских формирований) в польских концлагерях Тухола, Стржалково, Пикублице, Шчипёрно и других. Способ содержания, когда русских военнопленных замучивали до смерти, можно без каких-либо оговорок отнести к разряду военных преступлений⁸⁹.

Генерал А. И. Деникин, отец которого, будучи офицером, во время польского восстания 1863 г. «спасал» юных повстанцев, отпуская их на все четыре стороны, а мать и вовсе была полькой⁹⁰, вполне определенно писал о «жестоком и диком прессе полонизации, придавившем впоследствии русские земли, отошедшие к Польше по Рижскому договору (1921). Поляки начали искоренять в них всякие признаки русской культуры и гражданственности, упразднили вовсе русскую школу и особенно ополчились на Русскую Церковь. Польский язык стал официальным в ее делопроизводстве, в преподавании Закона Божия, в церковных проповедях и местами – в богослужении. Мало того, началось закрытие и разрушение православных храмов: Варшавский собор – художественный образец русского зодчества – был взорван; в течение одного месяца в 1937 году было разрушено правительственными агентами 114 православных церквей – с кощунственным поруганием святых, с насилиями и арестами священников и верных прихожан. Сам примас Польши в день святой Пасхи в архиерейском послании призывал католиков, в борьбе с Православием, “идти следами фанатических безумцев апостольских”...»⁹¹

К сожалению, Антон Иванович так и не осознал, что в этой вакханалии польского национально-католического безумия есть вина и его отца, бездумное прекраснодушие и преступная доброта которого, были по существу ничем иным как изменой присяге своему Государю. Впрочем, сын в марте 1917-го также пошел по протоптанной родителем тропке...

Не знал Антон Иванович, да и большинство наших современников также не ведают, что так было *всегда*, даже тогда, когда Россия не то что «не угнетала» Польшу, а и пальцем не трогала ее, когда, наоборот, поляки в течение многих (не лет или десятилетий!) – веков, где только можно, истребляли все православное, все русское.

Потрясающие сведения обо всем этом содержатся в «Истории Русов или Малой России», приписываемых архиепископу Белорусскому Георгию (Конискому, †1795). Обширные цитаты из нее впервые в русской печати появились в знаменитой рецензии А. С. Пушкина на выход в свет собрания сочинений Владыки в пер-

вой книге «Современника» за 1836 год. По словам великого поэта, то был «один из самых достопамятных мужей минувшего столетия», однако, «как историк» все «еще не оценен по достоинству», ибо «главное произведение Кониского остается до сих пор не изданным»⁹². Впервые оно увидело свет по определению Императорского общества истории и древностей Российских тщанием его секретаря известного слависта О. М. Бодянского в типографии Московского университета в 1846 году. Во второй раз его репринтом переиздали в Киеве в ...1991 году. Почти полтора века выходу его в свет мешала извращенно понимаемая «дружба народов».

Перелистав некоторые скорбные страницы этого труда, мы поймем «излишнюю горячность» Хмельниччины, которой нам тычут и продолжают тыкать в лицо, а мы при этом почти всегда, хотя бы и нехотя, но все же соглашаемся, забывая даже про учрежденный в переломном 1943-м орден Богдана Хмельницкого. Этот действительно *Богом данный* человек обратил в небытие «золотой период» польско-литовского еврейства⁹³. Евреи именовали его не иначе как «Хмель-злодей, да сотрется имя его!»⁹⁴ Сделанное им с запорожскими казаками они «сравнивали с разрушением Иерусалимского храма»⁹⁵. «Такое бедствие, – писал итальянский раввин, – не случалось с тех пор, как Израиль лишился своего государства»⁹⁶. И, думается, вовсе не случайно генерал Келлер принял впоследствии смерть именно близ памятника Великому Богдану.

Но, однако, вот что, согласно летописи, предшествовало той «горячности» казаков и их гетмана:

«Церкви русские силою или гвалтом обращались в Унию. Духовенство римское, разъезжавшее с триумфом по Малой России для надзора и понуждения к униатству, вожено было от церкви до церкви людьми, запряженными в их длинные повозки по двенадцати и более человек в цуг. На прислуги сему духовенству избираемы были поляками самые краснейшие из девиц русских.

Церкви не соглашавшихся на Унию прихожан отданы жидам в аренду, и положена за всякую в них отправу денежная плата от одного до пяти таллеров, а за крещение младенцев и похороны мертвых от одного до четырех золотых. Жиды, яко непримиримые враги христианства, сии вселенские побродяги и притча в человечестве, с восхищением принялись за такое надежное для них скверноприбытчество, и тотчас ключи церковные и веревки колокольные отобрали к себе в корчмы. При всякой требе христианской, повинен ктитору идти к жиду, торжиться с ним и, по важности отпавы,

платить за нее и выпросить ключи; а жид при том, насмеявшись довольно Богослужению христианскому и перехуливши все христианами чтимое, называя его языческим или, по их, гойским, приказывали ктитору возвращать ему ключи, с клятвою, что ничего в запас не отправлено»⁹⁷.

«...Пред праздником Воскресения Христова по всем городам и торжищам продаваемые мирянам обыкновенные на Пасху хлебы были под стражею урядников польских. Покупающий пасху униат должен иметь на груди лоскут с надписью: “Униат”; таковой покупает ее свободно; не имеющий же начертания того на груди своей платил дань по тинже и по половине ее от хлеба, смотря по величине и ценам тех хлебов. В знатнейших городах и торжищах отдан сбор сей пасочный также в аренду или на откуп жидам, которые, взимая дань сию без пощады, располагали еще и число пасок, какому хозяину сколько по числу семейства иметь их должно, и потому силою их накидали; а у таковых хозяев, кои сами пекли пасочные хлебы, досматривали жида и ценили при церквах на их освящении, намечая все хлебы как базарные, так и в домах печеные, крейдою и углем, чтобы они от дани не угонзули. И так производя жидовство над христианами в их собственной земле такую тяжкую наругу, сами между тем отправляли пасхи свои свободно и проклинали христиан и веру их в синагогах своих, на Русской земле устроенных, невозбранно; а поляки тем утешаясь, все пособия и потачки жидам делали»⁹⁸.

«Поляки, отличавшиеся всегда в условиях и клятвах непостоянными и вероломными [...]; а духовенство их, присвоив себе непомянутую власть на дела Божии и человеческие, определяло хранение клятв между одними только католиками, а с другими народами бывшие и у них клятвы и условия всегда им разрешало и отметало, яко схизматические и суду Божию не подлежащие.

По сим странным правилам, подлым коварством сопровождаемым, сведавши поляки через шпионов своих жидов о поезде гетмана Остряницы с штатом своим, без нарочитой стражи, в Канев, тут в монастыре его окружили многолюдною толпой войск своих, прошедших по ночам и байракам до самого монастыря Каневского, который стоял вне города. [...]

Они, перевязав весь штат гетманский и самого гетмана, всего тридцать семь человек, положили их на простые телеги, а монастырь и церковь тамошние, разграбив до последка, зажгли со всех сторон, и сами с узниками скоропостижно убрались и прошли в Польшу скрытыми дорогами, боясь погони и нападения от городов.

Приближаясь к Варшаве, построили они узников своих пешо, по два вместе связанных, и каждому из них накинули на шею веревку с петлею, за которую они ведены конницею по городу с триумфом и барабанным боем, проповедуя в народе, что схизматики сии пойманы на сражении, над ними одержанном; а потом заперты они в подземные тюрьмы и в оковы.

Жены многих захваченных в неволю чиновников, забравши с собою малолетних детей своих, отправились в Варшаву, надеясь умолишить и подвигнуть на жалость знатность тамошнюю трогательным предстательством детей за отцов своих. Но они сим только пищу кровожадным тиранам умножили и отнюдь ничего им не помогли; и чиновники сии, по нескольких днях своего заключения, повлечены на казнь без всяких разбирательств и ответов.

Казнь оная была еще первая в мире и в своем роде, и неслыханная в человечестве по лютости своей и варварству, и потомство едва ли поверит сему событию, ибо никакому дикому и самому свирепому японцу не придет в голову ее изобретение; а произведение в действо устрасило бы самых зверей и чудовищ.

Зрелище оное открывала процессия Римская со множеством ксендзов их, которые уговаривали ведомых на жертву малоросиян, чтобы они приняли закон их на избавление свое в чистцу; но сии, ничего им не отвечая, молились Богу по своей вере.

Место казни наполнено было народом, войском и палачами с их орудиями.

Гетман Остряница, обозный генеральный Сурмило и полковники Недрыгайло, Боюн и Рындич были колесованы, и им, переломавши поминутно руки и ноги, тянули из них по колесу жилы, пока они скончались; полковники Гайдаревский, Бутрим, Запальный и обозные Кизим и Сучевский пробиты железными спицами насквозь и подняты живые на сваи; есаулы полковые Постылич, Гарун, Сутига, Подобай, Харкевич, Чудак и Чурай и сотники Чупрына, Околович, Сокальский, Мирович и Ворожбит прибиты гвоздями к доскам, облитым смолою, и сожжены медленным огнем. Хорунжие Могиланский, Загреба, Скребыло, Ахтырка, Потурай, Бурлий и Загныбеда растерзаны железными когтями, похожими на медвежью лапу. Старшины Ментяй, Дунаевский, Скубрий, Глянский, Завезун, Косырь, Гуртовый, Тумар и Тугай четвертованы по частям.

Жены и дети страдальцев оных, увидя первоначальную казнь, наполняли воздух воплями своими и рыданием; но скоро замолкли. [Женам сим, по невероятному тогдашнему зверству, обрезавши

грудь, перерубили их до одной, а сосцами их били мужей, в живых еще бывших, по лицам их;] оставшихся же по матерям детей, бродивших и ползавших около их трупов, пережгли всех в виду их отцов на железных решетках, под кои подкидывали уголья и раздували шапками и метелками»⁹⁹.

В последнем абзаце квадратными скобками обозначен текст, не пропущенный цензурой при публикации его в 1836 г. А. С. Пушкиным¹⁰⁰. Поэт и раньше имел повод для недовольства цензурой. «Скоты! скоты! скоты!» – писал он по поводу цензоров, не согласавшихся пропустить в его «Братях разбойниках» слова «жид и харчевня»¹⁰¹. Своеобразная политкорректность первой половины XIX века!

Николаевская цензура щадила нервы читателя, подобно тому, как святитель Димитрий Ростовский, составляя свои многотомные жития святых, вырезал из старых текстов подробности страданий мучеников, которые они перенесли Христа ради. Он, конечно же, не ведал, что все им вымаранное, вырезанное, не включенное придется вновь претерпеть потомкам первых читателей его четых-миней, о чьих нервах он столь трогательно заботился. Ведь что касается «невероятных», с точки зрения летописца XVIII в., «тогдашних зверств», то они, как оказалось, вовсе не канули в прошлое и, когда в начале XX в. позволила сложившаяся ситуация, зверства эти не только повторились, но и во многом превзошли прежние. Примечательно, что их творцами вновь стало польско-еврейское руководящее составляющее ЧК. Для того, чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться со вторым томом воспоминаний товарища последнего Царского обер-прокурора Св. Синода кн. Н. Д. Жевахова.

Однако продолжим летописное повествование:

«Главные члены человеческие, отрубленные у замученных чиновников малороссийских, как-то: головы, руки и ноги, развезены по всей Малороссии и развешаны на сваях по городам.

Разъезжавшие притом войска польские, наполнившие Малороссию, [...] несколько раз повторяли произведенные в Варшаве люто-сти над несчастными малороссиянами, несколько раз варили в котлах и сожигали на угольях детей их в виду родителей, предавая самых отцов лютейшим казням.

Наконец, ограбив все церкви благочестивые русские, отдали их в аренду жидам, а утварь церковную, как-то: потиры, диски, ризы, стихари и все другие вещи, распродали и пропили тем же жидам, кои из серебра церковного поделали себе посуду и убранство, а ризы и стихари перешли на исподницы жидовкам; а сии тем пе-

ред христианами хвастались, показывая нагрудники и исподницы, на коих видны знаки нашитых крестов, ими сорванных. Таким образом, Малоросия доведена была поляками до последнего разорения, и все в ней подошло тогда некоему хаосу или смешению, грозящему последним разрушением. Никто из жителей не знал и не был обнадежен, кому принадлежит имение его, семейство и самое бытие их, и долго ли оно продлится. Всякий с потеряннем имущества своего искал покровительства то у попов римских унияетских, то у жидов, их единомышленников, а своих присяжных врагов, и не мог придумать, за что схватиться»¹⁰².

Именно после этого кровавого разгула и был выдвинут Богданом Хмельницким его знаменитый призыв: «Чтобы имя русское не изгладилось в Малой России! Чтобы на Русской земле не было ни жида, ни ляха, ни унии!»¹⁰³

В сказанном также «секрет» антипольских и антииудейских составляющих национально-освободительного и национал-сепаратистского движений в Малороссии, продолжающихся до сих пор. Тут весь «Тарас Бульба» Гоголя, «Кобзарь» Шевченко и многое еще другое. Перед лицом этого запечатленного летописцем зла бледнеют до полного выцветания все обличения *последующих* зверств запорожцев и малороссов еврейскими и польскими писателями и историками. Но и мы... знакомые с делом по басням Г. Сенкевича, а еще более по экранизациям их (на что деньги поляки – и не они одни только – не жалели), мы и до сих пор не знаем, как всё в действительности было...

Вот почему соединение Малороссии с Царством Московским есть акт не только величайшей справедливости, но и спасительный для веры Православной, ее святынь и самого физического существования населения края, прекративший массовый его геноцид. Таковым же было и значение так называемых разделов Польши (1772, 1793, 1795 и 1815 гг.) для западнорусского населения.

Ясны нам становятся теперь и истоки взаимопроникающего польско-еврейского симбиоза, антирусские, антиправославные действия которого не прекратило политическое уничтожение Польши. Этот прочно сваявшийся клубок просто изменил тактику, оставив в неприкосновенности главную свою стратегическую задачу – уничтожение Российской Империи, а, значит, в первую очередь, Царя и Его верных слуг.

ПОЛОСА НЕНАВИСТИ

Между тем, не ведающие обо всем этом, в том числе и по вине оберегающий покой и гармонию в Империи цензуры, молодые русские офицеры прибывали в свои полки, особенно на западных границах Империи (где, напомним, в основном были сосредоточены армейские кавалерийские части), сразу же попадая в тенета кагала.

Впрочем, часто все это начиналось еще в юнкерском училище. Один из выпускников Тверского кавалерийского училища вспоминает вопль местных евреев-поставщиков (портного и сапожника) Шапиро и Заборо к одному кредитоспособному юнкеру, которому после производства предстояло ехать в Ломжу: «Что Вы, Ваше Выс-ие будете там платить жидам, ведь мы же ваши?» – и «предложили ему, что кто-нибудь из них поедет в Ломжу и все сделает и устроит там»¹.

«Все, что требовалось для нашего обихода, – вспоминал офицер о своей службе в расквартированном в Варшаве Л.-Гв. Уланском Его Величества полку, – доставлялось еврейскими торговцами, быстро взявшими нас под свою опеку и сравнительной дешевой в отношении магазинных цен устранявшими всякую другую конкуренцию. О нашем обмундировании заботился полковой портной, он же приискивал квартиры для офицеров и обучал нашу прислугу как в своих интересах, так и не без удобств для нас: денщики сообщали ему о состоянии нашего обмундирования – что надо починить, что построить заново. Он зарабатывал на этом несколько рублей в месяц, а мы были всегда безупречно одеты, не имея надобности ломать голову соображениями, что и как по этой части предпринимать»². Так было в 1860-е годы.

А вот как описывает свое прибытие в Пинчев – место стоянки полка в Царстве Польском только что испеченный корнет уже во время последнего Царствования: «На улицах много народа, преимущественно евреев, из которых многие приветствовали корнета, снимая свои маленькие фуражки и низко кланяясь. Впереди виднелось здание гостиницы, куда и направился кучер. Не успел корнет еще подняться с сидения, как вдруг на подножку коляски вскочил [опередив посланного для встречи представителя полка] сравнительно молодой еврей и сняв фуражку, раскланиваясь и улыбаясь, быстро затараторил: “Ждравия желаем, Гашпадин корнет, пождравляю Вас ш приеждом, я буду Ваш фактор и мине звук Зелман”»³.

(До боли знакомая картина: почитайте хоть А. Ф. Вельтмана, описывавшего реалии Бессарабии времен пребывания там А. С. Пушкина. Везде и всегда одно и то же!)

Далее корнет расплачивался со всеми, начиная с извозчика, выбирал жилье, перевозил багаж, получал любую информацию обо всем окружающем и даже мылся с помощью вездесущего Зельмана. 75 процентов населения этого уездного городка было еврейским. Стриглись и брились у евреев. Полковой портной был тоже еврей. Вся торговля была в их руках.

Словом:

*Тридцать тысяч Циперовичей,
Тридцать тысяч Канторовичей,
Тридцать тысяч Лембич-Бровичей
И семьсот один Гордон!*⁴

Корнет-Александриец барон Г. К. Маннергейм свидетельствовал: «Офицерство [...] по самые уши в долгах у городских евреев...»⁵

Все были опутаны как кокон; не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, чтобы об этом не стало известно их миру. Это по крайней мере. Но могло быть и другое...

Вкрадчивость и услужливость, лицедейство, а также род занятий и место жительства по ту и другую сторону границы, их кагальные и родственные связи – все это превращало евреев в идеальных лазутчиков. Они шпионили, как мы видели, в пользу поляков. В Русской Польше – в пользу русских. Во время первой мировой войны – в пользу австро-германцев. И в этом мы не можем их обвинять. Но должны раз и навсегда сделать соответствующие выводы.

Если вспомним, что юные отпрыски парикмахеров, факторов, торговцев портных и сапожников сплошь и рядом участвовали в революционном движении, борясь с Русским Самодержавием бок о бок с поляками, которых среди подпольщиков тоже было хоть пруд пруди*, то тут, согласитесь, есть над чем подумать. О последующей их совместной работе в ЧК и говорить не стоит...

* «В отчёте Департамента полиции за 1887 год читаем: «Специальность разрушительных идей мало-помалу присвоил себе, главным образом, еврейский элемент, который очень часто фигурирует в составе революционеров (из числа социалистов, обнаруженных на юге в 1886–1887 гг., около 80 % было евреев)». (Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчёт. М., 1907. С. 356). В том же отчёте

Решительно противостоять всему этому можно и нужно было, в том числе и силой оружия.

Атмосфера в Калише, как и в других городах и местечках Русской Польши, создалась накаленная. «...Ему, как старшему военному начальнику, – читаем в биографии гр. Ф. А. Келлера, – поручается охрана города. Эту задачу он выполняет блестяще, и хотя никто из бунтарей не был казнен, однако они возненавидели его, как человека воли, который всегда с презрением относился к ним. Он, например, приказал своим солдатам “не пачкать оружия” и при разгоне толп восставших пользоваться нагайками»⁶.

В этих не совсем обычных обстоятельствах происходит вторая встреча Федора Артуровича с А. А. Брусиловым. Дело в том, что Алексей Алексеевич в 1905 г. был назначен временным генерал-губернатором Калиша. Этот эпизод в биографии ген. А. А. Брусилова впоследствии тщательно скрывался им самим (он никак не отражен в его мемуарах); не упоминается он и нынешними его биографами.

Ген. Н. А. Епанчин, давний знакомый Брусилова, находившийся с ним «в добрых отношениях»⁷, вспоминал как 1 апреля 1917 г., в Страстную Субботу он прибыл в Каменец-Подольск, в штаб Юго-Западного фронта. Там вечером у него произошел примечательный разговор: «Видимо, генерал Брусилов чувствовал потребность объяснить его отношение к революции, к “новым господам”, которым он с самого начала революции стал служить как “слуга покорный”. “Вы меня хорошо знаете, – говорил он, – и вы меня понимаете; надо стараться поддержать новый порядок и забыть старый... Мы с вами служим давно, и что же мы делали до сих пор – мы наказывали, расстреливали...” Так как генерал Брусилов в 1905 г. был временным генерал-губернатором в Калише, то ему, вероятно, приходилось утверждать смертные приговоры, и я спросил его об этом. С некоторым замешательством он ответил, что этого не приходилось делать, но что вообще отношения начальников к подчиненным были слишком суровые и что впредь этого не должно быть»⁸.

(с. 325–333) содержится список из 150 фамилий революционеров-эмигрантов, находившихся за границей в период 1886–1888 гг., где евреи составляют около половины (да ещё четверть – поляки). У тех же, кто значился русским, супруги нередко оказывались еврейками. К 1905 году, по оценке жандармского генерала В. Д. Новицкого, евреи в политических делах составляли уже до 95 % (*Новицкий В. Д.* Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 155.)

Отбросим демагогию прожженного карьериста и зададимся действительно важным для нас вопросом: не с этими ли событиями в Калишской губернии, которые А. А. Брусилов предпочел накрепко забыть, связан его крайне предвзятый отзыв о гр. Ф. А. Келлере, который мы еще приведем, а также обстоятельства следующей их встречи, уже в столице Российской Империи?..

«...Беспорядки, – вспоминал очевидец, – не могли заставить гр. Келлера выжидать распоряжений высшего начальства и, будучи безпредельно преданным Престолу и желая оградить полк от революционной заразы, он сам решает вывести крамолу в Калише. Действия его были решительны, а иногда и жестоки. Усмиренные распоряжением командира полка взбунтовавшиеся политические арестованные, в громадной калишской тюрьме, были все до одного высечены розгами 5-м эскадроном.

Революционная знаменитость, впоследствии член Государственной думы, Парчевский был полком арестован и посажен на полковую гауптвахту за руководство революционной пропагандой среди солдат. Граф Келлер не остановился и перед тем, что арестовал и прокурора Калишского окружного суда Скарятин* за то, что последний освободил революционера Парчевского из тюрьмы и дал ему возможность убежать за границу в день объявления военного положения в Калишской губернии. Революционные элементы быстро спрятались в подполье, так как понимали, что гр. Келлер ни перед чем не остановится.

Очередной день беспорядков готовился в Калише. Все эскадроны поседланы и наготове на штабном дворе. Разъезды посланы по городу и в окрестности. Вся площадь запружена бастующими. Приказано полку садиться, и граф Келлер на своем золотистом жеребце выехал из ворот несколько вперед. Толпа гудит, слышатся недружелюбные голоса. Вдруг из толпы брошен небольшой камень, который упал к ногам лошади, скатившись с пальто командира. Камень был брошен не сильно, а, так сказать, вызывающе.

Граф Келлер, указав рукою на сзади стоящие эскадроны, голосом, который услышала вся тысячная толпа, крикнул: “Ты видишь, что сзади меня находится?” – и, немного погодя, добавил: “Вон отсюда!”

Вся толпа кинулась бежать во все переулки под смех эскадронов.

* «В первом составе Временного правительства (март-апрель 1917) состоял одним из помощников министра юстиции А. Ф. Керенского. – С. Ф.

Бежали все только от одного повелительного голоса графа Келлера»⁹.

*Оружьём на солнце сверкая,
Под звуки лихих трубачей,
По улицам пыль поднимая,
Проходил полк гусар-усачей.*

*Марш вперед! Труба зовет,
Черные гусары.
Звук лихой зовет нас в бой
Наливайте чары!*¹⁰

То было еще время, когда, по словам ген. П. Н. Краснова, русский солдат четко знал, что «враг внешний тот, кто извне напал на Россию с оружием в руках, а враг внутренний – всякий, кто нарушал законы Империи. Всякий – без различия партий»¹¹.

Решительность, мужество и безкомпромиссность в борьбе с врагами Государя полковника гр. Ф. А. Келлера многим была не по вкусу. Некоторым она стала вообще поперек горла. Обитатели тайных революционных нор приговорили его к смерти.

«Первое покушение произошло в тот момент, когда граф Келлер с графиней ехали в полковом экипаже в город. Выехав из ворот штаба полка и проехав в первый переулок, коляска встретила злоумышленника, выбежавшего из мебельного магазина Шипермана. Неизвестный бросил завернутую в газетную бумагу бомбу в коляску. С присущим ему хладнокровием и с поразительной находчивостью Келлер руками поймал бомбу налету и, этим предупредив взрыв, опустил ее осторожно на сидение экипажа, а сам выхватил из кармана наган, выскочил из коляски и бросился в подъезд магазина за злоумышленником. Но тот исчез через другой выход. Граф передал неразорвавшуюся бомбу сбежавшимся драгунам, а сам продолжал свою поездку.

Второе покушение было серьезнее. Незадолго до него Келлер получил письмо: “...в первый раз мы послали дураков – потому вы остались живы; скоро пошлем людей поумнее...”

Лично я был свидетелем нижеследующего.

После первого покушения прошло два-три месяца. Молодым солдатам всего полка было назначено учение на Большом плацу. Старослужащим в этот день была баня. Окончив учение, молодые солдаты возвращались в свои казармы. Командир полка с полко-

вым адъютантом, штабс-ротмистром Беккером, и двумя трубачами ехали впереди. Мой командир эскадрона, ротмистр князь Эристов, и я, попрощавшись с командиром полка, свернули в боковую улицу, и не прошло несколько минут, как раздался оглушительный взрыв. Мы переглянулись, все поняли, схватили у проходящих мимо драгун лошадей и помчались на место взрыва.

Граф Келлер стоял, прислонясь к стене, а вахмистр 4-го эскадрона Кузнецов своим ремнем перетягивал ему окровавленную ногу. Лошади командира полка и полкового адъютанта лежали тут же убитыми. Бомба разорвалась, перелетев через шею лошади полкового адъютанта, и весь заряд пришелся в животы лошадей, что и спасло всадников. Полковой адъютант оказался совершенно невредим. Упав с убитой лошади, он выхватил револьвер и бросился за злоумышленником. Адъютанту показалось, что бросивший бомбу вбежал сначала во двор, а потом в уборную во дворе. Приказав три раза открыть дверь уборной, штабс-ротмистр Беккер в деревянную дверь разрядил все семь револьверных зарядов. Дверь открылась и, к удивлению адъютанта, оттуда вышел старый еврей с ребенком на руках.

Драгуны поймали тут же какую-то подозрительную личность и, если бы не прибывшие вовремя жандармы, ее не было бы в живых. Злобе драгун не было границ, они хотели мстить за своего командира. Многие старослужащие солдаты, бывшие в бане, на взрыв прибежали в одном белье»¹².

Вообще, по словам первого биографа гр. Ф. А. Келлера, «граф не потерял в эту минуту присущего ему хладнокровия и, несмотря на нестерпимую боль, продолжал спокойно отдавать приказания, что предотвратило разгром еврейского квартала солдатами, возмущенными этим покушением»¹³.

«Раненого графа Келлера, – продолжал очевидец, – сначала отвезли в полковой лазарет, где ему была оказана первая помощь, а потом перевезли на его квартиру. В раненой ноге оказалось до сорока осколков и он впоследствии всегда немного прихрамывал. Через некоторое время злоумышленник был пойман на германской границе и он оказался жителем Лодзи по фамилии Зайончек. Характерно было то, что, как до покушения, так и после него, все магазины в городе были заперты, по-видимому население было осведомлено о готовящемся покушении»¹⁴.

Вольно же после всего этого генералу А. А. Брусилову было писать: «Граф Келлер был человек с большой хитрецей и карьеру

свою делал ловко. Еще когда он был командиром Александрийского гусарского полка, в него была брошена бомба, которую он на лету поймал и спасся от верной смерти. Он был храбр, но жестокий, и полк его терпеть не мог»¹⁵. Гнусные эти слова – лучшая характеристика самого их автора.

Всё было по-иному: «К раненому гр. Келлеру началось настоящее паломничество офицеров и драгун полка. Всякий хотел, хотя бы молча, выразить свое соболезнование и не потому, что этого требовал акт вежливости, но в подсознании каждого чувствовалась какая-то горькая обида, и каждый понял, что злодей поднял руку не только на графа Келлера, но и на что-то более высокое и святое. Все прошлые обиды, недоразумения и ошибки были забыты. И граф Келлер это понял. Он понял, что искренние чувства побуждали офицеров посещать его и что не ради любопытства драгуны прибегают ночью на кухню спросить у вестового о здоровье командира. Он понял и заметно изменился. Стал ласковым, мягким и благодарным. Таким он и остался до последних дней своего пребывания в полку по отношению к своим подчиненным»¹⁶.

В Послужном списке гр. Келлера говорится: «8 мая 1906 года при возвращении с полкового учения по улицам г. Калиша был ранен 52-мя осколками брошенного в него взрывчатого снаряда и получил контузию головы.

Согласно приказа по 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии от 7 августа 1907 года за № 98 означенное повреждение в 20 день июля 1907 года Высочайше разрешено внести в послужной список»¹⁷.

С 13 августа по 10 октября по Высочайшему повелению он был отправлен за границу «для лечения полученных ран»¹⁸.

6 ноября 1906 г. гр. Ф. А. Келлер был назначен командиром Л.-Гв. Драгунского полка, но, по свидетельству очевидцев, «во все последующее время связь его с Александрийским полком оставалась крепкой и сердечной. Он никогда не снимал полкового значка Александрийцев»¹⁹.

*Вновь настанет пора,
Штаб-трубач полковой
Затрубит боевые сигналы...
Я из гроба приду,
Стану мертвым в ваш строй,
Где бессмертным стоял я бывало.*

В ГВАРДИЮ!

Итак, Высочайшим приказом полковник гр. Ф. А. Келлер был назначен командующим Лейб-Гвардии Драгунским полком, входившим в состав 2-й бригады 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии¹. Это было очередным повышением: из армейской кавалерии он переходил в гвардейскую.

Полк тот не был старым, но имел славную историю.

3 апреля 1814 г. Император Александр I в память окончания Отечественной войны и Заграничного похода Русских войск 1813–1814 гг., завершившихся взятием столицы Франции, приказал сформировать новый гвардейский полк. Офицеров и нижних чинов велено было выбрать из 11 гусарских и 4 конно-егерских полков. Причем это должны были быть Георгиевские кавалеры, наиболее отличившиеся в боях. Они начали прибывать в Версаль, где 28 апреля был дан первый приказ по полку. Уже при формировании по воле Монарха полк получил все права и преимущества Молодой Гвардии. Днем полкового праздника было установлено 19 марта – день взятия Парижа.

В течение XIX века лейб-драгуны дважды, в 1831 и в 1863 гг., участвовали в подавлении польского мятежа. В ознаменование подвигов и отличной храбрости, оказанных в продолжении кампании 1831 г., полку были Высочайше пожалованы права и преимущества Старой Гвардии. Вместе с другими полками Императорской Гвардии драгуны принимали участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., заслужив Георгиевский штандарт².

Кони в полку первоначально были серые, по цвету ордена св. Георгия, и только «уже при Государе Николае Павловиче, на одном из смотров, Император повелел лейб-драгунам и лейб-гусарам – поменяться конями»³.

В знаменитых в военном фольклоре куплетах «Журавель», одним из отцов которого был молодой солдат Л.-Гв. Преображенского полка Г. Р. Державин⁴, ярко отразилось соперничество полков и военных училищ. Эти куплеты были настолько популярны, что сохранились вплоть до революции, и уж, разумеется, не в первоначальном виде, постоянно изменяясь. Вот лишь несколько куплетов «Журавля»⁵, часто балансировавшего на грани приличия:

*Соберем-ка, друзья,
Да споем про журавля!*

*Жура – жура – жура мой,
Журавушка удалой.*

*Начнем с первых мы полков –
С кавалергардов-дураков.*

*Кавалергарды-дураки
Подпирают потолки.*

*А кто в бабах знает толк?
Это славный Конный полк.*

*Кто на станции кассир?
Это желтый кирасир*.*

*Кто в старушках знает толк?
Кирасирский синий полк**.*

*Кто без меры пьет мадеры?
Это конно-гренадеры.*

*Кто два раза в день не пьян,
Тот, извините, не улан.*

*Все измайловские рожки
На кули с овсом похожи.*

*А курносы как телята –
Это павловцы-ребята.*

Досталось и Лейб-Гвардии Драгунскому полку:

*Кто в Европе первый лгун?
То Лейб-Гвардии драгун.*

В 1902 г. заботами своего Августейшего Шефа, Великого Князя Владимира Александровича полк был переведен с места постоянной стоянки в Кречевицах Новгородской губернии в Старый Петергоф. Встречать лейб-драгун 1 сентября 1902 г. вышли конно-гренадеры и уланы Ее Величества, множество горожан.

* Лейб-Гвардии Кирасирский Его Величества полк. – С. Ф.

** Лейб-Гвардии Кирасирский Ее Величества полк. – С. Ф.

Командиром полка был назначен генерал-майор Герцог Георгий Георгиевич Мекленбургский (1859–1909) – внук Великого Князя Михаила Павловича и правнук Императора Павла I. Он хорошо разбирался в музыке, был известен в России как композитор-любитель и музыкант, в 1896 г. основал струнный квартет, известный под именем «квартета Мекленбургского». Это был простодушный, добрый человек, простой в общении, чуждый какого бы то ни было снобизма⁶. По свидетельству А. Н. Бенуа, Герцог «при некоторой своей... наивности... был более на европейский лад образован, нежели многие его “собратья”, наши коренные Великие Князья»⁷. Он был выпускником Лейпцигского университета.

В 1903–1904 гг. по проекту архитектора Н. М. Никифорова в Старом Петергофе была возведена каменная полковая церковь* Святых мучеников Хрисанфа и Дарии⁸.

С началом войны с Японией девять офицеров полка добровольно перевелись в Действующую армию, где на полях Маньчжурии поддержали славное имя лейб-драгун.

Исполнил свой долг полк и в тяжелую годину смуты.

Мы уже видели, как граф Келлер боролся с крамолой в Польше. Рассмотрели некоторые причины ее там возникновения. В России, кроме уже названных нами, были и иные основания для ширившегося Всероссийского пожара. Опасность их заключалась в том, что они были *внутреннего* свойства, «свои», а не внешние или приобретенные.

Непосредственным сигналом для начала брожения стала несчастная война на Дальнем Востоке.

«Это неизбежное, но всеми русскими неожиданное, поражение, – писал отставной военный врач И. И. Пантюхов, – послужило началом громадного переворота в жизни русских. Уверенность в силе русского Бога и Царя поколебалась.

Печальное состояние психики, в котором находилось чуть не всё грамотное население России в конце XIX и в начале XX века после несчастной войны, достигло высочайшей степени. Все ждали и требовали какого-то переворота. Людей, пробовавших доказывать невозможность такого переворота, оскорбляли, их травил газеты, а нередко, вслед за газетной травлей, и убивали.

Продолжительное существование психоза объясняется тем, что идеи, на которых он создавался, не были только наносные, и что анархизм принадлежал к основным свойствам, вечно искавшего белой Арапии, великорусского типа. При распространении просвещения, улучшений сообщений

* Закрыта в 1919 г. Впоследствии разрушена.

и некоторой свободе слова, он непременно должен был когда-нибудь обобщиться, прийти к заключениям. Ослабление воли вследствие хронического алкоголизма и безделья обезпеченных классов и распространение анархических, свойственной типу, литературы, при расшатанности как светской, так и духовной власти, в конце девятнадцатого века только способствовали доведению анархизма до степени психоза целых масс.

Кроме анархической литературы на это имели влияние посторонние типы. Кроме непосредственного влияния отдельных лиц, других типов с ограниченным кругозором и потому имеющих твердые и ясные цели, в русском, с неопределенными идеалами и расшатанной волей, обществе, появились образовавшиеся под гипнозом инородцев чуждые русскому типу организации. Такие искусные организации, как железнодорожные и телеграфные забастовки и иные, не могли быть делом плохих организаторов русских, а образовывались при непосредственном участии, имеющих готовые денежные средства и определенные цели, людей других типов, главным образом евреев. Сами евреи, всегда находящиеся под гипнозом своей религии, ища равноправия, доведены были своей литературой тоже до состояния психоза. Этот психоз, при способности евреев проникать всюду, денежных их средствах, газетной литературы, которую чуть не всю они взяли в свои руки и искусно и талантливо руководили ей, – заражал русские с расшатанной волей массы и подчинял их хорошо задуманным организациям⁹.

Продолжая свой анализ внутренних причин русской смуты, И. И. Пантюхов далее писал: «Великорусские анархисты всегда легко поддавались гипнозу юродивых, кликуш, фанатиков, проповедовавших самоожождение, оскопление и проч. [...] При отсутствии задерживающих рефлексов религии и категорической власти, всякий предел для проявления анархизма исчез. Вместо юродивых* и оскопителей анархистов направлял в любую сторону чуть не каждый с сильной волей утопист. Очень часто гипнотизировали как отдельных лиц, так и целые массы молодых людей в учебных заведениях и на фабриках, маньяки и инородцы. Евреи, тип с сильной волей и преследующие в общем такие же цели, как и анархисты, то есть полную свободу, получили громадное значение. Против более сильных гипнотизеров, как Гершуни, говорят, никто и никогда не мог устоять.

На почве анархического, не склонного к анализу и не знающего удержу, типа, с ослабленной алкоголизмом и анархической литературой волей, голодная, с увеличившимися аппетитами, интеллигенция, видимая, а нередко и ковенно подкупаемая имеющими свои цели людьми, была, конечно, уверена, что она шествует по собственному своему желанию для достижения свободы и разных самых высоких целей. Их увлекали и свойственные типу молодечество, спорт, риск. Их заинтересовывали и загипнотизировали конспиративные квартиры, получаемые от каких-то таинственных

* Речь, разумеется, идет не о Христа ради юродивых, а о лжеюродивых, кликушах и т.п. – С. Ф.

лиц приказания, заговоры, печатание прокламаций, изготовление бомб. В конспиративных квартирах их обыкновенно связывали клятвами и угрозами, и, попавши в такие сети, многие и колеблющиеся слабовольные люди уже не имели возможности отступить. Более рьяные, нередко больные, истерические и психически ненормальные люди жаждали подвогов и требовали, чтобы их посылали на самые опасные предприятия.

Несчастные загипнотизированные девицы, юноши, а иногда и взрослые, по указаниям гипнотизеров-утопистов, а иногда и просто дельцов, имеющих свои цели, шли куда угодно, на что угодно и, то хитро подкрадываясь, то с веселым видом и открыто бросали бомбы или стреляли.

Чуть не повальный психоз среди интеллигенции, проникавший и на фабрики и заводы, а в отдельных случаях и в деревни, захватил преимущественно народность великорусского типа. Между народностями типов южного и западного, у которого анализ более силен, психоз был гораздо слабее»¹⁰.

«Лейб-драгунам, – читаем в полковой памятке, – призванным в числе прочих войск для охраны спокойствия и безопасности мирных жителей, пришлось побывать не раз в Петербурге и Кронштадте; кроме того, некоторые эскадроны были посланы в Лифляндию и Эстляндию, где 4-й и 5-й эскадроны участвовали в экспедиции против вооруженных шаек эстов и латышей.

В это тяжелое время бунтари не раз пытались обращаться к солдатам, смущая их уговорами не действовать против них и не слушать своих начальников. Но не таков был дух в полку, чтобы могли иметь успех злонамеренные люди. Долг присяги, честь родного полка были на первом месте у лейб-драгун и, как и всегда, Л.-Гв. Драгунский полк всюду служил примером верности своему Государю и Родине.

В Лифляндии и Эстляндии, в перестрелках с мятежниками, несколько драгун было ранено, а в Петербурге, исполняя до конца свой долг, пал *унтер-офицер 2-го эскадрона Василий Емельянович*. 12-го декабря 1905 г., находясь в разъезде на Выборгской стороне, Емельянович только что арестовал нескольких хулиганов и отправил их под конвоем для сдачи полиции. Возвращаясь к другой части своего разъезда, Емельянович обогнал шедших по панели двух неизвестных, один из которых дважды выстрелил в него, а затем оба бросились бежать. Поранения оказались смертельными, и поспешившие на помощь товарищи застали Емельяновича уже мертвым. Несмотря на поиски убийцы из-за угла, негодяю удалось скрыться.

По докладе этого печального случая Государю, Его Величеству угодно было пожаловать жене и дочери унтер-офицера Емельяно-

вича 100 рублей. Кроме того, 100 рублей были пожертвованы офицерами полка, и были присланы еще деньги от разных лиц, пожелавших почтить память убитого. Часть этих денег была выдана вдове Емельяновича, а другая оставлена в полку и будет выдана его дочери, когда ей исполнится 16 лет.

Деятельность всех чинов Л.-Гв. Драгунского полка, призванных в тяжелую годину смуты на защиту порядка, получила должную оценку. Все начальники, в распоряжение которых посылались лейб-драгуны, считали своим долгом засвидетельствовать перед нашим командиром... об отличной их службе. Еще раз сказался превосходный дух полка, сердечная близость и взаимная любовь офицеров и нижних чинов»¹¹.

То, что это были не просто слова, подтвердила впоследствии война.

«Особый лексикон, – вспоминал ротмистр Л.-Гв. Драгунского полка Д. Л. Де-Витт, – был у наших денщиков и вестовых: *наши* сапоги, *наш* чемодан, *наш* конь и т.д. Говоря про какие-нибудь события не иначе как *мы* с барином или *мы* с Их Высокоблагородием, но непременно всегда и всюду “мы”. Это было трогательно и показательно, насколько в действительности в полку мы близки со своими людьми, деля вместе горе и радости походной жизни.

В октябре 1916 года, во время боев на Стоходе, убит был мой большой друг, скромный и храбрый офицер моего эскадрона корнет фон Брецель 2-й (посмертно награжденный Георгиевским Крестом), добровольно перешедший в гвардейскую пехоту для пополнения офицерской убыли. Тело его привезли в Петроград и отпевали в Измайловском соборе.

В Петрограде в это время лечился после ранения штабс-ротмистр К. и, встретив около собора лейб-драгуна, который, обрадованный, увидев своего офицера, стал во фронт. “Ты что здесь делаешь?” – поздоровавшись, спросил его штабс-ротмистр. – “Так что, Ваше Высокоблагородие, вчера мы с барином приехать изволили”. – “А где же твой барин?” – “Они здесь будут, – указав на собор, сказал денщик, – их изволят теперь отпевать”»¹².

* * *

Сдача Александрийского полка и сборы проходили недолго. К месту новой службы в Петергоф¹³ Федор Артурович отправился 22 ноября 1906 г., прибыв 29-го. Полк он принимал у генерал-майора Герцога Георгия Георгиевича Мекленбургского, оставлявшего

прежнее место службы в связи с назначением командиром 1-й бригады 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии.

Полковник гр. Ф. А. Келлер принял полк 8 декабря, вступив в командование 15 декабря¹⁴.

Это было как раз время традиционной разбивки новобранцев по Гвардейским полкам в Михайловском манеже в С.-Петербурге.

Сохранилось красочное описание, как это происходило, оставленное флигель-адъютантом Его Величества, полковником Л.-Гв. Кирасирского Его Величества полка Н. А. Петровским (1883–1944):

«Гвардия комплектовалась новобранцами со всей России. Новобранцы были христиане, политически благонадежные, здоровые, рослые, красивые, большинство из зажиточных крестьян, а известный процент из ремесленников. [...]

Разбивка новобранцев производилась 5-7 раз за время от одного до полутора месяцев, в ноябре-декабре в Михайловском манеже в Петербурге. Разбивку производил всегда лично Великий Князь – Главнокомандующий.

В назначенный приказом по округу день, в 2 часа дня, в манеже собирались командиры полков, полковые адъютанты, офицеры (младшие) и унтер-офицеры, назначенные для приема новобранцев, от всех отдельных частей Гвардии. [...] От Петербургского гарнизона назначались оркестры музыки и подводы для вещей к Михайловскому манежу.

Воинский начальник со своими людьми приводил новобранцев заранее в манеж и строил их в несколько (от 5 до 10) шеренг вдоль стен манежа, отступая от стен, у которых правильными рядами стояли однотипные сундуки новобранцев. [...] Посередине манежа строились по старшинству полков унтер-офицеры в парадной форме шпалерами: с одной стороны пехота и артиллерия, а напротив них кавалерия и конная артиллерия. Этих унтер-офицеров полки выбирали тщательно, так как они должны были быть ростом, цветом и лицом **ТИПИЧНЫ** для своего полка»¹⁵.

Приведем таблицу типов гвардейских солдат:

Л.-Гв. Преображенский полк: высокие блондины, 3-я и 5-я роты с бородами.

Л.-Гв. Семеновский: высокие шатены без бород.

Л.-Гв. Измайловский: брюнеты; рота Его Величества с бородами.

Л.-Гв. Егерский: легкого телосложения, всех цветов волос.

Л.-Гв. Московский: рыжие, с бородами.

Л.-Гв. Гренадерский: брюнеты; рота Его Величества с бородами.

Л.-Гв. Павловский: курносые; рота Его Величества – высокие; 5-я рота – блондины.

Л.-Гв. 2-й Стрелковый: брюнеты.

Л.-Гв. 3-й Стрелковый: без определенного типа.

Л.-Гв. 4-й Стрелковый: коротконосые с соединенными густыми бровями.

Л.-Гв. Кавалергардский: высокие голубоглазые и сероглазые блондины, без бород.

Л.-Гв. Конный: высокие жгучие брюнеты с усиками; 4-й эскадрон – с бородами.

Л.-Гв. Кирасирский Его Величества: высокие, рыжие, длинноносые.

Л.-Гв. Кирасирский Ее Величества: высокие смуглые брюнеты.

Л.-Гв. Казачий Его Величества: брюнеты и шатены с бородами.

Л.-Гв. Атаманский: блондины с бородами.

Л.-Гв. Сводный Казачий: всех цветов волос с бородами (в Уральской сотне – темные бородачи).

Л.-Гв. Конно-Гренадерский: брюнеты, с усами, без бород.

Л.-Гв. Гусарский Его Величества: хорошо сложенные шатены; эскадрон Его Величества – с русой бородой.

Л.-Гв. Уланский Его Величества: темные шатены и брюнеты, с усиками.

Л.-Гв. Уланский Ее Величества: блондины и рыжие (без бровей).

Л.-Гв. Гродненский гусарский: брюнеты с небольшими бородами.

Собственный Его Императорского Величества Конвой: большинство личного состава, в т.ч. и офицеры, по кавказскому обычаю выбривали голову.

Л.-Гв. Жандармский эскадрон, Запасной полк и Л.-Гв. Конная артиллерия: без определенного типа.

Что касается Лейб-Гвардии Драгунского полка, то в него набирали шатенов без бород¹⁶.

Это был лучший человеческий отбор Империи. По сути своей, это были стоявшие у истоков создания Русского Государства «четыре основных антропологических типа русского народа, с присущим им своеобразным психическим складом»: «1) среднерослый, русоволосый умеренный брахицефал, с крупным, толстым носом и серыми глазами; 2) более высокого роста брахицефал с темно-русыми волосами, смугловатым цветом кожи, небольшим вздернутым носом и карими глазами; 3) среднерослый брахицефал также с однотонным смугловатым цветом кожи и коротким носом, но с сероголубыми, разных оттенков, глазами; и 4) мезоцефал с значительным процентом долихоцефалии, русыми волосами, белым цветом кожи, длинным, нередко узким, носом и чисто голубыми глазами». Эти четыре антропологических типа «соответствовали четырем главным ...народным группам: сероглазые – новгородской, великорусской; кареглазый – киевской, малорусской; сероголубоглазый – волынской, древлянской или полесской, и голубоглазый – смоленской, белорусской». Причем при переселении в другие районы Империи каждая из этих групп «не теряла своей оригинальности»¹⁷.

Но продолжим. Этих типичных для своего полка унтер-офицеров «одевали шикарно, ибо это была “выставка” красоты полков. Около правого фланга новобранцев стояли Преображенцы, а против них Кавалергарды и т.д. [...] Командиры полков, адъютанты и офицеры для приема новобранцев выстраивались впереди унтер-офицеров, ближе к парадному входу в манеж.

Манеж огромный. Несмотря на такое колоссальное количество людей, середина свободна, и тут стоит воинский начальник в ожидании Главнокомандующего. Огромный швейцар манежа в ливрее кричит громовым голосом на весь манеж: “Его Императорское Высочество изволит ехать!” Все замирают по команде “Смирно” воинского начальника. Великий Князь входит, воинский начальник рапортует. Главнокомандующий, Великий Князь [...] Николай Николаевич здоровается с начальством и унтер-офицерами, которые дружно отвечают, и подходит к правому флангу новобранцев. К Великому Князю подходит специально назначенный на все разбивки того года огромный унтер-офицер Преображенец и подает Его Высочеству мелок, а сам становится за спиной первого с правого фланга новобранца и берет его за плечи...

За Великим Князем образуется толпа из командиров полков, их адъютантов, офицеров и унтер-офицеров, присланных для приема новобранцев. Эти последние одеты, почти все без исключения, в черные пиджаки.

Великий Князь Николай Николаевич меряется ростом с правофланговым новобранцем, который зачастую одного с ним роста, а иногда и выше. Если парень к тому же и здоровяк, с хорошей грудью и красавец, то настает горячая борьба между командирами Гвардейского Экипажа и Преображенского полка: “Ваше Императорское Высочество – на катер Его Величества!”, “Ваше Императорское Высочество – в роту Его Величества!”.

Обыкновенно человека 3-4 с правого фланга давались на катер Его Величества, и моряки их уводили. Дальше Великий Князь, зная наизусть тип каждого Гвардейского полка, а в случае сомнения посмотрев на соответствующего унтер-офицера, решая, в какой полк назначить новобранца, писал ему мелом на груди номер или буквы той части: гвардейская пехота, 8 полков – от 1 до 8; гвардейская артиллерия – А; гвардейская кавалерия, 8 полков – от 1 X до 8 X; гвардейская конная артиллерия – КА и гвардейские саперы – С.

Преображенец смотрел через плечо новобранца, что ему на груди начертил Великий Князь, и громовым голосом выкрикивал:

“Конно-Артиллерия”, “Семеновский”, “Гусар”, “Гренадер”, “Кирасирский Его”, “Кирасирский Ея” и т.д. В тот же момент он буквально швырял за плечи новобранца в толпу унтер-офицеров, и каким-то чудом тот не только никогда не падал, но и не сбивал никого с ног и не путался в толпе, а сразу на лету, попадал в объятия унтер-офицеров своего полка, из которых один быстро отводил его за фронт новобранцев того полка, – перед сундуками.

Во время разбивки полки старались перебивать друг у друга красивых и симпатичных новобранцев, уверяя Великого Князя, что это им необходимо для Дворцовых караулов. Подговаривали новобранцев проситься в их полк, говоря, что у него в том полку служит брат, соблазняли их формой полка на унтер-офицерах и всякими рассказами о том, что лучше всего служить в их полку. [...]

Каждый полк имел свой тип, но многие были похожи, а потому и была борьба. Всякому хотелось свой полк пополнить более красивыми солдатами. У нас всегда было достаточно красивых кирасир, чтобы создать типичный и блестящий почетный караул в лосинах, но, конечно, Кавалергарды, Конная Гвардия, Лейб-Гусары, Императорские Стрелки и Преображенцы имели больше всех красивых солдат. Я забыл про Стрелковую Бригаду. Она обозначалась по батальонам (впоследствии полкам): 1С, 2С и 4С, а потом появился и 3С, образованный из Гвардейского (запасного) резервного батальона.

По окончании разбивки картина манежа менялась: новобранцы стояли построеными вдоль стен манежа уже не по ранжиру, а по полкам, имея своих командиров, офицеров и унтер-офицеров на своем правом фланге, а сундуки свои за спиной.

Главкомандующий со свитой обходил фронт разбитых новобранцев, осматривая, хорошо ли разбиты, и спрашивая командиров полков, довольны ли они. Изредка тут еще меняли кое-кого. [...]

По отъезде Великого Князя и начальства, считая и командира полка с адъютантом, офицеры и унтер-офицеры, присланные за новобранцами, строили их и вводили в свои казармы со своей музыкой, везя за ними их сундуки на подводах. Загородные: царско-сельские (кирасиры Его Величества, гусары и три стрелковых полка), гатчинские (кирасиры Ее Величества) и петергофские (конногренадеры, уланы и драгуны) вели своих новобранцев на Царскосельский и Балтийский (в Петергоф и Гатчину) вокзалы с музыкой и подводами по наряду петербургского коменданта – вместе, а на вокзалах в местах загородных стоянок нас уже встречали каждый свои трубачи и подводы, с которыми и отправлялись

в свои казармы. Новобранцев размещали в специально для них подготовленной зале (учебной) одной из казарм, где они ночевали, кормили их ужином, а на другой день командир полка разбивал их по эскадронам, причем тут уже командиры эскадронов боролись за получение лучших. [...] ...Наиболее типичные шли в эскадрон Его Величества...»¹⁸

Что касалось солдат, то служба в Гвардейских полках была не только почетна, но и выгодна. Жалование они получали здесь вдвое выше, чем в армейском полку. Кормили много лучше (помимо сытного рациона существенными были добавки в солдатский котел за счет личных средств эскадронных командиров). За все парады, смотры и маневры в Высочайшем присутствии каждый, от солдата до унтер-офицера сверхсрочной службы, получал от Его Величества соответственно от 1 до 25 рублей. Музыканты Гвардейских полков, заслуженно славившиеся мастерами своего дела, за игру на благотворительных базарах и в театрах получали ощутимое вознаграждение (выступление стоило от 300 до 500 рублей).

«Теперь, – писал в 1930-х гг. в советской России кн. В. С. Трубецкой, – часто слышишь, что кадровые офицеры вообще-то солдат за людей не считали и относились к ним как к скотам. Могу лишь сказать, что среди моих полковых товарищей я таких офицеров не знал».

Зато тут же Владимир Сергеевич приводит то, что ему действительно привелось слышать. Как, например, ротмистр отчитывал молодого корнета, позволившего себе покрыть отборным матом солдат. «Послушай, дружок, – отечески проговорил ротмистр, – когда ты непотребными словами оскорбляешь людей, одетых в ту же форму, какую носишь сам, ты этим оскорбляешь свой собственный мундир, а следовательно, и тот полк, который мы все любим и обязаны чтить. Не забывай, что ты имеешь дело не с лакеями и хамами, а солдатами-кирасирами Его Величества, призванными на почетную службу Самому Государю. Мы должны развивать в наших солдатах чувство гордости, а не унижать их. Ты можешь и даже обязан подтягивать и наказывать своих подчиненных за провинности, требуя от них самой высокой дисциплины, но оскорблять их матерным словом – это уже хамство, дружок. Предоставь хамство какому-нибудь армейскому подпоручику в захудалом провинциальном армейском полку. Мы же с тобой, кажется, служим в Лейб-Гвардии, а потому и хамить не должны. Ну, а теперь ступай к своему взводу, и чтобы слово “мать” я от тебя больше не слышал!»¹⁹

Русские гвардейцы, которых Великий наш Император Петр называл «Чада Мои возлюбленные», отлично помнили слова старого воинского устава, в котором говорилось: «Солдат – есть имя знаменитое».

«...Кончая свою службу в полку и увольняясь в запас, солдаты покидали полк без дурного чувства, а полк всегда тепло провожал уходивших. Хорошо помню картину прощания с отслужившими свой срок и уходившими домой солдатами. Их выстраивали в манеже. Полковой командир производил последний опрос претензий, после чего говорил уходившим небольшую речь, благодарил их за службу родине и кончал словами: “Ну, ребята, езжайте теперь с Богом к себе по домам. От души желаю вам всякого добра, а меня и ваш полк не забывайте и лихом не поминайте! За ваше здоровье – ура!”

“Ура-а-а, ура-а!” – надрывно ревели солдаты, при сем многие утирали навертывающиеся слезы. “Ну, расходишь! Теперь можете идти без строя!” – командовал командир, а солдаты, покинув строй, толпой окружали его, поднимали на руки, качали с криками “ура” и с радостным гоготом выносили на руках из манежа. Хоть все они и были рады, что поедут сейчас домой, в свои села и деревни, а все-таки и с родным полком расставаться, видимо, им было жалко, ибо за годы службы они так свыклись с ним, что считали уже полк тоже вроде как своим домом»²⁰.

Что до гвардейских офицеров, то служба в таких полках, помимо, безусловно, высокой чести (вплоть до частых личных встреч с Государем в неофициальной обстановке), положения в свете и особого бытового уклада (общие завтраки и обеды в полковом офицерском собрании на именном серебре), накладывала в то же время нелегкие обязанности. Мундир большинство из них шило у знаменитого петербургского портного Карла Норденштрёма, у которого, между прочим, одевался и Сам Государь. Некоторые офицеры-кавалергарды специально для Царских смотров заказывали «разовые сапоги», голенища которых сапожники зашивали прямо на ногах. После смотра их распарывали. Стоило, разумеется, все это порядочно. Бобровая парадная шапка лейб-гвардейца гусара стоила как хорошая (но не лучшая) лошадь гвардейского офицера: 5 тысяч рублей золотом²¹.

Несколько дешевле обходилась жизнь в гвардейских частях, расквартированных вне столицы. Готовясь к выпуску сына из Николаевского кавалерийского училища в расположенный в Царстве Польском Лейб-Гвардии уланский Его Величества полк, ген. М. В. Алексеев рассчитывал за двух коней выложить 1850 рублей.

Предстояли и другие расходы: «обмундирование» – 1200 руб., «белье» – 500 руб., «офицерские вещи» – 60 руб., «обувь» – 100 руб., «конский прибор» – 41 руб., «различные предметы» – 100 руб. Кроме того, на месте нужно было приобрести постель, умывальный прибор, посуду, выюки, походную кровать, полевой багаж, мебель. Однако при этом генерал боялся «по-пехотному – что-либо упустить». Учитывая выпуск в Гвардию, траты эти следует признать весьма скромными, однако, подводя им итоги, Михаил Владимирович писал сыну: «Расходы предвидятся, и мне пока нужно на собственную персону поэкономить»²². А ведь он в это время, напомним, занимал должность начальника штаба Киевского военного округа. Сын другого генерала, командира армейского корпуса А. А. Брусилова, третий год состоявший в Л.-Гв. Конно-Гренадерском полку, «стоил» ему две с половиной тысячи рублей в год²³.

Помимо необходимости немалых средств для поддержания достойной гвардейской жизни (покупка и содержание лошади, отчисления на обеды в офицерском собрании, полковые и эскадронные праздники, на подарки уходящим из полка офицерам), нужно было строго придерживаться определенных, часто неписаных правил поведения. Гвардейцы имели право посещать только перво-классные рестораны, ездить только в вагонах 1-го класса, в городе – на приличных и опять-таки дорогих извозчиках, в театрах полагалось занимать или отдельную ложу, а в партере сидеть не далее определенного ряда. Были такие места, в которых бывать гвардейцам строго запрещалось. Возбранялось гвардейцам останавливаться перед витринами магазинов (особенно гастрономических) и рассматривать их (свидетельство, донесенное М. И. Цветаевой).

Офицер Гвардии мог жениться лишь по достижении определенного возраста и только на девице дворянского происхождения, причем не занятой какой-либо службой. Разрешение на брак выдавал разрешение суд чести господ офицеров, предварительно наведя все необходимые справки о ее поведении, репутации и родне. «Офицерские жены, – писал кавалергард гр. А. А. Игнатъев, – составляли как бы часть полка, и потому в их среду не могли допускаться не только еврейки, но даже дамы, происходящие из самых богатых и культурных русских, однако не дворянских семейств»²⁴. После женитьбы гвардеец должен был снимать уже не угол, а приличную хо-рошую квартиру.

И тем не менее, попасть в Императорскую Гвардию было не-легко. В Гвардейскую Кавалерию можно было выйти из Пажеского

корпуса, Николаевского кавалерийского училища, а также из Тверского и Елисаветградского училищ. (В последнее, кстати говоря, весной 1897 г. «в качестве члена комиссии при выпускном экзамене юнкеров» командировывался гр. Ф. А. Келлер²⁵.)

Однако на вакансию в гвардейские части могли рассчитывать лишь только те юнкера, которые в результате экзаменов получали «гвардейский балл» (не ниже 9 баллов при 12-балльной системе). Можно было, конечно, поступив вольноопределяющимся, сдать впоследствии офицерский экзамен (тем самым, по сравнению с училищем, сэкономив целый год). Однако прием в полк, даже в качестве вольноопределяющихся, зависел от постановления Общего собрания господ офицеров полка.

«Без разбора в Гвардию, – писал офицер-кирасир кн. В. С. Трубецкой, – не принимали никого. Таков уж был обычай»²⁶. И далее: «Носить громкую старинную дворянскую фамилию и обладать средствами и придворными связями было еще далеко недостаточно, чтобы поступить в один из этих рафинированных полков. Туда мог попасть только безупречно воспитанный молодой человек, о репутации и поведении которого полком собирались тщательные справки. А кавалергарды в некоторых случаях еще и копались в родословной представлявшегося в полк молодого человека и проверяли за несколько поколений назад его бабушек и прабабушек: не затесалась ли среди них какая-нибудь мадам, неподходящая по своему происхождению и тем самым портящая родословие. Ведь она могла бы передать по наследству плебейские черты своему потомству. Здесь никакие протекции не помогали. Случаи, когда сыновья министров и высших сановников при представлении в эти полки получали отказ, не были исключением»²⁷.

Но даже если с оценками и с родословной все было в порядке, это не гарантировало поступление в полк. Тщательно рассматривалась и личность будущего офицера, его поведение и склонности. Тот же мемуарист рассказывал о случае, когда непреодолимым барьером для поступления в полк синих кирасир было увлечение одного из вольноопределяющихся, еще до поступления в полк, театром. То, что он позволял себе выступать на сцене с профессионалами. «Старший полковник..., щепетильный и строго оберегавший честь полка, усмотрел в этом нечто несовместимое с “высоким званием” офицера Лейб-Гвардии. Человек, выступавший с профессионалами-лицедеями и развлекавший публику с подмостков, пусть даже бесплатно и из одной любви к искусст-

ву, был, по мнению полковника, недостойн чести быть принятым в круг офицеров полка...»²⁸

Итак, в Императорской Гвардии были иные порядки и обычаи. Они резко отличались от тех, которые существовали во многих армейских полках.

Так, офицеры гвардейского полка, невзирая на разницу в чинах и возраст, должны были говорить друг другу «ты»²⁹. Все офицеры гвардейской кавалерии, вне зависимости от того, знакомы они или нет, при встречах обменивались рукопожатиями³⁰. Существовал свой особенный корпоративный гвардейский язык, отличавшийся не одной лишь профессиональной терминологией; цель его была иная: отличить «своего» от «чужого»³¹.

В гвардейских частях существовал неписанный порядок, согласно которому полковой командир, если он не был коренным офицером полка, не мог назначать и созывать общие собрания господ офицеров под своим председательством для разрешения служебных и организационных вопросов или для «разносов». Что касалось дел полковой чести, то участвовать в них командир части, будучи выходцем из другого полка, не имел права. Более того, с решениями общих офицерских собраний, даже если бы они шли вразрез с его личными желаниями, командир обязан был считаться³². С этими неписаными правилами Федору Артуровичу приходилось сообразоваться, но они же мешали вполне взять полк в свои руки.

Справиться с новым полком, учитывая все эти особенности, было нелегко. Ни службой в Гвардии, ни академическим образованием гр. Ф. А. Келлер не мог похвалиться. «Я откровенно признаюсь, – писал он позднее, – что не раз в жизни мне приходилось искренно пожалеть о том, что условия службы в захолустье, где не было ни книг, ни образованного общества, лишили меня возможности подготовиться в академию и окончить в ней курс...»³³ Происхождение его по сравнению с предыдущим командиром полка (Герцогом Мекленбургским) также было неизмеримо более скромным.

Сильно недолюбливавший гр. Келлера генерал А. А. Брусилов (о мотивации этих чувств мы уже говорили и еще скажем в своем месте) рассказывал, что он лично присутствовал в качестве командира дивизии при сдаче Л.-Гв. Драгунского полка «графу Келлеру, известному своим необычайным ростом, чванством и глупостью.

Граф Келлер был человек с большой хитрецей и карьеру свою делал ловко. [...] Он был храбр, но жестокий, и полк его терпеть не мог.

Женат он был на очень скромной и милой особе, княжне Марии Александровне Мурузи, которую все жалели. Однажды ее обидели совершенно незаслуженно, благодаря ненависти к ее мужу. Это было в Светлый праздник. Она объехала жен всех офицеров полка и пригласила их разговляться у нее. Келлеры были очень стеснены в средствах, но долговязый граф желал непременно задавать шику (чтобы пригласить всех офицеров гвардейского полка разговляться, нужно было очень потратиться). Хозяева всю ночь прождали гостей у роскошно сервированного стола и дождались только полкового адъютанта, который доложил, что больше никого не будет.

Затем распространились слухи, что офицеры решили побить своего командира полка и бросили жребий, на кого выпадет эта обязанность. Об этом мне доложил командир бригады, также бывший лейб-драгун, барон Неттельгорст. Я от него узнал, что главным воротилой в этом деле был полковник князь Урусов, старший штаб-офицер полка. Я его потребовал к себе по делам службы, сказал ему, что я знаю о подготавливаемом в полку скандале, и заявил ему официально, что скандала я не допущу и что в этом случае он первый пострадает, ибо я немедленно доложу Великому Князю, что он – первый зачинщик в этом деле, и попрошу об исключении его со службы. Урусов этого никак не ожидал и до того растерялся, что мне стало даже жаль его. Но тем не менее эта моя мера привела к тому, что в полку, хотя бы временно, все успокоилось.

Вскоре после этого Вел. Князь Владимир Александрович, бывший шефом этого полка, пригласил меня к себе на семейный завтрак, после которого у себя в кабинете передал мне об этих слухах и просил моего энергичного содействия, чтобы прекратить всякую по этому поводу болтовню. Я его заверил, что все это мне известно и что мною приняты все меры к пресечению этого. Еще до этого мною был собран корпус офицеров драгунского полка, причем командиру полка мною предложено не являться на это собрание. Я дал слово офицерам, что командир полка изменит свое обращение с ними. После этого я отправился к графу Келлеру и серьезно переговорил с ним. Как офицеры, так и он жаловались друг на друга. Я и с него взял честное слово изменить свой грубый образ действий относительно офицеров и тем предупредить возможные эксцессы.

Это все рисует человека, и я остановился на этом инциденте лишь потому, что с именем графа Келлера было связано много сплетен и рассказов. Я же теперь (1924 г.) прочел в только что из-

данной переписке Николая II с Императрицей, что этот граф Келлер старался мне вредить и набросить тень на меня. Я убедился, что напрасно старался оберегать его от заслуженных побоев офицеров. Значит, они были правы в своей ненависти к нему»³⁴.

Это заключение больше всего поражает. Выходит, если обидели меня, то, значит, и совершай воинское преступление. Выходит также, что ген. Брусилов вовсе не исполнял свой долг, а совершал личное одолжение графу. И, наконец, называть преступные побои «заслуженными» никак несовместимо с офицерской честью.

Случаи, подобные описанному (на почве недовольства подчиненных командирами за «чрезмерные», по их понятиям, требования последних), имели место в Русской Императорской Армии, как и во всех других армиях мира. Бывало, что такие конфликты заканчивались и еще более печально. Так, в 1910 г. был зверски убит своим денщиком командир 3-го Гусарского Елисаветградского полка полковник барон Ф. И. фон Криденер³⁵.

Характерен при этом, однако, стиль поведения в подобных случаях самого ген. А. А. Брусилова. Для большей объективности приведем на сей раз не собственные воспоминания Брусилова, а свидетельства других очевидцев.

Летом 1907 г. (стало быть, примерно во время описанного выше инцидента с гр. Келлером) будущий Дворцовый комендант ген. В. Н. Воейков (в ту пору младший полковник Кавалергардского полка) был назначен командиром Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка для приведения его в порядок. Это, по его словам, «сильно осложнило мои отношения с полковыми чинами, самолюбие которых было, таким образом, задето».

«В результате пропаганды, – писал он далее, – в 4-м эскадроне Гусарского полка подорваны были основы воинской дисциплины. Через три месяца по вступлении моем в командование, начальник дивизии – в то время генерал-лейтенант А. А. Брусилов – приехал в полк на осенний смотр молодых солдат.

Когда последний представлявшийся эскадрон – Его Величества – начал сменную езду в большом конном манеже, молодые гусары стали путать, очевидно умышленно, настолько, что смена превратилась в беспорядочную кучу всадников.

Я обратился к генералу Брусилову со словами: “Алексей Алексеевич, ты видишь, что происходит? Я называю это бунтом. Тебе надлежит решить вопрос, будешь ли ты это дело сам расследовать или поручишь мне... В последнем случае тебе необходимо уехать из полка”.

Не успел я закончить этих слов, как увидел пятки убежавшего из манежа Брусилова. Он вскочил на первого попавшегося извожника, и, как было принято в Царском Селе “галопчиком” полетел на вокзал. Этот поступок напомнил мне французское выражение: “Au moment de nous montrer cachons – nous” (“Когда нужно показаться, спрячемся”).

Антидисциплинарная вспышка в большом манеже полка была, к счастью, последней за время моего командования: личными беседами в стенах эскадрона мне удалось успокоить возбужденных революционной пропагандой гусар и довести их до сознания вины и раскаяния в умышленном нарушении дисциплины.

Вслед за этим я добился согласия генерала Брусилова не давать хода этому делу и не накладывать на виновных никаких взысканий, ограничившись объяснением их проступка в доступных пониманию солдат выражениях»³⁶.

Федору Артуровичу также вскоре удалось переломить настроение офицеров полка. Его человеческие качества, личное кавалерийское мастерство, высокие требования командира полка, сочетавшиеся со справедливостью – все это не могло не изменить к нему отношение.

Принесло свои плоды его благоволение к «лошадникам» – офицерам, выбравшим кавалерию из-за любви к лошадям и становившимся спортсменами, стяжавшими славу не только полку, а и самой России³⁷.

О том, что это были за люди и что это были за чувства, дают нам понять их воспоминания. «Я ездил, сколько мог, смотреть скачки, – писал, уже будучи в эмиграции, один из оставшихся в живых лейб-драгунских офицеров, – и имел неожиданное счастье и честь быть предтавленным штабс-ротмистру 39-го драгунского Нарвского полка (ныне 13-го гусарского Нарвского) барону Ренне, блестящему ездоку и владельцу знаменитого стиплера “Веракса”, серого жеребца Яновского Государственного завода.

В этот достопамятный для меня день барон Ренне повел меня к себе на конюшню, чтобы показать своих лошадей, в том числе, конечно, Веракса.

Мы вошли на конюшню. Шла уборка, и, когда я его увидел тут же близко, непреодолимое чувство волнения и обожания схватило меня.

Барон Ренне это заметил и, положив руку на мое плечо, сказал: “Войдите, он спокойный и умный, вы можете его погладить”.

Я вошел и с восторгом стал его гладить. Веракс повернул свою голову и стал нюхать мое плечо, а потом мое лицо. Я обнял его морду и стал ее целовать. Я был в восторге. Первый раз в моей жизни я имел честь и счастье погладить и даже поцеловать такой, казалось, недосыгаемый предмет моих мечтаний.

Весь вечер я о нем думал и в мечтаниях видел себя гордым, верхом, на скаковой лошади.

Теперь прошло много, много лет, но я ничего не забыл из этих моих переживаний, оставивших след на всей моей долгой скаковой жизни.

Я знаю, что многие меня не поймут, но я также знаю, что многие истые любители лошади не только меня поймут, но и вспомнят свои такие же переживания в счастливые годы своей молодости»³⁸.

В гвардейской коннице требования к конскому составу были много выше, чем в армейской кавалерии. «Это были лучшие лошади страны, – вспоминал гвардейский офицер уже в 1930-е гг., – строго фильтровавшиеся ремонтными комиссиями и отбиравшиеся в Гвардию. Этих исполинов поставляли лучшие конные заводы [...] Таких коней в наши дни почти не увидишь. Их тип исчез. За время империалистической войны и гражданской войны все они полегли либо от изнурения, либо на поле брани. Но что всего печальнее – у нас погибли и высококровные их производители и матки, которых, увы, не пощадили многократные мобилизации военного времени, подскребавшие начисто весь подходящий конский состав для нужд как белых, так и красных армий.

С великим трудом и не скоро создается племенная конская база. Правда в современной коннице видишь и теперь неплохих лошадей, выносливых и резвых, однако по кровности, росту и красоте им все еще очень даже далеко до тех парадных красавцев-исполинов, которыми прежде комплектовалась кирасирская дивизия Царской Гвардии.

Ах, ...что это были за кони!»³⁹

Разумеется, содержание лошадей в надлежащем виде доставляло немало хлопот. Страшной язвой кавалерии был сап. Сугубую опасность представляла эта неизлечимая болезнь еще и потому, что опасности заражения подвергались ей также и люди, которые в силу служебного долга должны были ухаживать за больными лошадьми.

Первый случай заболевания сапом в Лейб-Гвардии Драгунском полку было обнаружено 30 сентября 1907 г. Инфекцию занесли вместе с молодым ремонтном из Гвардейского Запасного полка. Ко-

ни, имевшие явные признаки болезни, были уничтожены. Конюшню дезинфицировали. Соседние с больными лошади были изолированы. За ними вели тщательное наблюдение. Однако к концу 1908 г. в ветеринарный лазарет стали поступать лошади разных эскадронов более старых годов службы с явными признаками болезни. Сап распространился на четыре эскадрона. Всего в течение трех лет в полку было уничтожено 38 казенно-строевых лошадей и одна собственно-офицерская. Только благодаря энергичным действиям командира полка болезнь была остановлена в сравнительно короткий годичный срок. Делясь полученным опытом, гр. Ф. А. Келлер подчеркивал заслуги ветеринарной службы полка: «хорошо оборудованный лазарет», «опытные и добросовестные фельдшеры», «исключительная энергия, неутомимость, добросовестность и интерес к делу, которые проявил ветеринарный врач Лейб-Гвардии Драгунского полка надворный советник Григорович»⁴⁰.

«Кавалерийская служба, во всех ее отделах и занятиях, – писал Военный министр ген. В. А. Сухомлинов, сам конник до кончиков ногтей, – способствует развитию спорта, телесных и духовных сил и здравому соревнованию без стремления к карьере. [...] Истинным кавалеристом может быть лишь бодрый духом и телом человек»⁴¹.

Среди офицеров-гвардейцев, чьи имена знали далеко за пределами России, были кирасирские офицеры фон Эксе и Плешков*, выигрывавшие ежегодные международные состязания в Лондоне и Вене⁴².

В 1912 г. в Лондоне в групповом заезде русские офицеры фон Эксе, П. Родзянко** и Иваненко впервые взяли переходящий кубок Английского короля Эдуарда. Взятый три года подряд, он перешел в постоянное владение России. Переходящий кубок короля Георга, выигранный фон Эксе в 1911, 1913 и 1914 гг., также перешел во владение России. Россия впервые была приглашена на V Олимпийские игры в Стокгольме в 1912 г. Возглавил Русский Олимпийский комитет командир Л.-Гв. Гусарского Его Величества полка

* *Михаил Михайлович Плешков* (ум. 1956) – полковник Л.-Гв. Кирасирского Его Величества полка. Участник первой мировой и гражданской войн. Сражался на Восточном фронте. Генерал-майор. В эмиграции. Скончался в Нью-Йорке. Автор книги «Мои воспоминания» (Мюнхен, 1959).

** *Павел Павлович Родзянко* (ум. 1965) – полковник Л.-Гв. Кавалергардского полка. Участник первой мировой и гражданской войн. Полковник Английской армии. Скончался в Лондоне.

Свиты генерал-майор В. Н. Воейков. Он же по Высочайшему повелению был назначен представителем России на Олимпийских играх 1912 года⁴³. В конкур-ипшик на этих играх принимали участие русские офицеры: Великий Князь Димитрий Павлович, А. Родзянко*, Селихов и Плешков⁴⁴.

Лейб-драгунские офицеры, наряду с гвардейскими конно-артиллеристами и гродненскими гусарами, отличались высокой спортивностью. Вот как вспоминал об этом участвовавший в скачках (и выигрывавший их) офицер Л.-Гв. Драгунского полка (в бытность там командиром гр. Ф. А. Келлера) Эрик Иванович фон Гримм:

«Скачка на “Кубок Гвардейской Кавалерии” была основана в девяностых годах прошлого столетия. Великий Князь Владимир Александрович, командовавший тогда Войсками Гвардии и Петербургского округа, пожертвовал для этой скачки большой серебряный кубок. [...] От каждого полка мог участвовать лишь один офицер. Форма одежды ездока была походная при шашке и револьвере. Седловка с полным выюком, оголовье с мундштуком и цепочкой.

При выигрыше кубок получал полк, но всего на один год, причем имена ездока и лошади выгравировывались на кубке. Ездок получал специальный жетон, который он носил на мундире. Скачка и жетон заносились в послужной список выигравшего ездока. В полную собственность полка кубок переходил лишь тогда, когда он был выигран полком три года подряд. Выигравшие ездоки три года подряд не имели права участвовать в скачке на кубок.

Скачка разыгрывалась на ипподроме Красного Села в присутствии Великого Князя Владимира Александровича [впоследствии Вел. Кн. Николая Николаевича], Высочайших Особ, высших чинов начальства и, конечно, массы офицеров лагеря и других приезжих. [...]

За многие годы кубок Гвардейской Кавалерии был выигран три раза Гвардейской Конной Артиллерией и три раза Лейб-Драгунами, но не подряд и поэтому в полную собственность кубок никому не перешел. Наконец, гродненские гусары выиграли его три раза подряд, но, увы, его также не получили!»

* Александр Павлович Родзянко (1879–1960) – полковник Л.-Гв. Кавалергардского полка; командир полка Офицерской кавалерийской школы. Участник первой мировой и гражданской войн. Генерал-лейтенант (1919). В эмиграции. Скончался в Нью-Йорке.

Произошло это по обидному недоразумению. Выигравшему гродненскому поручику Третьякову сразу же после окончания скачки в технической комиссии заявили, что он «лишается приза в виду того, что на его лошади было одето оголовье с “пелямом”, вместо мундштука, трензеля и цепочки, как это точно было указано в условиях скачки. [...] Третьяков был кругом виноват, и судьи не могли вынести другого решения.

Пришла война, революция, и все кончилось, но кубок Гвардейской Кавалерии, за годы выигранный многими полками, так и не перешел в полную собственность ни одного полка»⁴⁵.

Какие, однако, потрясающие самое смелое воображение картины в эти страдные годы дала дружба коня и человека.

Опытным наездником и знатоком лошадей был не раз упоминавшийся нами барон Г. К. Маннергейм. (Недаром, видимо, китайцы во время его экспедиции в Поднебесную, переводили его имя, как *Конь, скачущий сквозь облака*.) Учителем его был выдающийся наездник штабс-ротмистр Кавалерградского полка барон Федор Федорович Гойнинген-Гюне, в 300 скачках взявший 110 призов⁴⁶. Лошади барона Маннергейма также не раз брали призы. Он и сам участвовал в скачках. У барона было до полутора десятков переломов. Во время одного из выступлений заупрямившаяся лошадь крепко прижала его к борту. Подозвав одного из офицеров, он успел сказать, что, похоже, у него перелом бедренной кости, и попросил, чтобы у финиша, когда он возьмет все препятствия, его ждали с носилками, так как, скорее всего, он потеряет сознание⁴⁷. Так и случилось.

В одном из писем с полей японской войны подполковник барон Маннергейм сообщал отцу: «Молодой граф Канкрин, бывший у меня вестовым, получил пулю в сердце в тот самый момент, когда развернулся, чтобы отнести мой приказ. Мой лучший (единственный хороший) конь был застрелен подо мной. Это благородное животное, уже смертельно раненное, носило меня до конца боя, и только выполнив свою задачу, рухнуло наземь и испустило дух, к моему глубокому горю»⁴⁸.

Прощание с конем, напомним, единственное *горе* во всей книге славной кавалерист-девицы Н. А. Дуровой!

Непонимание сути любви кавалеристов к своим лошадям заставляет некоторых современных авторов даже возмущаться тому, что людей они-де ставят на одну доску с животными, когда оплакивают последних едва ли не наравне с друзьями. Но это свидетельствует только об одном: вместе с уничтожением кавалерии и уходом

от человека лошади во многих из нас иссякла еще одна любовь, связывавшая нас с Божиим миром...

Вспомним легендарных ахтырских гусар братьев Панаевых. Выучка кобылы Дрофа изумляла многих сослуживцев Бориса Панаева: схватив зубами, она подавала сидевшему на ней хозяину оброненные им фуражку, платок, портсигар. «Моя любимица», – говорил он о лошади друзьям⁴⁹. На ней он и погиб 13 августа 1914 г. во время атаки в Галиции. Ротмистр Б. А. Панаев, «уже раненый в ногу при подходе к плотине, летел с трубачем далеко впереди, с поднятой высоко шашкой, на своей любимой лошади Дрофа. Нога была раздроблена. Чтобы не упасть, он держался рукою за луку седла. К ней был привязан родовой образ Преображения... [...] Новая рана в живот. Он все держится в седле, все продолжает скакать на противника по крутому подъему и, крича: “С Богом, за Царя!”, через проволоку врывается в австрийские ряды. Изнемогает, но еще рубит. Успеваает сказать трубачу, чтобы тот взял с него сумку с эскадронной иконой. Подскакивает к австрийскому офицеру, схватывает его за шею, но тот четвертой раной, из револьвера в висок, сражает Панаева. [...] Быстро и верно сошел на него Небесный венец»⁵⁰.

Второй брат, Гурий. «Страстный кавалерист, он всегда в письмах своих, неизменно кратких, писал: “Мы и лошади здоровы”. Сохранились его фотографии – на *soucouls hippique* в Вене, где он брал высокие призы, и перелетающим на лошади над крышей хаты...»⁵¹ Его любимая кобыла Вендетта помогала хозяину надевать офицерское пальто (есть даже фотографии). Через две недели после гибели старшего брата, 29 августа, пришел черед ротмистра Г. А. Панаева. Наступала австрийская дивизия. «Гурий Панаев скакал с пикой в руке. Две линии неприятеля были уже смяты. При прождении он потерял лошадь и действовал пешим, пока не был сражен пулей и осколком снаряда в грудь. Офицеры Белгородского полка видели, как тяжело раненый Гурий лежал на земле, держа за узду лошадь. Страдая, он успел крикнуть им: “Пошлите матери сказать, что я убит в конной атаке, и привет Шефу!” Шефом ахтырцев состояла Великая Княгиня Ольга Александровна [Сестра Императора], хорошо знавшая Панаевых и уважавшая их*. Тело Гурия нашли через несколько дней в овине, ограбленным, с уцелевшим на

* Своего второго сына, появившегося на свет в 1919 г., Великая Княгиня, напомним, назвала Гурием. – С. Ф.

нем каким-то чудом родовым образом Преображения, пред которым умер Борис»⁵². Смерть кобылы и ее хозяина произошли почти одновременно*.

*А там, в гусарских киверах,
Семья Панаевых в рядах... ***

Ну, а когда выжившим настала пора прощаться...

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной...
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою...
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.*

Только такая дружба на жизнь и на смерть могла родить это бессмертное по своей пронзительности стихотворение донского казачьего офицера Николая Николаевича Туроверова...

* Третий брат Лев, штабс-ротмистр того же полка погиб также в Галиции 19 января 1915 г. во время атаки. Все трое стали кавалерами ордена св. Георгия. Посмертно. «...Их смерть в открытом бою, – писал Государь в рескрипте, – является завидным делом воинов, ставших грудью на защиту Меня и отечества. Такое правильное понимание своего долга братьями Панаевыми всецело отношу к их матери, воспитавшей своих сыновей в духе беззаветной любви и преданности Престолу и Родине». Царской волей Вера Николаевна Панаева была награждена Знаком отличия св. равноапостольной Княгини Ольги 2-й ст. (единственное известное награждение) и пожизненной ежегодной пенсией в три тысячи рублей (Наши вести. № 390. Нью-Йорк. 1983. № 1. С. 6).

** Марш Ахтырского гусарского полка.

* * *

Но не только выездкой лошадей славны были полки Русской Гвардейской Кавалерии. Главным делом офицеров было обучение солдат и поддержание той высокой боевой выучки, которой всегда отличалась Гвардия Его Величества.

О том, как складывалась повседневная жизнь в гвардейском кавалерийском полку, как шло обучение, довольно подробно рассказал в своих воспоминаниях кн. В. С. Трубецкой, начавший со службы вольноопределяющимся, а потому хорошо знавший все изнутри:

«Ранним утром, еще при полной темноте, [...] мы всей командой в строю шли в конюшню, где при ярком свете электричества производилась уборка, чистка коней и дача корма. Пахнувшая цирком конюшня содержалась в образцовой чистоте, не хуже хорошего жилого помещения и своим блеском была замечательна. [...] Навести лоск на коня так, как это требовалось в полковой учебной команде, было не просто, и если по окончании туалета лошадь была чиста, но не *идеально* чиста, то за это попадало.

В особенности трудновато было с горячими и нервными экземплярами, не переносившими прикосновения жесткой щетки, при одном виде которой они начинали фыркать, дрожать, бить копытами, лягаться в узких стойлах, всячески пытаться укусить. Неопытного человека такая лошадь легко может покалечить. Тут нужна особая сноровка – нужно, чтобы конь боялся тебя и уважал.

Когда на скребнице накапливалось достаточно перхоти, ее осторожно опрокидывали на пол и ударяли по ней древком щетки, отчего на полу образовывался всякий раз аккуратный белый квадратик перхоти. Эти квадратики располагались в шашечном порядке перед каждым стойлом, образуя на полу правильные рисунки. Уже по одной их густоте к концу чистки вахмистр сразу мог определить, насколько основательно каждая лошадь начищена. Однако он этим не удовлетворялся и часто лично проверял чистоту на той или иной лошади, подробно осматривая ее. [...]

После уборки шли строем в казармы, где люди наскоро пили чай. [...] После чая занимались в казармах прикладкой, изучали винтовку. Ефрейтор и виц-унтер-офицеры занимались с каждым солдатом в отдельности на приборах с наводкой. Занимались дельно и толково, индивидуальным методом, подготавливая хороших стрелков.

К восьми часам все собирались в классе за партами. Ровно в восемь с боем часов заявлялся сам поручик. Луженая вахмистрова

глотка изрыгала громовое: “Встать!.. Смирно!” Мы вскакивали и каменели. Дежурный лихо и браво рапортовал. После чего следовало начальническое: “здорово, молодцы!” и ответный стройный хор: “здрав желаем ваш сок-бродь”, выкрикиваемое громко, “весело и почтительно” особым ускоряющимся ритмом. Поручик снимал серое пальто, которое услужливо подхватывал дежурный, и при гробовой тишине с минуту пристально оглядывал статуями окаменевших людей пронзительными, строгими и все замечавшими глазами. Выждав паузу, он приказывал нам сесть. Усаживался сам и начинал с командой занятия либо топографией, либо уставами. Все уставы зазубривались солдатами чуть не наизусть. [...]

С 10 до 12 часов в большом и стильном полковом манеже производилась сменная езда учебной команды. Потом перерыв на обед... [...] После “мертвого часа” [...] до самого вечера производились занятия гимнастикой, пешим строем, вольтижировкой, фехтованием, стрельбой в тире. [...]

Вечером мы возвращались домой разбитыми и до того усталыми, что стремились скорее в постель. И так изо дня в день долгие месяцы.

Но всего тяжелее была езда в манеже, под командой поручика Палицына, который с первых же дней задал нам невероятного перца и внушил к себе прямо панический ужас. [...]

В первое время ездили совсем без стремян, дабы пригнать правильную уставную посадку. При этом езда строевой рысью очень утомляла, если попадалась тряская лошадь. [...] Без стремян держаться в седле полагалось только усилиями коленей, которые нужно было крепко вжимать в седельные крылья, оставляя шенкель (то есть нижняя часть ноги от колена) свободным. [...]

Во время строевой рыси, по команде “дойди на хвост” всю смену подолгу заставляли проделывать качание шенкелями и нагибание корпуса вперед и назад, сохраняя правильное положение шенкеля, что было утомительно. Но вот, наконец, раздавалась долгожданная команда: “шагом, вольно, оправиться, огладить лошадей!”... Казалось, наступал желанный минутный отдых, где можно было, наконец, расправить затекшие и наболевшие члены. Не тут-то было! – Палицын уже басил на весь манеж: “встать на седла-а!”.

Солдаты становились ногами на качавшиеся под ними седла узкие и скользкие и, балансируя руками, старались поддержать равновесие. [...]

Круто приходилось и во время вольтижировки, которая производилась при полной боевой (то есть при винтовке и шашке). Трудно было приловчиться одним махом вскочить на галопирующую огромную лошадь. Сначала не хватало ловкости, силы в руках и ногах. Шашка путалась между ног и мешала. Неуклюжих Палицын подбадривал бичом, который, надо сознаться, в этих случаях действовал благотворнейшим образом. Бывало, ухватишься одной рукой за кончик гривы на холке, другой рукой упираешься в седло и в таком виде, беспомощно повиснув сбоку лошади, толкаешься ногами в землю, тщетно стараясь взлететь на седло. Вдруг резкий щелчок бича, так обжигающий самую мягкую часть твоего тела и... о чудо! – сразу же откуда-то появляется у тебя ловкость и сила – ты уже перышком взлетаешь вверх, попадая, как положено, прямо в седло, а Палицын уже басит: “Виноват, вольноопределяющийся, я, кажется, вместо лошади нечаянно вас задел...” [...]

Вот ефрейторы и освобожденные по запискам от езды солдаты втаскивают в манеж каменную стенку. Это массивный деревянный барьер в полтора аршина вышиной, выкрашенный под кирпич и почему-то именующийся “гробом”. Барьер этот ставится вплотную к стене манежа. Раздается протяжная команда: “манежным галопом... марш!..” Палицын пропускает всю смену без стремян через барьер. Не доходя несколько скачков до препятствия, мы должны бросить поводья и взять руки на бедра. Делается это для того, чтобы приучить нас во время прыжка лошади не виснуть на поводу и не вздергивать коня. Такой же метод вырабатывает у людей крепкую устойчивую посадку. Однако, по первоначально, лишенные стремян и не имея иной опоры, кроме собственных коленей, многие во время могучего взлета лошади над барьером инстинктивно взмахивают руками или растопыривают их, как бы ловя руками воздух. Такой судорожный жест Палицын никому не прощает: “Аэроплан, а не кавалерист!.. наряд не в очередь!!” – кричит он вдогонку провинившемуся.

...Палицын заставлял смену проходить через барьер, сидя задом наперед, да еще подбоченясь, и чтобы люди не смели оглядываться назад. Это было, в сущности, и безрассудно, и опасно, и не скрою – просто страшно.

Вот каменная стенка – гроб у манежной стены. Мы идем галопом. Головной номер приближается к препятствию. Вдруг команда: “сделать ножницы, сесть задом наперед”, мы быстро переворачиваемся, усаживаясь к лошадиному хвосту. Седельная лука непри-

вычно толкает тебя в зад и уменьшает точку опоры. “Руки на бедра!.. Не смей оглядываться назад!” Тут в сердце невольно закрывается дурной холодок – предвкушение почти неизбежного падения. Секунды две молишься Богу, чтобы было не больно. С тревогой вглядываешься в морду скачущей за тобой огромной рыжей лошади, под чьи копыта ты, очевидно, попадешь, когда кубарем брякнешься на землю. Безудержно хочется оглянуться на барьер, его жуткое и быстрое приближение ты ощущаешь с каждым скачком. Хочется впитаться руками в ерзающий лошадиный круп... Поздно... Могучий взлет коня, передняя лука неожиданно резким толчком выталкивает твой зад из седла. Ты брошен в пространство. Руки сами собой судорожно вскидываются вверх. Ты кувырком черед голову летишь прямо под ноги скачущего за тобой номера. К счастью, лошади обладают одним удивительным свойством: на скаку они почти никогда не заденут копытом упавшего человека, и в большинстве случаев по какому-то инстинкту благополучно перескакивают через него.

Вскочив на ноги после падения, обалделый человек сам не понимает, как и почему он остался цел. Почесывая ушибленное место и отплеиваясь опилками, он бежит, уже нередко прихрамывая, догонять своего унесшегося коня.

Случались и увечья. Бывало, что некоторых тут же приходилось отправлять в полковой лазарет с тяжелыми ушибами или вывихами, а то и без памяти. [...]

Во время сменной езды много внимания уделялось рубке. Полк славился на состязаниях своими лихими рубаками. Многие молодые офицеры сами увлекались этим делом, возводя его в спорт и, надо сказать, солдат выучивали рубить до степени виртуозности. На полном скаку без промаха перерезали шашкой маленькую картошку, висящую на нитке, вдевали шашку в узенькое колечко, лихо рубили на карьере глиняные головы; толстые соломенные жгуты, лозы и прочее рубили, прыгая через препятствия. Рубили красиво, *стильно*. Палицын во время рубки входил в азарт. Беда, если при ударе шашкой заденешь повод левой рукой, цукнешь лошадь, и она рванется вперед. Тут неминуемо раздавался вдогонку бас Палицына: “Э, такой-то!.. тем же аллюром в караульное помещение!” И провинившегося прямо из манежа отправляли на сутки под арест на полковую гауптвахту. [...]

На “действия пикой” в полку напирали не менее, чем на рубку. [...] На учениях в манеже... пиками кололи на галопе стоячие и ле-

жачие соломенные чучела, одетые в старые кирасирские вицмундиры. Учились также на всем скаку вдевать пику в небольшие колечки, развивая этим упражнением меткость удара. Всей сменой скакали через манеж, делая пикой “фланкировку”, то есть с силой особым приемом вращали длинное древко пики кругом туловища, благодаря чему всадник становился в рукопашной схватке неуязвимым для вражеского удара. Некоторые силачи-кирасиры вращали при этом пику так, что она буквально гудела. Было и такое упражнение – подбрасывание пики над головой. Делалось это тоже на галопе всей сменой разом. Подбрасывать нужно было тяжелую пику как можно выше. [...]

По субботам все занятия в полку кончались к 12 часам дня. Наступал отдых до самого понедельника»⁵³.

Были и особые праздники.

«Каждая команда, каждый эскадрон имел свою икону. Находилась эта икона в казармах, в специальном киоте, и была убрана серебряной ризой. Перед иконой днем и ночью горела лампадка. Богоматерь или святой, изображенный на этой иконе, считались как бы покровителем данного эскадрона. День этого святого был днем эскадронного праздника. В этот день в эскадроне занятия не проводились и люди в караул не назначались. На эскадронный праздник солдатам устраивался пир за счет офицеров эскадрона. Празднество начиналось с молебна в казармах в присутствии командира полка и всех свободных офицеров полка. Помолившись и прослушав многолетие, приступали к выпивке, для чего все переходили в эскадронную столовую. Там были уже для солдат расставлены покоем столы, устланные чистыми скатертями и ломившиеся от закусок. В углу на особом столе стояли ведра с водкой. В комнате рядом накрывался особый стол для гг. офицеров. Когда солдаты занимали свои места, выпивку открывал сам генерал. Он подходил к столу с водкой, где вахмистр наливал ему стопочку, черпая водку половником из ведра. “Ну, ребята, поздравляю вас с вашим праздником от души и до дна пью за ваше здоровье!” – бравым баритоном провозглашал генерал и, картинно осенив себя по-мужицки широким крестным знаменем, лихо опрокидывал стопку. “Покорнейше благодарим, Ваше Превосходительство!” – степенно отвечали солдаты. После генерала ту же процедуру проделывали по очереди все присутствующие офицеры, начиная от старшего и кончая младшим. На этом кончалась официальная часть, после которой все садились, и тут каждый уже без всякого

стеснения принимался жрать и пить в полное свое удовольствие. Офицеры пили шампанское, солдаты – водку и пиво. К концу пиршества выступали песенники, появлялась гармошка и начиналась пляска. Несмотря на обилие спиртного, все торжество обычно проходило довольно чинно и громкого безобразия не бывало, ибо крепко дисциплинированные люди и в пьяном виде не забывали о выправке и чинопочитании»⁵⁴.

Пьян да умен – два угодыя в нем.

«...Был еще и грандиозный полковой праздник. [...] Торжество это было чрезвычайное и обходилось гг. офицерам в изрядную копеечку.

На полковой праздник обычно съезжались в полк чуть ли не все старые бывшие полковые офицеры, с честью прослужившие в полку в свое время. Заявлялись они в этот день во фраках и цилиндрах, а иные в камергерских мундирах. Приезжали на этот праздник даже некоторые бывшие нижние чины, давно уволенные в запас. На праздник приглашались почетные гости, как то: Великие Князья, важные генералы и высшее гвардейское начальство.

Утром на площади [...] выстраивался в пешем строю весь полк... [...] Для почетных гостей и полковых дам на площади отводилось особое место, убранное коврами, причем всем дамам вручались большие букеты роз... [...] После встречи начальства и томительного молебна с акафистом и многолетием аналой быстро убирался и на его месте тотчас же появлялся столик, покрытый скатертью, а на столике симпатичный серебряный графин с водочкой и серебряная чарочка на золотом блюде. [*Серебряное на золотом!*] Старшие из присутствующих важных начальников, налив водку в чарочку, провозглашали несколько здравиц за Царя, Царицу, Наследника и за полк, причем каждая такая здравица покрывалась криками “ура!” и громом оркестра. После здравиц раздавалась команда: “К церемониальному маршу!.. Справа повзводно...” [...] ..Сотни людей стройно проходили мимо гостей, впиваясь глазами в старшего начальника. Эскадроны расходились по казармам в ожидании пира.

Пир этот бывал потрясающ и продолжался с перерывами весь день... [...] Солдат угощали на славу. Кроме обильной выпивки им раздавались и гостинцы.

В большом элегантном зале офицерского собрания (куда по полковой традиции никогда не допускались дамы*) длинный стол сверкал от парадного серебра, в виде всяких братин, графинов и *surtouts de tables*. Наш вольнонаемный собранский повар, большой искусник своего дела, в этот день превосходил самого себя великолепием яств, которые в изобилии подавались к столу. Тонкие дорогие заграничные вина, французское шампанское, ликеры... [...] За обедом зачитывались поздравительные телеграммы Царя и Шефа.

После обеда, продолжавшегося часа три, обычно уезжали самые старые и важные начальники, которым их высокое положение не позволяло напиться как следует. Тогда весь полк собирался в манеже, где к этому дню устанавливалась сцена и множество скамеек. В передних рядах усаживалось офицерство со своими гостями. Сзади – солдаты. Выписанные из Питера артисты давали веселое представление и продолжительный дивертисмент с фокусниками, балеринами, акробатами и куплетистами. После дивертисмента на плацу перед конюшнями для нижних чинов устраивались игры и всякие шутовские состязания на призы. Тут бывал и бег в мешках [...]; тут было и лазание по намыленному столбу, на верхушке которого привязывался приз в виде гармошки, карманных часов или пары сапог. Доставался такой приз тому ловкачу, которому удавалось его снять, не соскользнувши с намыленного столба. Много тут было всяких забав.

Вечером в собрании закатывался ужин, на котором, однако, далеко не все способны были присутствовать»⁵⁵.

Проходили, промелькнув, праздники, и снова наступали будни. Боевую учебу венчали маневры.

* Интересно, что на военном жаргоне холодное оружие называлось «белой дамой». (О культе оружия см. в кн.: *Свящ. П. Флоренский. Философия культа. (Опыт православной антропологии)*. М., 2004. С. 258–260). Официальным маршем Кавалергардского полка в 1826 г., по желанию его Августейшего Шефа Императрицы Александры Феодоровны, стала мелодия из одноименной оперы (1825) французского композитора Ф. А. Буальде (1775–1834). В одном из куплетов говорилось: «Кавалергард, берегись, / Белая дама на вас смотрит» (*пер. с фр.*). Это было связано с появившейся в офицерском собрании Белой Дамой: «Она выходила из глубины биллиардной, проходила через столовую и скрывалась в портретной, где висели изображения всех командиров Кавалергардского корпуса и полка от Петра Великого и до последних дней Империи» (*Бибиков Г. История кавалергардов. Париж, 1992*). – С. Ф.

Взгляды гр. Ф. А. Келлера на боевую выучку солдата в мирное время оборачивались во время маневров неслыханными ранее случаями, которые прочно застревают в памяти людей, даже переживших первую мировую и гражданскую войны, нелегкое эмигрантское существование.

Вот иллюстрация лишь к одному из положений графа: «Связь между передовыми эскадронами должна быть непрерывная, бдительность – усиленная, дабы ни один неприятельский разведчик не мог прошмыгнуть между ними и известить свои войска о том, кто и как наступает за этими эскадронами»⁵⁶.

Уже не раз упоминавшийся нами полковник Э. И. фон Гримм (1880–1967), председатель объединения Л.-Гв. Драгунского полка в эмиграции, писал:

«Недавно в Париже один гвардейский казачий офицер в разговоре с моим однополчанином вспоминал, как в Отрядных маневрах “неприятель” всегда боялся графа Келлера, который “воевал” по-настоящему, проявляя смелую и неожиданную инициативу. Это действительно было так. Мы, лейб-драгуны, всегда были начеку, все у нас применялось на военный лад, люди это любили и это придало им какой-то особый военный задор.

Граф Келлер был неутомимый и очень строгий командир полка, мы его боялись больше, чем “неприятеля”. Он входил во все, был всюду, внезапно, на маневрах, появлялся в сторожевом охранении, следил за разведкой и приказывал нападать и ловить неприятельских разведчиков “взаправду”. Боже сохрани, попасться самому в плен и отдать посланное донесение. Отсюда – происходили драки. Отбивались чем попало, доходило до того, что вытаскивали шашки и кого-то как-то вытянули плашмя по спине и ранили его лошадь. Пошли жалобы на лейб-драгун. Келлер только улыбался и, в итоге, запретил вытаскивать шашки, но прибавил:

– А в плен все же не сметь сдаваться.

Драки продолжались. Вместо шашек вырезывались “дрючки” и ими дубасили направо и налево.

Был сезон Отрядных маневров. По окончании одного из них Великий Князь Николай Николаевич делал разбор маневра. Под конец разбора Великий Князь сказал, что одна из причин удачных действий Отряда была энергичная разведка лейб-драгун, дававших непрерывно точные сведения о противнике. Командира же “враждебного” кавалерийского полка он упрекнул в том, что разведка его была слаба, всегда опаздывала и многие ее донесения перехватыва-

лись лейб-драгунами. Обиженный командир полка покраснел и обидчивым голосом воскликнул:

– Да что же делать с лейб-драгунами, когда они дерутся, как разбойники.

В одно мгновение высокая фигура графа Келлера выросла перед маленьким генералом.

– Что-о? – грозно крикнул он.

Маленький генерал успокоился сразу. Маневры кончились, был дан отбой, и мы, в длинной колонне с трубачами и песенниками, потянулись домой.

В нашем четвертом эскадроне был лейб-драгун, ефрейтор Бондаренко, кузнец, лихой мальч и отчаянная голова. В одно прекрасное утро Бондаренко рысью пробирался через кусты, везя донесение. Внезапно со всех сторон повыскакивали гвардейские казаки и окружили его. Бондаренко, как бешеный, отбивался своим “дрючком”, но, видя, что дело дрянь, швырнул его и остановился. Поднялся на стременах, высоко поднял руку с донесением и крикнул: “Видели?..” – Вслед за этим словом последовали крепкие слова в трехэтажном построении... Затем он широко раскрыл рот и проглотил донесение. После этого, махнув рукой, он крикнул казакам:

– А теперь забирайте...»⁵⁷

Памятуя подобные случаи, позднее гр. Ф. А. Келлер писал: «Не отрицаю, что изредка где-нибудь и может произойти драка двух солдат, но в этом усмотреть что-либо страшное я не могу, и мне сдается неосновательным из-за предвидения такого случая отменять обучение и воспитание всей массы»⁵⁸.

За этими, на первый взгляд, забавными случаями стояли воззрения Ф. А. Келлера на воспитание и военную подготовку солдата. «Пагубное влияние, – писал он, – в смысле создания в нашем, в душе любящем и увлекающемся военным делом солдате апатичного отношения ко всему, что касается маневра, оказывает настойчиво проводимое некоторыми начальниками распоряжение, чтобы на маневрах солдаты не смели гоняться за разездами и одиночными всадниками, не смели брать в плен зазевавшегося противника и т.д. и этим запрещающие то, что единственно и может возбудить интерес в солдате к маневру и подготовить его к боевой деятельности на войне.

Мне не раз приходилось видеть в частях, где такое запрещение действует, как везший донесение солдат проезжает, не скрываясь, прямо через цепь противника... [...]

В тех же частях, где такое запрещение не действует, я видел совершенно другие сцены; так, мне пришлось быть свидетелем того, как везший донесение молодой солдат, окруженный ловившим его неприятельским разъездом, бросился с лошадьёю с трехсаженного обрыва в реку, переплыл ее и торжествуя доставил своему начальнику донесение; видел я, как разъезд прокладывал себе дорогу через такую лесную гущу, через которую, казалось бы, невозможно пробиться и одиночному пешему человеку; видел я, как солдат в холод и осенний дождь просиживал целую ночь в мокрой канаве с единственной целью захватить неприятельского посыльного и отнять у него донесение; видел я и то, как разведчик проползал в грязи по несколько верст на животе с тем, чтобы пробраться через сторожевое охранение и открыть расположение противника, или как, преследуемый, он просиживал часами в холодной воде по горло; как простой рядовой выдумывал, чтобы скрыть свой след, такие фокусы и увертки, которые и в голову никому прийти не могут, – всего не перечесть.

Вечером, сидя у костра, с какой гордостью герой такого происшествия рассказывал товарищам о том, как он надул глупого противника и этим спас весь свой отряд и чуть ли не всю свою армию от вернейшего разгрома. Видел я, с каким увлечением, завистью и восторгом слушали рассказчика его однополчане, жаждущие такого же случая, чтобы самим отличиться»⁵⁹.

*Снега первого белее
Блещут наши португези,
Шашки у бедра, шашки у бедра.*

О службе в полку графа Келлера известно сравнительно немного.

О Высочайшем благоволении к нему Государя Императора свидетельствовало немало фактов. 19 марта 1907 г. он был назначен флигель-адъютантом, а 30 июля – «за отличие по службе» – произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту Его Величества.

С 23 августа по 15 сентября 1907 г. Федор Артурович в составе депутации от войск Русской Гвардии находился в Софии на торжественном освящении памятника Императору Александру II по случаю 30-летия начала русско-турецкой войны. Во время торжеств генерал Келлер был пожалован Князем Болгарским Фердинандом I орденом Св. Александра 2-й ст., который ему 22 декабря Высочайше было разрешено принять и носить⁶⁰.

4 февраля 1909 г. скончался Августейший Шеф полка Великий Князь Владимир Александрович, назначенный на этот пост в 1847 г. в день своего рождения. Он « всю свою жизнь любовно и заботливо относился к своим драгунам ». Через пять дней, 9 февраля, Государь Император назначил Шефом вдову почившего Великую Княгиню Марию Павловну⁶¹. В списках полка числились их сыновья: Вел. Кн. Кирилл Владимирович (с 30 сентября 1876 г.) и Вел. Кн. Борис Владимирович (с 12 ноября 1877 г.)⁶².

Однажды незадолго до начала войны за Высочайшим завтраком в интимном кругу речь зашла о « безтактности и мании величия » Великой Княгини Марии Павловны. Вел. Кн. Николай Михайлович вспоминал: « Зная, что 19-го марта должен состояться 100-летний юбилей лейб-драгун, которых шефом состоит Мария Павловна, Государь с усмешкой добавил, что не может еще догадаться, чего она пожелает к этому дню. Александра Федоровна при этом заметила, что Она будет отсутствовать, чтобы не помешать Марии Павловне быть на параде и занимать первое место. Тогда я вдруг брякнул: “ А знаете что, Ваше Величество, дайте ей на юбилей драгун титул Вдовствующей Императрицы ! ” Общий хохот всех дочерей Царя и Царицы был ответом на мое замечание »⁶³.

В 1907–1910 гг. Федор Артурович не раз временно командовал 2-й бригадой 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, командиром которой вплоть до января 1909 г. был ген. А. А. Брусилов. 5 января дивизию принял ген. В. М. Безобразов (1857–1932), как и его предшественник, выпускник Пажеского корпуса, участник русско-турецкой войны 1877–1878 г., с 1906 г. бывший начальником Офицерской кавалерийской школы*.

Судя по некоторым воспоминаниям, именно в результате конфликта с новым командиром дивизии ген. гр. Ф. А. Келлер

* Впоследствии генерал от кавалерии (1913), генерал-адъютант (1914), С. В. Безобразов командовал Гвардейским корпусом (1912), с которым он и выступил на войну. После объединения двух Гвардейских корпусов с Гвардейским кавалерийским корпусом (26.11.1915) был командующим Гвардейского отряда. Как известно, в кампанию 1914 г. Русская Гвардия понесла тяжелые потери, а в течение 1915 г. был практически полностью уничтожен ее довоенный офицерский состав. Дело довершили сражения у Стохода и под Ковелем 1916 г. Только во время последнего Гвардия потеряла 4 тысячи человек. В конце концов, ген. Безобразов был отстранен от командования остатками Гвардии. Эмигрировал. Участник монархического Рейхенгалльского съезда 1920 г. Скончался в Ницце.

вынужден был оставить полк. «Известна его история – столкновение с ген.-адъютантом Безобразовым, тогда начальником 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии. Келлер ушел из манежа, не согласный с словами, обращенными ген. Безобразовым к офицерам полка. Безобразов пожаловался кому надо и Свиты Его Величества генералу графу Келлеру было приказано извиниться перед Безобразовым. Тогда Келлер, отказавшись это сделать, сказал: “Жизнь моя принадлежит Государю, но честь моя принадлежит мне!”».

Намеренно или нечаянно – буквальное повторение старинного французского стиха:

*À Dieu – mon âme,
Mon corps – à Roi,
Mon coeur – aux dames,
L'honneur – pour moi*.*

В результате, продолжает мемуарист, «Келлер был отчислен от командования полком с оставлением, однако, в Свите и с назначением командиром бригады в одной из кавалерийских дивизий...»⁶⁴

«Высочайшим приказом в 16 день мая 1910 года, – читаем в послужном списке графа, – отчислен от должности командира Лейб-Гвардии Драгунского полка с оставлением в Свите Его Величества и с зачислением по Гвардейской Кавалерии»⁶⁵.

КОМАНДИР ДИВИЗИИ

16 мая 1910 г. граф Ф. А. Келлер сдал полк Свиты Его Величества генерал-майору Ивану Георгиевичу Эрдели (1870–1939), командовавшему перед этим 8-м драгунским Астраханским полком, в 1900–1905 гг. бывшим старшим адъютантом штаба генерал-инспектора кавалерии Вел. Кн. Николая Николаевича.

Сам же граф отправился к новому месту назначения: командиром 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии (с 14.6.1910). В Тифлис¹.

* *Душа моя – Богу,
Сердце – дамам,
Честь – моя.*

Через два года, 25 февраля 1912 г. Федор Артурович был назначен начальником 10-й Кавалерийской дивизии, расположенной в то время в районе Харькова². Вскоре его произвели в генерал-лейтенанты.

В 1898 г., когда дивизию принимал ген. В. А. Сухомлинов, Вел. Кн. Николай Николаевич заявил ему, что недавно «прогнал ее с поля», найдя эту «пешую конницу» в «ужасном» состоянии. За два года неустанной работы Владимиру Александровичу удалось достаточно хорошо подтянуть кавалеристов³.

Начальником штаба дивизии ко времени принятия ее генералом Келлером был полковник В. П. Агапеев*. Старшими адъютантами: по строевой части Генерального Штаба капитан А. В. Сливинский**, по хозяйственной – ротмистр В. Г. Мартос***.

Как и любая другая кавалерийская дивизия Русской Императорской армии, она «состояла из трех регулярных полков: драгунского, уланского, гусарского и одного донского казачьего. Номер донского казачьего полка совпадал с номером дивизии: так 1-я кавалерийская дивизия имела 1-й донской казачий полк, 2-я – 2-й донской и т.д., но ввиду того, что 9-й и 10-й донские полки входили в особую Казачью дивизию, то вместо них к 9-й кавалерийской дивизии был придан 1-й Уральский казачий, а к 10-й – 1-й Оренбургский казачий полк.

* *Владимир Петрович Агапеев* (1876–1956) – окончил 1-й Кадетский корпус (1893), Николаевское кавалерийское училище (1895) и Академию Генерального Штаба (1901). Офицер Л.-Гв. Уланского Его Величества полка. Впоследствии начальник штаба 35-го армейского корпуса и Польского корпуса. Генерал-майор. Участник гражданской войны. Генерал-лейтенант (1919). В эмиграции в Югославии. Главный редактор «Вестника объединения российских Пажеского, Морского и кадетских корпусов в Королевстве Югославии». В годы второй мировой войны служил в Русском Корпусе. Эмигрировал в Аргентину. Скончался в Буэнос-Айресе.

** *Александр Владимирович Сливинский* (1886–1953) – окончил Академию Генерального штаба (1914). Георгиевский кавалер. Впоследствии начальник штаба 10-й Кавалерийской дивизии. Подполковник. Вступил в армию гетмана Скоропадского (1918). Начальник Генерального штаба. Полковник. Участник гражданской войны в Вооруженных силах Юга России. В эмиграции в Югославии. Инженер-строитель. Выехал в Германию (1925), затем в Канаду (1951). Скончался в Монреале.

*** *Владимир Григорьевич Мартос* – выпускник Елисаветградского кавалерийского училища (1903). Ротмистр 10-го Уланского Одесского полка. В эмиграции в Станиславове (Польша).

Дивизии делились на две бригады: драгуны и уланы составляли первую, а гусары и казаки – вторую бригаду.

В каждую дивизию входил конно-артиллерийский дивизион из двух конных батарей по шести орудий (пушек) в каждой батарее. Конная артиллерия отличалась от пешей тем, что вся орудийная прислуга ехала на лошадях и поэтому могла поспевать за кавалерией, в пехоте же орудийная прислуга шла пешком.

Плюс в дивизию еще входила пулеметная команда с 16-ю пулеметами и телефонная команда связи. Обоз делился на два разряда: в первом разряде шли патронные двуколки, артиллерийские ящики со снарядами и походные кухни, а во втором разряде шел весь остальной обоз»⁴.

В состав 10-й Кавалерийской дивизии, таким образом, входило две бригады. В первой, под командованием генерал-майора В. Е. Маркова*, находились: 10-й Драгунский Новгородский Его Величества Короля Вюртембергского полк (полк. Клевцов) и 10-й Уланский Одесский Его Высочества Великого Герцога Люксембургского и Насауского полк (полк. Данилов), стоявшие соответственно в Сумах и Ахтырке. Во второй бригаде, под командованием генерал-майора Хитрово, были: стоявший в Чугуеве 10-й Гусарский Ингерманландский Его Королевского Величества Великого Герцога Саксен-Веймарского полк (полк. Богородский), находившийся в Харькове 1-й Оренбургский казачий Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Алексея Николаевича полк (войсковой старшина Печенкин), расквартированный в Чугуеве 3-й Донской казачий артиллерийский дивизион (полк. Персианов) и Пулеметная команда (полк. Б. Г. Пальшау**).

* *Василий Евгеньевич Марков* (1864–1935) – окончил Московский кадетский корпус (1882) и Николаевское кавалерийское училище (1884). Офицер Л.-Гв Конно-Гренадерского полка. Впоследствии начальник 10-й Кавалерийской дивизии. Генерал-лейтенант. Георгиевский кавалер. Участник гражданской войны. Эмигрировал во Францию. Скончался в Париже.

** *Борис Григорьевич Пальшау* (+1920) – полковник 10-го Гусарского Ингерманландского полка. Георгиевский кавалер. В армии гетмана Скоропадского служил в 12-м Полтавском конном полку. Участвовал в гражданской войне в Вооруженных силах Юга России в составе Ингерманландского гусарского дивизиона. Эвакуирован на о. Лемнос, откуда в октябре 1920 г. вернулся в Крым. Убит в бою у Сиваша.

По давней традиции, новгородские драгуны сидели на рыжих конях, одесские уланы – на гнедых лошадях, ингерманландские гусары на серых конях, оренбургские казаки – на маленьких лохматых сибирских лошадях, а донцы-артиллеристы – на статных быстроногих лошадях⁵.

Устроившись в Харькове, Федор Артурович отправился осматривать части дивизии. Прежде всего, он поехал в Сумы, в штаб первой бригады. «Город Сумы, – вспоминал совершавший за 14 лет до этого точно такой же объезд ген. В. А. Сухомлинов, – произвел на меня впечатление, не имеющее ничего общего с нашими уездными захолустьями. Прекрасные мостовые, тротуары, скверы, сады, исключительная чистота везде убедительно свидетельствовали о том, что и в России маленькие города в культурном отношении могут не уступать таким же за границей. Много прекрасных домов, роскошных магазинов и чудный собор стильной архитектуры, украшенный бронзовыми изваяниями, выполненными лучшими скульпторами в Италии. Несколько таких миллионеров-сахарозаводчиков, как Харитоненко, Суханов и другие, выстроили себе настоящие дворцы, городу: кто – собор, кто – больницу, приют, богадельню и т.п. из соревнования»⁶.

Чугуев был едва ли не полной противоположностью Сумам. По словам того же мемуариста, он «не заслуживал даже названия уездного города. Бывший штаб поселения аракчеевских времен в город превратиться не смог. От него сохранилось лишь большое здание в несколько этажей, предоставленное юнкерскому училищу, и затем каменная церковь, манеж, несколько домов и ряд каменных же домиков однообразной постройки для поселенческих семейств.

Если к этому прибавить гостинный двор, каменной постройки в несколько арок, с двумя-тремя магазинами, то это и составит весь город Чугуев, находящийся в четырех верстах от железнодорожной станции.

Рядом с юнкерским училищем сохранился небольшой каменный домик в четыре комнаты, под названием “Дворец”. В нем, по преданию, останавливались Царствующие Особы, приезжавшие на смотри.

На крыше училища была башня с часами и звоном. В 12 часов пополудни в них открывалась дверь с одной стороны, и выходили фигуры, изображавшие кирасира, гусара, улана, драгуна и других родов войск солдат, маршировавших и уходивших в другую дверь.

С замиранием жизни поселения заглохли и часы. Но затем, к приезду Императора Александра II на смотр войск в Чугуев, решено было пустить в ход и эти часы. Приехавший из Харькова часовой мастер, осмотрев их, нашел, что все до такой степени заржавело и попортилось, что надо все делать заново, на что требуется много времени и денег.

Маленький же чугуевский часовщик-еврей взялся пустить в ход часы за небольшую плату, но лишь на время пребывания Государя в Чугуеве. Часы действительно ходили исправно, звонили, фигуры маршировали как следует. Починка же заключалась в том, что все это время часовщик просидел сам в часах, заменив вполне удачно никуда не годный часовой механизм⁷.

Еще во времена Царствования Императора Александра II кавалерийские дивизии обычно состояли из трех бригад – драгунской, уланской и гусарской. По два полка в каждой. Казачьи части входили в состав особых казачьих соединений. При Императоре Александре III русскую регулярную кавалерию решено было объединить с казачьей конницей. «...За казаками, – объяснял этот шаг ген. В. А. Сухомлинов, – признавалась способность к самостоятельному действию одиночных всадников и ценился их навык к разведке, распознаванию следов не только неприятельского отряда, но и отдельных людей, проследовавших в известном направлении. В то же время считали, что казачьи сотни не имеют той ударной силы, которая свойственна сомкнутому, стройным эскадронам регулярной кавалерии.

На этом основании признано было за благо кавалерийские дивизии составить из четырех полков шестиэскадронного состава: драгунского, уланского, гусарского и казачьего. Такая организация должна была привести к тому, что от близкого единения с казаками регулярные полки усвершенствуются в сторожевой, разведывательной службе, партизанских действиях и вообще предприятиях так называемой малой войны.

С другой стороны, ожидалось, что казаки приобретут навык к сомкнутому атакам, развивая для этого надлежащую силу удара, необходимую при встрече стройных неприятельских атак⁸.

Следует признать, что частью кавалерийских офицеров казачьи полки вообще оценивались весьма невысоко в боевом отношении. Что влияло на это: мнение ли русского общества, с предубеждением относившегося к широкому участию казаков в подавлении «освободительного» движения 1905 г., чувство ли превосход-

ства кавалерийских офицеров-аристократов над казачьими, а, может быть, имевшие место различия, начиная от тактики и приемов боя до формы и особенностей взаимоотношений командиров и подчиненных в кавалерийских регулярных и казачьих частях – трудно сказать.

Яркий пример тому – неоднократно упоминаемый нами генерал Г. К. Маннергейм. Его несправедливо-заниженные оценки казаков нашли отражение на многих страницах последней биографической о нем книги. Такие же отзывы встречаем мы и в секретном документе Германского Генерального штаба 1913 года: «Боевая пригодность казаков по сравнению с прошлыми временами значительно уменьшилась. Казаки позволяют государству создать дешево крупную массу конницы, воинские качества которой, однако, отстают от качеств регулярной кавалерии; в особенности казаки малопригодны для боя сомкнутыми соединениями»⁹.

Таким образом недооценка казачьих войск проистекала из непонимания совершенно особых задач, на них лежавших. Ценность их, однако, была еще раз подтверждена на полях Великой войны. А боевые качества казаков признаны непревзойденными. Согласно официальной статистике, среди различных войск наименьший процент пленных (6%) дали именно казаки. В Гвардии он был уже выше (9%), в кавалерии – 21%, в пехоте – 35%¹⁰. Таковы факты, а не рассуждения.

Что касается графа Ф. А. Келлера, то известно, что, наряду с Александрийским гусарским, 1-й Оренбургский Наследника Цесаревича Алексея Николаевича полк был любимым его полком. На одной из сохранившихся фотографий он запечатлен именно в его форме – со знаками Александрийского полка и Оренбургского казачьего войска.

Несколько слов следует сказать о командном составе 10-й кавалерийской дивизии. Характеристику некоторых находим в позднейших воспоминаниях одного из офицеров, описавшего дивизионное штабное совещание:

«...Моложавый, высокого роста, стройный, довольно красивый с откинутой назад головой командир 1-й бригады генерал-майор Марков. Он в мирное время командовал 10-м гусарским полком, и Ингерманландцы успели мне многое о нем рассказать. В кавалерийских полках принято было, при назначении нового командира, спрашивать его характеристику у офицеров того полка, откуда он назначался. Марков был конно-гренадер, и гусары запросили этот

полк. Ответ был получен весьма краткий, но понятный для каждого кавалериста: “Лих в пешем строю”, – телеграфировали конно-гренадеры.

Марков был в полку, когда конно-гренадерами командовал Вел. Кн. Димитрий Константинович. Отдавая должное Вел. Кн. Димитрию Константиновичу за прекрасную строевую подготовку Конно-Гренадерского полка, нельзя не упрекнуть его за то, что он все свободное время проводил в пирушках с офицерами полка: постоянные выпивки, пьяные песни под гитару, бессмысленные речи и пьяные поцелуи продолжались часто целыми ночами, причем Вел. Кн. Димитрий Константинович зорко следил за всеми, чтобы кто-либо тихонько не удрал от пьянства; каждого пытающегося скрыться он возвращал обратно и здесь же предлагал ему с ним лично выпить. Когда же он замечал усталость своих собутыльников, то сейчас же начиналась его любимая песня, и сам он с чаркой в руке запевал с тенорами:

*Все ли мы в добром здорovie?
Все ли мы в добром здорovie?*

Басы отвечали:

*Слава Богу, слава Богу,
Все мы в добром здорovie.*

*А нельзя ли нам с Вами выпить?
А нельзя ли нам с Вами выпить?*

*Можно, можно, даже должно.
Можно, можно, даже должно.*

Таким образом спаивал Великий Князь своих офицеров. Один из лучших его апостолов был Марков, который то же самое проделывал с Ингерманландским полком и со штабом 10-й Кавалерийской дивизии, когда гр. Келлер получил III Конный корпус, а Маркову дал дивизию. Марков вполне оправдал характеристику, данную ему конно-гренадерами, и не был годеи, как говорит военная пословица, “ни к бою, ни к строю”. [...]

Рядом с Марковым сидел командир 10-го драгунского Новгородского полка [полк. Клевцов], человек пожилой, ожиревший и, видимо, болезненный; он все время кривился, хватался руками за спи-

ну и лицо его выражало полное безразличие ко всему окружающему и одно желание: “Делайте, что хотите, но отпустите меня на покой”.

Сзади Маркова сидел командир 10-го уланского Одесского полка полковник Данилов, среднего возраста и комплекции, с весьма симпатичным добрым лицом. Но меня удивило поведение Данилова: как только граф начинал смотреть в его сторону, Данилов старался уклониться от взора графа, скрываясь за спину Маркова, подобно ученику, не знающему урока и прячущемуся от глаз учителя за других школьников.

Рядом со мной сидел командир Донского конно-артиллерийского дивизиона, довольно молодой полковник [Лекарев] с красивым выразительным лицом, отражающим твердый и независимый характер. С графом он держал себя весьма непринужденно.

Ближе всех к графу сидел командир 1-го Оренбургского полка, войсковой старшина Печенкин, небольшого роста, худой с желто-коричневым и нервным лицом; он сквозь очки старался пожирать графа глазами, улавливая не только его слова, но и движения; когда граф водил пальцем по карте, Печенкин наклонялся в ту сторону, куда двигалась рука графа.

Закончив отметки по карте, граф обратился к Печенкину:

– Сегодня я пробовал пищу в 5-й сотне Вашего полка и нашел, что суп ни к ч... не годен.

– Так тошно, так тошно, Ваше Сиятельство; суп был плоховат, плоховат, – торопливо ответил Печенкин

– Бульон был наваристый... – начал, было, граф, но Печенкин перебил словами:

– Так тошно, так тошно, суп был хороошо, хороошо наваристый.

– Да я говорю не о супе, а о бульоне, – продолжал граф. – Суп был до того жидкий, что за картошкой нужно было гоняться ложкой по всему котлу.

– Так тошно, так тошно, суп был пустоват, пустоват, Ваше Сиятельство, – спешил ответить Печенкин.

– Ну, а Вы что же дали кулебяку к этому бульону? – иронически спросил граф.

– Так тош... – начал, было, Печенкин, но спохватился и добавил. – Никак нет, но на следующей дневке обязательно достану эту кулебаку.

Все расхохотались, и даже серьезный граф улыбнулся и больше уже не подымал вопроса о кулебяке¹¹.

Помянутый войсковой старшина Печенкин с первых дней Великой войны зарекомендовал себя весьма серьезным командиром, отличавшимся хорошей выучкой, личной храбростью, находчивостью и преданностью командиру дивизии.

Во время юбилейных торжеств в память 100-летия Отечественной войны 1812 года генерал Ф. А. Келлер был среди тех, кто сопровождал Царскую Семью во время пребывания Ее в Смоленске. Об этом и два года спустя помнила Императрица. 21 ноября 1914 г. Она писала Государю из Царского Села: «Как хорошо, что Мы два года тому назад были в *Смоленске* (с Келлером)...»

В неопубликованной дневниковой записи Царя граф не упомянут, но в тот день он был с Ними...

«**31-го августа. Пятница.** Поезд стоял в Гжатске ночью четыре часа. До полудня было холодно; день простоял солнечный. В 2 часа приехали в **Смоленск**. На платформе обычная встреча и почет[ный] кар[аул] от 3-го пех[отного] Нарвского полка. Отправились всей семьей в город. Посетили древний Успенский собор, откуда чудный вид на окрестности. Затем осмотрели памятник 1812 года, новый бульвар и музей исторический княг[ини] Тенишевой – очень интересный. Оттуда поехали в дворянское собрание, где пришлось поговорить со многими. После чая, когда пили здоровье и пошли к выходу, была давка; но дети не оробели. В 6 час. покинули Смоленск под прекрасным впечатлением приема и порядка в городе. Вечером домино»¹².

О пребывании в Смоленске Государь рассказывал также в письме Матери, написанном в Беловеже 10 сентября 1912 г.: «31 августа приехали в Смоленск, где провели 4 приятных часа. Город хорошо расположен и имеет красивые гористые окрестности. Мы объехали все главные улицы, посетили древний Успенский собор, новый бульвар вдоль старых городских стен, исторический музей, устроенный княгинею Тенишевой и дворянское собрание. 1 сентября мы поехали в Беловеж; в тот же вечер мне пришлось уехать на маневры недалеко от Варшавы».

За два года, остававшиеся до начала войны, граф Ф. А. Келлер сумел подтянуть вверенную ему дивизию. Строгость его к офицерам была общеизвестна. Вот как описывал реакцию на свой перевод незадолго до войны в 10-ю Кавалерийскую дивизию один из будущих близких Федору Артуровичу офицеров:

«Близ полковой канцелярии меня встретил дежурный писарь и, подавая мне телеграмму, поздравил меня с производством в пол-

ковники. Телеграмма была из Петербурга от Главного Штаба, уведомляющая о производстве меня в полковники с переводом в 10-й гусарский Ингерманландский Эрцгерцога Саксен-Веймарского полк с назначением старшим штаб-офицером этого полка.

– Ну, поздравляю Вас с производством, но не с переводом, – сказал начальник штаба стрелковой дивизии, встретив меня на плацу против конюшень, где мы слезали с лошадей.

– Почему? – спросил я.

– Почему? А Вы знаете, кто командует теперь 10-й Кавалерийской дивизией? – продолжал начальник штаба.

– Кажется, граф Келлер, – ответил я.

– Да, да, тот самый граф Келлер, который ест штаб-офицеров, а обер-офицерами закусывает, как сардинками, – продолжал он. – А Вы знаете, когда он командовал Лейб-Гвардии Драгунским полком, то ушла из этого полка почти половина офицеров, в числе их и мой родственник.

– Да, я слышал о строгости графа Келлера, когда был в Офицерской кавалерийской школе в Петербурге. Ну что ж, видимо, такова судьба, – ответил я. – Не знаю как дальше, а пока все строгие, энергичные и дельные начальники довольно хорошо относились ко мне, как ген. Мищенко, Гурко, Ренненкампф, Лечицкий, Нищенко и др.»¹³

Уже впоследствии, после первых же боев Великой войны, автор этих воспоминаний, полковник В. В. Чеславский* так оценивал генерала Ф. А. Келлера: «Имея тогда уже за собой опыт двух войн, в которых я имел и видел немало разных начальников, и наблюдая деятельность и поведение гр. Келлера в бою, я в первый же день вынес впечатление, что этот начальник достоин полного боевого доверия и уважения и что воевать под его руководством можно будет с уверенностью в его помощь».

* *Василий Владимирович Чеславский* (1875 – после 1937) – выпущен офицером (1897) в Приморский драгунский полк. Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. Кавалер ордена св. Георгия 4-й ст. Командир 10-го гусарского Ингерманландского полка (1914), затем 10-го драгунского Новгородского полка, а потом бригады 10-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор. Награжден золотым Георгиевским оружием «За храбрость». После революции командующий 2-й конной дивизией в армии гетмана Скоропадского (1918). Участник гражданской войны. Состоял в Вооруженных силах Юга России. Ранен. Эвакуирован из Новороссийска (1920). В эмиграции в США. Жил в Чикаго.

Граф напомнил мне героя русско-японской войны генерала Мищенко*, под командой которого я дрался с японцами почти два года и было видно, что гр. Келлер имеет те же боевые качества, которыми обладал и Мищенко.

Правда, эти два доблестных начальника были разных воспитаний, образований, служб и имели разные характеры: Мищенко вышел из армейской бедной семьи, держал себя просто, как на службе, так и в обыденной жизни. Он не был кавалеристом ни по службе, ни по характеру, ни по способностям. Это был типичный артиллерист: спокойный, медленный, верил больше всего в артиллерийский огонь; в бою всегда находился на батарее и оттуда руководил своими войсками. У него не было кавалерийского пыла в нужный момент вылететь в карьер вперед с командой “За МНОЙ!”, как это делал неоднократно граф Келлер.

Мищенко водил конницу в набег медленно, нескрытно, лез на японские позиции или охранение, чем обнаруживал себя, нес потери и упускал нужные моменты для конной атаки.

Гр. Келлер был чистой воды кавалерист – по образованию, по службе, по способностям и по конному духу. Он в начале мировой войны даже слишком увлекался боями в конном строю; пренебрегал огнем противника, бросал полки на нерасстроенного неприятеля или на его окопы, и хотя в большинстве случаев имел успех, но нес большие потери, особенно в конском составе.

Будучи разных лагерей, эти два русских ВИТЯЗЯ имели много одинаковых боевых качеств: честность, храбрость, настойчивость, собственную инициативу и решительность, боевое самолюбие и непоколебимую преданность родине. Оба никогда не наказывали солдат и держались того мнения, что высшему начальству не только бесполезно, но даже вредно это делать; достаточно строго требовать от командиров полков и эскадронов, а до солдата оно дойдет само собой.

Разница между ними была та, что гр. Келлер был жесток с офицерами и невероятно добр с солдатами, а Мищенко имел мягкое сердце к тем и другим.

* *Генерал-адъютант П. И. Мищенко (1853–1919)* – начальник Уральско-Забайкальского сводного казачьего дивизиона (1905), командир Сводного Кавказского корпуса. Туркестанский генерал-губернатор. Наказной атаман Семиреченского казачьего войска (1908–1909). Наказной атаман Забайкальского казачьего войска (1909). Войсковой наказной атаман Войска Донского (1911–1912). Во время Великой войны командир армейского корпуса на Западном фронте; позднее на Кавказе. – С. Ф.

Солдаты и казаки искренно любили этих двух генералов. В большинстве нижние чины, даже молодые офицеры, избегали встречаться с начальством, чтобы не получить замечания: то шинель расстегнута, то фуражка не так надета, то честь отдал неправильно и т.д., но они знали, что ни Мищенко, ни гр. Келлер никогда и никаких замечаний им не делали, и когда эти начальники приезжали на фронт после ранений, то солдаты и казаки по собственному желанию выбегали из домов, одетыми во что попало, лишь бы встретить своего, как они называли “Воевателя”, ответить на его приветствие или поговорить с ним и рассказать, что было в корпусе в его отсутствие.

Как гр. Келлер, так и Мищенко были по два раза ранены ружейными пулями в должностях командиров корпусов, что показывает их нахождение в бою близко к боевой обстановке, а не управление конным корпусом по телефону в десяти верстах сзади боя.

Оба они всегда были ориентированы в боевую обстановку не только своих частей, но и соседей справа и слева, а Мищенко часто говорил: “Чтобы быть в курсе боя и не подвергнуться случайностям, нужно знать, что делается не только у соседей, но что творится и дальше за ними”.

И действительно, корпуса гр. Келлера и Мищенко никогда не шли всплеую и никогда не имели неожиданную случайность, не говоря уже о такой катастрофе, какая случилась с 13-м и 15-м корпусами генералов Ключева и Мартоса в армии Самсонова у города Сольдау.

И Мищенко, и гр. Келлер не любили офицеров Генерального штаба, они считали их поверхностными теоретиками, без глубоких знаний, мало знающими строй, жизнь войск и душу солдата и совершенно неподготовленными к практическому руководству войсками.

Мищенко часто говорил: “Недостаточно выучиться воевать по книгам, нужно еще иметь хорошую строевую подготовку, а главное иметь желание драться и уметь владеть собой в бою, а без этого вся теория из головы выскочит”.

Граф же всегда подсмеивался над Генеральным штабом, говоря: “Первый офицер Генерального штаба был Моисей, который 40 лет не мог вывести еврейский народ из пустыни”.

К начальнику штаба корпуса оба относились скептически: Мищенко всегда диктовал сам диспозиции, приказания и донесения, и лишь только начальник штаба пытался что-либо возразить и посо-

ветовать, Мищенко его резко обрывал словами: “ПИ-ШИ-ТЕ, Ваше дело – только писать, что я диктую”.

Гр. Келлер совершенно игнорировал своего начальника штаба корпуса и в течение войны отрешил от должности троих: генерала Сенча, Приходкина и Таучелова (последний был в[ременно] и[справляющим] должность). А вся оперативная работа штаба корпуса лежала на капитане Сливинском, офицере умном, толковом, деятельном и исполнительном, которого граф ценил и только ему доверял.

Оба они любили офицеров честных, храбрых, дельных и решительных и преследовали тех, кто слишком боялся вражеских пуль, или замеченных в нечестных поступках, лентяев и бездельников.

Граф также строго преследовал картежную игру и лишнюю выпивку, но Мищенко смотрел на это сквозь пальцы»¹⁴.

«Генерал граф Келлер, – писал старший адъютант, а впоследствии начальник штаба дивизии А. В. Сливинский, – был суровым, иногда слишком суровым начальником и командиром, но в то же время безпредельно внимательным и сердечным отцом своих подчиненных. Не было, казалось, предела строгости генерала графа Келлера, но в то же время не было границ его заботливости в отношении вверенных ему войск. Никто так сильно не преследовал малейшие упущения по службе, но никто не умел так просто, искренно и доброжелательно подойти к солдатской среде, понять ее нужды и желания, как то всегда удавалось графу. [...]

Разумеется, не случайно установилась эта живая связь между командиром и войсками. Генерал граф Келлер более двух лет перед войной был начальником 10-й Кавалерийской дивизии и это был период упорного, непрестанного труда по боевой подготовке частей и воспитанию личного состава. Генерал граф Келлер не только в совершенстве знал всех своих офицеров, но и каждого солдата и казака»¹⁵.

«В строевом и боевом отношении, – свидетельствовал полковник В. В. Чеславский, – все полки 10-й кавалерийской дивизии были подготовлены графом Келлером совершенно одинаково...»¹⁶

В результате терпеливой выучки образовался даже особый тип солдата – «типичного представителя Келлеровской школы славных времен»: «старослужащий солдат, исправный и до методичности аккуратный»¹⁷.

КЕЛЛЕРОВСКАЯ «НАУКА ПОБЕЖДАТЬ»

Специального внимания заслуживают военно-теоретические взгляды генерала Ф. А. Келлера. Императорская Россия стояла на пороге последней войны, в которой кавалерии еще предстояло сыграть крупную роль (гражданская война не в счет: участие в ней крупных конных масс диктовали особые ее условия). Последующие годы существования конницы – это, по сути своей, агония, затянувшаяся в силу исторической и психологической инерции.

В связи с этим взгляды такого выдающегося кавалериста-практика, каковым, без всякого сомнения, был Федор Артурович, представляют неоспоримую ценность.

Впервые с военно-теоретическими рассуждениями публично он выступил в 1898 г. в «Русском инвалиде». Впоследствии, в 1910–1914 гг., издал брошюры «Несколько кавалерийских вопросов» в трех выпусках. Последний вышел прямо перед началом войны.

«В виду усовершенствования огнестрельного оружия, способов борьбы и современных боевых порядков» даже в трудах сторонников кавалерийских атак в то время сквозило некоторое недоверие к ним¹.

По словам генерала А. М. Зайончковского, после войны с Японией «за пехотным, пулеметным и артиллерийским огнем было признано громаднейшее значение, доходившее до чрезмерности...»²

Во всех учебниках тактики говорилось, что «кавалерия – такой дорогой род оружия, который надо беречь, дабы не подвергать напрасным потерям»³.

Генерал Ф. А. Келлер считал, что (здесь и далее мы сохраняем особенности его стиля!) «сбережение кавалерии должно пониматься в смысле сбережения ее конского состава, но не в бою, а до боя, в непереутомлении его ординарческой службой, не держании лишнее время под седлом, не изнурении сторожевой службой и не гонянии безцельно на разведки... [...] Словом, надо уметь беречь кавалерию там, где обыкновенно ее не берегут, и жертвовать ею там, где ее в последнее время почему-то стали сберегать. [...] Как только раздался первый выстрел, сбережение конницы неуместно, ее место в конном или пешем строю, но непременно в первых рядах сражающихся частей; она должна жертвовать собой, нести громадные потери и добиться громадных результатов»⁴.

И как он оказался прав! Известный военный деятель русской эмиграции, Генерального Штаба полковник Е. Э. Месснер (1891–1974) писал: «Коннице в Великую войну не раз приходилось играть роль резерва главнокомандующего – ее перебрасывали за 150-200 км. Спасать положение на фронте. Но такое перемещение, длившееся несколько дней, расстраивало ее силы и уменьшало ее боеспособность»⁵.

«В успешность атак, веденных по открытому месту, – продолжал гр. Ф. А. Келлер, – я не верю по той причине, что обнаруженная пехотой или артиллерией, кавалерийская атака, хотя бы только за две версты – никогда для атакуемых частей дойти не может, а если дойдет, то дойдет в таком разреженном и расстроенном виде, что атака эта результатной быть не может. За три минуты, которые потребуются коннице для прохождения двух верст, нервы всякой пехоты успеют успокоиться, а, видя губительное действие своего огня на беззащитно несущуюся на нее конницу, даже самая плохая пехота приобретет уверенность и необходимое ей спокойствие»⁶.

Где же выход? «Совершенно другое впечатление и несомненный успех, – считал Федор Артурович, – сулит неожиданная атака конницы; только она в состоянии одним своим появлением смутить самую лучшую и стойкую пехоту и, не считаясь с ее численностью, привести ее в полное расстройство и сделать к дальнейшему бою неспособной. Но для этого первым условием является присутствие конницы на поле сражения, умение ее висеть, так сказать, над противником, скрываясь от его взоров, умение оценить и выбрать минуту и, не страшась потерь, ею воспользоваться. [...] Нет противника, который мог бы устоять против своевременной и стройной кавалерийской атаки...»⁷

Это о действиях конницы против пехоты. А вот что думал гр. Ф. А. Келлер о борьбе с кавалерией противника:

«Прослужив много времени на западной нашей границе, я часто имел возможность видеть и наблюдать германскую кавалерию. За мою там службу несколько раз ожидали войны с Германией со дня на день, и я часто задавался вопросом, как мне действовать при столкновении с немцами, чтобы отнять у них тот лишний шанс на успех, который дает им их вооружение. Пришлось придти к убеждению, что, только расстроив их сплоченные сомкнутые ряды до атаки, я приобрету этот козырь»⁸.

Отвечая на вопрос, как добиться перевеса над вероятным противником, он писал: «Мне кажется, ответ может быть один: “Или

лава, или вооружение пикою". Другого решения быть не может, если мы хотим быть равными по силе той кавалерии, с которой нам рано ли, поздно ли придется сразиться.

Трудно спорить против того, что при столкновении сомкнутых строев, при равных моральных качествах всадников, перевес будет на стороне той части, которая, наклонив по направлению неприятеля свои пики, чувствует себя как бы за преградой и, конечно, безопаснее, чем часть, идущая с шашками на выставленные вперед пики и сознающая, что прежде, чем дорваться до противника и сразиться с ним грудь с грудью, надо преодолеть это препятствие. [...]

Единственным строем, дающим возможность части без пик расстроить сомкнутого противника, вооруженного пиками, мне представляется строй *лавы*, практически выработанный еще монголами в их непрерывные войны и перешедший затем к нашим казакам. К сожалению, способ действия лавою почти совсем неизвестен большинству наших регулярных кавалеристов.

Лаву считают рассыпным строем, тогда как она сочетание сомкнутого, рассыпного и спешенного строев»⁹.

В предвоенной своей брошюре гр. Ф. А. Келлер подводил итоги попыток ввести лаву в регулярной кавалерии: «В тех редких частях, где в лаву поверили, дали себе труд вдуматься, ее изучить и понять, где попытались воспитать офицеров и солдат в самостоятельном творчестве, а не боязни ответственности за сделанную ошибку, там лава привилась, там ее оценили, и в этих частях при встрече с действительным противником она сыграет ту громадную роль, которую играла в набегах непобедимых полчищ Тамерлана и в более близкое к нам время, в 1812, 1813 и 1814 годах.

Гениальный император французов и его талантливые кавалерийские начальники, не знавшие, как применить к лаве и как от нее отделаться, в бессильной своей злобе называли тех, кто действовал лавою, посрамлением рода человеческого; действовавшие же против великого полководца наши и иностранные генералы и фельдмаршалы выпрашивали в свои отряды и армии хотя небольшую казачью часть, обученную и натасканную в лаве таким мастером этого дела, как Платов»¹⁰.

Читаешь и вспоминаешь строки из казачьей песни эпохи Двенадцатого года:

*Страшен аркан наш
И тика ужасна!*

Стоит, пожалуй, заметить, что пику – этот символ кавалерийского ураганного боя – русские коннице дали после блестящей статьи офицера славного Ахтырского гусарского полка Дениса Давыдова полка Бориса Аркадьевича Панаева*, настаивавшего на невозможности существования конницы без пики¹¹. Тогда на радостях, пишет биограф Б. А. Панаева, он из Межибужья Волынской губернии (где стоял полк) совершил «конное богомолье» (в оба конца 1200 верст), «все время имея пику в руке, чтобы показать ее необременительность»¹². Как-то в ответ на вопрос дяди, почему он не женится, он сказал: «Я считаю, что русский офицер, особенно кавалерист, и в мирное время не может соединять свою судьбу с такими близкими людьми, как жена и дети. Я принадлежу Государю, России и полку. И больше никому в жизни принадлежать не буду»¹³.

Его биограф, духовный писатель, автор множества житий русских святых и подвижников благочестия, был поражен этими словами рыцаря-монаха: «Вспоминались те первые после Христа времена, когда огонь христианства зажигал души римских молодых патрициев и, не покидая строя, не снимая своих блестящих доспехов, они жили подвижниками, лелея мечту умереть в муках за Христа. Они зовутся большей частью “стратилатами” – Андрей Стратилат, Феодор Стратилат, Иоанн Воин, Димитрий Солунский, Севастиан, столько раз вдохновивший своим молодым и жарким кровавым подвигом лучших мировых художников. Им поревновал Борис Панаев»¹⁴.

Однако вернемся к лаве. Одной из причин пренебрежения ею, по словам Федора Артуровича, является наша застарелая русская болезнь: «...Мы так привыкли перенимать все от наших западных соседей (причина, почему они нас всегда во всем опережают) и так верим в их превосходство, что никак не можем отрешиться от этой привычки. Своему же родному мы не верим»¹⁵.

В лаве, пишет далее Федор Артурович, «каждое звено, каждый почти человек предоставлен самому себе и должен не только понимать, но и учитывать меняющуюся обстановку, применяться к ней и принимать самостоятельно решение»¹⁶.

И потому «не сочувствует лаве тот, кто страдает хронической болезнью недоверия к способностям наших офицеров и нижних чинов»¹⁷. Это объясняется «боязнью начальников выпустить свою часть из рук». Действительно, «раз лава развернулась, она не может и не должна быть в руках одного командира, физически не

* Один из трех братьев-праведников (Борис, Гурий, Лев), офицеров Ахтырского Гусарского полка, кавалеров ордена Св. Георгия, погибших в первую мировую войну в сражениях с австрийцами в соседней с гр. Ф. А. Келлером 12-й Кавалерийской дивизии.

могущего на большом пространстве уследить и подсказать каждому звену, что ему в данный момент надлежит делать. Лава руководствуется в своих действиях только заранее полученными ею указаниями, преследованием одной общей указанной ей цели, взаимной выручкой звеньев и дошедшими в редких случаях дополнительными приказаниями. В лаве начальнику приходится мириться с тем, что она неожиданно для него делает не то, что он указал ей до ее развертывания, такие случаи неизбежно будут повторяться часто, так как будут вызываться неожиданной переменой обстановки...»¹⁸

Кавалерийские сражения уходили в прошлое. И генерал Федор Артурович прекрасно это понимал. Еще в 1910 г. генерал рекомендовал «приучать конницу уже на маневрах содействовать общим целям, а не гоняться исключительно за кавалерией противника и приучать бить эту кавалерию только тогда, когда она мешает исполнению данной вам задачи»¹⁹.

Сетуя на «неумение пехотных начальников пользоваться приданной пехоте кавалерией»²⁰, Федор Артурович пояснял: «Чтобы знать, сколько времени надо на разведку, и что лошадь может и чего не может дать, надо побывать самому в разъездах и иметь возможность хотя бы посмотреть, при каких условиях лошадь может работать»²¹.

И, наоборот, он говорил о необходимости «ежегодного прикомандирования от каждого кавалерийского полка по одному офицеру к пехотному полку и одному от конной батареи»²². «Чтобы уметь воспользоваться превосходством военного положения относительно других родов войск, необходимо побывать при них, увидеть и услышать, чего боятся, чего избегают, и ясно сознать, как и когда лучше воспользоваться невыгодным для них условием и как эти условия создать. [...] Вся наша работа должна быть направлена к тому, чтобы выработать сознательного отдельного бойца и начальника, умеющего оценить условия, в которых он находится, и принять, не ожидая приказания, соответствующие решения для нанесения противнику удара, сохранив свои силы, а это возможно только тогда, когда у каждого младшего начальника тверда вера в себя, когда он умеет оценить положение находящегося перед ним неприятеля, к какому бы роду войск он не принадлежал...»²³

Для решения таких задач нужны были кавалерийские начальники, которые смогли бы их выполнить. В связи с этим Федор Ар-

турович не мог пройти мимо проблемы воспитания и обучения офицеров русской конницы.

«Я не только не враг образования, – признавался он, – но горячий поклонник того, чтобы, если это было бы возможно, все наши кавалерийские офицеры проходили курс Академии Генерального Штаба»²⁴.

Федор Артурович принадлежал к переведшимся уже к тому времени «настоящим опытным кавалеристам, всю свою жизнь посвятившим любимому делу, изучившим до тонкости порученный им материал, испытавшим сотни раз на самих себе все отрасли нашей службы от ведения разъездов и командования постами до командования эскадронами, полками и дивизиями на многочисленных маневрах и войне включительно»²⁵.

Уже после революции граф Ф. А. Келлер, рассказывая своему сослуживцу-александрийцу о знаменитом бое под Ярославцами 8 августа 1914 г., прибавил: «Помните ли вы, как я в полку требовал особенной службы передовых эскадронов... Я был извещен своевременно о приближении австро-германцев, передовый эскадроны задержали противника и не подпустили его разведки, выяснили силы и направление развернувшихся эскадронов противника и в то же время сами приняли участие в атаке... А разведовательный дальний эскадрон этого всего никогда бы не сделал...»²⁶

Не был чужд Федор Артурович в предвоенные годы чтению и обдумыванию специальной литературы. Как видно из печатных его работ, он знакомится с трудами военных теоретиков вероятного противника (среди них была, например, книга генерала фон Альтена «Военное искусство в задачах»), наблюдает за практической подготовкой германской кавалерии, ее вооружением, уставами.

Составители секретной докладной записки Германского Большого Генерального штаба 1913 г. не без основания писали: «Русские офицеры, особенно в Виленском и Варшавском военных округах, хорошо осведомлены о свойствах и организации нашей армии, а также о географических и фортификационных условиях в наших пограничных провинциях»²⁷.

В продолжение нескольких лет сряду гр. Ф. А. Келлер, по его словам, будучи эскадронным начальником, нес службу передового эскадрона на маневрах, проводившихся в Варшавском округе «при таких кавалерийских авторитетах, как фельдмаршал Гурко и генерал от кавалерии Кульгачев». Принимал он участие и в традицион-

ных маневрах под Красным Селом в 1907–1909 гг.²⁸, давших массу ценного материала для размышлений.

*По дорожке Красносельской
Едет эскадрон гвардейский,
Эскадрон лихой, эскадрон лихой.*

Военные учения в Красном Селе велись еще начиная с 1765 г., со времени Императрицы Екатерины Великой.

Лагерные сборы начинались обычно в мае. Конные и стрелковые учения перемежались со сторожевой службой и стрельбами. В июле три-четыре недели стреляла артиллерия. Далее проводились уставные дивизионные учения и бригадные маневры.

В Красносельских учениях одновременно принимали участие 11 гвардейских кавалерийских полков и четыре конных батареи! 64 эскадрона и сотни! Происходило это на обширнейшем поле, «сером, неприглядном и начисто вытоптанном тысячами и тысячами копыт лошадей... [...] На огромнейшем поле – ни единой травинки. Всюду пыль, пыль без конца»²⁹.

Завершалось всё общими маневрами и Высочайшим смотром.

«Красное Село и действительно было “красное”, – вспоминал не раз участвовавший там в маневрах ген. П. Н. Краснов, – [...] в прямом, русском смысле этого слова. Красивые старые Петровские липы и Екатерининские березы, широкий простор военного поля, окаймленного лесами, округлая, радующая глаз, череда холмов Ковелахтского хребта, замыкающаяся мохнатой шапкой черного Дудергофа, усыпанного пестрыми дачами, с далеко видной белой, радостной церковью Св. Ольги, наконец –

*Бел город полотняный,
Морем улицы шумят,
Позолотою румяной
Медны маковки горят...*

главного лагеря, в садах, в березовых и тополевых рощах, глядящийся в светлое стекло большого Дудергофского и Красносельского озер, соединенных друг с другом протоком речки Ликовки, – и ширь и простор – все создавало дивную раму для Русского Государя и Его Армии.

И, кажется, нигде не было таких закатов солнца, такой красоты кучевых облаков и нежного тона голубого неба, как в дни Высочайших зорь в Красном Селе.

От Царской Ставки, через музыкантов, был широкий, безконечный вид на малое военное поле, зелеными холмами сбегаящее к Красносельской станции. За нею, все в садах, поднималось на холме Красное Село, лепилось домами, амбарами, сараями, банями по крутому обрыву и тянулось по гребню. В низине, за скаковым павильоном, – луга, болота, леса и ярко блестят купола Петергофских Дворцов и стальная полоса Финского залива. Ширь и простор до самого горизонта, ничем не заслоненные, но и не однообразные, не скучные, как в степи, но радующие взор... Красное Село.

Дальше небо. Громадное, розовое облако прилегло за военным полем, у Русского Копорского, заняло полнеба и так и застыло, густое, блестящее, сверкающее прозрачными тонами. Поперек него потянулась темная тучка и каждую минуту меняет свою окраску. Спускается к горизонту красное солнце, громадное, ясное и сверкает последними лучами на лице Государя, на золоте и серебре мундиров Его Свиты и офицеров Гвардии.

И был тогда Господь с Царем, с Его армией, с Его народом!»³⁰

*На днях мне снился чудный сон,
В нем и забвенье и отрада:
Войска идут со всех сторон
На место Царского парада.*

*От Красносельской Слободы,
Из деревень у Дудергофа,
От Кавелахт, от Петергофа
Сверкают стройные ряды.*

.....
*Полки, входя в свой интервал,
В сознании красоты и мощи,
Идут в строю, за валом вал,
Лицом к Лабораторной Роще.*

.....
*Июльский дождик моросит,
Весь горизонт окутан пленкой,
Все ж в небе жаворонок звенит
Над головами трелью звонкой.*

*Но вдруг из-за туманных туч
(Ну, словно, прямо по заказу!)
Сверкнул веселый, яркий луч,
Все поле оживилось сразу.*

*Блестят на солнце стрелена,
Мерцают ружья, трубы, пики...
От Красносельского Дворца
Несутся радостные клики.*

*Царь вышел. Вот Он на коне,
За Ним три трубача конвоя
В черкесах алых, на шнуре
Сверкают трубы за спиною.*

*Один везет Штандарт Царя,
Эмблему Всероссийской власти:
Орел разинул гневно пасти,
Во мглу грядущего смотря.*

*И под охраной грозной Птицы
(Но грозной только для врагов)
С Царем идет кортеж Царицы
На смотр доблестных полков³¹.*

«Два часа длился объезд. Два часа гудела земля криками могучего “ура”, которое сливалось со звуками гимна и, слышное на много верст, говорило о том, чем живет Россия. [...]»

...Трибуна была полна музыкантами, а под ними стройным рядом, блестя инструментами, стояли барабанщики и горнисты.

Государь сходил с коня и садился, окруженный Свитой, у палатки. Кругом нарядным цветником стояли дамы, приглашенные на зарю, и жены и дочери офицеров, съехавшиеся на этот день в лагерь.

Солнце спускалось к закату, и в золоте его лучей был Государь. У палатки, откинув ружья в театральном приеме, по-ефрейторски, “на караул”, стояли парные часовые. [...]

Приближалось девять часов – время вечерней зари. Румяное солнце касалось краем диска Красносельских полей. Оркестр умолкал. Со свистом взлетала ракета. И невольно все следили за ее полетом, за тонкой струйкой белого дыма. Вившегося змейкой в голубой дали. [...]

И начиналась трескучая пехотная заря. То дружно трещали сотни барабанов, то смолкали, и тогда пели трубы сладкую музыку о величии подвига и смерти. И казалось, тени тех, кто был здесь раньше и кто умер на полях Горного Дубняка, Плевны и на Шипкинских высотах, кто защищал Севастополь, кто штурмовал Варшаву, кто с ранцем исходил всю Европу, кто был в Париже,

кто занимал Берлин* и дрался под Полтавой и на этих самых Красносельских полях, под Дудоровой мызой – вставали и носились над лагерями. Вставала вся вековая слава Императорской армии.

И когда смолкала заря, перед рать барабанщиков и горнистов выходил старший барабанщик и с ним горнист.

Стоит перед глазами этот кряжистый барабанщик Л.-Гв. Гренадерского полка. Вижу его мощную фигуру, его широкую темную с проседью длинную бороду и серые острые глаза, сурово нахмуренные под синим околышком безкозырки. Ярко сверкают в последних лучах солнца тяжелые, золотые шевроны на рукавах его мундира. Солнце светит сзади него, и он стоит, как бы в золотой пыли лучей.

Рядом с ним безконечно длинный, рыжий, безусый румяный горнист Л.-Гв. Преображенского полка, моложавый стройный гигант с пальцами, напряженно положенными на золотой горн.

Стали... Повернулся кругом барабанщик и четко скомандовал:
– Музыканты, барабанщики, горнисты – смирно...

И стала тишина. Все поднялись с мест. Смирно стали Государь и Его Свита.

Крепко, резко прозвучала дробь и одинокий звук горна. Проиграли сигнал “на молитву”. И опять раздалась команда старого барабанщика:

– Музыканты, барабанщики и горнисты, на молитву. Шапки долой.

И снял Государь, по этой команде, фуражку, и напряженно стояли офицеры, и музыканты, и дамы.

Всеобщее молчанье. Вдали, на протяжении семи верст главного и авангардного лагерей, солдаты поротно пели “Отче наш”, и их пение сливалось в неясный молитвенный аккорд. От низин тянуло свежестью полей.

* В свое время Русская Армия брала следующие столицы: Берлин (28.9.1760 и 20.2.1813), Рим (10.9.1799), Амстердам (23.11.1813), Брюссель (27.11.1813), Париж (19.3.1814 и 27.7.1815), Пекин (1.8.1900), Тегеран (окт. 1915). Кроме того, русскими солдатами были взяты: Гельсингфорс (1718, 1742, 1808), Ревель (1707), Рига (1710), Ковно (1812, 1831), Варшава (1778). Совместно с союзниками русские войска входили в Копенгаген, Вену, Стокгольм и Лиссабон (*Марков А.* Из прошлого Русской Армии и Флота // Военная быль. Париж. № 13. С. 24). – С. Ф.

Чеканя слово за словом, говорил барабанщик в напряженном молчании Государевой Свиты и офицеров:

– Отче наш, Иже еси на небесех...

Русский солдат, Русский крестьянин читал молитву перед своим Государем, и Государь молился по этой молитве.

– Но избави нас от лукаваго... Аминь.

Не спеша надел фуражку барабанщик. Грянул отбой.

– Музыканты, барабанщики и горнисты, накройсь...

Государь надел фуражку и выступил вперед принимать рапорты фельдфебелей и вахмистров Шефских рот, эскадронов и батарей.

Тихие сумерки спускались над Красносельским лагерем.

Так было на моей памяти... Так было на памяти моего отца... Мой дед смотрел, как вахмистр Л.-Гв. Казачьего полка, которым он командовал, рапортовал Государю Николаю Павловичу, мой прадед был на такой же заре в присутствии Александра Благословенного.

Так было...

И была слава Русская. Было Бородино и Париж, было покорение Кавказа, было завоевание Туркестана. Отбивались в тяжелую Японскую войну, дрались на полях Восточной Пруссии, в Галиции и на Карпатах. [...]

Были честными Императорскому Дому своему, и был белее снега Императорский штандарт...»³²

Красносельские маневры проводились до самого начала войны. Они были заметным событием не только для Армии, но и для общественной жизни России. Об этом и до сих пор свидетельствуют сохранившиеся у коллекционеров открытки из целых серий, выпускавшихся русскими издателями, начиная еще с конца XIX века.

Характеризуя некоторые слабые места Красносельских маневров, их участник писал: «...С тактической подготовкой нашей кавалерии вообще обстояло несколько хуже, нежели в пехоте, ибо с конницей у нас весьма часто занимались меньше, чем следовало бы. Действительно, когда вспоминаешь теперь наши тогдашние занятия на Красносельском военном поле, невольно досадуешь на то, сколько времени и труда тратили мы на освоение техники встречных лобовых конных атак, производимых всегда в сомкнутом развернутом строю, когда с пиками наперевес вихрем налетали друг на друга целые кавалерийские бригады и даже дивизии, сшибаясь друг с другом в рукопашную.. Разомкнутым строем ата-

ковывали лишь пехоту. Такие картинные бои конницы были уместны, быть может, столетие назад, но при современной технике и вооружении вряд ли можно было ожидать практического применения подобной тактики в условиях настоящей большой войны. А между тем, ни одно наше учение на военном поле, ни одни маневры никогда не обходились без подобных атак, коими традиционно завершались всякие маневры, будь то бригадные, дивизионные или даже корпусные.

Главной причиной этого курьеза, как мне кажется, был все же Великий Князь Николай Николаевич – кавалерист старой школы и большой приверженец конницы вообще, да к тому же и человек сам по себе очень темпераментный, и, что называется, “лихой”, а потому и требовавший от нас лихости во что бы то ни стало! И надо отдать полную справедливость: атаковать сомкнуто и разомкнуто большими кавалерийскими соединениями русская кавалерия умела так же замечательно, как и отдельным взводом. Недаром в мировую войну ни германская, ни австрийская кавалерия, даже в самых мелких соединениях, как правило, не принимала наших конных атак, всегда уклоняясь от них, предпочитая спешиться за каким-либо рубежом и оттуда уже сыпать в нас ружейным огнем»³³.

С точки зрения практика Федор Артурович также видел несомненные провалы в теоретической подготовке офицеров кавалерии. Ссылался он при этом на слова генерал-адъютанта А. Н. Куропаткина, которого, как мы помним, во время турецкой кампании 1877–1878 гг. на посту начальника штаба Скобелевского отряда, после ранения, сменил двоюродный брат Федора Артуровича. После войны с Японией, во время которой ген. А. Н. Куропаткин командовал Действующей армией на Дальнем Востоке, он написал и издал книгу «Итоги войны». В ней Алексей Николаевич приходил к неутешительным выводам: «...Большая часть наших ошибок под Плевною повторялась под Сандеу и в других боях с японцами. Такой вывод указывает, что в самой системе подготовки наших войск и их начальников в тактическом отношении в мирное время существуют такие недочеты, которые мешали нам значительно продвинуться вперед в боевом отношении в течение полу столетия времени»³⁴.

«Как же требовать от людей подготовки к командованию отрядом в военное время, когда в мирное время их к этому не готовили. Кого же винить в этом?»³⁵ – задавался вопросом Ф. А. Келлер.

«Меня причисляют к заклятым врагам Офицерской кавалерийской школы, – писал далее Ф. А. Келлер, – но это неправда, я враг не школы, а постановки дела в Офицерской школе, и враг потому, что вместо той громадной пользы, которую школа должна была бы принести, она приносит отечественной коннице вред; я никогда не был врагом учебного эскадрона и той же Офицерской школы, как она была поставлена в первые годы своего существования, и не был врагом, а поклонником, оттого что эти заведения давали действительную, осязательную пользу.

С легкой руки школы последних времен, когда руководителями и начальниками явились люди почти не служившие или служившие очень мало в строю и специализировавшиеся только на прыжках* и в езде, не знающие и не желающие считаться с нуждами и требованиями строевых частей, явилось шатание во всех полках кавалерии.

Прежде мы держались Высочайше утвержденного устава и указанных нам там образцов, учебный эскадрон и школа их укрепляли и проводили для всех полков русской кавалерии одни образцы и одни требования. Во всех полках требовалась одинаковая посадка, одинаковое владение оружием, одинаковая выездка молодых лошадей. Теперь же школа, отбросив самовольно устав, практикует то выездку по системе Фелисса**, то от нее отказывается, то прово-

* Прыжкоманией заразились от Пинерольской кавалерийской школы в Италии. В то время она широко пропагандировалась на экранах кинематографа. «...Наши школьники, – вспоминал выпускник Офицерской школы, – не хотели уступать в смелости и искусстве. Итальянцы нам прислали увеличенную фотографию сидящих вокруг длинного стола офицеров; на столе бутылки, стаканы. Прыгает через стол, в том месте, где стол никем и ничем не занят, итальянский офицер, сидя на очень нарядном коне. Решено ответить им тем же, но с того места стола, через который прыгает наш всадник, на гунтере, не убрали бутылок и бокалов. Снят чистый прыжок, не опрокинуто ни одной бутылки, ни одного бокала» (*Левицкий А. Русский Сомюр // Военная быль. Париж. № 30. С. 22.* – С. Ф.

** Джемс Филлис был главным инструктором Офицерской школы. Его система выездки лошади в свое время была принята во всей русской коннице. Перед русско-японской войной он показывал «невиданное» искусство верховой езды в петербургском цирке Чинизелли. Система его впоследствии была принята в красной коннице, а также в спортивных кругах Франции. Одним из ее пропагандистов там был инструктор Школы (впоследствии генерал) А. А. Губин. – С. Ф.

дит обучение молодых солдат прямо на мундштуках, не давая уздечек, то допускает езду на длинных, то проповедует езду на безобразно коротких стременах, вводит, вопреки уставу, фехтование по итальянской системе и т.д.

Доказывать ошибки и преимущества того или другого я не собираюсь, скажу только одно, что Офицерская кавалерийская школа упустила из виду, что она создана не для испытаний, а для того, чтобы проводить во всей кавалерии нашей армии однообразие в требованиях и строгое придерживание Высочайше утвержденно-го устава. Для опытов и для различных испытаний состоит при школе эскадрон, с ним и на нем можно испытывать всякие кажущиеся полезными нововведения, увидав и сознав пользу которых, школе следует входить с ходатайством о принятии их во всей кавалерии, но испытывать новшества на переменном офицерском составе, внося разлад, разнообразие и различные взгляды на дело в ряды кавалерийских полков, – она не должна. К тому же школа забыла, что она воспитывает не берейторов, а строевых офицеров, и средство (например, хорошую езду, преодоление препятствий и т.д.) превратила в цель»³⁶.

А вот язвы – по Келлеру – академического предвоенного образования:

«В настоящее время трактуют о кавалерийских вопросах в большинстве случаев офицеры Генерального Штаба и часто сравнительно молодые. Откуда же они набрались необходимых для этого опытности и знания дела? Проследим их службу: корнет, часто подпоручик пехоты или артиллерии, прослуживший три года в строю, поступает в академию, где по своей неопытности должен принимать на веру все, что ему говорит профессор: отнестись критически, взвесить и прийти к известному заключению он не может; профессор же сам подготовил свою лекцию по книжке или говорит то, что ему подсказывает его рассудок и фантазия; между тем мы часто видим, как кажущийся идеальным в теории опыт на практике дает самые отрицательные результаты.

Не знаю, правда ли это, но мне говорили, что среди всех читающих лекции, в Академии Генерального Штаба профессоров нет ни одного кавалериста.

Окончив академию, молодой офицер поступает на один год в Офицерскую кавалерийскую школу, которая ему, кроме практики в выездке лошади, манежной езды и двух месяцев парфорсных

охот*, ничего не дает. И вот с этим легким кавалерийским багажом молодой офицер является в полк для командования эскадронам. На эскадроне начинается его действительная подготовка для дальнейшей кавалерийской службы, и хорошо, если за два года командования ему, в лучшем случае, будет дано 10 самостоятельных поручений, из которых он побывает раза 4 в охране, раза 4 в передовом эскадроне и раза 2 в разведывательном, причем он там сразу является начальником, который должен учить, а не учиться.

Можно ли в два-четыре раза испытать на деле все отрицательные и положительные стороны того или другого вычитанного из книжки способа действий и прийти к твердому заключению, увидеть все разнообразные действия и уловки противника и приобрести навык, моментально найтись – для противодействия им. Мне кажется, что это невозможно и что навык, сметка и быстрая решимость вырабатываются долгим пребыванием в строю и опытом.

Часто приходится слышать, что дело, для изучения которого малообразованному человеку требуются долгие годы, образованный человек постигает в короткое время, а потому для офицера Генерального Штаба два или даже один год командования эскадронам совершенно достаточны. На это я могу ответить только тем, что идеально образованный человек все же никогда так не ориентируется и не найдется в северных лесах, Сибирской тайге или степях, как неграмотный житель лесов, тайги и степей, а опытный охотник всегда сноровистее и успешнее обложит, обойдет, скрадет и убьет зверя, чем самый образованный охотник-новичок, мало знакомый с привычками и ходом зверя.

Война – та же охота, но на самого хитрого и коварного зверя – человека»³⁷.

Больше всего Федор Артурович сетовал на присущее некоторым ученым теоретикам и поддавшимся их влиянию представителям высшего командования «постоянное шатание и неуверенность в своих силах и в правильности своих убеждений»³⁸.

* Парфорсная охота (травля зверя до его изнеможения) пришла к нам из Англии. Проводилась она в Поставах Виленской губернии, имении гр. Пшездецких. Младший курс школы проводил там три недели, старший – шесть. Начальником охоты был ген.-лейт. В. А. Химец (1861–1919), коренной офицер Л.-Гв. Конно-Гренадерского полка. Многие кандидаты на должность командира кавалерийского полка, возраст которых нередко превышал 50 лет, срезались именно во время охоты. – С. Ф.

«Было время, – писал он в статье “Недуги нашей конницы”, – когда возвели манежную езду в какой-то культ, так же как в последние годы прыжки и конкуры, а затем раздались голоса, требующие совершенной отмены манежной езды и видевшие спасение кавалерии только в полевой езде; между тем и одна и другая нужны, первая, как подготовка ко второй. Было время, когда все внимание сосредоточилось на педантичном равнении и сохранении интервалов, даже между всадниками в рассыпной атаке (от этого зависела не одна служебная карьера командиров всяких рангов), а затем стали отрицать необходимость и равнения, интервалов, и стройности построений, забывая ту истину, что если не приучить части в мирное время к соблюдению интервалов, то в военное время некуда будет раздаться эскадронам и нечего будет заполнять, а непривыкшая равняться в мирное время часть представит из себя в военное время толпу. Стройность, равнение и порядок должны в мирное время войти настолько в плоть и кровь солдата, чтобы в военное время, в минуты, когда некогда будет за этим наблюдать, они все же сохранились»³⁹.

Еще говоря о кавалерийской лаве, Ф. А. Келлер подчеркивал, что успех дела здесь, быть может, больше чем в других случаях, зависит результатов выучки, ибо лава требует «самостоятельных, смелых, предприимчивых начальников и солдат, способных оценить общую обстановку и действовать без подсказа; таких-то мы и призваны готовить и создавать; для выполнения же этой задачи лучшего материала, чем нам предоставлен, нет на свете, и виноват не материал, а мы сами, если не хотим его понять и не умеем им воспользоваться»⁴⁰.

Вот тут мы подходим, пожалуй, к самому главному – отношению генерала к своим солдатам.

Узнал он русского солдата, по его словам, впервые на войне, а также, «прозаведовав пять лет новобранцами, прокомандовав более десяти лет эскадронами и девять лет отдельными частями»⁴¹.

Размышляя о русском солдате, генерал Келлер вспоминал, как в былое время ему приходилось выслушивать «сетования эскадронных командиров на глупость и неразвитость солдат, которые отлично отвечают в классе и не умеют применить свои знания на местности»⁴²; приводил примеры предвоенных статей, авторы которых утверждали, что «наш солдат не развит, наш солдат не любит военного дела и способен действовать только в массе под непосредственным надзором и при подсказке начальника, и все его, призна-

ваемое в лучшем случае, достоинство выражается в покорности, выносливости и, в последнее время даже заподозренной, любви к отечеству»⁴³.

Другое видел в русском солдате граф Келлер:

«Наш солдат в сравнении с солдатами западных армий, так сказать, школьно или научно действительно менее развит, но сметки и природного ума у него не меньше, а несравненно больше, чем у всякого немца или француза, и это объясняется очень просто: западный простолюдин, по большей части, житель города или ферм, где ему не знакома ни дикая природа, с которой приходится на каждом шагу бороться, ни десятиверстные пространства, на которых уже с малых лет приходится ориентироваться нашему крестьянину»⁴⁴.

«...Тот, кто дал себе труд хоть немного ближе узнать русского солдата, кто интересовался его бытом, кто немного проник в его мирозерцание, его взгляды, наклонности и слабости, тот не мог не убедиться в том, что составленное о нашем солдате мнение совершенно не соответствует истине, и что все зависти от того, как приняться за его воспитание и обучение»⁴⁵.

Общими принципами воспитания солдата должны быть «справедливая строгость, разумная и непреувеличенная заботливость и любовь к младшему брату, но опять-таки любовь не всепрощающая, а любовь разумная, наказывающая и воспитывающая»⁴⁶.

«Везде в жизни солдата начальство старается, точно имея дела с малым ребенком, предвидеть и предупредить возможный проступок, везде норовит заранее подстлать соломки, чтобы он часом не ушибся, а занятия поставить так, чтобы личность солдата подвести под общий уровень»⁴⁷. Но только «ответственность за свои поступки делает человека рассудительным и вдумчивым, мелочная же преувеличенная заботливость о нем и желание устранить с его пути все, обо что он может ушибиться, развивает беззаботность, легкомыслие и привычку к безответственности за свои поступки, убивает рассудительность и дорогую в солдате самостоятельность»⁴⁸.

Здесь мы подходим еще к одной важной теме – воспитанию в солдате самостоятельности, инициативности, которые в начале XX в. диктовались условиями современного боя с применением принципиально нового вооружения. Этой проблемы мы уже касались, когда приводили рассуждения Федора Артуровича о лаве. Он же подчеркивал, что «новый наш устав требует одиночного обучения»⁴⁹.

Для того, чтобы яснее понять, о чем идет речь, следует обратиться к истории. «Николаевский солдат» – понятие, даже в советское время не потерявшее своего ореола образцового исполнения долга русским солдатом эпохи Императора Николая I. Понятие дисциплины неистребимо вошло в его плоть и кровь. «У “николаевцев” и руки были с “особыми специальными мозолями” от проделывание ружейных приемов (замечательного, по оценке М. Д. Скобелева, дисциплинирующего средства). К длительности обучения добавлялась беспощадная требовательность...»⁵⁰ Такие железные люди выковывались долголетней (20 лет и более) службой.

Зримым итогом той системы была знаменитая конница Императора Николая I на курц-галопе с быстротой движения, равной шагу гренадера!

С уменьшением времени срочной военной службы (в армии с 1855 г. – 7 лет, с 1874 – 6 лет, с 1912 – 3 года) получить дисциплинированного в мелочах солдата было сложно, но все-таки возможно при наличии знающих, усердных и требовательных унтер-офицеров, каковых, как мы помним, оставалось еще немало. Служивший в 1911–1912 гг. вольноопределяющимся в кирасирском полку князь В. С. Трубецкой вспоминал: «...На всех занятиях жучили лихо, закаливали, муштровали, тянули, отшлифовывали, вырабатывая подлинную выправку»⁵¹.

Однако такое обучение нередко давало сбои, приводя к таким вопиющим случаям, какой, например, имел место в сражении под Балаклавой 13 октября 1854 г.: «...Уланы Одесского и Бугского полков атаковали английскую кавалерию. По тогдашнему уставу эскадрон перед атакой строился в две шеренги, причем первая брала пики “к бою”, а вторая держала их вертикально, чтобы не поранить людей из первой. Во время атаки строй рассыпался, но один из улан, настигнув англичанина, так и проскочил мимо него с пикой в вертикальном положении. “А я, ваше благородие, вторая шеренга”, – уверенно объяснил он удивленному офицеру после боя»⁵².

При этом, однако, в Русской Армии существовал (и уже давно) иной метод обучения, давший блестящие результаты. Речь идет о солдатах Кавказской армии. «Жизнь среди постоянных тревог, непрерывная борьба с отчаянно храбрым, дерзким и инициативным противником вырабатывала из них великолепных индивидуальных бойцов. [...] Это развитие в солдате самостоятельности шло практически без вмешательства начальства, естественным образом и, если можно так выразиться, безболезненно!»⁵³

«Солдат, – свидетельствовал очевидец, – инстинктивно узнавал мысль своего начальника, сам работал головой; он рассуждал, соображал, применялся к местности в данный момент и делал выводы о причинах удачи или неудачи в известной стычке с горцами»⁵⁴.

Русский простолюдин, по словам близко наблюдавшего его русского ученого и журналиста В. Л. Величко, проходил в Кавказской армии «воинскую школу чести и здравых понятий». «И в быту, т.е. в образе жизни, и в характере нашего кавказского воина есть нечто *монашеское*». Да, «кавказский солдат, когда он не во фронте, проявляет иногда некоторые внешние признаки распушенности. Но стоит только, чтобы ему что-нибудь напомнило о высоком воинском долге, – и он сразу становится героем и патриотом». Словом, подводил он итог, Кавказская армия была и есть «*несравненная школа долга и чести*. Достаточно взглянуть на любой из этих полков, хотя бы в момент полкового праздника; когда выносят перед фронтом старое, простреленное и почерневшее полковое знамя, каким священным огнем горят глаза молодых солдат, недавно пришедших из внутренней России, но уже всей душой подчинившихся полковой традиции»⁵⁵.

«Проследите за новобранцами, прибывшими в военную часть после принятия их на службу, – обращался гр. Ф. А. Келлер к офицерам-кавалеристам, – с каким рвением, с какой жадностью и желанием скорее всему научиться принимается за дело большинство из них, и не виноваты они в том, если через два-три месяца этот пыл у многих остывает, интерес к делу притупляется, любознательность, усыпает и мало помалу появляются лодыри, число которых постепенно растет.

Наш простолюдин, у которого в силу домашнего воспитания совершенно отсутствует даже понятие о чувстве долга (развивающееся только при особенно благоприятных условиях на военной службе), болезненно самолюбив и чуток к насмешке.

Эксплуатируя эту черту его характера, его можно подвинуть на любой, даже героический поступок до самопожертвования включительно, но в то же время можно отбить всякую охоту к делу и работе.

Второй характерной чертой его является понимание только всего логичного, осозательного, определенного и ведущего прямо к цели; нашему солдату для сохранения интереса к делу нужен ясный, осозательный вывод, для чего то или другое ему необходимо, и сознание практического применения того, чему его учат»⁵⁶.

Разумеется, к солдату нужно иметь подход. Дело его обучения и воспитания не столь просто, как может показаться лишь неискушенному человеку.

Исходя из своего опыта, генерал утверждал: «Познание солдата дается только долголетней совместной жизнью с ним, наблюдательностью и тактичным умением вызвать его на откровенность, что конечно гораздо легче вольноопределяющемуся, живущему одной жизнью с нижним чином, чем человеку, одевшему офицерские погоны.

Вот почему, мне сдается, большой ошибкой разрешение молодым людям, никогда не жившим с народом и не имевшим возможности его наблюдать и изучить, поступать непосредственно из гражданских учебных заведений и корпусов в юнкерские училища, откуда они выпускаются уже офицерами в части. Казалось бы совершенно необходимым требовать от молодых людей, посвящающих себя военной службе, прослужить хоть один год вольноопределяющимся в рядах. Без такого условия офицер солдата никогда не узнает, не поймет его мирозерцания, не поймет его слабостей и высоких качеств, а без этого понимания влияние и воспитание является для него непосильной задачей»⁵⁷.

Большим недостатком, сильно затрудняющим и тормозящим воспитание солдата, Федор Артурович считал «его недоверие к начальству, с которым новобранец прибывает в войска и которое сохраняется им часто на всю службу. Мне кажется, это недоверие крестьянина к начальству и барину вообще надо искать в историческом, не так далеком еще прошлом; начало его относится к тому времени, когда крестьянин видел в помещике эксплуататора своего труда, а в деревенском начальстве находил несправедливого и алчного обирателя. В силу этой особенности наших нижних чинов с беседами, на которые их в последнее время собирают, приходится быть очень осмотрительным, так как эти собеседования часто производят на солдата совершенно противоположное действие тому, которое от них ожидается. На офицерскую беседу с нижними чинами и даже на собеседование полковых священников, назначенных приказом по полку или расписанием, солдат в большинстве случаев смотрит, как на учение, и так, что, мол, “это ему приказано говорить, на то он и деньги получает”, и надо много такта, труда и таланта, чтобы на таких беседах заинтересовать слушателей и внушить им к себе доверие»⁵⁸.

Вот почему, считал Ф. А. Келлер, «на нашем офицере лежит высокое призвание не только учителя, но и главным образом вос-

питателя, способного своим влиянием, обучением и воспитанием из мягкого восприимчивого деревенского парня создать твердого, уверенного в себе, крепкого, самостоятельного бойца, готового сознательно пожертвовать и жизнью и достоянием на защиту своего Государя и способного по возвращении домой своим примером и влиянием воспитывать подрастающее деревенское молодое поколение в верности и преданности своему Царю, Вере и Отечеству»⁵⁹.

Так русские крестьяне преобразались в кавалеристов Императорской Армии.

*Против неба, на земле
Жил старик в одном селе...*

– это Петр Ершов, «Конёк-Горбунок».
А вот что выходило:

*Добрый конь подо мной,
Сам Господь надо мной.*

часть третья

ЧЕСТЬ

*Война! Подъяты наконец,
Шумят знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.*

А. С. Пушкин.

*Для пользы общей мы жертвуем нашей кро-
вью и жизнью.*

Краткая история кавалергардов.

БОИ В ЗАВЕСЕ

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. «Началась, – по словам ген. А. И. Деникина, – Великая война – это наибольшее напряжение духовных и физических сил нации, тягчайшая жертва во имя Родины приносимая»¹.

Российская Императорская Армия вступала в последнюю свою войну, на которой ей было суждено стореть. Дотла...

Генерал П. Н. Краснов* писал:

«В Императорской Армии поднимало дух бойцов то, что она – Императорская, что Государь – Отец Родины – с ними в страшную минуту боя.

Мелочь, казалось бы. В Российской Армии при отправлении караульной службы рапортовали: “В карауле и на постах Его Императорского Величества происшествий не случилось”.

* *Петр Николаевич Краснов* (10.9.1869–3/16.1.1947) – родился в С.-Петербурге. Сын генерала, историка; казак ст. Кургинской Войска Донского. После окончания Александровского кадетского корпуса (1887) и Павловского военного училища (1889) выпущен офицером в Л.-Гв. Атаманский полк. Полковой адъютант. Сотник (1897). Несколько месяцев провел при дворе Абиссинского негуса Менелика II начальником конвоя Русской военной миссии, возглавлявшейся Генерального штаба полковником Артамоновым. Участвовал в подавлении Боксерского восстания в Китае (1901), в русско-японской войне 1904–1905 гг. Есаул (1906). Уже в то время он был известен как талантливый журналист. После окончания Офицерской кавалерийской школы был оставлен при ней начальником Казачьего отдела. Командир 1-го Сибирского Ермака Тимофеевича полка с производством в полковники (1910). Назначен командиром 10-го Донского казачьего полка (1913), с которым, с началом Великой войны, он отправился на фронт. За боевые заслуги произведен в генерал-майоры. Командовал бригадой в 1-й Донской казачьей дивизии, 3-й бригадой Кавказской Туземной дивизии, 3-й Донской казачьей дивизией, 2-й Сводной казачьей дивизией. Награжден Георгиевским крестом и золотым оружием.

И караульную службу блюли свято.

В Российской Императорской Армии писали: “Заболев сего числа, службу Его Императорского Величества нести не могу”.

И служба была все. Для службы забывали семейные радости, праздники, недомогание. Дух армии был высок, сердце горело рвением. [...]

Сквозь всю Российскую Армию, как стержень, проходило сознание святости Императорской службы и страшное значение высокой дисциплины.

“Приказ начальника исполнить обязан, как приказ Самого Государя” – это было твердо усвоено всеми, сверху донизу. Не исполнить приказ – было невысказано. [...]

В Императорской Армии была глубокая вера друг в друга. Твердо знали: “Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет”, – все одни – Царевы. Наверху – Император, под Ним генералы, потом офицеры, потом солдаты, и все перед Царем равны и все одинаковы. Помнили вечно – “солдат есть имя знаменитое. Первейший генерал и последний рядовой носят имя солдата”. Это было свято. [...]

Подвиг манил. Говорили офицеры: “Мертвому льву лучше, чем живому псу”. И смерть не была страшна. Знали, что смерть на поле брани есть честь»².

Так же чувствовали и Георгиевские кавалеры-солдаты, писавшие домой с фронта: «Конечно, вам пуля и штык страшны, а мне нисколько не страшен штык. Удалому и смерть не страшна, в особенности мне, Георгиевскому кавалеру...»³

Такие были люди...

Богатыри – не вы!

«Война, – читаем в великой народной эпопее графа Л. Толстого, – есть наитруднейшее подчинение свободы человека законам Бога... Простота есть покорность Богу; от Него не уйдешь. И *они* простые. *Они* не говорят, но делают. Сказанное слово серебряное, а несказанное – золотое. Ничем не может владеть человек, пока он боится смерти. А кто не боится ее, тому принадлежит все. Ежели бы не было страдания, человек бы не знал границ себе, не знал бы себя самого»⁴.

Первой врага должна была встретить кавалерия.

«Конницы у нас было очень много, – писал русский военный историк А. А. Керсновский, – и была превосходного качества. Но...

возглавлялась она, за редкими исключениями, начальниками, совершенно ее недостойными». Однако, «несмотря на бездарное высшее управление, роль русской конницы в 1914–1917 годах была не менее значительна, чем в 1812–1814 годах. Было гораздо меньше конных боев (чему причиной похвальное благоразумие неприятельской кавалерии). Но было значительно больше конных атак на неприятельскую пехоту и артиллерию, а главное, некоторые конные дела имели не только тактическое, но и стратегическое значение. В общем, если характеризовать боевую работу русской конницы, то надо сказать, что корнеты совершали блестящие подвиги, а генералы упускали блестящие возможности...»⁵

Были, однако, и исключения: «10-й кавалерийской дивизии посчастливилось найти вождя в лице графа Келлера. Она прославила свои штандарты в конном бою 8 августа 1914 года у Ярославлице, изрубив 4-ю австро-венгерскую дивизию (эскадроны и сотни всех четырех полков), у Перемышля и Яворова – беззаветными атаками на пехоту и артиллерию, у Равы Русской, где одесские уланы выручили 9-ю пехотную дивизию, в карпатских предгорьях, в краковском походе. Переброшенная ранней весной 1915 года на бессарабско-буковинский рубеж, она под командой генерала Маркова (оставаясь все время в III конном корпусе графа Келлера), отличилась у Хотина, Баламутовки и Ржавенцев, изрубив 42-ю дивизию гонведа*. В июне–июле дивизия вела отступательные бои у Коломеи (особенно кровопролитные у Виноград), а в 1916 году с отличием участвовала летом в горной войне в Буковине, а поздней осенью – в отступлении от Бухареста»⁶.

И все-таки оценка военного историка была слишком строга. Вот как, например, оценивал русскую кавалерию противник. «Мне, – вспоминал ген. П. Н. Краснов, – говорили немцы: “Во время Великой войны мы выше всего ставили Императорскую Русскую Армию, потом французскую, потом английскую, и ни во что считали итальянцев и американцев. Но выше, чем была русская кавалерия и даже равной ей, мы не имеем и у себя”. [...] Она единственная [...] сохранила конный дух и дерзала атаковать в конном строю.

Бешеная атака ротмистра [...] Врангеля с эскадроном Конной Гвардии у деревни Каушен 6 августа 1914 года поразила немцев.

* *Гонвед* (от венг. *honved* – букв. защитник родины) – название венгерской национальной армии. – С. Ф.

Раненый командир взятой Врангелем германской батареи просил разрешить сказать своему победителю несколько слов.

Когда Врангель подошел к нему, немецкий офицер пожал ему руку и выразил чувство искреннего восхищения перед его подвигом. Он не допускал мысли, что в современном бою возможна конная атака стреляющей батареи.

Подвиг павшего смертью храбрых корнета Л.-Гв. Гусарского полка, Великого Князя Олега Константиновича, спасавшего солдата, и тут же подвиг простого донского казака Козьмы Крючкова, заколовшего пикой одиннадцать немцев*, и подвиг сотника 4-го Сибирского казачьего полка Анненкова, зарубившего на глазах разезда германского офицера, атака 10-й кавалерийской дивизии графа Келлера венгерской кавалерийской дивизии и такая же конная атака 2-й казачьей Сводной дивизии генерала А. А. Павлова, атака Уланским Новомиргородским полком тяжелой германской батареи у Костюхновки в 1916 году и там же атака Черниговским полком германской пехоты, атака эскадроном ротмистра Случевского 16-го гусарского Нежинского полка роты велосипедистов [...], атака ротмистра 12-го гусарского Ахтырского полка Панаева австрийской пехоты, атаки Заамурской пограничной стражи, ингушей, атаки 16-го и 17-го Донских казачьих полков сквозь окопы и проволоку австрийцев и германцев у деревни Рудка Червище 7 августа 1916 года.

И сколько их!

И ни одной завершенной конной атаки не знает ни одна другая европейская армия»⁷.

А вот оценка современного историка: «Русская кавалерия – не уступая германской в умении сражаться в пешем строю – была куда лучше обучена езде и владению холодным оружием. Поэт Николай Гумилев, воевавший вольноопределяющимся в Лейб-Гвардии Уланском Ее Императорского Величества полку, описывал случай: осенью 1914-го в Восточной Пруссии немецкий улан

* Высмеивание этого подвига донского казака Козьмы Фирсовича Крючкова стало чуть ли не общим местом русской журналистики и либеральной общественности. Правилom хорошего тона считалось в подвиг не верить. Однако и в гражданскую войну казак подтвердил свои воинские мастерство и безстрашие. Козьма Крючков принял участие в восстании казаков Усть-Хоперского округа против большевиков. Он героически сложил свою голову в станице Островской. – С. Ф.

попал в плен только потому, что, уходя от погони, объезжал все канавы и кусты, тогда как русские лейб-уланьы скакали через все эти препятствия напрямик. А в первые дни войны немецкие уланы и ликой кололи, держа ее не зажатой между рукой и боком, а на весу, что, конечно, не обеспечивало должной силы удара... Стрелять с коня германские кавалеристы в отличие от русских в 1914-м тоже не умели. Это превосходство русской кавалерии в умении драться в конном строю сохранялось в течение всей войны. Не было ни одной конной стычки, которая завершилась бы победой немцев, а вот 1 (14) июня 1915 года под Попелянами в Жемайтии Приморский драгунский полк последовательно опрокинул пять полков германской кавалерии, в том числе и знаменитых «гусар смерти», носивших на шапках и фуражках изображение мертвой головы»⁸.

* * *

В условиях современного боя, как известно, самолет-истребитель «живет» в среднем 45 секунд, танк – несколько минут; солдат-мотострелок – 27 секунд, младший офицер – в два раза больше. Хорошего же летчика и танкиста готовят, как известно, не один год.

Живучесть солдата и офицера на первой мировой войне была, понятно, гораздо большей, но все же много меньшей, чем в войнах, которые еще столь недавно вела Россия. Происходило это из-за широкого применения во время Великой войны «оружия массового поражения» того времени: пулеметов, скорострельной артиллерии, бомбометов, авиации, газов. На выучку же в то время солдат, матросов и офицеров на флоте, в артиллерии и кавалерии вряд ли тратили меньше времени, чем ныне.

Для графа Ф. А. Келлера война была своего рода экзаменом: чему за отпущенное мирное время он сумел научить вверенную ему дивизию, каков он сам командир. Уже не на Красносельских маневрах, а в схватках с реальным противником. Ведь на поле битвы Федору Артуровичу не приходилось выходить целых 36 лет...

В мирное время кавалерийские дивизии входили в состав армейских корпусов. Порядок изменился, когда с объявлением мобилизации конница была брошена на границу. Она была призвана прикрыть стратегическое развертывание основных сил, создавая перед противником непроницаемую *завесу*, ведя при этом активную разведку.

*Ура! Ура! Ура!
Ура, пойдём мы на границу
Бить отечества врагов,
За Царя и за Царицу
И за родину отцов.
Все дружнее собирайтесь!
Попроворней снаряжайтесь!
Живо седлай коней
И собирайся скорей!*

*Всадники-друзи, в поход собирайтесь –
Радостный клич вас ко славе зовет;
С бодрым духом смело сражайтесь,
За Царя и за Русь сладко и смерть принять⁹.*

Первые выстрелы войны прозвучали на западной границе вечером 19 июля в самый день объявления войны. Пятый корпус Германской армии вломился в Калиш, в котором, как мы помним, стоял Александрийский гусарский полк.

На границе с Австро-Венгрией, где стояла и 10-я кавалерийская дивизия гр. Ф. А. Келлера, было пока что тихо.

В отличие от Германии, Австро-Венгрия с объявлением войны медлила. И Государь повелел: до официального объявления войны военных действий против нее не открывать. Лишь 24 июля здесь раздались первые выстрелы. За это время русская кавалерия, имевшая четырехчасовую мобилизационную готовность¹⁰, смогла, сосредоточившись в спокойной обстановке, достойно встретить врага.

«По мобилизации, – вспоминал участник событий, – вся кавалерия Киевского военного округа, состоящая из 7, 9, 10, 11, 12 и одной Сводно-казачьей дивизии, была продвинута к австрийской границе, а т.к. Австрия объявила войну России на пять дней позже Германии, то русскому командованию удалось перебросить на австрийский фронт гораздо больше войск, чем предусматривалось за этот период планом мобилизации... [...] В день объявления войны почти вся вышеуказанная кавалерия перешла австрийскую границу. С своей же стороны австрийское командование также двинуло свои кавалерийские дивизии к русской границе»¹¹.

Австро-венгры решили предпринять усиленную стратегическую разведку, заодно сорвав здесь мобилизацию и овладев богатыми складами. С этой целью их 2-я кавалерийская дивизия выдвинулась к Владиміру-Волынскому.

То была одна из лучших в Австро-Венгерской империи дивизий, офицеры которой были сплошь знатные венгерские магнаты. Командовал ею также родовитый венгерский граф Мункачи, под началом которого было пять его молодых сыновей. В парадной богато шитой серебром гусарской форме (темно-синие шако, венгерки и ментики) выехали они в поле, картинно выпив перед боем полные кубки вина за здоровье Императора и славу его кавалерии. Командир первого полка (старший сын начальника дивизии), выехав на холеном арабе перед строем гусар, взвинченно прокричал:

– Не бойтесь этой русской сволочи! Помните 1848 год и отомстите за своих братьев! Рубите этих собак безпощадно!

Трубачи сыграли атаку.

*Заиграли трубы, трубы, барабаны,
Отворились двери – вышел басурман.
Закипела битва, битва безпощадна,
Полилась рекою горячая кровь.*

Атаковавшие в конном строю три венгерских полка понесли жестокие потери. Они были расстреляны Бородинским полком (потерявшим всего 40 человек) как на стрельбище.

Сохранилось описание этого боя офицером-ингерманландцем:

«Одна из венгерских гусарских дивизий была направлена на город Владимир-Волынский, где в мирное время стоял 7-й гусарский Белорусский полк с двумя конными батареями и Лейб-Бородинским пехотным полком, а по мобилизации в этом районе была сосредоточена 7-я кавалерийская дивизия и отдельная бригада генерала Ванновского.

Одна бригада 7-й кавалерийской дивизии под командой генерала Рубца и отдельная бригада Ванновского были двинуты в направлении Львова и шли параллельно. В промежутке между этими бригадами прошла венгерская гусарская дивизия, причем ни русские, ни венгры не заметили один другого. Русские бригады пошли на Львов, а венгры подошли к Владимир-Волынску, где оставался только пехотный полк.

Пограничная стража сообщила командиру пехотного полка о приближении неприятеля. Роты заканчивали мобилизацию и укладывали вещи, когда был подан сигнал “тревога”, по которому солдаты быстро выстроились у своих казарм. В это время венгерская кавалерия выходила из леса и разворачивалась для атаки. Лейб-Бо-

родинцы частью заняли имевшиеся стенки и заборы, а главным образом роты спиной вплотную стали к стенам казарм.

Подпустив на несколько сот шагов несущихся на них венгерских гусар, бородинцы открыли по ним ураганный огонь.

Раненые и убитые всадники неприятельской кавалерии стали массами падать с седел или валиться на землю вместе с убитыми и тяжело ранеными лошадьми.

Сотни коней без седоков поскакали во все стороны, но храбрые венгерские гусары все же неслись вперед, подскакав почти к зданию казарм, откуда бородинцы посылали им навстречу тысячи пуль, вырывая жертвы из рядов атакующей кавалерии.

Окончательно растроенная кавалерия, наконец, не выдержала и понеслась назад в лес, оставив на месте массу гусар и лошадей.

Наша пехота, будучи уверена в полном поражении неприятеля, послала собирать раненых и убитых, как вдруг увидела опять массу кавалерии, несущуюся из леса к пехотным казармам.

Роты заняли прежнее положение и вторично отбили венгерских гусар.

На этот раз кавалерия повернула назад раньше, чем при первой атаке. Все же гусары пробовали атаковать в третий раз, вероятно, уже последними своими резервами, но и на этот раз были отбиты с большими потерями и, ускакав в лес, больше не рискнули на атаку.

По мнению наших пехотных офицеров, атаки венгерских гусар были произведены с большим порывом и решительностью, но безрассудно, благодаря чему они понесли огромные потери»¹².

Был сыгран отбой:

*Славно мы врага разбили!
Трубач, труби отбой!*

Как и 66 лет назад, поднявшие меч венгры были уничтожены внуками славных воинов Императора Николая Павловича. Граф Мункачи и все пятеро его сыновей с десятками отпрысков прочей мадьярской знати нашли смерть перед стальными рядами русской пехоты. Отдельные зарвавшиеся венгерские гусары были переловлены солдатами резерва.

А через некоторое время в поле вышли мужики с лопатами. Они сосредоточенно принялись копать могилы. Убитых было около двух тысяч. Винтовки, сабли и револьверы сваливали в телеги.

*Барабан громко бьет,
Бородинский полк идет!..*

Еще в конце XIX в. пытались исчислить стойкость войск особым коэффициентом, критерием которого было число потерь, при которых воины еще продолжали держаться.

Русский военный ученый генерал Н. Н. Головин для XIX в. пределом «моральной упругости войск» считал цифру в 25% кровавых потерь. После этого сражающаяся армия, как правило, была неспособна к дальнейшему сопротивлению¹³.

Средний коэффициент стойкости Русской Армии в XVIII–XIX вв. составлял 30%. В сражении с пруссаками под Цорндорфом 14 августа 1758 г. он был равен 43%, а при Бородине – 38%. Тот же средний показатель составлял: у французов и пруссаков – 28%, у австрийцев – 15%, а у итальянцев, испанцев, турок, венгров и поляков – от 2 до 12%¹⁴.

Стойкость русских войск не уменьшилась во время первой мировой войны. «Он выдерживает, – писал о русском солдате немецкий военный журналист С. Штайнер, – потери и держится еще тогда, когда смерть является для него неизбежной»¹⁵. Попавшие в русский плен под Ковелем германские солдаты, дравшиеся до этого под Верденом, говорили: «Там нам казался ад, но только здесь, в битве с русскими, мы увидели, что такое настоящий ад: русские в атаке – это черти»¹⁶.

Воистину, как говаривал еще великий Суворов, русского солдата мало убить, его надо при этом еще и повалить.

Другим важным показателем является число бежавших из плена, характеризующее моральный дух армии. Подсчитано, что в годы Великой войны бежал каждый седьмой русский пленный. Ни одна европейская армия не дала такой высокой цифры¹⁷. (Следует, между прочим, заметить, что факт побега из плена в Русской Армии отмечался особыми почетными нашивками на рукаве и служил основанием для выдвижения на вышестоящую должность.)

Однако и русским предстояло сразиться с сильным, стойким и храбрым врагом. Известный своей германофобией ген. А. А. Брусилов, тем не менее, признавал: «...Немецкий народ и его армия показали такой пример поразительной энергии, стойкости, силы патриотизма, храбрости, выдержки, дисциплины и умения умирать за свое отечество, что не преклоняться перед ними я, как воин, не могу. Они дрались как львы против всего мира, и сила духа их поразительна. Немецкий солдат, следовательно, народ, достоин всеобщего уважения»¹⁸.

Когда после помянутой нами атаки 3-го эскадрона Конно-Гвардейского полка барона П. Н. Врангеля под Каушеном немецкая батарея была взята, тяжело раненый германский офицер все

продолжал стрелять из револьвера, ранив корнета Л.-Гв. Кавалергардского полка А. А. Гернгросса*. Оба они потом лежали на соседних койках в одном лазарете¹⁹.

Награжденный за храбрость двумя Железными крестами ефрейтор Германской армии Адольф Гитлер вспоминал: «...Влажная холодная ночь во Фландрии. Мы идем молча. Как только начинает рассветать, мы слышим первое железное “приветствие”. Над нашими головами с треском разрывается снаряд; осколки падают совсем близко и взрывают мокрую землю. Не успело еще рассеяться облако от снаряда, как из двухсот глоток раздается первое громовое “ура”, служащее ответом первому вестнику смерти. Затем вокруг нас начинается непрерывный треск и грохот, шум и вой, и мы все лихорадочно рвемся вперед навстречу врагу, и через короткое время мы сходимся на картофельном поле грудь с грудью с противником. Сзади нас издали раздается песня, затем ее слышно все ближе и ближе. Мелодия перескакивает от одной роты к другой. И в минуту, когда кажется, что смерть совсем близка к нам, родная песня доходит и до нас, мы тоже включаемся и громко победно несется: “Дойчланд, Дойчланд юбер алес”»²⁰. «В первые дни я шел в атаку в восторженном настроении, с шутками и смехом», – признавался он. Потом в штыковую ходил «со спокойной решимостью»²¹.

Это и был знаменитый немецкий «железный дух атаки».

* * *

«Последняя июльская и первая августовская недели, – писал русский военный историк А. А. Керсновский, – видели блестящую и самоотверженную работу нашей несравненной конницы, непроницаемой завесой скрывшей развертывание русских армий от глаз австро-венгерского командования»²².

10-я Кавалерийская дивизия графа Ф. А. Келлера действовала в полосе Юго-Западного фронта (командующий Н. И. Иванов, нач. штаба М. В. Алексеев), прикрывая сосредоточение 3-й армии (ген. Н. В. Рузский, нач. штаба В. М. Драгомиров).

Первое столкновение ее частей с неприятелем произошло уже 3 августа. Первый и второй эскадроны Ингерманландского гусарского полка атаковали австрийцев, взяв в плен около 500 солдат и 16 офицеров²³.

* Будучи уже штабс-ротмистром, расстрелян большевиками в Киеве 26 января 1918 г.

6 августа 3-я армия переправилась через Збруч, перейдя, таким образом, австрийскую границу. Так начиналась *Галицийская битва*.

Военные историки обычно подразумевают под этим названием «совокупность операций, разыгравшихся на 500-верстном фронте, от Вислы до румынской границы, между русскими армиями Юго-Западного фронта и австро-венгерскими армиями»²⁴.

«В самом начале Великой войны, – вспоминал в то время старший адъютант дивизии штабс-капитан А. В. Сливинский, – 10-я кавалерийская дивизия, наряду с другими дивизиями русской конницы, была выдвинута перед фронтом развертывавшейся 3-й русской армии для прикрытия ее развертывания, т.е. для образования завесы и в целях разведки.

Выполнение первой задачи не вызывало больших трудностей, так как противник держался в общем пассивно. Но, с другой стороны, вся приграничная полоса Восточной Галиции от Брод до Хотина была наводнена мелкими смешанными отрядами – австрийских ландштурмистов и жандармов с приданными к ним регулярными частями. Эти отряды опирались на четыре кавалерийские дивизии: 1 кавалерийская дивизия – в районе Скала, 5 гонведская кавалерийская дивизия – у Трембовля, 8 кавалерийская дивизия – у Тарнополя и 4 кавалерийская дивизия – у Брод; за ними стояли две пехотные дивизии: 43 ландверная – у Залещиков и 11 пехотная – в районе Тарнополя-Бржезан.

Так были прикрыты развертывавшиеся в Восточной Галиции австрийские армии.

Завеса эта сильно препятствовала нашей разведке. Между тем в начале августа (старого стиля) точные сведения о противнике были особенно нужны, так как наши армии уже готовы были начать общее наступление»²⁵.

«10-я кавалерийская дивизия под командой начальника этой дивизии генерала графа Келлера, – писал будучи в эмиграции участник первых ее сражений, – в день объявления войны Австрией перешла русско-австрийскую границу между местечком Вышгородок, на русской стороне, и австрийским городом Збораж, где имела первое столкновение с австрийскими небольшими отрядами.

Очистив этот город от неприятельских войск, дивизия продолжала движение в направлении Львова (Лемберга), самого большого и самого важного в стратегическом отношении города Восточной Галиции.

Двигаясь во главе войск 10 армейского корпуса, дивизия производила разведку противника, прикрывая движения наших войск, теснила передовые части австрийцев и далее, встречая сильные авангарды неприятеля, заставляла их разворачиваться, а с подходом нашей пехоты, участвовала вместе с нею в боях с крупными силами австрийской армии.

Довольно большой бой произошел 7-го августа (ст. ст.) западнее города Тарнополя, в районе железной дороги Тарнополь—Львов, восточнее Львова, близ г. Злочева.

Рано утром показались большие колонны противника,двигающиеся от Львова в направлении Тарнополя. Конные батареи нашей дивизии шрапнельным огнем заставили авангард противника развернуться. Вскоре подошли пехотные части 10-го корпуса и вступили в бой с наступающим неприятелем.

Несколько русских полевых батарей присоединились к конной артиллерии графа Келлера и начали смертоносно поражать противника. Австрийцы проявили невероятную храбрость, они шли громадными колоннами все вперед и вперед, не обращая внимания на то, что русская артиллерия вырывала из их рядов сотни убитых и раненых.

Наконец, обе стороны сошлись на расстояние ружейного выстрела, и по всему фронту раздался треск пулеметов и винтовок, посылающих миллионы пуль и тысячи смертей один другому»²⁶.

*Как собака на цепи тяжелой,
Тявкает за лесом пулемет,
И жужжат шрапнели, словно пчелы,
Собирая ярко-красный мед**

«Австрийцы, – продолжает свои воспоминания очевидец боя, – пытались наступать весь день, но всякий раз, как только их колонны показывались из леса, русская артиллерия и пулеметы косили их, и храбро наступающие солдаты валялись на землю как подкошенные снопы. Только к вечеру наступал перелом боя, и австрийские войска начали отступать.

Граф Келлер бросил несколько эскадронов для преследования, кои, настигнув противника уже в лесу, понесли тяжелые потери.

Особенно много было убитых и раненых в 3-м эскадроне 10-го гусарского Ингерманландского полка, где был убит и сам командир

* Николай Гумилев. Война.

эскадрона ротмистр Оленич. Только к полуночи дивизия собралась в деревню Бялогловы, где и ночевала»²⁷.

Настроения в 10-й кавалерийской дивизии в это время в связи со стоявшей перед ней неотложной задачей «прорыва австрийской завесы и установления непосредственного соприкосновения с главными силами противника» весьма точно передает шт.-кап. А. В. Сливинский: «Ясно было, что выполнение этой задачи приведет нас к столкновению с австрийской конницей, скрытое маневрирование которой вдоль границы ясно ощущалось.

Этот момент всеми ожидался, и к нему готовились со дня прибытия из центра России на границу.

Нетерпение ожидания встречи с конницей противника все возрастало; жадно ловились малейшие сведения и слухи о ее появлении то здесь, то там. Но противник как будто не спешил обнаруживать себя и тем более вступать в бой с нами, но лишь выматывал наши силы ночными тревогами, излишними нарядами на разведку, охранение и бесполезными подчас маневрами.

Отсюда понятны радость, с которой было выслушано на вершине Острога Гарба донесение о появлении впереди нашей дивизии кавалерии противника, и та поспешность, с которой были приняты здесь же первоначальные решения – свернуть немедленно с прежнего направления движения в сторону действий 9-й кавалерийской дивизии и атаковать противника.

Разумеется, при этом имел влияние и популярный в Русской Армии завет: “Сам погибай – а товарища выручай”.

И с той, и с другой точки решение начальника дивизии генерала графа Келлера, принятое им у Острога Гарба, было совершенно правильным»²⁸.

Риск был оправдан решимостью военачальника и духом войска. «Сражение выиграет тот, – справедливо писал Л. Н. Толстой, – кто твердо решил его выиграть. [...] Кто будет злей драться и себя меньше жалеть, тот победит»²⁹.

Вот как этот же момент запечатлен у другого мемуариста: «Утром 8-го августа, перед выходом, гр. Келлер приказал снести убитых во вчерашнем бою и похоронить их в общей могиле.

Подъехавший священник гусарского полка о. Василий Копецкий отслужил панихиду, на которой присутствовали некоторые чины полков дивизии во главе с гр. Келлером, поэтому дивизия выступила из деревни Бялогловы только в 8 часов, вместо обычного ежедневного выступления в 5 или 6 часов утра.

На 8-е августа гр. Келлер получил задание двигаться из деревни Бялогловы. Севернее 10-й шла 9-я кавалерийская дивизия под командой генерала князя Бегильдеева*, которая ночевала в Заложце и должна была занять город Злочев.

Такую задачу имела русская кавалерия, перейдя реку Серет Галицийский. В то время австрийское командование решило 4-й, 8-й кавалерийскими и 11-й пехотной дивизиями с поддержкой ландверных батальонов ударить по тылу русских войск, уничтожить обозы и разрушить коммуникацию... [...]

Начальник 4-й австрийской кавалерийской дивизии генерал фон Заремба на ночлеге в деревнях Нушче-Перепельники получил приказание 8-го августа перейти в город Зборов, куда подойдут 11-я пехотная и 8-я кавалерийская австрийские дивизии. Пехотная дивизия должна прибыть к Зборову с юго-запада от Бржезан, а 8-я кавалерийская с юго-востока от Тарнополя.

В 4 часа утра 8-го августа генерал фон Заремба выступил со своей 4-й дивизией из дер. Нушче на г. Зборов в составе 9-го и 15-го драгунских, 1-го и 13-го уланских полков, двух конных батарей, двух батальонов пехоты при 8 пулеметах.

Не доходя пяти верст к этому городу, Заремба узнал, что в Зборове нет ни 8-й кавалерийской, ни 11-й пехотной дивизий, в то же время он получил донесение, что со стороны Заложце движется большая колонна русской кавалерии. Это была 9-я кавалерийская дивизия генерала Бегильдеева. О присутствии же дивизии графа Келлера Заремба не имел сведений. Опасаясь, что русская кавалерия,двигающаяся из Заложце, выйдет ему в тыл, Заремба решил повернуть дивизию обратно, на север, и занять выжидательное положение южнее деревни Ярославиче, а пехотным своим батальонам он приказал занять позицию на высотах номер 416 под названием Жамни.

Около 9 часов утра авангард русской 9-й кавалерийской дивизии, подойдя к деревне Олегов, заметил неприятельскую пехоту, занимавшую позицию на высотах Жамни, начал обстреливать ее ар-

* *Князь Константин Сергеевич Бегильдеев* (1858–1920?) – из дворян Тамбовской губернии. Окончил Александровское военное училище (1877), Академию Генерального штаба. Генерал-лейтенант. Начальник 9-й кавалерийской дивизии (4.9.1911–6.4.1917). Впоследствии командир 7-го Кавказского армейского корпуса. Участник гражданской войны. В Вооруженных силах Юга России. Дальнейшая судьба точно неизвестна. По одним сведениям, был убит в 1920 г., по другим – скончался в эмиграции. – С. Ф.

тиллерийским огнем. К этому времени 10-я кавалерийская дивизия, пройдя деревню Бзовице, подошла к высоте Острый Бугор [Острый Гарб], западнее фольварка Гальчина Долина, где граф Келлер, услышав стрельбу со стороны 9-й кавалерийской дивизии, решил немедленно идти ей на помощь...»³⁰

СЛАВНЫЕ ЯРОСЛАВИЦЫ

«Сознание близкой встречи с конницей противника, что с нетерпением ожидалось всеми нами с первого дня объявления войны, заставляло живее биться сердца; раздавались радостные возгласы; на лицах присутствующих замечалось волнение и решимость. Только одно сомнение закрадывалось в душу, а вдруг противник уйдет, не приняв боя?»¹ – так передает очевидец настроение, царившее среди русских кавалеристов в тот момент, когда они увидели австрийскую конницу.

Генерал Келлер быстро отдавал приказания: Оренбургским казачкам атаковать деревню Волчковце, откуда вела огонь австрийская пехота... Донскому артиллерийскому дивизиону – поддержать эту атаку... Основным силам дивизии, запоздавшей с выступлением с ночлега, – спешно подтягиваться...

Вскоре казаки доставили к штабу до полсотни пленных австрийских пехотинцев, из опроса которых выяснилось, что перед нашими кавалеристами – 4-я австрийская кавалерийская дивизия...

Пока оренбуржцы, спешившись, выбивали из деревни вражескую пехоту, подошла колонна главных сил дивизии – новгородские драгуны, одесские уланы, ингерманландские гусары.

Было около 10 утра. Сразу же двинулись вперед. Местность была холмистая, и, чтобы избежать неприятных неожиданностей вследствие замедления с необходимыми распоряжениями, штаб дивизии вместе с ген. Келлером и конвоем ехали в голове колонны, сразу же вслед за боевыми разъездами. Впереди была узкая лощина, за ней небольшая роща, откуда неприятель вел артиллерийский огонь.

Перед въехавшим на холм штабом вдруг раскрылась следующая картина: вершину противоположного желтого ската лощины окаймляла черно-голубая полоса. То австрийские кавалеристы в парадных мундирах в развернутом строю изготовились к бою.

Всего лишь минуту *мы* и *они* стояли, словно в оцепенении, в полной тишине. Каких-то полкилометра разделяло противников,

и вскоре до холма, где стоял штаб, донеслись отрывистые слова немецкой команды, в ответ на которые раздался лязг оружия. В лучах солнца блеснула сталь клинков.

Генерал Келлер быстро отдавал последние распоряжения для атаки. С холма в разные стороны карьером неслись ординарцы.

Перед боем полковые трубачи, как полагается, протрубили кавалерийский сбор:

*Да посрамлен будет тот малодушный,
Кто без приказа отступит на шаг!
Долгу, чести, клятве преступник –
На Руси будет принят как злейший враг!²*

«По длинной ленте колонны дивизии прошел электрический ток; масса вздронула, – полки начали выстраивать фронт и галопом выходить на одну линию»³.

* * *

Так начинался знаменитый бой под Ярославицами, названный впоследствии военными авторитетами и историками *последним кавалерийским боем мировой истории*. Именно так называлась вышедшая вскоре после окончания первой мировой войны в Австрии книга полковника барона Э. фон Вальдштетена⁴. Сражение под Ярославицами занимает также центральное место в книге «Конец рыцарства. Большие кавалерийские битвы 1914–1918 гг.», написанной бароном Алексеем Петровичем Врангелем (вторым сыном знаменитого белого Главнокомандующего) и изданной в 1983 г. в Нью-Йорке⁵. За истекшие годы об этом бое написано немало, в том числе и его участниками⁶.

Особое место среди них занимают труды ген.-лейтенанта профессора Н. Н. Головина*, ценность которым придают публикуемые им письма участников боя, как с русской, так и с австрийской сто-

* *Генерального Штаба ген.-лейтенант Николай Николаевич Головин* (22.2.1875–10.1.1944) – после окончания Пажеского корпуса (1894) выпущен офицером в Л.-Гв. конно-артиллерийскую бригаду. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1900). Старший адъютант штаба войск Гвардии Петербургского военного округа (1905). Свой первый научный труд он опубликовал в 20-летнем возрасте, а в 32 защитил диссертацию. Экстраординарный (1908), а потом ординарный (1909) профессор Николаевской академии Генерального штаба. Командир Л.-Гв. Гродненского гусарского полка, с которым выступил на Великую войну. Показал

роны. Выводы профессора весьма оригинальны и в силу этого обстоятельства будут, вероятно, читаться с неослабевающим интересом. Но при этом они весьма далеки от... истины.

Для того, чтобы понять, что всё это уже было и вовсе не ново и не оригинально, достаточно обратиться с заключительным словом «Войны и мира» графа Льва Толстого. «Объездите все войска тотчас после сражения, – писал Лев Николаевич, – даже на другой, третий день, до тех пор, пока не написаны реляции, и спрашивайте у всех солдат, у старших и низших начальников о том, как было дело; вам будут рассказывать то, что испытали и видели все эти люди, и в вас образуется величественное, сложное, до бесконечности разнообразное и тяжелое, неясное впечатление; и ни от кого, еще менее от главнокомандующего, вы не узнаете, как было все дело. Но через два-три дня начинают подавать реляции, говорюны начинают рассказывать, как было то, чего они не видели; наконец, составляется общее донесение, и по этому донесению составляется общее мнение армии. Каждому облегчительно променять свои сомнения и вопросы на это лживое, но ясное и всегда лестное представление. Через месяц и два расспрашивайте человека, участвовавшего в сражении, – уж вы не почувствуете в его рассказе того сырого жизненного материала, который был прежде, а он рассказывает по реляции»⁷.

себя мужественным и умелым офицером. Генерал-майор (1914). Начальник штаба 7-й армии. Награжден Георгиевским оружием (1915), орденом Св. Георгия 4-й ст. (1916) и еще семью орденами. Генерал-лейтенант (1916). После февральской революции – начальник штаба на Румынском фронте. Представитель Верховного правителя России адм. А. В. Колчака в Лондоне и ген. А. И. Деникина на Версальском конгрессе. Руководил обороной Омска. Будучи контуженным, эвакуирован в Токио. С 1920 г. – в Париже. Отвечал за военную подготовку по высадке крупного морского десанта на побережье Финского залива против СССР летом 1924 г., разработавшегося по инициативе Вел. Кн. Николая Николаевича. Впоследствии он посвятил себя исследованиям в области военной истории. Через организованные им в 1927 г. в Париже Высшие военно-научные курсы РОВС (с отделениями в Белграде и Брюсселе) прошли более 400 русских офицеров, из которых 82 получили высшее военное образование. Основал в Белграде журнал «Осведомитель» (1936). Во время второй мировой войны участвовал в пополнении армии ген. Власова офицерами. Сотрудничал с германскими оккупационными властями. Французское движение сопротивления вынесло ему смертный приговор. Вскоре после этого он скончался от разрыва сердца. Погребен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Главное сочинение, на которое мы опираемся – небольшая брошюрка, напечатанная в 1921 г. в Сербии. Ценность ее состоит не только в том, что автор сам был участником того славного боя, но находился во время него рядом с гр. Ф. А. Келлером. Профессиональный уровень его также вне всякого сомнения – перед самым началом Великой войны он закончил Николаевскую академию Генерального Штаба. Наконец, Федор Артурович, человек, как мы уже знаем, весьма требовательный и привередливый, весьма ценил капитана А. В. Сливинского (ибо речь идет именно о нем). В описываемое время Александр Владимирович состоял старшим адъютантом 10-й кавалерийской дивизии, впоследствии заняв должность начальника ее штаба. Более того, первые очерки ген. Н. Н. Голловина основаны именно на письме к нему А. В. Сливинского. Скорее всего, именно просьба к нему профессора сообщить о том бое подвигла Александра Владимировича написать свою книгу.

* * *

...Итак, развернувшись фронтом для атаки, драгуны и уланы обходили холм со штабом справа. Гусары шли слева. Скакавшему впереди командиру гусарского полка полк. Богородскому ген. Келлер голосом отдал приказ: «Держаться на уступе! Атаковать во фланг!» Это был последний приказ командира дивизии, во многом решивший судьбу всего боя.

«Командир полка, – писал еще в 1910 г. сам ген. Келлер, – ведя полк в атаку, может и должен указать цель, но раз полк пущен в атаку, давать указания уже поздно...»⁸

О том же писал в свое время и гр. Л. Н. Толстой, боевой офицер в Крымскую войну и великий писатель: «В описаниях сражений пишется обыкновенно, что такие-то войска были направлены в атаку на такой-то пункт и потом велено отступить и т.д., как бы предполагая, что та самая дисциплина, которая покоряет десятки тысяч людей воле одного на плацу, будет иметь то же действие там, где идет дело жизни и смерти. Всякий, кто был на войне, знает, насколько это несправедливо...»⁹

Наконец, русские кавалеристы вышли на гребень. Склонились к бою пики. По рядам пронеслось первое «ура!».

Противников разделяла одна лишь узкая лощина.

Австрийцы стояли как вкопанные.

Новгородские драгуны и одесские уланы начали спуск в лощину. Заработали австрийские пулеметы, засвистели пули. Но русскую конницу было уже не остановить.

Когда она была уже шагах в 300 от гребня, австрийцы, наконец, двинулись.

Австро-венгерская конница была превосходна. Голубые развевающиеся ментики, красные чакчиры, волнующиеся белые султаны над блестящими на солнце касками.

Взор генерала Келлера, писал стоявший в тот день в двух шагах от него А. В. Сливинский, «впился в противоположный скат лошадины, как будто отыскивал ту грань, на которой произойдет встреча, где сейчас должна родиться победа и вместе с ней лучезарная слава... или ...смерть! Другого решения быть не могло»¹⁰.

Русские конники увидели, наконец, этот сомкнутый двинувшийся на них прекрасный своей смертельной красотой строй. И грянуло громовое «ура!»

Офицер 7-го гусарского Белорусского полка Б. К. фон Царевский писал: «Атаковавший в конном строю знает, что в жизни нет ничего более захватывающего по мощи эмоций. Земная жизнь как бы кончилась, ты оторвался от земли и ушел в другой, неведомый мир. Когда протрубили сбор, и сидишь на взмыленном коне, ты чувствуешь, что народился вновь для этой жизни... Кавалеристом нужно родиться:

*Кавалеристом я рожден,
И раньше, чем в купели,
В солдатском кивере крещен,
И принят на шинели»¹¹.*

Со штабного холма было видно, как первая линия австрийцев после сближения с русскими кавалеристами сначала на мгновение как бы замерла, а потом словно взлетела в воздух, поднятая на пике первой русской линии.

«Белых драгун Франца-Иосифа» (15-й драгунский полк) повел вместе с офицерами своего штаба командир австрийской 4-й дивизии ген. Эдмунд Риттер фон Заремба¹², оставив тем самым свою конницу без управления¹³.

Серые защитные рубашки русских всадников пронизали ряд голубых австрийских ментиков. Началась беспощадная сеча. Далеко разносился лязг и скрежет железа, перемежавшийся с редкими револьверными выстрелами. С той и другой стороны рубилось более двух с половиной тысяч всадников.

На взмыленном коне, прямо из боя, к генералу Келлеру подскакал всадник:

– Ваше Сиятельство! Рублю, рублю этих с... с... по голове, но никак не могу разрубить ихней каски.

– Бей их в морду и по шее! – крикнул граф¹⁴.

Действительно, в тот день многих австрийских конников спасла обременительная в походе парадная металлическая каска. Но и совет графа пришелся к делу. Многие австрийские кавалерийские офицеры были ранены именно таким образом¹⁵.

Воспользовавшись выгодами позиции (гребень скрывал их подлинные силы и построение не только от атакующей русской кавалерии, но и ее штаба), австрийцы преподнесли неприятный сюрприз. Вслед за первой линией (6-8 эскадронов) двинулась вторая (6 эскадронов), и, наконец, третья (4 эскадрона). Удар их был настолько силен, что наши уланы и драгуны стали сдавать. И вот уже смешанные русско-австрийские группы всадников, неистово крича, с лицами с написанным на них «ужасом, страхом и безумием» понеслись к нам в тыл. Стройной колонной туда же пронесся целый австрийский эскадрон.

Положение становилось критическим.

«Так вот что такое конный бой, которого мы так долго и нетерпеливо ждали!.. – пронеслось в голове в этот миг у одного из офицеров штаба. – А что ожидает нас в России?.. Позор!.. Нет, лучше погибнуть здесь же, не сходя с места!.. Но если суждено умереть сегодня, то... раньше убью хоть одного из них!..»¹⁶

Мысли офицера прервал зычный голос Келлера:

– Штаб и конвой – в атаку!

«Во время шока, – рассказывал позднее сам гр. Келлер, – один эскадрон противника прошел в наш интервал, я это увидел и решил лично поправить дело. Я бросился с ординарцами и с несколькими случайными всадниками во фланг этого эскадрона и смял его»¹⁷.

10-й гусарский Ингерманландский полк шел, как и приказал перед началом боя ген. Келлер, на уступе слева. К месту боя он подошел как раз в тот момент, когда в атаку пошла третья последняя линия австрийской дивизии. Под грозно развевающимся штандартом русские гусары опрокинули и смяли противника, предотвратив удар, который «был бы для нас катастрофическим»¹⁸. В это время левофланговый эскадрон ротмистра И. Г. Барбовича*, заметив по-

* *Иван Гаврилович Барбович (1874–1947)* – после окончания Елисаветградского кавалерийского училища выпущен в Ингерманландский гусарский полк. В Великую войну командир 2-го эскадрона. Георгиевский кавалер (1915). Полковник (1916). Командир 10-го гусарского Ингерманланд-

близости австрийские батареи, стремительно атаковал их, отбив орудия и овладев опушкой рощи.

Победа в течение каких-то минут была буквально вырвана у врага.

Генерал Келлер со своим штабом тем временем скакал через ложину. Стоял жаркий полдень. Вдруг с неба на землю стала спускаться желтая мгла. «Солнце, – писал очевидец, – покрывалось полупрозрачным диском, окаймленным серебряным сиянием. Наступало полное затмение солнца»¹⁹. Картина жуткая и одновременно величественная.

Началось преследование и избиение противника.

Единственная переправа через протекавшую в австрийском тылу реку Стрыпу была занята сотней Оренбургского казачьего полка. Лишенные возможности спастись бегством, австрийцы метались вдоль берега.

Преследование прекратилось лишь из-за крайнего утомления коней.

«Желтый ковер недавно сжатой пшеницы, – писал участник боя, – был усыпан красными и голубыми цветами – маками и васильками: то были тела убитых и раненых австрийцев. Между ними, но значительно реже попадались серо-желтые пятна – тела погибших и раненых русских. Раненые шевелились; иные пытались подняться, протягивали руки и молили о помощи... Раны были ужасны; особенно поражали величиной и жестокостью раны многих убитых и раненых австрийцев – то были следы укулов пики.

Начальник дивизии объезжал поле боя, останавливался возле раненых, обращаясь к ним со словами утешения»²⁰.

Трубили сбор. Утомленные полки медленно выстраивались на месте боя. Там, где ими была одержана победа над врагом. Объез-

ского полка (4.5.1917). После демобилизации (фев. 1918) проживал в Харькове, где во время немецкой оккупации сформировал отряд из 74 гусар и офицеров (окт. 1918), с которым выступил на соединение с Добровольческой армией. Генерал-майор (10.12.1919). Генерал-лейтенант (19.7.1920). «Знарок своего дела, большой личной храбрости и порыва, – характеризовал его бар. П. Н. Врангель, – человек исключительного благородства души, строгий к себе и другим, пользующийся любовью и уважением подчиненных, генерал Барбович был отличным начальником конницы». В эмиграции в Югославии. Служил в Белграде военно-техническим чиновником в Военном министерстве. Начальник 4-го отдела РОВСа (1933). Председатель Объединения кавалерии и конной артиллерии. Скончался в Мюнхене.

жая свою поредевшую кавалерию, граф Келлер поздравлял оставшихся в живых. Над полем с неубранными еще мертвецами ревело восторженное «ура!»

...В самый момент торжества преодоления смерти сюда подошли передовые части 9-й кавалерийской дивизии, идя на выручку которой генерал Келлер, собственно говоря, и начал бой.

Пока шла уборка раненых и погребение убитых, Федор Артурович сел писать первое донесение об одержанной победе под деревней со славным русским именем Ярославлице.

Австрийцы потеряли несколько сот человек убитыми и ранеными. Было пленено около 250 кавалеристов и 400 пехотинцев. Захвачено 300 лошадей, 8 орудий с передками и зарядными ящиками, несколько пулеметов, ящик с канцелярией штаба 4-й австрийской кавалерийской дивизии.

Наши потери убитыми и ранеными составляли 150 человек²¹.

* * *

На стороне австрийцев в тот день было немало преимуществ.

Прежде всего, за ними был выбор позиции. Они заставили атаковать русских снизу вверх, на подъеме, сами при этом оставаясь недвижимыми в ожидании, когда кони противника, еще до боевого соприкосновения с ними, сильнее выдохнутся. На их стороне было и численное (двукратно!) превосходство (20 эскадронов против 10 русских)²². Наконец, они дрались на своей территории, где, как известно, и стены помогают.

Среди причин нашей победы следует назвать блестящую довоенную выучку 10-й кавалерийской дивизии, каждый офицер которой, пользуясь скуными, но при этом весьма точными распоряжениями генерала Ф. А. Келлера, в бою вполне по-суворовски понимал свой маневр. Солдаты которой, в соответствии с требованиями Федора Артуровича, великолепно были обучены индивидуальному бою.

Далее, по точному замечанию А. В. Сливинского, и сам «граф Келлер проявил удивительное присутствие духа, ясность мысли, быстроту решений и отличный глазомер. В бою 8/21 августа с особой яркостью обрисовались дарования этого истинного кавалерийского начальника»²³.

Но – главное – дух русских оказался сильнее. И как тут еще раз не вспомнить сказанное графом Львом Толстым, пусть и с его обычным заострением: «Успех никогда не зависел и не будет зави-

сеть ни от позиции, ни от вооружения, ни даже от числа; а уж меньше всего от позиции»²⁴. Главное – дух войска!

Да, в тот день под Ярославлицами, по словам А. В. Сливинского, «вопрос шел о чести русской конницы, о чести Русской Армии, о славе имени русского! Только сильные порывы могут вызывать сильные поступки. Только такой могучий мотив мог рождать такой же силы решения в тот момент, когда катастрофа была более чем очевидной»²⁵. Все это понимали, не только командир дивизии, но и офицеры, и каждый солдат.

За этот бой 23 сентября 1914 г.²⁶ граф Келлер, генерал-майор Марков, а также командиры Донских конных батарей получили орден Святого Георгия 4-й степени. (Полное название – Императорский Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия.)

Это была вожделенная награда настоящего воина. В армии говорили: «Выше Белого креста – только деревянный».

«Теперь я могу умереть со спокойной душой, если так суждено, – писал в январе 1915 г. сестре, получив заветный Георгиевский крест, барон Маннергейм. – Если бы я погиб прежде, чем получил маленький белый крестик рыцарского ордена святого Георгия, это досаждало бы мне, если не здесь, то в ином мире наверняка. [...] Необычайный размах этой войны, конечно, означает, что и этот крест дают чаще, чем когда-либо раньше, но будь их сколько угодно – крест всегда окружен таким ореолом почтения, какого ни одна другая награда не достигает»²⁷.

Федор Артурович стал одним из первых кавалеров этого ордена в разразившейся Великой войне. Всего в течение ее было 3963 награжденных 4-й степенью этого ордена, в том числе более двухсот посмертно.

Командиры полков, ротмистр И. Г. Барбович и другие офицеры-кавалеристы и конноартиллеристы получили Георгиевское оружие.

10-й гусарский Ингерманландский полк, атаковавший и взявший ведущую огонь вражескую батарею, был представлен к награде Георгиевским Штандартом*.

* За славные дела в Великую войну полк был, кроме того, представлен к ментикю, а 22 офицера и сотни гусар удостоены Георгиевских наград (*Тихомиров М. И.* 250-летие Ингерманландских гусар // Военная быль. Париж. № 12. С. 22).

«К сожалению, штаб 3-й армии, – оценивал стратегические итоги этого славного боя военный историк А. А. Керсновский, – не сумел воспользоваться этим блестящим успехом. Победа у Ярославле [..] окрылила нашу конницу, но все ее возможности, увы, не были использованы»²⁸. Это неумение в полной мере использовать плоды блестящих побед, к сожалению, повторившееся и далее, свидетельствовало о слабой подготовке в вождении войск многих наших высших военачальников.

Безусловно, большое значение имела боевая выучка русских кавалеристов (в умении владеть холодным оружием наша конница вообще значительно превосходила неприятельскую), владение искусством маневрировать, быстрота действий, поддержка артиллерийским и пулеметным огнем. Все это так. Но решающим, по мнению начальника штаба дивизии полковника В. П. Агапеева, было все же то обстоятельство, что дивизия «имела во главе искусного и решительного кавалерийского начальника, поставившего себе целью уничтожить врага во что бы то ни стало»²⁹.

БИТВА ЗА ГАЛИЦИЮ

Пока дивизия вела свои первые бои на австрийской границе туда с Дальнего Востока добирался офицер, полковник В. В. Чеславский, назначенный в 10-й Ингерманландский гусарский полк, написавший впоследствии о своем участии в боевой страде интереснейшие воспоминания, многие страницы которых так или иначе связаны с графом Ф. А. Келлером.

Уже описание им самого прибытия в дивизию в августе 1914 г. вскоре после боя под Ярославлицами весьма интересно запомнились ему деталями и наблюдениями:

«Потянулась моя родная Полтавщина, а за ней Святая Киевщина. Мелькали села и деревни, расположенные на берегах рек или по долинам у небольших перелесков с маленькими, но чистыми белыми хатками, как гнезда, утопавшие в вишневых садах. Кругом виднелись необозримые поля, покрытые ровными рядами копен собранного урожая, а вдоль пути росли большие желтые подсолнухи; склонившись, они покачивались, как бы кланяясь проходящему поезду. По дорогам тянулись вереницы возов, нагруженных снопами хлебных злаков.

Переехали Днепр широкий и глубокий и дальше скоро покати-ли до Волыни, где некогда наши запорожцы буйно гуляли по поме-стьям польских панов, жгли ксендзов и вешали евреев за оскверне-ние на Украине православных храмов.

На всем этом громадном пространстве жизнь текла своим обычным и тихим путем, а там, недалеко, за рубежом, уже грохота-ли пушки.

Приехав на станцию Шепетовка Юго-Западной железной до-роги, я от коменданта этой станции узнал, что 10-я кавалерийская дивизия высадилась в Шепетовке и ушла в Галицию... [...]

Мне пришлось ехать дальше в город Радзивиллов*, где неподалеку расположился штаб 3-й армии, в котором я надеялся узнать о месте нахождения нашей дивизии.

Выгрузив лошадей на ст. Радзивиллов, я поехал в штаб армии.

– Не так легко будет Вам найти Вашу дивизию, – сказал мне начальник оперативного отделения штаба армии. – Я могу лишь указать, где она ночевала вчера, но где она находится сегодня и куда двинется завтра, это знает лишь граф Келлер. Поезжайте в тот район, где дивизия была вчера, и там ее ищите, но будьте осторожны и не попадитесь неприятелю, т.к. граф Келлер оперирует впереди всей армии и Вы легко можете встретить противника.

Отметив на карте пункт вчерашней ночевки дивизии и взяв кратчайшее направление, я со своим конным вестовым отправился на ее поиски»¹.

Переехав границу между Радзивиловым и Бродами, офицер обратил внимание на каменный столб с надписью на одной стороне «Россия», а на другой «Австрия»; причем слово «Австрия» было кем-то зачеркнуто и написано: «Тоже Россия».

Всадники ехали «проселочной дорогой по территории Авст-рии. Та же ровная местность с небольшими холмами и перелеска-ми, что и на Волыни, те же деревни и села с белыми хатами под со-ломенной крышей и тот же украинский язык показывают, что ко-гда-то Галиция была разделена не этнографически, а политически.

Часто приходилось проезжать мимо красивых фольварков польских помещиков и через длинные торговые еврейские местеч-ки. Австрийская администрация, почти все помещики и богатые ев-реи бежали в глубь Австрии, но беднота и крестьяне остались на местах, на них и пала вся тяжесть войны.

* С 1939 г. Червоноармейск. – С. Ф.

Погода стояла теплая, тихая и солнечная, и только паутина, плавающая в воздухе, напоминала о начале Бабьего лета.

На протяжении всего моего пути кругом, насколько можно было видеть глазом, все населенные пункты и рощи были наводнены артиллерийскими парками, полевыми передовыми госпиталями и обозами Русской Армии.

– Что если бы, не дай Бог, сюда ворвалось бы две-три неприятельских кавалерийских дивизии, с каким бы ужасом и шумом взбушевалось бы это море колес, людей и лошадей, – думал я.

Но зоркое око графа Келлера тщательно стерегло противника, и его решительные действия парализовали активность неприятельской кавалерии настолько сильно, что Австрийский Генеральный штаб совершенно не имел донесений о движении Русской Армии, а наша пехота за завесой кавалерии спокойно производила свое стратегическое разворачивание. [...] ...Какая колоссальная катастрофа грозила тылу нашей Армии в Галиции, если бы этого не предотвратил граф Келлер»².

Полковник Чеславский нашел Федора Артуровича среди офицеров штаба дивизии у шоссе. «Во время моего рапорта, – вспомнил он, – граф своим орлиным взглядом измерил меня с головы до ног и остановил свой пытливый взгляд на моем Георгиевском белом кресте (тогда еще в дивизии никто из офицеров не имел Георгиевского креста. Я получил этот крест в русско-японскую войну), видимо, заинтересовавшись красотой этого ордена, к которому он был уже представлен.

– А что Вы так долго не приезжали? – спросил граф, когда я кончил свой рапорт.

– Вы же сами, Ваше Сиятельство, разрешили меня оставить до полкового смотра Приморских драгун, – ответил я графу.

– О, да, да, я теперь об этом вспомнил, ну хорошо, идите и знакомьтесь с полком, а то мы завтра рано выступаем дальше, – сказал граф, подавая мне руку.

Невдалеке стояли три молодых офицера, ординарцы штаба дивизии, было уже довольно темно, когда я подошел к ним поздороваться, и, к удивлению моему, одним из ординарцев оказалась молодая, миловидная худенькая, небольшого роста женщина, одетая в офицерский китель с погонами рядового солдата в синих чакчирах и высоких сапогах со шпорами. Из-под фуражки виднелась красивая каштанового цвета туго заплетенная коса, спущенная под воротник кителя.

Это была Софья Владимировна Федорова, жена ротмистра 10-го уланского Одесского полка. В день мобилизации она предложила штабу дивизии два своих дорогих автомобиля, при условии, чтобы ее взяли в поход как шофера. К удивлению всех, граф на это согласился и с тех пор м-м Федорова неустанно следовала за дивизией: она держала связь дивизии с армией, доставляла донесения и привозила приказания, эвакуировала раненых и подвозила патроны.

Долгое время она работала на автомобиле, пока можно было пользоваться шоссейной дорогой, но когда дивизия начала маневрировать по проселочным дорогам или прямо по полям, Федорова пересела на лошадь и сделалась неутомимым ординарцем, не уступая в работе офицерам ни в походе, ни в бою. Несмотря на ее изнеженное воспитание и привычку к роскошной жизни, она терпеливо и безропотно переносила все трудности и лишения военно-походной обстановки: часто во время тяжелых боев голодала или питалась сухарями с водой, неоднократно спала под открытым небом или в халупе на полу, положив под голову сноп соломы»³.

«Дабы не терять времени, – продолжал полковник Чеславский, который, как мы помним, выехал в Действующую Армию с Дальнего Востока, – я уехал на фронт мирного времени: в голубой фуражке, в кителе с блестящими золотыми погонами, в красных гусарских чакчирах и в лакированных сапогах с золотыми большими круглыми розетками, в коих некогда гусары возили ваксу, а теперь они служили лишь украшением.

Проезжая глубокий тыл, как Харьков и Киев, я там видел многих офицеров, военных чиновников и даже земгород и земсоюзов, кои свои не только погоны, но и кокарды закрыли защитным сукном*, и я опасался, что гр. Келлер разнесет меня за столь блестящую форму, но оказалось наоборот, на фронте я застал не только самого графа, но и почти всех офицеров дивизии в незакрытых погонах, и сам граф держался того мнения, что погоны являются эмблемой рыцарства, и если мы в мирное время гордились ими, то

* До какой степени «защитомании» доходили в те дни, свидетельствовал в своих воспоминаниях ефрейтор Л.-Гв. 2-го стрелкового Царскосельского полка В. С. Ревенков. Царскосельские гусары, по его словам, после объявления войны красили «в зеленый цвет своих серых в яблоках коней» (*Дерябин А. И.* Первая мировая война 1914–1918. Кавалерия Российской Императорской Гвардии. М., 2000. С. 41). – С. Ф.

в бою нечего их маскировать, – кому суждено быть убитым, тот будет убит, невзирая на то, в каких он будет погонах»⁴.

Благородство при ведении войны в воинских частях, где старые традиции были все еще крепки, сохранялось долго. Летом 1916 г. в боях под Ковелем Л.-Гв. Измайловский полк, ходивший в штыковую атаку, вернулся на свои прежние позиции. Вернулся без одного из лучших своих ротных командиров Обручева. Сначала думали, что он был ранен или попал в плен. Но потом, когда «стороны успокоились и осели на своих позициях, австрийцы нашли способ передать в наши окопы небольшой пакет, который заключал, во-первых, сообщение, что тело убитого штабс-капитана Лейб-Гвардии Измайловского полка Обручева было найдено в лесу и предано земле с воинскими почестями; во-вторых, – золотые часы и орден св. Владимира, снятые с покойника»⁵.

«В первой мировой войне, – подтверждал ген. А. И. Деникин, – сохранялись еще традиции старого боевого рыцарства...»⁶

Командиры австро-венгерской кавалерии, потерпевшие крупные поражения, в первое время даже стрелялись.

4 августа 2-я Сводная казачья дивизия рубилась с 8-й австро-венгерской кавалерийской дивизией. Неприятель отступил, понеся большие потери. В бою принимали участие два сына командира дивизии. Один был убит, другой попал в плен. Генерал Фройраки застрелился⁷.

Через два дня, 6 августа, юго-западнее Луцка, эскадрон 11-го гусарского Изюмского полка атаковал эскадрон 9-го гонведского гусарского полка. Было изрублено 60 гусар неприятеля, а 112 взято в плен. Командир австро-венгерского эскадрона также покончил с собой⁸.

Ударную группу Юго-Западного фронта составляли 3-я армия генерала Рузского и 8-я генерала Брусилова. Им предписали энергично наступать в направлении на Львов, в районе которого предполагалось наличие главных неприятельских сил. Наше превосходство над оборонявшимися Галицию австро-венгерскими частями было полуторным.

Сжав свой фронт со 120 до 75 верст, генерал Рузский решил действовать одними лобовыми ударами.

«13 августа у Золочева (иначе на Золотой Липе), в десятую годовщину Ляояна, разыгралось в виде встречного боя сражение между 3-й русской и III австро-венгерской армиями, и наступательный порыв австрийцев был сразу сломен. [...] 14 августа было ре-

шительным днем Золочевского сражения: в этот день III австро-венгерская армия была разбита и отброшена по всему фронту, и 15 августа наша 3-я армия с... 8-й повела преследование»⁹.

Между тем генерал Франц Конрад, начальник Полевого Генштаба при Верховном главнокомандующем эрцгерцоге Фридрихе, фактически руководивший австро-венгерской армией, решил противопоставить успехам русских свой план. Он заключался в том, чтобы «III армией генерала Брудермана на Гнилой Липе сковать нашу 3-ю армию, а собравшейся II армии генерала Бем Ермоли нанести группой генерала Карга удар во фланг и в тыл русской 8-й армии – от Рогатина и Галича. И 16 августа разгорелось сражение под Перемышлянами, и армия Брудермана покатила назад, преследуемая 10-й Кавалерийской дивизией графа Келлера, к сожалению, никем не поддержанной. [...] Под Перемышлянами 10-я Кавалерийская дивизия захватила 4 орудия и обозы 12-го австро-венгерского корпуса, командир которого генерал Кевеш едва не попал в плен»¹⁰.

В обзоре конных атак русской кавалерии читаем:

«16 августа – 10 гусарский Ингерманландский полк под командой полковника Асеева атаковал австрийцев при их отступлении у крепости Перемышль. Взяты 7 гаубиц и обоз 12-го австро-венгерского корпуса.

17 августа – 1-я бригада 10-й кавалерийской дивизии под командой генерал-майора Маркова у д. Недзелиски атаковала венгерскую пехотную дивизию, опрокинула ее на нашу пехоту и принудила сдаться.

17 августа – 10-й гусарского Ингерманландского полка эскадрон под командой ротмистра Барбовича атаковал укрепленную австрийскую позицию у д. Недзелиски и обратил неприятеля в бегство, захватил пулемет и дошел до глубоких резервов»¹¹.

Офицер штаба дивизии А. В. Сливинский, будучи в эмиграции, вспоминал, как граф Ф. А. Келлер водил «у д. Недзелиски свои полки в атаку на пехоту и австрийские батареи до удара холодным оружием»¹².

Об этих боях писал в своих воспоминаниях и полковник В. В. Чеславский:

«В 5 часов 30 минут дивизия уже вытянулась по главной улице местечка. Выехал граф Келлер, поздоровался с войсками и поехал вперед за авангардным полком; его импозантная фигура на коне была еще более внушительна и воинственна. За ним пошла главная колонна.

Рассвет еще не настал; земля и деревья покрылись утренней прохладной росой; кругом все было тихо, ночные птицы и сверчки замолкли и, казалось, будто вся природа задремала пред зарей, и только топот и фыркание идущих лошадей да грохот артиллерийских колес нарушали предрассветную тишину; даже среди всадников не было слышно обычных разговоров, все ехали молча, предаваясь своим собственным мыслям.

Проехали местечко, стало рассветать, впереди вырисовывалось кладбище, а далее тянулось широкое ровное шоссе, ведущее к громадному лесу, видневшемуся темно-синей длинной полосой по обе стороны дороги; по верхушкам деревьев уже скользили низкие утренние лучи восходящего солнца.

Миновали казачьи сторожевые посты, и в это время раздалась ружейная стрельба у кладбища, куда подходил наш авангард; было видно, как головной эскадрон рассыпался в лаву, а два другие рысью пошли в обход кладбища, от которого цепи противника стали отходить к лесу, а кладбище было занято нашими драгунами.

Неприятель, желая прикрыть отход своих цепей, открыл по нашему авангарду артиллерийский огонь. Граф приказал казачьему полку поддержать авангард и наступать на лес, уланам и гусарам стать в резерве за кладбищем под командой полковника Черемисенова, а батареям – выехать на позицию. Вскоре наша артиллерия открыла огонь по лесу, откуда уже четыре неприятельских батареи обстреливали все расположение нашей дивизии, а их пулеметы и ружья клочкотали по нашим наступающим цепям, кои, попав под сильный огонь, не могли продвигаться дальше и залегли в бороздах поля, а бой принял затяжной характер.

Дивизия имела задание: заставить противника развернуться и задерживать его до подхода нашей пехоты, и нам пришлось вести серьезный бой с втрое превосходящим нас противником, а главное в тяжелых тактических условиях, т.к. неприятель, находясь в лесу, в окопах, был мало уязвим, мы же вынуждены были наступать по ровной местности и нести значительные потери. Но граф Келлер упорно держался, находясь на мало скрытом наблюдательном пункте не только под артиллерийским, но и под пулеметным огнем. Он зорко следил за полем сражения и спокойно, уверенно и решительно руководил боем. Ни на один момент ни одно движение противника или наших частей не ускользало от его внимания, и все же полки знали, что если им приходится тяжело в бою, то граф их не оставит и не забудет, а вовремя пришлет подкрепление или придет

лично и своим присутствием поддержит их морально. Были неоднократно случаи, когда граф верхом прямо въезжал в залегшие и от сильного огня не могущие подняться цепи, чтобы ободрить солдат.

Имея тогда уже за собой опыт двух войн, в которых я имел и видел немало разных начальников, и наблюдая деятельность и поведение гр. Келлера в бою, я в первый же день вынес впечатление, что этот начальник достоин полного боевого доверия и уважения и что воевать под его руководством можно будет с уверенностью в его помощь. [...]

К полудню подъехали походные кухни и скрыто остановились в овраге сзади резерва; в это время обнаружилось наступление противника в охват нашего левого фланга; граф приказал выслать из резерва три эскадрона для противодействия охвату. Начальник резерва Черемисенов, по “жизненному опыту” предпочел оставаться с уланами в резерве и выслать гусар под моей командой в боевую линию.

Посадив три эскадрона на коней и спешив их для действия в пешем строю, я, чтобы не показать противнику своего движения и не подвергнуть людей лишним потерям, приказал гусарам поодиночке перебегать в ближайшую долину. Пройдя шагов двести и оглянувшись назад, я увидел, что два эскадрона гусарских коноводов не были достаточно скрыты и виднелись из-за угла кладбища, что легко мог обнаружить неприятель, особенно серых лошадей гусарского полка, кои на зеленом колорите были видны, как белоснежные гуси. Я вернулся назад; между гусарским и уланским полками был сорокашаговый уставный интервал. Повернув полк, я придвинул его вплотную к уланам, и все эскадроны скрылись за кладбищем.

Вдруг неожиданно раздался голос:

– Что Вы, что Вы, что Вы делаете? Разве можно двигать полк без приказа графа, – кричал, захлебываясь от одышки, бегущий ко мне толстый и неуклюжий Черемисенов.

– При чем же здесь граф? – ответил я. – Вы начальник резерва и должны ставить полки как можно скрытнее, чтобы противнику было труднее их обнаружить.

– Нет, нет, Вы не знаете еще графа, послужите и увидите, каков он, – продолжал неистовствовать Черемисенов. – Разве можно без разрешения графа не иметь интервалов между полками?

– Да интервалы для того и даны, чтобы ими пользоваться, когда это необходимо, – возразил я ему.

– Без графа ничего нельзя делать, – и с этими словами Черемисенов поставил гусарских коноводов на прежнее место.

Или они действительно запуганы графом Келлером до обалдения, или они от старости и алкоголя впали в детскую наивность, но если таких “командиров” окажется немало в армии, то и эта война обречена на проигрыш, подобно русско-японской, – думал я и с этими мрачными мыслями пошел к долине, куда перебежали эскадроны.

По дороге я увидел графа, шедшего к походным кухням пробовать пищу. Увидев открыто стоявших гусарских коноводов, он громко крикнул: “Какой это дурак поставил так открыто гусарский полк?”

Я остановился, чтобы услышать, что будет дальше.

– Ваше Сиятельство, полки стоят на тех же местах, где Вы приказали их поставить, – заговорил испуганным голосом Черемисенов.

– Да я приказал вам стать за кладбищем, но это не значит, что я должен загалкивать каждую лошадь, чтобы скрыть их от глаз неприятеля, – кричал совершенно обозленный граф и пошел к походным кухням.

В это время просвистели два неприятельских снаряда, один разорвался сзади резерва, недалеко от кухонь, а другой зарылся в землю у самых коноводов и, взорвавшись, выбросил вверх и в стороны тысячи пуль и мелких осколков, перемешанных с землей и черным дымом; лошади, испугавшись, бросились в сторону, вырываясь и сбивая с ног державших их коноводов. Растерявшийся Черемисенов метался, не зная, что делать.

Стыдно сознаться, но я был доволен, что этот головотяп был выруган графом и напуган близким взрывом снаряда. Из этого случая я убедился, что не граф Келлер здесь причиной, а виноваты безынициативные и нерешительные типы командиров, и если бы гр. Келлер был другого склада начальник, то действия его дивизии свелись бы к ничтожным результатам, подобно тем дивизиям, в которых и начальники дивизий оказались такими же головотяпами.

Я спустился в долину, куда уже перебежали мои эскадроны; прикрываясь оврагом, мы вышли на нашу боевую линию.

Здесь я применил японский способ рассыпания цепей колонны, выходящей из дефиле (теснины): первым делом на берег оврага скрыто установил пулеметы, которые сейчас же открыли огонь по обходящему нас противнику, а в это время из оврага поодиночке выскакивали гусары и ложились в цепь по обе стороны пулеметов и под прикрытием их огня быстро рыли окопы для стрельбы лежа и по мере окончания немедленно открывали стрельбу из винтовок, чем облегчали выбегающим из оврага и копающим окопы гусарам работу, не давая врагу обстреливать их безнаказанно.

Противник, почувствовав наш пулеметный и ружейный огонь, остановился и также начал зарываться в землю, а его пулеметы и одна батарея перенесли свой огонь по моим цепям.

Это был первый огонь, под который я попал в мировую войну. Артиллерия по силе фугасного действия была гораздо сильнее японской шимозы (шимозой называли японскую гранату [...]). Особенно силой морального и активного действия обладала австрийская мортира, она била по крутой навесной траектории, разрываясь со страшным треском над землей или в земле, разбрасывала тысячи острых раскаленных осколков не только вперед и в стороны, но и назад, чем поражала в спину сидевшие в окопах войска. Этот снаряд солдаты прозвали “кряквой”.

Но пулеметный и ружейный огонь был гораздо слабее японского. В течение всей мировой войны мне ни разу не приходилось видеть развитие такого бешеного огня, какой развивали японцы: все звуки выстрелов сливались в один общий гул подобный шуму громадного водопада. Японцы считали, что на войне очень трудно рассчитывать на прицельный огонь, а потому необходимо пользование массовым обстрелом площадей, занятых противником, и надеяться на вероятность попаданий, которое будет тем больше, чем больше будет выпущено патронов, а они их не жалели. Даже были часто случаи, когда японцы производили рекогносцировки ружейным огнем. Вообще они применяли ружейный огонь противоположно мнению профессора военной академии М. И. Драгомирова, который не признавал массового огня, а всех своих оппонентов называл “огнепоклонниками”. Обе войны показали, что Драгомиров сильно ошибался.

Обстрел моих цепей противником все более и более усиливался и стал наносить значительные потери, что вызвало нервность людей...»¹³.

Наконец, на помощь ингерманландским гусарам подоспела пехота.

«Увидев наступление нашей пехоты, – продолжал В. В. Чеславский, – я прекратил продвигать эскадрон вперед. Вскоре прибежал ко мне ординарец от гр. Келлера и передал приказание, по смене пехотой, отвести эскадроны в резерв.

Пехота продвигалась очень медленно. Некоторые гусары начали над ней посмеиваться: “Ишь ты, ползет шпана (шпаной кавалерия называла пехоту за ее захудалый вид), пока долезет, так ее противник и перебьет”.

“Да навали на тебя такой тяжелый вьюк и заставь идти 25 верст, так и ты поползешь по пахоти”, – заметил другой гусар в защиту пехоты.

Неприятель сосредоточил весь свой огонь четырех батарей по нашей пехоте, предоставив своим пулеметам обстреливать нас. Вдруг сотни снарядов понеслись с нашей стороны на неприятеля, – это 8 наших батарей, прибывших с пехотой, и с двумя нашими конными батареями начали дружно гвоздить по неприятельской артиллерии, которая стала быстро стихать, затем совсем замолчала, что облегчило продвижение нашей пехоты.

Как только наша пехота заняла место моих цепей, я начал стягивать свои эскадроны обратно в овраг, затем повел их на соединение с полком.

В это время уже почти вся 10-я кавалерийская дивизия собралась за кладбищем и подъехал гр. Келлер. Увидев меня, он сразу на меня набросился: “Я приказал Вам обезопасить наш левый фланг от обхода противником, а Вы полезли наступать. Вы мне нужны в конном строю, а не в пешем. Сейчас получено приказание идти наперерез австрийской армии, отступающей от Томашова к Перемышлю”.

Итак, мой первый бой в мировую войну закончился разносом меня графом.

Собравшись, 10-я кавалерийская дивизия немедленно выступила в направлении Радыжской переправы, лежащей на реке Сан в 18-ти верстах севернее крепости Перемышль.

Шли по поперечным проселочным дорогам и к вечеру настигли колонны австрийской армии, отступающие от города Томашова, и сейчас же вступили с ними в бой. Противник упорно защищался до поздней ночи и с темнотой стал отступать к лесу.

Гр. Келлер бросил несколько эскадронов от всех полков дивизии для преследования, настигнув противника уже в лесу. Они ворвались в его ряды и начали рубить и колоть направо и налево всех, кто был пешком, а неприятель стрелял во всех, кто был верхом.

Из-за темноты произошло ужасное смешение – узнать своих было очень трудно, поэтому были случаи, когда противник стрелял в своих конных ординарцев и верховых офицеров, а наши всадники второй линии рубили упавших с лошадей своих всадников первой линии. Обе стороны понесли большие потери, особенно много было убито лошадей.

Я не был назначен в эту атаку и оставался в резерве. Мне показалось странным, почему гр. Келлер избегал посылать в атаку или

давать задачу целому полку или бригаде, а всегда надергивал эскадроны со всех полков дивизии и бросал их в дело. Поступал ли он так для того, чтобы полки несли равные потери, или он, не доверяя престарелым и мало энергичным командирам полков, полагался на более молодой состав штаб-офицеров и командиров эскадронов или, может быть, не хотел, чтобы достигнутый успех и слава были приписаны одному из его полков, а не всей дивизии. Этого я и теперь не могу уяснить, – почему граф так делал в самом начале войны и изменил это лишь осенью 1914 года.

Собрав эскадроны после атаки и выставив сторожевое охранение, дивизия остановилась на ночлег в ближайшей деревне.

Разъезды, высланные с вечера, после полуночи донесли о громадном неприятельском обозе,двигающемся на запад по Львово-Перемышленском шоссе.

Граф немедленно поднял дивизию, и мы быстро выступили в указанном разъездами направлении.

Ночь была темная, тихая и душная.

Вчерашний дневной бой, вечерняя атака и опять ночное движение утомило людей, и было видно, как многие всадники клевали носом и, задремав, выпускали из рук поводья, а их лошади, оставшиеся без управления, прибавляли шагу и влезали в передние ряды, мешая другим двигаться, пока офицер или унтер-офицер не окликнет задремавшего ездока.

Наступил рассвет, а за ним скоро встало круглое красное солнышко, и его утренние теплые лучи предвещали сегодняшний жаркий день.

Чуть забрезжил рассвет, граф повел дивизию все время рысью; лошади плавно бежали, фыркая, покачивая головами и подбрасывая всадников, как бы будили их от утренней дремоты.

Около 9 часов утра, когда дивизия рысила лесом, голова колонны неожиданно остановилась; сзади идущие эскадроны, наталкиваясь на передних, резко останавливались и подравнивались в рядах.

Прискакал ординарец от графа Келлера и шопотом передал приказание: строиться в резервную колонну по переднему уступу, а батареям выехать на позицию у песчаного бугра на опушке леса; перестроение делать безшумно, т.к. противник двигается по шоссе недалеко от нас.

Я взглянул на карту: мы находились в лесу в двух верстах к северу от Льво-Перемышленского шоссе и верстах в двадцати от Радымской переправы.

Дивизия, построившись скрытно на опушке леса в резервную колонну, спешила в ожидании приказаний.

Я взшел на песчаный бугорок и в бинокль увидел широкое шоссе, обнесенное с боков глубокими канавами и обсаженное развесистыми деревьями. Оно тянулось с запада на восток длиной белой полосой, то огибая, то прорезая песчаные холмы. По шоссе медленно, как змея, ползла серая колонна обоза на всем пространстве, какое можно было окинуть стеклом бинокля.

Тысячи разных фургонов, телег, походных кухонь, зарядных ящиков, патронных двуколок, пушек и походных госпиталей с развивающимися флагами Красного Креста безпечно тянулись на запад.

Между участками обозной колонны в некоторых местах шли пехотные роты, видимо, как охрана обоза, но ни походных боковых застав, ни кавалерийских разъездов или дозоров не было видно.

– Что, любуетесь нашей будущей добычей? – раздался сзади меня голос. Я оглянулся и увидел графа Келлера, подъезжающего к полкам дивизии.

– По два эскадрона от каждого полка и две сотни Оренбуржцев выделить и передать в распоряжение полковника Чеславского, – отдал граф приказание.

– А Вы, – обратился он ко мне, – быстро ведите эскадроны параллельно шоссе и постарайтесь настигнуть голову обозной колонны.

– Ваш эскадрон назначаю головным, – сказал я командиру эскадрона уланского полка. – Высылайте скорее походную заставу и дозоры и ведите эскадрон рысью вдоль шоссе, прикрываясь лесом, а я вслед за вами поведу остальные эскадроны.

– Справа по три, за мной! – скомандовал я.

Колонна быстро вытянулась, и я повел ее полной рысью вдоль леса.

Ни неприятельский обоз, ни его прикрытие не обращали на нас никакого внимания. Принимали ли они нас за свою кавалерию или они не замечали нашего движения, но никто из них не проявлял никакой тревоги.

Было уже около полудня, солнце поднялось высоко и лучи его жгли как в жаркое летнее время, несмотря на конец августа. Лошади покрылись пеной, фыркали от пыли и тяжело дышали от жары и быстрой езды.

Пройдя почти час безостановочно резвой рысью, я перевел в шаг, чтобы дать лошадям отдышаться, а сам поскакал на ближайшую возвышенность, откуда в бинокль уже была видна река Сан и

здания местечка Радымно, лежащего верстах в 10 от места нашего нахождения, но линия обоза тянулась до самой переправы и начала его нигде не было видно. Видимо, он растянулся на несколько десятков верст.

Я вернулся к эскадронам и тронул их опять рысью, намереваясь захватить Радымскую переправу, но в это время сзади нас на шоссе ударились один за другим четыре артиллерийских снаряда, три из них зарылись в землю с боков шоссе, а один разорвался над самой линией обоза. Это наши конные батареи открыли огонь на полный прицел по приказанию графа Келлера, чтобы остановить его движение и этим дать мне знать начать атаку обозного прикрытия.

В обозе поднялась невероятная паника: часть колонны, оказавшаяся впереди разорвавшегося снаряда, начала спасаться, помчавшись вперед, опрокидывая и сбивая впереди едущих, а часть, оставшаяся позади взрыва, бросилась поворачивать назад и с лошадьми и телегами валилась в канавы, давая друг друга.

Хаос в неприятельском обозе еще более усилился, когда я подал сигналы: “Построение фронта налево”, “Рассыпаться”, “Атака” и “Галоп” – и эскадроны в три линии понеслись на прикрытие.

Две роты быстро цепями заняли канаву и открыли огонь по скачущим всадникам, но увидев, что мы не поворачиваем назад, а в ответ на их выстрелы еще больше прибавили ходу, большинство из них бросили оружие и искали защиты под опрокинутыми фургонами или в шоссейных канавах; оставшиеся же продолжали стрелять в упор, даже когда всадники прыгали через канаву. Потери мы понесли незначительные, главным образом легкие ранения людей и лошадей, и только один из офицеров уланского полка был прострелен в живот навывлет.

Медицинский персонал госпиталей, идущих в обозе, вытащил белые простыни, подымал и махал ими над фургонами, показывая этим, что они сдаются, а десятка три сестер милосердия, подобрав юбки, бежали в своих маленьких туфельках по камням под мост и прятались в водосточные трубы. Я сейчас же назначил офицерский караул и приказал объяснить сестрам, что им никакая опасность не угрожает и что они должны перейти в ближайший шоссейный домик, где их будет охранять офицерский караул и не допустит никаких над ними насилий со стороны солдат. В то же время в донесении я запросил гр. Келлера, как поступить с медицинским персоналом, захваченным при обозе.

Выслав разъезды в направлении Радымской переправы и выставив наблюдательные заставы, я спешил три эскадрона и приказал собирать, обезоруживать пленных и командами отправлять их в тыл, а обоз приводить в порядок, очищая шоссе от наваленных во время паники фургонов.

Работа оказалась весьма трудной: большинство повозок были опрокинуты или поломаны; обозные лошади запутались в построениях, бились и рвались во все стороны, чтобы выбраться из этих руин, что еще более тормозило и затягивало работу.

Нужно было немедленно изолировать снарядные, патронные и бомбовозные передвижные средства от детонаторных взрывов, т.к. многие фургоны, наехавшие на топившиеся походные кухни, загорались от огня кухонных печей, а также необходимо было спасти денежные ящики от грабежа. Но благодаря энергичному наблюдению офицеров работа шла в порядке.

Взрывы удалось предотвратить, деньги полевых казначейств двух армий в сумме более чем 18 миллионов австрийских крон были выделены в сторону под особый караул. Не пострадавшие фургоны свозили через раскопанные в канавах проходы и ставили рядами в парк; устроили коновязи и привязывали к ним лошадей. Тяжелее всего было очищать шоссе от опрокинутых и сломанных фургонов, – они сами по себе были громоздки и сильно нагружены, и нужно было много людей и труда, чтобы такой фургон стащить под откос шоссе.

Тысячи таких фургонов с неисчислимым имуществом достались нам. Несколько десятков запасных пушек, сотни пулеметов, миллионы снарядов, патронов, бомб и винтовок были найдены в обозе; громадное количество продовольствия, белья и обмундирования, запасы медикаментов; инструменты разных мастерских; две радиостанции везлось в этом обозе.

Даже мы в нем нашли несколько русских сундуков с мундирами и фуражками 12-го Донского казачьего полка, взятых австрийцами в Радзивилове, где в мирное время стоял этот полк.

Эти обозы принадлежали тыловым учреждениям двух австрийских армий, где военнослужащие имели возможность жить более комфортабельно, чем на фронте, и поэтому возили в обозе много предметов невоенного характера: гитары, скрипки, цитры, перины, кровати, столы и даже кресла и большие зеркала – все это, конечно, было взято у местных жителей. На некоторых возах находились клетки с канарейками и попугаями, в других находили разных

животных: под сидением одного обозного в решете комфортабельно помещалась персидская кошка с котятами, у другого стоял маленький аквариум с золотыми рыбками.

Не обошлось и без курьеза: на одном из больших фургонов, нагруженном вещами штаба армии и запряженном парой чудных серых венгерских лошадей, лежал жирный породистый английский бульдог с большими торчащими клыками, который не подпускал никого ни к возу, ни к лошадям. [...]

...Громадная добыча была взята нами, и становится странным, как могло австрийское командование быть столь небрежным, чтобы оставить обоз с небольшим прикрытием и самому уйти с армией вперед.

Успех этого дела всецело нужно отнести к энергии гр. Келлера: с ежедневными дневными и ночными боями, почти без дневок, дивизия работала непрерывно около месяца, и, несмотря на утомление людей и сильную усталость лошадей, он, как только получил донесение, сейчас же в полночь поднял дивизию и, немедленно выступив, вовремя успел достичь цели.

Мало было таких энергичных кавалерийских начальников, как гр. Келлер. Большинство всегда бы нашло оправдание не выступать ночью: переутомление людей и лошадей, трудность и медленность движения ночью, что вряд ли даст возможность перерезать дорогу уходящему обозу и т.д. Но граф не посмотрел ни на какие препятствия и выполнил это лихое, чисто кавалерийское дело.

Конечно, для нас, как кавалеристов, самой драгоценной добычей были отбитые у неприятеля лошади, которыми мы пополнили убыль в нашей артиллерии и обозах и даже нашли сотни две легкой породы, годных под кавалерийское седло. Остальных передали в штаб армии.

...Я получил приказание графа: тремя эскадронами продолжать работу по приведению в порядок отбитого обоза, а остальных отправить по полкам; дивизия станет на ночлег в ближайшей деревне и завтра рано утром выступит для обхода крепости Перемышль с южной стороны. [...]

Отправив под конвоем офицерского разезда австрийский медицинский персонал в штаб 3-й армии, мы продолжали приводить в порядок отбитый у неприятеля обоз и очищать шоссе, по которому завтра начнет проходить наша пехота.

Слух о разгроме русскими громадного австрийского обоза быстро распространился, и жители окрестных деревень, главным образом, женщины, толпами стали стекаться к месту, где мы работа-

ли, жалуясь, что у них все забрано “мадьярами” и они остались без лошадей, скота и продуктов, просили меня помочь им вещами и продуктами, найденными в обозе.

Я сказал, чтобы они выбрали из каждой деревни стариков-представителей, и я им отдам все, что не нужно для нашей армии.

Крестьянские телеги, сбруя, обывательские вещи, скоропортящиеся продукты, коровы, телята и даже часть лошадей были мною отданы представителям деревень для распределения среди бедных крестьян»¹⁴.

Таковы были боевые будни 10-й кавалерийской дивизии первых недель Великой войны...

Тем временем, развивая успех, генерал Рузский с 3-й армией с 18 августа продолжал ломиться в Львов, оставляя без внимания приказы штаба Юго-Западного фронта о выделении сил для наступления в другом направлении. 20-го армия подошла вплотную к Львову. На следующий день русские войска вступили в оставленный австро-венграми город. Это сразу же принесло Н. В. Рузскому в обществе необычайную популярность.

«Генерал Рузский, – писал анализирувавший Галицийскую битву военный историк А. А. Керсновский, – был всецело под влиянием своего начальника штаба генерала В. М. Драгомирова, а этот последний твердо решил искать лавров на штурме “первоклассной крепости” Львова [...], преследуя лишь свои узкоэгоистические цели»¹⁵.

«Русские стратеги мировой войны, – писал он далее, – разгром живой силы врага отнюдь не считали “реальной целью”, полагая таковую лишь в занятии географических объектов»¹⁶.

К сожалению, Главнокомандующий Вел. Кн. Николаевич также «расценивал явления войны по-обывательски. Победу он видел в продвижении вперед и в занятии географических пунктов: чем крупнее был занятый город, тем, очевидно, крупнее была победа. Эта “обывательская” точка зрения Великого Князя особенно ярко сказалась в ликующей телеграмме Государю по поводу взятия Львова, где он ходатайствовал о награждении генерала Рузского сразу двумя Георгиями. А между тем вся львовская авантюра генерала Рузского была стратегическим преступлением, за которое виновника надлежало предать суду и, во всяком случае, отрешить от должности. Вся глестворная карьера генерала Рузского была создана этой обывательской расценкой Верховного. Поражение он усматривал в отходе назад»¹⁷.

«Генерал Рузский дал одни лишь отрицательные образцы вождения войск. За взятие Львова – дело тактически ничтожное, а стратегически вредное (упущена возможность уничтожить живую силу врага) – он был сразу награжден двумя Георгиями. Это доказывает чисто обывательский взгляд Ставки Верховного главнокомандующего, расценивавшей успехи

лишь с точки зрения занятия “пунктов”, отмеченных на карте жирным шрифтом. И когда через несколько дней ход войны повелительно потребовал перемены руководства искалеченными армиями Северо-Западного фронта, то на этот ответственный пост был назначен наименее достойный из пяти командовавших армиями против Австро-Венгрии»¹⁸.

Узнав об этом назначении, Вел. Кн. Николай Михайлович со свойственной ему язвительностью комментировал это решение Ставки: «...Опять игра на “авось”. Мол, модный герой, покоритель Львова и Галиции, два Георгия уже на шее, удастся – скажут: “Какая находчивость!” Не удастся, скажут: “Вот, и герой Рузский не смог справиться”»¹⁹.

Характерно появившееся впоследствии в эмигрантской прессе сообщение проживавшего с июня 1921 г. в сербском монастыре св. Петки (Параскевы Пятницы) близ сербского города Шабаца крещеного еврея С. К. Эфрона-Литвина (1849–23.6.1925) о предсказании Рузскому Всеволода Сергеевича Соловьева, сделанном еще в 1901 или 1902 г.: «Будешь большим, большим полководцем... Будешь прославлен на весь мир, но не надолго... Закончишь великой изменой и будешь проклят современниками и потомством»²⁰.

Наряду с генералами М. В. Алексеевым и А. А. Брусиловым и некоторыми другими генерал-адъютантами Н. В. Рузский, как известно, будучи масоном (членом гучковской Военной ложи), состоял в заговоре против Государя. Именно на него была возложена миссия полностью изолировать Государя и «дожать» Его, требуя отречения. На станции Псков 1 и 2 марта 1917 г. Император оказался всецело в руках Рузского. Генерал разговаривал с Императором с грубой настойчивостью, как со своим пленником, предъявляя ему все новые и новые требования и не исполняя при этом просьб Царя. Он позволил себе даже говорить Государю: «Ну, решайтесь!»²¹, о чем Государь в Ставке рассказывал Императрице-Матери Марии Феодоровне.

Не зарубленный в Императорском вагоне ни офицерами Свиты, ни конвойцами (как должно бы было быть!), изменник не избежал, однако, небесной кары, будучи зарублен впоследствии чекистом на Пятигорском кладбище, попав в сентябре 1918 г. в число заложников, взятых Кавказской красной армией.

«...В 20-х числах января 1919 г., – вспоминал в своих неопубликованных воспоминаниях подполковник Генерального Штаба Б. Н. Сергеевский, – Главнокомандующий Вооруженными Силами Юга России ген. Деникин посетил только что освобожденную белыми Группу Минеральных Вод на Кавказе. Как раз в эти дни на кладбище Пятигорска были вскрыты могилы, в которых красные зарыли зарубленных ими при уходе с Групп “заложников”. Было найдено, отпето и погребено и тело зарубленного шашками ген. Рузского. На другой день после этого поезд ген. Деникина отходил обратно в Екатеринодар со станции Кисловодск (наш в мирное время знаменитый курорт, в это время – почти всеми брошенное селение)...

Перед его отходом ко мне (я сопровождал генерала) обратились три женщины в трауре, появившиеся на перроне. Они оказались супругой, дочерью и прислугой ген. Рузского и просили ходатайства перед Главнокомандующим о вывозе их в его поезде в Екатеринодар, т.к. пассажирское движение еще, вероятно, долго не будет восстановлено. Не сомневаясь в положительном ответе, я направился в вагон генерала. Там я встретил в коридоре Начальника Штаба генерала Романовского, которому и доложил о просьбе г-жи Рузской. Он ушел внутрь вагона, чтобы доложить ген. Деникину, через минуту вышел и дал мне такой ответ: "Поведение ген. Рузского в отношении ген. Алексеева в ночь на 2-е марта было таково, что Главнокомандующий ВСЮР не может оказывать помощи его семье".

На мой вопрос, прикажет ли он так именно и ответить убитой горем генеральше, он предоставил мне выбрать те выражения, которые я найду подходящими, и даже позволил мне вывезти эту семью в вагоне, бывшем в моем распоряжении, но так, чтобы генерал этого не заметил и чтобы любовь эта исходила лично от меня. Я так и поступил, объяснив г-же Рузской, будто бы, во избежание сплетен, строжайше запрещено перевозить дам в штабных поездах.

Много лет спустя (в 30-х годах) мне случилось разговаривать с ген. Деникиным в совершенно частной обстановке и с глазу на глаз, и я спросил генерала о причинах его отказа в Кисловодске. Он был явно недоволен моим вопросом и, подумав, сухо ответил, что о случае в Кисловодске он слышит в первый раз. Этот ответ заставляет меня думать, что ген. Романовский не довел до ген. Деникина просьбы г-жи Рузской, а ответил, как я и думал, от себя, используя право Начальника Штаба самому решать мелкие вопросы. С другой стороны, отвечая мне, ген. Деникин не отверг обвинения ген. Рузского по существу.

Лично ген. Рузского я даже никогда не видел, однако слышал еще в 1914 г. от одного офицера, бывавшего в доме генерала запросто, что он был левых убеждений, затем, вместе с многими офицерами Генерального Штаба, я, в том же 1914 году, удивлялся, в какой мере Рузский шел "на поводу" у своего начальника штаба, пресловутого ген. Бонч-Бруевича, всеми ненавидимого и кончившего открытой изменой. Должен, однако, сказать, что к большевикам Рузский вслед за Бонч-Бруевичем не пошел и погиб страшной смертью, не совершив конечной измены»²².

Монархический журнал «Двуглавый Орел» со ссылкой на польское периодическое издание «Экспресс Поранный» сообщала, что «в Варшаву прибыла из Румынии вдова генерала Рузского, г-жа Зинаида Рузская, с дочерью Наталией. В Варшаве г-жа Рузская остановилась у известного еврейского деятеля Давидсона, который, по словам "Экспресса Поранного", является ее родственником. Родственные ли или иные связи с евреями в свое время повлияли на генерала Рузского и сблизили его с врагами Монархии»²³. «Весьма характерно, – пишет современный исследователь, – что его дочь В. Рузская еще до 1917 года вышла замуж за известного сиониста Ноя Давидсона, справляла свадьбу в синагоге и сама перешла в иудейство»²⁴.

Но вернемся к событиям середины августа 1914 года. В эти дни Государь был удручен тяжелыми известиями из Восточной Пруссии. «Получил тяжелое известие из 2-й армии, – записал Он в дневнике 18-го августа, – что германцы обрушились с подавляющими силами на 13-й и 15-й корпуса и обстрелом тяжелой артиллерии почти уничтожили их. Ген. Самсонов и многие другие погибли!»

Однако эту тяжкую беду вскоре заслонили иные вести:

20 августа: «Был обрадован известием о большой победе над австрийцами у Львова – третьей армии Рузского».

21 августа: «Днем получил радостнейшую весть о взятии Львова и Галича! Слава Богу! [...] Невероятно счастлив этой победой и радуюсь торжеству нашей дорогой армии!»

Тем временем генерал Конрад, обезкураженный неудачами под Перемышлянами, попытался отчаянным усилием вырвать, все же, победу у русских, устроив им «Канны». Уже 26 августа ген. Н. В. Рузский ощутил на себе железную длань противника. 3-я армия «переживала серьезный кризис»: правый ее фланг зашел слишком далеко на север и не в состоянии был оказать помощи центру, где, под Равой Русской, шли тяжелые бои. 27-го положение еще более ухудшилось. Австрийцы «развили предельное напряжение». 28 августа жаркий бой продолжался. Сам Рузский «расценивал положение весьма пессимистически». Он даже и не подозревал, что Австро-Венгерское Главнокомандование уже отдало приказ об отступлении всех своих армий за Сан²⁵. Так завершилась трехнедельная Галицийская битва.

По мнению военных историков, «штаб Юго-Западного фронта не пожал плодов Галицийской битвы, обратив ее в “ординарную победу”. Австрийские корпуса, форсируя марши по размытым дорогам, выходили из-под наших ударов, бросая обозы, артиллерию, отсталых. Расстройство их увеличивалось с каждым днем, а в распоряжении Юго-Западного фронта имелось 24 дивизии превосходной конницы. Но штаб Юго-Западного фронта и не подумал использовать свою конницу... [...]

Преследование запоздало на два дня. Оно было организовано фронтально и велось так вяло, что обратилось в простое “следование” за врагом. Иванов и Алексеев построили австрийцам золотой мост. Один лишь энергичный граф Келлер преследовал отступавшего неприятеля, и его 10-я Кавалерийская дивизия взяла 31 августа у Яворова 500 пленных и 6 орудий»²⁶.

Еще только начав отступление, Австро-Венгерское командование обратилось к союзником за помощью. Началась переброска сюда целой германской армии.

3 сентября на посту командующего 3-й армией генерала Н. В. Рузского, назначенного главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта, сменил ген. Р. Д. Радко-Дмитриев, командовавший перед этим VIII армейским корпусом в 8-й армии, за бои 28–29 августа также награжденный орденом св. Георгия 3-й ст.

Приведем относящиеся к этому времени воспоминания полковника В. В. Чеславского: «С 31-го августа по 3-е сентября дивизия имела несколько мелких боев с арьергардом противника, отступающего южнее Перемышля.

После небольшого боя 3-го сентября у деревни Карамчацы дивизия 6-го сентября легко выбила противника из города Добромиля и таким образом отрезала сообщение крепости с югом.

После взятия Добромиля дивизия выдвинулась к западу от этого города и граф Келлер 9-го сентября дал нам дневку.

Полки разместились по деревням, а штаб дивизии остановился в помещицьем фольварке верстах в пяти от гусарского полка. Эта была первая дневка после моего прибытия в полк. Дождь перестал, но воздух был прохладный и сырой; с пожелтевших листьев увядавших деревьев скатывались и падали вниз дождевые капли, отражая в себе радужные цвета косых лучей низкого осеннего солнца. Видно было приближение осени, скоро наступит зима, а не только конца, но и полного начала войны мы еще не видели.

Полки принялись за приведение в порядок одежды и амуниции, за починку и мойку белья.

После полуночи в полках была получена фонограмма, требующая прибытия всех командиров полков к четырем часам дня в штаб дивизии. [...]

Граф снял пенснэ и, обратившись ко всем, начал говорить о предстоящем походе:

– Завтра мы выступаем на запад и первый раз входим в Карпатские горы. Дивизия несколько десятков лет стояла и маневрировала на равнинах Малороссии, и, конечно, ни солдаты, ни офицеры не знакомы с боевыми действиями в горах, поэтому нужно быть весьма бдительными, чтобы не быть захваченными врасплох в горных ущельях.

– Кто должен завтра идти в авангарде? – спросил граф Сливинского.

– Гусары, – ответил капитан.

– Так вот, смотрите, – сказал граф, подзывая меня к карте, – наша задача захватить переправу через реку Сан у города Санок и завладеть этим городом, тогда мыотрежем Перемышль с запада, и крепость будет окружена со всех сторон, т.к. с севера Радымская переправа уже взята нашими войсками. Первым этапом наших действий будет занятие завтра местечка Тростинец*; здесь сходятся несколько дорог, а кроме того Тростинец является прикрытием Санокской переправы, и, вероятно, противник будет упорно его защищать. [...] ...День теперь короткий, а нам предстоит пройти более 25 верст и брать Тростинец, – закончил граф. [...]

К 5¹/₂ часам утра все эскадроны уже собрались на сборном пункте у западной околицы деревни.

Утро было туманное и прохладное. Все были одеты в шинели. И люди, и лошади выглядели отдохнувшими за дневку.

Выступил головной отряд, я с полком минут через 15 выступил за ним, связавшись цепочкой парных всадников.

– Ну, пишите графу донесение, – сказал я адъютанту.

Он посмотрел на меня с некоторым удивлением и, вынув полевую книжку донесений, спросил:

– Что прикажете написать?

– Пишите, сказал я: Графу Келлеру 10-го сентября 1914 г. 5 час. 58 м. утра. Западная околица деревни П... Выступил в указанном Вами направлении. Командир гусарского полка.

Я подписал донесение и поехал дальше.

Дорога оказалась убийственной. По шоссе, по которому мы шли, отступила целая австрийская армия, с ее артиллерией, парками, обозами и другими перевозочными средствами, и все шоссе положительно привели в состояние вспаханного поля с глубокими бороздами, выбоинами, рытвинами, колдобинами, а иногда просто ямами.

Было жаль несчастных лошадей, напрягающих все силы, чтобы не попасть ногами в борозды и ямы. В то же время они спотыкались, падали на колени и вытягивали то одну, то другую ногу, попавшую в глубокую выбоину шоссе.

Пробовали идти по обочинам шоссе, но почва так размякла от недавних дождей, что лошади вязли по брюхо в грязи и не могли вытащить ног.

* Тростянец – город (с 1940 г.) в Сумской области Малороссии. – С. Ф.

Около 7 часов утра мы втянулись в ущелье Карпатских гор и заняли небольшую деревушку, где противник оставил несколько десятков больных солдат под защитой флага Красного Креста с несколькими почти больными санитарями.

По показанию пленных я узнал, что рано утром из этой деревни в направлении на местечко Тростинец выступила неприятельская пехотная бригада с артиллерией и обозом.

Я приказал адъютанту написать донесение, изложив все мною выше сказанное, как о дороге, так и о неприятеле и о выставленном охранении.

– Не будут ли наши донесения очень часты? Граф не особенно любит, если ему слишком надоедают, – сказал весьма учтиво адъютант.

– Пусть лучше меня выругает за частые донесения, чем за редкие, – ответил я.

К полудню мы прошли ущелье и вышли в широкую долину, а впереди, верстах в трех-четыре, по обе стороны шоссе, виднелся громадный и густой лес; я передал приказание головному отряду перейти на подвижное охранение, вместо наблюдательных постов.

Как только лава походных застав приблизилась к лесу, противник ее встретил ружейным и пулеметным огнем.

Из шести эскадронов полка два ушло на расстановку неподвижных постов охранения, и, оставив один эскадрон в резерве при коноводах, мне удалось спешить три эскадрона, кои и двинулись для вытеснения неприятеля из леса.

Видимо, лес занимал тыловой отряд противника, т.к. когда наши цепи открыли огонь и начали наступать, он быстро скрылся в лесу, а наши цепи заняли его без особых затруднений.

Я промерил величину леса по карте, – он тянулся в глубину около двух с половиной верст; пришлось цепями продолжать наступление по лесу, по обе стороны шоссе, но лес оказался до того густой и ветви деревьев так переплелись между собой, что спешные гусары едва пробирались вперед и движение крайне замедлилось.

Я понял, что при таком положении граф с главной колонной может скоро догнать меня, поэтому, чтобы ускорить осмотр леса, я рискнул послать офицерский разъезд проскакать галопом по шоссе сквозь лес без бокового охранения, лишь при трех передовых дозорных.

Разъезд оказался счастливым, он проскакал до противоположного края леса без всяких потерь и прислал мне весьма важное до-

несение, указав, что село Тростинец занято противником, причем три его батальона расположились на площади у церкви, вероятно, для обеда, т.к. в бинокль видно, как солдаты получают пищу из походных кухонь, а три батальона и одна батарея заняли против нас позицию; часть же артиллерии и большой обоз уходят в горы к западу от Тростинца.

При таком донесении у меня закипел боевой инстинкт кавалериста. Я приказал подполковнику Опатовичу* сажать гусар на коней и вести полк рысью за мной, а сам вскочил на коня и со своими ординарцами и адъютантом поскакал к месту нахождения разъезда. [...]

Я подробно донес обо всем графу и просил его скорее прислать мне поддержку, а главное – артиллерию.

Скоро подошел Опатович с полком, и мы начали принимать пеший боевой порядок. Противник заметил нас, и его батарея открыла огонь по гусарам, а пехота начала наступать на нас, очевидно, заметив малочисленность наших цепей. Я выдвинул все 8 пулеметов в боевую линию и приказал им обстреливать наступающего противника самым усиленным огнем, а цепям залечь и задерживать противника до подхода главной колонны нашей дивизии.

В это время пришел мне ответ от графа на мое донесение, в котором он писал: “На поддержку посылаю Вам драгунский полк, артиллерией помочь не могу, т.к. благодаря испорченной дороге батареи двигаются очень медленно”.

Я не удовлетворился ответом графа и опять написал ему: “Артиллерия крайне мне необходима, иначе противник уведет свои батареи и обоз безнаказанно. Пришлите мне хотя одно орудие, удвоив запряжку!”

Мой адъютант пришел в ужас от такого донесения; он уверял меня, что граф никому не доверяет артиллерии и я своим донесением лишь испорчу себе хорошее отношение графа. Я не обратил внимания на предупреждение адъютанта и приказал ему как можно скорее отправить это донесение.

* *Андрей Павлович Опатович* (1863–?) – произведен в офицеры (1886). Служил в 11-м гусарском Изюмском полку; затем в 10-м гусарском Ингерманландском полку. Полковник. Командир 11-го уланского Чугуевского полка. Кавалер ордена св. Георгия. После революции служил в армии гетмана Скоропадского. Командир 1-й конной бригады 2-й конной дивизии (15.7.1918), командовал которой В. В. Чеславский. – С. Ф

Противник продолжал наступать на нас тремя батальонами, слабо поддерживая их огнем своей артиллерии, а его резерв по-прежнему оставался в с. Тростинец.

Спустя некоторое время командир 3-го эскадрона ротмистр Селиванов* донес, что две роты противника обходят наш правый фланг. В это время подошел драгунский полк и я послал три его эскадрона для противодействия его обхода, но противник, видя свое превосходство в силах, продолжал наступать, а мои эскадроны начали запрашивать, “какое будет дальнейшее действие полка?” Я передал через ординарцев, что мы должны держаться во что бы то ни стало до подхода главных сил нашей дивизии. Сам же я увидел, что положение становится серьезным. Дивизия, благодаря медленному движению артиллерии, находилась еще далеко, и противник, пользуясь превосходством сил, мог меня сбить до подхода наших главных сил. Поэтому, как говорят, я ждал от графа ответа, как манны небесной.

Вдруг неожиданно вижу – скачет ко мне конноартиллерийский офицер. Он доложил мне, что по приказанию графа он прибыл с двумя конными орудиями в мое распоряжение. На мой вопрос, как ему удалось по столь скверной дороге так быстро привести мне пушки, он ответил:

– Граф приказал в каждое орудие еще припрячь по три пары уносов (уносом в артиллерии называют дышловою парную запряжку лошадей). Благодаря этому я имел возможность так скоро прибыть к Вам.

Я показал ему обстановку и приказал бить беглым огнем по площади Тростинца, где стоял резерв противника, не обращая внимания на его наступающие цепи.

– Собьем резерв, боевая линия сама отхлынет, – добавил я артиллеристу.

– Да, это хлебное поле для нас, – ответил он, – с этого места очень хорошо все видно, и я протяну телефон от орудий сюда и с этого пункта буду управлять огнем.

* *Владимир Иванович Селиванов* – ротмистр 10-го гусарского Ингерманландского полка; впоследствии подполковник. После революции служил в армии гетмана Скоропадского. Полковник 12-го конного Полтавского полка. Участвовал в гражданской войне, будучи в Вооруженных силах Юга России в Ингерманландском гусарском дивизионе. – С. Ф.

– Ну, спешите скорее и задайте им жару, а то они, видимо, не ожидают угощения шрапнелью и спокойно сидят в селе, – крикнул я ему, когда он уже бежал к своим орудиям.

Телефонисты протянули провод, и вернувшийся артиллерийский офицер, взяв телефонную трубку, спросил меня:

– Прикажете стрелять?

– Прицел 120, трубка 86, углемер 17, одним патроном каждое, – скомандовал он по телефону.

– Жарьте, – ответил я ему.

Сзади раздалось два выстрела, и над нашими головами пронеслись с шипением и визгом два снаряда. Я схватился за бинокль и увидел, как один из пролетевших наших снарядов разорвался в конце села, а другой врезался в землю на площади почти у самой церкви; оттуда показался столб черного дыма, медленно поднимающийся кверху, а в стороны полетели осколки разорвавшегося снаряда и куски земли, смешанные с камнями сельской мостовой.

В селе поднялась суета. Обоз и часть артиллерии двинулись назад к западной окраине и далее в ущелье гор, а пехотная колонна пошла прямо в нашу сторону. По-видимому, противник решил перейти в решительное против нас наступление с поддержкой своим резервом.

– Беглый огонь, – закричал я артиллеристу, обрадованный столь удачным попаданием снаряда.

Наши снаряды понеслись на неприятеля и рвались по улицам села, где двигались колонны противника, внося большую сумятицу в ряды войск и особенно в обоз.

Через некоторое время колонны наступающего резерва остановились, а затем повернули назад, а цепи противника стали сползать за хребты и тоже медленно пошли к селу, отстреливаясь на ходу. [...]

Как только было замечено отступление противника, я приказал нашим пушкам бить по уходящей артиллерии и обозу; в это время подъехал граф с двумя конными батареями, и отступающая колонна противника подверглась обстрелу 12 скорострельных орудий: снаряды засыпали все пространство, где двигались неприятельские части; в обозе поднялась такая же паника, какую я описал при первой нашей атаке и захвате громадного обоза двух австрийских армий. Но на этот раз за обозом шли два неприятельских пехотных полка с артиллерией, и мы не имели возможности атаковать его в конном строю, а преследовали лишь артиллерией и пешими цепями, однако противник и в этот раз бросил довольно много имущества, главным образом грузовые и легкие автомобили.

Мы заняли местечко Тростинец, а я с гусарским полком преследовал противника по пятам до самой поздней ночи. Гусары захватили брошенный неприятельский обоз и заняли высоты к западу от Тростинца и выставили боевое сторожевое охранение.

Вечером граф приказал сменить мой полк драгунами, и только к одиннадцати часам ночи мы вернулись в Тростинец на ночлег после 18 часов непрерывной работы в бою и в походе. Весь день мы ничего еще не ели.

Оставив за себя подполковника фон Кюгельхена*, я поехал в штаб дивизии с докладом. Во дворе штаба были собраны пленные, которых допрашивал капитан Сливинский по-немецки, а граф, сидя на крыльце, разговаривал по-французски с австрийским пленным капитаном. Все командиры полков уже были в сборе, и, видимо, граф поджидал моего прибытия для отдачи приказа на завтра. Как только я взшел на крыльцо, граф прекратил разговор с австрийцем и, обратившись ко мне, сказал: “Я очень доволен Вашими действиями за сегодняшний день. Вы своими донесениями держали меня в курсе, что делалось у Вас на фронте. На всем пути в горах я видел Ваши охраняемые наблюдательные посты и был спокоен за растянувшуюся в ущелье дивизию. Вы вступили в бой с в пять раз сильнее Вас противником, заставили его развернуться и, в конце концов, заняли Тростинец, да еще опять захватили его автомобильную обозную колонну”.

“Австрийский капитан рассказывает, – продолжал граф, – что они не имели никакого намерения вступить в бой с наступлением, но их бригадный командир, узнав, что против него лишь несколько спешенных эскадронов, даже без артиллерии, был возмущен такому нахальству и приказал перейти в наступление и отбросить Вас от Тростинца, где они собирались остановиться на ночлег.

Но лишь только они начали наступать, как откуда ни возьмись неожиданно прилетели два артиллерийских снаряда, и

* *Николай Павлович фон Кюгельген (1873–?)* – произведен в офицеры (1896). Выпущен в гвардейскую кавалерию. Офицер 10-го гусарского Ингерманландского полка. Полковник. Командир Текинского конного полка. Георгиевский кавалер. Участник гражданской войны. Служил в Вооруженных силах Юга России. Воевал в составе дивизиона Крымского конного полка (дек. 1918). Командир партизанского отряда своего имени в Крыму (начало 1920); позднее – отдельного Симферопольского конного дивизиона. – С. Ф.

один, разорвавшись на площади у церкви, убил самого командира бригады и ранил нескольких лиц его штаба. Вступивший в командование бригадой командир австрийского полка решил, что сзади, вероятно, идут большие силы русских, и он приказал отступать и оставить Тростинец, и капитан добавил, что если бы они знали, что их атакует одна кавалерия, то они Тростинца не уступили бы.

Итак мы сегодня выполнили нашу задачу и сделали хорошее дело, – сказал граф, переходя к вопросу о завтрашнем дне. – Следовало бы их преследовать завтра, но артиллерийские лошади до того выбились из сил по этой ужасной дороге в горах, что вряд ли они завтра будут в состоянии везти пушки, поэтому я решил сделать дневку, я думаю, мы это заслужили”.

После этого мы разъехались по квартирам.

– Ну, что, Луговой? – сказал я своему адъютанту. – Ваши предсказания не сбылись, и граф остался доволен нашими сегодняшними действиями.

– Не только доволен, – ответил Луговой*, – но мне штабные сказали, что граф в течение дня несколько раз Вас хвалил и даже ставил в пример другим командирам полков. [...]

...Опять принялись за сушку и чистку одежды и амуниции и были очень довольны тем, что неприятель оставил в Тростинце большие запасы фуража, который лошади ели до отвала, а солдатам не пришлось рыскать по халупам, добывая для них корм, который на войне для кавалерии является самой трудной задачей.

Тростинец довольно большое и торговое местечко, в котором дивизия разместилась довольно широко и ни в чем не нуждалась; но эта стоянка впоследствии сделалась для нашей дивизии роковой: ушедшие австрийцы оставили много своих больных, и наши врачи только к вечеру дневки обнаружили у них холеру... [...]

За время дневки в местечки Тростинец разъезды, высланные в направлении Санокской переправы, доносили, что противник безостановочно движется к этому пункту.

* *Борис Николаевич Луговой* (†1919) – окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1907). Командир эскадрона 10-го гусарского Ингерманландского полка. Ротмистр. Полковой адъютант. После революции служил в армии гетмана Скоропадского. Сотник. Помощник коменданта железнодорожного участка ст. Полтава (20.9.1918). Убит большевиками под Полтавой. – С. Ф.

Выступив из Тростинца 12 сентября, мы весь этот день и на другой день 13-го не встретили неприятеля и около трех часов дня достигли переправы на реке Сан у города Санок, где мост через эту реку был взорван отступающими австрийскими войсками.

В этот день гусарский полк опять шел в авангарде, и на меня легла задача форсировать переправу. По донесениям разъездов и по произведенной мною рекогносцировке было видно, что неприятель покинул город Санок, оставив лишь свой наблюдательный разъезд.

Лава выпущенных разведчиков начала искать брод, и только в одном пункте удалось найти место, где лошади могли перейти реку, погружаясь в воду по спины; дно было более-менее твердое, в других же местах вода была выше роста лошадей и с илистым дном.

Первым переправился разъезд корнета Эмниха*, а за ним шт.-ротмистр Ряснянский** с разведчиками и далее два эскадрона под командой подполковника Опатовича. Переправившиеся гусары очистили город Санок от неприятельских разъездов, а я, переправившись с полком, сейчас же выдвинул авангард Опатовича к западу от города. Назначил подполковника фон Кюгельхена комендантом города Санок и приказал ему выпустить воззвание к жителям, указав, что им опасность совершенно не угрожает, они могут от-

* *Виктор Александрович Эмних* (†1945) – окончил Николаевское кавалерийское училище (1913). Выпущен в 10-й гусарский Ингерманландский полк. Впоследствии Подполковник. Кавалер ордена св. Георгия. В эмиграции в Германии. Убит под Берлином. – С. Ф.

** *Сергей Николаевич Ряснянский* (1886–26.10.1976) – из дворянской семьи. Окончил Полтавский кадетский корпус (1904), Елисаветградское кавалерийское училище (1906), Николаевскую академию Генерального штаба (1914). Офицер 10-го гусарского Ингерманландского полка. Георгиевский кавалер. В 1916 г. был в распоряжении начальника штаба Румынского фронта. Участник Корниловского выступления. Был в заключении в Быхове. Сражался в рядах Добровольческой армии. Участник Ледяного похода. Подполковник (апр. 1918). Начальник контрразведки штаба армии. Полковник. Командир Гвардейского кавалерийского полка; 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии (1920). Галлиполиец. Эвакуировался в Югославию. Служил в пограничной страже. Преподаватель Николаевского кавалерийского училища (1922–1923). В годы второй мировой войны начальник штаба 1-й Русской Национальной армии. Переехал в США (1945). Начальник Северо-Американского отдела РОВС (с 1954). Автор «Краткой истории 10 гусарского Ингерманландского полка» (США. Б. г.). – С. Ф.

крыть свои лавки, вести торговлю и жить нормальным путем, а в случае грабежа или насилий со стороны солдат, немедленно заявлять патрулям, охраняющим город, или коменданту, который разместил свое управление в городской управе. Выпущенное воззвание быстро имело свое воздействие и вначале опустевший город начал оживать. Евреи открыли лавки, жители появились на улицах, а дети с любопытством смотрели в окна на красивых всадников, разъезжающихся по квартирам. [...]

...С занятием Санока наша дивизия выполнила свою задачу и крепость Перемышль была нами отрезана с юго-запада и таким образом она, – краса и гордость инженерной фортификации, твердыня и надежда австрийского командования, – была окружена русскими войсками.

Граф Келлер получил за эти действия личную благодарность от Верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича, и на него была возложена задача дальнейшего наблюдения и охранения путей, ведущих к Перемышлю с юго-запада, т.е. главного направления, по которому австрийская армия может возобновить свое наступление.

Мы же гордились тем, что первые отрезали крепость Перемышль, а теперь стоим на главном направлении впереди всех войск нашего Юго-Западного фронта.

Граф решил оставаться в городе Саноке до прихода нашей пехоты и выставил сторожевое охранение в направлении города Риманова, лежащего верстах 35 к западу от Санока.

На другой день нашей стоянки, т.е. 14 сентября, гусарский полк был сменен со сторожевого охранения и с охраны города и расположился в районе школы и церкви, а штаб полка поместился в доме униатского священника-галичанина, у которого жена была ярая руссофилка, а он сторонник Австрии, и на этой почве у них были горячие споры, доходившие до семейного раскола. Он доказывал, что австрийская армия никогда не допустит прихода русских в Санок, она же держалась другого мнения и была весьма обрадована нашему приходу, делала все возможное, чтобы лучше устроить русских.

Уже к вечеру 14 сентября стали поступать донесения из эскадронов о тяжелом желудочном заболевании гусар, а утром 15-го числа полковой врач донес рапортом, что у заболевших он нашел симптомы холеры. Я донес об этом в штаб дивизии и узнал, что эта болезнь появилась во всех наших частях и распространяется очень быстро, а дня через два мы имели более одной трети людей больных холерой.

Оставленный австрийский госпиталь, городская дума, школа и свободные австрийские бараки были отведены под больных. Все врачи, фельдшера и санитары целыми сутками, без отдыха и сна, боролись с этой ужасной болезнью, напрягали все силы, чтобы спасти людей от такой мерзопакостной безславной смерти молодых, здоровых и полных жизни солдат.

Сам граф Келлер два раза в сутки обходил всех больных, следя, чтобы у каждого больного были у ног бутылки с горячей водой и чтобы растирали тех, у кого сильная рвота и корчи. Отдавая должное графу, он совершенно игнорировал опасность заразиться, – подходил к тяжело больным и сам растирал им руки, пробовал, горяча ли вода в бутылках, разговаривал, утешал больных, что холера у них в легкой форме, никто еще не умер и, наверное, смертных случаев не будет. Это сильно ободряло больных солдат морально.

Такую же заботу о больных он требовал и от всего командного состава дивизии.

Положение наше было очень серьезное, если не критическое: мы находились на расстоянии более ста верст впереди нашей армии, эвакуировать так много больных при такой тяжелой и заразной болезни, как холера, без санитарных поездов было невозможно. Имея одну треть больных и одну треть связанных с лошадьми заболевших, полки дивизии потеряли две трети своей боевой способности.

В один из вечеров граф вызвал всех командиров полков на совещание. Он был сильно взволнован и, как только мы собрались, сейчас же начал всех ругать за недостаточную заботу, проявленную о больных.

Командир конноартиллерийского дивизиона поднялся и сказал:

– Что же мы можем больше сделать? Все, что от нас зависело и что Вы требовали, мы выполнили, а прекратить холеру не в наших силах.

Граф взбеленился, вскочил со своего стула, ударил кулаком по столу и закричал:

– Вы еще смеете говорить, что вы все сделали и больше ничем помочь не можете, так я вам покажу, что вы еще можете сделать, – и, обратившись к начальнику штаба, сказал: – Я назначаю командиров полков ночными дежурными по холерным баракам, и вы распределите им очередь.

Выпалив это, граф хлопнул дверью и вышел из комнаты...»²⁷

* * *

«...Еще в бытность свою начальником кавалерийской дивизии, – писал о гр. Ф. А. Келлере летом 1916 г. корреспондент “Нового времени”, – при нашем первом наступлении на Галицию и после, он причинил австрийским войскам много хлопот, и не раз вызывал у них очень чувствительные потери. Суровый по характеру, очень требовательный, он в то же время отличался безусловным талантом полководца и особенно чутьем кавалериста. Смелость, сопряженная с умением владеть собой, быстро оценивать положение, замечать ошибки врага делали его страшным противником. Зато, несмотря на его характер, его по-своему любили боевые товарищи-офицеры и нижние чины, из которых последние называли его просто “Граф”.

С именем графа Келлера связано много славных дел этой войны. Прорвавшись как-то сквозь линию врагов, он долгое время хозяйничал у них в тылу со своей удивительной дивизией, и все усилия австрийцев поймать его были напрасны. Однажды он даже захватил обоз чуть ли не целого корпуса, причем почти не понес потерь. В конце концов, после долгой погони, дивизия графа Келлера была окружена со всех сторон. Казалось, что выхода нет. Но и тут его спокойствие, смелость и талант кавалериста дали ему возможность целым рядом демонстративных атак отвлечь внимание австрийцев и затем, пробившись там, где его менее всего ожидали, уйти»²⁸.

За бои в августе–сентябре 1914 г. Федор Артурович был награжден почти через... два года. Высочайшим приказом от 25 апреля 1916 г. было «утверждено пожалование за отличие в делах против неприятеля удостоению местной [Георгиевской] Думы из лиц, имеющих Георгиевское оружие, – Георгиевское оружие командиру 3-го кавалерийского корпуса графу Федору Келлеру за то, что, состоя начальником 10-й кавалерийской дивизии, 12 августа 1914 г. в районе дд. Голы–Ковец–Выпески отбросил передовые части противника и затем задержал его превосходящие силы, дав этим возможность нашим войскам развернуться в выгодных условиях для атаки позиции на Гнилой Липе. 18 августа, при первых признаках отхода противника, прорвал его расположение и, продолжая параллельное преследование, расстроил сильную немецкую колонну, обратив ее в бегство. 31 августа – 3 сентября организовал преследование противника, отходившего к р. Сану. Рядом боев у сс. Язов–Нови, Ципула, г. Яворов и в районе Добромиль–Самбор окончательно его расстроил, захватив 6 орудий, около 600 пленных и обоз, зани-

мавший протяжением около десяти верст. Такое же преследование продолжал до 13 сентября включительно с принуждением аррьергардов противника к послешному отходу и с захватом многочисленных трофеев»²⁹.

После того, как Юго-Западный фронт перевел главные свои силы (4-ю, 5-ю и 9-ю армии) под Варшаву и Ивангород, перед 3-й и 8-й армиями, оставшимися в Галиции и находившимися под общим руководством ген. А. А. Брусилова, были поставлены чисто оборонительные задачи. Между тем австро-венгерское командование намеревалось вернуть себе потерянную провинцию.

ПОД ПЕРЕМЫШЛЕМ

Начиная с 18 сентября, русская кавалерия поддерживала соприкосновение с неприятелем. 3-й армии, первоначально располагавшейся на левом берегу Сана, было приказано, не ввязываясь в сражение, отойти на правый берег.

«С переходом на правый берег Сана, – писал полковник В. В. Чеславский, – нашу дивизию включили в состав армии генерала Селиванова*, осаждающую крепость Перемышль, и мы стали по квартирам в деревнях за восточным осадным сектором. [...]

Простояли мы восточнее Перемышля дней пять. За это время люди и лошади вполне отдохнули и привели свою амуницию и одежду в порядок, пополнив белье для людей и подковы для лошадей из запасов обоза; воспользовавшись походными кузницами, перековали конский состав на все четыре ноги.

В это время осенние дожди начали перепадать чаще и чаще, превращая поле в топкое болото, а немощные улицы в непролазную грязь. [...]

За время нашей стоянки в резерве осадной армии австрийцы подошли на линию Перемышля и повели атаку на нашу армию на протяжении от Ярославля, через Родымно, Перемышль, Добромиль, до г. Самбора.

* *Генерал от инфантерии Андрей Николаевич Селиванов (1847–1917) – командующий Блокадной армией (с 21.10.1914). За взятие крепости Перемышль (9.3.1915) награжден орденом св. Георгия 3-й ст. После это вступил в командование 11-й полевой армией, но вскоре оставил этот пост по болезни. – С. Ф.*

Особенно усиленные атаки противник производил южнее Перемышля на фронте Добромиль–Самбор, имея целью прорвать русский фронт в этом месте, где им не приходилось форсировать реку Сан.

День и ночь гудела канонада, и тысячи снарядов разных калибров бороздили воздух во всех направлениях, разрываясь на мелкие куски, засыпая землю, несли смерть всем, кто находился на их дороге.

В одну из темных ночей неожиданно было получено приказание дивизии собраться по тревоге. Построившись, дивизия выступила в направлении крепости Перемышль.

За три войны мне пришлось немало делать ночных походов и летом и зимой, в дождь и по снегу, по грязи по воде, в горах и степях России, Маньчжурии и Австрии, но такого скверного похода, как нам пришлось сделать в эту ночь, во всей моей жизни мне не приходилось видеть ничего подобного. Мы шли по шоссе, по которому отступала австрийская армия, прошла наша осадная армия, а, главное, по этой дороге все время подвозили тяжелые орудия, снаряды и все необходимое для осады крепости. На каждом аршине шоссе была выбита яма, иногда довольно глубокая, часто попадались выбитые канавы поперек шоссе, а местами весь щебень был размыт и снесен с шоссе и оставалась только насыпь, размоченная дождями, в которой лошади утопали до самой груди.

Ночь была невероятно темная. Светящиеся ракеты, бросаемые из крепости, на миг ослепляли наши глаза, и после этого ночь казалась еще темнее. Идя по такому шоссе, лошади передними или задними ногами попадали в рытвины или канавы, старались выкарабкаться из них и попадали в другие, часто падая на землю в грязь вместе с всадниками. Лично моя лошадь упала так три раза, и я вымок и вымазался в грязи с ног до головы.

Пробовали спешивать и вести лошадей в поводу, но это оказалось еще хуже: ведущий в темноте, попадая в яму, падал, а испуганная лошадь не хотела идти за ним, и все движение задерживалось.

Этот переход в восемь верст мы шли пять часов. Выступили в 7 часов вечера, а подошли к штабу восточного сектора после 12 часов ночи. Там мы узнали, что, по показаниям взятых в плен солдат перемышленского гарнизона, армия генерала Кусманека, защищающая крепость, должна выйти из фортов и атаковать русский восточный сектор, дабы облегчить задачу австрийской армии прорвать русский фронт южнее Перемышля. Поэтому генерал Селиванов приказал нашей дивизии усилить восточный сектор. [...]

Простояли мы в районе штаба восточного осадного сектора два или три дня, ожидая наступления генерала Кусманека, но, видимо, он не решился выйти из крепости, а в это время наша доблестная армия генерала Брусилова в течение почти двух недель не только отбила все яростные атаки противника, но сама перешла в наступление, прорвала фронт австрийской армии и погнала ее опять на запад, к городу Саноку.

Нашу дивизию немедленно перевели обратно в 8-ю армию и двинули для преследования отступающего противника.

Мы опять двинулись по старой дороге в направлении городов Добромиль–Санок–Риманов. Дивизия выступила около полудня и к вечеру прибыла в Добромиль, сделав переход около 40 верст.

Граф Келлер, отправив дивизию, сам поехал за инструкциями в штаб армии, которая располагалась верстах в 15 сзади нашей стоянки.

Получив приказание, он вечером приехал в Добромиль, где мы остановились на ночлег. Таким образом, генерал Келлер, которому уже перевалило за 60*, сделал верхом в один день 70 верст, и на другой день выступил с дивизией дальше на Санок. Нужно было удивляться выносливости, силе воли и энергии этого неутомимого начальника.

Добромиль был главным местом удара австрийской армии, где почти две недели шли непрерывные бои; город страшно пострадал, половина домов и зданий были разрушены снарядами или сгорели от огня.

Наша пехота, прорвавшая фронт, двигалась за отступающим противником на запад.

Переночевав в Добромиле, мы рано утром выступили и в этот же день, обогнав нашу пехоту, настигли противника, который, не принимая боя, безостановочно отходил опять за Карпаты, оставляя за собой массу утомленных солдат и воинского снаряжения. Настигнутые нами части противника сдавались без всякого сопротивления и тысячами отправлялись нами в плен под конвоем всего лишь нескольких всадников. Пленные были так потрясены нервно и настолько утомлены, что даже не пытались бежать, несмотря на совершенно недостаточный конвой, их сопровождавший.

* Когда началась Великая война, гр. Ф. А. Келлеру исполнилось 57 лет. – С. Ф.

Солдаты часто шутили: “Зачем им наряжать конвой, поставить по дороге указки с надписями ‘Дорога до плену’, а по ним они и сами дойдут до России”.

Идя по пятам противника, мы без боя заняли Санок.

На этот раз они даже не успели взорвать мост на реке Сане, и мы захватили его в полной исправности. В Саноке мы не остановились, а двинулись дальше за противником, не давая ему времени оправиться или отдохнуть.

Мы все были крайне обрадованы, когда узнали, что оставленные нами в санокском госпитале наши солдаты, больные холерой, не тронуты австрийцами и не эвакуированы вглубь Австрии. Оставленный с больными солдатами наш врач доложил графу, что все солдаты уже выздоровели и могут стать в строй. Граф всем им дал двухмесячный отпуск для поправления здоровья и отправил на родину.

Врач и фельдшеры нам рассказывали о их жизни в Саноке после нашего ухода: они видели, как пришла наступающая австрийская армия, как приехал в Санок Австрийский Эрцгерцог*, и с каким торжеством его встречали городские власти и население. В своей речи Эрцгерцог сказал, что твердо надеется на победу австрийской армии и что он уверен, что занятие Санок русскими больше не повторится. Ему доложили об оставлении в Саноке русского холерного госпиталя, на что Эрцгерцог спросил: “Достаточно ли русские больные имеют пицци и медикаментов?” – и распорядился о снабжении всем необходимым оставленный русский госпиталь.

“Так прошло недели три, – говорили нам наши солдаты, – австрийцы к нам отнеслись хорошо, и только ихние солдаты надоедали нам: они все старались посмотреть на нас поближе, чтобы видеть тех, кто с ними так храбро дерется.

А вот за последние дни в городе началась какая-то суета. Из Санок стали уезжать их тыловые учреждения, а затем, видим, через город стали проходить на запад их обозы. Мы догадались, что началось их отступление и очень боялись, чтобы они не увезли нас с собой. С тех пор день и ночь двигались их войска через Санок.

* *Эрцгерцог Фридрих* (1856–1936) – старший сын убитого 28 июня 1914 г. в Сараево Эрцгерцога Франца-Фердинанда, внук известного полководца начала XIX в. эрцгерцога Карла, троюродный брат Императора Франца-Иосифа. После объявления войны главнокомандующий Австро-Венгерской армией. – С. Ф.

Вчера вечером зашла матушка (жена галицийского священника) и тихонько сказала, что австрийцы разбиты и русские войска скоро придут опять в Санок. Мы так были рады, что не спали всю ночь, ожидая прихода своих. Сегодня с утра все время смотрели в окна, – австрийцев уже в городе не было, а только их разъезд скачет от моста в город и понесся по дороге на запад, а за ним вошел в город русский разъезд. У нас сердце забилося от радости при виде своих людей, да еще нашей дивизии”, – так окончили свой рассказ наши невольные пленники, бывшие почти месяц в плену у австрийцев.

Переночевав в деревнях западнее Санока, мы, кажется, 18 октября подошли к городу Риманову. Противник оставил город без боя, но укрепился южнее этого города на высотах по обе стороны ущелья, ведущего к Дукленскому перевалу. Видимо, противник имел задачу задержать нас, пока их войска перейдут Карпатские горы.

Мы вступили в бой, и наша артиллерия начала обстреливать их позиции. [...]

Противник, обстрелянный нашей артиллерией, постепенно начал очищать свои высоты, а наши цепи вскоре их заняли. В этот день я с полком стоял в резерве у батареи и был лишь свидетелем всего происходящего. Как только высоты были окончательно заняты нами, граф приказал отправить квартирьеров в Риманов для размещения дивизии на ночлег. Только что квартирьеры двинулись к городу, как в тылу у нас раздалась частая ружейная стрельба. Я взглянул в бинокль и вижу, что сотня 1-го Оренбургского полка, составляющая наш авангард, лавой отскакивает к нам, а за нею в нескольких стагах шагах идут две австрийские пехотные роты. Одна из них наступает цепью и обстреливает отходящую казачью лаву, а другая идет по дороге в колонне. Для нас это было неожиданностью. Откуда взялись эти роты и почему так храбро наступают на целую нашу дивизию? Граф послал войскового старшину Печенкина с остальными сотнями Оренбургского казачьего полка на помощь отступающей лаве. Как только казачий полк развернулся и во главе со своим командиром, взяв пики к бою, наметом (наметом у казаков называется галоп) понесся на неприятельские роты, австрийцы совершенно растерялись, бросили оружие и, сбившись в кучу, стали на дороге, подняв руки вверх. Казаки забрали их всех в плен.

Взятые в плен командиры австрийских рот показали, что их бригада составляла арьергард колонны, отступающей в Карпаты через Дуклянский перевал. Заняв южнее Риманова высоту у входа

в Дуклянское ущелье, командир бригады приказал выслать три роты в наблюдательные заставы на дороги, ведущие с востока и севера к городу Риманову.

– Сегодня утром мы должны были быть сменены другими ротами, – сказал австрийский капитан. – Прождав до полудня, мы послали на главную заставу, которая стояла на дороге Санок-Риманов, спросить, почему нас не сменяют, но посланные патрули не нашли главной заставы. Видимо, эта рота, обнаружив ваше движение, ушла к бригаде, не дав нам знать. Затем послышались орудийные выстрелы; мы снялись и пошли ближайшей дорогой к Риманову, будучи уверены, что наши части еще находятся позади нас, и встреченных ваших казаков приняли за прорвавшийся разъезд и решили его прогнать с нашей дороги. Вы можете себе представить наше удивление, когда мы увидели несущийся в атаку на нас казачий полк, и нам пришлось так неожиданно попасть к вам в плен. Судьба предрешила нам так бесславно закончить войну, – закончил свое показание австрийский капитан.

Солдаты же были довольны, что их не перекололи казаки и они покончили с войной живыми и невредимыми. [...]

Отправив две роты взятых в плен в город Санок, наша дивизия расположилась на ночлег в Риманове, осталась там и на другой день, ожидая пока подошла бригада нашей пехоты, которая должна была составить гарнизон Риманова, как заслон к Дуклянскому перевалу. (Графу Келлеру ставилось задачей дальнейшее движение на запад к реке Дунайцу и к городам Новому и Старому Сандецу.) [...]

Ночью было получено приказание из штаба армии: пехотной бригаде вернуться в Санок, а нашей дивизии двигаться в направлении Дуклянского перевала. Пехота ушла рано утром, а мы должны были выступить после полудня.

Часов в восемь утра было получено донесение от наших разъездов о движении противника с юга по ущелью, лежащему между Мазалаборжским и Дуклянским перевалами и выходящему приблизительно на половине дороги между Санок и Римановым.

Часам к десяти начали поступать об этом донесения от 1-го Оренбургского казачьего полка, который на этот раз нес сторожевое охранение, а через некоторое время вступил в бой с неприятелем и стал отступать. Командир казачьего полка донес, что противник наступает громадными силами.

Войсковой старшина Печенкин, как я уже писал, был весьма серьезный командир полка и за графа Келлера готов был броситься

в огонь и воду, и если он писал тревожные донесения, то они всегда соответствовали действительности. Граф ему доверял и вызвал дивизию по тревоге.

Когда мы построились у восточной части Риманова, мы увидели интересную картину. Из ущелья, как из рога изобилия, непрерывно выходили неприятельские колонны, и как муравьи рассыпались в густые цепи, наступая на север и, отчасти, на запад, на Риманов, т.е. против нашей дивизии, тесня наших казаков, по которым открыл артиллерийский огонь. Казаки упорно оборонялись и сыпали по неприятелю ружейным и пулеметным огнем.

Граф выслал, кажется, уланский полк на поддержку казаков и сейчас же открыл обеими батареями огонь по наступающему противнику, поражая его левый фланг.

Мы пожалели, что ушла наша пехота, но в это время десятки артиллерийских снарядов начали рваться над цепями противника, наступающими на север, к дороге Санок–Риманов, по которой ушла утром от нас бригада нашей пехоты, и мы догадались, что это она открыла огонь по фронту противника.

Вскоре, к нашему удивлению, начали рваться шрапнели и на правом фланге неприятеля.

Посланный в Санок наш мотоциклист привез от начальника дивизии записку, которая гласила: “Бригада моей дивизии, вышедшая сегодня из Риманова на присоединение ко мне, заметила наступающего противника наперерез ее пути и вступила с ним в бой. Я с другой бригадой вышел на поддержку. Если вы еще не ушли из Риманова, окажите нам помощь”.

Таким образом, совершенно случайно противник был взят под обстрел с трех сторон. Упорный бой продолжался весь день. Около трех часов дня обнаружилось его отступление и он в беспорядке пошел обратно в свое горное ущелье. Мы преследовали его до темноты, взяв несколько пулеметов и много пленных, среди них капитана австрийского Генерального штаба. Он был польского происхождения и большой славянофил. Мы пригласили его к себе ужинать, и он откровенно рассказал нам историю сегодняшнего боя.

– Вы сегодня были атакованы нашим 7-м корпусом, – сказал капитан. – Мы находились все время на фронте в Царстве Польском на реке Висле. Когда русские прорвали австрийский фронт южнее Перемышля, наш корпус был переброшен с Вислы за Карпаты на помощь отступающей нашей армии. Нам поставлено было задачей овладеть Саноком и обезпечить тыл Перемышленского гар-

низона. Наша тайная разведка донесла, что в Риманове находится только русская кавалерия, а в Саноке пехотная дивизия. Командир 7-го корпуса* решил выйти на дорогу Санок–Риманов; таким образом отрезать русскую кавалерию, находящуюся в Риманове, выставить против нее заслон, а всеми силами корпуса обрушиться на Санок и сбросить русских в реку Сан. Сначала наше дело шло хорошо. Мы первых встретили, как и ожидали, казаков, а затем подверглись обстрелу артиллерией из Риманова, но мы не придавали этому особого значения. Послали против вас заслон, а сами спешили выполнить свою задачу – выйти скорее на дорогу Санок–Риманов; как вдруг неожиданно нарвались на русскую пехоту, которая начала нас бить артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем с фронта. Узнав об этом, командир корпуса приказал энергично атаковать пехоту. Наши части при поддержке нашей артиллерии непрерывно шли вперед, как вдруг совершенно неожиданно понеслись сотни артиллерийских снарядов на наш правый фланг и в тыл наступающим нашим частям. Таким образом, мы неожиданно попали под русский огонь с трех сторон, и командиры частей донесли, что они несут страшные потери и при таких условиях наступать дальше не могут. Командир корпуса послал меня выяснить обстановку, но меня казаки поймали в плен, – этим закончил капитан свой рассказ и добавил: – За все время войны мы никогда не были в таком тяжелом положении, как сегодня. [...]

Отбив наступление 7-го австрийского корпуса, мы отошли на ночлег в Риманов.

В течение ночи была получена диспозиция командарма. [...] По этой диспозиции в Мезалаборжский проход направлялась пехотная дивизия, находящаяся в Саноке, а нашей дивизии было приказано двигаться к Дуклянскому перевалу.

Двинувшись на юг по Дуклянскому ущелью, мы ежедневно имели стычки с неприятелем, а 26 октября довольно упорный бой у деревни Залуж, где, выбив противника, мы заночевали и на другой день взяли местечко Прусик. Здесь мы первый раз встретились с австрийскими альпийскими стрелками: на нас они произвели впечатление своей меткой стрельбой, но были недостаточно устойчи-

* *Генерал пехоты Отто Мейкснер фон Цвейенштамм* (1858–1946) – командовал VII армейским корпусом с 1912 г. После того, как его корпус понес большие потери, 7 октября 1914 г. отозван «по болезни» в Вену. С 1919 г. в отставке. – С. Ф.

вы. Венгерские войска дрались упорнее всех остальных австрийских войск, и мы считали венгров самыми лучшими солдатами в австрийской армии»¹.

*И первый бой слепой
С отрядом злых мадьяр*.*

Приведенные выше воспоминания соответствуют начавшимся с 28 сентября по всему фронту, от Хырова до Стрия, кровавым боям. 11 октября было критическим днем; 22-го сражение завершилось. Австрийцы отступили. Однако по словам ген. А. А. Брусилова, это была последняя операция, в которой у него были регулярно обученные войска.

Все это время 3-я армия генерала Р. Д. Радко-Дмитриева вела упорные бои с IV австро-венгерской армией за переправы на Сане. В первых числах октября русские войска, короткими ударами и ночными атаками, стали переходить в наступление на левом берегу. Эти неудачи заставили генерала Конрада отдать 22 октября приказ об отступлении по всему фронту. Русские войска перешли в наступление.

28 октября третий эскадрон 10-го уланского Одесского полка под командованием ротмистра Косолапа у деревни Пруссек атаковал батальон австрийской пехоты, находившейся в окопах, и заставил его отступить. Во время атаки доблестный офицер был убит. Заступивший его место штабс-ротмистр П. А. Васильев** изрубил с уланами эскадрон австрийской кавалерии².

К этим дням относится рассказ офицера штаба 10-й кавалерийской дивизии А. В. Сливинского о гр. Келлере, «во весь свой огромный рост шедшем впереди цепей 56-го пехотного Житомирского полка по открытой и ровной как стол местности и тем увлекшем залегшие не могущие подняться цепи на штурм Старого Сандеца (юго-восточнее Кракова)»³.

В последних числах октября 3-я армия достигла Дунайца, а 8-я вышла в предгорья Карпат. На этом и завершилась Вторая Гали-

* О. Анатолий Кузнецов.

** *Штабс-ротмистр Петр Александрович Васильев* – после окончания Елисаветградского кавалерийского училища (1906) выпущен в 10-й уланский Одесский полк. Георгиевский кавалер. Участник гражданской войны. В эмиграции в Югославии.

цыйская битва, в результате которых две русских армии отстояли Червоную Русь от четырех австро-венгерских.

«28 ноября, – вспоминал полковник В. В. Чеславский, – дивизия, после продолжительного упорного боя, заняла Новый Сандец, который представлял собой довольно большой и красивый город, расположенный по обеим берегам реки Дунайца и соединенный новым большим мостом.

Во время стоянки в Ново-Сандеце была получена сводка положения всего русского фронта к 27 ноября 1914 года. Это было самое лучшее положение нашей армии в течение всей мировой войны. Мы занимали всю Восточную и Западную Галицию, начиная от Бессарабии и почти до самого Кракова, и даже в некоторых местах перешли Карпаты и вторглись в Венгрию. Вся Польша была в наших руках, и только Ченстохов занимали немцы, но зато мы в это время удерживали часть Восточной Пруссии»⁴.

К сожалению, начиная с ноября 1914 г., мы лишены возможности подкрепить самые общие известия о боевых действиях 10-й кавалерийской дивизии подробными воспоминаниями. Какие-то данные имеются в журнале военных действий полков, в нее входивших, сданных в свое время в архив Главного Штаба в Петербурге. Обращение к ним – дело будущего. Пока же удовлетворимся тем, что имеем.

«ПО ГОРАМ КАРПАТСКИМ»

Гусар-александриец полковник С. А. Топорков, после ранения на фронте в самом конце 1914 г. попавший в Царскосельский лазарет Императрицы Александры Феодоровны, вспоминал: «Однажды, разговоривая со мною, Ее Величество сказала: “Ваш бывший командир полка граф Келлер делает что-то невероятное. Со своею дивизиею он перешел уже Карпаты и, несмотря на то, что Государь просит его быть осторожнее, он отвечает Ему: ‘Иду вперед’. Большой он молодец”... Я ответил, что счастлив от Ее Величества слышать столь ценные и достойные похвалы моему бывшему командиру. В эту минуту я действительно был счастлив»¹.

Мысль о вторжении в Венгрию через Карпаты зародилась у командующего Юго-Западным фронтом генерала Н. И. Иванова еще в декабре 1914 года. В январе она была одобрена в Ставке. Помимо

чисто военного значения, план этот имел еще чисто политическое значение, от которого зависел престиж России на Балканах.

В течение января–марта 1915 г. произошло три Карпатских сражения.

В ходе первого из них начавшие наступление австро-венгерская и германская армии были остановлены русскими армиями, затем перешедшими в контр наступление. Медленно, но верно, по пояс в снегу, они овладели Карпатскими перевалами и заняли ключ Лесистых Карпат – Козювку. Вторая Карпатская битва, сорвав новый австро-немецкий натиск, надежно прикрыла Галицию и осаждаемый русской Осадной армией Перемышль. Наконец, в результате третьей битвы Русская Армия 11 марта овладела главным Карпатским хребтом Бескид. 9 марта сдался огромный 125-тысячный австро-венгерский гарнизон Перемышля. Россия ликовала и чествовала своих героев.

Тут нельзя не вспомнить лучшее стихотворение современника о Великой войне, причем – что немаловажно – также кавалериста:

*Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня,
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.*

*Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.*

*И залитые кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.*

*Я кричу, и мой голос дикий,
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.*

*Словно молоты громовые
Или воды гневных морей,
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.*

*И так сладко рядить победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага*.*

26 января 1915 г. в Холме в вагон состоявшего при штабе главнокомандующего Юго-Западным фронтом для поручений Вел. Кн. Николая Михайловича пришел командующий ген. Н. И. Иванов. «Знаете, поезжайте сейчас в армии Р. Дмитриева и Брусилова и раздайте награды; там войска отлично дерутся, и я хотел бы их скорее наградить». Великий Князь раздал 400 Георгиевских крестов и 200 медалей. «...Возвращаюсь из Западной Галиции, – писал он 8 февраля из Львова, – где по ту сторону Сана и Карпат мне представилась счастливая возможность самому лично повесить кресты на грудь нашим славным и безподобным героям. [...] ...Я проехал Ржешов и Ясло и остановился в Кросно, в Карпатах, где расположилась штаб-квартира Брусилова (8-я армия). Вручил награды девяти чинам из казаков и из 10-й кавалерийской дивизии (Келлера)...»²

Во время первого Карпатского сражения имел место острый конфликт между командующим армией генералом А. А. Брусиловым и командиром дивизии гр. Ф. А. Келлером. Причиной его были претензии к вождению войск командующим. (И, следует признать, они были вполне обоснованы.) Даже сами офицеры Генерального штаба Брусиловской армии были возмущены слишком скорым отступлением Алексея Алексеевича в середине января на Ряшев, в результате которого была потеряна связь с войсками. Свои чувства они открыто высказали ген. Брусилову, который на это буквально «вскипел гневом»³.

«В 8-й армии не любили Брусилова, – вспоминал Генерального штаба полковник Е. Э. Месснер. – В 1914 он гнал свои корпуса, дивизии вперед, не жалея сил людей, не разрешая дневок для отдыха, не считаясь с тем, что обозы отстали и солдаты остаются без хлеба и мяса. А в 1915 г., когда войска его армии были уже у предела сил человеческих и на грани полного их уничтожения мощной артиллерией Макензена, он отдает приказ: “Пора остановить и посчитаться с врагом как следует, и совершенно забыть жалкие слова о превосходстве врага и об отсутствии у нас снарядов”. [...] Такие приказы не способствовали популярности Брусилова в войсках, но

* Николай Гумилев. Наступление.

они были полезны для самого Брусилова: в высших сферах восхищались полководческой волей этого генерала...»⁴

«В боях около Ряшева, – вспоминал дежурный генерал 8-й армии гр. Д. Ф. Гейден, – был ранен начальник 10-й кавалерийской дивизии ген.-л. гр. Келлер, один из лучших наших кавалерийских генералов, лично водивший в атаку свои полки. Он был возмущен действиями генерала Брусилова в этот период и, приехав раненый на автомобиле к зданию окружного суда, где мы стояли, вызвал меня и просил передать генералу Брусилову, что он не может подняться к нему и просит его спуститься вниз. Брусилов вышел, и Келлер, не стесняясь присутствием моим и шофера, наговорил ему массу откровенных слов, от которых Брусилову не поздоровилось, и после чего он ходил целый день мрачный»⁵.

Взаимный антагонизм этих генералов коренился в их различных пристрастиях и, наоборот, неприятии ими некоторых вещей и явлений. Часть из них, на первый взгляд, не носила принципиального характера. Так, А. А. Брусилов имел определенную слабость к Офицерской кавалерийской школе (даже будучи командиром корпуса, он предпочитал носить ее форму, ходил в рейтузах без офицерских лампасов). Гр. Ф. А. Келлер, как мы помним, относился к новшествам кавалерийской школы последнего времени без особого энтузиазма.

Другие различия носили уже более принципиальный характер.

Так, по свидетельству близких к А. А. Брусилову людей, в глаза сразу же бросалась излишняя его придирчивость к подчиненным, свидетельствовавшая о самолюбивой и мелочной натуре. Офицеров, не становившихся во фронт при отдании ему чести, он сажал под арест. Даже среди начальников дивизий, бригадных и полковых командиров 12-го армейского корпуса через месяц-другой после вступления в командование им ген. А. А. Брусилова создалось неблагоприятное о нем мнение, как о человеке в обращении резком и даже грубом⁶. «Как офицер был карьеристом, позером, плохим товарищем (заслуги – себе, промахи – другим)...»⁷ – так характеризовали генерала знавшие его офицеры.

Лиц, которые, по мнению Алексея Алексеевича, хоть в чем-то перешли ему дорогу, он, как известно, не просто не жаловал – не щадил. Современники отмечали одну из неприятнейших его черт: Брусилов был «чрезвычайно неблагодарным к памяти своих соратников»⁸. Так, «заботясь о своей славе», он возводил «несправедливые обвинения» на 24-й корпус, которым командовал ген. Л. Г. Корнилов. Эти «враждебные чувства» «усилились» после того, как последний, при Временном правительстве, сменил его на посту Верховного главнокомандующего. «Вот как пишется история при большевиках», – вздыхал ген. А. И. Деникин, пытаясь в своих воспоминаниях восстановить правду⁹.

Но отнюдь «не в политической установке Брусилова-мемуариста или редакторов его мемуаров надо искать причины ненависти Брусилова к Корнилову», – справедливо считал известный деятель русской военной эмиграции полк. Е. Э. Месснер. «...Под влиянием личных симпатий и антипатий Брусиллов бывал несправедлив, необъективен до безобразия. [...] ...Умел он и люто ненавидеть. [...] Брусиллов чрезвычайно обидчив, обидчиво и его честолюбие»¹⁰.

Резкое неприятие А. А. Брусилловым гр. Ф. А. Келлера также не было случайностью. Ему не нравилось в Федоре Артуровиче буквально всё: и внешний вид, и аристократичность, и выправка. Если учесть внешность самого Алексея Алексеевича (по словам его будущего адъютанта, в Брусиллове «генеральского были только одни погоны, а по наружности и фигуре его, скорее, можно было принять за обер-офицера никак не выше штабс-ротмистра»¹¹), становятся ясными мотивы некоторых его словесных выпадов в адрес графа Келлера: «известный своим необычайным ростом, чванством и глупостью»¹².

В своих мемуарах ген. А. А. Брусиллову приходилось (хотя делал он это весьма скупно) отмечать успешные действия 10-й кавалерийской дивизии¹³. Однако при этом он *ни разу* не назвал имя ее командира гр. Ф. А. Келлера.

В ходе второго Карпатского сражения известен пеший бой 1-й бригады 10-й кавалерийской дивизии, который в середине февраля она вела у местечка Балигород. Среди военных историков этот бой именуется «боем на высоте 810 в Карпатах».

Высота эта имела важное тактическое значение: она запирала шоссе на железнодорожную станцию Лиско. Сосредоточив здесь значительные силы, австрийцы сбили части 13-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта Лихачева и утвердились на высоте. На поддержку пехотинцам 13 февраля срочно были двинуты занимавшие позиции на р. Сан 10-й драгунский Новгородский и 10-й уланский Одесский полки под командованием генерал-майора Маркова.

Идя ускоренным переменным аллюром, бригада 15 февраля к 10 вечера подошла к Балигороду. Эскадроны, спешившись, заняли позиции. Атаковать предполагалось ночью. Была выслана разведка. Глубокий снег, темнота и интенсивный огонь противника сильно задерживали дело. Разведчики вернулись лишь в четыре утра, доложив командованию о расположении окопов противника и подходах к ним. Ночь была холодная и лунная.

Атака началась ровно в пять утра 16 февраля коротким приказом: «Цепь, вперед!» Безшумно, без единого выстрела кавалеристы пошли в атаку. Австрийцы их обнаружили только тогда, когда они уже взойшли на гору. До окопов оставалось лишь 200 шагов, когда по

атакующим был открыт сильный ружейно-пулеметный огонь. Единственным их желанием было достать противника штыком.

Первая линия окопов была взята. Смертью храбрых пали ведущие свои взводы на приступ корнет Зарудный и прапорщик барон Менгден фон Альтенвога. Поручик Колмаков с четырьмя драгунами сумел захватить пулемет, но смельчаки были убиты брошенной австрийским офицером ручной гранатой, а пулемет отбит.

Попытались сходу захватить вторую линию окопов. Командовавший четвертым эскадронам новгородцев поручик Апостолов кинулся с драгунами вперед, но все они были сражены огнем перед самыми австрийскими окопами. Неизвестный драгун, невзирая на сильнейший огонь противника, вынес тело своего командира.

Между тем начинался рассвет. Повторить атаку не хватало сил. И закрепившись во взятых окопах, кавалеристы стали ждать подхода пехоты. Тревожило, однако, что потери были слишком велики (до 50 процентов офицеров и конников), так что противник мог сравнительно легко вернуть потерянное. А резерв (четыре роты пехоты) не спешил. Лишь при помощи офицеров-драгун удалось заставить их двинуться вперед и расположиться в занятых спешенными конниками окопах.

Целый день драгуны провели на передовой. Лишь вечером, когда стемнело, коноводы подвели к окопам лошадей, и в два ночи кавалеристы прибыли в Балигрод, а там обратно, к своей дивизии¹⁴.

«Бой под Балигродом, – говорилось в приказе командира Новгородцев полковника С. Д. Прохорова*, отданного в годовщину славного дела, – красноречиво показал, что конница, воспитанная в том духе, которым полны Новгородцы, способна решать активные задачи и в пешем строю. Новгородцы, имея в рядах своих эскадронов менее 50 спешенных бойцов, без резервов и поддержки, не задумались ни на секунду перед тем, чтобы сломить сопротивление наших врагов, австрийской пехоты, занимавшей командующие высо-

* *Сергей Дмитриевич Прохоров (1870–24.2.1953)* – окончил 1-й Московский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890) и Николаевскую академию Генерального штаба (1904). Офицер 10-го гусарского Ингерманландского гусарского полка. Начальник штаба 1-й, 4-й, 7-й, 8-й и 9-й кавалерийских дивизий. Командир 10-го драгунского Новгородского полка. Генерал-майор. Участник гражданской войны. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии. Генерал-лейтенант. Скончался в Германии. – С. Ф.

ты и укрытой в окопах. Ни тяжелые условия местности, ни высокие сугробы снега, ни обледеневшие скаты, ни жестокий огонь неприятельских винтовок и пулеметов, ни ночная темнота, ни неудача, постигшая нашу пехоту в предшествовавшие дни, на поддержку которой пришли драгуны и уланы, ничто не поколебало решимости Новгородцев довести порученное им дело до конца.

Сильные духом, верные присяге Новгородцы выполнили поставленную им задачу до конца и вернули нам то, что накануне пришлось уступить врагу нашей пехоте.

Пусть же геройская смерть, полученные раны и славные подвиги доблестных Новгородцев, участников исключительного в истории конницы наступательного боя в пешем строю, бывшего под Балигродом в Великую вторую Отечественную войну, останутся в незабвенной вечной памяти славного Новгородского полка. Будем же гордиться этим славным, великим днем 16-го февраля 1915 года...»¹⁵

Лишь на левом нашем фланге Юго-Западного фронта неприятелю удалось временно взять реванш. В феврале армейская группа австрийского генерала барона Карла фон Пфланцер-Балтина вытеснила наш XXX корпус из Буковины, освободив Черновцы. Развивая первый успех, он бросил две дивизии венгерского гонведа в Бессарабию – на Хотин. «Положение здесь было спасено, – пишет А. А. Керсновский, – славной русской конницей. Кавалерия Юго-Западного фронта, которой нечего было делать в горах, сосредоточилась в двух массах: на Дунайце – на правом фланге 3-й армии и на Днестре – на левом фланге 9-й. В этом последнем районе было в первых числах марта образовано два конных корпуса: II – генерала Каледина у Зеленщиков и III – графа Келлера у Хотина. [...] III конный корпус состоял из 10-й кавалерийской дивизии, 1-й Донской* и Терской, к которым присоединилась Варшавская Гвардейская кавалерийская бригада.

Обходившая левый фланг Юго-Западного фронта неприятельская группа была в ночь на 17 марта стремительно атакована графом Келлером и разгромлена под стенами Хотина. Под Хотинском

* «Войдя в состав III конного корпуса графа Келлера, она дралась у Недзелиски, Баламутовки, Ржавенцев, где полки ее захватили неприятельскую артиллерию, а затем в Буковине – у Черновиц, Кымполунга, Гринявы, в Карпатах и в Румынии» (*Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 4. М., 1994. С. 225*). – С. Ф.

особенно блестяще действовала 10-я Кавалерийская дивизия, в частности, ингерманландские гусары»¹⁶.

В обзоре конных атак русской кавалерии день 17 марта отмечен особо: «10-я кавалерийская и 1-я Донская казачья дивизия под командой командира III кавалерийского корпуса графа Келлера атаковали в районе деревень Рухотин, Поляне, Шливец, Малинце обходившую левый фланг Юго-Западного фронта австрийскую группу. Разбита 42-я венгерская пехотная дивизия и гусарская бригада. Неприятель отброшен в Буковину. Взято в плен 33 офицера и 2100 солдат, 40 походных кухонь, 8 телефонных выюков»¹⁷.

На следующий день, 18 марта корпус Келлера вновь перешел в наступление. На этот раз у Замуши: «120 эскадронов и сотен, развернувшись на левом фланге 9-й армии, геройской работой как в пешем, так, главным образом, в конном строю, парировали обход войск Пфланцера и вывели свою армию из очень тяжелого положения»¹⁸.

Третий конный корпус, отмечал первый биограф графа Ф. А. Келлера, «нормально состоял из двух кавалерийских дивизий, но иногда, во время операций, путем временных усилений, насчитывал в своем составе три или даже четыре дивизии. В период же великого отступления Румынской армии в 1916 г. состав III корпуса возрос до восьми кавалерийских дивизий, т.е. он как бы вернулся в кавалерийскую армию»¹⁹.

Роль Федора Артуровича в этот период отмечена и в воспоминаниях ген. А. И. Деникина: «В дни Карпатского сражения Железная бригада [Деникина], как обычно, исполняла роль “пожарной команды”. [...] В начале марта [1915 г.] Железная бригада двинута была к горе Одринь, чтобы заткнуть очередной прорыв, и оказалась в западне: полукольцом нашу позицию окружали командные высоты противника, с которых он вел огонь даже по одиночным людям. Положение было невыносимо, потери тяжелы. Каждый день удлинял список убитых и раненых офицеров и стрелков. [...] Я не вижу выгоды в оставлении нас на этих позициях, где нам грозит уничтожение, но наш уход вызвал бы необходимость отвода и соседней 14-й пех. дивизии... [...] Потратив полдня на дорогу по непролазной грязи и взобравшись по горным тропам, приехал в Творильню начальник нашего отряда ген. граф Келлер. Ознакомившись с невероятной обстановкой, в которой погибала бригада, он уехал с твердым намерением убрать нас из западни. Действительно, через несколько дней нас увели за Сан»²⁰.

Случались и недоразумения (ведь война – не маневры в Красном селе).

Одно из них описано в книге русского кавалерийского генерала Э. Г. фон Валя (1878–1949), специально посвященной действиям 12-й кавалерийской дивизии в годы Великой войны в период командования ею генералом бар. Г. К. Маннергеймом:

«17 марта в 20 часов начальник дивизии получил приказание ночным переходом перейти в Шупарку... [...] Предполагалось одновременным движением III кавалерийского корпуса генерала графа Келлера, бывшего на южном берегу Днестра, форсированием Днестра у Устье–Бискупье 12-й кавалерийской дивизией и движением на Надворную ударить во фланг противнику, действовавшему на фронте 9-й армии. В распоряжение начальника дивизии передавались 1-й понтонный батальон и один батальон Александрийского пехотного полка, и ему было приказано перейти на правый берег Днестра в районе Устье–Бискупье и “энергичным наступлением содействовать генералу графу Келлеру”. [...]»

К 5 часам дня 20 марта понтонный мост был наведен. [...] Таким образом дивизия могла быть переброшена на двух направлениях... [...] Между тем выяснилось, что Донская дивизия отошла в районе Рожков–Рухотин–Поляна. В новом приказании командира корпуса взаимоотношение задач графа Келлера и барона Маннергейма уже менялось: на первого возлагалось содействие второму в направлении на Баламутовку–Ржавенец, а не как раньше, наоборот. [...]

Позиция противника у Баламутовки оказалась очень сильной. III кавалерийский корпус 21 марта продолжал стоять на месте. Ночью было получено новое приказание: “22 марта расширить плацдарм у Выгнанки; генерал гр. Келлер осведомлен о поставленной вам задаче”. [...]

В 5 часов 30 минут утра батареи открыли ураганный огонь, части перешли в атаку... [...] Но после полудня противник, не теснимый частями III кавалерийского корпуса, сосредоточил около шести батальонов против 12-й кавалерийской дивизии. Просьба барона Маннергейма о поддержке не была исполнена. Батальоны Александрийского пехотного полка сдались без сопротивления, поставив части 12-й кавалерийской дивизии в самое тяжелое положение. Стойко отбиваясь, они, обойденные противником, отошли на свое исходное положение. Ночью начальник дивизии получил от командира корпуса приказание отойти и снять мост, что и было исполне-

но под утро следующего дня. Граф Келлер впоследствии сообщил, что распутица помешала ему наступать. Почему он не содействовал артиллерийским огнем, осталось невыясненным»²¹.

Некоторая обида чувствуется и в позднейших воспоминаниях самого командира 12-й кавалерийской дивизии, бар. Г. К. Маннергейма:

«Следующей задачей было форсировать Днестр при Устье–Бискупье, расположенных в 30 километрах к востоку, при поддержке 3-го Кавалерийского корпуса, который, под командованием ген. Келлера, находился к югу от реки, атаковать группировку противника с фланга и с тыла южнее Залещуков. [...] Успехом не удалось воспользоваться, так как корпус Келлера даже не поддержал нас в бою огнем! По словам командира корпуса, разбухший от дождя бессарабский чернозем препятствовал наступлению!»²²

Эту досаду можно понять. Ведь как писал уже цитировавшийся нами ген. Э. Г. фон Валь, за все время Великой войны, за исключением этого случая и «периодов прикрытия отступлений, 12-я кавалерийская дивизия решала ограниченные тактические задачи»²³. И вот... случай ушел... Обидно...

Но вот уже в наши дни, на основе этих вполне понятных, но все же весьма глухих неудовольствий, без подтверждения какими-либо новыми фактами, делаются в весьма развязном тоне слишком легковесные выводы, бросающие, мягко говоря, тень на гр. Ф. А. Келлера: «Совместные действия дивизии с корпусом графа Федора Келлера особой радости Маннергейму не принесли. Он хорошо знал этого любимца публики и официальной прессы, который, с 1914 года загребая жар чужими руками, быстро продвигался по служебной лестнице. [...]

Друзья Келлера в штабе фронта сообщили графу, что Верховный Главнокомандующий принял решение о наступлении Русской Армии, ориентированной на Будапешт. В предвкушении будущих наград граф решил за счет солдат Маннергейма сохранить кадры своего корпуса. [...]

Видимо, не без участия графа в дивизию Маннергейма были включены совершенно небоеспособные батальоны Александрийского пехотного полка. Протесты генерала в штаб армии остались без ответа. Кастовые связи в верхах армии были очень сильны»²⁴.

Если верить всему этому бреду, то перед нами не генерал Русской Императорской Армии гр. Ф. А. Келлер, а какой-то военспец или вредитель 1930-х годов. Так, увы, позволяют себе писать современные авторы.

Между тем, из текста ген.-майора Э. Г. фон Валя видна лишь нашедшая выражение в частом изменении приказов неуверенность вышестоящего (как для одного, так и для другого генерала) командования, причиной которой было, скорее всего, слабое знание обстановки на передовых позициях. Кроме того, напомним, все описанные неувязки на Днестре происходили непосредственно сразу же после упомянутого нами выше славного разгрома неприятеля 17 марта кавалеристами графа Келлера под Хотинем и наступления, в которое на следующий день (т.е. 18 марта) пошли его конники. Если пользоваться терминологией современного биографа Маннергейма, то и эти бои граф, видимо, вел, чтобы «сохранить кадры своего корпуса». Что касается мешавшей наступлению распутицы, то ее вполне может оценить только тот, кто жил в черноземной полосе в деревне в начале весны.

Корреспондент «Нового времени» Н. Кравченко, оказавшийся в тот момент «на границе Буковины», где стоял III кавалерийский корпус, писал: «Как во время боев, так и во время затишья, граф Келлер почти каждое утро объезжал позиции своего отряда, не особенно слушаясь предостережений своих боевых товарищей, уже не раз замечавших, что за их безстрашным начальником охотятся лучшие стрелки. Вовсе не желая бравировать, граф Келлер, где мог, проходил согнувшись, но его исключительно высокий рост мешал ему скрыться так, как это было нужно. Как-то, навестив меня в селе Клишковцы, где я некоторое время сидел с разбитым коленом, он очень много и оживленно рассказывал о разных случаях своей боевой жизни и особенно о времени наступления в Галиции.

Как почти все храбрые люди, граф откровенно говорил, что быть под обстрелом – положение далеко не из приятных, “но нет ничего хуже, – сказал он, – когда около вас улюкают разрывные пули”...

Граф Келлер привык, кажется, верить только самому себе, а потому он всё и всегда хотел “сам” видеть для того, чтобы делать выводы и отдавать приказания.

В силу этого он лично осматривал позиции и руководил боем, стараясь “видеть” то, что происходит. При условиях теперешней войны такое положение безусловно опасно...»²⁵

Что касается «охоты на гр. Ф. А. Келлера», то следует заметить, что вообще с течением войны люди даже благородного происхождения стали терять эти свои высокие качества. Соблюдавшиеся веками правила ведения войны скоро, подобно ветхому хламу, бы-

ли отброшены в сторону. Некоторые подобные факты были отмечены уже в письмах Государыни Императору:

(24.9.1914): «Какой позор, что немцы заточили маленькую герцогиню Люксембургскую во дворце близ Нюрнберга! – Как это оскорбительно!»

(22.10.1914): «Какая это низость, что сбросили с аэроплана бомбы над виллой короля Альберта, в которой он сейчас живет, – слава Богу, это не причинило никакого вреда, но Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь пытался убить Государя только потому, что Он враг во время войны!»

(17.6.1915): «Дэзи* имела известия от Вики Ш.**, из Карлсруэ, которая пишет, что когда французы бросали бомбы во дворец, они все спасались в погребах, – это было в 5 час. утра. Это грустно, что как раз их дворец, – затем дойдет до нашего дворца в Майнце и великолепного старого музея – все страны по очереди».

Разумеется, граф Ф. А. Келлер не имел столь высокого происхождения, но все же и охота за ним была низостью, недостойною честных людей. Выслеживать же его продолжали в течение всей войны.

«Свои любили, – писал о генерале корреспондент “Нового времени” Ал. Ксюнин, – зато австрийцы сильно ненавидели.

На графа Келлера шла настоящая охота. Офицеры мне рассказывали, что австрийцы назначили крупную денежную премию тому, кто убьет генерала Келлера.

Днем и ночью штаб Келлера разыскивали австрийские аэропланы. Доходили до наглости и, снижаясь чуть не до деревьев, сбрасывали бомбы на самые крыши. К счастью, штаба не нашли и графа Келлера тогда не ранили.

Впрочем, у генерала уже не первая кровавая отметка. Его привычка быть в бою. Не то, что в районе обстрела, а попросту под ружейными пулями. [...]

– Не по вкусу я им пришелся, – рассказывал мне граф Келлер, – когда я в апреле [1916 г.] гостил на Юге. Приезжаю как-то ночью в окопы, всё тихо... Осмотрел, и думал уже отправляться домой спать. Только что автомобиль вышел на шоссе, как австрийцы начали крыть. Снаряды преследовали автомобиль, падая все ближе

* Принцесса Шведская Маргарита. – С. Ф.

** Королева Шведская Виктория, урожденная принцесса Баденская, супруга Шведского короля Густава. – С. Ф.

и ближе. Нечего делать, пришлось сворачивать. Велел шоферу остановиться около избы и стал пережидать. Гляжу, а снаряды, как по размеренному, пошли вперед по шоссе, – так и кладут через каждые три шага. Когда австрийский обстрел достиг поворота шоссе, я выехал из-за избы и благополучно добрался до станции...

Так рассказывал граф Келлер об охоте на него неприятеля»²⁶.

* * *

Наконец, 30 марта Карпатские горы были форсированы. «Их постигла, – пишет русский военный историк, – участь Альп, Кавказа и Балкан. Блистательный подвиг был совершен – и наши Георгиевские рожки победно перекликались с горными орлами в снежных облаках. Пройдя за 14 дней 20 верст непрерывным штурмом, геройские корпуса 3-й и 8-й армий спускались победно с Карпат. Они стояли уже на территории Венгрии, но на искони Русской земле – на земле Карпатской Руси»²⁷.

*По горам Карпатским метелица вьется,
Сильные морозы зимою трещат.
Проклятый германец на нас наступает,
На нашу Державу, на Крест золотой.*

Маленькие украинские и молдавские городки Австро-Венгрии. «Целый поток людей, лошади и пушки, странные лица казаков, – с удивленными глазами, с дикими песнями, явившиеся очень издалека, направляющиеся в неведомое...»²⁸ – такими запомнились те дни польской аристократке...

Широкие волнистые бороды, веселые пронизательные глаза под мохнатыми казачьими папахами. Впереди красавец урядник с черными маленькими усиками. И песня...

Такой мелодии уже и тогда было не сыскать, ни на одном современном инструменте не воспроизвести, разве на пастушьей свирели. А уж слова...

*Нам сказали про Польшу, что – богатая.
А мы разузнали: голь проклятая.
А в этой во Польше – корчмечка стоит,
Корчма польская, королевская.
А в этой корчмечке – три молодца пьют,
Прусак, да поляк, да млад донской казак.
Прусак водку пьет – монеты кладет.
Поляк водку пьет – червонцы кладет,*

*Казак водку пьет – да ничего не кладет.
Он по корчме ходит, шпорами гремит,
Шпорами гремит, шинкарку манит:
Шинкарочка-душечка, поедем со мной,
Поедем со мной да к нам на Тихий Дон,
У нас на Дону да не по-вашему.
Не сеют, не живут да не ткнут, не прядут,
Не ткнут, не прядут, а хорошо ходют!
Соглашалась шинкарка да на его слова.
Садилась шинкарка да на доброго коня,
Поехал казак да во темный лес,
Повесил шинкарочку да на сосенку!..²⁹*

«Я хорошо знал, – вспоминал уже в изгнании участник Карпатских боев, лейб-казак вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны Тимофей Ящик, – что люди в простоте своей считали нас казаков жестокими, грубыми и безсердечными, но это были люди, которые нас не знали. У казака очень нежное, очень чувствительное сердце, особенно к тем, кто терпит нужду. С тех пор, как мы детьми начинали ползать, нас учили, что приказ есть приказ, и если мы получим команду, – она будет выполнена в точном соответствии с волей того, кто имеет право приказывать. Мы повинемся и поступаем так, как ожидает от нас отдавший приказ человек. В жизни казак достаточно свободная личность, но лейб-казак никогда не бывает свободным. И если когда-нибудь, пока я жив, на Российский Трон вступит новый Царь, то я не смогу оставаться в Дании, а поеду сломя голову к Царю и поступлю в Его распоряжение»³⁰.

...Вот как вспоминали то время русские конники:

«День стоял пасмурный и холодный, накануне была оттепель и все покрылось инеем. Ветви деревьев и телеграфные проволоки обвисли под тяжестью намерзшего на них льда. Ветер был пронзительно холодный и дул прямо в лицо. Всадники кутались в башлыки; их усы и брови покрылись инеем, а ресницы слиплись от мороза.

Лошади ровно бежали, помахивая головами, фыркали от насевшего на их ноздри инея, и они старались его обтереть о шеи соседних коней.

Все ехали задумчиво, предаваясь своим собственным мыслям. Понятно, все думали главным образом о далекой родине, о своем доме, о деревне, о своей хате, о жене и детях, о родителях или об оставленной невесте.

Все похожее на что-либо в России невольно напоминало родное.

“Вот маленький вишневый садочек, такой же, как у меня дома. Вот ворота, как у соседа Ивана, а там верба склонилась над ручьем, точь-в-точь, как над нашим прудом. У дверей халупы стоит галичанка, похожая на мою жену, а около нее мальчик, напоминающий моего сына”, – так думали воины, заброшенные в чужую страну далеко от своей родины»³¹.

* * *

Потери неприятеля были огромны (400 тысяч человек; пленных за три месяца захвачено: 2 тыс. офицеров и 148 тыс. нижних чинов), но и наш урон (200 тыс. чел.) был ощутим. Потому, сознавая недостаточность сил и большие потери, штаб Юго-Западного фронта отдал директиву 3-й и 8-й армиям прекратить наступление и прочно укрепиться на западных склонах Карпат.

Германское главное командование вполне отдавало себе отчет, что его союзник находится в критическом положении. Чтобы предотвратить вполне возможный выход его из строя, следовало предпринять значительные усилия. С французского фронта в строжайшей тайне (даже от союзников) было снято 14 дивизий, составившие XI армию генерала Августа фон Макензена. «Удар этот было решено нанести у Горлицы и на Дунайце: прорвав растянутый в ниточку правый фланг 3-й армии, зайти в тыл всем русским армиям Юго-Западного фронта, увязшим в Карпатах, и уничтожить их. Карпаты должны были стать могилой Русской Армии, а Россия, лишившись вооруженной силы, должна была заключить мир любой ценою»³².

Осуществлению этих планов предшествовало овладение ключом Лесистых Карпат. «6 марта – в Светлый праздник – германцы Линзингена вероломным образом овладели Козювкой. Безчестный враг знал, как мы чтим праздник Пасхи, и решил этим воспользоваться. К этому времени финляндские стрелки, безменно 2 месяца защищавшие Козювку, были отведены на отдых и сменены частями 60-й пехотной дивизии. Один из полков этой последней – 237-й пехотный Грайворонский – и занял высоту 992. Германские парламентарии пожелали хороших праздников и обещали все праздники не стрелять. Мягкотелые россияне, разумеется, раскисли от умиления, не подозревая, что германское племя “рождено во лжи”. Внезапным ударом вюртембергские полки разметали безмятежно разговлявшихся грайворонцев и захватили Козювку, от которой неиз-

менно два месяца подряд отбивались финляндскими стрелками. Эти последние плакали от бешенства, бросались в неистовые контратаки. Но, несмотря на все усилия, вернуть Козювки им не удалось – неравенство сил было слишком велико»³³.

Приведенный эпизод еще раз показывает, что война постепенно стала принимать совершенно особый, новый характер. Рыцарство, благородство и честь – начинали покидать бранные поля Европы.

* * *

Для отвлечения внимания от главной операции 14 апреля началась демонстрация в Курляндии. Основной удар по русским армиям Юго-Западного фронта объединенные германо-австрийские силы нанесли на рассвете 19 апреля на Дунайце и у Горлицы. «Никогда еще за всю войну, – оценивал угрожающую катастрофу А. А. Керсновский, – Русская Армия не подвергалась большей опасности, чем в эти апрельские дни 1915 года. Против 6 ослабленных наших дивизий IX и X корпусов неприятель сосредоточил 16 свежих. У нас здесь было всего 4 тяжелых пушки против 160 неприятельских»³⁴. И все же наши войска выдержали, правда, понеся при этом громадные потери (500 тысяч чел. и 344 орудия) и откатившись с завоеванных земель.

Вечером 9 июня был оставлен Львов.

*Я ранен, товарищ, шинель расстегни...
Ты крест, что жена повязала, сними,
И, если не ляжешь со мною ты рядом,
Смотри, повидайся с детьми.*

*Скажи им: отец на далеких Карпатах
Засеял немало земли, –
И сеюм богатым в Карпатскую землю
Солдатские кости легли.*

.....
*И если он сам не собрал урожая, –
Скажи им, – пусть знают и ждут,
Что мертвые кости с далекого края
Еще за ответом придут»³⁵.*

В тяжелых боях 1915 года сгорела Русская Гвардия.

Столь ужасные потери грозили самому существованию нашей вооруженной силы. «В кампанию 1915 года, – подводил итог А. А. Керсновский, – были уничтожены кадры регулярной Рус-

ской Армии – добито все то ценное, что не было перебито ранее... Отныне армия превратилась в ополчение. Потери этой злополучной кампании можно было пополнить, но их нельзя было заменить»³⁶.

О том, что это были за кадры, писал, уже будучи в эмиграции, генерал П. Н. Краснов:

«Скромные и аккуратные, в глухих захолустьях, не на всякой карте обозначенных, в плохих домиках, иногда в казарме, где-нибудь на грязной окраине города, среди пустырей, кладбищ и фабрик, жили наши ротные командиры, люди, ставившие долг службы выше всего.

За плечами каждого из них было от 12 до 20 лет тяжелой службы, караулов, маневров и от тысячи до двух тысяч людей, ими изученных до самого дна солдатской души. Они отдавали свое сердце заботам о солдатской каше и о всем остальном солдатском обиходе. Они были однородны и составляли одну огромную офицерскую семью.

Благодаря частым командировкам, в которых прошла моя молодость, мне приходилось близко соприкасаться с ними на всем пространстве России. И где бы я ни был, куда бы ни попадал, раз я оказывался в воинской части, я был свой, в своей семье. Сказывались одинаковое воспитание, одинаковый быт. Вспоминали корпус, училище, сейчас же находили общих знакомых, и приезжий издали становился не гостем, а другом и братом.

– Вы Павлон? – спрашивал седобородый начальник гарнизона.

– Да, я кончил Павловское училище.

– На Петербургской стороне уже были?

– Да.

– А я еще на Васильевском.

Из какого-то китайского сундука извлекалась запыленная фотография с видом училища, с овальными портретами юношей в солдатских мундирах еще с пуговицами.

И шел длинный рассказ о тяжелой офицерской жизни, всегда с полной готовностью к войне.

“Моя рота”, “мой батальон”, “наш полк”.

Здесь знамя было святыней, и святотатством казалось бы отдать его в обоз. Здесь мечтали, что будет день, и “я встану впереди роты и поведу ее на врага”. И когда шли маневры, думали: “Так пойду и на войну”.

И когда настал час – пошли...

Строевая служба в Императорской Армии была очень тяжела. Она требовала силы воли, характера и терпения: солдаты – казарма, казарма – солдаты... – надо было любить строевое дело, чтобы годами выносить это. И кто не выносил – уходил. Создавался естественный подбор ротных командиров. Кто был слаб, не имел военной косточки, тот шел в военно-учебное ведомство, в интендантство, устраивался комендантским адъютантом, начальником этапа... К началу Великой мировой войны офицерский состав подобрался. Все смелое, понимавшее войну, безстрашное, оставалось в строю. Все трусливое, безвольное, не приемлющее войны – устроилось по тылам. Этому способствовала строгая аттестационная система. Каждого офицера, прежде чем дать ему роту, взвешивали в аттестационных комиссиях и разбирали по косточкам.

Наша армия выступила в поход с такими ротными командирами, каких не было нигде в мире.

Когда начались бои, – эти ротные командиры пошли вперед и сделали свое великое дело.

И когда умерли на полях сражений, в госпиталях и лазаретах эти ротные командиры – армия погибла. Нужно было долгое время, чтобы приготовить новых командиров, а его не было. Война требовала все новые и новые жертвы, и некогда было готовить людей, для которых долг был бы превыше всего...»³⁷

...Наши современники застали еще в живых людей, которые помнили тех *настоящих* кадровых офицеров. «Меня, – вспоминает петербургский историк А. Н. Цамутали, – поразили их рассказы о том, как офицеры в стрелковых частях шли в атаку впереди солдат (что требовалось по Уставу, это требование сохранялось и в уставах Красной армии в 1941 г. и было отменено лишь в принятом в 1942 г. новом боевом уставе пехоты), но еще и без оружия, со стеклом в руке (чего Устав уже не требовал). На мой недоуменный вопрос последовал ответ, что кадровые офицеры в начале войны были уверены в своих солдатах и убеждены в том, что солдаты их не подведут»³⁸.

Именно о таких атаках Марине Цветаевой рассказывал принимавший в них участие офицер: «Это был какой-то смертельный парад»³⁹.

Тех кадровых военных сменили т.н. офицеры военного времени, т.е. закончившие военные училища по ускоренной программе и школы прапорщиков, наконец, просто произведенные в прапорщички отличившиеся унтер-офицеры, солдаты и вольноопределяющиеся. Прежнего подлинно офицерского в них осталось, конечно,

немного. Главное же – дух несокрушимой верности Императору и Самодержавной монархии уступил либеральным и даже революционным веяниям.

Уже ко времени Брусиловского наступления летом 1915 г., писал генерал гр. Д. Ф. Гейден*, «стали присылать уже офицеров второго разряда из школ прапорщиков»⁴⁰. Не избежала этого, увы, даже Императорская Гвардия. «Когда пришла к нам Гвардия в состав VIII армии, – вспоминал Дмитрий Федорович, – она была уже сильно потрепана количественно, вследствие выбывших из строя в большом числе офицеров. В некоторых полках имелось только по одному офицеру на роту (вместо 5). Тогда корпусные командиры (Вел. Кн. Павел Александрович и Раух) решились на крайнюю меру и обратились к Каледину с просьбой дать им офицеров из прапорщиков курсов военного времени, пренебрегая на этот раз всякими гвардейскими традициями о выпуске в полки лишь лучших из военных училищ и лишь с согласия общества офицеров на принятие новых офицеров в полк. Тут перед лицом необходимости жертвовалось традициями, и офицерами в Гвардию принимались так называемые разночинцы: люди из податных сословий, и сельские учителя, и выдержавшие экзамен на прапорщика простые унтер-офицеры. Как раз в это время прибыло в мое распоряжение 200 таких прапорщиков для распределения в полки. Нигде не было такого некомплекта, как в Гвардии. Пришлось всех их передать в 16 полков Гвардии и этим сократить немного некомплект офицеров. Одни из этих прапорщиков достойно погибли в бою или запечатлели свою кровью свою службу Царю и Родине, другие же составили нежелательный элемент во время наступившей через 1/2 года после того революции и способствовали разложению армии. Не

* *Граф Дмитрий Федорович Гейден* (6.7.1862–23.5.1926) – в годы Великой войны дежурный генерал в штабе 8-й армии ген. Брусилова. Участник гражданской войны. В эмиграции в Югославии. Скончался в Загребе. Дед автора, гр. Л. П. Гейден, выходец из Голландии, будучи морским офицером, во время революции в конце XVIII в. вывез на лодке в Англию всю Нидерландскую Королевскую Семью. Вернувшись в Голландию, был арестован и приговорен к смертной казни. Бежав в 1790 г. из тюрьмы в Россию, принят на службу Императрицей Екатериной II. Будучи адмиралом Русского Флота, разбил под Наварином в 1827 г. турецкую эскадру. Отец, гр. Ф. Л. Гейден, в 1843–1846 гг. участвовал в усмирении Кавказа, а в 1849 г. в Венгерской кампании. Генерал-губернатор Вел. Княжества Финляндского. Начальник Главного Штаба.

наступи революция, может быть, из них и выработались бы настоящие офицеры под влиянием рыцарских традиций, но слишком короткое пребывание их в этой среде не дало окрепнуть истинно благородным чувствам и повернуло их на путь заискивания перед толпой и жадной самим выдвинуться вперед»⁴¹.

ПОД СТЯГОМ ВСЕМИЛОСТИВОГО СПАСА

Но что же делал граф Келлер со своим корпусом в столь несчастной для нас Третьей Галицийской битве?

9-я армия генерала П. А. Лечицкого, в состав которой теперь входил III конный, «26 апреля перешла в энергичное наступление вдоль Днестра. Честь этого Заднепровского сражения в первую очередь принадлежит III конному корпусу графа Келлера, разметавшему венгерский гонвед и легионы Пилсудского на полях Баламутовки, Онута и Ржавенцев. Были взяты Залещики и Надворна, и VII австро-венгерская армия генерала Пфланцер-Балтина отброшена за Прут. 27 апреля в знаменитой атаке III конного корпуса у Баламутовки и Ржавенцев участвовало 90 эскадронов и сотен в конном строю. Трофеями этого славного дела было 4000 пленных и 10 орудий. Всего же 9-й армией в Заднепровском сражении взято 20 000 пленных и 20 орудий»¹.

Бои 27 апреля III конный корпус вел в составе 10-й кавалерийской дивизии, 1-й Донской казачьей дивизии и приданной 1-й Кубанской пластунской бригады². Пока пластуны брали деревню Баламутовку, конница графа атаковала неприятеля в районе Ржавенцов³.

Это было то самое «славное дело под Хотинном, в котором два полка гусар и казаков остановили и разбили целую австрийскую пехотную дивизию, атаковав ее ночью у леса, потом у деревни Малинцы и, наконец, на самой границе, у деревни Баламутовки.

Особенно красиво было последнее дело, руководимое самим графом Келлером. Казаки, драгуны и гусары атаковали сильно укрепленную австрийцами позицию, защищенную целым рядом проволочных заграждений, со множеством крытых ходов сообщения и пр. Атаковали в конном строю, шашками рубя проволочные заграждения.

Целый полк австрийских гусар, успевший уже построиться, был смят наскочившими на него нашими казаками, и частью изрублен, частью взят в плен, а остальные бежали»⁴.

Вот как описывал действия спешенной 1-й Донской казачьей дивизии при штурме сильно укрепленной позиции 42-й пехотной австрийской дивизии у Баламутовки и Ржавенцов офицер штаба III конного корпуса: «Прорубив шашками проволочные заграждения противника, казаки с пиками в руках внезапно ворвались в неприятельские окопы, которые были настолько глубоки, что австрийцы могли отступить только по ходам сообщения, устья которых были уже заняты казаками. Отрезанные от ходов сообщения, они попрятались в глубокие убежища или метались по окопам; казаки же, стоя на брустверах окопов, пиками, как лягушек, кололи обезумевших австрийцев»⁵.

Генерал П. Н. Краснов вспоминал: «Я имел счастье в рядах этого корпуса командовать 10-м Донским казачьим полком и принять участие в громкой победе корпуса над австрийцами у селений Баламутовка, Малинцы, Ржавенцы и Топорук, где мы захватили более 6000 пленных и большую добычу»⁶.

В другом месте этих воспоминаний Петр Николаевич вновь мысленно возвращался к тем великим страдным дням: «Я помню, как гр. Келлер повел нас на штурм Ржавенцов и Топороуца. Молчаливо, весенним утром на черном пахотном поле выстроились 48 эскадронов и сотен и 4 конные батареи. Раздались звуки труб, и на громадном коне, окруженный свитой, под развевающимся своим значком явился граф Келлер. Он что-то сказал солдатам и казакам. Никто ничего не слышал, но заревела солдатская масса “ура”, заглушая звуки труб и потянулись по грязным весенним дорогам колонны. И когда был бой – казалось, что граф тут же и вот-вот появится со своим значком. И он был тут, он был в поле, и его видали даже там, где его не было. И шли на штурм весело и смело»⁷.

Русские кавалеристы гнали неприятеля из Каменца и Хотина.

К сожалению, «при всей значительности тактического успеха XXX армейского и III конного корпусов победа 26–28 апреля не улучшила стратегического положения Юго-Западного фронта: Буквинский театр был слишком удален от важнейших операционных путей, и армия Пфланцера особенно важной роли в расчетах неприятеля не играла»⁸.

Заключительным аккордом тех славных трехдневных боев стала атака 29 апреля дивизиона 10-го гусарского Ингерманландского полка под командой подполковника И. Г. Барбовича отходившей австрийской пехоты в районе Громешти–Вербовац. В бою гусары истребили одну роту, а потом и еще две, занимавшие окопы⁹.

«Когда австрийцев вышибали из-под Хотина, – писал корреспондент одной из центральных русских газет, – и шла рубка наших кавалеристов с венгерскими гусарами, граф Келлер наблюдал бой в какой-нибудь полуверсте. К нему скакали ординарцы, и он лично отдавал приказания.

Генерала ранили в ногу, правда, легко, но гусар это страшно опечалило. Каждый день являлись поочередно они к дому, где поправлялся генерал, и потихоньку справлялись о его здоровье»¹⁰.

Все было как тогда, в мае 1906 г., когда его ранили террористы в Польше...

Ранение, однако, оказалось серьезным. Федору Артуровичу пришлось отправиться в лазарет.

За мартовско-апрельские бои граф Ф. А. Келлер 11 мая 1915 г. был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. За то – было напечатано в газете «Русский Инвалид», – что во главе 3-го конного корпуса 17 марта он «атаковал в конном и пешем строю в районе дд. Рухотин, Поляна, Шиловцы, Малинцы 42-ю гонведскую пехотную дивизию и бригаду гусар 5-й гонведской кавалерийской дивизии, наступавших на город Хотин, разбил их и, частью уничтожив, взял в плен 33 офицера, 2100 нижних чинов, 40 походных кухонь, 8 телеграфных вьюков. 27 апреля, выбив противника из тройного ряда окопов с проволочными заграждениями у д. Гремешти на берегу Днестра, прорвался в тыл австрийцев и овладел высотами правого берега ручья Онут у дд. Баламутовки, Ржавницы и Гремешти, при этом захватил в плен 23 офицера, 2000 нижних чинов, 6 орудий и 34 зарядных ящика»¹¹.

За всю Великую войну 3-й степенью Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия, носившегося не в петлице, а на ленте на шее, было награждено чуть больше 60 человек, среди которых были известные впоследствии генералы Л. Г. Корнилов, А. М. Каледин, Н. Н. Духонин, Н. Н. Юденич, А. И. Деникин. (Второй степени ордена было удостоено четверо подданных Российской Империи и двое иностранцев. Георгиевский крест первой степени в Великую войну не был присвоен никому.)

«С первых чисел мая, – вспоминал ген. П. Н. Краснов, – Кавказская Туземная дивизия стояла на позиции по реке Пруту, к северу от румынской границы. Кавказцы понарыли окопы, перешли вброд за Прут и занимали ряд селений на правом берегу. Против них была германская спешенная кавалерия и австрийская пехота.

Правее их стояла 9-я кавалерийская дивизия, левее – ополченцы и далее – 10-я кавалерийская дивизия. Снарядов было мало...»¹²

Австро-германцы рыли окопы. Шли упорные тяжелые изматывающие бои. Русская армия несла невосполнимые потери...

«Веселое, ясное солнце заливало золотыми лучами цветущие поля пшеницы и ячменя, у дороги цвели колокольчики, белая ромашка и алые маки были раскиданы среди полей, голубели там и сям зацветающие васильки, и жаворонки звенели в прозрачной голубой вышине.

Во всей природе была радость.

У дороги, на небольшом бугре, стоял высокий, только что поставленный крест, и белый песок под ним не успел еще покрыться пылью. У креста была большая яма, и все дно ее было уложено телами в серых рубахах. Сестра милосердия стояла у креста на коленях. Она охватила обеими руками крест и пустыми, выплаканными глазами смотрела на идущие мимо полки и не видела их.

Хоронили убитых...»¹³

Был месяц май. Весна, называемая в Бессарабии *первым летом*...

ЛИК ЗВЕРЯ

Для многих этнических немцев разразившаяся в августе 1914-го война, сломавшая вековые, ставшие привычными, отношения, стала трагедией. Один из современников событий довольно точно сформулировал суть внутреннего разлада: «Русская Родина против немецкого Отечества!..»¹

О настроениях с началом Германской войны большинства русских немцев, оставшихся верными присяге Государю Императору, писал в одном из своих произведений генерал П. Н. Краснов, приводя типичные рассуждения старого служаки генерала Раупаха: «Другие фамилии меняй. Глюпость одна. Меня назови Рубаковым, я все немец бил и немец остался. Кровь не переменишь. Но я присягал моему Императору, и я знаю свое ремесло. На той стороне, у императора Вильгельма, в королевских уланах мой брат служит. Ви скажите солдатам. Рубить его, как следовало быть. На то война! Вы знаете, покойной жены полковника Саблина дядя – барон Корф – против нас начальник штаба. Ничего! Ми ему покажем. Надо быть честный немец и кровавый русский»².

«...Из немцев и татар, – говорил перед войной преп. Варсонофий Оптинский, сам в прошлом, как известно, офицер, – выходят хорошие русские люди, патриоты. Вероятно, есть какое-то сходство в их крови. Вот из французов и поляков русский человек выйти не может»³.

Граф Ф. А. Келлер в 1904–1906 гг. был командиром Александровского драгунского полка, стоявшего на самой границе с Германией. Русские Безсмертные гусары находились в традиционных дружеских отношениях с германскими гусарами Смерти. С некоторыми взглядами его на «немецкий вопрос» знакомят нас воспоминания его сослуживца С. Топоркова. «Характерной чертой графа Келлера была нелюбовь всего иностранного. Всегда и во всем он это подчеркивал. С давних пор установился обычай, что каждый новый командир полка, приняв полк, делал официальные визиты начальникам тех германских воинских частей, которые квартировали в ближайших к нам немецких городах – в Позене, в Острове и в Миличе. Офицеры часто ездили друг к другу в гости и постоянно полки обменивались официальными приемами и вместе устраивали конные праздники и охоты. Гусары Смерти, 1-й уланский Императора Александра III и 155-й пехотный полки были постоянными нашими друзьями. Граф Келлер, приняв полк, категорически отказался сделать визит этим полкам, почему за все время командования им полком временно изменились наши отношения и, хотя молодежь наша и немецкая все же проводила вместе время, но официальных приемов не было. Граф Келлер говорил просто и ясно: “Я их не люблю...”»⁴.

Следует признать: по поводу своих русских соотечественников не обольщался и Германский Большой Генеральный штаб. В записке, вышедшей из его недр в 1913 г., читаем: «Русские обладают также большим преимуществом благодаря тому, что среди них знание немецкого языка распространено значительно шире, чем среди нас русского. Многие русские офицеры, например из прибалтийских семей, говорят по-немецки без всякого акцента и в другой форме могут свободно сойти за немцев. Наши передовые посты должны обратить на это сугубое внимание в случае войны против России»⁵.

Разумеется, в том виде, в котором в России с началом войны попытались «решить» «немецкий вопрос» записные патриоты, он существовал лишь в их воспаленном воображении. И тем не менее, эта проблема все-таки имела место, вполне закономерно обострившись с открытием боевых действий.

К лету 1914 года из 1,5 тысяч генералов Русской Императорской Армии этнических немцев было более 20 процентов. Треть командирских должностей в Гвардии занимали также выходцы из немецких знатных родов. Традиционно высокий уровень занимали немцы среди командного состава Императорского Флота (20 процентов). Даже в Свите Государя Императора из 117 человек 37 было немцами⁶. По подсчетам немецких историков, более 300 тысяч немцев, подданных Российской Империи, сражались в рядах Русской Армии против армий Германии и Австро-Венгрии⁷.

Первые эксцессы произошли уже сразу же после объявления войны.

Петербургская публика громила германское посольство на углу Большой Морской и Исаакиевской площади. «Не избегли уничтожения, – писал современник, – и бронзовые кони, украшавшие это весьма неудачное в архитектурном отношении здание. Снятые с крыши, они не без большого труда были потоплены в Мойке, якобы патриотически настроенною толпою. От внутреннего убранства помещений посольства остались одни лишь воспоминания»⁸.

Призрак революционной анархии вышел в тот день на улицы русской столицы...

Была запрещена немецкая речь. Нарушители подвергались весьма внушительному штрафу до трех тысяч рублей или трехмесячному заключению⁹. Исполнение музыкальных произведений немецких композиторов считалось непатриотическим поступком. Носившие немецкие названия населенные пункты были переименованы.

Почти афористичная запись по этому поводу содержится в дневнике художника К. А. Сомова (19.8.1914): «Поражение наших войск, уничтожено два корпуса, убит* Самсонов. Позорное переименование Петербурга в Петроград!»¹⁰

«Скоро Мне Мой Петергоф назовут Петрушкин Двор»¹¹, – отозвалась на это событие вдовствующая Императрица Мария Феодоровна.

«Его переименовали, не спросясь: точно разжаловали», – писал уже в эмиграции о переименовании русской столицы управляющий канцелярией ведомства землеустройства и земледелия И. И. Тхоржевский. Именно в силу занимаемой должности он знал, что переименование произошло по предложению министра земледелия А. В. Кривошеина. Государь принял решение во время по-

* В действительности застрелился. – С. Ф.

следнего его доклада (судя по Царскому дневнику, 11 августа). Особенно недоброжелательно, по свидетельству И. И. Тхоржевского, к переименованию отнеслись товарищ главноуправляющего земледелием и землеустройством гр. П. Н. Игнатьев и министр путей сообщения С. В. Рухлов¹².

А вот дневниковая запись З. Н. Гиппиус (29.9.1914): «Трезвая Россия – по манию Царя. По манию же Царя Петербург великого Петра – провалился, разрушен. Худой знак!»¹³

«Не говоря о том, что это совершенно бессмысленное распоряжение прежде всего омрачает память о Великом преобразователе России, – писал бар. Н. Н. Врангель, – но обнародование этого переименования “в отместку немцам” именно сегодня, в день нашего поражения, должно быть признано крайне неуместным. [...] ...Мне думается, что такого рода факты не случайные эпизоды, а предзнаменование весьма значительное. Это один из признаков того падающего и глупого ложного национализма, который в завтрашний день нашего существования обещает стать лозунгом дня. Эта самодовольная влюбленность в себя и свою псевдокультуру и будет одним из признаков российско-славянского одичания. Пожалуй, что это одичание постигнет не только нас, но и весь мир»¹⁴.

В том же дневнике бар. Н. Н. Врангеля, из которого мы привели предыдущую цитату, под 16 октября 1914 г. вклеена газетная вырезка:

«УНИЧТОЖЕНИЕ КОТЕЛКОВ

В Москве было несколько случаев демонстративного уничтожения некоторыми москвичами своих собственных шляп-котелков, являющихся, по мнению протестантов, прототипом германской каски и немецкой выдумкой»¹⁵.

В декабре 1914 г., побывав в Вильне, он списал две «забавные» надписи из той же серии на вывесках: «Санкт-Петроградская гостиница»; «Русско-французско-английско-бельгийская прачечная»¹⁶.

Антинемецкая кампания в прессе набирала обороты. Росло количество доносов. Вскоре они приняли массовый характер. Уже в самом начале войны, свидетельствовал начальник Московского охранного отделения полковник А. П. Мартынов (1875–1951), «в связи с опубликованными сведениями о немецких зверствах и в связи с проявившимся “административным восторгом”, некоторые администраторы начали допускать усиленные репрессии: немцев обыскивали по доносам, сыпавшимся как из рога изобилия, а иногда и высылали в глубь страны»¹⁷.

Попытавшийся, было, опубликовать результаты официального расследования, согласно которому подавляющее число доносов вообще не имело под собой никаких оснований, Курляндский губернатор С. Д. Набоков, был заплеван ура-патриотической русской общественностью¹⁸.

В редких случаях, когда ошибку все же признавали, перед потерпевшим полуизвинялись, ссылаясь «на текущее сложное положение», разглагольствуя о том, что «в такое время приходится прощать некоторые “сильные” меры»¹⁹.

«В одно мгновение, – вспоминал очевидец, – изменилось положение немцев России, обитателей русских городов, торговцев, ремесленников, литераторов, гордых культурными достижениями своими и своих отцов, не особенно любимых русскими, но все-таки уважаемых. В одну ночь они превратились в гонимых парий, людей низшей расы, опасных врагов государства, с которыми обращались с ненавистью и недоверием. Немецкое имя, прежде столь гордо звучащее, стало ругательным выражением. Многие добрые друзья и знакомые среди русских прервали с нами всякое общение, избегали наших визитов и приглашений к себе в гости и даже не отвечали на приветствие при встрече на улице...»²⁰

Пытавшийся призвать православных «проявить особенно нежную братскую любовь к тем нашим соотечественникам, которые по происхождению своему и языку отличаются от нас», епископ Таврический и Симферопольский Димитрий (князь Абашидзе)* писал: «Они идут умирать за Россию, а мы станем обижать их какими бы то ни было подозрениями или неразумными выходками, за это жестоко нас накажет Отец Небесный»²¹. Верховный главнокомандующий Вел. Кн. Николай Николаевич назвал эти слова Архипастыря «далеко не своевременными»²².

Русское общество уже не хотело слышать правду.

«Надо было бы все имения, дома и фабрики, – писал аноним Великому Князю в Ставку, имея в виду собственность подданных Русского Царя немцев, – конфисковать. Имения и дома подарить офицерам – Георгиевским кавалерам, нижних чинов поселить в колониях немецких. Этому будет рада и благодарна вся Россия»²³.

Законы от 2 февраля и 13 декабря 1915 г. предусматривали конфискацию около 6,2 млн. десятин хорошо обрабатывавшейся

* С 1914 г. он добровольно в качестве рядового священнослужителя в составе Черноморской эскадры участвовал в Германской войне.

немецкими колонистами земли и передачи ее в пользу льготных категорий фронтовиков²⁴.

Описывая Государю впечатление от посещения летом 1916 г. своего имения в Херсонской губернии, Вел. Кн. Николай Михайлович писал: «Оно расположено в трех уездах трех губерний, Херсонской и Екатеринославской, уезды того же наименования, и Мелитопольском Таврической губернии. Всего деревень в имении шестнадцать и семь колоний немецких, из которых одна уже в прошлом году выселилась по собственному почину. Остальные колонии ждут решений правительства; большинство – менониты, которые склонны остаться, одна – вюртембержцы – думают убраться. Пока с ними недоразумений нет.

Менониты подчеркивают, что они уже 200 лет как ушли из Германии, были долго в Польше, при Императоре Александре II перекочевали к нам и обретаются здесь более 50-ти лет. Хотя войны вообще не признают, но дали от себя солдат, которые все служат санитарями. Подчеркивают в беседах свой антигерманский дух, хотя всюду в домах имеются портреты кайзера, и не его одного, но и старого Василия Федоровича, а также Бисмарка и Мольтке. Лично я надеюсь, что они по добру, по здорову уберутся вон после войны»²⁵.

Таким образом, по мнению Вел. Князя, депортации русских немцев предстояли даже после войны. Что до портретов, то это была отнюдь не какая-то чисто немецкая особенность. Австрийский генерал и писатель Фридрих фон Шварценберг (1800–1870) так вспоминал о своем посещении зимой 1833–1834 г. дома поселянина на востоке страны: «На стене прилеплена облатками бумажная довольно уродливая картина, представляющая человека в белом мундире. “Цо то?” – спрашиваю я поселянина. “То Австрийский царь”. А тут рядом другая такая же фигура в зеленом мундире. “Цо то?” – “То наш Царь”. А приметьте, этот Царь, которого австрийский мужик называет своим Царем, в противоположность Австрийскому императору, это Русский Император»²⁶.

«Просим передать нашу просьбу Верховному главнокомандующему, – писали в 1915 г. “русские женщины” из Новочеркасска, – о выселении немцев-колонистов из Волынской губернии и прилегающих к границе мест, так как они подали недавно просьбу разрешить им снять урожай и потому сидят еще на месте»²⁷.

Отнять всё и поделить – как всё это до боли знакомо...

Однако генерал Янушкевич отреагировал немедленно: «Убрать тотчас же, лучше пусть немцы разорятся, чем будут шпио-

нить»²⁸. Генерал почему-то не понимал: разоряя подданного, он разорял его Господина – Русского Царя, а, значит, и Отечество.

Однако крестьяне, как того и следовало ожидать, не остановились на достигнутом: вскоре они заговорили о своих «правах» не только на «немецкие», но и на помещичьи земли...

* * *

«Во второе лето Великой европейской войны, в конце мая 1915 года, в Первопрестольной столице бывшего Российского государства, в Москве, произошел грандиозный погром. Били немцев»²⁹, – так размеренно по-летописному начал свои воспоминания об этом событии, написанные уже после большевицкого переворота, действительный статский советник Н. П. Харламов, посланный в 1915 г. во вторую столицу для официального правительственного расследования.

Погромные настроения тлели там и ранее. Еще «осенью 1914 г. в Москве, – свидетельствовал полковник Л.-Гв. Ее Величества Кирасирского полка Г. А. Гоштовт (1883–1953), – истерически настроенная оголтелая толпа топила в реке старушку только за то, что она носила немецкую фамилию. А в то же время один из ее сыновей был убит в Восточной Пруссии, а другого, тяжело раненого под Люблином, вез санитарный поезд в родную ему Первопрестольную... В Балтийском крае помещики за время войны постоянно испытывали на себе особенное давление»³⁰. К этому автор прибавляет: «Революция, в свою очередь, принесла с собой гонения на всех, носящих немецкие фамилии». В редакционном примечании эмигрантского журнала «Часовой», опубликовавшего в 1934 г. эти воспоминания, читаем: «Этот явно нелепый и демагогический шовинизм не иссяк даже в эмиграции. Совсем недавно один, с позволения сказать, автор на страницах пасквильного листка оскорблял русских офицеров, носящих немецкие и шведские фамилии. Только презрение может быть ответом на подобную травлю».

17 мая 1915 г. главноначальствующим Москвы и начальником Московского военного округа назначили князя Ф. Ф. Юсупова, графа Сумарокова-Эльстон. Назначение состоялось тотчас по возвращении его из поездки в Галицию, при поддержке Вел. Кн. Николаевича.

Вновь образованная должность «главноначальствующего» в принципе соответствовала нуждам военного времени. «Объединение власти, – писал начальник Московского охранного отделения полк. А. П. Мартынов, – конечно, вполне отвечало сложным запро-

сам того времени, но при одном неперменном условии – выборе подходящего для такой должности лица»³¹. Князь же страдал, мягко говоря, слишком «явной административной беспомощностью»³².

«Главнoначальствующим Москвы, – читаем запись в дневнике известного искусствоведа бар. Н. Н. Врангеля, – недавно назначен князь Юсупов – один из глупейших людей Российской Империи, известный тем, что ему “удалось” полученные им за женой 50 миллионов рублей сократить более чем наполовину. Будучи крайне скуп, Юсупов, желая увеличить упавшее ему с неба состояние его жены, пускался в разные аферы и, конечно, достиг результатов печальных.

Москва, столько лет прекрасно жившая без генерал-губернатора*, получила в подарок это сокровище, вероятно, лишь за то, что сын Юсупова женат на дочери Вел. Кн. Александра Михайловича и, несмотря на свою всем известную склонность к лицам одного с ним пола, ухитрился сделаться отцом.

За эти доблести отец “героя” и назначен искоренять крамолу москвичей и изгонять “немецкое засилье” разных московских Эрленгеров и Кнопов. Результаты такой деятельности уже сказались: московские хулиганы, подстрекаемые глупыми приказами нового начальника, начали громить немецкие фирмы, разграбили магазины и произвели постыдные безчинства»³³.

Другой причиной назначения на этот пост была личная дружба, связывавшая супругу генерал-губернатора кн. З. Н. Юсупову с Вел. Княгиней Елизаветой Феодоровной, настоятельницей основанной ею в Москве Марфо-Мариинской обители.

С назначением кн. Ф. Ф. Юсупова антинемецкие настроения получили как бы поддержку свыше.

С первых дней своего правления кн. Ф. Ф. Юсупов пытался снискать у простонародья славу борца за их интересы. Представления об этих «интересах» он черпал в том числе и в таких вот анонимных адресованных ему письмах: «Беспорядки будут, ибо само правительство немецко-русское на это наталкивает нас, целый год война, целый год народ ждал, когда немцев выгонят и отнимут

* Курьезная справка: хотя со смерти Вел. Кн. Сергея Александровича должность генерал-губернатора Москвы и не существовала, тем не менее, по старым штатам остались на своих местах все адъютанты генерал-губернатора. Трое из них (кн. Оболенский, Н. В. Каховский и Лодыженский) – мои хорошие знакомые – получали содержание и десять лет назывались адъютантами несуществующего генерал-губернатора!!! – *Прим. бар. Врангеля.*

у них ответственные административные должности, но этого за целый год не случилось, и вот народ требует этого и по долгу своей присяги должен требовать и предать смерти изменников. До тех пор, пока не будет собрана Дума из народных представителей, мы будем громить все, что попадается немецкое... О, Боже, помоги нам очистить многострадальную родину от мошенников немцев и вырвать их с корнем из дорогого отечества...»³⁴

Германофобия самого Ф. Ф. Юсупова ни для кого не была секретом.

В январе 1915 г. во время своего визита во Францию, в качестве посланника Императора, он имел беседу с президентом. «Он рассказывает мне, – читаем в мемуарах Р. Пуанкарэ, – что в России на каждом шагу видишь следы немецкого влияния, что в Москве полиция находится в руках Германии, что в России не осмеливаются изгнать немцев ни из торговли, ни с государственных должностей, потому что у немцев защитники при Дворе, у Великих Князей, во всех кругах общества. С такой свободой выражается посланец Императора»³⁵.

Уже будучи в Москве, на должности, писали современники, у него «за завтраком велась обычная светская беседа, которую князь, впрочем, неизменно сводил на свою любимую тему – о немецком засильи и о непринятии со стороны петроградских властей никаких мер к прекращению этого засилья... Немцы и Распутин были любимые темы князя...»³⁶

В ходе развернутой не без поддержки кн. Ф. Ф. Юсупова в Москве кампании «борьбы с немецким засильем», которой ловко воспользовались конкуренты с немецкими фамилиями, «московские немцы», прежде всего, были вытеснены из представительных органов делового мира*, а затем над возглавляемыми немцами фирмами был установлен правительственный контроль. Результатом было, как минимум, сокращение фирмой своего влияния в промышленности и на рынке России. Координировал эти действия образованный в Петрограде Особый комитет по борьбе с немецким засильем³⁷.

«Обосновывалось» всё это очень просто. Как писал автор одной нашумевшей в то время книги, «немецкий шпионаж органически сросся с немецкой промышленностью...»³⁸ Имея в виду пред-

* Старшинами Биржевого комитета в Москве состояли представители известных торговых домов Кнопов и Вогау.

приятия, на которых на руководящих постах работали немцы, много говорили о «преднамеренном саботаже в пользу врага». Все это, пишет современный исследователь, в конце концов, создало «прецедент лишения частной собственности по признаку происхождения, национальности, вероисповедания и т.д., что стимулировало рост экспроприаторских настроений в низах общества»³⁹.

Внешними причинами разразившегося в Москве погрома были военные неудачи на фронте.

«Весной 1915 г., когда после блестящих побед в Галиции и на Карпатах российские армии вступили в период “великого отступления”, – вспоминал ген. А. И. Деникин, – русское общество волновалось и искало “виновников”, 5-ю колонну, как теперь выражаются. По стране пронеслась волна злобы против своих немцев, большей частью давным-давно обруселых, сохранивших только свои немецкие фамилии. Во многих местах это вылилось в демонстрации, оскорбления лиц немецкого происхождения и погромы. Особенно серьезные беспорядки произошли в Москве, где, между прочим, толпа забросала камнями карету сестры Царицы, Великой Княгини Елизаветы Феодоровны...»⁴⁰

«...В карету Эллы..., – писала Императрица Государю, – бросались камни и в нее плевали, но она не хотела с Нами говорить об этом...»⁴¹

Беспорядки не были неожиданностью для властей. Уже, по крайней мере, в апреле 1915 г., как пишет начальник Московского охранного отделения полковник А. П. Мартынов, «так называемая желтая [либерально-еврейская] пресса в Москве, подогреваемая дурно понимаемым патриотизмом обывателя, стала указывать “на немецкое засилье”. Появились списки немецких фирм, немецких магазинов. Газеты стали отводить целые столбцы перечню немецких предприятий в Москве. Поползли слухи о том, что где-то кто-то покажет московским немцам кузькину мать! Разговоры на эту тему стали учащаться. [...] Когда изо дня в день газеты помещали столбцы их фамилий, эти немцы стали как-то раздражать даже спокойного и сравнительно уравновешенного обывателя. Я рекомендовал князю [Юсупову] повлиять на газеты и остановить нарочитое подстрекание обывателей. Не знаю почему, но князь не внял моим доводам. В своих очередных двухнедельных рапортах градоначальнику со сводкой о настроении в Москве [...] я сообщал о возможном антинемецком выступлении толпы в результате газетной травли. [...] Погромные настроения висели в воздухе; возможность

погрома при любом уличном скоплении толпы чувствовали все, а не одни власть имущие»⁴².

«...Во всех московских газетах, кроме “Русских ведомостей”, – подтверждал современник, – печатались списки высылаемых немцев. Накануне усиленно раздавались листки с перечнем и адресами немецких торговых фирм. Все газеты трубили о зверствах немцев»⁴³.

Характерно, что министр внутренних дел Империи Н. А. Маклаков узнал о событиях в Москве 28 мая из утренних газет. В тот же день он сообщил о них Императору. Ответственные за задержку с информацией в Москве лица сослались на... испортившийся вдруг телефон.

Погром в Москве продолжался три дня: с 27 по 29 мая.

Еще 26 мая около полутора тысяч рабочих ситценабивной фабрики Губнера выдвинули перед администрацией коллективное требование: удалить всех служащих и рабочих из «немцев-эльзасцев». Они наверняка знали положительное мнение генерал-губернатора по поводу подобных же требований, которые ранее выдвинули рабочие фабрики «Эйнем». Однако они не учли, что эльзасцы находились под защитой союзной Франции и не подлежали высылке из Москвы. Не получив удовлетворения, толпы рабочих с флагами, портретами Государя, пением гимна и выкриками «Долой немцев!» вышли на улицы.

На следующий день с утра все повторилось. Сотни рабочих заполнили улицы Замоскворечья. Около 12 часов дня один из владельцев Прохоровской мануфактуры Николай Иванович Прохоров позвонил градоначальнику.

– Именем Бога, как гражданин и фабрикант, – сказал он, – прошу Вас остановить движение толпы.

«На это генерал Адрианов ответил, что, по имеющимся у него сведениям, манифестации носят мирный характер и что когда толпа ходит с портретами Государя, поет “Боже, Царя храни” и “Спаси, Господи, люди Твоя”, – то он, градоначальник, “готов перед нею выстроиться и разгонять ее не станет”»⁴⁴.

Между тем толпа, насчитывавшая в своих рядах уже до 10 тысяч человек, двинулась на Дербеневку, к мануфактуре Э. Цинделя. Управляющий, швед по происхождению, Карлсен заперся в своем кабинете. Это не помогло. «Толпа, – читаем в воспоминаниях государственного чиновника, ведшего впоследствии расследование, – ворвалась в контору, переломала все вещи, взломала дверь в кабинет Карлсена, жестоко его избива, а затем повела его всего окровавлен-

ного во двор, “показать немца народу”. В это время на фабрику прибыл градоначальник, которого по телефону уведомили о происходящем. Рабочие обратились к нему с жалобой на Карлсена... [...] Адрианов приказал одному из бывших тут же полицейских офицеров проинформировать дознание... [...] Доклад околоточного надзирателя Колчева о том, что толпа сейчас избивает Карлсена, градоначальник, по-видимому, не расслышал и, сказав помощнику пристава Унтилову: “Донесите депешей, кто здесь управляющий”, – сел в автомобиль и уехал.

После отъезда градоначальника рабочие отнесли Карлсена к реке, куда его и бросили. На берегу стояла огромная толпа народа, кричащая: “бей немца, добить его”, и бросала в Карлсена камни. Двум городским удалось достать ветхую лодку без весел и втащить в нее барахтавшегося в воде Карлсена. Озлобленная толпа с криками “зачем спасаете?” стала бросать камни в лодку. На берег в это время прибежала дочь Карлсена – сестра милосердия, которая, увидев происходившее, упала перед рабочими на колени, умоляя пощадить ее отца. С теми же просьбами обращался к толпе полицейстер Миткевич, который, указывая на дочь Карлсена, говорил: “какие же они немцы, раз его дочь – наша сестра”. Но озверевшая толпа с криком “и ее забить надо” продолжала кидать камни. Лодка быстро наполнилась водой, Карлсен упал в воду и пошел ко дну. Было это в шестом часу дня...»⁴⁵

Но было еще и *затем*... На пути толпы оказался дом фабриканта Роберта Шрадера. «...Часть тех рабочих, манифестировавших с Царскими портретами и национальными флагами, ворвались сначала в квартиру директора-распорядителя этой фабрики, уже выселенного с нее, германского подданного Германа Янсена, а затем в соседнюю квартиру русской подданной, потомственной дворянки Бетти Энгельс, два сына которой состояли прапорщиками Русской Армии. В квартире Энгельс пряталась жена Янсена – Эмилия Янсен, его сестра Конкордия Янсен – голландская подданная и теща – Эмилия Штолле – германская подданная. Все четыре женщины были схвачены, причем двух из них – Бетти Энгельс и Конкордию Янсен – утопили в водоотводном канале, а двух остальных избили так сильно, что Эмилия Янсен умерла на месте избиения, а 70-летняя старуха Эмилия Штолле скончалась в больнице, куда была доставлена отбившею ее полицией.

Фабрику Шрадера толпа разгромила, а квартиру Энгельс подожгла, причем прибывшей пожарной команде не давали тушить пожар, а полиции – убирать трупы убитых женщин. По словам по-

лицейского пристава Диевского, пережившего ужасы московского вооруженного восстания 1905 года, он «ни тогда, ни вообще когда-либо в жизни не видел такого ожесточения, разъярения толпы, до какого она дошла к вечеру 27 мая. Это были точно сумасшедшие какие-то, ничего не слышавшие и не понимавшие»...»⁴⁶.

Преступное безчинство сопровождалось, как правило, одной и той же картиной: «Кругом стояла толпа в несколько сот человек, в общем несочувственно относившихся к погрому. Но никто даже не пытался убедить погромщиков»⁴⁷. «Вечером, – читаем запись в дневнике москвича за 28 мая, – кое-кто собрался у нас. Я решительно запротестовал против предложения идти смотреть. Если при нас начнут громить, мы должны вступиться, и нас в лучшем случае только избыют. Быть простым зрителем невозможно. [...] Все-таки пошли... Да и все ходят»⁴⁸.

Вечером 27 мая градоначальник ген. Адрианов распорядился удалить с московских фабрик всех немцев, расценив действия погромщиков следующим образом: «Толпа хорошая, веселая, патристически настроенная» и вообще ничего особенного в городе не случилось, разве что «обычное уличное буйство, которое теперь и прекратилось»⁴⁹.

Однако на следующий день, 28 мая, забастовали все заводы Москвы. Толпы были еще гуще. Несли национальные флаги, Царские портреты, пели народный гимн. Кричали «Долой немцев!» «Да здравствует Государь Император и Русская Армия!» Сконцентрировавшись на Красной площади у памятника Минину и Пожарскому, во втором часу пошли громить магазины фирм «Эйнем» и «Циндель» в Верхних торговых рядах. Потом пошли на Лубянскую площадь, на Кузнецкий мост, Мясницкую, Петровку.

Под предлогом проверки документов врываются в квартиры, и не дай Бог, если у проживавших там были немецкие фамилии... При этом, однако, евреев, например, не трогали (чем, по-видимому, и объясняется «заговор молчания» по поводу событий в Москве прессы). «Это подтверждается, – пишет современный немецкий исследователь, – как многочисленными заявлениями свидетелей, так и заключениями сенатской комиссии, отметившей только антигерманскую направленность движения. Один из очевидцев так описывает поведение толпы, дискутировавшей по поводу определения национальности жертвы: “В толпе, собравшейся у магазина Левинсона, шли горячие споры, кто такой Левинсон – еврей или немец. Убедившись, что он еврей, толпа проходила

мимо, но подходила новая манифестация, и все начиналось сначала...” Отмечен только один преднамеренный случай разгрома дачи у еврея – барона Гинцбурга, “единственного на всю Россию еврея-барона”*, так как толпа просто не поверила, что баронский титул мог быть присвоен еврею»⁵⁰.

На Варварке была разгромлена главная контора торгового дома Вогану и К^о. Погромщики взломали несгораемые шкафы, выбросив текущие архивы фирмы и разграбив всю денежную наличность. Были расхищены товары на складах, а затем, как водится, все здание было подожжено. Общий убыток только от разграбления этой одной фирмы составил два миллиона рублей⁵¹. А ведь подобных акций в Москве было произведено немало.

В те же дни, например, подвергся «разгромлению и уничтожению склад издательской фирмы Кнебель; уничтожением хранившихся на складе изданий не ограничилось несчастье, которое в таких границах было бы чисто материальным: там же хранились и погибли материалы, рукописи, фотографии и негативы для издававшейся Кнебелем “Истории русского искусства” Игоря Грабаря»⁵². И через два дня, когда начальник Московского охранного отделения ехал по Неглинному проезду, его лошадь буквально «шагала по грудам художественных изданий Кнебеля»⁵³. Эта картина стояла перед глазами полковника и много лет спустя...

* Баронский титул был присвоен Горацию Гинцбургу по личному желанию Великого герцога Александра Гессенского, брата Императрицы Марии Александровны, Супруги Государя Александра II. (Банкирский дом Гинцбургов заведовал финансовыми делами Великого герцога и его семьи.) Поверенный в делах России в Дармштадте сообщил 5 мая 1870 г. в Министерство иностранных дел о желании Великого герцога Гессенского пожаловать своему генеральному консулу в Петербурге Г. Гинцбургу баронский титул. 27 марта 1871 г. Император Александр II дозволил принять его (*Слюозберг Г. Б.* Барон Г. О. Гинцбург. Его жизнь и деятельность. Париж, 1933. С. 42; *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 40). Гинцбург, как известно, состояли в родстве с кланом Ротшильдов. Современный биограф Ротшильдов сообщает о тесных взаимосвязях одного из основателей этого рода, Амшеля Майера, с Гессенским двором (*Шнее Г.* Ротшильды. М., 1998. С. 218, 251). Таким образом, пишет современный исследователь, Царь-Мученик был «убит и ограблен по приказу одного из правнуков придворного менялы своего прадеда» с материнской стороны (*Козлов Н.* Цареубийство. М., 2005. С. 32).

Утром 28 мая погромы вышли за пределы Москвы, распространившись на ее окрестности. О том, как это происходило на деле, можно судить по немногим дошедшим до нас воспоминаниям очевидцев. Вот одна из картинок. Подмосковное Гиреево. Раннее утро 28 мая 1915 года. «В семь часов, когда все еще спали, вдруг телефонный звонок разрывает тишину, – все в ужасе просыпаются. У телефона Груша, нянина сестра... Впопыхах говорит: “Ради Бога, спасайтесь, здесь погром немецкий, все конторы, фабрики, квартиры – все ломают, убивают – спасайтесь – ради Бога, они и к вам придут”.

У нас переполох... Звонит дядя Ваня... “Детки, забирайте Ваши вещи, идите ко мне, я вас защищу”.

Приходит Надя с новостями: “Владыгинские и речтовские уже наступают, уже дачу Тиц начали громить...”

Няня впопыхах собирает наше белье в огромные узлы и бросает их за забор к соседям... Бабушка мечется как полоумная по всем комнатам, ищет, спасти бы самое драгоценное, в суматохе хватает три биллиардных шара, срывает маленькую картинку со стены, ландшафт с коровами, и исчезает.

Появляются какие-то полужнакомые лица, начинают “спасать” всякие безделушки с полок, вазы, пепельницы... Собирают все в огромные корзины и исчезают. И мы не знаем – куда это они, что им нужно тут?

Приходит злой, жадный Никифор с водокачки и злорадно говорит: “Теперь крышка вам. Весь дом ваш зальем бензином и взорвем, а я пока граммофончик снесу...” Призывает другого мужика, берут на плечи граммофон и уходят, а мы стоим тут же, безсильные и удивляемся: “Как это, так просто, пришел, взял да ушел?” [...]

Мы все уходим. Мама с няней, Верой и Павлом к дяде Ване, я с бабушкой еду в Москву... Проходим мимо погромщиков, громящих дачу соседей, вытаскивают мебель, белье; чего не могут взять, тут же ломают; окна выбиты... А мы думаем: “Вот скоро и наш дом превратится в развалину...”

Подъезжаем к Москве... Картина ужасная. Ночь. Небо красное, яркое... Со всех сторон кругом пламень, горят фабрики, дома... Картина жуткая и... прекрасная...

Вокзальная площадь полна народом... Берем извозчика. Трамваи все сбились с номеров – снуют взад и вперед, с иных висят куски шелковых материй, на других стопы бумаг... Огромными шайками толпы народа – впереди несут портрет Царя – поют “Боже, Царя храни!” Сердце мое наполняется злобой, черной злобой... [...]

В другом месте хоругвями разбивают окна – поют “Боже, Царя храни!”...

Проезжаем мимо Кузнецкого моста... Улица переполнена, едва проехать можно... Кричат: “Сторонись!”

Со второго этажа, у Юлия Циммермана, валяются огромные черные рояли – падают с душераздирающим стоном, а там рабочие с топорами раскалывают их на куски...

Там баба тащит целую корзину “скороходовской” обуви, там мальчишка с пальмой... На углу девочка продает бриллиантовое кольцо за “красенькую”... Настоящий хаос...

Дом наш так-таки не разгромили. [...] Как раз на углу отряд казаков плетью разогнал погромщиков...

Но все, что мы спасали, мы так-таки больше уже не увидели – соседи и помощники все сами своровали...»⁵⁴

Попустительство властей породило чудовищный слух. «В народе идет молва, – заявил депутат Н. И. Астров на экстренном заседании городской Думы, – что на четыре дня разрешено предаться грабежу. Этого мало. Говорят также, что в Москве будет Варфоломеевская ночь...»⁵⁵

Пристав Керстич, участник русско-турецкой войны, признавался впоследствии членам Сенатской комиссии, что «в бою на Балканах чувствовал себя лучше, чем 28 мая в Москве в роли чина полиции»⁵⁶.

Число погромщиков в самый пик погрома, 27–28 мая, превышало 100 тысяч человек⁵⁷. Что же это были за люди? По свидетельству гласного Московской городской думы Н. М. Щапова, первоначально это были рабочие среднего возраста, затем их, в качестве основного костяка, сменила чернь. Публика, сначала стоявшая поодаль и наблюдавшая всё со стороны, стала, наконец, испытывать чувства радости. Впоследствии, по свидетельству очевидцев, в беззакониях активное участие принимали представители средних городских слоев: интеллигенция, мелкие служащие, чиновники, студенты. В грабежах были замечены также солдаты, в том числе находившиеся на излечении в московских госпиталях раненые и даже... сестры милосердия, а в насилиях над немцами – и офицеры⁵⁸. «Часто, – писал историк С. П. Мельгунов, – участвовали в грабеже разгромленного дома. [...] Видели в роли участников грабежа университетских студентов и студентов Коммерческого института»⁵⁹.

* Десять рублей. – С. Ф.

Награбленное впоследствии «всплыло» в подмосковных деревнях, а также во Владимире, Рязани, Туле. В Москве возникли даже импровизированные базары, на которых открыто торговали этими позорными «трофеями» народного неистовства⁶⁰.

Лишь прибывшие в город, по решению Московской городской думы, рано утром 29 мая регулярные воинские части прекратили погром.

Отправленный для расследования обстоятельств погрома государственный чиновник так описывает свой въезд в Москву 2 июня 1915 г.: «Проезжая с Николаевского вокзала [...], я был поражен видом московских улиц. Можно было подумать, что город выдержал бомбардировку вильгельмовских армий. Были разрушены не только почти все магазины, но даже разрушены некоторые дома, как оказалось затем, сгоревшие от учиненных во время погрома поджогов. В числе наиболее разгромленных улиц была между прочим – Мясницкая, на которой, кажется, не уцелело ни одного магазина, и даже с вывеской русских владельцев...»⁶¹

Остроловы писали:

*Но князь [.] спокойно молвил
«Я знаю, мелкий беспорядок –
Наука всем врагам Руси»
Супруги умной вняв совету,
Вопрос поставил он ребром,
Спешил спасти Елизавету
И медлил потушить погром»⁶².*

В ходе погрома было убито 5 человек немецкого происхождения, четверо из которых были женщины. (В действительности, возможно, цифры эти были сильно преуменьшены. «По сообщению следователя, – читаем запись в дневнике историка С. П. Мельгунова, – в субботу на окраинах убито более 200 человек»⁶³.) Разгромлено 732 отдельных помещения, в число которых входили магазины, склады, конторы и частные квартиры. Официально было зафиксировано более 60 возгораний. Приблизительная общая сумма убытка – более 50 миллионов рублей. Учитывались лишь только те убытки, о которых заявили потерпевшие. Погрому подвергались даже те фирмы, которые исполняли военные заказы. Практически полностью были разгромлены аптекарские магазины Феррейна, Келлера и Эрманса, обеспечивавшие медикаментами не только москвичей, но и госпитали города. Расследование установило, что в ре-

зультате трехдневных беспорядков пострадали не только 113 германских и австрийских подданных, но и 489 подданных Российской Империи с иностранными и 90 с чисто русскими фамилиями⁶⁴.

Однако одним из самых печальных итогов было иное.

Имевшие место в мае 1915 г. во второй столице Империи при-скорбные события происходили на глазах Действующей Армии.

И еще: как писал один из русских немцев: «Многие наши соотечественники, кто в счастливые времена подпал под культурное влияние русских и утратил немецкий дух, в годину испытаний вспомнили, что они немцы...»⁶⁵

Управляющий Министерством внутренних дел кн. Н. Б. Щербатов вынужден был вскоре после московских событий обратиться с трибуны Государственной думы к депутатам: «Относясь [...] с большой осторожностью и опаской ко всем проявлениям немецкого засилья в России, я должен, господа, обратиться к вам с просьбой помочь прекратить эту, извините за выражение, травлю всех лиц, носящих немецкую фамилию. [...] ...За последние 200 с лишним лет многие семейства, носящие немецкие фамилии, сделались совершенно русскими, многие из них жили и живут совершенно общей жизнью с нами, многие, имена их известны и в русской науке как имена совершенно русские, и верность многих из них России вне всякого сомнения. Вспомните имя адмирала Эссена, память которого вы почтили вставанием, вспомните многих офицеров, которые пали смертью храбрых на поле брани в настоящую войну»⁶⁶.

Сентябрьская правительственная ревизия, отрицая организацию самого погрома какой-либо политической партией, установила все же некоторую причастность крайне правых к возникшим беспорядкам. Так, Московским отделом Всероссийского национального союза в Москве был издан, посвященный «всем коренным русским силам города Москвы», 76-страничный справочник: «Германские и австрийские фирмы в Москве на 1914 год. Указатель австро-венгерских и германских промышленно-торговых и торговых фирм в Москве» (М., 1914). В этой книге были приведены домашние адреса, телефоны и местоположения подмосковных усадеб хозяев и руководителей немецких фирм.

Были установлены также имена некоторых руководителей московских правых, пытавшихся поживиться за счет погромов. Например, Турчанинов («товарищ председателя в одной и председатель манифестационной комиссии в другой правой организации») «получил значительную сумму с немецких торговцев и промыш-

ленников, обходя их перед погромом и обещая свою защиту; во время погрома он за деньги же отстоял один немецкий магазин на Кузнецком мосту, а вечером в первый день погрома кончил свои труды тем, что зашел в уцелевшую немецкую колбасную и, распорядившись отпустить ему колбасы и ветчины, стал громко хвалиться погромными подвигами, а затем спросил, сколько с него следует; трепещущая хозяйка ответила, что все уже уплачено, и он, взявши свой ужин, торжественно удалился, так ничего и не заплатив»⁶⁷.

То была своего рода репетиция предстоявших революционных погромов, грабежей и вымогательств, правда, тогда под управлением генерал-адъютанта Его Величества и русского князя, богатейшего человека Империи.

Однако майские события в Москве имели и иную подоплеку. Вот в этом смысле несколько весьма примечательных записей французского посла М. Палеолога:

«В течение последних нескольких дней Москва волновалась. Слухи об измене ходили в народе; обвиняли громко Императора, Императрицу, Распутина и всех важных придворных».

«Московские волнения носили чрезвычайно серьезный характер, недостаточно освещенный отчетами печати.

На знаменитой Красной площади, видевшей столько исторических событий, толпа бранила Царских Особ, требуя пострижения Императрицы в монахини, отречения Императора, передачи Престола Великому Князю Николаю Николаевичу, повешения Распутина и проч.

Шумные манифестации направились также к Марфо-Мариинскому монастырю, где игуменьей состоит Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, сестра Императрицы и вдова Великого Князя Сергея Александровича. Эта прекрасная женщина, изнуряющая себя в делах покаяния и молитвах, была осыпана оскорблениями: простой народ в Москве давно убежден, что она немецкая шпионка и даже что она скрывает у себя в монастыре своего брата, Великого герцога Гессенского.

Эти известия вызвали ужас в Царском Селе. Императрица горячо обвиняет князя Юсупова, Московского генерал-губернатора, который по своей слабости и непредусмотрительности подверг Императорскую Семью подобным оскорблениям»⁶⁸.

«То тут, то там, – вспоминал выкрики, звучавшие в московской толпе, современник, – бросались оскорбительные слова по адресу Царской Фамилии. Различных Членов этой Семьи связывали со

слухами об измене. Особенно доставалось Императрице Александре Феодоровне, от Которой требовалось удаление в монастырь по примеру Ее сестры, вдовы Великого Князя Сергея Александровича. С громкой бранью произносилось также имя прогремевшего на всю Россию “старца” Григория Распутина. Его обвиняли в том, что своим влиянием он окончательно околдовал Царскую Чету»⁶⁹.

На попытки разогнать погромщиков, по словам историка С. П. Мельгунова, «толпа отвечала камнями. Кричали: “И до вас очередь дойдет”. Вообще можно отметить усиление вражды к правящим. Елизавету Феодоровну называют не иначе как “Лизка” – даже швейцар в доме ген.-губернатора»⁷⁰. Именно поэтому «усиленно охранялась полицейскими нарядами Марфо-Мариинская обитель – в народе распространяются слухи, что у Вел. Кн. Елизаветы Феодоровны найден подземный телефон для сношения с немцами»⁷¹.

Не отставала и столица. «Петербург кипел, – вспоминал ответственный за личную охрану Государя жандармский генерал А. И. Спиридович. – Непрерывающееся отступление в Галиции и слухи о больших потерях породили всплеск ругани и сплетен. [...] Бранили генералов, бранили Ставку... [...] Бранили бюрократию и особенно министров Маклакова и Щегловитова, которых уже никак нельзя было обвинить в неудачах в Галиции. С бюрократии переходили на немцев, на повсеместный шпионаж, а затем все вместе валили на Распутина, а через него уже обвиняли во всем Императрицу. Она, бедная, являлась козлом отпущения за все. В высших кругах кто-то пустил сплетню о сепаратном мире. Кто хочет, где хотят – не говорилось, но намеками указывалось на Царское Село, на Двор»⁷².

Секрет этого иступления именно против Императрицы Александры Феодоровны был известен еще Ее современникам. «... Имейте в виду, – писал 14 января 1917 г. убитый впоследствии большевиками монархист Н. Н. Родзевич, – что главный оплот Самодержавия теперь Государыня. Это поняли левые, оттуда и поход на “безответственные влияния”, клевета о германофильстве и т.д.»⁷³.

Отголоски этой искусственно раздутой в стране истерии достигали и лично Государыни и не раз, следует признать, достигали своей цели.

«Больно, когда [Ее] клеймят за всякое слово, по-немецки произнесенное, – читаем запись об Императрице в дневнике старшей

сестры Собственного Ее Величества лазарета в Царском Селе В. В. Чеботаревой за 17 июля 1915 г. – У нас я только раз слышала фразу, к Евгению Сергеевичу* обращенную. Нужно было обменяться впечатлением о больном – Боткин по-французски не говорит. Оказывается, негодяй Сперанский развонил по всему Царскому. А как иногда Девочки со свойственной Им живостью могут сделать больно. Вера Игнатьевна докладывала о свадьбе Лудера, в Павловске будет, там и старая его бабка живет, немка. И, улыбаясь, добавила: “Последнее тщательно скрывается”. – “Еще бы не скрывать, вполне его понимаю, еще, пожалуй, настоящая кровожадная немка”, – выпалила Ольга Николаевна»⁷⁴.

Следы подобных разговоров Дочерей, ранивших, безусловно, любящее сердце Государыни, запечатлены в письме Вел. Княжны Татьяны Николаевны и ответе на него Матери. (29.10.1914): «Пожалуйста прости меня, дорогая Мама, если когда-нибудь невольню я обидела Тебя, сказав что-нибудь о Твоей прежней родине, но, в самом деле, если я действительно что-то говорю не подумав, что могу Тебя задеть, это потому что, когда я думаю о Тебе, я представляю, что Ты наш Ангел, дорогая Мама, что Ты русская, и всегда забываю, что это не всегда было так, что у Тебя была другая родина, прежде чем Ты приехала сюда, к Папе. Пожалуйста, прости меня, Дорогая». (29.10.1914): «Спасибо, Солнышко, за твои любящие слова. Вы, девочки Мои, Меня не обижаете, но те, кто старше вас, могли бы иногда и думать... но все вполне естественно. Я абсолютно понимаю чувства всех русских и *не могу* одобрять действия наших врагов. Они *слишком* ужасны, и поэтому их жестокое поведение так Меня ранит, а также то, что Я должна выслушивать. Как ты говоришь, Я вполне русская, но не могу забыть Мою старую родину»⁷⁵.

Трудно себе это представить, но Венчанная Церковью Императрица Всероссийская вынуждена была оправдываться не только перед Своими подданными, но и перед горячо любившими Ее Детьми!

К сожалению, роль в эти дни московского духовенства была, по существу своему, никакой. Били «по хвостам», вслед. Непосредственно во время событий предпочитая не высовываться⁷⁶. Нет, не вышли московские священники с крестами остановить буянившую толпу. Подобно, например, ректору Киевской духовной академии

* Боткину, Лейб-медику. – С. Ф.

епископу Чигиринскому Платону (Рождественскому)*, пошедшему в 1905 г. с крестом умолять киевлян не громить евреев⁷⁷. А ведь возглавлял Московскую кафедру в ту пору митрополит Макарий, известный своими строгими православными и верноподданническими взглядами!

Быть может, одной из причин такого безразличия было осознание некоторыми православными миссионерами того поражения, которое они потерпели в борьбе с т.н. штундо-баптизмом. «Нигде в сектантстве, – писал церковный историк И. К. Смолич, – церковная миссия не терпела такого сокрушительного фиаско: она оказалась неподготовленной, неорганизованной и бессильной перед штундой»⁷⁸.

Разумеется, как справедливо пишут современные авторы, «насадителями баптизма в России были немцы-колонисты наших южных губерний. Первыми известными пропагандистами этой секты в России были те же немцы-колонисты и приезжавшие к ним заграничные проповедники немцы же»⁷⁹. Нельзя отрицать и безусловного подрывного по отношению к *любому* государству характера штунды, сводившегося: «1) к отрицанию присяги вообще и, в частности, к отрицанию присяги на верность Царю и Родине; 2) к отрицанию войны, военной службы и смертной казни; 3) к признанию несправедливым современного строя экономической жизни; 4) к осуждению всего существующего государственного порядка, при котором возможны война, смертная казнь и неравномерное распределение земных благ и 5) к противоборству православию, которым держится этот порядок»⁸⁰.

(Как нельзя, впрочем, отрицать и косвенной пользы появления секты для улучшения духовно-нравственного уровня самого православного духовенства. Среди выработанных в 1884 г. собравшимися в Киеве Преосвященными мер обращают на себя внимание следующие: «назначать в приходы, зараженные штундою, [...] членов

* Будучи Экзархом Грузии, именно он в марте 1917 г. благословил Вел. Кн. Николая Николаевича просить Императора Николая II об отречении. После революции, эмигрировав в США, он не подчинился Патриарху Тихону; в 1923 г. самочинно объявил Американскую Церковь автономной, за что, в конце концов, 16.8.1933, был запрещен в священнослужении Местоблюстителем митрополитом Сергием (Страгородским). Не принеся покаяние в расколе, скончался. По его благословию, 19.4.1934 была освящена часовня преп. Сергия в здании музея Н. К. Рериха в Нью-Йорке, увенчанном буддийской ступой. О «сочувствии» к нему митр. Платона не раз писал сам Рерих.

причта, в особенности же священников, из лиц, по образованию и нравственным качествам наиболее соответствующих требованиям пастырского и церковного служения»; от архиереев требовалось «неопустительное наблюдение за благоговейным и согласным с церковным уставом, совершением богослужения»; от приходов – «усиливать сбор денег на приходские нужды и употреблять оные, между прочим, на пособия бедным прихожанам»⁸¹.

Однако же нельзя при этом допустить, чтобы Германский император мог одобрить такое вот, например, заявление Всемирного конгресса баптистов, прошедшего, кстати говоря, в Лондоне в 1905 г., о том, что баптизм «содержит обетование помощи и освобождение для миллионов людей, которые теперь стонут под деспотическим гнетом правительств мира сего»⁸².

Ведь известно же, наконец, что Германия – это вовсе не страна штундо-баптизма, а страна лютеран и католиков. Баптисты были в Германии такой же сектой, как, например, в России субботники. Но ведь никому на том основании, что субботничество возникло в России, и в голову, думаю, не придет обвинить Российскую Империю в распространении иудаизма.

К сожалению, германофобия у нас часто выходила за пределы разумного.

«...Говорят, Синод, – писала 14 декабря 1914 г. с возмущением Императрица Александра Феодоровна Государю, – издал указ, что не должно быть Рождественских елок. Я хочу выяснить, правда ли это и тогда подыму скандал. Это не их дело и не касается Церкви. Зачем же отнимать удовольствие у раненых и детей на том основании, что елка была первоначально перенята из Германии! Эта узость взглядов прямо чудовищна!» Речь идет о постановлении училищного совета при Св. Синоде об отмене ёлок, устраиваемых на Рождество в церковно-приходских школах, ввиду того, что этот обычай воспринят у немцев*.

* В воспоминаниях о Московском митрополите Макарии читаем: «Не любил также Владыка, когда детям устраивали елки. “С иностранцев, – говорил он, – принят этот обычай, а вы лучше сделайте им звездочку, это даст им чистую духовную радость, выше которой ничего не может быть”» («Свете Тихий». Жизнеописание и труды епископа Серпуховского Арсения (Жадановского). Сост. С. Фомин. Т. 3. М., 2002. С. 496. Описание вечера Рождественской звезды для детей-сирот см.: Московские церковные ведомости. 1915. № 2).

Следует подчеркнуть: кн. Ф. Ф. Юсупов чувствовал себя после произошедших в Москве вопиющих событий слишком уверенно. И дело было не только в том, что в дни погрома он занемог «дипломатической болезнью» и судил о происходящем, по его словам, лишь по докладам градоначальника⁸³.

«Мы были к ним, – заявил он, имея в виду немцев, 28 мая на экстренном совещании гласных Московской городской думы, – слишком добры. Я на стороне наших рабочих. Их терпение лопнуло. Они не могут работать спокойно, когда им говорились на каждом шагу грубости и дерзости... Малейший успех немцев на фронте делал их до крайности наглыми и нахальными...»⁸⁴

14 июня 1915 г. в Ставке в присутствии Государя состоялось заседание Совета министров. «Кроме министров, – вспоминал ген. А. И. Спиридович, – присутствовал Великий Князь, Янушкевич и московский генерал-губернатор князь Юсупов. Юсупову Государь предложил доложить о происшедшем в Москве погроме немцев. Волнуясь и жестикулируя, Юсупов взвалил всю вину за погром на Министерство внутренних дел и, в частности, на генерала Джунковского, которое, якобы покровительствуя немцам, возвращало из ссылки удаленных из Москвы немецких подданных. Это возмутило, наконец, простой народ, и он устроил погром. Московская полиция не сумела ни предупредить его, ни прекратить. Доклад продолжался больше часа и произвел странное, неясное впечатление. Выходило так, что он сам натравливал население на немцев»⁸⁵.

Это же собственно подтверждал и Государь в Своем письме Царице 16 июня: «Юсупов, за которым Я послал, присутствовал на совете по первому вопросу [режима германских и австрийских подданных]; мы немножко охладил его пыл и дали ему несколько ясных инструкций. Забавные были моменты, когда он читал свой доклад о московском бунте – он пришел в возбуждение, потрясал кулаками и колотил ими по столу».

Что касается Государя, то такое же Его поведение мы можем наблюдать перед обнародованием Им Манифеста 17 октября 1905 г., после Убиения Царского Друга 17 декабря 1916 г. и, наконец, 1 и 2 марта 1917 г.; далее же, как говорится, везде. Все эти разновременные события объединяет, несомненно, одна общая нить недоступной нам тайны Царевой.

Но в чем же была причина смелости, вернее даже нахальства, Юсупова, этого весьма недалекого человека?

Думаю, мы не слишком ошибемся, если обратим внимание на то, что у князя был надежнейший «союзник» в лице вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. Судя по недавно опубликованным Ее дневникам, по частоте приемов Юсуповы лишь немногим уступали обер-гофмейстеру Императрицы кн. Г. Д. Шервашидзе или Ее любимой фрейлине З. Менгден. Эти отношения подкреплялись не только родством (невестка князя была внучкой вдовствующей Императрицы), но и тем немаловажным обстоятельством, что Юсупов-старший в 1904–1908 гг. командовал полком, Шефом которого Она была.

А вот неотретушированные мысли Императрицы Марии Феодоровны о немцах, продиктованные отнюдь не одной только войной.

Из письма Вел. Кн. Николаю Михайловичу (7.9.1914): «Если бы можно было поскорее покончить с австрийцами, чтобы смочь бросить все силы на этих проклятых ненавистных германцев, которые ведут себя как самые настоящие варвары и которые, как я надеюсь от всей души, в конце концов будут наказаны. Это такие чудовища, внушающие ужас и отвращение, которым нет подобных в истории. [...] ..Немцы хуже диких зверей Надеюсь ни одного из них не видеть всю мою жизнь. В течение пятидесяти лет я ненавидела пруссаков, но теперь питаю к ним непримиримую ненависть»⁸⁶. (Но произошло, как мы помним, иначе. Именно немцы в Крыму после революции спасли Императрицу Марию Федоровну от бывших Ее подданных...)

Ему же (12.10.1914): «Какие подлецы. Надеюсь никогда в жизни не видеть ни одного, особенно Вильгельма, этого одержимого дьяволом»⁸⁷.

Ему же (19.10.1914): «Дай Господь, чтобы в конце концов они [немцы] были наказаны и чтобы мы с союзниками сокрушили и покончили с этими дьяволами и трижды свиньями»⁸⁸.

Председателю Государственной думы М. В. Родзянко, приехавшему 12 июля 1915 г. в Киев: «Вы не можете себе представить, какое для меня удовлетворение после того, что я пятьдесят лет должна была скрывать свои чувства – иметь возможность сказать всему свету, что я ненавижу немцев»⁸⁹.

(«Традиционная нелюбовь датчан к немцам, “отнявшим” у них Шлезвиг-Гольштейн – иначе говоря, провинциальная узость *маленького* государства (чем меньше государство – тем больше счеты...)), – заметила на полях рукописи этой книги, взявшая на себя труд прочитать ее, филолог-германист Н. А. Ганина.)

Такие же настроения имели место и среди других оппозиционных правящему Императору Членов Дома Романовых. Вызывающе, например, демонстрировал свою германофобию Вел. Кн. Николай Михайлович. Описывая обед в Ставке 4 июля 1916 г., куда он был приглашен Государем, Великий Князь вспоминал: «...Напротив меня оказался бельгийский генерал Риккель. Последний обратился ко мне с вопросом, буду ли я после войны по-прежнему получать “Берлинский листок”. Я громко ответил джентльмену, что не только не буду выписывать газет бошей, но что я твердо решил порвать всякие отношения с обоими кузенами герцогами Баденскими и даже с моей племянницей кронпринцессой Германской. Мои слова, произнесенные хорошо Вам известным тоном, были встречены ледяным молчанием»⁹⁰.

Что касается результатов расследования беспорядков в Москве, то поступили, как обычно: чтобы притушить скандал, как правило, жертвуют меньшим. Был уволен градоначальник ген. А. А. Адрианов и полицмейстер Севенард.

Не был отдан под суд и ни один из участников погрома на том «основании», что, по словам московского городского головы М. В. Челнокова, в противном-де случае «будут говорить: вот как еще немцы сильны, это они мстят за погром...»⁹¹

Несмотря на проведенное впоследствии расследование, подоплека московских беспорядков до сих пор во многом остается загадочной. Некоторые современники задавались вопросами, так до сих пор и оставшимися без четких ответов: «Но все же эту толпу, безразличную, может быть, ко всему, кроме буйства, кто-то поднял и ею кто-то руководил. Какой силе принадлежала невидимая рука, направлявшая действия этой толпы именно в ту сторону, которая могла привлечь к ней симпатии, хотя и скрытые, даже наиболее экспансивной части нашего общества? Кому-то нужны были эти жертвы, разбитые магазины, квартиры и разграбленное в них имущество! Наиболее просто было приписать причину погрома раздражению населения сердца России, накопившемуся у него против немцев. Они нас бьют на фронте, мы их – в тылу»⁹².

Как бы то ни было, одно можно сказать с уверенностью: государственная комиссия четко установила – ни полиция, ни немцы, ни социал-демократы, включая большевиков, ни черносотенцы толпу не поднимали.

Союзники также попытались рассмотреть немецкий погром в Москве со своей точки зрения. В нем они «увидели проявление

раздражения не только против немцев – наших военных противников, но и против иностранцев вообще, не исключая и союзников»⁹³.

В русском образованном обществе, с уст которого и в разгаре войны не сходили призывы к терпимости, равноправию, милосердию по отношению, скажем, к евреям (пресловутое общество «Щит» и т.д.), не нашлось ни словечка в защиту громимых в самом центре Москвы выходцев из Западной Европы, носивших нерусские фамилии.

Только в такой ненормальной обстановке предшествовавшего революции коллективного психоза и могла появиться (в 1916 г.) брошюрка «выдающегося ученого-психиатра» В. М. Бехтерева, название которой, на наш взгляд, свидетельствовало лишь о состоянии самого автора: «Вильгельм – дегенерат Нероновского типа». Для того, чтобы вполне понять, какой же диагноз публично ставил маститый психиатр не обращающему к нему Венценосному пациенту, сделаем из 44-страничной брошюры несколько выписок.

По мнению Бехтерева, личность Германского императора «вполне нормальной со строго научной точки зрения признать было бы трудно».

Доказательства? Склонность Вильгельма II «выставлять себя беззастенчиво исполнителем воли Бога, что граничит уже с бредом». (Все это печатается, напомним, в Российской Империи, где Православная Церковь занимала господствующее положение!)

Но далее...

«Ясно, что если Вильгельм не может быть признан душевнобольным человеком, то он не может быть назван и вполне здоровым, ибо указанные выше особенности его натуры доказывают его неуравновешенность и склонность к ненормальным проявлениям и расстройствам, столь обычным для всех дегенератов».

Эта брошюрка, наряду с другой, пореволюционной статьей, где Бехтерев ставит вполне фантастический (с точки зрения психиатрии) диагноз Г. Е. Распутину («половой гипнотизм»)⁹⁴, а также и позднейший его диагноз И. В. Сталину («паранойя») свидетельствуют лишь о ненормальности самого «выдающегося» ученого.

Даже известный своим антантофильством проф. Е. В. Тарле в предисловии к переписке между Императорами Николаем II и Вильгельмом II в революционно-разоблачительном 1917 г. писал о Германском кайзере: «Перед нами человек, зорко и умело соблюдающий интересы своей родины, ставящий себе точную дипломатическую задачу и неуклонно стремящийся к ее разрешению»⁹⁵.

* * *

Однако наибольшую опасность для России (в том числе и ее строя) да и всей Европы таили некоторые идеи будущего мира, поддерживавшиеся в том числе и некоторыми Членами Дома Романовых.

«На днях, – читаем запись в дневнике Вел. Кн. Николая Михайловича за 17 сентября 1914 г., – писал Имп. Марии Федоровне о моих опасениях за будущее, что надо уже теперь зорко следить за возможностью разных родственных немецких влияний, которые только увеличатся при продолжении войны и дойдут до максимума в последний период, пред окончанием борьбы. Сделал целую графику, где отметил влияния: гессенские, прусские, мекленбургские, ольденбургские и т.д., причем вреднее всех я признаю гессенские на Александру Федоровну, Которая в душе осталась немкой, была против войны до последней минуты и всячески старалась оттянуть момент разрыва. Мне это известно от Сазонова*, которому пришлось действовать энергично против Ее настроения в момент мобилизации. Все это надо современно учесть»⁹⁶.

Пользуясь герmanoфобией вдовствующей Императрицы, Вел. Князь и далее продолжал свои интриги против Императрицы Александры Феодоровны. «...Я опять повторяю, – писал он 28 июля 1916 г., – то, что уже писал Вам в начале этой войны в 1914 г. из Ровно и из Холма. Обратите пристальное внимание на скрытые выходы и нескромные голоса, раздающиеся из королевских домов Германии. Я убежден, что скоро начнутся горькие сетования. Я твердо уверен в этом. То ли со стороны Гогенцоллернов, то ли Мекленбургских и в особенности со стороны Гессенских – но непременно начнутся интриги и проникнут туда, где они надеются найти слабое место. Не правда ли, Вы понимаете меня с полуслова?»⁹⁷

Пытался воздействовать Вел. Князь и на Государя. 13 августа 1916 г. он Ему писал: «...Чем хуже пойдут дела немцев на полях брани и у них дома, тем усиленнее будут натиски их здесь, причем будет пущено в ход все, начиная с родственных связей, до самых подлых обманов. Это мое глубокое убеждение, которое впоследствии

* Речь идет о министре иностранных дел С. Д. Сазонове, известном антантофиле и, в частности, англофиле, о чьих интересах трепетно заботился Великий Князь. За это, в конце концов, этот либеральный политик был отставлен Государем, после чего со стороны «союзников» последовал беспрецедентный демарш. – С. Ф.

могу подтвердить другими фактами. Как на войне применяются всякие пакости, начиная с удушливых газов, бросаний бомб в лазареты и т.д., так и для достижения мира будут пущены в ход все им доступные средства, но, очевидно, исключительно вонючие»⁹⁸.

О том, сколь это проантантовское лоббирование было невыгодно и даже вредно России, говорить не приходится. Достаточно для этого вспомнить слова Г. Е. Распутина, высказанные им еще задолго до начала войны (видимо, и за это тоже его убили): «Ну что мне, если я тебя разобью, покорю; ведь я должен после этого стеречь тебя и бояться, а ты все равно будешь против меня. Это если от меча. Христовой же любовью я тебя всегда возьму и ничего не боюсь».

О будущем, готовившемся Центральной Европе, можно судить по вот этим отрывкам из писем того же Вел. Кн. Николая Михайловича Государю:

(28.4.1916): «Смею думать, что сам милейший Сазонов не всегда обладает даром предвидеть – “*prévoir et puis décider*”*, который явился бы залогом успехов на будущем судилище Германии, составленном из ее нынешних врагов. Аппетиты будут большие. Надо будет считаться не только с европейскими союзниками, но [...], может быть, и с американцами, о которых часто забывают в стенах у Певческого моста**»⁹⁹.

(26.7.1916): «Перехожу к другому вопросу, связанному с планами работ на будущей конференции. Вопрос сводится к следующему: кого следует унижить и расчленить – Австрию или Германию, и каким образом их обезвредить для будущего. У нас склонны раскассировать только Австрию, и все внимание обращено на эту злосчастную Империю. Газеты полны аппетитов на расчленение в пользу России и славянских государств, а про унижение Германии говорят что-то мало – до того дух немцев и жидов силен в нашей прессе***.

Мне кажется, что, говоря о Центральных союзных монархиях, надо все взоры и все усилия сосредоточить на Германии. Если сотворить *полный* раздел Австрии, то получится такая картина: Венгрия станет самостоятельной, возможно, что и Богемия тоже, Галиция и часть Буковины попадут России, Трансильвания, вероятно,

* Предвидеть, а затем решать (*фр.*).

** Т.е. в Министерстве иностранных дел Российской Империи. – С. Ф.

*** В несправедливости последнего утверждения относительно немцев каждый читавший настоящую главу, думаю, смог убедиться. – С. Ф.

Румынии, а все остальное заберут сербы, черногорцы и особенно итальянцы. Что же останется от Австрии? Крайна, Каринтия, Тироль и собственно эрцгерцогство Австрийское. Очевидно, на эти провинции наложит руки Германия, за неимением лучшего, и увеличит свои владения на счет своей союзницы.

Один из дипломатов XIX столетия сказал: “Si l’Autriche n’existait pas – il faudrait la créer”*. Мне кажется, он был прав, так как в центре Европы выгоднее иметь разноплеменную и слабую Австрию, чем сильную Германию. Вот и надо обратиться, в случае полной победы, к унижению и расчленению Германии. Шлезвиг-Гольштейн отдать Дании; Эльзас и Лотарингию – Франции; Люксембург – Бельгии; часть устьев Рейна – Голландии; Познань – Польше; часть Силезии (Саксонскую) и часть Баварии – отдать Австрии; заставить уменьшить флот до минимума, но отнюдь не вторгаться в ее внутренние распоряжки, так как все эти принцы и князья переругаются сами между собой, равно как и бюргеры, и социаллисты, и ученые, и пивовары – словом, все представители “Deutschland über Alles”.

Но этого на бумаге и на словах мало. Исторические примеры бывают полезны и 100 лет спустя. В 1815 году во Франции были оставлены оккупационные корпуса России, Пруссии, Австрии и Англии до 1818 года, т.е. 3 года, пока все не было исполнено и заплачено. Теперь придется сделать то же самое, но уже *в настоящее время сговориться*. По одному корпусу надо будет оставить внутри Германии до исполнения договора: России, Франции, Англии, Италии, Японии, Сербии и Бельгии, итого 7 корпусов»¹⁰⁰.

(27.8.1916): «Вполне согласен с Тобой, что Австрия была зачинщицей войны, что все последние годы ее политика была коварна и подла и что она шла на буксире Германии. Следовательно, она вполне заслужила должное возмездие, и ее расчленение было бы обосновано, как логическое последствие ее двойственной политики. Но насколько Германия была подготовлена к войне, все взвесила, все обдумала до мельчайших подробностей, настолько Австрия была взята врасплох и только слабо могла поддержать свою мощную союзницу, особенно за период 1914 года войны.

Когда немцы стали хозяйничать в Вене и забрали в свои руки все военное дело, Австрия временно оправилась в течение 1915 года, а теперь снова оказалась накануне общего развала и полной

* Если бы Австрии не существовало – ее следовало бы создать (фр.).

дезорганизации. Оно и неудивительно, так как трудно было германцам оживить уже давно разлагающийся труп. Потому, если Австрия и заслужила быть расчлененной, против чего я вовсе и не возражаю, то рядом с этим нельзя делать поблажки немцам и дать им опять возможность что-нибудь заработать в мутной воде. Ведь первой задачей будущего явится общее требование всех союзников ослабить Германию всеми способами настолько, чтобы впредь она больше не могла угрожать миру Европы. А как этого добиться, если она сохранит полностью все свои владения, лишившись, может быть, только Эльзаса и Лотарингии? Правда, колонии она теряет, но Германию надо уязвить в корне, и если с Австрией хотят покончить, то и ее необходимо обезвредить. Вряд ли англичанам удастся лишить Германию всего военного флота, добиться уничтожения крупновских заводов и, если эти требования окажутся неисполненными, то, по моему разумению, ее надо именно обрезать территориально со всех сторон. Потому я и допускал возможность вознаграждения Австрии на счет Германии, но не немцев во вред уже оголенной Австрии»¹⁰¹.

Тут предвосхищение неожиданного выхода в конце войны на сцену США с навязыванием всем воевавшим странам своего арбитража, создание условий для новой мировой войны и даже будущих Нюрнберга и оккупации Германии.

И, не случись в феврале 1917 г. в России переворота, трудно бы пришлось при заключении мира Императору Всероссийскому. По существу Он едва ли не один (и на мировой арене, и в Своей стране) должен бы был противостоять всему этому хорошо продуманному и организованному напору безумных разрушителей Европы, во что бы то ни стало пытавшихся избавить строгую ее политическую архитектуру от организовывавших ее скреп. Ведь можно поручиться, что такой план был органически чужд нашему Царю-Мученику.

* * *

Обращают на себя внимание также некоторые тенденции, обнаружившие себя при организации акций очищения Москвы от лояльных «внутренних немцев». Выявлены они были в ходе расследования сенаторами майского погрома. Так, по словам сенатора Н. С. Крашенинникова, высылка женщин – бывших российских подданных, независимо от того, состояли они в браке с германскими гражданами или уже расторгнули его, обосновывалось их общей *виной* перед Россией»¹⁰². Суть этой «вины» прояснил в своих за-

писках другой сенатор – Н. П. Харламов: эти женщины «приняли в себя немецкое семя»¹⁰³.

Однако наиболее позорные факты «борьбы с немецким засильем» все еще малоизвестны, хотя и обнародованы частично. Они не могли не быть известны Федору Артуровичу, поскольку проходили на его глазах...

Речь идет о выселении немцев непосредственно из фронтовой полосы. Причем не просто о немцах, а о подданных Российской Империи.

В июне 1915 г., почти под занавес своей недолгой карьеры, начальник штаба Верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевич, не стесняясь в выражениях, буквально в следующих словах приказывал главным начальникам Киевского и Одесского военных округов: «...Выселить в кратчайший срок немецких колонистов, проживающих в пограничных губерниях названных военных округов» с целью ликвидации «готовой базы для германского нашествия»; «...надо всю немецкую пакость уволить, и без нежностей, наоборот, гнать их, как скот»¹⁰⁴.

Во второй половине июня 1915 г. главнокомандующий армией Юго-Западного фронта ген. Н. И. Иванов «дал распоряжение главному начальнику Киевского военного округа взять из числа немцев-колонистов заложников, большей частью учителей и пасторов, заключив их до конца войны в тюрьмы (соотношение: 1 заложник на 1000 человек населения). Также предписывалось реквизировать у населения колоний все продовольствие, оставив лишь небольшую часть до нового урожая, а в места компактного проживания немцев поселить беженцев. За отказ выполнить это распоряжение заложникам угрожала смертная казнь. Это редчайший в истории пример, когда заложников брали из числа собственного населения»¹⁰⁵. После октября 1917-го этот уникальный пример распространился на все коренное население...

Вообще, летом и осенью 1915 г., по свидетельству историков, знакомившихся с сохранившимися документами, «в полосе Юго-Западного фронта предпринимались неоднократные попытки расширить масштабы депортаций в географическом и численном отношении. [...] По ходатайству командующего 8-й армией генерала от кавалерии А. А. Брусилова западнее Сарн, Ровно, Острога, Изяслава с 23 октября проводилась высылка тех немцев-колонистов, которые по решению Особого совещания до сих пор оставались на местах: стариков старше 60 лет, вдов и матерей погибших

на фронте, инвалидов, калек, в том числе слепых. Генерал утверждал, что они, “несомненно, портят телеграфные и телефонные провода”. В трехдневный срок высылалось 20 тысяч человек. Выселение колонистов производилось исключительно при поддержке войск, нередко сжигавших и грабивших не только колонии, но и небольшие города. Столкнувшись с такого рода трудностями, многие воинские начальники старались как-то сбить накал анти-немецких страстей...»¹⁰⁶

Заметим, что такие действия ген. А. А. Брусилова проистекали не в последнюю очередь из его опыта общения с семьей первой его жены Анны Николаевны, урожденной Гагенмейстер – немцами-лютеранами из Эстляндии¹⁰⁷. При этом подчеркиваемые им «свои чисто русские, православные убеждения и верования», напомним, нисколько не мешали генералу одновременно серьезно заниматься оккультизмом. Еще в предвоенную пору, используя этническую принадлежность своего непосредственного начальника, Варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского военного округа генерал-адъютанта Г. А. Скалона и его супруги, Алексей Алексеевич пытался активно интриговать, не брезгуя кляузами¹⁰⁸. Чуткий и благородный Государь, до Которого дошли эти гнусные жалобы, при встрече с А. А. Брусиловым поручил ему кланяться Г. А. Скалону. «Это меня крайне удивило и оскорбило»¹⁰⁹, – признавался так ничего и не понявший генерал.

Знакомясь со всеми этими вопиющими фактами, нельзя не прийти к выводу, что всем тем шокирующим нормального человека безобразиям и преступлениям русского человека (в том числе и «человека с ружьем») к 1917 году уже научили. Заложники, реквизиции, доносы, грабежи, высылки, конфискации частных предприятий с последующей передачей их под государственный контроль, переименования населенных пунктов – всё это впоследствии уже предельвалось привычно и на вполне «законных» основаниях.

* * *

Действия совершавших все эти преступления людей опирались на целую систему представлений, позволявших им мнить себя монархистами и, более того, даже верноподданными.

«...Любить Царя Русского отдельно от России, – утверждал в 1855 г. И. В. Киреевский, – значит любить внешнюю силу, случайную власть, а не Русского Царя: так любят Его раскольники и курляндцы. [...] ...Русскому бывает так противно, когда немец распро-

страняется о своей преданности к Царю, – до чего немцы часто большие охотники при встречах своих с русскими. Русскому почти также смутно на сердце слушать эти уверения немца, как ему тяжело слушать всегдашние уверения самых безсовестных и корыстных чиновников о их безкорыстном уважении к законам. [...] ...Он боится этой наружной преданности немцев, смутно понимая, что за связь с ними таится и Самозванец, и Бирон, и вся насильственная ломка его старинных нравов и родных обычаев... [...] ...Русского Царя не может любить человек, держащийся другого исповедания, разве любовью вредною для Царя и для России...»¹¹⁰

Ивану Васильевичу вторил И. С. Аксаков. В 1857 г. в Крыму он пытался развивать те же идеи перед К. Н. Леонтьевым: «Остзейские бароны и другие *наши* немцы внушали покойному Государю следующую мысль. Для коренных русских нация русская, русский народ дороже, чем Вы. Нам же нет дела до русской нации; мы знаем только Вас, *Государя* – вообще. Мы не русской нации “хотим” служить; мы *своему* Государю хотим быть верными. Но так как наш Государь есть в то же время и Российский Император, то, служа Вам верой и правдой, мы служим России»¹¹¹. По словам К. Н. Леонтьева, И. С. Аксаков находил такие рассуждения немцев «ложными и вредными для России», поскольку «русский народ доказал на деле *не раз* свою “*потребность*” [sic!] в *Самодержавии* и без всяких немцев»¹¹².

В рассуждениях обоих славянофилов под небрежно наброшенными хламидами почвенников явственны мотивы чисто западного происхождения: «естественного права» и «общественного договора». Для того, чтобы они стали более явны, приведем еще несколько мыслей И. В. Киреевского из процитированного нами сочинения. Он считал, например, что непременно должны быть «причины [sic!], для которых Россия хочет иметь Царя», что именно «общей доверенностью народа [sic!] особенно прекрасно достоинство Царское в России», «оправдать [sic!] эту доверенность – в этом вся задача Царствования»¹¹³. А если народ «не хочет» или «не имеет доверенности», а Царь «не оправдает» ее, то, стало быть, и не надо никакого Царя? Народ, выходит, важнее Помазанника Божия?.. И потому, по Киреевскому, «без любви к Отечеству можно раболепствовать перед Царем и уверять Его в преданности, но нельзя любить»¹¹⁴. При этом он почему-то забывает, что любовь *с условием* не может быть искренней. Любовь безоглядная – не любовь по расчету.

По-иному понимал дело современник славянофилов, выпускник Морского корпуса, дед по материнской линии А. А. Ахматовой, сам не чуждый литературных занятий, Э. И. Стогов (1797–1880). В 1819 г. в Иркутске ему представился случай беседовать с генерал-губернатором Сибири М. М. Сперанским. На вопрос Михаила Михайловича: а что вы все были там патриоты, в Морском корпусе? – тут же последовал ответ:

– Да, мы очень любим Государя.

– А Россию?

– Да как любить, чего не знаешь; вот я еду более года и все Россия, я и теперь ее не знаю¹¹⁵.

Ответ безхитростный, сделанный без всякого расчета*. Он естественно вытекал из самой жизни морского офицера. Да, будучи в корпусе, он и «естественное право» изучил, и теорию «общественного договора» знал. Но гораздо ближе и понятней был ему пример его отца, судившего, в рамках патриархальной традиции, крестьян *по справедливости*, а не *по закону*. И эти неписанные, традиционные законы имели полное право на существование в качестве *обычного права*. Для Э. И. Стогова, его отца и многих других трезвомыслящих верноподданных не существовало «проклятых вопросов». Воля Монарха, в их понимании, сама по себе была законом¹¹⁶. Монарх и Его земля/страна; Монарх и Его народ/подданные – это всё *одно*. И никаких *отдельных* интересов, никаких *если*...

Какие принципы оказались прочней – показал 1917 год.

А что касается русских и немцев...

Однажды, за несколько лет до начала войны Германский Император Вильгельм II посетил 13-й гусарский Нарвский полк, шефом которого состоял. Обезжая строй, он задал вопрос: «За что полк получил Георгиевский штандарт?» Последовал четкий ответ: «За взятие Берлина, Ваше Величество»**. Кайзер тоже не растерялся: «Это очень хорошо, но все же лучше никогда больше этого не повторять!»¹¹⁷

* Век спустя, в декабре 1918 г., это повторит русский крестьянин. На вопрос М. М. Пришвина «о невидимой России» он ответил: «Это далеко – я не знаю, а село свое насквозь вижу..» (*Пришвин М. М. Дневники 1918–1919. Кн. 2. М., 1994. С. 203*).

** Две серебряных трубы с надписью «За взятие Берлина, 1760 год» было и у 85-го пехотного Выборгского Его Императорского и Королевского Величества Императора Германского, Короля Прусского Вильгельма II полка.

23 августа 1915 г. на западной границе, у местечка Жмуйдки застава русских конногвардейцев под командой корнета Э. В. фон Рентельна* атаковала разъезд немецкого 24-го Лейб-драгунского полка. На погонах зарубленных германских офицеров ясно были видны вензеля Императора Николая II – Августейшего Шефа полка¹¹⁸.

Для сравнения: с началом войны в наших полках шефство Германского и Австро-Венгерского Императоров, а также прочих германских владетельных лиц было отменено.

В то самое время, когда в Москве громили немцев, молодой артиллерийский офицер Федор Августович Степун, будущий известный философ, сын выходца из Восточной Пруссии, владевшего обширными землями между Тильзитом и Мемелем, писал матери с фронта: «...Слова о “Святой Руси” никогда не станут пустым звуком, ибо подлинно верно, что всю Россию “в рабском виде Царь Небесный исходил благословляя”. Но верно и то, что в недрах народных таится еще много вулканической, языческой мистики, а где-то и темный звериный лик. [...] Германской сестры грозит опасность критического окаменения. Над русским откровением повисает сумрак хаоса и безсовестности. Спасение Германии в России. Спасение России в Германии»¹¹⁹. Ту же мысль высказал в газетном интервью в июле 1920 г. выдающийся шведский путешественник Свен Гедин: «Будущее Германии находится в России»¹²⁰.

Высланный в 1922 г. в Германию на «корабле философов» Ф. А. Степун, по словам Л. Аннинского, «получил возможность думать дальше над проклятым вопросом: если спасение Германии в России, а спасение России в Германии, то что за сила бесовская сталкивает в войнах два народа, созданных для сотрудничества?»¹²¹

В 1924 г. офицеры одного из Прусских полков, Шефом которого был Император Николай II, «воздвигли Ему на чрезвычайно

* Эвальд Вольдемарович фон Рентельн (1893–после 1946) – офицер Л.-Гв. Конного полка. Штабс-ротмистр. Участник гражданской войны. Служил в офицерской роте Балтийского полка; в Северо-Западной армии. Ротмистр. В эмиграции в Польше. С началом Русской кампании (22.6.1941) поступил на службу в Германскую армию. Командир 360-го казачьего полка (с 5.11.1942); затем – бригады в 15-м казачьем корпусе). В 1943–1944 гг. казаки под его командой сражались на Западе против англо-французских войск, пробившись в августе 1944-го с побережья Бискайского залива в Германию. Заключен в советский лагерь в Прокопьевске (с 1945), затем – в Новосибирске. Скончался в заключении.

почетном месте достойный памятник»¹²². – Первый памятник Русскому Царю-Мученику в... Германии. От воевавших с Россией немцев!

До сих пор остаются верными, хотя и неисполненными, слова оклеветанного германофобами, и, прежде всего, Великим Князем Николаем Николаевичем, Военного министра Российской Империи генерала В. А. Сухомлинова, которому Царственные Узники посчитали необходимым в Петропавловскую крепость из Тобольска – из тюрьмы в тюрьму – передать Свое благословение:

«Начинающееся на моих глазах мирное, дружественное сближение России и Германии является основной предпосылкой к возрождению русского народа с его могучими действительными силами. Русский народ молод, силы его неисчерпаемы.

Русские и немцы настолько соответствуют друг другу в отношении целесообразной, совместной продуктивной работы, как редко какие-нибудь другие нации.

Но для сохранения мира в Европе этого было недостаточно – необходим был тройственный союз на континенте. Вместе все это создавало почву для предопределенной историей коалиции: Россия, Германия и Франция – коалиции, обеспечивавшей мир и европейское “равновесие”, угрожавшей лишь одной европейской державе – Англии. Эта угроза заставила ее взять на себя инициативу создания другой, более выгодной ей коалиции – “entente cordiale”. Альбион не ошибся в своих расчетах: два сильнейших народа континента лежат, по-видимому, беспомощно поверженными в прах. Одно лишь упустил из виду хладнокровно и брутально-эгоистически рассчитывающий политик: ничто не объединяет людей так сильно, как одинаковое горе»¹²³.

*Катастрофе который год,
Но земля продолжает спор,
Обнажая то хмурый дот,
То имперский свастичный пол.*

*Мы вернем журавлиный клин,
Солнца пламень, грозы раскат...
Полной грудью вздохнет Берлин,
Полной грудью вздохнет Москва*.*

* Алексей Широпаев. Европа.

С ЦАРЕМ ВО ГЛАВЕ

Главным центром германофобии по отношению к русским немцам, как мы уже убедились, была Ставка с Великим Князем Николаем Николаевичем во главе. Переоценка им своих способностей привела его, в конце концов, к крупным военным просчетам (о них мы еще поговорим), а попытка оправдаться (или даже, если угодно, отвести от себя обвинения) – к раздуванию шпиономании и германофобии. Совершенные им на этом пути просчеты граничили с преступлениями, вели к трагическим ошибкам, носившим, к несчастью, необратимый характер.

Все развивалось вопреки опубликованному еще до войны, основанному на опыте японской кампании, предупреждению: «Надо опасаться легенд о шпионах – они разъедают то доверие друг к другу, которым сильно государство... [...] Сеется страх перед шпионами; создается какая-то тяжелая атмосфера общего предательства; в народной массе ежедневно тщательно культивируется тупая боязнь; а страх измены – нехороший страх; все это свидетельствует прежде всего о растущей неуверенности в своих силах... [...] Ум человеческий отказывается искать простых объяснений грозным явлениям. Серьезные неудачи порождают всегда и большие суеверия. В числе таковых, тесно связанных с поражением, наиболее видное место занимают суеверия о шпионах... [...] Жертвы нужны – человеческие жертвы – объятому страхом людскому стаду»¹.

Знаковым событием было здесь т.н. дело подполковника С. И. Мясосдова, первую скрипку в котором составлял трогательный дуэт личного врага Государя А. И. Гучкова и Царского дяди Вел. Кн. Николая Николаевича. Завершилось оно по приговору военно-полевого суда 20 марта 1915 г., как известно, казнью невиновного. (Последнее подтверждается ныне практически всеми специалистами².)

Проявления шпиономании были и в Германии, но там она, как таковая, не поощрялась властями, тем более Верховным Главнокомандованием (упоминание о шпионах в прессе было даже запрещено³).

Ярко выраженная, причем еще довоенного происхождения, германофобия привела к ужасным последствиям. Для того, чтобы хоть как-то оценить их, достаточно обратиться к письмам Государыни того времени:

(18.6.1915): «...Обсуждали немецкий и еврейский вопросы, как неправильно все это велось, и распоряжения Н.* и генералов: напр., их способ обращения с *Экснаппе*. Я желала бы, чтобы у других был такой здравый смысл».

(23.8.1915): «Ставка отдала приказание, чтобы все офицеры с немецкими фамилиями, служащие в штабе, были отосланы в армию. Это касается и мужа Али, хотя *Пистолькорс* имя шведское, и у Тебя вряд ли имеется более преданный слуга. По-Моему, опять все неправильно сделано. Надо было бы, чтобы каждый генерал деликатно намекнул им вернуться в свои полки, так как им надо побывать на фронте. Все у нас делается так грубо!»

(29.8.1915): «...Запрети это немилосердное преследование баронов!»

(1.9.1915): «...Они [думцы] все продолжают преследовать немецкие имена. *Шербатов* [министр внутренних дел] обещал Мне быть справедливым и не вредить им. Теперь же он подчиняется желаниям *Думы*, увольняет всех с немецкими именами [...] Все честные люди, притом истинно русские, изгоняются, – почему, дружок, Ты дал на это Свое согласие? – Скорее смени его. Мы наживем Себе столько врагов вместо верноподданных. Ошибки, сделанные им за один день, придется исправлять годами».

(10.9.1915): «Вот опять некрасивая вещь про Н., которую Я обязана Тебе сказать. Все бароны послали В. Рейтерна к Н. в *Ставку*. – Он просил от имени всех их прекратить преследования, потому что они больше не в состоянии переносить. Н. отвечал, что он с ними согласен, но ничего не может сделать, так как приказания идут из Царского Села. [...] Это необходимо выяснить. Такая ложь не должна лежать на Тебе. Им надо объяснить, что Ты справедлив к тем, кто лоялен, и никогда не преследуешь невинных».

(11.9.1915): «...Как дать знать баронам, что Н. передал им *великую ложь*, будто он получил приказание из *Царского* преследовать баронов, – это нужно выяснить тонко и умело».

Подобно московским погромщикам, Великий Князь, похоже, не различал ни правого, ни виноватого, ни немца, ни шведа.

«Волновалась и армия, – подтверждал ген. А. И. Деникин. – Так что Верховный главнокомандующий счел себя вынужденным отдать приказ, призывавший не верить необоснованным слухам и обвине-

* «Н.», «Николаша» – так в Царской переписке обозначается Вел. Кн. Николай Николаевич. – С. Ф.

ниям. Но вместе с тем ввиду упорно ходивших в армии разговоров, что “немцы пристраиваются к штабам”, Ставка отдала секретное распоряжение – лиц с немецкими фамилиями отчислять в строй»⁴.

Военный министр ген. В. А. Сухомлинов вполне определенно предупреждал начальника штаба Верховного главнокомандующего ген. Н. Н. Янушкевича: «...Ненависть к немцам может быть использована агитаторами для такого рода выступлений в войсках, с которыми придется очень считаться»⁵.

Но Великий Князь и его подчиненные, как до этого поддерживаемый Ставкой кн. Юсупов, продолжали гнуть свою общую линию. Недаром на заседании Совета Министров 29 мая 1915 г. (в связи с событиями в Москве) Н. А. Маклаков «горячо говорил о путанице власти ввиду вмешательства Ставки о всех и за вся». Сразу же вслед за этим следовала многозначительная, особенно в устах министра внутренних дел, фраза: «Напоминает бунт 1905 г.»⁶

При таких обстоятельствах следует признать большим везением, что, по словам ген. А. И. Деникина, «крупных столкновений в армии на этой почве... не произошло, бывали лишь мелкие эпизоды. [...] Вообще, наш офицерский корпус ассимилировал так прочно в своей среде инородные, по происхождению, элементы, что Русская Армия не имела оснований, за очень малым, может быть, исключениями, упрекнуть в чем-либо своих иноплеменных сочленов, которые точно так же, как и русские, верно служили и храбро дрались»⁷.

Это была прямая дорожка не только к майскому погрому в Москве, но и к другим волнениям в тылу и на фронте, подобным, например, волнениям на линкоре «Гангут», среди лозунгов которого были и такие: «Долой немцев!» и «Да здравствует Россия!»⁸

Инспирированное Вел. Кн. Николаем Николаевичем дело С. И. Мясоедова повело к дальнейшей эскалации подозрительности общества, причем недвусмысленно четко ориентированной. «Впервые русское общественное мнение, – писал известный русский исследователь проф. Г. М. Катков, – как бы получило официальное подтверждение немецкого влияния в высоких правительственных кругах. Позиция Гучкова, по видимости, полностью оправдывалась. Все было подготовлено для решительного выражения недоверия правительству»⁹.

Лживость подобных умозаключений подтвердил начальник Германской разведывательной службы полковник Вальтер Николаи, задержанный спецгруппой НКГБ в 1945 г. в Тюрингии. Вот что показал он на Лубянке:

«Вопрос: Имелась ли у Вас агентура из среды правительственных кругов Царской России?

Ответ: Такой агентуры разведывательная служба Германии не имела. В основном агентура имелась из низших слоев населения, не обладавшая положительными качествами в своей работе. [...]

Вопрос: В России, как известно, до первой мировой войны проживало значительное количество немцев, занимавших более или менее видное положение в русской промышленности, в финансовых и технических кругах, а также в армии. Разве вам не были известны тайные агенты из этой среды, действовавшие в интересах Германии?

Ответ: Такой агентуры я не знал»¹⁰.

Реальным сообществом, из которого действительно рекрутировались шпионы, были евреи прифронтовой полосы. Что бы ни утверждали их соотечественники и нынешние политкорректные историки, а имеется все же неоспоримое свидетельство помянутого главы Германской разведки полковника В. Николаи, работодателя этих самых подзащитных:

«Вопрос: ...На страницах 48 и 49 книги “Тайные силы” Вы описываете положение в России и о мобилизации Русской армии согласно полученным сообщениям от агентуры, о чем было доложено Германскому Императору. Такое сообщение агентура из низших слоев населения дать не могла. А что Вы теперь скажете?

Ответ: По этому конкретному случаю я помню, что сообщение о мобилизации Русской армии было получено от рядового агента, еврея, нелегально перешедшего границу из России в Германию. Этот агент доложил офицеру германской разведки в городе Кёнигсберге.

Вопрос: В книге “Тайные силы” Вы на странице 30 и других указываете, что германская разведслужба имела благоприятные условия для вербовке агентуры в русской пограничной полосе из лиц еврейской национальности. Вы своими показаниями противоречите выпущенной Вами книге.

Ответ: Да, это верно, еврейское население, проживающее на границе, в России действительно разведка использовала для агентурной работы в пользу Германии, и в книге это отражается. Но должен пояснить, что это были низшие слои еврейского населения, не обладавшие большими возможностями для разведывательной службы, а представляли малозначительные сообщения о России»¹¹.

Вел. Кн. Николай Николаевич, как и любой другой на его месте, не мог не обратить на это обстоятельство внимания, однако дей-

ствия, предпринятые им – написанные в утрированной форме «весьма секретные» директивы*, и, наконец, приказ очищения прифронтовой полосы от евреев, – принесли гораздо больше вреда, чем пользы. Достаточно сказать, что Великий Князь своими действиями фактически разрушил черту оседлости**, перенеся весь горючий революционный элемент в глубины Российской Империи (чего мировое еврейство тщетно добивалось не один век).

В кулуарах Думы в августе 1915 г. говорили, что «черту оседлости отменил Вильгельм»¹². Более того, «тыловые власти выселяли из Галиции тысячи и десятки тысяч австрийских [sic!] евреев во внутренние губернии...»¹³

Заседание Совета Министров от 6 августа 1915 г. по этому вопросу проходило в обстановке растерянности. Приведем несколько выписок из сделанных по ходу его записей¹⁴:

С. В. Рухлов (министр путей сообщения): «Захватно уничтожится черта оседлости. Никак не выгонишь обратно».

Кн. Н. Б. Щербатов (министр внутр. дел): «Казачество обозлять нельзя и не допускать в казачьи области... [...] Министерство финансов – евреи почитают под своим давлением».

А. В. Кривошеин (министр землеустройства и земледелия): «Нельзя вести войну с Германией и евреями сразу. Надо разделить эти войны».

Кн. Н. Б. Щербатов: «Медлить нельзя. Двигается масса евреев».

Нет, не зря Государыня в письме предупреждала Императора (4.5.1915): «Смотри, чтоб истории с жидами велись осторожно, без излишнего шума, чтобы не вызвать беспорядков в стране».

Десятки «благотворительных» обществ, под плач и стенания «русской» прессы и общественности, стали собирать и передавать на обустройство «вынужденных беженцев» немалые средства, закрепляя еврейские колонии на новых, о которых еще недавно они и не смели мечтать, внутренних русских землях. Ловко подставив

* «Местные еврейские девушки занимаются шпионажем в пользу противника. Шифры австрийских штабов они носят в подвязках и бюстгалтерах. Многие из них надевают чулки со стрелками» (*Власов Л Маннергейм*. М. 2005. С. 122).

** Ввиду чрезвычайных обстоятельств военного времени евреям разрешалось жить в городах, вне черты оседлости, за исключением столиц и местностей, находящихся в ведении министров Императорского Двора и Военного.

свои спины под казацкие нагайки, обитатели «черты оседлости» получили пропуск в русское будущее. Помните героя фамусовского монолога в «Горе от ума» А. С. Грибоедова:

Упал он больно, встал здорово .

Дар Ставки евреям пришлось как нельзя кстати. На это обратил внимание на упомянутом выше заседании Совета министров С. В. Рухлов: «Берем на себя тяготу евреев, которые уходят из Польши из боязни автономии»¹⁵. Автономии же (и даже независимости) Польше после войны обещали предоставить и русская, и германская стороны. Так что, чья бы не взяла, предстало жить в Польше. Один же на один с поляками евреям было не житье. Бороться вместе против русских – куда ни шло; а жить – покорно благодарим...

Само же выступление Сергея Васильевича Рухлова 6 августа 1915 г., спокойное, продуманное и правдивое*, достойно того, чтобы привести его полностью:

«Не считаю себя вправе заявлять разногласие и переносить бремя разрешения столь кардинального вопроса на Русского Царя. Но не могу и молчать. В сущности говоря, допущение евреев к свободному жительству, хотя бы только в городах, за чертой оседлости является коренным и безповоротным изменением исторически сложившегося законодательства, имеющего целью оградить русское достояние от еврейских захватов, а русский народ – от разлагающего влияния еврейского соседства. Одним росчерком пера разрубается вопрос, к которому даже первая Государственная дума не посмела приступить. В два-три дня разрушается одна из основ национальной политики, руководившей государственною властью в течение многих лет. Вы оговариваете, что льгота даруется только на время войны. Простите меня, но такая оговорка ничто иное, как фиговый листик, успокоительная иллюзия. Неужели же вы серьезно думаете, что после войны можно будет снова погнать евреев обратно за черту оседлости. Само собою очевидно, что это немыслимо: не найдется такой власти, которой это было бы по плечу. Нет, надо открыто признаться, что своим постановлением Совет Министров предрешает все дальнейшее направление еврейского вопроса в России и что это

* За то, наверное, не привлекавшийся ни к какой ответственности даже февралистами, он был 19 октября 1918 г. без всяких сантиментов убит большевиками у горы Машук под Пятигорском

постановление неизбежно повлечет за собою в ближайшем будущем необходимость новых уступок по пути равноправия. И все это производится под давлением еврейской мощны! Не правительство считает нужным, а его заставляют, пользуясь критическими обстоятельствами, переживаемыми родиною. Русские мрут в окопах, а евреи будут устраиваться в сердце России, извлекать выгоды из народного бедствия и всеобщего разорения. А как на это взглянет и армия, и весь русский люд? Есть ли гарантия, что не будет кровавых последствий. Ведь слухи о еврейском предательстве далеко не сплошная клевета. Ни для кого не секрет, что большинство шпионов принадлежит к избранному племени. Еще только два слова. Мы хорошо знаем, как Польша в качестве черты оседлости страдала от еврейского засилья. Теперь мы эту тяжесть хотим перенести на исконные русские земли. Поверьте, евреи никогда не вернуться в Польшу, ибо побоятся поляков, которые, став после автономии хозяевами своей местной жизни, не пустят эту саранчу. Повторяю – разногласия я не вправе делать, но откровенно заявляю перед Советом Министров, что душа не приемлет. Засим замолкаю»¹⁶.

Что касается «борьбы с немецким засильем» и шпиономании, то, к сожалению, все эти указанные нами настроения имели хождение вплоть до последних дней существования Российской Империи, даже после того, как Царь взял Главное Командование над Армией в Свои руки. Отравленные этими ядами люди с трудом поддавались исцелению от приобретенных ими ранее тяжких недугов. В докладе начальника контрразведывательного отделения подполковника Тишевского от 16 ноября 1916 г. читаем: «...Прибалтийское немецчество, будучи вкраплено в чужую народность и отделено от родной земли поляками и литовцами, не имея возможности освежать себя родной немецкой кровью, не только не потеряло... немецкого образа, не смешалось и не ассимилировалось с другими народностями, но даже наоборот, наиболее прочно сохранило немецкие нравы, немецкий язык, немецкую культуру и чистоту немецкой крови... распространив ее корни на всю Россию...»¹⁷

Немногие могли видеть очевидное. Так, побывавший в апреле 1915 г. в Риге барон Н. Н. Врангель писал: «Госпитали в Риге – выше всяких похвал, с тем изумительным благоустройством и заботливостью, которая может быть только у немцев. Вообще, должен отметить даже слишком подчеркнутое старание местных организаций идти на помощь нашим воинам. Не сомневаюсь, что в душе заядлые немцы-балтийцы – все же вполне русские, хотя бы потому,

что они слишком несмелы и мелочны, чтобы решиться на измену стране, коей они считаются подданными»¹⁸.

В Прибалтийских губерниях немецкому элементу, как известно, издавна противостояли латыши и эстонцы. «Борьба с германским засилием» проявлялась здесь в заигрывании с местным «коренным» населением, проводившимся здесь недальновидными русофилами, начиная еще с эпохи Императора Александра III.

«Старинная вражда между местным немецким населением и латышами, – свидетельствовал назначенный особоуполномоченным по гражданскому управлению Прибалтийского края ген. П. Г. Курлов, – разгорелась до значительных размеров. Со стороны латышей сыпалась масса обвинений на своих противников не только за их чрезмерную любовь к германцам, но и за шпионство и даже за государственную измену»¹⁹. Одним из самых энергичных сторонников формирования отдельных латышских частей, ведший в этом направлении усиленную агитацию в столице Империи и Ставке, был бывший волостной старшина Курляндской губернии, думец Гольдман (разумеется, не латыш и не немец). Другим возмутителем спокойствия был генерал Н. М. Потапов, после февральского переворота 1917 г. ставший на сторону революции. Он произносил речи «о мощи латышского народа и его выдающейся роли в войне с Германией. Латыши поднесли ему почетную саблю»²⁰. На запрос начальника штаба ген. М. В. Алексеева ген. П. Г. Курлов ответил, что он считает такие формирования «недопустимыми и с точки зрения государственной весьма опасными. По окончании войны, каков бы ни был ее исход, существование таких национальных войск в местности, обьятой племенной ненавистью между отдельными частями населения, вызовет для государства серьезные осложнения»²¹.

Точно так же считала и Государыня. В письмах Своих Она не раз напоминала Государю о расформировании этих частей (о чем, несомненно, у Них был обстоятельный разговор): (29.8.1915): «Не забыл ли Ты разослать *латышские* дружины по полкам?»; (4.9.1915): «А как обстоит дело с *дружиной* латышей?»

Оборотной стороной германофобии было у нас, как известно, славянофильство. Начиная с июля 1914 г., на уровне Совета Министров Российской Империи стал обсуждаться вопрос о формировании особых добровольческих воинских частей из оказавшихся в русском плену чехов²². Тогда же, в июле 1914-го, Совет Министров решил наем большого числа желтых (главным образом китайских) рабочих для нужд казенных предприятий Российской Империи²³.

Таким образом, борясь против засилия остзейских баронов, многие из которых в роковом 1917-м и позднее на деле, часто с оружием в руках, доказали верность присяге Государю Императору, мы создавали латышские воинские формирования (против которых решительно выступала Императрица) и чешские военные дружины из австро-венгерских военнопленных. Безпокоясь о безперебойной работе предприятий и заготовке древесины, открыли дорогу в страну китайцам. Итог известен: «латышские стрелки», на штыках которых держался кровавый режим большевиков в России; прославившиеся своими зверствами китайские интернационалисты; белочехи, предавшие, спасая свою шкуру, на верную смерть адмирала А. В. Колчака, а заодно выкравшие золотой запас Российской Империи, пустив его на строительство управляемой масонами Чехословацкой республики.

В годы гражданской войны на территории Российской Империи известны немецкие (отечественные и германские) монархические военные формирования. Ни одного подобного латышского или эстонского мы назвать не можем. Зато хорошо помним красных латышских стрелков. Примечательно, что жители коренных русских губерний, до революции и слыхом не слыхавшие о латышах, стали называть этим именем всех вообще нерусских интернационалистов, подобно еврейским и венгерским убийцам Царственных Мучеников.

* * *

Весьма точно передал черты характера Вел. Кн. Николая Николаевича близко с ним сотрудничавший ген. В. А. Сухомлинов. По его словам, Великий Князь обладал «ограниченными духовными качествами, злым и высокомерным характером», «предпочитал работу за кулисами и становился, таким образом, безответственным перед общественным мнением»²⁴. Не зря в Армии он получил прозвище «Лукавый». Особую опасность в связи с этим представляло чрезмерное честолюбие Николая Николаевича и жажда власти. Черты эти не ускользнули от внимания Императрицы Александры Феодоровны и Царского друга Г. Е. Распутина; от тех, кто бывал в Ставке...

«Мания величия Великого Князя, – писал, например, Военный министр ген. В. А. Сухомлинов, – дошла до того, что он стал вмешиваться в дела Совета Министров. [...] Вскоре началось паломничество в Ставку лиц, никакой связи с задачами и обязанностями верховного командования не имевших, но искавших лишь

предлога для поездки туда. Николай Николаевич был ведь все-сильным человеком!»²⁵

Однако не эти перечисленные нами, сами по себе вопиющие, факты самоуправства Великого Князя на посту Верховного главнокомандующего, инициатор которых к тому же тщательно скрывался, заставили Государя Императора прийти к твердому решению отстранить Великого Князя с поста Главнокомандующего. Дело в том, что к лету 1915 г., по словам русского военного историка А. А. Керсновского, «на Россию надвинулась военная катастрофа»²⁶.

Еще в самом начале мая 1915 г., когда, по словам капитана 13-го Лейб-Гренадерского Эриванского полка К. С. Попова, «фронт был прорван, произошел эпизод, о котором русский народ никогда ничего бы и не узнал, не случись революция и не окажись опубликованными интимные письма Государя и Государыни»²⁷.

А произошло вот что. Государь приехал в Ставку 5 мая, а с возвращением в Царское Село все медлил. «...Мог ли Я, – писал Он 11 мая в письме Государыне, – уехать отсюда при таких тяжелых обстоятельствах. Это было бы понято так, что Я избегаю оставаться с Армией в серьезные моменты. Бедный Н[иколаша], рассказывая Мне все это, плакал в Моем кабинете и даже спросил Меня, не думаю ли Я заменить его более способным человеком. Я нисколько не был возбужден, Я чувствовал, что он говорит именно то, что думает. Он все принимался Меня благодарить за то, что Я остался здесь, потому что Мое присутствие успокаивало его лично».

(И случай этот был не единственным. Побывавший в начале сентября 1914 г. в Ставке ген. М. В. Алексеев был «поражен царящей там неурядицей, растерянностью и унынием. Оба, и Николай Николаевич и Янушкевич, растерялись от неудач Северо-Западного фронта и не знают, что предпринять»²⁸.)

Между тем фронт все продолжал оседать. «22 июля, – пишет К. С. Попов, – была оставлена Варшава. Говорили, что армия задержится на линии крепостей Ковно–Брест–Литовск. Но Ковно было оставлено, форты же Бреста были взорваны, когда немцы еще не подошли к крепости, при этом были уничтожены большие интендантские запасы, которые не успели эвакуировать. Неприятель подходил к Западной Двине. Была объявлена спешная эвакуация Риги с ее крупной промышленностью, ожидали, что австро-германцы из Галиции пойдут на Киев. Не видно было рубежа, на котором задержалась бы Армия. Вот обстановка тех трагических дней, когда Государь принял решение стать Самому во главе Армии»²⁹.

И «это, – считал А. А. Керсновский, – было единственным выходом из создавшейся критической обстановки. Каждый час промедления грозил гибелью. Верховный главнокомандующий и его сотрудники не справлялись больше с положением – их надлежало срочно заменить. А за отсутствием в России полководца заменить Верховного мог только Государь»³⁰.

Между тем, хорошо известно, какой натиск выдержал Государь для осуществления этого решения, которое по существу поддерживало два наиболее близких Ему человека – Императрица и Их друг Г. Е. Распутин.

«Бог с *Тобой* и Наш Друг за *Тебя*, – писала в письме 22 августа Государыня Супругу, – поэтому все хорошо, и позднее все Тебя будут благодарить, что Ты спас страну. – *Не сомневайся*, верь и *все будет хорошо*. Все дело в армии... [...] Левые в ярости, потому что все выпадает у них из рук, карты их раскрыты, и ясна их интрига, для которой они хотели пользоваться Н[иколашей]...»

Прежде всего известие об этом приняли в штывки почти все Члены Дома Романовых под эгидой Вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. (Ныне это достаточно хорошо известно, в том числе и по изданным дневникам последней³¹.) «...Нужно быть безумным, чтобы желать этого!»³² – восклицала она.

Встала на дыбы Государственная дума и даже Совет Министров. Вот лишь некоторые реплики, сделанные министрами на заседании 21 августа³³:

И. Л. Горемыкин (предс. Сов. министров): «Если Его Императорскому Величеству угодно рисковать – не нам Ему указывать».

А. Д. Самарин (обер-прокурор Св. Синода): «Государя люблю, но люблю и Россию. Если Государь идет во вред России, то мы не можем с Ним идти».

П. А. Харитонов (гос. контролер): «Воля Царя не отрешаться от России – надо подчиниться, но если воля равна вреду России, то надо уйти: я служу и Царю и России».

И. Л. Горемыкин: Эти понятия неразделимы.

П. А. Харитонов: Не могу подписывать то, что по-моему гибель России.

С. Д. Сазонов (мин. иностр. дел): Можем всем жертвовать Царю, но не совестию.

А. Д. Самарин: Царю нужна служба сознательных людей, а не рабское исполнение приказаний.

И. Л. Горемыкин: Это не мои слова. Я думаю: мнение Царя равно мнению России, и мы должны подчиниться.

С. Д. Сазонов: Слова Царя не Евангелие. Его популярность и авторитет поколеблены.

И. Л. Горемыкин: Я думаю, что надо почитать Царя Евангелием.

С. Д. Сазонов: Тогда остается топиться...»

Напрасно председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин пытался хоть как-то образумить министров:

«Государь Император вчера совершенно определенно сказал, что Он на днях выезжает в Могилев и там объявит Свою волю. Какие же тут возможны письменные доклады. Недопустимо, чтобы Совет Министров тревожил Царя в исторический час Его жизни и напрасно волновал бесконечно измученного человека. Нелегко было Государю принять такое решение, но раз оно принято – Он от него не отступит»³⁴.

«...В первые же дни войны я решительно восстал против намерения Государя вступить в личное командование Армией. [...] То же самое [...] я сделал и теперь... [...] Но Государю не угодно было согласиться с моими доводами и с доводами Совета Министров. Тогда я понял, что Высочайшая воля непреклонна, и счел себя обязанным, преклонившись перед нею, как неизбежным, отдать все свои силы на помощь моему Царю в трудную минуту. Сейчас о принятом Его Величеством решении знают все. Знают и то, что это решение безповоротное. Следовательно, та агитация, которая идет вокруг этого вопроса и связывается с требованием министерства общественного доверия, т.е. с ограничением Царской власти, является ничем иным, как стремлением левых кругов использовать имя Великого Князя для дискредитирования Государя Императора»³⁵.

«По-моему, чрезмерная вера в Великого Князя и весь этот шум вокруг его имени есть ни что иное, как политический выпад против Царя. Великий Князь служит средством»³⁶.

«Сущность нашей беседы сводится к тому, что моя точка зрения архаическая и вредная для дела. Сделайте величайшее одолжение – убедите Его Императорское Величество, чтобы меня убрать. Но от своего понимания долга служения своему Царю – Помзаннику Божьему я отступить не могу. Поздно мне на пороге могилы менять свои убеждения»³⁷.

«Когда Его Императорское Величество в опасности, откуда бы она ни произошла, я не считаю себя нравственно вправе заявлять Ему – я не могу больше служить Государю. Полвека я так привык понимать свой долг служения Монарху и от этого правила не отступлю до конца»³⁸.

В конце концов Совет Министров – неслыханное дело – заявил Государю ультиматум. 21 августа, накануне отъезда Царя в Ставку министры в письменном виде еще раз обращались к Нему с просьбой не увольнять Великого Князя, завершая свое «прошение» недвусмысленной фразой: «...В таких условиях мы теряем веру в возможность с сознанием пользы служить Вам и Родине»³⁹.

На столь неслыханную дерзость председатель Совета Министров достойнейший И. Л. Горемыкин ответил вот этими историческими словами: «В моей совести Государь Император – Помазанник Божий, преемственный носитель верховной власти. Он олицетворяет Собою Россию. Ему 47 лет, Он Царствует и распоряжается судьбами Русского народа не со вчерашнего дня. Когда воля такого человека появилась, и путь действий безповоротно принят, верно-подданные должны подчиняться, какие бы ни были последствия. А там дальше воля Божия. Так я думаю и в таком сознании умру»⁴⁰.

Видимо, так и было, когда 11 декабря 1917 г. 78-летний Иван Логгинович вместе с женой Александрой Ивановной, дочерью Александрой и ее мужем, дипломатом Иваном Александровичем Овчинниковым были убиты на даче в Сочи неизвестными.

* * *

22 августа Государь выехал в Ставку, именовавшуюся с тех пор Царской Ставкой, переведенной из Барановичей в Могилев. 23 августа произошла смена Верховных. Был издан исторический Приказ по Армии и Флоту, второй абзац которого был Собственноручно написан Государем:

«Сего числа Я принял на Себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий.

С твердою верою в милость Божию и с непоколебимою уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посраим земли Русской.

НИКОЛАЙ»⁴¹.

«26 августа, – писал А. А. Керсновский, – была отправлена первая директива новой Ставки, требовавшая прекращения отхода и запрящавшая спешку. Директива эта оказала самое благотворное влияние на войска, почувствовавшие, что ими, наконец, управляют»⁴².

О том, сколь благотворно, оздоравливающе было личное присутствие Государя в Ставке, имеется свидетельство очевидца. Напечатано оно было еще в 1921 г. и так и подписано: «Очевидец».

Лишь в 1960 г. стало известно, что принадлежало оно П. К. Кондзевскому (1869–1929), в описываемое время, в чине генерал-майора, дежурному генералу в Ставке⁴³.

«Дело было в первых числах сентября 1915 года, – вспоминал Петр Константинович. – Вести со всех фронтов поступали все неутешительные. Наши войска, оставив в командование Великого Князя Николая Николаевича Варшаву, Ковно, Гродно, отходили вглубь России. Начались бои у Вильно, и определился прорыв нашего фронта у Молодечно конной массой германской кавалерии.

В Ставке волновались. Ходили слухи, что Могилев небезопасен от налета. Шопотом говорили о необходимости перенести Ставку ближе к Москве, в Калугу... К ночи 2 сентября слухи стали особенно напряжены. 3 сентября в девятом часу утра, еще до обычного доклада генерала Алексева Его Величеству, я пришел к начальнику штаба, дабы выяснить события на фронте. Генерал Алексеев сидел в своем кабинете за огромным столом, окруженный картами, бумагами. Вид у него был расстроенный, тревожный. На мой вопрос, в каком состоянии находятся наши армии за эти дни и справедлива ли тревога, охватившая Ставку, Михаил Васильевич схватил себя за голову и голосом, полным отчаяния, ответил: “Какие у нас армии? Войска наши погибли на полях Галиции и Польши. Все лучшее перебито. У нас в полках остались теперь сотни, а в ротах десятки людей. У нас иногда нет патронов, снарядов... Я не знаю, что мы будем делать, как сдерживать напор и где остановимся. Я нахожу, что наше положение никогда не было так плохо. Вот я сейчас все это доложу Его Величеству”.

Видимо, человек находился в полном ужасе от событий и не владел собою. Я ушел от Алексева смущенный и с большой тревогой в душе.

В половине первого в тот же день я снова увидел генерала Алексева на Высочайшем завтраке. Он совершенно переменялся, смотрел бодро, говорил оживленно и пропала та тревога, которую я видел несколько часов назад. Я задал ему вопрос, что, вероятно, с фронта получены лучшие вести, и он стал бодрее смотреть на будущее.

“Нет, известий новых не получено, но после доклада Его Величеству о положении на фронте я получил от Государя определенные указания. Он повелел дать телеграмму по всему фронту, что теперь ни шагу назад. Надо задержаться и укрепиться. А прорыв Вильно–Молодечно приказано ликвидировать войсками генерала

Эверта. Я теперь уже привожу в исполнение приказ Государя, и, Бог даст, справимся”.

Передо мной стоял другой человек. Вместо нервного, растерянного генерала Алексеева находился спокойный, уверенный начальник штаба Верховного, приводящий в исполнение волю Главнокомандующего, Русского Императора.

Результат этого распоряжения Государя был, как известно, громаден. Военная история оценит блестящие наши контратаки у Молодечно–Вильно и все последующие события. Только после этой удачной сентябрьской операции мы получили возможность, не опасаясь дальнейшего наступления вражеских сил, готовиться к новой борьбе.

Необъятная Россия стала повсюду формировать и обучать новые войска. На фабриках и заводах выдвигались снаряды, пушки, ружья, пулеметы и всякое военное и морское снаряжение.

Все это явилось возможным только тогда, когда получилась твердая уверенность, что дальше в пределы России враг не пройдет, и к весне 17-го года создались могучие армии, готовые к наступлению на немцев.

Вот первый пример распоряжения Государя, как Верховного Главнокомандующего.

Результаты этого мужественного, спокойного указания и за ним полуторагодовой работы дали бы России величайшие победы, если бы не измена и предательство, погубившие Царя, Его армии и всю нашу Родину»⁴⁴.

Скрепя сердце, это оздоравливающее влияние Царя вынужден был признать и Вел. Кн. Николай Николаевич, писавший 22 июня 1916 г. своему Августейшему Племяннику: «Помоги Тебе Бог со славою победоносно продолжать начатую, неслыханную по размерам и важности, операцию. Любовно, с восторгом слежу за каждым шагом. Явная помощь Божия уже видна. А это *все*»⁴⁵.

Приведя все эти удивительные свидетельства, связанные с принятием Государем на Себя Главного Командования, зададимся непраздным вопросом, который занимал уже упоминавшегося нами офицера лейб-гренадера К. С. Попова:

«Не произойди революции, громадный ореол, как полководцев – Великого Князя Николая Николаевича и генерал-адъютанта Алексеева навсегда бы утвердился в народном сознании. “Слезы” же Верховного и его же собственное признание своей непригодности, а также полная растерянность генерала Алексеева в трагиче-

ские сентябрьские дни 15-го года, когда он являл собой человека, катящегося в бездну, не имея за что зацепиться, никогда, ни при каких обстоятельствах, при Царском режиме, не могли бы стать достоянием гласности. А Государь, принявший на Себя “девятый вал” вражеского удара, не сломленный морально, не признавший Себя побежденным, т.е. другими словами – фактически выигравший войну, навсегда бы остался в тени, ибо все успехи на фронте приписаны были бы общественным мнением не Ему, а полководческому искусству генерала Алексеева.

И только лишь теперь, неисповедимыми путями Господними пролит свет на еще одну грань личности убиенного Государя, за подбавящее освещение которой Россия заплатила такой дорогой ценой»⁴⁶.

* * *

Вторая половина 1915 г. была нелегкой и для графа Ф. А. Келлера. 4 июля в Кисловодске в возрасте 48 лет скончался от последствий контузии его брат, генерал-майор Артур Артурович Келлер, а 9 декабря в Сестрорецке умер отец, месяца с небольшим не дожив до своего 89-летия. Последним местом его службы (с 1 сентября 1890 г. по 30 октября 1894 г.) было место земского начальника 3-го участка Гжатского уезда Смоленской губернии, с которого он был «уволен согласно прошения по болезни» в отставку⁴⁷.

Долгое время заняло лечение тяжелой раны, полученной под Хотинном. В корпус Федор Артурович выехал 28 августа (еще до полного выздоровления) и, захав в Ставку, где 30 августа получил аудиенцию у Государя, отправился сразу же на фронт.

ПРОРЫВ ПОД ЛУЦКОМ ИЛИ «БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ»?

Весна 1916 г. «подарила России победу, какой в мировую войну мы еще не одерживали»¹. Речь идет о Четвертой Галицийской битве. Современники называли ее Луцким прорывом (такое название мы находим и в мемуарах ген. А. А. Брусилова²). Однако в исторических трудах закрепилось иное название...

«Мы не говорим “Кутузовская битва”, но – Бородинская, – справедливо писал русский военный деятель зарубежья полк. Е. Э. Месснер, – не называем Полтавскую баталию Петровой бата-

лией, а победу на Неве над шведским ярлом Биргером мы не наименовали именем Великого Князя Александра, а, наоборот, Князя называли Невским, потому что битва называется Невскою. Но вот, вопреки традиции исторической, и нашей военной, боевые операции 1916 г. на Юго-Западном фронте получили наименование Брусиловского наступления. Почему Брусилову оказана такая нигде и никогда не виданная честь?

В России либеральная пресса и общественность бывали очень энергичны, когда находили нужным прославить какого-либо масона или же человека, возвеличение которого было сопряжено с унижением царизма. [...]

Когда обнаружился успех Луцкого и Черновицкого прорывов и рождалась надежда, что битва примет вид победы решающей и войну завершающей, то в оппозиционных кругах не могло не возникнуть опасение, что победа эта... будет приписана Царю, а это укрепит монархию, режим. Чтобы этого не случилось, было только одно средство: всю славу возложить на главнокомандующего – тогда она не ляжет на Верховного главнокомандующего. И Брусилова стали возносить до небес, как не возносили ни Иванова за Галицийскую победу, ни Плеве за Томашев, ни Селиванова за Перемышль, ни Юденича [...] за Сарыкамыш и за Эрзерум. В безмерном восхвалении Брусилова битву назвали Брусиловским наступлением. По тем же антимонархическим побуждениям такое наименование битвы понравилось союзникам России в ту войну...»³

Наконец, впоследствии такое название пришлось ко двору и советским историкам, поскольку, как известно, А. А. Брусилов пошел на службу к большевикам. (Не зря советский генерал-лейтенант М. Галактионов в предисловии к послевоенному изданию мемуаров А. А. Брусилова писал: «Брусиловский прорыв является предтечей замечательных прорывов, осуществленных Красной армией в Великой Отечественной войне»⁴.) Ну, а потом и вовсе забылось, как всё было на самом деле...

Уже современники отмечали, что Брусилов, «не командуя ни полком, ни бригадой, получил 2-ю Гвардейскую кавалерийскую дивизию»⁵. Назначение это он получил только благодаря протекции Вел. Кн. Николая Николаевича, до войны имевшего исключительное влияние на назначение старших начальников, особенно в кавалерии.

Такое выдвижение генерала, «не имевшего, во-первых, высшего образования и, во-вторых, не получившего строевой командной

основы, какая создается при командование полком»⁶, не было полезно, прежде всего, ему самому.

Вскоре после назначения Алексея Алексеевича командиром гвардейской дивизии, состоявшегося, как известно 19 апреля 1906 г., в Красном Селе во время учений решено было отработать действия конницы против пехоты. Генерал А. А. Брусилов командовал своей дивизией. Пехоту представлял Л.-Гв. Семеновский полк во главе с его прославленным командиром, Свиты Его Величества ген.-майором Г. А. Мином, вскоре убитым террористкой на вокзале в Петергофе (13.8.1906).

«В мелком кустарнике, – вспоминал очевидец, – перемешавшемся с небольшим лесом, в окрестностях Телязи и Высоцкого пехота Мина окружила конницу Брусилова и на этом эпизоде был закончен маневр. Великий Князь принимал участие в разборе действий частей. Тогда я впервые увидел ген. Мина, высокого, полного мужчину... [...] Помню, как Великий Князь при всех собравшихся офицерах учил ген. Брусилова, как конница должна была выйти из тисков пехоты: “Нужно было, – говорил Вел. Князь, – отдать приказание – всей коннице рассыпаться и пробиваться в одиночку через ряды пехоты, назначив для сбора пункт, лежащий за несколько верст вне кольца окруживших ее пехотных частей”. Насколько не изменяет память, Брусилов тогда остался очень недоволен, – больше всего, конечно, своими действиями и в этом последнем отношении он был прав. Не помню – этот или другой случай послужил поводом Брусилону просить об увольнении от службы, – но потом все опять наладилось»⁷.

Даже в начале войны, будучи командующим 8-й армией, А. А. Брусилов, по словам ген. А. И. Деникина, первоначально, «по недостатку опыта в технике вождения крупных сил, находился под влиянием своего начальника штаба»⁸.

«Учитель верховой езды до чина генерал-майора включительно, сам великолепный наездник, – характеризовал его сослуживец ген.-майор Б. В. Геруа, – Брусилов заслужил этим благосклонность Великого Князя Николая Николаевича, постоянного покровителя конного спорта в армии. Никогда ничем предварительно не командуя, Брусилов получил 2-ю Гвардейскую дивизию. Через короткий срок он уже командовал корпусом, причем перед отъездом к новому месту службы во время прощального обеда в присутствии Великого Князя Николая Николаевича на глазах многих присутствовавших поцеловал руку у своего Августейшего покровителя в знак призна-

тельности за незаслуженные милости. Война была также благосклонна к Брусилову, человеку случая: знаменитый его прорыв 1916 года, обязанный своим успехом серьезному, талантливому и скромному его начальнику артиллерии генералу М. В. Ханжину, прославил не этого выдающегося генерала, а Брусилова, который не сумел даже эксплуатировать без личного труда доставшуюся ему победу и не справился с задачей массового кавалерийского преследования неприятеля, невзирая на свою кавалерийскую специальность. Однако искусная реклама свила вокруг Брусилова победный ореол»⁹.

«Пока счастье на нашей стороне, пока оно дарит своей улыбкой, – характеризовал его в позднейшем дневнике ген. М. В. Алексеев, – Брусилов смел, а больше самонадеян. Он рвется вперед, не задумываясь над общим положением дел. Он не прочь, особливо в присутствии постороннего слушателя, пустить пыль в глаза и бросить упрек своему начальству, что его, Брусилова, удерживают, что он готов наступать, побеждать, а начальник не дает разрешения и средств. И себе имя составляет, и начальник взят под подозрение в смысле способностей, характера, порыва вперед. [...] Но не всегда военное счастье дарит свою улыбку. Нередко оно оборачивается к нам спиной, и неудача становится нашим уделом. Вот пробный камень для полководца: сохранить в этом положении ясность ума, спокойствие духа, способность оценки положения, умение найти средства и выход – вот качества, без наличия которых нет полководца. Этими качествами в минуты несчастья и неудач щедрая природа не наградила Брусилова»¹⁰.

В вышедшей перед самым переворотом в Одессе (наверняка не без участия тесно связанных с этим городом супруги генерала и ее сестры) биографии Брусилова говорится: «Имя славного вождя русской армии уже принадлежит истории... Нет ни одного уголка в пределах обширной нашей родины, где не отозвались бы на победы Брусилова, откуда не летел бы к нему благодарственный привет... Все союзные монархи и правители обласкали словами привета доблестного русского вождя... О Брусилове отозвалась печать всех союзных стран. Имя его не сходило со столбцов газет и журналов. Им заинтересовался весь мир, как поистине выдающимся человеком... Ему доверяют, в него верят. На его талант возлагают свои надежды и русские люди и наши многочисленные союзники»¹¹.

После водопада статей о генерале в русской прессе довольно странно звучит его утверждение о том, что для того-де, «чтобы по-

пулярность имени Брусилова не возрастала», было «дано негласное распоряжение» его «замалчивать»¹². «Брусиллов всюду видит интриги против него»¹³, – справедливо писал внимательный читатель его мемуаров полк. Е. Э. Месснер.

Любопытна позднейшая оценка исторического значения Луцкого прорыва неутомимым пропагандистом разнообразных талантов генерала, его супругой Н. В. Брусилловой: «...Если бы генерал Брусиллов не разгромил Австро-Венгрию, не воскресла бы Чехословакия – то кто бы давал пенсию и кто бы поддерживал все эти годы эмигрантов?! Тем более, кто бы вывез из Сибири, как говорят, весь золотой запас или часть его – лучше чехи, чем большевики...»¹⁴

В Ставке хорошо знали «авторство» Луцкого прорыва. Ген. М. В. Ханжин был произведен в генерал-лейтенанты (25.8.1916). Рассчитывавший на орден св. Георгия 2-й ст., ген. А. А. Брусиллов не получил его. Наряду с ген. А. И. Деникиным его наградили «Георгиевским оружием, бриллиантами украшенным». Зато французы пожаловали Брусиллову орден Почетного легиона I класса и военную медаль. Зная злопамятный и мстительный характер Алексея Алексеевича, можно с уверенностью утверждать, что это обстоятельство впоследствии в немалой степени питало его нелюбовь к Царю.

Зато одно из первых поздравлений пришло из Тифлиса. «Поздравляю, целую, обнимаю, благословляю», – телеграфировал Вел. Кн. Николай Николаевич. «И только несколько дней спустя, – писал ген. А. А. Брусиллов – мне подали телеграмму от Государя, в которой стояло всего несколько сухих и сдержанных слов благодарности. Такие впечатления не изглаживаются, и я их унесу с собой в могилу»¹⁵.

Чтобы вполне оценить обоснованность выводов А. А. Брусилова, приведем сами тексты двух Высочайших телеграмм: «Передайте Моим горячо любимым войскам вверенного Вам фронта, что Я слежу за их молодецкими действиями с чувством гордости и удовлетворения, ценю их порыв и выражаю им самую сердечную благодарность»¹⁶; «Приветствую Вас, Алексей Алексеевич, с поражением врага и благодарю Вас, командующих армиями и всех начальствующих лиц до младших офицеров включительно за умелое руководство нашими доблестными войсками и за достижение весьма крупного успеха. *Николай*»¹⁷.

«ЗЕМНОМУ БОГУ КТО НЕ РАД?»

Победе в Галицийской битве предшествовала встреча Верховного Главнокомандующего, Русского Царя с Его любимыми войсками...

29 марта, вспоминал сопровождавший Императора ген. А. И. Спиридович, «состоялся смотр частей 9-й армии, которые находились под Хотинем. Погода была скверная. Шел дождь и град, дул сильный ветер. До места смотра добрались на автомобилях, ехали верст сорок»¹.

«Всю ночь и весь день дул шторм и налетали шквалы с градом и дождем, – записал Государь в дневник 29 марта. – В 9 час. сел с гр. Фредерикс[ом] в мотор и отправился через знакомый Мне Кам[енец]-Подольск по шоссе через Днестр и гор. **Хотин** верст за пять. Там на отличном поле состоялся **смотр**: 11-му арм[ейскому] и 3-му кавал[ерийскому] корпусам, свод[ному] батальону от 12 арм[ейского] корпуса, 2-му Екатеринодарскому п[олку] и Туркменскому кон[ному] полку. Все войска представились в превосходном виде. [...] Вернулся в поезд к 5 1/2 час. [...] В 8 ч. обедало высшее строевое начальство: Брусиллов, гр. Келлер, гр. Баранцов и ген. Крылов и др.»

Появление Императора среди Его войск вызывало среди них как всегда небывалый энтузиазм («почти мистический»)², проявлявшийся «и в громких безостановочных криках “ура”, и в лихорадочном блеске глаз, и в дрожании ружей, взятых на-караул, и в каких-то необъяснимых флюидах, пронизывавших офицеров, генералов и солдат – “народ в шинелях”»³.

Как некогда пели в кавказских полках:

*Когда наш Гость Отец Державный –
Земному богу кто не рад?..*

И что за дело было участникам смотра до того, что шел дождь и град и дул сильный ветер?.. Конники графа Келлера испытывали то же самое чувство, что и тысячи других солдат и офицеров Императорской Армии, когда к ним приезжал их Государь.

Вот свидетельство об одном из таких смотров, прошедших под Тирасполем, молодого артиллерийского офицера:

«...Тщательно готовились мы к смотру. В батареях капитаны, заведовавшие хозяйством, вместе с фельдфебелями, каптенармусами и портными дни и ночи подгоняли солдатское обмундирование. [...] Мы хотели [...] Царю представиться в совершеннейшем виде.

В лагерном районе производилась [...] окраска всего, что подавалось окраске, мытье всего, что подавалось мытью, и свирепое подметание всюду и везде. Один подпоручик задал неуместный вопрос фейерверкеру, заставлявшему канониров подбирать каждую соринку на лагерных линейках (дорожках): “К чему так усердствовать? Ведь Государь не придет в наш лагерь”. В ответ он получил: “Ваше благородие, на Пасху Господь к нам в казармы не пришел, а уборку мы сделали на весьма”. Действительно, мы все, офицеры и солдаты, ждали смотра, как в те годы православные люди ждали Светлого Праздника.

С раннего утра построены батареи. Каждого солдата осматривает фельдфебель, потом взводный командир, затем старший офицер и, наконец, командир батареи. Все в порядке, и тогда идем – заблаговременно – на плац. Припасены щетки платяные и сапожные, чтобы всем почиститься. Прибывает начальство, генералы озабоченно и придиричиво смотрят, все ли в порядке. Десяток раз подаются команды “Смирно!” и “Вольно!”. Со станции Тирасполь сообщают, что Царский поезд отошел от станции Бендеры. Теперь окончательно выравниваются шеренги... [...]

Царь здоровается со строем, не форсируя голоса, но Его слова были слышны. Чеканный ответ пятисот голосов первого дивизиона 14-й бригады и затем “Ура!”; как только Царь минует батарею, она присоединяется к этому кличу. Уже три дивизиона ответили на Царев привет. Я стоял во второй шеренге, в затылок моему полковнику, командиру 2-го дивизиона. Между нами двумя и левым флангом 1-го дивизиона было шесть шагов промежутка, и поэтому взгляд Государя долго – всего несколько мгновений, но мне казалось, что долго – лежал на моем командире и на мне. В строю всем казалось, что Император на каждого посмотрел. Неизвестно, как Он создавал это потрясающее впечатление. Мы, старый полковник и я, юный подпоручик, его адъютант, внутренне задрожали от восторга, потому что Император действительно посмотрел на нас. Задрожали внутренне – обнаженная шашка в правой руке, склоненная острием к земле в строевом салюте, напоминала, что мы – в строю, что мы строй, где нет выявлений личных чувств. Будучи недвижим, я был вне себя, я был в радостном плену этих глаз, этого милостивого взгляда, этого ласкового лица, этой величественной поступи, этого величия России, воплощенного в Императоре...

Потом много раздумывал я над вопросом, как мог я, человек без сантиментов, оказаться охваченным больше чем сантимента-

ми – ураганом восторга и преданности. Самовнушение? Внушение, исходившее от пятитысячной воинской массы? Обстановка ли? А обстановка была необыкновенной для каждого из нас: обычные звуки военных оркестров перемешивались с необычным “Ура!”: это не был крик, это не был вой, это было море звука, и этот звук дышал, как спокойное море дышит приподнимающимися волнами зыби.

Когда Царь миновал нас, я мог восстановить в себе способность наблюдать и думать. Первое, что меня поразило и возмутило, – это некоторая небрежность чинов Его Свиты: тот шел не в ногу, тот держал руку не у козырька фуражки, а у уха – так удобнее, – а тот временами вовсе чести не отдавал. [...]

Император обошел всю линию строя, взошел на рампу, оглядел весь строй, отдавши нам честь поднятием руки к козырьку, и пошел к вагону. [...] Поезд тронулся, конвойцы на ходу вскочили в другой вагон. Государь стоял у открытых дверей площадки, пока не миновал весь смотровой плац.

Сказка кончилась. Былина кончилась. Буднично прозвучали команды для построения батарей, и мы пошли в лагерь в полуверсте от смотрового плаца. [...] Все были возбуждены и делились впечатлениями. Радовались, что так безукоризненно прошел смотр, что представились Его Величеству должным образом. Но поручики, командиры третьих и четвертых взводов в батареях ворчали: “Чтобы не утомить Государя, сократили до предела длину строя и построили батареи во взводные колонны, то есть в восемь шеренг; третья и четвертая могли Его мельком увидеть, а прочие четыре шеренги не видели ничего и, конечно, разочарованы, огорчены”. Но поручики оказались не правы: после смотра, во всеобщем возбуждении, видевшие Царя солдаты с восторгом говорили о виденном, и тут произошло замечательное внушение: в не видевших проник восторг видевших и в этих не видевших создалось убеждение, что они тоже видели Царя. К вечеру ВСЕ были в восторге, потому что ВСЕ удостоились лицезрения Его Величества»⁴.

О смотре под Хотинем в марте 1916 г. было написано стихотворение:

*Штыки сверкнули и застыли,
Лишь сердце рвется из груди,
И наш свидетель бранной были –
Склонилось Знамя впереди...*

Но где же Он? Кричат соседи,
В руке зажат, **дрожит** эфес,
И крик рядов, и звуки меди,
И эхом вторит дальний лес...

Он на коне! Его улыбка
Скользит **любовно** по рядам,
К ним поворачиваясь гибко,
Как бы читает по глазам...⁵

Сколь неуклюже выглядит на этом фоне позднейшая мстительная ложь ген. А. А. Брусилова, писавшего: «Как и прежде, бросалось в глаза неумение Царя говорить с войсками, Он как бы конфузился и не знал, что сказать, куда пойти и что делать, поэтому неудивительно, что войска были как бы замороженными и не выказали никакой радости и подъема духа»⁶. Но разве только словами говорит Царь со Своими солдатами?..

На следующий день, 30 марта Государь отметил в дневнике: «Завтракал с начальством и в 2 1/2 **покинул Каменец-Под[ольский]**. Город и окрестности Мне очень нравятся – еще с прошлого года!»

«Я очень доволен Своей поездкой, – писал Император 31 марта Государыне. – Слава Богу, все прекрасно сошло. Ты можешь Себе представить, как Я был приятно удивлен, когда, объезжая войска на большом смотру, увидел наших дорогих казаков, которые, начиная от *Жукова* и до последнего солдата, ухмылялись и улыбались во весь рот; среди них *Шведов* и *Зборовский*. Я передал им приветствие от Тебя и Девочек!

Они только что вернулись из *окопов*. Погода была отвратительная – сильный ветер с солнцем, градом и дождем. [...]

Штаб 9-й армии приготовил Мне простой завтрак в маленьком городе *Хотине*, где Я также посетил два лазарета. В этот день мы были 9 часов на воздухе. В *Каменец-Подольске* генералы обедали со Мной в поезде. Я много беседовал с Келлером и передал ему Твой привет. Он нисколько не изменился».

«Каков *Брусилов?* – спрашивала в ответном письме от 3 апреля Государыня. – Высказывал ли он свое мнение и нашел ли ты его правильным? Сомневаюсь, способен ли он занимать такое ответственное место – дай-то Бог!»

Вопрос этот был не случайным. Дело в том, что смещение главнокомандующего Юго-Западным фронтом ген. Н. И. Иванова, которого не любил ген. М. В. Алексеев, а Ставка была им недовольна, являлось в те дни весьма злободневной темой для разговоров. Реск-

рипт ген. Иванову с назначением состоять при Его Особе был подписан Императором 17 марта. На его место назначался генерал-адъютант А. А. Брусилов⁷.

Государыня же имела в те дни сведения об Алексее Алексеевиче из разных источников, в том числе и от графа Ф. А. Келлера, о чем можно узнать из дошедших до нас Ее писем Императору. Но об этом после.

ЗАВОЕВАНИЕ ЗЕЛЕННОЙ РУСИ

III конный корпус графа Ф. А. Келлера принимал участие в Луцком прорыве в составе 9-й армии генерала П. А. Лечицкого, занимавшей полосу от Днестра до румынской границы¹.

«Высокий, худой, согнувшийся от своего роста, генерал, в черной папахе..., – писал о гр. Ф. А. Келлере видевший его перед наступлением корреспондент-нововременец. – Белый крест на шее, а около другого беленького крестика на груди два солдатских, заработанных еще в турецкую кампанию.

В последние дни перед наступлением жил на Пруте, на самой румынской границе. Прирожденный кавалерист, граф Келлер был окружен такими же, как и он, вольными и непоседливыми людьми, не понимавшими, зачем надо ждать в окопах, когда можно на скаку брать австрийские траншеи и гнать неприятеля, как гнали его прошлой осенью из Каменца и Хотина. [...]

Генерал сидел в скромной низкой комнате, а на столе перед ним была разложена карта и стоял остывший стакан чаю.

Вошел казак.

Мне говорили, будто генерал различает своих кавалеристов от казаков. Но казак так посмотрел на графа Келлера, что невольно почувствовалось отношение подчиненных к командующему и командующего к своим солдатам.

В хороших местах стоял последние дни граф Келлер. Широкий простор открывался перед его вольницей, и она ждала только приказа двинуться вперед. И лошади засгоялись, да и людям надоело.

Их желание исполнилось. Они ушли уже далеко»².

Боевые действия на огромном пространстве от Припяти до Прута начались на рассвете 22 мая. Более двух тысяч орудий ударили по противнику. Вслед за артиллерийской подготовкой русские войска пошли в атаку. Двинулась и 9-я армия.

Буковину защищала VII австро-венгерская армия барона Карла фон Пфланцер-Балтина, в состав которой входило 7 пехотных и 4 1/2 кавалерийских дивизий – 130 тысяч строевых при 548 орудиях. В ходе боев она была совершенно истреблена.

Вот как описывает действия армии генерала П. А. Лечицкого в ходе Луцкого прорыва русский военный историк: «22 мая 9-я армия перешла в наступление. [...] Но в боях 23-го и 23-го наступление захлебнулось: высота “458” – ключ Буковины – осталась в руках неприятеля. В боях 22-го и 23 мая особенно отличилась 3-я Заамурская дивизия, взявшая Онут и Окну, а в XI корпусе – 11-я и 32-я пехотные дивизии у Баламутовки и Ржавенцев. Было взято 12 800 пленными (из них 7000 замурцами), 14 орудий и 18 пулеметов. Неприятель лишился до 25 000 человек, но и наш урон составил 98 офицеров и 12 300 нижних чинов убитыми и ранеными. Приостановив наступление и произведя перегруппировку, Лечицкий рванул неприятеля 28 мая [...]

В этот день – в Доброноуцком сражении (что для австрийцев “Окненский прорыв”) – он растерзал Пфланцер-Балтина, разорвав его армию пополам и отбросив группу Корда на юг, к Пруту, а Ходфи и Бенигни – на запад, в Заднестровье. Главный удар на высоту “458” повела 32-я пехотная дивизия генерала Лукомского. Саму высоту и Доброноуц взял 126-й пехотный Рыльский полк...»³

Подробности действий III кавалерийского корпуса графа Ф. А. Келлера в составе 9-й армии ген. П. А. Лечицкого в период с 22 по 28 мая описаны в специальной работе полк. Е. Э. Месснера «Луцкий прорыв», посвященной 50-летию окончания Великой войны. Информатором автора был Генерального Штаба полковник Ю. А. Слезкин*, в описываемое время командир эскадрона 10-го гусарского Ингерманландского полка:

* *Юрий Алексеевич Слезкин* (1890–1977) – родился в С.-Петербурге. Происходил из семьи дворян Черниговской губернии; сын ген.-лейтенанта. Окончил 1-ю Харьковскую гимназию (1910), Елисаветградское кавалерийское училище (1912), Николаевскую академию Генерального штаба (1917). Георгиевский кавалер. Командир эскадрона 10-го гусарского Ингерманландского полка. Взят в плен по пути в Добровольческую армию (6.2.1918). Служил в гетманской армии на Украине; а потом в Добровольческой армии. Ранен (20.8.1920). Галлиполиец. В эмиграции в Югославии. Участник монархического движения. После второй мировой войны переехал в Аргентину. Военный писатель. Скончался в Буэнос-Айресе.

«Конный корпус генерала графа Келлера, в котором я имел честь служить, в то время входил в 9-ю армию генерала Лечицкого и, посаженный в окопы, занимал самый левый участок всего Юго-Западного фронта, упираясь левым флангом в реку Прут». На время Черновицкого сражения «корпусу была дана пассивная задача: обеспечение левого фланга 9-й армии. Графа Келлера не удовлетворяла такая пассивная роль, особенно когда обнаружился успех прорыва наших войск правее (севернее) нас, на реке Днестре, в Черновицком направлении. Граф Келлер три раза послал генералу Лечицкому телеграммы, прося разрешения 'рвать' корпусом на его участке. Два раза генерал Лечицкий отказывал, считая эту задачу для конницы, не имеющей тяжелой артиллерии, невыполнимой (перед нами были долговременные бетонные позиции австрийцев). На третий раз генерал Лечицкий ответил: 'Разрешаю, но вся ответственность ляжет на вас'. Генерал Келлер отдал приказ о наступлении, но начальник штаба корпуса генерал Сенча, считая задачу невыполнимой, отказался подписать боевую диспозицию, за что был графом Келлером отрешен от должности.

Ночью 10-я кавалерийская дивизия, имея в авангарде Ингерманландский гусарский полк, в пешем строю, по горло в воде, форсировала реку Прут. Наступая по другому берегу Прута, она должна была взять несколько линий австрийских окопов. Впереди шли гранатометчики с офицерами – они должны были забросать передний окоп ручными гранатами. Под страшным минометным, пулеметным и артиллерийским огнем (до 6 дюймов включительно) гусары взяли передний окоп, но дальше продвинуться не могли. Из 23 офицеров, бывших в тот день в строю, полк потерял 10 (3 убиты, 7 ранены). Переправиться через Прут успели только ингерманландцы и Оренбургский казачий полк.

В то время как конница так безрезультатно, не имея артиллерии, выполнила пехотную задачу, на участке главного прорыва 9-й армии, где был успех, не было конницы для развития успеха и преследования... Эта битва обнаружила полное неумение старших начальников использовать свою конницу: вместо того, чтобы держать ее за участком главного удара, конницу графа Келлера посадили в окопы на пассивном участке. Когда штаб 9-й армии, спохватившись, отдал приказ графу Келлеру поспешить с корпусом для преследования отступающих австрийцев, момент был упущен. Если это объясняется тем, что генерал Лечицкий был пехотинцем, то это

непростительно для его начальника штаба, генерала Санникова, который числился по кавалерии”.

Несомненно, этими словами полковника Слезкина передаются негодующие мысли тогдашнего штаб-ротмистра Слезкина, который не мог знать, что корпус генерала Келлера сидел в окопах по плану, предписанному генералом от кавалерии Брусилowym, и что генерал Лечицкий не мог держать конницу в резерве: если бы он, вместо нее, посадил в окопы на левом фланге дивизию пехоты, он бы ослабил свою ударную массу и прорыва, победы не добился бы.

“Во время своего марша по территории удавшегося прорыва, – продолжает полковник Слезкин, – мы могли видеть, какие основательные разрушения произвела наша артиллерия: что называется, камня на камне не оставила. Австрийцы были потрясены огнем нашей артиллерии: было много сошедших с ума и сидящих на земле с безумными глазами. Развивая успех, наши войска легко взяли город Садогуры и почти без боя вошли в Черновицы”. Это случилось 4 июня.

“Предмостное укрепление у города Садогура, – пишет мне сын генерала Санникова, – было (подобно местечку Окна) сровнено с землей, но в городе Черновицы не было ни одного артиллерийского попадания. Говорили, что таково было желание Верховного командования, якобы из-за того, что в Черновицах было место пребывания православного митрополита. Наши войска (дивизия генерала Лукомского) форсировала реку выше по течению и обошла город с тыла, вынудив этим австрийцев оставить Черновицы”.

Черновицкое сражение было великолепно выиграно доблестью пехоты, искусством артиллерии, прорывом кавалерии (в завершающей фазе) и командным дарованием Лечицкого [...]

По словам полковника Слезкина, попытка атаки спешенной конницей бетонных укреплений “была за всю войну единственным ‘неудачным’ боем графа Келлера, вызвавшим большие, лишние потери». Неудачи приходится признать, но нельзя не признать и высокий боевой дух и генерала Келлера, считавшего необходимым атаковать, и ингерманландцев, атаковавших неприступную позицию”⁴.

А. А. Керсновский в своей «Истории Русской Армии» продолжает: «9 армия развивала свой блестящий успех у Доброноуц, гремя расстроены войска Пфланцера. 5 июня XI корпус занял Черновицы. Генерал Лечицкий остановил свою ударную группу [...] на линии Прута, готовясь к перемене операционного направления на

восток – на Коломею и Станиславов. Преследовать бежавшую южную группу VII австро-венгерской армии [...] был отправлен только Сводный корпус генерала Промтова и III конный корпус графа Келлера. 10 июня генерал Промтов занял Сучаву, а граф Келлер – Кымполунг. При занятии Черновicz захвачено 1500 пленных и 10 орудий, 6 июня у Кучур Маре – еще 600 пленных и 2 пушки. Трофеями 10 июня у Кымполунга было 60 офицеров, 3500 нижних чинов и 11 пулеметов. У Сучавы взято 27 офицеров, 1235 нижних чинов и 27 пулеметов. [...] Преждевременная остановка ударной группы на Пруте, слабость Сводного корпуса и запоздалое использование штабом 9-й армии конницы графа Келлера привели к тому, что разбитого противника, вместо того, чтобы отрезать от Карпат, только оттеснили к горам, где он и закрепился, сопротивляясь из последних сил»⁵.

*Если будут щи да каша,
Кымполунги будут наши.*

Утром 17 июня Государыня получила телеграмму гр. Ф. А. Келлера из Кымполунга: «Данную задачу исполнил, очистил южную Буковину от противника. Сегодня ранен в другую ногу пулей, кость не перебита, но расщеплена. С Божьей помощью надеюсь скоро вернуться в строй для дальнейшей службы Вашему Величеству»⁶.

К сожалению, генерал П. А. Лечицкий, по словам А. А. Керсновского, «упустил драгоценную возможность использовать стратегически свою конницу и дал III конному корпусу пассивную задачу обеспечивать левый фланг армии и всего Юго-Западного фронта. Энергичный граф Келлер пытался на свой риск форсировать Прут и взять сильно укрепленную неприятельскую позицию. Однако предприятие это не увенчалось успехом и стоило напрасных потерь. Один лишь Текинский полк кинулся в шашки у Юркоуц. Текинцами взято 822 пленных. Их водил в атаки ротмистр Ураз-сердар – сын знаменитого Тыкма-сердара, воевавшего со Скобелевым. Командир полка полковник Зыков за эту атаку получил святого Георгия 3-й степени»⁷. Речь идет о полковнике С. П. Зыкове, хорошем знакомом графа Ф. А. Келлера еще по совместной службе в Александрийском драгунском полку (Зыков в звании ротмистра был там командиром 3-го эскадрона).

Во взятых войсками ген. Лечицкого Черновicz разместился штаб 9-й армии. То был главный город Буковины – Зеленой Руси –

единственной во всей Австро-Венгрии православной земли, через все века сохранившей первоначальную веру, не поддавшись соблазну унии.

В сводке штаба Верховного Главнокомандующего от 17 июня 1916 г. было упомянуто имя графа Ф. А. Келлера: «К югу от Днестра наши войска преследуют неприятеля... [...] В одном из последних боев ранен доблестный генерал граф Келлер»⁸.

Следует подчеркнуть: гр. Ф. А. Келлер в годы Великой войны стал широко известен в России. За его действиями внимательно следили. «Ранен славный кавалерийский генерал граф Келлер, – сообщала своим читателям 18 июня 1916 г. газета «Новое время». – Его выход из строя Наверное порадует наших врагов [...] ...За свое честное, большое, серьезное отношение граф Келлер и заплатил новой раной. Но... ему не впервые. Этот талантливый генерал был много раз ранен и всегда поранения кончались благополучно. Будем надеяться, что для успеха нашего правого дела Бог помилует его еще раз»⁹.

Имя генерала Келлера, как выдающегося кавалерийского военачальника, находилось в зените славы. Военные историки часто сравнивают действия других кавалерийских командиров с тем, как на их месте поступил бы граф Келлер: «Начальник 12-й кавалерийской дивизии барон Маннергейм просил разрешения преследовать разгромленного и бежавшего неприятеля, потерял время и получил отказ. Будь на его месте граф Келлер, он без всякого спросу давно был бы во Владимире Вольнском, а Эрцгерцог Иосиф Фердинанд – в штабе Каледина!»¹⁰

16 октября вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, находившаяся в то время в Киеве, занесла в свой дневник: «К завтраку были Сандро* и все те, кто обычно присутствует по воскресеньям, а также казацкий генерал [пропуск в тексте], весьма оригинальный человек. На фронте он получил ранение в бок. Очень интересно рассказывал о военных действиях, восхищался безпримерным талантом и храбростью генерала Келлера»¹¹.

Далее события для 9-й армии разворачивались следующим образом: «В середине июня неприятель произвел широкую перегруппировку своих сил к югу от Припяти. [...] Южная германская и VII австро-венгерская армии образовали группу войск престолонаследника Эрцгерцога Карла... [...] Сюда были направлены из Франции 3 герман-

* Вел. Кн. Александр Михайлович. – С. Ф.

ские дивизии: одна в Южную армию, а две в VII, где они должны были составить на ее левом фланге группу генерала Кревеля.

Немедленно по прибытии войск Кревеля VII армия должна была перейти в наступление. В то время как Линзинген ударял в правое крыло Юго-Западного фронта – по 8-й армии, Эрцгерцог Карл должен был ударить в левое крыло – по 9-й армии. Получался двухсторонний охват – излюбленные германской доктриной “Канны”. Наступление Линзингена было назначено на 17 июня, Эрцгерцог Карл должен был атаковать с подходом Кревеля 20-го числа. Так полагал Гинденбург и Конрад. Но не так рассудил генерал Лечицкий.

Заслонившись от южной группы Пфланцера в Карпатах Сводным и III конным корпусами, доброноуцкий победитель обратился на северную группу неприятеля, развернув между Днестром и Прутом [...] армейские корпуса для удара на Коломею. [...] 15 июня он перешел в стремительное наступление [...], а 17-го, преследуя разбитую группу Бенигни, полки XII корпуса ворвались в Коломею.

Генерал Лечицкий хотел было остановить свою армию на меридиане Коломеи и выждать обещанные Ставкой подкрепления. Однако, узнав, что на выручку армии Пфланцера идут немцы, этот решительный военачальник положил не дожидаться ни немцев, ни подкреплений. 18 июня он нанес крепкий удар своим центром [...] в долине Прута у Печенежина, еще раз прорвав центр VII австро-венгерской армии... [...] Но в это время подоспел Кривель и 19 июня бросился с группой Ходфи на наш левый фланг... [...]

Этот удар не смутил Лечицкого. [...] ..Он контратаковал своим центром и левым флангом [...] на Пруте и за Прутом. [...] Лечицкий, развивая свой успех, занял 24 июня Длатьнь, победно закончив девятидневное сражение при Коломее. [...]

Крушение задуманных “Канн” – поражение Линзингена и разгром Пфланцера – ошеломило австро-германское командование. Из Литвы и Франции спешно были затребованы новые германские дивизии. С Итальянского фронта было переведено управление III армии генерала Кевеша, в которую были включены все войска VII армии между Днестром и Прутом. Пфланцеру был оставлен Карпатский фронт»¹².

Среди конных атак русской кавалерии в это время значится атака частей III конного корпуса 2 июля у селения Альтжучок в результате которого было захвачено семь австрийских орудий¹³.

КОВЕЛЬ – МОГИЛА ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ

Особого разговора заслуживает уничтожение Русской Императорской Гвардии под Ковелем. В боях в Восточной Пруссии, Польше и Литве 1914–1915 гг. гвардейская пехота потеряла более половины своего личного состава. Гвардейские части, известные своей отличной выучкой, безстрашием и безграничной верностью Престолу, преступно не жалели.

Командир Гвардейского корпуса генерал от кавалерии В. М. Безобразов еще в октябре 1914 г., по свидетельству Вел. Кн. Николая Михайловича, жаловался на то, что «вся его кавалерия находится на Северо-Западном фронте, что это для него обидно, что Гвардию теребят без толку, что потери уже громадные, – особенно в Гвардейской стрелковой бригаде, – что необходимо, чтобы Иванов и Верховный обратили на это внимание и пощадили цвет русских войск»¹.

Лишь со вступлением на пост Верховного Главнокомандующего Императора Николая II в целях сохранения и реорганизации гвардейских частей, по Высочайшему приказу, они были выведены в Его личный резерв и отведены с линии фронта. К лету 1916 г. Гвардия полностью восстановила свою боеспособность. Во главе ее был поставлен генерал от кавалерии В. М. Безобразов.

Подчиненные величали его уважительно «Воеводой», что соответствовало его «древне-барским манерам». «Физически Владимир Михайлович был большой и несколько грузный человек, с крупными чертами лица, со слегка выющимися седыми волосами на голове и с еще темной бородкой. [...] Из особенностей, напоминающих старину, помню необычайное число образков и крестов, которые Безобразов носил на груди, под рубашкой, на золотой цепочке. Это было собрание величиною с кулак. Оно было видно, когда Владимир Михайлович расстегивал китель и ворот рубашки, сидя в своем блиндаже в жару. И именно в жару этот металлический клубок на голой груди должен был давать себя чувствовать»².

Генерал-адъютант В. М. Безобразов в Гвардии был популярен. По свидетельству людей, близко стоявших к нему, он «принадлежал к числу редких старших начальников, сумевших стать близко к войскам. Его знали ценили офицеры, а через них верили в него и солдаты. Объяснялось это доступным, человеческим и заботливым характером Владимира Михайловича. Известная мягкость не мешала его служебной требовательности, которая в Гвардии выражалась в дос-

тижении во всем отчетливости и в поддержании особого духа, построенного на том, что кому больше дано, с того больше и спросится.

Безобразов считал, что Гвардию на войне нужно беречь для крупных задач и не трепать ее по мелочам. Это ему она была обязана выводом в стратегический резерв в 1916 году для приведения в порядок, почти напоминавший мирное время, и в настоящую численность военного времени»³.

Разумеется, «без помощи благоволившего к “Воеводе” Государя меру эту едва ли удалось бы провести. Но Безобразов ее добивался и добился, напоминая, что Гвардия не только “ударное” войско, но и оплот Престола. Государь поддержал»⁴.

Так был, по словам ген. Б. В. Геруа, сдержан «ополз гвардейства», когда «Гвардию истощали и обезличивали, постепенно лишая ее той “отборности”, которая оправдывала ее существование, и вместе с тем отдаляя от естественной ее роли опоры Престола». Был восстановлен «строевой дух» Императорской Гвардии»⁵.

Съехавшееся 29 мая 1916 г. на полковой праздник Л.-Гв. Измайловского полка «гвардейское капризное начальство», по словам командира части, было удовлетворено: «Роты проходили церемониальным маршем в развернутом строю, имея тогда после пополнения 100 рядов! Равнение и шаг поразили гвардейских командиров, набивших себе руку и глаз на красносельской парадности и отчетливости. Примерно через месяц такое же впечатление произвел полк на походе, “бурей” пройдя мимо Безобразова в Молодечно. Несмотря на пыль, жару, потные лица, люди выглядели бодро и молодцами, а колонны, носка ружья и свободный шаг не оставляли желать лучшего»⁶.

Еще 26 июня Ставка отдала директиву Юго-Западному фронту овладеть Ковелем. То была личная идея ген. М. В. Алексева. Однако удачный момент для этого удара ген. А. А. Брусиловым был упущен: сильная германская ударная группировка под командованием А. фон Линзингена заступила ему дорогу. Однако ген. М. В. Алексеву, не отличавшемуся гибкостью ума, уже трудно было отступить. Гвардия получила приказ грузиться в эшелоны, которые шли к Ровно и Луцку. «С музыкой и песнями, весело, торжественно», по словам очевидцев, выступили гвардейцы»⁷.

Иное настроение создалось у командного состава Гвардии по приезде на место Участвовавший в совещании 4 июля у ген. А. А. Брусилова генерал-квартирмейстер штаба войск Гвардии ген. Б. В. Геруа так передавал свои впечатления: «Совещание оказалось коротким, так как роль Гвардии была предreshена. [...] С грустью и

недоумением взглянули мы на поле нашей будущей атаки. Сначала открытая и плоская, как ладонь, полоса Суходольских болот, необходимость форсировать реку, а затем лесисто-болотистые дефиле, которые тянулись до самого Ковеля, и которые можно было защищать малыми силами с достаточным числом пулеметов и орудий против превосходящих сил. Сомнениям нашим не дано было развиваться и вылиться в спор, так как вслед за общими указаниями последовало со стороны Брусилова и его оперативного штаба прямое указание – что делать. [...]

Почему штаб Юго-Западного фронта так точно и узко обозначили нашу задачу, выяснилось впоследствии. Директивой Ставки было указано «атаковать Ковель с юга». [...] Штаб фронта торопил и хотел, чтобы мы атаковали через пять дней! [...] Впоследствии нас обвинили наверху в неудачном выборе участка для удара. Хорошо еще, что сохранилась на бумаге эта фраза позднейшей директивы Ставки «атаковать Ковель с юга»⁸.

Безцельность и гибельность для Гвардии операции ясно представлял и генерал М. В. Безобразов. По свидетельству одного из офицеров, он «не хотел» атак на Стоходе, «неустанно уведомляя Ставку, что шансов на успех нет никаких, что у немцев долговременные укрепления, которых при числе и калибре нашей артиллерии разрушить и думать нечего, что подступов удобных нет, что между нашей и немецкой линией в некоторых местах около километра расстояния неудобного грунта и т.д.

Ставка приказала атаковать»⁹.

Общая атака была назначена на 13 часов 15 июля в день именин ген. В. М. Безобразова. Невзирая на бурю вражеского огня, батальоны шли по-гвардейски, цепь за цепью. Успехи были несоизмеримы с потерями: 50% нижних чинов и 80% офицеров. Атаковали в течение нескольких дней – до *полного исчерпания резервов*. Однако ген. М. В. Алексеев требовал от Юго-Западного фронта продолжения наступления. Приказывали даже спешить гвардейскую кавалерию, чтобы и ее спалить в бессмысленных действиях. Но этому решительно воспротивился ген. В. М. Безобразов, называя это «святотатством»¹⁰.

Болотистая пойма реки Стоход стала братской могилой тысяч солдат и офицеров Русской Императорской Гвардии. «Безцельно и бессмысленно, – вспоминал об этих боях гвардеец, – погибли, как это всегда бывает, лучшие люди...»¹¹

Еще одно наступление на Ковель, по решительному требованию ген. М. В. Алексеева, провели 3 сентября, но завершилось оно

также безуспешно, с такими же чудовищными потерями. Дальнейшее наступление грозило полным истреблением Гвардии. И его прекратили.

«Так печально закончилась Ковельская операция, – с горечью вспоминал ген. Б. В. Геруа, – в которой погибла, возродившаяся было, Гвардия. Будто злые силы погубили ее, преследуя в будущем какие-то свои цели... Винить солдат и офицеров не приходится: и те, и другие честно исполнили свой долг, и тому доказательством – безчисленное количество новых могил по всему гиблому болоту реки Стохода»¹².

Говоря о «злых силах», генерал был недалек от истины.

«Во главе этих врагов» ген. В. М. Безобразов, по свидетельству того же ген. Б. В. Геруа, «ставил М. В. Алексева. [...] Теперь, когда самостоятельное, в армейском масштабе, употребление войск Гвардии не принесло блестящих плодов; когда заданного им Ковеля они не взяли, оставшись почти на месте, можно было доложить Царю: “Вот видите, Безобразов со своей пресловутой Гвардией ничего не сумел сделать”.

Что Алексеев, сын фельдфебеля, “протрубивший” в строю армейского полка до Академии 13 лет, действительно не любил Гвардию с ее преимуществами, сомневаться трудно. Это можно было заметить даже в Академии, наблюдая отношение профессора Алексева к слушателям – гвардейцам.

Насколько, однако, данная Ставкой Безобразову задача, заранее определившая ограниченность ее выполнения, являлась результатом недоброжелательства – остается вопросом. Но вот что безусловно: после боев 15–16 июля Ставка в своих ежедневных бюллетенях отметила их мимоходом и совершенно умолчала о существенных трофеях, взятых на фронте армии Безобразова»¹³.

Боясь ответственности, участники этого несомненно существовавшего преступного Komplota решили свалить вину за Ковельскую бойню не на тех, кто разрабатывал операцию и осуществлял ее, кто, видя ее провал, с упрямством, достойным лучшего применения, настаивал на продолжении преступных (из-за бессмысленности огромных жертв) атак, а на ничего не ведавших исполнителей этого замысла, от которых требовали совершить невозможное.

Обычная манера чернить своих сослуживцев в относящихся к Ковельской бойне месте воспоминаний ген. А. А. Брусилова превосходит всякую меру: «...Гвардейский отряд, великолепный по составу офицеров и солдат, очень самолюбивых и обладавших высо-

ким боевым духом, терпел значительный урон без пользы для дела потому, что их высшие начальники не соответствовали своему назначению. [...] ...Командующий “особой” армией генерал-адъютант Безобразов был человек честный, твердый, но ума ограниченного и невероятно упрямый. Его начальник штаба, гр. Игнатьев, штабной службы совершенно не знал, о службе Генерального штаба понятия не имел, хотя в свое время окончил Академию Генерального штаба с отличием. Начальник артиллерии армии, Герцог Мекленбург-Стрелицкий, был человек очень хороший, но современное значение артиллерии знал очень неосновательно, тогда как артиллерийская работа была в высшей степени важная и без искусного содействия артиллерии успеха быть не могло. Саперные работы, имеющие столь большое значение в позиционной войне, также производились неумело. Командир I Гвардейского корпуса, Вел. Князь Павел Александрович, был благороднейший человек, лично безусловно храбрый, но в военном деле решительно ничего не понимал; командир II Гвардейского корпуса, Гаух, человек умный и знающий, обладал одним громадным для воина недостатком: его нервы совсем не выносили выстрелов, и, находясь в опасности, он терял присутствие духа и лишался возможности распоряжаться»¹⁴.

Один он хорош, умняга Алексей Алексеевич – оккультист и масон, а в будущем – еще и клятвопреступник.

Далее, не стесняясь, ген. Брусилов признается в своем прямом участии в безчестной коллективной интриге: «Я все это знал и писал об этом Алексею, но и ему, тем более мне, было очень трудно переменить такое невыгодное положение дела. По власти главнокомандующего фронтом я имел право смецать командующих армиями, корпусных командиров и все нижестоящее армейское начальство, но Гвардия с ее начальством были для меня недосыгаемы. Царь лично их выбирал, назначал и смецал, и сразу добиться смены такого количества гвардейского начальства было невозможно. Во время моей секретной [sic!] переписки по этому поводу частными [sic!] письмами с Алексеевым, на мой фронт приехал председатель Государственной думы Родзянко и спросил разрешения посетить фронт, именно – “особую” армию. Уезжая обратно, он послал мне письмо, в котором сообщал, что вся Гвардия вне себя от негодования, что ее возглавляют лица, неспособные к ее управлению в такое ответственное время, что они им не верят и страшно огорчаются, что несут напрасные потери без пользы для их боевой славы и для России. Это письмо мне было на руку [sic!], я препроводил его при моем письме Алексею,

с просьбой доложить Государю, что такое положение дела больше нетерпимо и что я настоятельным образом прошу назначить в это избранное войско, хотя бы только на время войны, наилучшее начальство, уже отличившееся на войне и выказавшее свои способности. В конце концов все вышеперечисленные лица были сменены...»¹⁵

С поддержкой интриги против ген. В. М. Безобразова выступил и Вел. Кн. Николай Михайлович, написав Государю специальное письмо от 13 августа 1916 г.¹⁶ (Ген. Б. В. Геруа характеризует это письмо, как резюме петербургских настроений, возникших в результате «незрелых тактических рассуждений» гвардейской молодежи, заполнившей после сражений под Ковелем столичные госпитали¹⁷.)

Кроме уже перечисленных лиц, чувствуется присутствие здесь и неназванного «соблазнителя генералов» А. И. Гучкова¹⁸, в свое время основательно изучавшего использование армии в свержении Монарха на примере младотурецкой еврейско-масонской революции¹⁹. Этот личный враг Царя, как известно, часто бывал на фронте. Широко известна его скандальная тайная переписка с ген. Алексеевым, так же как и тесные связи ген. Брусилова с деятелями Всероссийского земского союза и Союза городов²⁰, организаций, под прикрытием которых, как известно, действовали политические заговорщики.

Не забудем, что будущие революционные генералы в большинстве своем вышли из военно-масонской ложи А. И. Гучкова, образованной еще в предвоенную эпоху.

«По инициативе А. И. Гучкова и генерала Василия Гурко, – писал ген. А. И. Деникин, – под председательством последнего, образовался военный кружок из ряда лиц, занимавших ответственные должности по военному ведомству, который вошел в контакт с умеренными представителями Комиссии по государственной обороне. Многие участники кружка, как ген. Гурко, полковники Лукомский, Данилов и другие, играли впоследствии большую роль в первой мировой войне. [...] ...За ними... утвердилась шуточная кличка “младотурок”»²¹. (Но именно ген. В. И. Гурко, после отставки ген. В. М. Безобразова, был поставлен во главе Императорской Гвардии. После февральского переворота 1917 г. его назначили главнокомандующим Западным фронтом. Гурко протезировал военный министр «временщиков» Гучков, высоко ценивший его и знакомый с ним еще со времен англо-бурской войны 1899–1901 гг.: Гучков воевал на стороне буров, Гурко же состоял при англичанах²².)

Роль генералов из этого кружка в феврале 1917 г. была не только, что называется видной, но и, в определенном смысле, решающей. Недаром А. Ф. Керенский, которого уже после октябрьского переворота 1917 г. упрекнули в руководстве «великой безкровной» (помогшей Германии вывести из строя Русскую армию), вполне определенно заявил: «Революцию сделали не мы, а генералы. Мы же только постарались ее направить в должное русло»²³.

Итак, сегодня мы можем поименно назвать людей, причастных к гибели в июле–сентябре 1916 г. Русской Императорской Гвардии, что, по их замыслу, должно было лишить в решительный час Царя надежной опоры: Вел. Кн. Николай Михайлович, депутат Думы А. И. Гучков, начальник штаба Верховного Главнокомандующего ген.-адъютант М. В. Алексеев, главнокомандующий Юго-Западным фронтом ген.-адъютант А. А. Брусилов, председатель Государственной думы М. В. Родзянко.

Судя по письмам Государыни, Она хорошо понимала, что с Гвардией происходит что-то неладное.

«...Гвардия, – читаем в обзоре Ее писем П. П. Стремоухова, – вызывает особую заботу Императрицы. Она хочет, чтобы Государь находился в более тесном общении со Своею Гвардиею и чтобы последнюю более берегли. Если внимательно присмотреться к тем лицам, которые ближе других стояли к Государыне, в частности из военной среды, то становится ясно, что Гвардия интересовала Императрицу не как среда более аристократическая в своем офицерском составе, а как оплот Престола, буквально, как Гвардия – la garde Царя. И как права Она была в этом! Гвардия истреблялась и удалялась от Царя. Находишься она в столице и даже оставайся она на фронте в прежнем своем составе, разве события марта 1917 года могли бы совершиться!

“...Когда Ты поедешь в Гвардию?” – спрашивает Императрица 27 апреля 1916 года (№ 253).

На следующий день, 28 апреля, Она повторяет этот вопрос:

“...Я не понимаю, почему Ты еще не уехал, чтобы повидать Гвардию; они все так нетерпеливо ожидают, а теперь погода вдруг изменилась” (№ 254).

По-видимому, что-то помешало Царю осмотреть Гвардию. По этому поводу Императрица пишет Ему:

“Жалею насчет Гвардии, но у Тебя, без сомнения, основательные причины” (№ 255). Через день, 1-го мая, Она вновь пишет: “Я также разочарована из-за Тебя, из-за Гвардии, из-за Н. П.*; они так хотели, чтобы Ты приехал” (№ 257). И опять, 24 мая: “Мне очень грустно, что Ты, вероятно, не увидишь Гвардию; почему Тебе не дали посмотреть ее прежде, чем ее отправили?” (№ 266).

Гвардия постоянно озабочивает Императрицу. 8-го августа Она пишет: “Хотела бы знать, что Ты предпринял по поводу Гвардии, – будет ли она теперь некоторое время отдыхать?” (№ 327).

* Речь идет о капитане 1-го ранга Н. П. Саблине. – С. Ф.

9 сентября Императрица пишет: “Я в отчаянии, что Гвардия опять понесла большие потери, – но, по крайней мере, подвинулась ли она вперед?”

13-го сентября Она добавляет: “Павел (Вел. Кн. Павел Александрович) огорчен потерями в Гвардии, их посылают в такие невозможные места” (№ 348).

15 сентября Императрица пишет: “*Необходимо* спасти и щадить гвардию” (№ 350).

Того же числа Императрица сообщает Государю содержание писем, полученных Ею от Дрентельна* и Родионова**:

“Три раза в течении одного дня они все должны были атаковать (кажется, 4-го сентября), и позиция была неприступна, немцы были совершенно спрятаны, и их тяжелые орудия стреляли без перерыва. Пленный сказал им, что немцы вырыли окопы на глубине десяти метров и каким-то образом, по мере надобности, поднимают и опускают свои орудия, так что наша артиллерия им не повредила; – они (немцы) – все знают, что против них наша Гвардия, – они чувствуют, что ею безцельно жертвуют” (№ 351)»²⁴.

Нельзя не сказать о дальнейшей судьбе отставленных: ген. В. М. Безобразова и его начальника штаба ген. Н. Н. Игнатьева (1872†1962).

«Безобразов, – вспоминал ген. Б. В. Геруа, – связал духовно существование свое и Гвардии настолько, что, уйдя в эмиграцию, не переставал в своих мечтах о возвращении старого порядка в России видеть в первую голову Императорскую Гвардию под своей командой. Он даже совершил поездку по Европе, составляя из эмигрантов список скрытых кадров Гвардейского корпуса, преимущественно из тех, кого лично

* *Александр Александрович фон Дрентельн* (1868–14.5.1925) – в военной службе с 1890 г. Выпущен офицером (1891). Флигель-адъютант Его Величества. Штаб-офицер для поручений при Главной Императорской квартире (сент. 1915). Генерал-майор Свиты Его Величества. Командир Л.-Гв. Преображенского полка. Остался в советской России. Скончался в Вологодской губернии. – С. Ф.

** *Николай Николаевич Родионов* (1886–24.9.1962) – окончил Морской корпус (1905). Старший лейтенант Гвардейского экипажа. Входил в ближайшее окружение Государя. Участвовал в гражданской войне. Входил в состав Вооруженных сил Юга России. Капитан 2-го ранга. Эвакуировался из Одессы. В эмиграции во Франции. Секретарь объединения офицеров Гвардейского экипажа в Париже (1929). Член кают-компании в Париже, после выхода из которой вступил в Морское собрание (1932). Скончался под Парижем. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. – С. Ф.

знал. [...] Это наивно романтическое мечтание все же симпатично и характерно для Безобразова, в воображении которого, очевидно, командование Русской Гвардией являлось полным завершением его земных желаний»²⁵.

В ген. Н. Н. Игнатъеве, как и в ген. В. М. Безобразове, «ничего не было иностранного, что так часто встречалось в России на верхах общества, армии, чиновничества и особенно Двора. [...] Он много читал и постоянно себя образовывал; хорошо знал историю. Был религиозным, олять-таки по-русски, – с иконами, с нерассуждающей верой, с глубоким духовным философским мышлением. У Игнатъева бывали минуты, когда он вдруг становился “не от мира сего”. Он даже определенно говорил мне, что мечтает... о монашестве!

Совершенно несомненно, что его честолюбие оставалось в зачаточном состоянии, и его немалые служебные достижения – Государева Свита, командование первым, старейшим [Преображенским] полком, Георгиевский крест и оружие, штаб “войск Гвардии”, впоследствии, уже после революции, командование 1-й Гвардейской пехотной дивизией, – все это скользило по нему, совершенно не затрагивая его духовной сущности.

В последний раз я видел его в эмиграции, в Англии, в 1920 году на работе в саду своего брата, который арендовал тогда ферму близ Гастингса, переименованную им, к ужасу английских почталюнов и лавочников, в “Круподерку”, – так называлось киевское имение графов Игнатъевых.

Николай Николаевич, в русской рубахе, мастерил курятник, во все горло распевая русские народные песни. Если бы не эти песни, я легко мог представить себе Игнатъева за этой работой в монашеском подряснике – и вполне счастливым. [...]

Довольно скоро судьба улыбнулась ему и послала место по душе: болгары, в память его отца [гр. Н. П. Игнатъева, заключившего в 1878 г., после русско-турецкой войны, Сан-Стефанский мир], предоставили ему должность библиотекаря в военном министерстве.

Приходилось слышать, что русские люди, встречаясь с ним в Софии, поражались его отвлеченности и безразличному отношению к тому, как “русский народ сам устроил свою судьбу”»²⁶.

Такие это были люди...

* * *

Пока шла Ковельская бойня, 9-я армия генерала Лечицкого одержала 15 июля новые победы под Трояном и Хоцимержем, взяв множество пленных и заставив противника отступить по всему фронту. 20 июля Эрцгерцог Карл попытался силами VII австро-венгерской армии и приданными двумя переброшенными из Франции германскими дивизиями потеснить буковинский заслон 9-й армии, в состав которого входил и III конный корпус графа Келлера. В шестидневных боях у Гринявы кавалеристам противо-

стоял 11-й австро-венгерский корпус. Попытка австро-германского прорыва была пресечена²⁷.

25 июля, в полдень после мощной артподготовки корпуса 9-й армии пошли в наступление. Началось сражение под Станиславом. III австро-венгерская армия вынуждена была отступить по всему фронту. Одновременно в Карпатах войскам ген. Лечицкого пришлось отражать атаки южной группы Пфланцера. «Задача Лечицкого, – комментирует эти бои русский военный историк, – была самой трудной на всем фронте – и он эту трудную задачу решил лучше всех»²⁸.

Успехи русских войск были для неприятеля полной неожиданностью. Один из попавших в плен летом 1916 г. австрийских офицеров вспоминал, как накануне начала боев он, будучи абсолютно уверенным в неприступности их позиций, заявил сослуживцам, что, если они будут все-таки взяты русскими, то на этом месте следует установить грандиозный памятник, на котором должно быть высечено предупреждение потомкам: никогда не воевать с Россией²⁹.

В августе, заслонившись в долине Прута от разбитой под Станиславом III австро-венгерской армии XII армейским корпусом, командующий 9-й армией приступил к организации силами двух армейских и III конного корпусов горного похода в Трансильванию, входившую тогда в состав Австро-Венгрии.

18 августа все армии Юго-Западного фронта перешли в общее наступление. «С 18 по 29 августа, все время отражая яростные контратаки неприятеля, 9-я армия неуклонно продвигалась вперед, многотрудными боями преодолевая вершину за вершиной, перевал за перевалом. [...] ...Армия вела в Лесистых Карпатах бои, которые иначе чем геройскими история не назовет. С 4 сентября войскам пришлось драться в глубоком снегу. Армия Лечицкого билась на фронте в 240 верст, в горах и облаках. [...] Историки восточнопрусских полков только что прибывшей сюда из-под Вердена 1-й германской пехотной дивизии свидетельствуют об этих боях у Дорна-Ватры, Якобен и Кирилибабы как о самых тяжелых за всю войну. Последняя августовская неделя у Кирилибабы обошлась этой дивизии дороже, чем два месяца у Мортomma и на высоте “304”. О верденских боях знает весь мир – о буковинских не знает никто. Русская армия презирала рекламу»³⁰.

Именно эти Буковинские победы генерала П. А. Лечицкого побуждали к выступлению Румынию.

РУМУНИЯ ВСТУПАЕТ В ВОЙНУ

14/27 августа 1916 г. Румыния решила примкнуть к Антанте. Вплоть до этого времени весьма трудно было точно определить симпатии этой своеобразной страны. По словам историков, она одновременно «поставляла Англии пшеницу, снабжала Россию старыми винтовками, пропускала в Турцию переодетых немецких солдат и офицеров, продавала мясо и масло Германии, слала приветственные телеграммы Императору Вильгельму»¹.

Вступление Румынии в войну удлинило фронт русских армий на 500 километров, потребовало переброски сюда 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий. По словам командира 12-й кавалерийской дивизии барона Маннергейма, то был «хрестоматийный пример того, как слабый союзник приносит больше забот, чем от него можно получить помощи!»²

В Ставке не обольщались относительно нового союзника. «Известие о качестве румын, – писал Вел. Кн. Николай Николаевич Гусударю 17 октября 1916 г., – меня не удивило – остались, как были в 1877–1878 году»³. Посетивший Румынию Вел. Кн. Георгий Михайлович в своем письме Императору 11 ноября 1916 г. не решился доверять бумаге, по всей вероятности, сильно потрясшие его сведения о союзном воинстве: «Румыны принимали меня всюду радушно – как офицеры, так и представители населения; что касается их войск, то я доложу, когда увижу Тебя»⁴.

«У румын ничего нет, народ донельзя безпечен, – сообщала побывавшая в Румынии статс-дама Вел. Кн. Виктории Феодоровны С. П. Дурново своей сестре. – Вступили в войну на третий год ее ведения и ровно ничего не подготовили. В лучших госпиталях на двух койках лежат трое раненых, все удивительно грязно, нет ни медикаментов, ни перевязочных средств. Живут румыны подачками, которые им отпускают французы, англичане и мы. Врачи исключительно не румыны. Королевская семья живет очень скромно, терпит большие лишения»⁵.

«Победы армий генерала Брусилова, – писал А. А. Керсновский, – имели последствием выступление на стороне Согласия Румынии, решившей, что настал час поспешить на помощь победителю. Раньше, чем объявить войну, бухарестское правительство запрдало Центральным державам все запасы хлеба и нефти в стране по весьма дорогой цене, рассчитывая все получить затем даром от России.

Эта коммерческая операция по “реализации урожая 1916 года” потребовала времени, и Румыния объявила войну Австро-Венгрии лишь 14 августа, когда Брусиловское наступление уже закончилось. Выступила она на шесть недель раньше, – в момент Луцкой победы Каледина и Доброноуцкого триумфа Лечицкого – положение австро-германских армий из критического стало бы катастрофическим, и при умелом использовании румынских возможностей нам удалось бы вывести из строя Австро-Венгрию. Но удобный момент был безвозвратно пропущен, и выступление Румынии в августе совершенно не имело того эффекта, который оно могло бы иметь в конце мая – начале июня. [...]

Нам надо было сговориться с румынами относительно их главного операционного направления, которое нам надлежало указать в Молдавские Карпаты – в непосредственном соседстве с 9-й армией генерала Лечицкого и в обход правого фланга всего австро-германского расположения. Но Ставка отстранилась от всякого участия в разработке этого вопроса капитальной важности. Она словно подчеркивала, что это ее не интересует и ее не касается.

Предоставленные собственным силам, румыны распорядились ими как нельзя хуже. Они положили заслониться на юге от Болгарии, а наступать на севере в Трансильванию. [...] Помнившая 1913 год Болгария немедленно же объявила войну Румынии. III болгарская армия генерала Тошева, подкрепленная германцами, под общим начальством главнокомандующего на Балканах фельдмаршала Макензена стремительным наступлением вошла в Добруджу, разметав румынские авангарды. 23-го и 24 августа Макензен наголову разбил 3-ю румынскую армию при Туртукае. Яростным штурмом он взял этот “румынский Верден”, сбросив его защитников в Дунай.

Командовавший 3-й румынской армией генерал Аслан на банкете союзным военным агентам заявил: “Туртукай – наш Верден. Кто его тронет – уколется!” Сутки спустя Туртукай пал. Из 39 000 защитников 7000 спаслось на лодках и вплавь, 3570 было убито и ранено, а 28 500 сдалось со 162 орудиями и 40 пулеметами, бывшими на вооружении крепости. Все старшие начальники бежали первыми. [...] Остатки 3-й румынской армии отступили в Среднюю Добруджу, где были спасены подошедшими русскими войсками»⁶. То была спешно созданная в августе и просуществовавшая до октября так называемая Добруджинская армия, командующим которой был назначен генерал от инфантерии А. М. Зайончковский.

Тяжелое положение румынских союзников вынудило Ставку принять меры к облегчению их положения. 9-я армия, которой был оставлено прежнее ее дорна-ватренское направление, в октябре вела тяжелые бои в Молдавских Карпатах, сковав значительные силы: VII австро-венгерскую армию, многочисленные германские подкрепления и половину I армии. По существу это на целый месяц отсрочило падение Бухареста. В ходе этих боев известна конная атака 10-го гусарского Ингерманландского полка⁷. Этот бой был одним из последних известных конных боев Русской Императорской Армии в ходе Великой войны. Напомним: именно этот полк провел одну из первых конных атак войны – 3 августа 1914 года...

15 ноября генерал Лечицкий всеми своими силами перешел в наступление. Активное участие в боях принимал III конный корпус генерала Келлера.

«Весь ноябрь шли тут героические бои в облаках и за облаками – сражение у Кирлибабы. [...] Героическим побоищем у Кирлибабы закончилась наступательная кампания 1916 года на русском фронте. Тактические результаты ее были внушительны. Завоевана была Букovina, захвачено 420 000 пленных (из них германцев 80 000), 600 орудий, столько же бомбометов, 2500 пулеметов и огромная добыча»⁸.

Принимал участие в этом сражении и известный впоследствии генерал-лейтенант А. Г. Шкуро*, тогда еще казачий офицер, правда, уже получивший к тому времени некоторую известность. Еще в декабре 1915 г. он сформировал из кубанцев партизанскую сотню, получившую наименование Кубанского конного отряда особого назначения. Весной 1916 г. из-под Барановичей он стал проситься на юг, где, как он слышал, «происходили конные бои». Получив предписание, казаки двинулись походом в 9-ю армию ген. П. А. Лечицкого. В июле отряд прибыл в Черновицы, а вскоре он был отправлен в Румынию.

Русские и румынские части располагались вперемежку. «Севернее нас, – вспоминал А. Г. Шкуро, – действовала Уссурийская конная дивизия славного ген. Крымова [...] и третий конный корпус

* *Андрей Григорьевич Шкуро (1886–1947)* – сын войскового старшины Кубанского казачьего войска. Окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1907). Великую войну начал в чине хорунжего, а завершил войсковым старшиной. Награжден почетным Георгиевским оружием. По Высочайшему повелению для благозвучия произношения было внесено изменение в его фамилию: Шкуро вместо Шкура. В гражданской войне участвовал в рядах Добровольческой армии. Генерал-майор (30.11.1918). Генерал-лейтенант (4.4.1919). Командующий Кубанской армией.

доблестного ген. Келлера... [...] Корпус этот состоял из дивизий: Первой донской, Десятой кавалерийской и Первой терской. Первой донской дивизией командовал известный военный писатель, впоследствии Донской атаман, генерал Краснов.

Из Черновиц мой отряд был переброшен в район Селетина. Мне были приданы еще три партизанских отряда: один казачий донской (быкадоровцы) подьесаула Быкадрова, уральский казачий подьесаула Абрамова (абрамовцы) и партизанский отряд 13-й кавалерийской дивизии. Таким образом теперь под моей командой состояло более 600 шашек. Действовать приходилось пешком в отрогах Южных Карпат, причем работа наша координировалась с задачами, возлагавшимися на пехоту. В то время как пехота готовила лобовую атаку, я забирался в тылы неприятельского участка, нарушал коммуникации, производил разгром тылов, а если было возможно, то и атаковал неприятеля с тылу.

Горы были страшно крутые, продвижение обозов невозможно, подвоз продуктов приходилось производить на вьюках по горным тропинкам, вывоз раненых был затруднен. Вообще работа была страшно трудная. Драться приходилось с венграми и баварцами.

При взятии Кирлибабы, где мы захватили огромную добычу, я был контужен в голову, причем у меня была разбита щека и поврежден правый глаз. Вскоре после этого мой отряд придали корпусу генерала от кавалерии графа Келлера. [...]

...Я явился представиться своему новому корпусному командиру. Граф Келлер занимал большой, богато украшенный дом в г. Дорна-Ватра. С некоторым трепетом, понятным каждому военному человеку, ожидал я представления этому знаменитому генералу, считавшемуся лучшим кавалерийским начальником Русской Армии. Меня ввели к нему. Его внешность: высокая, стройная, хорошо подобранная фигура старого кавалериста, два Георгиевских креста на изящно сшитом кителе, доброе выражение на красивом, энергичном лице с выразительными, пронизывающими в самую душу глазами. Граф ласково принял меня, расспросил о быте казаков и обещал удовлетворить все наши нужды.

– Я слышал о славной работе вашего отряда, – сказал он. – Рад видеть вас в числе моих подчиненных и готов во всем и всегда идти вам навстречу, но буду требовать от вас работы с полным напряжением сил.

Об этом, впрочем, граф мог бы и не говорить; все знали, что служба под его командой ни для кого не показалась бы синекурой.

Действительно, после двухдневного отдыха, на отряд были возложены чрезвычайно тяжелые задачи»⁹.

Сражение под Бухарестом 14–18 ноября завершилось полным разгромом румынской вооруженной силы. «В Бухарестском сражении, – пишет А. А. Керсновский, – румынские войска показали себя выше своей репутации. Они дрались храбро и упорно, все время переходя в отчаянные контратаки. Но неравенство сил усугублялось плачевным руководством. Начальник ударной группы генерал Сочек в решительный момент контрнаступления 16 ноября “по слабости нервов” бежал в Бухарест, никого не предупредив. Старый гусар Макензен в сопровождении всего трех офицеров первым прискакал в Бухарест, занятый еще отступавшими румынскими войсками. Он опередил голову своего авангарда на 10 верст. Из 120 000 румын до 25 000 было перебито, 65 000 взято в плен, и только 30 000 (остатки 15 дивизий) смогли отступить»¹⁰.

Да и те спаслись исключительно благодаря подоспевшим русским войскам. Пятьсот верст из Буковины походным порядком шел III конный корпус графа Келлера. Лошади были совершенно измотаны. Именно эти кавалеристы графа и подошедшие из Добруджи конники VI кавалерийского корпуса вместе с солдатами IV армейского корпуса Хана Алиева прикрывали отход румын, арьергардными боями сдерживая германские армии Макензена и Фалькенгайна¹¹.

В период великого отступления румынской армии состав III конного корпуса возрос до восьми кавалерийских дивизий, развернувшись как бы в кавалерийскую армию¹².

В октябре 1916 г. под командованием генерала от кавалерии В. В. Сахарова образовали Дунайскую армию, в декабре переименованную в 6-ю, вошедшую в состав созданного тогда же Румынского фронта. (Номинальным главнокомандующим был Румынский король Фердинанд I; фактическим – числившийся его помощником ген. В. В. Сахаров). «Мы направили в Румынию четвертую часть нашей вооруженной силы, и притом лучшую по качеству, весьма ослабив сопротивляемость Западного и Юго-Западного фронтов наших армий»¹³.

Впоследствии, как водится, долг оказался платежом красен. Воспользовавшись несчастьем (революцией в России), «отважные румыны» похитили у бывшей своей союзницы целую «плохо лежавшую» Бессарабскую губернию.

Посетивший в 1912 г. Румынское королевство Вел. Кн. Николай Михайлович докладывал Государю, среди прочего, о его беседе с лидером оп-

позиции Ионом Брэтиану (1864–1927): «Я спросил: “А если в один прекрасный день вы окажетесь во главе правительства, попытаетесь ли вы получить Бессарабию?” После минутного молчания он ответил: “Вы шутите, Ваше Императорское Высочество. Даже в качестве пламенного румынского патриота я не могу желать невозможного. Во всяком случае, очутившись у власти, я выдвину прежде всего вопрос о Трансильвании, и сделаю все от меня зависящее, чтобы сблизиться с Россией»¹⁴.

Для того, чтобы стало вполне ясно, с кем приходилось иметь дело, отметим, что именно сей лидер Национально-либеральной партии Румынии, став в 1914 г. председателем Совета министров, организовал захват Бессарабии у оказавшейся в беде России, а потом, на Ясском совещании в ноябре 1918 г., пытался добиться от членов русской делегации признания этого преступного акта.

Да, честь это такая штука: либо она есть, либо ее нет...

«Русский народ, – заявил П. Н. Милюков на домогательства Брэтиану в 1918 г., – очень чувствителен к тому, что его ограбили его враги в минуту слабости»¹⁵.

«Король! – обращался в январе 1919 г. бессарабский помещик и дворянин В. М. Пуришкевич к Румынскому королю Фердинанду I. – Не забывайте, что Россия – страна, не разбитая на поле брани, что нет народа, который мог бы назвать себя ее победителем, но что она сама довела себя до состояния временной беспомощности, явившейся следствием деморализации ее армии грязными потоками тлетворных учений.

Простит ли непобежденная Россия и сыны ее своей союзнице, маленькой Румынии, попытку посягательства на Бессарабский край, на исконно русское владение, на житницу нашу, оторванную от нас не силою оружия, а трусостью группы дворян-отщепенцев и звоном румынских лей в руках Маргиломана*? Никогда! Ваше Величество! Верьте мне, никогда! Никогда! Никогда!»¹⁶

«Румынский отход, – пишут военные историки, – протекал в катастрофических условиях. В обильной земледельческой стране не оказалось хлеба: все запасы, как мы видели, были накануне объявления войны проданы австро-германцам. Страна и остатки армии погибали от голода и страшной эпидемии тифа. Русским войскам пришлось не только выручать румынскую армию, но и спасать население страны! Слабая боеспособность румынских войск, продажность администрации и развращенность общества чрезвычайно раздражали наших военачальников. Отношения между союзниками с самого начала установились крайне натянутыми»¹⁷.

* Лидер консерваторов в румынском правительстве. Германофил. – С. Ф.

Так, в декабре 1916 г. генерал-майор А. М. Крымов* приказал своей Уссурийской кавалерийской дивизии отойти с занимаемых позиций, обосновав это следующим образом: «Потерял всякое доверие к румынским соседям и не считал себя вправе подвергать свои части риску быть отрезанными»¹⁸. В книгах о командире 12-й кавалерийской дивизии генерал-майоре Г. К. Маннергейме, весьма сочувственно относившегося к румынским союзникам, тут и там разбросаны, все же, вот такие замечания, живо рисующие реалии совместной борьбы: «румынская бригада по неизвестной причине начала отступление»¹⁹; «не выдержав удара противника, румыны отошли»²⁰; «князь Стурдза донес, что ...вообще дольше держаться не может»²¹.

Разыгрывались вот такие сценки: «Мой генерал, – тихим голосом пробормотал командир 7-й румынской бригады кн. Стурдза, – у меня печальная новость: мои рошиоры (красные гусары) не смогли удержать железнодорожную станцию Путна и отошли, заняв новые позиции. Прощу вас, помогите моим бедным солдатам»²².

* * *

«К 25 декабря Румынский фронт застыл в снегах жестокой зимы. В его состав была включена и 9-я армия. Остатки румынских войск были сняты с боевой линии и отправлены в тыл, в Молдавию, где были полностью реорганизованы прибывшей из Франции миссией генерала Бертело. [...]

В произошедшей катастрофе, прежде всего, виноваты сами румыны. Виновато, во-первых, их правительство, пропустившее удобный момент – июнь месяц – по совершенно недостойным меркантильным соображениям “реализации урожая 1916 года”. В августе было уже слишком поздно: кризис неприятельского фронта миновал. Виновато и румынское командование. Два года войны пропало

* *Александр Михайлович Крымов* (1871–1917) – происходил из семьи надворного советника. Окончил Псковский кадетский корпус, Павловское военное училище (1892) и Николаевскую академию Генерального штаба (1902). Во время Великой войны и. д. генерала для поручений при командующем 2-й армии; командир бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии; и. д. начальника штаба 3-го Конного корпуса. Командир Уссурийской конной бригады (1915; с дек. 1915 – дивизия). Участник заговора А. И. Гучкова с целью дворцового переворота. После февральского переворота генерал-лейтенант, командир 3-го кавалерийского корпуса. Активный участник Корниловского мятежа, после провала которого погиб при неясных обстоятельствах (31.8.1917) в Петрограде.

для него даром, оно не воспользовалось опытом ни Восточного, ни Западного театров, и стратегическое невежество шло об руку с исключительной безграмотностью. Румынские стратеги не справились с составлением плана кампании. Они не учли безпримерно невыгодного географического положения маленькой страны, имевшей соприкосновение с неприятелем на протяжении 2000 верст по Карпатам и Дунаю. Погнавшись за кинематографически дешевым эффектом похода в Трансильванию – обетованную землю румынского ирридендизма, они не отдавали себе отчета в том, что их армия слишком слаба для решения самостоятельных стратегических задач. Необходимым условием для их успеха было все время чувствовать локоть могучего русского союзника»²³.

Непостижимо, но факт – вот как ныне в Румынии преподносят ее участие в той войне:

«...Страна была вынуждена собственными силами, почти без поддержки Антанты, вести войну на двух фронтах с четырьмя государствами (Австро-Венгрией, Германией, Болгарией и Османской империей)»²⁴.

«Продвижение румынской армии к западу и северу от Карпат вызвало настоящий кризис в лагере Центральных держав. Кайзер Германии Вильгельм II считал войну проигранной и учитывал возможность отречения от престола...»²⁵

«Союзники – хотя и были в значительной мере обязаны Румынии сокращением военного нажима Центральных держав под Верденом, в Галиции и на юге Балкан – не выполнили свои главные обязательства...»²⁶

«Сражение под Бухарестом [...] доказало высокие качества румынской стратегической мысли, а также способность командования и войск на равных началах сразиться с самой совершенной “военной машиной” эпохи»²⁷.

Принадлежит все это беззастенчивое вранье не какому-нибудь малоизвестному, потерявшему голову от национальной истерии, историку, а доктору исторических наук, преподавателю Бухарестской военной академии, председателю Румынской комиссии по военной истории Румынии генерал-лейтенанту Илие Чаушеску.

В выражениях он не стесняется. Если речь идет о правительстве Румынии, то оно, разумеется, ведет лишь «твердую и ответственную политику»²⁸. Если это Румынский фронт – то это «самый длинный и комплексный фронт с точки зрения формы среди всех фронтов первой мировой войны»²⁹. (Пусть это изъясн – но зато са-

мый-самый большой!) Румынская армия одерживает победы, которые «блестяще подтверждают наступательные ее способности»³⁰. Румынские же солдаты, по уверению французского генерал Бертело (в передаче опять-таки румын), «это лучшие солдаты в мире»³¹. Так переписывают историю все, кому не лень.

Каковы же были в целом итоги действий войск Юго-Западного фронта в течение весны-зимы 1916 года? «Генералу Брусилову, – считал А. А. Керсновский, – удалось то, что до сих пор не удавалось ни одному вождю союзных армий – прорыв неприятельского фронта в стратегическом масштабе. Брусилова обвиняют в том, что, произведя прорыв, он не сумел его использовать. Обвинение это ни на чем не основано. Использовать прорыв было делом не главнокомандующего Юго-Западным фронтом (которому было указано только демонстрировать), а Ставки. Ставка же оказалась совершенно неспособной принять полководческое решение и упустила все представлявшиеся возможности.

Упрек генералу Брусилову может бросить не стратег, а тактик. Этот кавалерист не нашел кавалерии... Превосходная конница Юго-Западного фронта осталась неиспользованной. Из 13 дивизий была использована лишь одна (9-я у Порхова) – и как раз на труднейшем участке. В какой триумф превратилась бы наша победа, кинься IV и V конные корпуса – 20 тысяч шашек (и каких шашек!) – преследовать наголову разбитого врага под Луцком. И уцелел бы из разгромленной армии Пфланцера хоть один человек, если бы вместо одного Текинского полка ее стал бы рубить весь III конный корпус графа Келлера?

Семь кавалерийских дивизий на правом крыле фронта сидели по брюхо коня в болоте, три на левом крыле двинуты были в горы... А за уходившими неприятельскими батареями гналась горсточка наших конноартиллеристов!

Нашей победе не хватило крыльев»³².

И еще: «Победы мая–июня были утоплены в крови июля–октября. Было перебито 750 000 офицеров и солдат – как раз самых лучших. Превосходный личный состав юго-западных армий был выбит целиком. [...]

Ставка ждала от Юго-Западного фронта прорыва – и Юго-Западный фронт дал ей этот прорыв, и даже целых четыре сразу. Россия ждала от Ставки победы, и Ставка ей этой победы дать не сумела.

Была упущена последняя возможность окончить войну выводом из строя Австро-Венгрии, предупредив этим близившиеся вели-

кие внутренние потрясения. Враг содрогнулся от полученного страшного удара. Ему дали время оправиться, а затем стали наносить удары в самые крепкие его места, вместо того, чтобы бить в самые слабые. И лавры Луцка сменились терновым венцом Ковеля...»³³

«Объезжая войска осенью 1916 года, – подводил своеобразный итог двух с половиной лет борьбы тот же А. А. Керсновский, – Император Николай Александрович вызвал из строя старослужащих солдат, вышедших с полком на войну. Выходило по два-три, редко по пяти на роту – из иных рот никто не выходил.

Первый, кадровый, состав Императорской пехоты ушел в вечность в осенних боях 1914 года. Второй окрасил своей кровью снег первой зимней кампании – снег Бзуры, Равки и Карпат. Третий состав – это “перебитые, но не разбитые” полки великого отхода. Пришедший ему на смену четвертый состав вынес вторую зимнюю кампанию. Пятый лег в ковельские болота. Шестой догорал в Буковине и Румынии, и на смену ему запасные полки готовили седьмой.

Шесть составов переменяла вообще вся пехота. Однако добрая треть наших дивизий 1-й и 2-й очереди, особенно дравшаяся на Юго-Западном фронте, переменяли свой состав за войну 10 раз и более. [...]

Изменение состава повлекло за собой изменение облика армии. Она стала действительно “вооруженным народом”. [...]

Появились офицеры, в которых не было ничего офицерского, кроме погон, и то защитных. Офицеры, не умевшие держать себя ни на службе, ни в обществе. Слово “прапорщик” сделалось нарицательным. Вчерашний гимназист, а то и недоучка-полуинтеллигент в прапорщичьих погонах командовал ротой в полтора-двадцати мужиков в солдатских шинелях. Он мог их повести в атаку, но не был в состоянии сообщить им воинский дух, той воинской шлифовки и воинской закалки, которой сам не обладал. [...] Между начальниками и подчиненными стало чувствоваться отчуждение, не наблюдавшееся прежде. [...] Одни напускали на себя не принятое в Русской Армии высокомерие и этим отталкивали солдата. Другие безвозвратно губили себя панибратством, попытками “популярничать”. Солдат чуял в них “не настоящих” офицеров. [...]

Из военной жизни под... преступным предлогом “военного времени” вытравлялась вся обрядность, вся та торжественная красота, что прививала офицеру и солдату сознание святости воинского звания. Безобразнейшая обмундировка, так и напрашивавшаяся на неяршливое ношение, отнюдь не способствовала внедрению этого сознания. В шапках поддельного серого барашка, каких-то неслы-

ханных ушастых монгольских малахаях и стеганных на вате зипунах и кофтах армия стала по внешнему виду походить на среднеазиатскую орду, на тех “басурманов”, которых из рода в род били российские войска, когда они были еще одеты в российские мундиры... Офицеры шили себе обмундирование на английский образец – так называемые “френчи”, что было явлением совершенно недопустимым в благоустроенной армии. Утрата воинского вида влекла за собой и снижение воинского духа.

Окопное сидение создавало непрошенные досуги, которых не умели заполнить. Праздность рождала праздные мысли. Вопрос “за что мы воюем?”, не имеющий значения в регулярной армии, приобрел первостепенную важность для вооруженного народа»³⁴.

Конечно, «Армия, – справедливо полагал Вел. Кн. Андрей Владимирович, – имела меньше всего основания быть чем-либо недовольной, но ее распропагандировали, что особенно успешно шло во время войны, с уменьшением старого кадрового состава и вливанием необученного контингента, прямо от сохи, без дисциплины и понятий»³⁵.

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ РЕВОЛЮЦИИ

Командовавший 1-м Нерчинским казачьим Наследника Цесаревича Алексия Николаевича полком полковник барон П. Н. Врангель вспоминал, как в ноябре 1916 г. его полк вместе со всей стоявшей в Буковине Уссурийской конной дивизией генерал-майора А. М. Крымова был переброшен в Румынию.

«Поздней ночью, – вспоминал он, – я встретил дивизию, отходившую на линию реки Серет. Мы простояли несколько дней на этой линии, а затем, смененные пехотой, усиленными переходами перешли в район Галаца, где сосредотачивалась крупная масса конницы, объединить которую должен был генерал от кавалерии граф Келлер. На нашем крайнем левом фланге шли жестокие бои, намечался прорыв нашей пехотой неприятельского фронта, и конницу нашу предполагалось бросить в тыл Макензену. Прорыв не удался, и, напрасно простояв сутки под открытым небом, под проливным дождем, конница вновь была оттянута в тыл. Наша дивизия отошла в район Текучи–Бырлат.

Как-то на одном из переходов во время привала ко мне прибыл от генерала Крымова, шедшего в головном полку, ординарец и передал мне, что начальник дивизии просит меня к себе.

Подъехав к голове колонны, я увидел группу офицеров штаба дивизии, гревшихся вокруг костра и разбиравших только что привезенную почту. Генерал Крымов, держа в руке несколько скомканных газет, нетерпеливыми большими шагами ходил в стороне. Увидев меня, он еще издали, размахивая газетами, закричал мне:

– Наконец-то, подлеца Гришку ухлопали...

В газетах был ряд сведений об убийстве Распутина. Прибывшие одновременно письма давали подробности.

Из трех участников убийства я близко знал двух – Великого Князя Дмитрия Павловича и князя Ф. Ф. Юсупова.

Какие чувства руководили ими? Почему, истребив вредного для Отечества человека, они не объявили об этом громко, не отдали себя на суд властей и общества, а, бросив в прорубь труп, пытались скрыть следы? Трудно верилось полученным сообщениям¹.

Командир Уссурийской конной дивизии генерал-майор Александр Михайлович Крымов состоял, как известно, в заговоре против Государя. Даже явно симпатизировавший ему бар. П. Н. Врангель писал о нем: «Выдающегося ума и сердца человек, один из самых талантливых офицеров Генерального Штаба, которых приходилось мне встречать на своем пути... [...] В неоднократных спорах со мною в длинные зимние вечера, он доказывал мне, что так дальше продолжаться не может, что мы идем к гибели и что должны найтись люди, которые ныне же, не медля, устранили бы Государя “дворцовым переворотом”...»²

Похоже, что в какой-то степени он и сам был введен в заблуждение более искушенными столичными заговорщиками. Подтверждения этому мы находим в воспоминаниях состоявшего при Государевой Свите в качестве историографа генерал-лейтенанта Д. Н. Дубенского:

«...Расскажу случайную встречу мою (в начале февраля [1917 г.]) с генералом Александром Михайловичем Крымовым. О нем говорили как о выдающемся боевом начальнике, и имя его пользовалось большим уважением в Ставке. Я помню, как при каком-то сообщении о боях в Карпатах, где была дивизия Крымова, Государь сказал: “Там этот молодец Крымов, он управится скоро...”

Вот этого-то генерала Крымова, недавно прибывшего в Петроград, я встретил у начальника Главного Штаба генерала Архангельского. Мы все трое были сослуживцы по Мобилизационному отделу Генерального Штаба еще до войны и потому говорили откровенно и свободно. Генерал Крымов большой, полный, в кавказской черной черкеске, с Георгием на груди, ходил по известному круглому кабинету начальника Главного Штаба и указывал на целый ряд ошибок во внутренней политике, которые, по его мнению, совершил Государь. Он возмущался, негодовал, и когда мы спрашивали его, откуда почерпнуты им сведения о каких-то тайных сношениях Двора с Германией, он отвечал: “Да так говорят...”

Мы стали разъяснять Крымову и указывать, что многое в его словах преувеличено, извращено и передано в искаженном виде. Наш приятель стал задумываться, меньше возражал и в конце концов сказал: «Где все это знать у нас в Карпатах...»

Генерал Крымов был человек горячий, неглупый, безусловно порядочный, но увлекающийся.

– А в Ставке часто бывал Распутин? – спросил он меня.

– Да он никогда там не бывал. Все это ложь и клевета.

– А мы на фронте слышали, что он был там вместе с Царицей. Как это досадно, что подобные слетни достигают позиций и тревожат войска, – сказал уже смущенно Крымов.

Крымов передал нам, что у них ходит слух о сепаратном мире и о том, что есть сношения между Царским и Вильгельмом. Говорил он уже как о явных баснях, но вносящих сомнения, смуту.

Грустно было слушать подобные толки и сознавать силу подобной интриги, начавшей доходить из столиц до Армии и подтачивающей доверие к ее Верховному Вождю»³.

Однако знание действительного положения вещей уже никак не могло повлиять на приведение в исполнение преступных замыслов. Ибо и мнимое всеисие Г. Е. Распутина, и слухи о сепаратном мире – все это служило лишь прикрытием, своего рода оправданием заговора, а никак не его причиной.

Следует подчеркнуть, что генерал Крымов был одним из главных военных заговорщиков. О существовании заговора, в котором принимали участие А. И. Гучков, А. И. Коновалов, генералы А. М. Крымов и М. В. Алексеев, пребывавший в Ставке соглядатай революционеров М. К. Лемке подозревал еще в конце 1915 г. – начале 1916 г.⁴ «Ген. Крымов, – писал М. И. Терещенко, – неоднократно приезжал в Петербург... и пытался убедить сомневающихся, что больше медлить нельзя»⁵. Об участии ген. Крымова в заговоре невольно свидетельствовал и ничего не подозревавший барон П. Н. Врангель, служивший в то время под его началом: «Генерал Крымов, близко знавший Гучкова, возлагал на него огромные надежды»⁶. В ноябре–декабре 1916 г. Крымов пытался втянуть в заговор и командира 12-й кавалерийской дивизии барона Маннергейма⁷.

Впоследствии, после провала Корниловского мятежа, в котором ген. Крымов также принимал активное участие, он застрелился (или был убит) прямо в кабинете министра-председателя А. Ф. Керенского.

«Его смерть, – писал историк Г. М. Катков, – потрясла его друга, министра иностранных дел [Временного правительства] Терещенко. В интервью, данном в начале сентября, Терещенко открыл, что Крымов принимал участие в заговоре, готовившем дворцовый переворот. Гучков категорически отрицал участие Крымова, а Терещенко так никогда и не попытался разъяснить этот чрезвычайно важный вопрос. [...] То, что Крымов был связан, с одной стороны, с Терещенко, а с другой – с Гучковым, решительно говорит о его принадлежности к масонству»⁸.

В январе 1917 г., по свидетельству барона П. Н. Врангеля, ген. Крымов «выехал для лечения в Петербург», вернувшись лишь 11 февраля⁹. В столице генерал обращался к председателю Государственной думы М. В. Родзянко с просьбой в *неофициальной* обстановке встретиться с членами Государственной думы. Встреча эта состоялась на квартире Михаила Владимировича.

«У меня, – вспоминал Родзянко, – собрались многие из депутатов, членов [Государственного] Совета и членов Особого совещания. [...] Крымов говорил, что, пока не прояснится и не очистится политический горизонт, пока правительство не примет другого курса, пока не будет другого правительства, которому бы там, в армии, поверили, – не может быть надежд на победу. [...] Закончил Крымов приблизительно такими словами:

“Настроение в армии такое, что все с радостью будут приветствовать известие о перевороте. Переворот неизбежен, и на фронте это чувствуют. Если вы решитесь на эту крайнюю меру, то мы вас поддержим. Очевидно, других средств нет. Все было испробовано как вами, так и многими другими, но вредное влияние Жены сильнее честных слов, сказанных Царю. Времени терять нельзя”.

Крымов замолк и несколько секунд все сидели смущенные и удрученные. Первым прервал молчание Шингарев:

– Генерал прав – переворот необходим... Но кто на него решится?

Шидловский с озлоблением сказал:

– Щадить и жалеть Его нечего, когда Он губит Россию.

Многие из членов Думы соглашались с Шингаревым и Шидловским; поднялись шумные споры. Тут же были приведены слова Брусилова: “Если придется выбирать между Царем и Россией – я пойду за Россией”¹⁰.

О том, что «приоритет служения отечеству над служением Монарху являлся доминирующим в офицерской среде» накануне февральского клятвопреступного бунта 1917 г. современные военные историки стали писать лишь в последнее время. Причем связывая это с «участием офицеров в заговоре против Царя и пассивность офицерского состава Армии в ходе событий» февраля 1917 г.¹¹ Другие исследователи, считающие себя патриотами, отрицают это; объясняют «подчинение Временному правительству» офицеров, ссылаясь на «видимую законность отречения Государя»¹². Действительно, для того, чтобы разобраться в «видимой законности», требуется немало времени¹³. Еще больше усилий нужно приложить к тому, чтобы выяснить степень причастности офицеров и генералитета непосредственно

* В июле 1916 г. М. В. Родзянко вместе с членом Думы В. А. Маклаковым (одним из будущих убийц Распутина) и председателем Киевского военно-промышленного комитета М. И. Терещенко, объезжая многих генералов на фронте, побывали и у А. А. Брусилова. – С. Ф.

венно к заговору. Но историки, отвергающие этот важнейший факт на основании отрицания фактов второстепенных, «заговаривают», на наш взгляд, главное – перерождение русского офицерского корпуса и генералитета, для которых служение родине затмило служение Самодержавному Монарху. А ведь по сути они преступали текст Присяги, выполнять которую клялись перед Крестом и Евангелием. (В том, что такое «отвержение» историками вряд ли случайно, становится ясно, если просто проанализировать принцип использования исследователями прописных и строчных букв в их текстах: Отечество, монарх, Февральская революция, Временное Правительство...¹⁴)

Как бы то ни было, ясно одно: офицеры, подобные Николаю Ростову, к февралю 1917 г. в Русской Императорской Армии перевелись. Ведь и он задавался когда-то «проклятыми вопросами». Офицеры, друзья Ростова, напомним, были недовольны миром, заключенным с французами после Фридланда. «Для чего же оторванные руки, ноги, убитые люди?» Почему Бонапарта Император Александр теперь «любит и уважает»? Николай Ростов мучился этим, не находя ответа: «В уме его происходила мучительная работа, которую он никак не мог довести до конца. В душе поднимались страшные сомнения. [...] Он заставлял себя на таких странных мыслях, что пугался их. [...] Внутренняя поднявшаяся в нем работа, не разрешаясь, все так же томила его. Он боялся предаваться своим мыслям и не мог отстать от них».

Вот этот *благодетельный страх согрешить* и привел его, в конце концов, к разрешению мучительного вопроса. Ужаснувшись всем этим одолевавшим его мыслям, он *вдруг* все понял и – в ненависти к этим яростно боровавшим его сомнениям и одновременно с радостью, что, с помощью Божией, он, наконец, победил их – начал кричать (чем, разумеется, удивил не ведавших о той внутренней его борьбе офицеров): «И как вы можете судить, что было бы лучше! [...] Как вы можете судить о поступках Государя, какое мы имеем право рассуждать?! Мы не можем понять ни цели, ни поступков Государя! [...] Мы не чиновники дипломатические, а мы солдаты, и больше ничего. [...] Велят нам умирать – так умирать. А коли наказывают, так значит – виноват; не нам судить. Угодно Государю Императору признать Бонапарте императором и заключить с ним союз – значит, так надо. А то коли бы мы стали обо всем судить да рассуждать, так этак ничего святого не останется. Этак мы скажем, что Бога нет, ничего нет. [...] Наше дело исполнять свой долг, рубиться и не думать, вот и все...»¹⁵

ПОСЛЕДНИЙ ОТДЫХ

После тяжелых изматывающих боев, а также «в виду полного истощения запасов фуража»¹ кавалерийские корпуса в конце 1916 г. отвели в Бессарабию на пополнение и отдых. Одним из последних Румынию оставляли части III кавалерийского корпуса гр. Ф. А. Келлера. Еще 7 января 1917 г. они сменили на Карпатах совершенно измотанную 12-ю кавалерийскую дивизию ген. бар. Г. К. Маннергейма².

«Милый Ники, – писал 14 января 1917 г. из Киева Государю Вел. Кн. Георгий Михайлович, – 11-го ноября я начал объезд корпусов, которые были в списке, переданном мне в штабе в Ставке, и попутно я посещал также госпитали и лазареты. Всего Твоим именем я наградил нижних чинов семидесяти одной пехотной и одиннадцати конных дивизий.

Все шло гладко до окончания объезда IX армии генерала Лещицкого. Окончив весь фронт генерала Брусилова, я поехал в Берлад к генералу Сахарову. Но здесь я попал в самый разгар больших боев, и генерал Сахаров сказал мне, что совершенно немыслимо раздавать награды в период горячих боев, так как выводить лучших людей из окопов невозможно; он мне сказал, что он мне сообщит, когда будет возможно ехать.

Я переехал в Яссы и там прождал пять дней. Чтобы не терять время и видя, что не скоро возможно продолжать мой объезд на фронте, я проехал в Одессу, в Вознесенск и в Березовку, где наградил от Твоего имени нижних чинов Сербской дивизии, которая так отличилась в Добрудже. [...]

Во время объезда пяти армий мне не удалось наградить три с половиной корпуса пехотных (IV арм., IV Сиб., VII арм. и 15-ю пех. див. VIII корпуса), а также III и VI конные.

Ты знаешь из моих донесений, в каком блестящем виде представлялись все части, которые я имел честь видеть и награждать. Прямо трудно сказать, который корпус лучше: бодрые, веселые солдаты – молодец к молодцу, несмотря на различные лишения и трудные стоянки в горах в зимнюю пору»³.

Пока ген. А. М. Крымов плел сеть заговора в Петрограде, его Уссурийская конная дивизия получила приказ – идти в Бессарабию. Произведенный к тому времени в генерал-майоры и назначенный командиром второй бригады, барон П. Н. Врангель вспоминал: «В двадцатых числах января дивизия получила приказа-

ние перейти в район г. Кишинева. Здесь сосредотачивалась большая часть русской конницы с Румынского фронта. Богатая местными средствами и, главным образом, фуражом, Бессарабия давала возможность нашей коннице занять широкое квартирное расположение и в течение зимнего затишья на фронте подправиться и подкормиться.

Я повел дивизию крупными переходами. Стояла чрезвычайно снежная зима с обычными в этой части Румынии метелями. Однако привычные к зимнему походу забайкальские кони шли легко, и переход наш во вновь назначенный район мы сделали быстро и без особых затруднений.

Небольшой чистый и благоустроенный губернский город Кишинев, обыкновенно тихий и молчаливый, был необычайно оживлен. Помимо моей дивизии в ближайшем к городу районе расположены были весь конный корпус генерала Келлера, Туземная, так называемая дикая дивизия князя Багратиона... Масса офицеров всевозможных кавалерийских и казачьих полков наполняли театры и рестораны.

Радужное кишиневское общество радо было случаю оказать гостеприимство нашим частям и самим повеселиться. Представители местного дворянства и крупного купечества наперерыв устраивали обеды, ужины и балы, и военная молодежь после двух лет тяжелой походной жизни веселилась от души. Через несколько дней после прибытия дивизии кишиневское дворянство устроило для офицеров в Дворянском собрании бал. После танцев перешли в столовую, где на отдельных столах был сервирован ужин, причем дамы сами подавали, присаживаясь к тому или другому столику. Через неделю дивизия давала в том же Дворянском собрании ответный бал кишиневскому обществу. Из окрестных стоянок прибыло два хора трубачей и песенники. Разошлись только с рассветом. Среди беззаботного веселья и повседневных мелочных забот, казалось, отлетели далеко тревоги последних долгих месяцев, и ничто не предвещало близкую грозу.

Одиннадцатого февраля прибыл из Петербурга генерал Крымов и дал новый повод местному обществу устроить в честь его ряд обедов и вечеров. Он также был далеко от сознания, что роковой час почти пришел и гроза готова разразиться. Негодуя на Ставку и правительство, осуждая "безумную и преступную" политику, приводя целый ряд новых, один другого возмутительнее, примеров произвола, злоупотреблений и бездарности власти, он все же не от-

давал себе отчета, что капля, долженствующая переполнить чашу терпения страны, уже повисла в воздухе»⁴.

Тут, как говорится, не знаешь, чему больше удивляться: безстрашию ли и наглости генерала-заговорщика, в незнакомом, в сущности, обществе открыто произносившего противоправительственные речи; отсутствию ли каких-либо верноподданнических чувств у слушавших все это господ офицеров; наивности ли генерала П. Н. Врангеля, неловко пытавшегося оправдывать Крымова, уже будучи в эмиграции, то есть зная весь дальнейший ход истории...

* * *

Однако и тут, на отдыхе, перед решающей кампанией 1917 года русскую кавалерию ждал тяжкий удар из... Ставки. «Новые артиллерийские формирования влекли за собой увеличение конского состава Действующей армии. Угасавшие железные дороги совершенно не могли справиться с дополнительной доставкой фуража. Решено было пожертвовать конницей для артиллерии. В декабре месяце кавалерийские полки из 6-эскадронного состава были сведены в 4-эскадронные. Спешенные эскадроны, растворившись в толпе необученного пополнения, образовали какие-то, никому не нужные, “стрелковые кавалерийские полки” – по одному на дивизию. Идея этих “стрелковых кавалерийских полков” принадлежала генералу Алексееву, вряд ли понимавшему кавалерийское дело.

Одним росчерком пера конница – самый сохранившийся род оружия – теряла треть своего состава. И это в то время, когда все указывало на неизбежность серьезных внутренних потрясений... Этим сохранившимся родом оружия надо было особенно дорожить и в предвидении конца войны, когда офицерский и унтер-офицерский кадр кавалерии мог помочь воссоздать обезкровленную пехоту. Ставка ничего этого не хотела сознавать... Особенно настаивал на спешивании 5-х и 6-х эскадронов Великий Князь Сергей Михайлович, желавший получить поскорее запряжки для формируемых батарей. Его энергично поддерживал генерал Брусилов.

После того как регулярные кавалерийские полки были сведены из 6-эскадронного состава в 4 эскадрона, хотели было приняться за казаков. Однако в начале февраля нами была перехвачена радиограмма Макензена, поздравлявшего командира конного корпу-

са графа Шметтова с саморазгромом русской кавалерии. Государь немедленно же повелел прекратить ампутацию – и казачьи полки остались в составе 6 сотен. [...]

Подводя итог организационным мероприятиям Ставки, можно сказать, что они нисколько не считались ни с боевым опытом, ни с природой войск, ни с требованиями простого здравого смысла»⁵.

...Однако и сама война подходила к концу. Как же выглядела она на географической карте? – «На русско-германском театре военных действий русские войска первыми перешли границу Восточной Пруссии. Немцы в свою очередь вторглись на юго-запад Русской Польши и заняли целый ряд приграничных городов. В первые месяцы войны главные сражения разворачиваются в русской части Польши (лишь три наши южные армии действовали на австро-венгерской территории). С конца апреля 1915 года (начало Великого отступления) вплоть до Брестского мира русские войска защищают родные рубежи (одновременно удерживая небольшую часть австро-венгерской территории). После оставления русскими Польши и завоеванной в 1914 г. Галиции вражеские полчища устремились в глубь Империи: в Курляндию, Лифляндию, Литву, Белоруссию, Полесье и Вольнь. В 1918 году, после выхода России из войны, германское командование продолжило наступление. Немцы дошли до Ростова, проникли в Крым и в Грузию... [...]

И французы первыми вторглись в принадлежавшие немцам районы южнее Люксембурга, пытаясь вернуть Восточную Лотарингию, Вогезы и Эльзас, утраченные в ходе франко-прусской войны 1870–1871 годов. Наступательные усилия французов ничем не увенчались: все четыре года войны германские войска воевали в северо-восточной Франции, превратив цветущие поля Шампани в лунные пейзажи. [...]

Для Франции и России складывается интереснейшее положение: почти всю первую мировую войну они сражаются с противником на *своих территориях*.

Став в этой войне победительницей, Франция ничем не отплатила немцам за взятие Парижа в 1871 году: французы не смогли овладеть не то что Берлином, но даже частью собственно германской территории! [...]

Германия, разрываясь на несколько фронтов, в итоге потерпела неудачу. Это был беспрецедентный случай в истории войн: *вплоть до последнего дня войны ее войска находились на чужих, ими же захваченных территориях!*»⁶

* * *

Так, на позициях и на отдыхе, в ожидании весеннего наступления 1917 года, закончила свое существование Русская Императорская Армия – Петровское детище.

«История, – твердо уверен был ген. П. Н. Краснов, – скажет свое слово о Русской Императорской Армии, и она может спокойно ожидать этого суда и не бояться его. Непостыженная, победоносная, несокрушимая, славная предстанет она на суд истории, и к бесконечной веренице имен героев прибавится еще длинный список новых имен»⁷.

Возможно, будет в России и еще более могущественная (не только вооружением, но, главное, духом) Армия. Пока суждено существовать России, не исчезнет и ее Армия. Только *такой* уже не будет. Никогда.

Прощаемся же с ней, читатель. Воздадим ей должное. И не помянем грехов ее. Будем помнить ее безпримерную славу!

После вынужденного ухода Царя, Верховного Вождя Русской Армии, вместе с заменой Царских знамен и штандартов на красные тряпки и новой присягой, отлетела ее душа.

Разложившись в братаниях и на митингах, погибнув в бессмысленных атаках («Зачем победы без Царя?» «Чьи это победы?»), расплывшись в расплывшихся по России эшелонах бежавших с фронта солдат и казаков, исчезло и само ее тело, породив невиданную ранее яростную вражду «цветов» (белых, красных, зеленых, жовто-блакитных и прочих серо-буро-малиновых). Все это разношерстное воинство лишь отдаленно напоминало Русскую Армию, а часто и просто людей...

Исчезла Армия, но оставались люди, ее составлявшие.

Революция содрала с их плеч золотые погоны, одела их в фантастические формы «цветных полков», в шинели «с разговорами» и богатырки, заготовленные для победного парада, но так никогда и не ставшие Царскими.

Революция убивала их. В Кронштадте вела в ров «к адмиралу Макарову». Отправляла «в штаб к Духонину». Привязав груз к ногам, топила в Черном море. Резала на теле погоны, красные звезды. Забивала шомполами. Рубила шашками. Закалывала штыками. Закапывала живьем.

Еще совсем недавно безстрашно шедшие в атаку на железные цепи германской пехоты, храбро рубившиеся с австрийскими кавалеристами, гнавшие пиками полки мадьярских гонведов, жерт-

вовавшие жизнью для спасения товарища (ибо так были обучены, воспитаны, ибо таков был дух русского воинства), все эти недавние товарищи по оружию, ослепленные Революцией, ринулись друг на друга. И пошла такая бойня, в которой уже не было место прежнему боевому товариществу. Отец не жалел сына, сын отца, брат не щадил брата. И – самое главное – не было правых перед лицом Божиим.

На этом братоубийственном кровавом пиру Господь попустил (воистину непостижимы пути Промысла Божия!) перевес тем, которые, уничтожив своих врагов и передавив впоследствии большинство собственных бунтовщиков-зачинщиков, сумели в час вновь пришедшей беды защитить Русскую Землю от нового нашествия Европы.

Но что было делать тогда, в 1917-м, тем, кто сохранил верность присяге, не пожелав стать клятвопреступником ни перед Богом, ни перед своим Государем?..

Их было мало... Но все-таки они были...

Один из старых революционеров, вышедший при временщиках в чины, а вскоре, после вхождения во власть большевиков, скрывшийся в вожделенных Соединенных Штатах, вспоминал о первых днях своего комиссарства в Киеве в марте 1917 г.:

«Когда я пришел на гауптвахту, товарищи по былому моему заключению говорят мне.

– У нас здесь есть политический.

– Где он? – спрашиваю я.

Мне показывают камеру. Оттуда выходит юноша-офицер.

Прямой открытый взгляд сразу располагает в его пользу.

– Вы почему здесь? – спрашивая я его.

– Меня посадил командир полка.

– За что?

– Командир полка поставил нам – офицерам – вопрос об отношении нашем к перевороту и потребовал, чтобы мы дали письменное объяснение. Я подал рапорт о том, что я отношусь к перевороту отрицательно и что стою за Николая II. Он приказал меня арестовать и отправить сюда, – объяснил юноша.

Это был офицер первого польского полка, формировавшегося тогда в Киеве. Меня несколько удивило такое отношение его, поляка, к бывшему Царю. Но открытый взгляд, прямая, простая, без рисовки и аффектации речь заставила меня внимательно отнестись к нему.

– Итак, Вы любите Николая II? – спрашиваю я его.
– Да, я хочу видеть Его на Престоле.
– И Вы будете стараться восстановить Его на Престоле?
– Да, непременно.
– Как же Вы думаете это делать?
– Если я только узнаю, что где-нибудь имеется заговор в пользу Его, я немедленно примкну, – отвечал он без запинки.
– А если нигде не будет, сами-то Вы будете стараться составить такой заговор?

Юноша задумался.

– Да, – ответил он после некоторого размышления.
– Ну, видите, мы находим, что восстановление Николая на Престоле было бы вредно для нашей родины и народа, а потому я не могу отпустить Вас. Вам надо немного посидеть, – сказал я ему и вышел... [...]

Через несколько дней мне говорят, что офицер хочет меня видеть.

Я пошел к нему.

Опять старый разговор.

– Вы любите Николая II?

– Да.

– И Вы будете стараться восстановить Его на Престоле?

– Нет, – сказал он, потупив взор, и через несколько секунд прибавил: – Я считаю это дело безнадежным.

– В таком случае Вы нам не опасны. Идите. Вы свободны»⁸.

Да, некоторые оказались сломленными, но не все...

«...Такая молодежь, – свидетельствовал генерал П. К. Кондзеровский, – обожала своего Монарха и потом безбоязненно умирала под расстрелом большевиков с именем Государя на устах. О таких случаях я слышал – они имели место в Пятигорске, где происходили массовые расстрелы офицеров осенью 1918 года»⁹.

*Под рогожу за слово Царь!**

* М И Цветаева Лебединый стан

часть четвертая

ВЕРНОСТЬ

*Всеми своими помыслами мы должны
подготавливать себя к тому, чтобы в минуту
необходимости принять смерть, не дрогнув,
смотря ей прямо в глаза.*

**Боевая жизнь и мирная служба
Л.-Гв. Литовского полка. 1900 г.**

«ЗНАЕШЬ ЦАРЯ – ТАК ПСАРЯ НЕ ЖАЛУЙ!»

В ночь с 1 на 2 марта 1917 г., когда Император, выехавший из Ставки в Царское Село к Своей Семье, спал в вагоне на станции Псков, генерал-адъютанты М. В. Алексеев и Н. В. Рузский при содействии генералов Г. Н. Данилова* и А. С. Лукомского самовольно остановили движение верных Государю войск к взбунтовавшейся столице. Изолированный Царь всецело оказался в руках генерала-заговорщика Н. В. Рузского и его поделщиков, что в полной мере сразу же осознала Государыня. «Они подло поймали Тебя как мышь в западню, – вещь неслыханная в истории» (2.3.1917); «Иуда Рузский» (3.3.1917).

2 марта в 10 утра из Ставки ген. М. В. Алексеев послал всем Главнокомандующим фронтами телеграмму, подсказывающую *нужное* решение:

* *Георгий (Юрий) Никифорович Данилов* (1866–1937) – генерал от инфантерии (1914). Окончил Михайловское артиллерийское училище (1886) и Академию Генерального штаба (1892). С началом Германской войны генерал-квартирмейстер при Верховном Главнокомандующем (1914–1917). Был близок к нему, о чем свидетельствует выпущенная уже в эмиграции его кн.: Великий Князь Николай Николаевич (Рига. Б. г.). Начальник штаба Северного фронта (февр. 1917), затем командовал 5-й армией; отчислен в резерв (авг. 1917). Возглавлял группу военных консультантов при большевицкой делегации в Брест-Литовске (фев. 1918), выступая против заключения мира с Германией. Участвовал в разработке плана строительства Красной армии, пока, не найдя общего языка с Троцким, не подал в отставку. Уехал на Украину во время правления гетмана Скоропадского. Позднее стал начальником военного управления в правительстве Врангеля (осень 1920). Эмигрировал. Масон. Императрица не раз предупреждала в своих письмах 1915 г. Государя о необходимости удалить Данилова из Ставки. Из воспоминаний самого Данилова известно о его близости с Гучковым.

«Его Величество находится в Пскове, где изъявил Свое согласие объявить манифест, идя навстречу народному желанию учредить ответственное министерство перед Палатами и поручить Председателю Государственной думы образовать кабинет. По сообщению этого решения Главкосевом Председателю Государственной думы, последний в разговоре по аппарату в 3 с половиной часа утра 2-го марта ответил, что появление такого манифеста было бы своевременно 27-го февраля, в настоящее время этот акт является запоздалым, что ныне наступила одна из страшных революций, сдерживать народные страсти трудно, войска деморализованы, Председателю Думы хотя пока и верят, но он опасается, что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу Сына при регентстве Михаила Александровича, обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что Армия и работа железных дорог находится фактически в руках Петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжать до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России, и судьбу Династии нужно поставить на первый план, хотя бы ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно через Главкосева известив меня, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальствующими лицами армии нужно установить единство мыслей и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, и решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более болезненно совершится при решении сверху. *Алексеев*. 2-го марта 10 ч. 15 м. 8.401.872.»¹

«Братями зла» (определение Царского Друга Г. Е. Распутина) многое было учтено. «В 1917 году, – писал, например, монархист Н. Д. Тальберг, – не могла создаться Вандея: Вандея во время опаснейшей войны была бы явной изменой России. Отречение Государя Императора и Великого Князя Михаила Александровича и признание Временного правительства многими Великими Князьями лишало монархистов даже формального права на»

чинать в то время гражданскую войну ради восстановления монархии»².

Все, как известно, произошло по заранее разработанному сценарию. Сбоев практически не было, не считая двух телеграмм.

Против отречения открыто высказались командир III кавалерийского корпуса граф Федор Артурович Келлер и командир Отдельного Гвардейского кавалерийского корпуса генерал-адъютант Хан Гуссейн Нахичеванский*.

К сожалению, до Государя эти верноподданнические телеграммы так и не дошли.

Одна из них давно и хорошо известна: «Главкосеву. До нас дошли сведения о крупных событиях; прошу вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность Гвардейской Кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха. *Генерал-адъютант хан Нахичеванский. № 2370*».

«Мне в точности известно, – писал генерал Н. А. Епанчин, – что эту телеграмму отправил Государю не Хан Нахичеванский, а начальник его штаба полковник А. Г. Винекен, за отсутствием Хана; по закону, начальник штаба имел право, в случаях, не терпящих отлагательства, принимать именем своего начальника решения, а затем докладывать о них. Винекен, за отсутствием Хана Нахичеванского, решил немедленно послать приведенную выше депешу, но когда Винекен доложил эту депешу Хану, то последний настолько ее не одобрил, что Винекен, после доклада ее, ушел в свою комнату и застрелился»³.

* *Хан Гуссейн Нахичеванский* (1863–1919) – в военной службе состоял с 1881 г. Произведен в офицеры (1883). Командир Нижегородского драгунского полка. Начальник 2-й кавалерийской дивизии (1914). Генерал-адъютант. Генерал от кавалерии. Командир Отдельного Гвардейского кавалерийского корпуса. Взятый в сентябре 1918 г. большевиками в заложники, он был вместе с Великими Князьями заключен в Петропавловскую крепость и расстрелян. Его сын, Хан Нахичеванский 2-й, штабс-ротмистр Лейб-Гвардии Уланского Его Величества полка, участвовал в выступлении ген. Корнилова (авг. 1917). В эмиграции жил в Бейруте. Познакомился и женился там на разведенной супруге атамана Г. М. Семенова, цыганке «Маше Шарабан», на средства которой от монгольской границы до Пекина перевозились мощи Алапаевских мучеников. (Она стала именоваться с тех пор Ханум Мария Александровна Нахичеванская.) Двое сыновей от этого брака служили офицерами в Египетской королевской армии. Что касается Хана, то он скончался в Бейруте и был погребен там на одном из православных кладбищ.

Были версии, что генерал скончался 29 марта в результате криза, что, наконец, он пал жертвой преследования солдат. Однако факт самоубийства А. Г. Винекена подтверждает его давний друг. Он же приводит и текст предсмертной записки офицера: «Я поступаю так потому, что чувствую себя больше не в силах работать с пользой во время, когда это особенно нужно».

«На отпевание, – вспоминал очевидец, – съехались делегации от полков корпуса, многие офицеры – с красными бантами на груди!»⁴

С телеграммой Федора Артуровича все обстоит иначе. Точный ее текст до сего времени не был опубликован. Однако о содержании телеграммы можно судить по имеющимся в нашем распоряжении свидетельствам очевидцев.

Наиболее известное содержится в написанных в 1920–1921 гг. в Париже «Записках белого партизана» генерал-лейтенанта А. Г. Шкуро.

«... Когда в Петрограде произошла революция, – вспоминал Андрей Григорьевич, – граф Келлер заявил телеграфно в Ставку, что не признает Временного правительства до тех пор, пока не получит от Монарха, Которому он присягал, уведомление, что Тот действительно добровольно отрекся от Престола. Близ Кишинева в апреле* 1917 года были собраны представители от каждой сотни и эскадрона.

– Я получил депешу, – сказал граф Келлер, – об отречении Государя и о каком-то Временном правительстве. Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал Царю (цитирую по памяти): “3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя”.

– Ура, ура! – закричали драгуны, казаки, гусары. – Поддержим все, не дадим в обиду Императора.

Подъем был колоссальный. Все хотели спешить на выручку плененного, как нам казалось, Государя. Вскоре пришел телеграфный ответ за подписью ген. Щербачева – графу Келлеру предписывалось сдать корпус под угрозой объявления бунтовщиком»⁵.

Итак, ген. А. Г. Шкуро цитировал телеграмму «по памяти».

* В действительности, конечно, речь идет о марте 1917 г. – С. Ф.

Были и еще два очевидца – офицеры 10-й кавалерийской дивизии – П. П. Васецкий* и И. П. Иванов**.

«...Нашлись два доблестных офицера 10-й кавалерийской дивизии, входившей в состав III конного корпуса [...], – сообщал летом 1957 г. выходявший в Бразилии эмигрантский журнал, – которые дали свое согласие на оглашение их свидетельства, связанного с этим событием и свидетелями которого они непосредственно были.

Тщательно сверив между собой правильность своих воспоминаний, они письменно изложили то, о чем [...] далее.

По их словам, III конный корпус, состоявший из трех дивизий (в числе которых находилась и 10-я кавалерийская дивизия) под командой графа Келлера, в январе 1917 года был снят с Румынского фронта и отведен в район города Оргеева Бессарабской губернии на отдых для приведения себя в порядок и пополнения частей, долго и безмерно несших боевую службу.

3-го марта в штабе корпуса была получена телеграмма из Ставки, извещавшая об отречении Государя Императора от Престола. Генерал Келлер тотчас же вызвал от всех полков корпуса унтер-офицеров под командой одного офицера от каждого полка дивизии. Прочтя им полученную телеграмму и выяснив непоколебимую преданность унтер-офицерского состава своему Государю (в офицерском составе он не сомневался), граф Келлер вызвал на 4-е марта свой корпус в район города Оргеева, где корпус был построен в каре, а впереди него была установлена радиостанция корпуса, в просторечии называемая “трещоткой”. Во всеуслышание всего

* *Петр Петрович Васецкий* (†2.8.1981) – после окончания Елисаветградского кавалерийского училища (1911) был выпущен в 10-й гусарский Ингерманландский полк, с которым выступил на Великую войну. Штабс-ротмистр. Командир эскадрона. В 1918 г. поступил на службу в армию гетмана П. Скоропадского, в 12-й конный Полтавский полк. С авг. 1918 г. перешел в Добровольческую армию. Командир эскадрона, а потом командир дивизиона своего полка. Полковник. Эвакуирован из Крыма. В эмиграции в Бельгии.

** *Иван Петрович Иванов* (†27.7.1964) – после окончания Сумского кадетского корпуса и Николаевского кавалерийского училища выпущен офицером в 10-й драгунский Новгородский полк. Участник Великой войны. Ротмистр. С конца 1918 г. в Добровольческой армии. Служил в эскадроне своего полка. В Крыму был до эвакуации. Галлиполиец. В эмиграции в Бельгии. Скончался в Брюсселе.

корпуса, граф Келлер продиктовал офицеру-передатчику следующую телеграмму:

“Ставка. Его Императорскому Величеству.

III-й конный корпус повергает к стопам Вашего Величества свои верноподданнические чувства и просит Ваше Величество не покидать Престола.

Граф Келлер”.

Отлично помня этот торжественный момент, оба его свидетеля допускают в этом тексте ошибку какого-либо слова в телеграмме, но настаивают на том, что приведенный текст совершенно точно и верно приводит смысл телеграммы.

По передаче телеграммы, обращаясь к корпусу, генерал Келлер громко провозгласил:

“За здоровье Его Императорского Величества Государя Императора и Главнокомандующего Русской Армией! Ура!”

Двенадцать хоров трубачей заиграли “Боже, Царя храни!” и поле покрылось громовым несмолкаемым “Ура!”.

Скоро выяснилось, что в тот же момент в гор. Оргееве происходила демонстрация с красными флагами, устроенная 5-м запасным полком. Не задумываясь, граф Келлер направил туда две сотни 1-го Оренбургского казачьего полка (4-й полк 10-й кавалерийской дивизии), которые молниеносно разогнали манифестантов, загнав в казармы распущенные банды, отобрав у них красные тряпки.

К сожалению, будучи по дороге перехвачена, телеграмма графа Келлера не дошла до назначения»⁶.

Советский историк Э. Н. Бурджалов в своей книге о февральском перевороте 1917 г. цитирует конец телеграммы графа Ф. А. Келлера (правда, всего одно предложение) со ссылкой на архивный документ, по которой мы и обнаружили полный текст телеграммы, расклеенный на трех бланках⁷.

Из служебных пометок следует, что телеграмма была отправлена из Оргеева 6 марта в 13 часов 50 минут. В верхнем правом углу чернилами написана переадресовка: «Военному министру Гучкову». Имеется и рукописная резолюция, свидетельствующая о знакомстве его с телеграммой: «К делу 7/III».

А вот текст самой телеграммы:

Царское Село. Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Александровичу.

С чувством удовлетворения узнали мы, что Вашему Величеству благоугодно было переменить образ управления нашим Отечеством и дать России ответственное министерство, чем снять с Себя тяжелый непосильный для самого сильного человека труд. С великой радостью узнали мы о возвращении к нам по приказу Вашего Императорского Величества нашего старого Верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича, но с тяжелым чувством ужаса и отчаяния выслушали чины конного корпуса Манифест Вашего Величества об отречении от Всероссийского Престола, и с негодованием и презрением отнеслись все чины корпуса к тем изменникам из войск, забывшим свой долг перед Царем, забывшим присягу, данную Богу, и присоединившимся к бунтовщикам. По приказанию и завету Вашего Императорского Величества 3 конный корпус, бывший всегда с начала войны в первой линии и сражавшийся в продолжении двух с половиною лет с полным самоотвержением, будет вновь также стоять за Родину и будет впредь также биться с внешним врагом до последней капли крови и до полной победы над ним. Но, Ваше Величество, простите нас, если мы прибегаем с горячей мольбою к нашему Богом данному нам Царю. Не покидайте нас, Ваше Величество, не отнимайте у нас законного Наследника Престола Русского. Только с Вами во главе возможно то единение Русского народа, о котором Ваше Величество изволите писать в Манифесте. Только со своим Богом данным Царем Россия может быть велика, сильна и крепка и достигнуть мира, благоденствия и счастья.

*Вашего Императорского Величества
верноподданный граф Келлер⁸.*

Вот, кажется, именно тот миг, ради которого жил граф Федор Артурович Келлер. Исполнить свой долг всегда нелегко. А тут – подвиг! Подвиг перед Божиим Ликом, перед лицом Царя, Которым давал клятву!

*Надобно смело признаться, Лица!
Мы тяготели к великим мира
Мачтам, знаменам, церквам, царям,
Бардам, героям, орлам и старцам
Так, присягнувши на верность – царствам,
Не доверяют Шатра – ветрам
Знаешь Царя – так псаля не жалуй!
Верность как якорем нас держала*

*Верность величию – вине – беде,
 Верность великой вине венчанной!
 Так, присягнувши на верность – Хану,
 Не присягают его орде.
 Ветреный век мы застали, Лира!
 Ветер в клоки изодрал мундиры,
 Треплет последний лоскут Шатра...
 Новые толпы – иные флаги!
 Мы ж остаемся верны присяге,
 Ибо дурные вожди – ветра*.*

Несмотря на то, что телеграмма из Оргеева была перехвачена по дороге, этот поступок графа не остался неведомым Государю. По свидетельству Ю. А. Ден, вернувшись после вынужденного отречения в Царское Село, Он поведал тем, кто решил разделить с Ним заключение в Александровском дворце, о том, что «после опубликования текста отречения Он получил множество телеграмм. Значительная часть была оскорбительного содержания, иные были проникнуты неистребимым духом верности и преданности. В телеграмме от графа Келлера указывалось, что 3-й конный корпус, которым он командовал, не верит, что Царь мог добровольно оставить армию, и готов прийти Ему на помощь. Граф отказался присягнуть временному правительству, сказав: “Я христианин, и думаю, что грешно менять присягу”, – после чего сломал саблю и швырнул обломки наземь»⁹.

* * *

«Штаб дивизии, – вспоминал барон П. Н. Врангель о первых днях переворота, – расположился в 18-ти верстах от Кишинева... [...] Первого или второго марта в городе впервые стали передаваться слухи о каких-то беспорядках в Петербурге, о демонстрациях рабочих, о вооруженных столкновениях на улицах города. Ничего определенного, однако, известно не было, и слухам не придавали особого значения.

4-го или 5-го марта, в то время как я сел ужинать, вернулся из города ординарец штаба дивизии Приморского драгунского полка корнет Квитковский и передал мне о слышанных им в городе слухах о всеобщем восстании в Петербурге и о том, что “из среды Думы выделено будто бы Временное правительство”. Более подробных сведений он дать не мог. Часов в восемь вечера меня вызвал из города к те-

* М. И. Цветаева. Лебединый стан.

лефону генерал Крымов. По голосу его я понял, что он сильно взволнован: “В Петербурге восстание, Государь отрекся от Престола, сейчас я прочту вам манифест, его завтра надо объявить войскам”.

Я просил генерала Крымова обождать и, позвав начальника штаба, приказал ему записывать за мной слова Манифеста. Генерал Крымов читал, я громко повторял начальнику штаба отдельные фразы. Закончив чтение Манифеста Государя, генерал Крымов стал читать Манифест Великого Князя Михаила Александровича. После первых же фраз я сказал начальнику штаба: “Это конец, это анархия”. [...]

Утром полкам были прочитаны оба акта и даны соответствующие пояснения. Первые впечатления можно характеризовать одним словом – недоумение. Неожиданность ошеломила всех. Офицеры, также как и солдаты, были озадачены и подавлены. Первые дни даже разговоров было сравнительно мало, люди притихли, как будто ожидая чего-то, старались понять и разобраться в самих себе.

Лишь в некоторых группах солдатской и чиновничьей интеллигенции (технических команд, писарей, состава некоторых санитарных учреждений) ликовали. Персонал передовой летучки, в которой, между прочим, находилась моя жена, в день объявления Манифеста устроил на радостях ужин; жена, отказавшись в нем участвовать, невольно через перегородку слышала большую часть ночи смех, возбужденные речи и пение.

Через день, объехав полки, я проехал к генералу Крымову в Кишинев. Я застал его в настроении приподнятом, он был весьма оптимистически настроен. Несмотря на то, что в городе повсеместно уже шли митинги и по улицам проходили какие-то демонстрировавшие толпы с красными флагами, где уже попадались отдельные солдаты из местного запасного батальона, он не придавал этому никакого значения; он искренне продолжал верить, что это переворот, а не начало всероссийской смуты. Он горячо доказывал, что армия, скованная на фронте, не будет увлечена в политическую борьбу, и “что было бы гораздо хуже, ежели бы все это произошло после войны, а особенно во время демобилизации... Тогда армия просто бы разбежалась домой с оружием в руках и стала бы сама наводить порядки”.

От него я узнал впервые список членов Временного правительства. Из всех них один Гучков был относительно близок к армии... [...] Генерал Крымов, близко знавший Гучкова, возлагал на него огромные надежды: “О, Александр Иванович – это государственный человек, он знает армию не хуже нас с вами. Неужели же всякие

Шуваевы только потому, что всю жизнь просидели в военном министерстве, лучше его. Да они ему в подметки не годятся...” [...] Крымов передал мне и первые петербургские газеты»¹⁰.

«...Мы ничего не делали, – вспоминал гвардейский генерал Б. В. Геруа, – только читали и принимали к сведению, что в одну ночь из верных монархистов превратились в республиканцев...»¹¹

Иные настроения царили в штабе III Кавалерийского корпуса, размещавшемся в Оргееве. «...Скромный одноэтажный домик, – вспоминал очевидец, – обвеянный какой-то грустью. Тихо говорящие и беззвучно движущиеся люди. Впечатление такое, точно в доме кто-то тяжело болен»¹².

Подобная атмосфера была вовсе не уникальна...

2 марта. **Псков.** Железнодорожные пути у Царского поезда, где только что у Императора Всероссийского вырвали отречение. Получив Царский Манифест, писал В. В. Шульгин, «мы вышли из вагона. На путях, освещенных голубыми фонарями, стояла толпа людей. Они все знали и все понимали... Когда мы вышли, нас окружили, и эти люди наперебой старались пробиться к нам и спрашивали: “Что? Как?” Меня поразило то, что они были такие тихие, шепчущие... Они говорили, как будто в комнате тяжелобольного, умирающего... Им надо было дать ответ. Ответ дал Гучков. Очень волнуясь, он сказал:

– Русские люди... Обнажите головы, перекреститесь, помолитесь Богу... Государь Император ради спасения России снял с Себя... Свое Царское служение... Царь подписал отречение от Престола. Россия вступает на новый путь... Будем просить Бога, чтобы Он был милостив к нам...

Толпа снимала шапки и крестилась... И было страшно тихо...»¹³

4 марта. **Ставка.** Подполковник Б. Н. Сергеевский: «По выезде за ворота в решетке Его (Государя – С. Ф.) автомобилю пришлось медленно проходить через густую толпу собравшегося народа. Я это видел издали, из окна штаба. Случайно оказавшийся в толпе офицер, Ген. шт. подполк. Тихобразов, рассказал нам в тот же день, что толпа держала себя, как на погребении знакомого человека: царил полная тишина, все мужчины сняли шапки. Лишь слышались отдельные женские сдержанные рыдания... Такова была первая реакция рядовых русских людей на уход от власти их Государя»¹⁴.

8 марта. **Отъезд из Ставки в Царское Село.** Полковник А. А. Мордвинов: «Я глядел на собравшуюся кругом поезда, еще с утра, громадную толпу людей, сосредоточенно молчаливую, почти-тельную, в большинстве грустную, подавленную. Я видел слезы

у многих. Я чувствовал, что они пришли проводить не низложенного врага-Монарха, а покидавшего их своего природного, чтимого Царя... Этот русский народ не понимал всего совершившегося; он думал иначе, чем его думские представители и “русские” генералы. Он думал: “Нет, так не должно было бы быть ни теперь, ни потом”»¹⁵.

1 августа 1917 г. **Отъезд из Царского Села в Тобольск.** Полковник Н. А. Артабалеvский: «Вся Царская Семья медленно перешла пути и двинулась по шпалам к Своему вагону, спальному Восточно-Китайской железной дороги. Поддерживаемая Государем, Императрица, видимо, делала большие усилия, ступая по шпалам. Государь смотрел Ей под ноги и вел, поддерживая под локоть Свою Августейшую верную Спутницу жизни. А на другой стороне путей стояла молчаливая, неподвижная толпа и броневик. Тогда Царская Семья начала Свой страданный путь, и толпа русских людей, Их подданных, свидетельствовала его своим священным молчанием и тишиной. [...]

Молчаливая, серая толпа смотрела... и точно чего-то ждала. В окне снова показались Государь и Цесаревич. Государыня выглянула в окно и улыбалась нам. Государь приложил руку к козырьку Своей фуражки. Цесаревич кивал головой. Также кивали головой Царевны, собравшиеся в соседнем окне. Мы отдали честь, потом сняли фуражки и склонили головы. Когда мы их подняли, то все окна вагона оказались наглухо задернутыми шторами. [...] Поезд медленно тронулся. Серая людская толпа вдруг всколыхнулась и замаяла руками, платками и шапками. Замахала молча, без одного возгласа, без одного всхлипывания. Видел ли Государь и Его Августейшая Семья этот молчаливый жест народа, преданного, как и Они, на Голгофское мучение иудами России?..»¹⁶

Так было **везде**: во Пскове, Могилеве, Царском Селе, Тобольске, Екатеринбурге. На всех просторах огромной России.

* * *

Перехваченная верноподданническая телеграмма гр. Келлера, о которой мы писали, послужила, по свидетельству офицеров 10-й кавалерийской дивизии, основанием для последующих событий: «Через несколько дней в штабе III корпуса появились из Ставки штабные генералы, пытавшиеся уговорить генерала Келлера подчиниться Временному правительству. Верный слуга своему Государю, граф не пошел ни на какие уступки, сдав корпус, уехал к себе в Харьков»¹⁷.

Офицеры ошибаются лишь в том, что посланные уговаривать графа были из Ставки...

ДЕЛО КЕЛЛЕРА И ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

В Бессарабии, на территории которой по окончании кампании 1916 г. сосредоточились несколько кавалерийских корпусов Русской Армии, в марте 1917 г., несомненно, создались особые условия. Уже упоминавшийся нами известный русский военный ученый ген. Н. Н. Головин, сформулировавший «закон распространения разложения армии от тыла к фронту», писал: «Быстрее всего процесс разложения шел в солдатских массах Северного фронта, в непосредственном тылу которого находился главный очаг революции – Петроград. Второе место по своей разлагаемости занимают армии нашего Западного фронта, в тылу которого находился второй центр революции – Москва. Юго-Западный фронт, имевший в своем тылу Киев, был здоровее, и волны разложения, по сравнению с Северным и Западным фронтами, сюда запаздывали. Наконец, в наилучшем моральном состоянии находились наши армии Румынского фронта; пребывание на территории чужого государства значительно задерживало проникновение заразы»¹.

Что же касается кавалерийских частей, то они были лучше обучены, более дисциплинированы, чем пехота. Личный состав их был менее выбит. Нельзя сбрасывать со счетов и силу традиций. Кавалерийские офицеры, по сравнению с иными родами войск, отличались более знатным происхождением. Среди них было больше людей, преданных монархии.

«...Из всех родов оружия они, – писал, имея в виду революционеров, ген. гр. Д. Ф. Гейден, – больше всего боялись кавалерии, потому что она, как хранительница традиций рыцарства и казачества, составляла главный оплот Престола и Отечества»².

Исходя из этого, по свидетельству директора Департамента полиции А. Т. Васильева (1869–1930), уже к осени 1916 г. существовал план по демобилизации Русской Армии после окончания войны: «Сначала нужно распустить пехоту, кавалерия, необходимая для поддержания внутреннего порядка, пока останется на службе»³.

После переворота это понимали даже те, кто в силу своих занятий был очень далек от армии. Чувствовал это, например, даже духовный писатель Е. Поселянин, в 1916 г. издавший книгу «Братья Панаевы – краса Русской *Копицы*». Переиздание 1917 г. вышло уже под характерно измененным названием «Краса Русской *Армии* – братья Панаевы».

«Многие полагали, – вспоминал через два года после описываемых событий их участник, – что Вандеей может стать и станет теперешний трофей “императора всех румын”, а тогда еще русская Бессарабия. Такому взгляду на Бессарабию способствовало и то обстоятельство, что в ее пределах была сосредоточена масса конницы, больше 10 дивизий. Конница ведь всегда, если и не была, то считалась контрреволюционной.

Предвзятые мнения не всегда бывают справедливы, не были они справедливы и в данном случае. Но в то время, в середине марта 1917 года, многие, а в том числе даже и некоторые лица, принадлежавшие к командному составу конных масс, собранных в Бессарабии, были склонны переоценивать “контрреволюционность” своих солдат.

Существовало мнение, что некоторые части могут отказаться от принесения присяги Временному правительству и что на этой почве могут разыгаться события, грозящие внести разлад в жизнь конницы, может быть, и повредить обороне страны.

Некоторые начальники кавалерийских дивизий после обмена мнений пришли к заключению, что надо во что бы то ни стало помешать возникновению каких-либо инцидентов на почве принесения присяги, тем более, что в день присяги предполагалось обращение от лица всей собранной в Бессарабии конницы к Временному правительству с адресом, побуждающим его к более энергичному проявлению своей воли.

Между тем, было известно, сначала по слухам, а затем и вполне положительно, что старший и наиболее авторитетный из кавалерийских начальников, командир 3-го конного корпуса генерал граф Келлер присяги не принесет. Его былая огромная популярность в войсках, и притом именно в солдатской среде, позволяла предполагать, что некоторые части 3-го конного корпуса последуют примеру своего командира и случится то, что не должно было бы случиться»⁴.

А слухи ходили разные, для творцов и сторонников «великой и безкровной» один страшней другого.

«Кн. Путятин – та самая, в квартире которой происходила драматическая сцена с отречением В. Кн. Михаила, – писал известный историк русской эмиграции С. П. Мельгунов, – со слов своего рода знаменитого Пеликана (одесского гор. головы и видного члена Союза Русского народа – за ним была замужем сестра Путятиной), рассказывает о существовании плана, согласно которому кавалерийский корпус гр. Келлера должен был занять Одессу, чтобы поддержать монархическое движение в Подолье и на Вольни»⁵.

«Прислали, наконец, текст присяги “на верность службы Российскому государству”, – читаем в мемуарах ген. А. И. Деникина. – Идея верховной власти была выражена словами: “...Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство, впредь до установления воли народа при посредстве Учредительного собрания”.

Приведение войск к присяге повсюду прошло спокойно, но идиллических ожиданий начальников не оправдало: ни подъема, ни успокоения в смятенные умы не внесло. Могу отметить лишь два характерных эпизода. Командир одного из корпусов на Румынском фронте во время церемонии присяги умер от разрыва сердца. Граф Келлер заявил, что приводить к присяге свой корпус не станет, так как не понимает существа и юридического обоснования верховной власти Временного правительства; не понимает, как можно присягать повиноваться Львову, Керенскому и прочим определенным лицам, которые могут ведь быть удалены или оставить свои посты... Князь Репнин XX века после судебной волокиты ушел на покой, и до самой смерти своей не одел машкеры...

Было ли действительно принесение присяги машкерой? Думаю, что для многих лиц, которые не считали присягу простой формальностью – далеко не одних монархистов – это, во всяком случае, была большая внутренняя драма, тяжело переживаемая [...]

В половине марта я был вызван на совещание к командующему 4-й армией, генералу Рагозе. Участвовали генералы Гаврилов, Сычевский и начальник штаба Юнаков (впоследствии – начальник штаба Петлюры). Отсутствовал граф Келлер, не признавший новой власти»⁶.

Да, с графом Ф. А. Келлером действительно – хочешь-не хочешь – а приходилось считаться. «За время нашей службы при Третьем конном корпусе, – писал уже известный нам ген. А. Г. Шкуро, – я хорошо изучил графа и полюбил его всей душой, равно как и мои подчиненные, положительно не чаявшие в нем души. Граф Келлер был чрезвычайно заботлив о подчиненных; особенное внимание он обращал на то, чтобы люди были всегда хорошо накормлены, а также на постановку дела ухода за ранеными, которое, несмотря на трудные условия войны, было поставлено образцово. Он знал психологию солдата и казака. Встречая раненых, выносимых из боя, каждого расспрашивал, успокаивал и умел обласкать. С маленькими людьми был ровен в обращении и в высшей степени деликатен; со старшими начальниками несколько суховат. С начальством, если он

считал себя задетым, шел положительно на ножи. Верхи его поэтому не любили. Неутомимый кавалерист, делавший по 100 верст в сутки, слезая с седла лишь для того, чтобы переменить измученного коня, он был примером для всех. В трудные моменты лично водил полк в атаку и был дважды ранен. Когда он появлялся перед полками в своей волчьей папахе и в чекмене Оренбургского казачьего войска, шеголяя молодевазой посадкой, казалось, чувствовалось, как трепетали сердца обожавших его людей, готовых по первому его слову, по одному мановению руки, броситься куда угодно и совершить чудеса храбрости и самопожертвования»⁷.

Но продолжим воспоминания участника поездки в марте 1917 г. в Оргеев: «Инициаторы обращения к Временному правительству стали лицом к лицу с необходимостью склонить графа Келлера к принесению присяги или, по крайней мере, к отказу от воздействия в этом случае на волю полков 3-го корпуса.

Миссия эта выпала на долю начальника 12-й кавалерийской дивизии генерала барона Маннергейма.

16 или 17 марта, точно не помню, генерал Маннергейм выехал на автомобиле из Кишинева в Оргеев, где был штаб Келлера. Пишущий эти строки сопровождал генерала Маннергейма.

Мы приехали вечером, уже в темноте. Грязный, слабо освещенный Оргеев начинал засыпать, и только перед дворами, занятыми оренбургскими казаками 1-го полка, любимого полка Келлера, еще было кое-какое движение. [...]

Свидание генералов происходило без свидетелей и только под конец к ним вошел сын Келлера, офицер 1-го Оренбургского полка*. То, что я знаю об этом свидании, рассказал мне генерал Маннергейм.

Генерал граф Келлер подтвердил справедливость слухов о том, что лично он не принесет присяги Временному правительству и показал письмо, написанное им по этому поводу командующему 4-й армией генералу Рагозе, а равно и письмо Рагозы**. Все убеждения генерала Маннергейма пожертвовать личными политически-

* Хорунжий граф Борис Федорович Келлер. – С. Ф.

** Александр Францевич Рагоза (1858–29.6.1919) – происходил из семьи украинских священнослужителей. Участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Окончил Михайловское артиллерийское училище (1878) и Николаевскую академию Генерального Штаба (1883). В Великую войну – начальник 19-й пехотной дивизии, которым был назначен еще в 1909 г. Командир XXV армейского корпуса (27.9.1914). Генерал от инфантерии

ми верованиями для блага армии пропали втуне. Граф Келлер, по видимому, к этому времени уже окончательно решил, где его долг. Зато он вполне успокоил барона Маннергейма, уверив его, что воздействие на волю войск никогда не входило в его, графа Келлера, расчеты. Он заявил, что и не подумает удерживать свои войска от принесенной присяги.

Тогда барон Маннергейм спросил, не повлияет ли на войска уже самый факт личного отказа от присяги графа Келлера. Этот последний ответил, что по его мнению полки 1-й Донской дивизии все равно присягать не станут, полки 10-й кавалерийской дивизии не присягнут только в том случае, если он, Келлер, окажет на них воздействие в этом смысле; относительно 1-й Терской дивизии он ничего сказать не может.

Как показали последующие события, когда все части 3-го конного корпуса без всяких затруднений присягнули, генерал граф Келлер тоже жил в міре иллюзий и уже не знал истинных настроений своих войска.

Впрочем, можно думать, что его мало интересовало, как поступят его офицеры и солдаты. Он знал, как надо поступить ему самому, и поступал так.

– Я христианин, – сказал он генералу Маннергейму, – и думаю, что грешно менять присягу.

Да будет позволено пишущему эти строки, человеку, отнюдь не разделяющему политических взглядов покойного генерала*, сказать, что он был больше, чем христианин – христианский рыцарь.

Именно впечатление рыцаря, страдающего рыцаря, производил он в этот вечер, когда по окончании беседы с бароном Маннергеймом вышел к нам.

(6.12.1914). Командующий 4-й армией (30.8.1915). В первой половине ноября армия была переброшена на Румынский фронт. После февральского переворота 1917 г. один из немногих сохранил пост командующего армией. Отстранен от командования армией (21.11.1917). Военный министр «Украинской Державы» гетмана П. П. Скоропадского (30.4–13.12.1918). После захвата Киева Петлюрой выехал в Одессу. Пытался либо пробраться на Кубань, либо эмигрировать. Арестованный большевиками, расстрелян ими за отказ вступить в Красную армию. – С. Ф.

* *Николай Всеволодович Шинкаренко-Брусилев* (1890–21.12.1969), лит. псевдоним *Н. Белгородцев* – после окончания Михайловского артиллерийского училища (1910) выпущен офицером в Уссурийский конно-горный дивизион. Переведен в 12-й уланский Белгородский полк. Добровольцем

Высокий и, несмотря на свой возраст, тонкий, как юноша, весь он был обвеван грустью, носившейся в воздухе, застилавшей Оргеев и этот маленький домик штаба корпуса.

И казалось, что каждый Георгиевский крест на его груди, каждая нашивка за ранение на его рукаве протестует против того, что случилось, и против того, что еще случится. [...]

Через двое суток генерал граф Келлер был отрешен от командования 3-м конным корпусом»⁸.

Отрешение графа Ф. А. Келлера от командования корпусом совпало с некоторыми другими событиями, произошедшими в кавалерийских соединениях, расквартированных в Бессарабии. Некоторые современные исследователи именно с ними пытаются связать приезд барона Маннергейма в Оргеев. Так ли это?..

Возвращение Маннергейма из революционного Петрограда описал в своих воспоминаниях барон П. Н. Врангель: «На станции Жмеринка мы встретили шедший с севера курьерский поезд. Среди пассажиров оказалось несколько очевидцев последних событий в столице. Между ними начальник 12-й кавалерийской дивизии Свиты генерал барон Маннергейм... [...] От него первого, как очевидца, узнал я подробности столичных народных волнений, измены правительству воинских частей, имевшие место в первые же дни случаи убийства офицеров. Сам барон Маннергейм должен был в течение трех дней скитаться по городу, меняя квартиры. Среди жертв обезумевшей толпы и солдат оказалось несколько знакомых: престарелый граф Штапельберг, бывший командир Кавалергардского полка граф Менгден, лейб-гусар граф Клейнмихель. Последние были убиты в Луге своими же солдатами запасных частей гвардейской кавалерии»⁹.

В воспоминаниях самого Маннергейма есть относящееся к марту 1917 г. глухое упоминание, правда без каких-либо подроб-

принимал участие в Балканской войне 1912–1913 гг. на стороне Болгарии. Во время Великой войны командовал эскадронам 12-го уланского Белгородского полка. Награжден орденом св. Георгия 4-й ст. Участвовал в гражданской войне в составе Добровольческой армии. Полковник. В Вооруженных силах Юга России командир отдельной конной бригады, а затем Туземной горской дивизии. Генерал-майор. Награжден орденом св. Николая. В эмиграции жил в Сербии, Германии, Франции и Испании. Сотрудничал в журналах «Часовой» и «Военная быль». Автор многочисленных кн.: Марсова маска (Берлин, 1924), Тринадцать щепок крушения (Берлин, 1924), Что же мы должны делать? (Ницца, 1930), Суворов (Б. м., 1930), Доколе же? (Берлин, 1931), Вчера (Мадрид, 1964). – С. Ф.

ностей, о посещении им штаба фронта: «Отправляясь на юг в свою дивизию, я посетил командующего Южным (Румынским) фронтом генерала Сахарова. Я рассказал ему о своих впечатлениях от событий в Петрограде и Москве и попробовал уговорить генерала возглавить сопротивление. Однако Сахаров считал, что время для таких действий еще не настало»¹⁰.

Поездка подтверждается и в личном письме барона от 6/19 марта: «Я даже успел совершить двухдневную поездку в Яссы и вернуться обратно. Путешествие мое было очень странным. Казалось, мне поручено привезти из Петрограда кучу красных флагов для раздачи народу. Во всех городах от Москвы до Кишинева – грандиозные парады и демонстрации, на которых развевались красные знамена. Здесь нужно приносить присягу – что, похоже, возмущает часть офицеров и солдат. На самом деле, весьма непоследовательно, что правительство, получившее власть, когда гарнизон Петрограда нарушил свою присягу, требует теперь новой, не говоря уже о том, что приходится приносить присягу временному правительству, которое сегодня у власти, но которое те же рабочие и солдаты завтра смахнут прочь. Хорошо понимаю затруднительное положение войск»¹¹.

По свидетельству адъютанта Маннергейма С. О. Витта (1891–1990), генерал каким-то образом исхитрился уклониться от присяги¹². Так это было или нет (известно, например, что текст присяги хранился все же в архиве Маннергейма), не столь уж и важно. Гораздо значимее мотивация этого поступка. В цитированном нами письме, если внимательно вчитаться в его текст, сочувствие автора войскам, которым временщики навязывали присягу, чисто внешнее. Объяснение, на наш взгляд, такого угла зрения содержится в том же письме далее, когда Маннергейм пишет: «Могу представить, какой восторг новый строй породил в Финляндии»¹³.

Однако существуют на этот счет и иные мнения. Например, что барон Г. К. Маннергейм участвовал в попытке кавалерийских генералов барона П. Н. Врангеля и А. М. Крымова весной 1917 г. выступить на Петроград¹⁴. Делать такие заявления, похоже, несколько не мешает даже то обстоятельство, что среди этих «верных Престолу» генералов неожиданно оказывается небезызвестный генерал-майор А. М. Крымов, состоявший, как мы уже писали, в заговоре против Государя. Этот близкий знакомый А. И. Гучкова, по крайней мере в марте–апреле 1917 г., ставил на Временное правительство¹⁵.

Первые недоумения у ген. А. М. Крымова вызвал уже пресловутый «приказ № 1»; он даже «разрыдался»¹⁶. Поездка с его личным письмом к Гучкову барона Врангеля не принесла никаких плодов¹⁷. Между тем, по словам ген. П. Н. Врангеля, «власть из рук Временного правительства все более и более ускользала. Это правительство оказалось бессильным противостоять притязаниям самочинного совета рабочих и солдатских депутатов.

В армии ясно чувствовали все грозные последствия этой слабости и колебания власти и инстинктивно стремились эту власть подкрепить. Ряд войсковых частей обращался с заявлениями к председателю правительства, в коих указывалось на готовность поддержать новую власть и бороться со всеми попытками внести анархию в страну. Такого характера заявления вынесли все полки Уссурийской дивизии.

К сожалению, Временное правительство не сумело, да, по-видимому, и не решалось опереться на предлагаемую ему самими войсками помощь. Александр Иванович Гучков, который в это время объезжал главнокомандующих фронтами, принимая депутации от разного рода частей, неизменно громко заявлял, что правительство ни в какой помощи не нуждается, что никакого двоевластия нет, что работа правительства и совета рабочих и солдатских депутатов происходит в полном единении.

Не было твердости и единства и в верхах армии. Вместо того, чтобы столкнуться и встать единодушно и решительно на защиту вверенных им войск, старшие военачальники действовали вразброд каждый за себя, не считаясь с пользой общего дела. В то время, как генерал граф Келлер, отказавшись присягнуть Временному правительству, пропускал мимо себя, прощаясь с ними, свои старые полки под звуки национального гимна, генерала Брусилова несли перед фронтом войск в разукрашенном красными бантами кресле революционные солдаты...»¹⁸

Анализируя этот текст, можно прийти к выводу, что обращения к Временному правительству от кавалерийских частей, стоявших в Бессарабии, действительно имели место. Была также попытка объединить «старших военачальников», обращенная не только против совета рабочих и солдатских депутатов, но и против безответственных левых элементов в самом Временном правительстве. В этом комплоте несомненно участие Врангеля и Крымова, вполне возможно присоединение к ним и Маннергейма. Причина же неудачи – отказ других генералов, сделавших

ставку на революцию, а также верноподданнические убеждения графа Келлера.

Кое-какие сведения промелькнули в эмигрантской печати, не обратив, однако, на себя пока что внимания историков.

«После тяжелых кровопролитных боев на Румынском фронте, – писал адъютант барона Маннергейма С. О. Витт, – 12-я кавалерийская дивизия была отведена в Бессарабию.

Зима была снежная и холодная.

Свиты Его Величества генерал-майор барон Маннергейм, командир дивизии, отбыл в отпуск в Петроград.

Штаб дивизии был расположен в помещении дома г-на Соломирского, близ Кишинева. Еще в Румынии я был прикомандирован в штаб дивизии в качестве офицера для поручений от 12-го Белгородского полка.

Пользуясь близостью Кишинева, а также отсутствием командира дивизии, офицеры штаба уехали завтракать в город. Оставшись один, я собирался сесть за стол, как неожиданно открылась дверь и в столовую вошел худой, очень высокий офицер, закутанный в кавказский башлык. Погон не было видно.

– Я хотел бы видеть генерала Маннергейма, – сказал он, откидывая башлык.

Передо мною стоял генерал в кавказской форме. Не трудно было догадаться, что это был генерал Врангель.

Выяснилось, что он хотел повидать ген. Маннергейма в связи с событиями в Петрограде и приехал издалека. Я пригласил его к столу, т.к. не могло быть и речи отпустить его в обратный путь голдного.

За завтраком шел разговор о событиях. Точно передать слова ген. Врангеля не могу, но смысл был, что следовало бы что-то предпринять.

Полагаю, что идея, вызвавшая “совещание генералов”, о котором буду говорить, явилась именно у Врангеля.

Ген. Маннергейм возвратился из Петрограда, куда он прибыл за несколько дней до начала революции... [...] Ген. Маннергейм был извещен о его производстве в чин генерал-лейтенанта и назначении командиром 6-го конного корпуса. Он предложил мне стать его личным адъютантом, чем я был весьма польщен, и с радостью принял это предложение.

6-й конный корпус находился на юге Бессарабии, и в него входили 3-я и 8-я кавалерийские дивизии. Ген. Маннергейм не хотел

расставаться с 12-й кавалерийской дивизией, и по его просьбе состав корпуса был изменен. 8-я дивизия была заменена 12-й.

В апреле был праздник 3-го Уфимо-Самарского Оренбургского казачьего войска полка (12-й кавалерийской дивизии). Полк стоял в 25 верстах от штаба корпуса. В день праздника с утра ген. Маннергейм, два вестовых и я отбыли на конях к казармам. Подоспели мы к обеду. Когда командир полка произнес тост за командира корпуса, то, к моему удивлению, ген. Маннергейм сказал, что он сегодня не пьет и что “адъютант выпьет за меня”. И вот мне поднесли не рюмку, а стакан коньяка (водки казакам не удалось раздобыть) и “на закуску” такой же стакан вина. Так было и дальше. Пришлось пить все тосты.

Столы убрали, и казаки стали плясать. По-видимому, это продолжалось немало времени, т.к. я начал соображать нормально: “генерал садится на коня”. Бросился к двери. На открытие двери опять пришлось пить, на стремя тоже, а у ворот уже ждали меня традиционные два стакана. Направив мою кобылу на забор и перепрыгнув его, догнал генерала. 25 верст обратного пути привели меня в порядок.

Меня мучали вопросы: почему ген. Маннергейм не пил в этот день? Почему ему явилась мысль напоить меня? Где он был все время, что казаки плясали?

Ответ я получил значительно позже, когда он привык ко мне и стал рассказывать о своей молодости, о жизни в Петрограде, о Дворе, о его путешествии через Тибет и т.д.

Однажды он мне рассказал о совещании ген. Крымова, ген. Врангеля и его в день праздника Уфимо-Самарского полка. Совещание секретное. Цель: изучить возможность спасения Империи, перебросив всю южную кавалерию на север для установления военной власти в Петрограде.

Переброска минимум четырех конных полков, пользуясь железными дорогами, была невыполнима, ибо вся служба жд. была в руках революционеров, а также телеграф и телефон.

Передвижение всей массы конницы через всю Россию, опрокидывая сопротивление, при изучении в деталях, оказалось тоже невозможным, как в смысле снабжения, так и подвергая [опасности] сравнительно не затронутые пропагандой войска в течение долгой дороги. Изучив в деталях проект, совещание генералов признало невыполнимость этой идеи»¹⁹.

«В Бессарабии, – писал уже известный нам офицер 12-й кавалерийской дивизии Н. В. Шинкаренко, – судьба, казалось, была готова поставить генералу Маннергейму задачу всероссийского масштаба.

С первых же мартовских дней уже чувствовалось, что революция поворачивает в русло, враждебное армии и враждебное победе. Уже намечалась неизбежность выбора между родиной и интернационалом, и уже начинало прорастать то семя экстазного патриотизма, которое взошло столь пышно и столь неудачно в конце августа.

В армии были люди, которые думали о необходимости теперь же немедленно направить революцию по пути военной победы, и некоторым казалось, что масса собранной в Бессарабии конницы должна за свой страх и риск оказать поддержку Временному правительству, видимо бессильному в борьбе с натиском социализма.

Представлялось, что десять кавалерийских дивизий, неразложившихся, идущих за своими начальниками, – достаточно большая сила для того, чтобы занять выгодное для борьбы с Петроградом исходное положение, увлечь за собой остальные свободные от работы на фронте войска и продиктовать свою волю, волю бойцов за родину.

Генерал Маннергейм был в числе тех, кто мыслил по этой схеме, но, к сожалению, он не являлся естественным вождем для всей сосредоточенной в Бессарабии конницы.

Ему приходилось считаться с другими, а время шло. На войне месяц считают за год, ну а для революции годом может стать и потерянный день. Дней потеряли несколько.

Вместо выступления думать стали уже только об обращении к Временному правительству. Мысль о делах была заменена мечтою о слове, и осталось мечтою все.

Очень скоро наступил день, когда оказалось, что солдаты уже отошли от своих вождей, что они уже не пойдут за ними, не могут пойти. Даже рожденная горою мышь, обращение к Временному правительству, не было принято ни в одном полку и ни в одной батарее.

Из ничего и вышло ничего»²⁰.

Временной промежуток всей этой истории, напомним, середина марта – апрель 1917 года. Барон Врангель из поездки в Петроград вернулся в Кишинев 15 марта²¹. Генерал Крымов также выезжал из Кишинева в Петроград 14 марта и вернулся 30-го уже «назначенный командиром 3-го конного корпуса вместо графа Келлера»²².

Остается загадкой, однако, сам пресловутый «поход на Петроград», о котором толкуют некоторые исследователи. Были ли это реальные замыслы кавалерийских генералов или все это не что иное, как порождение страхов большевиков и левых временщиков? Как бы то ни было, речь может идти лишь о «походе на Петроград» для устранения отдельных элементов новой власти, издающих ак-

ты, подобные пресловутому «приказу № 1», но не для восстановления Монархии. Это был своего рода предшественник «Корниловского мятежа». Не более. А потому участвовать в подобном предприятии граф Келлер не мог по определению.

Из этого может следовать только один вывод: отправило Федора Артуровича в отставку фактически вовсе не революционное правительство (которое еще не успело этого сделать), а свои же сослуживцы-генералы, причем из самых «благих», как им казалось, побуждений: защитить родину и победить врага. Во имя этих же целей – напомним – чуть ранее убрали и Царя...

Для того же, чтобы ответить на вопрос, мог ли *в принципе* барон Маннергейм участвовать в заговоре, предусматривавшем восстановление в России Монархии, нужно иметь представление о его личности и взглядах.

«Царский генерал, шведский барон, финский помещик. До 17 года служил двум царям – Александру III и Николаю II»²³, – так писала о Маннергейме в 1939 г. «Правда». Но кем же он был в действительности?

Г. К. Маннергейм, справедливо пишут его нынешние биографы, «остался личностью во многом загадочной как для современников, так и для историков. Хотя Маннергейм написал обширные мемуары “Воспоминания маршала Финляндии”, там ему удалось полностью скрыть свои человеческие черты за описываемыми событиями»²⁴. К этому весьма точному замечанию остается прибавить, что ему удалось также скрыть и некоторые важнейшие в его жизни события. И не только в своих мемуарах. Ведь и в обширной восьмитомной биографии С. Егершэльда, написанной родственником фельдмаршала на шведском языке²⁵, в сборниках его писем и нескольких позднейших жизнеописаниях вы не найдете практически никаких сведений, относящихся к его пребыванию в Бессарабии (после его возвращения из Великого Княжества Финляндского) в марте–апреле 1917 г. Большую часть своего архива осенью 1945 г. и в феврале 1948 г. Маннергейм сжег сам²⁶. До сих пор этот интересующий нас период остается своего рода черной дырой в биографии барона. Значит, было и есть что скрывать.

Попытаемся, опираясь на ясно высказанные самим Г. К. Маннергеймом взгляды и другие надежные документальные источники, восполнить пробел в биографии этого сложного человека: генерала Русской Императорской Армии, победителя в войне Финляндии за независимость от большевиков и внутренних красных; мар-

шала, удачно руководившего двумя войнами с СССР, главы государства.

Барон Карл Густав Эмиль Маннергейм (1867–1951) происходил из шведского рода, имевшего голландские корни. После окончания в 1889 г. Николаевского кавалерийского училища, прослужив недолгое время в Александрийском драгунском полку, в декабре 1890 г. он поступил в наиболее привилегированную часть Русской Императорской Гвардии – Л.-Гв. Кавалергардский полк.

С этого времени у этого гвардейского офицера начинает проявляться некое внутреннее «я» – воззрения, отличные от принятых в этой среде, но почти незаметные во внешних проявлениях.

Так, во время помолвки с будущей своей супругой, дочерью кавалергардского генерала Анастасией Николаевной Араповой, в январе 1892 г., корнет Г. К. Маннергейм испытывал, по его собственным словам, «боязнь, что она слишком русская»²⁷.

В 1896 г. поручик барон Г. К. Маннергейм вместе с другим кавалергардом, штабс-ротмистром бароном Владимиром Романовичем фон Кноррингом (1861–1938), во время коронации в Москве шел с обнаженным палашиком непосредственно перед балдахином, который несли над Государем 32 генерал-адъютанта Его Величества в белых барашковых шапках. (Нынешние финские биографы подают этот эпизод в слишком облегченном, опереточном стиле, ничего общего с действительностью не имеющего: «Маннергейм был весьма привлекательный мужчина. Он принимал участие в коронации Николая II в Москве в 1896 г., идя в торжественной процессии впереди молодого Императора, которому остался верен до конца»²⁸. Или даже: «На фотографии коронации Николая II в 1896 г. в Москве он запечатлен верхом [sic! на ком?] во главе торжественной процессии»²⁹).

В 1897 г. поручик Маннергейм перешел на службу в Придворную конюшенную часть, заведовавшую всеми лошадьми, экипажами и конюшнями Министерства Императорского Двора и Уделов. Именно это место службы при Дворе Русского Царя, а не «привлекательность» его «как мужчины», позволило ему впоследствии познакомиться, например, с Германским императором Вильгельмом II.

В мае 1903 г. ротмистр бар. Г. К. Маннергейм был принят начальником Офицерской кавалерийской школы в качестве командира образцового эскадрона. Поступил он туда по рекомендации начальника ее А. А. Брусилова и Великого Князя Николая Нико-

лаевича³⁰. Это тройное знакомство произошло во время конных соревнований 16 марта 1902 г.³¹ (Благоволение этих людей, как увидим мы далее, – не случайный эпизод в биографии барона.) Прослужил он в школе чуть больше года, вплоть до того, как в октябре 1904-го отправился на русско-японскую войну. Брусиллов сначала пытался было отговаривать барона, а потом отпустил, подарив фотографию с дарственной надписью: «Барону Г. К. Маннергейму в знак уважения и памяти о совместной приятной службе. А. Брусиллов. 1904 г.»³²

В то время, когда барон Густав Маннергейм на Дальнем Востоке сражался с японцами, высланный из Великого Княжества Финляндского за подрывную сепаратистскую деятельность* его брат Карл в конце октября – начале ноября 1905 г. в Стокгольме принимал Ленина, организовав его дальнейшую поездку в С.-Петербург через Финляндию³³.

Примерно в те же дни ротмистр Маннергейм писал из Маньчжурии отцу следующее: «Сегодня прочел в информационной армейской газете, что генерала Клейгельса собираются назначить генерал-губернатором в Финляндию. Как это приятно звучит – Финляндия под кнутом наместника. Если знаешь, как привычно для него использовать кнут, приходится признать его на редкость подходящим для этой должности»³⁴.

Пусть он впоследствии и называл финских добровольцев-егерей, проходивших в годы первой мировой войны обучение в германском лагере Локштедт, близ Гамбурга, «предателями»³⁵, часть (по крайней мере!) его симпатий все равно была на их стороне. К тому же среди этих егерей было немало его друзей и приятелей.

После окончания японской кампании, в 1906 г. начальник Генерального Штаба предложил полковнику Маннергейму отправиться в поездку по Китаю. Миссия была секретная, носила разведывательный характер. По возвращении, в 1908 г. барон лично докладывал о ее итогах Государю Императору. (Сегодня этот эпизод, правда без упоминания секретности миссии, преподносится так: «Реакция в то время подняла голову, что ощущалось и в Финляндии. Финский офицер русской армии легко мог оказаться втянутым в конфликт со своим начальством. Брат Маннергейма был выслан из Финляндии как раз в начале этого периода»³⁶. При этом финский биограф «за-

* Сейчас ее предпочитают именовать «борьбой за изменение законов Финляндии» (Власов Л. В. Маннергейм. М., 2005 С. 54).

бывает» упомянуть не только о характере миссии Густава, но и об общении его высланного брата с «отцом независимости Финляндии» Лениным. Но все это, как говорится, «мелочи».)

Однако изменило ли оказанное Высочайшее доверие (аудиенция у Императора), многочисленные другие милости, оказанные ему Государем, внутреннюю суть самого Маннергейма? Вот что он, к примеру, писал своему дяде вскоре после того, как в начале 1909 г. был назначен командиром Владимирского уланского Вел. Кн. Николая Николаевича полка: «В день 200-летия Полтавской битвы я должен отправиться на место сражения с одним из эскадронов полка и флагом. Странная ирония хода истории – мне приходится участвовать в праздновании годовщины поражения моих предков!»³⁷

Не прошло и двух месяцев после принятия полка, как барон отправляется в Люблин, где находился штаб командира 14-го армейского корпуса (в состав которого входил его полк) ген. А. А. Брусилова. «После этой поездки, – пишут биографы, – встречи друзей стали более частыми». И далее: «Генерал Брусилов при встречах с Великим Князем Николаем Николаевичем постоянно рассказывал ему об успехах Маннергейма. Это стало поводом для разговора Великого Князя с Императором...»³⁸

Так, ровно через два года, состоялось новое назначение. Барон Маннергейм получает Л.-Гв. Уланский полк, несший охрану в Спале – летней резиденции и одновременно охотничьих угодьях Императорской Семьи. Его производят в генералы, а вскоре он получает вензеля и аксельбанты, свидетельствующие о принадлежности его к Свите Его Величества. Эти Высочайшие милости не мешают ему быть своим в кругу польских аристократов. Он был принят в домах Тышкевичей, Потоцких, Любомирских – самых родовитых из них. «Я попал, – сообщал он своим родственникам, – в блестящие и гордые своим особым положением высшие круги польского общества»³⁹.

Далеко не все были облечены таким доверием. Будущему Военному министру, а в конце 1860-х также лейб-улану, В. А. Сухоминову не помогло даже знание польского языка, которому он выучился в стенах Александровского Виленского кадетского корпуса. «...Кинжал за пазухой в местных семьях, – писал он, – нами всегда чувствовался»⁴⁰. Так же считал и благоволивший Маннергейму ген. А. А. Брусилов: «С поляками сходитья нельзя, они непримиримы...»⁴¹

С началом войны, несмотря на пресловутый манифест Вел. Кн. Николая Николаевича к полякам, современники свидетельствова-

ли: «Относительно польского населения не надо верить нашим газетам, оно в большинстве настроено враждебно. [...] ...Шайки “соколов” шныряют в местности между Холмом, Люблином и границей [...], зная отлично места, указывают австрийцам дороги, тропы и наши расположения; другие действуют сообща с врагами, тревожа русские войска, где только возможно»⁴². «...Польские “сокола”, – писал Вел. Кн. Николай Михайлович, – постоянно жарят по нашим войскам, да еще разрывными пулями: мне показывали целые пачки таких патронов, не то “дум-дум”, не то охотничьи с воском внутри, – словом, страшно разрушающего свойства. Вот тебе и Гагская конференция!»⁴³

У барона же складывалось все иначе. Секрет был прост: «Невзирая на мое положение, – писал он, – поляки приняли меня без предубеждения. Как финляндец и убежденный противник руссификации моей родины, я полагал, что понимаю чувства и точку зрения поляков в вопросах, которые можно было назвать жгучими*»⁴⁴.

«Личных контактов между русскими и поляками, – вспоминал Маннергейм, – было очень мало, и во время моего общения с поляками на меня смотрели недоверчиво. Это два раза привело к рапорту жандармского управления генерал-губернатору, который, правда, все эти бумаги бросал в корзину**»⁴⁵.

Даже осуждение его вступивших с началом первой мировой войны в специально созданные австрийцами части поляков выглядит как-то двусмысленно: «Преступно и подло использовать патриотизм этих людей, потому что они не защищены военным правом, когда идут навстречу опасностям и ответственности, которая много тяжелее, чем ответственность военнослужащих... Хоть бы эти части – в которых даже женские велосипедные отряды – не подпалили всю страну и не вызвали новых несчастий»⁴⁶.

* Вот как это место «переводят» наши издатели мемуаров: «Как финн и убежденный противник политики руссификации, я думал, что понимаю чувства поляков и их точку зрения на те вопросы, которые можно было считать взрывоопасными. Несмотря на это, поляки относились ко мне с предубеждением» (*Маннергейм К. Г. Мемуары. М., 1999. С. 46*).

** А вот еще один наш «перевод»: «Контакты между русскими и поляками были сведены к минимуму, поэтому к моим попыткам наладить в полку нормальные отношения поляки относились с подозрением». Далее текст обрывается (*Маннергейм К. Г. Мемуары. С. 46*).

Для сравнения: вот как отозвался на создание в Галиции под австро-германским командованием польских легионов «Стрелец» еврей по происхождению Осип Мандельштам:

*Поляки! Я не вижу смысла
В безумном подвиге стрелков:
Иль ворон заклюет орлов?
Иль потечет обратно Висла?
Или снега не будут больше
Зимую покрывать ковыль?
Или о Габсбургов костыль
Пристало опираться Польше?*

*А ты, славянская комета,
В своем блужданье вековом
Рассыпалась чужим огнем,
Сообщница чужого света!*⁴⁷

Разумеется, многие острые углы до поры до времени сглаживала присяга. Но и она понималась бароном Маннергеймом весьма двусмысленно, словно сообразуясь с внутренней его раздвоенностью. «...17-летняя служба и пребывание на каком-то месте, – признавался он в 1904 г. в письме брату, – создает узы и накладывает обязательства, которые мужчина должен уважать, имея при этом какие угодно взгляды. На войне единичный человек сражается не за какую-то систему правления, а за страну, к армии которой он принадлежит. Я считаю, что нет большой разницы, – делает он это добровольно или по приказу: он делает ни что иное, как исполняет свой долг офицера»⁴⁸.

После знакомства с этими документами, вышедшими из-под пера самого барона, весьма странными, по крайней мере, выглядят утверждения современных его биографов о том, что Маннергейм был якобы «равнодушен к политике и национальным идеям»⁴⁹.

Что и говорить, воевал барон красиво. Начальник штаба отдельной Гвардейской кавалерийской бригады Л. Елецкий вспоминал: «Его высокая, статная фигура возникала на всех позициях. Покуривая сигару, он появлялся именно в тех местах, где положение становилось критическим»⁵⁰.

В марте 1915 г. командующий 8-й армией ген. А. А. Брусилов, не терявший все это время из вида приглянувшегося ему барона, передал в его подчинение 12-ю кавалерийскую дивизию.

Земляки Маннергейма, как и все представители маленьких народов, страдающие болезнью гигантомании, без тени сомнения

(«а вообще возможно ли это?»), утверждают: «Войска под командованием Маннергейма в 1916 г. освободили Румынию от вторгшихся туда австро-венгерских войск»⁵¹.

18 января 1917 г. дивизия получила приказ двигаться в Бессарабию, где к тому времени сосредоточилась большая часть конницы Юго-Западного фронта.

В феврале 1917 г. ехавшего в отпуск в Финляндию генерал-майора Маннергейма принял Император. На следующий день была аудиенция у Государыни. «Императрица, – пишет он в воспоминаниях, – казалась измученной и поседела с тех пор, как я Ее видел в последний раз. Обычно сдержанная, по крайней мере, в кругу лиц, редко устаивавшихся Ее внимания, на сей раз Она была оживленной и весьма заинтересованной. Тринадцатилетний Наследник Алексей забрался на диван подле Нее, откуда Он внимательно слушал мой рассказ. Когда я с одобрением отозвался о полковнике Стурдзе*, Ее Величество прервала меня:

– Не тот ли это Стурдза, который сдался и перешел на сторону врага?

– Ваше Величество, – отвечал я, – всего несколько недель назад я покинул фронт и не могу представить себе подобного. Да я готов руку положить в огонь, если полковник Стурдза способен на такое.

Между тем в гостинице я получил сообщение о том, что Стурдза фактически дезертировал и что он с аэроплана разбрасывал прокламации, в которых обращался с призывом к войскам ради спасения Румынии не продолжать войну, разрушающую страну, но переходить на сторону немцев»⁵².

Похоже, что после того, как нахваливаемый генералом румынский полковник оказался на деле изменником, Государыня прекратила аудиенцию.

Отсутствие доверия к румынской армии у русских офицеров и генералов, как мы уже писали, – общеизвестный факт. Странно, но Маннергейм, по словам авторов его жизнеописаний, «негодовал», например, «по поводу того, что генерал А. Ф. Рагоза в присутствии

* Командир 7-й румынской бригады. Князь считался самым богатым помещиком Румынии. «Военные действия шли в районе, где он владел семью тысячами гектаров плодородной земли, с тысячами батраков. Его роскошный особняк в Яссах мог соперничать только со зданием русской миссии и был несравним со скромным жилищем Короля Румынии» (*Власов Л. В. Маннергейм. С. 178*). – С. Ф.

румынского офицера связи оскорбительно отозвался о румынах как солдатах. Маннергейм возразил ему, сославшись на храбрость бригады румынского полковника Стурдзы. Когда он впоследствии узнал, что Стурдза со своей бригадой перешел к австрийцам, он не удивился, так как сам мало рассчитывал на преданность румын...»⁵³ Странно, если *не удивился* и *мало рассчитывал*, то почему убеждал Императрицу в обратном?..

Из Финляндии барон вернулся в Петроград, по его словам, 26 февраля/10 марта. Таким образом, бунт в столице Империи произошел буквально на его глазах.

Спас барона его друг Эммануил Нобель, директор одноименной фирмы, в квартире которого генерала, по его словам, «приняли более чем хорошо»⁵⁴.

Это знакомство весьма примечательно. В своем выступлении в июне 1998 г., в ходе дискуссии на международном научном colloquium «Россия в первой мировой войне» в С.-Петербурге весьма серьезный современный ученый А. В. Островский обратил внимание на особую роль в подрывной антирусской деятельности семьи известных предпринимателей Нобелей:

«...На мой взгляд, концепция стихийности до сих пор сохраняет лишь гипотетический характер. [...] Если пожар начинается в одном месте, он может быть случайным. Но если пожар вспыхивает сразу в нескольких местах, нужно искать поджигателей. Между тем складывается впечатление, что утром 23 февраля [1917 г.] рабочие волнения начались почти одновременно сразу на нескольких предприятиях. [...] Волнения начались на Выборгской стороне. [...] Июльские события 1914 г., когда на улицах Петрограда возникают баррикады, тоже начались на Выборгской стороне. [...]

В связи с этим я хотел бы обратить внимание на то, что Выборгская сторона была своеобразной “вотчиной” Нобеля. И мне хотелось бы привлечь внимание как к нему самому, так и к его предприятиям. Приведу два примера, показывающих, что семья Нобелей заслуживает внимания.

Тем, кто знаком с историей финского революционного движения, известно имя Сентери (Александра) Нуортевы. Обычно его имя упоминается в связи с его причастностью к организации переезда В. И. Ленина из Финляндии в Швецию в 1907 г. и участием в знаменитой миссии Людвиг Мартенс в США в 1919–1921 гг. Менее известно, что Сентери Нуортева был племянником Нобеля. Через несколько дней на очередной научной конференции, посвященной элите российского общества XIX – начала XX в., ожидается специальный доклад о родственных связях А. Нуортевы*.

* См.: Родионов А. В. А. Ф. Нуортева в родственном окружении // Из глубины времен. Вып. 10. СПб., 1998. С. 243–274. – С. Ф.

Второй пример. Когда 3 декабря 1905 г. в здании Вольного экономического общества в полном составе был арестован Петербургский совет рабочих депутатов, среди арестованных оказался врач Военно-медицинской академии Георгий Павлович Олейников. Если сам этот эпизод известен тем, кто занимался Петербургским советом 1905 г., то далеко не всем известно, что Г. П. Олейников был своим человеком в доме Нобелей, так как был женат на Марте Людвиговне Нобель.

Я мог бы привести и другие примеры подобного рода. Но и приведенных достаточно, чтобы понять, что семья Нобелей заслуживает внимание не только с точки зрения предпринимательской деятельности, но и с точки зрения ее связей с оппозиционными и революционными кругами»⁵⁵.

К другим подобным знакомствам барона Маннергейма можно отнести последнее его серьезное увлечение – графиню Гертруд Арко-Валлей, сестру известных шведских банкиров Валленбергов, тетю небезызвестного Рауля Валленберга⁵⁶, шведского дипломата, проводившего в 1944–1945 гг. спецоперацию по вывозу евреев из Венгрии, за что «государством Израиль» ему было присвоено звание «Праведника народов мира». По каким-то до сих пор неизвестным причинам он был арестован советскими спецслужбами и безследно исчез...

Но продолжим. В ночь на 2/15 марта генерал Маннергейм сел в спальный вагон московского поезда. Возвращался он на фронт через Москву и Киев, собственными глазами убедившись, что «революция распространялась как лесной пожар»⁵⁷.

«...Проезжая мимо памятника Столыпину, – делится Маннергейм с читателями мемуаров своими впечатлениями о пребывании в Киеве, – я увидел, что этому суровому господину пришлось смириться с надетым на него красным шарфом»⁵⁸. (В русском издании, наверное, во имя братства и дружбы народов, решили подретушировать глумливый тон подлинника: «Проезжая мимо памятника Столыпину, я увидел, что он украшен красным шарфом»⁵⁹.)

А вот – для сравнения – как об этом событии писал ген. Н. А. Епанчин, с брезгливостью вспоминая, как назначенный «временщиками» командующим Киевским военным округом генерал Н. А. Ходорович пытался им угодить: «...Когда решено было разрушить памятник П. А. Столыпину, стоявший в Киеве против Городской думы, то это разрушение было обставлено с большой торжественностью; вокруг памятника были выстроены войска и Киевский кадетский корпус, директор которого рассказал мне, как произошло это гнусное разрушение. Над памятником поставили домкрат, на шею Столыпина надели красную повязку, шею окружили цепью, и статуя, в виде повешенного, была снята с пьедестала и брошена на землю. Ходорович стоял на балконе думы, причем

“товарищи” надели на него вывороченное генеральское пальто, так что генерал был “красный”»⁶⁰. (Руководителей акции нетрудно вычислить, если вспомнить, что убийцу П. А. Столыпина – Мордку Богрова, сына еврейского писателя и внука раввина, повесили.)

«Отказ Маннергейма от службы в России, – пишет современный биограф барона, – был предопределен отречением Николая II от Престола: он как сторонник монархии служил прежде всего Императору»⁶¹. «Начальник штаба Верховного главнокомандующего, – подтверждает эти мнимые монархические воззрения барона наш соотечественник, – в своих докладах Керенскому постоянно представлял Маннергейма как ярого монархиста, нелояльного к Временному правительству, который может неожиданно выступить против новой власти»⁶². Это опять-таки сгущение красок, извращающее истину до неузнаваемости.

Обратимся к фактам. А они таковы: 20 марта командующий 11 армией генерал от инфантерии Д. В. Баланин (в 1918 г. поступивший на службу в Красную армию) направил в Ставку представление о присвоении Маннергейму воинского звания генерал-лейтенанта, что и произошло 25 апреля; 31 мая 1917 г. его назначили командиром VI кавалерийского корпуса. И все это – из рук «временщиков».

А вот как Маннергейм оценивал последнюю попытку Армии освободиться от накинута на нее демократами удавки: «В довершение всех несчастий начался Корниловский мятеж...»⁶³. Достаточно сравнить эти слова с оценкой ген. Корнилова Государем* (пусть, несомненно, и оскорбленным произведенным им арестом Государыни и Детей), чтобы почувствовать, как ныне говорят, разницу.

Непосредственными сигналами к оставлению русской сцены послужили кляузы на Маннергейма комиссара корпуса студента-недоучки Михаила Иванова; расформирование корпуса с оставлением под непосредственным командованием Маннергейма одной кавалерийской дивизии. Эту последнюю реорганизацию удалось приостановить с помощью старого друга генерала А. А. Брусилова, но тот сам через несколько дней после этого был освобожден Керенским от должности главнокомандующего⁶⁴. Поддержки ожидать больше было неоткуда.

Да, 1917 год для Маннергейма был «тяжелой травмой». Но не как «генерала-монархиста»⁶⁵, а как генерала-карьериста. В России,

* В ответ на сообщения газет после начала мятежа об «измене Корнилова», Государь «сильно возмутился» и «с горечью сказал: “Это Корнилов-то изменник?”» (Российский архив. Т. VIII. М., 1998. С. 148).

кроме гарантированных девяти граммов свинца, ловить, по его представлениям, больше было нечего.

9 сентября 1917 г., ссылаясь на необходимость лечения после полученной травмы, Маннергейм был официально освобожден от обязанностей командира корпуса и зачислен в резерв.

Однако вся приводившаяся нами до сих пор мифология финских соотечественников барона меркнет перед доморощенной. (Конечно, если хочется верить, то факты безсильны!) «Маннергейм оставался воистину верноподанным “белого царя”... [...] ...Подданный Финляндского княжества и лютеранин барон Карл Густав Маннергейм одним из первых российских генералов решил встать на защиту богоустановленного порядка в пределах своей “большой” родины – России»⁶⁶. (Использование строчных и прописных букв в цитирующей нас нами заметке из журнала Зарубежной Церкви – авторско-редакторское).

Этот мифический монархизм Маннергейма выставляется в качестве подоплеку известной его акции: «Как противник большевизма и сторонник Императорской власти он дважды разрабатывал план захвата Петрограда-Ленинграда...»⁶⁷

Достоверно об этом проекте, однако, известно следующее:

Еще в 1918 г. на поход во главе с Маннегеймом на Петроград рассчитывали Германский император Вильгельм II и экс-премьер-министр России А. Ф. Трепов⁶⁸. Это была затаенная идея и самого барона, а также многих финских «правых активистов», которые рассматривали захват города как промежуточный этап на пути к «окончательному решению» проблемы: «разрушить и затопить бывшую столицу ненавистной Империи»⁶⁹.

Осуществить эту идею помешала, с одной стороны, надежда на то, что с захватом города справятся белые войска, а с другой – непризнание ни одним белым правительством или вождем «независимости» Финляндии*. По свидетельству эстонского журналиста

* Некоторые нынешние «зарубежники» сетуют, что «благодаря намерению» Маннергейма «освободить» Петербург помешали-де «русские урапатриоты, не желавшие “торговать завоеваниями Петра Великого”» (*Глазков К. В.* Белое дело генерала России и маршала Финляндии Карла Густава Маннергейма // Православная Русь. Джорданвилль, 2001. № 16. С. 15). Придерживавшиеся таких же, как автор этой статьи, взглядов соотечественники, понятно, всё готовы были отдать за кусочек *той*, спокойной дореволюционной жизни *для себя*. Ну, еще, может быть, для своих родственников. Максимум – для друзей.

Э. Лаамана, Маннергейм отвечал обращающимся к нему белым вождям примерно одно и то же: «что он финн, и только интересы Финляндии определяют его действия, и если к нему обратятся, то взамен помощи он потребует каких-то территориальных результатов»⁷⁰, то бишь уступок.

Встречался Маннергейм по этому поводу с Пилсудским и Савинковым⁷¹. При этом применительно к первому бароном используется слово либо «премьер-министр», либо «генерал», ко второму – «известный представитель белого движения». Выходит, что генерал Русской Императорской Армии, гвардеец, генерал-адъютант Его Величества встречается с революционерами-заговорщиками⁷², социалистом и террористом. Последний из них, кстати говоря, координировал действия по убийству дяди Государя, Великого Князя Сергея Александровича.

В результате встречи с Пилсудским «пришли к выводу, что им следует сотрудничать с российскими либеральными кругами, которые готовы не только признать самостоятельность Финляндии и Польши, но построить Россию на новой демократической и федеративной основе»⁷³. (Представители карликовых государств, созданных на обломках Великой Империи, с присущим им легкомыслием радовались, подобно польской знакомой Маннергейма: «Я горда и счастлива иметь свободную родину и восхищена тем, что я в Варшаве»⁷⁴. Они еще не ведали, что станут вскоре добычей других, менее романтических, соседей...) Видимо, памятуя заслуги «начальника государства» Пилсудского, активно участвовавшего в разрушении Российской Империи, Адольф Гитлер, «после оккупации своими войсками Польши, приказал поставить в Кракове почетный военный караул у гробницы Пилсудского в Вавельском замке»⁷⁵.

Второй раз идти на Петроград Маннергейму представилась возможность после нападения Германии на СССР. По поводу отношения его к городу на Неве до сих пор ведутся споры. Одни считают, что взятие этого города он считал «важным делом в освобождении России от большевизма». Другие – что «Маннергейм был против операции по захвату Ленинграда»⁷⁶. Он-де не желал нанести ущерб городу, в котором прошла его молодость и почти четверть века сознательной жизни. Городу, который он любил.

В связи с этим заметим: сегодня очень удобно под отрицательным отношением к большевизму и коммунизму скрывать обычную русофобию. Постараемся разобраться: различал ли финский фельдмаршал эти два понятия. На первый взгляд, да. «Сожалею только об

одном, – делился он своими мыслями в сентябре 1919 г. с давним корреспондентом, – что я не покончил с большевиками у наших границ до того, как вернулся к частной жизни. Весь мир спал бы гораздо спокойнее, если бы, по крайней мере, в Петербурге этот очаг большевизма был уничтожен»⁷⁷. Примерно то же месяцем позже писал он президенту Финляндии Столбергу: «Общественное мнение в Европе считает, что судьба Петербурга находится в руках Финляндии, и вопрос о взятии Петербурга рассматривается не как финско-русский вопрос, но как мировой вопрос окончательного мира для блага человечества... Если сражающиеся под Петербургом белые войска будут разбиты, ответственность за это будет всеми возложена на нас...»⁷⁸

Финны считают: по мнению Маннергейма, «следовало отделиться от большевиков и тех беспорядков...»⁷⁹ Ну, и так далее. На деле же Маннергейм, как известно, решает разоружить 100 тысяч русских солдат, матросов и офицеров, находившихся ко времени переворота в Великом Княжестве Финляндском. Обоснованием этого шага была якобы поддержка ими красногвардейцев. Трудно, разумеется, поверить, что все 100 тысяч русских вдруг стали большевиками. И не только солдаты, но и офицеры! И не одни офицеры, а и генералы!

Любопытно также дипломатическое обезпечение этой акции: «Присутствие в стране русских воинских частей стало основанием, чтобы просить помощь у Германии»⁸⁰. То есть у врага, за борьбу с которым на фронте Маннергейм получал награды и очередные воинские звания. Сегодня пытаются утверждать, что сношения с Германией правительственные круги Финляндии осуществляли чуть ли не помимо Маннергейма и даже вопреки его воле. Правда здесь, однако, состоит только в том, что Маннергейм, как обычно, боясь огласки, действовал весьма осторожно.

Разоружение русских солдат и офицеров – «под руководством Маннергейма» – осуществлял не только вооруженный немецким оружием плохо обученный корпус самообороны («шюцкор»), но натасканные в специальных германских лагерях и сражавшиеся с русскими войсками в Прибалтийских губерниях финские добровольцы-егеря, которых, как мы помним, Маннергейм в свое время для порядка на словах слегка журил. Именно они впоследствии составят костяк его армии. Даже английский консул в Гельсингфорсе вынужден был заявить, что Маннергейм является «безсознательным орудием финских егерей и Германии»⁸¹. (Слово «безсознательный» является наградой за то, что Маннергейм сумел вовремя,

в отличие, скажем, от того же Донского атамана П. Н. Краснова, буквально во мгновение ока переориентироваться с Берлина на Лондон. Такие же кульбиты барон проделывал и позднее, в 1930–1940-е годы).

Попутно, как водится, было присвоено чужое имущество. «Финляндия, – писал ген. А. И. Деникин, – присвоила себе уже без всяких оснований огромное многомиллиардное имущество – казенное и общественное, запасы, арсеналы и склады Северного фронта и морских баз, военные и коммерческие суда и т.д., и т.д. Без соглашения, без войны, просто в силу беспомощности или, вернее, отсутствия законной русской власти»⁸². И ведь санкционировал это не какой-то революционер-экспроприатор или сорвавшийся с цепи националист, а генерал Русской Императорской Армии, гвардеец, дворянин, наконец.

Отсюда и единственно возможный вывод: то был вовсе не обеспокоенный восстановлением монархии в России русский Свитский генерал, а вероломно нарушивший присягу изменник, пользуясь моментом, отторгающий у Империи часть ее законной территории при помощи врага и таких же, как и он, предателей. Таковы были действия Маннергейма в действительности, если строго придерживаться фактов, а не фантазий, натяжек или подтасовок.

В годы второй мировой войны из Гельсингфорса также прозвучало немало красивых слов. «Вооруженные силы Германии и Финляндии, – читаем в обращении к населению русской Карелии, – борются не с народами СССР, а только против насилия еврейско-большевицкой власти...»⁸³ Отвечая по поручению Маннергейма на одно из писем к нему, его адъютант писал в августе 1942 г.: «Для Маршала русский человек одно, а большевики – совершенно иное, и он всегда считал борьбу против большевизма первым этапом к освобождению русского народа от коммунистического ига»⁸⁴.

Однако вот что мы читаем в приказе № 1 фельдмаршала Маннергейма в связи с началом советско-финской войны 1939–1940 гг.: «...Наш вековой враг напал на нашу страну»⁸⁵. А вот что говорилось в приказе о начале военных действий в июне 1941 г.: «Призываю вас на священную войну с врагом нашей нации»⁸⁶. Ясно, что речь идет не о Советском Союзе, не большевиках, а о России и русских. В подписанном Маннергеймом секретном приказе от 8 июля 1941 г. об обращении к военнопленным и жителям оккупированных территорий говорится: «Взяв в плен советских военнослужащих, сразу же отделять командный состав от рядовых, а также карел от рус-

ских. [...] Русское население задерживать и отправлять в концлагеря. Русскоговорящие лица финского и карельского происхождения, желающие присоединиться к карельскому населению, к русским не причисляются»⁸⁷.

Приведенных нами документов вполне достаточно, чтобы оценить вот этот основной тезис современного русского профессора Л. В. Власова: «Какой бы высокий пост в Финляндии ни занимал барон Густав Маннергейм, в душе он оставался русским офицером...»⁸⁸ Издательство «Молодая гвардия», выпустившее эту книгу, считает, что автор «убедительно доказывает, что маршал и президент Финляндии... врагом России не был». В качестве одного из «убедительных доказательств» ранее неведомого русофильства Маннергейма приводится в действительности недавно имевший место факт: президент В. В. Путин во время официального визита в сентябре 2001 г. в Гельсингфорс стал «первым российским лидером, возложившим венок на могилу маршала Маннергейма и склонившим голову у его надгробия»⁸⁹. Да ведь к чему только он не «возлагал» и что он не «возжигал»...

Но, может быть, фельдмаршал разделял взгляды, установившиеся в Третьем Рейхе? Лакмусовой бумажкой тут, как известно, является отношение к евреям.

Сразу же после начала войны, 10 августа 1914 г. Маннергейм доверительно писал в частном письме: «Подумайте – мы живем среди прекрасной природы, обреченные уничтожать друг друга под корень всеми средствами, какие нашей прославленной цивилизации удалось придумать. [...] ...За всем этим – евреи и материальные выгоды. Страны гибнут и границы государств меняются, но от всего этого наверняка всегда выигрывают евреи»⁹⁰.

Однако как и в других случаях (в чем мы уже не раз убеждались), слова у Маннергейма не соответствовали делам.

Уже весной 1915 г. он велел старшему адъютанту дивизии положить «весьма секретную» директиву штаба фронта, в которой приводились конкретные примеры шпионской деятельности евреев в прифронтовой полосе, под сукно: «...Это не приказ, а глупость. Спрячьте его подальше от глаз офицеров. Визировать его не будем»⁹¹.

Обратимся к более поздним временам. Как известно, с марта 1941 г. в Германии стал формироваться финский добровольческий батальон войск СС, воевавший впоследствии в составе дивизии СС «Викинг» на юге Украины. За верную службу финские доброволь-

цы получили 16 Железных крестов 1-й степени и 214 – 2-й⁹². Правительство Финляндии стояло от этого в стороне, но и особых препятствий добровольцам не чинило.

Однако Финляндия, будучи союзницей Германии, практически «не предприняла никаких санкций против своих граждан еврейского и цыганского происхождения. Они пользовались теми же правами и несли те же обязанности, что и все остальные. [...] ...Военнообязанные граждане евреи во время войны... сражались в рядах финской армии, т.е. на стороне Германии»⁹³. Двухтысячная еврейская община выставила на фронт 250 человек⁹⁴. И, заметим, так было не в одной лишь Финляндии. Среди военнопленных в СССР в годы Великой Отечественной войны евреев было в четыре (!) раза больше, чем финнов – 10 173 человека⁹⁵. Вдумайтесь: евреи, воевавшие под командованием германского фюрера! Сколько же было всего сражавшихся против России с оружием в руках евреев, если число только пленных равнялось целой полнокровной дивизии?..

Когда Генрих Гиммлер попытался поднять еврейский вопрос, Маннергейм заявил членам правительства: «Из моей армии не возьмут ни единого еврейского солдата для передачи Германии. Разве что только через мой труп. Не может быть также и речи о выдаче родных и близких моих военных, поскольку подобные действия могут отрицательно отразиться на боевом духе армии. Весь этот вопрос нужно по возможности без шума похоронить»⁹⁶. Так и сделали. А после окончания войны, 6 декабря 1944 г. Маннергейм (в то время уже президент) присутствовал в синагоге Гельсингфорса на поминальной службе по павшим евреям⁹⁷. Правда, вроде бы, менору он там все же не возжигал. И на том, как говорится, спасибо.

За все время войны финская политическая полиция ВАЛПО, с середины 1930-х сотрудничавшая с гестапо, смогла депортировать в Германию лишь 8 человек⁹⁸. В 2000 г. в столице Финляндии этим восьми был открыт памятник. Присутствовавший на этом торжестве премьер-министр Финляндии от имени правительства и финского народа принес извинение⁹⁹.

При этом во время войны в глухих местах Финляндии было укрыто 126 беженцев евреев из Европы. Примечательно, что за тот же период финнами было передано гестапо три тысячи советских военнопленных, главным образом офицеров и политработников. В секретном приказе 1941 г. о советских военнопленных, подписанном Маннергеймом, предписывалось: нетрудоспособных «сдавать без обмена». Как установлено, многие советские военнопленные

погибли непосредственно в день передачи их гестапо или в самый день прибытия их в Таллин¹⁰⁰. И никаких памятников в Гельсингфорсе или извинений премьера...

Однако, справедливости ради, отметим, что такое жесткое отношение было отнюдь не ко всем советским военнопленным. «Финские евреи, – пишет современный еврейский автор, – разыскивали единоверцев в лагерях для военнопленных, через представителей Красного Креста отправляли им посылки, и подобные действия не вызывали протестов среди коренного населения страны; затем начали поступать посылки от евреев Швеции. К концу 1942 года часть пленных евреев выделили в несколько рабочих команд, которые жили и работали отдельно от других. Из воспоминаний: “До конца жизни сохраню благодарность к моим безвестным братьям, разыскавшим меня в финских снегах... Раввин местной общины посетил еврейский лагерь, финские евреи прислали нам на песах мацу и кошерное вино...” В конце 1944 года пленные вернулись домой...»¹⁰¹

Значит, дело было не в большевизме и не в «советскости», а в чем-то ином.

Чувство родины, для которого не существовало искусственных идеологических границ, великолепно продемонстрировали русские люди, для которых Россия была не географическим понятием и не средством для приобретения личной славы или обогащения.

Приведем несколько примеров

Во время советско-финской войны 1939–1940 гг. с осуждением «советской агрессии» выступил «Великий Князь» Владимир Кириллович. В таком же тоне было написано и опубликовано коллективное письмо видных представителей русской интеллигенции, одним из первых которое подписал Иван Бунин¹⁰².

Однако не все, по словам известного русского писателя И. С. Шмелева, посмели «выть в этом песьем вое... и пришвыривать свой комок грязи»¹⁰³.

«...В 18-м году они, – писал Иван Сергеевич о финнах, – уничтожили-расстреляли свыше 10 тыс. русских офицеров белых! Да-с! И показали фигу генералу Юденичу: не желаем помогать против большевиков. Да и еще есть. Теперь вкусили плодов своей посадки»¹⁰⁴.

А вот уже о Европе: «Кто хотел – только и поливал Святую нашу, плевал, благо слюней не занимать-стать. Ну, и знают же европейские писаки нашу историю! – будто никогда о подлинной России не слыхали, а свалилась она на голову с пришествием столь не-

давно любимого и лелеянного ими антихриста – марсова помёта. Теперь этот выкормыщ европейских нянек-кормилок навалил им на голову и куда только можно. И еще навалит... А за все это сообшество – в Россию – харк и плёв»¹⁰⁵.

«В начале февраля 40 г., – вспоминал он, – Алданов, никогда ко мне не заходивший, неожиданно пришел, в одиннадцать часов вечера! – и... “Иван Сергеевич, вот, протест *наш*... вы, конечно, не откажетесь подписать...” Я прочел “протест”. Это был протест писателей и вообще выдающихся “имен” – протест против “нападения” *России* Советской на “героическую Финляндию”. Долго сказывать. Я ответил: “нет, не подпишу”. Алданов побледнел, выслушав меня, и ушел будто его водой окатили. Ни слова не промолвил. Мои мотивы: “я не могу подписать... не могу... когда Россию все время поливают грязью...” – Вы помните, как писали о России, в те дни, когда Россия будто бы предала “дело свободы и правды”!.. когда холодело сердце при чтении этой всеобщей хулы... с Советами мешали и Россию. За это время – в раже – печатали фото с кривых финских ножей, которыми – и как захлебываясь писали! – вспарывали животы русских солдат, калужан, ярославцев, орловцев, московских, рязанских парней! моих кровных!.. в такие дни я *не мог* участвовать в общей вакханалии. – *Все* мешали с грязью, кровью и злобой... – это был – для мира – выпад злобный против Родины... я не мог – *так*... В начале февраля “протест” был напечатан в “Последних Новостях” – *все*, кажется, писатели, дали имена... намечался бывший в Америке Рахманинов, Ростовцев... многие, – часть *дала* имена свои. А я... я слушал голос сердца... И вот, дня через два-три после напечатания протеста, ко мне пришел А. И. Деникин, в час неурочный, утром, часов в 10. И – “позвольте, Иван Сергеевич, пожать вам руку!” – Я спросил: “почему Вы так торжественно?” – “А потому, что *Вас нет* под этим гнусным обращением!.. И не только я от себя лично, я... от многих-многих русских честных людей... Вы не поплыли по этой *грязи*... Вы не в хоре-гвалте хулителей и поносителей России, русских людей... ведь *здесь* не различают – сознательно! – Советы и Россию! – тут лишь бы порочить и хулить *наше!*...” Я ему сказал: “что же особенного! разве Вы могли думать, что я в *таком*, при всей моей отвратности к Советам, смог бы со-участвовать!..” – “Нет, конечно... но... могли заколебаться, как заколебались и – *дали* свою руку палачам и хулителям!.. – иные...”»¹⁰⁶

Из письма Л. Емельяновой Маннергейму 1942 г.: «Господин Фельдмаршал! [...] Мой сын, русский эмигрант, призван на финскую

службу набором 1922 года и находится на передовых позициях. Любя Финляндию, в которой он и родился (в имении моего деда, в Куо-лемаярви, Выборгской губ.), и вырос и которой, конечно, многим обязан – он всегда рад служить ей всеми своими силами. Еще несколько лет тому назад он подписал бумагу о согласии отбывать здесь воинскую повинность, правда, ему было сказано, что подписка эта не касается войны против русских. Сейчас обстоятельства сложились так, что, находясь на первых линиях, он ежеминутно рискует лишиться жизни или искалечить своего же брата по крови – такого же случайно призванного рядового русского человека, каким является и он сам, может быть, даже родственника, которых у нас осталось много в России. Представьте же себе, сколько терзаний и мучений доставляет ему, как и каждому честному человеку, такое сознание. Муж мой, раненный в 1914 г., русский офицер, обе войны работает на оборону на заводе, там же служит и дочь. На оборону же работал и сын до призыва. [...] Просьба моя состоит только в том, чтобы дать сыну возможность служить где-либо в тылу и этим снять с его совести так тяготящий его и нас постоянный риск братоубийства»¹⁰⁷. Истинная причина беспокойства матери осталась непонятной бывшему русскому генералу. Прошение он оставил без последствий...

Однако заставить русских, оказавшихся после гражданской войны в Финляндии, воевать против своих соотечественников показалось Маннергейму мало. Во время Великой Отечественной войны ему пришла в голову мысль создать из военнопленных так называемую «Русскую народную армию». Наши пленные командиры от любых встреч отказались. На командные должности было решено призвать белых офицеров-эмигрантов. Но и это не помогло. В результате на фронт отправилась «армия» в 40 человек¹⁰⁸.

Проживавшая в годы второй мировой войны в Германии княгиня Лидия Васильчикова, зная невыносимое положение советских военнопленных, в том числе и в финских концлагерях, обратилась к Маннергейму с просьбой помочь доставить собранные русскими эмигрантами для своих оказавшихся в плену соотечественников деньги, одежду и продовольствие. В сборах участвовали: руководившая Толстовским фондом графиня Панина, работавшие в США известные русские конструкторы Сикорский и Северский, находившийся в Аргентине граф Зубов и другие эмигранты, проживавшие в Южной Америке¹⁰⁹. Эти люди, многие из которых принадлежали к старой русской аристократии, продемонстрировали шведскому барону истинную любовь к Родине и благородство.

Да, финские войска, участвовавшие во время второй мировой войны в блокаде Ленинграда, действительно не вели орудийного обстрела города, не бомбили его с самолетов. Нынешние славильщики финского маршала договариваются до того, что он-де всего лишь «имитировал свое участие в войне с Советским Союзом». И уж, конечно, не как-нибудь, а «блестяще»¹¹⁰. Но к такому решению пришел он вовсе не из благородства или человеколюбия, а из страха неминуемого возмездия.

Об этом с полной очевидностью свидетельствует хронология некоторых событий и решений первых месяцев второй мировой войны. *30 июня* Маннергейм отдал приказ о наступлении. *1 июля* финская армия пересекла государственную границу СССР¹¹¹. *4 августа* президент Финляндии Р. Рюти заявил: «Никаких переговоров с русскими. Ожидаемое взятие Петербурга прояснит положение Финляндии на фронте»¹¹². Положение «прояснилось», однако, много раньше. В ответ на предложение генерал-фельдмаршала Кейтеля, направленное *23 августа*, о совместном окружении Ленинграда, Маннергейм писал: «От Финляндии вы требуете слишком много. Мобилизовано полмиллиона человек, а наши потери уже превысили те, что были в Зимней войне»¹¹³. Именно это последнее обстоятельство заставило фельдмаршала крепко задуматься. *5 сентября* Маннергейм «устно запретил финской авиации бомбить, а артиллерии обстреливать Ленинград. В дни штурма и блокады Ленинграда немцами фельдмаршал приказал всю информацию о действиях финской армии на Карельском перешейке передавать не на бумаге, а лицо в лицо, без третьих лиц...»¹¹⁴ При этом он опасался не столько, как сейчас пишут, союзников-немцев, сколько будущих несомненных победителей – русских. *11 сентября* американскому послу в Гельсингфорсе финский министр иностранных дел заявил: «Финляндия решила не участвовать совместно с немцами в наступлении на Ленинград»¹¹⁵. В дальнейшем «Маннергейм в разговорах с немецкими генералами, если они касались Ленинграда, резко прерывал разговор, откидывал голову назад и устремлял взгляд в дальнюю точку своего кабинета»¹¹⁶.

«...Причины моих возражений против участия наших войск в нападении на Петербург, – откровенно заявлял он впоследствии, – являлись политическими, и они были, по моим представлениям, весомее военных обстоятельств. Постоянным обоснованием стремления русских нарушить неприкосновенность территории Финляндии было утверждение, что независимая Финляндия якобы пред-

ставляла угрозу для второй столицы Советского Союза. Для нас было самым разумным не давать в руки врага оружия в спорном вопросе, который даже окончание войны не сняло бы с повестки дня»¹¹⁷.

Однако, как оказалось, Маннергейм все же покушался на город, но предпочел совершить это преступление чужими руками. Согласно записи в опубликованном в 1974 г. дневнике адъютанта Гитлера майора Энгеля, именно Маннергейм предложил Гитлеру «стереть Ленинград с лица земли»¹¹⁸.

Мысль, на первый взгляд, абсурдная, особенно в устах аристократа, русского гвардейца, прожившего в Петербурге четверть века. Но лишь на первый взгляд. Вспомним в связи с этим развернутую мотивировку И. В. Сталиным обмена территориями* для обеспечения безопасности Ленинграда в октябре 1939 г.: «Никто не виноват, что географическое положение наших стран таково, как оно есть. Нам нужно закрыть доступ в Финский залив... Вы спрашиваете, какое государство может напасть на нас? Англия или Германия. С Германией у нас сейчас хорошие отношения, но все в этом мире изменчиво. В свое время Юденич напал со стороны Финского залива, затем то же самое сделали англичане. Это может повториться.

* Напомним: речь шла о Карельском перешейке, входившем в состав Русского государства в момент его рождения. В 1617 г. владевшей Финляндией Швеции удалось отторгнуть его у ослабленной смутой России. В 1721 г. Император Петр Великий возвратил утраченное, восстановив первоначальную границу России. Лишь 90 лет спустя, в 1811 г., через два года после присоединения Великого Княжества Финляндского к России (взятого на шпагу у Швеции), Император Александр I включил в его состав Карельский перешеек (землю, никогда не входившую в число собственно финских территорий). Требования Сталина по отношению к Финляндии, заявил А. Гитлер во время личной встречи 4 марта 1940 г. шведскому путешественнику С. Гедину, «естественны и умеренны. Они касаются территорий, которые прежде были русскими. Он хочет, однако, лишь малой части этих территорий» (*Хозиков В. Забытый кумир фюрера*. М., 2004. С. 607). Такого же мнения придерживались Геринг, Риббентроп и др. деятели Третьего Рейха (Там же. С. 597, 610). «Я считаю, – сказал в доверительной беседе 11 марта 1940 г. Геббельс, – что столь мощная держава, как Россия, не может мириться с существованием мощной укрепленной линией другого государства практически в пригородах Ленинграда» (Там же. С. 619). «Здесь, в Берлине, – признался 18 ноября 1940 г. в личном разговоре с Гедином статс-секретарь германского МИД Э. фон Вайцзеккер, – мы ждали, что Россия выдвинет более серьезные требования. Для нас стало неожиданностью, что Россия удовлетворялась столь малым» (Там же. С. 645).

Вы спрашиваете: почему мы хотим Койвисто? Я объясню, почему. Я спросил у Риббентропа – почему Германия начала войну против Польши? Он ответил: «Нам нужно было отодвинуть польскую границу подальше от Берлина». Мы не можем перенести Ленинград, поэтому нужно перенести границу... Мы просим 2700 квадратных километров и взамен предлагаем 5500 квадратных километров»¹¹⁹.

Итак, само существование Града святого Петра мешало финскому самоутверждению.

Предпринятыми финской стороной исследованиями установлено: высказывание Маннергейма об уничтожении Петербурга, пусть и зафиксированное лишь однажды, все же имело место¹²⁰.

Что касается России, то наиболее откровенно свои мысли о ней Маннергейм сформулировал в частном письме, написанном им 28 октября 1919 г.: «К сожалению, сейчас неизвестно, что лучше – Россия большевицкая или новая Россия: обе будут равно неудобны соседям, особенно маленьким. Русские ничему не научились и ничего не забыли, несмотря на то, что они пережили, и я предвижу, что мы скоро должны будем считаться с Россией еще более империалистической и националистической, чем когда-либо, которая захочет соединить массы и заставить забыть внутренние неурядицы ради великой идеи реставрации старой Руси. К сожалению, невозможно избежать столкновений с этой Россией – рано или поздно это произойдет. Невозможно заставить ее исчезнуть и заменить на карте большим белым пятном, и в этих обстоятельствах лучше рыцарским жестом, как, например, освобождение Петербурга, создать положительную исходную ситуацию для будущих отношений»¹²¹.

Да, в кабинете у маршала Финляндии, если верить очевидцам, на письменном столе до самой смерти всегда стояла фотография Императора Николая II¹²². (Правда, там же стояла и фотография последнего увлечения барона – Ивонн ла Брюсс – жены 48-го имама небезызвестной секты исмаилитов Ага-Хана III¹²³.) Утверждают даже, что он «до конца своих дней в Швейцарии был убежденным монархистом, часто сетуя на то, что финны безвозвратно потеряли много хороших и теплых традиций Царских времен»¹²⁴.

Но вот собственноручно написанный им отзыв о Государе, предназначенный для обнародования и, как это часто бывает, сглаженный при переводе на русский язык:

«В конце августа [1915 г.] Верховный главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич был назначен главнокомандующим Кавказской армией, а Верховным стал лично Император. Ве-

ликий Князь был солдатом до кончиков пальцев и прекрасным профессионалом. Он руководил вооруженными силами твердой рукой, и его авторитет был значительным не только в армии, но и вне ее*. Почти все понимали, что Император может быть лишь номинальным Главнокомандующим и из-за Своего тихого и нетребовательного характера вряд ли завоюет достаточный авторитет и всеобщую популярность в армии.

Встав на самой вершине вооруженных сил в столь неудачно выбранное время, Николай II поставил под угрозу само существование Своей Династии. Императору, по причине отсутствия Его в столице, было трудно следить за другими проблемами государства, а этот факт еще в большей степени обусловил Его конечную изоляцию и недееспособность. [...]

Николай II был окружен советниками, которые не могли ясно представить себе положение в стране, Император же хотел править лично, без помощи нации. [...]

Политические фракции [Государственной думы], охваченные патриотическими чувствами, образовали так называемый “Прогрессивный блок”. В начале сентября он выдвинул программу, в которой содержались требования парламентского правления, политической

* Определенные надежды с Великим Князем связывали и финские сепаратисты. Так, в специальную сводку штаба Юго-Западного фронта была включена следующая информация: «5 сентября 1915 года житель финского города Сортавала Вольфрид Унгер прислал Великому Князю Николаю Николаевичу письмо, в котором говорил, что, по его мнению, Россия нуждается в диктаторе, в котором он видит Великого Князя. “Дайте мне возможность, и я провозглашу автономию Финляндии и налажу производство оружия для армии...”» (*Власов Л. Маннергейм. С. 147*). Последняя личная встреча барона с Великим Князем произошла по приглашению последнего в Шуаньи поздней осенью 1919 г. во время визита Маннергейма во Францию. «Прием, – читаем в биографии Маннергейма, – был устроен очень радушный. Великий Князь изменился, стал любезным и тактичным, забыв свой любимый русский маг. Внимательно выслушав подробный рассказ Маннергейма о событиях в Финляндии и его отношениях с генералами Юденичем, Родзянко и Артемьевым, Николай Николаевич обнял Густава, поцеловал и сказал: “Поздравляю вас, барон, с тем, что вы выполнили свой долг офицера Русской армии, чего не могли сделать в России ни Колчак, ни Деникин, ни Юденич. Еще в прошлом столетии я говорил Императору, что таких офицеров, как вы, у нас в России единицы. Вы, Густав Карлович, оправдали мое доверие”» (Там же. С. 217–218). – С. Ф.

амнистии, а также ряда других демократических реформ. В ответ на это Император вновь приостановил деятельность Государственной думы. Он зашел так далеко, что отказался принять председателя Государственной думы Родзянко... [...] Этот вызов, брошенный народным представителям, дорого обошелся правящей системе...»¹²⁵

Ай да взыскующий Белого Царя монархист!

После приведенных слов из самого расхожего и доступного источника вполне можно оценить следующие откровения священника Зарубежной Церкви о Стефана Красовицкого: «В годы гражданской войны в числе белых вождей было очень мало таких, кто безоговорочно почитал Императора Николая II и был верен Династии Романовых и присяге. Одним из них был Свиты генерал барон Карл Густав Маннергейм, будущий маршал Финляндии. Он ни в малейшей степени не был заражен популярной идеей, что якобы Государь ведет Россию к краху. [...] ...На столе Маннергейма в штабе стоял портрет Императора Николая II, которому маршал остался верен до конца жизни»¹²⁶.

Да, очень *хочется* верить... Но, к сожалению, не получается. Факты мешают...

Обманывало же и продолжает вводить в заблуждение некое двуличие Маннергейма. Отчасти это проистекало от свойств его характера. Несомненно, хорошо понимавшая барона одна из его многочисленных женщин, княгиня Мария Любомирская, знавшая его все же получше, чем современные исследователи, писала: «Густав был человек увлекающийся, никогда и ничем не умел дорожить»¹²⁷.

Кстати говоря, и помощь Маннергейма оказавшейся в Финляндии ближайшей подруге Императрицы А. А. Вырубовой, возвратившей к тому времени девичью свою фамилию Танеева, также слишком преувеличена. «В апреле 1947 года, – пишет биограф барона, – Анна Танеева (Вырубова), которая жила в Хельсинки, в порыве отчаяния, когда несколько дней не могла купить хлеба и ей грозило выселение из квартиры за неуплату, обращается с просьбой о помощи к Маннергейму, с которым она вела переписку и один раз встречалась, получив рекомендательное письмо к властям. 25 мая Маннергейм ответил ей: “Я не могу вам помочь. Я говорил вам об этом несколько лет тому назад. С тех пор вы могли сами, живя в стране, учитывая беспорядки, уменьшить свои требования до минимума...” Действительно ли бывший президент Финляндии был так беден, что не мог помочь Танеевой? Мог, ведь отказав Анне в помощи, он тем не менее выслал дочерям 200 тысяч фран-

ков»¹²⁸. Просто Вырубова в представлениях такого прагматика, каким был Маннергейм, не могла больше ничем быть ему полезной...

Отношение к А. А. Вырубовой гр. Ф. А. Келлера – для сравнения – проистекало из его верноподданнических чувств. Судя по письму Императрицы Государю (17.6.1916), генерал заявил встретившемуся с ним брату Анны Александровны, что он и А. А. Вырубова одинаково, каждый на своем месте, служат Государю и Государыне.

Итак, в результате предпринятых нами исследований можно придти к однозначному выводу: генерал-майор барон Маннергейм, прибывший в марте 1917 г. в штаб III кавалерийского корпуса к его командующему генералу от кавалерии графу Ф. А. Келлеру, монархистом не был. И миссия его была именно такой, какой она передана в воспоминаниях Н. В. Шинкаренко. Федор же Артурович, безусловно, знал, кто и с какой целью приехал к нему. Ведал он и свою судьбу...

Тот же Н. В. Шинкаренко вспоминал: «Он пригласил нас ужинать. Столовая помешалась в одном из соседних домов и надо было пройти несколько шагов по улице.

Было грязно и довольно темно. Мы шли по узким мосткам. Впереди Келлер и Маннергейм, а в нескольких шагах позади группа офицеров.

Навстречу нам попало двое каких-то молодых людей мещанского типа. При слабом свете фонаря они могли узнать Келлера. Здесь произошла характерная сцена. Явно не желая давать дороги командиру корпуса, они расступились лишь настолько, что Келлер едва мог пройти, почти задевая плечом мещан. Затем один из них остановился и, опустив руку в карман, стал пристально смотреть в спину генералу.

И столько злобы было в этом взгляде, что у всех нас, шедших сюда, мелькнула мысль: сейчас выстрелит. Офицеры бросились на этого неизвестного человека и, схватив его за плечи, повернули и бросили назад в темноту.

Граф Келлер обернулся и, когда ему рассказали в чем дело, проговорил:

– Я уже свыкся с мыслью, что ко мне в один прекрасный день придут и убьют.

Он сказал эту фразу так равнодушно, что, видно было, действительно, мысль о смерти от руки своих же русских уже стала ему привычна.

И он говорил об этом в том самом Оргееве, где за три недели перед тем его встречали с хлебом и солью, встречали с колокольным звоном, как защитника и спасителя Бессарабии от австрийцев. Его не трогали эти контрасты»¹²⁹.

*Поступью сановнически-гордой
Прохожу сквозь строй простонародья.
На груди – ценою в три угодья –
Господом пожалованный орден.*

*Нынче праздник слуг нелицемерных:
Цельный дождь – в подхваченные поля!
Это Царь с Небесного престола
Орденами оделяет – верных*.*

ПАРАД ИЗМЕНЫ

Тем временем захватившим власть в стране заговорщикам требовались те, кто бы положил к их ногам Армию, заставил бы слушать ее их интересам. И люди такие нашлись...

Позорный этот список открывается именем Великого Князя Николая Николаевича, недаром прозванного в армии «Лукавым». Сбылось предсказание ген. М. Д. Скобелева. Еще во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. прославленный Белый генерал, приглядевшись к молодому тогда Великому Князю, высказался о нем весьма неожиданно: «Если он долго проживет, для всех станет очевидным его стремление сесть на Русский Престол. Это будет самый опасный человек для Царствующего Императора»¹.

В декабре 1916 г. Императрица Александра Феодоровна в разговоре с Вел. Княгиней Викторией Феодоровной, супругой Вел. Кн. Кирилла Владимировича, заявила, что «у Нее были в руках документы, доказывающие, что Николаша хотел сесть сам на Престол»².

О претензиях его на Трон говорила, увы, не одна весьма проницательная Императрица Александра Феодоровна и прозорливый Друг Царственных Мучеников Г. Е. Распутин. «Николаем III» величала его молва³.

* М. И. Цветаева. Лебединый стан.

А вот выдержки из письма от 28 апреля 1916 г., как известно, весьма оппозиционно настроенного либерального Великого Князя Николая Михайловича, адресованного Государю:

«...В нынешнее время [...] все Великие Князья не пользуются любовью и уважением русского общества, кроме все возрастающей популярности Николаши. [...]

...Эта популярность была мастерски подготовлена из Киева Милицей, совсем исподволь и всеми способами – распространением в народе брошюр, всяких книжонок, лубков, портретов, календарей и т.п. Благодаря такой обдуманной подготовке, популярность не упала после потери Галиции и Польши и снова возросла после кавказских побед.

С самого начала кампании я неоднократно писал Твоей Матушке и предупреждал о киевских интригах, Тебе же писать не мог, состоя при штабе генерал-адъютанта Иванова и не нарушая правил дисциплины.

Теперь я свободно говорю, говорил уже, когда Вы лично взяли бразды Верховного управления армиями, и повторяю и ныне, что на Кавказе Милица не дремлет.

Смею Тебя уверить, по моему глубокому убеждению, что в Династическом отношении явление этой популярности меня тревожит, особенно при том возбужденном состоянии нашего общественного мнения, которое все яснее обрисовывается в провинции.

Популярность эта вовсе не идет на пользу Престола или престижа Императорской Фамилии, а только к муслированию мужа Великой Княгини славянки, а не немки, равно как и его брата* и племянника Романа. При возможности всяких смут после войны, надо быть начеку и наблюдать зорко за всеми ходами для поддержания сей популярности⁴.

Такие же мысли, судя по письму Государя Супруге от 31 августа 1915 г., высказал и брат автора вышеприведенных нами слов, Вел. Кн. Александр Михайлович. Сделал он это во время его доклада Императору 28 августа.

Те же обстоятельства подметила и Государыня, писавшая 10 сентября 1915 г. Императору: «Когда в эти три постных дня** читались молитвы за Тебя, то перед *Казанским собором от Синода*

* Вел. Кн. Петра Николаевича. – С. Ф.

** Перед вступлением Государя на пост Главнокомандующего. – С. Ф.

было роздано 1000 портретов Н[иколаши] – что это значит? – Они замыслили совершенно иную игру».

Характерны и распространявшиеся на базарах, в гостиних и вообще в обществе многочисленные анекдоты, связанные с Вел. Кн. Николаем Николаевичем, представлявшие его, «как человека чрезвычайно энергичного, быстрого в расправе, довольно жестокого, однако в пределах военной необходимости – но, главное, справедливого и притом справедливого с тенденцией в пользу слабого и угнетенного, т.е. в демократическом вкусе»⁵.

Перед самой отставкой с поста Верховного главнокомандующего Великого Князя в Барановичах (незадолго до вынужденного, в связи с резким общим ухудшением дел на фронте, перевода Ставки в Могилев) состоялось экстренное заседание Совета Министров в присутствии Государя. На нем Вел. Кн. Николай Николаевич дал решительное сражение своему Царственному племяннику. Находившийся тогда в Ставке кн. Д. Д. Тундутов вспоминал: «На этом совещании, как рассказывал мне Янушкевич, Великий Князь требовал ответственного министерства со Львовым, Гучковым и Родзянко во главе, говоря, что раз мы требуем от народа напряжения и жертв, мы должны идти навстречу его желаниям и считаться с мнением его избранников – Государственной думой»⁶.

Государь, по обыкновению, тогда ничего определенного не ответил. Отбыл в Царское Село. А 26 августа в Ставку прибыл военный министр Поливанов, сообщив Великому Князю об отставке с поста Верховного главнокомандующего и назначении его командующим Кавказской армией и Наместником Кавказа. Сразу же после получения этого столь неприятного известия Великий Князь вызвал к себе начальника штаба Ставки ген. Н. Н. Янушкевича и протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского и совещался с ними около часа⁷.

По наблюдению близко стоявших к нему людей, Великий Князь после этого «сильно постарел» и, хотя не высказывался вслух, «чувствовалось, что его отношения с Государем кончены». Супруга же его, Великая Княгиня Анастасия Николаевна «не скрывала своей неприязни к Государю и Государыне Александре Федоровне. “Россией правят темные силы”, – говорила она не раз»⁸.

К новому месту назначению Великий Князь отправился со своим окружением, которое современники оценивали весьма невысоко. «...При Николае Николаевиче, – считал Вел. Кн. Николай Михайлович, – нет ни одного даровитого советника, а лишь группа

случайных людей и даже выскочек...»⁹ Известен отзыв и ген. М. В. Алексеева: «Какие бездарности окружают Вел. Князя!»¹⁰

Приезд Николая Николаевича на Кавказ совпал по времени с развитием там наступательных операций. Его попытка поставить под свой контроль Кавказскую армию провалилась, руководство ею по-прежнему осталось фактически в руках ген. Н. Н. Юденича. За Великим Князем осталось лишь управление тылом армии и административией.

Государю Великий Князь писал: «Управление Кавказом – сверхтрудное, благодаря оставленному мне наследию. Нужен особый подбор людей...»¹¹ Он вытребовал с собой не только ген. Н. Н. Янушкевича, несшего при Вел. Князе фактически придворно-дипломатическую службу. (Официально он был назначен помощником по военной части Наместника (с 18.8.1915), а позднее (с 13.9.1916) – одновременно главным начальником снабжения Кавказской армии.) Помощником по гражданской части Наместника стал нежно опекаемый Вел. Князем¹² ген.-майор кн. Владимир Николаевич Орлов (1868†1927), перед этим заведовавший (с 1906 г.) военно-походной канцелярией Императора, отличавшийся тем, что активно интриговал против Г. Е. Распутина. Наконец, директором канцелярии Кавказского Наместника стал П. В. Истомин (1879–1937), также непримиримый враг Царского Друга. Эта фигура в окружении Вел. Князя не была случайна. Он был близок Вел. Кн. Елизавете Феодоровне, а также человеку из ближайшего ее окружения – генералу и масону В. Ф. Джунковскому, после октябрьского переворота 1917 г. активно сотрудничавшему с чекистами. На Кавказ П. В. Истомин попал после отставки с поста товарища обер-прокурора Св. Синода вместе со своим шефом А. Д. Самариним, попытавшимся дать бой Государю Императору и Императрице в связи с прославлением свт. Иоанна Тобольского¹³.

Вскоре ближайшее окружение Великого Князя, получившее в Тифлисском обществе название «штаб-двора», развернуло свою обычную деятельность: «В среде высшего командного состава поползли неизвестные раньше интриганство и политиканство. Достаточно вспомнить армяно-курдскую “политику” генерала Янушкевича, явившуюся повторением еврейско-галицийской “политики” [...]»

...По свидетельству многих офицеров штаба Кавказской армии, армяно-курдские кровавые столкновения являлись прямым результатом политики генерала Янушкевича и высших чиновников военной контрразведки фронта. Вообще же резня курдо-армян во

время операций Русской Армии на Ваннском и Урмийском направлениях, компрометировавшая Кавказскую армию, была результатом игры... на курдских вождях штаба Николая Николаевича.

Поездки генерала Янушкевича в Персию, его переговоры с курдскими вождями – Симко и другими, кроме получения генералом богатых “даров”: ковров, снимавшихся в мечетях, и разных восточных “безделушек”, украшавших его квартиру и рабочий кабинет, давали и иные результаты; они стоили много крови армянскому и курдскому населению. Бакшишные аппетиты некоторых генералов, окружавших Николая Николаевича, указывали не только на своеобразные порядки и на моральные качества ряда лиц, его окружавших, но и на его, как будто бы, безволие¹⁴.

С приездом посланного в Персию убийцы Г. Е. Распутина Вел. Кн. Дмитрия Павловича на юге, по оценкам современников, получила «развитие активная политическая деятельность офицерства»¹⁵. «Всюду и, быть может, больше всего в казармах и окопах говорилось о предательстве, свившем себе гнездо в Ставке Царя. Говорилось об участии в шпионаже... Царицы. Военная контрразведка усиленно разыскивала военных шпионов, а судебный следователь по особо важным делам при штабе главнокомандующего-наместника Кочубинский (ведший дело бывшего военного министра генерала Сухомлинова и подполковника Мясоедова) создавал фантастические шпионские организации и наполнял кавказские тюрьмы “шпионами”... Надо только вспомнить знаменитую шпионскую организацию “Андерс”, “члены” которой сидели по многим кавказским тюрьмам!

Этот же самый Кочубинский рассказывал потом о различного рода дворцовых авантюрно-шпионских изобретениях, на которых Николай Николаевич был, по его словам, совершенно помешан. Надо тут же отметить, что у Николая Николаевича были такие советники, как Кочубинский, совершенно неуравновешенный человек, с болезненной фантазией, страдавший по мнению многих шпиономанией, что ничуть не мешало действительным шпионам заниматься их шпионскими делами»¹⁶.

Даже оказавшись на Кавказе, Великий Князь не оставлял своих амбиций, позволяя использовать себя известным силам для давления на Государя. В конце 1916 г. он во что бы то ни стало пытался добиться аудиенции у Императора. «Подробно доложу лично, – писал Вел. Князь Государю 1 октября 1916 г., – и именно Тебе, так как *Ты один*, Который можешь это понять и помочь делу. Но, повторяю, необходим мой личный Тебе доклад. [...] Радуюсь, Бог даст,

скоро Тебя увидеть. Надеюсь приехать 7 ноября. От всего сердца и души любящей Тебя Твоей верноподданной *Николаша*»¹⁷.

Однако вот о *каких делах* пошла речь во время аудиенции. «Еще 6 ноября 1916 года, когда я был в Ставке, – делился Вел. Кн. Николай Николаевич своими впечатлениями с родственником, – я имел длинный разговор с Ники, и в очень резкой форме. Я хотел вызвать Его на дерзость. Но Он все молчал и пожимал плечами. Я Ему прямо сказал: “Мне было бы приятнее, чтоб Ты меня обругал, ударил, выгнал вон, нежели Твое молчание. Неужели Ты не видишь, что Ты теряешь корону. Опомнись, пока не поздно. Дай ответственное министерство. Еще в июне с.г. я Тебе говорил об этом. Ты все медлишь. Смотри, чтобы не поздно было потом. Пока еще время есть, потом уже поздно будет [...]” ...Он все молчал. Еще накануне, 5 ноября, Шавельский* с Ним долго говорил на эту же тему, и тоже ничего. После этого я понял, что все кончено...»¹⁸

Эта «родственная» атака, имевшая своей целью приведение к власти – по Высочайшей воле – масонов и фактическое уничтожение Самодержавия, своим острием была направлена против Государыни и Царского Друга. Завершилась она, как известно, убийством последнего и последующим соизволением заговорщикам на переворот со стороны Дома Романовых.

Широко известна также попытка привлечения Вел. Кн. Николая Николаевича непосредственно к заговору. Проект этого заговора (вернее, дворцового переворота) «исходил из среды земско-городских деятелей; к осуществлению же его должен был быть привлечен Вел. Кн. Николай Николаевич. В случае успеха Трон должен был перейти к Вел. Князю». Воцарение же его должно было «сопровождаться образованием ответственного министерства»¹⁹.

* *Протоиерей Георгий Иванович Шавельский* (1871–1951) был протопресвитером военного и морского духовенства Российской Империи. Происходил он из выкрестов. С начала первой мировой войны – в Ставке Верховного Главнокомандующего. Член Св. Синода (1915). Подозревался – и, видимо, небезосновательно – в принадлежности к масонству. Весьма показательны отзыв о нем Государя в Его письме Государыне из Ставки от 6 апреля 1916: «**Не чувствую себя в настроении исповедоваться у Шавельского**], потому что боюсь, чтоб оно не принесло вместо мира и спокойствия душе обратного!» Станный для православного священника рационализм, осуждение Государя и в особенности Государыни сделали его в конце концов лидером движения, получившего название «церковный большевизм», возникшего сразу после февральской революции 1917 г. – С. Ф.

В 10 часов вечера 9 декабря 1916 г., после закрытия в Москве полицией V съезда представителей Всероссийского союза городов, на квартире кн. Г. Е. Львова собралось секретное совещание. В нем приняли участие Н. М. Кишкин, М. М. Федоров, М. В. Челноков и А. И. Хатисов. Все масоны. Да и сам Николай Николаевич, о котором там зашла речь, как известно, также принадлежал к ложе мартинистов.

Заговорщикам хорошо были ведомы такие черты Великого Князя, как злопамятность и мстительность. Военный министр ген. В. А. Сухомлинов, чья кандидатура в самом начале войны первоначально намечалась на пост Верховного главнокомандующего*, был, как известно, под давлением Вел. Кн. Николая Николаевича сначала смещен с должности министра, а потом и вовсе попал под следствие и был заключен в крепость. Вскоре после известия о смещении летом 1915 г. Вел. Князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего Вел. Кн. Андрей Владимирович занес в свой дневник мнение вдовствующей Императрицы Марии Федоровны о том, что это «поведет к неминуемой гибели Ники, так как этого Ему не простят...»²⁰

«Человек он нервный, – характеризовал Вел. Князя во время заседания Совета министров 6 августа 1915 г. государственный контролер П. А. Харитонов, – впечатлительный, болезненно самолюбивый. Как ни позолоти пилюлю, а факт его увольнения в момент, пока еще не кончился период отступления и сплошных неудач на фронте, будет равносильно признанию Верховного главнокомандующего не отвечающим своему назначению, неспособным бороться с врагом. В Ставке же, где много людей теряет всё с уходом Великого Князя, несомненно возможны попытки склонить Его Высочество на какие-нибудь решительные шаги»²¹.

Итак, на помянутом выше московском совещании решено было свергнуть с Престола Императора Николая II, заменив Его Вел. Кн. Николаем Николаевичем. «Главное препятствие, – заявил собравшимся кн. Г. Е. Львов, – в личности Государя: Его пребывание у власти более невозможно! [...] Единственный человек, могущий сейчас спасти положение – это Великий Князь Николай Николаевич, Наместник Кавказа. Ему доверяет армия и страна. Мы должны

* В день начала войны (19.7.1914) он записал в своем дневнике: «В Петергофе при докладе Государь сказал мне, что предполагает меня назначить Верховным главнокомандующим».

просить его взять власть в свои руки и вывести страну из ужасного положения»²².

Кн. Львов заявил, что «в его распоряжении имеется письменное заключение за подписью в совокупности 29 председателей губернских земских управ и городских голов, – заключение, которое указывает на необходимость образование ответственного министерства с ним, князем Львовым, во главе»²³.

Последний должен был снестись с А. И. Гучковым*. С заговорщиками тесно был связан ген. А. А. Маниковский**, заверивший в поддержке переворота Армией. Непосредственное проведение переворота было возложено на некоторые гвардейские части, руководить которыми должны были неназванные Великие Князья. Последнее, вероятно, возлагалось на Вел. Кн. Николая Николаевича. При этом Великий Князь должен был утвердиться на Кавказе, объявив себя Царем.

Его «воцарение» фактически должно было означать смену «династии». О регентстве речи не шло. При этом судьба Государя и наследника оставалась неясной. Единственно, что было четко определено – это заключение Императрицы Александры Феодоровны в монастырь.

Вступить в переговоры с Великим Князем заговорщиками был уполномочен городской голова Тифлиса А. И. Хатисов. В случае согласия он должен был отправить в Москву телеграмму: Госпиталь открыт, приезжайте»²⁴. А. И. Хатисов был своим человеком у предыдущего наместника Кавказа генерал-адъютанта гр. И. И. Воронцова-Дашкова (1837–1916), к которому водил «для информации» революционеров, находившихся даже на нелегальном положении. Кроме того, он был вхож в дом другого оппозиционно настроенного Великого Князя – Николая Михайловича. У Родителя последнего, Вел. Кн. Михаила Николаевича, в бытность того На-

* Таким образом, Великий Князь оказался в одной компании с человеком, с которым в свое время вступил в активную борьбу в связи с речью А. И. Гучкова в Государственной думе 27 мая 1908 г., направленную против Великих Князей. См.: Николай II и Великие Князья. (Родственные письма к последнему Царю). Л.-М., 1925. С. 27–29, 131–133.

** *Алексей Алексеевич Маниковский* (1865–1920) – сын надворного советника. Во время Великой войны начальник Главного артиллерийского управления Военного министерства. Генерал от артиллерии (1916). После февральской революции помощник военного министра. После октября 1917 г. поступил на службу в Красную армию.

местником Кавказа, служил его отец Иван Степанович Хатисов (1840–1894)*. Таким образом Александр Иванович знал Вел. Кн. Николая Михайловича с детства²⁵.

Александр Иванович Хатисов (Хатисян) (1874–1945) после окончания в 1891 г. гимназии в Тифлисе три года учился на медицинском факультете Московского университета, продолжив изучение медицины в Харьковском университете, который закончил в 1897 г. На следующий год для совершенствования образования он выехал за границу. Два года А. И. Хатисов пробыл в Берлине, изучая гигиену, общественное здравоохранение и муниципальное дело. В Тифлис он возвратился в 1900 году. Занявшись общественной деятельностью, в 1902 г. он стал гласным Городской думы, советником Тифлиского городского совета, а в 1904 г. – членом Тифлисской городской управы.

В качестве такового он принимал участие в революции 1905–1907 гг. Кстати говоря, революционная деятельность вообще сопутствовала общественным трудам Александра Ивановича. В Тифлисе это уже стало своего рода традицией. Так, в 1891–1895 гг. городскую думу возглавлял бывший народник П. А. Измайлов. Преемником его стал кн. В. Н. Черкезов, по словам состоявшего при нем помощником А. И. Хатисова, игравший «исключительную роль посредничества между властью и революционными партиями»²⁶. После него роль эта перешла самому Александру Ивановичу. В 1907 г. он занимал пост заместителя, а с 1910 г. – городского головы Тифлиса.

Тесные связи у А. И. Хатисова были с партией «Дашнакцутюн». Старший его брат Константин (1864–1913)** был одним из ее создателей, членом ее Центрального комитета. Александр же входил в состав Тифлисского комитета дашнаков. Братья жертвовали немалые средства на революционные цели. Одновременно А. И. Хатисов поддерживал отношения с известными большевиками: Б. Мдивани, Ф. Махарадзе, М. Орахелашвили, С. А. Тер-Петросяном (Камо), Н. Элиавой²⁷.

В годы Великой войны А. И. Хатисов – председатель Кавказского отдела Союза городов, уполномоченный Союза городов по Кавказу, член Государственной думы (1915–1917). Он вступил в партию народной свободы; организовывал армянские добровольческие дружины, помогал армянам-беженцам – жертвам геноцида.

Видный армянский революционер и большевик С. С. Спандарян (1882–1916) характеризовал его следующим образом: «Любимец наместницы, всей администрации, благословляемый армянским католикосом,

* Карьеру свою он начинал еще под руководством Ю. Ф. Витте (отца будущего премьер-министра России). И. С. Хатисов долгое время возглавлял Управление государственных имуществ на Кавказе. Отец его, Степан Гаврилович Хатисов, в середине XIX в. был Тифлиским городским головой.

** Создатель в 1898 г. в Баку нефтепромышленного товарищества «Юзбашев, Хатисов и Ко».

экзархом Грузии, поздравляемый охранным отделением, сыскной полицией и комендантским управлением, пьющий за здоровье русского воинства, одновременно дашнакцукан, эсдек и кадет»²⁸. Как и следовало, видимо, масону – 33 градуса...

После февральского переворота А. И. Хатисов был министром финансов и продовольствия в Закавказской демократической федеративной республике (1918), министром иностранных дел и премьер-министром Республики Армения (1919–1920). В 1920 г. Александр Иванович выехал в эмиграцию в Париж, где занимался общественной деятельностью (был, в частности, председателем комитета армян-беженцев при Лиге наций), писал мемуары, переводил армянскую литературу²⁹.

Следует подчеркнуть, что армянская составляющая заговора была отнюдь не случайна. В настоящее время широко известны документы, свидетельствующие о поддержке крупнейшей армянской националистической партии «Дашнакцутюн» со стороны международного масонства, сионизма и революционных элементов Турции и России³⁰. «Ее шумный процесс в Петербурге, – писала Н. Н. Берберова, – в особом присутствии Сената в январе–марте 1912 г., происходил при закрытых дверях, публика допускалась только по специальным приглашениям. Судилось 150 человек, членов партии. Было вызвано около тысячи свидетелей. Судебное следствие велось по 30-ти самостоятельным группам. Перед судьями лежало 135 томов предварительного следствия. Судебным следователем по особо важным делам был Александров. Беспорядок был полный – главным образом из-за количества бумаг, людей и неорганизованности всего дела, а также из-за шумного поведения публики. Документы исчезали без следа, документы подделывались, переписывались и терялись. От имени защиты говорили Зарудный, Керенский и около 10-ти адвокатов. Подсудимые были высланы в Финляндию и попали под амнистию в 1914 г.»³¹ В качестве свидетеля на процессе 1912 г. проходил и А. И. Хатисов.

В связи со сказанным стоит, пожалуй, привести любопытнейший отрывок из записей секретной части заседания Совета Министров от 4 августа 1915 г.:

П. А. Харитонов (государственный контролер): «А на Кавказе шествие вперед не прекращается. Чхеидзе впадает чуть ли не в истерику и грозит неповторимыми несчастьями. При мне он кричал в Думе во время перерыва, что Кавказскою армией командует не Верховный Главнокомандующий и не Наместник, а графиня Воронцова-Дашкова*, опутанная армянскими сетями. В самом деле, куда мы там, с позволения сказать, прем».

А. А. Поливанов (военный министр): «Известно куда – к созданию великой Армении. Я вчера имел случай говорить с Его Величеством о кавказском движении и возможных печальных его последствиях, причем отметил,

* *Графиня Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова* (ум. 1924), урожденная графиня Шувалова. Статс-дама. Скончалась в Висбадене. – С. Ф.

что соби́рание Земли Армянской составляет, по-видимому, основное стремление графа Воронцова-Дашкова. На этих словах Государь Император, ласково улыбнувшись, соизволил поправить меня – *не графа, а графини*».

А. В. Кривошеин (*главноуправляющий землеустройством и земледелием*): «Господа, обратите внимание, какое знаменательное историческое совпадение: на значение графини Воронцовой в кавказской стратегии указывает Его Императорское Величество и... лидер социал-демократической фракции Государственной думы г-н Чхеидзе»³².

О причинах этой розни писал знавший толк в межнациональных отношениях на Кавказе В. Л. Величко: «Когда армянин желает добиться чего-нибудь, то он стелется ковром, змеей ползет у ног любого делопроизводителя и достигает своей цели нередко одной вкрадчивостью. У грузинской аристократии и интеллигенции нет ни этой “удобной” черты, ни черты более высокой и почтенной, а именно *выдержки*. От того и деловое положение их зачастую неустойчиво. Вредят они себе также пристрастием к родовому началу: самый доброжелательный чиновник, естественно, с меньшим доверием относится к человеку, у которого под соображениями принципиального характера он имеет основание подозревать партийные или родственные комбинации»³³.

Война и февральский переворот впоследствии подкорректировали эти тонко подмеченные особенности. «Армяне взяли все места, – рассказывал Вел. Кн. Николай Николаевич, – в местных комитетах, и ни один мусульманин, ни один грузин ими не допущен до власти. Но армян налицо мало, почти все – в армии. Мусульмане же и грузины – не в армии, а дома, и количеством они больше армян. Историческая рознь между [ними и] армянами всегда существовала, и, конечно, теперь это обострится еще больше. Мусульмане и грузины тоже захотят принять участие в правлении, ежели армяне им не уступят, будет ужасная армянская резня на всем Кавказе»³⁴.

Знаковой фигурой был предшественник Великого Князя на посту Наместника.

«Кавказский край, – вспоминал, уже будучи в эмиграции, А. И. Хати́сов, – имел особое высшее управление: вся его административная и военная власть была сосредоточена в одном лице Наместника Царя, облеченного особыми, почти неограниченными полномочиями. Наместник мог останавливать для Кавказа постановления Совета Министров, но с обязательством доводить до сведения Государя о мотивах принятого им решения. Если к этим огромным правам, напоминавшим вице-королевские права, прибавить особенную личность наместника, бывшего при двух Царях Министром Двора, и одного из первых аристократов России, ничего не ждавшего от сильных мира сего и обладавшего абсолютно независимым положением, графа Иллариона Ивановича Воронцова-Дашкова, на глазах которого вырос Николай II, то станет ясно, что Кавказ был, в дни наместничества гр. Воронцова-Дашкова, почти особым королевством, со своим двором, своими министрами, в лице особых представителей министерств в совете

Наместника. [...] Наместник имел своих адъютантов, гражданских советников, людей высшего служебного ранга, свой дворец с его приемами – словом, свой малый двор, с его обычными аксессуарами. [...]

Когда граф Воронцов-Дашков отпраздновал свой 50-летний юбилей пребывания в офицерских чинах и выслушал многочисленные приветствия, он в частной беседе со мною сказал, что он глубоко сожалеет, что не мог дать краю ничего, что бы отвечало насущным потребностям его: он подразумевал суд присяжных, высшие учебные заведения и земские учреждения. Реформы эти зависели от Совета Министров и воли Государя; «единственно, что я могу поставить себе в некоторую заслугу, – сказал он, – это то, что по мере своих сил я задерживал на границе Кавказа волну жестокой реакции, которая шла сюда из центра»³⁵.

По словам А. И. Хатисова, уже после отставки гр. И. И. Воронцов-Дашков сказал ему, что «наилучшим способом выйти из трудного положения» он считает «привлечение широких слоев населения к участию в государственной жизни», которое он связывал с дарованием «ответственного министерства»³⁶.

Тщательно исследовавший ближайшее окружение Иллариона Ивановича современный петербургский историк А. В. Островский пришел к следующим любопытным выводам: «...Граф И. И. Воронцов-Дашков окружил себя помощниками, многие из которых отличались либеральными убеждениями или же имели как опосредованные, так и прямые контакты с революционным подпольем. Не случайно, видимо, П. А. Столыпин обвинял графа И. И. Воронцова-Дашкова в особом “оптимистическом отношении” к партии “Дашнакцутюн” и “армянам вообще”, а в одном из агентурных донесений говорилось: “Партийные члены возлагают какие-то большие надежды на Наместника”. [...]

...Заслуживает внимания вопрос о зависимости графа от тех сил, которые находились в оппозиции к правительству. Здесь прежде всего следует отметить, что нефтеносные земли И. И. Воронцова-Дашкова в Баку разрабатывала компания “Братья Нобель”. Именно Э. Л. Нобель в конце 1905 г. – начале 1906 г., предоставив конторе графа И. И. Воронцова-Дашкова 25-тысячный кредит, спас ее от финансового банкротства»³⁷.

Об участии Нобелей в подрывной деятельности в России мы уже знаем. Вышеупомянутого же Хатисова Великому Князю горячо рекомендовал именно гр. И. И. Воронцов-Дашков. «Граф И. И. Воронцов-Дашков сказал мне, – заявил Николай Николаевич городскому голове Тифлиса, – что вы пользовались его полным доверием. Прошу вас считать, что такое же доверие я буду питать к вам, и я прошу вас во всех случаях, когда это будет необходимо, высказывать мне ваши мысли с полной откровенностью»³⁸. Лично знакомая с Александром Ивановичем через своего отца, Н. Н. Берберова писала: «Они с женой бывали на официальных приемах у Великого Князя... [...] ...Хатисов имел “свободный вход” к Николаю Николаевичу во всякое время...»³⁹

Современники считали, что Великий Князь рассматривал А. И. Хатисова, как «лицо, открывавшее ему возможность посреднических сношений с общественными и лево-партийными кругами»⁴⁰. И в своих расчетах, как мы увидим далее, не ошибся.

Вернемся, однако, к заговору. Прежде чем отправиться на Кавказ А. И. Хатисов выехал в Петроград, где беседовал с П. Н. Милюковым и Н. С. Чхеидзе. В Тифлис он прибыл 30 декабря⁴¹. Проект, выработанный на секретном московском совещании, А. И. Хатисов изложил Вел. Кн. Николаю Николаевичу сразу же после новогоднего приема 1 января 1917 г. Беседа длилась около часа. Наместник попросил два дня «на размышления».

По словам посвященных в события, Великий Князь «не только терпимо, но и с интересом отнесся к проекту низложения Николая II с Престола», все его «колебания и сомнения» «касались порядка осуществления заговора, а не самого заговора по существу»⁴².

3 января, ссылаясь на мнение ген. Янушкевича, Николай Николаевич заявил: «...Русский крестьянин и русский солдат не поймут никогда сложных комбинаций, заставляющих пожертвовать Царем, и не будут на стороне моей и заговорщиков при задуманном низвержении Царя. [...] Никогда русский солдат не поддержит лицо, низвергнувшее Царя»⁴³. О долге верноподданного Великий Князь даже не упомянул, не говоря уже о том, что, будучи Наместником Его Величества на Кавказе, он не считал нужным доложить Государю Императору об этом преступном предложении.

Тем не менее, по некоторым данным, Государю об этих переговорах стало известно. Доложил Ему об этом директор Департамента полиции ген. Е. К. Климович⁴⁴. В середине февраля 1917 г., за десять дней до переворота, доверенное лицо Великого Князя*, по словам А. И. Хатисова, пришло к нему в кабинет и сказала: «Я должен вам сказать, что поручение, которые вы взялись выполнить, стало известно Департаменту полиции и доложено Государю. Результатом этого является проект назначения Его Высочества Наместником Дальнего Востока с местожительством во Влади-

* По другим данным, «дня за три до начала февральских событий 1917 года А. И. Хатисов получил сведения от одной фрейлины, проживавшей в то время в Тифлисе, что содержание его секретных переговоров с Вел. Кн. Николаем Николаевичем стало известно в Петрограде...» (Смирнов С. К истории одного заговора // Последние новости. № 2587. Париж, 1928. 22 апреля).

востоке, – причем Его Высочеству будет предложено взять вас с собой»⁴⁵.

Кроме самого Вел. Кн. Николая Николаевича и А. И. Хатисова, факт переговоров подтвердили видные участники переворота, масоны М. С. Маргулиес и С. А. Смирнов, а также биограф Его Высочества ген. Ю. Н. Данилов. Отрицали встречу лица, близкие Вел. Кн. Николаю Михайловичу и кн. Г. Е. Львову, а также А. Ф. Керенский⁴⁶. Опираясь на эти свидетельства, переговоры Вел. Кн. Николая Николаевича с Тифлисским городским головой отрицают и некоторые современные исследователи⁴⁷. Все их «доказательства» основываются на неточности, содержавшейся в воспоминаниях А. И. Хатисова, писавшего о приезде в Тифлис 30 декабря 1916 г. Вел. Кн. Николая Михайловича. Не говоря о том, что в жизнеописании Вел. Кн. Николая Николаевича действительно говорится о приезде в Тифлис некого «высокопоставленного лица», прислушаемся к специально исследовавшему предпереворотные заговоры известному эмигрантскому историку С. П. Мельгунову. «Всякая неточность хронологическая подвергает сомнению рассказанное, – писал он, – хотя сам по себе спор о пребывании Николая Михайловича в Тифлисе имеет второстепенное значение»⁴⁸. Вольно же после этого современным историкам приписывать С. П. Мельгунову развенчание «легенды о великокняжеском заговоре»⁴⁹.

Однако факт приезда Вел. Кн. Николая Михайловича в Тифлис в декабре 1916 г., по свидетельству одного из осведомленных мемуаристов останавливавшегося вблизи города «у одного из своих друзей» и якобы информировавшего Вел. Кн. Николая Николаевича о единодушном мнении 16 Великих Князей «по поводу критического положения родины»⁵⁰, нельзя вовсе, без тщательной проверки, сбрасывать со счетов. Другое дело, что речь не может идти, как это утверждают некоторые мемуаристы, о 30 декабря. Дело в том, что 31-го Вел. Кн. Николай Михайлович в Петрограде через фельдъегеря получила указание Государя выехать в свое имение Грушевку*. Встреча могла состояться раньше. В одном из опубликованных недавно писем Вел. Кн. Николая Михайловича вдовствующей Императрице Марии Феодоровне (от 12–19 ноября 1916 г.) он сообщал: «Я уезжаю на две недели на Каспийское море поохотится и подышать воздухом и потому буду вынужден пре-

* Таким образом, это было наказание не за содействие убийству Г. Е. Распутина, а за участие в заговоре против Государя.

рвать мои рапорты»⁵¹. Следующее письмо Императрице датировано 12–16 декабря.

Что касается Вел. Кн. Николая Николаевича, то переворот, по его словам, явился для него неожиданностью: «О событиях, случившихся в Петрограде, я узнал 1 марта в Батуме. Туда [я] ездил переговорить с адм. Колчаком* – он прямо невозможен. Получив первые сведения, я выехал в Тифлис, где получил телеграмму от Алексеева, что, по мнению всех командующих армий, Государь должен отречься от Престола, и просил меня лично телеграфировать об этом Государю, что мне и пришлось сделать»⁵².

Текст этой телеграммы был передан Государю по телеграфу ген. М. В. Алексеевым 2-го марта в 14 часов 30 минут: «Всепопданнейше представляю Вашему Императорскому Величеству полученную мною на имя Вашего Императорского Величества телеграмму: генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны,

* Фигура адм. Александр Васильевич Колчак (1873–1920), известного исследователя в области океанологии и гидрологии, участника ряда полярных экспедиций, видного морского военачальника, командующего Черноморским флотом (1916–1917) весьма неоднозначна в политическом отношении. «Последний военный министр Временного правительства, – пишет В. В. Кожин, – генерал А. И. Верховский (человек, конечно, весьма “посвященный”, хотя и, насколько известно, не принадлежавший масонству) писал в своих мемуарах: “Колчак еще со времени японской войны был в постоянном столкновении с Царским правительством и, наоборот, в тесном общении с представителями буржуазии в Государственной думе”. И когда в июне 1916 года Колчак стал командующим Черноморским флотом, “это назначение молодого адмирала потрясло всех: он был выдвинут в нарушение всяких прав старшинства, в обход целого ряда лично известных Царю адмиралов и несмотря на то, что его близость с думскими кругами была известна Императору... Выдвижение Колчака было первой крупной победой этих [думских] кругов”. А в Феврале и “партия эсеров мобилизовала сотни своих членов – матросов, частично старых подпольщиков, на поддержку адмирала Колчака... Живые и энергичные агитаторы сновали по кораблям, превознося и военные таланты адмирала, и его преданность революции”. Вскоре Временное правительство произвело Колчака в “полные” адмиралы. [...] Александр Васильевич Колчак был, вне всякого сомнения, прямым ставленником Запада и именно поэтому оказался “Верховным правителем”. В отрезке жизни Колчака с июня 1917-го, когда он уехал за границу, и до его прибытия в Омск в ноябре 1918 года много невыясненного, но и документально подтверждаемые факты достаточно выразительны. “17 (30) июня, –

столь необходимый для блага и будущности России и спасения Династии, вызывает принятие сверхмеры. Я, как верноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему. Осенив Себя крестным знамением, передайте Ему Ваше напоследие. Другого исхода нет, как никогда в жизни, с особо горячей молитвой, молю Бога подкрепить Вас. Ген.-адъютант Николай»⁵³.

Эта телеграмма имела важнейшее значение в последующих событиях.

«Когда Государь получил все депеши Главнокомандующих, – писал ген. Н. А. Епанчин, – Он положил их в ряд на столе перед Собой, еще раз перечитал их и сказал бывшему при этом герцогу Николаю Максимилиановичу Лейхтенбергскому, который доложил Государю депеши: “Теперь мне ясно, все Мне изменили, и больше всех – Николаша”»⁵⁴.

сообщал адмирал самому близкому ему человеку А. В. Тимиревой, – я имел совершенно секретный и важный разговор с послом США Рутот и адмиралом Гленноном... я ухожу в ближайшем будущем в Нью-Йорк. Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру”, – то есть наемному военачальнику... В начале августа, только что произведенный Временным правительством в адмиралы (“полные”), Колчак тайно прибыл в Лондон, где встретился с морским министром Великобритании и обсуждал с ним вопрос о “спасении” России. Затем он опять-таки тайно отправился в США, где совещался не только с военным и морским министрами (что было естественно для адмирала), но и с министром иностранных дел, а также – что наводит на размышления – с самим тогдашним президентом США Вудро Вильсоном. В октябре 1917 года Колчака нашла в США телеграмма из Петрограда с предложением выставить свою кандидатуру на выборы в Учредительное собрание от партии кадетов; он тут же сообщил о своем согласии. Но всего через несколько дней совершился Октябрьский переворот. Адмирал решил пока не возвращаться в Россию и поступил... “на службу Его Величества короля Великобритании”... В марте 1918-го получил телеграмму начальника британской военной разведки, предписывавшую ему “секретное присутствие в Маньчжурии” – то есть на китайско-российской границе. Направляясь (по дороге в Харбин) в Пекин, Колчак в апреле 1918 года записал в дневнике, что должен там “получить инструкции и информацию от союзных послов. Моя миссия является секретной, и хотя догадываюсь о ее задачах и целях, но пока не буду говорить о ней”. В конце концов в ноябре 1918 года Колчак для исполнения этой “миссии” был провозглашен в Омске Верховным правителем России» (*Кожин В. В.* Россия. Век XX-й (1901–1939). М., 1999. С. 206, 211). – С. Ф.

Об этом же свидетельствовал и Великий Князь Александр Михайлович, встретившийся с Государем в Могилеве после отречения: «Он показал мне пачку телеграмм, полученных от главнокомандующих разными фронтами в ответ на Его запрос. За исключением генерала Гурко, все они, и между ними генералы Брусилов, Алексеев и Рузский, советовали Государю немедленно отречься от Престола. Он никогда не был высокого мнения об этих военачальниках и оставил без внимания их предательство. Но вот в глубине пакета Он нашел еще одну телеграмму, с советом немедленно отречься, и она была подписана Великим Князем Николаем Николаевичем. “Даже он!” – сказал Ники, и впервые голос Его дрогнул»⁵⁵.

То же сказал Государь сразу после отречения и дворцовому коменданту В. Н. Воейкову: «“Что же Мне оставалось делать, когда все Мне изменили? Первый Николаша... Читайте”. (Я понял, что Государь был очень взволнован, раз Он в разговоре со мной так назвал Великого Князя Николая Николаевича)»⁵⁶.

Характерно, что благословил Великого Князя на этот шаг будущий Митрополит всея Америки и Канады Платон (Рождественский, 1866–1934), скончавшийся вне общения с Московской Патриархией. «Будучи в 1917 г. экзархом Грузии, он, вызванный В. К. Николаем Николаевичем, в конце февраля 1917 г., для совета, благословил его послать телеграмму Государю с просьбой отречься от Престола»⁵⁷.

Однако, говоря о времени, когда он узнал о перевороте (1 марта), Великий Князь лукавил. Еще «27-го февраля, получив по прямому проводу сведения о начавшейся в Петрограде революции и захвате власти Государственной думой, – писал ген. В. Н. Воейков, – Великий Князь вызвал к себе А. И. Хатисова и дал ему поручение оповестить о происходящих событиях население Тифлиса, Тифлисский гарнизон и политические партии, заявив им, что Великий Князь сочувствует начавшемуся народному движению. На Эриванской площади был созван всенародный митинг; А. И. Хатисов с генералом князем Вачнадзе объехали казармы, где объявляли солдатам Тифлисского гарнизона о сочувствии Великого Князя революции. После объезда Хатисов вернулся во Дворец в сопровождении главарей социал-демократических партий, которым Наместник Его Величества лично заявил о своем присоединении к народному движению. На вопрос Великого Князя, верят ли ему социал-демократы, Жордания ответил: “Да”»⁵⁸. В тот же день Великий Князь попросил А. И. Хатисова пригласить к нему лидеров социал-демократов и дашнаков⁵⁹.

Послав телеграмму Государю, Великий Князь посчитал необходимым отчитаться о проделанной работе перед председателем мятежной Думы М. В. Родзянко (2.3.1917, 12 ч. 47 мин.): «Сейчас я в согласии с мнением генерал-адъютанта Алексева обратился к Государю Императору с верноподданнической мольбой – ради спасения России и победоносного окончания войны принять решение, признаваемое нами единственным выходом при создавшихся роковых условиях. Главнокомандующий Кавказской армией, генерал-адъютант Николай»⁶⁰.

2 марта Великий Князь был назначен Верховным главнокомандующим. «Как солдат, повинуюсь приказу»⁶¹, – не без характерной для него позы заявил Великий Князь.

Далее в адрес временщиков от Великого Князя одна за другой следовали телеграммы⁶²:

Кн. Г. Е. Львову (3.3.1917. 15 ч. 55 мин.): «Очень прошу Ваше Сиятельство держать меня в курсе положения дел в Империи и, в особенности, в столицах. При этом условии могу с Божьей помощью как Верховный Главнокомандующий исполнить свой долг по руководству армиями и подведомственными мне губерниями тыла, ставя в то же время вас в известность относительно общих мероприятий, принятие коих будет правительством являться, по моему мнению, необходимым для обеспечения победоносного окончания войны. Я вполне уверен, что нас объединяет с вами та же любовь к Родине и стремление отдать все свои силы для ее блага, почему в наших действиях, даст Бог, будет полная во всем согласованность. *Генерал-адъютант Николай*».

Кн. Г. Е. Львову (3.3.1917. 18 ч. 58 мин. Весьма секретно): «Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего донес мне, что Высочайшим указом 2-го марта с.г. я назначен Верховным Главнокомандующим. Считаю необходимым поставить Вас в известность о положении дел на Кавказе. С удовольствием могу засвидетельствовать, что со дня назначения меня Наместником нормальная жизнь Кавказа в общем протекала спокойно, за это время я мог убедиться, что народности края относятся ко мне с доверием. События чрезвычайной важности, происходящие в эти последние дни, принимаются пока спокойно населением, благодаря главным образом этому доверию, что дает надежду на сохранение и в дальнейшем в его среде порядка, столь необходимого для развивающихся успехов на фронте Кавказской армии, особенно на Персидском фронте, и вообще для достижения нашей главной задачи – довести Великую войну до победоносного окончания. Назначение нового Наместника при настоящих трудных условиях неминуемо повлечет за собой новый режим, потребуется много времени, дабы Наместник вошел в курс всех вопросов, волнующих край, но этим создана будет крайне опасная во время войны обстановка. Обращая внимание Вашего Сиятельства на серьезность вопроса о замене для Кавказа наместника, считаю необходимым вы-

сказать, что, будучи обязан как Верховный Главнокомандующий заботиться о сохранении полного порядка на Кавказе, являющемся одним из районов театра военных действий, я признал бы крайне желательным для общего дела возбудить вопрос о сохранении за мной звания Наместника, с предоставлением мне, по соглашению с Вами, наметить лицо, которое, будучи знакомым с краем и оставаясь моим заместителем во время войны, продолжало бы проведение в жизнь необходимых для него начинаний. Оставаясь Наместником Кавказа, мог бы руководить в особо важных случаях делами края и давать директивы согласно с общим направлением для установившейся в отношении разноплеменных его народностей политики. Прошу не отказать в срочном мне ответе. *Генерал-адъютант Николай*».

Кн. Г. Е. Львову (4.3.1917. 14 ч. 50 мин.): «Приложу все силы к тому, чтобы поддержать дисциплину и порядок в вверенных мне войсках и в тыловых районах армии, что явится залогом победы России над врагами. Уверен, что и Вы, со своей стороны, сделаете все зависящее от Вас и правительства для обеспечения победы, восстановив полнейший повсеместно порядок и деятельность заводов и всех вообще учреждений, работающих для нужд армии и флота. *Верховный Главнокомандующий*».

Военному министру А. И. Гучкову (5.3.1917. 13 ч. 05 мин.): «Как Верховный Главнокомандующий считаю своим долгом категорически заявить, что для победы безусловно необходима правильная организация командного состава и его взаимоотношений, исходящая от Верховного Главнокомандующего, как едино могущего преподать ее армии и флоту. Посему прошу Вас передать правительству, которому не может быть недорого благоденствие России и окончательная победа, что безусловно необходимо, чтобы все распоряжения и пожелания правительства, относящиеся до армии и флота и всех воинских чинов, находящихся в тылу, направлялись только в Ставку. Я отдал категорическое распоряжение, чтобы на всем подчиненном мне театре войны принимались только распоряжения, относящиеся до армии и флота и военных учреждений тыла, исходящие от моего исключительно имени и притом из Ставки, что вполне совпадает с требованиями и духом положения о полевом управлении войск, которым руководствуется армия. *Верховный Главнокомандующий*».

Кн. Г. Е. Львову (6.3.1917. 1 ч. 40 мин.): «Выезжаю в Ставку сегодня. Предполагаю прибыть 10 марта. Определить совсем точно день пока не могу, т.к. ввиду неизвестности, насколько путь свободен, нельзя еще составить точного расписания. Как только будет выяснено, сейчас же Вам телеграфирую. Очень буду рад Вашему приезду в Ставку, ибо считаю вопросом чрезвычайной важности лично о многом с Вами переговорить. *Верховный Главнокомандующий*».

«Перед моим отъездом из Тифлиса, – признавался Вел. Кн. Николай Николаевич Вел. Кн. Андрею Владимировичу, – у меня были два социалиста из самых крайних, левых. Когда они вошли, оба извинились за свой костюм и называли меня Ваше Император-

ское Высочество. Они оба откровенно говорили, что всю жизнь мечтали о социальном перевороте, но их мечта была конституционная монархия, но не теперешняя анархия. [...] На следующий день они устроили митинг вне города, и когда пришли военные, они им сказали: “Что вы тут делаете? Идите в окопы защищать Родину и оставьте нам заниматься политикой”. Конечно, газеты ничего об этом не написали»⁶³.

На консультациях с представителями революционных кругов из Великокняжеского окружения звучало: «Нужно дорожить судьбой Великого Князя, так как с ним связывается в настоящее время судьба России»⁶⁴.

Происходили многозначительные диалоги:

– Разве Вам не известно, что Его Высочество является после Царя преемником Верховного командования?

– Верховное командование не передается по наследству...

– Наверное, так и будет, если новое правительство сделает это назначение...

– Одно только новое правительство этот вопрос решать не может⁶⁵.

«Тифлис, 7 марта, – читаем в одной из заметок в “Вестнике временного правительства”. – Великий Князь Николай Николаевич, восторженно приветствуемый представителями народа и солдат, выразивших Великому Князю горячие пожелания победы над врагом, простался с населением. Призывая всех ради блага горячо любимой родины и верности новому строю к дружной и спокойной работе в тылу, как залогом победы над внешним врагом и укрепления режима свободной России, Великий Князь закончил прощание словами: “А после войны позвольте мне, как маленькому помещику, вернуться в имение”. Эти слова приняты с восторгом»⁶⁶.

В первом (и последнем) своем приказе, обращаясь к Армии, он писал: «Установлена власть в лице Временного правительства. Для пользы Родины я, Верховный Главнокомандующий, признал ее, показав тем пример исполнения воинского долга. Повелеваю всем чинам нашей славной Армии и Флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только Бог нам даст победу. *Николай*»⁶⁷.

Однако сами временщики уже в начале марта вряд ли нуждались в Великом Князе. Еще недавно он им был нужен для осуществления заговора. Сейчас же, во избежание неприятных неожиданностей, его необходимо было выманить с Кавказа, призвать его

именем войска к подчинению себе, заставить его самого присягнуть (т.е. связать его клятвой), а потом под тем или иным предлогом избавиться от него.

7 марта в 10 часов утра Николай Николаевич выехал из Тифлиса.

Вскоре после отхода поезда он заявил выехавшему вместе с ним Вел. Кн. Андрею Владимировичу: «Что делается в Петрограде, я не знаю, но по всем данным все меняется, и очень быстро. Утром, днем и вечером все разное, но все идет хуже, хуже и хуже! (Эти слова были произнесены с расстановкой и ударением). Никаких сведений от Вр. Правительства я не получаю, даже нет утверждения меня в должности. Последние акты, подписанные Государем, были мое назначение и кн. Львова председ. Совета Мин. Таким образом, я назначен Государем, но указ Сенату не опубликован. Единственное, что может служить намеком о том, что новое правительство меня признает, это телеграмма кн. Львова, где он спрашивает, когда может приехать в Ставку переговорить. Больше я ничего не знаю, и не знаю, пропустят ли мой поезд, но надо полагать, что я доеду»⁶⁸.

Великий Князь действительно добрался до Ставки. По пути его не остановили. Более того, толпы народа на железнодорожных станциях приветствовали Николая Николаевича, но он предпочитал не выходить из вагона.

В Могилев поезд прибыл 10 марта рано утром. Предполагалось, что Великий Князь, по приезде, в Могилевском соборе принесет присягу Временному правительству. Однако вскоре сообщили, что «присяга будет дана Великим Князем в поезде, в вагоне, в присутствии трех старших генералов»⁶⁹. Еще через некоторое время в Могилев пришел экстренный поезд из Петрограда. Официальный курьер Временного правительства привез Правительственный указ, запрещающий Великому Князю, как Члену Дома Романовых, вступать в должность Верховного Главнокомандующего и увольняющий его в отставку. В письме кн. Г. Е. Львова он прочитал: «Народное мнение решительно и настойчиво высказывается против занятия Членами Дома Романовых каких-либо государственных должностей»⁷⁰.

Описание принятия в этих условиях Вел. Кн. Николаем Николаевичем (вместе с другими оказавшимися с ним Членами Дома Романовых) присяги Временному правительству в Ставке потрясает своими подробностями. Вот как жалкое это зрелище запомнил дежурный генерал Ставки П. К. Кондзеровский:

«Комната была освобождена от лишней мебели, стоял аналой и, в стороне, письменный стол и несколько стульев. Кроме Великих Князей Николая Николаевича и Петра Николаевича, присягали старик Принц Александр Петрович Ольденбургский, сын Великого Князя Петра Николаевича Роман Петрович и пасынок Великого Князя Николая Николаевича»

Отец Рыбаков читал слова присяги, я стоял поодаль, смотрел на Великого Князя и думал о том, что он переживает, принося эту присягу какому-то самозваному Временному правительству

Когда окончилась присяга, Великий Князь взял перо и расписался нервно, и когда делал свой обычный росчерк, то перо зацепило бумагу и разбрызгало чернила. Великий Князь взял пресс-бювар и стал нервно бить им по бумаге, в результате чего получились огромные кляксы. Потом он передал перо Великому Князю Петру Николаевичу, и как только тот расписался, начал нервными ударами прикладывать к свежей подписи пресс-бювар, и так со всеми остальными, после чего весь присяжный лист приобрел печальный вид. Великий Князь отдал этот лист мне и простился со мной»⁷¹

Тут же по обыкновению Великий Князь послал телеграмму министру-председателю Временного правительства Львову «Сего числа я принял присягу на верность Отечеству и новому государственному строю. Свой долг до конца выполняю, как мне повелевает совесть и принятые обязательства. Великий Князь Николай Николаевич»⁷²

11 марта Вел. Князь Николай Николаевич был официально отчислен от должности, так и не приступив к обязанностям. На следующий день на заседании Временного правительства министр юстиции А. Ф. Керенский высказался «о желательности опубликования во всеобщее сведение телеграммы великого князя Николая Николаевича, о принесении им присяги на верность Временному правительству»⁷³. Предложение было принято и исполнено.

Уже будучи за границей, в изгнании, В. В. Шульгин вспоминал слова, сказанные ему генералом П. Н. Врангелем:

«— Думают, что Великий Князь Николай Николаевич был человеком сильной воли... Но это не так. На Престоле он был бы Николай Третий. Он, Великий Князь, Николай Николаевич, мог быть резок и даже груб. Он мог ударить хлыстом трубача, подавшего неправильный сигнал... Мог оборвать того или иного офицера... Но в решительную минуту он проявил слабость. С Кавказского фронта, которым он командовал во время февральской революции, он уехал, чтобы принять главное командование над всем фронтом — пост, который он уже занимал раньше, до того как Государь занял его лично. На дороге его, Великого Князя Николая Николаевича, перехватили двое министров Временного правительства (не помню, кто именно — В. III.). Они убеждали его, что лицо, принадлежа-

щее Династии Романовых, в настоящее время не может быть Главнокомандующим армией. И убедили...

Я спросил:

– А как надо было поступить?

– Надо было послать к ч... этих двух министров, приехать в Ставку, стать во главе кавалерии, которая сохранилась... не была разложена... и навести порядок.

Это то, что я слышал от Врангеля. Кажется, он был прав. Позже, когда Великий Князь жил в Крыму, Деникин просил его возглавить Добрармию. Письмо дошло... Его отвезла Принцесса, очень пригодная для такой миссии молодая дама, принадлежавшая к “Азбуке”, но... Великий Князь прочел... И отказался возглавить Добрармию... Не помню, сделал ли он это в письменной форме, но, несомненно, сделал.

Послал к ч... Принцессу и остался в Крыму со своими черногорками»⁷⁴.

* * *

Еще в марте 1917 г., сразу же после переворота, при обсуждении кандидатуры на пост Верховного главнокомандующего, председатель Временного комитета Государственной думы М. В. Родзянко горячо рекомендовал в письме от 18 марта главе революционного правительства Г. Е. Львову на эту должность ген. А. А. Брусилова. «...Единственный генерал, – заверял Михаил Владимирович, – вмещающий в себе как блестящие стратегические дарования, так и широкое понимание политических задач России и способный быстро оценивать создавшееся положение, это именно генерал Брусилов». «Выдающийся государственный ум», – прибавляет он далее⁷⁵. Эту кандидатуру на следующий день на своем заседании поддержал и Временный комитет Государственной думы. Однако тогда, несмотря на протест Временного комитета, решили все же отдать дань активному участнику заговора ген. М. В. Алексеву.

Не все «временщики» в то время знали об услугах Михаила Васильевича, оказанных заговорщикам.

Государь, напомним, передал Верховное командование Великому Князю Николаю Николаевичу, а не Своему Начальнику Штаба ген. М. В. Алексеву. Последний принял верховное командование уже из рук Временного правительства.

Выдавая желаемое за действительное, дочь ген. М. В. Алексева Вера Михайловна Борель пишет: «Слова “за Веру, Царя, Отече-

ство” не были для него только девизом, но основой всей его жизни, которой подчинялись все интересы семьи и свои личные, если вообще у него были таковые»⁷⁶.

Сегодня нам слишком много известно о заговорщической деятельности этого обласканного Царем генерала⁷⁷, чтобы верить на слово его ближайшим родственникам.

Михаил Васильевич относился к тому достаточно уже известному нам разряду генералов, которые сколь угодно много говорили о вере и любви к отечеству, «забывая» при этом о Царе. Сначала Он им был *не нужен*, а потом и вовсе стал *мешать*...

Вот лишь два отрывка из писем ген. М. В. Алексеева своему сыну-юнкеру: «Куда бы ты ни вышел, служить, конечно, нужно не за страх, а за совесть. Нужно это прежде всего во имя честности, во имя любви к нашей дорогой России, у которой так много врагов и не так много людей, желающих и могущих работать для славы и благополучия ее. Нужно это делать и потому, что наша с тобою жизнь обеспечивается тем, что нам дает та же родина»⁷⁸. И еще: «...Поверь моему опыту, моим 38 годам службы, моей горячей любви к армии, к родине...»⁷⁹

И ни в одном из писем ни единого слова о Царе...

Кстати, взгляды Михаила Васильевича на жизнь, на карьеру военного, мягко говоря, не совпадали с таковыми же гр. Ф. А. Келлера. «...Печальный исход – вольноопределяющийся»⁸⁰, – внушал сыну человек, сам выбившийся из грязи в князи. Даже благороднейшего штабс-ротмистра Льва Аркадьевича Панаева генерал готов был заподозрить в том, что тот перешел в Николаевское кавалерийское училище из карьеристских соображений⁸¹. Между тем, известно, как Л. А. Панаев тяготился пребыванием в училище.

Офицер, который «тянет ляжку» «заурядного эскадронного командира», для ген. М. В. Алексеева, пусть этого офицера-бедаолагу и «грешно осудить» – это всё же провал: «У него *впереди ничего нет*; не окрыляет его, не манит та волшебница-удача, которая для человека дает многое»⁸².

Между прочим, все это еще одно доказательство того, что подлинный демократизм всегда более присущ настоящим аристократам. Предрассудки же более характерны для выбившихся из низов карьеристов. Что касается «волшебницы-удачи», то куда завела самого Михаила Васильевича сия ветренная дама, слишком хорошо известно...

*И соратник фарисеев,
Раза три меняя фронт,
Подвизался Алексеев,
Затемняя горизонт*⁸³

– так писал известный остролов гвардейский гусарский офицер В. П. Мятлев.

Характерна записка ген. М. В. Алексеева Временному правительству, датированная 14 марта 1917 г. В этом документе, представляющем из себя сводку сообщений главнокомандующих фронтами, несмотря на многослойную цензуру, видны все же некоторые подлинные настроения фронтовиков:

«На Северном фронте... [...] Многие к отречению Императора Николая 2-го и к отказу от Престола Великого Князя Михаила Александровича отнеслись с грустью и сожалением. По некоторым данным можно судить, что многим солдатам манифесты были непонятны, и они еще не успели разобраться в наступивших событиях.

Во 2-м Сибирском корпусе 12-й армии: Возбужден целый ряд вопросов относительно могущих произойти последствий. Были некоторые голоса, что без Царя нельзя обойтись и надо скорее выбрать Государя, что евреев нельзя иметь офицерами... [...]

В 5-й армии: наступившие события некоторыми солдатами рассматривались как конец войны... [...]

На Западном фронте акт об отречении был принят спокойно, серьезно, многими с сожалением и огорчением. [...]

В 9, 10 и Сводном корпусах 2-й армии манифест встречен отчасти с удивлением и с сожалением.

Многие, видимо, были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли настоящие события.

В сибирской казачьей дивизии Сводного корпуса манифесты произвели удручающее впечатление.

Некоторыми выражалась надежда, что Государь не оставит Своего народа и армии и вернется к ним.

Для части солдат это впечатление смягчилось тем, что Император Николай 2-й преемником Себе назначил Великого Князя Михаила Александровича, что в России еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно. [...]

На Румынском фронте... [...] Отречение Императора Николая 2-го на офицеров 9-й армии произвело тягостное впечатление.

В 4-й армии большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самопожертвованием Государя, выразившимся в акте отречения. Здесь же манифест Великого Князя Михаила Александровича встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления.

Большое нервное отношение к событиям чувствуется в 3-м Кавалерийском корпусе, где передаче Престола Великому Князю Михаилу Александровичу склонны понимать как вручение регентства до совершеннолетия Великого Князя Алексея Николаевича, которого считают законным Наследником»⁸⁴.

Вот как по воспоминаниям очевидца проходила присяга Временному правительству в одном из пехотных полков на Юго-Западном фронте:

«...Полк был выстроен в каре побатальонно, и посреди получившейся площади был поставлен столик для полкового священника, покрытый белой скатертью. Знамя полка перед полком не приказал вынести, не хватило у меня духа совершить подобное кощунство, так как знамя ведь было с вензелем *Императора Николая II* и перед этим же знаменем мы все еще так недавно клялись Всемогущему Богу служить *Государю Императору и Его Наследнику Престола* до последней капли крови.

Был яркий светлый день, на голубой синеве небес не видно было ни облачка, не видно было также нигде и таких привычных нам за три года войны облачков от разрывов неприятельской шрапнели – тишина была полная, нарушаемая только голосом священника у аналоя – каким-то сконфуженным тоном он провозглашал сочиненные, видимо, им в этот момент слова присяги, из которых только можно было понять, что клянемся так же служить до последней капли крови какому-то неизвестному временному правительству и чинить неприятелю самое твердое сопротивление. Лица солдат были хмуры, почти никто не поднял своих рук со сложенными как для клятвы пальцами, как это сказал полковой батюшка, почти никто не осенял себя крестным знаменем, но на глазах очень многих солдат я видел слезы, не говоря уже о старых моих боевых товарищах офицерах, из которых многие открыто плакали.

По окончании этой глупой комедии приказал разойтись поротно по землянкам, так как полк стоял на отдыхе в ближайшем резерве. Фактически присяги не было и никто больше на ней не настаивал. После такой невиданной присяги солдаты мне говорили, что они уже раньше присягали Богу и приказания начальства будут исполнять. Никто

ничего не понимал. Все ходили унылые, как ошалелые. Песен не было больше слышно. В продолжение целого дня в расположении полка царила унылая тишина. Солдаты, по-видимому, тяжело переваривали в своих головах совершившееся событие. Совершенно разбитый душевно и я сидел в своей землянке, и в мозгу копошились тяжелые мысли, как же теперь быть и как и чем заставить солдат сидеть под пулями или идти в атаку, и, как ни размышлял, ничто не годилось и все было плохо, что подтвердил и мой телефонист, старый малоросс-солдат, вышедший еще вместе со мной в поход из Киева. Видя меня такого удрученного, этот простой солдат просто и объяснил мне то, что тайлось в глубине моего сердца: “Теперь все пропало, ваше высокоблагородие”. Умный был солдат. И действительно, ничего впереди уже не может быть хорошего, и победы, так пламенно желаемой и такой уже близкой – *никогда не бывать*. Что же тут и раздумывать»⁸⁵.

Известный интерес представляет и поездка Верховного главнокомандующего ген. М. В. Алексеева на фронт в апреле–мае 1917 г. Вызвана она была, по свидетельству участвовавшего в ней полк. Д. Н. Тихобразова, отнюдь «не стратегическими соображениями, а политическими...»⁸⁶ Михаилу Васильевичу предстояло также установить личный контакт с командующими фронтами.

Памятной была первая после Могилева остановка – Каменец-Подольский. «После долгого разговора с главнокомандующим Юго-Западным фронтом генералом Брусилковым, – вспоминал полк. Д. Н. Тихобразов, – генерал дал в честь Верховного у себя на квартире обед. За большим овальным столом сидело 10-12 человек, сейчас точно не помню. Из дам были: жена Брусилова и ее сестра. Разговор не имел общего характера, но вдруг он смолк и как раз в то время, когда жена Брусилова отчеканивала слова: “Ведь муж мой уже двенадцать лет, как революционер и социалист”. Ее слова повисли в воздухе. Наступила неловкая тишина. Брусиллов ни словом не обмолвился, только, по обыкновению, прищурил свой глаз, как бы желая выразить им: что, мол, смотрите, вот каков я. Верховный слегка нахмурился»⁸⁷.

Посещение штабов Западного (Минск) и Северного (Псков) фронтов никаких особых впечатлений не оставило. Но вот поезд ген. М. В. Алексеева прибыл в прифронтовую Ригу – «самый мятежный город», по словам полк. Д. Н. Тихобразова. Приезд совпал с первомайскими праздниками.

И вот парад... «У корпусного командира Генерального штаба генерала Антипова развеялся по ветру красный бант размеров, не

уступающих бантам на бальных платьях девиц, стягивавших в начале века свои талии широкими лентами разных цветов. Будучи в хороших отношениях с Антиповым, который в училище был моим руководителем по тактике, – пишет Д. Н. Тихобразов, – я обратил внимание на его украшенную грудь. “Что же, – смеясь ответил он мне, – надо всегда идти с духом времени”»⁸⁸.

Следует заметить, что на всем пути объезда Верховным с каждым часом все более революционизирующейся и разлагающейся армии всё чаще ему попадались те, кто желал идти смело в ногу с революцией...

Еще один тому пример: «Верховный садился завтракать со своими двумя спутниками, когда на одной из остановок пришли ему доложить, что на следующей станции, на которой поезд Верховного не должен был останавливаться, выстроен Кавалергардский полк, командир которого просит разрешения представить полк Верховному главнокомандующему. Генерал приказал остановить поезд при подходе к станции.

“Вам нечего беспокоиться. Доканчивайте завтрак. Выйти хочу я один”. – И с этими словами Верховный вышел. Раздались команды. Здравание. Обойдя выстроенный полк, после принятия рапорта командира, Алексеев вернулся и сел за стол нахмуренный. После некоторого молчания, обращаясь ко мне, Алексеев сказал: “Ну от кого-кого, но от кавалергардов я этого никак не ожидал. Кавалергарды и сам Шипов с красными бантами”»⁸⁹.

У генерала Алексеева и самого было, как говорится, рыльце в пушку, но даже его, как видно, от таких откровенных холопских демонстраций приверженности новому строю прежних гвардейцев воротило...

Следующим, после ген. М. В. Алексеева, на кого поставили временщики (и, прежде всего, лично А. Ф. Керенский), стал ген. А. А. Брусилов.

В известной мере он продолжил не совсем удачно начатую Великим Князем «кавказскую линию». Его отец, генерал-лейтенант А. Н. Брусилов (1789–1859), был председателем аудиториата Кавказской армии. В 68 лет он женился на 23-летней девушке⁹⁰. Близко знавший Алексея Алексеевича ген. Н. А. Епанчин определенно писал о его «армянском происхождении»⁹¹. Жили Брусиловы в Тифлисе. После смерти в 1859 г. матери, урожденной Нестоемской (по другим сведениям Нестеровской), А. А. Брусилов воспитывался у бездетной тетки Г. А. Гагенмейстер в Кутансе. Кроме того, второй супругой его стала дочь директора Тифлисской классической гимназии

В. И. Желиховского, позднее попечителя Кавказского учебного округа. Муж знаменитой ее тетки, оккультистки Е. П. Блаватской, был в конце 1840-х гг. Эриванским вице-губернатором. Двоюродный дед, генерал-майор Ростислав Андреевич Фадеев (1824–1883), с 1876 г. сражавшийся сначала добровольцем на Балканах, а потом участвовавший в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., был автором трудов по истории войн на Кавказе.

Еще в 1916 г. Дворцовый комендант ген. В. Н. Воейков отметил «заискивание» ген. Брусилова перед «общественными деятелями» (в частности, председателем Государственной думы М. В. Родзянко) в обход непосредственного своего начальства (которому он только и должен был подчиняться)⁹².

Известный эмигрантский исследователь русского масонства Н. Ф. Степанов вполне определенно относил ген. Брусилова к «группе генералов, на которых заговорщики могли рассчитывать»⁹³.

Согласно сведениям А. Ф. Керенского, которыми он зимой 1924–1925 гг. поделился с Б. И. Николаевским, особо активную деятельность, направленную на свержение Императора Николая II, вела зимой 1916–1917 гг. группа Военно-Промышленного комитета. Заговорщики должны были «арестовать поезд и вынудить отречение». «Эта группа, – по словам Керенского, – вела сношения с Брусиловым, который дал согласие определенное»⁹⁴.

«Князь Галицкий» – так за глаза называли Алексея Алексеевича Брусилова в обществе Каменец-Подольска, в котором во время Великой войны размещался штаб Юго-Западного фронта.

«Устраивает ли местный губернский Олимп благотворительный базар, дает ли бал дамское общество защиты домашних животных, устраивает ли коммерческое училище концерт балалаечников, – вспоминал ген.-майор Г. И. Гончаренко, – всюду появляется популярный главнокомандующий... [...]»

В феврале семнадцатого года по городу ползут зловещие слухи.

Мировой посредник, один из уцелевших гоголевских типов, передает знакомым под “строжайшим секретом” ошеломляющие известия. Уличенная в шпионаже Царица заточается Царем в монастырь. Царь по окончании войны намерен отречься от Престола. Брусилов назначается регентом вплоть до совершеннолетия малолетнего Цесаревича Алексея. [...]

Газеты не приходили несколько дней. Вскоре из “Киевской мысли” стало известно об отречении Государя и отказе Михаила вступить на престол.

Однако еще до получения этих полуофициальных известий местный прокурор, получивший от министра юстиции Керенского телеграфный приказ об освобождении из тюрем политических заключенных, отправился для доклада к главнокомандующему.

– Исполняйте немедленно этот приказ! – резко ответил Брусилов*.

Очевидно, он был хорошо осведомлен о “ситуации”.

Через несколько дней, по получении точных сведений из Петрограда, подольского обывателя было трудно узнать.

Мировой посредник откровенно сообщал всем и каждому, что уже двадцать лет исповедает республиканские принципы и сочувствует партии социалистов-революционеров. Прокурор оказался социал-демократом. Лишь немногие, как предводитель дворянства и начальник пожарной команды, не изменили своих монархических убеждений. Подольские обыватели, всего неделю назад кричавшие на благотворительном вечере “ура!” после исполнения Царского гимна, неожиданно разделились на партии – одна краснее другой*.

На одном из ежедневных митингов, проходивших в здании кинематографа, местные ораторы кричали: «Какая у нас культура?.. Что значит культура?.. Где мостовые?.. Где тротуары?.. Где обещанный крытый базар?.. Это – Панама!.. Где наши налоги?.. Что значит где?.. Поищите в карманах у городского головы!.. Ведь Панама – это же ребенок сравнительно с этим злоупотреблением!..

Следующий оратор предлагает потребовать от “городского тирана” объяснений по поводу “сенсационных” разоблачений.

– Идем! – загудела толпа и двинулась к зданию городской думы.

Городской голова черным ходом убежал на квартиру. Подоспевшая толпа нашла его покончившим с собой.

На следующий день его хоронили. За гробом шли родственники, несколько сторожей городской думы и кучка солдат. Один из сопровождавших погребальное шествие солдат неожиданно затынул:

Вы жертвою пали в борьбе роковой!..»⁹⁵

* «...Вскоре, – вспоминал военный комиссар г. Киева, – пришел приказ Брусилова об освобождении всех осужденных за побег и другие воинские преступления, равно как и о приостановлении преследования некоторых видов преступлений. Получилась частичная амнистия для одного округа» (Оберучев К. В дни революции. Воспоминания участника великой русской революции 1917-го года. Нью-Йорк, 1919. С. 48). – С. Ф.

Что касается *цветомаскировки*, то, как мы смогли уже в этом убедиться, не был исключением и сам Брусилов. Супруга генерала, дама весьма «разговорчивая», по словам ген. Н. А. Епанчина, в первые дни после переворота «вела себя крайне безтактно. Так, встречая офицеров и солдат на улице, она вступала с ними в разговоры и горячо уверяла их, что ее муж, “ваш Главкомандующий, старый революционер”, что он не изменит новому строю и пр. Была ли Брусилову известна эта пропаганда, я не знаю, но ясно, что она вносила смуту в войска»⁹⁶.

Современные историки справедливо пишут о Брусилове, что «спор о его политических взглядах не закончен до сих пор»⁹⁷. Правда, есть и такие, которые всерьез утверждают: «Несмотря на революционную риторику своих послефевральских приказов, Брусилов в 1917 г. оставался все тем же генералом Царской армии»⁹⁸.

Следует отметить, что современных историков прежде всего интересует, «почему, в силу каких человеческих, психологических или политических причин Царский генерал Брусилов не воевал на стороне белых, не эмигрировал за границу, а оказался на службе у красных, какой душевный перелом он пережил с началом войны с белополяками?»⁹⁹

Главный же вопрос, почему сей «Царский генерал» изменил своему Императору, то есть нарушил воинскую присягу, – до сих пор не только остается открытым, но, похоже, почти никого не волнует.

Болезненно переживая резко враждебное отношение к покойному мужу русской белой эмиграции, Н. В. Брусилова, как могла, старалась оправдать его поступки.

«Мой муж, – писала Надежда Владимировна в августе 1936 г., – не был ни белым, ни красным по своим чувствам человеком, он был русским генералом и защищал русские границы и русский народ. В гражданской войне он не участвовал. Он настолько любил свою старую русскую армию, что остался с нею, когда она взбесилась, и не выдал ни большевикам, ни иностранцам всех минусов ее в Царское время... [...] ...Интриги против моего мужа велись еще далеко до войны, а во время войны, очевидно, из зависти к его успехам они разрослись еще больше, что же касается дальнейшего, то во всем мире о нем было столько фантазий и клевет, что разобраться, где правда и где ложь, невозможно»¹⁰⁰.

Писала она все это, не рассчитывая на прижизненную публикацию («теперь не для печати»¹⁰¹ – значилось на составленной ею записке), явно уповая на внимание потомков, которые, возможно по-

лагала она, узнав, что генерал был не за красных и не за белых, решат, что Брусилов, генерал Царской Армии, сохранил верность Государю Императору. Правда же, однако, состояла в том, что его выбором было масонское Временное правительство и, конечно, личная карьера. Судя по его собственным мемуарам и воспоминаниям его современников, честолюбием Алексей Алексеевич обладал воистину безграничным.

«Изменив присяге и предав своего Государя, – так оценивал поведение своего давнего знакомого ген. Н. А. Епанчин, – некоторые высшие военные начальники считали возможным уверять войска, им подчиненные, что все это произошло “волею Божьею”, как говорил генерал Брусилов в приказе войскам Юго-Западного фронта 4 марта 1917 г. № 302. В этом же приказе Брусилов приказывал войскам “стоять стальной стеной против нашего врага, иначе наши потомки будут проклинать нас и Святая Русь будет нами покрыта позором. Но да не будет так, да поможет нам Господь”. Но именно так и случилось: Россия была жестоко опозорена»¹⁰².

Тем же 4 марта датирована телеграмма ген. А. А. Брусилова подчиненным ему войскам Юго-Западного фронта с предписанием «незамедлительно» зачитать Манифесты об отречении Государя Николая II и Вел. Кн. Михаила Александровича, а также полученную им телеграмму от своего высокого покровителя Вел. Кн. Николая Николаевича: «...Повелеваю всем войсковым начальникам от старших до младших внушить и разъяснить чинам Армии и Флота, что после объявления обоих актов они должны спокойно ожидать изъявления воли Русского народа, и святой долг их – оставаться в повиновении законным начальникам, оберечь Родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в безпримерной борьбе»¹⁰³.

«Поразительно, – писал, комментируя эти документы измены, ген. Н. А. Епанчин, – предав Государя, нарушив присягу, все эти высшие начальники [...] настойчиво указывали войскам, что “святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам”, что “все мы должны свято исполнить свой долг защиты Родины и строго соблюдать дисциплину”, и все в этом роде, и все это, когда эти начальники дали своим подчиненным преступный пример измены и предательства. Они забыли, что пример старших обязателен для младших, а об этом им следовало накрепко подумать до того, как они решились изменить законному Государю, Помазаннику Божию»¹⁰⁴.

В первые дни после переворота «последовал приказ главнокомандующим Юго-Западным фронтом генерала Брусилова не мешать носить офицерам и солдатам красные банты, а в некоторых даже случаях являться с таковыми. Вообще генерал Брусилов по тем слухам, которые до нас доходили из Каменца, вел себя во время революции отвратительно, разыгрывая из себя революционера, устраивая почетные встречи представителям рабочих и солдатских депутатов, и всячески старался им угодить. Очевидно, он занялся целью пробраться в дамки, что ему и удалось, покорив сердце г. Керенского, который рассчитав Алексеева, понявшего наконец, в какую пропасть ведет Россию временное правительство, пригласил на его место Брусилова»¹⁰⁵.

В середине марта 1917 г. ген. А. А. Брусилов встречал приехавшую к нему на фронт одну из таких делегаций, состоявшую из трех членов мятежной Государственной думы и военного комиссара г. Киева эсера К. М. Оберучева (1864–1929). На перроне, по словам последнего, «красные флаги... в огромном количестве», «Брусилов со своим штабом», «выстроенные ряды войск гарнизона». Оркестр исполняет марсельезу¹⁰⁶.

Старый революционер, долгие годы скитавшийся то в Швейцарии, то в Соединенных Штатах, сразу же заметил рассчитанную на внешний эффект игру Брусилова. «Бодрый, седой, суховатый на вид старик, – вспоминал он, – небольшого роста, и с полным энергии лицом, генерал Брусилов производил двойственное впечатление.

Деланная суровость во взгляде и неподдельная доброта, сквозившая в то же время в его глазах, ясно показывали, что напрасно он старается напустить на себя суровость. Он не может скрыть доброты, таящейся в тайниках его души. [...]

Я знал... близость его ко Двору и подходил к нему с некоторым предубеждением.

Но чем больше мне пришлось с ним беседовать, тем больше предубеждение мое рассеивалось. [...] ...Каждый раз в его словах и в тоне его голоса мне слышалась неподдельная радость его по случаю происшедшей так для него неожиданной перемены. [...] Без намека с моей стороны, по собственному почину, он начал со мной откровенную беседу.

“Я монархист, – сказал он, – по своему воспитанию, по своим симпатиям, и таким я вырос и был всю жизнь. Я был близок к Царской Семье и связан с Нею прочно. Но то, что я наблюдал последнее время, то, что внесло такой ужас в нашу жизнь и нашу армию (он

указал здесь на Распутина и его близость к Царской Семье и управлению страной), убедило меня, что так жить нельзя. Перемены должны произойти, и я приветствую всем сердцем эту перемену”.

Тут он остановился и немного призадумался.

Через несколько секунд он продолжал так же отчетливо и тем же спокойным тоном, каким он вел всю беседу:

“Как монархист я задумался над вопросом, что дальше. Мне прежде всего показалось наиболее пригодной для России формой правления конституционная монархия, и я начал вспоминать всех возможных кандидатов Дома Романовых. (Он перечислил мне всех их, дав меткие характеристики.) И я пришел к заключению, что в числе ближайших кандидатов из этой Семьи нет достойного, которому можно было бы спокойно верить судьбы России. А если нет таковых в известной мне старой Царской Семье, то какая надобность избирать монарха из другой семьи. Не проще и не правильнее ли выбирать правителя на короткий срок, президента, с тем, чтобы затем заменить его другим. И я стал республиканцем”¹⁰⁷. (Весьма характерно подмечено мемуаристом то, что генерал не отрицал культивировавшуюся не без его одобрения легенду о мнимой близости его ко Двору и монархизму. Алексей Алексеевич и в изменившихся обстоятельствах извлекал из этого мифа практическую выгоду.)

Наконец, пришло время принять саму присягу революции. «В апреле на городской площади, – писал очевидец, – происходила торжественная присяга Временному правительству.

Первым принес присягу главнокомандующий, бывший генерал-адъютант Николая II, генерал от кавалерии Брусилов. Он был в шинели со споротыми Царскими вензелями на погонах, с большим красным бантом в петлице. Оркестр играл марсельезу.

Прославленный полководец сел в приготовленное ему кресло, задрапированное алым кумачом и лентами. Десяток солдат и штатских понесли кресло с Брусиловым по городу. Время от времени кортеж останавливался для произнесения речей. Речи социалистов и митинговых ораторов чередовались с речами Брусилова.

– Да здравствует революция!

Над кортежем поднялся аэроплан.

Кто-то громко выразил предположение, что контрреволюционеры будут сбрасывать с аэроплана бомбы в манифестантов.

Поднялась невероятная паника.

Каждый спасался как мог.

Кресло с восседавшим на нем главнокомандующим бросили посреди улицы. Впоследствии оказалось, что с аэроплана производилась кинематографическая съемка...»¹⁰⁸

Все эти мартовские солдатские манифестации, по меткому замечанию ген. Б. В. Геруа, «скорее напоминали деревенский крестный ход с той разницей, что вместо икон и хоругвей несли лес красных знамен и плакатов»¹⁰⁹.

О сокроенных мыслях генерала в то время свидетельствуют архивные документы. В семейном альбоме Брусиловых сохранилась фотография молебна в Каменец-Подольском в присутствии командующего: толпа солдат и офицеров вокруг высокого бревенчатого помоста; едва уместающиеся на нем два десятка священников и диаконов, обложенных четырьмя красными революционными флагами по углам. (Завзятым охотникам не нужно объяснять символику.) Эту позорную картинку завершает надпись супруги генерала: «Вот за какой революцией пошел ген. Брусилов: с верой в Бога и крестом»¹¹⁰.

Сразу же после февральского переворота не только в военной, но и в церковной среде нашлось немало ниспровергателей Богоустановленной Царской власти. В издаваемом на церковные средства «Всероссийском Церковно-общественном вестнике» некий церковный ученый археолог В. Лашнюков, войдя в раж от своей элементарной безграмотности, возмущался вознесенными над храмами коронами на крестах: «Корона не может быть выше креста, потому что Бог больше всего и выше всего». «Нашу христианскую страну они делали языческой. Корона у них была больше Бога и больше народа... Мы знаем только два великих праведных слова: "Бог и народ"». Но главное в этой софистике было далее: «Бог и народ, крест и народ – это наши единственные святыни. Других нам не надо. Других и не может быть»¹¹¹.

Буквально в те же дни этому ниспровергателю вторил «маститый монархист» Л. А. Тихомиров, к отечественным «государственно-правовым тонкостям» относя то, что «Русский народ не имеет надобности, чтобы получать от кого-либо Верховную Власть: он сам по себе ее имеет и может взять от "доверенного" (т.е. Царя), когда ему это покажется нужным»¹¹².

Но помянутый Лашнюков шел еще дальше, чего Тихомиров, конечно, не мог себе позволить: «Бог и народ – первые слова. Есть еще и другие, такие же великие, такие же праведные: Бог и свобода...»¹¹³ (Не правда ли, если почитать некоторые наши нынешние, открыто провозглашающие себя на католический манер «клерикальными», церковные средства массовой информации, – все это слишком знакомые мотивы?..)

Их духовные потомки и ныне глаголют о народолюбии, лукаво прикрываясь Богом и Церковью (разве-де кроме Них нам кто-нибудь еще ну-

жен?), забывая, что Царь – Помазанник Божий, Его Избранник; Он не только первый Сын, но еще Ктитор и Охранитель Церкви.

В том же русле шел и ген. А. И. Деникин. «Народ, – считал он, – сам скажет, чего он хочет. И скажет с такой силою и с таким единодушием, что всем нам – большим и малым законодателям – придется только преклониться перед его державной волей»¹¹⁴. Особенно забавно это читать после знакомства с мнением того же Антона Ивановича из написанного им в мае 1918 г. «наказа представителям армии» о том, что народ русский находится в «стихийном помешательстве»¹¹⁵.

Случилось то, о чем предупреждал еще святитель Филарет Московский: «Из мысли о народе выработали идол и не хотят понять даже той очевидности, что для столь огромного идола не достанет никаких жертв»¹¹⁶.

Приехавшему 1 апреля 1917 г. в Каменец-Подольский в штаб Юго-Западного фронта генералу Н. А. Епанчину Брусилов сообщил: «Я скажу вам доверительно, что через месяц мы начнем наступательные действия, а до тех пор нужно все сделать, чтобы “овладеть душой” офицеров и солдат, и тогда с ними можно сделать все». «Я выразил сомнение, – вспоминал Н. А. Епанчин, – чтобы можно было “овладеть душой” в такой короткий срок, и прибавил, что уже около двух тысяч лет тому назад было начато это дело, но до сих пор достигнутые результаты сравнительно невелики. “Кто же это начал?” – спросил генерал Брусилов. “Христос”, – ответил я»¹¹⁷. Разговор шел в Страстную Субботу.

Служивший в Ставке полковник Генерального Штаба Д. Н. Тихобразов вспоминал: «Чтобы остановить разложение, надо было ускорить подготовку армии к наступлению, ибо бездеятельность развращала солдат. [...] Подробные диспозиции должны были быть представлены в Ставку. От всех фронтов они были получены, медлил только Брусилов. Мне несколько раз по прямому проводу надо было требовать из Оперативного отделения Брусилова телеграфную передачу текста. Наконец она была получена, и мне стало ясно, почему штаб медлил с ее передачей. Штабу фронта было стыдно некоторых брусиловских выражений. Когда телеграфный бланк пришел ко мне, после доклада Алексееву, то против брусиловских слов “прежде Царь гнал нас нагайками и палками в бой, а теперь...” – подчеркнутых Верховным [т.е. ген. М. В. Алексеевым], его мелким бисерным почерком стояло: “а Царю руку целовал”»¹¹⁸.

Смене на посту Главнокомандующего ген. М. В. Алексеева ген. А. А. Брусиловым предшествовал приезд в Каменец-Подольский на съезд делегатов Юго-Западного фронта недавно назначенного военным и морским министром А. Ф. Керенского.

Находившийся в распоряжении ген. А. А. Брусилова ген. Н. А. Епанчин вспоминал приезд 12 мая 1917 г. для поднятия духа войск этого, по словам солдат, «орателя»:

«...Керенский вместе с Брусиловым ездил по митингам, где договорился до того, что совершенно охрип. Он говорил все одно и то же: лягал старый порядок, клялся, что он “старый революционер”, и убеждал сражаться “до победного конца”. Беда была в том, что он, по-видимому, не знал, с кем он говорит. [...] ...Кончая уговаривание, он сказал, что если они не пойдут, то он “возьмет ружье и пойдет один”. В задних рядах закричали: “Ну что ж, и ступай, коли охота”»¹¹⁹.

«В этот день, – писал Николай Алексеевич, – я впервые увидел Керенского и, видя и слыша этого шарлатана, полишинеля, а вернее прохвоста, я окончательно убедился, что дальнейшая служба невозможна»¹²⁰.

Столь очевидного факта полного ничтожества Керенского (или, как его называл террорист Б. Савинков, «Керензона»¹²¹) не понял (или, вернее, не захотел этого сделать) Брусилов. По свидетельству Керенского, они приватно и доверительно «обсудили дела, которые волновали всех гражданских и военных руководителей, осознававших свою ответственность за судьбу страны»¹²². Недаром современники прозвали генерала «лисой»¹²³.

22 мая ген. Брусилов во исполнение своей программы («карьера любой ценой») принял назначение Временного правительства, став очередным Верховным главнокомандующим.

Одним из первых его действий на новой должности было отстранение им от командования 8-й армией ген. А. М. Каледина. (В этом отношении Брусилов держал нос по ветру. «...Он не относился отрицательно к перевороту, – так охарактеризовал ген. Каледина встретившийся с ним в середине марта 1917 г. революционный военный комиссар г. Киева. – Но он не был доволен введением войсковых и иных комитетов, и терпел их, как введенные правительственной властью организации»¹²⁴.)

«Старое правительство, – писал Брусилов брату Борису в самый день своего назначения, – действовало безумно и довело нас до края гибели, и это безумие простить ему нельзя. Затхлая и невыносимо гнусная атмосфера старого режима исчезла, нужно чтобы путем революции народилась новая, свежая, свободная и разумная Россия с ее лучезарным будущим»¹²⁵.

Двуличие Брусилова было вопиющим. Обвиняя Государыню в соучастии в германском шпионаже, подчеркивая при этом свою

дальновидность («считал опасным сообщать Императрице о начале наступления, так как через Нее это могло дойти до немцев»¹²⁶), в то же время он со спокойной совестью отдавал Керенскому секретные доклады о состоянии Армии. Тот их «засовывал в карманы автомобиля, под сиденье и куда только мог». Оставленные без всякого присмотра, они вместе с большой пачкой прошений впоследствии попали в штаб фронта¹²⁷.

Ссылаясь на обстановку, Алексей Алексеевич предавал и прежних своих друзей. На просьбу бывших генералов Свиты Его Величества взять их к себе для поручений Брусилов ответил: «Я не могу окружить себя генералами Свиты, чтобы про меня говорили, что я приверженец Самодержавия»¹²⁸.

Приняв назначение, ген. Брусилов, по свидетельству начальника его штаба ген. А. С. Лукомского, «принял сразу более чем недостойный заискивающий тон по отношению к Могилевскому совету рабочих и солдатских депутатов»¹²⁹. Расшаркиваясь перед депутацией с фронта, он уверял в своей «преданности новому строю», без конца повторяя: «Я глубоко уважаю совет рабочих и солдатских депутатов»¹³⁰. К несчастью, слова эти подтверждались делами. По свидетельству очевидцев, Брусилов «легкомысленно, в угоду “товарищам”, смотрел на назначения по военной части в военное время»¹³¹.

Все эти обстоятельства окончательно расставили все по своим местам, подтвердив, что как прошлые его симпатии, так и все прежние имевшие в связи с ним место «недоразумения», были отнюдь не простой случайностью.

«Я призываю вас, всех русских воинов, – говорилось в первом приказе нового Верховного главнокомандующего, – сплотиться вокруг красного стяга с девизом: “свобода, равенство, братство” и ринуться на врага, сломать его и разрушить навсегда германский милитаризм, давящий своей безумной тяжестью народы всего мира... Итак, будьте готовы жертвовать собой...»¹³²

Алексей Алексеевич ездил в передовые части, пытался «уговорить» солдат прекратить братание с немцами, не оставлять самовольно фронта. В своих речах он «доказывал» необходимость идти в наступление, чтобы изгнать немцев из пределов России, после чего заключить мир «и контрибуций, на началах самоопределения народов». При этом генерал пытался подражать «главноговаривающему» Керенскому, что, следует признать, ему не очень-то удавалось.

После генерала обычно выступали солдаты. Если очередной оратор поддерживал его, Брусилов подходил к нему, тряс ему руку

и лобызался с ним. Чаще, однако, случалось иначе. И главнокомандующего провожали неодобрительным гулом, а то и просто свистом.

Вот как, используя записи в дневнике, вспоминал об одном из таких митингов офицер Генерального штаба.

«Товарищи, – начал ген. А. А. Брусилов, – я приехал посмотреть, как Вы живете, как защищаете от врага нашу родину и свободу, а также и побеседовать с вами.

Все, что я вам здесь буду говорить, это не есть только мое личное мнение, но и мнение нашего народного Военного министра товарища Керенского, Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов и Совета казачьих депутатов. [...]

Вы теперь, товарищи, свободные граждане. Вы должны принять участие в строительстве обновленной нашей родины. От вас же теперь и зависит, чтобы Россия осталась и впредь свободной страной.

Однако коварный и жестокий враг, вторгшийся в пределы нашей родины и грозящий уничтожить завоевания революции и нашу молодую свободу, не дает вам возможности приступить к выполнению великой задачи строительства.

Необходимо сломить врага и выкинуть его из России, только тогда может быть славный мир “без аннексий и контрибуций”.

Товарищи, нам чужой земли не нужно, но и своей мы не отдадим. [...]

Вот уже долгие месяцы стоит наша армия на месте в окопах. Она отдохнула, набралась сил; она полна революционного порыва. Обновленная, спаянная не палочной старорежимной, а разумной революционной дисциплиной, она обязана, она должна помочь нашим союзникам, ведущим тяжелые бои с наступающими немцами.

Последние обрушились, главным образом, на Францию, заняли северную ее часть, разрушив множество городов и деревень.

Варвары-немцы уничтожили одно из главных достояний французского народа – прекрасные виноградники, дающие лучшие в мире вина – шампанские. Товарищи, мы должны заставить немцев...»¹³³

Далее все потонуло в грозных криках «Долой!», «Довольно!», «Вам пьянствовать, а мы будем кровь проливать!..», «Вам шампанское, а нам смерть!..»

Чтобы выйти из положения, генерал пригласил было стоявшего рядом пожилого с длинной бородой солдата высказаться. Солдат вышел и стал говорить; но совсем не то, что ожидал от него Брусилов:

«Вы, господин генерал, приехали уговорить нас начать опять проливать потоки нашей крови за шанпанское. Пусть придут сюда проливать свою кровь те, кто пьет это шанпанское! [...]

Вы, генерал, говорите, что немцы разоряют Францию, а разве мы, когда были в Германии и Галиции, не разоряли их? Народы не хотели войны, им навязали ее их империалистические правительства, капиталисты и буржуи. Немцы давно уже хотят мириться, а вы натравливаете нас на них. Нет, довольно, мы прозрели и знаем, где правда и кто наши враги.

Пусть те, кто хочет воевать, придут сюда в окопы сменять нас, а мы посмотрим, как они будут защищать родину!»¹³⁴

Привыкший, видимо, к такому исходу, генерал стоял молча, а потом выпустил «последний и единственный резерв Верховного главнокомандующего» – одетого в матросскую форму еврея-лектора Федора Исааковича Баткина (1893–1923), сопровождавшего сначала А. Ф. Керенского, теперь А. А. Брусилова; впоследствии он будет состоять при ген. Л. Г. Корнилове¹³⁵, который «почему-то страстно любил этого арапа»¹³⁶. Но и тот не сумел исправить положения. «Вот так все время, – лепетал Баткин в свое оправдание, – не хотят слушать...»

«Я вижу, товарищи, что мы сегодня не сговоримся, – довольно неуклюже заключил митинг ген. А. Брусилов, – придется еще раз побеседовать с вами. Подумайте, потолкуйте между собой о всем, что я вам говорил. Я еще раз сюда приеду. А теперь за нашу дорогую свободную родину и за вас товарищей: “ура!”»¹³⁷ – и под довольно жидкое «ура» смеющихся солдат он пошел к автомобилю.

12 июля на фронте была восстановлена смертная казнь, отмененная сразу после февральского переворота. «Приложу все силы ума и воли, – телеграфировал в тот же день Брусилов Керенскому, – чтобы спасти Россию и завоевания, достигнутые революцией»¹³⁸. Однако ничто уже не могло заставить русскую армию наступать.

Случилось то, о чем еще во время первой русской революции предупреждал пытавшихся «приручить» армию политиканов подполковник Генерального штаба кн. А. М. Волконский: «Оставьте нас! Ибо, если мы раз изменим присяге, то, конечно, никому из вас тоже верны не останемся... И тогда будут хаос, междуусобие и кровь»¹³⁹.

«Великая Русская Армия, рожденная Петром, – справедливо писал в обстановке еще не закончившейся гражданской войны русский эмигрант, – армия Екатерины, Суворова, Потемкина, Алек-

сандра Благословенного, Кутузова, Багратиона, Ермолова, Александра Освободителя и Александра Миротворца, Скобелева, Радецкого, Гурко, армия Великой войны с немцами, положившая основу успехам наших союзников, все-таки, по существу, не омрачила доблестной своей истории. Она, в огромной своей массе, не изменила присяге, а когда Государь отрекся от Престола, не стала служить никому после ухода Царя и Императора, олицетворяя в Нем понятие о родине, чести и свободе России, и наш солдат уже не стал биться до “победного конца”, ни при ком, начиная с генерала Алексеева и до прапорщика Крыленко включительно.

В этом величайшая заслуга Русской Армии – лица русского народа и родной земли. Что же это был за народ, если бы он так просто, так без сердца, души и разума бросил свои идеалы, свои вековые понятия о Вере, Царской власти и Родине, которые исповедовал тысячу лет. Солдатская масса искреннее, проще и непосредственнее других поняла, а главное почувствовала, что никакой войны без Царя быть не может, и стала расходиться по домам, чиня нередко насилия над офицерами, под влиянием упорной и злобной агитации наших революционеров всех толков и направлений, и предоставила людям, совершившим переворот, создать новую Россию на новых началах»¹⁴⁰.

Между тем генералы, кстати говоря, не обойденные Царскими милостями, отрекались не только от Государя, но и от того, на чем веками стояла и процветала Историческая Россия – Самодержавной Монархии.

«Ведите русскую жизнь к правде и свету – под знаменем свободы! – обращался ген. А. И. Деникин к министрам Временного правительства, присутствовавшим на совещании в Могилеве 16 июля 1917 г. – Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести в бой войска под старыми нашими боевыми знаменами, с которых – не бойтесь! – стерто имя Самодержца, стерто прочно и в сердцах наших. Его нет больше. Но есть Родина»¹⁴¹. Сказано это было ровно за год до цареубийства... Вот так: одни от Них отреклись, а другие потом... убили... Последние *сделали* то, что *позволили* первые.

Будучи смещенным с поста Верховного главнокомандующего 18 июля, ген. Брусилов оставил Могилев, не дождавшись назначенного на его место ген. Корнилова, не сдав ему дела, что расценивалось современниками как поступок беспрецедентный.

Итак, продолжил ряд главнокомандующих при временщиках (с 19 июля) еще один генерал-изменник – Л. Г. Корнилов, «отли-

чившийся» тем, что в марте 1917 г. в Царском Селе арестовал Императрицу Александру Феодоровну вместе с больными Детьми, среди которых был и Наследник Русского Престола Цесаревич Алексей Николаевич¹⁴².

Кроме того – вспомним – именно он безстыдно навесил Георгиевский крест убившему штабс-капитана И. С. Лашкевича унтер-офицеру Т. И. Кирпичникову¹⁴³.

Попытка потомков ген. Корнилова оправдаться (убийцей офицера, утверждают они, был некий вольноопределяющийся, Кирпичников же к революционным событиям отношения не имел¹⁴⁴) сути дела не меняет. Даже если бы это и было так, революционный ген. Корнилов награждал именно за этот «подвиг» – убийство русского офицера.

Младший офицер в учебной команде запасного батальона Л.-Гв. Волынского полка в 1949 г. в одном из частных писем вспоминал: «...У меня сохранилось очень тягостное воспоминание. Ген. Корнилов приехал к нам в батальон; мы тогда были в большой моде и в течение не менее чем 1½ часов обсуждал с Кирпичниковым и комитетом солдат вопрос, какое отличие дать команде за ее геройское поведение: красную обойму, нашитую на рукав, или же красную же пулеметную ленту через плечо, и кому давать, только команде или же всему батальону? Это происходило в офицерском собрании, и когда ген. Корнилов приехал, то за руку поздоровался со всем комитетом. Нас же, немногочисленных офицеров, он не заметил, а мы его ждали, как опоры»¹⁴⁵.

В 1918 г. по приказу ген. А. П. Кутепова «герой свободной России» Кирпичников, как известно, был расстрелян.

Гибель ген. Корнилова под Екатеринодаром от единственного выпущенного противником снаряда¹⁴⁶, с последующим надругательством над телом¹⁴⁷, также едва ли было делом простого случая.

Корниловым завершился ряд генерал-адъютантов – клятвопреступников и изменников – на посту Верховного главнокомандующего Русской армией.

*И много Понтийских Пилатов,
И много продажных Иуд
Царя своего распинают,
Отчизну свою продают*.*

* Ген. В. А. Сухомлинов.

После известного Корниловского мятежа (истории темной и неоднозначной) Керенский решил больше уже не искушать судьбу, сам заняв 30 августа пост Верховного главнокомандующего, на котором пробыл вплоть до большевицкого переворота в октябре 1917 года.

* * *

Разумеется, в *такой* армии, под *таким* командованием гр. Ф. А. Келлер служить не мог. Да и для нацепивших красные тряпки сослуживцев его присутствие было крайне неприятно. А временщикам он и вовсе был опасен. Все это, в конце концов, и решило его судьбу.

По существовавшим в Российской Империи законам в военное время офицерам, а тем паче генералам невозможно было подавать в отставку иначе как по болезни. Но Империи уже не было, да и в Армии новой России его бы уже не потерпели.

Сразу же после прихода к власти временщики принялись за ее чистку, исходя из принципа политической благонадежности генералов.

Стоит, пожалуй, вспомнить в связи с этим слова Государя, когда Ему, уже отъезжавшему из Могилева в Царское, после отречения, доложили, что делегаты, приехавшие из Петрограда, принялись изгонять ближних Его людей из поезда: «Пускай теперь делают, что хотят»¹⁴⁸.

Непосредственно чисткой Армии занимался новый военный министр А. И. Гучков. Состоявший генерал-квартирмейстером Верховного Главнокомандующего ген. А. С. Лукомский вспоминал: «Был составлен список всех старших начальствующих лиц от командующих армиями до начальников дивизий включительно, и затем г. Гучков предложил нескольким генералам, которым он доверял, поставить против всех помещенных в списке отметки о годности и негодности. Затем, по согласию с генералом Алексеевым, было уволено со службы свыше 100 генералов* из числа занимавших высшие командные и административные должности»¹⁴⁹. Нужно ли уточнять, что генерал гр. Келлер был в этом списке первым кандидатом.

С 7 апреля 1917 г. генерал оказался в резерве чинов при штабе Киевского военного округа.

* Всего на основании подозрений в приверженности старому режиму одновременно было уволено 143 генерала. – С. Ф.

«Келлер, – по словам служившего под его началом ген. А. Г. Шкуро, – сдал корпус ген. Крымову и уехал из армии. В глубокой горести и со слезами провожали мы нашего графа. Офицеры, кавалеристы, казаки, все повесили головы, приуныли, но у всех таилась надежда, что скоро недоразумение объяснится, что мы еще увидим нашего любимого вождя и еще поработаем под славным его командованием. Но судьба решила иначе»¹⁵⁰.

НА ПЕТРОГРАД!

И все-таки III кавалерийский корпус графа Келлера вступил в Петроград. И даже в Царское Село. Правда уже без самого генерала и при особых обстоятельствах.

Как мы уже сказали, командование над корпусом после вынужденной отставки гр. Келлера было передано генерал-лейтенанту А. М. Крымову. Революционный главнокомандующий ген. Л. Г. Корнилов попытался использовать корпус в качестве ударной силы с целью устранения от власти А. Ф. Керенского.

Был наслышан об этих планах и ген. А. И. Деникин. «Есть основание, – писал он, – предполагать, что возникшая по инициативе генерала Крымова на Юго-Западном фронте офицерская организация, охватившая главным образом части 3 конного корпуса и Киевский гарнизон (полки гвардейской кавалерии, училища, технические школы и т.д.), имела первоначальной целью создания из Киева центра будущей военной борьбы. Генерал Крымов считал фронт конченным, и полное разложение армии – вопросом даже не месяцев, а недель. План его, по-видимому, заключался в том, чтобы, в случае падения фронта, идти со своим корпусом форсированными маршами к Киеву, занять этот город и, утвердившись в нем, “кликнуть клич”. Все лучшее, все, не утратившее еще чувства патриотизма, должно было отозваться, и прежде всего офицерство, которое, таким образом, могло избежать опасности быть раздавленным солдатской волной. В дальнейшем возможно было продолжение европейской войны хотя и не сплошным фронтом, но сильными отборными частями, которые и, отступая вглубь страны, отвлекали бы на себя большие силы австро-германцев. “Что касается форм верховной власти, – говорил Крымов одному из своих сотрудников, – это вопрос будущего; но лично я никакой нежности к Династии не питаю”»¹.

Начальник штаба ген. А. С. Лукомский вспоминал: «Если не ошибаюсь, 6/19 или 7/20 августа генерал-квартирмейстер, генерал Романовский, доложил мне, что генерал Корнилов просит меня отдать распоряжение о сосредоточении в районе Невель–Н. Сокольники–Великие Луки 3-го конного корпуса с туземной дивизией (кавалерийской). Эти части находились в резерве Румынского фронта*...»² На прямой вопрос о причинах этого передвижения ген. Корнилов ответил: «Конный корпус я передвигаю главным образом для того, чтобы к концу августа его подтянуть к Петрограду, и если выступление большевиков состоится, то расправиться с предателями Родины, как следует»³.

Еще 24 августа генерал-майор П. Н. Краснов, известный в качестве одного из лучших кавалерийских командиров, получил телеграмму: «Наштаверх приказал представить вас назначению коман-кор. Третьего конного. Будьте готовы по телеграмме выехать к корпусу»⁴.

«Будь это назначение в старое дореволюционное время, – писал Петр Николаевич, как мы помним, ранее служивший под началом графа – оно меня, конечно, страшно обрадовало бы. III кавалерийский корпус, бывший раньше под командою гр. Келлера, пользовался необыкновенно громкой боевой репутацией. [...] 1-я Донская дивизия, входившая в состав этого корпуса, была для меня родной дивизией. Я в ней командовал полком в мирное время в Замостьи и с нею проделал весь поход 1914 года и до конца апреля 1915 года. Все офицеры и даже казаки этой дивизии были не только моими боевыми товарищами, но, смело скажу, – были моими друзьями»⁵.

Прибывшему в Ставку в Могилев 28 августа ген. П. Н. Краснову начальник штаба ген. А. С. Лукомский «сбивчиво и неясно, видимо сильно волнуясь», объяснил, что «необходимо арестовать Временное правительство и прочно занять Петроград верными Корнилову войсками, тогда явится возможность продолжать войну и победить немцев. С этой целью Корнилов двинул на Петроград III-й конный корпус, который с приданной к нему Кавказской Туземной дивизией разворачивается в Армию, командовать которой назначен генерал Крымов. Кавказская дивизия разворачивается в Туземный корпус... [...] Я же назначен принять от Кры-

* Корпус в это время стоял в Херсонской губернии в районе города Ананьева (Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. I. Берлин, 1921. С. 104). – С. Ф.

мова III-й конный корпус, чтобы освободить его для командования армией»⁶.

26 августа/8 сентября на имя Б. Савинкова была послана телеграмма: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа. Номер 6394. Генерал Корнилов»⁷.

Казалось, было предусмотрено все: «Приказ Крымова говорил о том, что делать, когда Петроград будет занят. Какой дивизии занять какие части города, где иметь наиболее сильные караулы. Все было предусмотрено: и занятие дворцов и банков, и караулы на вокзалах железной дороги, телефонной станции, в Михайловском манеже, и окружение казарм, и обезоружение гарнизона...»⁸

В Петербурге даже распространились слухи, что это сам граф Келлер со своим корпусом выступил против мятежников⁹.

Среди причин неудачи выступления ген. Лукомский указывал на то, что «сам генерал Корнилов, за неимением времени, подготовкой операции не руководил, а исполнители, не исключая и командира корпуса, генерала Крымова, отнеслись к делу более чем легкомысленно»¹⁰. Он по существу потерял связь с частями корпуса, среди личного состава которого уже «начались колебания».

Удивлялся и генерал П. Н. Краснов: «Замышляется очень деликатная и сильная операция, требующая вдохновения и порыва. *Coup d'état**, – для которого неизбежно нужна некоторая театральность обстановки. Собирали III-й корпус под Могилевым? Выстраивали его в конном строю для Корнилова? Приезжал Корнилов к нему? Звучали победные марши над полем, было сказано какое-либо сильное увлекающее слово, – Боже сохрани – не речь, а именно *слово*, – была обещана награда? Нет, нет и нет. Ничего этого не было. [...] Корнилов задумал такое великое дело, а сам остался в Могилеве, во дворце, окруженный туркменами и ударниками, как будто и сам не верящий в успех. Крымов неизвестно где, части не в руках у своих начальников. Легенда о “всаднике на белом коне”, въезжающем победителем в город, слишком сильно въелась в народные умы, чтобы ею можно было пренебрегать, совершая *coup d'état*»¹¹.

Между тем, эшелоны с частями корпуса медленно ползли по железной дороге, приближаясь к Петрограду, часами стояли на станциях, осаждаемые, словно тифозными вшами, революционны-

* Переворот (*фр.*).

ми агитаторами. Миновали трагическую станцию Дно и не менее трагический Псков...

Вызванный при содействии предавшего в свое время Государя ген. М. В. Алексеева в Петроград, ген. Крымов, отдав приказ корпусу вперед не продвигаться, отправился по его совету к Керенскому, после разговора с которым 31 августа 1917 г. «прошел в канцелярию военного министра и застрелился. Перед смертью он написал письмо генералу Корнилову и послал его с адъютантом. Письмо было получено Корниловым, но с его содержанием он никого не познакомил»¹².

Бездарный мятеж самоликвидировался. Управление армией взял на себя Керенский. 30 августа его начальник штаба ген. М. В. Алексеев подтвердил назначение ген. П. Н. Краснова командующим III конным корпусом

4 сентября Краснов со своим штабом въехал в Царское Село. Там он встретился со своей супругой Лидией Федоровной*, жившей подле казарм. Ровно год назад она пела в присутствии Ее Величества в Собственном Ее лазарете «Свадьбу» А. С. Даргомыжского. Узнав, что она жена генерала, Государыня промолвила: «Это Наш друг, как Мы его зовем с Государем, очень хороший человек. Государь очень любит его читать и Мне читал. Пожалуйста, кланяйтесь ему от Меня».

Приходил Петр Николаевич наверняка и к Александровскому Дворцу, опустевшему всего месяц назад, не доверив этого впоследствии и бумаге...

«Керенский, – считал генерал, – правильно учел значение присутствия III-го конного корпуса под Петроградом. Совет солдатских и рабочих депутатов присмирел. Царскосельский гарнизон, когда кругом стали донцы, изменился до смешного. Солдаты начали чисто одеваться и отдавать честь офицерам. Все это сделало только то, что появились нерасхлюстанные части, что у ворот дворца Великой Княгини Марии Павловны стоял чисто одетый часовой, который не лущил семечек, казаки праздно не шатались по городу, а те, кто появлялся на улицах, были чисто одеты и отдавали щеголевато честь офицерам. Одна внешность уже влияла оздоров-

* *Лидия Федоровна Краснова*, урожденная Грюнейзен (?–22.6.1949) – дочь действительного статского советника, супруга (с 1896 г.) генерала П. Н. Краснова. В первом браке за художником Бакмансоном. Талантливая камерная певица. Скончалась в Мюнхене.

ляющим образом, надо было поддержать ее и воспитать снова офицеров и казаков»¹³.

7-го сентября ген. П. Н. Краснов утром был в Пулкове, где были расквартированы 9-й и 10-й Донские казачьи полки корпуса (командуя последним, он выступил на фронт в 1914-м): «Дорогие мне лица окружали меня. Я видел пламенные, восторженные взгляды моих соратников под Белжецем, Комаровым, Незвиской, Залещиками и многих, многих делах. Я чувствовал, что среди них я свой. [...] Я тронулся к выходу. Толпа меня провожала. Старый бригадный командир, полковник Толоконников, с красным лицом, длинными седыми усами и седою бородою, со слезами на выцветших бледно-серых глазах поднял руку и остановил поток голосов. [...] ..Он в наступившей тишине произнес верным голосом первое слово Донского гимна-песни. И все офицеры и казаки, не сговариваясь, дружно грянули:

*Всколыхнулся, взволновался
Православный Тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв Монарха он *...*

Все сняли фуражки»¹⁴.

Так III конный корпус прощался со своим славным прошлым...

Далее ему, как и всей прежней России, предстоял уход в забвение. После большевицкого переворота в октябре 1917 г. сильно поредевшие части корпуса под командованием ген. П. Н. Краснова брали Гатчину, Царское Село, сражались с большевиками под Пулковым... Потом перемирие.

9 ноября генерал П. Н. Краснов приехал в Великие Луки. Здесь, вспоминал он, «стояли эшелоны 10-го Донского казачьего полка, *моего полка*. Казаки этого полка были мною воспитаны, они со мною вместе были в боях, мы жили тесною дружескою жизнью. Кому-то из моих адъютантов пришло в голову, что самое безопасное будет, если я поеду с ними на Дон, и он пошел в полк переговорить об этом. Казаки отказались взять меня, потому что это было для них *опасно*. Не то огорчило меня, что они не взяли меня. Я бы

* Далее в этом старом Донском гимне, сложенном в 1855 г., говорится о сборах в поход на Царьград. После февральского клятвопреступного бунта 1917 г. слова его переписали, заменив «Царя» «свободой». До сих пор этот Гимн исполняют с извращенными революцией словами. – С. Ф.

все равно не поехал, потому что долг мой перед корпусом не был выполнен, мне надо было его собрать и отправить к Каледину, а огорчил мотив отказа – *трусость*. Яд большевизма вошел в сердца людей моего полка, который я считал лучшим, наиболее мне верным, чего же я мог ожидать от остальных? [...] Одна мысль, одна мечта была у них – *домой!* Эти люди были безнадежно потеряны для какой бы то ни было борьбы, на каком бы то ни было фронте»¹⁵.

В ноябре–декабре 1917-го остатки еще недавно грозных конных полков побежали по домам.

Третьего конного не стало...

«НАШ ХРАБРЫЙ КЕЛЛЕР»

Прежде чем рассказать о взаимоотношениях графа Ф. А. Келлера с Царской Семьей, попытаемся установить, когда произошло само личное их знакомство.

В связи с этим особого разговора заслуживают иностранные награды графа, которые ему было Высочайше разрешено принять и носить. 31 января 1885 г. Шефом Клястицкого полка* Его Королевским Высочеством Великим герцогом Гессенским Людвигом IV (1837–1892) Федору Артуровичу был пожалован кавалерский крест 2-го класса Гессенского ордена Филиппа Великодушного; а 23 мая 1892 г. Великий герцог Гессенский Эрнст-Людвиг (1868–1937)** пожаловал ему Кавалерский крест 1-го класса этого же ордена¹.

Последнее награждение, по случаю кончины Шефа полка, Великого герцога Гессенского Людвига IV, произвел сын усопшего. Известно, что ротмистр гр. Ф. А. Келлер «был командирован в Дармштадт для присутствия на погребении». Находился он там с 1 по 10 марта 1892 г.²

Напомним события того времени, сыгравшие в истории Российской Империи первостепенную роль: 3 июня 1884 г. в Санкт-Петербурге состоялась свадьба дочери Великого герцога Гессенского Людвига IV Эллы с Августейшим братом Императора Александра III, Великим Князем Сергеем Александровичем. Именно во время нее

* С 30 августа 1856 г

** Великий герцог Эрнст-Людвиг был назначен Шефом Клястицкого полка 6 марта 1892 г

произошла первая встреча 16-летнего Наследника Цесаревича Николая Александровича и 12-летней дочери Великого герцога Гессенского принцессы Аликс – будущих Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны. 13 марта 1892 г. скончался отец будущей Императрицы Всероссийской, Великий герцог Гессенский Людвиг IV; Великим герцогом стал Ее брат Эрнст-Людвиг.

Отца принцессы Аликс просто обожала: «Для Меня никогда не было большего ангела, такого хорошего, такого любезного, доброго, любимого. Он был всем для Меня...»³

«Она была хорошей подружкой для отца, – писал брат Принцессы, Эрнст-Людвиг, – и делала все возможное, чтобы скрасить его жизнь. Мы всегда были вместе, и позднее, если не считать Ее Собственной Семьи, я оставался для Нее любимейшим, что было у Нее на этой земле»⁴.

От отца и брата будущей Русской Государыни граф Ф. А. Келлер и принял гессенские ордена.

В Дармштадте же в начале марта 1892 г. гр. Ф. А. Келлер впервые увидел 19-летнюю принцессу Аликс, будущую Императрицу Всероссийскую.

Следующая встреча с уже коронованной Русской Царицей Александрой Феодоровной произошла у него в Ливадии через десять лет, в конце сентября 1902 г., когда граф Федор Артурович командовал Крымским дивизионом, охранявшим имение Его Императорского Величества. Возможно, именно тогда состоялось и первое его представление Государю.

Следующим этапом было назначение 16 февраля 1905 г. по Высочайшей воле гр. Ф. А. Келлера командиром Александрийского полка – любимейшего полка Государыни, Шефом которого Она стала ровно через пять месяцев после этого назначения.

Наконец командование гр. Ф. А. Келлером Л.-Гв. Драгунским полком (6.11.1906–16.5.1910) еще более приблизило его к Царю и Царице. Общение генерала с Государем происходило как на маневрах, так и во внеслужебной обстановке. В марте 1907 г. Федор Артурович был назначен флигель-адъютантом, а в июле – «за отличие по службе» – произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту Его Величества.

В конце августа 1912 г., в дни 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года, граф Ф. А. Келлер, в то время командир 10-й кавалерийской дивизии, сопровождал Августейшую Четву во время пребывания Ее в Смоленске. Чем-то эта поездка так запом-

нилась Государыне, что Она и два года спустя вспоминала о ней в письме Супругу, написанному уже в годы войны (21.11.1914. Из Ц. С.): «Как хорошо, что Мы два года тому назад были в Смоленске (с Келлером), а потому Я могу Себе представить, где Ты был».

Опубликованная переписка Царственных Мучеников военной поры помогает понять то место, которое занимал граф Ф. А. Келлер в Их жизни. В этом смысле эти письма являются для нас поистине драгоценнейшими свидетельствами.

Военные историки и современники, рассуждая о том, что заставило ген. Ф. А. Келлера действовать именно так в известном сражении под Ярославцами, приходили к разным выводам. Мы не будем сейчас повторять их. Но были, оказывается, и иные мотивы. О них можно догадаться из переписки Царственных Мучеников:

(Император – Государыне, 23.9.1914. Из Ставки): «Среди награды, которые Я утвердил, ген. Иванов представил Келлера к ордену св. Георгия. Я так рад за него».

(Государыня – Императору, 24.9.1914. Из Ц. С.): «Какая радость для Келлера – он действительно заслужил свой крест, сейчас он отплатил Нам за все, это было его пламенным желанием все эти годы».

(Государыня – Императору, 22.10.1914. Из Ц. С.): «Прилагаю к этому письму телеграмму, посланную Келлером через Иванова Фредериксу для Меня. Вероятно, это ответ на Мою поздравительную телеграмму по случаю получения им Георгиевского креста».

Связь с верным Им генералом не прекращалась и далее.

(Государыня – Императору, 16.12.1914. Из Ц. С.): «Пересылаю Тебе письмо от Келлера. Тебе будет интересно узнать, что он пишет, – к счастью, он, по-видимому, не серьезно ранен».

Целый ряд писем Государыни с упоминанием имени гр. Ф. А. Келлера так или иначе одновременно связан с ген. А. А. Бруссиловым.

(Государыня – Императору, 23.8.1915. Из Ц. С.): «Еще одно слово “en passant”. Муж Али* вернулся и каждый раз высказывает-

* Речь идет о супруге Александры Александровны Пистолькорс (8.11.1885–1968), урожд Танеевой (сестры А. А. Вырубовой) – *Александре Эрковиче фон Пистолькорсе* (1887–после 1931) – сыне княгини О. В. Палей (морганатической супруги Вел. Кн. Павла Александровича) от первого брака; офицере (с 1905) Лейб-Гвардии Конного полка; камер-юнкере Высочайшего Двора (1908). В эмиграции во Франции. – С. Ф.

ся против *Брусилова*, Келлер тоже, – Ты собрал бы мнения и других о нем».

По словам историка С. П. Мельгунова, судя по высказываниям Императрицы о ген. А. А. Брусилове в переписке, у Государыни было к нему «некоторое недоверие и сомнение»⁵.

Оно бы еще более усилилось, знай Она, что произошло с серебряным образком святителя Николая, которым Она благословила Алексея Алексеевича весной 1916 г. во время оказавшейся последней аудиенции, данной ему в Одессе, куда Государь приехал с Семей для производства смотра сформированной из пленных славян Сербской дивизии.

«Странная вещь произошла с образком св. Николая, – писал сам ген. А. А. Брусилов, – который Она мне дала при этом последнем нашем свидании. Эмалевое изображение лика святого немедленно стерлось – и так основательно, что осталась одна серебряная пластинка»⁶.

Этот случай, несомненно, выражал духовное неблагополучие генерала.

«Я человек верующий»⁷, – заявлял ген. Брусилов в одном из своих частных писем. В воспоминаниях он еще более определенно подчеркивал свои «чисто русские, православные убеждения и верования»⁸.

Однако все эти утверждения, как и многие другие, весьма далеки от истины. Еще будучи в Тифлисе (сразу же после русско-турецкой войны) Алексей Алексеевич, по его собственным словам, «заинтересовался медиумизмом». Конкретные опыты в составившемся там «кружке» «еще более привлекли к спиритическим опытам». «Эти поразительные факты, – писал он уже на склоне лет, – мне сильно засели в голову, и я с тех пор стал стремиться читать как можно более книг по этим отвлеченным вопросам. Но достать их в то время в глуши Кавказских гор в военной среде было весьма затруднительно»⁹.

Любопытно, что интерес к этой дьявольщине в Тифлис занесла породившаяся впоследствии с А. А. Брусиловым известная оккультистка Е. П. Блаватская. По словам современника и очевидца событий, «она почти свела с ума часть тифлиского общества различными спиритическими сеансами, которые она проделывала... [...] Я помню, как к нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлисское общество, которое занималось верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами»¹⁰.

Перевод в 1883 г. в Петербург в Офицерскую кавалерийскую школу не прервал оккультных занятий А. А. Брусилова. «...В Петербурге и за границей, – пишет он далее, – я начитался вдоволь всевозможных журналов и книг по этим вопросам»¹¹.

Наряду с чтением лекций офицерам его, как он писал, «интересовали и оккультные науки, которыми я усердно занимался вместе с писателем Всеволодом Соловьевым, С. А. Безсоновым, М. Н. Гедеоновым и другими. [...] Между прочим, я видел знаменитого медиума Энглингтона – англичанина, приезжавшего на время в Петербург. В наших сеансах участвовала баронесса Мейендорф с дочерью, лейб-гусар князь Гагарин, флигель-адъютант полковник князь Мингрельский, князь Барклай-де-Толли и многие лица, которых я теперь не помню. Сеансы устраивали иногда у меня, иногда у Мейендорф. У нас являлся довольно часто некий Абдула, именовавшийся индийским принцем, затем являлась некая женщина якобы с дочкой, и разные другие лица. Энглингтон был очень сильный медиум, и при нем происходили поистине необычайные феномены. Летали под потолок тяжелейшие вещи, из другой комнаты при плотно закрытых дверях прилетали тяжелые книги и т.п.

Подтасовки тут не могло быть никакой, и я, впервые видя это, был буквально поражен. Несколько позднее явился на петербургском горизонте с юга некий медиум Самбор, у которого также мне пришлось наблюдать поразительные явления. Я их изучал и много наблюдал за ними. Еще видел я госпожу Фай (англичанка miss Fay), поразительно сильную своим медиумизмом. Один только Ян Гузик был у меня под сомнением со своими материализованными зверями: хотя окончательно уличить его мне и не удалось, но верить трудно было»¹².

Особого разговора в связи с занятиями А. А. Брусилова оккультизмом заслуживают родственники второй его супруги.

Первая жена (с 1884) по происхождению у него была, как мы уже писали, немка: Анна Николаевна, урожденная Гагенмейстер (?–1908). Она приходилась племянницей названному дяде генерала. Брак этот, по словам А. А. Брусилова, был устроен «ввиду общих семейных интересов»¹³.

Второй его супругой стала Надежда Владимировна, урожденная Желиховская (1864–1938), судя по письмам генерала, давняя его знакомая (еще при жизни первой его супруги). Венчание 57-летнего генерала с 45-летней Н. В. Желиховской состоялось 10 ноября 1910 г. в Ковеле в церкви драгунского полка.

Надежда Владимировна* была дочерью попечителя Кавказского учебного округа Владимира Ивановича Желиховского (ум. 1880) и Веры Пет-

* Старшая ее сестра, Вера, была замужем за публицистом Ч. Джонстом и жила в США. Младшая Елена, будучи незамужней, жила вместе с Надеждой Владимировной, став впоследствии членом семьи Брусиловых. «Обе эти дочери, – писал гр. С. Ю. Витте, – таковы, что мои сестры, жившие в Одессе, никогда не хотели их принимать. И теперь моя сестра, крайне болезненная, которая и ныне живет в Одессе, также не принимает этих Желиховских, считая их позорными субъектами» (Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 28).

ровны (1835–1896), урожденной Ган, по первому мужу Яхонтовой*, популярной детской писательницы. Ее сестра Елена Петровна, в замужестве Блаватская (1831–1891), была основоположницей теософии. Отцом их был полковник конной артиллерии Петр Александрович Ган. Мать – Елена Андреевна Ган (1814–1843), также писательница, была дочерью Андрея Михайловича Фадеева (1789–1867), Саратовского губернатора (1841–1846), члена Совета Главного управления Закавказского края (с 1846 г.) и Елены Петровны, урожденной княжны Долгоруковой. Кроме Елены у супругов Фадеевых была дочь Екатерина (1819–1898), в 1844 г. вышедшая замуж за Юлиа Федоровича Витте (1814–1868), начальника Хозяйственного отдела Канцелярии Кавказского наместника (1847–1857), а затем директора Департамента государственных имуществ на Кавказе, отца будущего известного государственного деятеля Империи гр. С. Ю. Витте.

Таким образом, супруга Брусилова, Желиховская, приходилась племянницей небезызвестной масонке и теософу Блаватской и двоюродной племянницей премьер-министру Российской Империи графу С. Ю. Витте.

«...Изучая оккультизм и читая книги теософические и книги других авторов по этим отвлеченным вопросам, – признавался Алексей Алексеевич, – я убедился, насколько русское общество было скверно осведомлено, насколько оно не имело в то время никакого понятия о силе ума и образования, высоких дарований и таланта своей соотечественницы Е. П. Блаватской, которую в Европе и Америке давно оценили. [...] Стоит почитать ее сочинения, подумать о том пути духовном, который она открывала людям, о тех оккультных истинах, с которыми она нас знакомила и благодаря которым жизнь человеческая становится намного легче и светлее»¹⁴.

Сочинения Блаватской, считал генерал, «представляют собой если не чудо, то весьма трудно объяснимый факт. [...] ...Откуда она набралась бездны премудрости...»¹⁵

Для нас же, признаемся, трудно объяснимым фактом являются восторги самого Брусилова, слышавшего (и даже приводившего в своей книге!) слова его товарища, спирита В. С. Соловьева: «В меня вселяется иногда нечисть какая-то, меня отчитывать следует»¹⁶. Про Блаватскую он так же «всегда говорил, что в ней – бес, что темная сила ею овладела»¹⁷.

* Сын ее от первого брака с псковским помещиком Н. Н. Яхонтовым, *Ростислав Николаевич Яхонтов* (1858–1924) – окончил Елисаветградское кавалерийское училище и Офицерскую кавалерийскую школу. Служил в Тверском драгунском полку. Был однополчанином ген. А. А. Брусилова по русско-турецкой войне 1877–1878 гг.; участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг. Во время Великой войны адъютант командующего 8-й армией (с авг. 1914); штаб-офицер для поручений при главнокомандующем армиями Юго-Западного фронта (с мая 1916). Адъютант (с июня 1917), затем генерал для поручений при Верховном главнокомандующем. В авг. 1917 г. вышел в отставку. В 1920 г. служил в Главкоже.

То же говорил про свою двоюродную сестру и гр. С. Ю. Витте. По его словам, она «могла, смотря в глаза, говорить и рассказывать самые небывалые вещи, выражаясь иначе – неправду, и с таким убеждением, с каким говорят только те лица, которые никогда, кроме правды ничего не говорят. [...] Поэтому я не могу не сказать, что в ней было что-то демоническое, что было в ней, сказать попросту, что-то чертовское... [...] Она обладала такими громаднейшими голубыми глазами, каких я после никогда в моей жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небывлицу, неправду, то эти глаза все время страшно искрились, и меня поэтому не удивляет, что она имела громадное влияние на многих людей, склонных к грубому мистицизму. »¹⁸

На приведенные слова генерал реагировал весьма своеобразно: «С. Ю. Витте очень умный, государственного ума человек, но в оккультных науках – полный невежда. Смешно читать чепуху, которую он написал о Блаватской»¹⁹.

Вернемся, однако, к предупреждениям гр. Ф. А. Келлера. Касались они положения дел в Ставке перед принятием Государя на Себя обязанностей Верховного Главнокомандующего. Перемены эти он, безусловно, одобрял.

(Государыня – Императору, 28.8.1915. Из Ц. С.): «Прилагаю при сем письмо от гр. Келлера. Может быть, Тебе будет интересно его прочесть, так как оно обнаруживает его простой и здравый взгляд на вещи, как почти у всех, кто не находится в СПб. или в Москве. Он тогда еще не знал о перемене в Ставке. Сегодня он возвращается на фронт. Боюсь, что слишком рано, но, конечно, его присутствие там необходимо».

Через два дня стремительный гр. Келлер был уже в Могилеве. *Из дневника Государя (30.8.1915. Воскресенье):* «Приехал Горемыкин, также гр. Келлер из Харькова».

(Император – Государыне, 31.8.1915. Из Ставки): «Я очень рад был повидать славного Келлера, который явился неожиданно и в тот же вечер уехал к своему кавалерийскому корпусу. К сожалению, Я не мог дольше побеседовать с ним, так как в то же утро прибыл старик *Горем[ыкин]* – день был воскресный – Я принимал старика после завтрака, – но, по крайней мере, разговаривал с К[еллером] через стол, и все слушал интересные вещи, которые он рассказывал. Он просил передать Тебе свое глубочайшее уважение и признательность. Я рад, что и *Алексеев* о нем высокого мнения».

Будучи верноподданным, Федор Артурович не мог не тревожиться по поводу обстановки в стране и на фронте.

(*Государыня – Императору, 2.11.1915. Из Ц. С.*): «Она [А. А. Вырубова] Мне дала письмо от Келлера Тебе на прочтение, – когда будет свободная минута...»

Безусловно, именно безграничная верность гр. Келлера Государю лежала в основе неприятия им своего ближайшего начальника ген. А. А. Брусилова.

(*Государыня – Императору, 12.3.1916. Из Ц. С.*): «Не понимаю, почему *Келлер* и *Брусилов* всегда друг друга ненавидели; *Брусилов* упорно несправедлив к Келлеру, а тот в свою очередь ругает его (в частных разговорах)».

Что бы ни писал ген. А. А. Брусилов впоследствии, в предшествующее перевороту время он придавал своей репутации в глазах Царской Семьи, Великих Князей и придворных чрезвычайное значение. Преданность эта внешне им даже весьма искусно подчеркивалась.

Вот как запомнились очевидцам некоторые эпизоды посещения Государем только что завоеванной Галиции. Описываемое имело место 10 апреля 1915 года.

«На станции Самбор Государь был встречен командующим армией генералом Брусиловым. Приняв рапорт Брусилова, Государь обнял его и поцеловал, Брусилов поцеловал руку Государя»²⁰.

«Затем в помещении штаба армии, – отмечал ген. В. Ф. Джунковский, – состоялся завтрак, за которым, кроме сопровождавших Государя лиц и членов штаба армии Брусилова, присутствовало и много офицеров. Государь поздравил Брусилова Своим генерал-адъютантом и лично передал ему погоны и аксельбанты»²¹.

«Герой Галиции, самый популярный в то время в России генерал», по словам ген. А. И. Спиридовича, «со слезами на глазах вновь поцеловал руку Императора и попросил разрешения переодеться в соседней комнате. Через минуту он вышел оттуда одетым уже по форме генерал-адъютанта. Посыпались поздравления»²².

«Государь был очень в духе», – писал другой очевидец. В конце обеда Он поздравил ген. Брусилова генерал-адъютантом. «Последний был на вершине блаженства и поцеловал Ему руку в избытке счастья. Когда вспоминаешь потом, что этот же человек через 2 года спустя срывал с себя эти же аксельбанты, навешивал на себя красные банты, проклинал Царизм и уверял всех, что он всегда был революционером, думаешь, как ничтожен иногда человек, и делается его жалко. Немного было нужно, чтобы сразу раз-

венчать Брусилова и из легендарного героя обратить его в ничтожество»²³.

Впоследствии у генерала А. А. Брусилова хватило «совести» утверждать, что «из Высочайших уст было сказано, что я жалуюсь в звание генерал-адъютанта не за боевые действия, а за Высочайшее посещение и обед в штабе вверенной мне армии»²⁴. «...Между тем, как, – замечал ген. В. Н. Воейков, – Его Величество выразил ему Свою благодарность за успешные действия его армии». И далее: Брусилов «на вид был страшно взволнован благорасположением к нему Государя Императора, излил свои верноподданнические чувства, целовал руку Царя, причем не забыл и Великого Князя, которому тоже поцеловал руку»²⁵. (Кстати говоря, на фоне всех здесь приводимых свидетельств очевидцев поездки Государя в Червонную Русь видна полная несостоятельность, лживость и даже, можно сказать, ничтожность т.н. мемуаров Брусилова²⁶.)

Чувствовал ли он действительную благодарность, не беремся судить. Во всяком случае, его фронда была замечена ближайшими сослуживцами генерала еще в предвоенные годы.

Так, по воспоминаниям его адъютанта, за завтраком или за обедом Брусилов любил поговорить не только о театре или литературе, но и «немножко о политике»²⁷, о чем, вообще говоря, ни офицерам, а уж тем более генералам с офицерами, говорить в Русской Армии было не принято.

Уже после объявления войны, накануне выхода на фронт, Брусилов в личных разговорах «резко критиковал некоторых своих бывших начальников». «Я горячо люблю свою Родину, – говорил он, – нашу великую Россию. Я люблю нашего простолюдина, нашего солдата. Глубоко верю в него и убежден, что с ним можно творить чудеса. Нужно только, чтобы у него были умные, храбрые и честные начальники». По Брусилову выходило, что реально существовавшие начальники были дураками, трусами, нечестными... Эта критика была до того смелой, что адъютант генерала, правда «в очень осторожной форме, предложил ему вопрос о том, какого он мнения о некоторых самых “высоких мира сего”», т.е., по всей вероятности, о Царе. Брусилов понял, что несколько зарвался (война ведь еще только начиналась). Он «нахмурился и сказал несколько суше обычного: “Знаете, Евгений Николаевич, ваш вопрос относится к таким, какие вам не следует предлагать, а мне неудобно отвечать”»²⁸.

Позднее это умолчание раскрылось вполне...

Известная исследовательница русского масонства Н. Н. Берберова приводит цитату из мемуаров Вел. Кн. Александра Михайловича в следующем виде: «Ген. Алексеев связал себя с заговорами (вместе с ген. Рузским и Брусиловым), с врагами существующего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора (кн. Львов), Красного Креста (Гучков), Военно-промышленного комитета (Коновалов) и др. Все генералы хотели, чтобы Николай II немедленно отрекся от Престола. Это были генералы-изменники»²⁹. Она цитирует воспоминания Великого Князя по одному из зарубежных изданий. В современном русском воспроизведении мемуаров фамилии заговорщиков-масонов и генералов-изменников, да и вообще сам этот последний термин отсутствуют³⁰.

А вот известная телеграмма Брусилова, рекомендующая устранение Государя от власти:

«Прошу передать Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому Престолу, что в данную минуту единственный исход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, отказаться от Престола в пользу Государя Наследника при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Другого выхода нет. Необходимо спешить, дабы разыгравшийся и принявший большие размеры пожар был скорее потушен, иначе повлечет за собой неисчислимые катастрофические последствия. Этим актом будет спасена и сама Династия в лице Законного Наследника. Генер.-адъютант Брусилов»³¹.

* * *

В конце марта 1916 г., перед началом наступления, Государь выезжает в Действующую армию, посещает Каменец-Подольск, Хотин, Проскуров. Императрица наказывает:

(Государыня – Императору, 26.3.1916. Из Ц. С.): «Пожалуйста, передай от Меня привет графу Келлеру, спроси о его сыне (от второго брака), – он одно время был с ним*, Я знаю».

Из дневника Императора (29.3.1916. Вторник): «В 8 ч. обедало высшее строевое начальство: Брусилов, гр. Келлер, гр. Баранцов и ген. Крылов и др.»

(Император – Государыне, 31.3.1916. Из Ставки): «В Каменец-Подольске генералы обедали со Мной в поезде. Я много беседовал с Келлером и передал ему Твой привет. Он нисколько не изменился».

* Граф Борис Федорович Келлер служил офицером в Оренбургском казачьем полку в конном корпусе отца. – С. Ф.

А когда под Луцком началось наступление, Государь, несмотря на большую занятость, продолжал следить за действиями гр. Ф. А. Келлера.

(*Император – Государыне, 31.5.1916. Из Ставки*): «Надеюсь, что Келлер отличится чем-нибудь со своей кавалерией, может быть, ему удастся занять *Черновцы*. Тогда казаки и наша 1 Кубанская двинутся к этому городу».

И Федор Артурович вместе со своим славным III конным корпусом не обманул Их надежд.

(*Император – Государыне, 12.6.1916. Из Ставки*): «Наш храбрый Келлер вытеснил австрийцев из Буковины и взял в плен 60 офицеров и более 2000 солдат. – *Лечицкий* не может его остановить. *Келлер* только что телеграфировал *Габбе**, что он с сожалением отпускает 1-ю *Куб[анскую] сотню* – она теперь будет заменена 4-й *Терской*. Прошу Тебя узнай, когда их отправляют, и простиись с ними!»

(*Государыня – Императору, 13.6.1916. Из Ц. С.*): «Слава Богу, что такие хорошие вести и что Келлер так отличился».

(*Государыня – Императору, 17.6.1916. Из Ц. С.*): «Мой Любимый! [...] От всей души поздравляю Тебя с новой победой – свыше 10 000 пленных! Сегодня утром Я получила телеграмму от Келлера из *Кимполунга*. “Данную задачу исполнил, очистил южную Буковину от противника. Сегодня ранен в другую ногу пулей, кость не перебила, но расщеплена. С Божьей помощью надеюсь скоро вернуться в строй для дальнейшей службы Вашему Величеству”. Анин брат** много рассказывал ей о нем; солдаты его боготворят, – когда он навещает раненых, то всякий старается приподняться, чтобы лучше его видеть. Когда он выезжает на коне, то за ним следует огромный *стяг Нерукотвор[енного] Спаса* и 40 казаков, у каждого из них 4 Георгиевских креста, иначе он не выезжает, – говорят, что это имеет импозантный и волнующий вид. Как Я рада за него! Он постоянно жаждал иметь высокое счастье доказать Тебе свою горячую любовь, преданность и благодарность. Он так мило сказал Сержу *Тан[ееву]*, что он (Келлер) и Аня одинаково Нам служат, каждый на своем мес-

* *Генерал-майор гр. Александр Николаевич Габбе* (12.12.1864–после 1940), командир Собственного Его Императорского Величества конвоя. – С. Ф.

** *Сергей Александрович Танеев* (19.2.1887–1.2.1975) – церемонимейстер Высочайшего Двора. Был причислен к Министерству внутренних дел. Женат на княжне Тинатине Ил. Джорджадзе. Скончался в Нью-Йорке. – С. Ф.

те, и вот почему он ее так любит. Поэтому Я сказала А[не], чтоб она попросила Нашего Друга за него помолиться, Я сказала ей вчера вечером, чтоб она передала Ему это сегодня. (Он уезжает в *Тобольск*, а оттуда к себе на родину), а сегодня утром Я получила телеграмму, что он ранен, – но, слава Богу, кажется, несерьезно».

(*Император – Государыне, 17.6.1916. Из Ставки*): «Вот опять бедный Келлер ранен – Я узнал об этом сегодня утром, прежде чем получить Твою телеграмму. Я очень надеюсь, что это не затянется надолго. Храбрый человек, он уже в третий раз за время войны заплатился своим здоровьем!»

Эта остающаяся до сих прикровенной глубокая духовная связь истинно любивших Царственных Мучеников внешне столь разных людей (генерала Ф. А. Келлера, А. А. Вырубовой и Г. Е. Распутина) – по глубинной сути своей весьма символична.

(*Государыня – Императору, 18.6.1916. Из Ц. С.*): «Гр[игорий] говорит, что Келлер скоро поправится».

(*Государыня – Императору, 23.6.1916. Из Ц. С.*): «*Серезжа Танеев* много рассказывал о войне, а также о Келлере».

Федор Артурович обращался с просьбами к Высочайшим Особам. Но с какими? Вынужденный из-за ранения оставить на некоторое время свой корпус, гр. Келлер не хотел, чтобы его передали в другие руки.

(*Государыня – Императору, 25.6.1916. Из Ц. С.*): «Прилагаю к этому письму телеграмму графа Келлера, полученную Мною вчера. Слава Богу, что вести хорошие и что Ты доволен. Все те, кто здесь лежит, жаждут вернуться обратно».

(*Император – Государыне, 27.6.1916. Из Ставки*): «Я отправил Тебе обратно телеграмму Келлера; Я велел *Алексееву* сообщить ему, что его корпус останется за ним до его возвращения!»

* * *

Но вот времена резко изменились. Февральский переворот поставил все в России с ног на голову.

«Все забыли и Родину, и правду, – писала Государыня из *Тобольска* матери знакомого раненого офицера. – Живут ложью, только о собственных выгодах и думают. Неимоверно тяжело видеть гибель народа, дорогой страны, но Христос не оставит Своих, не даст погибнуть всем невинным. Соблазн и разруха всего, тьма покрывает все, стыд и срам, до чего в это короткое время дошли, разве совесть у них все еще спит? А когда последняя их минута при-

дет, когда перед вечным судом будут стоять... Хочется им кричать: “Проснитесь, душа погибает”. Земное короткое существование проходит, а что там их ждет? Милосердный Господь, сжался над несчастной Родиной, не дай ей погибнуть под гнетом “свободы”. Простите, что так пишу, но вырвалось, крик души. Слишком сильно Я свою Родину люблю, нелегко видеть, как с удовольствием все разрушают, мучают – позор. Довольно этого!»

«Кругом измена и трусость и обман!», – записал 2 марта 1917 г. в дневнике Государь обращенные к каждому из нас слова.

*Пройдут века; но подлости народной
С страниц Истории не вычеркнут года:
Отказ Царя, прямой и благородный,
Пощечиной вам будет навсегда!*

– так писал «Царский Гуслер» С. С. Бехтеев, обращавшийся одновременно и к «Немногим»³²:

*Блажен, кто в дни борьбы мятежной,
В дни общей мерзости людской,
Остался с чистой, белоснежной,
Неопороченной душой.*

Именно среди этих последних, *немногих*, и оказался граф Федор Артурович Келлер.

В телеграмме министру-председателю Керенскому он писал:

**[Из Харькова;
принята в Петрограде
8.8.1917 г.]
Петроград.**

Министру-Председателю Керенскому

В виду того, что моя служба Отечеству в армии очевидно более не нужна, ходатайствую перед Временным правительством о разрешении мне *последовать за Государем* Императором Николаем Александровичем в *Сибирь* и о разрешении мне состоять при Особе Его Величества, оставаясь по Вашему усмотрению в резерве чинов или будучи уволен с причитающейся мне пенсией в отставку. Согласие Их Величеств иметь меня при Себе сочту для себя за особую милость, о которой в виду невозможности для меня лично о ней ходатайствовать очень прошу Вас за-

просить Государя Императора и в случае Его на это согласия не отказать в приказании спешно выслать мне в Харьков пропуск на беспрепятственный проезд и проживание в месте местопребывания Их Величеств.

*Генерал от кавалерии
граф КЕЛЛЕР*³³

Знали ли Царственные Мученики об этом благородном акте Их генерала, неизвестно. Но Государыня, даже будучи в узах, всегда помнила о нем. Нет, Она никогда не забывала Своих друзей, за их преданность платя Своей Высочайшей верностью.

Из Тобольска Она пишет Своей ближайшей подруге Ю. А. Ден, владевшей в Александрийском уезде Херсонской губернии именем Ревовка (29.11.1917): «Как граф Келлер (Ф. А.)? Видели ли Вы его в Харькове?»

Более того, Келлером Государыня поверяет людей, проявлявших готовность помогать Царственным Узникам: а как *он* относится к ним.

(Государыня – А. А. Вырубовой, 23.1.1918. Из Тобольска): «Скажи, Х.* принадлежит ли к друзьям Лили (Ю. А. Ден) или Келлера (гр. Ф. А.)? Нет ли у него имения на юге около Киева?»

О своей встрече с гр. Ф. А. Келлером в Харькове в феврале 1918 г. Их Величествам сообщил корнет Крымского Конного полка С. В. Марков** -Маленький³⁴.

И вот последнее свидетельство, полное любви и заботы к человеку, также любившему Их, пережившему Их всего на полгода:

(Государыня – Ю. А. Ден, 2/15.3.1918. Из Тобольска): «Если Вы увидите милого графа Келлера снова, передайте ему, что его бывший Шеф шлет ему сердечный привет (Он [Государь] тоже), и еще

* По всей вероятности, речь идет о Владимире Николаевиче Штейне (1881†?), бывшем Могилевском вице-губернаторе, привозившем в Тобольск деньги для Царственных Мучеников, собранные монархистами. – С. Ф.

** Сергей Владимирович Марков (1898–1944) – пасынок Ялтинского градоначальника генерал-майора Свиты Его Величества И. А. Думбадзе (1851–1916). Корнет Крымского Ее Величества Императрицы Александры Феодоровны Конного полка. Принимал участие в попытках спасения Царственных Узников.

скажите, что Она всегда за него молится. Мне очень хочется знать, получил ли он какие-нибудь известия о своем старшем сыне»³⁵.

Речь идет о капитане I ранга* гр. Павле Федоровиче Келлере. В крымском дневнике вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны о нем имеется запись (11.10.1918): «После завтрака встрети-лась с молодым графом Келлером и его супругой, урожденной графиней Ребиндер. Он приехал из Константинополя, где продал партию соли, а в конце концов – и свое судно. Очень интересно рассказывал о своем пребывании там»³⁶.

БРЕМЯ «РАДЫ»

Отправленный заговорщиками в отставку, генерал Федор Артурович Келлер выехал из Бессарабии в Харьков. Там был оставленный в августе 1914-го его дом. Там ждала его супруга.

Однако возвращался он не вполне свободным.

«С первых дней революции, – поведал он позднее хорошо знакомому офицеру, – я никогда не снимал своих погон и значка Александровского полка, несмотря на то, что был арестован большевиками. Меня с фронта везли под конвоем в Харьков. На одной из станций пришлось долго ждать, и я потребовал для себя открыть отдельную комнату 1-го класса на вокзале по праву корпусного командира. Моя внушительная просьба была немедленно исполнена.

Продолжал я путешествовать в купе 1-го класса. Со мной вместе находился часовой, который показался мне симпатичным и мало наблюдал за мною. Я ему предложил стакан вина, на что он с охотой согласился. Я вздремнул и когда проснулся, то часового около меня не было.

Поезд подошел к Харькову: я немного подождал, но, видя, что все из поезда вышли, я тоже вышел на перрон. Ни часового, ни караула не было. Я один отправился домой на свою квартиру.

...На первый день Пасхи меня предупредил мой денщик, что ко мне во двор пришел большевицкий эскадрон, чтобы арестовать меня. Я надел полушубок, папаху и вышел. Вахмистр эскадрона командовал “смирно” и я, видя такой поворот дела, спросил, что им нужно? “Ваше сиятельство, – отвечал вахмистр, – вы наш корпусной командир, разрешите поздравить вас с праздником”.

* Это звание ему было присвоено 12 сентября 1917 г.

– Спасибо, товарищи, – ответил я. – Жаль, что не имею вина вас угостить, другой раз приезжайте.

Эскадрон ушел, и меня долгое время не тревожили»¹.

«Благодородство всегда имеет притягательную силу, – справедливо писал Н. Д. Тальберг. – Граф открыто жил в Харькове и своих монархических убеждений не скрывал. Но тронуть его боялись. Солдаты тех частей, которыми он командовал, отстаивали своего старого командира»².

Более того, граф «в Харькове во времена первого большевизма, по просьбе самих красноармейцев делал однажды смотр красной кавалерии и после него благодарил части за то, “что не забыли, как нужно чистить лошадей”. Красные войска во все время своего пребывания в Харькове сами охраняли гр. Келлера от своих комиссаров. Он был настолько популярен в армии, что, несмотря на открыто исповедуемые им монархические идеи, ни одна предательская рука не посмела его тронуть»³.

«Тронули», однако, его младшего сына графа Бориса Федоровича Келлера, офицера, как мы помним, Оренбургского казачьего полка, состоявшего в годы Великой войны в корпусе своего отца. 1 марта 1918 г. он был убит в Полтаве большевиками. После него осталась молодая жена (на которой он женился в 1916 г.) и маленький сын. О дальнейшей их судьбе, к сожалению, ничего неизвестно...

«...В те медовые месяцы революции, – писал очевидец, – с именем графа Келлера соединялось чистое и светлое понятие как о верноподданном офицере. В летние месяцы позорного 1917 г. мне приходилось много разъезжать по России, встречать затравленных офицеров и часто-часто в откровенных беседах как-то особенно благоговейно произносилось имя графа, сразу отделившего себя от революции, тогда как многие без нужды шеголяли в красных бантах и выбирались в советы солдатских депутатов. Помыслы всего монархически настроенного офицерства всегда сосредотачивались на графе Келлере, скромно проживавшем в Харькове»⁴.

Для того, чтобы лучше понять мысли и поступки графа Келлера в этот период, следует хотя бы вкратце очертить довольно сложную, постоянно меняющуюся обстановку, складывавшуюся в то время в Киеве, Харькове и в целом в Юго-Западной России.

«Центральная Рада» – так назывался властный орган, возникший в Юго-Западных губерниях Российской Империи (с центром в Киеве) с началом государственной смуты в Российской Империи в первой половине марта 1917 года. Председателем ее был объявлен

профессор М. С. Грушевский. Исполнительным органом – Генеральный секретариат. По свидетельству современников, Рада «состояла исключительно из левых элементов, украинских с[оциалистов-] р[еволюционеров] и с[оциал-]д[емократов], главным образом, избранных с теми же гарантиями и при тех же технических условиях, что и С[овет] Р[абочих] и С[олдатских] Д[епутатов] в Петрограде»⁵.

Постепенно «Рада» сумела взять верх над двумя соперничавшими с ней на Украине силами – приверженцами Временного правительства и большевиками.

В августе, после переговоров прибывших в Киев А. Ф. Керенского, И. Г. Церетели и М. И. Терещенко с В. К. Винниченко и С. В. Петлюрой Временное правительство признало автономию Украины.

Воспользовавшись октябрьским переворотом 1917 г. в Петрограде, «Центральная Рада», отказавшись от сотрудничества с большевиками, провозгласила 19 ноября «независимую Украинскую народную республику». «Мотором» этой акции был М. С. Грушевский.

Однако отвергнутые «Радой» большевики не остались в долгу. В декабре Совет народных комиссаров, выставив ряд ультимативных требований, открыл борьбу против «самостийников». Сформировав в Харькове украинское большевицкое правительство, они повели наступление на Киев. Непризнание «союзниками» (Англией и Францией) «независимой Украины» и давние личные связи некоторых деятелей «Рады» бросили ее в объятия Германии и Австро-Венгрии. В январе 1918 г. украинская делегация выехала в Брест-Литовск, где Центральные Державы уже вели переговоры с Советским правительством.

Несколько слов следует сказать о тех, кто представлял в тот момент «украинскую» власть.

Возглавлявший «Центральную Раду» и стоявший во главе украинофильского движения М. С. Грушевский (1866–1934) был главным идеологом украинского сепаратизма. В 1894 г. Михаил Сергеевич был приглашен из Киева правительством Австро-Венгерской империи заведовать кафедрой всеобщей истории Львовского университета. Он был учеником небезызвестного Вл. Б. Антоновича – этого «двуликого Януса, с кафедры университета проповедовавшего одно [...], в кружке избранной молодежи проповедовавший другое: ненависть к России»⁶. В 1899 г. Грушевский организовал национально-демократическую партию в Галиции. Программой партии предусматривалось образование независимого государства «Украина-Русь» от Карпат до Кавказа. При этом Грушевский выдвинул лозунг «Украина без хлопа и пана». После 1905 г. деятельность партии была перенесена из Галиции в Малороссию.

По свидетельству масона А. Я. Гальперна, на конвенте масонов 1912 г. в Москве именно Грушевский «требовал, чтобы в названии ни в коем случае не было слова “Россия”» (большинство было за название «Великий Восток России») В результате было принято название «Великий Восток народов России»⁷. Во время Великой войны в масонских ложах Киева, руководителем которых был Грушевский, активно велась «пораженческая пропаганда»⁸.

Сам Грушевский во время войны был арестован русской контрразведкой и, отсидев несколько месяцев в Лукьяновской тюрьме, в феврале 1915 г. был сослан в Симбирск. Однако уже в конце 1915 г., не без помощи влиятельных «братьев», переехал в Казань, а через год и вовсе в Москву.

В марте 1917 г. Грушевский вступил в Украинскую партию социалистов-революционеров 4 марта его заочно избрали председателем «Центральной Рады» в Киеве*.

За М. С. Грушевским шли такие влиятельные в националистических кругах Малороссии личности, как В. Винниченко и С. Петлюра.

Владимир Кириллович Винниченко (1880–1951) – писатель и драматург, был заместителем председателя «Центральной Рады»**.

Однако гораздо более значимой фигурой стал Симон Васильевич Петлюра (1879–1926), этот, по словам современников, «упря-

* Впоследствии Грушевский эмигрировал в Австрию (нач. 1919). Еще в начале 1920-х он участвовал в конференциях социалистов-революционеров в Праге, редактировал там эсеровские издания. В конце 1923 г. Грушевского избрали академиком АН УССР. А в 1924 г. он и сам возвратился на Украину. Многие самостийники в это время оказались в стане большевиков, признавших брошенные Грушевским названия «украинец», «Украина», «украинский язык». Известно, что он заведовал сектором истории Украины исторического отделения АН УССР. В 1929 г. был избран действительным членом АН СССР. В 1931 г. проф. Грушевского арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности, но после допросов в Харькове и Москве отпустили. Единственным ограничением вплоть до его кончины в 1934 г. было его постоянное жительство в Москве. Впрочем, на курорты ездить ему разрешалось. Кстати говоря, он и умер-то в Кисловодске. В столь мягком «наказании», вероятно, опять-таки не обошлось без хлопот братьев-масонов. Похоронили его на Байковом кладбище в Киеве, воздвиз на могиле импозантный памятник. Грушевский – автор десяти томной «Истории Украины-Руси» (1898–1936) и пятитомной «Истории украинской литературы» (1923–1927). В них автор противопоставлял Восток и Запад, Византию и Европу, Россию и Украину.

** Впоследствии В. К. Винниченко был председателем Директории (1918–1919); заместителем председателя СНК и наркомом иностранных дел УССР (1920). Эмигрировал во Францию (1920), где и скончался.

мый “хохол”, несколько тупой, хитрый, недоучка и самоучка, но человек с настойчивостью, характером и огромным честолюбием, отравленный ядом случайно свалившейся в руки власти»⁹.

Из документов известно, что учился этот сын извозчика в Полтавской духовной семинарии, из которой в 1901 г. его исключили за какой-то неблагоприятный поступок (позднее писали, будто бы за членство в революционной украинской партии). Сначала Петлюра вел цыганскую жизнь актера в странствующей труппе комедиантов, постепенно приобщившись к подрывной работе. Одно время он жил во Львове, затем переехал в Москву; служил там бухгалтером в страховом обществе «Россия», «контролирувавшемся семейством баронов Гинцбургов, состоявших в родственной связи с Ротшильдами... – этими злейшими врагами Русского Императорского Дома»¹⁰. Снимал Петлюра квартиру в доме этого общества на Лубянке (том самом, который после революции облюбовала ЧК). Возможно, переезд в Москву был как-то связан с его вступлением в масонскую ложу.

В 1914 г. Петлюра был призван в армию, но, сориентировавшись, он быстро перешел на общественную работу, став уполномоченным Земгора при 3-й армии, а с 1916 г. – заместителем уполномоченного Союза земств на Западном фронте.

После переворота Петлюра упорно добивался в Ставке получения разрешения сформировать отдельную Украинскую армию. Осуществить он это смог при поддержке верховного главнокомандующего ген. Л. Г. Корнилова и командующего войсками Юго-Западного фронта ген.-лейтенанта А. Е. Гутора¹¹. Сначала Петлюра возглавлял Генеральный военный комитет при «Центральной Раде». Затем «Центральная Рада» назначила Петлюру генеральным секретарем военных дел Украины (15.11.1917). На этом посту он проводил активную политику украинизации воинских частей.

31 декабря 1917 г. Петлюра, из-за несогласия с предложением пригласить на Украину германские и австро-венгерские войска, подал в отставку. Выехав на Левобережье, он сформировал «Украинский Гайдамацкий Кош Слободской Украины», с которым (совместно с Сечевыми стрельцами) в январе–феврале 1918 г. участвовал в боях за Киев, чем способствовал локализации выступления большевиков. В апреле 1918 г. Петлюру избрали главой Киевского губернского земства и председателем Всеукраинского союза земств.

22 января 1918 г. «Центральная Рада» в своем IV универсале провозгласила независимость в пределах девяти губерний (без Крыма): «Украинская народная республика представляет собой самостоятельное, независимое, свободное и суверенное государство украинского народа»¹².

Ровно через шесть дней после обнародования акта «независимости» в Киеве вспыхнуло большевицкое восстание. Правительство УНР вынуждено было бежать сначала в Житомир, а потом в Сарны.

«Украина не хочет самостоятельности, – не без пафоса говорил В. К. Винниченко. – Тем хуже для нее – пусть пройдет через чистилище большевизма, если это необходимый путь к самостоятельности»¹³.

Однако в действительности вначале все складывалось по-иному. «...Первый приход большевиков в Киев, – читаем в воспоминаниях свящ. В. Зеньковского, – был встречен даже радостно русским населением Киева, которому было уже невтерпеж от разгулявшегося украинства»¹⁴. И для этого у киевлян были, заметим, некоторые основания.

В этом смысле особо следует сказать о церковной политике «Центральной Рады». Министерство исповеданий в ней возглавлял «епископ Никон». По свидетельству знавшего его еще по семинарии митр. Евлогия (Георгиевского), еще в предреволюционную пору, будучи викарным епископом в Кременце, «он перевез с Волыни ученицу Духовного училища и беззастенчиво поселил ее в Архиерейском доме. Население возмущалось и всячески проявляло свое негодование. Когда вспыхнула революция, епископ Никон снял с себя сан, превратился в Миколу Безсонова, “бывшего епископа Никона”, и тотчас с ученицей обвенчался. По возвращении на Украину он стал сотрудничать в газетах в качестве тетатрального рецензента и подписывал свои статьи “бывший епископ Никон – Микола Безсонов”, не делая исключения и для рецензий об оперетках. Его брак кончился трагично. Жена его была найдена в постели мертвой, с револьверной раной. Безсонов нахально хоронил ее в Покровском женском монастыре. Покойнице на грудь он положил свою панагию, в ноги клобук; на ленте была отпечатана наглая кошунственная надпись. А теперь Микола Безсонов был украинским министром исповеданий!»¹⁵

На открывшийся в Киеве 7 января 1918 г. Всеукраинский Церковный Собор пришли, по словам одного из его участников, «стриженные, бритые украинские военные священники, в шинелях, с винтовками... Злые лица... Революционные речи в духе сепаратизма. Крики по адресу митрополита Платона: “Вы хотите задушить Украину!.. мы не допустим!..” – словом, не церковное собрание, а сплошной митинг с выступлением агитаторов. [...] С самого начала определилась непримиримая по отношению к Русской Церкви позиция Собора. Крики “Долой Москву!”, “Освободимся от московского гнета!..” имели большой успех»¹⁶.

Все предлагаемые соборянами реформы сводились «к безграмотному “перекладу” богослужебного книжного обихода с торжественного церковно-славянского языка святых первоучителей словенских Кирилла и Мефодия на простонародную мужицкую базарную “мову” да к разным поблажкам неверующему и распущенному духовенству. Зачем-де носить длинные волосы, одеваться в неуклюжие рясы, ограничиваться одним браком на всю жизнь, отказываться от танцев и посещения театров, постригаться в монахи для получения епископского сана? Острижемся, оденемся в пиджаки; кому надое-

ли жены – разведемся и поищем новых, более приятных подруг; кто вдовцы, вступим во вторичные браки; будем плясать и увеселяться зрелищами...»¹⁷

В западных областях Украины вместо запричастного стиха на Литургии уже пели «Ще не мерла Украина...»¹⁸

Все эти настроения вылились впоследствии в постановление Всеукраинского церковного собора 1921 г. о приравнивании осмеяния «мовы» к хуле на Духа Святого. Посмевишие смеяться должны были отлучаться от Церкви¹⁹.

Однако от смеха было все же удержаться весьма трудно. Приведем лишь один пример перевода библейского текста, выполненный некогда П. Кулишом: «Хай дуфае Сруль на Пана», что, по мысли сего национального письменника должно было соответствовать тексту «Да уповаеи Израиль на Господа»²⁰.

Результатом раздувания подобной националистической истерии в Церкви стало, в конце концов, убийство митрополита Киевского Владимира²¹.

Нельзя сказать, чтобы уже тогда не находились люди, которые понимали, в какое смешное положение себя ставят сторонники «украинизации» Церкви. Митрополит Антоний (Храповицкий), выбранный на вдовствующую после убийства предшественника Киевскую кафедру, со свойственной ему резкостью заявил: «Недопустимо совершать богослужение на “базарном языке”»²².

«...Люди, – писал кн. Е. Н. Трубецкой, – тщетно силились говорить на этом языке, выдавая его за свой родной, бесплодно пытались перевести на этот захолустный крестьянский диалект сложные понятия современной государственной жизни»²³.

Однако деятели УНР вовсе не полагались на естественное развитие событий. В Брест-Литовске они заключили соглашение с австро-германскими войсками, с которыми и возвратились в Киев.

«Надо было подавить большевизм на Украине, – откровенно писал ген. Эрих Людендорф, – проникнуть глубоко в страну и создать там положение, которое доставляло бы нам военные преимущества и позволило бы черпать оттуда хлеб и сырье»²⁴. Похозяйничавшие в Малороссии менее месяца большевики не успели еще разорить этот край.

После подписания Брестского мира первыми в Киев 17 февраля (ст. ст.) 1918 г. вошли германские войска. «Продефилировав по городу с музыкой, немцы устроили парад на Софиевской площади...»²⁵

Одесса была занята австро-венгерскими войсками 27 февраля, а 23 марта немцы вступили в Харьков, где, как мы помним, жил граф Ф. А. Келлер.

Как воспринимали обыватели приход немцев? «Все так устали от произвола и насилия, – писал очевидец, – что готовы были с радо-

стью приять мир и спокойствие хотя бы из рук немецкого вахмистра. Но вот, когда наступил этот день, кто-то как бы сжал сердце холодной рукой. Я стоял на тротуаре в молчаливой толпе народа и смотрел, как они шли стройными, тяжелыми рядами, уверенные в своей мощи. Сначала прошла кавалерия, блистая чистотой амуниции и сбруи на прекрасных, холеных лошадях с упитанными самодовольными офицерами впереди. За ними, громокая, прошла в образцовом порядке артиллерия, а там тяжелая медлительная пехота и аккуратные обозы. Они идут спасать нас от нас же самих, вчерашние наши враги, ставшие по милости изменников и предателей нашими друзьями. Я смотрел на них и чувствовал, как что-то комком подступало к горлу, и слезы катились у меня из глаз. Я не вытирал их, я не стыдился их, ведь плакал я тогда о Великой России, не знавшей ни “самостийной” Украины, ни множества возникших самостоятельных республик с авантюристами и проходимцами во главе, строившими свое благополучие на народной темноте и несчастьи своей Родины»²⁶.

В более краткой форме эти чувства, которое испытывали многие киевляне, выразил другой обыватель: «...С приходом немцев окончилась боязнь за жизнь, за имущество, но началась мука нравственная оскорбленного национального достоинства»²⁷. Или еще более лаконично: «Шкура радуется, что мы освобождены от большевиков, а душа болит, что это сделано немецкими руками»²⁸. «Ох, барыня, – передавала свои переживания крестьянка, – тихо теперь стало, при немцах, хорошо. Но и *жутко* же»²⁹.

Следом за немцами в Киев вошли и «украинские войска», пополненные привезенными из Германии русскими военнопленными, «с иголки одетыми в синие жупаны, новые сапоги и высокие серые папахи, из поддельного барашка, с огромными кокардами украинских цветов»³⁰. Это был так называемый «курень сечевиков Тараса Шевченко». «Люди этого знаменитого куреня, – писал ген. Ю. Д. Романовский, – и были главными виновниками всех творившихся в Малороссии грабежей и насилий и телохранителями Петлюры и его ближайшего сотрудника, австрийского офицера атамана Коновальца»³¹.

Что касается германских войск, то, как писал очевидец, с первых же дней они «начали устраиваться с обычной немецкой аккуратной педантичностью, порядливостью и неторопливой систематичностью. [...] С появлением немцев, как по мановению волшебного жезла, без всяких угроз или угрожающих объявлений, исчезли всякие грабежи и насилия. Обыватель вздохнул свободно. Даже поздней ночью стало совершенно безопасно гулять по улицам. От-

крылись театры, синема, рестораны, жизнь заиграла быстрым темпом свою вечную суетливую музыку³²».

В смысле безопасности обывателю было с чем сравнивать: «... Не было тех ужасных картин убийств и казней, какими отличался период большевицкого владычества, когда, выходя гулять на Владимирскую горку, я каждый день натыкался на новые трупы, на разбросанные по дорожкам горки свежие человеческие мозги, свежие лужи крови у стен Михайловского монастыря и на спуске между монастырем и водопроводной башней, по дорожкам, покрывающим горку сквера»³³.

На свежий взгляд приезжавших из России беженцев, возникало даже впечатление, «словно Украина стала уголком Германии. Всюду по дорогам немецкие столбы с надписями, с точным обозначением направлений и расстояний – путь на вокзал, в город, в комендатуру, “10 минут ходьбы” и т.п. А в городах, особенно в Киеве, все полно германской культурой: и немецкий театр, и немецкий книжный магазин, и гастролирующие немецкие актеры и музыканты. В концертных залах раздавались победные звуки Вагнера. На улицах немецкий говор, множество немцев, приехавших с голодающей родины покушать хлеба да сахара во вновь завоеванных землях»³⁴.

*От Киева до Берлина
Простяглася Украина.*

Даже один из основных символов независимости – «жовто-блакитный» флаг – и тот был заемным*.

* «Жовто-блакитный» (желто-голубой) украинский флаг был, как известно, «изобретен» в Генеральном штабе Австро-Венгерской армии. В написанной на основе секретных австрийских и германских материалах, добытых русским Генеральным штабом летом 1917 г., книге ген. Ю. Д. Романовского («Украинский сепаратизм и Германия». Токио, 1920) читаем: «В бурные дни австрийской революции 1848 года и венгерского восстания галичане боролись с польскими повстанцами, а комплектуемые ими австрийские полки обнаружили большую стойкость в борьбе с венграми. За верную службу Францу Иосифу русские галичане удостоились от последнего прозвища “тирольцев ближнего Востока”, и он пожаловал им синезелтый национальный флаг. Современные украинские сепаратисты не нашли ничего лучшего, как объявить этот знак немецко-габсбургской “ласки” символом “самостийной Украины» (Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 299–300).

Однако вскоре у немцев появились резоны для смены власти. «Определяющим моментом, – считал проф. Н. М. Могилянский, – явилось покровительство еще не разбитой, мощной Германии, которой нужен был украинский хлеб для продолжения войны»³⁵.

Командующий оккупационными войсками на Украине генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн в приказе жестко заявил, что «урожай принадлежит тому – помещику или крестьянину – кто засеет поля»³⁶.

«Немцы, заняв юго-западный край России, – писал ген. А. Лукомский, – естественно стремились создать в этом районе твердую власть и иметь прочный административный аппарат, который обезпечил бы порядок в стране и дал им возможность пользоваться этим аппаратом, чтобы богатый край действительно стал бы их продовольственной базой и они могли бы получать все предметы продовольствия быстро и без всяких затруднений.

Для немцев необходимо было, чтобы эта власть была им дружественна и чувствовала, что она им обязана своим благополучием.

Правительство, которое немцы застали на Украине – их не могло удовлетворить: социалистическое правительство, с некоторым уклоном в сторону большевизма, а главное, стремившееся провести немедленно земельную реформу с уничтожением крупного частновладения, совершенно не гарантировало скорого водворения порядка, не гарантировало возможность спокойно и планомерно начать вывоз всего необходимого в Германию.

Немцы были хозяевами только по линиям железных дорог и в городах, занятых их гарнизонами.

Отсюда они вывозили все, что возможно, и, кроме того, организовали правильную ежемесячную отправку каждым немецким солдатом к себе на родину посылок по 1/2 пуда каждую. Солдаты должны были отправлять на родину съестные припасы, главным образом – муку, крупу, сахар, сало и колбасы.

Но этого для немцев было недостаточно; им, повторяю, надо было установить такой русский правительственный административный аппарат, который дал бы им возможность хозяйничать во всей стране, а не только по железнодорожным артериям.

На Украине, кроме крупного помещичьего класса, был недоволен создавшимся положением многочисленный класс довольно крупных крестьянских собственников-хлеборобов, которым проектируемые реформы Украинского правительства грозили полным разорением»³⁷.

Первым здесь ген. А. Лукомского, ибо это противоречие было вообще нервом не только украинской, но и русской экономики и, таким образом, политики. Разрешение этой проблемы затянулось еще по крайней мере на десять лет. Первые симптомы этого системного экономического кризиса стали давать о себе знать еще в годы Великой войны.

Война как предельное напряжение сил народа еще сильнее выявила неблагополучие в сельском хозяйстве России.

На фронт, даже при существовавшей до революции шадящей системе призыва, ушло более 40 процентов трудоспособного мужского населения (в некоторых губерниях, а особенно в сельской местности, эта цифра достигала даже 50 процентов). Вызванное этим сокращение объема производства привело к обострению продовольственной проблемы. В результате правительство вынуждено было прибегнуть к непопулярным мерам ограничения свободы торговли сельскохозяйственными продуктами. В конце 1916 г. Земский союз разработал на предстоящий год план проведения сельскохозяйственной кампании, предусматривавший развитие в деревне различных форм коллективного хозяйства³⁸.

Это не было чем-то новым. Идея «организации товариществ для использования как собственной земли, так и арендованной путем *коллективной обработки*» высказана была еще на 1-м Всероссийском сельскохозяйственном съезде, проходившем в 1913 г. в Киеве³⁹.

В 1916 г., однако, уже обращалось внимание на создание в деревне «машинных артелей», «соединяющих коллективное владение машинами с коллективным ведением хозяйства». Министерство земледелия поставило вопрос о внедрении, в связи с нехваткой рабочих рук, тракторной обработки полей. Наряду с импортом тракторов из-за рубежа речь шла о создании отечественного тракторостроения⁴⁰.

В годы войны* вызрела мысль: «Русское сельское хозяйство может подняться только на плечах кооперации»⁴¹.

* Именно война поставила также проблему дальнейшего промышленного развития страны. При этом прежде всего имелись в виду темпы и формы. Причем для сохранения страной ее экономической и политической самостоятельности уже в разгар войны осознавалась необходимость осуществления *рывка*: удвоение или даже утроение в течение ближайших десяти лет промышленного потенциала. На страницах печати началось обсуждение вопроса о национализации промышленного производства и о разработке и введении системы планирования экономического развития. Осознавалась и такая сопутствующая индустриализации проблема, как перераспределение населения между городом и деревней. (Островский А. В. Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? закономерность? // Из глубины времен. Вып. 2. СПб., 1993. С. 151–152).

Отнюдь не мелкие крестьянские хозяйства давали до революции товарный хлеб. Как показал выдающийся русский экономист и статистик академик В. С. Немчинов, 70 процентов потребного для государства хлеба поставляли крупные хозяйства, использовавшие массу наемных рабочих (до 4,5 млн человек)⁴². Но уничтожения именно этих крупных хозяйств и добивалось крестьянство в своей основной массе, приступив к исполнению этой своей мечты в 1905-м и довершив ее в 1917–1918 гг.*

Возвращаясь к положению дел на оккупированной Германией Украине при «Центральной Раде», приведем свидетельство раздвигавшего убеждение о безальтернативности «земельной реставрации» прот. В. Зеньковского: «У крестьян, у мелких хозяев скупать хлеб было трудно – и восстановление крупных помещичьих хозяйств входило в планы оккупантов. Все это делалось *в военном порядке* – независимо от правительства, на долю которого оставалась задача возможно более быстрого *упорядочения* земельных отношений. [...] Борьба с земельным хаосом была навязана немцами во имя рациональной постановки сельского хозяйства и возможного повышения добычи хлеба – а условия, в которых они застали сельское хозяйство, направляли их *на поддержку помещиков*»⁴³.

После ухода германских оккупационных войск эта задача досталась большевикам. На факт этот указывал еще кн. П. М. Бермонт-Авалов: «Противники германской оккупации Малороссии, главным образом крестьяне, указывали обыкновенно на массовые закупки и реквизиции продуктов продовольствия германскими военными властями, но дальнейший ход событий показал, что это было лишь требованием общей обстановки, и избежать таковых не могли ни петлюровцы, ни большевики, ни, наконец, добровольцы. Разница же производства этих реквизиций была потом оценена крестьянством, и не в пользу последующих властелинов этого богатого края»⁴⁴.

Окажись более устойчивыми любые другие власти, решать земельный вопрос вынуждены были бы они. В условиях советской

* В результате после революции число крестьян-единоличников возросло на 8–9 млн чел. К 1928 г. все крестьянство в СССР производило хлеба больше, чем до революции, почти на 40 процентов, однако продало его почти весь, выпуская на продажу всего лишь 11,2 процента (*Кожнов В. В. Век XX-й (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. М., 1999. С. 238*). Коллективизация, таким образом, становилась делом неизбежным. Ее итоги безмолвно были признаны немцами при новой оккупации в годы Великой Отечественной войны. Они не разрешали распускать колхозы, ограничившись лишь заменой их революционных названий.

власти разница как будто состояла в том, что делать это предстояло русским людям (пусть и под руководством людей по большей части не русских), в своей стране. Но то был вопрос методов осуществления, а не задач как таковых, вызванных, как писал в свое время В. В. Кожин, «не своеволием, а ходом истории»⁴⁵. Тем не менее повинна в этом была не только классовая идеология большевиков. Ведь уравнильные действия самих крестьян в годы революции тоже просто так не спишешь.

Однако продолжим прерванные рассуждения ген. А. Лукомского: «Представители германских властей в оккупированном районе вошли в соглашение с видными представителями помещичьего класса и общественных организаций, не сочувственно относившимися к намечавшимся реформам, и было решено созвать в Киеве съезд хлеборобов, который должен был выбрать Гетмана, и затем старое правительство должно было быть ликвидировано. [...]

Съезд состоялся; съехалось свыше девяти тысяч хлеборобов, и, с феерической быстротой, 15/28 апреля было произведено заранее подготовленное избрание в Гетманы Украины генерала Скоропадского. “Для спасения страны, – заявили они, – нам необходима сильная власть, нам необходим диктатор, согласно старинным обычаям – гетман”.

Во время съезда хлеборобов в Киеве часть этого съезда отказалась от выбора Гетмана и образовалось другое собрание – “спилка”.

Но выбор Украинским Гетманом Скоропадского был признан немцами, и они, объявив об этом, заявили, что гетмана будут поддерживать, а всякие выступления против него они, с целью поддержания порядка в оккупированном ими крае, будут подавлять силой оружия.

Спилка была разогнана, а часть более непокорная из ее состава, и арестована немцами»⁴⁶.

«Вокруг генерала Павла Петровича Скоропадского, – писал другой очевидец, – сгруппировались все антисоциалистические элементы Украины, начиная от крупных помещиков и кончая мелкими земельными собственниками-крестьянами “хлеборобами”, все политические партии правее социалистов, начиная от к[а]д[етов]. Это был достаточно сплоченный антисоциалистический блок без партийных разномыслий и без национальной розни. За ним пошли и русские, и евреи, и украинцы, и поляки, и кадеты, и октябристы. Но что бы ни говорили враги Скоропадского, в основе организации “хлеборобов”, которая на съезде [16/]29-го апреля объявила генерала Скоропадского

Гетманом всея Украины, была сильная группа настоящих крестьян-собственников, для которых смертельной угрозой был универсал о социализации земли. Переворот от народной украинской республики к гетманству мог совершиться, конечно, только при содействии и с согласия немецкой власти, так как какими-либо собственными реальными силами ген. Скоропадский не располагал»⁴⁷.

11/24 апреля состоялась встреча П. П. Скоропадского с начальником штаба немецких оккупационных войск на Украине ген.-лейтенантом Вильгельмом Гренером. «Мы не собираемся, – заявил последний, – вмешиваться во внутренние дела Украины. Однако пришли к выводу, что, ввиду создавшегося положения в стране, нет возможности работать с существующим правительством. Ваши начинания, господин генерал, вызывают сочувствие. Вы можете вполне рассчитывать, в случае удачного переворота, на содействие немецких войск в деле восстановления порядка и поддержки Вас и Вашего правительства. В день переворота мы будем держать нейтралитет, но крупных беспорядков не допустим»⁴⁸.

13/26 апреля Германский император Вильгельм II телеграфировал фельдмаршалу Эйхгорну: «Передайте генералу Скоропадскому, что я согласен на избрание гетмана, если гетман даст обязательство неуклонно исполнять наши советы»⁴⁹.

За несколько дней до смены власти, вспоминал очевидец, по перегороженным немцами рогатками киевскими улицами пыталась пройти старуха, несшая за спиной большую вязанку дров. Немцы ее долго не пускали, а когда все-таки пустили, она в сердцах бросила куда-то в пространство: «Господи, когда же это кончится! Сперва Россию на партиив разделили, потом на клочки стали драть, а теперь уж улицы стали делить»⁵⁰.

Переворот совершился 16/29 апреля. День был теплым и солнечным.

Государственные здания были захвачены буквально несколькими преданными лично П. П. Скоропадскому лицами: мечтавшим о восстановлении гетманства на Украине И. В. Полтавцем-Острицей, ген. В. В. Дашкевичем-Горбатским и тринадцатью, в большинстве своем русскими, офицерами, трое из которых погибли⁵¹.

В тот же день около трех часов пополудни к Педагогическому музею на Владимирской улице, где заседала «Центральная Рада» (как раз в этот день провозгласившая М. С. Грушевского президентом УНР), подошли несколько небольших подразделений германских войск. «Маленький отряд вооруженных немецких солдат, –

сообщал очевидец, – вошел в зал заседания Рады, оставив стражу у всех выходов зала. – “Руки вверх!” – скомандовал немецкий офицер. Все подняли руки, кроме проф. М. С. Грушевского, который, смущенный, остался сидеть на председательском кресле. Выпустили сначала публику, проверяя документы, потом членов Рады, задержали только некоторых членов правительства»⁵². Около четырех часов все было кончено. На все-про-все ушло меньше часа.

Делегации от свергнутой «Центральной Рады» начальник штаба немецких оккупационных войск ген.-лейтенант В. Грёнер заявил: «Мы хотели вас поддержать. Но анархию и социалистические беспорядки по соседству с нашей Империей терпеть не хотим, не можем и не будем»⁵³.

Политическому уничтожению социалистов-«центрорадников» должен был послужить судебный процесс над ними, организованный германскими властями. Судили правительство и его дела. Процесс был открытый. Придавали огласке такое, что премьеру Голубовичу в последнем слове оставалось только униженно лепетать: «Не судите по мне о моей партии»⁵⁴.

ГЕТМАНШАФТ

Вскоре после завершения известных событий у Педагогического музея 29 апреля 1918 г. на Софийскую площадь приехал автомобиль. На глазах нахлынувшей с Крещатика толпы народа из него вышел только что провозглашенный «хліборобами» на своем съезде «Гетманом всея Украины» генерал П. П. Скоропадский. «Он был в черной черкеске с Георгиевским крестом на груди. Его стройная, красивая фигура и красивый, римский профиль производили свой эффект. На площади, перед колокольной Софиевского собора, отслужен был молебен. Картина была очень красивая при мягких лучах на закате стоящего весеннего солнца. Голубое небо, свежая весенняя зелень... серьезный и торжественный звон колоколов...»¹

«Украинскую народную республику» сменила «Украинская Держава».

Случилось это накануне Вербной недели – праздника Входа Господня в Иерусалим.

Несколько слов, безусловно, следует сказать о том, кто, по мнению германских властей, должен был стать во главе оккупированной ими Малороссии.

Павел Петрович Скоропадский (3.5.1873 – 26.4.1945) приходился праправнучатым племянником бездетного малороссийского гетмана XVIII века Ивана Ильича Скоропадского. Происходил он из семьи крупных помещиков Черниговской и Полтавской губерний. Родился Павел Петрович в Висбадене, на немецких минеральных водах, на которых в то время отдыхала его мать. До пяти лет он не знал ни русского, ни малороссийского языка, владея лишь немецким.

«Состояние Скоропадского, – свидетельствовал современник, – хотя и уступало по размерам состоянию Сумароковых-Эльстон, Балашевых, Строгановых, но все же стояло в ряду первых мест...»² «Пан на усю губу»³, – с одобрением говорили о нем земляки.

После окончания в 1893 г. Пажеского корпуса он был выпущен корнетом в Лейб-Гвардии Кавалергардский полк. Павел Петрович быстро продвигался по службе, став командиром эскадрона, а в 1895 г. – полковым адъютантом. В составе сводного эскадрона полка Скоропадский принимал участие в коронационных торжествах в Москве 12 мая 1896 г. Во время «Высокой трапезы» он стоял у ступеней Трона в Грановитой палате Московского Кремля⁴.

В 1904 г. Скоропадский отправился на Дальний Восток. Участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг., был адъютантом начальника Восточного отряда ген.-лейтенанта гр. Ф. Э. Келлера, хорошего его знакомого. За храбрость был награжден золотым Георгиевским оружием. Супруга его, Александра Петровна Скоропадская, урожденная Дурново, тоже выехала на театр военных действий: она поступила в санитарный поезд Императрицы Марии Феодоровны сестрой милосердия. В 1905 г. полковник П. П. Скоропадский был пожалован флигель-адъютантом Его Величества. Следует подчеркнуть, что сестра Павла Петровича и его супруга были фрейлинами Императрицы.

После окончания войны часть своего состояния П. П. Скоропадский пожертвовал на восстановление Русского флота, за что удостоились именной благодарности Великого Князя Михаила Александровича.

О его происхождении Скоропадскому напомнили в 1909 г., накануне торжественно праздновавшегося в России 200-летнего юбилея Полтавской победы. Говорили, что в придворных кругах родилась идея подарить кому-либо из верных малороссиян титул гетмана без прежних, разумеется, широких властных функций⁵. Дело, правда, дальше разговоров не пошло, однако это не могло не всколыхнуть в Скоропадском родовой его памяти.

В сентябре 1910 г. Павел Петрович был назначен командиром 20-го драгунского Финляндского полка, а в апреле 1911 г. – командиром Л.-Гв. Конного полка. С 25 марта 1912 г. Скоропадский – генерал-майор Свиты. В конце первого года Великой войны (в октябре 1914 г.) генерал Скоропадский был назначен командиром бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии; в июле 1915 г. – командующим 5-й кавалерийской дивизией; в апреле 1916 г. – начальником 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. К это-

му времени он уже генерал-лейтенант, кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст. (1914). Последнее Царское назначение последовало 22 января 1917 г., когда Скоропадский был назначен командиром 34-го армейского корпуса.

После февральского переворота Павел Петрович продолжал командовать 34-м армейским корпусом, к тому времени «украинизированным» и именовавшимся «1-м Украинским». Делал он это тогда, как признавался впоследствии своему знакомому, «скрепя сердце, все время испытывая душевную раздвоенность, так как чувствовал себя русским»⁶. Любопытно, что о его украинских корнях настойчиво напоминали ему тогда товарищи – офицеры-конногвардейцы Б. Л. Ходкевич и кн. Радзивилл, по происхождению... поляки⁷.

6 октября 1917 г. на съезде Вольного казачества в Чигирине ген П. П. Скоропадский был провозглашен атаманом. Движение вольного казачества, под видом возрождения прерванных традиций, было по существу реакцией состоятельного сельского населения на бушевавшую вокруг анархию.

Стоит, пожалуй, привести и характеристики, данные П. П. Скоропадскому близко знавшими его людьми.

Служивец его еще по Императорской Гвардии и фронту, а потом старший адъютант гетмана полковник В. В. Кочубей характеризовал его как лично храброго военного, хладнокровно руководившего боем под огнем противника. Подчиненные считали его «неспокойным начальником», так как он «постоянно навещал части, лично следил за правильным исполнением отданных приказаний, заботился о довольствии людей и постоянно бывал на линии огня». Скоропадский был «хорошим знатоком людей и умел определить, кто может быть ему полезен, а кто нет». Как командир, он «прекрасно ориентировался в обстановке, был предприимчив, не терял спокойствия и смело принимал решения». «Скоропадский был скрытного характера и не легко сближался с людьми, хотя и был близко знаком со всеми верхами нашей армии и вращался в высшем свете Петербурга». Близких друзей у него не было, однако, «как мне пришлось убедиться за продолжительное пребывание вблизи него, это был высокопорядочный, доброжелательный, что называется, хороший человек и большой барин»⁸.

А вот, похоже, довольно точная характеристика, данная П. П. Скоропадскому министром исповеданий «Украинской Державы» протопресвитером Василием Зеньковским: «Гетман был высокий, стройный человек с порывистыми движениями, с частой улыбкой на лице. Лицо умом *не* дышало, хотя “умные” выражения не раз виделись на лице. Улыбка казалась порой тайной усмешкой

над кем-то, над положением, над всем – точно он играл роль и сам над собой иронизировал. Но лицо было смелым, решительным, в глазах была отвага; простота и доброта светились на лице. Гетман мне понравился, я почувствовал к нему симпатию, которую чувствуешь к людям, которым можно верить. Но как сразу было ясно, что это все же только генерал, что не только никакого государственного таланта у него нет, но что и мыслить государственно едва ли он может. [...]

Он добросовестно старался вникать в дела, но, видимо, ему было все же очень скучно среди нас. Боевой офицер, склонный к военным авантюрам, П. П. Скоропадский мог бы еще утешиться всем тем, что обычно связано с верховной властью – той шумихой, теми парадами, которые и утомляют, но и забавляют. Первое время вместо этого его забавляла *атмосфера заговора*, которая очень долго чувствовалась во дворце; забавляли приемы. Встречи, интриги – но это стало скоро надоедать П. П., как надоедали ему и ежедневные заседания Совета министров... [...] П. П. по существу – порядочный и благородный человек, но безпринципный, не в смысле цинизма или отвержения принципов, а в том смысле, что вся его принципиальность не шла дальше обычной порядочности – ни мировоззрения, ни глубоких убеждений у него не было по поверхностности натуры. Самый трудный порог для него, как подлинного военного, был в разрыве со старым строем, с присягой – но это случилось помимо его воли, это захватило всех. В Дон Кихоты П. П. не годился – и он кинулся в авантюру украинской самостоятельности, в которой пребывает (все же полуйскренно) и донныне. Таким украинцем, каким его хотят и хотели видеть защитники украинской монархии, он не был и не может быть – оставаясь всегда русским человеком. [...]

...Это не был ни государственный человек, ни даже “верховный главнокомандующий” и вождь – хотя он и был на этих “ролях”. Между прочим он был добрый, привлекательный и милый “барин” – в частных отношениях (насколько я мог судить об этом)⁹.

Отчасти Скоропадский и сам понимал это: «Скажу лишь одно, что я сам не понимаю, как все это произошло. Меня, если можно так выразиться, выдвинули обстоятельства. Не я вел определенную политику для достижения всего этого, меня события заставили принять то или другое решение, которое приближало меня к гетманской власти»¹⁰.

«Предвижу все трудности стоящей передо мной работы, – писал Скоропадский в первой своей “грамоте”, – и молю Бога дать

мне силы, чтобы достойно выполнить то, что я считаю своей обязанностью перед родной Украиной в современный исключительный и критический для нее час»¹¹.

Мотивы своего «вхождения во власть» и сомнения перед этим позднее он изложил в воспоминаниях: «Если я не сделаю переворот теперь, у меня будет всегда сознание, что я человек, который ради своего собственного спокойствия упустил возможность спасти страну, что я трусливый и безвольный человек. Я не сомневался в полезности переворота, даже если бы новое правительство и не могло бы долго удержаться. [...] Я жалел себя, я думал: ...к чему мне идти в этот мир злобы, недоверия, и зависти. Ведь теперь только тот может быть популярен в политике, кто возьмет крайнее направление, а мне для того, чтобы действительно что-нибудь сделать для страны, придется идти самому и убеждать других, и убеждать без конца идти путем взаимных уступок»¹².

* * *

Во многих смыслах выбор немцев следует признать весьма удачным.

По рождению, воспитанию и службе П. П. Скоропадский принадлежал придворной русской аристократии. Как помещик, он безусловно хорошо знал малороссийское крестьянство и его запросы. Именно при нем был прекращен земельный безпредел.

Разумеется, прежде всего, гетман удовлетворял интересам немцев, но не вступал он в противоречие и с интересами русских.

С первых дней появления у власти гетмана, начиная с В. В. Шульгина, его изображают во вполне определенных красках: «немецкий ставленник», «предатель России», «изменник союзников»...

«...Война и все последующие события, – считал П. П. Скоропадский, – как-то разделили всех людей на два лагеря: на антантофилов и германофилов, причем сторонники одной и другой стороны доходят в своей любви к тем или другим странам до крайности, совершенно забывая, что они прежде всего русские, украинцы и поляки»¹³.

Но так же, между прочим, считал и граф Ф. А. Келлер. «...Здесь, – имея в виду Малороссию, писал он ген. М. В. Алексею 20 июля 1918 г., – часть интеллигенции держится союзнической ориентации, другая, большая часть – приверженцы немецкой ориентации, но те и другие *забыли о своей русской ориентации*»¹⁴.

Сам Скоропадский в письме знакомому (правда, уже будучи в эмиграции) в октябре 1919 г. так определял свое отношение к Германии: «Меня все непременно выставляют каким-то ярым германофилом. Я такой же германофил, как и франкофил, я просто русофил, желающий восстановления России. [...] Я никогда не полагал, что немцы победят, но я не учел немецкой революции»¹⁵. «...Прибегать к иноземной поддержке – это, повторяю, не значит становиться французом или немцем, а значит оставаться тем, кто ты есть – русским, украинцем или поляком...»¹⁶

В известной степени эти заявления подкрепляются имевшими место фактами.

Начнем с того несомненного обстоятельства, что немцев на Украину привела «Центральная Рада». А первые, с кем П. П. Скоропадский пытался сговориться (еще не будучи гетманом), были французы.

Благожелательное отношение гетмана к немцам проистекало не только, как говорится, «из нужды», но отчасти и из личных качеств высшего руководства германских оккупационных войск: «...Высшее немецкое командование на Украине в мае 1918 года состояло из блестящих людей. И Эйхгорн, и Грёнер – два выдающихся немецких военачальника и разумных политика»¹⁷. «...Военный класс, он пришел к нам безусловно честным. Высшее командование ни в какие спекуляции не пускалось, не сочувствовало им. В политическом отношении все: Эйхгорн, Грёнер и ближайшие их помощники – все они требовали соблюдения Брест-Литовского договора и все новые требования считали излишними. Они смотрели на Украину доброжелательно и не хотели ее экономического краха. Наоборот, они всегда приходили на помощь во все затруднительные моменты»¹⁸.

Генерал-фельдмаршал Герман фон Эйхгорн (1848–1918) – командующий группой армий «Киев», оккупировавшей Южную Белоруссию, Украину и Юг России, «любимец Германского императора»¹⁹, «был почтенный старик в полном смысле этого слова, умный, очень образованный, с широким кругозором, благожелательный – недаром он был внуком философа Шеллинга. У него не было совершенно той заносчивости и самомнения, которые наблюдались иногда у германского офицерства»²⁰. «Это был безусловно честный неподкупный человек, – подчеркивает П. П. Скоропадский. – Он явился на Украину с армией и, в сущности, мог сильно увеличить требования, которые немцы предъявляли нам. Многие на его месте сделали бы это, так как мы были совершенно безсиль-

ны, особо в первое время. В нем же, наоборот, я находил всегда полное сочувствие и содействие во всех вопросах, когда он видел, что действия некоторых лиц или частей шли в ущерб нам и не вызывались никакими другими соображениями, кроме желания сорвать. Он этому противился»²¹.

Начальник штаба немецких оккупационных войск на Украине ген.-лейтенант Вильгельм Гренер (1867–1939) был, по словам того же Скоропадского, человеком «вполне приличным, благожелательным, широких политических взглядов, безусловно честным настолько, что он при мне не стеснялся неоднократно критиковать немецкую политику за их заигрывание с большевиками»²². Это был «человек бисмарковской складки», писал П. Н. Милюков, лишнего «у него ничего не узнаешь: большой политик и умница»²³.

Вот почему однобокая критика гетмана, как германофила, пусть внешне и выглядящая справедливой, ничего общего не имеет, однако, с подлинной историей...

Беседовавший с П. П. Скоропадским вскоре после его избрания ген. А. С. Лукомский, будущий заведующий политической частью в армии ген. А. И. Деникина, вспоминал: «После завтрака гетман пригласил меня к себе в кабинет и очень горячо стал мне объяснять, что он согласился быть избранным гетманом только потому, что, по его мнению, это был лучший выход из создавшегося положения. Что он не “щирый украинец”, что вся его работа будет идти на создание порядка на Украине, на создание хорошей армии и что, когда Великороссия изживет свой большевизм, он первый подымет голос за объединение с Россией; что он отлично понимает, что Украина не может быть “самостийной”, но обстановка такова, что ему пока необходимо разыгрывать из себя “щирого украинца”; что для него самое большое и самое трудное – это работать с немцами, но, опять-таки, и здесь – это единственное правильное решение, так как, только опираясь на силу, он может создать порядок на Украине; а единственно существующая реальная сила – это немцы; что Добровольческая армия силы из себя серьезной не представляет и немцы никогда не допустят ее усиления: тогда она станет для них опасной. А потому, как бы он ни сочувствовал генералу Деникину – опираться на него не может, а принужден опираться на немцев. Вот когда удастся создать прочную регулярную армию на Украине, то тогда он иначе будет разговаривать и с немцами»²⁴.

С течением времени (и изменением обстановки) настроения гетмана стали меняться.

«Я русский человек, – заявил П. П. Скоропадский представителю Добровольческой армии 9 октября 1918 г., – и русский офицер; и мне очень неприятно, что, несмотря на ряд попыток с моей стороны завязать какие-либо отношения с генералом Алексеевым... кроме ничего не значащих писем... я ничего не получаю... Силой обстановки мне приходится говорить и делать совершенно не то, что чувствую и хочу – это надо понимать. [...] Я определенно смотрел и смотрю – и это знают мои близкие, настоящие русские люди, – что будущее Украины в России. [...] Самостийность была необходима, как единственная оппозиция большевизму: надо было поднять национальное чувство. И переворот, который был сделан пришедшими немцами, я ранее еще предлагал союзникам...»²⁵

А вот что заявил гетман атаману П. Н. Краснову во время их встречи 20 октября: «Вы, конечно, понимаете, что я, флигель-адъютант и генерал Свиты Его Величества, не могу быть щирым украинцем и говорить о свободной Украине...»²⁶

Что касается генерала Ф. А. Келлера, то и он, считая путь гетмана лично для себя неприемлемым, все же открыто не осуждал его, возможно возлагая на него даже кое-какие надежды. Даже вдовствующая Императрица Мария Феодоровна писала: «Множество знакомых оказались на стороне Скоропадского... [...] Все это просто театр и маскарад, срежиссированные германцами. Невообразимо! Я, правда, не сомневаюсь в его намерении спасти то, что еще осталось»²⁷.

Немаловажное значение имело еще и то обстоятельство, что в армии гетмана состояло немало сослуживцев и хороших знакомых Федора Артуровича.

Военным министром «Украинской Державы» был товарищ его по Румынскому фронту, командующий 4-й армией генерал от инфантерии А. Ф. Рагоза. Начальником Генерального штаба – начальник штаба 10-й кавалерийской дивизии полковник А. В. Сливинский. Второй конной дивизией в армии гетмана командовал генерал-майор В. В. Чеславский, бывший командир 10-го драгунского Новгородского полка. Командиром первой бригадой в этой дивизии гетмана был полковник А. П. Опатович, офицер 10-го гусарского Ингерманландского полка. В 12-м конном Полтавском полку служили несколько офицеров 10-го гусарского Ингерманландского полка: П. П. Васецкий, Б. Н. Луговой, Б. Г. Пальшау, В. И. Селиванов. Так что обстановку в армии гетмана П. П. Скоропадского граф Ф. А. Келлер знал, как говорится, изнутри.

* * *

Вне Украины гетмана поддерживали московский «Правый Центр» и даже приехавший в Киев небезызвестный П. Н. Милюков (чего ему впоследствии долго не могли простить единомышленники). Он, в частности, положительно оценивал как приход к власти в Малороссии гетмана П. П. Скоропадского, так и избрание на Дону атаманом П. Н. Краснова. «В том и другом факте, – писал П. Н. Милюков, – я увидел явления одного порядка – и явления *положительные* – в том смысле, что там и здесь мы имеем дело с началом возрождения российской государственности. Государственная самостоятельность областей, освободившихся от большевиков раньше Москвы, является неизбежной переходной стадией и неизбежным последствием бессилия Москвы освободиться от большевицкого террора собственными силами. По отношению к этому главному смыслу обоих переворотов участие в них германцев является печальной, неизбежной, но все же второстепенной чертой, – как средство по отношению к цели»²⁸.

Что касается колеблющейся политики гетманской власти, то причины этого раздражавшего многих явления во многом проистекали из неопределенности немецкой позиции.

Внешнеполитическая группа во главе с состоявшим при военном командовании дипломатическим советником бароном Альфонсом Муммом фон Шварценштайном (1859–1924)*, придерживалась «плана Рорбаха», предусматривавшего включение Украины в состав «срединной Европы» под руководством Германии. (Приверженец идеи «германского культурного империализма», немецкий публицист и писатель Пауль Рорбах (1869–1956) настаивал на том, что Россию нужно не объединять, а оставить ее раздробленной.) Барон Мумм всячески уклонялся от контактов с русскими монархистами. В то же самое время, по свидетельству Скоропадского, этот «дипломат старого закала» сам по себе был «добрый человек, но очень уставший от жизни, очень честолюбивый, подверженный лести, старый холостяк, с большой дозой сентиментализма». Он хорошо «понимал, что создать Украину украинскими силами нельзя. Никакого украинского шовинизма он не поддерживал»²⁹.

* Посланник в Люксембурге (1898), Пекине (1900), посол в Токио (1906–1911), временный дипломатический представитель Германии в Киеве (с 8.3.1918).

Военная группа во главе с начальником штаба немецких оккупационных войск на Украине ген.-лейтенантом В. Грёнером, наоборот, стремилась к союзу Германии с Россией. Украина рассматривалась сторонниками этой точки зрения как плацдарм, с которого можно было совершить удар по большевикам, сбросив которых можно было снискать симпатии русского общества, чтобы затем вернуться к завету Бисмарка о необходимости и неизбежности германско-русской дружбы³⁰.

Особую роль играл германский капитан граф Константин фон Альвенслебен (1866–1943), под командованием которого произошел разгон «Центральной Рады»³¹. По свидетельству людей знающих, он был головой выше всех остальных немецких дипломатов и политиков в Киеве³². Рассказывали, что «бабушка его была русская, как он сам говорил, кажется, графиня Киселева. Он был вхож в русские круги и считался монархистом и русофилом»³³. Одни говорят, что он, будучи призванным по мобилизации, состоял при командующем оккупационными войсками на Украине генерал-фельдмаршале фон Эйхгорне³⁴, другие – что он был специально причислен к особе гетмана³⁵. Так или иначе, но, принадлежа к военной партии, он «хотел восстановления союза Германии с Россией (единой и целой), и на самостоятельность Украины глядел как на эпизод войны – полезный и необходимый, но преходящий»³⁶.

Среди русских монархистов ходили слухи, что он был послан в Киев императором Вильгельмом, причем на него якобы было возложено спасение Царской Семьи³⁷. Известно, что граф находился в тесном общении с русскими монархистами в Киеве (герцогом Н. Н. Лейхтенбергским, Ф. Н. Безаком, кн. А. Н. Долгоруковым, А. А. Мосоловым и др.), посещал гетмана П. П. Скоропадского. Историк С. П. Мельгунов пишет о нем, как о «передатчике тайных намерений Берлинского Двора»³⁸. Вел гр. Альвенслебен летом 1918 г. переговоры и с оказавшимся в Киеве П. Н. Милюковым. Беседы эти касались главным образом «восстановления России, т.е. военной ликвидации большевиков»³⁹. Пытался установить граф контакт даже с ген. М. В. Алексеевым через его зятя и адъютанта ротмистра А. Г. Шапрона дю Ларре (1883–1947), одного из создателей т.н. «Алексеевской организации» (1917) и адъютанта ген. А. И. Деникина⁴⁰.

Из внешних событий в Киеве стоит упомянуть о террористической деятельности на Украине «русских» эсеров. Взрыв 6 июня в Киеве на Зверинце (200 человек погибло, около тысячи ранено, более тысячи осталось

без крова); неделю спустя пожар на Подоле (сгорели склады дров и десятки домов); взрыв в Одессе в июле, сопровождавшийся многочисленными жертвами. И, наконец, покушение 30 июля 1918 г. на генерал-фельдмаршала фон Эйхгорна. Последний был убит вместе со своим адъютантом эсером Б. М. Донским.

За несколько дней до торжественных похорон фельдмаршала были другие, также отличавшиеся внешней пышностью, похороны – погребали пятилетнего сына гетмана – Павла, умершего от простуды. Германский император прислал венок на гроб ребенка⁴¹.

Новым начальником оккупационного корпуса был назначен генерал-полковник граф Гюнтер фон Кирхбах (1850–1925), участвовавший еще во франко-прусской войне 1870–1871 гг.

За всеми этими террористическими акциями стояли интересы держав Согласия. Ведь разветвленная сеть боевых ячеек «русских эсеров» была создана в Малороссии на деньги англичан⁴². Прибавьте к этому официальную политику расшатывания гетманской власти вождями Добровольческой армии. За ними также стояла Антанта.

Все противники «Украинской Державы» находили поддержку у эмиссаров держав Согласия, «желавших больших беспорядков на Украине, в результате которых немцы не получили бы никакого продовольствия. Эти господа... стремились восстановить народ»⁴³.

Как же воспользовались в Малороссии (как постоянные ее обитатели, так и беженцы из Центральной России) предоставленной передышкой? «Все были заняты своими личными делами, – вспоминал киевлянин, – землевладельцы – взысканием убытков с крестьян; финансовые деятели – пополнением убытков, понесенных во время революции и большевиков; домовладельцы и квартиранты – борьбой друг с другом, и, наконец, спекулянты всех величин и видов – жадной быстрой наживы. Подумать о России, о ее спасении, подумать об освобождении томившегося в заточении в Тобольске Царя – никому почти не было времени. Все власть имущие отмахивались от этих вопросов, когда одиночные лица или целые национально настроенные организации подымали об этом речь. “Это несвоевременно, это трудно”, – обычно слышался ответ из уст тех, кто всем своим прошлым был обязан России и Царю»⁴⁴.

Ну, а что же числившие себя монархистами? И на этот вопрос ответил помянутый житель Киева: «Начались споры о том, может ли вновь Царствовать на Руси Император Николай II, в чем многие уже тогда видели единственное спасение для России; им возражали, и возражали с пеною у рта гг. Шульгины и их ближайшие друзья, не признававшие такого права за Царем, как будто вопрос шел

о праве или о каких-то домогательствах Престола со стороны отрекшегося Императора. Стихийно нараставшее уже тогда убеждение в необходимости коленопреклоненно молить Царя вернуться на Прародительский Престол, от которого Он отрекся для блага родины, будучи обманутым докладами тех государственных и общественных деятелей, которые от имени народа подсказали Ему Его решение, которое привело к гибели и Самого Царя и всей России; эти господа, имевшие дерзость именовать себя также монархистами, старались парализовать схоластическими ссылками на Основные Законы, толкуя смысл их каждый по-своему. Стыдно, безконечно стыдно делается, вспоминая об этом. Поистине русские буржуи чувствовали себя тогда еще недорезанными»⁴⁵.

Были все же и действительно преданные Царской Семье люди. Как и всего хорошего, их было немного. Именно с этими людьми, пытавшимися реально помочь Царственным Мученикам (облегчить Их пребывание в узах и даже освободить), не мог не быть связан гр. Ф. А. Келлер.

Из дошедших до нас скудных свидетельств известно, что планы по освобождению Царской Семьи в Киеве вынашивали супруги Ф. Н.* и Е. Н.** Безак (близкие вдовствующей Императрице Марии Феодоровне)⁴⁶, герцог Н. Н. Лейхтенбергский***, бывший на-

* *Феодор Николаевич Безак* (21.9.1865–?) – после окончания Пажеского корпуса (1885) служил в Л.-Гв. Кавалергардском полку. Вышел в отставку в чине полковника (1902). Губернский предводитель дворянства. Депутат Государственной думы (III и IV созывов). Киевский губернский предводитель дворянства (1913). Шталмейстер. Член Главного Совета Всероссийского национального союза. Член Государственного Совета (сент. 1913 – сент. 1916). Участник монархического съезда в Киеве в июне 1917 г., на котором произошло объединение северной и южной монархических групп. На нем Ф. Н. Безак был избран главой монархического блока. Близкий знакомый С. А. Нилуса (через жену последнего Е. А. Нилус). Вместе с супругой был заключен петлюровцами в тюрьму, из которой их освободили немцы и помогли выехать в Германию. Брат Ф. Н. Безака – Александр был полковником Л.-Гв. Кавалергардского полка, адъютантом Вел. Кн. Николая Михайловича.

** *Елена Николаевна Безак* (26.5.1880–4.8.1971) – дочь генерал-лейтенанта Николая Николаевича Шипова, командира Л.-Гв. Кавалергардского Императрицы Марии Феодоровны полка.

*** *Герцог Николай Николаевич Лейхтенбергский, князь Романовский* (5.10.1868–2.3.1928) – родился в Женеве. После экзамена в Павловском военном училище в С.-Петербурге (1892) выпущен офицером в Л.-Гв.

чальник канцелярии министра Императорского Двора ген. А. А. Мосолов⁴⁷, кн. А. Н. Долгоруков⁴⁸, чиновник Министерства внутренних дел, дворянин Киевской губернии Н. Д. Тальберг⁴⁹, бывший Волынский губернатор П. В. Скаржинский, бывший начальник Главного управления по делам печати А. А. Катенин (†18.6.1937), близкий Н. Е. Маркову-2 полковник Л.-Гв. Кавалергардского полка А. А. Пантелеев⁵⁰. Причастны этому были также подруга Государыни Ю. Н. Ден, глава Монархического союза Одессы Н. Н. Родзевич, богатый помещик и убежденный монархист Толстой-Маразли, материально помогавший находившимся в подполье правым группам.

Трудно предположить, повторим, чтобы ген. Келлер не участвовал в этом. Отсутствие информации свидетельствует, на наш взгляд, лишь о хорошей конспирации. Но, главное, генерал не разменивался на мелочи. Он пытался собрать реальную силу.

Впрочем, некоторые, пусть и косвенные, свидетельства все же имеются. Прежде всего, упомянутый нами полк. А. А. Пантелеев, посещавший главу киевских монархистов Ф. Н. Безака, был весьма близок Федору Артуровичу, будучи впоследствии начальником его штаба, не оставивший его в трудную минуту и погибший вместе с ним. Наконец, вот это прямое свидетельство Н. Д. Тальберга о гр. Ф. А. Келлере: «Приехав в Киев, он вошел в непосредственную связь с работавшими там монархическими организациями»⁵¹.

Известный эмигрантский историк С. П. Мельгунов связывал с ген. Ф. А. Келлером организацию, возглавлявшуюся сенатором Н. И. Туган-Барановским⁵². О последней упоминал в своих мемуарах корнет С. В. Марков: «Недели за две до своего отъезда в То-

Преображенский полк. Женат на гр. Марии Николаевне Граббе (1869–1948). Вступил в Великую войну в качестве командира батальона своего полка Полковник. Командир 12-го Туркестанского стрелкового полка. Генерал-майор. Флигель-адъютант. Кавалер ордена Св. Георгия. Арестовывался большевиками (весна 1918). В начале июля 1918 г. атаманом П. Н. Красновым назначен атаманом Зимовой станицы (т.е. посольства) Всевеликого войска Донского в Берлине. Двоюродный брат Баварского кронпринца. Остался в Германии. Уединенно жил в своем родовом имении во Франции (Руф/Ruth, департамент Воклюз), где и скончался. Дети: Александра (1895–1969), Николай (1896–1937), Надежда (1898–1962), Максимилиан (1900–1906), Сергей (1903–1966), Михаил (1905–1928), Мария (1907–1993).

больск я от своих знакомых узнал, что кроме нашей организации интересуется судьбой Их Величеств еще и сенатор Туган-Барановский, брат профессора*, который якобы имеет связь с Тобольском, где находятся посланные им туда еще в 1917 году верные люди, сумевшие конспиративно там устроиться, и что он предполагает отправить туда еще несколько человек, по-видимому, располагая кое-какими средствами. Действует ли он по поручению какой-либо организации или на свой страх и риск, мне мои знакомые сказать не могли, но факт отправки людей в Сибирь был им доподлинно известен...»⁵³

Посетивший в самом начале октября 1918 г. гр. Ф. А. Келлера тот же корнет С. В. Марков вспоминал:

«Во время моего пребывания в Киеве туда приехал из Харькова генерал от кавалерии граф Келлер, к которому я не замедлил явиться. Граф с подкупающей сердечностью принял меня, с большим интересом выслушал мой доклад и, когда я кончил, пожимая мне руку, сказал:

– Очень рад и счастлив, что мой однокашник и офицер родных мне полков по своим силам и разумению исполнил свой долг перед Их Величествами!

Граф очень заинтересовался моей попыткой связаться с Родственниками Ее Величества и просил меня немедленно поставить его в известность о результатах встречи моей с г-ном Магенером**. Уз-

* Речь идет о проф. Михаиле Ивановиче Туган-Барановском (1865–1919) – выпускнике Харьковского университета, известном экономисте, первоначально примыкавшем к легальным марксистам, затем вступившем в партию кадетов. В 1917–1918 гг. он был министром финансов «Центральной Рады». Именно ему, а не брату авторы ряда статей ошибочно, без каких-либо оснований, приписывают участие в заговоре, ставившем целью освобождение Царя. – С. Ф.

** А Магенер был представителем Принцессы Ирены и Великого герцога Эрнста-Людвига Гессенского, брата и сестры Государыни. В Москву он выехал в середине августа 1918 г., чтобы на месте проверить правильность противоречивых слухов о Царской Семье. По свидетельству С. В. Маркова, это был «пожилой уже человек, великолепно, почти без акцента говоривший по-русски, так как он двадцать лет до войны прожил в России, где у него в одном из приморских городов было большое техническое дело. Из России он уехал на родину незадолго до войны и во время ее служил в Министерстве иностранных дел» (Марков С. В. Покинутая Царская Семья 1917–1918. С. 457). Встреча его с С. В. Марковым произошла в Киеве в последних числах октября. Через несколько дней он побывал у «южнорус-

нав о деятельности Петербурга в деле спасения Императорской Семьи, о безденежье организации, он сказал мне:

– Раз это так, так я сам вмешаюсь в это дело. Если события развернутся по намеченному мною плану, то средства у меня найдутся, а за людьми остановки не будет»⁵⁴. (Граф имел в виду сделанное ему предложение возглавить Северную монархическую армию.)

К гр. Ф. А. Келлеру, полагаем, в полной мере можно отнести слова, сказанные Н. Д. Тальбергом об упомянутом полковнике А. А. Пантелееве: «Страшные слухи об Екатеринбургских событиях, – временами он им верил, временами нет – сильно подкосили его»⁵⁵.

«В 12 часов, – читаем запись от 24 августа в дневнике вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны, жившей в то время в Крыму, – я приняла графа Келлера, которого была так рада увидеть снова – впервые после войны. Он пришел в форме, которую украшали его ордена, и с крестом святого Георгия на шее. Это замечательнейший человек *sans peur et reproche**. Рассказывал, что в его корпусе соблюдался полный порядок и царило спокойствие в течение целого месяца после революции, пока ему не пришлось покинуть свой пост. Он остался на завтрак, на котором присутствовали мои дочери, Орбелиани и мои придворные. Слушать его было необычайно интересно. Он беседовал с одним офицером, который виделся с князем Долгоруковым, и тот сообщил ему, как вместе со своими людьми освободил *Ники* и перевез всех их в безопасное место на борт корабля. Неужели это правда? Дай-то Бог! Они оставались у меня до 3 1/2 пополудни»⁵⁶.

Но слухи об участии Царственных Мучеников были самые разные и зачастую действительно страшные. Сделаем несколько выписок из киевского дневника П. Н. Милюкова:

(9/22.6.1918): «Подтверждается слух об убийстве Ник[олая] II в Екатеринбурге. По свед[ениям] Р[ясянского**], Семья сидела

ских монархистов», собравшихся на квартире у Ф. Н. Безака. После последней встречи он заявил: «Я не понимаю вас, русских, вы настаиваете, что Германия и только Германия может спасти и должна спасти Государыню и Ее Семью, а ведь у нас не только при Дворе, но и повсюду известно, что ваша Императрица считает Себя настолько русской, что ни за что не согласится на немецкую помощь!» (Там же. С. 459–460.) – С. Ф.

* Без страха и упрека (*фр.*).

** Подполковник С. Н. Ряснянский (1886–1976) – в описываемое время начальник разведотдела штаба Добровольческой армии. – С. Ф.

в вагоне, когда ворвались красногвардейцы и застрелили Николая и одного генерала. За ними тотчас ворвались чехословаки и спасли остальных, убив красногвардейцев»⁵⁷.

(13/26.6.1918): «Утром беседа с Шульгиным... [...] Побеждает [у немцев] течение разделения России. Вызвано это [...] нежеланием “Династии” принять монархическую кандидатуру из германских рук (будто бы за свой отказ убит германцами Николай II). По сведениям из Екатеринбурга, охрану несли германские войска»⁵⁸.

(14/27.6.1918): «Утром свидание с Муммом... [...] Разговор переходит к слухам о Царе: у них нет никаких сведений, и они не верят слухам»⁵⁹.

В тот же день, по сведениям военного министра «Украинской Державы» ген. А. Ф. Рагозы: «Прежде чем был убит Николай II, на Его глазах изнасилованы красногвардейцами Ольга и Татьяна и тоже убиты (это со слов Альвенслебена)»⁶⁰.

(6/19.11.1918): [Сведения военного министра и командующего Западно-Сибирской армией А. Н. Гришина-Алмазова.] «Дом, который занимала Царская Семья, охранялся бандами, которые не верили друг другу и изгоняли друг друга. Царскую Семью загнали в одну комнату, где на двух кроватях спали Царь и Царица, на диванчике Алексей, на полу все Княжны. Раздевались в присутствии солдат: некоторые были изнасилованы. Наконец, одна из банд объявила: завтра расстрел. Уцелел один камердинер, арестованный в другом месте. Царь убит с Алексеем в руках. Татьяна добита прикладом. Опомившись, убийцы ночью вытащили трупы в поле и сожгли на костре. Остатки костра исследованы и найдены твердые предметы, опознанные как принадлежность Царской Семьи. Между прочим, найден бриллиант, зашитый в платье одной из Великих Княжон. Убийцы разбежались»⁶¹.

Отношение к убийству Царской Семьи, безусловно, было явлением знаковым, четко характеризовавшим разные группировки и отдельные лица.

«Когда во время второго Кубанского похода, – вспоминал А. И. Деникин, – на станции Тихорецкой, получив известие о смерти Императора, я приказал Добровольческой армии отслужить панихиды, этот факт вызвал жестокое осуждение в демократических кругах и печати...»⁶²

«Атаман, – писал о себе ген. П. Н. Краснов, – служил торжественную панихиду по зверски убитом большевиками Царе и отдал об этом приказ...»⁶³

А вот как встретили известие об убийении Императора (тогда еще ложное) в Киеве. «В назначенный день, – вспоминал архимандрит из Александро-Невской Лавры Владимир, – в 9 часов утра храм был наполнен молящимися, в нем и кругом него собралось 230 тысяч народа. [...] И вот как в ожидании службы народ выражал свою печаль воплями и плачем, так теперь, при объявлении о ложности слуха, он выразил свою радость пением: “Боже, Царя храни”, “Спаси, Господи...” До моего отъезда из Киева более не получалось известий о кончине бывшего Императора, и по просьбе народа было совершено молебствование о здравии бывшего Государя»⁶⁴.

После получения известия в Киеве о действительном убийстве Царственных Мучеников панихиду служили в соборе.

«...В середине июля 1918 г., – свидетельствовал очевидец, – город облетела страшная весть о том, что в Екатеринбурге свершилось величайшее злодеяние: убит Царь и вся Его Семья. Как гром поразило это известие русских людей. Бросились проверять эти сведения всюду, где могли, но увы, надежды на неверность их как-то сразу пали. Один немецкий штаб хранил упорное молчание по этому поводу и утверждал даже порой, что достоверность этого известия не проверена. [...]

По инициативе русских людей в Софийском соборе состоялась торжественная панихида по убитым, которую, в сослужении с киевским духовенством, совершил митрополит Киевский Антоний. Открытое объявление о панихиде было в те времена еще невозможным, и потому на домах и заборах лишь ночью были расклеены соответствующие объявления.

Панихида обратилась, как-то сама собою, во внушительную монархическую демонстрацию. Не только собор, но и весь прилегающий к собору большой погост и площадь были заполнены русскими людьми, явившимися отдать последний долг Тому, Кто жизнь Свою не побоялся отдать за счастье Своего народа. Величественную картину представлял в тот день Софийский собор, и хотя украинские газеты на другой день и сообщили, что панихида была организована исключительно русскими черносотенцами, генералами и придворными, но это была чистая неправда; наоборот, храм был полон именно простым рабочим людом, пришедшим помолиться об упокоении своего Царя, несмотря на будний день и рабочий час. [...]

Не обошлась, однако, панихида и без инцидентов. К середине ее явилась к собору группа украинцев-самостийников, начавших

скандалить и петь украинские песни. Попытка их проникнуть в собор не удалась, народ их не пропустил и потому они ограничились перебранкой с публикой, находившейся на погосте. Инцидент этот произвел тогда самое гнусное на всех впечатление и лишний раз показал убогость мысли заправил украинских кругов, допустивших подобное выступление»⁶⁵.

«Меня крайне удивило, – писал оказавшийся в 1918 г. в Малороссии Дворцовый комендант ген. В. Н. Воейков, – отсутствие Скоропадского в Софийском соборе на торжественной панихиде по Государе, совершенной киевским митрополитом Антонием Волынским только в сентябре, так как давно дошедшему из Екатеринбурга печальному известию вначале никто верить не хотел. Зайдя после панихиды в один дом, я там встретил священника церкви гетманского будинка (дворца). Он мне сказал, что не мог участвовать в сослужении в Софийском соборе, так как в тот же самый час гетманом была заказана в домово́й церкви панихида по рабу Божьему Николаю»⁶⁶.

Панихиды отслужили, но вопросы все равно остались. Без ответов...

*Сколько было уби́йц? Двенадцать,
Восемнадцать или тридцать пять?
Как же это могло так стать –
Государя не отстоять?
Только горсточка этот враг,
Как пыльцу бы его смело:
Верноподданными – сто сорок
Миллионов себя звало...**

* * *

П. П. Скоропадским были «приняты все меры, чтобы приютить всех бежавших из коренной России от террора большевиков, спасти их имущество и жизнь, сохранить, по возможности, больше культурных сил России»⁶⁷.

По существу своему гетманство было «опытом внешнего и внутреннего преодоления большевизма и возврата к нормальным условиям политической, экономической, гражданской жизни». По-

* Арсений Несмелов. Цареубийцы.

степенно складывалась «инерция здоровой и сытой жизни», чем-то напоминавшая дореволюционную⁶⁸.

Как справедливо писал один из деятелей «Украинской Державы»: «Все больше у русских укреплялась надежда на то, что гетманская Украина станет исходным пунктом общерусского освобождения – и это смягчало отношение к национальному украинскому движению. С другой стороны, крайние украинские течения ни в чем себя не проявляли – большинство их деятелей служили во второстепенных или внеполитических должностях...»⁶⁹ «...Период гетманства был временем полной национальной терпимости и признания равноправия национальностей»⁷⁰.

«Страх перед революцией, – по словам приехавшего в Киев летом 1918 г. кн. Е. Н. Трубецкого об окружавших его людях, – был куда сильнее их русского национального чувства, а их украинский “национализм” был лишь последствием упадка их русского патриотизма»⁷¹. В представлении таких людей «идея “независимости” от России силою вещей превращалась в идею независимости от большевиков – чему сочувствовали сами русские, бывшие на Украине». Что бы ни говорили патриоты, рядовой киевский обыватель ясно понимал: «Дело идет о *временной* независимости, т.е. до уничтожения большевизма»⁷².

Первое министерство Ф. А. Лизогуба (с начала мая по 19 октября) было «попыткой синтеза украинского и русского начала»⁷³. Украинцев в этом правительстве почти не было. Деятели «Центральной Рады» от сотрудничества наотрез отказались. Министры были, главным образом, русские, правой ориентации. Как правило, то были либо опытные чиновники Царского времени, либо земские деятели. Входили в правительство также еврей (министр торговли), немец (министр труда), поляк (министр финансов).

Сам премьер-министр Ф. А. Лизогуб, по свидетельству людей близко его знавших, «был придавлен и как-то смят революцией, большевизмом, ухватился за буржуазную и национальную реставрацию Украины как *части* России, но считал временно, до уничтожения большевиков, необходимым опираться на национальное украинское движение как здоровое начало, как точку опоры в борьбе против большевизма»⁷⁴.

Характерная черта гетманской Украины – двойственность, частью, возможно, намеренная.

Прежде всего, сама власть гетмана – «не то выборная монархия, не то республика». В русских церковных кругах вопрос этот

решался «всегда в сторону монархии»⁷⁵. Так, понятно, было спокойнее*.

«Гетманский будинок, – вспоминал очевидец, – целые сутки жил приемами, совещаниями, парадами в зале, завтраками и обедами. Состоялся прием посланников и представителей Турции, Болгарии, Кубани, Финляндии, Польши и Голландии»⁷⁶. Фердинанд Болгарский приветствовал гетмана «Ваша Светлость»⁷⁷.

Как-то «гетман приказал на маленьком пароходике, бывшем раньше в распоряжении окружного инспектора путей сообщения, поднять штандарт гетмана-адмирала украинского флота, с участием почетного караула солдат, с музыкой и артиллерией в его присутствии». Узнав об этом, взволнованный товарищ министра иностранных дел А. А. Палтов бегал по дворцу, восклицая: «Что скажут немцы? Флота нет, еще только разговоры. Адмирал флота Украины? Какого флота? Барок на Днепре?»⁷⁸

Эта ссылка на немцев не случайна. Они были реальной силой, придающей стабильность «Украинской Державе». В Киеве «целый ряд громоздких учреждений, переполненных персоналом, толкли воду в ступе, так как в конце концов все существовало и двигалось только потому, что на Крещатике и других центрах города стояли немцы в касках, зорко следившие за порядком, не пропускавшие ни одного автомобиля без соответствующей “визы”, да существование Оберкомандо, которое в целях экономии энергии и сохранения хороших отношений везде имело свой хозяйский взгляд»⁷⁹.

Такой же двойственностью было фальшивое украинство («унизительный украинский маскарад»⁸⁰, по словам кн. Е. Н. Трубецкого).

Сам гетман и премьер министр Ф. А. Лизогуб по-украински вовсе не говорили (лишь позднее Скоропадский с грехом пополам выучился простонародной «мове»)⁸¹. Это не мешало им, как не без едкости замечал кн. Е. Н. Трубецкой, «говорить речи о том, как

* Сам Скоропадский, правда, отверг уже подготовленный юристами проект, предусматривавший восстановление «исторического звания князя Киевского» (рассматривался также и вариант «короля Украины»). (См.: Папакин Г. В. Павел Петрович Скоропадский // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 70.) Главным, однако, на наш взгляд, здесь является то, что перед тем, как отвергнуть, гетман все же никак не препятствовал такой проект разрабатывать. Трудно себе также представить, чтобы юристы занимались этим в свободное от основной работы время.

“двести лет стонала Украина под русским игом”⁸². Эти слова гетмана на учительском съезде, как вспоминали после, «вызвали лишь улыбки недоверия с одной стороны и негодование с другой»⁸³.

«При министерствах, – по словам очевидца, – состояли особые чиновники, которые переводили по-украински официальные протоколы их заседаний»⁸⁴. То же было и в армии: «Начальник пишет бумаги на русском языке и дает ее переводить писарю. Последний берет словарь Толпыго, подыскивает украинские слова и, не зная оборотов речи, склоняет и спрягает их по-русски...»⁸⁵

Все отношения с немцами приказано было также вести только на русском или немецком языках. «Германцы, из круга Эйхгорна, – писал П. Н. Милюков, – относятся к “державной мове” неодобрительно. Эйхгорн, в последних прокламациях, обращается к населению по-немецки или по-русски»⁸⁶.

Но и самим «коренным» жителям язык оказался чужд. Распространяя в малороссийской глубинке биографический очерк о гетмане⁸⁷, специально подобранные книгоноши делали потом подробные доклады о настроениях в провинции. «...Большинство населения, – свидетельствовали они, – придерживаются русофильской ориентации, предпочитает большевиков украинцам и во всяком случае старую русскую культуру украинской. [...] Так, были заявления с протестом, что брошюра напечатана по-украински: “Мы говорим по-хохлацки, а читаем по-русски”»⁸⁸.

Генерал-майор И. К. Кириенко вспоминал, как в Киев к гетману явилась даже делегация «выбранных крестьян от всей Малороссии с просьбой, чтобы все распоряжения, которые им присылают, были написаны по-русски, а не по-“украински”, как им до сих пор выслались, потому что “украинского-галичанского” языка они не понимают»⁸⁹.

Однако порой двойственность эта («и вашим – и нашим») приносила горькие плоды.

В биографии митрополита Антония (Храповицкого), избранного в то время на вдовствовавшую после убийства владыки Владимира Киевскую кафедру*, читаем – следует признать – весьма удивительную историю (биографии, прибавим мы, написанной духовным чадом и учеником Владыки):

* В то время Владыка, по обычаю, попытался, было, «играть роль». Нанеся, по приезде в Киев, визит гетману, он тут же посетил фельдмаршала Эйхгорна «Владыка Антоний, – писал его биограф, – прекрасно владевший немецким языком и имевший широкие воззрения в международ-

«Приближался день Полтавской победы 27 июня. Самостийники обратились к Владыке с петицией, в которой, заявляя, что они считают день Полтавской битвы днем национального траура, просили Владыку в этот день отслужить на Софийской площади панихиду по гетмане Иване Степановиче Мазепе*.

Владыка Антоний, ценивший [sic!] Мазепу за его церковноправославную народную деятельность и не сочувствовавший [sic!] Петру I за антиканонические и антицерковные реформы в России, ответил, что он предварительно отправит телеграмму патриарху Тихону с просьбой снять с Мазепы анафему, как незаконно [sic!] наложенную не за ересь, а за политику. Телеграмма была послана, и патриарх снял [sic!] запрещение.

Накануне дня панихиды было собрание епископов, которые были недовольны согласием Владыки отслужить панихиду, и притом именно в день [sic!] Полтавской битвы, что панихида – это своего рода демонстрация против старой России и что вслед за этим самостийники могут потребовать снятия памятника Богдану Хмельницкому. Владыка сказал, что он и не собирался лично служить панихиду уже по одному тому, что украинцы его не любят и могут подумать, что он хочет к ним подделаться, и поручает отслужить панихиду одному из викариев.

ных вопросах, произвел на немецкого генерала самое благоприятное впечатление... [...] Немцы чтили Владыку, восторгаясь его умом и отличным знанием немецкого языка» (*Архиепископ Никон (Рклицкий)*). Антоний [Храповицкий] и его время 1863–1936. Кн. 2. Нижний Новгород, 2004. С. 629, 630, 635). Не остался Владыка в стороне и от проекта провозглашения Украины «королевством», сулившего сближение с властью. «Помню, – писал Скоропадский, – как он думал найти во мне слабые струнки и чуть ли не с первого дня намекал, что нужно непременно устроить что-нибудь вроде коронации. Я это отклонил. Он удивился.» (*Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний // *Минувшее. Исторический альманах*. Вып. 17. М.-СПб, 1995. С. 43). Посетившему его 26 июля послы Всевеликого войска Донского в Германии герцогу Н. Н. Лейхтенбергскому митр. Антоний дал «совет» «стать во главе монархического движения» (*Воробьев Н.* *Дневник подьесаула герцога Н. Н. Лейхтенбергского о поездке Зимовой станицы В.В.Д. к Императору Вильгельму* // *Родимый край*. № 99. Париж. 1972. С. 24).

* Все это делалось, разумеется, при молчаливом (по крайней мере) согласии гетмана Скоропадского. Согласно его воспоминаниям, в родовом доме Скоропадских «висел между гетманами портрет Мазепы, столь ненавистный всякому русскому; в доме ему не поклонялись, как это делают теперь украинцы, видя в нем символ самостийности, а молчаво относились к симпатиям, причем только возмущались, что до сих пор в соборах Великим постом Мазепу предавали анафеме» (*Скоропадський П.* *Спогади*. Киев, 1995. С. 388). – С. Ф.

На это предложение три Киевских викария – Василий, Дмитрий и Никодим просили их освободить, а четвертый – епископ Черкасский Назарий, старик, дворянин, из монахов Киево-Печерской лавры, человек смиренный и кроткий, согласился “за послушание”.

На другой день панихида была отслужена. Преосвященный Назарий, прибывший на заседание епископов непосредственно с Софийской площади, заявил, что ничего особенного не было»⁹⁰.

...В день Полтавской победы, ровно в 12 часов 10 минут из Софийского собора на площадь вышли священники во главе с епископом Назарием. «Боголюбивые братья и сестры! – начал революционный украинский поп Крамаренко. – Сегодняшний день – трагичный для украинского народа! В сегодняшний день больше чем 200 лет тому назад была одержана победа под Полтавой – победа Петра над Иваном». И далее: «славный наш гетьман» Иван Мазепа... «Свята Украинська церква щиро шанувала й шанує свого гетьмана»... «Співробітники гетьмана Мазепи – митрополит Дмитрик Туптало та митрополит Іван Максимович»⁹¹. К Иудиному делу Мазепы, по клеветническому утверждению Крамаренки, оказались причастны святители Димитрий Ростовский и Иоанн Тобольский...

В те же дни самостийники в Полтаве приступали к архиепископу Феофану (Быстрову). На эти требования Владыка, однако, твердо ответил:

– Я не могу своею властью, не имею никакого права это сделать, хотя бы уже потому, что бывший гетман Иван Мазепа предан Церковью анафеме за свое предательство. И я, Архиепископ Полтавский, этой анафемы отменить не могу. Ей уже более двухсот лет. И эта анафема наложена Высшим Управлением Церкви Российской того времени.

– Так это же сделали москали в Синоде!

– Нет! Вы глубоко ошибаетесь. Тогда Синода еще не было, но не было и Патриарха. А Церковь управлялась Местоблюстителем Патриаршего Престола. А этим Местоблюстителем как раз был митрополит Стефан Яворский, уроженец западной Украины. Да и вообще Царь Петр приближал к Себе как раз украинцев, как более ученых. Таковы митрополит Феодосий Яновский, митрополит Феофан Прокопович и другие.

За этот мужественный отказ архиепископ Феофан попал в заключение⁹².

Что касается митрополита Антония (Храповицкого), то его папозаристские взгляды ни для кого секретом не являются. Об этом писал в свое время еще о. Павел Флоренский: «...В церковных кругах, считающих себя правилами благочестия и столпами канонической корректности, с некоторых пор стараниями главным образом архиепископа Антония (Храповицкого) стала культивироваться мысль о безусловной необходимости неограниченной церковной власти и склонность к светской власти так или иначе коллективной, например, ограниченной коллективно выработанной конституцией или решениями того или другого представительного органа»⁹³.

Заявления Владыки Антония типа («бедствия, постигшие Династию и Россию, явились Божиим отмщением за ее посягновения на Церковь...»⁹⁴) также давно известны. Не новость и его злостные обвинения Царя-Мученика в отказе восстановить Патриаршество: «Государь Николай II якобы сочувствовал восстановлению патриаршества, но на самом деле был тоже против этого, ибо управлял церковными делами как уже настоящий патриарх...»⁹⁵ И это при том, что он сам, как известно, рассказывал позднее о предложении Царя Себя в Патриархи и о красноречивом молчании Владык, в том числе и его самого в ответ на слова Царевы.

Напрасно пытаются выдать Владыку и за почитателя Царя-Мученика как святого: «Будучи глубоким монархистом, высоко почитая царственную династию Романовых и особенно Царя-Мученика...»⁹⁶; «...Владыка Антоний всегда почитал Государя Императора Николая Александровича как лучшего из земных царей, достойного причисления к лику святых мучеников...»⁹⁷ Прискорбно лишь, что так извращает факты человек, газета которого как раз и публиковала в свое время вполне определенную отповедь Владыки известному югославскому публицисту и общественному деятелю Н. Павловичу, писавшему о святости нашего Государя. «Письмо Ваше, – строго отчитывал автора, искренне верившего в святость Царя, митр. Антоний, – меня настолько удивило, что я не сразу поверил в его искренность и принял за шутку [...] Несомненно, наш возлюбленный Государь Николай Александрович был искренно верующим православным христианином, хотя, к сожалению, далеко не чуждым различного рода суевериям, например, магнетизму, спиритизму и т.п. Я надеюсь, и даже питаю уверенность, что Господь принял Его душу в Свое Небесное Царство, но отсюда еще далеко до прославления Его, как святого»⁹⁸.

Да и в самом жизнеописании Владыки, автор которого, вопреки очевидному, пытается нас уверить, что митрополит чтит Царя-Мученика, как святого, можно прочесть такие, например, лживые слова митр. Антония: «...Высочайшая Чета воспитывавшаяся... на ложном мистицизме», «смолоду склонная к суевериям всякого рода, впала в... заблуждение по избытку [sic!] в ней смирения и христианского терпения»⁹⁹.

В приведенном выше отрывке из жизнеописания Владыки о панихиде по Мазепе в Киеве летом 1918 г. нас не может не удивлять, конечно, и сама легкость снятия анафемы. Той самой, о которой писал наш великий поэт:

*Лишь в торжествующей святыне
Раз в год анафемой доньне,
Гроза, гремит о нем собор**

Сдается, что «основательность» этого поспешного акта (если таковой действительно имел место) в отношении человека, для награждения кото-

* А. С. Пушкин. Полтава.

рого указом Императора Петра Великого был изготовлен специальный «орден Иуды»¹⁰⁰, находится в прямом соответствии с замалчиванием с тех пор официальными церковными властями самого факта этой «отмены».

«Забыт Мазепа с давних пор», – считал Пушкин. Но кто-то все время ворошил кости этого предателя.

«Дух Мазепи встав зривоє могили: приходить хвилина, коли зможемо відплатити за полтавську гекатомбу!»¹⁰¹ – заклинали бандеровцы в своих прокламациях.

«Гетман Мазепа хотел освободить Украину от России. Однако он в 1709 г. вместе со своим союзником Карлом XII проиграл сражение с русским царем Петром I»¹⁰², – это уже в наши дни вещает украинский посол в Словакии Д. Павлычко, бывший известный советский писатель.

1964 год. В день прибытия Н. С. Хрущева в Стокгольм с официальным визитом Ярослав Стецько, глава кровавой Организации украинских националистов, основанной человеком, по указанию которого был убит гр. Ф. А. Келлер, под блики вспышек фотокамер демонстративно возложил цветы к памятнику Карлу XII.

В наши дни немало делается для увековечения памяти отлученного от Церкви «второго Иуды». Снят фильм «Молитва за гетьмана Мазепу» (режиссер Ю. Ильенко), возмущивший даже мэра Москвы Лужкова и министра культуры Швыдкого¹⁰³. (После этого трудно себе даже представить, что это за фильм!) 7 мая 2004 г. в парке Свободы румынского города Галаца открыли памятник Мазепе. Панихиду по отлученному от Церкви в соборе Святых равноапостольных Царей Константина и Елены, воздвигнутому на месте упокоения погибших во время Крымской войны русских воинов, безбоязненно отслужило духовенство Румынской Православной Церкви¹⁰⁴.

Наконец 23 января 2005 г. состоялась церемония инаугурации украинского президента Ющенко, на которой в качестве «священной реликвии» наличествовал золотой нательный крест анафематствованного Церковью гетмана¹⁰⁵. (Еще в 2002 г. он хранился в Москве в Гохране, в кладовой Министерства финансов¹⁰⁶. Кем и когда он был передан в Киев – неизвестно. О, воровское время!) Вторую (официальную) присягу Ющенко принимал на Пересопницком Евангелии, переведенном в XVI в. на малороссийское наречие. Евангелие на долгое время исчезало, чтобы загадочным образом явиться 17 апреля 1701 г. в руках именно Мазепы, подарившего его Переяславскому кафедральному собору. Посетившему 4 июня 2005 г. Запорожье Ющенко, избранному перед этим «гетьманом», украинские казаки подарили коня по кличке Орлик. (Так, между прочим, звали «наперсника Мазепы», назначенного Карлом XII «малороссийским гетманом» в изгнании. Итак: Мазепа верхом на Орлике! Славно! Нет, не утратили потомки запорожцев юмора! Есть еще, как некогда говорили, порох в пороховницах!)

Что касается опасений архиереев за памятник Богдану Хмельницкому в 1917 г., то они, к сожалению, оказались небезпочвенны. Остановимся на этом подробнее, поскольку дальнейшая судьба гр. Ф. А. Келлера оказалась связанной с ним.

Идея установить памятник мудрому деятелю Малороссии возникла еще в 1850-е годы. В 1869 г. Император Александр II подписал об этом указ. Однако освящен и открыт он был лишь 11 июля 1888 г., в дни празднования 900-летия Крещения Руси. Памятник установили у Софийского собора, алтарная стена которого по помещенному на ней изображению Матери Божией именовалась «Нерушимой Стеной».

Из-за недостатка средств пришлось отказаться от первоначально задуманных скульптур: покрытого рваным польским знаменем убитого ляха, бегущих от грозного гетмана жида-арендатора с награбленным церковным добром в руках и иезуита, а также соответствующей надписи:

*Та не буде луче, та не буде краще,
Як в нас на Вкраїні,
Що немає жида, що немає ляха,
Не буде й унії*

По сравнению с первоначальным замыслом скульптуру развернули: гетман стал указывать булавой на Москву. Вначале она была обращена на Польшу, которой гетман должен был постоянно грозить...

На постаменте были помещены надписи: «Волим под Царя Восточного Православного» и «Богдану Хмельницкому – Единая Неделимая Россия». Терпеть эти слова после революции, понятно, не было никаких сил. Эти «тенденційно-москалефільські надписи» постарались убрать в первую очередь. Во время «Украинской манифестации» 30 сентября/13 октября 1918 г. (еще при гетмане) «щирые» пытались выковырять первые две буквы в слове «Неделимая». После вообще уничтожили всю надпись, сломали решетку, сняли фонари, срезали деревья и кустарники¹⁰⁷.

До сих пор все это кровотоцит. И кто-то вновь и вновь (в который раз!) делает чудовищный «выбор», предлагая обезумевшим, потерявшим все ориентиры, людям разделить с ним путь дикости, подлости и измены. Путь предательства Государя и отречения от Бога, помазавшего Своего Избранника на Царство. Это не просто дорога в никуда, а в твердо известное нашим предкам место – ад! (Но кто в наше время *оранжевых* площадей верит в это?..)

Вот веки этого жуткого пути ложных предпочтений:

Пушкин или **Шевченко**.
Остап или **Андрій**.
Богдан Хмельницкий или **Мазепа**.
Петр I или **Карл XII**.

И в этом смысле:

Граф Келлер или **Петлора**.

Но МЫ...

Мы дралися там со шведом под знаменами Петра!

Правда же Царская – в словах Великого Императора: «...А о Петре ведайте, что Ему жизнь не дорога, жила бы только Россия во славе и благоденствии».

В день «покровителя бранного Полтавского поля» – преп. Сампсона странноприимца (27 июня/10 июля) – вместе с отошедшими от нас на Небесную Родину воспоем каждый в своей келлии (но соборно) отмененное революцией, но не Свыше, победное величание Богу:

Величаем Тя, Трипостасный Боже, вознесенную гордость смирившего и на Тя уповающим победу даровавшего.

* * *

«...Киев оказался центром, который, по выражению Деникина, – пишет современный биограф этого генерала, – впитал в себя летом и осенью 1918 года “всю соль российской буржуазии и интеллигенции”. Туда перебрались из Москвы ее подпольные “союзы” и “центры”. Германские оккупационные власти внимательно следили за их деятельностью, но фактически оставляли их в покое»¹⁰⁸.

После второй мировой, видимо кое-что поняв, отличавшийся во время гражданской войны крайней германофобией В. В. Шульгин (редактор знаменитого «Киевлянина») вспоминал о том времени, когда он вместе с германскими войсками вернулся в родной Киев: «...Я решил выпустить экстренный номер, получивший название “Последний номер ‘Киевлянина’”. Этот номер обогатил киевских мальчишек, продававших газету. Номер, стоивший десять копеек, вздул цену в двадцать пять рублей за экземпляр. Люди рвали его друг у друга. И это, пожалуй, было понятно. Передовая статья начиналась так:

“Закрывая газету, которая свыше пятидесяти лет обслуживала край, газету ‘Киевлянин’, мы должны сказать пришедшим в наш город немцам: ‘Вы – наши враги’. Но прежде чем продолжать, мы должны поблагодарить немцев за то, что они очистили авгиевы конюшни киевского вокзала. Там толстым слоем лежал пласт из выплюнутых семечек и грязи. Теперь чисто. Упоминаем об этом потому, что чувствуем и понимаем: в существующем хаосе немцы – элемент опрятности и порядка.

Но идет война. Война продолжается. Мы дали наше слово французам и англичанам, и мы будем его держать. И потому-то мы – ваши враги. Враги – до заключения мира”.

В заключение я хочу сказать, что честные враги лучше, чем безчестные друзья. [...]

И этот номер вышел. Он произвел сильнейшее впечатление. И на Киев, и на гостей – немцев. [...] ...Начальник типографии был наш, хохол, к тому же хитрый хохол.

Он, прочтя корректуру, пришел ко мне в слезах:

– Плачу, и весь город будет рыдать. Но ведь они конфискуют типографию. [...]

Он схватил корректуру и ушел.

Во главе немецкого, так сказать, управления стоял некто Альвенслебен, прекрасно говоривший по-русски. Мой хитрый хохол рассказал мне позже:

– Я пошел к Альвенслебену. Они совещались два часа. Наконец, вернули мне корректурные листы, и Альвенслебен сказал:

– Человек закрывает газету, которую издавал пятьдесят лет. Надо же ему высказаться... Можете печатать! [...]

И напечатали. [...]

...Когда Адольф Гитлер занял Югославию, моя покойная жена, Мария Дмитриевна, как-то очутилась в одном купе с немецкими тогдашними офицерами. Ее приняли за хорватку, но она объяснила, что она русская эмигрантка.

Офицер постарше спросил ее:

– Откуда вы родом?

– Из Киева.

– Из Киева? Я был в Киеве много лет тому назад.

После некоторой паузы он продолжал:

– Я хотел бы, чтобы русские эмигранты знали: не все одобряют то, что делается сейчас.

Из этого вывод: есть немцы и немцы. Потомки Альвенслебена – наши будущие друзья»¹⁰⁹.

«...Меня часто поражала, – писал проживавший в Киеве герцог Г. Н. Лейхтенбергский, – легкость, с которой немцы отправляли или закрывали глаза на отправку в Добровольческую армию... офицеров. [...] Правда, немцам приходилось иногда арестовывать офицеров-добровольцев, слишком уже откровенно ведущих свою агитацию в Киеве и на Украине, и притом не только вербовкой офицеров в Добровольческую армию, но и определенным при этом возбуждением офицерства против немцев. В крае, как-никак, а оккупированном немцами, это было, по меньшей мере, безтактно и нечего, поэтому, удивляться, что таких неумелых агитаторов и вербовщиков немцы арестовывали. Однако, в большинстве случаев, дело кончалось тем, что, по ходатайству гетмана или русских видных киевлян,

этих арестованных либо высылали из пределов Украины, либо отпускали на все четыре стороны, и они возвращались в Добровольческую армию. На Дон, к Краснову, с которым немцы поддерживали дружеские отношения, они отпускали русских людей и офицеров гораздо легче, и часто офицер, официально ехавший на Дон, отправлялся оттуда на Кубань и – немцам зачастую это было известно заранее»¹¹⁰.

То же самое писал и ген. А. С. Лукомский, который, проездом в Добрармию, застал в Киеве «совершенно открыто функционирующее бюро записи в Добровольческую армию. Никто не разрешал открывать это бюро, но никто против этого и не возражал. Запись шла открыто, и офицеры, без всяких препятствий и затруднений, отправлялись на Дон в состав Добровольческой армии»¹¹¹.

Наконец, это подтверждал и сам ген. А. И. Деникин: «На Украине свободно работали вербовочные бюро, и команды добровольцев – в форме, с отличительными знаками армии – направлялись беспрепятственно на Дон, встречая даже известную предупредительность со стороны немецких комендантов»¹¹².

Да и высказывания самого гетмана о Добровольческой армии известны: «Она битком набита моими товарищами, друзьями и подчиненными»¹¹³.

«Что до просьб Алексеева об оружии, патронах и снарядах для его армии, – подчеркивал П. П. Скоропадский, – то я всегда шел ему навстречу. У меня был список всех офицеров его армии, находящейся на Украине. Я их не отличал от своих, особенно в первое время, и считал, что делали общее дело, каждый в тех условиях, в которых находился, и теми путями, которые ему были доступны. Затем Алексеев умер. Узнав об этом, я отслужил торжественную панихиду в своей домово́й церкви, о чем приказал объявить в прессе. Его заменил Деникин. Отношения сразу же изменились, началась сильнейшая агитация среди офицеров против меня и против вступления их в формируемые мною части. Появились возмутительные статьи в газетах, с которыми часто было связано имя Шульгина»¹¹⁴.

Руководители Добровольческой армии, находившейся в это время в плачевном состоянии, обвиняли гетмана в германофильстве. Получая от Скоропадского вооружение, боеприпасы и амуницию, ген. Деникин поощрял травлю его в своих газетах. Такое отношение можно сопоставить с отказом стран Согласия признать «Украинскую Державу», в отличие от созданной «Радой» «Украинской народной республики»¹¹⁵.

Осложнения, возникшие в июне 1918 г. (по распоряжению немцев), следует вменить в вину руководителям Добровольческой армии, публично выражавшим чрезмерную верность союзникам, сопровождавшуюся выпадами против немцев. «...Вербовка в Добровольческую армию, – записывал П. Н. Милюков в дневник в июне, – не воспрещается: преследуется лишь разведка о германцах»¹¹⁶. «Мы не пускаем, – подтвердил Милюкову офицер германской разведки, – только офицеров, которые прямо ангажируются для Entente...»¹¹⁷

«...Немцы относятся к ней, – сообщал из Киева 15/28 июля атаману П. Н. Краснову, имея в виду Добровольческую армию, герцог Н. Н. Лейхтенбергский, – с явным недоверием и, по-видимому, больше не будут содействовать ее усилению, т.е. прекратят пропуск эшелонов»¹¹⁸.

«Сначала германское командование, – писал атаман П. Н. Краснов, – не обращало внимания на то, что офицеры едут на Украину в Добровольческую армию, и даже оказывало им содействие в этом, оно пропускало снаряжение одинаково, как на Дон, так и на Кубань и в Добровольческую армию. Но когда после взятия добровольцами Екатеринодара туда прибыл бывший редактор “Киевлянина” Шульгин, а во главе отдела внешних сношений стал генерал А. М. Драгомиров, в Екатеринодаре стали появляться в газетах статьи с призывом объявления войны Украине и изгнания немцев. [...] Генерал Деникин не обратил внимания на просьбу атамана, и тогда немцы стали делать затруднения офицерам в проезде к Деникину, поставили атаману условие, чтобы выдаваемое ему оружие и снаряды не были отправляемы в Добровольческую армию. Для наблюдения за этим в селении Батайск немцами была поставлена застава. Войско Донское продолжало, однако, снабжать Добровольческую армию и оружием, и патронами, посылая часть того, что получало, Деникину, минуя немцев... [...] Немцы знали про это, но закрывали глаза. Но к Добровольческой армии отношения немцев резко изменились. Немцы стали считать генерала Деникина своим врагом...»¹¹⁹

Только через Дон в армию Деникина, по свидетельству офицера, работавшего в вербовочном бюро одной из монархических армий, было отправлено около 4000 добровольцев¹²⁰.

В начале июля (7–9 числа н. ст.) германские оккупационные власти издали распоряжение: «1. Не возбраняется офицерам бывшей Русской армии жить на территории Украины, если они не будут вредить интересам Украины и гетмана. 2. Офицеры, которые

буду вредить интересам Украины и гетмана или придерживаться явной союзнической ориентации, будут арестованы. З. Вербовка в Добровольческую армию с помощью бюро или воззваний не допускается. Агенты этой армии будут арестовываться»¹²¹.

В конце своего правления гетман с горечью высказывал свои претензии «белым вождям». «Он имеет что-то лично против меня, – говорил он о ген. М. В. Алексееве, – допустил открыто действовать Шульгина, личного моего противника». По словам Скоропадского, «он несколько раз посылал к нему, между тем, отношение враждебное. А задача могла бы быть одна и та же: вместе с Доном, с разными армиями, включая и Добровольческую, можно было бы идти на спасение России. К сожалению, в Добровольческой армии раздоры. [...] Мои цели по существу совпадают: освобождение и объединение России под знаменем монархии, средствами русскими, конечно, при поддержке германцев». (Насчет «знамени монархии» в отношении к добровольцам гетман, разумеется, заблуждался. Тем более он, по его словам, стоял за монархию «неограниченную».) «Открытое провозглашение монархии, – считал он, – прекратило бы споры»¹²².

Основным недостатком (с точки зрения русских имперских, а не германских, разумеется, интересов) гетмана следует признать его мягкость и безхарактерность. «...Доброжелательный до легкомыслия, – характеризовал его современник, – он всем хотел сделать добро и приятное, а потому и в жизненных, глубоких противоречиях не умел выдержать строгую и определенную линию поведения»¹²³.

Это было тем более странно, что еще совсем недавно, будучи генералом Русской Императорской Армии, он «прекрасно командовал» гвардейскими полком и дивизией и, наконец, армейским корпусом. При этом кн. П. М. Бермонт-Авалов, тем не менее, подчеркивал, что, став гетманом, Павел Петрович оказался «совершенно не подготовлен для созидательной государственного размера работы»¹²⁴.

«Жизнь моя личная была сплошным адом в период гетманства»¹²⁵, – признавался позднее в частном письме П. П. Скоропадский. И в другом: «Если бы мне пришлось повторить опять всю историю, я, по совести, не мог бы поступить иначе, чем я поступил»¹²⁶. Другими словами он стал *жертвой исторической неизбежности*, принесся при этом все-таки более добра, чем зла.

НА ТИХОМ ДОНУ

Схожую позицию занимал атаман Всевеликого Войска Донского ген. П. Н. Краснов с поправкой на различие некоторых внешних (отсутствие на Дону прямой германской оккупации) и психологических (меньшая, нежели у малороссов, дистанцированность казаков от России) обстоятельств, а также на личные качества (атаман, не в пример гетману, был тверд характером).

О Петре Николаевиче здесь тоже следует сказать несколько слов: не только в силу тесного знакомства его с гр. Ф. А. Келлером (под командованием которого он служил в годы Великой войны) и преклонением атамана перед последним, как перед выдающимся кавалерийским военачальником, но и в силу причастности Краснова к формированию монархических армий, некоторое отношение к которым имел и Федор Артурович.

1 мая 1918 г. Круг спасения Дона пригласил прибывшего в Новочеркасск бывшего командующего III конного корпуса генерал-майора П. Н. Краснова, как старшего по службе из донских генералов, на свое заседание. В зале многие знали его как своего сослуживца.

«Почти два часа говорил генерал Краснов о положении России. Напряженно, в гробовой тишине, слушали его казаки. Он говорил о том, что Дон со времен Царя Михаила Феодоровича был неотъемлемою частью государства Российского, его губернией, и управлялся из России ее министрами, и потому своих органов управления, своих финансов, казны, своего войска никогда не имел. Он говорил о том, что Россия теперь поругана и опозорена большевиками, она разгромлена ими и лежит в обломках. Можно сказать – нет России. Дон стал совершенно одинок. Ему нужно – впредь до восстановления России, стать самостоятельным Государством, завести свою казну, своих управляющих министерствами для того, чтобы каждый отдел народной жизни имел своего ответственного руководителя и ни в чем не было бы ущерба. [...]

Он коснулся отношения к немцам. Воевать с ними казаки не могут, им остается постараться мирным путем удалить их с Донской земли. Он говорил о необходимости тесного сотрудничества с Украиной и доблестной Добровольческой армией и об исторической задаче донцов спасти Москву от воров и насильников»¹.

3 мая Круг спасения Дона решил: впредь до созыва Большого Войскового Круга избрать Войскового Атамана. Им стал генерал

Краснов. (Произошло это, таким образом, менее чем через неделю после того, как в Киеве пришел к власти Скоропадский.)

Был восстановлен старинный допетровский титул: «Всевеликое Войско Донское».

Было решено:

«Впредь до издания и обнародования новых законов Всевеликое войско Донское управляется на твердых основаниях Свода законов Российской Империи...»

«Все воинские части, как постоянной Армии, так и временно вызываемые по мобилизации, руководствуются законами, уложениями и уставами, изданными в Российской Империи до 25 февраля 1917 года».

«Все декреты и иные законы, разновременные издававшиеся, как Временным правительством, так и советом народных комиссаров, отменяются»².

Со стороны вождей Добармии немедленно последовали обвинения атамана: «в стремлении к самостоятельности, к отделению от России». Его «ославили человеком “немецкой ориентации”. [...] Создали атаману в Добровольческой армии репутацию монархиста»³. Обвинение Петра Николаевича в монархизме, по понятиям ген. А. И. Деникина, было страшным клеймом: «Баян Династии и режима до 1917 года, он, очевидно, не изменил своим привязанностям и теперь. Но идея монархизма была тогда крайне непопулярной в среде казачества, и атаман говорил о ней туманно, поэтическими образами, в которые можно было вложить какое угодно содержание»⁴.

Что до монархизма П. Н. Краснова, то это, разумеется, так и было. Один из ближайших его сотрудников, герцог Г. Н. Лейхтенбергский, без обиняков писал: атаман был «несомненно монархист в душе»⁵. Репутация монархиста, разумеется, делала только честь Петру Николаевичу, что до сепаратизма, то вот, как говорится, факты...

Отправляя в начале мая 1918 г. посольство в Киев, атаман назначал полномочного посланника Всевеликого Войска Донского ген.-майора А. В. Черячукина*: «...В создавшемся положении у нас

* Александр Васильевич Черячукин (1872–1944) – из дворян Войска Донского. Окончил Донской кадетский корпус (1890), Михайловское артиллерийское училище (1893) и Николаевскую академию Генерального Штаба (1899). Офицер Л.-Гв. 6-й Донской казачьей батареи. Командир 17-го Донского казачьего полка. Начальник штаба 4-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор. Командующий 2-й казачьей сводной дивизии. В гражд-

нет другого выхода, как войти в сношения с Украиной и поладить с германским командованием, продвигающим свои войска к нашим пределам»⁶. В письме, не зная истинных устремлений гетмана, атаман Краснов все же «открыто заявлял о необходимости поддержки и взаимного соглашения для воссоздания единой неделимой Великой России»⁷.

По свидетельству посланника, сам гетман, «как русский генерал... болел душой о расчленении России»⁸. Однако приходилось считаться и с настроениями в правительстве, и с обстановкой в Малороссии. Тем не менее, хотя, получив ориентировку киевского посольства, атаман и заменил свое первое письмо другим, в котором «отсутствовали ссылки на идею единой России»⁹, П. Н. Краснов в первом пункте инструкции приказал настаивать «на признании полной самостоятельности Дона *впредь до создания Великой России*»¹⁰.

Такие устремления вызвали недовольство у «самостийников», имевшихся в гетманском правительстве. «...В 1-м пункте Декларации Всевеликого Войска Донского, – обращался 8 июля к атаману П. Н. Краснову председатель Совета министров “Украинской Державы” Ф. А. Лизогуб, – объявляется, что “Войско Донское составляет самостоятельную Демократическую Республику” лишь *впредь до образования в той или иной форме России*, а в пункте 6-м “Донское Войско предлагает всем государствам признать его права на самостоятельное существование” опять-таки лишь *впредь до образования в той или иной форме единой России*»¹¹.

В ответном письме с Дона от 20 июля было твердо заявлено, что донское правительство полагает, что «образование единой России без Украины и Дона, этих мощных и самостоятельных государств с большими территориями и природными богатствами, немыслимо»¹².

Упорство «самостийников» было в конце концов сломлено. 25 июля состоялось официальное признание Дона Украиной. Перед самым подписанием акта гетман пригласил донского посланни-

данскую войну воевал в Донской армии. Заместитель, а потом атаман «Зимовой станицы» (посол) на Украине (май–июль, сент–дек 1918) и в Германии (июль–сент. 1918). Член делегации во главе с герц. Лейхтенбергским к Императору Вильгельму II. Генерал-лейтенант (30.9.1918). Сыграл важную роль в эвакуации в Германию многих русских офицеров (дек. 1918) Посол Всевеликого Войска Донского в Польше (дек. 1918–н. 1920). Директор Донского кадетского корпуса (с марта 1920). Эвакуирован вместе с ним в Египет. В эмиграции во Франции. Скончался в Ницце.

ка в кабинет, заявив: «Верьте, что если бы только от меня зависело, договор был бы подписан давно»¹³.

Во время встречи атамана с гетманом в Скороходове в конце октября 1918 г. «было решено созвать особых представителей от Добровольческой армии, Дона, Кубани, Украины, если возможно Грузии, Польши, Белоруссии, Финляндии, Сибири, которые должны были предварительно на мирной конференции обсудить:

- 1) что должна представлять из себя Россия;
- 2) какую помощь в этом деле могут и должны оказать ей как ее бывшие союзники, так и народы центральных держав, как наши соседи и фактически занявшие в то время часть Российского государства;
- 3) какие части совершенно отделяются от России и какие остаются в составе России;
- 4) отношение этих частей к метрополии;
- 5) как и какими средствами прекратить теперь же большевицкий террор и уничтожить в России советскую власть;
- 6) точно установить границы как с соседями, так, в случае выделения каких-либо частей, и между этими частями и метрополией.

Инициатива приглашения на это предварительное совещание должна была исходить от гетмана, как старшего»¹⁴.

Но дни власти гетмана в Малороссии были уже сочтены. «...Приглашение от гетмана на предварительное совещание, решенное в Скороходове, затянулось и было послано только в половине ноября, когда началось уже петлюровское восстание»¹⁵.

Тем временем, «ездя по станицам и полкам, атаман везде говорил одно: “Любите свою великую, полную славы Родину – Тихий Дон и мать нашу Россию! – За веру и Родину – что может быть выше этого девиза!”»¹⁶

Известно, что он специально для этого готовил и берег особый корпус молодых казаков. «Их особо снаряжали, особо воспитывали, и прививали им идею похода для спасения России»¹⁷.

В августе 1918 г. на сессии Круга атаман ставил, правда, без видимого успеха, вопрос: «не пора ли вернуться к общерусскому флагу?»¹⁸

Официоз атамана, газета «Донской край», редактировалась известным монархистом писателем И. А. Родионовым (1886–1940), «в ней помещались статьи, говорившие благожелательно о восстановлении монархии в России»¹⁹. Ген. А. И. Деникин характеризовал их как полные «ультрамонархизма и мрачной реакции», произ-

водившие «впечатление “худшее, нежели всякая большевицкая прокламация”»²⁰. (Будто не бывший царский генерал пишет, а какой-нибудь профессор-кадет.)

Но, как писал П. Н. Краснов, «благодаря большевицкой и социалистической пропаганде слово *Царь* было все еще жупелом для многих людей и из серой части Круга. С именем Царя неразрывно связывали представление о суровом взимании податей, о продаже за долги государству последней коровенки, о засилии “помещиков и капиталистов”, о белопогонниках офицерах и об “офицерской палке”. *Царь и монархия* противопоставлялись понятию *свобода*»²¹.

Дорого обошлась атаману впоследствии его опека Южной монархической армии. Она «создала для врагов его благодарную почву для обвинения атамана в стремлении вернуть все “к старому режиму”...»²²

С этим, конечно, нельзя было не считаться, но и плыть по течению атаман вовсе не собирался.

20 августа на заседании Круга П. Н. Краснов попросил слова. «Когда, – закончил свою речь атаман, принимая из рук войскового есаула принесенный ему тяжелый золотой атаманский пернач и, стоя перед Кругом, уже с перначем в руках, – управляющий видит, что хозяин недоволен его работой, да мало того, что недоволен, но когда хозяин разрушает сделанное управляющим и с корнем вырывает молодые посадки, которые он с таким трудом сделал – он уходит! Это его долг! Ухожу и я, но считаю своим долгом предупредить вас, что атаманский пернач очень тяжел, и не советую вам вручать его в слабые руки! – С этими словами атаман с такой силой бросил пернач на стол, что он расколол верхнюю доску, и ушел из зала заседаний. На Кругу царило гробовое молчание. И сейчас же заволновалось большинство. *Серая* часть Круга, станичники и фронтовые казаки почувствовали себя, как стадо без пастыря, и на Кругу раздались крики: “Вернуть, вернуть Атамана!”»²³

12 сентября Круг, проголосовав, подтвердил: атаману Краснову оставаться на своем посту.

Большим, требующим разбора и объяснения вопросом оставалась проблема взаимоотношения с Германией.

Положение Дона по отношению Германии было по сравнению с Украиной иным. Еще в 1918 г. атаман П. Н. Краснов признал Дон «не воюющей» против Германии стороной. Да и немецкие генералы здесь, что признавал даже и А. И. Деникин, «проявляли большую дальновидность и солдатскую честность»²⁴.

Петроградский литератор В. А. Амфитеатров-младший называл «фыркание на Краснова за “измену союзникам”» «доктринерским непониманием обстановки». «Сговор с немцами, – писал он, – спас Дон. Это поняли те простые казаки Гундоровской станицы, которые, подняв восстание против большевиков, по постановлению станичного схода послали делегатов к приближающимся немцам с просьбой поспешить на помощь, но этого почему-то не хотят понимать очень умные люди в Екатеринодаре. А вместе с тем, патриотизм гундоровцев, нынче образующих один из лучших полков Донской армии – Гундоровский Георгиевский, – конечно, вне всякого сомнения»²⁵.

«Россия побеждена? Россия завоевана неприятелем? – задавал вопросы в своей программной речи перед Кругом атаман Краснов и отвечал: – Нет... Неприятельские войска вошли на Украину, в Польшу, в Прибалтийский край, дошли до берегов Дона и были встречены как избавители. Несчастный Русский народ потерял голову и уже не знает, кто у него друг, и кто враг...

То, чего ожидали со страхом и трепетом народы Европы с конца прошлого века – великая мировая война – разразилась летом 1914 года. Это война между Англией и Германией. Война не на жизнь, а на смерть, война капиталистов за рынки, война рабочих за право жить и работать. Франция и Россия, Австро-Венгрия и Турция, Румыния и Италия, Болгария и Япония – это только пособники.

Они работали каждый на своей стороне – одни за Англию, другие за Германию. Но своей задачи, своей роли они не имели.

Англия не была готова для войны, и раньше 1916 года она не могла выступить. Америка колебалась – и вот два года занять и истощить Германию, парализовать Австро-Венгрию было поручено Франции и России.

Россия честно выполнила свою задачу. И когда немцы вторглись во Францию и самому Парижу угрожала опасность захвата, началось наступление русских войск в Пруссию во имя спасения Франции. С беззаветным мужеством дрались русские солдаты и казаки, и наш бывший войсковой наказной атаман Самсонов погиб, окруженный врагами в Пруссии. Но мы спасли Францию.

В 1915 году немцы начали свои жестокие атаки на Верден, и снова Парижу грозила опасность. И опять, устилая долины Карпатских гор трупами солдат и казаков, истекая кровью, без снарядов и патронов, бросились русские армии выручать положение. Верден не был взят; Франция спасена от разгрома, но нам пришлось откатиться назад и уступить Варшаву. Но мы благополучно спасли союзников.

В 1917 году Англия была готова к решительному бою, Россия была снабжена орудиями и военными припасами, готовилось грозное решительное наступление, которое должно было привести нас к победе. Уже смело говорили и в обществе, и в печати не только о возврате всего потерянного, но и о занятии Галиции и Константинополя.

И Германия поняла, что погибла.

При преступном содействии некоторой части нашей интеллигенции, при предательстве и измене многих сановников и генералов, рушится великое здание Российской Империи и под радостный визг черни совершается “великая безкровная революция”. А затем приезжает из Германии в заплombированном вагоне Ленин и начинает вместе с великим провокатором и предателем Керенским сознательно разрушать Россию.

Атаман знал про слухи, что Англия, испугавшись могущества Русской Армии, готовой грозным прыжком овладеть Берлином и Веной, испугавшись, что тогда придется ей исполнить свое обещание и отдать России Константинополь и проливы и утвердить ее влияние в Персии, что не входило в планы Англии – побудила изменников генералов и сановников потребовать отречения Императора Николая II и вдохнула в умы несчастной русской интеллигенции подлую мысль – “без аннексий и контрибуций”. Атаман знал, какую роль приписывали во всем этом кровавом деле английскому послу Бьюкенену и английскому золоту, но он промолчал об этом, всю вину взваливши на Германию с ее Лениным, который ничего не мог бы сделать, если бы не имел своих предтеч. Он знал про это и молчал, потому что еще верил в благородство союзников.

Но шли и шли в Донскую землю немецкие полки и вместе с конницей Туроверова в Ростов вошел германский отряд фон Арнима, и у храма святой Аксайской Божией Матери стали баварские кавалеристы. В 11-ти верстах от Новочеркасска растянулась линия германских аванпостов, и пулеметы германские были направлены на Новочеркасск...

...Немцы наши враги, мы дрались с ними три с половиною года – это не забывается. Они пришли за нашим хлебом и мясом, и мы им совсем не нужны. Они нам не союзники. У нас должны бы быть союзники настоящие. – Но где эти союзники? – Вот в январе месяце, когда жив был еще Алексей Максимович Каледин, по всему Новочеркасску распубликованы были официальные известия о том, что в Новороссийске высадился англо-французский корпус и идет на помощь Дону... Но умер Каледин, расстреляли Назарова,

прошло полгода, а никаких англо-французов не пришло спасти жгигаемый большевиками Дон.

С конца мая месяца мы слышим о чехословаках. То они занимают Саратов, то подходят к самому Царицыну, то дерутся под Екатеринбургом и Иркутском. Последнее время все настойчивее и настойчивее говорят о движении японцев и китайцев и о создании Восточного фронта на Волге.

Какой ужас и позор! Сделать Россию ареной мировой борьбы, подвергнуть ее участи Бельгии и Сербии, обезкровить ее, сжечь ее города и села, истоптать ее нивы и ее, голодную, поруганную и оплеванную, ее – поверженную в прах собственным безсилием, добить до конца!

Россия больна. Она лежит в горячечном бреде, а что же делают иностранцы? Германцы заняли Украину и вывозят хлеб и масло, отнимая у нас последний кусок. Ну эти-то враги, мы не можем рассчитывать на снисхождение от тех, кого мы ненавидели... Англичане хозяйничают на севере и тянут под шумок оттуда лес, а Россия, бедная Россия, она как тот деревянный турка с кожаной головой должна сносить удары и врагов, и союзников...

Так неужели цепляться за иностранную помощь, неужели Дону и Великой России скулить так, чтобы нам помогли извне? [...]

Спасет Россию сама Россия. Спасут Россию ее казаки! Добровольческая армия и вольные отряды Донских, Кубанских, Терских, Оренбургских, Сибирских, Уральских и Астраханских казаков спасут Россию.

И тогда снова, как встарь, широко развернется над дворцом нашего Атамана бело-сине-красный русский флаг – *единой неделимой России*.

И тогда кончен будет страшный крестный путь казачества и добровольческой армии, путь к свободе России и православного Тихого Дона!»²⁶

Однако, по словам самого П. Н. Краснова, он «стоял перед фактами суровой действительности*. Казаки отказывались выходить за пределы войска Донского. В полках были митинги протеста»²⁷. Картина знакомая со времен «Слова о полку Игореве» и начала на Руси татарщины.

* После избрания Большим войсковым кругом Войсковым атаманом Всевеликого Войска Донского П. Н. Краснов был произведен в генералы от кавалерии (3.5.1918). – С. Ф.

ПОД ЗНАМЕНОМ РЕСТАВРАЦИИ

И, тем не менее, пусть даже чисто внешне, но все же «укреплялось правительство гетмана Скоропадского, организовывалась украинская власть, водворялись покой и тишина, и экономическая жизнь края начинала возрождаться. На Дону правил атаман Краснов и там также нарождалась вооруженная сила и укреплялись порядок и тишина»¹.

В такой внешней обстановке началось формирование русских монархических армий, о которых до сих пор, к сожалению, известно немного.

Генерал Деникин называл их «экзотическими “русскими” армиями»².

Документально зафиксированные разговоры об их создании относятся к концу мая 1918 г. «Вы должны сперва показать, – заявили немцы, – что у вас есть силы и организация и что вы нам дружелюбны, тогда пойдет речь о походе на Москву». Если это формирование будет «ориентироваться на германцев для похода на Москву», немцы, писал П. Н. Милуков, обещали не только дать право на создание такой «"особой" Добровольческой армии» на оккупированных ими территориях, но и свою материальную помощь³.

Планировалось создание «Юго-Восточной державы», в состав которой должны были войти астраханские, кубанские, донские, терские и горские земли. Главнокомандующим армией должен был стать ген. П. А. Лечицкий. Предполагалось также привлечь генералов Ф. А. Келлера и П. А. Павлова⁴.

Формирование особой Добровольческой армии под командованием ген. П. А. Лечицкого предполагалось на территории Харьковской губернии⁵. Именно эту армию имел в виду офицер разведки в группе армий фельдмаршала Эйхгорна майор Ганс Гассе (1865–?), когда 27 июня он заявил в беседе П. Н. Милукову: «Москву освободить пойдет Добровольческая армия»⁶. О ней же в разговоре с герцогом Н. Н. Лейхтенбергским говорил германский дипломат барон Мумм. Он сказал, что «надо создать мощную Россию. Спрошенный, как это надо понимать, Мумм ответил: в смысле создания армии для борьбы с большевиками»⁷.

Более определенные данные содержатся в материалах Зимовой станицы (т.е. посольства) Всевеликого войска Донского в Берлин. Атаманом ее был назначен ген.-майор герцог Н. Н. Лейхтенбергский. В своем письме атаману П. Н. Краснову от 15/28 июля

после переговоров в Киеве с офицером штаба Германского военного командования на Украине майором Вальтером Ярошем (1879–1920) он сообщал: «...По-видимому, будет возбужден здесь и в Берлине вопрос о монархическом движении в следующем виде: предполагается формирование отдельных батальонов в разных местах Украины и одновременно в Богучарском уезде всего до корпуса военного времени – все, разумеется, с соответствующей артиллерией и т.д. На роль диктатора главнокомандующего предполагается избрать ген. Юденича»⁸.

Дальнейшие переговоры нашли отражение в дневнике сына ген. герцога Н. Н. Лейхтенбергского – подьесаула герцога Н. Н. Лейхтенбергского-младшего:

(14 июля, с майором В. Ярошем): «Относительно монархического движения они считают, что время для выступления еще не настало, с чем нельзя сейчас не согласиться. Разрозненные монархические выступления только вредны. Если немцы негласно поддержат монархическое движение, то только такое, успех которого будет вполне обеспечен; неудача недопустима; кроме того, они требуют гарантии, что восстановленная монархия не обратится против них, а заключит дружественное соглашение. Предположение монархистов формировать в разных местах Украины, под видом самоохранны, отдельные дисциплинированные сильные отряды, как основу будущей монархической армии, встречает, по-видимому, сочувствие»⁹.

(25 июля, с ген. В. Грёнером): «Разговор коснулся и монархического движения. Немцам желательна сильная монархическая Россия – союзница Германии»¹⁰.

Подводя итог переговоров, герцог Н. Н. Лейхтенбергский-старший писал атаману П. Н. Краснову (24 июля): «За время нашего пребывания в Киеве, кроме бессмысленного и гнусного убийства фельдмаршала Эйхгорна, произошел, насколько могу судить, некоторый сдвиг германской политики в нашу пользу, а также в пользу монархического движения. Вечером в газетах прошла заметка об отозвании Мумма – это несомненно нам на руку. Вернулся из Берлина Альвенслебен... [...] ...Немецкое правительство дало свое согласие на формирование монархических отрядов на Украине – с подчинением временно немецкому командованию – и на Дону (в Богучарском уезде) с обязательным подчинением Вам. Эти последние формирования будут чрезвычайно полезны Дону, т.к. помогут покончить с большевиками на севере Дона и, будучи подчинены Вам, вынуждены будут действовать в органической связи с нашими отрядами»¹¹.

Центром снабжения монархических армий стала Малороссия, а потом и Дон.

«Украина [...], – писал донской посланник ген. А. В. Черячукин, – широко распахнула двери помощи не только Дону, но и всем добровольческим организациям, начавшим формировать северные и южные армии для восстановления России»¹².

Разумеется, при этом требовалось благожелательное отношение германского оккупационного командования. «Украина, – по словам А. В. Черячукина, – была завалена запасами оружия, снарядов и прочего военного материала и лишь надо было найти способ получить их, надо было суметь расположить в свою пользу тех, к кому прибыли мы за помощью и в чьих руках это теперь все находилось»¹³.

Гетман «отзывчиво шел навстречу в деле снабжения... всем необходимым»¹⁴.

С генерал-фельдмаршалом Эйхгорном, «монархистом по убеждению» после заверений, что помощь нужна «только для борьбы с большевиками», тоже удалось найти общий язык¹⁵. Впоследствии немцы «добросовестно выполнили свое обещание»¹⁶.

Гетман разрешил, сначала неофициально, «формирование на Украине русских отрядов. В Киеве, уже не скрываясь, жили лица, стоящие во главе этих отрядов. [...] Начато было формирование Особого корпуса, во главе которого должен был стать граф Келлер. Появились и наборщики в Астраханскую армию»¹⁷.

* * *

Первой из монархических армий началось формирование *Астраханской казачьей армии*. Основным инициатором ее создания был кн. Д. Д. Тундутов*. Поддержку этому своему начинанию он получил во время продолжительной аудиенции у Германского императора Вильгельма II и контактов с офицерами Германского генерального штаба в начале июня 1918 г.¹⁸

* Князь Дмитрий (Данзан) Давыдович Тундутов-Дундуков (1889–7.8.1923) – потомок Далай Таши Хана. Сын родовитого калмыцкого нойона, именовавшего себя князем, Церен-Давида Тундутова (ум. 1907), владельца Малодербетовского улуса Астраханской губернии, и княгини Эльзете. Тундутов-старший – крупный помещик и коннозаводчик, депутат I Государственной думы. Европейская культура соседствовала в нем с глубоким знанием буддийской философии. (Известно, что в знак своего особого благоволения Далай-лама подарил ему «вечную визу» – особую

С первых шагов идею создания этого монархического соединения поддержали правые круги Киева во главе с графом В. А. Бобринским (1867–1927), председателем союза «Наша Родина». Московский «Правый центр» также вступил с ним в контакт.

«С Д. Д. Тундутовым, – вспоминал позднее свидетель по его делу в ГПУ А. Петровский, – я познакомился в Киеве, где было вербовочное бюро для пополнения так называемой Астраханской армии. Он был, насколько я помню, тогда атаманом Астраханского войска»¹⁹.

В политическом отношении создатели Астраханской армии с первых шагов противопоставили ее Добровольческой, как армии «с неопределенной политической физиономией», «признающей учредительное собрание», да к тому же «в скрытой форме... республиканской»²⁰. Отрицать справедливость этого невозможно.

А вот что смогла противопоставить этому противоположная сторона: «ничтожный человек» (о кн. Тундутове), окруженный

печать, обладателю которой ворота Лхасы были открыты в любое время. Кроме него в Европе такой печати никто не имел.) Тундутов-младший окончил Пажеский корпус (1908). Был выпущен в стоявший в Варшаве Л.-Гв. Гродненский гусарский полк. Принял крещение. Женился на Ксении Александровне, дочери ген.-лейтенанта Флота А. М. Бригера (1861†1931). От нее у него был сын – кн. Николай Дмитриевич. Через три года вышел в отставку. Перед войной адъютант начальника Генерального штаба ген. Янушкевича. С началом Великой войны находился в Ставке. После перевода Вел. Кн. Николая Николаевича Наместником на Кавказ состоял при нем ординарцем. На Национальном съезде калмыцкого народа в Астрахани в апреле 1917 г. избран членом Центрального исполнительного комитета. Атаман калмыцкой части Астраханского казачьего войска (до 8.2.1919). Вошел в правительство Юго-Восточного союза казачьих войск, горских народов и вольных народов степей, образованного на прошедшем в октябре 1917 г. во Владикавказе съезде делегатов казачьих войск Донского, Кубанского, Терского и Астраханского. Дважды попал в плен к большевикам, но каждый раз освобождался верными калмыками. Встречался с Германским императором Вильгельмом II (июнь 1918). В эмиграции жил во Франции, Монако (1920), Берлине (1921), Константинополе. В Берлине женился вторично на немке Марии-Христиане, урожденной Остер (1899–?) из Кёльна. В 1922 г. в Венгрии хлопотал перед правительством о переводе туда 3 тыс. калмыков, из которых предлагал сформировать боевую часть. Приехал в СССР (14.11.1922). Арестован ГПУ в Москве по обвинению «в участии в монархическом объединении в Будапеште» (14.4.1923). Второй супруге было разрешено вернуться в Германию (4.8.1923). Расстрелян.

«чрезвычайно темными элементами». Цель этой немецкой затеи – разложить Добровольческую армию²¹.

К сожалению, столь низкий уровень полемики приносил все же свои результаты.

«Поступая в Астраханскую армию и принимая на себя вербовку добровольцев для нее, – вспоминал офицер-монархист С. В. Марков, – я невольно вступил в конфликт с несколькими моими приятелями, пробиравшимися из Киева в Добровольческую армию, находившуюся тогда под командованием генерала Алексева на Кубани. Русское офицерство в те времена, как молодое, так и старое, разделилось на несколько разных течений. Большая часть увлекалась лозунгами Добровольческой армии, продолжая видеть в немцах, все же освободивших половину Европейской России от ужасов большевизма, своих врагов и продолжая кричать о верности союзникам, бывшим тогда так далеко от нас. Эта же часть офицерства предала жестокой критике и чуть ли не анафеме Донского атамана генерала Краснова, который, увидев, что от союзников немедленной помощи ждать невозможно, и памятуя, что промедление смерти подобно, схватился за предложенную недавними врагами верную и быструю помощь и в короткий срок очистил Дон от пришлового большевизма. Под крайней националистической окраской в противовес красному интернационалу он создал Всевеликое Войско Донское, в котором царил образцовый порядок и спокойствие, и казаки имели возможность, вздохнув всей грудью, готовиться к достойному отпору наглому врагу, большевику, если бы тот дерзнул нарушить неприкосновенность их родной земли. На Астраханскую, а за ней и на Южную армию, которая стала формироваться в районе Воронежа с разрешения Германского командования, и на кредиты снаряжения и амуницию, отпускаемую из немецких же рук, в Добровольческой армии смотрели, как на явных изменников доблестным союзникам»²².

И все-таки в Астраханскую армию из Добровольческой после 1-го Кубанского похода перешло сразу до 40 офицеров. Впоследствии туда же перешли и ростовские юнкера²³. Массами ехали русские офицеры и из новорожденной «независимой» Грузии²⁴.

«Организаторы долго искали генерала с популярным именем для возглавления армии, – писал А. И. Деникин (верить которому в таких вопросах можно лишь с большой осторожностью). – Граф Келлер отказался как “открытый противник германской ориентации”... Генерал Н. И. Иванов – также. [...] Остановились “астрахан-

цы” на Павлове* – лихом кавалерийском генерале, в политической идеологии которого был только монархизм...»²⁵

К августу 1918 г., когда германское командование прекратило денежные субсидии, был сформирован один батальон в 400 штыков, на основе которого была развернута двухполковая пехотная бригада неполного состава. За помощью кн. Д. Д. Тундутов обратился в «Совет монархического блока». 7 сентября был заключен договор, которым «всю политическую работу» в армии получили киевские монархисты. «Астраханская армия, – говорилось в ст. 7-й договора, – должна быть использована для борьбы со всеми противниками восстановления законопреemptивной монархии воссоздания России»²⁶.

К началу 1919 г. численность Астраханской армии превысила три тысячи бойцов.

* * *

Следующей была *Южная армия*. Штаб ее был создан в Киеве в июле 1918 г. В ней также, по словам А. И. Деникина, «монархический лозунг был поставлен ясно и определенно»²⁷.

Идея ее организации родилась в Киеве, разумеется, также не без поддержки немцев, в том числе и материальной. Последние не без основания полагали, что взгляды большинства офицеров монархичны (а как иначе!), создание же монархической армии «есть усиление монархического элемента вообще, и русского, национального, в частности», а «с монархической Россией, – думали немцы, – они легче сговорятся в будущем, чем с большевиками, органически противными им самым существом своим»²⁸.

Было решено, что эта «армия – чисто русская, ни в какую борьбу ни с какими внешними врагами ввязываться не будет и, в частности, ни в коем случае не поднимет оружия против немцев, так как формируется на занятой ими территории и с их ведома, а потому идти против них было бы *нечестно*», однако при этом создатели армии надеялись «в будущем действовать рука об руку с Добровольческой армией и с казаками»²⁹.

* Александр Александрович Павлов (1867–1935) – из дворян Волынской губернии. Окончил Киевский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1887). Офицер Л.-Гв. Гусарского полка. Командир Л.-Гв. Уланского Ее Величества полка. Участник Великой войны. Командир Кавказского кавалерийского корпуса. Кавалер ордена Св. Георгия. Генерал-лейтенант. После командования Астраханской армией воевал в составе Вооруженных сил Юга России. В эмиграции в Югославии. – С. Ф.

Первые бюро для набора в Южную армию были открыты герцогом Г. Н. Лейхтенбергским*. «Южную армию, – пояснял ген. А. В. Черячукин, – предполагалось создать вначале в Киеве, но затем решили всех записавшихся в эту армию переправлять на Дон, где она должна была работать совместно с Донской армией под командованием Н. И. Иванова. Открытые для этого набора 22 бюро потребовали много личного состава...»³⁰

«Вербовка чинов Южную армию, – писал ген. П. И. Залеский**, – велась во всех губернских городах Украины... [...] Подписок от вербуемых никаких не брали... [...] Им выдавали свидетельства о приеме в “Южную армию”, проездные деньги и затем отправляли группами или в одиночку на станцию Чертково, где они являлись генералу Семенову, ведавшему всеми формированиями на месте.

Независимо от вербовки на Украине происходила вербовка и на Дону, и в Воронежской губернии. В Новочеркасске было бюро записей в Южную армию с обширными плакатами об условиях службы в этой армии. Плакаты эти весьма раздражали чинов такого же бюро Добровольческой армии»³¹. Вербовочное бюро имелось даже в Пскове³².

* *Герцог Георгий Николаевич Лейхтенбергский, Князь Романовский* (28.11.1872–9.8.1929) – правнук Императора Николая I и пасынка Императора Наполеона I Е. Богарне, младший сын Николая Максимилиановича Лейхтенбергского (1843–1890) и гр. Надежды Сергеевны Богарне (1839–1891), ур. Анненковой. Родился в Риме. Произведен в офицерское звание (1892). Женат (23.4.1895) на кн. Ольге Николаевне Репниной-Волконской (9.8.1872–27.4.1953). Полковник Л.-Гв. Конного полка. Во время Великой войны штаб-офицер для поручений при штабе Юго-Западного фронта. В эмиграции в Италии и Германии. Жил в замке Зеенон (Сеон) в Верхней Баварии, с 1920 г. ставшем центром антибольшевицкой и монархической деятельности. Основал при активном участии ген. П. Н. Краснова Братство Русской Правды (1921). Член его Верховного Круга. Участвовал в основании издательств «Детинец» и «Медный всадник». Участник Рейхенгальского монархического съезда (1921). Организовал Союз объединенных монархистов (1922). Участник Зарубежного съезда в Париже (1926). Скончался в своем замке. Дети: Елена (1896–1977), Дмитрий (1898–1972), Наталья (1900–1995), Тамара (1901–?), Андрей (1903–1919), погиб в бою под Нарвой; Константин (1905–1983).

** *Петр Иванович Залеский* (1867–?) – после окончания военного училища выпущен офицером (1888). Закончил Николаевскую академию Генерального штаба. Командир бригады 3-й кавалерийской дивизии. Генерал-майор. Участвовал в гражданской войне в Вооруженных Силах Юга России. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Германии.

К сентябрю, в течение всего трех месяцев, при непрерывной поддержке немецких властей, на территориях, оккупированных Германской и Австро-Венгерской армиями, через посредство вербовочных бюро, в Южную армию было отправлено «около 16 000 добровольцев, из которых 30% составляли офицеры»³³.

Одним из идейных центров создания Южной армии был союз «Наша Родина» в Киеве. Поддерживала ее также киевская группа гр. В. А. Бобринского.

«Союз “Наша Родина”, – писал атаман П. Н. Краснов, – был чисто монархической организацией. Во главе его стоял опытный и ловкий общественный деятель, г. Акацатов*. И он, и члены союза хотели, чтобы армия вела Россию к старому порядку и восстановлению монархии хотя бы насильственным путем. Еще армия не существовала, и только между крупными земельными собственниками и монархическими организациями собирались на нее деньги, как уже около нее сплеталась политическая интрига, и каждый старался использовать ее для политических целей»³⁴.

После перемещения центра формирования армии из Киева на Дон первоначально предполагалось разместить ее в Богучарском и частично Бобровском уездах Воронежской губернии, незадолго до

* *Михаил Епифанович Акацатов* (псевдоним *Михаил Антонов*) – присяжный поверенный. Член «Русского Собрания» в С.-Петербурге. Конституционный монархист. Участник попытки освобождения Царской Семьи из заточения, окончившейся неудачей. Был связан с ген. Л. Г. Корниловым, атаманом Дутовым, Кругом спасения Дона, правыми организациями в Одессе и на Юге России. Вместе с полк. герцогом Г. Н. Лейхтенбергским создали в Киеве союз «Наша Родина», официально ставивший целью борьбу с большевизмом и спасение России (тайно – восстановление Монархии). Председателем союза стал Акацатов. «Человек на многое способен, говорили потом о нем» (*Митр. Вениамин (Федченков)*). На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 253). «Весьма предприимчивый и энергичный, но не лишенный авантюристических стремлений», – говорили другие (*Залесский П.* Южная армия. С. 234). После окончания гражданской войны остался в советской России в подполье. Проповедовал беспартийное крестьянское «зеленое» движение, которое, по его мысли, должно было свергнуть большевицкое правление и установить подлинную власть народа. Провозгласил создание Всероссийского крестьянского союза, председателем Главного совета которого был. Хотел написать многотомную «Книгу скорби» (в 1925 г. вышел только ее первый том за границей). Его брат, Николай Епифанович Акацатов (†1933) – врач Л.-Гв. Измайловского полка, член Союза русских писателей и журналистов, скончался в Белграде. – С. Ф.

этого отвоєванных донскими казаками у большевиков. Об этом через брата, числившегося казаком герцога Николая Николаевича Лейхтенбергского, сносился с атаманом П. Н. Красновым герцог Г. Н. Лейхтенбергский. Об этом же последний условился и с немцами³⁵.

То была русская (не донская) часть Воронежской губернии. На ней, не без язвительности писал ген. А. И. Деникин, «стали водворять администрацию и “исконные начала”. [...] ...Восстанавливали порядки, давно отошедшие в область истории. Оттуда распространялась нездоровая литература, отравлявшая души офицерства реакционным изуверством и человеконенавистничеством». Особенно раздражала «белых вождей» издававшаяся там газета «Наша Родина», позволявшая себе критиковать ген. М. В. Алексеєва, В. В. Шульгина, М. В. Родзянко и других. О многих из тех, кто собрался тогда в Екатеринодаре, газета писала, что на лицах их «ясно виднеется улыбающийся Азеф». Об Алексеєве – что «он предал Царя, устроив Ему ловушку, и что он разложил армию»³⁶.

О характере этих порядков свидетельствовал ген. П. И. Залесский: «Воронежский район управлялся губернатором Криваксиним с помощью губернского управления, находившегося в Кантемировке. Во все занятые к тому времени уезды были назначены уездные начальники с правами подобными тем, коими пользовались начальники уездов в губерниях Царства Польского в дореволюционное время. По желанию местного населения, всюду были приглашены прежние чиновники, восстановлена старая полиция, старые суды, прежнее земство, и всюду руководились старыми дореволюционными законами»³⁷. Это желание местных жителей не нравилось не только вождям Добровольческой армии, но и кое-кому на Дону. И вскоре прежние Царского времени порядки были упразднены властью Донского атамана...

Об одном из участников создания Южной армии полковнике П. Р. Бермонте знакомый с ним офицер позднее писал: «Работал он в союзе “Наша Родина” вместе с герцогом Лейхтенбергским, адвокатом Акацатовым, полковником Чесноковым, полковником Потоцким* и др. Средства герцог выискивал большие, и они присту-

* Речь идет об одном из двух братьев Потоцких, организаторах в 1918 г. Астраханской армии в Киеве. *Андрей Владимирович Потоцкий* – полковник Л.-Гв. Павловского полка. Командир пластунской бригады (март 1919), а потом (лето 1919) пластунской дивизии в Западной армии. Скончался до 1968 г. в Румынии. *Борис Владимирович Потоцкий* (1880–?) – полковник артиллерии. Начальник артиллерии Русской Западной армии (5.3.1919). – С. Ф.

пили к вербовке Южной армии. Местом ее концентрации выбрали Богучарский уезд (Воронежской губернии), отбитый атаманом Красновым у большевиков. Вербую добровольцев в Киеве, они слали их туда партиями (организовав таким образом два полка). Сам Бермонт занимал должность начальника контрразведки Южной армии; Потоцкий был в отделе вербовочном; полковник Чесноков работал разное, больше по хозяйственной части»³⁸.

Отличительным знаком Южной и Астраханской армий был нарукавный шеврон-угольник (в отличие от Добрармии носившийся острием вниз) черно-желто-белого Романовского цвета³⁹.

«На улицах Киева, – писал очевидец, – уже явно стали показываться офицеры с отличительными знаками этих формируемых русских частей, чем разжигались страсти националистов Украины, не преминувших воспользоваться этим для пропаганды против гетмана. Распустились слухи о формировании этих частей для захвата Украины»⁴⁰.

В этом, вероятно, и была причина перемещения Южной армии на Дон.

«Девизы нашей армии вот какие, – заявил пришедшему офицеру заведовавший бюро по вербовке в Кременчуге, – тут я ему указал на Царские портреты. – Им армия служит, за Них она погибнет... Если вы бывший военный и знаете уставы, то помните, что они остались неизменными и в полной силе... никакого выкания, никакого титулования по чинам, вообще ничего из революционной жизни вы у нас в армии не найдете»⁴¹.

Официально субсидировал армию гетман через посредство донского посланника⁴². Фактически же это делали немцы. После революции в Германии всякие субсидии русской монархической армии, даже из секретных фондов военного ведомства Германии, должны были, разумеется, прекратиться. Сокращение их было заметно уже в самом начале осени.

Будущее Южной монархической армии обсуждалось во время встречи гетмана П. П. Скоропадского и атамана П. Н. Краснова 20 октября (3 ноября) 1918 г. на станции Скороходово (между Полтавой и Харьковом): «Атаману предложили организацию, подготовленную в Киеве союзом “Наша Родина”, предложили средства на эту Армию»⁴³. К тому времени позиция гетмана (по сравнению с первоначальной) претерпела существенные изменения. Он в частности заявил: «Не может быть теперь и речи о возвращении к Империи и восстановлении Императорской власти. Здесь на Ук-

раине мне пришлось выбирать – или самостийность, или большевизм, и я выбрал самостийность. И право, в этой самостийности ничего худого нет. Предоставьте народу жить так, как он хочет. Я не понимаю Деникина. Давит, давит, все это невозможно... Какую надо иметь силу для этого? Этой силы никто не имеет теперь. Да и хорошо ли это? Не надо этого! Дайте самим развиваться, и, ей-Богу, сам народ устроит это все не хуже нас с вами...»⁴⁴

Такие взгляды гетмана свидетельствуют о том, что поддержка монархической ориентации будущей армии, предложенная союзом «наша Родина», исходила в основном от германских властей. В чем же был тут интерес гетмана? Ответ на этот вопрос мы находим в словах атамана П. Н. Краснова о предполагаемом финансировании: «...Армия будет обеспечена деньгами, которые дает на нее гетман... [...] Гетман дает деньги потому, что он лично заинтересован в том, чтобы границы Украины были защищены от большевиков, [...] кроме того, деньги дадут русские банки и войско Донское»⁴⁵.

В результате встречи на станции Скороходово было решено «Южную армию всецело передать под власть атамана Краснова, так как только под этим флагом многие хотели поступать в нее»⁴⁶.

Петр Николаевич не раз пытался призывать «белых вождей» к сотрудничеству. «В Добровольческой армии, – писал он ген. М. В. Алексееву, – много есть и генералов, и офицеров, которые могли бы взять на себя работу по созданию армий в Саратовской и Воронежской губерниях, но почему-то они не идут на эту работу...»⁴⁷ Однако вожди Добрармии «взять на себя организацию и руководство этой Армией» категорически отказались. Ген. М. В. Алексеев считал выдвинутый при формировании этой Армии монархический лозунг противовесом Добровольческой армии с целью отвлечь от нее силы⁴⁸.

«Это немецкая затея!.. Это делается на немецкие деньги лишь для того, чтобы помешать работе Добровольческой армии. Эта армия создается не на пользу, а во вред России ее заклятыми врагами немцами»⁴⁹.

Любые, даже словесные, рассуждения, в которых усматривалось малейшее германофильство, ген. А. И. Деникиным объявлялись «безспорно» «безпочвенными и в смысле государственном – бесполезными»⁵⁰. И наконец: «Немец был враг, и притом нечестный враг, придумавший удушливые газы, а потом и самих большевиков»⁵¹.

Слепая германофобия, несомненно, сузила горизонт белых вождей.

Такое отношение вождей разделялось многими добровольцами, смогшими, по крайней мере в своем сознании, разделить два нерасторжимых понятия: *Родина* и *Царь*, присоединившись, таким образом, к гнусному софизму, высказанному в свое время генералом Брусиловым: «Если придется выбирать между Царем и Россией – я пойду за Россией»⁵².

Так же, кстати говоря, объяснял свои действия в феврале 1917 г. сданный «союзниками» красным «Верховный правитель России» адмирал А. В. Колчак: «Я считал себя совершенно свободным от всяких обязательств по отношению к Монархии, и после совершившегося переворота стал на точку зрения, на которой я стоял всегда, – что я, в конце концов, служил не той или иной форме правительства, а служу родине своей, которую ставлю выше всего, и считаю необходимым признать то правительство, которое объявило себя тогда во главе Российской власти»⁵³.

И тогда последовал вопрос члена Чрезвычайной следственной комиссии правого эсера Н. А. Алексеевского (вопрос, следует признать, весьма и весьма неглупый): «Не возникала ли у вас лично и вообще в офицерской среде мысль, что отречение Николая II произошло не совсем в тех формах, которые бы позволили военным людям считать себя совершенно свободными от обязательств по отношению к Монархии? Я предлагаю этот вопрос потому, что Император Вильгельм, когда отрекался, специальным актом освободил военных от верности присяге, данной ему. Не возникала ли у вас мысль о том, что такого рода акт должен был сделать и Император Николай?»

Адмирал так и не смог ответить на него сколько-нибудь вразумительно, что, разумеется, и неудивительно: «Нет, об этом никогда не поднимался вопрос»⁵⁴.

«Допускаю, – писал герцог Г. Н. Лейхтенбергский, – что создание Южной армии было немцам на руку, допускаю, что она отвлекала от Добровольческой армии часть офицерства, которая, в конце концов, пошла бы туда, чтобы не бездействовать и... питаться, – но большинство офицеров Южной армии все равно туда бы не пошло... [...] ...Виною тому была отнюдь не сама Южная армия. [...] Мы преклонялись перед духовною мощью Корнилова и его сподвижников, мы умилялись над геройством “Ледяного похода”, мы восторгались успехами Добровольческой армии, радовались их победам и всемерно им содействовали, – а там отвергали протянутую руку и клеймили нас кличкой едва ли не изменников и предателей России. И, конечно, такое слепое и непримиримое отношение Добровольческой армии к остальным русским людям больше удерживало приток к ней офицеров и добровольцев – истинных, а не партийных патриотов, чем создание Южной армии»⁵⁵.

«Еще теперь, – писал в 1923 г. Н. Д. Тальберг, – досужие памфлетисты объясняют образование в 1918 г. армий с монархическим обликом исключительно затеями немцев. Конечно, последние преследовали свои цели, желали видеть ядро русских войск находящимся вне влияния держав Согласия. Но стремившиеся в эти армии русские люди были чужды каким-либо “фильствам”, им дороги были те святые, знакомые лозунги, которые выставлены были этими армиями. Конечно, какое-то “фильство” чуждо было и графу Келлеру, и генерал-адъютанту Иванову, и мудрому П. Н. Краснову, всецело влившемуся в то здоровое течение, по которому плывет теперь все выздоровевшее русское воинство. Граф Келлер до последних часов своей жизни не скрывал неприязни к немцам, что не мешало ему возглавить армии, расположенные в местах германской оккупации. Для него, как и для многих русских людей, не боящихся привешиваемых к ним этикеток, важно было поскорее вырвать Россию из рук измывавшейся над нею революции»⁵⁶.

По словам ген. А. С. Лукомского, «широко началось пропагандирование идеи создания особой южной Добровольческой армии для борьбы против большевиков и с открытыми монархическими лозунгами. На создание этой армии немцы обещали отпустить крупные суммы и широко снабдить армию всем необходимым из запасов бывших Киевского и Одесского военных округов. В Киеве и Харькове были открыты бюро для записи в “Южную армию”, содержание офицерам и солдатам было назначено крупное, в несколько раз превышавшее получавшееся в Добровольческой армии генерала Деникина. Все, конечно, делалось не непосредственно немцами, а через украинское военное министерство. Первоначально предполагалось создать две группы этой армии: одну на Дону на Воронежском направлении, а другую в районе Харькова. Но впоследствии остановились на формировании одной Южной армии – в районе Дона. [...]

Монархические лозунги и хорошее содержание первоначально привлекли многих, и запись началась очень успешно. Записавшихся эшелонами отправляли на Дон. [...]

Формирование Южной армии задерживалось и вследствие того, что не могли отыскать подходящего, популярного генерала, которого можно было бы поставить во главе ее. Предложение (через военное министерство гетмана, или через Донского атамана Краснова) делалось многим; но желающих не находилось. Отказался граф Келлер, отказался кн. Долгоруков. Наконец, на предложение Донского атамана Краснова условно согласился бывший главноко-

мандующий Юго-Западным фронтом Н. И. Иванов»⁵⁷. Временно заменял командующего ген.-майор К. К. Шильдбах; личным же составом фактически командовал ген.-майор В. В. Семенов.

«Я сознавал, – вспоминал герцог Г. Н. Лейхтенбергский, – крайнюю важность и для дела, и для впечатления у немцев поставить во главе армии популярного русского генерала, но такового не находил. Был граф Келлер; но он не желал идти с немцами, не веря им; Акацатов находил неудобным брать его из-за его немецкой фамилии, я же, лично не зная его тогда, но зная от других его характер, отдавал себе отчет в том, что он был бы не у места: командующий Южной армией должен был быть человеком гибким, умеющим примениться к обстановке, ладить и с гетманским правительством, и с немцами, и не выбрасывать слишком открыто монархический флаг, дабы не поставить и тех, и других в необходимость прекратить поддержку армии. Требовался политический такт. Прямой цельный характер графа Келлера, конечно, не справился бы с этой задачей. И когда позже мы с ним встретились в Киеве, я ему это совершенно открыто высказал, не желая, чтобы он думал, что я его обошел по каким-нибудь личным соображениям»⁵⁸.

О том коротком периоде, когда причастные к формированию монархических армий рассчитывали на гр. Ф. А. Келлера, сохранились воспоминания александрійского гусара, полковника С. А. Топоркова:

«Гражданская война забросила меня в Киев. Завтракая в Коммерческом саду с приятелем и случайно разговаривая о графе Келлере, я увидел вдруг его громадную фигуру в большой коричневой папаше. Он приближался со своим адъютантом. Все военные, находившиеся на веранде и в саду, при появлении генерала встали и долго оставались стоять, держа руку под козырек. Везде был шепот: “Граф Келлер, граф Келлер...” Все без исключения, не военные тоже, встали и сняли шляпы.

С большим волнением и радостью я поспешил ему навстречу, и мы расцеловались. [...] На другой день граф Келлер уехал из Киева, предупредив меня, что через несколько дней снова вернется и вызовет меня к себе. И точно, через несколько дней он вызвал меня через своего адъютанта.

И вот что он мне сказал:

– До сего момента я стоял в стороне от политики, занимался и занимаюсь сейчас своими воспоминаниями о минувшей войне. – И он показал мне исписанные карандашом тетради, разбросанные

на письменном столе. – Но теперь Сам Бог осенил меня, и я считаю своим долгом для родины объединить армии Добровольческую, Астраханскую и Южную. Как думаете вы, могу ли я рассчитывать на поддержку? Ведь, кажется, меня хорошо все знают.

Я ответил, что кавалерия только в Вас верит и одно лишь Ваше имя привлечет всех в ряды.

Граф улыбнулся, отнюдь не принимая мои слова за лесть, я слишком далек был льстить тому, кого я хорошо знал.

Увидев нашитые на моем левом рукаве ленты Южной армии, гр. Келлер посоветовал мне их снять, “дабы не быть скомпрометированным впоследствии”.

Совет Южной армии в составе гр. Бобринского, двух братьев Акацатовых, Кистяковского, при наличии известного Бермонта-Авалола (фактически во главе был герцог Г. Н. Лейхтенбергский), узнав, что я все время провожу с графом Келлером, через меня старались все узнать о графе. Я в то время был штаб-офицером для поручений при бюро формирования Южной армии. Вскоре я понял всю игру Совета с графом Келлером и не считал себя вправе о чем-либо умалчивать и, конечно, оставался всегда на стороне графа Келлера»⁵⁹.

О причинах отказа от кандидатуры гр. Ф. А. Келлера писал ген. П. И. Залесский: «Сначала в Киеве подумали об известном своей личной доблестью кавалерийском генерале графе Келлере (командовал на мировом фронте III кавалерийским корпусом). Граф Келлер жил тогда в Харькове совершенно не у дел; ненавидел и открыто бранил немцев, украинцев, республиканцев и даже прогрессивистов всех оттенков. [...] ... Его узкая приверженность к Самодержавной идее не встретила нигде поддержки, даже монархическая организация – союз “Наша Родина” – убоялась нетерпимости и крайних правых убеждений графа Келлера. Мысль о таком главнокомандующем была оставлена»⁶⁰.

Обращался в это время к графу Келлеру и Донской Атаман. 9 октября Федор Артурович ему отписал:

«Скоропадский, по-видимому, предполагает ввести всех в заблуждение, намеревается сформировать под видом Русской армии – украинскую, отнюдь не монархическую, армию с единой целью охраны северных границ Украины от большевиков, предвкусывая прелести своего коронования на престол украинского королевства, которое он рисует себе в том же положении относительно России или Австрии (это не доказано), в каком была Саксония относительно Германии.

К новой армии, которую надумал формировать Скоропадский, он, Лейхтенбергский и Бискупский рядом интриг селятся притянуть и Южную армию.

Положение нашего отечества в настоящую минуту, когда союзники каждый день могут высадиться у нас на юге, настолько серьезно, что, мне казалось бы, времени терять нельзя, так как высадившиеся англо-французы могут ложно учесть положение в России; видя, что есть фронт Учредительного собрания, существует Добровольческая армия с программой далеко не монархической и т.п., но, не видя реальной силы, открыто стремящейся к объединению России и Монархии, они могут вообразить, что в нашем отечестве все только мечтают о республике.

Казалось бы, настала минута, когда необходимо спешить изо всех сил, дабы сорганизовать из Астраханской и Южной армий одну сильную монархическую армию, которая, поддержанная Доном и всем казачеством, а также торгово-промышленниками и народом в Малороссии, представилась бы союзникам реальной силой, не признающей другой идеи, кроме единой неделимой России с законным Государем на Престоле»⁶¹.

Сам старый генерал, несомненно, рассчитывал на наличие благородства у союзников. Действительность, однако, была иной...

Когда в конце ноября 1918 г. в Новочеркасск прибыла союзническая миссия во главе с генералом Пулем, в большом зале Атаманского дворца, увешанном портретами прославленных Донских атаманов, в честь прибывших гостей был дан торжественный обед. Атаман П. Н. Краснов и представители союзников произнесли речи. Настало время тоста. «Атаман при гробовом молчании всего зала отчетливо сказал:

– За великую, единую и неделимую Россию! Ура!

Величаво мощные волнующие сердце, могучие звуки старого Русского гимна были исторгнуты из скрипок и труб. Все мгновенно встали и застыли в молитвенных позах. Архиепископ Гермоген плакал горькими слезами, и слезы лились по его серебристой седой бороде. Все были глубоко растроганы охватившими вдруг воспоминаниями прошлого и тяжелыми думами о настоящем.

Едва гимн кончился, громовое ура потрясло весь зал и не смолкало до тех пор, пока музыканты не начали играть снова гимн. Они принуждены были повторить его четыре раза.

Англичане и французы вынесли впечатление, что на Дону настроение монархическое. [...]

Позднее, когда французский лейтенант Эрлих, встретивший новый год в офицерском собрании Л.-Гв. Казачьего полка и слышавший, как там играли Русский гимн, настойчиво говорил Донскому атаману, что “такая

проповедь монархизма неуместна и не входит в планы союзников”. Атаман сказал ему:

– Что прикажете мне играть, когда величают великую единую и неделимую Россию?

Эрлих молчал.

– Большевики играют вашу марсельезу, но это гимн Франции, но не России, – продолжал атаман.

– Да, марсельезу играть неудобно, – согласился Эрлих.

– У меня две возможности – играть в таких случаях “Боже, Царя храни”, не придавая значения словам, или играть похоронный марш. Я глубоко верю в великую единую и неделимую Россию и потому играть похоронный марш не могу... Я играю Русский гимн и он всегда останется Русским, что бы ни случилось.

Атамана за это за границей считали монархистом»⁶².

Перед отъездом из Новочеркасска союзники посетили Донской Мариинский и Смольный институты благородных девиц. Прелестные создания в голубых юбках и белых передниках...

«– А не забыли ваши барышни своего Русского гимна? – спросил капитан Ошэн у начальницы института. – Не могли бы они нам спеть его на прощание?

Начальница бросила вопросительный взгляд на атамана. Атаман кивнул головой.

– Mesdemoiselles, – сказала начальница детям, – иностранные гости спрашивают, не забыли ли мы наш Русский гимн. Споем им его!

Никто ничего не говорил и не подсказывал девушкам – это все случилось в полной мере неожиданно. Все институтки, как одна, повернулись к иконе своей покровительницы Марии Магдалины, и девичий хор дружно и согласно запел “Боже, Царя храни”. И это была молитва, а не гимн, молитва, пропетая с глубоким чувством, с чистыми слезами умиления на глазах...

Тогда дети-ученики средней школы и большинство студентов были монархистами. Монархия преследовалась, Государь был зверски убит, быть монархистом было опасно, а детские и юношеские сердца жаждут геройства, подвига, им нравится таинственное обожание, стремление к поруганному, ставшему для них святыней...»⁶³

Но союзников, как известно, не убедили ни русские люди, ни русские дети, ни их слезы...

Реальность была такова, что создать мощную монархическую армию, о которой писал гр. Ф. А. Келлер атаману П. Н. Краснову, в то время было вполне возможно.

«...Провозглашение монархического лозунга, – нехотя признавался тот же ген. А. С. Лукомский, – было слишком заманчиво для большинства кадрового офицерства, которое революцией было выброшено за борт и превращено в париев. Очень и очень многие из

хороших офицеров, стремившихся попасть в Добровольческую армию Деникина, теперь или шли в Южную армию, или, не идя ни туда, ни сюда, заняли выжидательную позицию, выясняя, какие же лозунги в Добровольческой армии. Это же послужило причиной задержать свой отъезд в Добровольческую армию и для менее устойчивой части офицеров, нашедших предлог и объяснение – для неисполнения своего гражданского долга.

Наконец, надо откровенно сознаться, что и в рядах Добровольческой армии формирование “монархической” армии внесло разлад и некоторый небольшой процент офицеров перешел в ряды Южной армии.

В результате – формирование Южной армии безусловно задержало рост Добровольческой армии и внесло разлад в офицерскую среду»⁶⁴.

Как видим, осуждение в адрес тех, кто пытался создать монархическую Южную армию, звучит вполне определенно. К сожалению, у ген. А. С. Лукомского, похоже, не возникает даже вопрос: если уж монархическая идея оказалась столь заманчива для многих офицеров, почему бы вождям Добровольческой армии самим было не использовать этот «лозунг», заменив им имевшее явную республиканскую изнанку «непредрешенчество»*?

Сегодня мы, конечно, слишком хорошо понимаем, что сделать этого они не могли, ибо их кукловоды были против. Отсюда и внешний антигерманский пафос вождей Добрармии, что, правда, несколько не мешало им брать от тех же немцев, через всячески третируемых ими при этом гетмана и атамана, материальную помощь.

И когда в штабах добровольцев пытались шутить («Войско Донское – это проститутка, продающая себя тому, кто ей заплатит») им весьма обоснованно напоминали: «Если Войско Донское проститутка, то Добровольческая армия есть кот, пользующийся ее

* «Генерал Деникин не имел ничего на своем знамени, кроме единой и неделимой России. Такое знамя мало говорило сердцу украинцев и грузин, разжигало понапрасну страсти, а силы усмирить эти страсти не было. Деникин боялся сказать, что он монархист, и боялся пойти открыто с республиканцами, и монархисты считали его республиканцем, а республиканцы – монархистом. В Учредительное собрание уже никто не верил, потому что каждый понимал, что его фактически не собрать, презрительным названием “Учредилки” оно было дискредитировано, унижено и опозлено в глазах народа» (Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 279).

заработком и живущий у нее на содержании»⁶⁵. («Пикировались» председатель Особого совещания при главнокомандующем Добровольческой армии ген. А. М. Драгомиров с командующим Донской армией ген. С. В. Денисовым⁶⁶.)

«Сохранение русской государственности, – не без некоторой напыщенности утверждал ген. А. И. Деникин, – являлось символом веры генерала Алексеева, моим и всей Добровольческой армии. Символом ортодоксальным, не допускавшим ни сомнений, ни колебаний, ни компромиссов»⁶⁷.

«...Горделиво звучащее слово генерала Деникина о независимости Добровольческой армии, – писал на это герцог Г. Н. Лейхтенбергский, – было на деле также понятием очень относительным. Сначала и патроны они получали, правда, от атамана Краснова; правда, эти снаряды и патроны были русские, из запасов, накопленных еще Императорским Правительством на Украине; правда, в Батайске немцами была учреждена официальная застава, долженствовавшая не пропускать этих снарядов на Кубань, дабы избежать нареканий со стороны большевиков в поддержке их противников. Но столько же правда, что *без разрешения немцев и гетмана*, Краснов не мог бы получить этих русских снарядов, не пересылать их столь нуждавшейся в них Добровольческой армии. Немцы сказали Краснову: “Мы ставим заставу в Батайске, но мы будем закрывать глаза, если Вы будете возить снаряды и патроны добровольцам другим путем из числа уделенных вам запасов”. И каждый день грузовики, в обход Батайска, возили по грунтовым дорогам на Кубань снаряды и патроны, которые доставляли добровольцам *Дон и Украина – ими непризнаваемых – с ведома* ненавистных им *немцев*. Вожди добровольцев *это знали*. И, казалось бы, не следовало бы им кичиться своей “независимостью”, по крайней мере в тайных деловых сношениях со своими соотечественниками, если даже, по политическим соображениям и в целях пропаганды, такое официально непримиримое отношение к остальным русским людям, может быть, и могло иметь смысл»⁶⁸.

Это вынужденно признавал и сам ген. А. И. Деникин в своих мемуарах: «Ни генерал Алексеев, ни я не вступали с ним [гетманом] в сношения. [...] Наше участие в украинских делах ограничилось гласным осуждением гетманской политики, извлечением из Украины русских офицеров, попытками приобрести там оружие и патроны...»⁶⁹

И в отношениях с атаманом П. Н. Красновым белые вожди не преуспели, что признавали, между прочим, и они сами. «Отношения, – писал М. В. Алексеев А. И. Деникину 26 июня 1918 г., имея

в виду постоянные свары добровольцев с атаманом, – не хороши и вредят нам сильно... [...] Полагаю, что в некоторых случаях нужно изменить тон наших отношений, так как в создавшейся атмосфере взаимного раздражения работать трудно. И только когда мы окончим счеты, можно будет высказать все накипевшее на душе...»⁷⁰

Что до популярности идеи монархии в народе, то это было отлично ведомо и самому ген. А. И. Деникину. На встрече с Войсковым Атаманом Всевеликого войска Донского ген. П. П. Красновым, состоявшейся в станице Манычской 15 мая 1918 г., в присутствии генералов А. И. Деникина и М. В. Алексева были заслушаны доклады только что прибывших из Киева и Москвы агентов Добрармии полковника Лисового и г-на Панченко. «По словам этих лиц, в Москве и в России начиналось сильное монархическое движение, народ жаждал Царя...»⁷¹

Тем временем часть верных присяге русских офицеров, не ведая о закулисных интригах, вступали в монархические формирования.

«Армию, – вспоминал атаман П. Н. Краснов, – предполагалось составить из трех корпусов: Воронежского, формируемого союзом “Наша Родина” из Киева, Саратовского, формируемого из саратовских крестьян-беженцев полковником Генерального штаба Манакиным, и Астраханского, возглавляемого Астраханским атаманом князем Тундутовым. Впоследствии предполагалось каждый корпус развернуть в армию и создать Южный фронт, в который должна была влиться Донская армия»⁷².

Еще в конце июня 1918 г. до вождей Добровольческой армии дошли вести, сильно встревожившие их. Князь П. М. Волконский, беседовавший в Крыму с Великим Князем Николаем Николаевичем, доносил, что последнего «угнетает мысль, что он посылкой своей телеграммы о необходимости отречения способствовал гибели Монархии, разрушению России и хотел бы, чтобы загладить этот шаг, принять участие в боевой работе»⁷³.

Командование монархических армий пыталось прозондировать почву, посылая в Крым гонцов. «В 2 часа дня, – записала 1 сентября 1918 г. в свой дневник вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, – приняла Всеволодского, внука княгини Кочубей, он по образованию врач, но сейчас вступил в Астраханскую армию. Пробыл у меня час, говорил об очень интересных вещах. Он знает наверняка, что *Ники* находится в безопасности, – слава и вечное благодарение Господу! Сюда он приехал, чтобы заручиться согласием Олашки возглавить их великое предприятие, – это последняя надежда, и

действовать надо немедленно, не теряя времени. Я боюсь, что он это на себя не возьмет, не захочет во что-либо вмешиваться, хотя все это нужно для того, чтобы спасти страну и бедного Ники. Господи, наставь и вдохнови его на это!»⁷⁴ Однако Великий Князь Николай Николаевич, как и предполагала Императрица, отказался: «Николаша [...] полагает, что для всего этого еще не настало время»⁷⁵.

Однако «в начале сентября, – вспоминал ген. А. И. Деникин, – в Екатеринодаре распространились упорные слухи, что, уступив многократным просьбам руководителей правых партий, встречавших до той поры категорический отказ, Великий Князь согласился стать во главе Южной и Астраханской армий»⁷⁶.

Из опубликованного дневника П. Н. Милокова известно, что его кадетская группа 18 сентября (1 октября) в Киеве обсуждала проект: «поставить “блюстителя Престола” в лице Вел. Князя Николая Николаевича. Я говорю, что едва ли он пойдет в эту ориентацию. На это Бобринский утверждает (конфиденциально), что уже неделя, как идут с ним переговоры, и его адъютант, кн. Щербатов, ждет здесь. Николай Николаевич готов стать главнокомандующим *всех* армий; тогда его позовут *русские*, и тогда это будет не авантюра. Он же прибавляет: теперь в Южной армии 8000, а в Астраханской – 800. Конечно, скоро будет гораздо больше. Южная армия пополняется путем принудительного набора в Богучарском уезде и соседних, 1 офицер на 15 солдат. Графа Келлера им навязали крайне правые, но они от него отказались, и Келлер уже уехал. На Николае Николаевиче могут сойтись *все* армии, так как и *Добровольческая* с ним ведет переговоры»⁷⁷.

В Киеве насчет характера переговоров с Добровольческой армией заблуждались. Там поднялась нешуточная паника: «белые вожжи» почувствовали, что почва стала уходить у них из-под ног. Немедленно было составлено письмо, которое 15 сентября отправили в Крым. Под письмом ген. М. В. Алексеева для вящей убедительности стояли подписи М. В. Родзянко, В. В. Шульгина и Н. Н. Львова.

«Во главе Южной армии, а быть может и всех формирований, – говорилось в нем, – предположено поставить графа Келлера. При всех высоких качествах этого генерала у него не хватает выдержки, спокойствия и правильной оценки общей обстановки. В конце августа он был в Екатеринодаре. Двухдневная беседа со мной и генералом Деникиным привела, по-видимому, графа Келлера к некоторым выводам и заключениям, что вопрос не так прост и не допускает скоропалительных решений. [...]

Деятели Киева и Южной армии мечтают просить Ваше Императорское Высочество стать во главе этих новых формирований. Я доложил Вам с полной откровенностью возможную обстановку братоубийственной войны, в которой Вы не можете принять участия»⁷⁸.

Как Императора и командующих фронтами в феврале–марте 1917 г., ген. Алексеев в сентябре 1918-го вновь пугал жупелом гражданской войны нового адресата. И это ему опять удалось. Великий Князь ответил: «Будьте покойны»⁷⁹. И «вожди» облегченно вздохнули...

Еще во время встречи в Скороходово 20 октября 1918 г. «Донской атаман, – по свидетельству герцога Г. Н. Лейхтенбергского, – испросил у гетмана на армию 76 миллионов рублей и снаряжение. Это было обещано и скоро начало приводиться в исполнение. 1/14 ноября приказом Донского атамана была сформирована новая «Южная армия», во главе коей стал генерал Н. И. Иванов. Ядром этой армии стали уже сформированные нами части нашей Южной армии, вошедшей в новую армию под наименованием «Воронежского корпуса»; части «Астраханской армии», формировавшиеся под руководством крайне-правых наших русских организаций в Киеве, вошли туда под наименованием «Астраханского корпуса», и немногочисленные формирования «Саратовской армии», руководимые группой земских деятелей Саратовской губернии неопределенного политического направления, вошли туда под наименованием «Саратовского корпуса». Под опытным руководством атамана Краснова и генерала Иванова новая Южная армия стала быстро развиваться и крепнуть. Но еще до этого переустройства Воронежский корпус не без доблести сражался с большевиками в бою на станции Лиски. Это был единственный плод наших трудов, который нам, инициаторам организации Южной армии, пришлось еще увидеть»⁸⁰.

С ухудшением осенью 1918 г. обстановки на Украине последовало распоряжение герцога Н. Н. Лейхтенбергского закрыть все бюро для записи в Южную армию. По указанию атамана П. Н. Краснова было оставлено лишь одно бюро – в Новочеркасске, куда должны были приходиться все желающие вступить в эту армию⁸¹.

К концу октября 1918 г. Южная Армия насчитывала более 9 тысяч штыков⁸². Будучи переименованной в Воронежский корпус, она была передана Северо-Восточному фронту Донской армии.

Астраханская армия действовала на Царицынском направлении, понеся при этом большие потери. Приказом Донского атамана 30 сентября 1918 г. она была преобразована в Астраханский корпус

и включена, наряду с частями Южной армии и Русской народной армии*, в состав Особой Южной армии. При этом атаман П. П. Краснов официально объявил себя «Верховным вождем Южной Российской армии»⁸³. На нее возлагалась «защита границ Всевеликого войска Донского от натиска красногвардейских банд и освобождение Российского государства»⁸⁴.

Но дни атаманства самого генерала П. Н. Краснова были уже сочтены.

Не согласившись с отставкой командующего Донской армией ген.-лейтенанта С. В. Денисова, он подал в отставку. Войсковой Круг неожиданно легко эту отставку принял.

Мотором интриги был ген. А. И. Деникин, потребовавший, чтобы бывший атаман покинул пределы Войска Донского в четырехдневный срок.

7 января 1919 г. Петр Николаевич навсегда покинул землю своих предков.

«Свергая гетмана и Краснова, – писал П. Н. Милюков, – мы сами не знаем, кому мы открываем путь»⁸⁵.

...С уходом атамана Краснова вожди Добрармии постарались похоронить и сами ненавистные им монархические армии. «Генерал Деникин, – свидетельствовал ген.-майор И. К. Кириенко, – боевую амуницию для Юго-Западной армии генерала Иванова, находившейся на воронежском направлении, не выдавал, чем и принудил, после скорой смерти генерала Иванова, его заместителя перейти в армию генерала Деникина»⁸⁶.

*Ах, генералы... Рвется, будто нить,
Присяга... И уже не до приказов.
Не знаю, почему – не объяснить! –
Мне мил Краснов и ненавистен Власов.*

*Гражданская война – Господня месть.
Но нет ни белой гвардии, ни Крыма.
Ах, генералы... Выше жизни честь.
Отечество и честь неразделимы**.*

* Формировалась на севере Донской области при непосредственном участии гетмана П. П. Скоропадского из крестьян Саратовской губернии. Приказом Донского атамана была преобразована в Саратовский корпус.

** Б. А. Орлов (Кронштадт).

СЛЕПЫЕ ВОЖДЫ СЛЕПЫХ*

Ну, а как сам гр. Ф. А. Келлер относился к Белой армии и ее вождям?

1 февраля 1918 г. в Харькове Федора Артуровича посетил корнет С. В. Марков. Ездил он туда по просьбе ближайшей подруги Императрицы Ю. А. Ден.

«Я решил [...], – вспоминал С. В. Марков, – сначала поехать в Харьков, так как имел поручение от Ю. А. Ден передать письма монархических организаций генералу от кавалерии графу Келлеру и еще одному лицу, проживавшему там, а оттуда проехать через Москву в Петербург.

Задержка произошла из-за отсутствия солдатской шинели, которую я раздобыл только 31-го января утром, и я назначил свой отъезд на следующий день. Меня до Харькова вызвался сопровождать денщик ротмистра Н., бравый малый, очень надежный и хороших старых правил солдат. Документ был уже заготовлен. [...] Но отъезд мне пришлось неожиданно ускорить и бежать из Белецковки еще 31-го [...]

Прекрасный харьковский вокзал был загрязнен до неузнаваемости и переполнен серой солдатской толпой. Повсюду пестрели плакаты:

Все на борьбу с Царскими опричниками, казаками! Долой помещиков и капиталистов! Земля и воля трудовому народу! Смерть Калединцам! Рабочий, исполни свой долг, красная гвардия ждет тебя!

На вокзале я расстался со своим спутником, оставшимся ожидать поезда на юг, сердечно поблагодарив его за оказанную мне услугу. Я успел уже освоиться со своим положением и чувствовал себя много спокойнее.

Из купленной газеты «Известия Харьковского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» я узнал, что донской атаман Каледин застрелился в Новочеркасске 29 января и что Таганрог взят Красной гвардией. В ней также сообщалось, что генерал Корнилов, которому удалось бежать из Быхова, начал формировать армию из золотопогонников и кадетов. Далее следовали обычные проклятия, трескучая угроза стереть в порошок наглых белогвардейцев, беспощадно расправиться с гидрой контрреволюции, под-

* Мф. 15, 14.

нимающей свою голову на Дону, и страшные кары казачеству за его помощь белогвардейской сволочи и т.д. в том же духе.

Передав нужному лицу бывшие при мне документы и письма, я отправился к графу Келлеру, жившему недалеко от центра города.

Когда я проходил по одной из маленьких улиц и на ходу закусывал чайной колбасой, я мог убедиться, что мой грим без грима, видимо, был очень удачен, так как натолкнувшись на меня две прилично одетые дамы, взглянув на мою фигуру, отпрянули в сторону, и одна из них даже вскрикнула: *Quel horreur!*

Я с трудом удержался, чтобы не расхохотаться.

На мой звонок дверь графской квартиры немного приоткрылась, кто-то в щель осмотрел меня и, узнав, что я желаю видеть Его Сиятельство, сказал:

– Отправляйтесь на кухню. Вход со двора! – и дверь перед моим носом захлопнулась.

Делать было нечего, и я покорился. На кухне повар в белом колпаке и фартуке так же, как судомойка и солдат, видимо, вестовой графа, приняли меня весьма нелюбезно и смотрели на меня с большим подозрением.

На принесенном с собою листочке бумаги я написал свой чин, место службы, фамилию и причину приезда, запечатал его в конверт и передал его вестовому с просьбой передать графу. Повар желал со мной разговориться, но возвращение вестового помешало ему.

– Иди за мной, Его Сиятельство ждет.

Вестовой проводил меня в кабинет. Когда граф увидел меня, остановившегося в дверях, он и глазом не моргнул:

– Здорово, братец! – услышал я его голос.

– Здравия желаю, Ваше Сиятельство! – ответил я.

Когда вестовой вышел и закрыл дверь за собой, граф подошел ко мне, протянул руку и, сердечно здороваясь, заметил, смеясь:

– Ну и вид же у вас, голубчик мой, прямо хоть куда!

Я впервые видел графа, и он сразу же произвел на меня неотразимое впечатление. Чем-то средневековым, рыцарским веяло от этой высокой стройной фигуры. В карих добрых глазах сквозила непреклонная воля и твердость духа, а голос звучал стальными, решительными нотками. Я передал ему привезенные письма, которые он внимательно прочел.

– Меня спрашивают, как я отношусь к событиям? – начал он. – Я писем вам давать не буду, теперь это опасно. Передайте на словах в Петербурге, что я считаю какие-либо выступления преждевремен-

ными и лично ни на какие авантюры не пойду. Каледин застрелился, потеряв веру в казаков, начавших бунтовать вместо того, чтобы оказать помощь его начинаниям, да и из корниловского предприятия ровно ничего не выйдет, помяните мое слово... Не место на Дону собирать офицеров, это не плацдарм для таких начинаний. Кончится гибелью. Погибнут невинные жизни... Россия не может восстановить порядок без опоры на какое-либо иностранное государство с его технической и материальной помощью. Без этой помощи нельзя создать боеспособную армию. Во всяком случае, пока не увижу, что такая помощь может быть оказана и будет реально осуществлена, я ни на какие выступления не соглашусь, так как считаю их бесполезными.

Кроме того, все эти революционные лозунги еще не изжились. Корнилов – революционный генерал, ему и карты в руки, пускай пытается спасти российскую демократию... теперь, быть может, время для этого. Я же могу повести армию только с Богом в сердце и Царем в душе. Только вера в Бога и в мощь Царя могут спасти нас, только старая армия и всенародное раскаяние могут спасти Россию, а не демократическая армия и “свободный” народ. Мы видим, к чему нас привела свобода: к позору и невиданному унижению... Так и передайте, что считаю выступление несвоевременным. Быть может, я пессимист, но думаю, что правильно смотрю на положение вещей.

Я с напряженным вниманием вслушивался в каждое слово, сказанное мне этим незаурядным человеком.

Узнав, что я хочу во что бы то ни стало проехать в Тобольск, граф вполне одобрил мое желание, попросив меня, если будет возможно, передать Их Величествам, что он молитвами и всеми помыслами своими находится с Ними, жаждет лично помочь Им, но сознается, что это для него невозможно, так как его слишком хорошо все знают в лицо. Пожелав мне счастливого пути, граф еще раз вкратце повторил все сказанное, попрощался со мной, позвонил и приказал пришедшему вестовому проводить меня.

– Спасибо, братец, за то, что не забыл меня, – услышал я его голос.
 – Рад стараться, Ваше Сиятельство!
 – Ну, с Богом, счастливой дороги!
 – Счастливо оставаться, Ваше Сиятельство! – было моим ответом, и дверь кабинета захлопнулась за мной»¹.

В своей книге, изданной через десять лет после того памятного разговора, С. В. Марков еще раз вспоминал сказанное генералом: «...В начинание Корнилова он не верил, что тот даст армии не тот

нужный дух и что, во всяком случае, без твердой опоры какой-нибудь иностранной державы, которая смогла бы оказать неограниченную поддержку национальному движению в России, ни на какой успех рассчитывать нельзя, и все начинание обречено на провал»².

Свои политические взгляды ген. Корнилов высказал еще в марте 1917 г. в беседе с представителями печати: «Я считаю, что происшедший в России переворот является верным залогом нашей победы над врагом. Только свободная Россия, сбросившая с себя гнет старого режима, может выйти победительницей из настоящей мировой борьбы. Совершившийся переворот уже дал нам победу в тылу [sic!], и перед нами остался [sic!] противник только на фронте – он должен быть разбит, этого требует честь и все будущее России. Только победа даст нам счастье видеть нашу Родину великой и свободной страной. Залог же победы это – дисциплина, тот могучий крепкий дух, которым всегда была сильна наша армия. Должно быть полное единомыслие, доверие и любовь между офицерами и солдатами. Выборное начало начальников, признанное ныне всеми и самими солдатами нежизненным, не может способствовать сплочению и силе армии, а скорее породит в ней рознь, а на фронте, в боевой обстановке, где надо не рассуждать – а делать, совершенно недопустимо и может принести непоправимый вред, будучи неправильно понято или истолковано. Нам осталось сделать еще последнее усилие – враг надломлен и победа близка, и эту победу, я повторяю, России может дать только сильная, единая по духу и дисциплинированная армия»³.

Антимонархические взгляды Л. Г. Корнилова подтверждал в своих воспоминаниях и ген. А. И. Деникин: «В конце июля 1917 г. я был проездом в Ставке, и в доверительной беседе ген. Корнилов сказал мне следующее: “Ко мне на фронт приезжал Гучков. Он все носитя со своей идеей переворота и возведения на Престол Вел. Князя Димитрия Павловича. Что-то организует, и предложил совместную работу. Я ему заявил категорически, что ни на какую авантюру с Романовыми не пойду”»⁴.

Те же мысли высказал ген. Корнилов в середине января 1918 г. в Новочеркасске перед строем сформированного там 1-го офицерского батальона Добровольческой армии. По свидетельству подполковника Марковского полка В. Ф. Бутенко (1894–1976), «перед строем ген. Корнилов обратился к нам с изложением своей политической программы и при этом совершенно ясно и точно заявил, что он лично является убежденным республиканцем. Отчетливо помню его оговорку: если Учредительное собрание высказалось бы, во

что он сам не верит, за монархию, он этому решению подчинится; с той оговоркой, однако, что если бы оно остановило свой выбор на ком-либо из Романовской Династии, то он, Корнилов, немедленно сложит свои полномочия и покинет пределы России, ибо... (далее следовала весьма нелестная характеристика этой Династии, буквальными выражения которой в моей памяти не сохранились). Это заявление было встречено с нашей стороны бурной овацией.

Добавлю к этому, что, не говоря уже о всем известной политической настроенности корниловцев, обстрелявших в Галлиполи палатку, откуда ночью раздалось пение “Боже, Царя храни”, мне за все мое непрерывное пребывание среди марковцев, не приходилось нагалькиваться на монархические настроения»⁵.

Среди единомышленников Корнилов высказывался еще более определенно: «Клянусь, что Романовы взойдут на Трон через мой труп»⁶. (Труп, как известно появился. И очень скоро.)

«Мы былого не жалеем, Царь нам не кумир» – распевали корниловцы⁷. И ведь не простая то была песня, а «Марш Корниловского полка». Продуманная; как сейчас бы сказали – программная. Песня, слов из которой, как говорят в народе, не выкинешь. Автор ее, прапорщик (впоследствии штабс-капитан) А. П. Кривошеев (1894–1975), вспоминал: «Однажды в 1-м Кубанском походе Корнилов, услышав этот мотив, попросил, чтобы ему записали слова. Когда Корнилов был убит, листок с этой песней, пробитый осколком, был найден в кармане на груди погибшего главнокомандующего. Это так поразило корниловцев, что с тех пор песнь корниловцев стала официальным маршем Корниловского полка»⁸.

После гибели, как называли генерала корниловцы «пресветлого вождя»⁹, дело его было подхвачено единомышленниками. Отношение ген. М. В. Алексева к находившемуся в узах Государю Императору и Его Семье да и вообще к восстановлению Монархии не многим отличалось от такового же «корниловского». Правда, Михаил Васильевич был похитрее; осторожничал он ловко¹⁰.

* * *

23 марта в Харьков вошли немцы, а 26 апреля – заняли Ростов-на-Дону.

«Занятие Украины и Ростова немцами и соглашение, заключенное с ними Донским атаманом Красновым, – обрисовывал положение Добровольческой армии в апреле 1918 г. один из ее генералов, – ...были в числе благоприятных обстоятельств. Хотя руководители

Добровольческой армии и решили оставаться верными союзникам и, при первой возможности, собравшись с силами, даже выступить против немцев, но на первых порах немецкая оккупация прикрывала нас от большевиков с запада и обеспечивала выигрыш времени, столь нужный для пополнения и организации армии, тем более, что немцы не только не проявляли враждебных намерений, но даже пытались привлечь Добровольческую армию на свою сторону»¹¹.

Оказавшийся летом 1918 г. в Киеве П. Н. Милюков предупреждал: «...Мы не должны воспитывать *Deutschenhass**, который похоронит их вместе с нами»¹².

Тупая германофобия отрезала добровольцам множество возможностей.

Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что за всеми этими антинемецкими настроениями крылся также страх восстановления в России Монархии. Даже современный советско-еврейский историк Г. З. Иоффе понимает: «Политические руководящие сферы стран Антанты не могли не учитывать давление левого общественного мнения, подозревавшего белых в желании восстановить царизм»¹³.

Отправляя в мае 1918 г. для добывания денег специального своего посланца в Москву, генералы Алексеев, Деникин и Романовский строго-настроено ему наказывали: никаких контактов с немцами¹⁴. Ген. М. В. Алексеев предпочитал этому установление контактов с известным революционером-террористом Б. Савинковым¹⁵.

Однако в Москве произошел некоторый конфуз. Связавшись с монархическим «Правым центром» (из-за провозглашаемой всеядности добровольцев такие контакты не смущали), «выяснилось, что, ставя себе целью восстановление Монархии, “Правый центр” возлагает все свои надежды на немцев»¹⁶.

Правда, впоследствии при получении через Дон и Украину вооружений и боеприпасов от немцев добровольцы были отнюдь не столь щепетильны. Слепая же их верность «союзникам», как известно, ровно ничего им не принесла. («Белые вожди», разумеется, при этом не в счет.)

Перемирию с Германией добровольцы, как известно, предпочитали – всерьез! – переброску на среднюю Волгу для «восстановления Восточного фронта» нескольких корпусов японской армии, где они послужили бы «ядром для русских формирований»¹⁷.

* Ненависть к немцам (*нем.*)

(И это безумие всерьез обсуждалось!) Или другое подобное заявление ген. А. И. Деникина, направленное против немецких войск: «...Защита наших соратников чехословаков – это вопрос нашей чести, и я не остановлюсь в случае нужды даже перед боем...»¹⁸ Учитывая конкретные дела этих «соратников», сдавших красным адм. А. В. Колчака, захвативших и вывезших в Чехословакию золотой запас России, – ничего не скажешь, весьма мудрое заявление.

«...Велика опасность разделения России между двумя союзниками, – предупреждал П. Н. Милюков, – неизбежная при создании внутреннего “Восточного” фронта. Создание этого Восточного фронта нужно нашим союзникам, как им нужно было вмешательство Румынии, т.е. как средство, притом второстепенное, а не как цель»¹⁹.

Посланный в Киев к Милюкову в июле французский офицер «успокаивал» его: «...Серьезная помощь – японцы. Я знаю, что к ним русские относятся скептически и подозрительно: но ручательством за то, что они ничем не овладеют в Сибири, является то, что Сибирь – богатое поле для применения капиталов *всех* союзников. К весне 1919 г. приедут американцы...»²⁰ Но Америка, по понятиям даже такого либерала, как Милюков, не менее «опасна, ибо смотрит на Россию через свою призму: будущность России там представляется в форме федерации штатов»²¹.

Явно рассчитывая на уши «союзников», в телеграмме С. Д. Сагонову от 2 января 1919 г. ген. А. И. Деникин писал: «Мы боремся за самое бытие России, не преследуем никаких реакционных целей, не поддерживаем интересов какой-либо одной политической партии и не покровительствуем никакому отдельному сословию. Мы не предрешаем ни будущего государственного устройства, ни путей и способов, коими русский народ объявит свою волю»²².

В свете приведенных и еще множества других подобных фактов, кажется, не столь уж не прав был кн. П. М. Бермонт-Авалов, полагавший: «Контрольные глаза “союзников” следили за каждым словом и каждым шагом ген. Деникина»²³.

«С точки зрения как географической, так и военно-политической, – полагают современные историки, – белое движение в основе своей имело антантофильский характер. Оно возникло и развивалось как борьба с большевицкой властью, которую, по убеждению белых, “насадила” в России Германия. Вследствие этого война с большевиками во многом рассматривалась белыми как продолжение войны против Германии совместно с союзниками России – странами Антанты. По существу, и “верхи” стран Антанты – Англии, Франции

и примкнувших к ним США – также склонны были видеть в белом движении продолжение войны “национальной” России с общим врагом – Германией и всем Четверным союзом. В этом прежде всего и заключалась для Антанты главная ценность белого движения»²⁴.

Желание расположить к себе «союзников» доходило порой до анекдота. Так, «английского генерала Пуля на Кубани станица Старо-Минская избрала почетным казаком, под фамилией Пуленко. Генерал снялся в казачьей форме и послал свой портрет в Англию сестре. Почтенная леди, увидев своего брата в черкеске, упала в обморок, воскликнув: “Увы! Мой брат стал большевиком!”»²⁵.

Вопреки реальности предводители белых не желали понять очевидных вещей, которые стали понятны даже подавшему в конце 1916 г. с думской трибуны «штурмовой сигнал революции» П. Н. Милюкову: «Мне кажется, что лица, продолжающие утверждать обязательность для нас договоров, заключенных союзниками, недостаточно отдают себе отчет в том, до какой степени все обстоятельства переменялись. В настоящее время фактически не существует того правового субъекта, который заключал договоры: не существует Российского государства, и его воссоздание должно быть нашей первой предварительной задачей. Далее, фактически не существует и того объекта, ввиду которого договоры заключались: не существует войны, и никакие силы не могут заставить русский народ начать ее вновь, какого бы мы мнения ни были о заключенном большевиками мире. Мы можем лишь предоставить союзникам нашу территорию для борьбы с нашими противниками, но, если это им понадобится, они займут ее и без нашего согласия. Таким образом, при сложившихся условиях, мы должны быть полными господами наших решений и руководиться исключительно нашими собственными интересами»²⁶.

* * *

Особая тема – тесное сотрудничество «белых вождей» с либеральной интеллигенцией, сыгравшей первую скрипку в февральском перевороте 1917 г. В свое время при Добровольческой армии было решено образовать политическое совещание в составе: председатель – Алексеев; члены: Корнилов, Каледин, Деникин, Лукомский, Романовский, Струве, Милюков, кн. Григорий Трубецкой, Федоров и Савинков²⁷. На протесты ген. Лукомского по поводу работы с такими одиозными личностями, как, например, Савинков, ген. Корнилов заявил ему: «Поверьте, что я не менее остро, чем вы,

чувствую ненормальность нашей будущей работы с Савинковым... [...] Но я переборол себя и решил это забыть, так как для меня прежде всего важно спасти родину, а не сводить личные счеты»²⁸. Как видно, генералу было проще простить революционера-боевика, проливавшего Царскую кровь, нежели Государя, которому он не мог забыть слишком низкой, по его мнению, награды за побег из австрийского плена: крест ордена св. Георгия 3-й степени и назначение командовать 25-м армейским корпусом (вместо армии, на что он рассчитывал).

Наконец, 2 февраля 1919 г. было утверждено и опубликовано «Положение об Особом совещании при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России», которое, по свидетельству ген. А. И. Деникина, «напоминало до известной степени конструкцию Временного правительства»²⁹.

Большую роль снова стала играть «несоциалистическая интеллигенция». В лучшем случае это были представители русской кадетской интеллигенции с десятью фигами в кармане, мало что понявшие и почти ничего не научившиеся. Классического ее представителя показал в своем пореволюционном очерке даровитый мало-российский историк А. В. Стороженко: «...Пользуясь всеми выгодами русского политического строя, Владимир Павлович считал как бы своей обязанностью загадочно подымать брови и язвительно улыбаться, когда какой-нибудь недоумок ругал перед ним Русскую Монархию, чтобы оставить в собеседнике такое впечатление, якобы почтенный Владимир Павлович тоже не враг революции. Это та черта “кадетизма”, которая привела к гибели России. Из-за нелепой моды самые спокойные люди лицемерно представлялись революционерами, пока настоящие, заправские революционеры – иудеи – не столкнули их в бездну и не уселись на их местах»³⁰.

Одним из членов Особого совещания был, как известно, пресловутый М. В. Родзянко.

«Бывший председатель Государственной думы, – пишет современный историк, – упрямо отказывался жить в реальном мире. Факта исчезновения Российской Империи, Государственной думы он осознать не мог. Как и того, что никому не нужен ее бывший председатель. Еще весной 1918 года он каким-то образом добрался до Ставки генерала Алексеева. Но у добровольцев ему быстро стало голодно. И не только в буквальном смысле. Корнилову нужны были стрелки и пулеметчики, а не председатели. Родзянко же умел воевать только языком, и исключительно под прицелом фотокамер репортеров. Он ненавидел большевиков, но очень издалека. При всей симпатии к нему Алексеева, у добровольцев Родзянко себе места не нашел.

Другое дело Войско Донское. Во-первых, как-никак, государство, претендующее на признание Европы. Во-вторых, там сытно и спокойно – столицы Дона и его столица незыблемы, это не кочующая в непрерывных боях Добровольческая армия. В-третьих, атаман донцов, известный писатель и путешественник, не может, по мнению Родзянко, не оценить появление в Новочеркасске такого крупного политика.

Родзянко написала Краснову письмо, в котором – если изложить суть – просил для себя место в аппарате государственной власти Дона. Причем ничем конкретным, требующим персональной ответственности и знания дела, он заниматься не желал – ему грезилась сугубо представительская синекюра.

Не дождавшись ответа от атамана, он написал второе письмо. Коротенькое, на страничку. В нем автор уже не поучает вождя донцов, как надо жить, а искренне изумляется. Дескать, если “слухи о Вашей культурности, Ваше Превосходительство, верны” (Краснов и до 1917 года был популярным писателем, о чем “отец русского парламентаризма”, оказывается, только ловил какие-то подозрительные слухи, но он в том письме выразился именно так), то как вы можете игнорировать меня?!

Краснов его раскусил еще после первого письма. Вспомнил, какую роль сыграл Родзянко в феврале 1917 года и в годы первой мировой войны, и чем это кончилось для России. А когда несостоявшийся министр Донского правительства начал публично поносить власти Дона, как он привык это делать в отношении власти Императора, то из Атаманского дворца ответил сразу и кратко. Демагога – вон с Донской земли! В 24 часа!

Летом положение Добровольческой армии на Кубани стабилизировалось, и Родзянко окопался в Особом совещании при ставке Деникина (Антон Иванович был внуком рядового солдата, но имел слабость к собственному двору, как наследный принц, собрав в этом Особом совещании целую толпу никчемных “придворных”). И принялся совещаться. Особо. Но вскоре от слов перешел к делу. Бывший председатель Государственной думы и “отец русской демократии, особа, ранее особо приближенная к Императору”, снизошел... до мелкой кражи.

Копию текста опасного письма атамана Краснова Германскому императору имел при себе министр иностранных дел Войска Донского генерал Богаевский. В 1946 году на допросе в МГБ подследственный Петр Краснов так объяснил причину появления текста этого письма в екатеринодарских и в зарубежных русскоязычных газетах: “Родзянко выкрал у генерала Богаевского”»³¹.

Особый гнев у антантофилов вызвало то место письма, в котором атаман писал о русско-германском братстве по оружию* (впрочем, стараясь не приводить этот отрывок целиком): «Всевеликое Войско Донское и про-

* Так же как и предвоенные телеграммы И. В. Сталина А. Гитлеру, подчеркивающие то же *братство по оружию* в годы Наполеоновских войн.

чие Государства Доно-Кавказского Союза не забудут дружеской услуги Германского народа, с которым казаки бились плечом к плечу еще во времена 30-летней войны, когда Донские полки были в рядах армии Валленштейна, а в 1807 и 1813 годах Донские казаки с своим Атаманом графом Платовым боролись за свободу Германии. И теперь почти 3 1/2 года кровавой войны на полях Пруссии, Галиции, Буковины и Польши казаки и германцы взаимно научились уважать храбрость и стойкость своих войск и ныне, протянув друг другу руки, как два благородных бойца, борются вместе за свободу Родного Дона»³².

Но ведь в сказанном нет и слова неправды. А что до самого факта письма к Германскому императору, то, как сказал в одной из своих речей П. Н. Краснов, «когда горит дом, не спрашивают, чье ведро под домом, а хватают его, чтобы тушить пожар...»³³

Деятельность так ничему и не научившегося пресловутого Родзянко в эмиграции подтвердила его политическое ничтожество, умственную недалекость при одновременной чрезвычайной амбициозности. Эмигрантская пресса, к примеру, сообщала: «В газете “Нью-Йорк Таймс” помещено письмо в редакцию бывшего американского посла в России Дэйвида Франсиса с приложением полученного им письма от бывшего председателя Государственной думы М. Родзянко, находящегося в настоящее время в Югославии. В своем письме Родзянко просит у Франсиса собрать 4000 долларов на издание в Югославии “русской демократической, либеральной газеты” в противовес выходящему там монархическому листку “Новое время”. Свое письмо Родзянко заканчивает следующими словами: “Будьте уверены, что когда Господу Богу будет угодно открыть нам путь к возвращению в Россию, мы уплатим свой долг нашим добрым американским друзьям”. Мистер Франсис жертвует 500 долларов на этот 4000-й фонд»³⁴.

Этим-то своим широким демократизмом, надо думать, господин Родзянко и был столь близок и дорог А. И. Деникину.

*Рожают овцы под брезентом,
Родзянко будет президентом*.*

«...Генерал Деникин, – справедливо писал Дворцовый комендант В. Н. Восейков, – не менее своих предшественников преклонялся перед воинами в стане русского либерализма, что особенно выказал свою телеграммою в радостный для него день 75-летия Родичева**», вдохновителя нашей передовой интеллигенции на подвиг разрушения Отечества. Вполне понятно, что генерал, вы-

* М. А. Булгаков. Белая гвардия.

** Ф. И. Родичев (1853–1932) – один из лидеров кадетов, за свои темпераментные выступления в Думе получивший прозвище «первого тенора». Массон. Министр Временного правительства. Скончался в эмиграции. – С. Ф.

сказавший на солдатском митинге после отречения Государя свою радость по поводу падения “проклятого самодержавия”, не мог в совете добровольческих армий обойтись без сотрудничества патентованных заправил нашей революции – П. Н. Милокова, Б. В. Савинкова, а также князя Львова... [...] Беззаветно храбрые воины многострадальной Добровольческой армии, поглотившей лучших русских людей, непоколебимо верившие своим вождям, в конечном итоге отдали свою жизнь за мираж...»³⁵

Однако перемены в настроениях все же были. Особенно это ощущалось в офицерской среде. Всплеск таких настроений приходился на май–июнь 1918 г., т.е. ко времени, непосредственно предшествующему началу формирования Монархических Армий.

Для противников традиционной русской монархии, приложивших к тому же в свое время усилия для ее устранения, это был не просто неприятный, а прямо-таки угрожающий симптом. Подспудное существование монархических идей было чревато крахом планов «белых вождей», потерей ими вождей управления. Они хорошо понимали: для того, чтобы успешнее бороться с этой опасностью, нужно было в какой-то мере легализовать эти настроения, поставить их под контроль, противопоставив активным распространителям монархической идеи ловко построенную демагогию.

«Громадное большинство командного состава и офицерства, – вынужден был признать ген. А. И. Деникин, – было монархистами. [...] Очень многие считали необходимым немедленное официальное признание в армии монархического лозунга. Это настроение проявлялось не только внешне в демонстративном ношении Романовских медалей, пении гимна и т.п., но и в некотором брожении в частях и... убыли в рядах армии. В частности, появились офицеры-агитаторы, склонявшие добровольцев к участию в тайных организациях; в своей работе они злоупотребляли и именем Великого Князя Николая Николаевича. Меня неприятно удивила однажды сцена во время военного совета перед походом. Марков резко отозвался о деятельности в армии монархических организаций; Дроздовский вспыхнул: “Я сам состою в тайной монархической организации... Вы недооцениваете нашей силы и значения...”»³⁶ Было от чего пойти кругом голове у республиканца и антантофила Деникина.

«Общее направление мысли и желаний в Армии – монархическое, претендует на то, чтобы этот лозунг объявить во всеобщее сведение»³⁷, – так писал ген. М. В. Алексеев из станицы Мечетинской П. Н. Милокову 25 мая 1918 г. Это было для *внутреннего* употреб-

ления, для *внешнего* Алексеев ограничивался осторожным «умолчанием». «Добровольческая армия, – писал он в другом частном письме, – не считает возможным теперь же принять определенные политические лозунги ближайшего государственного устройства, признавая, что вопрос этот недостаточно еще назрел в умах всего русского народа и что преждевременно объявленный лозунг может лишь затруднить выполнение широких государственных задач»³⁸.

В деникинском «наказе представителям армии» эта мысль была сформулирована следующим образом: «Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства»³⁹.

Позиция открыто провозгласивших себя «непредрешенцами» (более того – сторонниками «полного *непредрешения государственного строя*»⁴⁰), т.е. фактически осторожными республиканцами, генералов А. И. Деникина, И. П. Романовского и их присными – была слишком узковидна.

«...Осенью 1918 года, – признавался Деникин, – [...] оба моих ближайших помощника сказали мне, что работать под лозунгом Учредительного собрания они считают для себя невозможным. Это было убеждение, широко распространенное в военной среде и правых кругах, где понятия “учредилка” и “учредилковцы” встречали презрительное отношение. [...] ...В армии [...] одни проливали кровь, не мудрствуя лукаво, другие заявляли: “Мы за ‘учредилку’ умирать не будем”. Поэтому я призывал армию бороться просто за *Россию*»⁴¹.

Но и этого расплывчатого понятия многие участники белой борьбы не могли принять.

«В последние дни Новороссийска, – вспоминал будучи в эмиграции участник гражданской войны проф. Н. В. Краинский, – офицер Добровольческой армии, встретив другого офицера киевского отряда, спокойно сказал:

– На г...о-дело приехали! Сражаться?.. *За кого?*

В этом “за кого?” и лежала психологическая причина гибели: нельзя идти, не зная куда»⁴².

«...Добровольцы, – писал в августе 1920 г. в Мюнхене полковник Ф. В. Винберг, – веденные с туманными лозунгами к неразгаданным устремлениям, не смогли помочь русскими силами нерусскому делу...»⁴³

«Непредрешенцев» критиковали даже конституционные монархисты.

«Я глубоко убежден, – писал ген. А. С. Лукомский ген. А. И. Деникину в мае 1918 г., – что это воззвание вызовет в самой армии и смущение, и раскол. В стране же многих отшатнет от желания идти в армию или работать с ней рука об руку. Может быть, до вас еще не дошел пульс биения страны, но должен Вас уверить, что *поправение* произошло громадное. Что *все партии*, кроме социалистических, видят единственной приемлемой формой конституционную монархию. Большинство отрицает возможность созыва нового Учредительного собрания, а те, кто допускают, считают, что членами такового могут быть допущены лишь цензовые элементы. Вам необходимо высказаться более определенно и ясно»⁴⁴.

Даже пресловутый П. Н. Милюков на кадетском съезде в Екатеринославе предупреждал: «Идея народовластия и свободного волеизъявления народов более чем поколеблена... Необходима крайняя осторожность к Учредительному собранию»⁴⁵.

«Как все переменилось! – восклицал в одном из писем в июле 1918 г. кн. Г. Н. Трубецкой. – Ведь как это ни дико, но для штаба Добровольческой армии, например, позиция Милюкова слишком правая, ибо они все еще не отделались от полинявших побрякушек, вроде Учредительного собрания, и не высказались еще за монархию»⁴⁶.

А вот какие мысли высказывали по этому поводу русские общественные деятели, в основном из кадетского окружения П. Н. Милюкова, на Ясском совещании в ноябре 1918 г.:

«С исчезновением Романовых – исчез порядок. Возвращение Романова: вот порядок»⁴⁷.

«Единственный плюс – стремление людей к “хозяину”...»⁴⁸

«Но брожение народа определенное – верит только в народного Царя»⁴⁹.

Однако «белые вожди» упорно гнули свою линию. Деникин попытался было скрутить офицеров-монархистов. Собрав их в станичном правлении Егорлыкской, он заявил:

«Требуют немедленного поднятия монархического флага. Для чего? Чтобы тотчас же разделиться на два лагеря и вступить в междоусобную борьбу? Чтобы те круги, которые теперь, если и не помогают армии, то ей и не мешают, начали активную борьбу против нас? [...] Да, наконец, какое право имеем мы, маленькая кучка людей, решать вопрос о судьбах страны без ее вельможи, без вельможи русского народа? [Про Февраль-то 1917-го демагог-генерал, похоже, забыл! – С. Ф.]

Хорошо – монархический флаг. Но за этим последует естественно требование *имени*. И теперь уже политические группы назы-

вают десяток имен, в том числе кощунственно [sic!] в отношении великой страны и великого народа произносится даже имя чужеземца – греческого принца [sic!]. Что же, и этот вопрос будем решать поротно, или разделимся на партии и вступим в бой?

Армия не должна вмешиваться в политику. Единственный выход – вера в своих руководителей. Кто верит нам – пойдет с нами, кто не верит – оставит армию.

Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию. И будьте покойны: в тот день, когда я почувствую ясно, что биение пульса армии расходится с моим, я немедленно оставлю свой пост, чтобы продолжать борьбу другими путями, которые сочту прямыми и честными»⁵⁰.

Издававшему с августа 1918 г. в Екатеринодаре газету «Россия» В. В. Шульгину А. И. Деникин, иногда и публично, выговаривал совершенно определено: «Вы боретесь мужественно. Мы это ценим. Что же касается монархии, то это только форма правления. Возможна конституционная монархия, возможна и толковая республика. Восемьдесят процентов моих офицеров – монархисты. Но казачество, скорее, республиканцы, а казаков – большинство в Добровольческой армии». Или: «Мне кажется неподобающий общий тон газеты. Вы употребили слово “чернь” вместо слова “народ”. Кроме того, вы очень выпячиваете монархизм. Конечно, много офицеров-монархистов. Но у вас выходит так, что единственная цель Добровольческой армии – восстановление монархии. Это не так. Ваша газета названа “Россия”. Это – правильное название. Попираемую Россию мы и хотим восстановить. А форма правления – это вопрос второго порядка»⁵¹.

На фоне убеждений подавляющего большинства добровольцев (офицеров и генералов), новых настроений, царивших в стране, – слова эти были насквозь фальшивы и лукавы. Немногие тогда, однако, понимали, что, декларируемая *открытой*, дверь эта завладевшими ключом от нее в действительности *не будет открыта никогда*. Несмотря на декларативные заявления, вроде сделанного тем же Деникиным в январе 1920 г. в Екатеринодаре, о том, что «форма правления для меня вопрос второстепенный»⁵², сам Антон Иванович был убежденным противником монархии. В монархическую армию он, конечно бы, не пошел; зато в других, вступивших в сражавшуюся за «учредилку» Добровольческую армию только потому, что биться за восстановление Самодержавной монархии никто не вел, он видел реальных борцов за свою, республиканскую, идею. И их он ни в коем случае не желал упустить.

Таков был, между прочим, итог той линии (о чем мы и писали на протяжении всей книги), которая тянулась еще со времен XIX века: переноса в известной триаде «Православие – Самодержавие – Народность» центра тяжести на последний член – *народ и Россию*. История (а, значит, и Сам Бог!) нам ясно показала, что замковым камнем является Царь (Помазанник Божий). Недаром даже пространственно в этой триаде «Самодержавие» находится *в центре*, символизируя *Царский путь* (во всем многообразном значении этого понятия). Как выяснилось, без Царя можно только существовать, но не жить нормальной полнокровной жизнью. Перефразируя слова великого русского классика (пусть и сказанные по другому поводу), горе тому, кто отказался от Царя, но двойное тому – кто научился без Него обходиться, кому Он оказался не нужен. Кто, наконец, «жизнь в катастрофе» объясняет чем угодно другим, только не отречением от установленного Богом порядка вещей.

В июне 1918 г. у гр. Ф. А. Келлера в Харькове побывал посланный в Москву для установления контактов от имени Добровольческой армии ген.-майор Б. И. Казанович*.

* *Борис Ильич Казанович* (1871–2.6.1943) – окончил Московскую классическую гимназию, Московское юнкерское училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Обер-офицер для особых поручений при штабе 10-го армейского корпуса (1902–1905). Участник русско-японской войны 1904–1905 гг. Штаб-офицер для поручений при штабе Туркестанского военного округа (1905–1909); с тех пор близкий друг ген. Л. Г. Корнилова. Полковник. Начальник штаба 11-й пехотной дивизии (1912). Командир 127-го Путивльского полка (дек. 1914). Награжден Георгиевским оружием. Начальник штаба 6-й Сибирской стрелковой дивизии в звании генерал-майора (6.12.1916); командующий этой дивизией (1917). В Добровольческой армии со дня ее основания. Участник 1-го Кубанского похода. В штурме Екатеринодара принимал участие в качестве командира полка (март 1918). Тяжело ранен. По поручению генералов Алексеева и Корнилова с секретной миссией в Москве (май–июнь 1918). Начальник 1-й пехотной дивизии во время 2-го Кубанского похода. В Вооруженных Силах Юга России командир армейского корпуса. Генерал-лейтенант. Командующий войсками Туркестанской армии в Закаспийской области (1919). При ген. Врангеле начальник Сводно-Кубанской дивизии. Галлиполиец. В эмиграции в Югославии. Председатель главного правления Союза участников 1-го Кубанского похода; председатель Общества офицеров Генерального штаба в Югославии; председатель Общества изучения гражданской войны (1931). Скончался в русской больнице г. Панчево под Белградом.

«В Харькове, – вспоминал он, – я зашел к графу Келлеру, которого я всегда глубоко уважал и как воина, и как человека. Он сказал мне, что почти не выходит на улицу, так как не переносит вида немецких касок. Я убеждал его ехать к нам, соблазняя тем обширным полем деятельности, которое открывается для такого кавалериста, как он*, но этот убежденный монархист (один из немногих известных мне, у которых слово никогда не расходилось с делом) заявил, что наша программа слишком неопределенна: неизвестно, кто мы – монархисты или республиканцы? Между тем народ ждет Царя и пойдет за тем, кто обещает вернуть Его.

– Но о каком Царе Вы говорите?

– У нас только один законный Царь, Которому мы присягали. Его отречение было вынужденным!

– Да жив ли Он?

– Все равно, жив Его Наследник, а если и Он погиб, то порядок Престолонаследия определен законом. Всегда может быть только один законный Царь»⁵³.

Посланцу добровольцев, пусть и генералу Русской Императорской армии в прошлом, Келлер был непонятен. Что ж...

*Пускай супостаты со всех сторон,
И съеден припас, и скисло вино,
Но клятву дал гарнизон.
Напрасно чужие ждут,
Знамена их не пройдут.*

.....

*Пришельцы хотят запугать солдат,
Купить, хорошую мзду суля:
Какого, мол, дурня они стоят
За свергнутого короля,
Который умер давно? –
Так не все ли равно?*

.....

*Повар-пройдоха, ловивший сетью
Глупых дроздов, чтобы сунуть их в суп,
Клянется, что слышал он на рассвете*

* В Добровольческой армии, при наличии многочисленной отличной конницы, до приезда осенью 1918 г. генерала барона Врангеля не было выдающихся кавалерийских начальников. – Прим. Б. Казановича.

*Сигнал королевских труб.
Конечно, врет, старый пес!
Но мы не оставим пост*.*

«Я просил его, – продолжал, вспоминая разговор с графом, ген. Казанович, – по крайней мере, не отговаривать офицеров-кавалеристов, среди которых он пользуется большим авторитетом, от поступления в Добровольческую армию.

– Нет, буду отговаривать: пусть подождут, когда настанет время провозгласить Царя, тогда мы все выступим»⁵⁴.

Последние слова подтверждал автор первого биографического очерка о Федоре Артуровиче, писавшего, что в Харькове «он не сидел, сложа руки, и, предвидя надвигающиеся ужасы революционной смуты, неутомимо работал, собирая и объединяя вокруг себя русских офицеров»⁵⁵.

В письме генералу М. В. Алексееву от 20 июля (2 августа) 1918 г. генерал Ф. А. Келлер писал: «Единственной надеждой являлась до сих пор для нас Добровольческая армия, но в последнее время и к ней относятся подозрительно, и подозрение, вкравшееся уже давно, растет с каждым днем... Верят Вам кадеты, и может быть, и то отчасти, группа Шульгина, но большинство монархических партий, которые в последнее время все разрастаются, в Вас не уверены, что вызывается тем, что никто от Вас не слышал столь желательного, ясного и определенного объявления, куда и к какой цели Вы идете сами и куда ведете Добровольческую армию. Немцы это, очевидно, поняли, и я сильно опасаюсь, что они этим воспользуются в свою пользу, то есть для разъединения офицерства...

Боюсь я также, что для того, чтобы отвлечь от Вас офицеров, из которых лучший элемент монархисты, немцы не остановятся перед тем, чтобы здесь в Малороссии или Крыму формировать армию с чисто монархическим, определенным лозунгом. Если немцы объявят, что цель формирования – возведение законного Государя на Престол и объединение России под Его державою и дадут твердые гарантии, *то для такой цели, как бы противно ни было идти с ними рука об руку*, пойдет почти все лучшее офицерство кадрового состава.

В Ваших руках, Михаил Васильевич, средство предупредить еще немцев (чистым намерениям коих я не верю), но для этого Вы

* Уильям Йейтс. Черная башня (1939).

должны честно и открыто, не мешкая, объявить – кто Вы, куда и к какой цели Вы стремитесь и ведете Добровольческую армию.

Объединение России великое дело, но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый даже Ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, который может быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете. Объявите, что Вы идете за законного Государя, если Его действительно уже нет на свете, то за законного же Наследника Его, и за Вами пойдет без колебаний все лучшее, что осталось в России, и весь народ, истосковавшийся по твердой власти...»⁵⁶

«Это был честный и мужественный воин, самоотверженный патриот, – писал о Федоре Артуровиче ген. П. И. Залесский, – но с узкими “самодержавными” взглядами. Принять активное участие в борьбе с большевиками он очень хотел, но только при условии, чтобы эта борьба велась открыто Именем Самодержавного Царя всея Руси. Не слыша ниоткуда такого призыва, граф Келлер отправился сам в Добровольческую армию, чтобы лично ориентироваться, за что и с кем в компании может он идти. Из этого путешествия он вернулся обратно крайне разочарованным...»⁵⁷

«Кристалльно чистый граф Келлер, исчезнувший ныне тип генерала доброго времени, – писал кн. Е. Н. Трубецкой, – говорил мне недели за две до своего трагического конца:

– Вся суть в том, что у нас каждый берется не за свое дело, забывая о прямых своих обязанностях. Вот, хотя бы Деникин, мой прежний подчиненный. Я ему поставил вопрос: “Скажите мне, наконец, Ваше Превосходительство, кто вы и что вы такое”. Он сконфузился и отвечал: “Я монархист, – и поспешно добавил, – я конституционный монархист”. – “Ваше Превосходительство, – сказал я ему, – я думаю, что я не глупее вас, но полагаю, что это не нашего с вами ума дело. Мы, военные, должны стоять вне политики, для нас должно быть только одно: воля Государя Императора и единая Россия. А о конституции рассуждать нам не приходится. Захочет Государь Император, будет вам и конституция или хотя бы даже федерация, не захочет Его Величество, не будет ни того, ни другого. А мы с вами должны исполнять Его волю, а не политиканствовать”.

– Граф, – заметил я моему собеседнику, – ведь это тоже политика, хотя политика правая и монархическая, – но тотчас понял,

что попытки убедить в этом старика были совершенно бесполезны. Он просто разводил руками и не понимал, повторяя:

– Государь Император и Россия, да какая же это политика»⁵⁸.

Оставляя в стороне лукавство ген. А. И. Деникина (республиканца до мозга костей, боявшегося, правда, упасть в глазах прежнего своего начальника), заметим, что и ген. М. В. Алексеев был тоже «полуфабрикатом» – конституционным монархистом. Вот что он писал, например, в июле 1918 г. ген. Д. Г. Щербачеву: «...Руководящие деятели армии сознают, что нормальным ходом событий Россия должна подойти к восстановлению монархии, конечно [sic!], с теми поправками [sic!], кои необходимы [sic!] для облегчения гигантской работы по управлению для одного лица. Как показал продолжительный опыт пережитых событий, никакая другая форма правления не может обеспечить целость, единство, величие государства, объединить в одно целое разные народы, населяющие его территорию. Так думают почти все офицерские элементы, входящие в состав Добровольческой армии, ревниво следящие за тем, чтобы руководители не уклонялись от этого основного принципа»⁵⁹.

Будучи конституционным монархистом, ген. М. В. Алексеев, таким образом, вопреки вековым русским, в том числе и армейским, традициям, занимался политикой. А это, заметим, категорически запрещалось даже «наказом представителям армии», данным ген. Деникиным (с ведома Алексеева) в мае 1918 г.: «Добровольческая армия не может принять партийной окраски»⁶⁰. Да и Деникин не раз, как заклинание, повторял: «Армия не должна вмешиваться в политику»⁶¹, сам как раз и занимаясь ею. Ведь его «непредрешенчество», «народоправство» и упование на «Учредительное собрание» – это и есть самая что ни на есть натуральная политика, вопреки вековым традициям русского народа.

* * *

«Вы ставите вопрос о поминовении вождей белых армий гражданской войны, а также о статьях в печати, чернящих их, – вполне определенно писал святитель Иоанн Шанхайский, отвечая на письмо эмигранта в 1960 г. – Конечно, молиться за них не только можно, но и должно, как в домашних, так и в церковных молитвах. Они были православные и остались таковыми до конца жизни; грех имеют все, и за тех, кто больше грешит, нужно еще больше молиться. [...] Но самим, однако, надо ясно себе отдавать отчет не только в похвальных сторонах их деятельности, но и отрицательных, чтобы

знать причины наших бедствий, чтобы самим не подражать им; если мы тоже виновны в том, искренне стараться исправить то, что возможно. Никак нельзя оправдывать зло, а тем более его облагораживать. *Горе тем, которые зло называют добром, и добро – злом... горькое почитают сладким, и сладкое – горьким»* (Исаия 5, 20).

Пишете, что многие считали Государя виновным в наших неудачах, а посему считают себя вправе нарушать присягу? Присяга есть клятвенное обещание перед Крестом и Евангелием, и нарушение ее есть клятвопреступление. Если бы даже действительно выполнение ее грозило большими бедствиями или было явно безнравственным, то и тогда нарушивший ее не мог бы считаться совершенно невинным и должен был бы искать у Церкви разрешения от клятвы. Но если нарушивший, по причинам уважительным, все же частично является виновным и должен очиститься от греха, насколько виновнее те, кто поддался клевете и обману. Ведь следственная комиссия, назначенная Временным правительством, не нашла подтверждения обвинениям против Царской Семьи и должна была это признать. Кому больше дано, от того больше взыщется, и посему, чем кто ответственнее занимал место, тем более виновен в неисполнении своего долга. Если бы высшие военачальники и общественные деятели вместо «коленипреклоненных» умолений Государя об отречении выполнили то, что следовало по присяге – искусственно устроенный петроградский бунт был бы подавлен и Россия спасена. Недавно Франция была в тяжелом положении. Заявление де Голля о самоопределении алжирцев многим французам, особенно родившимся и выросшим в Алжире, прозвучало как измена, и поднялся бунт с требованием свержения и казни “изменника”. Но большинство ответственных лиц остались верны своему долгу, и катившаяся в бездну Франция была спасена. То же произошло бы и у нас, если бы руководящие лица армии и общества остались верны присяге и долгу. Совершен был страшный грех перед Богом и государственное преступление. Насколько кто загладил свой грех, ведомо Богу. Но открытого покаяния почти никем проявлено не было. Призыв к борьбе за Россию, после падения Временного правительства, и потеря захваченной было власти, хотя вызвал благодарные чувства многих и соответствующее движение, но не было это выражением раскаяния со стороны главных виновников, продолжавших считать себя героями и спасителями России. Между тем, Троцкий в своих воспоминаниях признает, что больше всего они (советы) боялись, чтобы не был провозглашен Царь, т.к. тогда

падение советской власти стало бы неминуемым. Однако этого не случилось, «вожди» боялись того же. Они воодушевили многих на борьбу, но запоздалый их призыв и отвага не спасли Россию. Некоторые из них в той борьбе положили жизнь и пролили кровь, но гораздо больше пролито невинной крови, которая продолжает литься по всей России, вопия к небу. Посему отношение к ним, как и ко всем государственным деятелям Руси, должно быть то, которое выражено у Пушкина устами летописца – “Хвалите за славу, за добро, а за грехи, за темные деяния, Спасителя смиренно умоляйте...”, несколько их не оправдывая, но и не крича о них, ибо то, что произошло, наш общий позор, позор России и ее бедствие»⁶².

А вот итоги осмысления Белого дела известным зарубежным духовным писателем архимандритом Константином (Зайцевым, 1886–1975): «Белое движение было попыткой русского общества сохранить в революции, их усовершенствовавши, разные положительные свойства ее быта – но совершенно вне всякого учета этого промыслительного задания, вложенного Богом в Историческую Россию. Тем самым все получало утилитарный характер, и это в условиях, когда охранительное начало не могло не пасовать пред лицом мечтательного устремления к лучшему, какое не могло не принимать характера весьма далекого от идеалов Исторической России. Тем самым Белое движение естественно и неотменимо оказывалось раздвоенным, сочетая в себе, с одной стороны, живые остатки бывшего государственного и общественного строя, а с другой – устремленность к радикальной смене всего, чисто революционной и воплощение получавшей в некоем мифическом “Учредительном собрании”, которое призвано будет сказать человечеству некое новое слово.

Что это практически означало, если не превращение всего жизнеспособного в плане устройства общественно-государственного в составе Белого движения в исполнительный подсобный аппарат, терпимый лишь в его служилой работе, но имеющий самоуспокоиться пред лицом тех фантазм, которыми насыщено было сознание «передового» общества, не приемлющего коммунистического террора. Тем самым Белое движение становилось чем? **Доживанием** остатков старого режима, как в буквальном смысле сохранения жизни этими остатками, так и в переносном – готовности жертвовать жизнью идеалистически за такое будущее, которое тут же обращалось во внутреннее соперничество отдельных элементов этого будущего, бесконечно и безнадежно далеких от того, чем жила Историческая Россия»⁶³.

И в другой статье: «Белое движение! Много идеализма. Идеология туманна. За что идет борьба? Пред нами доживание отдельных элементов БЫЛОЙ России. Но самой России в целом – и здесь уже НЕТ!

Благодать явно покинула Россию. Дух ушел...»⁶⁴

И потому: «Горе вам, вожди слепые... [...] Безумные и слепые!» (Мф. 23, 16, 17).

*Нет! не белым генералам,
Не эсеровским вождям
И не красным каннибалам
Нас вернуть к счастливым дням*.*

«Я ВНОВЬ ЗОВУ ВАС ЗА СОБОЮ...»

К числу монархических армий, о которых мы писали, относилась и *Северная* (или *Псковская*) *армия*, формирование которой началось летом 1918 г. на территории оккупированной германскими войсками части Псковской губернии.

Монархический узел здесь стал завязываться еще в начале 1918 г. Известный русский эмигрантский историк С. П. Мельгунов приводит в воспоминаниях следующую запись из дневника супруги от 22 февраля: «Говорят, что в Псков к немцам ездили монархисты для обсуждения восстановления монархии»¹. Сведения о контактах с русскими монархистами содержатся и в дневниковых записях начальника германского штаба Восточного фронта генерал-майора Макса Гофмана (1869–1927), кстати говоря, являвшегося противником отделения Прибалтийских губерний от России. «Сегодня опять русский визит, – занес он 14 марта в свой дневник. – В Вильно прибыл представитель монархических партий в России, чтобы просить нашей помощи для восстановления монархии в России»². В связи с этим у германского генерала, по его словам, возник план из Пскова занять «линию Смоленск – Петербург, образовать в Петербурге новое правительство, которое должно было пустить слух, что Наследник Цесаревич жив, назначить последнему регента и привезти временное правительство в Москву». Регентом, по мнению ген. Гофмана, должен был стать Вел. Кн. Павел Александрович».

* С. С. Бехтеев. Спаситель.

рович, «с которым главнокомандующий Восточным фронтом вступил в сношения через зятя Великого Князя Павла – полковника Дурново»³.

Большую роль в создании Северной армии сыграл ротмистр Л.-Гв. Кирасирского Ее Величества полка Владимир Германович фон Розенберг. Он был активным участником Гвардейской офицерской организации, имевшей тесные связи с монархической организацией Н. Е. Маркова Второго (находясь в Петербурге, он даже вел там подпольную работу в Красной армии). Первым его шагом по созданию Северной армии стало обращение в Прибалтийскую миссию, находившуюся в Германском генеральном консульстве в Петербурге.

Там в конце июля состоялось знакомство ротмистра фон Розенберга с неким германским капитаном Э., жившим до этого многие годы в русской столице. Последний сказал, что «Германское правительство окончательно убедилось в необходимости во что бы то ни стало покончить в России с большевизмом, восстановить снова монархическое правление и уже с последним заключить прочный и законный мир»⁴. Далее из доверительного разговора стало известно, что капитану было поручено установить связь с русскими монархистами, чтобы, переговорив с ними, приступить к созданию на оккупированных немцами территориях русской добровольческой армии.

Эти предложения ротмистр фон Розенберг немедленно довел до сведения Н. Е. Маркова и генерала Н. Н. Юденича. Оба признали «предложение германцев весьма серьезным фактом» и просили ротмистра «продолжать самую интенсивную работу в этом направлении»⁵.

После взаимных консультаций и совещаний были сформулированы приемлемые для обеих сторон условия:

«1) Русская добровольческая армия должна формироваться по соглашению с Императорским Германским правительством.

2) Местом формирования должны послужить оккупированные германскими войсками русские области, причем желательными являются районы городов Двинск – Вильна или Валк – Вольмар – Венден.

3) Формирование армии должно производиться в одном из указанных районов под прикрытием германских оккупационных войск.

4) Армия должна будет комплектоваться: а) местными русскими офицерами и добровольцами; б) переправленными при помощи германцев из Петербурга офицерами и добровольцами, причем многие из них предварительно должны быть освобождены из тюрьмы; в) русскими военнопленными, находящимися в лагерях Германии.

5) Командующим армией, с диктаторскими полномочиями, должен быть назначен русский генерал с популярным боевым именем, причем желательно было бы назначение генерала Юденича, генерала Гурко или генерала графа Келлера.

6) Денежные средства на содержание армии должны выдаваться заимобразно Германским правительством Русскому государству.

7) Все необходимое для формирования армии, как то: вооружение, обмундирование, снаряжение и продовольствие, должны отпускаться германскими военными властями русскому командованию.

8) В одном из городов оккупированной области, перед началом формирования, должен быть созван Русский монархический съезд, имеющий своей задачей выделить из своего состава Временное правительство России.

9) Армия по окончании формирования должна быть приведена к присяге Законному Царю и Русскому государству.

10) Задачи армии: а) наступление на Петербург и свержение большевизма; б) поддержание законной власти; в) водворение порядка во всей России.

11) Все установления политического характера должны быть выяснены на Монархическом съезде и утверждены избранным Временным правительством.

12) Германские войска участия в подавлении большевизма не принимают, но следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престожа власти»⁶.

С этими выработанными условиями участники переговоров в последних числах августа отправились в Ковно. Там находилось Главное военное германское командование на Востоке. Оттуда 15 сентября в Псков вернулся капитан Э., сообщивший, что переданные им условия найдены там приемлемыми. Особое внимание при этом было обращено на скорейшее проведение в Пскове монархического съезда, рассматривавшегося немецкой стороной как некоторая гарантия⁷.

Съезд был упомянут в восьмом пункте предварительных условий, и представители русской и германской сторон выехали в Киев.

«Из Пскова, – читаем запись от 12/25 сентября в киевском дневнике П. Н. Милюкова, – приехали члены Гос. думы Дерюгин, Лавриновский и Горсткин, которые вели в Пскове раньше переговоры с представителями местной Oberkommando, бар. Hammerstein, а теперь получили предложение от Bassewitz`а и майора Шуберта (который вел переговоры в Москве): немедленно созвать монархический съезд в Пскове (человек тридцать-сорок) и образовать правительство, которое займет Петроград и оттуда будет действовать в остальной

России. Они поехали с этим в Киев и обратились к крайне правым. Hammerstein придет следом. Их очень торопят»⁸.

Все трое депутатов Государственной думы, о которых идет речь в приведенной записке, принадлежали к правому ее крылу.

Георгий Михайлович Дерюгин (1871–1933) – помещик, был делопроизводителем Государственной канцелярии, помощником статс-секретаря Государственного Совета. Будучи депутатом от Псковской губернии, входил во фракцию русских националистов и умеренно правых Думы четвертого созыва. Впоследствии он жил в Берлине, издавая первую эмигрантскую газету «Призыв».

Николай Николаевич Лавриновский (1875–1930) происходил из потомственных дворян Псковской губернии. Окончив Николаевское кавалерийское училище, был выпущен в 1895 г. корнетом в Л.-Гв. Кирасирский Ее Императорского Величества полк. Выйдя в отставку, поселился в своей псковской усадьбе. Состоял уездным предводителем дворянства. Будучи депутатом от Псковской губернии III Государственной думы, входил в националистическую группу. Сложив депутатский мандат, поступил на службу в Министерство внутренних дел, в департамент герольдии. Могилевский и Воронежский вице-губернатор. Черниговский, Таврический и Лифляндский губернатор. Гофмейстер, тайный советник, сенатор. В 1922 г. он обосновался в Риге.

Наконец, Александр Павлович Горсткин (1865–?) – депутат IV Государственной думы от Нижегородской губернии. Там он входил сначала во фракцию правых, а затем во фракцию русских националистов и умеренно правых. Был предводителем дворянства. Пореволюционная судьба его неизвестна.

Сопровождал их капитан Л.-Гв. Преображенского полка Георгий Петрович фон Дитмар (ум. 1977).

Все трое думцев впоследствии были включены ген. Ф. А. Келлером в образованный при нем Совет обороны Северо-Западной области, а капитан-преображенец стал секретарем Совета.

Несколько слов следует сказать и о немцах.

Обер-лейтенант барон фон Хаммерштейн, заместитель адъютанта начальника одной из германских дивизий, специально прибыл в Киев в сентябре 1918 г., чтобы разъяснить создание в Пскове русской монархической армии.

Граф Рудольф фон Бассевиц (1881–1951) представлял германскую дипломатию в Пскове. В 1918 г. он состоял советником посольства в Москве.

Наконец, майор Вильгельм Шуберт (1879–?) – профессиональный разведчик, в описываемое время был военным уполномоченным Германского верховного командования и военным атташе при немецкой военной миссии в Москве⁹.

Совместное совещание в Киеве правых кругов с псковской делегацией прошло 14/27 сентября. Близкие П. Н. Милюкову люди, приглашенные на него, возражали «против выбора Петрограда и против монархического съезда в Пскове без выработки предварительных условий». Псковичам напомнили, что «данный состав деятелей не компетентен говорить от имени России»¹⁰.

Тем временем в Пскове и Ковно беспокоились непонятной задержкой делегации в Киеве. «Наступил октябрь месяц, то есть прошло уже более двух недель со дня отъезда делегации в Киев, – вспоминал очевидец, – но оттуда не поступало абсолютно никаких сведений, и только по слухам было известно, что уехавшие члены Государственной думы своей прямой задачи не исполнили и вместо того, чтобы пригласить на съезд в Пскове правых политических и общественных деятелей, сами приняли участие в Монархическом съезде в Киеве, где и проводили время в бесконечных разговорах, не двигаясь в своей работе с места. Между тем из Ковно от Главного военного германского командования [на Востоке] приходили постоянно телеграммы с запросом, как обстоит дело с монархическим съездом в Пскове и какие сведения получены от выехавшей в Киев делегации, причем [...] Командование указывало, что вопрос о формировании русской армии у них решен окончательно и потому вся задержка происходит с русской стороны»¹¹.

С какими настроениями, в конце концов, вернулись думцы в Псков, можно судить по заявлению одного из них (А. П. Горсткина). Он считал, что формирование Северной монархической армии «в настоящий момент не имеет никакого смысла, ибо весь политический центр сосредоточился в Киеве и там решается судьба России. По его словам, туда съехались все политические и общественные деятели, там ведутся переговоры с германцами и там же стоит в районе города Воронежа уже совсем сформированная и готовая к боевым действиям “Южная армия”, а потому предполагаемое еще только формирование здесь его совершенно не интересует и он не видит никакой существенной пользы от продолжения его. “Все будет уже кончено, – сказал он в заключение, – когда вы только начнете”»¹².

Неизвестно, чем бы все это благодушествование закончилось, если бы ротмистр В. Г. фон Розенберг не настоял на том, чтобы по-

дать аргументированную телеграмму германскому командованию в Ковно с просьбой не связывать формирование армии с монархическим съездом в Пскове. Немцы согласились – и дело пошло. 9 октября в Псков прибыла военная комиссия, начавшая на следующий день консультации с русскими военными представителями.

Ротмистр В. Г. фон Розенберг позднее вспоминал: «Формирование корпуса, которое было предпринято с согласия германского Императорского правительства в оккупированных частях Витебской и Псковской губерний, было следствием победы германской военной партии, которая была против всякого соглашения с большевиками и искала сближения с русскими монархическими кругами. Вождями этой новой политики в Германии были принц Леопольд Баварский и генерал фон Людендорф. [...] На русский корпус, в виду его непосредственной близости к Петербургу, возлагались большие надежды. Совместно с немцами были задуманы громадные планы военных действий. Целью этих военных операций было – помочь России восстановить монархию и возобновить добрососедские отношения с Германией»¹³.

Лучшие люди России и Германии понимали, в чем корень русской беды:

*Народ обезглавлен и ждет главы.
Уж воздуху нету ни в чьей груди.
Архангел! – Орел! – Гряди!**

Первоначально немцами был указан район формирования Северной армии (Nordarmee): Двинск – Валка – Вильно. Но уже на первых заседаниях было решено, что это будут ближайшие к Петербургу «оккупированные части Псковской и Витебской губерний с городами Псков, Остров, Изборск, Режица и Двинск»¹⁴.

Днем начала формирования армии было объявлено 10 октября. Тогда же было окончательно утверждено наименование – «Северная армия». В тот же день вечером в Ревель отправилась депутация к ген.-майору А. Е. Вандаму, который должен был возглавить ее до окончательного решения вопроса с командующим. На формирование армии давался срок два с половиной месяца, «после чего армия должна быть в боевой готовности»¹⁵.

Главное вербовочное бюро Северной армии в Пскове открыли 10 октября. Официальным днем рождения армии стало 12 октяб-

* М. И. Цветаева. Лебединый стан.

ря¹⁶. Уже к концу первой недели зарегистрировались полторы тысячи человек, 40% из которых были офицеры. Добровольцев набирали также в Острове, Режице, Двинске, Нарве, Валке, Юрьеве, Ревеле, Риге и Митаве. Кроме того, представители будущей армии выехали в Вильно, Ковно и Гродно, в немецкие лагеря для русских военнопленных. Велась вербовка и на занятых большевиками территориях¹⁷. В конце 1918 г. во Пскове была объявлена мобилизация двенадцати возрастов (от 18 до 30 лет)¹⁸. В будущем намечалось объединение этой армии с Южной монархической.

«Стратегическое значение Северо-западного противобольшевизкого фронта было чрезвычайно велико, – подчеркивал ген. А. И. Деникин. – Близость Петрограда, возможность организации обеспеченной союзным флотом базы по Балтийскому побережью и боевого содействия флота; удобство морских сообщений с союзными державами и легкость снабжения ими противобольшевизских армий; богатые склады русских и немецких боевых припасов в прифронтовой полосе бывшего театра мировой войны; наконец, огромный запас людского контингента, который представляла собой миллионная армия русских пленных, собранная в концентрационных лагерях Германии и Австро-Венгрии, – масса, подорванная морально и неустановившаяся в политическом отношении, но могшая все же выделить большое число здоровых, пригодных для армии элементов»¹⁹.

«В Пскове, – рассказывал ротмистр В. Г. фон Розенберг, – было довольно много офицеров тех воинских частей, которые стояли там в мирное время, но все они чем-либо занимались и большею частью торговыми делами. Так, некоторые открыли магазины, кафе, рестораны и даже игорные карточные дома. Таким образом, элемент для формирования был мало подходящий и мог служить в армии только при наличии достаточно количества идейных офицеров, за которыми им волею или неволею пришлось бы тянуться»²⁰. Вот почему весьма сомнительно свидетельство одного из «летописцев Северо-Западного фронта» Л. Ф. Зурова: «Первая мысль о формировании Северной армии зародилась в мае 1918 года в городе Пскове среди кругов русского офицерства». Первоначально, «несмотря на несочувственное отношение к идее русского формирования немецкого командования, псковские офицеры самочинно организовались и предполагали призвать для возглавления Армии генерала от кавалерии Келлера»²¹. Все это не более, чем позднейший взгляд через антантовские очки.

В связи со сказанным наиболее пассионарной частью армии обещало стать, пусть и небольшое в численном отношении, офицерство с занятых большевиками территорий.

Весьма интересное свидетельство в связи с этим оставил нам (со слов ротмистра В. Г. фон Розенберга) кн. П. М. Бермонт-Авалов:

«При штабе германской дивизии было образовано русское комендантское управление с комендантом ротмистром Каширским во главе и адъютантом штабс-ротмистром Петровым. В комендантское управление направлялись все перешедшие границу офицеры, где после опроса им выдавалось удостоверение на право жительства в городе и ношения установленной формы. Затем было открыто общежитие для офицеров и предоставлено право пользования германским гарнизонным офицерским собранием, в котором была отведена отдельная комната и можно было получить дешевый завтрак и обед.

Далее ротмистр получил заверение от германских властей, что ими будут приняты все меры к тому, чтобы освободить из тюрьмы в Петербурге всех арестованных лиц, которые были указаны в составленном им списке. В нем ротмистр, прежде всего, поместил всех Великих Князей, затем генералов и офицеров, лично ему известных, а также и тех, фамилии которых ему были сообщены Гвардейской офицерской организацией еще в Петербурге перед его отъездом.

Должен отметить, что большинство из перечисленных лиц было освобождено, несмотря на тяжелые условия, создавшиеся благодаря испортившимся отношениям с большевиками, которые, узнав о русском формировании в Пскове, начали чинить всевозможные затруднения. [...]

Великих Князей не удалось спасти только из-за нерешительности людей, окружавших их близких, которые надеялись, что все обойдется благополучно и без принятия экстраординарных мер, и потому не соглашались на них. Так например, германский офицер, который переправил министра Трепова в Финляндию, подготовил также переезд туда и Великого Князя Павла Александровича, но в последний момент ему пришлось все оставить, так как княгиня Палей, под влиянием окружавших ее людей, не согласилась на приведение плана в исполнение, найдя его рискованным.

Между тем переправа Великого Князя была обеспечена во всех отношениях: вначале предполагалось настоять на переводе Великого Князя в частный госпиталь, а оттуда на торпедной лодке, под охраной германских солдат, Его Императорское Высочество был бы доставлен в Финляндию. Опасности не было никакой, ибо помимо верной охраны все были подкуплены.

Германский офицер не сомневался в успехе и недавно еще, при свидании с ротмистром фон Розенбергом в Берлине, высказывал свое глубокое сожаление, что он был лишен возможности провести это дело до конца. «Вы знаете, ротмистр, – добавил он, – за Трепова мы заплатили большевикам двадцать тысяч рублей, но зато мы ехали совершенно открыто в первом классе и почти все знали, что я везу Трепова. За Великого Князя пришлось бы заплатить больше, вот и все»²².

Говоря далее о слухах, что «будто бы большевики арестовывают и уничтожают лучших русских людей по приказанию германцев», что «члены Царской Фамилии погибли также от руки, направленной Германией», кн. П. М. Бермонт-Авалов приводил слова того же вывезшего Трепова германского офицера: «...Спросите тех, кто распространяет эту клевету – кого бы здравый смысл подсказал нам уничтожить в первую голову: наших врагов или друзей? Они ответят: конечно, врагов. Ну, а кто из членов Царской Фамилии погиб и кто остался в живых?»²³

Финансировало Северную армию Германское главное командование. В состав штаба входили немецкие военнослужащие²⁴. Представителями Германии были офицеры Генерального штаба майоры Э. фон Клейст и фон Тресков – первый известный впоследствии генерал-фельдмаршал второй мировой войны, второй в те же годы – начальник штаба группы армии фон Бока, участвовавший в заговоре против А. Гитлера 20 июля 1944 г.²⁵

Долгое время неразрешенной до конца оставалась проблема командующего армией.

Вопрос этот принадлежал к числу первостепенных, ибо, согласно русско-немецким договоренностям, «после занятия Петербурга объявляется военная диктатура, причем диктатором будет командующий “Северной армией”»²⁶.

Еще в сентябре специально для переговоров с гр. Ф. А. Келлером в Харьков из Пскова были командированы ротмистр А. К. Гершельман* и германский обер-лейтенант фон Хаммерштейн²⁷. Позже туда приезжали представители Совета обороны Псковской области (бывшие члены Государственной думы) и «просили генерала графа Келлера принять командование “Северной армией” и стать во главе всего монархического движения на Северо-Западе»²⁸.

Военный представитель Северной армии в Киеве Б. Б. Линде 15 октября 1918 г. телеграфировал во Псков: «Безмысленно ждать командующим Драгомирова, который находится в Добровольческой... Точное имя командующего необходимо для вербовки лю-

* Александр Константинович Гершельман – ротмистр 16-го гусарского Иркутского Вел. Кн. Николая Николаевича полка. Штаб-офицер для поручений штаба Отдельного Псковского добровольческого корпуса (с 12.10.1918). С декабря состоял в русском добровольческом отряде в Киеве. Связной между гр. Ф. А. Келлером и Северной армией. С начала 1919 г. помогал формировать Западную добровольческую армию им. Гр. Ф. А. Келлера, которой командовал кн. П. М. Бермонт-Авалов. Подполковник (1919).

дей... На этой почве много отказов. Вандам не популярен. Келлер в Киеве. Уполномочиваете ли вступить с ним в переговоры?»²⁹

Полномочия были получены, а «граф согласился и 12 ноября прибыл в Киев, где ему надо было заручиться разрешением местных властей на проезд к месту своего нового служения. Помня прошлые дни побед и славы, на призыв графа стекались отовсюду офицеры, как и раньше готовые умереть по первому его слову»³⁰.

Федора Артуровича знали, ценили как боевого генерала, однако побаивались, как мы уже в этом убедились, его прямого безкомпромиссного монархизма.

«Роста Петра Великого, с чарующей улыбкой при частных встречах, обаятельный хозяин и хлебосол у себя дома, – писал о нем ген. А. В. Черячукин, – граф был крутого нрава на службе и грозой для всех эскадронных и полковых командиров, любящих отдохнуть».

Спартанец по воспитанию, несмотря на свое аристократическое происхождение, кавалер солдатских Георгиевских крестов еще за турецкую кампанию 1878 года, безсребренник, преданный службе, монархист по убеждению, храбрый в боях, граф Келлер пользовался большим уважением и авторитетом не только среди офицерства, но и солдат. Слава о его подвигах известна была всем. [...] Светлым ореолом был окружен этот военный до мозга костей человек»³¹.

«Через несколько дней, – читаем в относящихся к октябрю 1918 г. киевских воспоминаниях корнета С. В. Маркова*, – я узнал, что графу предложено было принять на себя формирование и командование Северной армией, которую основал в районе Пскова генерал Вандам при активной поддержке местного Германского командования. Оттуда приехал сенатор Туган-Барановский, председатель образованного в Пскове “Совета обороны Северо-Западной России”, политической и экономической организации при формирующейся армии. С ним приехали в Киев член Государственной думы Горсткин и гв. ротмистр А. К. Гершельман, один из инициаторов создания армии. Они и вели переговоры с графом по поводу принятия им Главнокомандования над армией, которой немцы обещали самую широкую материальную поддержку и техническую помощь»³².

* Он был «личным ординарцем Главнокомандующего всеми вооруженными силами на Украине и Главнокомандующего Северной Монархической Армией» гр. Ф. А. Келлера.

Ген. А. Е. Вандам, прибыв из Ревеля в Псков 12 октября, отдал свой первый приказ, в котором писал, что он лишь временно принимает командование «по просьбе представителей Псковской и Витебской губерний с целью борьбы с советской властью». Он подчеркивал, что вести ее он предполагает, взаимодействуя с другими белыми армиями, на основе добровольчества³³. На совещании командного состава 21 октября генерал «категорически заявил о том, что он принял командование временно, до прибытия из Киева генерала графа Келлера»³⁴.

«...Пришло известие из Киева, – пишет в своих воспоминаниях кн. П. М. Бермонт-Авалов, – что генерал граф Келлер согласился принять командование “Северной армией” и утвержден в этой должности генералом Деникиным, который, тем самым, признал и новую добровольческую русскую часть»³⁵.

«И военное представительство, и псковские общественные организации в лице Дерюгина, – писал ген. А. И. Деникин, – обратились к генералу графу Келлеру с просьбой принять на себя командование Северной армией – армией без средств, находившейся в полной зависимости от немцев. Граф Келлер поручил генералу Розеншильд-Паулину* отправиться в Яссы просить материальной помощи у союзников. Придавая огромное политическое и стратегическое значение прибалтийскому району и направлениям Ревель – Петроград и Либава – Петроград, он считал необходимыми предпосылками успеха формирования армии и ее операций: 1) занятие союзным флотом Ревеля и Либавы; 2) отпуск широких кредитов; 3) передачу немцами армии богатых русских складов Пскова, Двинска, Вильны и других городов оккупационной зоны.

И в начале ноября, после крушения Центральных держав, в пе-

* *Анатолий Николаевич Розеншильд фон Паулин* (1860–1929) – двоюродный брат гр. Ф. А. Келлера. Окончил Павловское военное училище (1879) и Николаевскую академию Генерального Штаба (1885). Участник русско-японской и Великой войн. Произведен «за боевые отличия» в генерал-майоры (июль 1905). Награжден золотым оружием и назначен в Свиту Его Величества. Начальник офицерской стрелковой школы (1907). Генерал-лейтенант (1914). Начальник 29-й пехотной дивизии, с которой выступил на фронт. Несмотря на отчаянное сопротивление, попал в плен в Августовских лесах (январь 1915). Освобожден из плена в 1918 г. Впоследствии в составе Добровольческой армии принимал участие в гражданской войне. В эмиграции в Югославии. Скончался в Новом Саде. Был похоронен с воинскими почестями, возданными королевской армией. – С. Ф.

риод расцвета надежд на союзническую помощь, граф Келлер решил принять командование, поставив Северную армию в зависимость от Екатеринодара. 2 ноября он прислал мне телеграмму:

“Признаете ли Вы меня командующим Северной Псковской монархической армией или мне следует сдать эту должность? Если признаете, то с какими полномочиями? Необходимо разрешение принять меры к охране разграбляемых в Малороссии военных складов, воспользоваться украинскими кадрами и продолжать формирование, для чего необходим немедленный отпуск денег, которые можно добыть в украинском правительстве”.

Я ответил принципиальным согласием. Хотя первые шаги нового командующего, политическое окружение и декларативные заявления его вызывали некоторое смущение.

Но прошло всего три дня, и обстановка в корне изменилась: граф Келлер телеграфировал мне [5 ноября], что “по настоянию общественных кругов, гетмана Украины и его правительства (он) принял на себя всю полноту военной и гражданской власти на Украине”»³⁶.

Однако и после этого, по признанию самого Деникина, «граф Келлер в своих приказах именовал себя “главнокомандующим Украинской и Северной армий”»³⁷.

А теперь о том, что вызвало «смущение» Деникина. О сути этих смущений ни слова: смущаюсь, мол, и точка. А причины смущений были весьма характерны для «царя Антона», как его называли на юге. Чтобы вполне понять их, достаточно познакомиться с «Призывом старого солдата», выпущенным в это время графом Ф. А. Келлером и адресованным им своим боевым товарищам:

«Во время трех лет войны, сражаясь вместе с вами на полях Галиции, в Буковине, на Карпатских горах, в Венгрии и Румынии, я принимал часто рискованные решения, но на авантюры я вас не вел никогда.

Теперь настала пора, когда я вновь зову вас за собою и сам уезжаю с первым отходящим поездом в Киев, а оттуда в Псков...

За Веру, Царя и Отечество мы присягали сложить свои головы – настало время исполнить свой долг...

Время терять некогда – каждая минута дорога!

Вспомните и прочтите молитву перед боем, – ту молитву, которую мы читали перед славными нашими победами, осените себя крестным знамением и с Божьей помощью вперед за Веру, за Царя и за целую неделимую нашу родину Россию»³⁸.

*Это просто, как кровь и пот:
Царь – народу, Царю – народ.*

*Это ясно, как тайна двух:
Двое рядом, а третий – Дух.*

*Царь с небес на престол взведен:
Это чисто; как снег и сон.*

*Царь опять на престол взойдет –
Это свято, как кровь и пот*.*

Начальник 3-й Украинской дивизии полковник В. А. Кислицин** вспоминал, как вскоре после получения известий о наступлении петлюровцев на Киев (то есть, стало быть, где-то в начале ноября 1918 г.) он был вызван в Киев генералом Ф. А. Келлером.

«Он предложил мне, – вспоминал Владимир Александрович, – принять участие в формировании армии в гор. Вильно. Эти формирования предназначались для освобождения России от большевиков.

Я согласился. Мы поселились с графом в одной комнате. Начались наши совместные работы по формированию. Для наших добровольцев был установлен нарукавный знак – восьмиконечный серебряный крест.

Все обещало удачу задуманного предприятия. Граф Келлер говорил мне:

– Мы с тобой через два месяца поднимем Императорский Штандарт над священным Кремлем.

* М. И. Цветаева. Лебединый стан.

** Владимир Александрович Кислицин (1883–1944) – родился в Киеве в дворянской семье. Окончил Холмскую гимназию (1899), Одесское военное училище (1900) и Офицерскую кавалерийскую школу (1908). Участник Великой войны. Георгиевский кавалер. Командир бригады 11-й кавалерийской дивизии. Полковник. В гетманской армии командир 1-й бригады 3-й конной дивизии (с 15.7.1918). Затем начальник этой дивизии, командир корпуса. Участник обороны Киева от войск Петлюры. Через Германию прибыл на Северный фронт (1919). С июля 1919 г. на Восточном фронте. Воевал в армии адм. А. В. Колчака и у атамана Г. М. Семенова. Генерал-майор (январь 1920). Командир дивизии. Генерал-лейтенант (май 1920). С конца 1920 г. в эмиграции в Китае. Возглавлял движение монархистов-легитимистов на Дальнем Востоке Начальник Бюро по делам российских эмигрантов (4.5.1936–18.11.1943). Скончался в Харбине 17 мая 1944.

Уже перед отъездом нашим был отслужен митрополитом Антонием в Киево-Печерской Лавре молебен. Владыка Антоний принимал деятельное участие в нашем формировании и благословил нас на задуманный поход»³⁹.

«В Киево-Печерской Лавре, – подтверждал живший тогда в Киеве участник монархического движения Н. Д. Тальберг, – Владыка митрополит Антоний благословил графа иконой, поднесенной тому объединенными монархическими организациями юга России»⁴⁰.

*Волочится кровавым волоком
Пурпур царей.
Греми, греми, последний колокол
Русских церквей!*

*Кропите, слезные жемчужинки,
Трон и алтарь.
Крепитесь, верные содружники:
Церковь и Царь!**

Благословил Федора Артуровича и Святейший Патриарх Тихон. «Патриарх Тихон, – сообщила в 1967 г. уже упоминавшаяся нами Е. Н. Безак, – прислал тогда (в конце 1918 года) через еп[ископа] Нестора Камчатского графу Келлеру (рыцарю чести и преданности Государю) шейную иконочку Державной Богоматери и просфору, когда он должен был возглавить Северную Армию ...»⁴¹

Епископ Нестор (Анисимов) приехал в Киев 22 октября 1918 г., в день праздника Казанской иконы Божией Матери⁴².

Это благословение – еще один повод для размышлений о мотивах отказа Патриарха Тихона в таковом белым генералам и Белому движению в целом.

Факт отказа Святителя в благословении перед этим белым генералам лично, не говоря уже о Белой армии как таковой, общеизвестен.

Летом 1918 года на Троицкое подворье к Патриарху пришел известный церковно-общественный деятель А. В. Карташев с разработанной «Программой положения Православной Церкви в Русском государстве» для употребления на Юге России, занятой Добрармией генерала Деникина, «а также на случай появления национального

* М. И. Цветаева. Лебединый стан.

правительства в самой Москве». Святитель Тихон, вспоминая уже за границей Карташев, принял «как всегда очень ласково, за стаканом чая и даже с самоварчиком. Дослушав до конца внимательно и грустно, он вдруг снисходительно засмеялся над нашими “хорошими словами”, как мудрый старец смеется над идеализмом мечтательных юношей. “Хорошо! Уж очень все хорошо! Да только когда все это будет? Конечно, не теперь!” Как сын народа, Патриарх Тихон тогда уже инстинктом чувствовал силу и длительность народного увлечения большевизмом, не верил в возможность скорой победы Белого движения и не был согласен с нами в политических расчетах»⁴³.

Надобно заметить, что в тот день вместе с Карташевым на Троицком подворье был еще один человек – князь Г. Н. Трубецкой*. «...Я не просил разрешения Патриарха передать благословение его войскам Д[обровольческой] армии, – писал он позднее, – и Святейшему Тихону не пришлось мне в этом отказывать, но я просил разрешения Е[го] С[вятейшест]ва передать от Его имени благословение лично одному из видных участников белого движения, при условии соблюдения полной тайны. Патриарх, однако, не счел и это для себя возможным...»⁴⁴

Конечно, речь – не забудем – шла о людях, изменивших присяге Государю (целовавших, подтверждая ее, Крест и Евангелие), об армии, которая сражалась за Учредительное собрание, в которой офицерские монархические организации были на нелегальном положении, генералы которой приказывали пороть крестьян, встречавших их не только хлебом-солью, но и Царскими портретами.

Но была, разумеется, и другая причина отказа: «...Тяжкий грех богоотступничества и богоборчества мог быть очищен поистине

* Князь Евгений Николаевич Трубецкой (23.9.1863–23.1.1920) – философ, правовед, публицист и общественный деятель. Один из основателей партии кадетов; вышел из нее (1905). Профессор Московского университета (1906). Член Государственного Совета (1907–1908). Сторонник «эволюционного демократизма». Издавал журнал «Московский еженедельник» (1906–1910). Участник Поместного Церковного Собора 1917–1918 гг. Выступал с приветствием Собору от Московского университета (17.8.1917). Принимал активное участие в отделе «Правовое положение Церкви в государстве» и в Религиозно-просветительном совещании при Соборном Совете. Выступал в защиту восстановления Патриаршества. После избрания Патриарха (5.11.1917) вошел в Высший церковный совет при Патриархе. Один из идеологов Белого движения. Скончался при эвакуации Белой армии в Новороссийске.

только огненным испытанием, слезами и кровью. Вот почему и Белое движение и все другие попытки свергнуть иго лютого безбожия, воцарившегося над несчастным заблудшим русским народом, не привели к желанной цели. Мало было одного освобождения внешнего от сатанинской власти. Ничего бы не дало русскому народу, в душе которого продолжал бы жить этот яд змеиный. Только путем таких тяжких страданий мог очиститься русский народ от этого страшного яда. И эти страдания даны русскому народу: даны ему на пользу»⁴⁵.

Эта мысль, высказанная архиепископом Зарубежной Церкви Аверкием (Таушевым) в 1974 г., отнюдь не плод позднейшего домысливания. Известный в свое время петербургский старец протоиерей Михаил Прудников* еще в самом начале 1918 г. на возражения одного своего почитателя об обстановке в стране («Позвольте, ведь вот Деникин уже подходит к Москве, Колчак, Юденич, Миллер, – все успешно действуют») прозорливо заметил: «Все это ни к чему, зря только кровь проливают, ровно ничего не выйдет!»⁴⁶

* * *

О принятом графом Келлером предложении гетмана в Пскове долго не знали. Более того, «было получено известие из Киева, что генерал граф Келлер вместе со значительной группой офицеров выехал в город Псков и его прибытия надо ожидать со дня на день»⁴⁷.

В середине ноября ген.-майор А. Е. Вандам был смнен полковником Л.-Гв. 4-го стрелкового полка Г. Г. фон Нефом (1880–1950). Причина была та, что 15 ноября, после усиленного его чествования, генерал зашел на семейный вечер в Дворянском собрании «и там своим поведением дал повод к разговорам о его несоответствии должности командующим корпусом»⁴⁸. В результате ген. Вандам «отдал приказ, в котором объявил, что по болезни покидает свой пост и назначает впредь до прибытия генерала графа Келлера своим заместителем командира 3-го Режицкого стрелкового добровольческого полка полковника фон Нефа»⁴⁹.

Далее произошло еще одно странное событие. «Ко времени ухода генерала Вандама, – писал, со слов ставшего начальником

* *Прот. Михаил Кириллович Прудников* (31.12.1850–16.9.1929) – духовный сын о. Иоанна Кронштадтского. До рукоположения капитан I ранга. Настоятель храма Спаса-на-водах. Наставник митр. Николая (Ярушевича). Погребен в Сергиевой пустыни под Петербургом.

штаба армии ротмистра фон Розенберга, мемуарист, – приехали из Киева Дерюгин и Лавриновский, которые при свидании с командующим заявили ему, что они, вместе с оставшимися в Киеве Туган-Барановским, Горсткиным и Ветчинкиным, являются “Советом обороны Северо-Западной области” и что этот Совет признан генералом графом Келлером как высший орган управления. К этому заявлению генерал Вандам отнесся весьма скептически и предложил им выждать приезда генерала графа Келлера, который и определит их права и обязанности.

После переворота они изъявили желание возобновить переговоры с новым командующим полковником фон Нефом, и их секретарь фон Дитмар сообщил об этом начальнику штаба, причем передал последнему для ознакомления договор “Совета обороны” с генералом графом Келлером, который состоял более чем из 20 отдельных пунктов. Внимания заслуживают те пункты, которые окончательно связывали власть командующего армией и превращали его в игрушку самозваного “Совета”. В этих пунктах стояло: 1) командующий армией назначается и сменяется распоряжением “Совета”; 2) назначения на высшие командные должности также делаются с ведома и согласия “Совета”; 3) все денежные средства находятся в распоряжении “Совета” и отпускаются им по мере надобности командующему; 4) организация административного и гражданского управления областью всецело находится в руках “Совета” и т.д.

Короче говоря, на долю командующего не было оставлено ни одной функции, где бы он мог действовать вполне самостоятельно.

Начальник штаба доложил командующему о желании “Совета обороны” переговорить с ним, но новый командующий уклонился от этой беседы, предложив также все переговоры отложить до приезда генерала графа Келлера.

В частном разговоре с фон Дитмаром начальник штаба вполне открыто заявил, что первым его ходатайством у генерала графа Келлера будет просьба разорвать этот договор, который генерал мог подписать только будучи в заблуждении о действительных полномочиях вошедших в “Совет” лиц⁵⁰.

«В Киеве, – комментировал это заключение ротмистра фон Розенберга кн. Бермонт-Авалов, – я стоял очень близко к генералу Келлеру, но никогда не слышал от него об этом злополучном договоре, а потому предполагаю, что он является вымыслом»⁵¹.

И действительно, очень трудно предполагать, чтобы гр. Ф. А. Келлер, мечтавший о восстановлении в России Самодержав-

ной монархии, согласился поделиться своей предоставляемой русско-немецкими договоренностями огромной единоличной властью в качестве военного диктатора⁵².

* * *

В рамках создания Северной монархической армии реально были сформированы Псковский Добровольческий корпус, Отряд имени графа Келлера, а также Отряд полковника Вырголича. К декабрю 1918 г. общая численность будущей армии составляла до пяти тысяч человек⁵³.

После гибели гр. Ф. А. Келлера «первоначальный план создания Северной армии рухнул»⁵⁴. Способствовала этому и революция в Германии.

«С момента революционного переворота в Германии (9 ноября), – писал уже упоминавшийся нами ротмистр В. Г. фон Розенберг, – положение корпуса ухудшилось, не было возможности продолжать формирование на прежних основаниях; нужно было ввиду крушения прежних планов искать какого-либо выхода из положения, при котором можно было бы сохранить русские войсковые части и дать им возможность выполнить их национальные задачи. Этим выходом все считали перемену ориентации и обращение за поддержкой к нашим прежним союзникам»⁵⁵.

14 декабря 1918 г. ген. Н. Н. Юденич вручил американскому посланнику в Стокгольме А. Моррису свой меморандум и с тех пор полностью поставил себя на службу «союзникам».

Псковский Добровольческий корпус сначала (19.6.1919) переименовали в Северную армию, действовавшую в Эстляндии, а затем (1.7.1919) – в Северо-Западную армию.

Лозунги последней были уже совсем иные: «Бей большевиков, там будет видно».

Вот лишь два образчика пропаганды Северо-Западной армии ген. Н. Н. Юденича, обращенные к красноармейцам:

«Мы правительство не капиталистов и помещиков. Наше правительство составилось из общественных деятелей, представителей всех классов и слоев населения. Царский строй нам также ненавистен, как и Вам, и возврата к нему мы не допустим. Мы не допустим, чтобы крестьянин стал батраком на помещичьей земле».

«Веками томился русский народ под гнетом царского режима. Безправный, темный, полуголодный, он своим трудом создавал благосостояние государства, а ему доставались лишь крохи, да непосильное бремя налогов. [...]

Да здравствует Учредительное Собрание! Земля и Воля Народу! Свобода Собраний, стачек, союзов и 8-часовой рабочий день пролетариату!»⁵⁶

Будто и не гражданская война идет, а предвыборная агитация с оружием в руках...

Работавшего со времени основания этой Монархической армии в тесном с ней контакте известного монархиста, долголетнего депутата Государственной думы Н. Е. Маркова Второго изгнали. Газету его «Белый Крест» закрыли, сподвижников Николая Евгеньевича, члена монархической организации «Союз верных»* отправили на фронт⁵⁷.

Почти все, кто первоначально возлагал на ген. Юденича большие надежды, впоследствии разочаровались в нем.

«Юденич обманул нас... Мы слишком ему доверились»⁵⁸, – говорил А. В. Карташов.

«Очень средний по боевым и прочим качествам генерал, – признавался А. И. Гучков, – ни на какое ответственное дело не годный»⁵⁹.

Отзывы других сотрудников генерала были столь же невысоки:

«Грубо провинциальный генерал, чистый техник, никакого государственного кругозора, слабое общее образование, людей знает мало, не доверяет им, молчит, думает, делает выводы, которые изменить трудно. В политические руководители не годится»⁶⁰.

«Никого не заражал ни верой, ни даже энергией этот угрюмый, далекий от всех старик, то скупой на разговоры, то пораженный детскими замечаниями и вопросами»⁶¹.

* *Союз верных* – строго законспирированная организация монархистов, ставившая перед собой цель восстановления «законной монархии в России». Члены его приносили присягу. Во главе СВ стоял Н. Е. Марков 2-й. В «Тайный верх» входили кн. А. А. Ширинский-Шихматов, сенатор А. А. Римский-Корсаков, ген. П. Н. Краснов. Членом Союза был кн. А. Н. Долгоруков. Присутствие СВ известно в 1919 г. в Эстонии, хотя образован он был раньше. Открыто, как правило, СВ не выступал, оказывая влияние через своих членов. В частности, он содействовал приходу П. П. Скоропадского к власти, а также созданию Северной армии. Он посылал кадровых офицеров в Красную армию для проведения там работы. Выступал против интервенции стран Антанты в Россию, считая, что те будут действовать исключительно в своих интересах.

«ГИБЕЛЬ БОГОВ»

Еще 2 октября посол «Украинской Державы» в Берлине барон Ф. Р. Штейнгель, уловив тревожные симптомы, телеграфировал в Киев о том, что создавшееся положение «повелительно диктует нам необходимость войти в сношение с Согласием, которое одно в состоянии обеспечить державе ее интересы. Имею точные сведения, что Согласие не встретит препятствий для оккупации Украины, если об этом просить»¹.

С ведома германского командования в Киеве приступили к подготовке посольств в Париж, Америку и Яссы.

6/19 октября был сформирован существовавший около месяца второй кабинет Лизогуба, в состав которого вошли «яркие представители социалистов-федералистов». Это правительство, как говорили, было «резко выраженной реакцией украинского национализма»², допущенного к власти гетманом.

Немедленно, вопреки реальной обстановке «раздалось требование вернуть из Третьяковской галереи *все картины, написанные на украинский сюжет (!!!)*»³. Знакомые мотивы...

«В Киеве совсем ополумели, – читаем запись в дневнике литератора В. А. Амфитеатрова. – В такой трудный момент не нашли ничего лучшего, как нажать на украиноманскую сторону. Гетман отверг предложение большинства кабинета проводить политику федерального объединения с Россией и резко противобольшевицкую линию, предложение, за которое высказались все, кроме Лизогуба и Кистяковского»⁴.

Главным действующим в лицо в этой перемене был державный секретарь И. А. Кистяковский (бывший московский адвокат, кадет и масон*), сделавший ставку на привлечение к власти умеренной группы национальной оппозиции.

Министром исповеданий в этом правительстве стал А. И. Лотоцкий (1870–1939), по словам его предшественника, «крайний националист, насильственно, *против воли Собора*, проведший “автокефалию” Украинской Церкви...»⁵ При петлюровцах он был комиссаром Укрревкома по Министерству исповеданий.

* В Париже он состоял в одной масонской ложе («Астрея») с личным секретарем гетмана С. К. Маркотуном. В начале 1918 г. Кистяковский являлся представителем Добровольческой армии в Москве.

Однако за всей этой «украинизацией» стояли немцы. По словам гетмана, немцы «давили» на него, «намекая, что при более русском и правом кабинете центральное немецкое правительство может вывести свои войска и поставить меня в очень трудное положение»⁶.

Случилось это еще до отречения Германского императора, но уже после того, как принц Макс Баденский стал рейхсканцлером и образовал «министерство доверия» с социалистами. В связи с этим последним обстоятельством его называли «канцлером революции». Германские представители в Киеве получили соответствующие директивы из Берлина и довели до сведения гетмана: «Если вы хотите, чтобы германцы отсюда не уходили, то общество должно поддерживать самостоятельность Украины, ибо только на этом основании новое социалистическое правительство будет согласно поддерживать новое государственное тело. Иначе германцы уйдут и бросят Украину в жертву большевикам»⁷.

Это еще более оттолкнуло от гетмана его потенциальных союзников. По словам очевидца, в описываемое время «Киев был переполнен бывшими государственными мужами, финансистами, выдающимися военными»⁸. Но «все русские, в болезненном тяготении к Единой России, считали невозможным служить государству, отколовшемуся от России»⁹.

«Украинофильское» направление взволновало являвшийся главной опорой гетмана «Союз хлеборобов». Уездные и губернские съезды и Главный совет приняли соответствующие постановления. В октябре делегация посетила П. П. Скоропадского. Во время нее делегаты «внушали гетману идеи о временном характере самостоятельности Украины, о необходимости равноправия русского языка с украинским, недопустимости социалистического правительства, и главное – о единстве России». Скоропадский ясно понял, что ни на какую поддержку со стороны приведшего его к власти «Союза хлеборобов» ни «самостийности», ни своему новому «украинофильскому» правительству рассчитывать он более не может.

«Эх, Павел Петрович, – как-то сказал ему по-свойски ген. П. И. Залесский, – да что ты согласишь в национальном вопросе! Твое дело командовать: “К церемониальному маршу!” Это ты знаешь!»¹⁰

Видя новое направление политики второго кабинета Лизогуба, киевские монархисты также стали сторониться гетмана, они стали входить в более тесный контакт с Донским атаманом П. Н. Красновым. В начале ноября в Ростове руководители киевского Монархи-

ческого блока собирали съезд единомышленников, на который привлекали представителей Донской, Добровольческой и Кубанской армий¹¹.

Вскоре после встречи с гетманом, проконсультировавшись с представителями германского командования, представители «Союза хлеборобов» направили американскому президенту Вильсону телеграмму с просьбой оставить германские войска на Украине. Они не понимали еще того, что уже тогда знал лично близкий гетману товарищ Державного секретаря Н. М. Могилянский.

«Наибольшей угрозой будущему, – мудро писал он 24 октября, – я считаю “большевизм” Вильсона и зарывающихся в упоении момента французов... Экономический союз с Англией и Францией считаю фантазией... Наше будущее – как Украины, так и России – в добросовестных тесных отношениях с Германией. Это определено географией, историей и здравым смыслом»¹².

В октябре, писал атаман Краснов, «Германское правительство нашло необходимым изменить свое отношение к Советской России, между Советской республикой и Германией прекращены дипломатические отношения, условия Брест-Литовского мирного договора аннулированы, Германия отозвала своего дипломатического представителя из Москвы и выслала Иоффе, советского посла, из Берлина»¹³. Представитель германской армии на Дону конфиденциально сообщил атаману, что «в ближайшие дни германские войска, стоящие на Украине, начнут военные действия и перейдут в наступление против советских войск»¹⁴.

Такой поворот вселял надежду: «Тогда – и это по тогдашнему настроению и состоянию Красной армии, совершенно не желавшей драться с немцами – несомненно так и было бы – тогда немецкие полки освободителями вошли бы в Москву. Тогда немецкий Император явился бы в роли Александра Благословенного в Москве; вся измученная интеллигенция обратила бы свои сердца к своему недавнему противнику. Весь Русский народ, с которого были бы сняты цепи коммунистического рабства, обратился бы к Германии и в будущем явился бы тесный союз между Россией и Германией. Это была бы такая громадная политическая победа Германии над Англией, перед которой ничтожной оказался бы прорыв линии Гинденбурга на Западном фронте и занятие Эльзаса. И державы Согласия приняли все меры, чтобы не допустить этого. Они усилили свой напор на фронт, а требования Вильсона и нежелание союзников говорить о мире с Императором Вильгельмом, но лишь с гер-

манским народом, пошатнуло положение Династии. Император Вильгельм был принужден отказаться от престола, власть в стране перешла в руки социалистов во главе с Эбертом, а Император Вильгельм с наследным принцем покинул страну»¹⁵.

Как писал Илья Эренбург (пусть и по другому поводу):

*Враг бредил гибелью Москвы –
И тем решил судьбу Берлина*

«Галльские петухи в красных штанах, – образно писал в своем известном романе М. А. Булгаков, – на далеком европейском Западе заклевали толстых кованых немцев до полусмерти. Это было ужасное зрелище: петухи во фригийских колпаках, с картавым клеточком налетали на бронированных тевтонов и рвали из них клочья мяса вместе с броней. Немцы дрались отчаянно, вгоняли широкие штыки в оперенные груди, грызли зубами, но не выдержали – и немцы! немцы! – попросили пощады»¹⁶.

Материальную причину крушения Германии в Великой войне весьма точно определил в 1945 г. И. В. Сталин. Германская армия в 1918 г. с учетом потерь составляла 19,5 процентов от всего населения. К концу второй мировой войны этот показатель превышал там 16 процентов. У нас в годы Великой Отечественной войны он составлял менее 6 процентов. «Такой высокий процент мобилизации, – считал, имея в виду Германию, Сталин, – это или незнание объективных закономерностей ведения войны, или авантюризм. [...] Опыт истории, общие законы ведения войны учат, что ни одно государство не выдержит столь большого напряжения: некому будет работать на заводах и фабриках, растить хлеб, обеспечивать народ и снабжать армию всем необходимым». Немцы, заключил он, «надорвали свою страну»¹⁷.

«Мы, безусловно, могли еще не сдаваться на милость противника, – писал ген. Э. Людендорф. – Надо было прямо поставить противнику вопрос и заставить его на него ответить. Прозвучит ли в ответе нотка примирения или враг будет настаивать на нашем поражении? Насколько я знал Клемансо и Ллойд Джорджа, надо было готовиться к худшему»¹⁸. В Германии почему-то уповали на американского президента...

Хронология дальнейших события была следующей: 5 октября рейхсканцлер принц Макс Баденский обратился к президенту США Т. Вильсону с первой нотой, в которой предлагалось немед-

ленно заключить мир. «Далеким от малодушия, – заявил принц в тот же день в рейхстаге, – с твердой верой в наши силы, за нашу честь и свободу, за счастье наших потомков мы готовы принести еще более тяжелые жертвы, если это будет неизбежным»¹⁹. Никто, однако, по словам ген. Э. Людендорфа, не потребовал от правительства Германии честно ответить на вопрос: «Хочет ли германский народ продолжать сражаться за свою честь и хочет ли правительство призвать всех до последнего человека и еще раз зажечь в народе пламя священного воодушевления?»²⁰ Таким образом, по мнению генерала, уже 5 октября Германия «стала на почву принципов Вильсона»²¹.

Это стало ясно после того, как 9 октября по радио был получен ответ. Среди требований, выдвинутых Вильсоном в качестве *предпосылок к перемирию*, было уничтожение в Германии Императорской власти. Внешне это неслыханное требование было отвергнуто. Но реальные действия «показывали недостойную торопливость – выбросить за борт все, что до сих пор было для нас свято. Противник должен был с удовольствием наблюдать, как мы все ближе приближались к перевороту»²².

В Германии уповали на мир, пусть тяжелый, но *честный и справедливый*, получив взамен мир *насильственный*. Конечно, можно было не принимать условий: «Разве является преступлением отказ от искренне желаемого соглашения, если противник требует большего, чем вы можете дать?»²³ Но отказаться не нашли сил...

А Вильсон давил. 27 октября, ссылаясь на внутренний кризис и ослабление Германской армии, новое германское социалистическое «правительство доверия» высказалось за немедленную отставку фактически руководившего Германскими вооруженными силами генерала Эриха Людендорфа (1865–1937). Рейхсканцлер принц Макс Баденский послал американскому президенту вторую ноту, в которой принимал все требования Антанты, соглашаясь капитулировать. Судьба Германии была решена...

«В этой борьбе, – писал Германский император уже будучи в изгнании, – я отбросил в сторону все личное. Я сознательно принес в жертву себя и свой Трон, думая таким образом лучше всего служить интересам своего возлюбленного Отечества. Но жертва была напрасна. Мой уход не принес нам более благоприятных условий перемирия и мира и не смог отвратить гражданской войны. Напротив, он ускорил и углубил самым губительным образом разложение в армии и в стране»²⁴.

27 октября (9 ноября), после начала революционных действий, Германский император Вильгельм II решил не искушать свою судьбу и, достигнув границы с Нидерландами, сдался голландским пограничникам. В этот день Германия и Пруссия стали республиками.

«В 12 часов дня 9 ноября, – вспоминал ген. Э. Людендорф, – имперский канцлер принц Макс самовольно объявил об отречении Императора. Старое правительство отдало приказ войскам, равносильный запрету действовать оружием, и затем исчезло. Император оказался перед свершившимся фактом и по совету, который ему был дан в Ставке, уехал в Голландию. Кронпринц последовал за ним, после того как в Берлине отклонили его ходатайство продолжать службу на каких угодно условиях. Монархи германского союза также отрелись от своих Престолов»²⁵.

Отъезду Вильгельма II из Германии предшествовало, по его словам, «требование Антанты о выдаче меня и вождей Германской армии. [...] Для меня было ясно, что по плану Антанты выдача эта должна была настолько тяжело потрясти навсегда и государственный, и национальный престиж Германии, чтобы мы никогда не могли снова занять подобающее нам место в первом ряду общей семьи народов в качестве равноправных и достойных ее членов»²⁶. То был бы суд, как еще в 1921 г. писал Германский император генерал-фельдмаршалу Паулю фон Гинденбургу, «в котором союз наших врагов был бы одновременно и обвинителем, и судьей, явился бы не органом правосудия, а орудием политического произвола и послужил бы лишь тому, чтобы моим заранее подготовленным осуждением оправдать задним числом навязанные нам неслыханные условия мира»²⁷.

Через два дня после оставления Германским императором своей страны, 29 октября (11 ноября), в пригороде Парижа, в Компьене, был подписан продиктованный победителями договор о перемирии.

Что до последовавшего затем мира, то, как считал фон Гинденбург, «ответственность Германии за войну является фундаментом, на котором воздвигнуто здание Версальского договора»²⁸.

Вильгельм II отозвался на эти слова своего фельдмаршала следующими полными глубокого смысла словами: «Теперь, как и раньше, враги хотят заставить немецкий народ искупить мнимую вину “кайзеровской Германии”»²⁹.

«9 ноября, – подводил итог ген. Э. Людендорф, – Германия, лишенная твердого управления и какой бы то ни было воли и остав-

шавшая без своих монархов, развалилась, как карточный домик. Исчезло все, для чего мы жили и за что истекали кровью в течение тяжелых четырех лет. У нас больше не было Отечества, которым мы могли гордиться. [...]

Люди, которые безукоризненно вели себя на фронте, в нервном развале этих дней пожертвовали армией и Отечеством и думали лишь о самих себе. Это относится также и к офицерам, которые отбросили в сторону свой профессиональный долг и забыли свое историческое назначение. Мы переживали такие сцены, которые после 1806 г. ни один пруссак не считал возможным. [...]

Исчезла гордая Германская армия, которая выполнила невиданные в истории дела и в течение четырех лет противостояла превосходящему по силам противнику, охраняя границы Родины. Победоносный флот был выдан противнику. [...]

То разрушение вооруженных сил Германии, которое произвели сами немцы, являлось столь трагичным преступлением, какого еще никогда не видел мир. [...]

Германия вышла из мировой войны ослабленной во всех отношениях; ее окорнали и лишили областей, принадлежавших ей в течение многих поколений. Она потеряла все колонии. [...]

Вина, которая ложится на революцию, не ограничивается этим миром. Она наложила на германский народ тяжелое ярмо и сделал жизнь под этим рабским игом совершенно невыносимой. Народу грозит полное истребление. [...]

Появляются немцы, которые на глазах врагов возводят на Германию ложное обвинение в безчинных поступках, чтобы понравиться врагам и снискать их милость. А германцы, которые верно служили своему Отечеству, выдаются правительством противнику, чтобы увеличить его триумф. Это было кульминационным пунктом нашего самоунижения, которое вызвало стыд и отвращение у германского народа.

Революция превратила немцев в париев среди других народов, в илотов на службе у иноземцев и иностранного капитала, в людей, которые сами перестали себя уважать»³⁰.

*Ты миру отдана на травлю,
И счета нет твоим врагам**

* М И Цветаева Германия

Ощутивший на себе тяжкую десницу масонов, Германский император писал в своих воспоминаниях о том, что президент США Вильсон*, «наделенный неслыханными полномочиями», действовавший в Париже вполне «самодержавно»³¹, «первый выставил требование свержения Германской Династии, дав понять, что германскому народу будет в таком случае обезпечен более выгодный мир»³².

Но даже добившись своего, они обязали Германию выплатить Соединенным Штатам репарации на сумму в 55 миллиардов долларов, хотя на территории этой страны не разорвался ни один немецкий снаряд, не упала ни одна немецкая бомба.

Для такой неслыханной наглости и звериной жестокости, разумеется, были свои причины...

Общепризнанным является факт, что именно с 1912 г., после избрания президентом Вильсона, ведется отсчет тесных связей исполнительной власти США, и прежде всего Белого дома, с еврейством. Сильнейшее личное влияние на президента оказывал один из ведущих американских еврейских деятелей, названный соотечественниками «защитником народа»**, Луи Брэндэйс (1856–1941), доверенный советник Вильсона, назначенный им в 1916 г. членом Верховного суда США (занимавший этот высокий пост вплоть до 1939 г.). Именно в годы первой мировой войны, по свидетельству влиятельной американской газеты «The New York Times», еврейское лобби превратилось «в одно из самых влиятельных в вашингтонском субправительстве»³³.

Не стоит забывать о словах президента Вильсона, сказанных им 9 июня 1917 г. и адресованных не только внешним, но и внутренним врагам: «Если самодержавным силам удастся нас разъединить, то они одолеют нас; если же мы будем держаться вместе, то победа несомненна, так же, как и свобода, которую она обезпечит»³⁴. Говоря позднее вообще о цели мировой войны **4/17 июля 1918** г. у могилы Вашингтона, он, между прочим, заявил: «Уничто-

* Не случайно, наверное, что все проповедники американской идеологии универсализма, такие как Теодор Рузвельт, Франклин Делано Рузвельт (Розенфельд), Вудро Вильсон (Вольфсон) и Гарри Соломон Трумэн, наряду с принадлежностью их к масонству, происходили из еврейских семей (*Н. фон Крейтор*. Доктрина Рейгана. Прим. 30 // Материалы интернета).

** Это неуточнение, *какого* именно народа, весьма характерно: *народ* (как и *страна*) в понимании иудеев может быть только один. Ибо остальные ведь и не люди даже...

жение всякой неограниченной произвольной власти во всем мире, которая могла бы тайно, сепаратно и по собственному желанию нарушить всеобщий мир, или, [если] эта власть не может быть уничтожена в настоящее время, то она должна быть, по крайней мере, приведена к состоянию фактического безсилия»³⁵.

Русские люди! Помните, в *какой день* сказал это американский президент! Разве после этого можно утверждать, что на его руках нет крови Святых Царственных Мучеников?! И разве это не доказательство того, что Америка смогла выйти на мировую арену для того, чтобы властвовать, лишь после того, как не стало Русского Царя, самим Своим существованием сдерживавшим разлитие вселенского зла?!

И еще: десакрализовав сердце Европы, США ввергли его в разрушительное состояние «хаоса и вакуума», спровоцировав тем самым новую, еще более разрушительную войну, но опять-таки с заранее заданными, выгодными прежде всего им самим, результатами.

После ее окончания США *внешне* иначе поступили с другим своим врагом – Японией, сохранив там власть Императора. Однако всё это одна лишь *видимость*. Как справедливо пишет В. И. Карпец, «американцы в 1945 году предварительно продиктовали Императору Японии Хирохито отказ от его “божественного статуса” и “священного брака” с “богиней Аматерасу”, что Император и сделал ради спасения страны от новых Хиросимы и Нагасаки. С точки зрения последовательного монархического сознания можно сказать, что с 1945 года монархии в Японии нет: есть “скорлупа от пустого ореха”»³⁶.

Итак, во всех трех случаях (Россия, Германия, Япония) имел место шантаж с целью последующей *десакрализации*! Пусть в последнем случае и в рамках *мифологии* (не с вульгарными же американцами обсуждать *онтологию*).

Что произошло в результате мировой войны осознали, в конце концов, даже те немцы, которые играли в ней далеко не последнюю роль. Выступая перед многотысячной аудиторией в Бреслау, 4 декабря 1927 г. генерал Людендорф заявил: «Теперь мне стало ясно, что германский солдат в конечном счете оказался слепым орудием, своего рода ландскнехтом, скрытых за кулисами темных сил. Мы не можем теперь не признать, что германским мечом был расчищен путь этим силам, закабалившим Россию. Это могло случиться только благодаря тому, что большинству из нас тогда еще были неведомы эти скрытые пружины, толкавшие нас»³⁷.

Тогда же припомнили и многозначительные слова Ротшильда: «Мировая война – моя война»³⁸.

* * *

Дипломатический представитель Всевеликого войска Донского при Украинской державе генерал-майор А. В. Черячукин 28 октября сообщал в Новочеркасск: «События идут быстрыми шагами. Император Вильгельм отказался от престола. В Германии социалистическая республика. В Киле делается то же самое, что у нас было в Кронштадте. Говорят образовалось несколько республик. Отказ Вильгельма страшно гнетуще подействовал на армию, особенно убито духом офицерство. [...] Австрийцы совсем разложились и грабят все. [...] ...Вагоны и поезда ими запружены, вообще картина из недавнего нашего прошлого»³⁹.

В чью пользу совершилось это «отречение», в Германской армии отлично понимали. Уезжая из Ростова 3 декабря 1918 г. друг атамана П. Н. Краснова майор Германского Генерального штаба фон Кокенхаузен заметил, что вся Великая война была лишь способом очистить в Европе поле для новых хозяев мира. Что касается Германской, Российской, Австро-Венгерской и Британской Империй, то ведь их по существу нет, или они обезкровлены и безсильны помешать новым хозяевам править миром.

– Кому же? – спросил Петр Николаевич.

– Соединенным Штатам Америки. Точнее – еврейскому финансовому капиталу⁴⁰.

Дальше в Германии все шло по накатанной уже дорожке: «В войсках немедленно образовались советы солдатских депутатов, а в городах – советы рабочих депутатов. Ни о каком выступлении германских войск против Советской республики уже нельзя было думать. В самой стране начались беспорядки, поднятые большевистскими настроенными группами Спартака. Грозные германские солдаты, всего неделю тому назад суровым “Halt” останавливавшие толпы рабочих и солдат на Украине, покорно давали себя обезоруживать украинским крестьянам. Украинские большевики останавливали эшелоны со спешившей домой баварской кавалерийской дивизией, отбирали оружие и уводили из вагонов лошадей!»⁴¹

«Я видел в Киеве, – вспоминал об этих днях кн. Е. Н. Трубецкой, – неподобную картинку. Двое немецких солдат курили на часах. А над ними сиял с улыбкой во весь рост бородач-извозчик, бывший русский солдат: “господа, господа, – говорил он наставительным тоном, – как нехорошо, на часах курите; вот нас, бывало, в русской армии за это расстреливали”. А немцы, словно понимавшие, тоже смеялись: пришла их очередь смеяться над порядком и дисциплиной»⁴².

Новые социалистические власти сразу же запретили кайзеровскую черно-бело-красную кокарду, заменив ее сначала красной, а потом, по цвету нового республиканского флага, черно-красно-золотой, прозванную старыми бойцами *Judenkokarde*⁴³.

*Ну, как же я тебя отвергну,
Мой столь гонимый Vaterland,
Где все еще по Кёнигсбергу
Проходит узколиций Кант*.*

ГЕТМАН И ЕГО АРМИЯ

Немало нареканий современников вызывала военная политика гетмана. Известно, что Скоропадским планировалось – разумеется, с ведома немцев – создание «корпуса особого назначения» с тем, чтобы ударить по большевикам и освободить Москву¹. Сложность здесь заключалась опять-таки в неопределенности политики самих немцев.

Однако, как бы то ни было, военный министр «Украинской Державы» ген. А. Ф. Рагоза не оставлял надежд на создание ударного корпуса. Он «ставил своей первой целью собрать возможно в большем числе кадровое офицерство, поддержать его материально и тем обезпечить самую трудную и ответственную часть в леелемом им плане. Офицерство стекалось со всех сторон, заносилось в списки, получало жалование, военные запасы – насколько могли они уцелеть от грабежа сначала большевиков, а потом немцев – скоплялись в главных пунктах, но живой силы армии не было – немцы не соглашались на то, чтобы объявить мобилизацию одного или нескольких призывных возрастов. Переговоры об этом возобновлялись несколько раз – и не приводили ни к чему; решающим (!) аргументом была боязнь внутренней большевизации солдатского состава»².

Была и другая цель бережного отношения к офицерскому составу, стекавшемуся в то время на Украину. «Официальный мотив, – писал один министров гетманского правительства, – был тот, чтобы, пользуясь кадровым составом, готовить для будущей украинской армии надлежащих офицеров. Но неофициально – если

* М. И. Цветаева. Германия.

только я правильно понимал тогда замечательного нашего военного министра ген. Рагозу – честного, порядочного и умного человека – неофициально это была система сберегания сил офицерства *для будущей России*. У самого гетмана, еще в период первого министерства, мелькали иногда эти мотивы, которые он, разумеется, не подчеркивал»³.

«Генералитет и офицерство шли в армию тысячами, – писал, имея в виду гетманские военные формирования, ген. А. И. Деникин. – Генеральный штаб, например, был представлен столь широко, что часть обер-офицерских должностей занимали полковники»⁴.

В качестве обвинения против Скоропадского обычно выдвигают отсутствие в Малороссии в годы его правления серьезной армии. Такие «обвинители» почему-то забывают, что германские оккупационные власти вряд ли бы потерпели там существование какой-либо серьезной военной силы. (Обещания немцев гетману в первые дни после избрания о разрешении ему сформировать девять корпусов были, видимо, политической уловкой⁵. Из Австро-Венгрии он получил дивизию «сирожупанников», а из Германии – лишь «полк бывших пленных малороссов, прекрасно одетых в опереточные украинские жупаны и в папахи со шлыками»⁶.) Этот полк «сынежупанников» входил в состав т.н. «гайдамаков», а попросту говоря – гетманских солдат. Знавшие толк в военном деле немцы отзывались о них пренебрежительно. Командир занимавшего Харьков I германского армейского корпуса ген.-лейтенант Теодор Менгельбир на вопрос: «Excellenz, как вы относитесь к гайдамакам?», посмеиваясь, отвечал: «Да как можно относиться к людям, у которых из головы растет хвост?»⁷

Были еще сформированные в Австро-Венгрии сичевые стрельцы, объявившие себя преемниками традиций Запорожской Сечи. На них думал было опереться гетман. Но восстановленных против него австрийским майором Флейшманом их, по словам Скоропадского, пришлось «обезоружить и совершенно расформировать»⁸. Впоследствии сичевые стрельцы в полном составе перешли к Петлюре, став его основной ударной силой.

Много писали о штабах, созданных вместо частей: «Каждый отряд начинал свою деятельность по установленному ритуалу: прежде всего формировались контрразведка и штаб отряда, причем численность отряда предполагалось довести до корпуса, минимум до дивизии. Назначались и комкор, и наштакор, и надивы несущее

ствующих частей, начальники снабжений, неограниченное количество разных офицеров связи, ординарцев, адъютантов и т.п. Численность штаба едва ли не превосходила наличный состав отряда»⁹. Обвиняли гетмана и в контактах с Кайзером (поездку Скоропадского в Германию называли «неудачнейшим и безтактнейшим шагом», «ненужным вызовом союзникам»¹⁰).

Подобные критики забывают, что гетман был не вчерашний семинарист или профессор, а боевой генерал Императорской Гвардии, отличала которого не только личная храбрость, но и умение водить и формировать армейские корпуса. Вспомним быстрое приведение им в повиновение взбунтовавшегося 34-го армейского корпуса в январе 1917 г. и превращение его вскоре в боеспособную часть уже во время революционных событий. Части его летом 1917-го шли в атаку в то время, как на целом фронте никакая другая часть в атаку так и не поднялась¹¹. Так неужели Павел Петрович не знал, что делать всего лишь через год, в 1918-м? А не сделал – значит, не мог.

Даже атаман П. Н. Краснов нередко замечал одну лишь внешнюю сторону: «Гетман и его приближенные считали, что в то время можно было рассчитывать только на немцев, а если уж придется создавать армию, то создавать ее на особых началах из вольнонаемных добровольцев, набираемых из крестьян собственников». Воины гетмана «одежи оригинальные украинские жупаны, расшитые шнурами, со сборками сзади, отпустили оселдцы, навесили кривые сабли». Были напечатаны воинские уставы на «мове» со смешанными малоросско-германскими командами: *ахтунг! струнко направо!** «Создавалась в Киеве из молодых земельных собственников прекрасная дивизия “сечевых стрельцов”, были офицерские батальоны и нарядный Сумской гусарский полк – но это были тысячи человек тогда, когда для защиты Украины и для войны с большевиками требовались сотни тысяч»¹².

Однако вот что писал по этому поводу старший адъютант гетмана полковник В. В. Кочубей: «...Сформировались и были уже готовы кадры восьми корпусов трехдивизионного состава. Но немцы не давали разрешения на призыв новобранцев, которые должны были пополнить эти восемь корпусов. Только после поездки Скоропадского осенью 1918 года в Германию на свидание с Императо-

* Смирно! Равнение направо!

ром Вильгельмом он получил разрешение на это. Но было уже слишком поздно...»¹³

В начале октября П. П. Скоропадский отдал приказ о формировании «Особого корпуса», подчиненного, минуя правительство, лично ему. Предназначался он «для борьбы с анархией в пограничной полосе». Руководствоваться в своей внутренней жизни корпус должен был «положением бывшей российской армии, действовавшей с 1 марта 1917 года». Причем его чинам была присвоена «форма бывшей российской армии».

Одновременно сообщалось о начавшейся регистрации всех офицеров, а также предстоящей мобилизации офицеров и сверхсрочных унтер-офицеров, которые, по индивидуальному желанию, должны были распределяться в украинские войска или в русский «Особый корпус»¹⁴.

Мобилизация, однако, провалилась. Тому было несколько объективных причин.

«Среди офицеров, – писал современник, – были украинские националисты, среди южно-русского офицерства, даже высших рангов, были федералисты, которые, не будучи ни врагами, ни сепаратистами, тем не менее, определенно не сочувствовали и относились отрицательно к восстановлению единой, централизованной России. Значительное число таких офицеров после падения гетмана очутилось в Польше: они не захотели пойти за Петлюрой, как завзятым врагом России, но, с другой стороны, они отказались и от вступления в ряды Деникинской Добармии, на знамени которой они не видели даже автономии Украины. Нужно только немного воображения, чтобы представить себе душевную драму этих несчастных жертв капризов истории. В такой бесконечно тяжелой обстановке пришлось им решать вопрос своей совести!

Наконец, на службу в гетманские войска пошли многие русские офицеры для борьбы с большевиками, и недостатка предложений услуг для ролей командиров корпусов, начальников штабов, центральных установлений военного ведомства никогда не было.

Недоставало одного, но зато весьма существенного: солдат. И главная беда была в этом: неоткуда было взять надежных солдат. Призывная молодежь украинская уже побывала в тылах действующей армии, развратилась от безделья и большевицкой пропаганды на сходках и митингах, но главное – бездельем тыловой службы и связанного с нею времяпровождения. Создать военные части из

этих элементов или даже из свежих элементов совершенно распущенной деревенской молодежи было, мне кажется, совершенно невозможно»¹⁵.

«К Украинской Державе, – вспоминал офицер-монархист С. В. Марков, – отношение офицеров, как служащих в Добровольческой армии, так и на Дону, и в Астраханской и в Южной армиях, было явно пренебрежительное, как к стране опереточной, созданной немцами, так сказать, для собственных надобностей. Лучшее, для самого способного офицерства шло на Дон и на Кубань, и только немногие на украинскую службу. Сознаюсь, что в те времена я и сам был заражен общей болезнью осмеивания украинских порядков. Я украинской державности не признавал и смотрел на все украинство с точки зрения пословицы, что немец обезьяну выдумал»¹⁶.

При этом следует признать: далеко не все офицеры спешили поступать и в белые армии.

Известно, что на 1 ноября 1917 г. офицерский корпус Русской Армии, Флота и Пограничной стражи насчитывал более 220 тысяч человек.

Во всех белых армиях и национальных антисоветских воинских формированиях с красными сражалось около 40 тысяч офицеров.

Более 60 тысяч офицеров служили в красной армии (красными командирами и военспецами), причем восемь тысяч из них сделало это добровольно.

Однако более 100 тысяч – половина всех офицеров! – не желали служить ни белым, ни красным, ни зеленым, ни каким-либо иным «борцам за светлое будущее».

Современный автор, приводящий эти *говорящие* (и даже *воптующие*) цифры, считает, что эти офицеры «либо сразу же сбежали из страны, либо пережидали смутное время у безчисленных кумушек и вдовушек». И далее: «...Нужно признать прискорбный факт – русское офицерство в массе своей оказалось безразличным к гражданской войне. Тем, кому было безразлично, кто в ней победит, была безразлична и судьба своей страны»¹⁷.

Думается, всё было все-таки по-другому: в предлагаемой им вождями, комиссарами, атаманами, батьками и президентами кричащей цветовой гамме не было *их золотого Царского цвета*, за который большинство из них, не задумываясь, действительно пошло бы на смерть...

СМЕНА ДЕКОРАЦИЙ...

«В течение 6-8 месяцев, – по словам ген. А. И. Деникина, – от Балтийского моря до Азовского стояла сплошная стена немецких штыков, отделявшая 19 губерний (не считая Польши и Финляндии) от советских владений. [...] По другой стороне бушевала анархия»¹.

То, чем обладаешь, вполне научишься ценить только тогда, когда его потеряешь. Теперь стена рухнула, и волны анархии готовы были ринуться на недоступные им раньше территории.

«...Настигли великие события: германская революция, – заносил свои впечатления в записную книжку литератор В. А. Амфитеатров. – Пока в ней нет ничего страшного. Немцы понимают, что если рассовдепятся, то погибнут, и совдеп их умеренный [...] Внешне революция заметна лишь в трагическом виде офицеров и в некоторой небрежности, с какою солдаты ходят по улицам. Но внутренне – очень тревожно: теперь немцы нас защищать не станут, гетман – совершенно безсилен... Правда, все верят в скорый приход союзников: *промежутка* не будет – так твердят все. Ну, а если будет? Недаром сволочь подняла голову...»²

Эти люди «без промежутка» в голове сыграли в дальнейшем печальную роль. Некоторые члены правительства, по словам гетмана, «сообразив, что дело немцев проиграно, сразу стали относиться к ним с пренебрежением, а все свои симпатии перенесли на Антанту. Эта черта многих, живших в Киеве и имевших дело с немцами, сослужила нам плохую службу. Я постоянно говорил: “Господа, нужно помнить, что единственной серьезной силой являются пока немцы. Когда придет Антанта, вы можете высказать вашу радость по поводу того, что она является победительницей в мировой войне, но пока сдерживайте ваши порывы”. Это не возымело действия. А немцы, оскорбленные таким отношением, давали свободный ход событиям»³.

Вскоре дал знать о себе Петлюра. Ставший после разгона П. П. Скоропадским «Центральной Рады» в открытую оппозиции гетману, он приказом министра внутренних дел И. А. Кистяковского по подозрению в антиправительственной деятельности 27 июля 1918 г. был арестован и заключен в Лукьяновскую тюрьму. Сидел он, между прочим, в камере № 6664. На следующий же день после своего освобождения, 1/14 ноября Петлюра выехал в Белую Церковь, где, опираясь на сичевых стрельцов, поднял мятеж, обвинив гетмана в стремлении соединиться с Россией. К бунтовщикам,

в уповании пограбить помещичьи усадьбы, богатых горожан и состоятельных сельских, примкнула гольтьба.

В связи с этим особо следует подчеркнуть, что как приход гетмана к власти, так и его уход с политической сцены самым непосредственным образом были связаны с земельной политикой, которой, впрочем, он вполне не управлял, да и не мог этого сделать. Еще во время правления «Центральной Рады», по словам очевидца, «наиболее благоразумная часть трудового крестьянства успела понять, к какому общему разорению ведет гибель культурных хозяйств, дававших большой заработок всей округе. Крестьянство стало организовываться в крестьянские союзы или, как они назывались в Малороссии, “союзы хлеборобов”. В союзы эти вошло скоро и большинство землевладельцев из интеллигенции и дворянства. Однако алчность и непонимание момента со стороны помещиков погубило дело. Начались взыскания убытков за погромы. Взыскания эти производили местные административные власти при помощи отрядов германских войск. Такая мера сразу оттолкнула массы от новой власти, и деревня вновь затаила в себе злобу. Против землевладельцев и даже более зажиточных крестьян собственников пошла снова повсеместная агитация, и народная молва стала обвинять их в том, что они привели немцев, чтобы восстановить свои владения и снять с “бидного люда послидню шкуру”. То, что немцев привела социалистическая Рада с господами ширыми деятелями, вроде Грушевского и Петлюры, все как-то забыли, и между гетманской властью и народом образовалась глубокая пропасть, имевшая своим последствием тот огромный успех, который имело в широких массах впоследствии петлюровское восстание, лишь только ослабили немецкие силы вследствие понесенных германскими войсками на западе поражений»⁵.

«Народные массы, – подтверждал живший в то время в Киеве Дворцовый комендант В. Н. Воейков, – сочувствовали Петлюре, применившему называемый на языке общественных деятелей “тактический прием”: он обещал сломить господство буржуазии, наказать помещиков и отдать крестьянам землю. В Украине почва для возбуждения крестьян против помещиков была прекрасно подготовлена оккупационными немецкими войсками: так как “оберкомандо” отлично поняло, что выкачивать из Украины необходимые Германии “лебенсмиттели”* будет возможно только при существовании помещичьих хозяйств, немецкое командование, войдя в Ук-

* Lebensmittel – продукты (нем.)

раину, восстановило в правах помещиков и учинило расправы над разграбившими имения крестьянами. Это обстоятельство и послужило подготовкой масс для обращения их в петлюровцев и последователей всевозможных “батек”»⁶.

«Недостижимые идеалы анархистов великороссов, – писал еще в 1911 г. знаток национальной психологии черниговский дворянин И. И. Пантюхов, – у индивидуалистов малороссов выводились в простое разбойничество. Убивались, иногда с жестоким цинизмом, из-за грошей, целые семьи»⁷.

«...Соседние деревни вели друг с другом войну из-за помещичьих земель»⁸.

Свои «батьки» и «атаманы» появились в те дни чуть ли не по всей Малороссии. Шли, призывая «різати панів, попів та жидів»⁹. Прикрываясь откровенной демагогией, эти шайки действительно резали, жгли, грабили.

«Хлеб убрали и пошли...»¹⁰ – говорили понимающие.

Все прекрасно знали, что имеют дело с обыкновенными разбойниками и бандитами, но уничтожить или хотя бы припугнуть их было некому.

«В эмиграции, в Берлине, в 20-х годах, – вспоминал Р. Гуль, – Алексей Толстой мне показывал фотографию, которой он очень дорожил: сфотографирован каким-то уездным фотографом ражий детина довольно обезьяноподобный, с головы до ног увешанный арсеналом оружия. Дитина сидит “развалемшись” в глубоком кресле на фоне дешевых декораций, а рядом – круглый стол, на котором – отрубленная чело́вечья голова. И дитина дико-напряженно уставился в объектив фотографического аппарата. Это – атаман Ангел»¹¹.

А в это время... «Из окна вагона Украина производила впечатление страны, имеющей все в изобилии. Все станции были завалены продуктами. Мясо и хлеб были в неограниченном количестве. Видны были дымящиеся трубы фабрик, работали сахарные заводы; на узловых станциях замечались значительные запасы хлеба»¹².

Но рядом с этим – поражавшее выбравшихся из советской России «большевицкое настроение толпы. Разговоры в теплушке не оставляли сомнения в том, что гетману приходит конец и что это не пройдет безболезненно»¹³.

В Киеве: «Шумящие улицы пестрят шикарными туалетами дам... Элегантные мужчины, военные мундиры... Битком набитые кафе... переполненные театры, музыка, гул, шум... проститутки, спекулянты... Но в этом чаду ощущается какая-то торопливость, пред-

чувствие неминуемого конца. Как будто веселящиеся люди чувствуют за собой погоню и спешат провести “хоть час”... На фоне кутающей, пьющей, одуряющей толпы мелькают серые мундиры чопорных немецких офицеров и каменных солдат, – это те, кому обязана толпа своим весельем»¹⁴. Пока...

1/14 ноября командовавшие войсками в Киеве начальники заявили гетману, что вверенные им части выходят из подчинения, «являясь поборниками общерусских интересов»¹⁵.

На следующий день была обнародована «Грамота ко всем украинским гражданам и казакам», подписанная Скоропадским:

«...После пережитых Россией великих потрясений условия ее будущего бытия должны несомненно измениться. На иных началах, на началах федеративных, должно быть воссоздано прежнее величие и сила Всероссийской державы, и в этой федерации Украине надлежит занять одно из первых мест.

...На этих началах, которые (я верю) разделяют и союзники России – державы Согласия – которым не могут не сочувствовать все без исключения остальные народы не только Европы, но всего мира, должна быть построена будущая политика нашей Украины. Ей первой надлежит выступить в деле создания всероссийской федерации, конечной целью которой явится как восстановление Великой России, так и обеспечение экономического и культурного преуспеяния всего украинского народа на прочных основах национально-государственной самобытности.

...Вновь сформированному мною кабинету я поручаю ближайшее выполнение этой великой исторической задачи»¹⁶.

«Грамота пана гетмана о федерации Украины с Россией, – вспоминал очевидец, – застала Киев уже беспокойным, волнуемым, отданным всецело во власть паникерским слухам. [...] Грамота его светлости естественно была встречена огромным большинством весьма сочувственно. Как-то сразу утихли шовинистические страсти, оборвались разговоры на “рідной мове”, “буди ласкові” заменилась старым “пожалуйста”. Кое-где замелькал национальный русский флаг, Крещатик был переполнен офицерами в русских старых погонах, везде и всюду говорили о “единой и неделимой”, и первая весть о начале какого-то восстания где-то в Белой Церкви была принята чрезвычайно несерьезно. Известно было, что против повстанцев пошли немцы, и все были уверены, что ликвидация “банд” – дело одного-двух дней. Киев продолжал веселиться»¹⁷.

Восторженными глазами глядел на Мать городов Русских 19-летний юнкер Михайловского артиллерийского училища Владимир Киселевский, приехавший из Петрограда вскоре после обнаружения гетманом грамоты:

«...Прибыли в Киев... Это было рано утром... Я вылез из эшелона, который где-то стоял на запасных путях, и пробрался в Киев, чтобы осмотреться, как и что... И вот первое, что меня поразило, и до сих пор сохранилось это впечатление – мы же при большевиках целый год прожили и кроме красных знамен ничего не видели, – а тут в Киеве выхожу на улицу, и – Боже! – передо мной висит огромный национальный русский флаг, бело-сине-красный, я прямо перекрестился! Оказывается, этот флаг развевался на музее. Вообще из одного мира в другой попасть совершенно оказалось дико: все есть, провиант есть, люди живут, как хотят, ходят по театрам...»¹⁸

Третье министерство премьер-министра С. Н. Гербеля*, о формировании которого было объявлено в грамоте, началось с торжественного объявления федерации с Россией.

«Немцы, – писал герцог Г. Н. Лейхтенбергский, – конечно, были недовольны гетманом за его русофильскую декларацию, которая убивала все их надежды, но [...] не могли они, боясь Антанты, и выступить против него. С другой стороны, немецкий командный состав, люди порядочные, прекрасно понимали, что оставить гетмана и оказать поддержку Директории значило снова погрузить страну в ту анархию, из которой они ее с таким трудом вытащили. И они остались пассивными зрителями этого восстания, которое они вначале могли бы легко подавить, если бы только захотели. Но немецкая дипломатия, в противоположность немецким военным, должна была считаться с социалистическими идеями нового германского правительства в Берлине и не оказала сопротивления этому рево-

* *Сергей Николаевич Гербель* (1860–?) – происходил из дворян. В Херсонской губ. владел 924 десятинами земли. В 1903–1904 гг. Харьковский губернатор. Гофмейстер (1909). Начальник главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел. Член Государственного Совета (с 1.1.1912). В годы Великой войны главноуполномоченный по заготовлению продовольствия для армий Юго-Западного фронта. Министр продовольствия «Украинской державы». В 1921 г. «этот мужественный и честный человек был тяжело болен, умирая от голода и от последствий того дурного обращения, которому подвергался он со стороны Директории» (*Лейхтенбергский (Князь Романовский) Г. Н.* Воспоминания об Украине, 1917–1918. Авториз. пер. с фр. Берлин. «Детинец». 1921. С. 45).

люционному движению, предоставив гетману справиться с ним своими собственными силами»¹⁹.

В начале ноября, по словам Скоропадского, «у немцев уже появились ясные признаки некоторого разложения в армии. Пока это еще было только заметно по отдельным мелким фактам. Помню, что в это время приехал со своим сыном Принц Леопольд Баварский, генерал-фельдмаршал и главнокомандующий всеми войсками Восточного фронта. Он побывал у меня, а на следующий день сделал смотр немецким войскам, находящимся в Киеве. Будучи у себя дома, я услышал военную музыку и увидел через окно несколько проходящих немецких гусарских эскадронов. Я видел эти части весной и тогда тоже наблюдал за ними из окна. Теперь они уже проходили без того внутреннего порядка, сразу бросающегося в глаза всякому профессионалу в военном деле. Лошади были плохо вычищены, и приемка всей амуниции, и людской, и конской, была уже далеко не той. Оберкомандо окончательно потеряло свое значение: все перешло в руки дипломатов»²⁰.

Осенью 1918 г., будучи в Киеве, П. Н. Милюков задавался вопросом: «Что мешает офицерам, единственной силе, поддержать гетмана? И отвечаю: их русская ориентация. К гетману надо идти лишь тогда, когда он нам может что-нибудь сказать официально, что будет принято за *полную перемену*. Если не может, лучше не идти»²¹.

Сам П. П. Скоропадский вскоре после произошедших событий так писал о стоявшем перед ним выборе:

«Я пришел к заключению, что мне оставалось принять один из двух путей. Первый путь – это стать самому во главе украинского движения, постаравшись все захватить в свои руки. Осуществление этого рисовалось мне таким образом: я бы сам объявил о созыве национального конгресса, причем состав членов изменил бы, дополнив его членами не только одних левых партий. В этом случае я мог бы изменить решения, на которые рассчитывал Винниченко и компания, и так, немного поступившись, удержаться у власти. [...] Я лично мало верил в успех такого решения, так как еще утром получил уведомление о раскрытии заговора с целью восстания... [...] ...Выяснилось, что конгресс конгрессом, а восстание все равно будет поднято. [...]

Второй путь – это не допустить конгресса и использовать в Киеве офицерские формирования... [...] Затем, когда опасность миновала бы, я вновь направил бы государственный корабль по тому пути, которого я придерживался всегда и от которого я никогда

не отказывался. Я считал этот второй путь проще и более мне по душе; он сулил лучшее разрешение конфликта»²².

Начинается период консультаций, которые активно ведет гетман. Известно, что 29 октября (11 ноября) он беседовал с А. В. Кривошеиным, у которого спрашивал совета, «что ему выбрать: пожертвовать порядком для своей личности или судьбой своей личности – для порядка? Он сторонник русской ориентации. Но объявить ее сейчас – значит быть захлестнутым волнами народного движения и подвергнуть всех опасности резни. Он хочет, по крайней мере, сохранить репутацию защитника порядка»²³.

Веда эти переговоры с лицами, к которым гетман «питал безусловное доверие», от одного из них он услышал «веские аргументы, что Антанты и в особенности Франция, главное государство, оперирующее на Украине, не желает решительно говорить с украинским правительством до тех пор, пока оно стоит на самостоятельности. Он также сказал, что самое главное, только федеративная Украина может иметь успех у них, что на днях приезжает уполномоченный представитель держав Согласия, который только войдет в переговоры при ясно выраженном новом курсе украинского правительства»²⁴.

В первых числах ноября в Яссах до союзников было доведено обращение гетмана о том, что он «переходит на их сторону (всегда сочувствовал и т.д.) и просит их поддержки»²⁵.

Выехавший в Яссы бывший русский посланник в Китае И. Я. Коростовец доносил в Киев о высказанном ему 26 октября французским посланником в Румынии графом Августом-Феликсом де Сент-Олером пожелании, чтобы гетман «чем-нибудь проявил перемену германофильской политики и согласие (свое) поддержать работу союзников по восстановлению порядка в России»²⁶.

Прибывшие 28 или 29 октября (10 или 11 ноября н. ст.) из Ясс агенты гетмана подтвердили сказанное, причем подчеркнули: «если я провозглашу Украину федеративной, обещалось немедленное прибытие войск держав Согласия»²⁷.

За действиями французского консула Эмиля Энно в какой-то степени стоял П. Н. Милюков, в изменившейся ситуации показавший свои зубки. Вот запись в его яссском дневнике: «Я указываю, что Hainaut надо разрешить поддержать гетмана, под условием перемены министерства на русофильское, чтобы не получить такого строя, который для нас *хуже* того хрупкого, какой существует и который нам легче уничтожить в момент, какой мы выберем, и способом, на котором мы сговоримся...»²⁸

Знакомый П. П. Скоропадского еще со времен Великой войны журналист, не ведавшей о подоплеке перемен, писал: «Но тут случилась та странная метаморфоза, которая совершалась почти постоянно в решении гетмана: он менял свои действия каждые полчаса, в зависимости от того, что скажет последний подсказчик. [...] Он сразу повернул курс на Антанту. [...] Гетман принял решение формирования добровольческих частей для удержания Киева до прихода мифической помощи Антанты, назначив командующим графа Келлера»²⁹.

Рассчитывая на 15 тысяч русских офицеров, находящихся в Киеве, Гетман просчитался: из 6 или 8 тысяч мобилизованных только две тысячи пошли на позиции под Киевом, защищать общий фронт в 22 версты. Да и те вели разговоры: мы, мол, подчиняемся Деникину, а за гетмана умирать не желаем³⁰.

«Гетман, – писал прот. В. Зеньковский, – сделал последний шаг, какой ему еще оставался – он открыто перешел к ориентации на Россию (конечно, Россию свободную, не большевицкую). Немцев, которые раньше мешали этому плану, спрашивать уже больше было нечего, – они доживали последние дни, думали только о том, как им благополучно выбраться на родину. Украинские круги либо были втянуты в восстание, либо бессильно разводили руками перед надвигавшейся опасностью. [...] Но и этот жест оказался запоздавшим. Он привлек на сторону гетмана русские круги, дал в его распоряжение 5000 русских офицеров, командование которыми принял на себя гр. Келлер; с далеким добровольческим движением, поднятым около этого времени ген. Алексеевым и Корниловым, связь тоже была невозможна.

Неожиданно для украинцев гетман, разуверившийся окончательно в возможности получить от них помощь, сделал крутой поворот в сторону России. Он распустил министерство Лизогуба, поручив образование нового министерства Гербелю, издал особый манифест, говоривший о необходимости борьбы с большевиками для спасения России, четко и определенно выдвинул идею *федеративной связи*, отрекаясь таким образом от идеи самостоятельности Украинского государства.

Этот манифест, вызвавший ярость и непримиримую ненависть со стороны украинцев, вызвал самое живое сочувствие у русских людей, поднял их настроение. Одушевление среди русских было очень велико, но, увы, возможности овладеть положением были ничтожны. [...] Когда был издан гетманом его манифест, ему изменили все начальники на местах, отдавшие оружие, военные снаряды

эмиссарам Петлюры. Небольшое сопротивление, кое-где оказанное последнему, было быстро сломлено, ибо план восстания, как тогда сразу стало ясно, был давно разработан, всюду на местах были “свои” люди, которые по сигналу овладели запасами»³¹.

Действиями гетмана были недовольны и русские представители на Ясском совещании. «...Назначение кабинета более удачное, а грамота не удачна и должна быть заменена другой», – безапелляционно заявил представителю гетмана П. Н. Милюков. Чем же он был недоволен? – Прежде всего тем, что в грамоте гетман, по словам Милюкова, «претендует диктовать *всей* России будущую форму устройства – федерацию...» Однако действительным камнем преткновения стала Доброармия: «Добровольческой армии он даже не упоминает». А ведь «союзники уже готовы признать Добровольческую армию центром создания всероссийского правительства. [...] ...Нужно опираться на офицеров и для этого солидаризироваться с целями Добровольческой армии, хотя бы в виде ссылки на речь Деникина». И далее: «Почему же не подчиниться Деникину, который командовал армией, когда Скоропадский командовал корпусом?»³² Секрет перемены фронта набравшим силу «перелетом» Милюковым прост: «Фигура Деникина как человека политически неподготовленного нуждается в помощи гражданской. Лучше – человек, не обязанный отвечать перед соц. группой»³³. (Себя автор приведенных строк, несомненно, считал именно таким помощником.)

Часть своих замыслов этого времени П. П. Скоропадский разъяснил одному из представителей Добровольческой армии, оказавшемуся в эти дни в Киеве: «В грамоте я ясно высказал то, что давно хотел (высказать), но не мог раньше. Вы знаете, что *они* – “щирые” – хотели меня на днях арестовать, но я им сказал, что этого не стоит делать, так как беспорядки от этого еще больше усилятся; они и оставили эту мысль. Вообще, теперь очень тяжело. Я, собственно, не хотел еще перемены кабинета – хотел дожидаться ответа от Великого Князя Николая Николаевича, но ответ задержался. А обстоятельства требовали на что-то решиться сейчас. Я ему писал, что прошу и предлагаю принять верховное командование всеми войсками бывшей России и управление. И в его лице объединить всех нас, генералов, а то мы только ссоримся. Когда бы он сделался не только Верховным главнокомандующим, но и Правителем, тогда я с радостью немедленно передал бы ему всю власть. К получению ответа хотелось приурочить и новый кабинет»³⁴. (Письму в Крым

предшествовал разговор гетмана с приехавшим в августе в Киев ген. Ю. Н. Даниловым: «Гетман о его службе у Ник. Ник., спросил: может ли Вел. Князь сдержать свои чувства симпатии к союзникам и подчиниться голосу разума. Данилов отвечал, что, зная Велик. Князя, он, напротив, уверен, что тот всегда руководится чувствами и что он союзнической ориентации не изменит. Гетман заметил: “Жаль, а то германцы могли бы предоставить ему большую роль в предстоящих событиях”»³⁵.)

«Украинцы в начале поддержали меня, – писал гетман в своих воспоминаниях, написанных вскоре после его бегства из Киева, – думая, что я пойду с ними полностью и приму всю их галицийскую ориентацию. Но я с ними не согласился, и они, в особенности в последнее время, резко пошли против меня. Лично я понимал, что Украина на существование имеет полное основание, но лишь как составная часть будущей Российской федерации, что необходимо поддерживать все здоровое в украинстве, отбрасывая его темные и несимпатичные стороны»³⁶.

В ночь с 3 на 4 ноября стены домов в Киеве были заклеены воззваниями Петлюры и Винниченки, призывавшее «громадян до зброи и до порядку», объявлявшее о свержении Гетмана, который «останним зрадницким актом скасував самостийность Украиньской Держави». Гетману и его правительству предлагалось уйти «негайно, без пролития крови», а русским офицерам – сдать оружие и уезжать «куда хто охоча»³⁷.

Заранее подготовленное восстание они объявили следствием грамоты.

5 ноября командир Запорожского корпуса полковник Болбочан, арестовав в Харькове весь штаб и разоружив офицерские дружины, при полном попустительстве германских оккупационных войск, провозгласил власть «Директории самостийной Украиньской Народной Республики». Из Харькова Болбочан немедленно двинулся на Полтаву, которую занял 14 ноября. Петлюра из Белой Церкви направился через Фастов на Киев. С ним шли изменившие гетману два полка сичевых стрельцов, остатки дивизии серожупаников, гайдамацкие коши. Следом, надеясь на поживу, надвигались шайки крестьян.

В самый день выступления Петлюры гетман отправил бывшего предводителя дворянства Киевской губернии кн. М. А. Куракина «в Одессу, и оттуда тайно в Румынию, для переговоров с французами...»³⁸

«В Киеве вся борьба добровольцев против Петлюры, – писал кн. Е. Н. Трубецкой, – велась в расчете на помощь французов, причем надежда на прибытие этой помощи поддерживалась французскими властями»³⁹. «...С их приходом, – говорили в наскоро собранных дружинах офицеры, – положение окончательно укрепитя. Нам же надо пока что поддержать порядок “до их прихода”»⁴⁰.

Французский консул в письме В. В. Шульгину от 6 октября так излагал намерения Антанты: «...В Россию придут армии, чтобы предложить ей мощную дружественную помощь – материальную и экономическую. Естественная программа Соглашения сводится к нижеследующему: воссоздать *Единую и Неделимую Россию* и помочь восстановлению монархии, соответствующей желанию большинства русского народа»⁴¹.

«Консул Энно, – подтверждал А. И. Деникин, – чуть не ежедневно присылал телеграммы, что союзные войска идут, они уже близко, не сегодня-завтра будут в Киеве»⁴². Так и не сумевший попасть в Киев после захвата Фастова петлюровцами, особоуполномоченный французского правительства Энно рассылал из Одессы «воззвания, обнадеживающие население, и телеграммы, угрожавшие Директории и немцам»⁴³.

«Киевское население, – писал ген. В. Н. Воейков, – при посредстве газет, было оповещено о двух декларациях держав Соглашения:

1. Французский консул в Киеве – Энно – заявляет, что державы Соглашения намерены поддержать настоящую власть в Киеве, олицетворяемую паном гетманом и его правительством, в надежде, что он поддержит порядок в городах и селах до времени прибытия союзных войск.

Армии держав Соглашения хотят вступить в наши пределы не в качестве врагов или усмирителей, но как друзья народа, который около двух лет доблестно сражался рядом с нами. Всяческое покушение против существующей власти, всякое восстание, которое затруднило бы задачу союзников, будут строго подавлены.

2. Державы Соглашения заявляют через своего особоуполномоченного французского консула в Киеве, что они решили не допустить никакого нарушения в деле восстановления порядка и реорганизации России, начатом русскими патриотами и сильно поддерживаемом союзниками. Воссоединение России, как державы, входящей в состав победоносного блока демократических стран Соглашения, совершится соответственно желанию всех патриотов и всех элементов, стоящих за порядок в России. Что же касается, в частности, областей южной России, как оккупированных, так и не оккупированных немцами, и угрожаемых со стороны большевиков, то державы Соглашения заявляют свою непреклонную волю

поддержать в них порядок. Это непоколебимое решение в самом непродолжительном времени будет поддержано вооруженной силой столь внушительной, как того потребуют обстоятельства. Сверх того, они заявляют, что отныне же возлагают ответственность лично на всех лидеров партий и организаций, независимо от их политической окраски, стремящихся сеять смуту или распространять анархию.

За этими двумя декларациями в газетах следовало и официальное сообщение от представителя держав Согласия – Энно – о движении войск союзников по направлению Жмеринки и Фастова. Население Киева ликovalo, не сомневаясь в том, что Европа не останется безучастной к положению, в котором очутилась Россия. Начались приготовления к встрече союзников. Комитеты расположенных на Фундуклеевской и Тимофеевской улицах домов обратились к властям с просьбой предложить разукрасить национальными флагами дома на пути следования союзников с вокзала в город, а домовым комитетам находиться всем своим составом на улицах для встречи дорогих гостей»⁴⁴. «...С сугубой точностью называли даже час их появления на улицах Киева»⁴⁵, – писал современник.

Однако союзной помощи киевляне так не дождались. А пришла лишь ошеломившая многих весть о заключении французами соглашения с... петлюровцами. Привыкшее воевать по принципу «ни капли французской крови», французское командование рассчитывало использовать в дальнейшем петлюровцев для борьбы с большевиками.

Генерал А. И. Деникин называл эти «союзнические» выкрутасы «большой и трагической по своим результатам мистификацией»⁴⁶. И в этом с ним трудно не согласиться.

В Одессе французские офицеры говорили: «Ну, да, конечно, мы вам поможем, но сражаться за вас мы не будем, это уже дело самих русских»⁴⁷. А командовавший французским флотом на Черном море адмирал Амэ высказался и того резче: «Зачем нам защищать их от большевизма, когда они его так жаждут»⁴⁸. «Тут, – по словам кн. Е. Н. Трубецкого, – было желание помочь России и в то же время полное нежелание приносить для этого какие бы то ни было жертвы»⁴⁹.

Уже тогда некоторые не потерявшие способность мыслить люди знали истинную цену таких обещаний: «...Консул Энно (по-видимому, мошенник) распинается, врет, сулит небывалое»⁵⁰. Да он и сам впоследствии признавался, что блефовал⁵¹.

Помните одну из «исторических записей» на изразцах печки дома Турбиных? «Если тебе скажут, что союзники спешат к нам на выручку, – не верь. Союзники – сволочи. Они сочувствуют большевикам»⁵².

Тем временем в Киеве «в рабочих кварталах все чаще собираются на улицах темные кучки, толпясь, наклоняясь близко лицами, о чем-то говорят и, завидя взвод офицеров, расходятся, оглядываясь злобными, двусмысленными улыбками...»⁵³

Гетман понял, что его власть не хочет защищать никто. И тогда он обратился к Монархическому блоку...

За два дня до отъезда к формируемой Северной монархической армии, вспоминал ген. В. А. Кислицин, «к нам прибыл гетман Скоропадский и просил графа Келлера принять должность главнокомандующего над всеми вооруженными силами на Украине. Положение Украины становилось очень тяжелым. Ответить в таком случае гетману Скоропадскому отказом – это значило уклониться от поддержки страны в критический момент. Граф Келлер сказал Скоропадскому, что он посоветуется и даст окончательный ответ через два часа.

За эти два часа наших совещаний была решена судьба похода на Вильно. Граф Келлер посчитал невозможным отказать гетману Скоропадскому и, к общему огорчению всех стремившихся из Вильно организовать поход на Москву, принял должность главнокомандующего.

Между тем в Вильно было уже почти все готово к походу. Возможно, что отсюда пришло бы спасение России. Но пути Божьи неисповедимы. Господу Богу, видимо, угодно было, чтобы чаша страданий была испита русским народом до дна. Лелеянного в сердцах русских патриотов похода на Москву не состоялось»⁵⁴.

5 ноября была обнаружена еще одна грамота гетмана:

«Ввиду чрезвычайных обстоятельств общее командование всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины, я вручаю генералу от кавалерии графу Келлеру на правах Главнокомандующего армиями фронта, с предоставлением ему сверх того прав, определенных ст. 28 Положения о полевом управлении войск в военное время. Вся территорию Украины объявляю театром военных действий, а потому все гражданские власти Украины подчиняются графу Келлеру»⁵⁵.

Согласно упомянутому в грамоте Положению, местные органы исполнительной власти обязаны были подчиняться главнокоман-

дующему на театре войны. Таким образом, Федор Артурович, кроме военной, получал еще реальную власть на всей территории Малороссии». Думается, это было одним из условий Федора Артуровича, на которых он согласился исполнить просьбу гетмана.

«Желая отдать русские силы в распоряжение популярного генерала, – писал герцог Г. Н. Лейхтенбергский, – гетман назначил графа Келлера, очень любимого в военных и консервативных кругах, главнокомандующим всеми вооруженными силами Украины, дав ему очень широкие полномочия. Келлер тотчас же объявил мобилизацию солдат и офицеров старой Русской армии за несколько лет. [...]

Сперва немцы не знали, как им следует держать себя по отношению к петлюровцам. Они хотели соблюсти нейтралитет. Однако когда Директория стала приближаться к Киеву со своими сечевыми стрельцами и всякими вооруженными бандами, войска гетмана с добровольческими отрядами вышли им навстречу, к ним присоединились несколько немецких батарей и кирасирский полк, в то время как остальные германские войска в Киеве заняли позицию пассивной обороны. После короткого боя петлюровцы были отброшены за 25 верст от Киева. В это время вот и был назначен главнокомандующим граф Келлер»⁵⁶.

В день выхода грамоты П. П. Скоропадского, 5 ноября гр. Ф. А. Келлер телеграфировал ген. А. И. Деникину: «По настоянию общественных кругов, гетмана Украины и его правительства принял на себя всю полноту военной и гражданской власти на Украине»⁵⁷.

Но почему Федор Артурович обратился к ген. Деникину, взгляды которого он напрочь отвергал? Секрет этого следует искать в создавшейся в Киеве обстановке.

Резко изменив курс, гетман Скоропадский рассчитывал на находившихся в Киеве 15 тысяч офицеров. В связи с этим он, по его словам, «был вполне спокоен, что со всякими враждебными силами, даже в случае ухода немцев, я справлюсь»⁵⁸.

Не учел Павел Петрович лишь одного: долговременной и целенаправленной скрытой работы ген. Деникина на территории «Украинской Державы». В исторической литературе она и до сих пор осталась неосвященной, слегка обозначив себя лишь во время борьбы за Киев осенью 1918 года.

«...Добровольческая армия, – писал донской посланник в Киеве ген. А. В. Черячукин, – дабы не ронять себя, к гетману не обращалась, предпочитая получать негласно с Украины же, но через нас или через кубанцев. [...] Они предпочитали остаться в гордом одиночестве. Оттолкнув от себя

последнего союзника, они неуклонно шли к поражению, продолжая свои стремления уронить Скоропадского, и вместе с ним и атамана Краснова, в глазах Антанты. Продолжая свою агитацию на Украине против гетмана, они тем самым играли на руку Грушевскому и Ко, облегчая последним работу против гетмана. Пользуясь большими связями за границей, они успевали в этом»⁵⁹. Сообщал Черячукин и об офицерах, «негласно служащих у добровольцев, поставленных здесь для собирания сведений и слежки за гетманом, немцами и... мной»⁶⁰.

Несколько офицерских дружин в Киеве при подходе Петлюры неожиданно открыто провозгласили, что они подчиняются ген. Деникину⁶¹.

«Офицерам, не сочувствующим Украине, – писал Скоропадский, – разрешалось вступать в особый корпус, чины которого сохранили русскую форму с погонами. Так же было и в городских дружинах. Остальные офицеры могли вступать в украинские корпуса. Следовательно, никакого насилия над убеждениями не было; цель же для всех была общая: поддержание порядка.

Тем не менее с первого же дня начались всевозможные осложнения. Во-первых, появились то ли самозванные, то ли действительно назначенные представители армии Деникина лица, проповедовавшие, что все эти части должны признать Деникина. Это вносило в офицерскую среду раскол.

Затем появились длиннейшие статьи в газетах, особенно в знаменитом «Голосе России»* – не будь добром он помянут – внесшем столько разногласия в ряды защитников Киева. В этих статьях комментировался снова, не знаю, апокрифический или настоящий приказ Деникина о своем назначении главнокомандующим всех сил, борющихся с большевиками. Потом пошли толки о том, что Деникин заявил, будто все офицеры, не признающие его власти, будут преданы полковым офицерским судам и т.д. В результате одни части объявили себя приверженцами Деникина, другие остались на моей стороне. Из-за всех безтактностей – не берусь здесь определенно сказать чьих – в простое, ясное для всех дело был внесен разлад. Среди частей, признавших Деникина, началась агитация против существующего правительства. Вообще в такую трудную минуту я всячески старался избежать искусственно провоцировавшегося зла и хотел, чтобы как можно больше людей имело возможность принять участие в столь благородной и важной борьбе против большевизма. Я вызвал к себе начальников, но они твердо стояли на своем»⁶².

«Назначение генерала графа Келлера главнокомандующим всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины, – по словам жившего тогда в Киеве очевидца, – сразу заставило широкою публику понять всю серьезность положения, вы-

* Речь идет о прокатетской газете «Русский голос», издававшейся в Киеве с апреля 1918 г. – С. Ф.

звало еще больше страхов и опасений... [...] “Банды Келлера и Кирпичева*” – так называл Петлюра в своих донесениях гетманские войска. В городе было неспокойно. Однако популярность покойного графа Келлера среди офицерства и населения была очень велика. Ему верили, на него надеялись...»⁶³

Федор Артурович энергично взялся за дело. Немедленно он создал при себе «Совет обороны», в состав которого вошло бюро Монархического блока во главе с Ф. Н. Безаком, между прочим, однополчанином гетмана по Л.-Гв. Кавалергардскому полку. Начальником Гражданской при себе части гр. Ф. А. Келлер назначил ген. А. И. Спиридовича**.

7 ноября Монархический центр обратился к русскому населению с призывом защищать порядок против петлюровских банд.

Тогда еще не все было столь безнадежно.

«Все, кто любит Родину и стремится к ее воссозданию, – читаем в одном из приказов этого времени ген. Ф. А. Келлера, – будут всеми силами поддерживаться правительством, враги же порядка и спокойствия будут преследоваться беспощадно – ни националь-

* *Ген.-м. Лев Нилович Кирпичев* (18.11.1876–1920? 1928? 1931?) – происходил из дворян Псковской губернии; сын генерала. Окончил Константиновское артиллерийское училище (1899) и Офицерскую артиллерийскую школу. Во время Великой войны генерал-майор, командир 3-го дивизиона Л.-Гв. Конной артиллерии. Кавалер ордена св. Георгия 4-й степени. Командир Киевской добровольческой дружины и Сводного корпуса армии гетмана П. Скоропадского (с 24.10.1918). В декабре 1918 г. бежал из петлюровского плена. В ноябре–декабре 1919 г. в Берлине и Лондоне. Сведения о дальнейшей его жизни противоречивы. По одним сведениям, погиб вместе с др. офицерами по пути в армию адм. А. В. Колчака у берегов Японии. По другим данным, его видели в 1920 г. во Владивостоке, а скончался он то ли 31 июня, то ли 22 августа 1928 г. в Луксоре (Египет). Наконец, есть сведения, что умер он во Франции до 2 окт. 1931 г. – *С. Ф.*

** *Александр Иванович Спиридович* (1873–1952) – генерал-майор отдельного корпуса жандармов. В отдельном корпусе жандармов (с 31.12.1899). Прикомандирован к Московскому, затем к Киевскому (1902) губернскому жандармскому управлению. Исполнял обязанности начальника Киевского охранного отделения (1903–1905). Ранен в Киеве террористкой (1905). Прикомандирован к отдельному корпусу жандармов (26.7.1905). Начальник дворцовой охраны (нач. 1906). После убийства Столыпина находился под следствием (1912). Дело было прекращено. Ялтинский градоначальник (15.8.1916). В эмиграции.

ность, ни политические взгляды роли в этом играть не могут и не должны»⁶⁴.

«На первом, после принятия графом Келлером должности главнокомандующего, заседании правительства, – писал ген. В. А. Кислицин, – граф потребовал, чтобы я был назначен командиром Украинского корпуса в Житомире взамен ген. Волошина-Петриченко. Мне было приказано прорваться из Киева в Житомир на автомобиле и принять там командование войсками.

Киев постепенно окружали большевицко-петлюровские части. На всех дорогах, идущих от Киева, были банды петлюровцев*. Выезд из города был делом рискованным. Но обстоятельства дела требовали этой моей поездки, и я поехал. Судьба благоприятствовала моей поездке. Я прорвался сквозь кольцо петлюровцев.

Пробившись через петлюровскую заставу, я прибыл в Житомир и приступил к формированию отрядов.

Архиепископ Евлогий предоставил в мое распоряжение учащиеся Житомирской семинарии. Я влил их в свой отряд и был впоследствии очень доволен их боевой работой. Эти юноши, готовившиеся стать духовными людьми, проявляли большую доблесть в сражениях.

Штаб своего отряда в Житомире я расположил в доме губернского старосты (губернатора) Андро – милейшего человека и русского патриота.

Формирование моего отряда шло полным ходом. Вливающаяся в части молодежь спешно обучалась военному строю и пользованию оружием. Было много забот о снабжении частей оружием, обмундированием, продовольствием. Напряженная работа отнимала у меня все время.

Между тем петлюровские банды все шире и шире разливались по Украине. Воинские части петлюровцев занимали уже многие пункты страны. Петлюровцы стягивали свои силы к Киеву. Да и Житомир не был оставлен ими без внимания. Наибольшая концентрация петлюровских сил в ближайшем от меня районе была в Сарнах.

Я решил очистить свой район от петлюровских банд и выступил со своим отрядом в Сарны. Там я, при блестящем содействии своей артиллерии, наголову разбил подходящие петлюровские под-

* Здесь и далее в воспоминаниях автор именует петлюровцев большевиками. Чтобы не вводить читателей в заблуждение, далее мы, без оговорок, восстанавливаем исторически верное наименование – С. Ф

крепления, а затем двинулся на Ровно. Очистив без особого труда этот город от противника, я пошел на Бердичев, навел порядки там и вернулся затем в Житомир. Петлюровские банды, состоявшие из солдат и разной рвани, не выдерживали дружного натиска хорошо организованных сил. Они рассыпались перед моим отрядом, еле оказывая кое-где сопротивление.

Рассеиваемые мною банды очищали те пункты, через которые проходил я. В этих местах налаживался порядок. С помощью хорошо вооруженных, обученных, дисциплинированных сил и решительных мер бороться за восстановление порядка было вполне возможно. Устроенный мною поход Житомир – Сарны – Ровно – Бердичев – Житомир имел большое значение для оздоровления этого района»⁶⁵.

А ведь ген. Кислицин был не один: «Командир броневоего поезда генерал Бачинский, наводивший страх на “республиканцев” и выказавший удивительную неустрашимость, губерниальный староста Андро, объявивший себя главноначальствующим и громивший петлюровцев на Воляни, полковник Ратманов, уведший из Полтавы горсточку офицеров, не пожелавших соблюдать нейтралитет и подчиниться новому “порядку”, и пришедший в Ромодан с полторатысячным отлично вооруженным и дисциплинированным отрядом, генерал Литовцев, генерал Канцеров... – все эти имена хорошо известны петлюровцам по ряду неудач, понесенных войсками Директории»⁶⁶.

Такой поворот событий весьма обезпокоил ген. А. И. Деникина. «В высокой степени достойный и храбрый генерал, граф Келлер, – писал он, – как политический деятель был прямо опасен своими крайними убеждениями, вспыльчивостью и элементарной прямолинейностью. Уже на третий день по пришествии к власти он написал приказ – призыв о восстановлении монархии, от распространения которого его, однако, удержал “блок”, считавший такое обращение к пылающей Украине преждевременным»⁶⁷.

«В Киеве, – пишет в своих воспоминаниях ген. В. Н. Воейков, – я часто встречался с генералом от кавалерии графом Келлером, истинно русским, кристально чистым человеком, до мозга костей проникнутым чувством долга и любви к родине. Близко познакомился я с ним в бытность его командиром Лейб-Гвардии Драгунского полка, когда я командовал лейб-гусарами. В то время граф Келлер был гетманом поставлен во главе вооруженных сил Украины, и под его руководством были в Киеве начаты добровольческие

формирования, так как правительственные войска, сечевики, внушали мало доверия. [...]

10-го ноября 1918 года гетман всея Украины обратился к украинским гражданам с призывом, – не разжигать огня вражды между разными кругами общества, объединиться в одном чувстве беззаветной любви к родине и помнить, что нарушать в эти дни привычный ход державной жизни, даже с наилучшими намерениями, было бы то же, что подвергать страну не только опасности, но и гибели, так как она находится накануне осуществления правительством созыва державного сейма и земельной реформы.

В тот же день состоялось объявление на военном положении округов Киевского, Полтавского, Черниговского. Командирам корпусов предоставлялись права командующих армиями. Вызвано было это выступление Скоропадского катастрофой немецкой армии на Западном фронте»⁶⁸.

С первых дней Федор Артурович пытался скоординировать свои действия с Добровольческой армией. Признавая необходимым «установления общего фронта и единого командования», он высказал ее представителю ген.-лейтенанту П. Н. Ломновскому некоторые свои особые соображения: «Украина столь тесно связана с Доном и столь зависит от него, что единое командование возможно только включая Дон»⁶⁹. Это категорически не устраивало руководство Добровольческой армии: ведь с участием атамана П. Н. Краснова усилилось бы монархическое начало.

Наконец, согласно плану, одобренному гетманом П. П. Скоропадским и ген. Ф. А. Келлером, в самое ближайшее время предполагалось приступить к формированию особой «Юго-Западной армии». В какой-либо помощи в этом ген. П. Н. Ломновский «категорически отказал».

Офицерские силы удалось собрать только в одном Киеве.

«Союз “Наша Родина” и “Союз обороны”, – писал кн. П. М. Бермонт-Авалов, – объединились и приступили к формированию “отечественных дружин”, которые впоследствии должны были составить корпус»⁷⁰.

«Ища выхода из создавшегося положения, – вспоминал ген. В. Н. Воейков, – отцы города стали привлекать к охране подрастающее поколение, причем было возбуждено ходатайство перед министром народного просвещения о разрешении и учащимся VI-го класса принимать участие в охране города (как тогда говорилось: “лишь до прихода союзных войск”).

Одновременно развивал свою деятельность и генерал Кирпичев, организовавший Киевскую добровольческую дружину и обратившийся к населению с таким воззванием:

Матери, жены и сестры добровольцев просят вас немедленно явиться для записи в один из отделов Киевской добровольческой дружины генерала Кирпичева.

**Героем можешь ты не быть,
Но добровольцем быть обязан.**

Воззвание это раздавалось на улицах Киева в летучках, а в газетах печатались условия и пункты приема в Киевскую добровольческую дружину, причем сообщалось, что «Общество помощи добровольцам» и «Центральный военно-общественный совет помощи добровольческим дружинам», обладая в настоящее время значительными денежными суммами, широко идут навстречу в деле оказания помощи раненым и убитым добровольцам и их семьям»⁷¹.

«По количеству бойцов, – писал полк. В. С. Хитрово*, – дружина едва ли превосходила полк, но начальник ее пользовался правами командира корпуса и у него был многочисленный штаб. Дружина делилась на пять отделов: личный состав почти исключительно – офицеры. Отделы эти расположены в разных частях города, имея первоначальной задачей охранение внутреннего порядка, и не предназначались для операций вне города. [...] Вооружение состояло из винтовок с достаточным количеством патронов и нескольких пулеметов. Артиллерии в дружине Кирпичева не было совершенно. [...]

Через несколько дней после принятия мною первого отдела положение в Киеве стало угрожающим. Петлюровцы подошли к городу почти вплотную, и я получил приказ, оставив на Подоле лишь нужное число офицеров для окарауливания помещения, выступить с отделом. Противник подходил с запада от Фастова, главным образом вдоль железной дороги. [...] Добровольческие дружины занима-

* *Владимир Сергеевич Хитрово* (1891–1968) – окончил Пажеский корпус (1910). Участник Великой войны. Полковник Л.-Гв. Конной артиллерии. Георгиевский кавалер. Командир 1-го отдела Офицерской дружины ген. Кирпичева в Киеве (с 3.11.1918). С января 1919 г. в Вооруженных силах Юга России. Эвакуирован из Новороссийска. В эмиграции во Франции. Скончался в Париже. – *С. Ф.*

ли фронт перед Киевом полукругом, оба фланга которого упирались в Днепр. [...] Но, говоря о боевых действиях того времени, нужно иметь в виду, что они не имели ничего общего с настоящей войной. “Фронта”, в общепринятом смысле этого слова, не было. Была гражданская война, где противник мог находиться за каждым углом и где подчас его нельзя было ожидать.

Выступили мы с Подола в четверг 8 ноября. Путь предстоял длинный. Шли пешком. Ночь была ясная и морозная. [...] В полночь прибыли мы в указанную нам деревню, Большую Братскую, где находился штаб сердюков, которых мне надлежало сменить. [...]

Как-то вдоль линии железной дороги предпринята была попытка наступления, из которого ничего не вышло, несмотря на выезд на передовые позиции главнокомандующего генерала графа Келлера со штабом»⁷².

Речь идет о так называемой Сердюцкой дивизии – своего рода гвардии «Украинской Державы». Формировалась она из сыновей мелких землевладельцев (поддержавших некогда гетмана). Это были плохо обученные 19-летние юноши. Как и прочие «украинизированные» части, сердюки были очень ненадежны. Некоторые из них, бывали случаи, по несколько раз переходили из гетманской армии в петлюровскую и обратно⁷³.

Один из переживших это время в Киеве впоследствии писал: «"Мальчики в касках", как шутя называли в Киеве добровольцев, вели себя геройски, не говоря уже о командном составе. Ведь исключительными в военной истории являются случаи, когда главнокомандующий сам водил бы в атаку войска, как то сделал гр. Келлер, объезжая фронт Сердюцкой дивизии. Сердюки, эти молоденькие мальчики, необученные, необстрелянные, имевшие смутное представление о рассыпном строе и сбившиеся в толпу, когда попали под пулеметный огонь, не только перешли в наступление, но и потеснили сечевых стрельцов – пришедших из Галиции ветеранов последней войны – и захватили 4 орудия. Граф Келлер, опираясь на палку, шел в цепи»⁷⁴.

В строевых гетманских частях на позициях под Киевом были выданы продукты, водка, деньги. «Усталые офицеры, – писал участник этой эпопеи, – только что прочли приказ командующего войсками генерала Келлера: “если не можешь пить рюмки – не пей; если можешь ведро – дуй ведро”, и конечно “дуют ведро”, закусывают и неистово ругают матерными словами переполненные штабы и своих начальников. Пьяны почти все»⁷⁵.

* * *

В первых числах ноября под Киевом произошло событие, заставившее киевлян содрогнуться.

9 ноября около полудня, писал полковник В. С. Хитрово, сменивший с офицерами 1-го отдела дружины Кирпичева сердюков на позиции, «пришло драматическое донесение. За сараем, на северной окраине Борщаговки, найдены тела наших расстрелянных офицеров, причем последние были раздеты, а некоторые настолько изуродованы, что нельзя их опознать. Не только разбиты черепа, но вспороты были животы и вырваны целые куски мяса. Впечатление создавалось такое, что их грызли собаки. [...]

Весть о случившемся разнеслась по всему Киеву, как всегда в таких случаях с огромными преувеличениями, и меня стали осаждать просьбами о справках. Убитые офицеры были привезены в штаб Кирпичева, оперативная связь которого помещалась в поезде у поста Вольнского, и здесь с них сняты были фотографии. Снимки эти я, конечно, видел, – они были ужасны... [...] Было сильное подозрение, что убийство – дело рук местного населения»⁷⁶.

Одним ноябрьским утром, вспоминал Р. Гуль, Киев «облетела весть: из Софиевской Борщаговки привезли вагон с 33 трупами офицеров. На путях собралась толпа, обступили открытый вагон: в нем навалены друг на друга голые, полураздетые трупы с отрубленными руками, ногами, безголовые, с распоротыми животами, выколотыми глазами... некоторые же просто превращены в безформенную массу мяса.

Это жертвы крестьян Софиевской Борщаговки. Получив сведения из штаба, что деревня свободна, и приказ занять ее – отряд офицеров вошел в Софиевскую Борщаговку. На расспросы – крестьяне отвечали, что никого нет. На самом же деле деревня была занята петлюровцами. – Отряд разместился по хатам. Их захватили. И расстреляли. А крестьяне вылили свою ненависть к “гетьманцам” в зверском изуродовании тел...»⁷⁷

«Как теперь помню, – вспоминал донской посланник в Киеве, – торжественные похороны 33 офицеров-добровольцев... [...] Над ними после убийства надругались; их привезли обезображенными, нельзя было узнать лица. Их отпевали во Владимирском соборе, гробы были завалены венками. От посольства я возложил венок с надписью: “Поборникам за Святую Русь. Последний привет от донцов”»⁷⁸.

*Смокли трубы
Доброй ночи –
Вам, разорванные в клочья –
На посту!**

Страшен и тяжок меч гражданской войны. Когда в ноябре 1917 г. ген. А. М. Каледин въезжал в освобожденный от большевиков Ростов, жители встретили его бурными рукоплесканиями. «Не надо аплодировать, господа, – остановившись, сказал генерал. – Ведь пролилась братская кровь»⁷⁹.

КОГДА ПАНЫ ДЕРУТСЯ...

Именно это вероломное убийство русских офицеров было поворотным пунктом во взаимоотношениях гр. Ф. А. Келлера с гетманской властью. Рассказывали, что возмущенный зверством граф высказался о переходе к нему всей полноты власти вплоть до восстановления монархии. Это насмерть перепугало сменившего политическую ориентацию гетмана¹.

«Прямой и твердый в своих путях граф Келлер, – вспоминал современник, – принялся за дело и как только убедился в том, что при наличности полного предательства в военном министерстве и отсутствии какой-либо правильной организации в украинской армии рассчитывать на какой-либо успех в вооруженной борьбе даже с бандами Петлюры очень трудно, начал определенно говорить и думать о необходимости спасти хотя русское офицерство и сохранить его для будущей работы. Для этой цели граф хотел вывести верные войска на Дон, на соединение с донскими казаками и формировавшимися там русскими [монархическими] армиями»².

Что касается предательства, то оно в правящих структурах «Украинской Державы» было не только повсеместным и всеобщим, но еще и разрозным.

«Штаб генерала гр. Келлера, – писал кн. Е. Н. Трубецкой, – имел в руках положительные доказательства, что через головы армии из гетманского дворца велись какие-то тайные переговоры с Петлюрой»³.

* М. И. Цветаева. Лебединый стан.

О «попытке переговоров с Петлюрой» Скоропадского писал донской посланник ген. А. В. Черячукин: «Французский консул Мулен был послан гетманом [29 ноября] 12 декабря к Петлюре для выяснения возможных соглашений»⁴.

«От щирости, – писал в дневнике литератор В. А. Амфитеатов, – закокетничали даже с Винниченко, которого принял гетман. Любопытно, о чем пан Павло разговаривал с этой продажной тварью, политической б... на содержании Вены»⁵.

В своих «путевых заметках беженца» кн. Е. Н. Трубецкой передает современные слухи, ходившие вокруг этого события: «Когда гетман отстранил от командования войсками генерала графа Келлера только потому, что этот прямой и честный человек был ему удобен, когда разнеслась в рядах весть о тайных переговорах Скоропадского с Петлюрой, добровольцы стали задаваться вопросом, для кого и для чего они жертвуют жизнью – ради России или ради гетмана, который, быть может, их предаст. Иные говорили: да стоит ли сражаться при таких условиях. Было и начало заговора; среди офицеров была партия, которая требовала низвержения Скоропадского и передачи полноты власти графу Келлеру»⁶.

* * *

Причины этих противоестественных, на первый взгляд, контактов следует искать в особой, весьма туманной, области.

«В агитационных листовках дней борьбы за Киев, – пишут современные историки, – использовалось и обращение к масонской фразеологии. Петлюра и Винниченко являлись масонами довольно высокого ранга в их ложе, гроссмейстер которой был личным секретарем Скоропадского. Но пресловутое масонское братство не помогло контактам между враждовавшими политическими лидерами национального движения»⁷. Вывод, думается, все же излишне категоричный. Стоит только обратить внимание на то, как необычно гетманом была сдана власть, о чем далее...

Характерной чертой политики гетмана, по мнению историков самых разных направлений, были, как известно, «двойственность», «колебания», «неустойчивость», «неискренность». При этом диктовались они не только сложившимися внешними обстоятельствами, но и присущими ему личными чертами. Советские историки (с точки зрения классовых отношений) характеризовали режим, установленный гетманом, как «реставрацию монархии со ставкой на крупных землевладельцев, буржуазию и немецкие штыки»⁸. Договори-

вались даже до утверждения о том, что Скоропадский был убежденным монархистом и законченным консерватором.

Особого разговора в этом смысле заслуживает переписка ген. П. П. Скоропадского с супругой в первые дни после февральского переворота 1917 г. На неподготовленного читателя она производит прямо-таки ошеломляющее впечатление.

А. П. Скоропадская (7.3.1917): «Я больше всего теперь страдаю и переживаю людскую низость, подлость и трусость. Я извиняю всех, без исключения, которые ради известной идеи, которая кажется им правильной, жертвуют своей жизнью, положением и т.п. Но презираю тех глубоко, которые сами всю жизнь ничего не делали особенного, пользовались для себя и своих личных выгод Государем, Его режимом и существующими порядками, а в трудную минуту не только от Него отвернулись, но Его предали, отреклись и даже окатывают грязью. Сознаюсь, я счастлива за себя и детей, что ты не в Гвардии и не в Свите, а просто армейский офицер, исполняющий свой долг перед родиной на фронте. Но все-таки мы не должны были забыть того, что служили верой и правдой Государю, и что Он это все-таки оценил»⁹.

А. П. Скоропадская (9.3.1917): «То, что называется “порода”, себя показало за это время. Лицемерило годами, пресмыкалось, а потом от всего, что считалось недавно святым, отвернулось сразу и теперь все поносит, но как, ты не можешь себе представить, как выражаются о Царе и Его Семье, и о всем, что Его окружает. Громко говорят: пьяница, развратница, шпион и шпионка, недостаточно, что отрекся, надо судить, не отпускать в Англию, доберемся до них и расправимся»¹⁰.

Даже прожив много лет с мужем, Александра Петровна была, думается, поражена ответом, который она вскоре получила. Написан он был отнюдь не в расчете на посторонние глаза, ибо вся переписка велась исключительно через верных людей, а не по почте. Итак...

П. П. Скоропадский (12.3.1917): «Все эти господа Родзянко, Львов, Гучков, Керенский и компания благоразумные люди, и мы, и вся Россия должны благодарить судьбу, что власть захвачена ими, и дай Бог нашей многострадальной Родине, чтобы они удержались у власти. [...] Государь и Александра Федоровна, о которой, я сознаюсь, не могу теперь без отвращения вспоминать, сами виноваты. Государь – бедный Государь, по свойственной ему безхарактерности, а Александра Федоровна по многим другим причинам, главное, по ее желанию властвовать и самомнению, несомненно, она является главной причиной наших несчастий. [...]

...Думаю, что у нас не будет конституционной монархии, вернее всего у нас будет республика и очень либеральная, главная причина этого – отсутствие кандидата на престол. Романовы всем осточертели... [...] Если удержится теперешнее правительство, все пойдет эволюционным путем на славу и благоденствие России, если же правительство провалится, власть перейдет в руки толпы, и начнется анархия, которая быстро выродится в какую-либо форму диктатуры самой деспотической. Это несомненно так, воспитывай своих детей в либеральном, но честном культурном направлении, не пережевывай старое, оно ушло, иди не с толпой, но с лучшими разумными людьми государства... [...] Если в данное время остановиться, ты духовно пропадешь. *Эволюционируй и быстро.* Я здесь все время проповедую офицерам быть в этом смысле на высоте положений, а то, если стоять на месте, жизнь их захлестнет и командование уйдет из рук, и мы очутимся в руках анархии, да еще солдатской. А кроме того, теперь во главе России действительно стоят лучшие люди, и за ними нужно идти. [...]

...По-моему, монархии не будет, а будет республика, меня очень удивило бы противное, разве что крестьянство не разберется, в чем дело, и потребует Царя. [...] Если ты хочешь спасти свою семью от полного крушения, живи, будь в курсе всего, поспевай за жизнью, привыкай к новым здоровым взглядам, борись на два фронта: с старыми понятиями, уже отжившими, и с новыми слишком крайними, иногда просто бессмысленными. [...]

Данилке нужно учиться по-малороссийски (украински), я тоже купил себе книгу и собираюсь, может быть, сделаться украинцем, но должен сказать по совести, не особенно убежденным, во всяком случае [...] я совсем не собираюсь зарыться и оплакивать прошлое, а принять в той или иной форме живое участие в общественной жизни, конечно, трудно сказать теперь, где и в какой форме»¹¹.

В следующем письме генерал еще раз намекает на свою будущую роль: «...Я энергичен и ловок, и сумею исполнить свой долг с тактом»¹².

Итак, республиканские взгляды Павла Петровича не подлежат ни малейшему сомнению. «...Я совершенно не верю в возможность восстановления России прежней, – писал он и позднее, в конце 1919 г. своему знакомому, – а считаю, что она должна быть по национальностям автономна, т.к. снова создавать эту Россию, единство которой опиралось бы только на штыки и жандармерию, невысказано и нежелательно»¹³.

Из акта отречения Императора Скоропадский делал далеко идущие выводы. По мнению генерала, это не только освободило его от личной присяги, данной Императору, но и всю Малороссию сделало свободной от Переяславской присяги 1654 г. Царю Алексею Михайловичу. Как он считал, она была ничем иным, как актом личной династической унии Великой и Малой России¹⁴.

С этими политическими воззрениями П. П. Скоропадского, несомненно, тесно связаны отношения его к Русской Православной Церкви, России и великорусскому народу, как народу державообразующему.

Но об этом опять-таки лучше всего судить по его собственным высказываниям:

(1919): «...Без искреннего сожаления я не могу смотреть на то, во что обратилась наша Церковь из-за возмутительной политики, которую вела старая правительственная Россия по отношению к ней. Вера задушена, все живое, светлое в нашей религии убито, осталась какая-то мертвяще холодная обрядовая сторона. Во главе Церкви стояли и стоят до сих пор чиновники. Я знаю, что патриарх Тихон – выдающийся человек по своему уму и духу, но он далек нам, украинцам, а главное, между нами и им барьер в лице тех же прежних архиереев и всех их присных»¹⁵.

(21.3.1921): «...Я решительно не желаю быть в Украине, которая получала бы приказания из Москвы»¹⁶.

(30.6.1921): «...Я положительно того мнения, что русских людей, допускающих *честно* не только федеративную Украину, но Украину хотя бы с некоторой культурной автономией, почти нет, да и те принадлежат не к разряду людей волевых и людей действия, а так себе, идеалисты, гуманисты, которые живут вне действительности и поэтому в разрешении этого вопроса не играют никакой роли»¹⁷.

Следует признать, что письма супруга оказали определенное влияние на мировоззрение и самой А. П. Скоропадской.

А. П. Скоропадская (18.3.1917): «Я лично не могу простить Александре Федоровне то, что своей *maniére d'agir** она так опозорила своих несчастных девочек. [...] Все слои, без исключения, одного мнения об Александре Федоровне. Признают ее виновной во всем, Его же скорее презирают и даже жалеют. [...] Но оставим их. Возмездие за все уже есть и будет еще»¹⁸.

* Манерой действовать (*фр.*).

Процитированный нами выше фрагмент письма П. П. Скоропадского супруге от 12 марта 1917 г. не лишен известного предвидения, что противоречит широко распространенным представлениям о генерале как о человеке недалеком. Однако вряд ли стоит из одной крайности сразу же кидаться в другую. Ведь следует, например, учесть причастность Скоропадского масонскому братству, не только хорошо информированному, но и в известной мере *управлявшему процессом*. «Очевидно, – писал Скоропадский уже 4 апреля, – мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов, в конце концов жизнь, может быть, улучшится, но на 50 лет мы и наши дети будем обречены на тяжелую жизнь. Я хотел бы, чтобы ты видела кого-нибудь серьезного, имеющего доступ к вожакам движения рабочего»¹⁹.

Достоверно известно о том, что Скоропадский задолго до революции состоял в нескольких масонских ложах России: ложа «Нарцисс» (Киев), ложа «Св. Андрей Первозванный» (Киев), ложа «Данте Алигьери» (Одесса)²⁰.

Таким образом, еще до февральского переворота 1917 г. в одной ложе он был вместе со своим личным секретарем С. К. Маркотуном²¹, а в другой – с С. В. Петлюрой²². Но оказывается, что Петлюра, Винниченко и Скоропадский вообще входили в одну ложу, гроссмейстером которой был Маркотун. Называлась ложа «Молодая Украина». Об этом отлично знал глава французской миссии ген. Табуи, в своих официальных донесениях в Париж называвший Скоропадского, с которым 3 января 1918 г. в Киеве в ресторане гостиницы «Континенталь» вел переговоры, руководителем «младоукраинской партии»²³.

Не случайно, конечно, «краткий расцвет» мартинистских масонских лож, согласно официальной масонской истории (записка Л. Д. Кандаурова), произошел «на Юге России, в эпоху правительства Скоропадского, который был весьма деятельным франк-масоном, посвященным в 1915 году в военной ложе, действовавшей на русском Юго-Западном фронте и принадлежащей к юрисдикции московского центра»²⁴.

Сам Скоропадский в воспоминаниях пытался отрицать принадлежность свою масонству («в ложе бывал, но обряд не принимал»), сводя все свои масонские связи к необходимости установить этим путем прямую связь с «союзниками»²⁵.

Любой исследователь, изучающий историю гетманства, не может обойти вниманием личность С. К. Маркотуна (1890–?), «интересного своей ролью в событиях последующих лет и практически не разьясненной до

сих пор. Его положение гроссмейстера вольных каменщиков делало его одним из самых влиятельных людей. А связь будущего гетмана с масонами стала очевидным фактом»²⁶.

Личность Сергея Константиновича действительно была незаурядная. Родился он в Петербурге в семье доктора медицины. Учился на историко-филологическом факультете университета Св. Владимира в Киеве. Был адвокатом, полицейским чиновником, затем присяжным поверенным Киевского округа. Сразу же после февральского переворота 1917 г. Сергею Константиновичу был доверен, в известной мере, ключевой пост комиссара по железным дорогам на Украине. Совместно с П. П. Скоропадским Маркотун участвовал в создании «Вольного казачества». В 1917 г. им была основана франкофильская организация «Молодая Украина». После прихода к власти Скоропадского Маркотун стал его личным секретарем. Будучи противником независимости Украины, Сергей Константинович был инициатором грамоты гетмана о федерации Украины и России. Его друзья «с некоторой таинственностью уверяли», что особенностью ума Маркотуна была способность «ловко маскировать свои исключительные умственные способности, чтобы не слишком выделяться»²⁷. Именно он помог бежать гетману из Киева в декабре 1918 г.

С 1919 г. С. К. Маркотун жил в Париже. Основал там Украинский национальный комитет, в июле 1920 г. став его председателем. При этом Сергей Константинович установил отношения с ген. П. Н. Врангелем.

Недоумение, а потом и скандал в эмиграции вызвало обращение С. К. Маркотуна к председателю СНК и наркому иностранных дел Украины Х. Г. Раковскому (1873–1941) с признанием советской власти на Украине и предложением сотрудничать с ней. В июне 1922. Маркотун выступил против иностранного вмешательства в украинские дела. Встретившись с Раковским в Генуе, Маркотун перешел по существу на советскую платформу. (Напомним, что Раковский был также масоном²⁸.) Результатом этого общения стала поездка Сергея Константиновича по дипломатическому паспорту в Харьков. По возвращении в Париж он основал Франко-украинскую группу, а также установил тесные связи с монархистами. Маркотун не без основания подозревался эмигрантами в сотрудничестве с ОГПУ²⁹.

Несомненно, что С. Н. Маркотун являлся масоном высокого посвящения. Даже согласно собранным отрывочным сведениям известно, что он был председателем основанной в 1912 г. Папюсом в Киеве мартинистской ложи «Св. Владимир Равноапостольный»³⁰; организатором целого ряда украинских масонских лож, в том числе и за границей³¹.

Документально установлено, что Маркотун состоял, по крайней мере, в десяти масонских ложах: ложа «Нарцисс» (Киев), ложа «Семен Гамалея к кубическому камню» (Москва), капитул «Астрея» (союз Верховного Совета Франции, Париж), ложа «Астрея» (союз Великой ложи Франции, Париж), группа «Добрый Самаритянин» (Париж), объединение славянских масонов во Франции (Париж), ложа «Братство народов» (Париж), капи-

тул «Милосердная дружба» (Париж), ложа «Фивы» (Париж). Созданное в начале 1920 г. в Париже объединение славянских масонов, секретарем которого был Маркотун, должно было «подготовить за время беженства русское общество во всех его слоях к образованию надежных и численно значительных кадров послушных братьев для выполнения дальнейших масонских вождедений относительно России»³².

Такова была «масонская аура» гетмана Скоропадского, способная объяснить некоторые «странности» его правления. Однако, как справедливо в свое время отмечал еще Л. Н. Толстой, «чем более мы стараемся разумно объяснить эти явления в истории, тем они становятся для нас все неразумнее и непонятнее»³³.

Суть конфликта гр. Келлера со Скоропадским также до сих пор во многом остается не ясной. «Так, для меня осталось много неясного и непонятного, – писал близкий Гетману журналист, – в истинных причинах смены главнокомандующего гр. Келлера...»³⁴

«...При всех своих достоинствах, – писал знавший Федора Артуровича еще по Великой войне ген. А. В. Черячукин, – этот самородок в военном деле не терпел никаких советов и противоречий, и в этом отношении он был невозможен и тяжел; он был далек от всякой политики и дипломатии и шел напрямик, вот почему с первых же дней своего назначения он пошел вразрез и с Советом министров, и с гетманом, и с немцами, которых он, несмотря на свою немецкую фамилию, не любил.

– Они думают, что я буду слушать все их глупости, – говорил он мне. – Раз я назначен, я сам буду распоряжаться, а не ожидать, что они мне позволят и с чем согласятся.

Еще до приказа о его назначении, он заехал ко мне и спрашивал совета, кого ему взять к себе в начальники штаба. Зная хорошо графа, я откровенно заявил ему, что об этом нужно подумать, так как нужно подобрать человека не только трудоспособного, энергичного и дипломатичного, но еще нужно считаться с характером Главнокомандующего.

– Так вы никому не посоветуете идти ко мне? – со смехом добродушно ответил граф.

Я посоветовал ему Н. Н. Головина, но ввиду несогласия он взял себе генерала Ельшина.

Самостоятельность графа Келлера настроила быстро против него всех министров. Явилась боязнь его диктатуры. Некоторые видели его уже на месте гетмана и потому уже [14/]27 ноября граф Келлер был замещен князем Долгоруким»³⁵.

Даже герцогу Г. Н. Лейхтенбергскому, придерживавшемуся довольно правых взглядов, монархизм графа Келлера претил. «К несчастью, – писал он в воспоминаниях, – прекрасный и храбрый генерал Келлер был весьма близоруким политиком. Его мысли были прямы, но узки, и он не замедлил злоупотребить своими полномочиями в смысле определенно монархическом...»³⁶

«Келлер был отставлен за то, – вполне определенно писал внимательно следивший за ситуацией в Киеве П. Н. Милоков, – что приготовился опубликовать манифест о введении монархии в России»³⁷.

«...После германской революции, – писал в другом месте своих мемуаров герцог Г. Н. Лейхтенбергский, – уже когда Скоропадский открыто признал русскую ориентацию и дал графу Келлеру почти неограниченные правомочия в организации русских сил, характер графа Келлера очень быстро сказался превышением данной ему гетманом власти, и на 5-й уже день Скоропадскому пришлось уволить его от должности Главнокомандующего, заменив его князем Долгоруким»³⁸.

«...Гетманское правительство, – приходил к заключению служивший при Скоропадском в Министерстве внутренних дел Н. Д. Тальберг, – испугалось определенности и решительности действий графа Келлера»³⁹.

«Придравшись к его знаменитому приказу по Северо-Западной армии, – писал, имея в виду “Призыв старого солдата”, очевидец, скрывшийся под псевдонимом Мглинский, – где определенно проводился монархический принцип и в котором, между прочим, участникам похода даны были обещания относительно забот по обеспечению их и их семей в будущем землей, гетман и его правительство постаралось от него избавиться»⁴⁰.

В воспоминаниях современников имеются данные о том, что вопрос о смещении гр. Келлера с поста главнокомандующего был поднят небезызвестным министром и масоном И. А. Кистяковским, лично связанным с ген. Деникиным. Опасность он усматривал в том, что граф-де «хотел подчинить своим распоряжениям действия правительства»⁴¹.

«Первые же шаги диктатора, – так называет гр. Келлера ген. Деникин, – и “Совета обороны” привели в большое беспокойство украинское правительство. И 13 ноября к графу Келлеру по поручению правительства явились министры Афанасьев и Рейнбот и заявили ему, что он неправильно понимает существо своей власти: ему не

может быть подчинена власть законодательная, какую до созыва Державного сейма является Совет министров; что граф Келлер в своих воззваниях говорит об единой России, игнорируя вовсе украинскую державу, тогда как правительство “стремится к созданию Украинского федеративного государства и от этой своей программы для воссоздания целой и неделимой России отказаться не может”*.

Граф Келлер предъявил ультимативное требование полноты власти и в тот же день получил гетманский приказ о своей отставке и о назначении его заместителем генерала князя Долгорукова.

В своем прощальном приказе Келлер объяснял свой уход двумя причинами: “1) могу приложить свои силы и положить свою голову только для создания Великой, нераздельной, единой России, а не за отделение от России федеративного государства; 2) считаю, что без единой власти в настоящее время, когда восстание разгорается во всех губерниях, установить спокойствие в стране невозможно”.

И хотя по существу ничего не изменилось, так как у кормила власти остался тот же блок, возглавленный князем Долгоруковым – председателем военной монархической партии и товарищем председателя “блока”, – но политическая неразбериха усилилась еще более...»⁴²

В своих воспоминаниях ген. А. И. Деникин задним числом маскирует свое собственное весьма острое недовольство гр. Ф. А. Келлером. Ведь в одном из первых своих приказов Федор Артурович писал:

«До сведения моего дошло, что некоторые из призванных, как офицеры, так и унтер-офицеры, отказываются принимать участие в подавлении настоящего восстания, мотивируя это тем, что они считают себя в составе Добровольческой армии и желают драться только с большевиками, а не подавлять внутренние беспорядки на Украине.

Объявляю, что в настоящее время идет работа по воссозданию России, к чему стремятся: Добровольческая, Донская, Южная, Северная и Астраханская армии, а ныне принимают участие и все вооруженные силы на территории Украины под моим начальством.

На основании этого все работающие против единения России почитаются внутренними врагами, борьба с которыми для всех обязательна, а не желающие бороться будут предаваться военно-полевому суду как за неисполнение моих приказов»⁴³.

* Из приказа графа Келлера от 14 ноября

Этот приказ разоблачал и одновременно сводил на нет до сих пор считавшуюся неуязвимой подкованную политику «белых вождей». Одновременно Федор Артурович оказался неприемлемым и для «Украинской Державы», и для немцев, и для тех, кто мнил себя монархистами.

ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ

Итак, генерала Келлера сменил князь Долгоруков. По словам современников, последний «не пользовался у населения абсолютно никаким доверием, объявленная же им всеобщая мобилизация вызвала лишь взрыв возмущения. [...] ...Много было ловких людей [...], записавшихся сразу в несколько отрядов и отовсюду получавших деньги и обмундирование (чтобы потом продать его на Еврейском базаре)... [...] По официальным данным, печатавшимся в газетах, процент неявившихся не превышал 22-25%, но – увы! – это были лишь официальные данные, – ни в одном призывном участке не явилось более 40-45% призванных. [...] Однако и тем немногим, что были мобилизованы, воевать не пришлось – регистрация еще не была закончена, объявлены были дополнительные сроки явки – Киев пал»¹. Деятельность князя была не только слишком кратковременна, но еще и крайне безцветна.

По словам ген. А. И. Деникина, он «с первых же шагов проявил враждебное отношение к Добровольческому центру, стремясь устранить всякое вмешательство его в дело формирования вооруженной силы»². Такое отношение было более чем обоснованно: даже судя по воспоминаниям ген. Деникина, представители Доброармии пытались обернуть тяжелейшую ситуацию, возникшую в Киеве, в свою пользу. В ночь на 23 ноября князь Долгоруков вызвал к себе ген. П. Н. Ломновского и заявил ему буквально следующее: «В дружинах Святополк-Мирского и Рубанова бунт. Там чуть ли не открыто говорят, что меня надо арестовать. Долг службы вынуждает меня арестовать вас. Я человек решительный»³.

Среди офицерских дружин (включавших и учащуюся молодежь), формально переданных Добровольческим командованием в распоряжение гетмана, муслировались провокационные вопросы: нужно ли защищать власть гетмана и «Украинской Державы», следует ли защищать гетмана от Петлюры? И это была отнюдь не самодеятельность. «Деникин, – писал П. Н. Милоков, – еще до восста-

ния прислал приказ офицерам Добровольческой армии – не вмешиваться. Этот приказ послужил основанием для Ванновского (представитель Добровольческой армии в Киеве) приказать офицерам держать *нейтралитет* в столкновении петлюровцев с гетманом»⁴.

Близкий добровольцам Союз возрождения России вообще выпустил воззвание «против гетмана, требуя создания “демократической объединенной власти на Украине” и предостерегая от оказания помощи гетману»⁵. В киевских казармах и на позициях близ города «царило подавленное унылое настроение. Люди жили в области фантастики и нервирующих слухов»⁶.

Между тем, вспоминали очевидцы, «настроение правящих кругов продолжало оставаться по-прежнему бодрым. Газеты были полны известий о победах над петлюровскими бандами, сообщениями о приближении союзников. Из разных штабов передавались самые бодрящие слухи, а канонада становилась все слышнее и слышнее...»⁷ Скоропадского же за глаза уже называли «гетманом города Киева без окрестностей».

Уже на следующий день после отстранения гр. Келлера, 15/28 ноября германский совдеп заключил с повстанцами перемирие. Однако некоторые петлюровские атаманы ставили эту договоренность ни во что. «Если в течение четырех дней вы не покинете Николаева и Долинской, – телеграфировал совету солдатских депутатов германской дивизии атаман Григорьев, – то ни один из вас не увидит своей родины: при первом же движении вы будете уничтожены бесследно как мухи»⁸.

Но «в мятущейся солдатской массе шла, – по словам ген. А. И. Деникина, – внутренняя борьба анархического мятежного начала с врожденной дисциплиной немецкого ума и духа, не позволившей переступить ту последнюю грань, за которой начинается самоубийство армии и нации. Германская армия перестала существовать, но осталась все же вооруженная сила, хотя и не желавшая больше воевать, но достаточно еще крепкая и организованная, чтобы в минуту отчаяния проложить себе путь на родину»⁹.

За несколько дней до падения Киева, писал очевидец, немцы «снова выступили против войск Директории. Причиной, побудившей их взяться за оружие, было то, что при всем образцовом порядке, царствовавшем в тылу у Петлюры, Директория все же не могла наладить эвакуации германских войск, и немецкие эшелоны подвергались задержкам, обыскам, а зачастую и вовсе не пропускались через фронт. Кроме того, кое-где петлюровцы сами начинали дейст-

вовать против немцев, и нередко были случаи, когда небольшие немецкие отряды бывали разоружены повстанцами. Все это вместе и повело к тому, что довольно значительный отряд немецких войск, составленный из всех родов оружия, повел наступление по линии железной дороги Киев – Сарны»¹⁰.

«30 ноября, – писал начальник 1-го отдела офицерской дружины полк. В. С. Хитрово, – в деревню мою прибыла и в ней расположилась немецкая кавалерия. Цель ее прибытия заключалась в том, чтобы оградить Киев от вторжения петлюровских банд, что достигалось одним фактом присутствия немцев на линии фронта. Появление на больших сытых конях всадников, прекрасно одетых и вооруженных, произвело на нас большое впечатление, и рядом с ними мы ярко ощущали свое бессилие и бедность нашего вооружения»¹¹.

На петлюровцев германская кавалерия действовала отрезвляюще.

«30 ноября в Казатине, – вспоминал А. И. Деникин, – между германским командованием и петлюровским штабом был заключен второй договор, в силу которого немцы обязались не препятствовать вступлению в Киев войск “Украинской народной республики”. [...] Когда немецкие батальоны, прикрывавшие Киев, прошли сквозь расположение киевских дружин, все поняли, что наступил конец»¹².

Немцы, единственная реальная опора режима гетмана, оставляли позиции. «С грохотом, шумом, криками скакали немецкие пулеметчики и кавалеристы...

– Wohin? Wohin? – кричали им вышедшие офицеры.

– Nach Hause! Nach Hause! – смеются, машут руками немцы»¹³.

Уезжая в поданных петлюровцами железнодорожных эшелонах, немцы сдавали мятежникам оружие.

«Вопрос решили немцы»¹⁴, – подтверждал ген. А. И. Деникин. Но сам в другом месте своих воспоминаний писал, что французский консул Энно «с согласия русских общественных деятелей 25 ноября вступил в переговоры с Директорией». Ровно через три дня после этого (28 ноября) представители Петлюры на переговорах с германским командованием заявили «колебавшимся еще немцам»: «Украинское республиканское правительство самостоятельно ведет переговоры с уполномоченными представителями Антанты, и на этом основании оно может заявить, что немецкая армия не имеет повода препятствовать вступлению украинско-республиканских войск в Киев»¹⁵.

В самый день заключения немцами договора с петлюровцами (30 ноября) «в киевских вечерних газетах появилось сообщение, оправдывавшее уход немецких войск, прикрывавших Киев, тем обстоятельством, что державы Согласия “признали Директорию и позволили ее войскам занять Одессу...”»¹⁶.

Так что непосредственной причиной сдачи Киева петлюровцам были вовсе не немцы, а «союзники»; уход же германских войск диктовался условиями перемирия Германии с теми же союзниками на Западном фронте.

Петлюровцы обложили Киев со всех сторон, используя полученную от немцев тяжелую и полевую артиллерию.

Киев не имел никакого тыла и легко мог быть лишен подвоза провианта.

Стояли необычные для этих мест морозы, с небывалой силой свирепствовал ветер.

«...От орудийной пальбы порой в Киеве дрожали стекла, настроение все повышалось, цены на продовольствие из-за отсутствия подвоза безудержно росли, вызывая раздражение, и страх все больше расплзался по городу. Все боялись погромов, т.к. знали, что вместе с петлюровскими “бандами” идут толпы баб и мужиков грабить “панів та офіцерів”. Говорили, что за боевой линией петлюровцев стоят сотни крестьянских подвод – специально для вывоза “буржуйского” добра»¹⁷.

Вернувшись из своего уже описанного нами успешного похода в Житомир, ген. В. А. Кислицин, по его словам, «узнал тревожные новости: под Киевом дела были очень плохи. Мне было приказано пойти на соединение с украинской армией, стоящей под Киевом. Кроме этого я, к моему большому огорчению, узнал, что ген. граф Келлер отказался от командования и передал свою должность князю Долгорукому. С уходом графа Келлера военные дела Украины пошли очень неудачно.

Я со своими частями, во исполнение полученного приказа, пробился к Киеву и присоединился к корпусу, которым командовал доблестный командир и честный патриот – Генерального штаба генерал-лейтенант Волховский.

На Киев надвигались петлюровские орды. Я занял позицию под Киевом у Куреневки. Недалеко от меня стояла украинская гвардия – сердюки. Это была лучшая дивизия Украины. Но и она была немногочисленна по составу бойцов, как и все части того времени.

В тылу у нас был многолюдный город, в котором находилось много военных и способных носить оружие мужчин, уклонявшихся от службы в украинских частях. Всем им грозила страшная опасность в случае занятия Киева петлюровцами. Среди этих уставших от войны и шкурничающих людей мы вели энергичную агитацию за усиление фронта. Весь Киев был заклеен прокламациями.

Мы призывали всех идти с нами на защиту последних пядей Украины, на защиту жизни своих близких. [...] Но ничто не помогло. Люди оставались равнодушными и предпочитали служить офицiantами в многочисленных ресторанах и ждать, когда придут петлюровцы и поставят их, как баранов, “к стенке”... [...]

Наиболее отзывчивой к нашим призывам была молодежь: юнкера, кадеты, семинаристы. Им навсегда и неотъемлемо принадлежит почетная страница истории гражданской войны. На этой странице должна быть отмечена беззаветная доблесть и самоотверженность нашей учащейся молодежи. Им принадлежала честь последних выстрелов и последних боев за наше погибающее Отечество. Жертвы, принесенные нашей молодежью, были многочисленны и страшны. [...]

Чем дальше затягивалась оборона Киева, тем больше суживалось кольцо вокруг этого обреченного города. К противнику все время подходили новые и свежие подкрепления, а мы, к стыду нашему, таяли все больше и больше.

В начале декабря противник начал напрягать все свои силы, чтобы захватить Киев. Бой шел три дня под самым городом. Мы доблестно отражали все атаки, но наши ряды редели. Число убитых и раненых возрастало, а притока пополнений почти не было. Катастрофа была неминуема. И действительно, в конце концов, наши силы не выдержали. Петлюровцы прорвали украинский фронт на направлении к Святошину...»¹⁸

С этого времени для описания событий в нашем распоряжении имеется уникальный источник – дневник самого Федора Артуровича Келлера. Дело в том, что, по свидетельству жившего тогда в Киеве Н. Д. Тальберга, последний месяц своей жизни гр. Ф. А. Келлер вел дневник. Заносил он туда записи и в первые дни заточения. «В этих записях, – справедливо писал Николай Дмитриевич, – ярко выступает благородство его души и неспособность понять чужую низость и трусость...»¹⁹

Часть дневника гр. Ф. А. Келлера, содержащего записи последних восьми дней его земной жизни, была опубликована в 1925 г. кн. П. М. Бермонт-Аваловым в его книге. Эти записи были предоставле-

ны князю Павлу Михайловичу выехавшей в Германию Еленой Николаевной Бенуа. Именно этой замечательной женщине (о ней мы еще расскажем) доверил свой дневник Федор Артурович за несколько часов до смерти в кельии Михайловского монастыре в Киеве²⁰.

Все эти записи до конца книги мы воспроизведем полностью, стараясь в то же время не нарушать ход основного повествования.

Из дневника Келлера:

11-го декабря н. ст. на так называемом фронте, т.е. перед Киевом по линии, на которой растянута, редкою цепью постав и застав, караулы от Сердюкской дивизии и добровольческих дружин, спокойно. Судя по газетам, тоже полное благополучие, но в городе население тревожится, да и есть отчего, принудительный набор дал очень незначительное число новобранцев: вместо ожидаемых десяти-двенадцати тысяч – не более пяти-шести, да и то наполовину жидов. Большинство призванных не скрывают, что они драться не желают, т.к. придется выступать против своих братьев и родственников, набранных Петлюрой в окрестных с Киевом деревнях. Да и не будь подобного настроения – что делать с необученными, недисциплинированными людьми, обучать их некогда, а вести в бой необученными – и преступно, и глупо. Если бы дело еще шло о защите города от большевиков или о спасении Родины, то что делать, – но все склоняется к тому, что Скоропадский только думает о спасении своего положения и для этого готов пожертвовать и добровольческими дружинами, и призванными обывателями. Что такое петлюровцы – не знаю, но по слухам у него много старых солдат, следовательно должна быть кой-какая дисциплина, лишь бы он сумел справиться с теми бандами, которые примкнули к его войскам, и удержать их от грабежа и насилия. О том, чтобы отстоять город – и думать нечего, т.к. по дошедшим до меня слухам из штаба, там стоит полная растерянность, и кажется, вся деятельность выражается в том, что составляются штаты для будущих формирований целых армий и корпусов, хотя, конечно, никто в эти формирования не верит.

Мои хозяева, милые, гостеприимные Коптеловы сильно тревожатся, особенно их больше и больше озабачивает мое присутствие в их доме, это заметно, хотя они сами об этом тщательно умалчивают. Делать нечего – пора мне искать квартиру, надо переезжать в помещение, занятое до сих пор в гостинице «Прага» под бюро «Северной армии».

12-го декабря. Сегодня вернувшиеся из штаба офицеры, а также Катенин, Добрынский* и другие передали мне, что войска Петлю-

* *И. А. Добрынский* – в 1914–1916 гг. уполномоченный Красного Креста в одном из передовых отрядов на фронте. В 1918 г. играл деятельную роль в формировании Астраханской монархической армии. – С. Ф.

ры все ближе подступают к Киеву. О том, что им дали отрезать все пути сообщения, можно догадаться и по другим признакам, например, по прекращению подвоза в Киев всяких съестных припасов, ибо фунт масла, стоивший 20 руб., три дня тому назад стоил уже 50 р., а со вчерашнего дня его и совсем нет, то же делается и с другими продуктами. На мой вопрос, что делает гетман, Долгоруков мне ответил «да ничего», потерял очевидно голову, сидит в заседаниях и совещается, – прибывшие же из штаба, смеясь, рассказали мне, что они присутствовали при споре, сколько дать фуражных денег генерал-инспектору кавалерии – на пять или на семь лошадей. Для меня не составляет никакого сомнения, что Петлюра войдет в город, когда захочет, так как на западном фронте на расстоянии 20 верст от Днепра стоит около 3-х тысяч чел., да и то таких, из которых ежедневно многие бросают оружие и бегут или обратно в Киев, или к Петлюре. В офицерские дружины записано не менее шести-восьми тысяч человек, но вытащить на позиции удалось не более трех, из которых также ежедневно многие дезертируют. Вот что касается настроения и боеспособности войск. Обстановка же с каждым днем, при замерзании Днепра и увеличении фронта вдвое, осложняется, а начальство показало свою полную неспособность.

Мне в гостиницу «Прагу» уже переезжать нельзя, так как туда в первую очередь ворвутся банды, решил сегодня вечером попросить гостеприимства у Сливинского*. Мне предлагают переехать в какое-нибудь консульство или за немецкие рогатки, но мне как-то противно искать у них защиты. Боюсь я попасться в руки какой-нибудь банды, которая могла бы издеваться над моей личностью, тогда придется пустить себе пулю в лоб, а если арестуют войска регулярные, то, полагаю, меня, как не занимавшегося политикой, скоро выпустят.

13-го декабря. Утром узнал, что офицерские дружины отступают и сильно поредели, не от потерь, а от дезертиров. Немцы ведут какую-то двойную игру. Сегодня, например, одна немецкая рота обезоружена петлюровцами на фронте, и они же взяли немецкую батарею, сдавшуюся без сопротивления. Мичман Владимиров приехал из штаба и сообщил, что там совсем потеряли головы и, несмотря на то, что петлюровцы потеснили добровольческие части от Нежина к Киеву, отрезали железную дорогу от Полтавы и наступают в этом направлении, князь Долгоруков заседает в Совете министров, советуется с гетманом и в военном отношении ничего не делает. Несмотря на назначение после меня инспектора кавалерии и инспектора артиллерии, войск на позиции не прибавилось, существует только тот полуэскад-

* В публикации «Славинский». Речь идет о полк. А. В. Сливинском начальнике штаба 10-й кавалерийской дивизии, бывшем одно время начальником Генерального штаба армии гетмана. – С. Ф.

рон, который был сформирован при мне, и те 22 орудия, которые я формировал в шесть дней, когда я был у власти: за 12 дней же ничего к этому не нашли возможным и нужным прибавить. Как только наш генерал займет какой-нибудь высший пост, он тотчас же воображает себя политиком, бросает свое прямое военное дело и занимается какими-то высшими соображениями, вроде разработки штатов для армии и фронта, увеличивает свой штат до невероятных размеров и обсуждает политические положения, делает всевозможные предположения в чуждой ему области, на что уходит все его время.

В три часа дня пошел с полковником Пантелеевым пообедать в ресторан «Континенталь» и послал его за получением денег «Северной армии» 700 000 рубл., которые неосторожно было бы хранить в банке, ввиду несомненного скорого входа петлюровцев в город. Деньги эти вложены в банк сенатором Туган-Барановским, но он их боится вынуть, т.к. уверяет, что за ним следят, остальные деньги из отпущенных трех миллионов тот же Туган-Барановский запрятал куда-то, боюсь, как бы они не пропали, а их должно быть более 1-го миллиона. Обещанные Советом министров Долгорукову 25 миллионов не отпускаются, меня и «Совет обороны» водят за нос и кормят обещаниями, а денег, конечно, не дадут. Пообедав, я зашел к старику Бибикову*, которого застал одного, и, посидев у него полчаса, отправился к Сливинскому**, где меня встретила редко милая, дельная и приветливая его жена Марья Андреевна***, состоящая во многих благотворительных обществах председательницей и делающая, не жалея своих сил, много добра. Сама она уверяет, что она не дама, а хороший товарищ, и думаю, что она определила себя правильно. Меня удивило, что Сливинский женился на сравнительно для него старой и не особенно красивой женщине, но, узнав ее, понял, что в ней Александр Владимирович искал не женщину, а верного, преданного, прямого человека, что в его теперешнем положении правленного зверя особенно ценно найти. Провел я ночь на диване хорошо и спокойно, но всю ночь до утра раздавалась сильная канонада, которая, как мне казалось, еще усилилась к восьми часам утра и как будто приближалась к городу²¹.

* *Генерал от кавалерии Николай Валерианович Бибиков* (1842–21.2.1923) – с 1888 г. состоял по особым поручениям при Варшавском генерал-губернаторе генерал-фельдмаршале И. В. Гурко. Президент Варшавы (1892–1906). Управляющий делами принцессы Е. М. Ольденбургской. Женат на Анне Евгениевне, урожденной фон Розеншильд-Паулин (1861–1946), двоюродной сестре гр. Ф. А. Келлера. Скончался в Праге. – С. Ф.

** В публикации ошибочно «Слонимскому». – С. Ф.

*** Урожденная Вишневецкая. Родилась ок. 1880 г. – С. Ф.

Наступила последняя ночь гетманской власти в Киеве...

Военные власти в последний раз вынуждены были обратиться к графу Федору Артуровичу Келлеру. В немногочисленных дошедших до нас обрывочных свидетельствах современников об этом сохранилось несколько неясных глухих упоминаний:

«Канонада не прекращалась ни на минуту и достигла небывалой силы, а на утро уже стало известно, что ночью петлюровцы совершили на Печерске (одна из окраин Киева) выступление и захватили обманным путем два броневых автомобиля, что парламентареры, посланные к Петлюре для переговоров о мире, не были им приняты и вынуждены были вернуться ни с чем, что граф Келлер, приглашенный в штаб на совещание, будто признал положение безнадежным, сказав, что еще 2-3 дня тому назад можно было бы все спасти...»²²

В эту последнюю ночь на 1/14 декабря гетман бежал из своего «будинка». Еще раньше скрылся конвой «ясновельможного пана гетмана». Некоторые из этих офицеров поспешили записаться в чехословаки, делая вид, что не «чуют мовы» и не понимают по-русски²³.

Около дворца гетман не нашел ни одного автомобиля. Пришлось нанять извозчика, который привез его на частную квартиру к знакомым, а затем в «Палас-отель» к турецкому посланнику А. Мухтар-бею. «Очевидно, лавры Карла XII, – заметил знакомый гетмана, – не давали ему покоя»²⁴. (Так что распространенная в исторической литературе и, следует признать, весьма логичная версия об участии в спасении гетмана германских властей и, в частности, немецкого врача, не более чем легенда.)

Этого бегства гетману русские офицеры не могли простить. Ведь пошли они к нему на службу не от веры в «его дело» (неведомое не только им, но даже, возможно, и ему самому), а от простой безысходности, оттого, что, как им казалось, некуда было деваться.

Сопровождал Скоропадского, обеспечивая безопасность, его секретарь Маркотун. Учитывая личность этого масонского гроссмейстера, а также суть младотурецкой революции, интересы деятелей которой выражал турецкий посланник, нетрудно понять и подоплеку этого маршрута гетмана. Именно у Мухтар-бея в полдень 1/14 декабря и было подписано отречение, направленное с гетманским адъютантом в штаб, потом опубликованное: «Я, гетман всей Украины, в течение семи с половиной месяцев прилагал все свои силы, чтобы вывести край из того тяжелого положения, в котором он пребывает. Бог не дал мне силы справиться с этим заданием, и ныне я, в соответствии со сложившимися обстоятельствами, руко-

водясь исключительно благом Украины, отказываюсь от власти. *Павло Скоропадский*»²⁵.

Таким образом, как полагают современные исследователи, переход власти к Петлюре-Винниченке, «был оформлен легитимно»²⁶. Гетман официально сложил свои полномочия. К Директории в неприкосновенности перешла даже казна «Украинской Державы». «...Казначее штаба главнокомандующего, приехавшему утром в день вступления республиканцев в Киев в Державный банк для получения по ассигновке 35 миллионов рублей, в этой выдаче было отказано...»²⁷ Банковские чиновники уже знали, кому эти деньги принадлежат. Премьер-министр С. Н. Гербель «остался на своем посту и официально передал власть в руки представителей Директории»²⁸.

Эта «передача» власти «с рук на руки», по свидетельству Н. Д. Тальберга (по заданию монархических организаций он служил в Министерстве внутренних дел гетмана, так что вопрос хорошо знал изнутри²⁹), была обусловлена заговором (не исключено, что и масонским) крупных чиновников. «Отстоять Киев, вероятно, не удалось бы и графу [Келлеру]; долговременной работой щирых украинцев, прочно захвативших ведомства военное и путей сообщения, – Киев оказался сразу отрезанным почти со всех сторон»³⁰.

* * *

В продававшихся утром в Киеве газетах обыватель, как обычно, мог прочесть: «Ночь под Киевом прошла спокойно». Да, воистину: «над Испанией чистое небо».

А в это время петлюровцы, как говорили, шли на Киев «тучами»...

*Гай, за гаем, гаем,
Гаем зелененьким...*

«...Мы с ними воевали, в конце концов нас оказалось очень мало»³¹, – так вполне афористично писал участвовавший в обороне Киева юнкер. Надпись, вполне достойная того, чтобы высечь ее на памятнике преданным нами забвению защитникам Матери городов Русских. Но это когда-нибудь... Когда пойдем...

В Киеве перед штабом на Банковской улице из бревен строили баррикады, расставляли пулеметы и броневики.

«Небольшие отряды русских офицеров, – писал свидетель тех событий, – не могли устоять долго под ударами коалиции открыто воюющих украинцев, тайно наступавших с севера большевиков и

при весьма подозрительном “нейтралитете” немцев. Вся эта “война” потребовала лишь одного неполного месяца»³².

«...Штабы скрылись. Раньше всех, бросив фронт на произвол судьбы – бежал главнокомандующий кн. Долгоруков, клявшийся в приказах “в минуту опасности умереть с вверенными ему войсками”»³³. «Совершенно непонятно, что с ним произошло, – писала, узнав об этом, вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, – ведь это храбрый и энергичный человек»³⁴.

Скрылся и представитель Добровольческой армии ген. Ломоноцкий. Рассеялось правительство, еще так недавно храбро и независимо отстаивавшее свою «державность» перед графом Келлером.

Донской посланник, по его словам, «не успевал выдавать визы для всех желающих покинуть Украину»³⁵.

1/14 декабря был последним днем гетманского Киева. Его войска (точнее, поступившие к нему на службу русские офицеры) бежали. «По шоссе трудно двигаться от столпившихся людей, артиллерии, повозок. Остановились около казарм. Из них высыпали немцы, окружили, смотрят, смеются, машут руками, что-то кричат. Один ловкий молодой немчик устанавливает фотографический аппарат. Но на него закричали десятки голосов, покрывая самыми неслестными ругательствами, и он убрал расставленную треногу.

Мы уже вошли на Демиевку. Слышна стрельба по всему городу. На тротуары высыпали горожане, в большинстве рабочие. Смеются, отпускают шутки. “Эх сколько пленных-то! только что-то без конвою”, – говорит один. “Единая и неделимая”, – кричит другой. Никто им не отвечает, отвертываются, стараются не замечать злых шуток»³⁶.

«Безпрерывно слышна, – писал очевидец, – орудийная канонада. То ближе, то дальше. Мы уже даже привыкли к ней. Однако чувствуется, что власть гетмана на закате. Идет борьба его войск с войсками Петлюры, обложившими Киев.

Помню, сию однажды утром в гостинице “Гранд-Отель”, где помещалась контрразведка... [...] Вдруг тревога. Служащие контрразведки забежали, заволновались, и скоро в контрразведке не осталось ни души... [...] Оказывается, в Киев входят петлюровцы. [...] Вышли на улицу. Там суета. Снуют автомобили, бегут офицеры с бледными лицами, тянутся какие-то обозы, солдаты кучками спешат куда-то. Канонада стихла. И лишь вдали стрекочет где-то пулемет»³⁷.

«Утром 14 декабря, – вспоминал полковник В. С. Хитрово, – по телефону передали приказ – всем отделам стягиваться на сборный

пункт в Педагогический музей, находившийся в центре города. За чем – в приказе не говорилось. И как-то сразу после этого распоряжения связь со штабом прекратилась. Посланный офицер доложил, что в штабе вообще никого больше нет, помещение пусто, и на Прорезной в большом количестве валяются брошенные бумаги. Стало ясно, что все рухнуло и нужно принимать какое-то решение. [...]

...Назначение сборного пункта не на Подоле, на пути к мосту через Днепр [по которому можно было идти походным порядком на Дон], а в центре города, с несомненностью указывало на то, что вывод войск из Киева не входил в намерение главного командования. И непонятно было, зачем нас туда звали.

По свидетельству одного из участников этих событий [...], решение стягиваться в Педагогический музей носило чисто случайный характер и принято было в штабе Кирпичева утром 14 декабря по предложению офицеров второго отдела (полковника Крейтона). Констатируя невозможность ухода на Дон, решив, что разойтись по домам, т.е. расплыться, невозможно, офицеры этого отдела предложили Кирпичеву собрать всех в какое-нибудь центральное место, после чего начать переговоры через “представителей думы”. Так и решили и сборным пунктом выбрали Педагогический музей, куда и пошли»³⁸.

Разумеется, продолжай ген. Келлер командовать войсками в Киеве, он, по словам Н. Д. Тальберга, «сумел бы вывести оттуда верившие ему отряды и прорвался бы к генералу Краснову»³⁹. Но оборонявшими Киев войсками командовали, увы, иные люди...

Итак, в то время, когда на окраинных улицах Киева появились первые петлюровские разъезды, офицеры, служившие гетману, толпами бежали к Педагогическому музею, в котором некогда заседала «Центральная Рада».

Офицеры, юнкера и даже генералы поспешно вбегали под своды здания, на фронтоне которого все еще золотилась прежняя надпись, приобретшая теперь какое-то сугубо назидательное значение: «На благое просвещение русского народа».

«В комнатах, проходах, в уборной, на лестнице – офицеры, генералы срывают с себя погоны, кокарды. Офицеры генерального штаба рвут аксельбанты»⁴⁰.

В три часа над штабом главнокомандующего (некогда штабом Киевского военного округа) взвился «жовто-блакитный прапор». Вскоре на ветру заволновался плакат с надписью «Хай живе вільне Українське війське»⁴¹.

«Но вот и победители. Показались верховые в белых шапках с кистями, за ними идет стройными рядами пехота, в немецких касках. На душе неспокойно. Грустно. Идут “самостийники”. Это похуже гетмана. При нем была хоть видимость власти. И хотелось думать, что власть его временная, что он играет какую-то хитрую роль на пользу России и что наступит, конечно, день, когда, проснувшись, мы увидим, вместо “желто-блакитного” знамени, наш родной национальный флаг. С приходом же петлюровцев эта, быть может фантастическая надежда, гнездившаяся у многих в душе, отпала»⁴².

Тем не менее, по свидетельству киевлян, «публика, ожидавшая увидеть банды и трепетавшая от страха перед погромами, была очень изумлена, видя входящими в город в полном порядке дисциплинированные, хорошо обученные, отлично вооруженные и обмундированные части. Да и на самом деле, части, бывшие в Киеве в первые дни по его падении, производили своим видом прекрасное впечатление, – все это были части, пришедшие из Галиции, так называемые сечевые стрельцы»⁴³.

Командовал ими полковник Евгений Михайлович Коновалец (1891–1938) – сын сельского учителя из-под Львова. Учился он на юридическом факультете Львовского университета, а во время первой мировой войны был офицером австро-венгерской армии. Воевал против России в составе так называемого корпуса «Сичевых стрельцов». Попав в плен, в 1915–1917 гг. сидел в лагере для военнопленных под Царицыном⁴⁴. После революции бежал в Киев, где, с одобрения «Центральной Рады», приступил к формированию из австро-венгерских пленных «сичевых стрельцов». В октябре 1918 г. вместе с ними Коновалец присоединился к Петлюре. Был командиром Осадного корпуса и комендантом Киева.

«Вступившие в город войска Директории, – вспоминал ген. В. Н. Воейков, – были встречены у еврейского базара особою депутациею; впереди войск несли портрет Шевченко; командующий войсками Директории гарантировал безопасность и сохранение жизни находившимся в педагогическом музее добровольцам, при условии сложения ими оружия. Защитники Киева были брошены на произвол судьбы гетманом, бежавшим в последнюю минуту. По сведениям, сообщаемым газетами, он совершенно не позаботился о судьбе добровольцев, но о себе и о своем имуществе подумал. Двери дворца оказались открытыми настежь, караул ушел, и проходившие мимо офицеры, отступавшие от Печерска, с горечью указывали на опустевший будинок. На тротуарах стояли группы праздных немецких солдат и комментировали происшедшее»⁴⁵.

Из дневника Келлера:

14-го декабря. Сегодня утром я узнал, что арсенал и военное министерство уже заняты неприятелем и что офицерские дружины отступили в город. Стрельба слышится невдалеке. Сливинский пошел в разведку, меня не выпускают из дома мои милые ординарцы. Часов в одиннадцать мне передали в телефон, что кн. Долгоруков очень просит меня зайти в штаб. Выйдя на Банковскую улицу, я у ее угла увидел разбросанные поперек всей улицы дрова, долженствовавшие изображать баррикаду, а возле них толпу мальчиков в военных и кадетских мундирах, изображавших жалкую воинскую часть, призванную защищать жалкую баррикаду в один-два полена высотой. Все имело жалкий и смешной вид, и несколько сновавших [среди] толпившихся тут же офицеров имели растерянный вид людей, старающихся показать вид, что делают дело и верят в него, но видящих свою полную и всех этих приготовлений беспомощность. Общего начальника и какой-нибудь планомерности в действиях не было. Все толпилось, суетилось и отдавало приказания, которые никто не слушал и не исполнял. Оказывается, баррикады были возведены потому, что пронесся слух, будто бы два неприятельских бронированных автомобиля ворвались в город и разъезжают по улицам. Впоследствии оказалось, что это были два простые автомобиля из гаража гетмана, заблаговременно пустившиеся наутек.

В штабе все комнаты, не исключая и кабинета Долгорукова, были переполнены всяким военным и статским людом, в числе которых я заметил фигуры министры внутренних дел Кистяковского и председателя Совета министров Гербея, у которых, как у всех толкавшихся здесь, был растерянный и испуганный вид, в особенности жалкими казались бледные лица Кистяковского и Гербея.

Подойдя к Долгорукову я спросил, для чего я понадобился ему, и очень боялся услышать ответ, что он слагает свои обязанности и просит меня вступить в командование и спасти положение. Отказаться было бы трусостью, согласиться – глупостью, так как положение казалось мне уже настолько испорченным и части войск настолько выпущенными из рук, что при сражении в городе, в котором уже на правом фланге была внесена борьба, восстановить порядок было бы невысказано. К тому же я понял, что дело идет не о спасении города, а о спасении Скоропадского, не жалевшего человеческих жертв для спасения только своего положения. Защищать же этого «самостийника» мне совсем не улыбалось. На мое счастье Долгоруков с просьбой принять командование ко мне не обратился, а попросил только совета, что делать: сдаваться или продолжать борьбу. На мой ответ, что, не зная положения, я никакого совета дать не могу, он стал водить в разных направлениях по карте пальцем и повторять, что здесь отступили, там офицерская дружина бросила оружие, здесь уже повстанцы и т.д.,

но ни одного точного ответа про тот или другой пункт города или положение на том или другом участке он дать не мог, почему я предложил попросить в кабинет генерал-квартирмейстера Винклера, который оказался сравнительно хорошо осведомленным в той каше и неразберихе, которая творилась в защищавших Киев войсках.

Положение для удержания города обрисовалось мне совершенно безнадежным не потому, что войск не хватало, а потому, что все было выпущено из рук, не было никакого управления, восстановить которое в короткий срок было невозможно, и потому, что не было ни одного человека в резерве. К тому же накануне не было сделано ни одного распоряжения насчет боя, а на случай отступления не было даже поставлено заслона для охраны железнодорожного моста, по которому можно было бы отступить добровольческим дружинам. Вследствие чего этот мост также как и станция железной дороги, т.е. все продовольствие и большие запасы, по словам Винклера, были уже захвачены петлюровцами.

Я сказал Долгорукову, что, по моему мнению, все усилия должны быть направлены к спасению офицерских дружин и выводу их из города с оружием; что же касается самого города и жителей, то я уверен, что им от петлюровцев, у которых как будто есть и регулярные дисциплинированные войска, опасности не грозит, но что первым долгом я посоветовал бы ему выгнать всю эту толпу из штаба, т.к. военные вопросы надо решать не коллегиально, а одному. Сказав это, я вышел из штаба и пошел опять на квартиру к Сливинскому, у которого рассчитывал переждать тревожное время занятия города победившими войсками и дожидаться, пока первое напряжение нервов уляжется и в городе установится спокойствие и порядок. Предполагал я, что сгоряча меня могут и арестовать, и какая-нибудь ворвавшаяся банда могла и расстрелять, но был вполне уверен, что если первый день пройдет для меня благополучно и если мне удастся отбиться от банд мародеров и сдать регулярным войскам под их охрану, то мне опасаться нечего.

Петлюра и его Директория не могут меня не отпустить на полную свободу, как человека не занимающегося политикой и не занимавшего во время своего проживания после войны, почти двух лет, в Малороссии какого-либо места или поста. От Сливинского я слышал, что сам Петлюра очень порядочный и честный человек, но истинно убежденный республиканец, что не мешало человеку других убеждений, хотя бы и монархических, его уважать. Мне казалось всегда отвратительным и достойным презрения, когда люди для личного блага, живы или личной безопасности готовы менять свои убеждения, а таких людей теперь громадное большинство, если же человек заблуждается, искренно и крепко верит в свою правоту, и в своих поступках не виляет, то такого человека можно стараться переубедить, можно жалеть, но не уважать его нельзя. Не успел я дойти на квартиру Сливинского, как из штаба прибежал кто-то из моих ординарцев с извест-

тием, что весь штаб уже опустел, Долгоруков скрылся и там не осталось ни одного человека, а что город приказано сдать, войскам разоружиться и сдаться без всяких условий. Гетман тоже куда-то убежал, и дом его совершенно пуст, надо полагать, он скрылся у немцев.

Какую грязную, предательскую игру сыграл во всем этом деле Скоропадский. Когда я давно уверял всех, что Скоропадский просто честолюбец, многие мне не верили и старались меня убедить, что он пожертвовал собою для спасения России и только притворяется украинцем, а мечтает о монархии.

На самом же деле Скоропадский говорил одно монархистам, другое украинцам и действовал как предатель, преклоняясь и лебезя перед немцами, а последнее время – перед союзниками, и заискивая даже у какого-то французского жида Энно, никем не уполномоченного. Скоропадскому не дорога была ни Великобритания, ни Малороссия, ни русский народ, ни Государь, ему нужна только Украина для удержания своего положения, и он видел себя уже с украинской короной на голове в полной независимости от России, на положении, как он в минуту откровенности признавался, королевства Саксонии. Его двуличная политика привела к тому, что ему не верят и презирают его и русские, и украинцы, и немцы, и союзники.

В последнюю минуту он бежал постыдно и подло, бросив на произвол судьбы тех офицеров, дружины которых он насильно заставил втянуться в бой для спасения только себя, он не позаботился даже о том, чтобы спасти их часть, дав им возможность выйти из города с оружием в руках и обезпечив их отъезд хотя бы на Дон. Все убитые и раненые в ненужном братоубийстве лежат на его совести, а ему горя мало – лишь бы была цела его шкура. От Долгорукова я тоже не ожидал такого поведения: взялся за дело, напутал, растерялся, надурил и затем бежал, бросив вверенные ему войска на произвол судьбы⁴⁶.

БОЙ В СУМЕРКАХ

«...Гибель гетманской власти сопровождалась и светлой страницей, озарившей хоть на миг нашу не блещущую красотой историю революции». – Так характеризовал очевидец, «быть может и тщетную, но красивую попытку спасти остатки русского офицерства» графом Ф. А. Келлером¹.

«В Киеве, – вспоминал Владыка Нестор, – еще оставались остатки белых отрядов, во главе которых стал командир “Особого отряда Северной армии” граф Келлер. [...]»

Когда “сечевики” вошли уже в город и в здании городской управы происходило торжественное заседание руководителей но-

вой власти, граф Келлер решил с остатками офицеров прорваться из Киева, чтобы соединиться с Добровольческой армией.

С предложением мне присоединиться к его отряду граф Келлер прислал в Михайловский монастырь своего адъютанта Пантелеева, кавалергарда, племянника М. В. Родзянко. Я отправился с ним в штаб графа на Крещатик и, видя безнадежность его плана, стал убеждать гр. Келлера не рисковать жизнью своей и офицеров, ибо из города выхода не было, так как петлюровские войска окружили Киев.

Граф все же просил его благословить, оставшись твердо при своем решении – прорываться из Киева с 80 офицерами.

Тяжело вынужденно благословлять на предприятие, которое рассудок ясно изображает, как невыполнимое. Получив благословение, граф ушел с офицерами, а я вернулся в монастырь с чувством тяжкого гнета на душе и с опасением за участь этого отряда»².

«...Около четырех часов, – читаем в относящихся к тому дню воспоминаниях, – со стороны Большой Васильевской послышались крики и рев толпы. [...]

...Республиканским войскам была устроена очень теплая встреча. Шествие шло в следующем порядке: впереди автомобиль с чинами штаба Осадного корпуса, затем толпа с портретом Т. Шевченко, а за толпой в стройном порядке сечевые стрельцы. Всякое движение было прервано, магазины, еще не успевшие закрыться, спешно запирались, вдоль тротуаров быстро образовались цепи, а из толпы неслись приветственные крики и летели в воздух шапки. В общем все было очень мирно, и собравшаяся на Крещатике в огромном количестве любопытная публика спокойно созерцала “республиканцев”.

Вдруг едва лишь головной отряд поравнялся с Николаевской улицей, как откуда-то сбоку затрещал пулемет. Чей? По кому стреляли? Зачем? Никто этого не знал, но все людское стадо в дикой панике бросилось с Крещатика в боковые улицы. Суматоха была неопишная. “Доблестные республиканские войска”, рассыпавшись в цепь и не видя противника, открыли беспорядочную пальбу по всем направлениям и, конечно, по установленному революцией обычаю, в воздух.

Улицы мгновенно опустели, начало темнеть, а пальба, то замирая, то снова вспыхивая, продолжалась до позднего вечера.

Кто же начал стрелять?

На утро в газетах появилось официальное сообщение новой власти, что один из добровольческих отрядов изменнически, с про-

вокационными целями, обстрелял вступающие в город победоносные республиканские войска, желая вызвать в городе беспорядок, но был вскоре рассеян. Сообщение заканчивалось словами: «Так двойною провокацией закончили свое существование белогвардейские гетманские банды».

Позднее стало известно, что перестрелку с петлюровцами вел маленький отряд добровольцев, пришедший с фронта и отдавший себя в распоряжение графа Келлера и направлявшийся в Педагогический музей. Отряд, выходя на Крещатик, наткнулся на петлюровцев, уже вошедших в город, и... началась стрельба. Кто начал стрелять первым, так и осталось невыясненным, но боюсь, что едва ли это были петлюровцы»³.

Во главе этого отряда шел генерал Келлер.

О том, как Федор Артурович возглавил его, сохранились многочисленные свидетельства.

«Когда оставленное своими штабами русское офицерство, – писал Мглинский, – металось из стороны в сторону по Киеву в поисках тех, кому слепо вверило свою судьбу, группе офицерства пришла мысль обратиться к графу Келлеру, жившему тогда уже на частной квартире с просьбою стать во главе остатков войск и вывести их из Киева. Времени для рассуждения не было, и граф Келлер, отлично понимавший в душе всю трудность и даже безнадежность такой попытки, не счел, однако, возможным не пойти на зов русского офицерства»⁴.

Вспомним в связи с этим отказ ген. Брусилова делегации от собравшегося в Москве после большевицкого переворота совещания общественных деятелей и офицеров возглавить восстание юнкеров. «Я нахожусь в распоряжении Временного правительства, и если оно мне прикажет, я приму командование». Заявил он это, прекрасно зная, что правительства этого уже нет, его представители либо сбежали, либо были арестованы большевиками. Один из участников московских боев прямо писал: «Отказ генерала Брусилова был страшным ударом для нас...» А ведь была «слабая надежда, что в Москве появится кто-нибудь из крупных военачальников, который и возьмет дело борьбы в свои руки»⁵.

Не так поступил в Киеве гр. Келлер: прекрасно понимая всю безнадежность предприятия, он все же не бросил пришедших к нему за помощью офицеров.

Федор Артурович приказал офицерам «собираться в отряд в купеческом саду, и сам со своим начальником штаба полковником

Пантелеевым под обстрелом уже петлюровцев отправился туда же. Нельзя было терять ни минуты, и гр. Келлер двинул свой маленький отряд по Крещатику»⁶.

«Густейший снег шел четырнадцатого декабря 1918 года и застигал город»⁷.

День в Киеве в декабре очень короток. По календарю солнце в этот день должно было угаснуть в половине четвертого. На город спускались густые зимние сумерки...

Это решение графа возглавить отряд офицеров столь же знаменательно, как до этого неучастие его во всех практических проявлениях Второй Русской Смуты. Быть может, в тот миг он услышал то, о чем писал автор «Кельтских сумерек», ирландский поэт Уильям Йейтс (1865–1939): «Сейчас самое важное время, такое бывает раз в жизни. В такие времена выигрываются или проигрываются сражения, потому что в такие времена мы принадлежим Воинству Небесному... Райская музыка состоит из безостановочного звона мечей»?..

Увы, люди оказавшиеся тогда вокруг него не смогли удержать эту высоту. Ни дух, ни военная их выучка не позволили им это...

Из дневника Келлера:

14-го декабря. (Продолжение.) Часов около двух неожиданно раздался звонок, и в переднюю вошли три вооруженных винтовками офицера, старший из которых заявил мне, что дружина, сформированная Долгоруковым и записавшаяся в состав «Северной армии», не желает сдаваться уже входящим в город войскам Петлюры и просит меня принять ее под мое начальство, вывести из города, куда я хочу, и что к этой дружине примкнула еще конная сотня (пешком), тоже сформированная для «Северной армии», с тем же намерением не сдавать оружия. О других войсках имелось сведение, что они собрались у городского музея с намерением пробиться на Дон, но что во главе их нет начальства.

Что было делать, выбраться из города, уже со всех сторон занимаемого противником, было нелегко, но при некоторой энергии я полагал все же еще возможно было пробиться и выйти к Днепру, к тому же мне казалось, что если противник увидит организованное войско, готовое вступить в бой, то он согласится пропустить без сопротивления и кровопролития все добровольческие дружины на Дон, т.к. задерживать их в Киеве у него никакого расчета быть не могло. В виду таких соображений, считая себя не вправе оставить на произвол судьбы обратившиеся за моей помощью части, я, взяв с собою данные мне на хранение «Советом Оборона Северо-Западных губерний» в запечатанной наволочке, «как мне сказали», 700 000 руб., приказал мне моему денщику Ивану привезти мне на извозчике самые необходимые вещи и белье в гостини-

цу на Крещатике, сел на автомобиль и поехал в сопровождении офицеров, приехавших за мной, и полковника Пантелеева на сборный пункт в помещение, занимаемое дружиной полковника Всеволожского.

Как только мы доехали до угла и повернули на Банковскую улицу, наш автомобиль начали обстреливать из домов и из-за домов, а когда мы выехали на середину улицы, то послышалось что-то вроде залпа, но, несмотря на близкое расстояние – ни одной пулей в нас обстреливавшие нас волшебные стрелки не попали. Не скажу, чтобы, войдя в помещение дружины в гостинице «Бояр» на Крещатике, я вынес бы хорошее впечатление: большинство офицеров было без оружия и как будто совершенно не собиралось уходить, а тем более немедленно вступить в бой для того, чтобы пробиться через окружающее их кольцо неприятеля. Когда я скомандовал «в ружье», то заметил, что, во-первых, не было ни начальников, повторивших команду и строивших свои взводы, [во-вторых,] не было и порядка и по-видимому дисциплины. Подошедший конный отряд, хотя и произвел на меня лучшее впечатление, но и он при моем приказании выслать авангард в цепочку долго мялся на месте и, очевидно, не знал, как исполнить это простое приказание, так что мне самому пришлось выслать дозорных и организовать движение по улице. Автомобиль, на который были погружены пулеметы, за нами не двинулся и я его впоследствии и не видел. Уже не доходя Думы, от дозоров донесся крик: «идут петлюровцы» – и все, что было впереди, бросилось назад и сбилось в одну кучу. Я приказал свернуть в переулок, рассчитывая избежать встречи и кровопролития и боковыми улицами вывести отряд к музею, где по сведениям собрались уже дружины Кирпичева и Святополк-Мирского. Не успели мы пройти и 30 шагов, как из-за Думы послышалось несколько редких выстрелов, думается мне провокаторских – ни одна пуля близко не просвистела, но в моем отряде произошло замешательство. Около меня осталось не более 50 человек, уменьшавшихся при каждом повороте в следующую улицу, и к приходу нашему к Софийскому собору было лишь 30 человек, которых я благополучно и довел до Михайловского монастыря, в ограде которого все почувствовали себя почти в безопасности⁸.

Чудом до наших дней дошли также весьма ценные воспоминания участника этого боя, 19-летнего юнкера, скончавшего свои дни в 1983 г. в Париже:

«...В последний день перед приходом петлюровцев мы, конвойные, – самая верная была часть – решили остаться в Киеве и воевать с петлюровцами. Я получил винтовку и решил оставаться верным до последнего... и в последний день, помню, я уже с винтовкой в руках решил пообедать в городе... пошел в такой маленький ресторан в подвале, в котором мы с родителями иногда обедали... зашел туда и вижу: сидят мама, папа и Коля... я к ним присел, поста-

вил винтовку в угол, съел там какой-то борщ или не знаю что, а потом говорю им: “До свиданья, я теперь иду воевать с петлюровцами”. Они говорят: да нет, да то, да сё... “Нет, не могу. Вот иду”. Взял свою винтовку в руки и пошел.

Вылез на улицу, там офицерские взводы собрались, во главе был... кажется, Скоропадский уже был сброшен, и командовал граф Келлер, тоже кавалергард, сам командует этой горсточкой офицеров, которые решили пробиваться на юг через петлюровские ряды.

Пролом на юг был очень короткий. Мы вышли на Крещатик, это главная улица Киева, впереди шел граф Келлер, за ним конвой: мы и другие офицеры, группа войсковая, – и пошли по Крещатику, впереди единственная была подвода, ломовая телега, которая везла казенные деньги и что-то еще, в основном все шли пешком, вооруженные кто винтовкой, кто карабином, кто чем; вышли мы на этот широкий Крещатик и двинулись по нему в сторону юга, не прошли ста шагов приблизительно, как вдруг перед нами стена петлюровцев, сплошная от дома до дома, все занято, их было очень много... Пешие... на нас двигаются...

Мы остановились как вкопанные, и тогда Келлер говорит, я помню эту фразу: “Заворачивай оглобли”. Мы завернули оглобли и пошли обратно, и тут Келлер нам сказал: “Господа, должен вам сказать, что дело наше проиграно, расходитесь по домам, кто куда может”. Мы остановились на небольшой площади, окруженные, улицы там проходили наверху над нами... И лестница была в стене вделана... И нас поливают из пулеметов и из ружей сверху, а мы на этой площади как в котловине оказались...

Келлер говорит: “Надо штурмовать эту лестницу каменную, чтобы выбить тех, кто нас там обстреливает”. Мы бросились на лестницу – как ни странно, впереди были один кадет, мальчишка лет семнадцати, и я, мы вдвоем по этой лестнице пустились, а там наверху нас поливали, при виде этого за нами другие пошли, а увидев, что добровольцы поднимаются по лестнице, наверху сиганули. Значит, мы поднялись, и тут был последний момент прощания с Келлером, его надо было спрятать. Было решено спрятать его в каком-то монастыре, и нас осталось при нем только пять человек конвойцев, остальные все рассиропились... и вот мы его проводили до этого монастыря тут же в городе... проводили до дверей, он вошел, попрощался с нами и говорит: “Теперь тоже разбредайтесь, как можете”»⁹.

Исследователями установлено, что офицерский отряд графа Ф. А. Келлера столкнулся в тот вечер с частями Днепровской ди-

визии. То была единственная в тот день стычка в городе. В бою у Городской думы петлюровцы были отброшены. После него, говорят, Федор Артурович произнес сакраментальную фразу: «Бывают такие победители, которые очень похожи на побежденных»¹⁰. Ее потом любил повторять командующий Осадным корпусом Е. Коновалец...

Пока шел бой на Крещатике попытался пробиться на юг со своими житомирцами полковник В. А. Кислицин. Шли форсированным маршем, однако вскоре «противник с большими силами преградил нам путь и, после тяжелого неравного боя, мы были окружены и захвачены в плен.

Пришлось испытать ужасные душевные переживания. Сознание своего бессилия, невозможность спасения себя и шедших за мной людей, унижения плена, ожидание, казалось, неминуемой смерти – вот тяжелые переживания тех часов.

Всех нас обезоружили и повели пешком в Киев.

Конвоировала нас кавалерия. Она гнала нас почти всю дорогу бегом, причем петлюровцы издевались над нами и били, подгоняя отстающих. У многих сердце не выдерживало. Они падали и умирали в дороге.

Я не был убит только благодаря счастливой случайности. В числе конвоиров оказался бывший солдат моего полка. Он взял меня под свое покровительство и несколько раз отговаривал и останавливал желавших расправиться со мной петлюровцев.

Было уже темно, когда нас пригнали в Киев. Стояла отвратительная погода: шел дождь. Нас остановили на Владимирской улице около музея Наследника Цесаревича. Все мы были голодными и устали настолько, что сразу же повалились на мостовую»¹¹.

Около трех тысяч оборонявших Киев русских офицеров оказались запертыми в Педагогическом музее. Вскоре они добровольно сдали свое оружие. У входных дверей стояли молчаливые немцы и молодые неуверенные петлюровцы. Вдруг возник сильный шум, послышались неистовые крики. В распахнувшиеся настежь двери ввалилась толпа. Впереди с громадным маузером в руке, с выбившимися из-под папахи космами волос, весь в красных бантах, бежал озверелый рябой унтер-офицер. За ним, на ходу клацая затворами, – толпа расхристанных солдат в папахах с нашитыми на них «жовто-блакитными» кусками материи.

Неминуемую расправу предупредил энергичный, похожий на молодого Шиллера, немецкий лейтенант. С криком «Halt!» он ки-

нулся наперерез. Его отряд рыжих баварцев стоял с винтовками наизготовку.

*Ну, как же я тебя оставлю
Ну, как же я тебя предам.*

.....
*Германия – мое безумье!
Германия – моя любовь!**

Так и стали с тех пор в вестибюле два отряда: злые сичевики Петлюры и сумрачные, все еще верные чувству дисциплины и воинского долга германские солдаты в стальных шлемах.

Оказавшиеся в плену, в Педагогическом музее, офицеры вели себя по-разному. Одни – под руководством дюжих петлюровцев стали убирать туалеты. А вот известный монархист полк. Ф. В. Винберг «при переговорах с петлюровцами... держал себя с исключительным достоинством»¹².

*Ой, яблочко, куда ты катишься?
В музей попадешь, не воротисься...*

Вскоре добровольно сдавшиеся в плен «из газет узнали об убийстве ген. Келлера “при попытке бежать”». И о том, как въехавшему на белом коне Петлюре подносили саблю убитого графа. И о том, как на банкете украинских самостийников Винниченко поднял бокал “за единую неделимую Украину”»¹³.

* * *

«Они пришли, – писал киевлянин о петлюровцах, – и над Киевом нависли потемки. Жизнь стала тревожной, напряженной. На улицах трупы растерзанных офицеров. Ни одна ночь не проходит без убийства. Во многих домах обыски. Произвол и расстрелы без конца»¹⁴.

На пути в Киев, на одной из железнодорожных станций в конце 1918 г. епископ Нестор (Анисимов) встретил женщину, оказавшуюся, по его словам, «религиозным человеком старых добрых правил». Со слезами на глазах рассказывала она Владыке о расстрелах офицеров бывшими солдатами. «Особенно остановила она мое внимание, – писал он, – на расстреле одного офицера по име-

* М. И. Цветаева. Германия.

ни Виталий, которого солдаты долго мучили в вагоне, потом вывели совершенно раздетого на полотно дороги и на морозе глумились над ним, а потом расстреляли, и только за то, что у него нашли в кармане документы, в которых была обозначена его немецкая фамилия. Напрасно офицер убеждал солдат, что он чисто русский человек, гвардейский офицер, предлагал навести о нем справки в Лейб-Драгунском полку – товарищи солдаты были неумолимы и жестоко расправились с ним»¹⁵.

Владыка не мог не заинтересоваться этим случаем, ибо во время Великой войны 1914–1915 гг. провел на передовой в составе организованного им при Л.-Гв. Драгунском полку санитарного отряда «Первая помощь под огнем». Тогда еще игумен, о. Нестор сам выносил раненых с поля боя, перевязывал, напугивал, направлял пострадавших в госпитали и лазареты. Известно, что он верхом с лейб-драгунами ходил даже в кавалерийскую атаку, за что был удостоен высшей духовной награды – наперсного креста на Георгиевской ленте, а также боевых орденов Св. равноапостольного Великого Князя Владимира с мечами 4-й степени и Святой Анны 2-й и 3-й степеней также с мечами¹⁶.

«Женщина, рассказывавшая мне – вспоминал далее епископ Нестор, – забыла фамилию этого офицера и предложила мне пойти с ней на кладбище, на его могилку, за которой она с любовью ухаживала.

Каково было мое изумление и величайшее горе, когда я прочитал на деревянном кресте краткую надпись: “убиенный офицер Виталий Павлович Неттельгорст”. – Это был мой лучший друг в период моего пребывания во время войны на фронте в Лейб-Драгунском полку.

Убиенный Виталий Павлович был исключительно выдающимся человеком. Весь Лейб-Драгунский полк его искренне любил, о нем можно было говорить и слышать только одно хорошее. И вот этого человека озверелая, грубая, пьяная, жестокая толпа казнила. Когда убийство уже совершилось, и убийцы видели, как принимал смерть со спокойствием и верою этот благородный человек, они устыдились и стали ссориться между собой, обвиняя друг друга в смерти неповинного человека»¹⁷.

(Этот замученный офицер, заметим, наверняка состоял в родстве – не исключено, что был даже сыном – с командиром гвардейской кавалерийской бригады бароном Неттельгорстом*, также бывшим

* Бароны Неттельгорсты принадлежали к древнему прибалтийскому дворянству.

лейб-драгуном, который еще перед войной, во время командования гр. Келлером Л.-Гв. Драгунским полком, доложил ген. Брусилову о готовившимся некоторыми офицерами полка оскорбления своего командира. Возможно даже, что именно этот убитый офицер и сообщил об этом своему родственнику – командиру бригады.)

Между тем в Киеве, по словам ген. П. Н. Краснова, «началось жестокое преследование всего того, что носило имя Русского. Мать городов Русских, стольный град Владимира Святого и Ольги, Киев стал ареной мучений Русских людей за исповедание ими любви к Родине»¹⁸.

Не у всех это, однако, во всяком случае поначалу, вызывало осуждение.

«Возвращаясь вечером 17-го декабря на вокзал после невольного дневного пребывания в Киеве, – вспоминал ген. В. Н. Воейков, – я чувствовал себя как бы под обстрелом: кругом свистали пули от одиночных выстрелов. Когда я шел по Фундуклеевской улице, ко мне подбежала молодая девушка с испуганным лицом, прося разрешения идти со мною. Мы оказались попутчиками: барышня была курсисткою, дочерью одного из железнодорожных служащих, имевшего казенную квартиру на Киеве I-м. Проходя по Безаковской улице, она сказала: “Сегодня только убрали валявшиеся тут двое суток трупы: это были два спрятавшиеся офицера, которых солдаты разыскали и, конечно, убили”. Сказано это было таким тоном, который явно показывал ее одобрение геройскому поступку революционных солдат. Мне стало глубоко жаль юного миловидного существа, доведенного окружающею средою до такого извращения понятий и притупления свойственных женщине чувств. Находя вполне естественным убийство врагов народа (которыми она считала всех офицеров), она была искренно возмущена моею отповедью и холодно со мною простилась у подъезда вокзала»¹⁹.

Безпокоиться, однако, нужно было юной курсистке самой о себе. Рухнул многовековой порядок, не стало Царя, убиты и разбежались офицеры, которым она по легкомыслию даже не сочувствовала, и осталась юная курсистка одна, на семи ветрах... Мало было у нее, такой левой, такой демократичной, такой передовой, шансов выжить. Трудно было ей избежать знаменитых киевских застенков чека и других превратностей кровавой и беспощадной гражданской войны. А ведь впереди еще были подвалы НКВД, северные лагеря, вторая мировая, отправка «остарбайтеров» в Германию, жестокий послевоенный голод...

«Берегите офицера! – предупреждали в мае 1917 г. на офицерском съезде в Могилеве наиболее дальновидные. – Ибо от века и до ныне он стоит верно и безменно на страже русской государственности»²⁰. Но кто принимал к делу *тогда* эти призывы.

Встретившись с донским посланником ген. А. В. Черячукиным Е. Н. Коновалец обещал не тронуть представителя Деникина ген. П. Н. Ломновского, «если тот явится к нему для переговоров относительно офицеров Добровольческой армии, но Ломновский не рискнул это сделать»²¹.

Миссию спасения офицеров взяли на себя ген. А. В. Черячукин, представители германского командования и – с риском для жизни – простые русские люди. «В эти ужасные дни, – вспоминала кн. Т. Г. Куракина, – все мы старались спасти как можно больше офицеров, т.е. содействовать их бегству, так как, разумеется, никто из частных и приличных людей не желал служить у Петлюры»²².

Одной из первых жертв животного «украинского национализма» стал рыцарь Российской Империи граф Ф. А. Келлер.

ПОД ПОКРОВОМ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА

«Отряд гр. Келлера, – писал Мглинский, – к стыду находившегося в его рядах офицерства, быстро растаял, и в конце концов гр. Келлер с 50-100 человеками пробился к Софиевской площади. В ограде собора произошло краткое совещание графа со своими ближайшими помощниками, и он отдал офицерству распоряжение немедленно расплыться, сам же в сопровождении не пожелавшего его оставить полковника Пантелеева отправился в Михайловский монастырь...»¹

Оставшийся в тот вечер с гр. Ф. А. Келлером офицер Н. Д. Нелидов* впоследствии вспоминал:

«Вечером остатки отряда собрались в Михайловском монастыре.

* *Николай Дмитриевич Нелидов* (1892–1960) – сын генерал-майора. Окончил Михайловское артиллерийское училище. Чиновник Сената. Штабс-капитан Л.-Гв. Преображенского полка. Член антисоветской организации в Петрограде (1918). По некоторым данным был членом партии социалистов-революционеров. Воевал в составе Северо-Западной армии. Полковник. В эмиграции во Франции (с 1919 г.). Жил в Париже. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

Граф поместился в келлии, офицеры – в монастырской чайной. На маленьком совещании решено было отпустить остатки отряда, так как сопротивление было бессмысленно.

Граф прошел к офицерам.

Там было около 40 человек. В коротких и теплых выражениях он поблагодарил гг. офицеров, с каждым из них попрощался и со слезами на глазах смотрел, с каким отчаянием уходящие в неизвестность старались испортить оружие и с какою горечью бросали его. Тяжело было всем, и слезы на глазах безстрашного героя разрывали сердце на части.

Граф ушел в келлию»².

Выбор Ф. А. Келлером древнего Михайловского Златоверхого монастыря для укрытия был не случайным: именно в этой обители остановился епископ Нестор (Анисимов), на поддержку которого и понимание граф, несомненно, мог рассчитывать.

«...В ту же ночь, в час по полуночи, – вспоминал Владыка, – граф с двумя адъютантами пришел ко мне в монастырь и сказал: “Да, Владыка, вы были правы, из города прорваться нельзя. Нам всем пришлось рассеяться, и вот я с группой офицеров пришел сюда и прошу устроить нас на ночлег и покормить, так как мы все очень голодны”.

Я повел графа к настоятелю монастыря, епископу Никодиму*, и просил Владыку принять участие в судьбе графа и его офицеров.

Владыка приказал отвести во втором этаже братского корпуса келлию из двух комнат для графа и его адъютантов, а остальных офицеров приказал разместить в другом дворе монастыря, и всех немедленно накормить.

Едва успели разместиться все они на ночлег, как в монастырь стала входить батарея “сечевиков”. Началась паника, так как сечевики стали выдворять из келий братию монастыря, занимая помещение под постой войска. Орудия расставляли в ограде обители»³.

* *Епископ Никодим* (Кротков, 29.11.1868–21.8.1938), *Чигиринский, викарий Киевской епархии* (с 16.11.1911) – хиротонисан во епископа (11.11.1907). Михайловский монастырь с 1799 г. находился в ведении викарного Чигиринского епископа. Арестован по распоряжению правительства Петлюры (1919). Епископ Таврический и Симферопольский (1921). Архиепископ (1922). В заключении и ссылке (1922–1932). Архиепископ Костромской и Галичский (10.6.1932). В заключении (с дек. 1936). Причислен к лику местночтимых святых Костромской епархии (1995). Священномученик. – С. Ф.

Из дневника Келлера:

14-го декабря. (Продолжение.) Духовное начальство не блеснуло храбростью и выполнением своего долга – укрыть преследуемых. И настоятель Михайловского монастыря Никодим, и митрополит Одесский Платон, и даже Преосвященный Нестор Камчатский, эти, как говорили, убежденные и твердые иерархи, прибежали ко мне растерянные, и вся их забота и разговоры клонились к тому, чтобы мы скорее ушли бы из монастыря и не навлекли бы на них ответственности, а куда пойдет эта кучка людей и не будет ли она расстреляна на первом же повороте на улицу – об этом никто из них не заботился. Положение создалось такое, что о том, чтобы пробиться силой нечего было и думать, вести переговоры о вооруженном выходе из города можно было бы, имея в руках силу, готовую постоять за себя, но не во главе тридцати человек, из которых половина готова была разбежаться при первом выстреле. Посланные к музею разведчики донесли, что собравшаяся там дружина дала себя окружить, что музей оцеплен и против него выставлены со всех сторон пулеметы. Тогда, подойдя к оставшимся офицерам, объяснив им положение и разъяснив, что при сложившихся обстоятельствах было бы безумием делать попытку пробиться, я предложил спрятать оружие и разойтись по одному, не возбуждая подозрение, по домам, причем тем, у которых не было денег, я роздал 1000 руб., бывших при мне.

Успокоившись в участии бывших до сего времени при мне офицеров, мы с моими действительно молодцами-ординарцами перешли в обширную квартиру настоятеля монастыря, но, увидав, что и нашу малочисленную компанию не приглашают и что мы и в малом числе неприятны для хозяина, перешли в келью пригласившего нас монаха, куда и перенесли мешок с деньгами «Северной армии»⁴.

Посещение графа Келлера Владыками – отражение настроений, царивших среди них в описываемый момент. О том, каковы они были, можно судить по вот этому отрывку из позднейших воспоминаний одного из участников Лаврского сидения: «Петлюровские отряды вошли в Киев под предводительством галицийского генерала Коновальца. Первое, что они сделали, это расстреляли около Музея более ста офицеров старой Русской Армии. Мы, архиереи, члены Собора, сидели в Лавре, подавленные жестокой расправой, и ждали своей участи, по-прежнему посещая церковные службы»⁵. («Расстрел офицеров» – это, по всей вероятности, отражение в сознании Владык боя отряда графа Келлера с петлюровцами. Но, как известно, у страха глаза велики...)

* * *

«Имя графа было слишком популярно, – писал кн. П. М. Бермонт-Авалов, – чтобы тяжелое положение его прошло бы незаметно. Не только русские сердца дрогнули в тревоге за участь графа, но даже бывшие враги его по войне – германцы – сочли своим долгом принять все меры к его спасению»⁶.

Но ген. Ф. А. Келлер не пошел на попытку его освобождения, предпринятую штабом германского командования. «Не пошел, – подчеркивал современник, – единственно потому, что таковая по форме показалась ему недостойной русского генерала»⁷.

«...Когда в памятный день 14-го декабря Киев был взят петлюровскими войсками, – писал бывший Дворцовый комендант ген. В. Н. Воейков, – немецкое командование, всегда преклонявшееся перед доблестным генералом, настойчиво предлагало графу укрыться в их зоне или, по крайней мере, снять оружие и переодеться в штатское; граф Келлер категорически отказался принять указанные меры предосторожности: он слишком свято чтит свои погоны и оружие, чтобы расстаться с ними в целях самосохранения»⁸.

Из дневника Келлера:

14-го декабря. (Продолжение.) Пока все это происходило, прошло порядочно времени, и ординарец Марков* успел съездить в немецкую комендатуру, куда в продолжении всего нашего странствования по улицам и монастырям он уговорил меня скрыться и сообщить о моем положении. Часов около восьми вечера мне доложили, что приехал немецкий офицер на автомобиле и предлагает меня увезти к ним. Офицер попросил меня, чтобы я снял свою папаху и облачился бы в его шинель, но когда он к этому прибавил, чтобы я еще обезоружился, то на это я не согласился и предоставил ему ехать домой⁹.

«...Приехал полковник Купфер с германским майором, – вспоминал Н. Д. Нелидов. – Последний предложил графу поехать в германскую комендатуру, где он ручался за безопасность. Граф, хотя и владевший прекрасно немецким языком, но глубоко не любивший немцев, по-русски, через Купфера, отказался.

Несмотря на отказ, мы вывели графа почти силой из келлии во двор и довели уже до выхода из ограды. По дороге, по просьбе майора, накинули на графа немецкую шинель и заменили его огромную папаху русской фуражкой, чему он нехотя подчинился. Когда же

* Тот самый корнет С. В. Марков, автор воспоминаний «Покинутая Царская Семья». – С. Ф.

майор попросил его снять шашку и Георгия с шеи, чтобы эти предметы не бросались в глаза при выходе из автомобиля, граф с гневом сбросил с себя шинель и сказал: «Если вы меня хотите одеть совершенно немцем, то я никуда не пойду». После чего он повернулся и ушел обратно в келью. Ни мольбы, ни угрозы не могли уже изменить его решения»¹⁰.

В статуте Императорского Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия – напомним – было сказано: «Сея орден никогда не снимать, ибо заслугами оный приобретается».

Легендарный барон Роман Федорович Унгерн фон Штернберг на другом конце России и чуть позднее (в сентябре 1921 г.) в одиночке Новониколаевской тюрьмы накануне расстрела сгрыз свой Георгиевский крест, чтобы тот не достался врагам.

Этот решающий момент в судьбах графа Келлера и барона Унгерна можно сравнить с другим подобным в биографии барона Маннергейма.

В начале 1917 г., на пути из Финляндии в Бессарабию, где стояла его 12-я кавалерийская дивизия, он проездом оказался в Петрограде, остановившись, как всегда, в гостинице «Европа». Утром 28 февраля, вспоминал он, «я услышал, а затем и увидел, что перед гостиницей собралось множество народа. По улице двигалась шумная процессия, на руках у манифестантов были красные повязки, в руках – красные флаги. Судя по всему, эти люди пребывали в революционном опьянении и были готовы напасть на любого противника. У дверей гостиницы толпились вооруженные гражданские лица, среди них было и несколько солдат. Неожиданно один из них заметил, что я стою около окна, и принялся с воодушевлением размахивать руками, показывая на меня – ведь я был в военной форме. Через несколько секунд в дверь заглянул старый почтенный портье. Он задыхался, поскольку только что взбежал по лестнице на четвертый этаж. Совершенно потрясенный старик, запинаясь, рассказал, что началась революция: восставшие идут арестовывать офицеров и очень интересуются номером моей комнаты. Надо было спешить. Форма и сапоги были уже на мне, я набросил на плечи зимнюю шинель, лишенную знаков отличия, сорвал шпоры и надел папаху, которую носили и гражданские и военные. Чтобы не встречаться с восставшими на главной лестнице или в вестибюле, я решил пройти через черный ход, а по дороге предупредил своего адъютанта и пообещал по возможности позвонить ему в течение дня»¹¹.

Как все это не похоже на поведение графа Келлера!

«Как офицер он попал в сложное положение, – комментирует этот эпизод автор жизнеописания будущего финского фельдмаршала, – но все же спасся»¹². Маннергейм из затруднительного положения вышел, сохранив жизнь. Келлер – сохранив честь.

Но для иных подобное было преддверием еще более печального эпилога:

*В ломбарде старого ростовщика,
Нажившего почет и миллионы,
Оповестили стуком молотка
Момент открытия аукциона.*

*Чего здесь нет! Чего рука нужды
Не собрала на этих полках пыльных,
От генеральской Анненской звезды
До риз с икон и крестиков крестильных...*

*Но как среди купеческих судов
Надменен тонкий очерк миноносца, –
Среди тупых чиновничьих крестов
Белеет грозный крест Победоносца.*

*Святой Георгий – белая эмаль,
Простой рисунок... Вспоминаешь кручи
Фортов, бросавших огненную сталь,
Бетон, звеневший в вихре пуль певучих,*

*И юношу, поднявшего клинок
Над пропастью бетонного колодца.
И белый – окровавленный платок
На сабле коменданта – враг сдается!..*

*Не алчность, робость чувствую в глазах
Тех, кто к тебе протягивает руки,
И ухожу... И сердце все в слезах
От злости, одиночества и муки*.*

...А «Маленький Белый Крестик» Царя-Мученика, избежав рук Его мучителей и убийц, неизвестными путями попал на Святую Гору Афон, и там, в одной из обителей, его еще и доньне можно видеть прикрепленным к иконе Пресвятой Богородицы.

* Арсений Несмелов. В ломбарде.

Однако продолжим знакомиться с воспоминаниями других очевидцев.

«...Приходит посланный от гр. Келлера адъютант, – писал Владыка Нестор, – и просит меня немедленно придти к графу. Пока я одевался, адъютант рассказал мне, что пришел автомобиль с немецкими офицерами, желающими увезти графа и спасти его от неминуемой расправы петлюровцев, но что граф категорически отказывается от этих услуг немцев. Немцы в течении всего дня искали графа по Киеву и только поздно ночью узнали место, где он скрывается.

Когда я с адъютантом вышел в ограду обители, мимо нас германские офицеры почти насильно провели к автомобилю графа. Они заверяли его, что им поручено только сохранить его жизнь и вывезти благополучно из города. Но граф не соглашался на это и, увидев меня, взмолился. Прося меня разъяснить немцам, что он не может уйти и оставить свой отряд на растерзание, что, если суждено, он желает погибнуть вместе со своими людьми.

Тем не менее, германские офицеры довели уже графа до автомобиля и здесь накинули на него германскую шинель. Потом они попросили его снять с себя Георгиевское оружие, чтобы легче было ускользнуть от осмотра петлюровских дозоров, патрулирующих по городу.

Но в ответ на это предложение гр. Келлер отбился от державших его немцев, сбросил шинель и каску и, поблагодарив германских офицеров за заботы о нем, резко повернулся обратно и пошел в обитель...»¹³

Немецкий майор, вспоминал Н. Нелидов, «пожал плечами, круто повернулся и уехал.

Граф прилег отдохнуть.

Вдруг вбежал монах и говорит, что приехали петлюровцы.

Пантелеев бросился в келлию графа. Я с ординарцем вышел в коридор, где вповалку спали богомольцы.

На стук в дверь из келлии вышел Пантелеев. Петлюровцы вместе с ним вошли внутрь. Было тихо. Через несколько минут из келлии вышел граф Келлер, Пантелеев и Иванов, окруженные петлюровцами. Последние держались хорошо, ни грубости, никакого насилия они себе не позволили.

Граф медленно шел: походка была ровная, спокойная, ни капли волнения нельзя было обнаружить в его фигуре...»¹⁴

«Когда петлюровцы начали производить повальные обыски и явились в Михайловский монастырь, – читаем в воспоминаниях ген. В. Н. Воейкова, – монахи предложили графу Келлеру провести

его потайным ходом в обысканный уже корпус; но генерал не только не согласился на это, но приказал одному из адъютантов сообщить производившим обыск, что он находится в монастыре. Тотчас же прибыл патруль, объявивший графа и его адъютантов арестованными, и к ним был поставлен караул из сечевых стрельцов...»¹⁵

Из дневника Келлера:

14-го декабря. (Окончание.) Я со своими ординарцами разместился в монастырской довольно обширной и комфортабельной келье. Не успели мы попросить себе чаю, как нам сообщили, что в монастырь пришли квартиреры 4-го артиллерийского полка и приступили к отводу полку квартир.

15-го декабря. Ночь мы провели спокойно: я, улегшись на постели монаха отца Николая, Пантелеев на стуле, а оставшийся при мне офицер Павлоградского полка из дружины, которому, очевидно, некуда было деваться, – на диване. Поздно вечером приехал ко мне Щербачев* и сообщил, что все мои вещи, которые я приказал через ординарца корнета Леницкого** моему вестовому Ивану провезти на извозчике в гостиницу «Бояр», разграблены какой-то бандой на углу Банковской улицы, но по счастливой случайности отбиты тут же проходившей командой вартовых или директорских*** войск и в целости доставлены смотрителю здания Генерального штаба. О том, где мой Иван – сведений нет. Мне не так было жаль моих вещей, как стяга, благословения 10-й кавалерийской дивизии, и шашки, поднесенной мне корпусом при получении мною Георгиевского оружия, и я сильно упрекал себя за то, что в горячке отъезда забыл их захватить с собой. Щербачев обещал озаботиться сохранением вещей, но так как сам он должен был скрываться, а также скрылся и Сливинский, которого, говорят, разыскивают, обвиняя в измене, то трудно было рассчитывать на целостность дорогих для меня воспоминаний. Проснувшись утром, мы потребовали для себя чая и просфор и засели пить чай. К этому времени ночевавший с нами гусар скрылся, но к нам пробрался, отыскав меня, симпатичный и дельный ординарец, бывший еще во время войны в штабе корпуса, Н. Н. Иванов, который, несмотря на то, что у него мать жила в Киеве и он легко мог скрыться, все же с опасностью для себя решил меня не оставлять одного. С тех пор мы живем втроем, и я каждый день и час с благодарностью посматриваю на своих союзни-

* Ротмистр Щербачев в 1915 г. был в составе штаба III конного корпуса. – С. Ф.

** В 1919 г. служил в гусарском графа Келлера полку в Русской Западной Добровольческой армии кн. П. М. Бермонта-Авалова. С декабря в 1919 г. – в Германии. – С. Ф.

*** Т.е. войсками петлюровской «Директории». – С. Ф.

ков Пантелеева и Иванова, добровольно разделивших мою участь и терпящих из-за меня неудобства и лишения.

К 12-ти часам монастырь весь уже был занят чинами 4-й батареи директорских войск, почему я нашел более сообразным обстановке и более безопасным попросить шт.-ротм. Иванова сходить к командиру батареи и заявить ему от моего имени о нашем присутствии в монастыре. Приблизительно через полчаса мы услышали в коридоре топот, и в нашу келлию с шумом ворвалось человек пять солдат и офицер, по наружному виду и одеянию более похожий на помещика или управляющего, т.к. на нем никаких отличий в виде погон не было. Этот офицер, рекомендовавшийся командиром батареи и, очевидно, хотевший произвести впечатление своим суровым воинским видом, оказался вежливым и, я должен ему отдать справедливость, деликатным и симпатичным малым, после первых слов отбросивший свою воинскую важность. Его солдаты тоже видимо старались принять вид грозных вояк, но по тому, как они держали ружья, становились на часы и заряжали ружья, сразу было видно, что с оружием вся эта публика мало знакома, так же как с обязанностями часовых и караульных. Больше всего озабочивало командира батареи наше оружие, которое он все же весьма вежливо просил ему передать. Я заявил ему, что моего оружия он не получит, чем очень озадачил его, но когда я объяснил ему, что даже во время войны старым генералам, взятым в плен, в знак уважения, оставляют оружие и погрозил ему, что если он насильно захочет меня обезоружить, я пушу себе на его глазах пулю в лоб, он согласился оставить у меня оружие. Я дал ему честное слово, что оружие против чинов караула употреблять не буду, и не только не предприму что-либо с целью бежать, но даже не уйду, если и была бы какая-нибудь попытка со стороны меня освободить. Для успокоения караула я приказал своим ординарцам выдать свои шашки и револьверы. С моей стороны нежелание расстаться с оружием было не фантазией, не упрямством, а просто мера предосторожности, так как я не знал, с кем имею дело, и при недостатке дисциплины мог всегда ждать после отобрания оружия какого-нибудь оскорбления или издевательства или истязаний, а так как я этого не считал возможным допустить, то предпочитал раздробить себе голову револьверной пулей. Одного моего револьвера хватило бы для этой цели на всех нас.

Просидев несколько дней под караулом, я убедился, что мои опасения были напрасны, все чины караула относились все время к нам не только вежливо, но даже предупредительно, и я ни одного слова упрека предъявить им не могу, а, напротив, должен быть благодарен как командиру батареи, так и солдатам за те мелкие услуги, которыми они облегчали наше заключение. Эти дни памяты мне еще и тем милым самоотверженным отношением к нам нескольких дам, живущих в Киеве. Так, М. А. Сливинская, которой родной сын был арестован и муж далеко не в безопасности, все же находила время ежедневно за-

ходить к нам, приносить нам продукты и справляться о наших нуждах. Елена Николаевна Бенау ежедневно находила время прибегать к нам с другого края Киева, приносить папиросы, съедобное и нашла даже где-то на мой рост штатское платье на тот случай, что от меня требуют, чтобы я снял погоны. Моя милая племянница Н. Келлер*, с которой я только один раз встретился на пять минут, несмотря на то, что была покинута, без денег, своим мужем в Киеве и что при падении несколько дней тому назад ушибла себе ногу, ежедневно приходила нас навещать и заваливала нас котлетами, ветчиной, колбасой и даже конфетами. Как я был бы счастлив, если в будущем мне удастся услужить и сделать доброе этим славным русским женщинам.

16-го декабря. Тяжелый выпал для меня сегодня день. Утром я прочел в газетах, что мой стяг и моя шашка попали кому-то в руки и описаны как взятые будто бы боевые трофеи у бывшего главнокомандующего графа Келлера. Хороши боевые трофеи, взятые при ограблении у мирно ехавшего по городу на извозчике безоружного моего вестового Ивана. Казалось бы, хвастаться нечем, но, очевидно, хочется этим господам боевой славы. Обидно до слез. Для меня все это – воспоминания добрых отношений частей, которыми я командовал на войне, жаль расставаться с благословением моей геройской 10-й дивизии, благословением, под которым я не раз бывал под таким градом пуль, что, казалось, не было и возможности остаться живым. Может быть, Бог даст, после освобождения удастся вернуть эти дорогие для меня предметы. Часов около 11 вошел к нам в келлию командир батареи с довольно смущенным видом, на который я, привыкший за последние дни относиться к нашим сторожам с доверием, не обратил внимания, и заявил мне, что он получил приказание меня обезоружить. Одновременно с ним вошли 3 солдата, сразу наведшие винтовки на меня. На мой вопрос, откуда исходит такое приказание, он мне ответил, что от коменданта. Вся эта компания, несмотря на усилие казаться воинственной и решительной, скорее показалась мне смешной, т.к. командир, ставший между мной и дверью, ведущей в мою спальню, где было мое оружие, с трудом вытащил свой револьвер, а его подчиненные очевидно с винтовками были мало знакомы, так что у одного из них затвор был не повернут, а другой, наведя на меня дуло, копался, стараясь засунуть патрон в коробку, что ему плохо удавалось. Я в это вре-

* Племянницы с таким инициалом в сочетании с такими биографическими подробностями у Федора Артуровича не было. Речь может идти о графине Татьяне Артуровне Келлер (1898–1953), дочери от первого брака гр. Артура Артуровича, брата Ф. А. Первым ее супругом был поручик Шишкин, выпускник Пажеского корпуса. Скончалась она во Франции, второй раз выйдя там в 1942 г. замуж за Николая Дмитриевича Хомутова (1891–1949), от которого у них были дети. – С. Ф.

мя сидел на диване и, если захотел бы, то, конечно, успел бы до первого выстрела отскочить за дверь, но этим мог бы вызвать стрельбу по моим ординарцам, к тому же обращение к нам последних дней доказало, что оскорблений и истязаний ожидать мне нечего. Правда, я не ждал обезоружения, так как после трех дней, в которые я не воспользовался оружием и не нарушил данного мною честного слова ни обороняться, ни бежать, казалось бы, должны отпасть всякие сомнения насчет нашего дальнейшего поведения. Очевидно все клонилось только к исполнению формальности и того, что эти люди прочли в уставах и селятся исполнить все по правилам уставов и инструкций, но делают это часто невпопад, что, конечно, немудрено при молодости армии. Моя шашка и револьвер были взяты, я остался сидеть на диване, не протестуя, но очевидно мой насмешливый вид оскорбил одного из солдат, так как он задал мне вопрос: «разве это смешно?» – На это я ответил: «конечно, смешно наводить три винтовки на безоружного старика, которого этим ведь не испугаешь. Лучше было бы просто попросить его и взять оружие». Все же, хотя я получил расписку – мне жаль моей боевой шашки, получу ли я ее обратно? – Обращение в этот и последующие дни осталось с нами такое же вежливое, предупредительное, но вместо того, чтобы уменьшить строгость охраны над обезоруженными – ее усугубили, так, например, Иванова уже не выпускают на прогулку для закупки нам провизии, при каждом посещении нас, даже дамы, с ней входят два солдата, которые присутствуют при нашем разговоре и не допускают свидание продолжительнее 15-ти минут. В общем видно, что мы имеем дело с людьми, которые селятся исполнить все по правилам уставов и инструкций¹⁶.

К смерти, после принятия присяги, Федор Артурович был готов всегда. Война во много раз увеличила эту возможность. За два с половиной года боев он был трижды ранен (в том числе дважды тяжело). Со времени отстранения Государя от власти внутренними врагами, как верноподданный, он был готов к смерти ежеминутно. Теперь эта возможность стала реальностью. И у него не было на этот счет никаких иллюзий. Нужно было спасти оставшийся при нем «отрядный штандарт» – неодушевленный символ его воинской чести.

Но как это сделать? Федор Артурович вспомнил о епископе Несторе.

Имея в виду приказание ген. Ф. А. Келлера своему адъютанту сообщить петлюровцам о своем местонахождении, Владыка писал: «Этот последний поступок графа был для него роковым. Петлюровцы моментально перевели свой штаб в нижний этаж того корпуса, где поселился граф, и к его келлии приставили часового.

3-го декабря ст. ст. вечером граф попросил меня и моего секретаря Н. А. О.*, чтобы я нашел как-нибудь путь пройти к нему и чтобы мы выполнили его поручение по спасению его отрядного штандарта.

4-го декабря был праздник в монастыре в честь св. Великомученицы Варвары. Митрополит Антоний поручил мне в этот день совершить крестный ход с обнесением св. мощей вокруг храма после ранней Литургии.

Когда духовенство вносило гробницу с мощами обратно в церковь, то я, наученный еще в детстве своей матерью проходить под святаыней, наклонил голову, сняв митру и остался стоять на паперти, чтобы гробницу пронесли надо мной. Когда я оказался под гробницей, то священнослужители, несшие святые мощи, так ударили меня гробницей по голове, что я на момент потерял сознание. Потом, придя в себя, я решил, что это какое-то серьезное мне предупреждение от святой Великомученицы Варвары.

Позднюю Литургию я сослужил с семью архиереями. Первенствующим среди нас был митрополит Одесский Платон. По окончании Литургии я решил исполнить поручение графа Келлера и постарался пройти к нему. Без панагии на груди, под видом простого монаха с просфорой, я прошел в дверь, где был расположен штаб сечевиков, и, поднявшись на 2-й этаж, не обращая внимания на часовых, стоявших у келлии графа, смело открыл дверь и прошел к пленнику. Быстро благословив узников и приняв от графа пакет, я тотчас же вышел из комнаты. Стражи уже у дверей не было.

Конечно, я сразу понял, что мне грозит опасность, и был готов ко всяким неожиданностям.

Только лишь я подошел к крыльцу, чтобы выйти за ограду обители, как из комнаты штаба выбежали какие-то петлюровские офицеры и закричали на меня по-украински – на каком основании был я у графа Келлера без разрешения. Я ответил им по-украински же: «шо це таке, я ж монах, та принес святыый хлиб до графа, та и все».

В ответ я получил удар по затылку кулаком и пинок в спину такой, что у меня искры из глаз посыпались, и я кубарем полетел со ступеней крыльца за ограду.

Очнувшись и встав с земли, я пошел, не оглядываясь, вокруг храма, думая только о том, чтобы скорее унести ноги, так как иначе меня неминуемо должны были арестовать.

* По словам Владыки, «молодой офицер Царского времени», рвавшийся «к активной работе в монархических организациях». – С. Ф.

Вход в корпус, где находилась моя келлия, был рядом с крыльцом штаба, но, чтобы замести следы, я не пошел прямо к себе, а обошел храм.

Через две минуты уже по всему двору монастыря бегали солдаты и кричали: «где тот монах, що ходыв до грахва Келлера?»¹⁷.

Владыка Нестор вынес знамя, совершив подвиг, который в России всегда венчал Святой Георгий. И что за дело, что Империя прекратила свое видимое существование! Святыня была выхвачена из рук врагов!

Из дневника Келлера:

18-го декабря. Сегодня, говорят, въехал в город Петлюра и вся Директория, которую город встретил торжественно, с колокольным звоном, как, бывало, встречали Царскую Семью. Где Они, бедные, кто из Них уцелел и в какой Они теперя обстановке. Однако вот уже пятый день как мы сидим взаперти, становится скучно и тяжело вато не менять белья, не чистить зубов и спать, прикрывшись полушубком. Хотелось бы знать, когда эта комедия кончится и в чем меня в сущности обвиняют. Боюсь, как бы до жены не дошли слухи о моем аресте. Она больна, а мое задержание ее сильно встревожит. Одной из применяемых ко мне строгостей было неразрешение отправить телеграмму, даже после прочтения ее¹⁸.

Как эти строки напоминают последние записи в дневниках Царя и Царицы перед тем, как Их ...убили:

«Алексей принял первую ванну после Тобольска; колено его поправляется, но совершенно разогнуть его не может. Погода теплая и приятная. Вестей извне никаких не имеем».

«8 ч[асов]. Ужин. Совершенно неожиданно *Лику Седнева* отправили навесить дядю, и он сбежал, – хотелось бы знать, правда ли это и увидим ли мы когда-нибудь этого мальчика! Играла в безик с Н[ики]. 10 1/2. Легла в постель. +15 градусов».

* * *

Накануне прибытия «Директории» в Киев оставшимся в городе дипломатам были разсланы приглашения на французском языке. Приветственную речь было предложено сказать турецкому дипломату. Выбор, судя по рассказанному нами о нем выше, был не случайным...

В половину второго на вокзале собралась большая толпа. Шел мокрый снег. К перрону подошел обледеневший поезд Директории. Пассажиры вышли под истошные крики «Слава!»

«Особенно длинную и горячую речь» произнес глава еврейской общины Киева, известный сионист, основатель и лидер Сио-

нистско-социалистической рабочей партии Наум Сыркин, написавший потом книгу «В свободной Украине»¹⁹.

Торжественно въехавшего в Киев Петлюру встречал на Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому Екатеринославский архиепископ Агапит (Вишневский). Приветствовал он его на украинской «мове» как «героя» и «освободителя» и расцеловался с ним. Закончив свою льстивую речь, Владыка не преминул заметить: «Мы с вами давно знакомы...» – намекая на свое инспекторство в Полтавской духовной семинарии как раз в то время, когда нынешнего «головного отамана» выгнали из нее за неблагоприятный поступок*. Разговор на эту далекую и, видимо, не совсем приятную для него тему Петлюра не поддержал, выразительно замолчав²⁰.

Наряду с православным владыкой «головного отамана» встречал Моисей Григорьевич Рафес – один из руководителей Бунда, член послефевральского исполкома Петросвета, в недалеком будущем член РКП(б), заведующий иностранным отделом ТАСС. «...Московский бухгалтер, – писал о торжественном въезде в Киев Петлюры В. А. Амфитеатров, – на белом коне въехал в город, и Рафес [...] приветствовал от имени еврейского народа сего полководителя от гроссбухов, занимающегося по преимуществу погромами, благодаря за освобождение от власти, при которой ни одного погрома не было»²¹. (Позднее Моисей Григорьевич писал в основном лишь об истории милого его сердцу Бунда, да «рассказы о царских розгах»²². Писал бы и далее, если бы не 1937-й...)

А потом был парад, красочно описанный М. А. Булгаковым в его «Белой гвардии»:

Пропеть «многая лета» «головному отаману» вышел прославленный церковный хор Софийского собора – «в коричневых до пят костюмах, с золотыми позументами».

«Был сильный мороз. Город курился дымом. Соборный двор, топтанный тысячами ног, звонко, непрерывно хрустел. Морозная дымка веяла в остывшем воздухе, поднималась к колокольне. Софийский тяжелый колокол на главной колокольне гудел, стараясь покрыть всю эту страшную, вопящую кутерьму. [...]

– Молебен будет.

* Впоследствии решением Временного Высшего Церковного Управления на Юго-Востоке России за это приветствие архиепископ Агапит был уволен на покой. Потом, уже в годы советской власти, он впал в обновленческий раскол. Но это его не спасло: будучи арестованным чекистами, он скончался от истязаний.

- Крестный ход.
 - Молебствие о даровании победы и одоления революционно-му оружию народной украинской армии.
 - Помилуйте, какие же победы и одоление? Победили уже.
 - Еще побеждать будут!
 - Поход буде.
 - Куды поход?
 - На Москву.
 - На какую Москву?
 - На самую обыкновенную.
 - Руки коротки.
 - Як вы казали? Повторить, як вы казали? Хлопцы, слухайте, шо вин казав? [...]
 - Слава Петлюри! Украинской народной республике слава!!!
- “Дон... дон... дон... Дон-до-дон... Тирли-бом-бом. Дон-бом-бом”, – бесились колокола. [...]
- ...Сила Петлюры несметная на площадь старой Софии идет на парад.

Первой, взорвав мороз ревом труб, ударив блестящими тарелками, разрезав черную реку народа, пошла густыми рядами синяя дивизия.

В синих жупанах, в смушковых, лихо заломленных шапках с синими верхами шли галичане. Два двухцветных прапора, наклоненных меж обнаженными шашками, плыли следом за густым трубным оркестром, а за прапорами, мерно давя хрустальный снег, молодецки гремели ряды, одетые в добротное, хоть немецкое сукно. За первым батальоном валили черные в длинных халатах, опоясанных ремнями, и в тазах на головах, и коричневая заросль штыков колючей тучей лезла на парад.

Несчитанной силой шли серые обшарпанные полки сичевых стрельцов. Шли курени гайдамаков, пеших, курень за куренем, и, высоко танцую в просветах батальонов, ехали в седлах brave полковые, куренные и ротные командиры. Удалые марши, победные, ревушие, выли золотом в цветной реке.

За пешим строем, облегченной рысью, мелко прыгая в седлах, покатили конные полки. Ослепительно резнули глаза восхищенного народа мятые, заломленные папахи с синими, зелеными и красными шлыками с золотыми кисточками.

Пики прыгали, как иглы, надетые петлями на правые руки. Весело гремящие бунчуки металась среди конного строя, и рвались вперед от трубного воя кони командиров и трубачей... [...] ...Черно-

морский конный курень имени гетмана Мазепы. Имя славного гетмана, едва не погубившего Императора Петра под Полтавой, золотистыми буквами сверкало на голубом шелке. [...]

– Слава! Слава Петлюри! Слава нашему Батько! [...]

Гремели страшные тяжкие колеса, тархтели ящики, за десятью конными куренями шла лентами безконечная артиллерия. Везли тупые, толстые мортиры, катились тонкие гаубицы, сидела прислуга на ящиках, веселая, кормленная, победная, чинно и мирно ехали ездовые. Шли, напрягаясь, вытягиваясь, шестидюймовые, сытые кони, крепкие, крутокрупные, и крестьянские, привычные к работе, похожие на беременных блох, коняки. Легко громыхла конно-горная легкая, и пушечки подпрыгивали, окруженные бравыми всадниками. [...]

Лязг, лязг, лязг. Глухие раскаты турецких барабанов неслись с площади Софии, а по улице уже ползли, грозя пулеметами из амбразур, колыша тяжелыми башнями, четыре страшных броневика. [...]

Броневики, гудя, разламывая толпу, уплыли в поток, туда, где сидел Богдан Хмельницкий и булавой, чернея на небе, указывал на северо-восток. Колокол еще плыл густейшей масляной волной по снежным холмам и кровлям города, и бухал, бухал барабан в гуще, и лезли остервеневшие от радостного возбуждения мальчишки к копытам черного Богдана. А по улицам уже гремели грузовики, скрипя цепями, и ехали на площадках в украинских кожухах, изпод которых торчали разноцветные плахты, ехали с соломенными венками на головах девушки и хлопцы в синих шароварах под кожухами, пели стройно и слабо... [...]

Совершенно внезапно лопнул в прорезе между куполами серый фон, и показалось в мутной мгле внезапное солнце. Было оно так велико, как никогда еще никто на Украине не видал, и совершенно красно, как чистая кровь. От шара, с трудом сияющего сквозь завесу облаков, мерно и далеко протянулись полосы запекшейся крови и сукровицы. Солнце окрасило в кровь главный купол Софии, а на площадь от него легла странная тень, так что стал в этой тени Богдан фиолетовым, а толпа мятушегося народа еще чернее, еще гуще, еще смятеннее. И было видно, как по скале поднимались на лестницу серые, опоясанные лихими ремнями и штыками, пытались сбить надпись, глядящую с черного гранита. Но бесполезно скользили и срывались с гранита штыки. Скачущий же Богдан яростно рвал коня со скалы, пытаясь улететь от тех, кто навис тяжестью на копытах. Лицо его, обращенное прямо в красный шар, было яростно, и по-прежнему булавой он указывал в дали»²³.

СМЕРТЬ У СВЯТОЙ СОФИИ

«С огромным достоинством держал себя граф в монастыре, – отмечал современник, – об этом единодушно свидетельствовали как монахи монастыря, так и сами петлюровцы. [...] В монастыре сечевики отобрали у гр. Келлера суммы, принадлежавшие Западной армии, главнокомандующим коей граф был в то время. Граф не мог допустить гибели вверенных ему как главнокомандующему армейских сумм и потребовал их возврата. Он написал по этому поводу полное достоинства письмо самому Петлюре, произведшее на последнего, по имевшимся тогда сведениям, большое впечатление. Это письмо, а главное будто бы боязнь ответственности со стороны украинских частей, сыграла впоследствии, по некоторым данным, немалую роль в гибели графа»¹.

Об убийстве генерала Ф. А. Келлера в воспоминаниях современников сохранилось немало свидетельств. Исторически достоверные факты в них перемежаются с легендами, ставшими сплетаться вокруг славного имени графа уже в то подлое время.

«В декабре 1918 года в Киеве, – писал ген. В. Н. Воейков, – погиб один из самых верных сынов отечества – граф Келлер...»²

«В Киеве предательски был убит герой Галиции генерал граф Келлер»³, – отмечал в своих воспоминаниях генерал барон П. Н. Врангель.

Граф Ф. А. Келлер, писала двоюродная сестра Петра Николаевича, кн. Т. Г. Куракина, был «предательски убит... в спину со своим адъютантом, кавалергардом Пантелеевым, когда их ночью переводили из одной тюрьмы в другую»⁴.

Генерал, свидетельствовал А. В. Черячукин, «был предательски убит в 4 часа утра пулей в спину на площади у памятника Богдана Хмельницкого»⁵.

«А графа Келлера я больше не видел, – писал участник того последнего “боя в сумерках” артиллерийский юнкер Владимир Киселевский. – Он был очень гордый человек. Немцы его хотели освободить. [...] И немцы предложили Келлеру: мы вас вывезем. Но ему сказали, что он должен отдать свое оружие... а у графа Келлера была шашка, личный подарок Государя с надписью... а он говорит: я ее ни за какие коврижки не отдам... а немцы говорили: вы должны отдать вашу шашку как эмблему... мы вас тогда вывезем... но он не отдал шашки, и его расстреляли... правда, не немцы, а позднее петлюровцы»⁶.

«Генерал граф Келлер, – писал очевидец последних дней гетманского Киева Дружинин, – вовсе не был расстрелян, как это го-

ворят. Он был подло убит в самом центре города на Софиевской площади, когда его переводили из места заключения в контрразведку для допроса. По уверениям украинских властей, граф Келлер будто бы пытался бежать, почему и был убит охраной. Излишне говорить насколько правдоподобна эта версия – слишком много убийств было совершено под видом пресловутого противодействия попытке бежать»⁷.

«...По дороге, боясь, чтобы немцы не отняли у них их жертву, – писал ген. В. А. Кислицин, – петлюровцы убили этого выдающегося военного человека и патриота. Темной ночью, у памятника Богдану Хмельницкому, граф Келлер был заколот штыками. Он умер, будучи одет в форму генерала Оренбургского казачьего войска, с которой никогда не расставался и которой он всегда гордился»⁸.

И в крымском дневнике вдовствующей Государыни Марии Феодоровны имеются записи об этом:

(16.12.1918): «Прямо в сторону дома дул ураганный ветер, отчего повсюду сквозило. Говорят, будто убиты граф Келлер и все члены его штаба, – это страшное несчастье, ведь он самый разумный и самый энергичный из всех, и знал, что нужно делать. Все же остальные действуют словно бы вслепую»⁹.

(28.1.1919): «Приняла двух офицеров моего Псковского полка, прибывших из Ростова. Я испытала душевное потрясение, снова увидевшись с ними после всех этих страшных событий, случившихся в наше грустное время. Слушать их было весьма интересно, они рассказывали о героической смерти бедного графа Келлера и Пантелеева. Когда эти мерзавцы явились, он вышел к ним и сказал: “Я знаю, что вы хотите убить меня, но прежде я хотел бы помолиться Господу”. Закончив молитву, он встал между двумя своими адъютантами – Пантелеевым и Ивановым – и сам скомандовал: “Пли!” Истинный герой и христианин! Какая невосполнимая потеря – и ведь совсем ни за что!»¹⁰

Однако достоверных воспоминаний об обстоятельствах гибели графа Ф. А. Келлера не так уж много. Известно, что в ночь с 20 на 21 марта в Михайловский монастырь за графом и состоящими при нем офицерами пришли казаки Черноморского коша, славшие среди современников «большевистствующими». Состояли они под командой офицеров Главной следственной комиссии (контрразведки), возглавлявшейся известным киевским авантюристом, инженером М. Ковенко. Арестованным они заявили, что намереваются перевести их в Лукьяновскую тюрьму¹¹.

«...Мой ординарец, – свидетельствовал офицер Н. Д. Нелидов, – следивший за арестованными, видел, как ночью их привезли на Софийскую площадь.

Вся драма произошла очень быстро.

Граф и его верные адъютанты вышли из саней и по приказанию старшего убийцы пошли на панель. Раздались беспорядочные выстрелы, и три мученика безмолвно упали на снег...»¹²

«21-го декабря, в 11 часов вечера, как я впоследствии узнал, – писал ген. В. Н. Воейков, – арестованных приказано было препроводить в помещение контрразведки, где находились в заключении гетманские министры и русские общественные деятели. Одновременно с выводом графа Келлера и его адъютантов на монастырском дворе солдаты запрягли телегу. Арестованных повели по Большой Владимирской, мимо памятника Богдана Хмельницкого, по трамвайным путям. Едва они достигли того места, где пути несколько отклоняются в сторону сквера, из засады, почти в упор, грянул залп. Сраженный несколькими пулями, упал полковник Пантелеев. Тотчас патрульные открыли огонь в спину уцелевшим после залпа графу Келлеру и штабс-ротмистру Иванову. Граф был убит пулей в затылок, а штабс-ротмистр Иванов – пулей в голову и 4-мя штыковыми ударами. Окончив свою работу, доблестные республиканские солдаты разбежались. Трупы были взвалены на подоспевшую к месту убийства телегу, которая была отвезена в Михайловский монастырь и брошена сопровождавшими ее солдатами на произвол судьбы. Через некоторое время монахи доставили повозку с трупами в военный госпиталь. На следующий день тела убитых были выставлены в анатомическом театре. Родными и друзьями опознаны были Главнокомандующий Северной армией генерал граф Келлер, полковник Пантелеев и штабс-ротмистр Иванов»¹³.

В теле Федора Артуровича было одиннадцать пулевых ран¹⁴.

Генерал и двое офицеров были не единственными, кто был убит у памятника гетману Богдану Хмельницкому. «Там же за четыре дня до гибели графа, – пишет современный украинский исследователь Я. Тинченко, – был застрелен конвоирами арестованный Георгиевский кавалер генерал Андрианов, а накануне Нового года при таких же обстоятельствах погиб предводитель местного дворянства, сын бывшего киевского генерал-губернатора граф Безак»¹⁵.

Графа Келлера и его двух спутников ввели в определенное место, на заранее решенное убийство. «...На всем пути от Михайловского монастыря на Лукьяновку (практически через весь Киев), –

подчеркивает другой исследователь, А. С. Кручинин, – для убийства русского патриота не нашли другого места, кроме подножия памятника Богдану Хмельницкому, – причем, чтобы выехать на Софийскую площадь, убийцам нужно было отклониться от кратчайшего и наиболее целесообразного маршрута. В этом можно заподозрить какую-то мрачную символику...»¹⁶

«Мрачную – да, но, вопреки замыслу, в итоге осуществили истинную, – отозвалась на эти слова Н. А. Ганина. – *Всадник* – под изваянием Всадника; рыцарь – близ Рыцаря (“рыцарством” себя звали герои Малороссии) – и прямо под надписью “Волим под Царя восточного Православного”, девизом жизни – девизом смерти».)

«Расстрелы намеченных лиц, – уточнял один из крупнейших знатоков малороссийской истории киевлянин А. В. Стороженко, – происходили обыкновенно под предлогом пресечения попыток их к побегу во время препровождения в тюрьму. Так погибли прославленный конной атакой на венгров командуемой им 10-й кавалерийской дивизии генерал граф Келлер и его адъютант – кавалергард Пантелеев. Их арестовали около полуночи в Михайловском монастыре, где они ютились, повезли на автомобиле якобы в Лукьяновскую тюрьму, потом высадили у сквера между памятником Богдана Хмельницкого и бывшим домом Алешина, где при большевиках поместился “Сахартрест”, и расстреляли в затылок. Автомобиль помчал дальше мертвые тела. На другой день рано утром на месте расстрела видна была на снегу широкая лужа крови. Подсчитывали в то время, что между 1 декабря 1918 года и 25 января 1919 года ст. ст. расстреляно было “украинцами” в Киеве за инакомыслие не менее двухсот человек. Конечно, это пустяки сравнительно с боями большевиков»¹⁷.

Мариинский парк в Киев превратился в братскую могилу офицеров Русской Армии и Флота¹⁸.

«Редкие фигурки бродят по Мариинскому парку, – уже после прихода в Киев большевиков писал М. А. Булгаков, – склоняясь, читают надписи на вылинявших лентах венков. Здесь зеленые боевые могилки»¹⁹.

«...Убийцы, – пишет ген. В. А. Кислицин, – хотели снять с графа сапоги, но убитый гигант оказал своим презренным врагам сопротивление и после смерти: негодяям оказалось не под силу предпринятая попытка, и убитый граф остался неразутым, как другие жертвы того времени»²⁰.

ВЕРНЫЕ ДО ГРОБА

Вместе с гр. Ф. А. Келлером были убиты два офицера, не пожелавшие его оставить. Когда Федор Артурович категорически отказался сдать оружие и переодеться в немецкую форму, эти офицеры, по свидетельству Н. Д. Тальберга, «имели еще возможность скрыться, но они оба остались при своем начальнике и сознательно принесли себя в жертву воинскому долгу и дворянской чести»¹.

Этот подвиг любви и верности перед лицом смерти не был забыт. Не раз помянутый нами Н. Д. Тальберг (1886–1967) трижды писал о них еще в начале 1920-х годов². Недавно помянул храбровцов наш современник Андрей Иванов³.

Помянем их на страницах этой книги и мы, используя дошедшие до нас скудные свидетельства.

*Отдадим последний долг
Тем, кто долгу отдал – душу*.*

Полковник Андрей Андреевич Пантелеев (1880–1918) происходил из древнего дворянского рода, предки которого были известны еще с XV столетия. Окончив Царскосельский Александровский лицей, в 1902 г. он поступил в Лейб-Гвардии Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны Кавалергардский полк.

То была семейная традиция. Его родной и двоюродный дед со стороны отца, дед и брат матери, а также отец, как и он сам, служили офицерами в этом привилегированном гвардейском полку. Дед на Сенатской площади подавлял декабристский бунт. Отец, Андрей Васильевич, в составе Рушукского отряда, которым командовал будущий Император Александр III, а тогда Наследник Престола, принимал участие в русско-турецкой войне. В день царевубийства 1 марта 1881 г. он состоял ординарцем убитого Государя. Выйдя в отставку, А. В. Пантелеев вступил в гражданскую службу. Состоял он в том числе и в Ведомстве учреждений Императрицы Марии Феодоровны, которая благоволила бывшему офицеру Своего полка.

Что касается Андрея Андреевича Пантелеева, то он участвовал в русско-японской войне 1904–1905 гг., а вернувшись в Петербург – боролся с крамолой. По словам Н. Д. Тальберга, «это был чистый че-

* М. И. Цветаева. Лебединый стан.

ловец и честный дворянин, не за страх, а за совесть преданный Царю и Родине. Еще молодым офицером в 1905 году он принимал деятельное участие в создавшейся тогда в полках Гвардии монархической организации для борьбы с крамолой. Хотя председатель Государственной думы Родзянко приходился ему родным дядей, А. А. Пантелеев в 1917 году одним из первых стал в ряды «противореволюционного монархического движения»⁴. Его отец и мать (сестра пресловутого председателя Государственной думы) также еще в 1905 г. вступили членами в петербургское монархическое Русское Собрание.

«Помню, – писал Н. Д. Тальберг, – мое первое знакомство с покойным в апреле месяце 1918 года на конспиративной квартире в Петрограде, откуда Н. Е. Марков* руководил организацией. А. А. Пантелеев был в то время одним из помощников Маркова по военной части. Тесно сблизился я с Андреем Андреевичем потом в Киеве, куда он, как и я, был командирован для согласования работы с Киевским монархическим центром. В то время все помыслы Андрея Андреевича были сосредоточены на спасении Государя и Царской Семьи»⁵.

* *Николай Евгеньевич Марков 2-й* (2.4.1866–20-е числа апреля 1945) – происходил из древнего дворянского рода. Дед был офицером Свиты Императора Александра I, бабушка – дочерью суворовского генерала. Род Марковых дал немало писателей. Окончил Институт гражданских инженеров. Гласный земского собрания Курской губернии. С юности придерживался монархических взглядов. Вице-председатель курской «Партии народного порядка» (1905). Организовал Курский отдел Союза Русского народа. Обладал мужественным, безстрашным и прямодушным характером, выступая против любых посягательств на прерогативы Царской власти. Депутат III и IV Государственных дум, где был одним из лидеров правых фракций. Один из лучших думских ораторов. Член Главного совета Союза Русского народа (июль 1908). После расколов (в 1908 г. В. М. Пуришкевич создал Русский народный союз имени Михаила Архангела, а в 1912 г. А. И. Дубровин – Всероссийский Дубровинский Союз Русского народа) во главе Главного совета СРН стал Н. Е. Марков. Издавал газету «Земщину», основал «Вестник Союза Русского народа». Призыв его к объединению всех монархистов в противовес созданному в Думе Прогрессивному блоку (1915) не привел ни к каким результатам. Член Особого совещания по обороне государства (авг. 1915). После февральского переворота 1917 г. скрывался. Будучи схваченным, доставлен в Петроград; давал показания Чрезвычайной следственной комиссии. После освобождения организовал в Петрограде подпольную организацию «Великая Единая Россия» (лето 1917), целью которой было спасение Царской Семьи. Одновременно руководил конспиративной «Объ-

«Всю жизнь свою, – писал Н. Д. Тальберг о полковнике Пантелееве в другом очерке, – посвятил он служению Государю, все сосредоточено было у него в помыслах о Нем. Страшные слухи об Екатеринбургских событиях, – временами он им верил, временами нет – сильно подкосили его. Но работу он не оставил, продолжал дело начатое еще в исключительно трудной обстановке в Петрограде, и когда монархическое движение нашло военного вождя в лице графа Келлера, он поступил в его распоряжение...»⁶

«Этим истинно благородным людям, – заключал Н. Д. Тальберг, – суждено было соединиться лишь для того, чтобы вместе погибнуть»⁷.

Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна, находившаяся в описываемое время в Крыму, часто встречалась там с родителями полковника А. А. Пантелеева, о чем сохранились записи в Ее недавно изданном дневнике:

(5.9.1918): «Г-жа Пантелеева получила письмо от сына, который сообщает, что он находится в безопасности и пребывает в добром здравии! Слава и благодарение Господу!»⁸

(21.9.1918): «После чая навестила Пантелеевых, они показали мне письмо от сына, который пишет, что теперь наверняка находится в полной безопасности. Да будет так, Господи!»⁹

единенной офицерской организацией», входил в Комитет петроградской антибольшевицкой организации – филиал образованного в Москве «Правого центра». Вел переговоры с ген. Келлером об организации Монархической армии. Ober-офицер для поручений при Военно-гражданском управлении Северо-Западной армии (лето 1919). Издавал в Ямбурге газету «Белый крест» (нач. июля 1919). Создал офицерскую организацию «Союз верных», запрещенную командующим Северо-Западной армией А. П. Родзянко. В эмиграции в Германии. Инициатор Рейхенгалльского монархического съезда (1921), на котором его избрали председателем Высшего монархического совета. (1921–1927). Издавал журналы «Двуглавый Орел» (Берлин. 1920–1922; Париж. 1926–1931) и «Еженедельник Высшего Монархического совета» (Берлин. 1921–1926). Ездил по европейским странам, выступая перед эмигрантами с докладами. С 1935 г. в Эрфурте, где выпускал небольшой монархический журнал. Автор кн. «Войны темных сил» (Вып. 1-2. Париж. 1928–1930). Сотрудничал с проф. Эрихом Флейшауэром, известным специалистом по еврейскому вопросу. Этот германский артиллерийский офицер, получивший на фронте тяжелые ранения, основал в 1933 г. бюллетень «Всемирная служба» («Weltdienst»), выходивший на немецком, английском, французском и русском языках. В нем и сотрудничал Марков. Скончался в Висбадене, своей ли смертью, до сих пор неизвестно. – С. Ф.

(27.12.1918): «...Муж [Пантелеев] передал мне [...], что они получили достоверные сведения об убийстве их любимого сына! Бедные родители, не могу даже описать, как я им сочувствую! Огорчаюсь несчастьями других и не решаюсь думать о своих собственных»¹⁰.

После того, как Белое дело на юге было проиграно, престарелые супруги Пантелеевы выехали сначала в Югославию, а потом в Болгарию, где Андрею Васильевичу, как участнику освобождения Болгарии от Османского ига, правительство платило небольшую пенсию. Скончался отставной кавалергард в Софии 17 сентября 1938 года.

О штабс-ротмистре Николае Николаевиче Иванове, адъютанте графа Келлера, кроме звания, имени, отчества и фамилии, неизвестно ничего. Зато это фамилия, на которой, как говорят, вся Россия держится.

Кто уцелел – умрет, кто мертв, – воспрянет.*

«Украинское правительство на другой день, – писал Мглинский, – объявило, конечно, что граф Келлер со своим штабом были убиты при попытке к бегству. Как недостойно и пошло звучит это извещение: такие люди, как граф Келлер и его ближайшие сподвижники, не бегают, а смело и открыто гибнут на своем посту. Никто в Киеве, конечно, не поверил правительственному сообщению. Кровь же этих героев должна полностью пасть на безсовестного Петлюру и его сподвижников»¹¹.

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

На другой день после убийства к посланнику Всевеликого Войска Донского ген. А. В. Черячукину пришла женщина, представившаяся родственницей графа Келлера. Она ходатайствовала о погребении генерала. Хотя Коновалец, по словам А. В. Черячукина, «и доказывал мне, что это сделано без ведома Директории и его, но все же этот поступок, даже если Коновалец говорил правду, далеко не мог вызвать оправдания смерти Келлера. Эта смерть настроила против Директории и союзников и много помешала переговорам ее с последними, когда, ища себе опоры, Петлюра обратился к французам»¹.

* М. И. Цветаева. Лебединый стан.

Впоследствии было установлено, что солдаты, убившие генерала, подчинялись непосредственно Е. М. Коновальцу, как «отаману січового стрілецтва», а среди непосредственных убийц был адъютант одного из приближенных Петлюры, бывшего прапорщика Тимченки².

Судьба графа Келлера интересовала и немцев. «На запрос германского командования, правда ли, что убит граф Келлер, – писал в воспоминаниях ген. В. Н. Воейков, – Украинское правительство с циничной развязностью ответило, что ему об убийстве графа Келлера ничего неизвестно, но что в военный госпиталь доставлены трупы какого-то генерала, в шароварах с синими лампасами, и еще двух военных»³.

«С трудом удалось получить их тела и похоронить в Покровском монастыре»⁴, – писал Н. Д. Тальберг, имея в виду графа и его двух адъютантов. «Похоронили героев, – свидетельствовал Мглинский, – в Покровском монастыре, после долгих мытарств по получению на это разрешения властей»⁵.

«Похороны Келлера, – писал ген. В. А. Черячукин, – были разрешены, но с условием, чтобы за гробом шли только самые близкие родственники покойного. Очевидно, Коновалец боялся манифестаций, сопровождавших останки героя»⁶.

«Похоронен был граф Келлер, – писал ген. В. А. Кислицин, – моими близкими на Лукьяновке, причем похоронить этого рыцаря, всегда шедшего с открытым забралом, пришлось под другой фамилией»⁷.

Писали, что навещавшая генерала в заточении дочь командира 12-го гусарского Ахтырского полка Е. Н. Бенуа, нашла тела «героев-мучеников» и в разыгравшуюся «метель и страшную бурю» предала их христианскому погребению в Покровском монастыре⁸.

Вынеся знамя из келлии гр. Келлера, Владыка Нестор тут же скрылся из Михайловского монастыря, найдя приют в Покровской обители известной подвижницы матушки Софии (Гриневой, 1873–1941). Основательница женской обители «Отрада и Утешение» в Калужской епархии, духовно окормлявшаяся у оптинских старцев, в конце 1912 г. она стала настоятельницей Покровского монастыря в Киеве⁹. В то время, когда епископ Нестор нашел здесь убежище, в монастыре пребывал известный духовный писатель С. А. Нилус с супругой, которым, как известно, издавна благоволила матушка София¹⁰.

Именно в этой Царской обители нашел последнее упокоение и граф Ф. А. Келлер. Замечательно, что монастырь был основан

в Лукьяновской части Киева в 1889 г. Вел. Княгиней Александрой Петровной (1838–1900), в тайном постриге инокиней Анастасией. Это была супруга Великого Князя Николая Николаевича Старшего, как мы помним, Главнокомандующего Русской Армией во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., собственноручно награждавшего Федора Артуровича первыми его солдатскими Георгиевскими крестами.

Вот так, с рук на руки... Сошлись начала и концы...

«Первоначально, – писал Владыка Нестор, – я жил замкнуто и боялся обнаружить свое местопребывание, но недели через две я уже начал понемногу служить в церкви обители. [...]

Между тем графа Келлера еще некоторое время держали в заключении в том же Михайловском монастыре, а в первой половине декабря, в 2 часа ночи его вместе с двумя его адъютантами повели на допрос в город, и около памятника Богдану Хмельницкому, под знаменитой исторической надписью памятника “Волим под Царя восточного Православного” – сечевики расстреляли этих доблестных рыцарей без страха и упрека, верных слуг Православного Русского Царя.

Тела их бросили на свалку, куда в большом количестве сбрасывали всех расстрелянных и убитых людей.

Утром, когда слух о расстреле графа дошел до нашей обители, была организована экспедиция на поиски тел убитого графа и его верных адъютантов. Тела были найдены и тайно привезены в Покровскую обитель, где с честью были положены в гробы, и я рано утром совершил их отпевание, похоронив в ограде обители с надписями на крестах. С наличной стороны написаны были не подлинные имена убиенных, а псевдонимы»¹¹.

* * *

«...Оттепель, – свидетельствовал очевидец, – сохраняла долго следы крови на месте убийства Келлера, что породило легенду, что кровь Келлера не высохнет и ляжет на голову Украины»¹².

* * *

Отпевание графа епископом Нестором и погребение в Покровской обители дает повод поговорить о конфессиональной принадлежности графа Федора Артуровича Келлера.

Каждый, кто так или иначе интересовался биографией графа и потому знакомый с пусть и немногочисленными воспоминаниями о нем, уверены, что, если он и не был православным по рождению,

то, по крайней мере, принял Православие в зрелом возрасте. Федор Артурович даже изображен на одной современной иконе вместе со святителем Макарием (митрополитом Московским) предстоящим Царю-Мученику. Увы, в послужном списке гр. Ф. А. Келлера в графе «какого вероисповедания» четко записано – «лютеранского».

И тут невольно вспоминается ответ одного старого новгородского монаха немецкому путешественнику Адаму Олеарию. Увидев в далеком 1634 г. икону, изображавшую иноземцев, свергаемых ч... в ад, он задал вопрос: «Неужели все, кроме русских, погибнут?» И получил ответ: они могут спастись, если обретут русскую душу..

Федор Артурович, несомненно, такой душой обладал.

Разумеется, подобно, например, генералу Павлу Карловичу фон Ренненкампу, он мог принять Православие и в зрелые годы.

Об этом свидетельствует ряд косвенных фактов. Это прежде всего сопровождавший его на поле брани личный значок – огромный стяг с изображением Спаса Нерукотворного, которым он чрезвычайно дорожил. Далее, по просьбе графа, митрополит Киевский Антоний служил ему, как командующему Северной монархической армией, напутный молебен и благословил его иконой. Патриарх Тихон также передал генералу Келлеру в благословение шейный образок Божией Матери «Державная» и просфору. К доставившему в Киев от Патриарха икону епископу Нестору обратился Федор Артурович перед последним боем в городе 1/14 декабря 1918 г. за благословением. Наконец, во время пребывания в узах в Михайловском монастыре Владыка Нестор не только благословил графа, но также принес ему просфоры, а потом, наконец, и отпел. Настоятельница же Покровской обители матушка София, известная своим благочестием и строгостью, благословила погребение графа в стенах святой обители. Всю эту *совокупность* фактов, согласитесь, просто так не отбросишь.

«Отпевание – очень серьезный акт, – высказалась, познакомившись с рукописью нашей книги, филолог-германист из Московского государственного университета Н. А. Ганина. – Мог ли епископ Нестор, *апостол Камчатки*, отпевать иноверца?..

При безусловном сочувствии графа Федора Артуровича Православию и укорененности в православном быту и обряде можно видеть (из нам известных лиц) двух человек, которые могли присоединить его к Православию: 1) графиня Мария Александровна; 2) епископ Нестор (крестивший *многих* и *во многих* обстоятельствах).

Вдумаемся: Рузский, Алексеев, Гучков, Керенский, Медведев*, Ленин! – номинально “православные”... Записи-то сохранились...

А тут “лютеранин”, который всю жизнь действует как православный, Царя любит, как мало какой из православных, таинственным образом связан с Державной иконой и видением послушницы Ольги** (Ржищев*** – Покровский монастырь!) и принимает смерть у Святой Софии! – *Лютеране* ходят в кирку и пьют кофе с немцами».

* * *

И если когда-нибудь будет обнаружено и документальное подтверждение принятия Православия графом, то, несомненно, мы узнаем еще об одном воине Божием Феодоре, Новом Стратилате (от греческого *стратилатис* – предводитель, военачальник, вождь, воевода – почетное звание, присваиваемое мученикам и исповедникам за Христа, носившим в миру это почетное высокое звание):

Радуйся, Царю Николае, болярина Феодора нам возсиявый.

И еще из святых – да еще и Киевских – можно здесь вспомнить и святого мученика Феодора Варяга...

*Трудно и чудно – верность до гроба!
Царская роскошь – в век площадей!
Стойкие души, стойкие ребра, –
Где вы, о люди минувших дней?!*

*Рыжим татаринoм рыщeт вoльнoсть,
С прахом равняя алтарь и трон.
Над пепелищами – рев застольный
Беглых солдат и неверных жен****.*

* Один из царевичей. – С. Ф.

** Имеется в виду видение послушнице Ржищева монастыря Ольге Зосимовне Бойко (1903–?) Великим Постом 1917 г. о февральском перевороте, будущем России и святости Царя-Мученика. – С. Ф.

*** Ржищев Спасо-Преображенский женский монастырь подчинялся Покровскому монастырю, в котором, как мы помним, был погребен гр. Ф. А. Келлер. – С. Ф.

**** М. И. Цветаева. Лебединый стан.

ЭПИЛОГ

Историческая драма сыграна, и остается один эпилог, который, впрочем, как у Ибсена, может сам растянуться на пять актов.

В. С. Соловьев

ИЗ КИЕВСКОЙ ЭПОПЕИ

«Извозчик малоросс, провозивший меня мимо Софийского Собора, после падения гетмана, – вспоминал петроградский журналист, – указав на деревянную колонну с выцветшими и растрепанными дождем лентами украинских цветов, водруженную по случаю въезда Петлюры в Киев, сказал мне:

– Столб, а на столбе мочало, начинай сказку сначала.

Железнодорожный рабочий, сопровождавший поезд, в котором я пробирался к границе, сказал мне мимоходом:

– За границу? С Богом. От дележки ничего не вышло, еще хуже стало, лучше уж одно к одному, в целое. “Тамо” по крайности свои. А как справимся начерно, пожалуйста обратно работать начисто. Ведь вы, “господа”, черновой работы делать не умеете»¹.

* * *

17/30 декабря 1918 г. в Педагогический музей в Киеве пришел командир Осадного корпуса Е. Коновалец. Худой, подобно моли невзрачный, он объявил, что ночью всех содержавшихся здесь пленных офицеров отправят в Германию.

И действительно офицеров, разбитых группами по 35 человек, под петлюровско-германским конвоем ночью вывели из музея. После 16-дневного сидения морозный воздух действовал освежающе. Посадили на трамвай. Тронулись, набирая ход. Справа и слева рысью летели кавалеристы. Офицеры-киевляне приникли к окнам: «Смотри, Коля, смотри, у нас в столовой огонь... видишь?»² (Тогда они еще не знали, что уже больше никогда не увидят своего города; некоторые не свидятся и с родственниками.)

Наконец, трамвай остановились. Вокзал. К вагонам ведут, осыпая ругательствами: «А... вашу мать добровольцы-гетьманцы!» «Що це едына неделыма!» «Та куда их везут там – перерубить их тут всех сволочей»³. Наконец, звякают замки. Поезд трогается.

В запертых вагонах ночь и день, день и ночь. Раз в 24 часа на останках, скрипя, отодвигается дверь вагона, и рука человека с фонарем ставит в проем ведро супа.

В Казатине, а потом в Голобах, на границе Украины, на эшелон пытались напасть украинские банды. Но германский лейтенант решителен и непреклонен. «Недавний враг, – писал ген. В. А. Кислицин, – оказался верным другом, и немцы защитили русских от русских же»⁴. Поезд идет дальше на запад. Белосток, Брест-Литовск, Оссовец. Разбитые снарядами дома, измученные люди.

Кто только не ехал в этом и других эшелонах в Германию. Будущий известный эмигрантский писатель Роман Гуль. Видный деятель русской монархической эмиграции полковник В. Ф. Винберг. Его младший сотоварищ, чтитель памяти Императора Павла I и знаток Его эпохи П. Н. Шабельский-Борк. Комендантом одного из эшелонов был П. Р. Бермонт – более известный впоследствии как князь Бермонт-Авалов...

Но вот 3 января пересекли германскую границу. Станция Просткен. «Двери вагонов откатились. Солнце. Голубое небо. Ветерок. Легонькие облака. Совершеннейшая тишина. Ни одного выстрела. И первое ощущение: “какое отдохновение!”»⁵ «Эти чистенькие станции с киосками полными газет, журналов, книг, открыток, и все так дешево... [...] Аккуратные, убранные вокзалы; продают кофе, пиво, пирожные. [...] В России всё это бешено дорого, а здесь пфенниги»⁶.

Такова была жизнь в уже разгромленной Германии, побежденной Антантой и революцией.

Проехали Берлин. Станция Дёбериц. Лагерь. Ввели в лагерный двор. Обступили военнопленные.

– Из какого лагеря, товарищи?

– С Украины.

– С Украины? Зачем же вы приехали? ...А, буржуи бегут. Ну, недалеко убежите, здесь тоже большевизм завтра будет, слышите – стрельба, бой под Берлином идет!

Поместили офицеров в бараке с французами и итальянцами. Утром проснулись от крика. «...По бараку полетели консервные коробки, поднялся шум. Итальянцы поют, топают, приплясывают. Французы кричат. Они скоро едут на родину». Для них конец войне. А во дворе русские:

– Всю войну так жрали. А наш брат с капусты дох. На них же служили... их мать. Хоть одна бы сволочь нам что-нибудь прислала...⁷

По-иному прибывших из Киева приняли немцы. «Жители, – писал ген. В. А. Кислицин, – встретили нас очень сердечно. В Германии мы пользовались большим уважением. Приходилось удивляться тому отношению, которое проявлял наш бывший враг»⁸.

* * *

Петлюровцы заняли Киев 1 декабря 1918 г. Продержались они там до 25 января 1919 г. – неполных два месяца, будучи вытесненными оттуда большевиками.

«Бело его жития в Городе сорок семь дней»⁹, – подводил итог киевскому правлению Петлюры писатель М. А. Булгаков.

* * *

«...Тяжесть атмосферы владычества этой власти, – писал современник, имея в виду петлюровскую Директорию, – заставляла многих мечтать о большевиках – те, по крайней мере, свои, русские»¹⁰. Ему вторил другой: «Кровью и слезами залили всю Украину Винниченко, Петлюра и прочие украинские патриоты»¹¹. Видно, больше они ничего не умели...

Оттого приход большевиков в Киев многим казался уже избавлением. «Я – монархист по своим убеждениям, – говорит персонаж одного из рассказов М. А. Булгакова, мобилизованный в петлюровскую армию врач. – Но в данный момент тут требуются большевики»¹².

Действительность, однако, оказалась много сложнее.

«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, но 1919 был его страшней. [...] Над Днепром с грешной и окровавленной и снежной земли поднимался в черную, мрачную высь полночный крест Владимира. Издали казалось, что поперечная перекладина исчезла – слилась с вертикалью, и от этого крест превратился в угрожающий острый меч»¹³.

«Последний день власти Петлюры, – последний аккорд, – вспоминал Н. Плешко, – галицийские части окружили “присутственные места”, ограбили казначейство и ушли. Следом за ними явились большевицкие разъезды. Новые лица. Верховые с громадными красными бантами, пьяные, с торчащими лихо из-под сбитых набекрень шапок волосами»¹⁴.

«Не могу сказать, – читаем в мемуарах кн. Т. Г. Куракиной, – чтобы петлюровские войска доблестно защищали Киев. Дня два издалека, верст за 60, слышна была ленивая, редкая канонада: в это время шла эвакуация Киева. 25-го января я вышла на Крещатик

(главную улицу Киева), посмотреть, как будут входить в город “победоносные войска Российской Советской Федеративной Социалистической Рабоче-Крестьянской Республики”. Как говорится, “это было бы смешно, если бы не было так грустно”. Правда, толпа на улице была изрядная, но это не была толпа сочувствующих, а любопытных, как я. В 3 часа, во всю прыть, карьером, на худых, обросших, отвратительных клячах, с Подола на Крещатик пронесли несколько всадников: у кого на папаше красные тряпки, у кого на плече, у кого еще где-то прицеплены красные лохмотья – это кавалерия. За ними разбросанными кучками вошла пехота; потом какие-то разбойники тащат какие-то ржавые пушки – это артиллерия. Я стояла, разинув рот: это войска? Разбойники, бандиты, какие-то полусумасшедшие, полупьяные, осатанелые двуногие твари. Толпа смотрела на них в гробовом молчании – ни приветов, ни “ура” не раздавалось. Три-четыре тощие делегации коммунистов от некоторых заводов; оркестр, играющий фальшиво “Интернационал” – вот и вся торжественная встреча, да еще один жиденек лет 18 выскочил на балкон Городской думы и, картавя, выкрикнул: “Да здравствует Советская власть”. Больше ни речей, ни приветствий, ни ликований не было»¹⁵.

Поначалу как будто действительно «стало легче дышать». Прекратились процветавшие при Петлюре расстрелы и обыски. «И когда большевики рубили на Софиевской площади деревянную колонну, поставленную Петлюрой, как эмблему “самостийной Украины”, я видел, как в толпе при этом присутствующей, крестились: “слава Богу, пришли свои. Конец этим немецким выдумкам” (здесь имелась в виду петлюровская авантюра). Почему-то народ с первых же дней возненавидел эту башню и дал ей неприличное, неудобнопечатное название»¹⁶.

Но шли дни, и приостановившееся было красное кровавое колесо стонулось с места и, привычно набирая кровавые обороты, снова покатилося со страшной силой...

* * *

Вскоре киевлян, на этот раз до дрожи затравленных кровавым кошмаром чрезвычайцак, вновь пришли освобождать.

Был воскресный день, 18 августа 1919 года. Колокола звонили к обедне. «Уличного движения не было, и город казался вымершим. Двери пяти “чрезвычайцак” в Липках стояли настежь, и любопытные, проникавшие туда, могли наблюдать лужи еще не засохшей крови

на местах расстрелов, пятна на стенах с присохшими кусками мозгов и черепных костей в тех комнатах, где чекисты в упор мозжили головы людям для забавы во время своих пьяных оргий, и груды флаконов из-под кокаина и винных бутылок в углах. Слухи о прощальном расстреле всех заключенных вполне подтвердились... [...]

Часов около одиннадцати дня пошел говор, что со стороны железнодорожного вокзала вступают в город какие-то войска... [...] Мы вышли проверить слышанное... [...] ...По направлению к Крещатику стал спускаться военный оркестр, вслед за которым двигались под желто-голубыми украинскими значками жидкие колонны пехоты, одетой в австрийские серо-голубые мундиры и кепки. Верхом ехали офицеры... [...] Это были петлюровцы, пришедшие из Галиции отвоевывать Киев от большевиков во имя неньки-Украины.

Повернув с Фундуклеевской улицы на Крещатик, они дошли до городской думы и на балконе ее водрузили украинский флаг. Киевское население отнеслось так холодно к этим освободителям, что на улицах вдоль их прохода было совершенно пусто, и нигде не раздавались приветственные крики. [...]

В тот же день часа в три пополудни вступили на Печерск через Цепной мост и Панкратьевский спуск передовые отряды денкинцев. Навстречу им по Александровской улице потянулась необозримая толпа народа, предшествуемая духовенством с иконами, крестами и хоругвями. На площадке у Никольских ворот, где стоял разрушенный большевиками памятник Кочубею и Искре*, произошла трогательная встреча.

Между тем конная партия денкинцев спустилась на Крещатик и, увидев на балконе городской думы украинский флаг, решила убрать его и на его месте водрузить русский трехцветный. На площадке балкона завязалась свалка из-за флагов, кончившаяся тем, что украинский флаг был сброшен на землю»¹⁷.

* * *

Изгнанная из Киева 30-тысячная петлюровская армия разместилась было в окрестностях Жмеринки. Но здесь в ноябре и декабре 1919-го настигла ее страшная Божия кара – эпидемия сыпного

* Решение об уничтожении этого памятника жертвам изменника Мазепы принято было еще «Центральной Радой» по докладу министра внутренних дел 23 апреля 1918 г. (Анисимов А. Л. Скорбное безчувствие. Киев, 1992. С. 130–131). – С. Ф.

тифа. Брошенные на произвол судьбы, лишенные всякого ухода, петлюровцы каждый день умирали сотнями. Выжила едва ли и половина «самостийников».

«Четыре раза он являлся в Киев, – подводил итог нашествиям “знаменитого бухгалтера” М. А. Булгаков, – и четыре раза его выгоняли»¹⁸.

ПОХОД НА ВЕРСАЛЬ

Примечательно сохранение имени графа Ф. А. Келлера – уже после гибели генерала – в названиях целого ряда воинских формирований в Северо-Западной России. Так или иначе все они связаны с именем князя Павла Михайловича Бермонта-Авалова (4.3.1884–27.12.1973).

Беседовавший с ним в самом начале 1919 г. в Берлине генерал В. А. Кислицин вспоминал: «Он был большим поклонником убитого графа Келлера. Даже форма отряда полк. Бермонта была создана в память доблестного генерала графа Келлера»¹.

О форме поговорим в своем месте, а пока обратимся к биографии читателя графа Келлера.

Павел Рафаилович Бермонт (так первоначально звали этого человека) родился в Тифлисе. Его отцом был князь Михаил Антонович Авалов. Мать, урожденная княжна Кугушева во втором браке состояла за штабс-ротмистром Р. Бермонтом, участником русско-турецкой войны 1877–1878 гг., капельмейстером Сибирского стрелкового полка. Фамилию, а вместе с ней и отчество, по ходатайству отца, кн. Бермонт-Авалов смог вернуть лишь в 1919 г. в начале боев под Ригой².

Во время русско-японской войны он воевал в составе 1-го Аргунского полка Забайкальского казачьего войска. Состоял ординарцем у прославленного генерал-адъютанта П. И. Мищенко. Был награжден солдатскими Георгиевскими крестами 4-й и 3-й степеней. За боевое отличие произведен в офицеры. После войны Бермонта приняли в Уссурийское казачье войско. В 1908 г. он хорунжий. В начале Великой войны – адъютант командующего II Кавказского армейского корпуса ген. П. И. Мищенко. Воевал на Юго-Западном фронте. Семь раз ранен. Награжден аннинским оружием «За храбрость». Кавалер ордена св. Георгия 4-й степени. По словам П. Р. Бермонта, в чин ротмистра он был произведен по представле-

нию ген. П. И. Мищенко. Представления его к чину полковника и подполковника были сделаны еще до революции, но извещения о производстве он получил уже после переворота³.

Во время февральского переворота 1917 г. П. Р. Бермонт – младший офицер в учебной команде запасного батальона Л.-Гв. Волынского полка, той самой, в которой произошел бунт с убийством штабс-капитана И. С. Лашкевича. После переворота состоял в составе группы заговорщиков, связанных с адмиралом А. В. Колчаком, который после ухода с поста командующего Черноморским флотом с июня по начало августа находился в Петрограде.

Летом 1918 г. Павел Рафаилович был начальником контрразведки монархической Южной армии, работая в тесном контакте с вербовочным бюро в Киеве. «Ранее этого (до Киева), – писал знакомый с ним офицер, – Бермонт, оказывается, жил в Житомире (это мне было неизвестно), где он часто встречался с офицерами немецкого Генерального штаба, вздумал организовать офицерский отряд. Так как ему хотелось организацию (при общей зыбкости русских событий) сделать крепкой, со средствами и морально поддержанной большими авторитетами, он написал на имя Императора Вильгельма прошение, в котором подробно изложил свою покорную просьбу (о средствах) и план организации. Простение было послано в Берлин, но ответа на него Бермонт так и не получил»⁴.

Как работнику вербовочного бюро ему предложили «принять конно-пулеметный отряд, формировавшийся вместе со студенческой дружиной»⁵. Одновременно после письма в Берлин, по словам Бермонта, его «заметили, где надо»⁶. Знакомые немецкие офицеры сообщили ему о том, что «на севере, близ Петербурга, германцы тоже приступили к совместной работе с русскими монархистами и намерены в ближайшее время свергнуть общими усилиями большевицкую власть»⁷. В Киеве же он сошелся с лицами, входившими в созданный генералом гр. Ф. А. Келлером Совет обороны Северо-Западной области.

По словам Бермонта, узнав о формировании в Пскове монархической армии, он имел «намерение просить генерала графа Келлера взять меня с собой, чтобы там в непосредственной близости от столицы продолжать свою работу в деле восстановления законного порядка в России»⁸. Осуществлению этого намерения способствовало то обстоятельство, что, как он говорил, «в Киеве я стоял очень близко к генералу гр. Келлеру»⁹.

О своем знакомстве и сотрудничестве с гр. Ф. А. Келлером П. М. Бермонт-Авалов рассказал в 1919 г. и в письме адмиралу А. В. Колчаку:

«Когда появился генерал от кавалерии граф Келлер с сформированной им в районе Пскова “Северной армией”, то мне удалось войти с ним в связь и передать ему некоторое количество бывших в моем распоряжении гг. офицеров.

При возникновении волнений на Украине и организации обороны г. Киева от войск Петлюры работал по формированию “Отечественных дружин”.

Все это создало мне большие связи с офицерским составом, бывшим в то время в г. Киеве и на юге России вообще.

По занятии г. Киева Петлюрой за мою работу по воссозданию единой неделимой России я снова, в 5-й раз за вышеописанное время, был арестован и водворен в Лукьяновскую тюрьму.

Ожидавшиеся с глубокой верой населением г. Киева “союзники” так и не прибыли, а между тем Киеву угрожала уже опасность со стороны большевиков, к нему приближавшихся.

Распоряжением германского обер-командования как разоруженные, так и арестованные гг. офицеры добровольческих организаций, а в числе их и я, были вывезены в Германию с эшелонами германских войск, возвращавшихся на родину.

Здесь, еще в пути, а также и по прибытии на место в лагерь при г. Зальцведель, мне снова удалось сплотить вокруг себя наиболее деятельный и непримиримый с большевиками элемент и зародить в умах его идею формирования партизанского отряда для принятия участия в борьбе за благо Родины.

Для осуществления этой идеи я и вошел в сношение с германскими коммерческими кругами и германским командованием, причем как те, так и другие всецело пошли мне навстречу и оказали полную поддержку и содействие, снабжая отряд всем необходимым, а командование даже разрешило вступить в ряды партизан своим добровольческим монархически настроенным организациям, кои и стали примыкать к моему отряду целыми частями.

Вполне сочувственно откликнулось и немецкое общество. [...]

Между тем, зарожденная мною идея формирования партизанского отряда росла и ширилась, захватывая и другие лагеря и привлекая больше и больше гг. офицеров. Понадобились средства, обмундирование, вооружение, снаряжение, кои мне и предоставлены германским командованием и капиталистами.

Не считая допустимым избирать исключительно состав, решил использовать также и наиболее благонастроенных пленных, коих, опять же при содействии германского командования, и влить в состав отряда»¹⁰.

Вот как описывает обстановку в одном из немецких лагерей, принявших вывезенных из Киева офицеров и юнкеров, ген. В. А. Кислицин: «Мы разместились очень удобно, прямо как в России.

К Пасхе 1919 года мы устроили свою церковь, причащались Святых Таин и встретили Светлый Праздник, как подобает православным христианам.

Жизнь наша текла там мирно, но не праздно. Нами были образованы сапожная, портняжная и фуражечная мастерские. Работали в них наши русские офицеры, обнаружившие уже тогда, что они на все способны и нигде и ни при каких обстоятельствах не пропадут.

Прибывшие с нами сестры милосердия вели наше несложное хозяйство. Была образована общая столовая. Имелась также своя амбулатория.

Порядок всюду у нас был образцовый. Внутренняя жизнь лагеря шла на военный лад. Назначались, например, дежурные офицеры и старшие в помещениях. В столовой, как подобает воинской части, садились за еду с молитвой и кончали также с пением молитвы.

Не были в пренебрежении у нас и чисто военные занятия. Все жившие в лагерях были разбиты на группы по родам оружия. Ежедневно во всех группах производились как строевые, так и теоретические занятия. Делались в поле тактические учения. Читались лекции.

Жизнь была заполнена полезными занятиями и ученьем и шла размеренным темпом»¹¹.

«Живя в Германии..., – писал современник, – Бермонт часто ездил в Берлин, где по счастливой случайности встретил офицера Генерального штаба (немецкого), капитана R-е, который и посодействовал ему в получении разрешительной грамоты на организацию отряда в лагере (с тем, чтобы потом с ним отправиться в Прибалтику)»¹². Первоначально это был Пластунский отряд имени графа Келлера (в некоторых документах называвшийся «Группой генерала графа Келлера»¹³), первый приказ по которому был отдан 8 февраля 1919 г. в немецком лагере Зальцведель¹⁴. В его состав среди других вошли выехавшие из Киева воины конно-пулеметного отряда¹⁵.

С целью обсуждения приемлемости каждого, желавшего вступить в отряд, был учрежден специальный суд чести¹⁶.

16 февраля священник Павел Савицкий после Божественной литургии отслужил молебен «о ниспослании успеха... отряду в предстоящей тяжелой борьбе»¹⁷.

1 апреля отряд, по приказанию его командира стал именоваться «Партизанским отрядом имени генерала от кавалерии графа Келлера»¹⁸.

Нагрудным знаком этих первых добровольцев был белый мальтийский «крест Келлера», крест «терпения и неутомимой борьбы», учрежденный в память о графе Федоре Артуровиче¹⁹. Этот символ, эмблематически аналогичный кресту обетного рыцаря Мальтийского Ордена, предложил вступивший в отряд полковник Л.-Гв. Павловского полка Андрей Владимирович Потоцкий (†1968), в недавнем прошлом один из организаторов Астраханской монархической армии²⁰.

В своих опубликованных в 1925 г. воспоминаниях П. Р. Бермонт сам объяснил причину столь необычного увековечения во время войны имени графа Ф. А. Келлера:

«Доблестный генерал граф Келлер был настоящим командующим “Северной армии”, начавшей здесь, в Прибалтийском крае, вместе с родственной “Южной армией”, бывшей в Малороссии, осуществлять те планы, продолжателем которых был потом я и мой отряд. Последний приказ графа Келлера штабу отступившей из-под Пскова “Северной армии” гласил: “Считаю наиболее подходящим местом для дальнейшего формирования армии район Митава – Либава, куда и приказываю сосредоточиться”.

Этот приказ генерала графа Келлера был получен штабом “Северной армии” в то время, когда вр[еменный] командующий ею полковник фон Неф уже принял решение отступить на Ревель и базироваться на Эстляндию.

Генерал граф Келлер погиб геройской смертью от преступных рук петлюровских банд в Киеве, а “Северная армия” как таковая исчезла и, превратившись в “Северо-Западную”, совершенно изменила свое первоначальное лицо. С внешней стороны она, будучи в прошлом детищем германского военного командования, перешла затем в лагерь наших бывших союзников; что же касается своего внутреннего облика, то под руководством таких генералов, как Юденич, Родзянко, Краснов и др., она потеряла свои монархические принципы и стала на путь керенщины и “завоеваний революции”.

Однако не погибла сама идея, носителем ее сделался мой отряд, который, выступивши на Курляндский фронт, т.е. в тот район,

где собственно согласно приказанию генерала графа Келлера должна была бы действовать “Северная армия”, тем самым выполнил его предсмертное желание. Кроме этих особых оснований, давая своему отряду это наименование, я в политическом отношении хотел еще оттенить его чистую, далекую от колебаний монархическую окраску, ибо там, где фигурировало имя оставшегося неизменно верным Государю Императору генерала графа Келлера, не могло быть сомнений в монархизме и притом таком, которому чужды даже временные изменения.

В военном же отношении инициалы храброго генерала графа Келлера, стяжавшего заслуженную славу кавалерийского вождя, должны были поднять дух вступающих в отряд его имени офицеров и солдат»²¹.

Таковы были мысли и планы создателя отряда.

К началу мая, по свидетельству очевидца, «упорно собранный Бермонтом отряд скрепился, разработан был план будущего разворачивания в “настоящий” отряд, а 14 мая из Зальцведеля в Митаву выехал первый эшелон. Митаву избрали потому, что она лежит на кровобьющей артерии, уходящей в Германию, откуда должно было происходить главное питание, и вполне удобна для временной спокойной организации. Впрочем, соображений было много»²².

Особый смысл был в самом месте расположения добровольческого отряда. Митава была столицей Курляндского герцогства. Неподалеку был Венден – усыпальница магистров Тевтонского Ордена в Ливонии. В таком историческом окружении особым смыслом наполнялся заимствованный из герба Верховного магистра Тевтонского Ордена золотой крест с лилиями на концах лучей на учрежденном Бермонтом для германских добровольцев «Балтийском кресте»²³. И еще одна интересная подробность: согласно воспоминаниям очевидцев, русские и германские офицеры клялись в верности П. Р. Бермонту на старинном рыцарском мече Тевтонского Ордена, снятом со стены Рыцарского зала замка герцогов Курляндских²⁴, воздвигнутого В. В. Растрелли специально для графа Э. И. Бирона (1690–1772), с 1737 г. герцога Курляндского и Семигальского.

Еще 8 марта 1918 г. Курляндским ланддротом в Митаве было принято решение о создании Курляндского герцогства во главе с младшим братом Германского императора Вильгельма II – принцем Прусским Генрихом (1862–1929), женатом, как известно, на сестре Императрицы Александры Феодоровны. 15 марта герцогство было объявлено самостоятельным государством, а 12 апреля в Риге

Объединенным ландесратом Лифляндии, Эстляндии, Риги и острова Эзель было провозглашено создание Балтийского герцогства.

Ко времени прибытия в Митау П. Р. Бермонта от герцогства остались разве что воспоминания. Его отряд быстро разросся в бригаду, 20 июля переименованную в дивизию²⁵. Наконец, 31 июля был образован Западный добровольческий имени графа Келлера корпус²⁶.

Сам П. Р. Бермонт обычно публично не высказывал своих монархических убеждений, не без основания опасаясь в этом случае еще большего внешнего противодействия его армии.

Он и позднее не афишировал своих взглядов, но окружающие его люди знали о них прекрасно. Недаром в 1930-е гг. в Германии соратники обвинили его – в духе времени – в «монархическом реставраторстве»²⁷.

Бермонт справедливо полагал, что прежде нужно дело сделать. Цель он обозначил в своих воспоминаниях: восстановить «законную монархию», заключив мир с Германией «на условии status quo ante bellum»*. По словам П. Р. Бермонта, план был одобрен Вел. Кн. Павлом Александровичем²⁸.

Убеждения командующего с полной очевидностью расшифровываются поддержкой его со стороны монархической группы полковника В. Ф. Винберга, в состав которой входили П. Н. Шабельский-Борк, С. В. Таборицкий и другие. Именно при финансовой поддержке кн. Бермонт-Авалова выходила в 1919–1920 гг. в Берлине издававшаяся этой группой газета «Призыв»²⁹.

Особого разговора в связи с этим заслуживает боевое сотрудничество русских и немецких добровольцев (не забудем: после четырех лет кровавой борьбы на полях Великой войны!). Над освещением этой, почти неведомой, страницы нашей истории в последние годы немало потрудился историк и журналист В. В. Акунов³⁰. (Низкий поклон ему за это.)

Еще в 1918 г., опасаясь большевицкого нашествия, различные круги Прибалтики обратили свои взоры на подразделения Германской армии, единственную реальную силу, которая могла бы остановить красное нашествие. В ноябре 1918 г. Балтийский национальный комитет вступил в переговоры с Германским верховным командованием о возможности найма германских добровольцев для защиты Балтии (Baltenland). Предусматривалось, что каждый

* Положение до начала войны (лат.).

доброволец, подписавший контракт, по которому он должен был нести военную службу в течение не менее 6 месяцев, получал не менее 80 моргенов* земли для поселения. Входившие в состав национального комитета курляндские и лифляндские землевладельцы немецкого происхождения («остзейцы») изъявили готовность пожертвовать на это треть своих земельных владений (около миллиона моргенов).

В переговоры с правительством Германской Империи вступило и временное латвийское правительство Ульманиса. Германский имперский комиссар в Прибалтике Август Винниг (1868–1956) 18 декабря заключил договор, согласно которому германские солдаты, изъявившие согласие защищать Латвию от внешнего врага, после окончания военных действий получали гражданство и землю. 29 декабря договор был ратифицирован премьер-министром Ульманисом. Однако в марте 1919 г., после того, как натиск большевиков был отбит, Ульманис вероломно заявил, что то соглашение утратило, мол, силу в результате заключения Версальского договора.

Возмущенные германские добровольцы взбунтовались.

«Мужественному солдату, – вынужден был подтвердить даже член социалистического Веймарского правительства, – рисовалась в Остзейском крае, куда уже сотни лет до этого направлялись немецкие колонизаторы, новая родина в новой стране с многообещающим будущим. Тысячи людей охватила так называемая “балтийская лихорадка”... [...] Солдаты успели сжиться с мыслью о поселении и приобретении права на землю. Многие продали все свое имущество в Германии, чтобы на добытые деньги купить себе земли в Курляндии. Они составили землячества, устроили кассы и начали обработку полученной земли на артельных началах. Очень решительно они отказывались от всякой мысли о возвращении в Германию. Прогнав большевиков опять за Митаву, они считали себя освободителями страны и думали, что своей кровью приобрели право на поселение и на землю»³¹. А когда они поняли, что их обманули, снова взялись за оружие.

Спровоцировавшие их на эти действия разбежавшиеся латышские министры объявили заключенный договор утратившим всякую силу. В ответ германские добровольцы привели к власти другое правительство, во главе которого стал пастор Андрис Недра, непримиримый не только по отношению к большевикам, но и вообще

* 1 морген = 0,25 га.

ко всяким социалистам. 22 мая балто-немецкие, русские и германские добровольцы (без какого-либо участия латышей) освободили Ригу от красных войск.

В ходе дальнейшего очищения территории Латвии от большевистских отрядов, германские добровольцы вошли в соприкосновение со сформированными и оснащенными Антантой эстонскими и латышскими (ульманисовскими) вооруженными силами. Под давлением англичан правительство пастора А. Недры в июле в полном составе вынуждено было выйти в отставку³².

В такой сложной напряженной обстановке произошло переподчинение германских добровольческих формирований Западно-добробольщескому имени графа Келлера корпусу.

В его состав вошли чисто немецкие формирования, наиболее значительными из которых были Железная дивизия под командованием майора Йозефа Бишофа, Германский легион под начальством капитана фон Зиверта и добровольческий корпус капитана Карла фон Плеве. Начало русско-немецкому военному сотрудничеству было положено в июле 1919 года.

В результате Западный добровольческий имени графа Келлера корпус 5 сентября был преобразован в Русскую Западную добровольческую армию. Сформирован был также Гусарский графа Келлера полк³³ под командованием полк. А. Л. Долинского*.

Отличительной эмблемой армии был белый восьмиконечный православный крест из галуна или тесьмы, нашитый на левом рукаве (высотой 9 см)³⁴. Такой же крест был помещен на оборотной стороне бронзовой медали с изображением св. Великомученика и Победоносца Георгия, учрежденной в память боев в Курляндии осенью 1919 г. Для чинов армии 6 сентября был учрежден знак двух степеней в виде черного мальтийского креста с серебряной каймой и перекрещенными мечами с серебряной Адамовой головой над верхним лучом. Этот «Крест Русского корпуса» носился на ленте одновременно двух национальных цветов: с одной стороны русских (бело-сине-красная), а с другой – германских (черно-бело-красная)³⁵.

Символом армии стало белое знамя с большим черным мальтийским крестом посредине, напоминавшее о предстоящем кресто-

* *Андрей Львович Долинский* (?–1934) – из дворян Полтавской губернии. Окончил Киевский кадетский корпус (1890) и Николаевское кавалерийское училище (1892). Офицер 11-го гусарского Изюмского полка. Полковник (1919). В эмиграции во Франции. Скончался в Тарбе.

вом походе по освобождению России от большевиков*. «Мальтийский крест на белом поле, – писал историограф армии, – это знак крестоносный, так как весь свой путь прошлый (киевский) сочли крестным, и весь будущий (здесь, в краях, где когда-то жили рыцари) предполагают пройти под белым ограждающим крестом терпения и неутомимой борьбы»³⁶.

В марте 1919 г., в знак траура по графу Ф. А. Келлеру, в качестве нагрудного знака армии был учрежден новый черный, такой же формы, крест, получивший название «креста Авалова-Бермонта», часто носившийся в розетке георгиевских черно-оранжевых цветов³⁷.

Мундиры старого немецкого сукна. Фуражки с голубыми, белыми и красными околышами. Ослепительно белые погоны. Таково было это крестоносное белое воинство.

Все эти приготовления происходили при бешеном сопротивлении держав Согласия.

Первоначально второй частью 12-й статьи о перемирии, заключенного 11 ноября 1918 г. Антантой с Германией, вопрос о выводе германских войск с оккупированной ими территории России всецело предоставлялся на усмотрение «союзников». Когда настанет момент вывода, принимая «во внимание внутреннее положение этих территорий», решали державы Согласия³⁸. Такое положение подтверждалось и нотой «союзников» германскому правительству от 24 декабря 1918 г. германская армия, таким образом, превращалась в инструмент Антанты.

Проходившая в начале 1919 г. Парижская мирная конференция вскрыла, однако, разные взгляды англичан и французов на будущее своей «союзницы» России. Представители Франции склонялись к автономии Эстонии и Латвии в пределах «единой России». Англичане – за предоставление независимости этим самочинным образованиям.

* Приверженность этому символу кн. Бермонт-Авалов сохранил и позднее. В 1920-е гг., при поддержке соратников по Русской Западной Добровольческой армии он провозгласил создание «Императорского Российского Мальтийского Ордена», просуществовавшего до начала 1940-х гг. Знаком принадлежности Ордену был белый мальтийский крест с золотым православным восьмиконечным крестом на верхнем луче (Акунов В. В. Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. М., 2004. С. 80, 91, 123).

Параграфы 292-й и 293-й подписанного 28 июня Версальского договора требовали очистить Прибалтику от германских войск.

Французский премьер-министр масон Клемансо 5 июня заявил: «Если Германия получит контроль над Россией, война для нас будет проиграна»³⁹. Так судьба России оказалась тесно связанной с судьбой Германии. Оставалось или вместе победить, или погибнуть.

Германское правительство социалистов запретило дальнейшую вербовку людей для пополнения Русской Западной армии. Один за другим закрывались пункты, однако, по признанию военного министра Веймарской республики, «на месте одного закрытого вербовочного бюро сейчас же возникало другое, и приток людей в Курляндию еще долго продолжался»⁴⁰. Наконец социалисты «объявили, что кто не вернется на родину, тот потеряет право на германское подданство; затем прекратили всякую выдачу жалования и, наконец, строжайше запретили поступление на службу к русским. Тем, кто уже состоял на такой службе и занимал при этом в ней какую-либо командную должность, мы разрешили перевестись на соответствующие должности в Германию». Но и это не помогло: «большинство упорствовало и отказывалось от своей родины»⁴¹. Автор этих слов военный министр Густав Носке (1868–1946), как это свойственно социалистам всех мастей, передергивает: не от Родины отказывались германские солдаты, а от порядков, установленных там его сотоварищами.

Уже 4 августа глава Союзной военной миссии в Прибалтике английский генерал Губерт Гоф предупреждал ген. Н. Н. Юденича: «...Кто будет сотрудничать с Германией, тот лишится всякой поддержки союзников»⁴². А 10 августа от имени командующего обосновавшейся в Риге Союзной военной миссии английский ген. А. Кинан угрожал П. Р. Бермонту: «Я должен со всей ясностью заявить Вам, что нахождение германских войск в этих районах является нарушением Парижского мирного договора. В дополнение к этому я должен сообщить Вам о том, что русские военнопленные из Германии и Польши не будут более ввозиться Вами в Латвию и Литву»⁴³.

«Мне кажется, – делился своими мыслями по этому поводу Бермонт в письме Колчаку, – что достаточно пролито русской крови и погублено русского добра для достижения победы Антанты, чтобы русские люди имели право стать на собственные ноги и брать себе помощь там, где она дается. Французы ведь имеют свой “Ино-

странный легион”, наполовину состоящий из немцев, говорят, что в Галлерской польской армии много немцев, отчего же вдруг русскому делу в этом отношении ставят препятствия. Ведь это прямо бросает Россию в объятия Германии»⁴⁴.

«Версальский договор, – говорилось в меморандуме Железной дивизии, – требует вывода всех германских войск из Прибалтики и таким образом обрывает прямые связи между Германией и Россией»⁴⁵. Протестуя против этого, воины германской Железной дивизии с русскими добровольцами Бермонта вечером 24 августа факельным шествием прошли по улицам древней Митавы, требуя начать совместную борьбу с большевизмом⁴⁶.

21 сентября генерал-майор граф Рюдигер фон дер Гольц (1865–1930) и П. Р. Бермонт подписали договор о переходе всех германских войск в Курляндии под начало Русской Западной добровольческой армии. Сам переход официально был оформлен 6 октября.

«Будучи обречены у себя на родине на безработицу и голод, – доносил 8 ноября, в связи с разворачивающимися в Германии революционными событиями, разведывательный отдел штаба армии, – немцы толпами поступают к нам в надежде на сытое и обеспеченное существование»⁴⁷.

«К нам в отряд, – вспоминал очевидец, – почти каждый день вступают добровольно на службу отлично снаряженные, крепко сложенные немецкие роты. Они вливаются в ряды “Железной дивизии” или существуют вполне автономно, подчиняясь только служебным приказам нашего штаба (не хозяйственным)»⁴⁸.

«...Очень они серьезны, сосредоточенны, правдивы»⁴⁹, – писал о бойцах германских фрайкоров/Freikorps офицер штаба Бермонта.

Будто воскресли древние времена. Германские добровольцы распевали песни ландскнехтов времен Тридцатилетней войны. Вместо безкозырок и фуражек часто мелькали бархатные береты. Празднично пестрели знамена и значки, усащенные древними эмблемами⁵⁰.

*Свободы теперь на земле не найдешь –
Застыли рабы на коленях.
И властвуют злоба, коварство и ложь
В трусливых людских поколениях
И только солдат никому не слуга,
Он смерти самой обломает рога!*

*Он страха не знает, робеть не привык,
Опасность его не тревожит;
Навстречу судьбе он летит напрямик
И завтра с ней встретиться может.
Что ж, завтра так завтра! А нынче сердца
Остаток веселья допьют до конца!**

В соответствии с традициями, добровольцы хранили верность, прежде всего, командирам своих подразделений. Союз германских унтер-офицеров русской службы письменно свидетельствовал князю Бермонт-Авалову «свое почтение» и клялся «в нерушимой верности до последней минуты»⁵¹.

Среди германских добровольцев, сражавшихся тогда в Прибалтике, был будущий организатор вермахта фон Фрич, генерал-фельдмаршал фон Кюхлер, генералы Гудериан и фон Штюльпнагель и некоторые другие известные впоследствии военные деятели Германии⁵².

Теперь Бермонт располагал солидными силами: до 55 тысячи штыков и сабель. Численность Северо-Западной армии ген. Н. Н. Юденича, для сравнения, составляла к началу октябрьского наступления на Петроград всего 17 960 человек. Последний, однако, был антантофилом, и Западную армию Бермонта «союзники» решили не допустить до соприкосновения с большевиками, используя для этого вооруженные силы своих марионеточных, никогда доселе невиданных, карликовых государств. Антанта боялась, что Петроград возьмет армия Бермонта. Ведь хозяин положения тогда сможет оказать существенное влияние и на будущее государственное устройство России.

Эта противоестественная ориентация Юденича приводила к переходу офицеров его Северо-Западной армии в Западную добровольческую армию имени гр. Келлера⁵³.

Служившие в армии Бермонта популярно объясняли офицерам, задумавшимся над тем, кто «стоит не на жестком раздорожье, а на настоящем пути»⁵⁴, кто такой Юденич: «Да ведь его со всех сторон прессуют, кому как хочется: эстонцы по-своему, латыши по-своему, ну а про англичан нечего говорить – те просто диктуют.

– Диктуют? Ого...»⁵⁵

* Фридрих Шиллер. Солдатская песня.

Отрезая возможности к самостоятельным действиям, Бермонту предлагали «путь» – подчиниться Юденичу. «Главкомандующий Северо-Западным фронтом генерал Юденич назначил полковника Бермонта командующим всеми русскими военными частями, сформированными в Курляндии и Литве»⁵⁶, – говорилось в адресованном ему официальном извещении.

Для людей вдумчивых и хорошо информированных не было секретом, что «по английскому плану подготавливается заключение мира между советской Россией, с одной, и Эстляндией, Латвией и Литвой – с другой стороны. Цель этого временного мира – освобождение прибалтийских военных сил для борьбы против» входивших в состав армии Бермонта германских сил и прохладно относящихся к «союзникам» русских⁵⁷.

Заключение мира с Советами было тем более легко, если учесть дух прибалтийских националистов. «Настроение у войска Эстонской республики почти или даже прямо большевицкое»⁵⁸, – свидетельствовал латышский пастор.

Летом в Берлине был создан Военно-политический совет Западной России*. Антанта сразу же противопоставила ему «Северо-Западное русское правительство», образованное 10 августа в Ревеле при непосредственном руководстве члена союзной военной миссии в Прибалтике ген. Ф. Д. Марша. Председателем его был крупный масон нефтепромышленник С. Г. Лианозов.

«Очень характерен сам факт составления кабинета, – писал пастор А. К. Недра, – утром, не предупреждая генерала Юденича как Главноначальствующего и представителя Русской власти в Эстонии, английское командование приказало [...] представить списки кандидатов на посты министров. Назначив министром-президентом Лианозова, они поручили в тот же день к 6 часам вечера составить Северо-Западное правительство. Когда к назначенному сроку Лианозов составил кабинет министров, со стороны английских властей поступило новое приказание: признать к 7 часам вечера того же дня самостоятельность Эстонии. Под какими угрозами или обещаниями – неизвестно, но к 7 часам вечера была признана и подписями членов русского Северо-Западного правительства (три) засвидетельствовано признание независимости Эстонии. По

* Председатель барон Л. К. Кнорринг. Члены Совета: Г. В. фон Берг, Г. М. Дерюгин, П. П. Дурново, барон А. Пилар фон Пильхау и А. К. Реммер. Секретарь Совета В. М. Попе.

имеющимся [...] данным, все министры были де факто назначены уже заранее самими же англичанами [...] По составу своему правительство это определено левое, союзнической ориентации, имеющее в своей среде большой процент евреев...»⁵⁹

Подобного рода факты не могли не вызвать ответных шагов со стороны командующего Русской Западной армией. «Генерал Юденич и находящееся при нем Северо-Западное правительство, составленное по настоянию Антанты, – читаем в обнародованном меморандуме, – не считаясь с будущей единой Россией, уже теперь окончательно признали самостоятельность мелких республик Эстонии, Латвии и других, возглавляемых правительствами, ведущими уклончивую политику и готовыми прекратить борьбу с большевиками. [...]»

Исполнение командующим Западной армии приказа генерала Юденича и увод войск из пределов Курляндии изыало бы немедленно этот край из-под русского влияния и создало бы благоприятную почву для быстрого развития большевизма, а также оставление этого края лишило бы Западный фронт своей естественной базы для действия в направлении Двинск – Полоцк – Смоленск – Москва, которое является связывающим и необходимым звеном между войсками южных армий и войсками, оперирующими в направлении на Петербург.

Поэтому командующий Западной добровольческой армией совместно с образовавшимся при нем Областным управлением* не нашли возможным исполнить указания генерала Юденича и следовать по его пути, тем более что интересы России не допускают отторжения Прибалтики, дающей России выход к морю и интересы которой издавна связаны с великой Россией. При этом войска Западной армии и все управление опираются на ту часть местного населения, как балтийцев [немцев], так и латышей, которые усматривают благо Прибалтики в тесном единении с Россией»⁶⁰.

Дала резкий отпор представителям держав Согласия и побежденная сторона. «...Вы осмеливаетесь обратиться ко мне с требованием о выдаче моих единомышленников в качестве преступников, – писал в сентябре 1919 г. граф фон дер Гольц начальнику военной миссии Антанты ген. Берту. – В этом требовании я вижу тяжкое оскорбление моего личного и национального чувства. По-

* Речь идет о созданном в сентябре 1919 г. в Митаве Русском Западном Правительственном Совете. В октябре преобразован в Центральный Совет Западной России. Возглавлял его гр. К. К. Пален. – С. Ф.

этому я хочу дать Вам совет впредь не обращаться ни ко мне, ни к моим подчиненным с подобными гнусными требованиями. В противном случае я вынужден буду прервать с Вами какие бы то ни было сношения и выселить всякого англичанина из области, занятой германскими военными силами, так как исключена возможность гарантировать безопасность союзным миссиям, которые грубо и преднамеренно затрагивают честь германского народа»⁶¹.

Сам Бермонт не раз пытался довести свою позицию до сведения адмирала А. В. Колчака, которого знал по послепереворотному Петрограду 1917 г., и ген. А. И. Деникина. Первый ни на одно письмо не ответил. Второй наложил весьма характерную резолюцию: «К черту Авалова и его немцев»⁶².

Предлагая сотрудничество в борьбе против большевиков, Бермонт в то же время предупреждал литовское правительство: «Великая Россия возродится, и добро, как и зло, сделанное ей во время ее возрождения, будет учтено ею сторицей»⁶³.

Между тем поощряемые «союзниками» латыши и эстонцы вели себя все более вызывающе. «В настоящее время, – доносил 22 сентября Бермонт в рапорте ген. Юденичу, – латыши и эстонцы сосредоточивают свои войска под Ригой и у Олая для враждебных по отношению ко мне действий, и не только проход через Латвию частям войск, но и пропуск в Ригу отдельным чинам армии латышами воспрещен, на что английская миссия совершенно не реагирует»⁶⁴.

6 и 7 октября латыши совершили нападения на подразделения германской Железной дивизии.

«Сегодня, – доносил Бермонт 8 октября Юденичу, – латышская и эстонская части, угрожая мне, начали переходить демаркационную линию и вынудили меня дать им отпор...»⁶⁵

«Когда я хотел пути на назначенный мне участок большевицкого фронта, – сообщал князь Межсоюзнической комиссии в Прибалтике, – латыши заградили мне дорогу и напали на меня»⁶⁶.

«Неоднократно [...], – писал Бермонт в приказе по армии, – я указывал и разъяснял те причины, которые заставляют мою армию вместо быстрого движения вглубь России задерживаться здесь, где русская власть игнорируется и где присвоили себе власть те, кто хочет отторгнуть от России искони принадлежащие ей области Балтийского побережья. [...] ...Не могу допустить, чтобы хозяевами областей России были те, кто старается отторгнуть от России ее земли. [...] ...Тем, кто сохранит нашей Родине свободный выход к морю, Россия этого не забудет»⁶⁷.

Соратник князя полковник Вырголич называл это «угомонить взбунтовавшихся, неразумных братьев наших, подкупленных заветами антихриста»⁶⁸.

Решено было ударить по Риге. Это был прямой вызов Антанте. Поход против Версальской системы. В армии был отдан четкий приказ: «Латыши, находившиеся ранее на службе в латышской армии и учреждениях правительства Ульманиса, должны рассматриваться как чины, служившие у большевиков»⁶⁹.

Такое отношение к себе они заслужили хотя бы беззастенчивым грабежом не принадлежавшего им имущества. «В Курляндии, – писал в меморандуме уже упомянутый нами латышский пастор А. К. Недра, – много русского государственного имущества. Около одной трети всей площади принадлежало государству. [...] Непонятным образом правительство Ульманиса и Народный совет смотрят на все это имущество как на перешедшее во владение провозглашенной ими свободной и самостоятельной Латвии. Юридически на это имущество можно смотреть только как на временно покинутое собственником. [...] Правительство Ульманиса и Народный совет... доходят до того, что они хотят заложить русское государственное имущество как латышское в Англию, чтобы гарантировать внешний заем Латвии в 20 млн фунтов»⁷⁰.

К сказанному остается прибавить, что таковые действия Ульманиса были обусловлены прошлой его революционной деятельностью. Не вздернутый лишь случайно (в 1905 г., приговоренный к казни, он успел сбежать из Риги, накануне прибытия русских карательных войск), в 1942 г. он все-таки нашел смерть в одном из лагерей сталинского ГУЛАГа.

«В последнее время, – приветствовали решение ударить по зарвавшимся латышским националистам русские друзья князя в Берлине, – усиленно ходят слухи о Вашем движении на Ригу, чему придают большое значение и, конечно, очень рады, полагая, что занятие Риги, во-первых, урежет крылья зарвавшимся “союзникам” и, во-вторых, проучит прибалтийских тупоумных шовинистов. Командира корпуса гр. Келлера при этом сравнивают с героем Италии Д`Аннунцио»⁷¹.

«Дорогой и обожаемый командир, – писал князю знакомый русский офицер. – С большим волнением и радостью получаю сведения о Вашем первом выступлении на арену чести и славы, во имя спасения нашей Родины. От всей души имею честь поздравить Вас с священным походом против врагов Единой и Неделимой России

и молю Бога, чтобы Он даровал нам победу и открыл дорогу на красный Петроград, где нас ждет смерть и счастье Родины... [...] Германское общественное мнение на Вашей стороне. "Поход на Ригу – поход на Антанту", вот как объясняют немцы Вашу боевую операцию. [...] С нами Бог и восьмиконечный крест, эмблема славного корпуса»⁷².

«Я поздравляю Ваше Сиятельство*, – обращался другой, – с успехом русской Западной армии в последних боях. В первый раз за более чем сто лет сражались тут русские и германские войска бок о бок...»⁷³

Командир германского Добровольческого корпуса курляндский барон Карл Генрих фон Дибич (потомок знаменитого русского генерал-фельдмаршала И. И. Дибича-Забалканского) писал, обращаясь к командиру Русской Западной армии: «Возрождение России и Германии тесно связаны между собою. Русские и германские офицеры связаны между собою пролитой ими за общее дело кровью. Лукавой Англии не удастся разъединить руки германских и русских солдат. Борьба с большевизмом за возрождение Родины соединила нас навеки»⁷⁴.

После первых совместно одержанных побед в Прибалтике кн. Бермонт-Авалов писал ген. фон дер Гольцу: «Пусть дух, который когда-то воодушевлял Императорские войска Германии и России, будет жив в моей армии, дабы она была достойной носить свое имя и достойна тех, кто работает над ее созданием»⁷⁵.

Иной была реакция на события повязанного по рукам и ногам ген. Юденича (9.10.1919): «Ввиду того, что полковник Бермонт не выполнил к указанному ему сроку ни одного из моих приказов и, по полученным сведениям, даже начал военные действия против латышских войск, объявляю его изменником Родины и исключаю его и стоящие под его командованием войска из состава Северо-Западного фронта»⁷⁶.

Князь Бермонт-Авалов не замедлил с ответом (10.10.1919): «Контрнаступление на латышские и эстонские войска предприняты мною, дабы не поставить мою армию в положение, в которое Вы поставили Северную армию, не обезпечив ее тыла.

* В это время в жизни полковника П. Р. Бермонта произошло важное событие: он был усыновлен грузинским князем Михаилом Антоновичем Аваловым и с 9 октября 1919 г. официально стал именоваться двойной фамилией, изменив при этом и отчество.

За предыдущими приказами Вашими следовали разъяснения через офицеров от Вас об необязательности этих приказов для меня, так как Вы не являетесь полным хозяином Ваших действий. В таком смысле я понимаю и последнее.

Дальнейшими операциями надеюсь принести пользу не только Родине, но и Северной армии.

В достоверность выдвигаемых Вами чудовищных обвинений я не могу верить, так как в то же время, когда Ваша армия находится в условиях, невыносимо тяжелых для русской гордости, моя армия занимает в Курляндии должное место и в прежнем величии поднимает Русский флаг»⁷⁷.

Ответ, согласитесь, в высшей степени интересный.

Акция Юденича, помимо моральных, преследовала и иные цели. «Какой же осторожный немец после этого, – писал берлинский представитель князя, – подпишет договор и отдаст миллионы на войска изменника, так как все, что подпишет изменник, или его доверенный – будущей Россией будет аннулировано»⁷⁸.

Северо-Западное правительство, по просьбе англичан, обратилось к солдатам Русской Западной Добровольческой армии с призывом не подчиняться командующему. Кн. Бермонт-Авалов написал им в ответ:

«Ваше предательское воззвание к моим войскам доложено, конечно, прежде всего мне; иначе не могло быть там, где существует воинская дисциплина. Попытки ваши пошатнуть ее подобными приемами в стиле Керенского – наивны. В ваших же интересах не дать этому произведению более широкого распространения, а то мои молодцы-солдаты могли бы дать вам ответ крепким русским языком. Со своей стороны прошу передать солдатам на Нарвском фронте, столь много претерпевшим от вашей политики заискивания перед эстонцами, что мой совет – строго соблюдать дисциплину и быть уверенным, что, обезпечив свой тыл, я в недалеком будущем стану рядом с ними для совместного удара по большевикам»⁷⁹.

Однако под Петроградом Северо-Западную армию ген. Юденича ждало поражение:

*...Сметая красные отряды,
В мечте лелея Петроград, –
Мы шли, не ведая пощады,
Не зная окрика «назад!».
Мы много наших положили,
Но твердо к цели шли все, шли,*

*Мы у заставы Нарвской были,
Исаакий видели вдали...
Увы, Господь не дал отрады, –
Кто виноват, – не здесь судить, –
И от родного Петрограда
Мы злобно стали отходить...**

К слову, иначе и не могло быть, если мы вспомним, с чем шли «северо-западники». «Часть духовенства, – предупреждал в октябре комендант прифронтовой полосы начальника гражданского управления Нарвы, – не понимает современного положения и, по видимому, полагает, что с приходом белых восстанавливается “старый режим”. Необходимо держать духовенство в курсе дел внутренней политики и внушить им правильный взгляд на вещи, иначе они могут принести большой вред несоответствующими проповедями и беседами...»⁸⁰ Пришлось, однако, самим этим белым идеологам на чужбине вырабатывать «правильный взгляд на вещи».

Тем временем оборону Риги от наступающей Русской Западной армии возглавил прибывший туда французский генерал Ниссель. Гарнизон был усилен эстонской дивизией. Ульманис имел под ружьем 38-тысячную, превосходно вооруженную англо-французами, армию.

На помощь латышам пришла английская эскадра, начавшая обстрел позиций русских добровольцев. Часто это сопровождалось типичным английским коварством. «Когда линия Торенсберг-Больдера была занята моими войсками, – писал в открытом письме англичанам кн. Бермонт-Авалов, – к командиру I батальона пластунского полка приехал английский офицер. Убедившись в том, что Больдера занята русскими войсками, этот офицер отправился на квартиру батальонного командира полковника Ревелина и пил чай из кружки русского солдата; а двадцать минут спустя, когда английский офицер вернулся на свое судно, со всех судов был открыт жестокий огонь по русским позициям...»⁸¹

*И косит смерть со всех сторон
За батальоном батальон.*

.....
*«Франц, и ты?» – «Передай моей Лотхен привет!»
Все яростней битва бушует.*

* Б. С-ов. Кренгольм (Нарва). 14 декабря 1928 г.

.....
*Передам твоей Лотхен последний привет!
Спи спокойно, товарищ!**

«Союзные корабли, находящиеся в Рижском заливе, – хлестко писал в адрес правительств стран Антанты кн. Бермонт-Авалов, – в предыдущих боях с большевиками быстро уходили в море, не оказав поддержку борющимся с большевиками. В борьбе войск Западно-Добровольческой армии с большевицкими бандами Заметана, союзный флот второй день засыпает снарядами мой первый казачий пластунский полк и мирное население Торенсберга, проливая русскую кровь, как видно в благодарность за героическую помощь русских своим союзникам во время войны. Я должен усмотреть в этом полную поддержку врагов России – большевиков. Позиции своей не уступлю, и мои войска во главе со мной будут бороться до последней капли крови за благо России»⁸².

Это обращение не принесло (да и не могло принести) результатов, зато след этой пощечины навсегда останется на мнимо-порядочной личине Британии.

«Союзники» попытались свалить с больной головы на здоровую.

«Уже в течение 12 дней, – обращался к кн. Бермонт-Авалову, поправ все элементарные правила приличия, начальник французской военной миссии в Риге полк. дю Парке, – Вы бомбардируете беспрестанно Ригу – открытый город, несмотря на то, что Вы знаете, что Ваши снаряды предназначены не для латышских солдат, а для женщин и детей и мирного населения, которые чувствуют, что Вы их убиваете. Это меня не удивляет, так как, раз став изменником, недалеко до убийства. Зато стоящие около Вас советники не должны были бы забывать, что петля, ожидающая Вас, несомненно, в один прекрасный день захватит всех вас за шиворот»⁸³.

Князь не стал отвечать закусившему удила полковнику, а написал письмо его прямому начальнику в Берлин. «С того дня, – писал он, – как мои войска заняли предместье Торенсберг, расположенное на левом берегу Двины, напротив Риги, оно подвергается постоянной бомбардировки со стороны большевицких банд Заметана, которые, хорошо зная, что мои солдаты и батареи находились вне досягаемости их снарядов, в укрытых траншеях, не переставали атако-

* Фридрих Шиллер. Битва.

вать своим плохо направленным огнем мирное население и разрушать дома. [...] Как это было установлено нашими летчиками, батареи были поставлены между домами Риги и на бульварах города. [...]

10 октября мосты Риги были в руках моих войск и этот город был в моей власти. Я его не занял, подчеркивая этим единственную цель моей операции, обеспечение моей военной базы, необходимой для похода против большевиков... [...]

За все это время, что длится моя борьба против латышей, взбунтованных против меня своими вожаками, готовыми заключить мир с большевиками, я доказал, что Русская армия, которой я командую, армия цивилизованная, неспособная стрелять в незащищенный город, с единственной целью убивать невинных женщин и детей, в то время как вооруженные банды Заметене и Ульманиса, усиленные перебежчиками, последователями Ленина, по всей линии бомбардируют дома, в которых не живут солдаты; они обстреляли таким образом детский госпиталь Торенсберга, где их снаряды убили сестер милосердия и больных, они убивали и уродовали тех нескольких русских пленных, которых им удалось иметь.

Поэтому, когда сегодня утром моя станция перехватила телеграмму, адресованную как бы мне полковником дю Парке, в выражениях столь ругательных и грубых и в стиле, в котором так чувствовался пересказ с латышского, я отказался верить, чтобы этот офицер доблестной и благородной французской армии, которой я горд был быть братом по оружию в течение четырех лет ужасной войны, для победы которой я, четыре раза раненый, проливал свою кровь, мог быть ее автором»⁸⁴.

Не менее определенно кн. Бермонт-Авалов был и с руководителями латышской протестантской общины: «Пока не будут сняты пулеметы с колоколен церкви и увезены батареи с улиц и площадей и не прекращен обстрел открытого города Торенсберга, я принужден отвечать на огонь латышей, от которых зависит прекращение военных действий»⁸⁵.

Каждое слово в приведенных посланиях подтверждается другими документами.

Так, известно, что правительство Латвии в лице своих представителей на конференции четырех прибалтийских государств в Ревеле в сентябре 1919 г. высказалось за заключение мира с советской Россией⁸⁶.

Дисциплинированность в Русской Западной армии, насколько это возможно в условиях гражданской войны, была достаточно вы-

сокой. «Корректное и рыцарское отношение к местному населению, – читаем в приказе от 15 ноября, – безукоризненная служба и точное исполнение отданных приказаний свидетельствуют о точном понимании долга солдата и воина»⁸⁷.

Латыши брали звериной жестокостью (что «красные латышские стрелки» в России*, что здешние республиканские). «Латыши, братцы мои, – говорили русские солдаты, – что курицы: гульнет непогода – кудахчет с перепугу. Но и злой, ежели что... Знаю уж – служили вместе на хронте...»⁸⁸

8 ноября под Ригой 27 раненых немцев-добровольцев и один унтер-офицер санитарной службы, попавшие в руки латышей, после нечеловеческих пыток, были насмерть забиты кузнечным молотом⁸⁹...

Мы кузнецы, и дух наш молод!

Просто не верится, что делали это невзрачные штатского вида солдатики («форма их странно похожа на английские куртки, фуражки со звездами на тулье и коротенькие малиновые погоны»⁹⁰).

Мы здесь лежим, желты, как воск.

Нам черви высосали мозг.

В плену могильной немоты

Землей забиты наши рты.

Мы ждем ответа!

.....

Мы ждем! Мы только семена!

Настанут жатвы времена.

Ответ созрел. Ответ идет.

Он долго медлил. Он грядет,

*Мы ждем ответа!****

Действия командующего Русской Западной армии, как говорили, нашли одобрение даже такого политика как У. Черчилль, заметившего, что «если бы он был русским, то поступал бы точно так же, как полковник Бермонт»⁹¹.

* В 1920 г. на параде перед М. В. Фрунзе они шли не под «Интернационал», как можно было бы предположить, а под звуки латышского гимна «Боже, благослови Латвию».

** *Лион Фейхтвангер. Песня павших.*

Значение Западной армии еще более усилилось, когда стало ясно, что Юденичу Петрограда не взять. «Когда теперь, – писал 25 октября кн. П. М. Бермонт-Авалову ротмистр А. К. Гершельман, – с очевидностью выяснилось, что Юденичу очень туго приходится под Петербургом и что войск его недостаточно, чтобы завладеть столицей, все в Берлине уверены, что ты с твоей армией решишь на всем Северо-Западном фронте участь большевиков; все с нетерпением ждут разрешения вопроса об участии Риги и выхода твоего с армией на Московскую дорогу»⁹².

События на северо-западе России прорвали завесу молчания даже западной прессы. «О Бермонте заговорили, – отмечал отслеживающий публикации о Русской Западной армии офицер, – немецкие газеты отмечают его удивительную организаторскую способность и психологическую власть над солдатами, которые “слепо верят ему, как честному, смелому вождю”»⁹³.

У нас кн. П. М. Бермонт-Авалова обычно называют авантюристом. Так повелось со времен советского агитпропа. Но вот отзывы о нем людей серьезных, сделанные, как говорится, для внутреннего пользования, пусть и в позднейшее время.

«Убежденный монархист, – читаем в докладе немецкой разведки 1920 г. – Может быть, искатель приключений, но хороший солдат»⁹⁴.

А вот сообщение агента ВЧК того же времени, характеризующее его, как «ярого германфила», в содержательной части близкое к мнению германских коллег: «...Личные качества князя как командующего, пользующегося большой популярностью, как со стороны русских, так и немецких офицеров и солдат, будут иметь громадное влияние на успех военных действий. [...] Отношение генерала Врангеля к князю Авалову самое хорошее...»⁹⁵

Начиная с сентября 1921 г., чекисты были обеспокоены планами Бермонт-Авалова вторгнуться со сформированной на территории Германии армией в западные пределы Советской России⁹⁶. Для этого, по сведениям, добытым чекистами, он «вошел в серьезную организационную связь с правыми немецкими кругами». Особенно тревожным было то, что в начальники его штаба был назначен ген. Гофман, что указывало «на серьезность этого предприятия»⁹⁷. Считалось, что в его распоряжении было до 75 тысяч германских добровольцев и около трех тысяч русских⁹⁸.

Русских добровольцев Бермонт набирал в лагерях Вюнсдорф и Квелинбург. «Отношение солдат к Бермонту, – по сведениям советских разведчиков, – очень доверчивое и преданное. Часто Бермонт получает письма с их уверениями в верности, 26 декабря с. [1921] г. князю был поднесен от солдат солдатский Георгиевский крест 2-й степени. Авалов умеет говорить с солдатами и пользуется среди них популярностью. [...]

За всеми разъяснениями солдаты обращаются непосредственно к Бермонту. Отношение германских воинских кругов к Бермонту крайне доброжелательное. Он имеет полный контакт с бывшим германским Генеральным штабом»⁹⁹.

Лучшей оценкой деятельности Бермонта является факт его удаления полицией из Пруссии под сильным давлением «Антанты, Польши и большевиков, причем требование последних имело решающее значение»¹⁸⁰.

Однако вернемся к событиям поздней осени 1919 года.

«Видимо, кипучее развитие деятельности корпуса не в шутку беспокоит англичан»¹⁸¹, – пишет офицер штаба кн. Бермонт-Авалова И. С. Коноплин.

И англичане сумели повернуть ход событий в свою пользу.

Прежде всего, они нажали на немцев, осуществлявших снабжение Западной армии обмундированием, снаряжением, продуктами. Под угрозой блокады Германии ее социалистическое правительство пошло навстречу пожеланиям победителей¹⁸². Не стеснялись они и прямым военным нажимом на Северную армию в Прибалтике вплоть до огня английского флота по русским войскам. Затем, увидев, что прямой военный нажим безсилен перед волей командующего, «союзники» решили задушить его в переговорах объятиях. С этой целью Антанта послала в Прибалтику миссию, которую возглавил уже известный нам генерал Ниссель. «План генерала Нисселя, – писал князю Бермонту-Авалову из Берлина его представитель, – заключается в том, чтобы твоя армия пошла на соединение с Юденичем, а немцы чтобы ушли в Германию»¹⁸³. Выполнение этого плана означало не только фактическое уничтожение армии, но и отказ от осуществления цели, которую она ставила перед собой: реставрации самодержавной монархии в России.

Это прекрасно понимал и сам кн. Бермонт-Авалов, писавший уже будучи в изгнании: «Если год тому назад моя Западная Армия не заняла Москвы, то произошло это только от того, что Антанта, преследуя собственные эгоистические цели, вступления в Москву не хотела. Для этого она закрыла немецкую границу и одновременно запретила наступление на большевиков (об этом имеется налицо документ, подписанный английским полковником Робинсоном)»¹⁸⁴.

Зная все это, побитые прибалтийские националисты позволяли себе никак не реагировать на здравые предложения кн. П. М. Бермонт-Авалова. «Угроза моему флангу со стороны латы-

шей и эстонцев, – писал князь, обращаясь к командующему латышской армии, – победоносно ликвидирована моими войсками. Достигнуто обезпечение моей базы. Во избежание братского кровопролития я предлагаю перемирие и переговоры в Митаве и призываю к совместной борьбе с большевиками»¹⁸⁵.

Исход боев решил главный калибр английских кораблей.

*Вот уже третий день атакуют нас неандартальцы,
Своим воем пугая измученных наших коней.*

.....
Я – на дальнем посту...

Я еще продержусь, хотя нас очень мало осталось...

Мы уйдем как мужчины, как боги, как капли росы,

*Повторяя неслышно: «Non nobis, Domine, non nobis...»**

«В устье Двины, – пишет современный исследователь В. В. Акунов, – вошло соединение английских военных кораблей (под латвийским флагом) под командованием британского адмирала Коэна. Девять английских кораблей открыли артиллерийский огонь по Болдераа и Динамюнде. Своим артиллерийским огнем британская эскадра разметала русских пластунов Авалова-Бермонта и облегчила латышской пехоте взятие Динамюнде. Одновременно другие британские военные корабли под Либавой обстреляли позиции добровольческого корпуса фон Плеве, роты которого уже почти очистили город от латышских войск. Под защитой корабельной артиллерии британского флота латыши усилили свой нажим по всему Двинскому фронту. В довершение ко всему на южном участке фронта позиции Германского легиона были неожиданно атакованы советскими и ...литовскими (!) полками»¹⁸⁶.

Гул барабанов. Треск пальбы.

Дым. Пламя. Конь – на дыбы.

Беснуется железо.

Тут стал бы пятиться, как рак,

Да не сдержат себя никак,

В атаку первым лезу.

* «Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей» (Пс. 113, 9) (лат.). Александр Штернберг. Из цикла «Короли Бетельгейзе».

*Кто знает, может, поутру
Я, насмерть раненый, помру,
Коли судьба изменит.
И все же верю: «Пронесет!
Святая Троица спасет –
И пуля не заденет!»**

Русские и германские добровольцы отходили, огрызаясь.

*Черно-белый наш стяг уже покрывается кровью... ***

В декабре они пересекли границу Восточной Пруссии. Попытка силой оружия изменить судьбу Германии и России не удалась. В Германии, управлявшейся социалистическим правительством, их тоже никто не ждал. Их называли «балтийскими свиньями». Добровольцы в карман за словом не лезли, бросая в ответ (имея в виду военного министра-социалиста): «Носкевские собаки»¹⁸⁷.

Германские добровольческие части вынуждены были самораспуститься. Солдат разослали в разные концы Германии. Русских определили в лагеря для военнопленных. Не стало Железной дивизии. Не стало Корпуса имени графа Келлера^{***}. Впереди этих закаленных воинов ждали бои с красными немецкими бандами, в сокрушении которых они, пусть и распыленные, сыграли все же роль тарана.

*Война – всегда война. Ей трудно быть иною.
Куда опасней мир, коль он чреват войною****.*

* «Старый солдат». Народная песня Тридцатилетней войны 1618–1648 гг.

** Александр Штернберг. Из цикла «Короли Бетельгейзе».

*** Под названием «Avaloff-Gruppe» армия была интернирована в германском городе Нейссе. Сам генерал (в звании генерал-майора он был произведен 1.12.1919) поселился сначала в Берлине, а затем в Гарце, вынашивая планы повторения похода. «По поведению агента Бермонта, – сообщал в начале 1923 г. в иностранный отдел ГПУ секретный агент, – можно судить, что в случае выступления монархистов они сметут Прибалтийские государства для завоевания военной базы» (Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. II. М., 2001. С. 17). А там – на Петроград и на Москву!..

**** Фридрих Логау. Война и мир.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

28 октября 1920 г. в бою у Сиваша был убит полковник 10-го гусарского Ингерманландского полка Б. Г. Пальшау, бывший командир пулеметной команды 10-й кавалерийской дивизии графа Келлера. За несколько дней до гибели Борис Григорьевич возвратился в Крым с о. Лемнос, куда его перед тем эвакуировали.

* * *

Что касается Петлюры, то в октябре 1920 г. он вместе со всем правительством УНР бежал в Польшу, где заключил договор с Пилсудским в обмен на приращения Польши за счет малороссийских территорий. Поход Польши завершился, как известно, крахом. А вот договориться с ген. П. Н. Врангелем Петлюра не пожелал. «Между Царской Россией, – говорил он, – и современной коммунистической для нас нет разницы, ибо обе они представляют собой только разные формы московской деспотии и империализма. Идеал государственности украинской не может быть втиснут в узкие рамки федерации, конфедерации, тем более автономии, ни с Россией, ни с кем бы то ни было».

В Варшаве Петлюра жил вплоть до 1922 г., скрываясь от длинной руки чекистов под псевдонимом. Затем он перебрался в Будапешт, Вену, Женеvu и, наконец, в 1924 г. в Париж.

Здесь, в «столице мира» и притоне всех революционеров и эмигрантов, 25 мая 1926 г. на бульваре Сен-Мишель он был застрелен в упор еврейским анархистом Шолемом Шварцбордом, заявившим, что это акт мести за еврейские погромы на Украине.

Действительно, большинство еврейских погромов во время гражданской войны (до 40%) было совершено воевавшими на стороне Директории Петлюры. Однако сам Петлюра не был причастен к этому. Более того, как пишут современные исследователи, «провозгласив политику национальной автономии, он выступил за предоставление евреям всех национально-политических прав, создал министерство по еврейским делам, а в июле 1919 года даже издал универсал, запрещающий антисемитскую пропаганду». Известный сионист В. Е. Жаботинский, как говорят, «искренне переживая эту смерть, возложил венок на его могилу» на кладбище Монпарнас в Париже¹.

Что касается убийцы, то на судебном процессе он был оправдан, выехав после этого сначала в Соединенные Штаты, а затем в Южную Африку, где скончался в 1938 году.

* * *

В 1924 г. при не совсем ясных обстоятельствах в Смоленске скончалась первая из сестер Федора Артуровича графиня Евгения Артуровна Келлер.

* * *

17 марта 1926 г. в Москве умер бывший генерал Алексей Алексеевич Брусилов.

Коготок увяз – птичке пропасть. «С большевицким переворотом, – писал ген. Б. В. Герау, – любовь Брусилова перенеслась соответственно на Троцкого, который, думается, один из всех покровителей этого генерала-куртизана по профессии не заблуждался на счет его сущности»². Не заблуждались на его счет и белые.

*Цыть! Буде толковать!
Не быть и не бывать,
Чтоб русский офицер –
Да за Рээфэсэр!**

После того, как сын ген. Брусилова, бывший офицер Л.-Гв. Конно-Гренадерского полка Алексей, командуя 9-м кавалерийским полком Красной армии, сдался под Ливнами Орловской губернии белым, его не удостоили смерти солдата, а просто повесили как предателя, имея в виду, разумеется, прежде всего деятельность его отца.

В 1919 г. ген. Брусилов вступил в Красную армию. Там ему было велено заняться мобилизацией кадровых офицеров. Он и написал «Воззвание ко всем бывшим офицерам, где бы они ни находились». «Князь, – жаловался он в те дни бывшему офицеру синих кирасиров кн. В. С. Трубецкому, – телега застряла, и некому, кроме нас, ее выгаскивать. Без армии не спасти Россию»³. Этот «спаситель», похоже, напрочь забыл, что сам «со товарищи» завел ту самую телегу в непроходимую топь.

Так что...

*Спасибо, Брусилов, за лезть и честь!***

Весной 1920 г. генерал возглавил Особое совещание при главнокомандующем Вооруженными силами РСФСР, а в октябре стал

* М. И. Цветаева. Перекоп

** Там же.

членом Военно-законодательного совещания при Реввоенсовете. С ноября 1921 г. Брусилов – председатель комиссии по организации кавалерийской допризывной подготовки, а с июля 1922 г. – главный военный инспектор коннозаводства и коневодства. В феврале 1923 г. его назначили инспектором кавалерии РККА, а с марта он состоял для особых поручений при РВС. В отставку Брусилова отправили в 1925 г.

Похоронили его с воинскими почестями на Новодевичьем кладбище.

После смерти бывшего генерала его вдове Н. В. Брусиловой вместе со своей незамужней сестрой Е. В. Желиховской удалось не только благополучно выехать в 1930 г. из СССР в Чехословакию*, но и вывезти туда семейные бумаги, сданные ею впоследствии в Русский заграничный исторический архив в Праге, возвращенный в 1945 г. на родину⁴.

Когда из архивных документов стало известно о подлинных взглядах на советскую власть генерала-приспособленца, имя его, по личному распоряжению И. В. Сталина, после войны было запрещено упоминать в открытой печати.

* * *

14 февраля 1927 г. во французском городе Шелль скоропостижно от разрыва сердца скончался полковник Федор Викторович Винберг (1861–1927).

Гвардейский офицер, монархист, подвергавшийся за это после февральского переворота 1917 г. преследованиям (был под судом, сидел в «Крестах»), участник Корниловского мятежа, в последние дни гетманской власти он участвовал в обороне Киева.

Федор Викторович был командиром 4-го отдела Офицерской дружины ген. Л. Н. Кирпичева, формирование которой происходило под непосредственным руководством гр. Ф. А. Келлера. Эта близость была предопределена не только тем, что оба были кавалеристами, монархистами, особо почитали Государыню, Которая была милостива к каждому из них, не приняли присягу «временщикам», но и тем немаловажным обстоятельством, что тот и другой принимали посильное участие в попытках освободить Царственных Узников, в облегчении Их вынужденного заключения.

* Похоронена Н. В. Брусилова на Ольшанском кладбище в Праге.

Город Киев не был для полк. Ф. В. Винберга чужим. Здесь он родился, учился во Второй классической гимназии. Тут глубокой осенью 1918 г. ему пришлось принять участие в оборонительных боях с петлюровцами, а потом вместе с другими офицерами быть заключенным в Педагогическом музее. Переведенного вскоре в Лукьяновскую тюрьму, полк. Винберга от расправы спасли немцы, вывезшие его вместе с другими русскими офицерами в начале 1919 г. в Германию.

Обосновавшись в Берлине, Федор Викторович приступил к изданию журнала «Луч света» и газеты «Призыв», поддерживавших, пока шла борьба, предприятие кн. П. М. Бермонт-Авалова в Прибалтике. Именно в Берлине в 1919–1920 гг. возник русский монархический центр, занимавшийся пропагандой «Сионских протоколов», одним из руководителей которого был Винберг. Летом 1920 г. после провала в марте так называемого «Капшовского путча», в котором участвовали многие русские офицеры, полк. Ф. В. Винберг перебрался в Мюнхен. Здесь он работал в составе Баварской монархической группы, включавшей в себя Мюнхенское монархическое объединение, Русско-немецкий клуб и Русско-немецкое торговое общество. Винберг – делегат от Баварии Русского съезда промышленного восстановления в России, проходившего в Бад Рейхенгалле с 30 мая по 14 июня 1921 г. – был тесно связан с Высшим монархическим советом, входил в потаенное общество «Балтикум».

*Он нас зовет к воздвижению Престола,
Как Минин звал великих предков встарь...*

– писал в посвященном ему стихотворении С. С. Бехтеев.

Большой резонанс не только среди русской эмиграции, но и во многих странах Европы имело произошедшее 28 марта 1922 г. в Берлинской филармонии покушение на П. Н. Милюкова, в результате которого был убит другой кадетский лидер В. Д. Набоков. Оба покушавшиеся: П. Н. Шабельский-Борк и С. В. Таборицкий (пытавшийся ранее убить в берлинском метро другого «февралиста» – А. И. Гучкова) – были ближайшими сотрудниками Ф. В. Винберга.

Разгоравшийся скандал заставил Федора Викторовича оставить Германию. Перебравшись во Францию, он жил у друзей.

«С чистой совестью, – писал в некрологе его сослуживец полк. кн. В. М. Андроников, – он может предстать в Чертоге Господнем

перед Светлым Ликом своего Государя. Здесь же, на бренной земле, как последний аккорд красивой песни, не скоро замрет память об офицере-рыцаре с открытым забралом, отважном борце за идею и правду, и Уланы Ее Величества, которых он так горячо любил в течение всей своей жизни и имя которых так высоко держал, никогда его не забудут»⁵.

* * *

25 апреля 1928 г. на своей вилле под Брюсселем скончался генерал барон Петр Николаевич Врангель.

«В течение длительного времени, – свидетельствовал секретарь Сталина В. Г. Бажанов, – на заседаниях Политбюро констатировали, что Врангель был самым опасным и самым способным руководителем эмиграции и что надо было бы его уничтожить. [...] Что касается центра эмиграции – демократов всех сортов, демократический республиканский союз, группа Милокова и правых социалистов, – Политбюро считало, что они не представляют никакой опасности. Население остается глухим к их теориям... [...] Большевицкие руководители придают еще меньшую важность левому крылу эмиграции, социалистам-демократам и революционерам. Это объясняется тем фактом, что враждебность населения по отношению ко всем социалистическим партиям не вызывает больше никакого сомнения»⁶.

Эта заинтересованность большевиков, о которой хорошо знали в эмиграции, породила потом множество слухов о насильственной смерти барона, отравлении его то ли поваром, то ли денщиком. Однако вдова его, Ольга Михайловна, по свидетельству Владыки Вениамина (Федченкова), лично ему в Белграде, где состоялось погребение генерала, заявила, что «муж ее умер от болезни»⁷.

Из достоверных свидетельств известно все течение его болезни. 18 марта генерал простудился и слег в постель.

«Меня мучает мой мозг, – сказал он вызванному из Парижа полковнику И. П. Алексинскому. – Я не могу отдохнуть от навязчивых ярких мыслей, передо мной непрерывно разворачиваются картины Крыма, боев, эвакуации... Мозг против моего желания лихорадочно работает, голова все время занята расчетами, вычислениями, составлением дислокаций... Меня страшно утомляет эта работа мозга... Я не могу с этим бороться... Картины войны все время передо мной и я пишу все время приказы... приказы... приказы!»⁸

В первый день Пасхи, 15 апреля, Петр Николаевич почувствовал себя настолько здоровым и бодрым, что собирался даже вста-

вать. Однако в полдень произошел сильнейший нервный припадок. Минут сорок барон страшно кричал. Деятельность сердца резко ослабла.

Вызвали духовника. После исповеди и принятия Святых Таин генерал сказал: «Я готов служить в освобожденной России хотя бы простым солдатом...»⁹

В день кончины, в 9 часов утра, он произнес свои последние слова: «Боже, спаси Армию!»¹⁰

На современников кончина барона Врангеля произвела, по словам Владыки Вениамина, «очень сильное впечатление, точно что-то рухнуло за границей»¹¹.

Ближайший сотрудник «черного барона» ген. П. Н. Шатилов так и сказал:

«Умерла душа Белой армии»¹².

* * *

2 июня 1929 г. в Лёвене в Бельгии отошла в мир иной сестра гр. Ф. А. Келлера графиня Елена Артуровна Борх.

* * *

А почти через пять месяцев, 30 ноября 1929 г. в Ревеле в возрасте 67 лет скончалась первая супруга Федора Артуровича Елизавета, урожденная баронесса фон Рёнке.

* * *

20 ноября 1931 г. парижская газета «Возрождение» поместила на первой странице сообщение:

19 ноября в 3 часа дня скончалась графиня М. Э. Клейнмихель, урожденная графиня Келлер, – о чем сообщает семья покойной. Заупокойная литургия и отпевание состоятся в субботу, 21 ноября в Александро-Невской церкви, на ул. Дарю после обедни.

То была знаменитая двоюродная сестра гр. Ф. А. Келлера.

«Русская колония в Париже, – говорилось в некрологе, – лишилась одного из старейших своих членов:

В Париже после мучительной болезни скончалась в преклонном возрасте гр. Мария Эдуардовна Клейнмихель.

М. Э. Клейнмихель была в свое время весьма популярна своим салоном на Сергиевской улице».

«Почти все мои современники уже покинули этот свет, – писала Мария Эдуардовна в своих написанных незадолго до кончины мемуарах, – и теперь найдутся едва ли более трех-четырёх таких, к кому я могу обратиться со словами: “помните ли вы?..”

Здесь я кончаю свои воспоминания. Рассеянные по всей Европе одною и тою же катастрофой, мы потеряли друг друга из виду. Пусть эти страницы послужат моим приветом издалека всем тем, которые в течение моей долгой жизни относились ко мне благожелательно и дружески. Я вспоминаю о них с чувством глубокой благодарности и мысленно ищу их повсюду. К счастью, число тех, кто в эти страшные, жестокие дни, дни разнузданных, диких страстей распустили обо мне самые позорные, противные здравому смыслу слухи*, чрезвычайно ограничено, и к ним я отношусь большею частью равнодушно.

Но есть среди тех, кто занял враждебную позицию по отношению ко мне, и такие, которых я очень любила, которым оказывала много услуг и за доброе отношение, признаюсь, причинили мне много страданий! – Я с ними никогда более не увижусь, но я уверена, что если они когда-нибудь, пробегая газету, найдут в ней эти скромные строки: “Старая графиня Клейнмихель умерла в Бадене от...”, в их душу закрадется сожаление, а сердце, быть может, будет охвачено угрызениями совести. Этим я хотела бы уже теперь сказать: “Никакой злобы я не унесла с собой в могилу”»¹³.

Скончалась графиня Мария Эдуардовна не в Бадене, а в Версале, в возрасте 85 лет.

Свои воспоминания она назвала: «Из потонувшего мира».

* * *

В начале 1930-х годов, свидетельствует известный киевский археолог Александр Возницкий, большевики, в надежде поживиться драгметаллами, украшениями и наградами Царского времени, вскрывали могилы на старых кладбищах. В безымянной могиле на кладбище бывшего Покровского монастыря нашли останки русского кавалерийского генерала в полуистлевших шароварах с синими лампасами... Могилу ограбили¹⁴. В наши дни на месте бывшего монастырского кладбища монахини вновь открытой Покровской обители разбили небольшой сад с молоденькими деревцами...

* Петербургское общество голословно обвиняло графиню в шпионаже в пользу Германии. – С. Ф.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ РЫЦАРЯ НАЙ-ТУРСА

«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй»¹, – так неторопливо и торжественно, словно древняя хроника, начинается роман «Белая гвардия» М. А. Булгакова.

Роман был написан Михаилом Афанасьевичем в 1923–1924 гг., частично опубликован за границей в 1925-м.

«Год писал роман “Белая гвардия”, – признавался в октябре 1924 г. писатель. – Роман этот я люблю больше всех других моих вещей»².

М. А. Булгаков (1891–1940) был уроженцем города Киева. Родился он в семье профессора богословия Киевской духовной академии. Дед его был священником в Орловской губернии. 6 апреля 1916 г. будущий писатель окончил медицинский факультет Императорского университета св. Владимира в Киеве и был «утвержден в степени лекаря с отличием», отправившись осенью к месту назначения – в Смоленскую губернию.

М. А. Булгаков вернулся в Киев в феврале 1918 г. «...По счету киевлян, – писал он в одном из первых своих имевших успех фельетонов, – у них было 18 переворотов. Некоторые из теплушечных мемуаристов насчитали их 12; я точно могу сообщить, что их было 14, причем 10 из них я лично пережил»³.

Будучи врачом, он дважды мобилизовывался: сначала в армию гетмана Скоропадского, потом – петлюровцами. Отсюда весьма точно описанные в романе известные нам исторические эпизоды: взрывы в гетманском Киеве, покушение на генерал-фельдмаршала Эйхгорна, зверское убийство русских офицеров на позициях. По свидетельству ученых, «постоянно появляющиеся мемуары и документы лишь подтверждают удивительную достоверность художественных образов булгаковской прозы... [...] Наверно, это происходит потому, что автор книги – очевидец, участник событий, позднее собравший множество фактов и устных рассказов, целую библиотеку книг, вырезок, полевых карт»⁴.

Самым героическим персонажем романа, без сомнения, является полковник Най-Турс. Это обстоятельство да еще, пожалуй, некоторая загадочность Най-Турса, во многом обусловленная его необычной фамилией, приковывали к нему интерес многих литературоведов, пытавшихся найти исторический прототип полковника.

Многих соблазняет странная фамилия: Най-Турс...

Израильская исследовательница М. Каганская усмотрела в ней самую, как она пишет, «спрятанную тему романа: это тема не только великой русской революции, но и великой французской, гибели двух монархий...» Вторую часть его фамилии она производит от французского *tours* (башни), отчества матери «Францевна» – «от истинного отчества Най-Турсов – Франции». Справедливо указав, что фамилия эта «для русского уха совершенно непостижимая», Каганская на той же странице противоречит самой себе, утверждая, что «корни ее не только галльские, но и славянские: “буй-тур Всеволод”, мужественный воитель печенегов, каковыми печенегами... несомненно, представлены петлюровцы»⁵. Последнее и впрямь удивительно: эх куда занесло «русистку», сочиняющую на иврите.

Эту тему у Каганской подхватил Е. А. Яблоков, внося в это, правда, и своё: перекличку «Белой гвардии» с «Войной и миром». Для него «картавость Ная ассоциативно» связывается «с толстовским Денисовым»⁶. Согласно такой «логике», остается включить в эту компанию «вождя мирового пролетариата». «“Французская” (и шире “романская”) тема в “Белой гвардии”, – пишет он далее, – отчетливо проявлена в связи с Най-Турсом и членами его семьи. Уже сама эта фамилия представляется отчасти связанной с французским языком (*tours* – башни); имя Ная, Феликс, означает “счастливейший”, а учитывая еще и отчество – Феликсович, можно сказать, что Булгаков (возможно, не без иронии) назвал героя “счастливейшим”. Мать Ная – Мария Францевна – ассоциируется с Марией Французской: скорее всего, Антуанеттой, поскольку актуализированы связи с эпохой великой французской революции»⁷.

Еще один современный исследователь, Б. В. Соколов, интерпретирует фамилию Най-Турс, как сочетание английского слова *knight* (рыцарь) и латинского *urs* (медведь), выводя из этого своего «рыцаря Медведя». Далее, используя известный сборник биографий белых генералов Н. Рутыча, он приходит к выводу о сходстве обстоятельств гибели Най-Турса и ранения генерал-майора Н. В. Шинкаренко (да, того самого, что приезжал к графу Келлеру с бароном Маннергеймом в марте 1917 г. в Оргеев!): «Оба с пулеметом прикрывали отступление своих»⁸. Но кто не прикрывал с «максимумом» отход «своих». Та же, например, Анка-пулеметчица. Правда, она, конечно, не была белым генералом и... мужчиной. Но всё же серьезность и выдвигаемых Соколовым аргументов трудно принять к делу.

О том, как препарировать произведения Булгакова коновалы от литературоведения, хорошо видно на примере американского ев-

рейского «булгакоеда» С. Иоффе. Ничтоже сумняся, сей ученый муж «разоблачает» мнимый камуфляж булгаковского романа «Собачье сердце»: Чугункин – это Сталин, профессор Преображенский – Ленин, доктор Борменталь – Троцкий, кухарка Дарья Петровна Иванова – Дзержинский, машинистка Зинаида Бунина – Зиновьев, большая квартира на Пречистенке – Кремль, чучело совы со стеклянными глазами – Крупская, портрет профессора Мечникова, учителя Преображенского – Карл Маркс и т.д.⁹

После всего этого наукообразного бреда трудно удивляться таким, к примеру, толкованиям:

Най-Турс прихрамывает, а «хромота маркирует нечистую силу».

Он погибает на перекрестке, а «согласно традиционным представлениям, перекресток – это роковое “нечистое” место, принадлежащее демонам, место пребывания душ умерших, особенно заложенных покойников».

И, наконец, «фонетическая близость первой части фамилии полковника – “Най” – слову “навь”, обозначающему мифологическое воплощение души умершего, “живого мертвеца”»¹⁰.

Нечего сказать, ловко «отделали» гусара. Только зачем?

Характерно, что даже правильно определивший исторический прототип полковника исследователь утверждает: «...Фамилия Най-Турс, как и фамилия Келлер, является прусско-курляндской»¹¹. На чем основано сие утверждение, нам неизвестно...

Между тем, подобная фамилия была известна в России, но имела отношение к... Сиаму.

Дело в том, что в Императорский Пажеский корпус в начале века поступил принц Чахрабон (1883–1920), второй сын Сиамского короля, с которым Государь Николай II, еще будучи Наследником Российского Престола, познакомился во время Своего Восточного путешествия.

«Когда я принял Пажеский корпус, – вспоминал ген. Н. А. Епанчин, – в нем воспитывался Сиамский принц Чахрабон, второй сын Короля, и два сиамца: Най-Пум и Малапа; принц и Най-Пум были в специальных классах, а Малапа – в общих, он был значительно моложе первых двух. Государь весьма интересовался воспитанием этих юношей, а относительно принца Чахрабона Его Величество сказал мне, чтобы я смотрел на него, как на Его сына. Сиамцы были помещены в Зимнем дворце, получали стол от Двора, придворный экипаж, прислугу и все прочие удобства; одним словом, они были обставлены по-царски. [...] По окончании курса специальных классов корпуса принц и Най-Пум в августе 1902 г. были произведены в корнеты Гусарского Его Величества полка»¹².

Такое особое, помимо принца, отношение ко второму сиамцу породило в Петербурге взгляд, что «компаньон Принца простым смертным быть не может, получает одинаковое содержание из Бангкока, стало быть, он внебрачный сын кого-либо из братьев Сиамского короля, если не его самого»¹³. Ведь у короля только официальных жен было три.

Принц Чакрабон был пажом Государыни Александры Феодоровны, изъявив к тому настоятельное желание¹⁴, а Най-Пум (ок. 1884–1947) – вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны¹⁵, что, конечно, также было завидной честью.

«Принц Чакрабон, – вспоминал его сотоварищ С. Х. Рооп (1882–1956), – окончил курс первым и записан на мраморную доску вместе с гр. Келлером, т.к. у них обоих были равные баллы»¹⁶. Речь, напомним, идет о гр. Ф. Э. Келлере – двоюродном брате Федора Артуровича. И далее: «1902 г. 10 августа принц Чакрабон и Най-Пум были произведены в корнеты Л.-Гв. Гусарского Его Величества полка, а в 1906 г. января 23, ввиду окончания военного образования в России, принц Чакрабон был отозван Его Величеством королем Сиам... на родину»¹⁷.

После выпуска из Пажеского корпуса, но еще до возвращения домой, принц Чакрабон, помимо службы в полку, учился в Николаевской академии Генерального штаба. В это время он и познакомился с приехавшей в 1904 г. в Петербург своей будущей супругой Екатериной Ивановной Десницкой (1886–1960), поступившей на курсы сестер милосердия. Окончив их, юная сестра отправилась на Дальний Восток, где шла русско-японская война. Возвратилась оттуда она с тремя наградами, в том числе и с Георгиевским крестом¹⁸.

«В Царские дни, – свидетельствовал ген. Н. А. Епанчин, – Принц и сиамцы, по собственному желанию, присутствовали на молебствиях в корпусной церкви»¹⁹.

Это принесло свои плоды. Во-первых, известно, что принц Чакрабон, будучи буддистом, венчался со своей русской избранницей в Константинополе. Не креститься при этом он, разумеется, не мог... Как бы то ни было, он станет первым в сиамской королевской семье, кто напрочь откажется от традиции многоженства. Во-вторых, сотоварищ принца по Пажескому корпусу, Най-Пум, изъявит желание креститься.

Сам Император Николай II станет крестным отцом Най-Пума²⁰, к имени которого в крещении *Николай* прибавится отчество *Николаевич*. (Кстати, Най-Турс – Феликс Феликсович; таким образом, весь рисунок сохранен.) Вскоре поручик Н. Н. Най-Пум, по его настоятельному ходатайству, получит русское подданство. Его фотография имеется в альбоме, который получил каждый участник Исторического костюмированного бала в Зимнем Дворце 22 января 1903 г. То был, как известно, последний большой придворный бал в истории Российской Империи, на котором Государь явился одетым в наряд Царя Алексея Михайловича, а Государыня – в платье Царицы Марии Ильиничны, супруги Тишайшего. Корнет Най-

Пум запечатлен на одной из фотографий среди офицеров охраны Высочайших Особ. Известно, что лейб-гусар из Сиам владел секретами восточных единоборств, которым обучал царскую охрану²¹.

Что касается Екатерины Ивановны Десницкой, то по приезде в Сиам она стала именоваться принцессой На Питсанулок. Первой из королевских невесток 28 марта 1908 г. она родила сына. Принц Чула Чакрабон стал писателем и ученым-историком, автором обширного эссе об Императрице Екатерине II и монографии о Сиамской королевской династии Чакри, имел чин генерала²².

Следует подчеркнуть, что по чисто житейским обстоятельствам принцесса была связана с Киевом. После кончины отца (1888), а потом и матери (1904) она была связана с семьей своего дяди, инженера путей сообщения Михаила Ивановича Хижнякова, главного инженера правления Юго-Западной железной дороги, проживавшего в Киеве. Туда Высокие супруги приезжали во время своих нечастых визитов в Россию²³. Вот почему именно киевские газеты особенно усердствовали в распространении небылиц о «русской королеве в Сиаме». В таком искаженном виде эта история необыкновенного замужества нашла, например, отражение в повести К. Г. Паустовского «Далекie годы». Не мог не знать об этом и киевлянин М. А. Булгаков, вряд ли не заинтересовавшийся столь экзотической историей. Не мог он не слышать, разумеется, и имени офицера Най-Пума, кстати говоря, полковника и гусара, как и его Най-Турс.

Во время Великой войны Н. Н. Най-Пум командовал третьим эскадронном Л.-Гв. Гусарского полка, «был популярен среди рядовых за ум и личную храбрость, и после революции его переизбрали на командирскую должность в солдатском совете»²⁴. После гражданской войны Николай Николаевич жил в эмиграции сначала во Франции, а затем переехал в Англию.

Принц Чакрабон скончался 11 июня 1920 г. в Сингапуре. Принцесса На Питсанулок, Екатерина Ивановна Десницкая – в 1960 г. в Париже. Полковник Най-Пум скоропостижно умер 21 ноября 1947 г. в графстве Корнуэлл в Англии²⁵.

О графе Ф. А. Келлере как одном из прототипов полковника Най-Турса в романе стали писать в последнее время, в том числе и после публикаций новых документов. Печатаая отрывок из цитированных нами воспоминаний юнкера Михайловского артиллерийского училища В. В. Киселевского, доктор филологических наук В. Сахаров отмечает: «Его самого и его историю Булгаков не знал, но личность студента-юнкера из хорошей семьи угадал замечательно. А тот не остался в долгу и как-то весело и безшабашно, с милыми интонациями “золотой” дворянской молодежи рассказал свою версию описанных в “Белой гвардии” событий, особенно историю последнего боя горстки добровольцев, возглавляемых выдающимся кавалерийским командиром Ф. А. Келлером, столь мно-

гое передавшим героическому булгаковскому Най-Турсу, печальному рыцарю безнадежного «белого дела»²⁶.

Графа Ф. А. Келлера М. А. Булгаков, по всей вероятности, знал еще до Киевских событий. После окончания университета все лето 1916 г., вплоть до сентября, когда М. А. Булгаков получил назначение в деревню Никольское Смоленской губернии, молодой врач проработал в киевских больницах, а затем в качестве добровольца Красного Креста во фронтовых госпиталях Каменец-Подольска и Черновца.

Но именно в июне 1916 г. Федор Артурович, как известно, был ранен. «Генерала сразу же доставили в Каменец-Подольский военный госпиталь, – пишет современный украинский исследователь Ярослав Тинченко, – где оказали медицинскую помощь. Именно в это время в госпитале работал не кто иной, как Михаил Афанасьевич Булгаков. Генерал Келлер был настолько известной и выдающейся личностью, что у нас не остается сомнений в том, что будущий писатель мог его видеть или же даже с ним встречаться»²⁷.

Позднее, в 1919 г. в качестве «армейского хирурга в резерве» Михаил Афанасьевич был направлен в распоряжение штаба Терского казачьего войска в Пятигорск, где находился его брат. Туда же как раз в это время был переброшен 5-й гусарский Александрийский полк, входивший в состав Войск Северного Кавказа*. Окончательно сформированный в июле 1919 г. в Грозном, он принимал участие в усмирении Чечни, описанной впоследствии М. А. Булгаковым в «Необыкновенных приключениях доктора».

«С 24 октября 1919 по 9 января 1920 года, – писал уже известный нам сослуживец гр. Келлера полк. С. А. Топорков, – Александрийский гусарский полк, шестиэскадронного состава, с конно-пулеметной командой и при трех штаб-офицерах, шести ротмистрах и 21 обер-офицере, победоносно прошел Чечню и половину Дагестана, не зная ни одного неудачного боя»²⁸. Память о бывшем своем славном командире среди офицеров «безсмертных гусар» была жива, а пребывание молодого армейского хирурга в Киеве как раз во время гибели графа Келлера не могло не вызвать ответного интереса.

Целый ряд характеристик полковника Най-Турса в романе составляет нас вспомнить о генерале гр. Ф. А. Келлере.

Фамилия, грассирование Най-Турса в романе – все это призвано свидетельствовать о нерусскости его происхождения.

* До июля 1919 г. именовались Войсками Терско-Дагестанского края. Входили в состав Вооруженных Сил Юга России.

«Гусар»²⁹ и даже, более того, «боевой армейский гусар»³⁰. «Гладко выбритый с траурными глазами кавалерист в полковничьих гусарских погонах», «с вытертой георгиевской ленточкой на плохой солдатской шинели»³¹. Что ж, все это не противоречит облику графа – кареглазому кавалеристу, гусару, Георгиевскому кавалеру, запечатленному на некоторых фотографиях в солдатской кавалерийской шинели.

Най-Турс «прихрамывает», не может поворачивать голову, «потому что после ранения у него была сведена шея, и в случае необходимости посмотреть вбок он поворачивался всем корпусом»³². Все это опять-таки точное описание результатов ранений, полученных гр. Келлером во время революции 1905 г. в Царстве Польском и на полях Великой войны. Как работавший в Каменец-Подольском лазарете Булгаков мог знать о них...

Полковник Най-Турс был командиром второго эскадрона Белградского гусарского полка³³. В том же полку младшим врачом был Алексей Турбин³⁴. В романе помянута славная атака второго эскадрона белградских гусар на Виленском направлении в 1916 г. Булгаковцами давно установлено, что ни полка такого, ни такой атаки в 1916 г. на Виленском направлении не было. Исследователи полагают, что эта атака была отзвуком знаменитого боя под Ярославце в августе 1914 г.

Полковник Най-Турс гибнет в день вступления петлюровцев в Киев, прикрывая отход юнкеров. Смерть его в сознании Николки Турбина была исполнена особого значения. Добравшись домой, ночью того же дня он «зажег верхний фонарь в своей угловой комнате и вырезал у себя на двери большой крест и изломанную надпись под ним перочинным ножом: “п. Турс. 14-го дек. 1918 г. 4 ч. дня”»³⁵. – Точное время «боя в сумерках» графа Ф. А. Келлера!

Именно Николка Турбин разыщет потом мать и сестру полковника Най-Турса, опознает его в морге среди десятков погибших в эти дни и положит в часовне «с аршином пестрой георгиевской ленты, собственноручно Николкой уложенной под рубаху на холодную его вязкую грудь». «Най стал радостнее и повеселел в гробу»³⁶.

Сущность полковника Най-Турса в каком-то смысле раскрывается в сне Алексея Турбина:

«Он был в странной форме: на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге, и опирался он на меч, длинный, каких уже нет ни в одной армии со времен крестовых походов. Райское сияние ходило за Наем облаком»³⁷. Глаза «чисты, бездонны, освещены изнутри»³⁸.

На вопрос Алексея Турбина Най-Турс подтвердил, что он действительно находится в раю. На недоумение по поводу «странной формы» («Вы, позвольте узнать, полковник, остаетесь и в раю офицером?») последовал ответ уже вахмистра Жилина, «заведомо срезанного огнем вместе с эскадроном белградских гусар в 1916 году на Виленском направлении»: «Они в бригаде крестоносцев теперича, господин доктор...»³⁹

*Зная, шитое крестами, в саван выцвело.
А и будет ваша память – белы-рыцари.*

*И никто из вас, сынки! – не воротится.
А ведет ваши полки – Богородица!**

Первоначальное авторское название романа М. А. Булгакова было «Белый Крест». При этом нельзя не вспомнить также газету Северной монархической армии гр. Ф. А. Келлера «Белый Крест», издававшуюся Н. Е. Марковым Вторым в Пскове, и, конечно же, белый крест Келлера: и нарукавный православный для монархической Северной армии и мальтийский в Русской Западной Добровольческой армии кн. П. М. Бермонт-Авалова. И тот, и другой – осьмиконечные!

Эта рыцарственность Най-Турса резко выделяет его среди других положительных героев романа, которым, при всей их нравственной безупречности, присуще, все же, повышенное жизнелюбие. Спасая чужие жизни, они не забывали при этом и о своей. «Единственный был...»⁴⁰, – говорит о Най-Турсе капитан Мышлаевский. Именно готовность не на словах, а на деле пожертвовать собой ради других не только – повторимся – выделяет Най-Турса из среды положительных персонажей романа, но и отделяет его от них. И дело тут, понятно, не в одной лишь физической смерти.

Характерно, что сам М. А. Булгаков признавался своему другу П. С. Попову, что Най-Турс в его представлении – это «отдаленный, отвлеченный идеал русского офицерства, каким должен быть в моем представлении русский офицер»⁴¹.

В романе спасение жизней поверивших бежавшему гетману молодых юнкеров и офицеров досталось полковнику Най-Турсу. (Вспомним, что именно спасение офицеров подвигнуло графа Кел-

* М. И. Цветаева. Лебединый стан.

лера принять над ними команду 1 декабря 1918 г. – дело, заранее обреченное на неудачу.)

«– Юнкега! Слушай мою команду: сгивай погоны, когадгы, подсумки, бгосай огужие! По Фонагному пегеулку сквозными двогами на Газьезжую, на Подол! На Подол!! Гвите документы по догоге, пгячтесь, гассыпьтесь, всех по догоге гоните с собой-о-ой!

Затем, взмахнув кольцом, Най-Турс провыл, как кавалерийская труба:

– По Фонагному! Только по Фонагному! Спасайтесь по домам! Бой кончен! Бегом магш!»⁴² Так в романе.

«...Нам неизвестно, – пишут булгаковеды, – что говорил граф Келлер своим подчиненным, но то, что он советовал им бежать на Подол – это факт. Печерск был занят повстанцами еще утром, а центр украинские войска захватили только что. По логике, оставался свободным от частей Директории только Подол. Так что, основная мысль речей графа Келлера и Най-Турса сходятся (распыление и бегство на Подол)»⁴³.

В пьесе миссия Най-Турса передана полковнику Алексею Турбину. В ней, по словам уже упомянутого друга М. А. Булгакова, П. С. Попова (несомненно, пользовавшегося консультациями писателя), автопортретный образ Алексея Турбина из романа, слившись с полковником Най-Турсом, дал в пьесе новый комбинированный образ – более сложный и структурный⁴⁴. Правда, в своем выступлении в театре Мейерхольда в феврале 1927 г. сам писатель расставляет иные акценты: «...Тот, кто изображен в моей пьесе под именем полковника А. Турбина, есть не кто иной, как изображенный в романе полковник Най-Турс, ничего общего с врачом в романе не имеющий»⁴⁵. Позднее, отвечая на вопрос о предпочтительности для него повествовательной или драматической формы, Михаил Афанасьевич говорил: «Тут нет разницы, обе формы связаны так же, как левая и правая рука пианиста»⁴⁶.

Известно, что в апреле 1925 г. МХАТ обратился к Михаилу Афанасьевичу с предложением инсценировать роман. В 1926 г. пьеса, получившая название «Дни Турбиных», была написана.

Премьера «Дней Турбиных» состоялась 5 октября 1926 г. В том месяце пьесу давали 13 раз, в следующем – 14. За последующие 14 лет пьеса была сыграна 900 раз. Успех был ошеломляющий, но и злобу вызвала она не меньшую. Уже в день генеральной репетиции в сентябре 1926 г. писателя допрашивали сотрудники ОГПУ. А в 1927 г. пьеса была запрещена. Помогло заступничество К. Е. Во-

рошилова⁴⁷. Того самого, о котором В. М. Молотов вспоминал: «Мы все трое были певчими в церкви. И Сталин, и Ворошилов, и я. В разных местах, конечно. Сталин – в Тбилиси, Ворошилов – в Луганске, я – в своем Нолинске. [...] Сталин неплохо пел. [...] Ворошилов пел. У него хороший слух. Вот мы трое пели. “Да исправится молитва моя...” – и так далее. Очень хорошая музыка, пение церковное»⁴⁸. И далее: «...Церковные песни мы иногда пели. После обеда. Бывало, и белогвардейские пели»⁴⁹. Так и вспоминается квартира Турбинных в Киеве и юнкерская песня в исполнении Николки:

*Безкозырки тонные,
Сапоги фасонные,
То юнкера-гвардейцы идут...*

Пьеса не только была разрешена в «придворном» МХАТе, это была любимейшая сталинская пьеса. В январе 1932 г. по его личному распоряжению ее постановка была возобновлена. Известно, что И. В. Сталин смотрел мхатовские «Дни Турбиных» почти двадцать раз! Исполнителю роли Алексея Турбина И. П. Хмелеву Иосиф Виссарионович как-то сказал: «Хорошо играет Алексея. Мне даже снятся ваши черные усики (турбинские). Забыть не могу»⁵⁰.

Литературовед В. Я. Лакшин подметил, что в первые самые тяжелые дни войны, подыскивая слова для знаменитой своей речи 3 июля 1941 г., И. В. Сталин «сознательно или бессознательно использовал фразеологию и интонацию монолога Алексея Турбина на лестнице в гимназии: “К вам обращаюсь я, друзья мои...”»⁵¹.

Но были и другие зрители. И не только «неистовые ревнители» в СССР. Оказались такие и за рубежом.

Уроженец Финляндии, во время гражданской войны сражавшийся с большевиками в рядах Северо-Западной армии капитан Кирилл Николаевич Пушкарев в письме от 3 апреля 1934 г. сообщил баронессе М. Врангель (матери покойного генерала):

«...В конце февраля нас посетила Н. В. Плевницкая, давшая 5 концертов при переполненном зале, публика устраивала артистке овации, 2 раза был фельдм[аршал] бар[он] Маннергейм.

Давали у нас пьесу Булгакова “Дни Турбиных” (Белая гвардия), публике пьеса не понравилась, все, может, и правда, но не стоило беречь старых ран: бегство ген. Скоропадского из Киева и нежелание многих офицеров идти на позиции, а представление замерзать в окопах небольшому количеству энтузиастов. Булгаков

писатель советский, и пьеса, хоть и немного сдобренная Тарусским*, все же носит душок советский. Ген. бар. Маннергейм тоже был, но после 3 акта уехал»⁵².

Вот так: овации сотруднице НКВД Плевицкой, участвовавшей впоследствии в похищении двух председателей Российского общевойскового союза и прохладное отношение к «Белой гвардии» «советского» М. А. Булгакова. Что нам правда, нам подавай песни о России в исполнении советской чекистки.

Однако более замечателен уход из зала барона Маннергейма.

Благодаря указанию на третий акт мы практически безошибочно можем определить то место, которое активно не понравилось барону. Это картина первая. Обращение к юнкерам в Александровской гимназии полковника Алексея Васильевича Турбина, заменившего в пьесе, как мы помним, полковника Феликса Феликсовича Най-Турса из романа – прообраз графа Федора Артуровича Келлера. А значит, их беседа в Оргееве в марте 1917 года, когда барон приезжал убедить графа подчиниться «временщикам», как бы продолжилась через семнадцать лет...

«Алексей. Приказываю дивизиону внимательно слушать то, что я ему объявляю.

Тишина.

За ночь в нашем положении, в положении всей Русской армии, я бы сказал, в государственном положении Украины произошли резкие и внезапные изменения... Поэтому я объявляю вам, что наш дивизион я распускаю.

Мертвая тишина.

Борьба с Петлюрой закончена. Приказываю всем, в том числе и офицерам, снять с себя погоны, все знаки отличия и немедленно же бежать и скрыться по домам. (*Пауза.*) Я кончил. Исполнять приказание!

Студзинский. Господин полковник, Алексей Васильевич!

Алексей. Молчать, не рассуждать!

3-й офицер. Что такое? Это измена! [...]

2-й офицер. Арестовать его! Он передался Петлюре! [...]

Алексей. Да... Очень я был бы хорош, если бы пошел в бой с таким составом, который мне послал Господь Бог в вашем лице. Но, господа, то, что простительно юноше-добровольцу, непростительно

* Режиссер самодеятельного русского театра в Гельсингфорсе. – С. Ф.

(3-му офицеру) вам, господин поручик! Я думал, что каждый из вас поймет, что случилось несчастье, что у командира вашего язык не поворачивается сообщить позорные вещи. Но вы недогадливы. Кого вы желаете защищать? Ответьте мне.

Молчание.

Отвечать, когда спрашивает командир! Кого?

3-й офицер. Гетмана обещали защищать.

Алексей. Гетмана? Отлично! Сегодня в три часа утра гетман бросил на произвол судьбы армию, бежал, переодевшись германским офицером, в германском поезде, в Германию. Так что, в то время как поручик собирается защищать его, его давно уже нет.

Юнкера. В Берлин! О чем он говорит?! Не хотим слушать!

Гул. В окнах рассвет.

Алексей. Но этого мало. Одновременно с этой канальей бежала по тому же направлению другая каналья, его сиятельство командующий армией князь Белоруков. Так что, друзья, мои, не только некого защищать, но даже и командовать нами некому. Ибо штаб князя дал ходу вместе с ним.

Гул.

Юнкера. Быть не может! Быть не может этого! Это ложь!

Алексей. Кто крикнул «ложь»? Кто крикнул «ложь»? Я только что из штаба. Я проверил все эти сведения. Я отвечаю за каждое мое слово! И так... Вот мы, нас двести человек. А там – Петлюра. Да что я говорю – не там, а здесь. Друзья мои, его конница на окраинах города! У него двухсоттысячная армия, а у нас на месте мы, четыре пехотных дружины и три батареи. Понятно? [...] Ну, так вот-с. Если при таких условиях вы все вынесли бы постановление защищать... что? кого?.. Одним словом, идти в бой, – я вас не поведу, потому что в балагане я не участвую, и тем более, что за этот балаган заплатите своею кровью и совершенно бессмысленно – вы. [...]

1-й офицер. [...] Юнкера, слушайте: если то, что говорит полковник, верно, равняться на меня! На Дон! На Дон! Достанем эшелоны и к Деникину! [...]

Студзинский. Алексей Васильевич, верно, надо все бросить. Вывезем дивизион на Дон!

Алексей. Капитан Студзинский! Не смей! Я командую дивизионом! Молчать! На Дон! Слушайте вы, там, на Дону, вы встретите то же самое, если только на Дон поберетесь. Вы встретите таких

же генералов и ту же штабную ораву. [...] Они вас заставят драться с собственным народом. А когда он вам расколется головы, они убегут за границу... Я знаю, что в Ростове то же самое, что и в Киеве. Там дивизионы без снарядов, там юнкера без сапог, а офицеры сидят в кофейнях. Слушайте меня, друзья мои!.. Мне, боевому офицеру, поручили вас толкнуть в драку. Было бы за что! Но не за что. Я публично заявляю, что я вас не поведу и не пущу! Я вам говорю: белому движению на Украине конец. Ему конец в Ростове-на-Дону, всюду! Народ не с нами. Он против нас. Значит, конечно! Гроб! Крышка! И вот я, кадровый офицер, Алексей Турбин, вынесший войну с германцами, чему свидетели капитаны Студзинский и Мышлаевский, на свою совесть и ответственность принимаю все, все принимаю и, любя вас, посылаю домой.

Рев голосов Внезапный разрыв

Срывайте погоны, бросайте винтовки и немедленно по домам!»⁵³

Вот эти-то слова и заставили барона Маннергейма, финского фельдмаршала, председателя Совета обороны страны, в своей отвоюванной у красных (у русских) столице, встать и покинуть зал...

А ведь за этими словами стояла не только логика истории, но Промысел Божий, Его святая воля.

Даже такой всеми признанный строгий ревнитель Церкви Христовой, как архиепископ Волоколамский Феодор (Поздеевский), пришел к выводу о долговечности власти большевиков. «Как-то в конце лета 1919 года, – вспоминал очевидец, – трое каменщиков, ремонтировавших колонны Троицкого собора [Даниловского монастыря в Москве], сели отдохнуть на лавочке у “черного хода” настоятельского дома. Среди них зашел разговор о недолговечности советской власти. Неожиданно из сеней дома вышел владыка Феодор в простом сереньком подряснике. Очевидно, он что-то мастерил в сенях. Он остановился около каменщиков и сказал: “Я невольно слышал ваш разговор. Те, кто думает, что советская власть недолговечна, – ошибаются. Эта власть – всерьез и надолго, потому что ее поддерживает большинство народа. Если вообще когда-либо произойдет замена этой власти другою, то это может случиться очень не скоро, через несколько поколений и только тогда, когда ее руководители оторвутся от народа”»⁵⁴.

КОНЕЦ... И ВНОВЬ НАЧАЛО!

8 октября 1936 г. в Мекленбурге скончалась старшая сестра гр. Ф. А. Келлера – баронесса София-Констанция Таубе.

* * *

В 1937 г. покинула земные пределы супруга Федора Артуровича – графиня Мария Александровна Келлер, урожденная княгиня Мурузи. Судя по имеющимся в нашем распоряжении данным, произошло это в Краснодаре.

На протяжении одного 1918 года – с разрывом в девять месяцев – она потеряла единственного своего сына и супруга.

«После убийства гр. Ф. А. Келлера в Киеве, – писал сослуживец Федора Артуровича, – его жена, графиня Мария Александровна, проживала в г. Екатеринодаре и занималась благотворительной деятельностью для Добровольческой армии, а впоследствии, по слухам, находилась в Ново-Лебяжьем монастыре под Екатеринодаром»¹.

Еще в 1794 г., сразу же по переселении на Кубань запорожских казаков, на берегу Лебяжьего лимана, «ради престарелых и раненых казаков, желающих воспользоваться спокойною в монашестве жизнью», была основана Екатерино-Лебяжья-Свято-Николаевская мужская пустынь. Вскоре Лебяжья пустынь стала крупным духовным центром Черноморья. При ней-то и была со временем создана женская обитель, в которой в годы гражданской войны нашла убежище Мария Александровна.

Помогая Белой армии, среди офицеров и генералов которой имя ее супруга все еще пользовалось заслуженным авторитетом и славой, она могла рассчитывать на помощь в эвакуации. К тому же ее братья, князья Мурузи, обосновались в Париже; были влиятельные родственники и в близкой Румынии. Однако Мария Александровна, судя по всему, не пожелала воспользоваться ни одной из этих возможностей. Она решила остаться там, где были могилы ее мужа и сына.

Скончалась ли она своей смертью или в застенках НКВД, приняв монашеский постриг или оставшись в миру, – все сие пока нам неизвестно.

* * *

23 мая 1938 г. в Роттердаме был убит полковник Евген Михайлович Коновалец – один из тех, кто был причастен к вероломному убийству графа Федора Артуровича Келлера.

В 1921 г. во Львове Коновалец основал тайную военную организацию, поднявшую восстание на Украине, подавленное советскими войсками. За преступления, совершенные им на Украине, он был заочно приговорен к смертной казни.

После окончания гражданской войны Коновалец был инициатором и создателем Организации украинских националистов (ОУН), основанной в 1929 году². Эта организации обладала «мощной поддержкой» в Чехословакии. Во многом – благодаря хорошим личным отношениям этого украинского националиста с известным чехословацким государственным деятелем* Эдуардом Бенешем (1884–1948)³.

В ноябре 1937 г. в Московском Кремле И. В. Сталин отдал личный приказ о ликвидации Коновальца: «Наша цель – обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожать друг друга в борьбе за власть»⁴.

Акцию совершил известный советский разведчик (впоследствии генерал-лейтенант) П. А. Судоплатов. Встреча с Коновальцем должна была состояться в Роттердаме в ресторане «Атланта». «Подарок» готовил мастер по изготовлению взрывных устройств Тимашков (одной из его магнитных мин впоследствии был убит германский гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе).

«...После прошедшего дождя, – вспоминал П. А. Судоплатов, – погода была теплой и солнечной. Время без десяти двенадцать. Прогуливаясь по переулку возле ресторана “Атланта”, я увидел сидящего за столиком у окна Коновальца, ожидавшего моего прихода. На сей раз он был один. Я вошел в ресторан, подсел к нему, и после непродолжительного разговора [...] вручил ему подарок, коробку шоколадных конфет... [...] Уходя, я положил коробку на столик рядом с ним. Мы пожали друг другу руки, и я вышел... [...]»

...Выйдя из ресторана, свернув направо на боковую улочку, по обе стороны которой располагались многочисленные магазины. В первом же из них, торговавшем мужской одеждой, я купил шляпу и светлый плащ. Выходя из магазина, я услышал звук, напоминавший хлопок лопнувшей шины. Люди вокруг меня побежали в сторону ресторана. [...] Местные газеты сообщали о странном происшествии в Роттердаме, где украинский националистический лидер Коновалец, путешествовавший по фальшивому паспорту, по-

* Министр иностранных дел (1918–1935). Премьер-министр (1921–1922). Президент (1935–1938, 1946–1948).

гиб при взрыве на улице. [...] Когда произошел взрыв на улице, рядом с ним никого не было. [...]

Гибель Коновальца вызвала раскол в ОУН. Судьба руководителей ОУН, работавших при Коновальце, сложилась в 1939-1945 годах трагично. В ходе борьбы за власть внутри ОУН между Бандерой, освобожденным немцами в 1939 году [по усиленным просьбам П. П. Скоропадского⁵], и официальными преемником Коновальца Мельником погибли видные боевики и соратники Коновальца⁶.

После возвращения П. В. Судоплатова на Родину его наградили. Орден Красного Знамени вручил ему в Кремле М. И. Калинин.

* * *

10 марта 1940 г. в Москве скончался писатель М. А. Булгаков.

Еще в 1932 г. перед женитьбой Михаил Афанасьевич взял слово со своей будущей супруги: «Имей в виду, я буду очень тяжело умирать, – дай мне клятву, что ты не отдашь меня в больницу, а я умру у тебя на руках»⁷. Так и случилось.

Запись в дневнике супруги Михаила Афанасьевича, Е. С. Булгаковой:

«19 февраля.

У Миши очень тяжелое состояние – третий день уже.

Углублен в свои мысли, смотрит на окружающих отчужденными глазами. К физическим страданиям прибавилось или, вернее, они привели к такому болезненному душевному состоянию. Ему сейчас неприятен внешний...»⁸

Генеральный секретарь Союза писателей СССР А. А. Фадеев, посещавший М. А. Булгакова в последние дни его жизни по просьбе И. В. Сталина, однажды сказал ему: «Вы жили мужественно, вы умираете мужественно». Произнес он это «спокойно и сдержанно», однако, выйдя после этого на лестницу, он больше уже не сдерживал слез⁹. После кончины Булгакова Александр Александрович писал его супруге, сожалея, что узнал ее мужа только «в тяжелый период его болезни», который, однако, «поразил... своим ясным талантливым умом, глубокой внутренней принципиальностью и подлинной умной человечностью». По словам Фадеева, это был «человек, не обременивший себя ни в творчестве, ни в жизни политической ложью. [...] Хуже было бы, если бы он фальшивил»¹⁰.

Последняя запись в дневнике супруги писателя:

«10 марта.

16.39. Миша умер»¹¹.

«Он умер 10-го числа, без двадцати минут пять, днем, – сообщила матери сестра Е. С. Булгаковой. – После сильнейших физических мук, которые он терпел в последнее время болезни, день смерти его был тих, покоен. Он был в забытьи [...], под утро заснул, и Люсю [Е. С. Булгакову] тоже уснуть заставили, дали ей снотворного. Она мне говорила: проснулась я часа в два, в доме необыкновенная тишина и из соседней комнаты слышу ровное, спокойное дыхание Миши. И мне вдруг показалось, что все хорошо, не было этой страшной болезни, просто мы живем с Мишей, как жили до болезни, и вот он спит в соседней комнате, и я слышу его ровное дыхание. Но, конечно, это было на секунду – такая счастливая мысль. Он продолжал спать и очень спокойно, ровно дышать. Часа в четыре она вошла в его комнату [...] И ОПЯТЬ ТАК СПОКОЕН был его сон, так ровно и глубоко дыхание, что Люся говорит: подумала я, что это чудо (она все время ждала от него, от его необыкновенной, непохожей на обычных людей натуры) – это перелом, он начинает выздоравливать, он поборол болезнь. Он так и продолжал спать, только около половины пятого по лицу прошла легкая судорога, он как-то скрипнул зубами, а потом опять ровное, все слабеющее дыхание, и так тихо-тихо ушла от него жизнь»¹².

«А после смерти, – вспоминала Е. С. Булгакова, – лицо было успокоенным, счастливым почти, молодым. На губах – легкая улыбка»¹³. Совсем как у полковника Най-Турса в декабре 1918-го в киевской часовне..

«На следующее утро, а может быть, в тот же день, – вспоминал день кончины Булгакова С. А. Ермолинский, – позвонил телефон. Подошел я. Говорили из секретариата Сталина. Голос спросил:

– Правда ли, что умер товарищ Булгаков?

– Да, он умер.

Трубку молча положили»¹⁴.

То было последнее прости вождя высоко ценившемуся им писателю, применения которому, однако, он так и не смог найти в стране, которой правил...

Был и ответ, уже как бы из-за гроба. «Умирая, Булгаков завещал мне написать Вам...»¹⁵ – писала Е. С. Булгакова И. В. Сталину 7 июля 1946 г. Дошло ли письмо до адресата, неизвестно...

*Покойся, кто свой кончил бег...**

* В. А. Жуковский.

* * *

Через год, 22 марта/4 апреля 1941 г. в одном из колхозов близ Серпухова скончалась скрытно здесь проживавшая матушка Софья (Гринева), бывшая настоятельница Покровской обители в Киеве, в декабре 1918 г. благословившая похоронить графа Ф. А. Келлера и двух оставшихся верных ему офицеров на погосте своей обители. За семь лет перед кончиной приняла она великий ангельский образ.

За семь дней до начала Великой Отечественной войны скорбное известие дошло до сестры схиигумении Софии. Письмо от духовной дочери последней шло до Франции кружным путем, через Швейцарию.

«Последние три года, – говорилось в письме, – она страдала мучительной болезнью. У нее была бронхиальная астма, которая вначале выражалась легкими припадками, затем они стали учащаться, прибавилось еще и заболевание сердца. Несмотря на то, что она неоднократно обращалась к лучшим московским врачам и аккуратно исполняла их советы, болезнь нисколько не уступала лечению. В последние три дня своей жизни она пила только боржом и все боялась, что вообще скоро не сможет больше пить. Исхудание у нее под конец было ужасное. Как и всю свою жизнь, она была окружена любящими ее душами и так под конец ее окружали преданные и бесконечно ее любящие дети и окружали ее самой нежной заботой и лаской. Материально она не нуждалась, и в этом отношении ее обстановка жизни была хорошая.

Смерть ее наступила неожиданно, несмотря на то, что ожидать это горькое событие можно было каждый день. С утра она чувствовала себя не хуже обычного. Она попросила одну из любимых ею книжек и, отправив бывших при ней детей, осталась одна... Из соседней комнаты было слышно, как она переворачивала страницы книжки, и вдруг она закашлялась. Ей стало трудно дышать... Это продолжалось три часа... Дыхание становилось все труднее, все реже, глаза были ясные, все понимающие, они смотрели на иконы, потом она перевела в другой угол, на любимый свой образ, потом быстро и крепко закрыла их, и больше эти дорогие, ясные глазки уже не открывались...»¹⁶

* * *

В том же 1941 году 22 июня, в день Всех Святых, в земле Российской просиявших, началась Великая Отечественная война. Двумя годами раньше, 1 сентября 1939 г., разразилась вторая мировая.

На стороне Германии и ее союзников во время второй мировой войны сражалось немало прямых потомков Федора Артуровича и супругов женской части потомства графа.

Графы Келлеры словно переменили свой фронт...

(Приводим далее одни только ставшие нам известные в последнее время факты.)

Многие сложили свою голову на обширных пространствах Европы – от Сталинграда до Гибралтара. И никто из них не струсил, выполняя, как они были уверены, свой солдатский долг.

Первым «на поле чести» в мае 1940 г. пал в Утрехте, при вступлении германских войск в Нидерланды, Патрик-Теодор-Родольф фон цур Мюлен (1914–1940), внук гр. Ф. А. Келлера от его дочери Людовики-Елизаветы.

5 декабря 1942 г. под Сталинградом смертью храбрых погиб старший лейтенант кавалерии Румынской Королевской армии гр. Александр Павлович Келлер (1915–1942) – младший отпрыск старшего сына Федора Артуровича.

31 августа 1943 г. на Восточном фронте погиб сражавшийся в Вермахте солдатом уроженец Риги Рудольф Бок (1907–1943) – супруг внучки графа Келлера Элизы-Альмы-Мargarиты (1919–?) – дочери младшего сына гр. Ф. А. Келлера от первого брака Александра.

15 мая 1944 г. близ Танжера вместе с экипажем подводной лодки, которой командовал, ушел на морское дно обер-лейтенант граф Артур-Александр-Карл Келлер (1919–1944) – еще один внук Федора Артуровича (сын вышеупомянутого гр. Александра Федоровича Келлера)*.

На исходе войны, 1 января 1945 г., под Кутно в Польше погиб Арвид фон цур Мюлен (1911–1945), лифляндский помещик, зондерфюрер – супруг дочери гр. Келлера Людовики-Елизаветы.

* * *

15 апреля 1942 г. Гитлер разрешил использовать на советско-германском фронте части казаков как «равноправных союзников вер-

* Его подлодка U-731, спущенная на воду в Данциге 3 октября 1942 г., совершила четыре боевых похода. Потоплена глубинными бомбами, сброшенными с британских патрульного корабля «Килменрок», противолодочного корабля «Блекфлай» и американских самолетов. Из 54 человек экипажа не спасся никто (*Залесский К.* Кригсмарине. Военно-морской флот Третьего рейха. М., 2005. С. 571).

махта». В августе 1942-го статус казачьих войск был закреплен в «Положении о местных вспомогательных формированиях на Востоке». Они были приравнены к финским, испанским, итальянским и румынским солдатам. В марте с советскими войсками сражалось 20 полков казаков (25 тыс. штыков и сабель). Они рубились с советскими кавалеристами под Батайском, Ростовом, Новочеркасском. В уличных боях за последний город в феврале 1943 г. был зафиксирован, кажется, единственный за всю историю второй мировой войны случай, когда три кавалерийские сотни в конном строю контратаковали вооруженную автоматическим оружием пехоту и опрокинули ее.

После 1920 г. местность возле г. Млавы, где размещались полковые казармы прежних славных клястицких гусар (с 12 июля 1894 г. по Высочайшему повелению называвшаяся «Кульневским штабом»), стала главной базой польской кавалерии. После разгрома Польши 1939 года германским войскам достались богатые трофеи: нетронутые склады с кавалерийским снаряжением. Их получила сформированная здесь в апреле 1943 г. 1-я казачья кавалерийская дивизия под командованием полковника Гельмута фон Панвица (1898–1947), в 1916 г. в составе германского 1-го уланского Императора Александра II полка, сражавшегося против Русской Армии в Карпатах. Шефом дивизии стал атаман Всевеликого Войска Донского, «казак Каргинской станицы» генерал П. Н. Краснов.

Высадившиеся весной 1943-го на станции Млава казачьи полки «Платов» и «Юнгшульц», 600-й дивизион И. Н. Кононова и 1-й Атаманский полк барона Вольфа были переформированы в две бригады: 1-ю Донскую (1-й Донской, 2-й Сибирский и 4-й Кубанский полки) и 2-ю Кавказскую (3-й Кубанский, 5-й Донской и 6-й Терский полки)*.

Перед отправкой на Балканы, 15 сентября 1943 г. на старом казарменном плацу (том самом, который еще помнил молодого гусарского офицера гр. Ф. А. Келлера) выстроились 14 тысяч русских казаков. На многих сурово посверкивало начищенное серебро старых дедовских шашек. Священник Владимир Фриновский отслужил молебен, провозгласив «многая лета казачьему оружию и другу казаков Адольфу Гитлеру». Потом казаки принесли присягу на верность фюреру¹⁷. Полковник фон Панвиц, генерал А. Г. Шкуро,

* 4 ноября 1944 г. дивизия была передана в состав войск СС, а 25 февраля развернута в XV кавалерийский корпус СС. Гельмут фон Панвиц 1 апреля 1944 г. был произведен в генерал-лейтенанты.

атаман П. Н. Краснов с двоюродным племянником С. Н. Красновым стояли на специально выстроенном в центре плаца помосте, словно символизировавшем тот эшафот с виселицами, на который их возведут четыре года спустя в Москве...

Через два месяца, 10 ноября 1943 г. в Берлине официально признали «Декларацию Казачьего правительства». От имени Германии ее подписали начальник штаба Верховного главнокомандующего вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель и министр Восточных территорий А. Розенберг. С этого момента казаки стали уже не просто союзниками Германии, а военнослужащими правительства в изгнании. Германия признавала за казаками все то, «что имели ваши предки в прежние времена». Гораздо актуальнее в конце 1943 г. выглядел, однако, другой пункт, согласно которому, «если военные обстоятельства временно не допустили бы вас на землю предков ваших, то мы устроим вашу жизнь на востоке Европы под защитой фюрера, снабдив вас землей и всем необходимым для вашей самобытности».

Именно благодаря помощи русских союзников немцы сумели затушить очередной польский бунт – начавшееся 2 августа 1944 г. Варшавское восстание. Наряду с Русской штурмовой бригадой СС Б. В. Каминского его подавляли казаки Т. И. Доманова (12 тысяч штыков и сабель)¹⁸.

Казацкие лампасы и папахи памятливы были также партизанам Италии и Югославии.

* * *

27 апреля 1944 г. в Гловине на территории прежней Эстляндской губернии почил младший сын от первого брака Федора Артуровича – граф Александр Федорович Келлер. Ему повезло, он скончался и был погребен у себя на родине как раз накануне вступления в Прибалтику советских войск.

* * *

В 1945 году пришел черед многих...

Во время одного из воздушных налетов англо-американской авиации на Берлин была заживо погребена Елена Николаевна Бенуа. Эта исключительного благородства женщина в декабре 1918 г. навещала гр. Ф. А. Келлера в заключении в келлиях Михайловского монастыря в Киеве. Именно ей Федор Артурович доверил свой дневник, который он вел, будучи в узах. Елена Николаевна и хоронила графа, а также убитых вместе с ним офицеров на кладбище Покровского монастыря.

Эта дочь командира Ахтырского гусарского полка генерала Николая Бенуа и Е. А. Бенуа, урожденной фон Брензен (†1936), в эмиграции вышла замуж за полковника Л.-Гв. Конного полка Христофора Ивановича фон Дерфельдена – благородного потомка Шведского короля Густава-Адольфа и сподвижника А. В. Суворова.

* * *

26 апреля 1945 г. во время одной из бомбежек под Мюнхеном погиб Павел Петрович Скоропадский, бывший гетман «Украинской Державы».

После бегства из Киева первое время он жил в Берлине, переехав в июле 1919 г. в Швейцарию, где снимал небольшую дачу в Лозанне. В эмиграции он возглавлял одну из украинских группировок, провозгласившую целью своей установление на Украине «народной трудовой монархии» со главе с бывшим гетманом. Из Государственной канцелярии президента Германии Скоропадский получал денежное содержание в размере десяти тысяч немецких марок¹⁹.

В 1921 г. Павел Петрович принял участие в монархическом Съезде хозяйственного восстановления России, проходившем в баварском городке Бад Рейхенгалль. В том же году он с семьей переехал в местечко Ванзее близ Берлина, где жил на вилле до самой смерти.

Общавшийся с П. П. Скоропадским в 1930-е годы прот. В. Зеньковский зорко подметил перемены, которые, в конце концов, и предали дело гетмана да и саму его жизнь забвению: «...Перед П. П. жизнь поставила трудный вопрос о рыцарской верности России, то, что он поддавался... разным украинским нашептываниям и нередко ругает “москалей” и Россию, – в этом отречении от того, что является его сущностью, П. П. утерял устои, которыми держалась духовно его личность. Ныне – насколько мне позволяют судить встречи и беседы в Берлине – это уже просто авантюрист, поставивший ставку на самостийную (при *немецкой*, а не польской поддержке) Украину. Ему сейчас просто уже невыгодно отойти от своей позиции...»²⁰

И далее: «...Скоропадский, донныне еще не вполне сознающий, где он играет “роль”, навязанную ему историей, а где он “на самом деле” *уже* украинец. Скоропадскому ведь ничего и не остается сейчас, как продолжать играть ту игру, в которую засадили его играть 14 лет назад, благо, его происхождение действительно, а не мнимо [...] дает ему известное право на “гетманский престол”. Но он – су-

жу по всем своим встречам вплоть до последних... – все еще не может до конца стать украинцем, поэтому старательно *играет* в украинство – и как неизбежно бывает с такими простодушно-хитрыми натурами – переигрывает, ибо не знает того, где он имеет право быть “самим собой”»²¹.

«В 1945 году, когда большевики грозили Берлину окружением, Скоропадский пытался пробраться к своей семье, проживавшей тогда на юге Германии. Во время бомбардировки англичанами или американцами станции, на которой стоял как раз поезд Скоропадского, он был смертельно ранен»²².

Скончался он в госпитале католического монастыря в селении Меттен. Отпел бывшего гетмана греко-католический священник. «Хоть и не православный был священник, – писала дочь покойного Елизавета, – но свой, украинец»²³. Похоронили Павла Петровича на кладбище г. Оберсдорф.

Сын гетмана Даниил (Данило) в феврале 1957 г. был отправлен в Лондоне, как полагают, советским агентом.

* * *

19 ноября 1945 г. в Биркенвердере под Берлином отлетела душа последней из оставшихся в живых сестер Федора Артуровича – графини Марии Артуровны Келлер.

* * *

3/16 января 1947 г. Петр Николаевич Краснов и Андрей Григорьевич Шкуро были казнены в Москве. Всего в тот день на эшафот во дворе Лефортовской тюрьмы взойшли несколько давших присягу Гитлеру русских генералов, один из которых, Гельмут фон Панвиц, был русским немцем...

Атаман П. Н. Краснов, как мы уже писали, в январе 1919 г. с Тихого Дона отправился в Германию. Оттуда в июле выехал в Северо-Западную армию Юденича. Командовать боевыми частями там Петра Николаевича не допустили. Его назначили начальником отдела пропаганды. В январе 1920 г. он был русским военным представителем в Эстонии, а затем членом ликвидационной комиссии Северо-Западной армии. В марте ген. Краснов выехал в Германию, где жил сначала под Мюнхеном, а начиная с ноября – под Берлином. Переехав через год во Францию, где чета Красновых обосновалась в Сантени, в апреле 1936 г. они возвратились в Германию. Последним местом жительства ген. П. Н. Краснова стал Далевиц (под Берлином).

31 марта 1944 г. Петр Николаевич был назначен начальником Главного управления казачьих войск при Министерстве Восточных областей Германии. В полном соответствии с этой своей должностью он стал называть казаков – «потомками арийцев-готов»²⁴.

Вот его подлинные слова этого времени: «Кзаки! Помните, вы не русские, вы казаки! Самостоятельный народ. Русские враждебны нам. Москва всегда была врагом казаков, давила их и эксплуатировала»²⁵.

Выступая в одном из германских лагерей для советских военнопленных, П. Н. Краснов неожиданно предложил: «...Прямо тут, в зале, казаки и русские, – сядьте отдельно друг от друга»²⁶.

Вот куда в конце концов завело участие в Русской Смуте Петра Николаевича...

Атаман был сдан «союзниками» смершевцам на исходе мая 1945-го в австрийском городе с говорящим названием Юденбург.

Был выдан англичанами и генерал-лейтенант А. Г. Шкуро, награжденный 2 июня 1919 г. Английским королем высоким британским орденом Бани. По словам очевидца, генерал «очень больно переживал предательство тех, кто наградил его орденом Бани». «Пожалуй, с “ними”, – сказал он, имея в виду советских тюремщиков, – будет легче говорить, чем с “теми»²⁷.

Первые контакты, вроде бы, подтвердили такие надежды. В домике в советской зоне, по рассказам внука атамана П. Н. Краснова, их ожидали «генерал и несколько пожилых полковников. Они в 1918–1920 годах были “по ту сторону фронта” и воевали против деда и Андрея Шкуро. В довольно живом разговоре они вспоминали места, где велись бои, и части, которые в них участвовали, и на чьей стороне был перевес. Политической и этической стороны событий они не касались. Прощаясь, советский генерал сказал:

– Я бы хотел думать, что вы оба не очень огорчены тем, что едете на родину. Поверьте мне – война многое изменила. Советская власть уже не та, которой нужно бояться. Вы, как мне сообщили, поедете в Москву. Вас там долго держать не будут. С вами поговорят, узнают, что надо, и отпустят. Встретите много знакомых, вспомните старину и заживете у себя на родине. Будьте счастливы!»²⁸

Прошедший гражданскую войну советский генерал, видимо, так и думал. Врать ему находящимся под стражей престарелым русским генералам было ни к чему.

Многим охранявшим диковинных пленников советским солдатам и офицерам особенно запомнился генерал Шкуро... О нем они знали по книгам, фильмам и учебникам...

*Над Кубанью беложумную Шкуро
Ставит суд – Святые не спасут!*

Менее известно о нем было другое. Именно ген.-лейтенант А. Г. Шкуро спас из Кисловодска Великих Князей Бориса и Андрея Владимировичей.

Во время Второй мировой войны он, по вызову ген. П. Н. Краснова, прибыл из Дрездена, где размещалась штаб-квартира кубанских казаков. Краснов назначил Андрея Григорьевича начальником казачьего резерва, а рейхсфюрер СС Г. Гиммлер присвоил ему чин генерал-лейтенанта войск СС.

В советском плену он подтвердил характеристику, данную ему незадолго до этого немцами: «Шкуро, несмотря на хулиганство, всем нравится»²⁹.

«...Вспоминаю А. Шкуро, – писал Н. Н. Краснов, – его небольшое, испещренное лучами расходящихся морщинок, лицо, курносый нос кнопочкой, сильно поседевшую щетину волос с кудерьком на лбу. Небольшого роста, все еще пружинистый, он прекрасно владел собой и только в моменты, когда не чувствовал на себе взглядов, оседал и выглядел на десяток лет старше. [...]

В то время, когда дед, отвечая на вопросы о разных моментах борьбы между белой и красной армиями, говорил со сдержанной усмешкой и, я сказал бы, немного академически, Андрей пересыпал свою речь самыми отборными словечками и выражениями, живописно рассказывая, как его отряд “чехвости́л в хвост и гриву красных”.

Обид не было. Его рискованные выражения покрывались дружным смехом. Около него до зари торчала большая группа, главным образом, молодежи из сержантов, глаз не спускавшая с его подвижного лица. Шкуро ни на минуту не терял своего юмора. Отчаяние и гнев остались там, за мостом в Юденбурге, там, где остались предатели и изменники своему слову. В этих простых армейских солдатах, в большинстве деревенских парнях, он видел просто русских людей. Они, обращаясь к нему, называли его “батько” и даже “атаман”, переименовав его из Шкуро в Шкуру, и некоторые хвастались, что слышали о нем просто “небылицы” от своих дедов, дядьков и отцов.

Оживившись, Шкуро с большим подъемом рассказывал о “лушцовке” красных. Солдаты гоготали и хлопали себя по ляжкам от удовольствия. Более пожилые возражали и доказывали, что и они, красные, давали перца шкуринской волчьей сотне.

– Верно! – соглашался Шкуро. – Давали! Давали так, что у нас зады трещали!

Опять восторженный взрыв хохота. – Ишь ты какой! – крикали все от удовольствия. [...]

Даже дед, лежа на своем топчане под немецкой шинелью, улыбался и, приоткрывая на моменты глаза, тепло смотрел на забавную подвижную физиономию Шкуро.

– Ишь, руки-то у тебя какие маленькие! – заметил один из сержантов.

– Маленькие, да удаленькие! Рубить умеи! – весело ответил генерал, делая рукой типичные для рубки движения. Солдаты взвизгивали от удовольствия»³⁰.

Таким было общение вчерашних врагов, но людей русских, вне рамок официальной идеологии. По-иному приняли генералов на Лубянке.

Последний разговор П. Н. Краснова с внуком в лубянской бане 4 июня 1945 г.:

«Не украшай плохое. Не сгущай красок. Не ругай хорошее. Не ври! Пиши только правду, даже если она будет кому-нибудь глаза колоть. Горькая правда всегда дороже сладкой лжи. Достаточно было самовосхваления, самообмана, самоутешения, которыми все время болела наша эмиграция. Видишь, куда нас всех привел страх заглянуть истине в глаза и признаться в своих заблуждениях и ошибках? Мы всегда переоценивали свои силы и недооценивали врага. Если бы было наоборот – не так бы теперь кончали жизнь. [...]

...Что бы ни случилось – не смей возненавидеть Россию. Не она, не русский народ – виновники всеобщих страданий. Не в нем, не в народе лежит причина всех несчастий. Измена была. Крамола была. Не достаточно любили свою родину те, кто первыми должны были ее любить и защищать. Сверху все это началось... От тех, кто стоял между Престолом и ширью народной...

...Россия была и будет. Может быть, не та, не в боярском наряде, а в сермяге и лаптях, но она не умрет. Можно уничтожить миллионы людей, но им на смену народятся новые. Народ не вымрет. Все переменится, когда придут сроки. [...]

...Воскресение России будет совершаться постепенно. Не сразу. Такое громадное тело не может сразу выздороветь. Жаль, что я не доживу... Помнишь наши встречи с солдатами в Юденбурге? Хорошие ребята. Ни в чем я их винить не могу, а они и есть – Россия...!»³¹

* * *

Незадачливый последний командующий гетманской армией, князь А. Н. Долгоруков завершил свой путь в Северной Африке. Он умер 17 января 1948 г. в марокканской столице Рабате.

Обжиться здесь ему, видимо, помогло то обстоятельство, что в свое время, после окончания Пажеского корпуса, в 1899 г. он закончил курсы восточных языков, после чего был откомандирован в распоряжении посла России в Константинополе.

«14 декабря, – показывал Александр Николаевич в 1921 г. в Париже следователю Н. А. Соколову, – Киев пал. Я остался в России, скрываясь некоторое время от большевиков, а затем выбыл в армию Юденича, где до конца принимал участие в борьбе с большевиками»³². В Северо-Западной армии генерал-лейтенант кн. А. Н. Долгоруков командовал 4-й стрелковой дивизией.

О дальнейшей жизни этого генерала, кавалера ордена св. Георгия 4-й ст., награжденного во время Великой войны также золотым Георгиевским оружием, ничего неизвестно.

* * *

18 сентября (1 октября) 1950 г. в Брюсселе был освящен храм во имя Святого и Праведного Иова Многострадального, в память Царя Мученика Николая II и всех русских людей, богоборческой властью убиенных. Совершил торжественное освящение первоиерарх Зарубежной Церкви митрополит Анастасий (Грибановский) в сослужении с епископами Нафанаилом (Львовым) и Леонтием (Филипповичем).

В отчете Комитета по сооружению соборного храма за 1931 год читаем: «Каждый день почти приходят доказательства тому, как еще многие не осведомлены о нашем начинании, но один из таких примеров особенно нагляден. Живущий не в далекой Америке, не в глуши Африки или Китая, а в одном из Балканских государств, сын героя-военачальника, вернейшего из Царских слуг, графа Ф. А. Келлера, расстрелянного в Киеве, память которого свято чтится многочисленными его сторонниками, только через год с лишним после опубликования воззвания узнал о сооружаемом

Храме-Памятнике и мог лично увековечить имя своего рыцаря-отца с именами тех, пред которыми благоговел покойный, заказав памятную доску»³³.

Речь идет о гр. П. Ф. Келлере, жившем после гражданской войны в Румынии. В день торжественного освящения храма Павел Федорович находился в советских лагерях. Однако мраморную доску, заказанную им еще в 1930 г., смогли увидеть многие русские люди, оказавшиеся в тот день под сводами первого православного храма, посвященного памяти Царя-Мученика:

«Генерал от кавалерии гр. Федор Артурович КЕЛЛЕР, родился 12 октября 1857 г. в Курске,

его адъютанты:

полковник Андрей Андреевич ПАНТЕЛЕЕВ,

штабс-ротмистр Николай Николаевич ИВАНОВ.

Предательски убиты петлюровцами 6 декабря 1918 г. в Киеве.

Хорунжий 1-го Оренбургского казачьего полка гр. Борис Федорович Келлер, родился 1898 г.*, убит большевиками 1 марта 1919 г. в Полтаве»³⁴.

В общем списке из 82 мемориальных досок эта значится четвертой: после доски с именами Царственных Мучеников, убиенных Членов Дома Романовых и «верных Царских слуг, сопровождавших Царственных Узников в ссылку».

* * *

В ночь на 28 января 1951 г. в центральном кантональном госпитале Лозанны, в Швейцарии, через четыре дня после операции, скончался барон Г. К. Маннергейм, финский фельдмаршал.

«Я участвовал за свою жизнь во многих сражениях, – заявил он накануне операции хирургу, – но думаю, что эту схватку я проиграю – эту, последнюю».

Придя в сознание, он уже никого не узнавал. Дочь Маннергейма Софья появилась у одра отца через две минуты после его смерти.

Случилось это ровно через 33 года после того, как в такую же ночь на 28 января 1918 г. по приказу бывшего русского гвардейского генерала барона Маннергейма на территории Великого Княжества Финляндского началось вероломное разоружение стоявших там русских войск.

* По данным послужного списка его отца, в 1896 г. – С. Ф.

На погребение финского фельдмаршала съехались представители всех европейских стран и США. СССР своего представителя послать отказался.

С тех пор в течение полувека, вплоть до сентября 2001 г., ни один государственный лидер нашей страны *не посмел* отдать каких-либо почестей человеку, изменившему присяге.

Ведь...

*Измена – даже неправде –
Все изменой зовется она!**

* * *

18 августа 1952 г. в санатории Санта Мария в Кордобе (Аргентина) завершил свой земной путь Петр Николаевич Шабельский-Борк (1896–1952).

С первыми выстрелами Великой войны юный дворянин Петр Николаевич Попов** оставил Харьковский университет, отправившись на фронт добровольцем. В Ингушском кавалерийском полку Дикой дивизии, командовал которой Государев Брат, его вскоре произвели в корнеты. В одной из лихих кавалерийских атак он был ранен. У него были прострелены оба легких. Последствия этой раны, спровоцировавшей туберкулез, и свели его через 37 лет в могилу. Оправившись, Петр Николаевич вернулся в строй с завидной наградой: за «личное мужество» он получил Георгиевский крест 4-й ст. В 1915 г., в дни великого отступления Русской Армии, корнет Попов был тяжело контужен. Поначалу у него были парализованы ноги, но через восемь месяцев лечения в госпитале он снова поехал на фронт.

«Я помню тебя на Галицийских полях во время конных атак, – писал его друг офицер С. В. Таборицкий, – когда ты на своем “Падишахе” не знал малодушия и страха. Ты был гордостью своего Ингушского полка, бригады и даже своей дивизии»³⁵.

После того как произошел несчастный переворот, Петр Николаевич наотрез отказался присягать Временному правительству.

* А. Блок. Роза и Крест.

** Таково было настоящее его имя. Свою известную ныне фамилию он взял у своей крестной матери – Елизаветы Александровны Шабельской-Борк (1855–1917) – известной монархистки («неустрасимой поборницы национального русского дела») и писательницы (авторе романов «Красные и черные», «Сатанисты XX века», «Пятнадцать лет спустя», «Тайна Мартиники»).

Монархическая деятельность, которой он с тех пор отдавал все свои силы, привела его, в конце концов, при большевиках на скамью подсудимых. Сидел он в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, а потом в не менее зловещих «Крестах», где и познакомился с полковником Ф. В. Винбергом, с которым с тех пор не расставался.

Освобожденный по амнистии в мае 1918 г., П. Н. Попов не оставил своей прежней деятельности. Будучи членом тайной монархической организации Н. Е. Маркова Второго, он участвовал сначала в попытке освобождения Царской Семьи, а потом даже выезжал в Екатеринбург.

«В сентябре 1918 года в Екатеринбурге, – писал ген. М. К. Дитерихс, – не служа в частях нашей армии, проживал именовавший себя корнетом Петр Николаевич Попов-Шабельский. Он говорил, что приехал в Екатеринбург по поручению Высоких Особ, и в чем именно заключалось его поручение, он не высказывал. Рассказывал также, между прочим, что был вместе с полковником Винбергом, автором записок “контрреволюционера”, участником процесса Пуришкевича. Он очень интересовался Царским делом, говорил со многими, расспрашивал всех, посещал исторические места и хотя говорил, что ему тяжело верить в убийство Августейшей Семьи, но тем не менее там, в Екатеринбурге, утверждал, что в факте Ее убийства он не сомневается. В конце сентября он исчез из Екатеринбурга»³⁶.

Весьма значимым³⁷ фактом является свидетельство в связи с этой поездкой П. Н. Попова-Шабельского в 1921 г. следователю Н. А. Соколову: «...В 4 часа утра 17 июля [1918 г.] все стихло. Мужики тотчас же кинулись к Ганиной яме и там нашли [...] несколько вещей... [...] Потом стали откачивать воду из шахты, привлекли учащуюся молодежь, офицерство и нашли разные вещи, из которых помню... [...] икону Божией Матери Великодержавной, исколотую штыками, которую Великая Княгиня Елизавета Феодоровна через графиню Толстую прислала Государю»³⁸.

В ноябре 1918 г. Петр Николаевич был свидетелем и непосредственным участником Киевской эпопеи. В одном из эшелонов русских офицеров в январе 1919 г. он был эвакуирован в Германию, где под руководством полк. Ф. В. Винберга занялся литературным трудом, редактируя такие монархические издания, как газета «Призыв» и журнал «Луч света».

«Человек не от мира сего», «очень религиозный»³⁹, – характеризовал П. Н. Шабельского-Борка человек, близко знавший его в пер-

вые годы эмиграции. То же самое подтверждал позднее и депутат Государственной думы последнего созыва В. Н. Зверев: «Человек добрейшей души, умудрявшийся из своего скромного заработка откликаться на нужды и несчастья, где бы он их ни встретил...» И однако при этом: «Петр Николаевич умел гореть священной ненавистью в отношении поработителей нашей родины и ее предателей»⁴⁰.

28 марта 1922 г. вместе со своим сослуживцем по Дикой дивизии и литературным соратником в эмиграции С. В. Таборицким П. Н. Шабельский-Борк совершил покушение на жизнь П. Н. Милюкова, 1 октября 1916 г. в своей думской речи оклеветавшего Государыню. По общему мнению современников, это выступление было «штурмовым сигналом» к клятвопреступному февральскому бунту 1917 г.

Акция имела место во время лекции Милюкова в Берлине под характерным названием «Америка и восстановление России». Творя возмездие, Петр Николаевич «кричал, что он мстит Милюкову за Императрицу»⁴¹. Впоследствии Ф. В. Винберг рассказывал знакомому, что «Шабельский и Таборицкий уже давно задумали эту “месть”, преклоняясь перед мужеством и благородством Александры Феодоровны»⁴².

Убитый во время покушения по «ошибке» переводчик краденых писем Царицы-Мученицы В. Д. Набоков был не только активным деятелем Временного правительства (управляющий его делами), но также масоном, одним из участников составления манифеста Великого Князя Михаила Александровича, названного Царем-Мучеником «гадостью». Родился он в семье министра юстиции времен правления Императора Александра II Д. Н. Набокова от брака его с 17-летней баронессой Корф, на которой женила его мать последней, чтобы прикрыть долголетнее прелюбодеяние⁴³.

Совершив акт возмездия, оба офицера без всякого сопротивления сдались немецким полицейским.

С. С. Бехтеев посвятил им стихотворение «Дорогим узникам», помещенное их другом полк. Ф. В. Винбергом в шестом выпуске журнала «Луч света», напечатанном в 1925 г. в югославском городе Новый Сад:

*Нет! Не убийцы вы! Пусть суд ваш строг и гневен,
Возмездье грозное по совести твоя,
Вы мстили палачам за кровь святых Царевен,
За смерть Царевича, Царицы и Царя*

Приговоренные к долголетнему заключению, по ходатайству русских эмигрантов-монархистов, П. Н. Шабельский-Борк и С. В. Таборицкий были освобождены из тюрьмы 1 марта 1927 г., по иронии судьбы ровно через десять лет после февральского клятвопреступного бунта. Не прошло и нескольких месяцев после этого, как Шабельского и Таборицкого, по данным немецкой полиции, попытались выкрасть советские агенты «по методу увоза Кутепова»⁴⁴.

Выйдя на свободу, Петр Николаевич с удвоенной энергией занялся литературным творчеством, основной темой которого стало прошлое Императорской России – главным образом, эпоха глубоко почитаемых им Царей-Мучеников Императора Павла I и Государя Николая II. Не оставлял он и политической деятельности, будучи секретарем начальника Управления по делам русской эмиграции в Берлине ген. В. В. Бискупского и заместителя председателя Русского национального союза участников войны ген. А. В. Туркула.

Начиная с 1933 г., П. Н. Шабельский получал небольшую государственную пенсию. Он был «уверен, что Гитлер подготавливает возвращение к монархии»⁴⁵. Его друг С. В. Таборицкий, надеясь на это, поступил на службу в СС, а во время войны вел запись добровольцев в русские военные формирования.

В 1948 г. Петру Николаевичу посчастливилось вырваться из оккупированной Германии (какое-то время, рассказывают, он даже находился в советском лагере⁴⁶) и перебраться за море, в Аргентину. Там, обосновавшись в Буэнос-Айресе, он продолжал сотрудничать в немногих оставшихся монархическими русских эмигрантских изданиях. «Он продолжал и в Буэнос-Айресе помогать русским, – писал о П. Н. Шабельском-Борке профессор М. В. Зызыкин, – непрерывно посылая посылки в Германию оставшимся там, лишая себя даже необходимого. О себе он никогда не думал и был в полном смысле “Божий человек”»⁴⁷.

Незадолго до смерти он писал другу: «...С некоторого времени я начинаю как-то слабеть и чувствую усталость. Стал задумываться и о своем переводе в Великую Небесную Армию. На перевод сей смотрю как на духовное крещение. В Бога и Божию Матерь я верил по-няниному, не мудрствуя лукаво. Царя любил благоговеино, а грехи житейские и человеческие слабости да простит Господь Бог по Своему Милосердию»⁴⁸.

Последними строчками, написанными им в земной жизни, было стихотворение «Литургия верных»:

*Воскреснет в сердце Бог, как встарь,
И будет верных Литургия,
Любимый Самодержец Царь
И настоящая Россия⁴⁹.*

Скончался Петр Николаевич, будучи человеком еще не старым: всего в 59 лет.

«Ушел в лучший мир, – говорилось в некрологе, – хороший, прекрасный человек... Человек великой скромности, безсребреник. Патриот великого сердца. Ушел верный сын Императорской России и доблестный офицер Императорской Армии [...] Не гнавшийся за житейским благополучием, ничего для себя не искавший, почивший Петр Николаевич жил исключительно интересами беззаветно им любимой родины и неразрывно связанной с ее судьбами Династии. Чуждый тени каких-либо сделок с совестью, Петр Николаевич до последнего вздоха исповедовал верность нашему, тысячелетним опытом проверенному лозунгу – за Веру, Царя и Отечество»⁵⁰.

Через 11 лет после кончины Петра Николаевича в русском эмигрантском журнале, выходившем в старинном бразильском городе Сан-Паулу, было напечатано его стихотворение о героической гибели графа Ф. А. Келлера:

*Когда на Киев златоглавый
Вдруг снова хлынул буйный вал,
Граф Келлер, витязь русской славы,
Спасенья в бегстве не искал.*

*Он отклонил все предложенья
Не снял ни шашки, ни погон:
– Я сотни раз ходил в сраженья
И видел смерть, – ответил он.*

*Не мог ли снять он крест победный,
Что должен быть всегда на нем,
Расстаться с шашкой заповедной,
Ему подаренной Царем?..*

*Убийцы бандой озверелой
Ворвались в мирный монастырь.
Он вышел к ним навстречу смело,
Былинный русский богатырь.*

*В сопровождении злодеев
Покинул граф последний кров,
С ним благородный Пантелеев
И верный ротмистр Иванов.*

*Пред этой шайкой арестантской,
Крест православный сотворя,
Граф Келлер стал в свой рост гигантский,
Жизнь отдавая за Царя.*

*Мерцало утро. След кровавый
Алел на снежном серебре...
Так умер витязь русской славы
С последней мыслью о Царе³¹*

Всю свою жизнь П. Н. Шабельский-Борк хранил память о графе Ф. А. Келлере, с которым осенью 1918 г. в древнем Киеве свела его судьба...

* * *

17 ноября 1953 г. во Франции, в Клиши-на-Гаронне скончалась Татьяна Артуровна Хомутова – урожденная графиня Келлер. Та самая «милая племянница», в декабре 1918 г. в Киеве ежедневно навещавшая узников в Михайловском монастыре, «заваливавшая» дядю и двух верных ему офицеров «котлетами, ветчиной, колбасой и даже конфетами».

* * *

Через месяц, 21 декабря 1953 г. на другом конце земли, в Монреале умер полковник А. В. Сливинский, начальник штаба 10-й кавалерийской дивизии, которого за четкую службу высоко ценил граф Ф. А. Келлер. В его доме в декабре 1918 г., в дни киевской эпопеи Федор Артурович нашел последний приют. В эмиграции Александр Владимирович прошел через Югославию и Германию, освоил профессию инженера-строителя. В 1951 г. он обосновался в Канаде. В 1921 г. в Сербии вышла его книга, специально посвященная знаменитому кавалерийскому бою дивизии 1914 г. под Ярославце.

* * *

Тихая и мирная кончина Владыки Нестора Камчатского, передавшего гр. Ф. А. Келлеру в благословение от Патриарха Тихона «Державный» образ Божией Матери и вынесшего в декабре 1918 г. из келлии киевского Михайловского монастыря, по просьбе генерала, «отрядный штандарт», последовала в Москве 22 октября (4 ноября) 1962 года, в праздник Казанской иконы Божией Матери. Именно в городе Казани Владыка когда-то учился, принял монашеский постриг, отсюда, получив благословение святого праведного отца Иоанна Кронштадтского, уехал на Камчатку, которая с тех пор оставалась в его сердце до последнего вдоха.

* * *

7 ноября 1965 г. в Герсторфе под Ганновером в Германии завершила свои дни единственная дочь гр. Ф. А. Келлера Людовика-Елизавета фон цур Мюлен.

* * *

21 декабря 1968 г. в испанском городе Сан-Себастьяне налетевшим грузовиком был сбит генерал-майор Н. В. Шинкаренко. Николай Всеволодович скончался на месте⁵². То был, как мы помним, свидетель встречи в Оргееве в марте 1917 г. графа Ф. А. Келлера и барона Г. К. Маннергейма.

С середины 1918 г. Н. В. Шинкаренко сражался в рядах Добровольческой армии. Генерал П. Н. Врангель назначал его командовать последовательно полком, бригадой и наконец, в Крыму Туземной дивизией. Произведенный в генерал-майоры, он был награжден орденом святителя Николая Чудотворца.

Оказавшись в эмиграции, Шинкаренко искал дела. В составе первой группы русских добровольцев он прибыл в армию генерала Франко, провозгласившего: «Наша война – это война религиозная. Мы все, кто борется, христиане или мусульмане, мы солдаты Бога, и мы воюем не против других людей, а против атеизма и материализма...»⁵³ Перешедший вместе с Н. В. Шинкаренко нелегально через границу Испанского Марокко генерал-майор А. В. Фок говорил в те дни: «Те из нас, кто будет сражаться за национальную Испанию, против III Интернационала, а также, иначе говоря, против большевиков, тем самым будет выполнять свой долг перед белой Россией»⁵⁴. Сражаясь в составе «красных беретов», Н. В. Шинкаренко был тяжело ранен в голову; произведен в чин тениенте (поручика).

Из 72 русских добровольцев, бившихся в рядах Национальной испанской армии, погибло 34 человека. При официальном увольнении оставшихся в живых всем, кроме получивших офицерский чин во время боевых действий, было присвоено звание сержанта. Участники боев получили воинские награды: «Военный Крест» и «Крест за воинскую доблесть». Каждый, кроме того, получил двухмесячный отпуск с сохранением денежного содержания. Всем русским добровольцам была предоставлена возможность получить испанское гражданство⁵⁵.

Николай Всеволодович решил воспользоваться предоставившейся возможностью. После окончания войны он навсегда остался в Испании, поселившись в городе Сан-Себастьян. В годы эмиграции Н. В. Шинкаренко написал немало книг, основной темой которых была революция и гражданская война в России, Русская Армия на войне и в эмиграции. Однако ни в одной из них он не возвращался более уже к той исторической встрече в Оргееве на трагическом сломе Исторической России...

* * *

4 августа 1971 г. в Сан-Франциско отошла в мир иной Елена Николаевна Безак, близкая знакомая Федора Артуровича, опубликовавшая в эмиграции безценное свидетельство о благословении гр. Келлера в 1918 г. Патриархом Тихоном.

По матери она доводилась внучкой вдове А. С. Пушкина – графине Наталии Николаевне Ланской.

Отец Елены Николаевны, командир Л.-Гв. Кавалергардского полка ген.-лейтенант Н. Н. Шипов был племянником блаженной игумении Феодосии (Готовцевой), основательницы Новодевичьего монастыря в С.-Петербурге. Еще во время своего обучения в столице будущий генерал часто навещался к тетушке. Всю жизнь он оставался человеком глубоко православным, в таком же духе и воспитав всех своих детей.

Особым почитанием в семье Шиповых пользовался о. Иоанн Кронштадтский. Перед венчанием одной из дочерей они пригласили Батюшку отслужить молебен. Отец Иоанн пришел, но точно не замечал невесты, все внимание уделяя маленькой Елене. Впоследствии брак сестры оказался несчастным. Елена же Николаевна, выйдя замуж за кавалергардского офицера Ф. Н. Безака, до конца долгой их совместной жизни пользовалась неизменным счастьем.

Особым почитанием в семье Шиповых были окружены Русские Государы.

Николай Николаевич Шипов, будучи командиром Кавалергардского полка, во время Коронации Императора Александра III с обнаженным палашиом стоял на ступеньках Царского Престола. До конца дней изображение этого незабываемого эпизода стояло на камине его дочери.

Сдав полк, ген. Шипов получил назначение атаманом Уральского казачьего войска. Впоследствии, в эмиграции, казаки считали Елену Николаевну настоящей уральской казачкой, ибо в детстве она купалась в реке Урал.

Семейные традиции не прошли безследно. Глубокие чувства преданности Царскому Престолу всю жизнь исповедовала и сама Е. Н. Безак. В полной мере эта деятельная любовь проявилась в годы Великой войны, когда она, при содействии супруга, губернского предводителя дворянства, устроила в Киеве в Дворянском доме лазарет для раненых офицеров.

«В 1915 г., – вспоминала впоследствии инокиня Таисия (Карцова), – Государь должен был посетить этот госпиталь. Явились представители градоначальства и потребовали удаления врача-армянина, считавшегося политически неблагонадежным. Елена Николаевна горячо воспротивилась этой мере. Ей уступили под ее ответственность. Она сказала полиции: “Государя не знают, потому что никто Его не видит. Если бы Его видели, то любили бы Его все”.

Когда Государь осмотрел госпиталь, она опять с присущей ей смелостью сказала Ему: “Ваше Величество, Вас всегда боятся расстроить и показывают Вам только легко раненых. Не угодно ли Вам будет посетить настоящих страдальцев”. – “Непременно, – ответил Государь, – Я этого очень хочу”. Она повела Его в отдельную палату, где в страшных страданиях умирал офицер, пораженный столбняком. Государь долго молча смотрел на него. Из глаз Его потекли слезы. Он нагнулся к умирающему, перекрестил его и поцеловал. У другого офицера была снесена половина черепа. Он тоже тяжело страдал. Но впоследствии ему удалось вставить металлическую пластинку, и он поправился.

Уезжая, Государь тепло благодарил Елену Николаевну за ее заботы о раненых. А врач-армянин плакал и говорил, что ныне он узнал Царя, и благодарил Елену Николаевну за то, что она дала ему эту возможность.

Дело госпиталя Елена Николаевна вела крайне ревностно, никому не доверяя. Все ночные дежурства она до самой революции несла сама со своей помощницей, сестрой милосердия княгиней Горчаковой»⁵⁶.

«Отличительной чертой характера Елены Николаевны, – писала другая ее знакомая, – была ее доброта к людям. В эмиграции жила она много лет в Ницце и, несмотря на небольшие средства к жизни, дом ее был открыт для всех нуждавшихся в поддержке и утешении. Все к ней шли за ободрением. В последнее время, уже в Америке, радостью для Елены Николаевны было получение из России писем от своей воспитанницы и крестницы. Эту девочку ее собственная мать подбросила на вокзале железной дороги, и младенца принесли к доброй помещице. Елена Николаевна ее крестила и воспитала. Какими-то судьбами эту, уже немолодую, женщину удалось разыскать. Между ними возникла трогательная переписка»⁵⁷.

Из всех святых Елена Николаевна особенно выделяла преподобного Серафима Саровского. 2 августа 1971 г. она, по обычаю, причастилась Святых Христовых Таин. На следующее утро ее постиг удар. В ночь с 3 на 4 августа, не приходя в сознание, под чтение отходной она предала свою душу Богу.

Похоронили Елену Николаевну Безак на сербском кладбище в Сан-Франциско.

* * *

27 декабря 1973 г. в Нью-Йорке скончался князь Павел Михайлович Бермонт-Авалов, последний, кто в годы второй Русской смуты пытался подхватить знамя графа Келлера, немало сделавший для сохранения памяти генерала.

Мы расстались с ним в начале 1920 г. в Германии, куда он привел из Прибалтийских губерний остатки отрядов русских добровольцев. Не привыкший сидеть сложа руки, в Берлине он сначала приступил к изданию еженедельной газеты «Родина», а уже весной принимал участие в Каппловском путче. Возможно, в связи именно с этим последним обстоятельством Высший Монархический Совет, не желавший ссориться с новыми германскими властями, отклонил сотрудничество с кн. Бермонт-Аваловым и его армией. В 1921 г. Павла Михайловича выслали в Югославию.

Мало что изменил в судьбе князя и приход к власти в Германии А. Гитлера. Известно, что в октябре 1933 г. Бермонт-Авалов возглавил «Партию российских освободителей – Российское на-

ционально-социалистическое движение», возникшее в Пруссии. В гестапо на него было заведено дело. В июле 1934 г. его арестовали, а вскоре исключили из партии «за искажения национал-социалистической направленности организации». За этой внешне загадочной формулировкой стояло обвинение Павла Михайловича в «монархическом реставраторстве».

От неминуемого нового наказания спасла его тогда невеста – принцесса Мекленбург-Шверинская, двоюродная сестра Вел. Кн. Кирилла Владимировича со стороны матери, ставшая впоследствии супругой кн. Бермонт-Авалова. Она увезла его в свое поместье в Югославии⁵⁸.

Однако полученный урок не пошел князю впрок. Он опять приехал в Германию, надеясь обрести взаимопонимание с властями. Но это ему снова не удалось. В 1939 г. его заключили в Моабитскую тюрьму. На этот раз спас его Б. Муссолини, по личной просьбе которого германские власти выслали его в Италию. Видимо, после этого Павел Михайлович не пожелал больше испытывать судьбу, уехав сначала в Белград, а вскоре, после путча там в 1941 г. ген. Симовича, перебрался, используя статус узника нацистской Германии, в США, где и прожил всю оставшуюся жизнь, судя по всему, тихо. По крайней мере, чисто внешне.

* * *

5/18 июня 1974 г., в праздник Игоровской иконы Божией Матери и день рождения Царевны-Мученицы Анастасии Николаевны, в 14 часов 35 минут в московской больнице скончался четырежды Герой Советского Союза, Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков – в 1916–1917 гг. унтер-офицер 10-го драгунского Новгородского полка. Подобно его корпусному начальнику графу Ф. А. Келлеру, он был кавалером солдатских Георгиевских крестов 3-й и 4-й степеней, а также был награжден и двумя Георгиевскими медалями.

Вот как о службе в III конном корпусе, пусть и весьма скупо по условиям времени, писал Георгий Константинович в своих знаменитых «Воспоминаниях и размышлениях»:

«Призывался я в своем уездном городе Малоярославце Калужской губернии 7 августа 1915 года. Первая мировая война уже была в полном разгаре.

Меня отобрали в кавалерию, и я был очень рад, что придется служить в коннице. Я всегда восхищался этим романтическим ро-

дом войск. Все мои товарищи попали в пехоту, и многие завидовали мне. [...]

В сентябре нас отправили на Украину в 5-й запасной кавалерийский полк. Располагался он в городе Балаклея Харьковской губернии. Миновав Балаклею, наш эшелон был доставлен на станцию Савинцы, где готовились маршевые пополнения для 10-й кавалерийской дивизии. На платформе нас встретили подтянутые, одетые с иголки кавалерийские унтер-офицеры и вахмистры. Одни были в гусарской форме, другие – в уланской, третьи – в драгунской.

После разбивки мы, малоярославецкие, москвичи и несколько ребят из Воронежской губернии, были определены в драгунский эскадрон.

Нам было досадно, что мы не попали в гусары... [...]

Через день нам выдали кавалерийское обмундирование, конское снаряжение и закрепили за каждым лошадь. Мне попалась очень строптивая кобылица темно-серой масти по кличке “Чашечная”.

Служба в кавалерии оказалась интереснее, чем в пехоте, но значительно труднее. Кроме общих занятий, прибавились обучение конному делу, владению холодным оружием и трехкратная уборка лошадей. Вставать приходилось уже не 6 часов, как в пехоте, а в 5, ложиться также на час позже.

Труднее всего давалась конная подготовка, то есть езда, вольтижировка и владение холодным оружием – пикой и шашкой. Во время езды многие до крови растирали ноги, но жаловаться было нельзя. Нам говорили лишь одно: “Терпи, казак, атаманом будешь”. И мы терпели до тех пор, пока не уселись крепко в седла. [...]

К весне 1916 года мы были в основном уже подготовленными кавалеристами. Нам сообщили, что будет сформирован маршевый эскадрон и впредь до отправления на фронт мы продолжим обучение в основном по полевой программе. На наше место прибыли новобранцы следующего призыва, а нас готовили к переводу на другую стоянку, в село Лагери.

Из числа наиболее подготовленных солдат отобрали 30 человек, чтобы учить их на унтер-офицеров. В это число попал и я. Мне не хотелось идти в учебную команду, но взводный, которого я искренне уважал за его ум, порядочность и любовь к солдату, уговорил меня пойти учиться. [...]

Я поблагодарил его за совет и согласился пойти в учебную команду, которая располагалась в у городе Изюме Харьковской губернии. Прибыло нас туда из разных частей около 240 человек.

Разместили всех по частным квартирам, и вскоре начались занятия. [...] В июне подходил конец нашей учебы и должны были начаться экзамены. [...] ...Я был выпущен из учебной команды наравне со всеми в звании вице-унтер-офицера.

Оценивая теперь учебную команду старой армии, я должен сказать, что, в общем, учили в ней хорошо, особенно это касалось строевой подготовки. Каждый выпускник в совершенстве владел конным делом, оружием и методикой подготовки бойца. Не случайно многие унтер-офицеры старой армии после Октября стали квалифицированными военачальниками Красной армии. [...]

Основным фундаментом, на котором держалась старая армия, был унтер-офицерский состав, который обучал, воспитывал и цементировал солдатскую массу. Кандидатов на подготовку унтер-офицеров отбирали тщательно. Отобранные проходили обучение в специальных учебных командах, где, как правило, была образцово поставлена боевая подготовка. [...] Таким образом, будущие унтер-офицеры по выходе из учебной команды имели хорошую боевую подготовку и в то же время владели “практикой” по воздействию на подчиненных в духе требований царского воинского режима.

Надо сказать, что офицеры подразделений вполне доверяли унтер-офицерскому составу в обучении и воспитании солдат. Такое доверие, несомненно, способствовало выработке у унтер-офицеров самостоятельности, инициативы, чувства ответственности и волевых качеств. В боевой обстановке унтер-офицеры, особенно кадровые, в большинстве своем являлись хорошими командирами. [...]

В первых числах августа из полка пришел приказ о направлении окончивших учебную команду по маршевым эскадронам. Группу из 15 человек приказано было отправить прямо на фронт – в 10-ю кавалерийскую дивизию. В списке этих 15 человек я стоял вторым... [...]

Нас высадили в районе Каменец-Подольска. Одновременно выгрузили и маршевое пополнение для 10-го гусарского Ингерманландского полка и около сотни лошадей для нашего 10-го драгунского Новгородского полка со всей положенной амуницией. [...] Из района выгрузки все пополнение походным порядком было направлено на реку Днестр, где в это время наша дивизия стояла в резерве Юго-Западного фронта.

Прибыв в часть, мы узнали, что Румыния объявила войну Германии и будет воевать на стороне русских против немцев. Хо-

дили слухи, что наша дивизия должна в скором времени выступить непосредственно на фронт, но на какой именно участок, никто не знал.

В начале сентября дивизия, совершив походный марш, была сосредоточена в Быстрицком горно-лесистом районе, где она принимала непосредственное участие в боях, главным образом в пешем строю, так как условия местности не позволяли производить конных атак. [...]

В октябре 1916 года мне не повезло: находясь вместе с товарищами в разведке на подступах к Сайе-Реген в головном дозоре, мы напоролись на мину и подорвались. Двоих тяжело ранило, а меня выбросило из седла взрывной волной. Очнулся я только через сутки в госпитале. Вследствие тяжелой контузии меня эвакуировали в Харьков.

Выйдя из госпиталя, долго еще чувствовал недомогание и, самое главное, плохо слышал. Медицинская комиссия направила меня в маршевый эскадрон в село Лагери, где с весны стояли мои друзья по новобранческому эскадрону. [...]

Попал я из эскадрона в учебную команду молодым солдатом, а вернулся с унтер-офицерскими лычками, фронтовым опытом и двумя Георгиевскими крестами на груди, которыми был награжден за захват в плен немецкого офицера и контузию»⁵⁹.

* * *

7 декабря 1977 года в «Правде» появилось извещение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР о кончине участника боев 1915–1916 гг. под Хотинном, Черновцами, Кирлибабой, Кымполунгом, Якобени и Дорна-Ватра.

В официальном некрологе, подписанном Л. И. Брежневым, А. Н. Косыгиным, партийными и советскими деятелями и военачальниками, об этих сражениях, разумеется, не было ни слова. Ибо умер дважды Герой Советского Союза, маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский.

Это был второй прославленный советский маршал, боевой путь которого начался под командованием графа Ф. А. Келлера.

Сын кинешемского протоиерея, выпускник Костромской духовной семинарии и московского Алексеевского юнкерского училища, прапорщик 409-го Новохоперского пехотного полка 9-й армии ген. П. А. Лечицкого, он, будучи уже маршалом Советского Союза, по свидетельству архимандрита Кирилла (Павлова), после

войны не раз приезжал в Троице-Сергиеву Лавру, «останавливался в гостинице, причащался»⁶⁰.

Даже через пелену сильно идеологизированной записи его воспоминаний «Дело всей жизни» прорываются хорошие слова о графе Келлере – «храбром солдате», одном из тех, кто «пытался найти дорогу к сердцу подчиненного»⁶¹.

«Однажды, – вспоминал Александр Михайлович, – генерал Келлер потребовал для охраны своего штаба, разместившегося в Кымполунге, пехотный батальон. Наш 409-й полк, находившийся в резерве, оказался подчиненным ему. Послали первый батальон, во главе которого после потери в боях большого числа офицеров, оказался я. Прибываю в расположение кавкорпуса и докладываю начальнику штаба. Тот удивленно смотрит на меня, интересуется, сколько мне лет (мне шел тогда 22-й год), и уходит в другую комнату здания. Оттуда выходит Келлер, человек огромного роста, с улыбкой смотрит на меня, затем берет мою голову в свои ручки и басит: “Еще два года войны, и все вчерашние прапорщики станут у нас генералами!”

Именно тогда, находясь несколько дней при штабе кавкорпуса графа Келлера, мне довелось наблюдать картины, вроде, например, такой. В стороне от нашего батальона, проводившего занятия на небольшом плацу, на опушке леса по дороге прогуливался граф. Едет мимо казак. Командир корпуса, будучи по самой природе своей до мозга костей монархистом [...], подзывает его, садится рядом с ним на срубленное дерево, угощает табачком и ведет непринужденную беседу»⁶².

В начале сентября победного 1945-го маршал А. М. Василевский в Харбине участвовал в митинге вместе с неоднократно упоминавшимся выше митрополитом Нестором (Анисимовым). Стояли на одной трибуне...

Скончался Александр Михайлович Василевский 5 декабря, в канун дня памяти славного русского воителя святого Благоверного Великого Князя Александра Невского, даровавшего нам в 1941 году победу под Москвой.

В ночь с 7 на 8 декабря тело маршала было кремировано. 8 декабря урна с его прахом была замурована в Кремлевской стене.

* * *

17 июня 1980 г. в Ойтине, окружном городе в Шлезвиг-Гольштейне, на 98-м году жизни скончался граф Павел Федорович Келлер – сын графа Федора Артуровича от первого брака.

Будучи, как мы помним, капитаном I ранга, он принимал участие в гражданской войне. В конце 1918 г. его назначили начальником оперативной части штаба командующего Черноморским флотом. В эмиграцию Павел Федорович выехал в Румынию, где, возможно, не без поддержки родственников второй супруги отца, был принят на службу офицером Королевской армии. Там он был награжден румынским орденом Короны.

Во время войны гр. П. Ф. Келлер был комендантом Симферополя. Будучи захваченным в плен, получил 15 лет лагерей по 58-й статье, пункт 4: «за помощь международной буржуазии в борьбе с коммунизмом».

Его сотоварищ по несчастью, также бывший офицер Русского Флота, Б. В. Бьеркелунд*, выданный НКВД, несмотря на то, что был финским подданным, встретил Павла Федоровича в 1948 г. «на 5-ом лагпункте (пересылка) Интинского лагеря». В 1955 г., незадолго до освобождения, Бьеркелунд снова встречался с гр. Келлером. На этот раз в Потьменском лагере. Его привезли из Воркуты вместе с адъютантом Румынского короля Михая князем Негро-Понти, сидевшим по обвинению «в контакте с американцами». Князь добивался места раздатчика кипятка в бане, однако его предписано было использовать исключительно на общих работах. «...Его фамилия, – вспоминал Бьеркелунд, – значилась на доске отличников производства местного мебельного завода»⁶³.

Граф П. Ф. Келлер находился в лагере до середины 1950-х годов. После освобождения Павел Федорович выехал в Германию⁶⁴.

С семьей он так и не смог объединиться. Его супруга графиня Мария-Мадлен скончалась 12 декабря 1971 г. в городе Сибиу (прежнем Херманштадте), в румынской Трансильвании. В том же городе 31 июля 1969 г., после кончины первой жены, вступил во второй брак их старший сын граф Павел Павлович Келлер, также бывший офицер Румынской Королевской армии. Супругой его стала дальняя родственница, эстляндская немка, родившаяся в Дерпте.

* *Борис Вольдемарович Бьеркелунд* (1893–1976) – родился в С.-Петербурге. Окончил Морской корпус (1915). Раненый во время расправ с офицерами в Гельсингфорсе (март 1917 г.), уволен по болезни. Дипломатический курьер при Министерстве иностранных дел Финляндии (до 1923), затем служил в финском генштабе. Депортирован в СССР (1944). Вернулся в Финляндию (ноябрь 1955). Скончался близ Хельсинки.

* * *

2 августа 1981 г. в Брюсселе умер полковник П. П. Васецкий, офицер 10-го гусарского Ингерманландского полка.

Петр Петрович был последним из оставшихся в живых свидетелей чтения в марте 1917 г. графом Ф. А. Келлером в Оргееве перед строем солдат и офицеров III конного корпуса своей знаменитой верноподданнической телеграммы Государю Императору.

* * *

В 1991 г. автор этих строк, листая подшивку джорданвилльского журнала «Православная Русь» за 1967 г., набрел на статью Е. Н. Безак (скрывшейся под криптонимом «Е. Б.») о посылке Патриархом Тихоном гр. Ф. А. Келлеру, «рыцарю чести и преданности Государю», шейной иконки Державной Божией Матери и просфоры». Сведения об этом были помещены в вышедшем в 1993 г. 100-тысячным тиражом сборнике «Россия перед Вторым Пришествием». Книга стала популярной, неоднократно переиздавалась. Так имя графа Федора Артуровича Келлера начало свое возвращение в историческое сознание русских людей.

И вот *эта* книга, последние строки которой вы сейчас читаете. Появилась она по воле всегда помнившей и молившейся о всех *Своих дорогих* Царицы-Мученицы Александры Новой, *Скорбного Ангела* нашей дорогой России... (Когда-нибудь, Бог даст, расскажем и об этом).

Конеч... И вновь начало!

*«Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?»**

4/17 июля 2005 г.

Память святых Царственных Мучеников.

Весь преподобного Саввы.

* Ос. 13, 14; 1 Кор. 15, 55.

ПРИМЕЧАНИЯ

С.В. Фомин. ЗОЛОТОЙ КЛИНОК ИМПЕРИИ

«ИСТИННЫЙ ГЕРОЙ И ХРИСТИАНИН»

- 1 *Герцог Г. Лейхтенбергский*. Как началась «Южная Армия» // Архив русской революции. Т. VIII. Берлин. 1923. С. 178.
- 2 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославце. Б. м. [Сербия]. 1921. С. 28.
- 3 *Чеславский В. В.* 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. Чикаго. 1937. С. 85.
- 4 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославце. Б. м. [Сербия]. 1921. С. 27.
- 5 Там же С. 67.
- 6 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Т. V. Берлин. 1922. С. 243.
- 7 *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. СПб. 1999. С. 203. Во всех изданиях писем Царственных Мучеников из заточения перевод этого письма неточен.
- 8 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. // Донская летопись. Белград. 1924. № 3. С. 215.
- 9 *Винберг Ф.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. Мюнхен. 1922. С. 343.
- 10 Россия перед Вторым пришествием. Т. 2. СПб. 1998. С. 434.

Часть первая. ПОЛЕТ ОРЛА

КОРЕНЬ И КРОНА

- 1 Дворянское сословие Тульской губернии. Т. 3 (12). Родословец. Материалы. Ч. 5. М.-Тула. 1909. С. 23.
- 2 Правительствующего Сената Департамента Герольдии Дело № 1298 О внесении герба графов фон Келлеров // РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Е. х. 1249. Л. 52.

- 3 Там же. С. 52 об. Русское описание герба Келлеров см. в кн.: Долгоруков П. Российская родословная книга. Ч. 3. СПб., 1856. С. 157.
- 4 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 28. М. 1991. С. 903.
- 5 *Графиня М. Клейнмихель*. Из потонувшего мира. Берлин. Б. г. С. 8.
- 6 Правительствующего Сената Департамента Герольдии Дело № 1298 О внесении герба графов фон Келлеров. Л. 54.
- 7 *Любимов С. В.* Титулованные Роды Российской Империи. М. 2004. С. 160.
- 8 *Катин-Яцев М. Ю.* Келлеры // Отечественная история. Энциклопедия. Т. 3. К-М. М. 2000. С. 546.
- 9 *Жуковский В. А.* Сочинения. М. 1954. С. 42.
- 10 Правительствующего Сената Департамента Герольдии Дело № 1298 О внесении герба графов фон Келлеров. Л. 53.
- 11 Правительствующего Сената Департамента Герольдии Дело № 1298 О внесении герба графов фон Келлеров. Л. 225.
- 12 *Графиня М. Клейнмихель*. Из потонувшего мира. С. 18.
- 13 Незабываемые могилы. Т. 3. М. 2001. С. 302. Со ссылкой на: Возрождение. Париж. № 2362. 1931. 20 ноября; Сегодня вечером. № 266. Рига. 1931. 26 ноября.
- 14 *Кн. Б. А. Щетинин*. Памяти гр. Ф. Э. Келлера // Исторический вестник. Т. 97. 1904. № 9.
- 15 *Кисов С. И.* Из боевой и походной жизни 1877–1878. Воспоминания полковника запаса болгарской армии. София. 1903.
- 16 *Медведев А. А.* Памяти графа Ф. Э. Келлера. // Педагогический сборник. 1904. № 12; *Энгельгардт Б. А.* Два юбилея // Пажи – рыцари России. Духовное наследие Пажеского Его Императорского Величества корпуса. Сост. А. Б. Григорьев, О. А. Хазин. М. 2004. С. 99.
- 17 *Авчинников А. Г.* Памяти графа Ф. Э. Келлера. Екатеринослав. 1906.
- 18 *Дружинин К. И.* Воспоминания о русско-японской войне 1904–1905 гг. участника-добровольца. 2-е изд. СПб. 1912; *Квитка А. В.* Дневник забайкальского казачьего офицера. Русско-японская война 1904–1905 гг. СПб. 1908; *Краснов П. Н.* Год войны. 14 месяцев на войне. Очерки русско-японской войны с февраля 1904 по апрель 1905 г. Т. 1–2. СПб. 1905–1911; *Мирный В. А.* Боевой дневник героя унтер-офицера 9-го Восточно-Сибирского стрелкового полка из русско-японской войны 1904–1905 гг. и Высокомиловское, личное награждение его Его Императорским Величеством Государем Императором. М. 1912; *Свечин А. А.* В Восточном отряде. От Ляояна к Тюренчену и обратно. Марши, встречи, бои, наблюдения. Варшава. 1908; *Тетмай Э.* Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками. Ч. 1–2. СПб. 1907–1908.
- 19 Дальнейшая его жизнь описывается нами на основе сохранившихся двух его послужных списков: РГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Е. х. 1249. Л. 250–254; Ф. 1349. Оп. 1. Е. х. 1837. Л. 8 об.-14 об.

- 20 *Краснов П. Н.* От Двуглавого Орла к красному знамени. 1894–1921. Кн. 1. М. 2005. С. 171.
- 21 *Куприн А. И.* Собр. соч. Т. 6. М. 1953. С. 247.
- 22 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. Глюкштадт-Гамбург. 1925. С. 457.
- 23 *Краснов П. Н.* Памяти Императорской Армии // Русская летопись. Кн. 5. Париж. 1923. С. 10, 15.
- 24 Послужной список Свиты Его Величества генерал-майора графа Келлера. Составлен 23 мая 1910 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 1 об.

СЛАВЯНСКИЙ ПОЖАР

- 1 *Князь Мещерский.* Воспоминания. М. 2001. С. 349–350.
- 2 Большая энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова. Т. 20. СПб. 1905. С. 36.
- 3 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 25. Л. 1983. С. 219.
- 4 *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы 1814–1878. Т. II. Ростов-на-Дону. 1995. С. 431, 435.
- 5 Еврейская энциклопедия. Т. IV. СПб. Стб. 559; Т. VII. СПб. Стб. 186.
- 6 Еврейская энциклопедия. Т. IV. Стб. 560.
- 7 Там же. Стб. 562.
- 8 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. М. 2004. С. 19–20.
- 9 История XIX века. Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. Т. 7. М. 1939. С. 68.
- 10 Еврейская энциклопедия. Т. IV. Стб. 562.
- 11 История XIX века. Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. Т. 7. С. 68.
- 12 Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. Иерусалим. 1992. Стб. 351–352.
- 13 *Хибберт К.* Королева Виктория. М. 2005. С. 440.
- 14 Там же. С. 441.
- 15 Там же. С. 439.
- 16 Там же. С. 503.
- 17 Там же. С. 443.
- 18 Там же. С. 442.
- 19 Еврейская энциклопедия. Т. IV. Стб. 567.
- 20 Там же. Стб. 566.
- 21 История XIX века. Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. Т. 7. С. 71.
- 22 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 23.
- 23 История XIX века. Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. Т. 7. С. 71.
- 24 Там же. С. 433.
- 25 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 158.
- 26 *Хибберт К.* Королева Виктория. С. 506.

- 27 Там же. С. 505.
- 28 Еврейская энциклопедия. Т. IV. Стб. 564.
- 29 Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. Стб. 352.
- 30 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 34. С. 246.
- 31 Хибберт К. Королева Виктория. С. 506, 507.
- 32 Там же. С. 507–508.
- 33 Княгиня Юревская. Александр II. М. 2004. С. 38.
- 34 Виноградов В. Н. Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 157, 160, 158.
- 35 Там же. С. 158.
- 36 Князь Мещерский. Воспоминания. С. 352.
- 37 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 25. Л. 1983. С. 94.
- 38 Там же. С. 96.
- 39 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 25. С. 169, 170–171.
- 40 Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 томах. Т. 6. М. 1980. С. 91, 92.
- 41 Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 2. М. 1993. С. 200.
- 42 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова... С. 458.
- 43 Военная энциклопедия. Т. XII. СПб. 1913. С. 491.
- 44 Князь Мещерский. Воспоминания. С. 356–357.
- 45 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 25. С. 214–217.
- 46 Ляшенко Л. Александр II, или история трех одиночеств. М. 2002. С. 241.
- 47 Князь Мещерский. Воспоминания. С. 356.
- 48 Леонтьев К. Н. Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). Сост. и ред. Г. Б. Кремнев. М. 1996. С. 547.
- 49 Московский адрес [Императору] Александру II в 1870 г. (Из переписки К. П. Победносцева с И. С. Аксаковым.) // Красный архив. Т. 36. М.-Л. 1928. С. 145.
- 50 Там же. С. 152.
- 51 Там же. С. 145.
- 52 Там же. С. 144.
- 53 Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. М. 1989. С. 389.
- 54 Градовский Г. К. Архистратиг славянской рати // Образование. 1909. № 1; Карцев Ю. С. За кулисами дипломатии // Русская старина. 1908. Тт. 83–85.
- 55 Гаршин В. М. Сочинения. Л. 1938. С. 380.
- 56 Князь Мещерский. Воспоминания. С. 367.
- 57 Вел. Кн. Николай Михайлович. О подвигах Русского солдата в XIX столетии и об его любви к родине // Родина. М. 1993. № 1. С. 106.
- 58 Милютин Д. А. Дневник. Т. 2. М. 1949. С. 62.
- 59 Окороков А. В. Русские добровольцы. М. 2004. С. 37.
- 60 Дебидур А. Дипломатическая история Европы 1814–1878. Т. II. С. 434.

- 61 *Пантюхов И. И.* Значение антропологических типов в Русской истории // Русская расовая теория до 1917 года. Под ред. В. Б. Авдеева. Вып. 2. М. 2004. С. 346–347.
- 62 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 367.
- 63 *Вел. Кн. Николай Михайлович.* О подвигах Русского солдата в XIX столетии и об его любви к родине. С. 106.
- 64 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 367.
- 65 *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы 1814–1878. Т. II. С. 437.

«НА КРОВАВЫЙ БРАННЫЙ ПИР»

- 1 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 370.
- 2 Там же.
- 3 *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы 1814–1878. Т. II. С. 444, 445.
- 4 Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М. 1900. С. 101–102.
- 5 Военная энциклопедия. Т. XII. СПб. 1913. С. 491; *Витмер А. Н.* Скобелев // *Витмер А. Н.* «Что видел, слышал, кого знал». (Воспоминания). СПб. 1910. С. 76–79.
- 6 *Чичагов Л. М.* Доблести русских воинов. Рассказы о подвигах солдат и офицеров в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. М. 1996. С. 64–66.
- 7 *Каразин Н.* В воинствующей Турции // Новое время. 1877, 15/27 марта. № 375.
- 8 С театра войны // Московские ведомости. 1877. 4 мая. № 108.
- 9 Телеграммы // Московские ведомости. 1877. 9 мая. № 112.
- 10 Московские ведомости. 1877. 11 мая. № 113.
- 11 Телеграммы // Там же.
- 12 Последняя почта // Московские ведомости. 1877. 1 июня. № 133.
- 13 Телеграммы // Московские ведомости. 1877. 2 июня. № 134.
- 14 Телеграммы // Московские ведомости. 1877. 15 июня. № 147.
- 15 Там же.
- 16 Песенник российского воина 1721–1921. Сост. В. Н. Мантулин. Т. I. Нью-Йорк. 1970. С. 52.
- 17 «Орудие, направленное против России». Записка дипломата о Босфоре и Дарданеллах // Источник. 1995. № 1. С. 5.
- 18 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 161.
- 19 История XIX века. Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. Т. 7. С. 71. Еврейская энциклопедия. Т. IV. Стб. 565.
- 20 *Хибберт К.* Королева Виктория. С. 507.
- 21 Там же. 509.
- 22 *Боханов А. Н.* Романовы и Английский Королевский Дом: Династические узы и политические интересы // Отечественная история. 2000. № 3. С. 71.
- 23 *Ляшенко Л.* Александр II, или история трех одиночеств. С. 123.
- 24 *Боханов А. Н.* Николай II. М. 1998. С. 14.

- 25 *Боханов А. Н.* Романовы и Английский Королевский Дом: Династические узы и политические интересы. С. 72.
- 26 Там же.
- 27 *Хибберт К.* Королева Виктория. С. 508.
- 28 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 166.
- 29 *Хибберт К.* Королева Виктория. С. 509.
- 30 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 167.
- 31 Там же.
- 32 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. М. 1996. С. 107.
- 33 *Игнатов В. И.* Русские исторические песни. Хрестоматия. М. 1970. С. 241.
- 34 Там же. С. 243.
- 35 *Краснов П. Н.* Единая-Неделимая. М. 2004. С. 383.
- 36 *Белякова З.* Великие Князья Николаевичи в высшем свете и на войне. СПб. 2002. С. 141, 180.
- 37 Исторические песни. Баллады. М. 1986. С. 485.
- 38 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 387.

ЧЕТЫРЕ ПЛЕВНЫ

- 1 Из Вены. // Московские ведомости. 2.9.1877.
- 2 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 91.
- 3 Здесь и далее при описании участия 1-го Лейб-Драгунского Московского полка и вольноопределяющегося этого полка гр. Ф. А. Келлера в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., кроме особо оговоренных случаев, мы используем в основном два источника: *Шебякин С. П.* Краткая история 1-го Лейб-Драгунского Московского полка, 1700–1894. Тверь. 1894. С. 40–49; Послужной список Свиты Его Величества генерал-майора графа Келлера. Составлен 23 мая 1910 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 2, 10–11.
- 4 *Игнатов В. И.* Русские исторические песни. Хрестоматия. С. 246.
- 5 Исторические песни. Баллады. С. 562.
- 6 *Чичагов Л. М.* Доблести русских воинов. Рассказы о подвигах солдат и офицеров в русско-турецкой войне 1877–1878 годов. С. 116.
- 7 *Ген. М. Д. Скобелев:* «Мы не хозяева в своем доме» // Источник. 1993. № 5/6. С. 44.
- 8 *Боханов А. Н.* Император Александр III. М. 1998. С. 201.
- 9 *Княгиня Юрьевская.* Александр II. С. 41.
- 10 Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М. 1900. С. 106.
- 11 *Княгиня Юрьевская.* Александр II. С. 42.
- 12 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 543.

- 13 Ген. М. Д. Скобелев: «Мы не хозяева в своем доме». С. 56.
- 14 *Тарле Е. В.* Сочинения. Т. XII. М. 1962. С. 324.
- 15 *Княгиня Юрьевская.* Александр II. С. 44.
- 16 Там же. С. 41.
- 17 Там же. С. 39.
- 18 Русский Орел на Балканах. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. Сост. Н. В. Ильина, Л. Я. Саег. М. 2001. С. 181.
- 19 *Ляшенко Л.* Александр II, или история трех одиночеств. С. 244–245.
- 20 Русский Орел на Балканах. С. 182.
- 21 *Игнатов В. И.* Русские исторические песни. Хрестоматия. С. 243.
- 22 Русский Орел на Балканах. С. 188.
- 23 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. № 18. Париж. 1961. С. 3.
- 24 *Шебякин С. П.* Краткая история 1-го Лейб-Драгунского Московского полка, 1700–1894. С. 41.
- 25 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 95.
- 26 Там же. С. 105.
- 27 *Игнатов В. И.* Русские исторические песни. Хрестоматия. С. 243.
- 28 Русский Орел на Балканах. С. 104.
- 29 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 2. С. 233.
- 30 Русский Орел на Балканах. С. 103.

ПОКОРЕНИЕ БАЛКАН

- 1 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 113.
- 2 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 167–168.
- 3 Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М. 1900. С. 105.
- 4 Русский Орел на Балканах. С. 115.
- 5 Там же. С. 177.
- 6 Там же. С. 138.
- 7 *Игнатов В. И.* Русские исторические песни. Хрестоматия. С. 245.
- 8 *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М. 1999. С. 95.
- 9 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 114–115.
- 10 Там же. С. 109.
- 11 Там же. С. 120.
- 12 Русский Орел на Балканах. С. 119.
- 13 Там же. С. 162.
- 14 *Витмер А. Н.* «Что видел, слышал, кого знал». (Воспоминания). СПб. 1910. С. 76–80.

- 15 Песенник российского воина 1721–1921. Сост. В. Н. Мантулин. Т. 1. С. 53.
- 16 *Князь Мещерский*. Воспоминания. С. 365.
- 17 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин*. На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 105.
- 18 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 2. С. 238.

«ЛЮДИ БЛИЗКОГО КРУГА»

- 1 Там же. С. 266. О некоторых людях, входивших в это товарищество, см.: Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания, Т. 1. Кн. 1. СПб. 2003. С. 258–259, 316.
- 2 *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л. 1991. С. 73. Со ссылкой на «Еврейскую старину» (Т. 8. 1915. С. 187–188).
- 3 Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб. 2003. С. 258.
- 4 Русский Орел на Балканах. С. 117–118.
- 5 *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. С. 97.
- 6 ГАРФ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 52. Л. 15 об.
- 7 Русский Орел на Балканах. С. 87.
- 8 *Кожемякин М. В.* Болгарские части СС // Доброволец. М. 2004. № 1. С. 31–36.
- 9 Русский Орел на Балканах. С. 115.
- 10 Там же. С. 128–129.
- 11 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин*. На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 103–104.
- 12 Русский Орел на Балканах. С. 175.
- 13 Там же. С. 133.
- 14 Там же.
- 15 Там же. С. 134.
- 16 Там же. С. 135.
- 17 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 2. С. 244.

К ТЕПЛОМУ МОРЮ!

- 1 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин*. На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 121.
- 2 *Шебякин С. П.* Краткая история 1-го Лейб-Драгунского Московского полка, 1700–1894. С. 42–46.
- 3 Русский Орел на Балканах. С. 128.
- 4 Послужной список Свиты Его Величества генерал-майора графа Келлера. Составлен 23 мая 1910 г. // РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 2.

- 5 *Молло Е.* Знак отличия Военного Ордена // Военная быль. Париж. № 47. С. 23–24.
- 6 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова... С. 458.
- 7 *Шебякин С. П.* Краткая история 1-го Лейб-Драгунского Московского полка, 1700–1894. С. 61.
- 8 *Топорков С. Граф Ф. А. Келлер* // Военно-исторический вестник. № 18. Париж. 1961. С. 4.
- 9 *Шебякин С. П.* Краткая история 1-го Лейб-Драгунского Московского полка, 1700–1894. С. 46–47.
- 10 Там же. С. 47–48.
- 11 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 124.
- 12 *Шебякин С. П.* Краткая история 1-го Лейб-Драгунского Московского полка, 1700–1894. С. 48.
- 13 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 2. С. 265.
- 14 Там же.
- 15 Там же. С. 243–244.
- 16 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 125.
- 17 Там же. С. 110, 124.
- 18 *Шебякин С. П.* Краткая история 1-го Лейб-Драгунского Московского полка, 1700–1894. С. 48.
- 19 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 2. С. 274.
- 20 *Шебякин С. П.* Краткая история 1-го Лейб-Драгунского Московского полка, 1700–1894. С. 49.
- 21 Песенник Российского воина 1683–1983. Сост. В. Н. Мантулин. Т. II. Нью-Йорк. 1985. С. 47.
- 22 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № II. С. 90.
- 23 *А. Г.* Взгляд Императора Николая I на значение знамен // Военная быль. Париж. № 45. С. 25.
- 24 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № III. С. 145.
- 25 Там же. С. 146.
- 26 Цит. по ст.: *Карпец В.* Российское Самодержавие и русское будущее (на пути к православному государствоведению) // «Выбор». М. 1990. С. 214.

БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ

- 1 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 2. С. 266.
- 2 Русский Орел на Балканах. С. 158.
- 3 Там же. С. 162.
- 4 Там же. С. 158–159.

- 5 *Демьяненко Я.* Генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Скобелев // Военная быль. Париж. 1967. № 86. С. 32.
- 6 Ген. М. Д. Скобелев: «Мы не хозяева в своем доме». С. 53.
- 7 Русский Орел на Балканах. С. 159–160.
- 8 Ген. М. Д. Скобелев: «Мы не хозяева в своем доме». С. 52.
- 9 Там же. С. 45.
- 10 Там же. С. 59.
- 11 *Демьяненко Я.* Генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Скобелев. С. 33.
- 12 Ген. М. Д. Скобелев: «Мы не хозяева в своем доме». С. 59.
- 13 Там же. С. 52.
- 14 Там же. С. 64.
- 15 Речь ген. Скобелева в Париже в 1882 г. // Красный архив. Т. 27. М.-Л. 1928. С. 225.
- 16 Там же. С. 223.
- 17 Там же. С. 215.
- 18 Там же. С. 218.
- 19 *Тютчева А. Ф.* Воспоминания. М. 2000. С. 348–352.
- 20 Русский биографический словарь. Т. «Сабанеев-Смыслов». СПб. 1904. С. 583.
- 21 Ген. М. Д. Скобелев: «Мы не хозяева в своем доме». С. 57–58.
- 22 Там же. С. 61.
- 23 *Демьяненко Я.* Генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Скобелев. С. 33.
- 24 Ген. М. Д. Скобелев: «Мы не хозяева в своем доме» // Источник. 1993. № 5/6. С. 59.

У ВРАТ ЦАРЬГРАДА

- 1 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 30. Кн. II. Л. 1990. С. 42.
- 2 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 139.
- 3 Там же. С. 140.
- 4 *Краснов П. Н.* Цареубийцы. (1 марта 1881-го года). М. 1994. С. 230–231.
- 5 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 83.
- 6 *Дебидур А.* Дипломатическая история Европы 1814–1878. Т. II. С. 441.
- 7 *Княгиня Юрьевская.* Александр II. С. 44.
- 8 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 140.
- 9 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 163.
- 10 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 383.

- 11 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 140.
- 12 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 168.
- 13 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 398–399.
- 14 *Русский Орел на Балканах.* С. 132–133.
- 15 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 169.
- 16 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 141.
- 17 Там же. С. 125–126.
- 18 Там же. С. 141.
- 19 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 169.
- 20 *Боханов А. Н.* Романовы и Английский Королевский Дом: Династические узы и политические интересы. С. 73.
- 21 История XIX века. Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. Т. 7. С. 72.
- 22 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 141.
- 23 Там же. С. 126.
- 24 *Русский Орел на Балканах.* С. 138.
- 25 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 403–404.
- 26 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 2. С. 245.
- 27 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 142–143.
- 28 *Редигер А. Ф.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. С. 102–103.
- 29 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 129.
- 30 *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Минск. 2005. С. 92.
- 31 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 400–401.
- 32 Там же. С. 188–192.
- 33 Еврейская энциклопедия. Т. IV. Стб. 561; Краткая еврейская энциклопедия. Т. 1. Иерусалим. 1991. Стб. 94–95.
- 34 Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. Ст. 351.
- 35 Еврейская энциклопедия. Т. IV. Стб. 566.
- 36 Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. Стб. 351–352.
- 37 Там же. Стб. 352.
- 38 Еврейская энциклопедия. Т. IV. Стб. 567.
- 39 Там же.
- 40 *Русский Орел на Балканах.* С. 163.
- 41 *Собрание писем святителя Феофана.* Вып. 7. М. 1900. С. 111.
- 42 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 405.
- 43 *Ген. М. Д. Скобелев:* «Мы не хозяева в своем доме» // Источник. 1993. № 5/6. С. 58.
- 44 *Демьяненко Я.* Генерал-адъютант Михаил Дмитриевич Скобелев // Военная быль. Париж. 1967. № 86. С. 32.

- 45 Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты. Т. II. Минск. 2003. С. 575.
- 46 «Орудие, направленное против России». Записка дипломата о Босфоре и Дарданеллах // Источник. 1995. № 1. С. 5.
- 47 *Белякова З.* Великие Князья Николаевичи в высшем свете и на войне. С. 143. Со ссылкой на: *Chavchavadze D.* The Grand Dukes. N. Y. 1990. P. 69.
- 48 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 408.
- 49 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 134.
- 50 Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М. 1900. С. 111.

ПОДСЧИТАЛИ – ПРОСЛЕЗИЛИСЬ

- 1 *Вел. Кн. Николай Михайлович.* О подвигах Русского солдата в XIX столетии и об его любви к родине. С. 100, 107.
- 2 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 404.
- 3 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 26. Л. 1984. С. 78–81.
- 4 *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль. 1983. С. 51.
- 5 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 175.
- 6 *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. С. 70.
- 7 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 142.
- 8 История XIX века. Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. Т. 7. С. 438–439.
- 9 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 2. С. 246.
- 10 *Шебякин С. П.* Краткая история 1-го Лейб-Драгунского Московского полка, 1700–1894. С. 48.
- 11 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 129.
- 12 Собрание писем святителя Феофана. Вып. 3. М. 1898. С. 70.
- 13 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 130.
- 14 Собрание писем святителя Феофана. Вып. 7. М. 1900. С. 112–113.
- 15 *Князь Мещерский.* Воспоминания. С. 405.
- 16 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 84.
- 17 *Ляшенко Л.* Александр II, или история трех одиночеств. С. 231.
- 18 Там же. С. 232
- 19 Там же. С. 232.
- 20 *Тютчев Ф. И.* Сочинения. Т. 2. М. 1984. С. 345.
- 21 *Ляшенко Л.* Александр II, или история трех одиночеств. С. 233.

- 22 См. также: История XIX века. Под ред. профессоров Лависса и Рамбо. Т. 7. С. 427.
- 23 *Тальберг Н. Д.* Перед судом Правды. М. 2004. С. 270.
- 24 Россия перед Вторым пришествием. Сост. С. и Т. Фомины. Т. 1. СПб. 1998. С. 337–338.
- 25 *Ляшенко Л.* Александр II, или история трех одиночеств. С. 319.
- 26 *Rheta Child Dorr.* Frome Inside The Russian Revolution. New York. The MacMillan Company. 1918. Chapter XV.
- 27 *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы моей жизни. М. 2000. С. 284.
- 28 Там же. С. 294.
- 29 *Мельник Т.* Воспоминания о Царской Семье и Ее жизни до и после революции. М. 1993. С. 46.
- 30 Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М. 1998. С. 387.
- 31 *Моруа А.* Жизнь Дизраэли. М. 2001.
- 32 *Виноградов В. Н.* Бенджамин Дизраэли и Фея на престоле. С. 174–175.
- 33 Там же. С. 176.
- 34 Вильгельм II. События и люди 1878–1918. Воспоминания. Мемуары. Минск. 2003. С. 16.
- 35 Там же. С. 15.
- 36 Краткая еврейская энциклопедия. Т. 2. Стб. 352.
- 37 *Хибберт К.* Королева Виктория. С. 510.
- 38 Ген. М. Д. Скобелев: «Мы не хозяева в своем доме» // Источник. 1993. № 5/6. С. 61.
- 39 *Широкорад А. Б.* Русско-турецкие войны 1676–1918 гг. Минск-М. 2000. С. 577.
- 40 *Чичагов Л. М.* Дневник пребывания Царя Освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб. 1887. С. 497–498.
- 41 *Ген. от инф. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 145.

Часть вторая. «СЛУГА ЦАРЮ, ОТЕЦ СОЛДАТАМ...»

ДОМОЙ

- 1 Ген. М. Д. Скобелев: «Мы не хозяева в своем доме» // Источник. 1993. № 5/6. С. 55.
- 2 *Игнатов В. И.* Русские исторические песни. Хрестоматия. С. 245.
- 3 *Блок А.* Собр. соч. в 6 томах. Т. 2. Л. 1980. С. 278–282.
- 4 *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 94.
- 5 РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 11 л.
- 6 *В. А. Тверцы* // Военная быль. Париж. № 35. С. 10.
- 7 *Скрябин А. А.* Мое производство в офицеры // Военная быль. Париж. № 63. С. 35.

- 8 РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 2. л.
- 9 *Ковалевский В. Г.* Высочайше утвержденный жетон Тверского кавалерийского училища // Военная быль. Париж. 1956. № 18. С. 25.
- 10 Там же. Л. 2 об.
- 11 *Скрябин А. А.* Мое производство в офицеры. С. 37.
- 12 Там же.
- 13 Там же.
- 14 Там же. Л. 2 л.

«ОГНЕВОЙ ГУСАР»

- 1 *Б. фон Царевский.* Генерал-майор Яков Петрович Кульнев и его гусары // Военная быль. Париж. 1957. № 26. С. 2.
- 2 *Б. фон Царевский.* Генерал-майор Яков Петрович Кульнев и его гусары // Военная быль. Париж. 1957. № 25. С. 7.
- 3 Русский биографический словарь. Т. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб. 1903. С. 550.
- 4 *Б. фон Царевский.* Генерал-майор Яков Петрович Кульнев и его гусары // Военная быль. Париж. 1957. № 25. С. 8.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 11.
- 7 Там же.
- 8 Там же.
- 9 *Б. фон Царевский.* Генерал-майор Яков Петрович Кульнев и его гусары // Военная быль. Париж. № 26. С. 6
- 10 Генерал Кульнев. Шведская песня эпохи кампании 1808–1809 гг. // Военная быль. Париж. № 25. С. 13.
- 11 *Б. фон Царевский.* Генерал-майор Яков Петрович Кульнев и его гусары // Военная быль. Париж. № 25. С. 11.
- 12 Там же. С. 12.
- 13 *Б. фон Царевский.* Генерал-майор Яков Петрович Кульнев и его гусары // Военная быль. Париж. № 26. С. 3, 4, 5.
- 14 *К. фон Морр.* Могила героя // Военная быль. Париж. № 25. С. 13.
- 15 *Б. фон Царевский.* Генерал-майор Яков Петрович Кульнев и его гусары // Военная быль. Париж. № 26. С. 4.
- 16 *Жуковский В. А.* Сочинения. М. 1954. С. 44.
- 17 *К. фон Морр.* Могила героя. С. 12–13.

ВСТРЕЧА С ПОЛКОМ

- 1 *Полк. М. Н. Мураховский.* Былое // Наш журнал. Буэнос Айрес. 1969. № 2. Июль–август. С. 25–27.
- 2 *Кн. В. С. Трубецкой.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № IV. С. 105.

- 3 Макаров Ю. В. Моя служба в старой гвардии, 1905–1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес. 1951. С. 41–42.
- 4 Дерябин А. И. Первая мировая война 1914–1918. Кавалерия Российской Императорской Гвардии. М. 2000. С. 40–41. См. также: *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № IV. С. 114; *Левицкий А. А.* Ординарческая служба при Великом Князе Николае Николаевиче. (Личные воспоминания) // Военная быль. Париж. № 26. С. 14; Собственный Его Императорского Величества Конвой. Сан-Франциско. 1961. С. 142.
- 5 Вакар С. В. Русская Императорская кавалерия // Военно-исторический журнал. М. 2002. № 6. С. 58.
- 6 Там же.
- 7 Блок А. Собр. соч. в 6 томах. Т. 2. С. 297.
- 8 Боханов А. Н. Император Александр III. М. 1998. С. 396.
- 9 Традиции офицеров Русской Армии. Жуковский-М. 2004. С. 194.
- 10 Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 3. М. 1994. С. 150.
- 11 Зайончковский П. А. Самодержавие и Русская Армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. М. 1973. С. 230.
- 12 Марков А. Из прошлого Русской Армии и Флота // Военная быль. Париж. № 13. С. 24.
- 13 «Считаю тебя, перед Богом и людьми, своей невестой». Генерал Брусиллов – Надежде Желиховской // Источник. М. 1994. № 5. С. 26.
- 14 Зайончковский П. А. Самодержавие и Русская Армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. С. 231, 232.
- 15 Русский биографический словарь. Т. Кнаппе-Кюхельбекер. СПб. 1903. С. 358–360.
- 16 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова... С. 458.
- 17 Левицкий А. А. Заметки о коннице в период между русско-турецкой и первой мировой войной // Военная быль. Париж. № 80. С. 37–38.
- 18 Зайончковский П. А. Самодержавие и Русская Армия на рубеже XIX–XX столетий. 1881–1903. С. 136.
- 19 Похороны доломана Павлоградских гусар // Военно-исторический вестник. № 38. Париж. 1971. С. 18–19.
- 20 Сухомлинов В. А. Воспоминания. С. 103.
- 21 Традиции офицеров Русской Армии. С. 184.
- 22 Там же. С. 73.
- 23 Левицкий А. А. Заметки о коннице в период между русско-турецкой и первой мировой войной. С. 38.
- 24 Краснов П. Н. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии. Джорданвилль. 1986. С. 21.
- 25 Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 32.

- 26 Советское Черноморье. М. 1955. С. 233. Благодарю за указание на это Н. Ганину.
- 27 *Краснов П. Н.* Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской Армии. С. 21–22.
- 28 Традиции офицеров Русской Армии. С. 62.
- 29 Хрестоматия по русской военной истории. М. 1947. С. 237, 212.
- 30 *Бутовский Н. Д.* Воспитательные задачи командира роты // Военный сборник. Т. 161. СПб. 1885. № 2. С. 312.
- 31 Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Ч. II. М. 1882. С. 185, 201–203, 205, 208, 222.
- 32 Свод военных постановлений. Ч. III. Кн. 1. СПб. 1828. Приложение. С. 64–67.
- 33 *Пантохов И. И.* Значение антропологических типов в Русской истории. С. 344–345.
- 34 *Краснов Н. Н.* Памяти Императорской Армии. С. 15, 16.
- 35 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № III. С. 145.
- 36 РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 2 л.
- 37 Там же. Л. 3.
- 38 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер.* Несколько кавалерийских вопросов. СПб. 1910. С. 4.
- 39 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер. (Материалы к его биографии) // Военно-исторический вестник. № 18. Париж. 1961. С. 5.
- 40 Там же.
- 41 Традиции офицеров Русской Армии. С. 187. Со ссылкой на кн.: *Блондель А. Л.* Взгляд на обязанности и дух военного звания. СПб. 1836.
- 42 *Поселянин Е.* Братья Панаевы – краса Русской Конницы. Пг. 1916. С. 30.
- 43 *Цехановецкий В. П.* История 18-го драгунского Клястицкого полка. Варшава. 1886. С. 139.
- 44 *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 118.
- 45 *Брусиллов А. А.* Мои воспоминания. М. 2001. С. 33, 34.
- 46 *Левицкий А. А.* Русский Сомюр // Военная быль. Париж. № 30. С. 20.
- 47 Там же.
- 48 *Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер.* Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 28–29.
- 49 *Левицкий А. А.* Русский Сомюр. С. 20.

ПОРА ПЕРЕМЕН

- 1 Военная энциклопедия. Т. XV. СПб. 1914. С. 45.
- 2 *Левицкий А. А.* Ординарческая служба при Великом Князе Николае Николаевиче. С. 13.
- 3 *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 124–125.
- 4 *Левицкий А. А.* Заметки о коннице в период между русско-турецкой и первой мировой войной. С. 38–39.

- 5 Традиции офицеров Русской Армии. С. 69.
- 6 *Любимов С. В.* Титулованные роды Российской Империи. М. 2004. С. 46–47; *Bezviconi G. G.* Boierimea Moldovei dintre Prut și Nistru. Vol. II. București. 1943. P. 137.
- 7 *Брусиллов А. А.* Мои воспоминания. М. 2001. С. 41.
- 8 РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 10.
- 9 *Bezviconi G. G.* Boierimea Moldovei dintre Prut și Nistru. Vol. II. P. 137.
- 10 *Волков С. В.* Офицеры Российской Гвардии. Опыт мартиролога. М. 2002. С. 332; *Незабытые могилы. Т. 4. М. 2004. С. 674–675.*
- 11 *Любимов С. В.* Титулованные роды Российской Империи. С. 47; *Волков С. В.* Офицеры Российской Гвардии. С. 332; *Незабытые могилы. Т. 4. С. 675.*
- 12 Военная энциклопедия. Т. XIV. СПб. 1914. С. 333.
- 13 *Малиновский А.* Приезд в Россию Принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской. (Со слов очевидца, полковника 51-го Литовского полка А. Я. Буяченко) // Царский вестник. № 662. Белград. 1939. 5/18 июня. С. 3–4.
- 14 Военная энциклопедия. Т. XIV. СПб. 1914. С. 334.
- 15 *Калинин Н., Земляниченко М.* Романовы и Крым. Симферополь. 2002. С. 119, 122.
- 16 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 245. Л. 7, 8, 16, 55, 56–57, 59, 60, 62.
- 17 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова... С. 458.
- 18 *Краснов П. Н.* Памяти Императорской Армии. С. 25, 26, 34.
- 19 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. СПб. 2005. С. 35.
- 20 Песенник Российского воина 1683–1983. Сост. В. Н. Мантулин. Т. II. С. 46.
- 21 *Шевяков Т. Н.* Символика смерти и бессмертия в армиях Европы // Гербовед. № 57. М. 2002. № 3. С. 105.
- 22 Военная энциклопедия. Т. 4. СПб. 1911. С. 348. Изображение значка см. на с. 349. *Шевяков Т. Н.* Символика смерти и бессмертия в армиях Европы. С. 106.
- 23 *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. М. 2003. С. 24.
- 24 *С. Т[опорков].* Черные «Безсмертные» гусары // Военная быль. Париж. № 45. С. 15.
- 25 *Залесский К. СС.* Охранные отряды НСДАП. М. 2004. С. 346.
- 26 *Шевяков Т. Н.* Символика смерти и бессмертия в армиях Европы. С. 105.
- 27 Там же. С. 106.
- 28 Корниловский ударный полк. Париж. 1936. С. 16.
- 29 *Семенов К. К.* Корниловская Ударная Дивизия. Структура и униформа // Доброволец. № 1. М. 2003. С. 8.

- 30 См фото в кн.: *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М. 1999 – на вклейке между с. 320 и 321.
- 31 *С. Т[опорков]*. Черные «Безсмертные» гусары. С. 15.
- 32 *А. Г. Александрийцы под Шумлой* // Военная быль. Париж. № 65. С. 42.
- 33 *Андоленко С.* Неприятельские знамена, взятые Русской Армией в войну 1914–1917 гг. // Военная быль. Париж. № 77. С. 38–41.
- 34 *Андоленко С.* Австрийские трофеи Александрийских гусар // Военная быль. Париж. № 52. С. 11–12.
- 35 *Ю. Т. Бриенн* // Военная быль. Париж. № 35. С. 25.
- 36 *Александриец*. Александрийские гусары // Военная быль. Париж. № 80. С. 29–31.
- 37 *С. Т[опорков]*. Сон александрийца // Военная быль. Париж. № 46. С. 25.

КОМАНДИР «БЕЗСМЕРТНЫХ»

- 1 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. № 18. Париж. 1961. С. 3.
- 2 *Блок А.* Собр. соч. в 6 томах. Т. 2. С. 302.
- 3 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 36.
- 4 *С. Т[опорков]*. Черные «Безсмертные» гусары. С. 16.
- 5 *С. Т[опорков]*. Сон александрийца. С. 25.
- 6 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. № 18. С. 3–4.
- 7 Там же. С. 4.
- 8 *Воронович Н. В.* Всевидящее око. Из быта Русской Армии. Нью-Йорк. 1951. С. 20.
- 9 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. № 18. С. 4.
- 10 Там же. С. 6.
- 11 *Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 27. Подобное описание имеется в написанных после революции мемуарах ген. А. А. Брусилова (Мои воспоминания. М. 2001. С. 43–44.)
- 12 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. № 18. С. 4–5.
- 13 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 36.
- 14 *Топорков С.* Старый эскадронный командир // Военная быль. Париж. № 83. С. 32–36.
- 15 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. № 18. С. 5.

- 16 *Топорков С.* Старый эскадронный командир. С. 35.
- 17 Песенник Российского воина 1683–1983. Сост. В. Н. Мантулин. Т. II. Нью-Йорк. 1985. С. 46.
- 18 *Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер.* Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 31.
- 19 Там же. С. 15–16.
- 20 Там же. С. 28.
- 21 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. № 18. С. 5–6.
- 22 *Топорков С.* Старый эскадронный командир. С. 32.
- 23 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. № 18. С. 6–7, 8.
- 24 Там же. С. 7.
- 25 Там же. С. 7–8.
- 26 Там же. С. 4.

ГРЕМУЧАЯ СМЕСЬ РЕВОЛЮЦИИ

- 1 *Пантохов И. И.* Значение антропологических типов в Русской истории. С. 331.
- 2 Мнение святителя Филарета (Дроздова) на записку В. М. Жемчужникова // Филаретовский альманах. Вып. I. М. 2004. С. 141.
- 3 *Пантохов И. И.* Значение антропологических типов в Русской истории. С. 332.
- 4 *Елатонцева И.* Соль земли Белорусской и предки Карла Маркса // Республика. 1995. 25 ноября.
- 5 Цит. по кн. *Куняев С. Ю.* Поэзия. Судьба. Россия. Кн. 3 Шляхта и мы. М. 2002. С. 35.
- 6 *Блок А. А.* Записные книжки 1901–1920. М. 1965. С. 77.
- 7 *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч и письма в 6 томах. Т. 2. С. 181.
- 8 *Печерин В. С.* Оправдание моей жизни. Памятные записки // Наше наследие. 1989. № I. С. 69.
- 9 *Тютчев Ф. И.* Полн. собр. соч и письма в 6 томах. Т. 1. М. 2002. С. 146.
- 10 Там же. С. 191.
- 11 То же. Т. 2. М. 2003. С. 177.
- 12 Там же. С. 540.
- 13 *Дронов И. Е.* Сильный, Державный. Жизнь и Царствование Александра III. М. 2006. С. 297. Здесь и далее цитируем по тексту, размещенному в интернете.
- 14 Там же.
- 15 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 30. Кн. I. Л. 1988. С. 8.
- 16 *Семанов С.* Россия и русская литературная классика в оценках советско-еврейского путейца // Наш современник. 2005. № 4. С. 284.
- 17 *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. М. 1996. С. 391.

- 18 *Зайончковский П. А.* Российское Самодержавие в конце XIX столетия. М. 1970. С. 277; *Феохтистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. Л. 1929. С. 240.
- 19 См. Записку В. К. Плеве «О направлении периодической прессы в связи с общественным движением в России» в сб.: Литературное наследство. Т. 87. М. 1977. С. 442–460.
- 20 *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России 1860–1914 гг. Очерки истории частного предпринимательства. Л. 1991. С. 76.
- 21 Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. М. 1925. С. 393.
- 22 *Боборыкин П. Д.* Воспоминания. За полвека. Т. 2. М. 1965. С. 529; *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М. 1958. С. 331.
- 23 *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М. 1990. С. 169.
- 24 *Слиозберг Г. Б.* Барон Г. О. Гинцбург. Его жизнь и деятельность. Париж. 1933. С. 53.
- 25 *Чериковер И. М.* История Общества для распространения просвещения между евреями в России. СПб. 1913. С. 46; *Брафман Я. И.* Книга Кагала. СПб. 1888. С. 298–321.
- 26 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 28. Кн. II. С. 154.
- 27 Музей революции. Пг. 1923. С. 55.
- 28 *Зайончковский П. А.* Российское Самодержавие в конце XIX столетия. С. 285.
- 29 *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. С. 76.
- 30 Александр II: воспоминания, дневники. М. 1995. С. 251.
- 31 Московские ведомости. 1866. 7 апреля.
- 32 Московские ведомости. 1866. 21 апреля.
- 33 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 28. Кн. II. С. 154.
- 34 *Иловайский Д. И.* Мелкие сочинения, статьи и письма (1857–1887 гг.). Т. 1. М. 1888. С. 352–353.
- 35 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 28. Кн. II. С. 206.
- 36 *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М. 1988. С. 302.
- 37 *Корнилов А. А.* Общественное движение при Александре II (1855–1881). М. 1909. С. 132.
- 38 1 марта 1881 года. М. 1933. С. 244–245.
- 39 *Иловайский Д. И.* Мелкие сочинения, статьи и письма (1857–1887 гг.). Т. 1. С. 353.
- 40 *Дронов И. Е.* Сильный, Державный. С. 305–306. Со ссылкой на «Докладную записку о деятельности и показаниях Григория Гольденберга» (ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 520. Л. 12 об.).
- 41 *Иловайский Д. И.* Мелкие сочинения, статьи и письма (1857–1887 гг.). Т. 1. С. 354.
- 42 *Фигнер В. Н.* «Земля и воля» (отрывок // *Канн Г. С.* «Народная воля»: идеология и лидеры. М. 1997. С. 167.
- 43 ОР РГБ. Ф. 126. Д. 11. Л. 189 об.-190 об.
- 44 *Дронов И. Е.* Сильный, Державный. С. 301, 305.

- 45 *Иловайский Д. И.* Мелкие сочинения, статьи и письма (1857–1887 гг.). Т. 1. С. 352.
- 46 *Дронов И.Е.* Сильный, Державный. С. 306. Со ссылкой на: ОР РГБ. Ф. 230. Карт. 4409. Д. 1. Л. 14 об.-15.
- 47 *Иловайский Д. И.* Мелкие сочинения, статьи и письма (1857–1887 гг.). Т. 1. С. 355.
- 48 Там же. С. 354.
- 49 *Дронов И.Е.* Сильный, Державный. С. 307.
- 50 *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. М. 1991. С. 79.
- 51 *Страхов Н. Н.* Литературная критика. М. 1984. С. 74, 76–77.
- 52 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 28. Кн. II. С. 212.
- 53 Там же. С. 210–211.
- 54 Там же. С. 450.
- 55 *Гаршин В. М.* Сочинения. Л. 1938. С. 381.
- 56 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 28. Кн. II. С. 206–207.
- 57 *Страхов Н. Н.* Литературная критика. С. 76–77.
- 58 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 28. Кн. II. С. 154.
- 59 Там же. С. 154–155.
- 60 Там же. Т. 30. Кн. II. Л. 1990. С. 47.
- 61 *Троицкий Н. А.* Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. М. 1978. С. 152.
- 62 См. письмо 1885 г. кн. В. П. Мещерского Императору Александру III. *Дронов И.Е.* Сильный, Державный. С. 292. Со ссылкой на: ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 109. Л. 9–9 об.
- 63 *Штакеншнейдер Е. А.* Дневник и записки (1854–1886). М.-Л. 1934. С. 435.
- 64 *Валуев П. А.* Дневник 1877–1884 гг. Пг. 1919. С. 242.
- 65 *Тихомиров Л. А.* Критика демократии. М. 1997. С. 106.
- 66 Дневник Алексея Сергеевича Суворина. Изд. 2-е. М. 2000. С. 351–352.
- 67 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 10. Л. 1974. С. 317.
- 68 Там же. С. 318.
- 69 *Величко В. Л.* Кавказ. Русское дело и международные вопросы. М. 2003. С. 17.
- 70 *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 111.
- 71 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М. 1990. С. 13.
- 72 Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты Т. I. Минск. 2003. С. 48–49. Выделено мною. – С. Ф.
- 73 Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчет. М. 1907. С. 190.
- 74 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. М. 1960. С. 237–241.
- 75 *Княгиня Юрьевская.* Александр II. М. 2004. С. 56.
- 76 Первые недели Царствования Императора Александра Третьего. Письма К. П. Победоносцева из Петербурга в Москву к Е. Ф. Тютчевой // Русский архив. 1907. Т. 5. С. 89.

- 77 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. в 30 томах. Т. 30. Кн. II. Л. 1990. С. 47.
- 78 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 19.
- 79 *Розанов В. В.* Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови. СПб. 1914. С. 112–114.
- 80 *Бирюков П. И.* Биография Льва Николаевича Толстого. Т. 2. М.-Пг. 1923. С. 177.
- 81 Константин Петрович Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. С. 39.
- 82 *Дневник Алексея Сергеевича Суворина.* С. 304
- 83 Хроника социалистического движения в России. 1878–1887 гг. Официальный отчёт. М. 1907. С. 131.
- 84 *Голицын Н. В.* Конституция графа Лорис-Меликова // *Былое.* 1918. № 4–5. С. 162.
- 85 *Киревский И. В.* Разум на пути к Истине. М. 2002. С. 53.
- 86 *Гуль Р.* Дзержинский. М. 1992. С. 12.
- 87 «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М. 2004. С. 459.
- 88 *Баландин Р., Миронов С.* Товарищ Сталин, пан Пилсудский и «независимая» Польша // *Наш современник.* 2004. № 12. С. 205.
- 89 «Опять бьют бичом, прошибают головы камнями». Русские в польских концентрационных лагерях 1920–1924 гг. // *Источник.* 2001. № 2. С. 52–82.
- 90 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 7.
- 91 Там же. С. 14.
- 92 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч в 10 томах. Т. VII. Л. 1978. С. 223, 235, 229.
- 93 *Кандель Ф.* Книга времен и событий. Т. 1. М. 2002. С. 111.
- 94 Там же. С. 114.
- 95 Там же. С. 123.
- 96 Там же.
- 97 *Архиепископ Белорусский Георгий (Кониский).* История Русов или Малой России. М. 1846. С. 40–41.
- 98 Там же. С. 48–49.
- 99 Там же. С. 55–56.
- 100 *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч в 10 томах. Т. VII. С. 497.
- 101 Там же. Т. X. Л. 1979. С. 76.
- 102 *Архиепископ Белорусский Георгий (Кониский).* История Русов или Малой России. С. 56–57.
- 103 Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М. 1998. С. 135.

ПОЛОСА НЕНАВИСТИ

- 1 *В. А.* Тверцы. С. 11.
- 2 *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 50.
- 3 *Полк. М. Н. Мураховский.* *Былое.* С. 15.

- 4 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 20. СПб. 1996. С. 539–540.
- 5 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 36.
- 6 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова... С. 458.
- 7 *Ген. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. М. 1996. С. 447.
- 8 Там же. С. 470.
- 9 *Топорков С. Граф Ф. А. Келлер* // Военно-исторический вестник. № 18. С. 8.
- 10 Песенник Российского воина 1721–1921. Сост. В. Н. Мантулин. Т. I. Нью-Йорк. 1970. С. 84.
- 11 *Краснов П. Н.* Памяти Императорской Армии. С. 63.
- 12 *Топорков С. Граф Ф. А. Келлер* // Военно-исторический вестник. № 18. С. 8–9.
- 13 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова... С. 458.
- 14 *Топорков С. Граф Ф. А. Келлер* // Военно-исторический вестник. № 18. С. 9.
- 15 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М. 2001. С. 41.
- 16 *Топорков С. Граф Ф. А. Келлер* // Военно-исторический вестник. № 18. С. 9.
- 17 РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 11 об.
- 18 Там же. Л. 3 об.
- 19 *Топорков С. Граф Ф. А. Келлер* // Военно-исторический вестник. № 18. С. 9.

В ГВАРДИЮ!

- 1 РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 8.
- 2 Военная энциклопедия. Т. IX. СПб. 1912. С. 207.
- 3 *Поливанов А.* Из прошлого Русской Армии и Флота // Военная быль. Париж. № 14. С. 27.
- 4 *М. З.* О происхождении «Журавлей» // Военная быль. Париж. 1963. Июль. № 61. С. 45; *Державин Г. Р.* Сочинения. Т. 6. СПб. 1871. С. 427.
- 5 *Вилинбахов Г.* «Журавель». Военный фольклор: куплеты про гвардейские полки // Родина. М. 2001. Специальный выпуск «Петербург – гвардейская столица. С. 136–137.
- 6 *Красюков Р. Г.* Русская ветвь Мекленбург-Стрелицкого Дома // Из глубины времен. Вып. 4. СПб. 1995. С. 38.
- 7 *Бенца А. Н.* Мои воспоминания. Кн. I–III. М. 1990. С. 593.

- 8 Земля Невская Православная. Православные храмы пригородных районов Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Краткий церковно-исторический справочник. СПб. 2000. С. 41.
- 9 *Паптюхов И. И.* Значение антропологических типов в Русской истории. С. 352.
- 10 Там же. 350–351.
- 11 *Кучевский И. М.* Памятка лейб-драгуна (1914–1914). СПб. 1914. С. 59–62.
- 12 *Де-Витт Д.* Мы с барином... // Военная былью Париж. № 43. С. 25.
- 13 *Almanach de St.-Petersbourg. Cour, monde et ville.* 1910. P. 155.
- 14 РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 8.
- 15 Кирасиры Его Величества. 1902–1914. Последние годы мирного времени. Б. м. и г. С. 67–68.
- 16 *Ларионов В.* Рассовые и генетические аспекты этнической истории русского народа // Рассовый смысл Русской идеи. Вып. 1. Изд. 2-е. М. 2000. С. 37–38; *Дерябин А. И.* Первая мировая война 1914–1918. Кавалерия Российской Императорской Гвардии. М. 2000. С. 40.
- 17 *Паптюхов И. И.* Значение антропологических типов в русской истории. С. 317.
- 18 Кирасиры Его Величества. 1902–1914. С. 68–72.
- 19 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № III. С. 137.
- 20 Там же. С. 138.
- 21 *Дерябин А. И.* Первая мировая война 1914–1918 гг. Кавалерия Российской Императорской Гвардии. М. 2000. С. 24.
- 22 «Во имя честности, во имя любви к нашей дорогой России». Письма генерала М. В. Алексеева к сыну Николаю // Источник. М. 1997. № 3. С. 13–15.
- 23 «Считаю тебя, перед Богом и людьми, своей невестой». Генерал Брусиллов – Надежде Желиховской // Источник. М. 1994. № 5. С. 14.
- 24 *Игнатъев А. А.* 50 лет в строю. М. 1959. С. 64.
- 25 РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 5.
- 26 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № II. С. 62.
- 27 Там же. С. 58.
- 28 Там же. С. 72.
- 29 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № IV. С. 105.
- 30 Там же. С. 106.
- 31 Там же. С. 112.
- 32 Там же. С. 107–108.
- 33 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер.* Несколько кавалерийских вопросов. Вып. II. СПб. 1910. С. 21–22.
- 34 *Брусиллов А. А.* Мои воспоминания. М. 2001. С. 41–42.

- 35 *Воронов А. В.* Смерть командира // Белая Гвардия. № 7. М. 2003. С. 269–273.
- 36 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. Воспоминания последнего Дворцового коменданта Государя Императора Николая II. Гельсингфорс. 1936. С. 21–22.
- 37 Об одном из эпизодов такого благоволения вспоминал впоследствии полковник Э. И. фон Гримм: *фон Гримм Э.* Полковой праздник // Военная быль. Париж. 1959. № 35. С. 23–24.
- 38 *Гримм Э.* Воспоминания старого кавалериста // Военная быль. Париж. № 43. С. 17–18.
- 39 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № II. С. 63.
- 40 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер.* Несколько кавалерийских вопросов. Вып. II. СПб. 1910. С. 35–42.
- 41 *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 109, 110.
- 42 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № II. С. 58.
- 43 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. Гельсингфорс. 1936. С. 17.
- 44 *Рубец И. Ф.* Почтовый ящик // Военная быль. Париж. № 38. С. 25.
- 45 *Гримм Э.* Воспоминания старого кавалериста // Военная быль. Париж. № 46. С. 26–27.
- 46 *Власов Л. В.* Густав Маннергейм в Петербурге. СПб. 2003. С. 63.
- 47 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 47.
- 48 Там же. С. 59.
- 49 *Поселянин Е.* Братья Панаевы – краса Русской Конницы. Пг. 1916. С. 8, 10.
- 50 Там же. С. 23–24.
- 51 Там же. С. 27.
- 52 Там же. С. 28.
- 53 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № II. С. 63, 66–70, 74.
- 54 То же. № III. С. 134–135.
- 55 Там же. С. 135.
- 56 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер.* Несколько кавалерийских вопросов. СПб. 1910. С. 27.
- 57 *Э. Г.* Донесение // Военная быль. Париж. 1956. № 18. С. 20.
- 58 *Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер.* Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 26.
- 59 Там же. С. 23–25.
- 60 РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 8, 11 об.
- 61 *Кучевский И. М.* Памятка лейб-драгуна (1914–1914). С. 62.
- 62 Военная энциклопедия. Т. IX. СПб. 1912. С. 207.
- 63 Записки Н. М. Романова // Красный архив. Т. 47–48. М. 1931. С. 143.

- 64 Андреев А. Далекое – близкое. (Обрывки воспоминаний) // Часовой. № 189. Париж. 1937. С. 25.
 65 РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 8–9.

КОМАНДИР ДИВИЗИИ

- 1 Almanach de St.-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1911. P. 135.
- 2 Almanach de St.-Petersbourg. Cour, monde et ville. 1913/14. P. 275
- 3 Сухомлинов В. А. Воспоминания. С. 124, 129.
- 4 Чеславский В. В. 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. Чикаго. 1937. С. 24.
- 5 Слезкин Ю. Царский смотр. (Воспоминания из времен 1-й мировой войны // Знамя России. № 244. Нью-Йорк. 1964. С. 9.
- 6 Сухомлинов В. А. Воспоминания. С. 125.
- 7 Там же. С. 126–127.
- 8 Там же. С. 128–129.
- 9 Drang nach Osten. Из секретной докладной записки Германского Большого Генерального штаба. 1913 год // Родина. М. 1993. № 8–9. С. 14.
- 10 Образцов И. Сила и дух // Родина. М. 1993. № 8–9. С. 65.
- 11 Чеславский В. В. 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. 50–52.
- 12 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 259. Л. 10–11.
- 13 Чеславский В. В. 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. 5.
- 14 Там же. С. 25–28.
- 15 Сливинский А. В. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославце. С. 27–28.
- 16 Чеславский В. В. 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. 89–90.
- 17 Марков С. В. Покинутая Царская Семья 1917–1918. М. 2002. С. 136–137.

КЕЛЛЕРОВСКАЯ «НАУКА ПОБЕЖДАТЬ»

- 1 Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. II. СПб. 1910. С. 3.
- 2 Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. М. 1926. С. 94.
- 3 Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. II. С. 6.
- 4 Там же. С. 6–7.
- 5 Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. М. 2005. С. 345.
- 6 Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. II. С. 5.

- 7 Там же. С. 5–6.
- 8 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. СПб. 1910. С. 4.
- 9 Там же. С. 3–5.
- 10 *Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 35–36.
- 11 *Панаев Б. А. Пика* // Вестник Русской Конницы. 1909. № 10.
- 12 *Поселянин Е.* Братья Панаевы – краса Русской Конницы. С. 14.
- 13 Там же. С. 16.
- 14 *Поселянин Е.* Братья Панаевы – краса Русской Конницы. С. 15.
- 15 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. СПб. 1910. С. 8.
- 16 *Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 37.
- 17 Там же. С. 36.
- 18 Там же. С. 37–38.
- 19 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. II. СПб. 1910. С. 23.
- 20 *Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 4.
- 21 Там же. 8.
- 22 Там же. С. 3.
- 23 Там же. С. 8–9.
- 24 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. II. СПб. 1910. С. 21–22.
- 25 Там же. С. 19.
- 26 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер. (Материалы к его биографии) // Военно-исторический вестник. № 19. Париж. 1962. С. 18.
- 27 *Drang nach Osten*. Из секретной докладной записки Германского Большого Генерального штаба. 1913 год. С. 15.
- 28 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. СПб. 1910. С. 21.
- 29 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № III. С. 139.
- 30 *Краснов П. Н.* Памяти Императорской Армии. С. 20–21.
- 31 *Шепетковский И. А.* Летний сон // Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. № 265. Сан-Франциско. 1989. Сентябрь. С. 24.
- 32 *Краснов П. Н.* Памяти Императорской Армии. С. 23–25.
- 33 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № III. С. 140.
- 34 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. II. СПб. 1910. С. 25.
- 35 Там же. С. 26.
- 36 Там же. С. 17–19.

- 37 Там же. С. 20–21.
 38 Там же. С. 7.
 39 Там же. С. 11.
 40 *Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 40.
 41 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. СПб. 1910. С. 6.
 42 *Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 22.
 43 Там же. С. 20.
 44 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. СПб. 1910. С. 7.
 45 *Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 20.
 46 Там же. С. 32.
 47 Там же. С. 26–27.
 48 Там же. С. 29.
 49 Там же. С. 14.
 50 *Смирнов А.* Русский солдат как зеркало русского национального характера // Рассовый смысл Русской идеи. Вып.1. Изд. 2-е. М. 2000. С. 326.
 51 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М. 1991. № II. С. 66.
 52 *Смирнов А.* Русский солдат как зеркало русского национального характера. С. 327–328.
 53 Там же. С. 327.
 54 *И. П.* Из боевых воспоминаний. Рассказ куринца // Кавказский сборник. Т. IV. Тифлис. 1879. С. 54.
 55 *Величко В. Л.* Кавказ. Русское дело и международные вопросы. М. 2003. С. 170, 171, 172, 173.
 56 *Генерал-лейтенант граф Ф. А. Келлер*. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. III. СПб. 1914. С. 21.
 57 Там же. С. 33.
 58 Там же. С. 31–32.
 59 Там же. С. 33–34.

Часть третья. ЧЕСТЬ

БОИ В ЗАВЕСЕ

- 1 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М. 1990. С. 237.
- 2 *Краснов П. Н.* Памяти Императорской Армии. С. 32–33, 49, 50.
- 3 Родина. М. 1993. № 8–9. С. 185.
- 4 *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22 томах. Т. 6. М. 1980. С. 304.
- 5 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. М. 1994. С. 218, 219–220.

- 6 Там же. С. 222–223.
- 7 *Краснов П. Н.* Памяти Императорской Армии. С. 35–36.
- 8 *Смирнов А.* Сибирский удар и саксонская сталь. Сравнительная характеристика противников на Восточном фронте // *Родина*. М. 2004. № 9. С. 19–20.
- 9 *Песенник Российского воина 1683–1983*. Сост. В. Н. Мантулин. Т. II. С. 58–59.
- 10 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 237.
- 11 *Чеславский В. В.* 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. А.
- 12 Там же. С. А-Б.
- 13 *Образцов И.* Сила и дух // *Родина*. М. 1993. № 8–9. С. 64.
- 14 *Орлов Ф.* Павловские и Екатерининские гренадерские и Л.-Гв. С.-Петербургский полк. Варшава. 1913. С. 63.
- 15 Цит. по кн.: *Смирнов А.* Русский солдат как зеркало русского национального характера. С. 320.
- 16 *Хочешь мира, победи мятежевойну!* Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 543.
- 17 *Образцов И.* Сила и дух. С. 65.
- 18 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 77.
- 19 *Кочубей В.* Генерал Павел Петрович Скоропадский. Из личных воспоминаний // *Военная быль*. Париж. 1969. № 95. С. 18.
- 20 *Гитлер А.* Моя борьба. ИТФ «Т-Око». 1992. С. 138.
- 21 Там же. С. 139.
- 22 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 3. М. 1994. С. 202.
- 23 *Рубец И. Ф.* Конные атаки Российской Императорской кавалерии в первую мировую войну // *Военная быль*. Париж. 1964. № 68. С. 15.
- 24 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 3. С. 201.
- 25 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославлице. Б. м. [Сербия], 1921. С. 23–24.
- 26 *Чеславский В. В.* 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. Б.
- 27 Там же. С. Б-В.
- 28 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославлице. С. 24–25.
- 29 *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22 томах. Т. 6. М. 1980. С. 216.
- 30 *Чеславский В. В.* 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. В-Д.

СЛАВНЫЕ ЯРОСЛАВИЦЫ

- 1 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославлице. С. 9.
- 2 *Традиции офицеров Русской Армии*. С. 62.

- 3 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославлице. С. 13.
- 4 *Oberst Egon baron von Valdchbetten.* Die letzte Reiterschlacht der Weltgeschichte (Jaroslavice 1914). См.: Наши вести. 1983. № 1 (390). С. 6
- 5 The End of Chivalry. N. Y. 1983.
- 6 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославлице. Б. м. [Сербия]. 1921; *Головин Н.* Современная конница. (Из записок бывшего профессора) // Очерк IV. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера и 4 австрийской кавалерийской дивизии генерала Заремба 8 (21) августа 1914 года // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. 5. Белград. 1924. С. 3–35; Донесение графа Келлера о бое 10 кавалерийской дивизии 8 августа 1914 г. // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. 7. Белград. 1925. С. 116–119; *Головин Н.* Новые документы о конном бое у д. Волчковцы 8-го августа 1914 г. // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. 8. Белград. 1926. С. 192–220; *Головин Н.* Конный бой у Волчковце 8 (21) августа 1914 г. Письма Новгородских драгун // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. 9. Белград. 1928. С. 186–210; Кн. 10. Белград. 1929. С. 130–139; *Слезкин С.* Последний конный бой?.. Ярославлице, 8 августа 1914 года // Часовой. № 66. Париж. 1931. С. 6–9; *Чеславский В. В.* 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. Чикаго. 1937. С. Д-М. (Особая глава).
- 7 *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22 томах. Т. 7. М. 1981. С. 360–361.
- 8 *Свиты Его Величества генерал-майор граф Ф. А. Келлер.* Несколько кавалерийских вопросов. СПб. 1910. С. 29.
- 9 *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22 томах. Т. 7. С. 360.
- 10 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославлице. С. 14.
- 11 *Б. фон Царевский.* Генерал-майор Яков Петрович Кульнев и его гусары // Военная быль. Париж. № 26. С. 6–7.
- 12 *Головин Н. Н.* Современная конница. Очерк IV. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера и 4 австрийской кавалерийской дивизии генерала Заремба 8 (21) августа 1914 года // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. 5. Белград. 1924. С. 18.
- 13 *Чеславский В. В.* 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. М.
- 14 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославлице. С. 15–16.
- 15 *Головин Н. Н.* Современная конница. Очерк IV. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера и 4 австрийской кавалерийской дивизии генерала Заремба 8 (21) августа 1914 года. С. 20.

- 16 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославце. С. 17.
- 17 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер. (Материалы к его биографии) // Военно-исторический вестник. № 19. Париж. 1962. С. 18.
- 18 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославце. С. 34.
- 19 Там же. С. 18.
- 20 Там же. С. 21.
- 21 Там же. С. 23.
- 22 Там же. С. 26–27.
- 23 Там же. С. 33.
- 24 *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22 томах. Т. 6. М. 1980. С. 215.
- 25 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославце. С. 34–35.
- 26 Русский Инвалид. 1914. № 215.
- 27 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. М. 2005. С. 113.
- 28 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 3. С. 203.
- 29 Донесение графа Келлера о бое 10 кавалерийской дивизии 8 августа 1914 г. // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. 7. Белград. 1925. С. 116.

БИТВА ЗА ГАЛИЦИЮ

- 1 *Чеславский В. В.* 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. 16–17.
- 2 Там же. С. 17.
- 3 Там же. С. 21–22.
- 4 Там же. С. 31.
- 5 *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. II. Париж. 1970. С. 139.
- 6 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 257.
- 7 *Рубец И. Ф.* Конные атаки Российской Императорской кавалерии в первую мировую войну. 1914 год // Военная быль. Париж. 1964. № 68. С. 15.
- 8 Там же.
- 9 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 3. С. 208.
- 10 Там же. С. 210.
- 11 *Рубец И. Ф.* Конные атаки Российской Императорской кавалерии в первую мировую войну // Военная быль. Париж. 1964. № 68. С. 16.
- 12 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославце. С. 34.
- 13 *Чеславский В. В.* 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. 24–26, 28–31.
- 14 Там же. С. 38–45.
- 15 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 3. С. 208.

- 16 Там же. С. 270.
- 17 Там же. С. 275–276.
- 18 Там же. С. 218.
- 19 Записки Н. М. Романова // Красный архив. Т. 47–48. М. 1931. С. 160.
- 20 Новое время. № 905. Белград. 3.5.1924. С. 3; № 910. 9.5.1923. С. 2.
- 21 Шаховской В. Sic transit gloria mundi. Париж. 1951. С. 201.
- 22 Сергеевский Б. Н. Отречение от Престола Императора Николая Второго. Машинопись // Архив автора.
- 23 Еврейское свойство генерала Рузского // Двуглавый Орел. № 4. 1927. 10/23 февраля. С. 4.
- 24 Платонов О. А. [Император] Николай Второй. Жизнь и Царствование. СПб. 1999. С. 415.
- 25 Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 3. С. 215–216.
- 26 Там же. С. 218–219.
- 27 Чеславский В. В. 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. 48–49, 52, 57–67.
- 28 Кравченко Н. Граф А. [sic!] Келлер // Новое время. № 14469. 1916. 18 июня/1 июля. С. 2.
- 29 Русский Инвалид. 1916. № 123. 9 мая.

ПОД ПЕРЕМЫШЛЕМ

- 1 Чеславский В. В. 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. 82–93.
- 2 Рубец И. Ф. Конные атаки Российской Императорской кавалерии в первую мировую войну // Военная быль. Париж. 1964. № 68. С. 17.
- 3 Сливинский А. В. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославиче. С. 34.
- 4 Чеславский В. В. 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. 185.

«ПО ГОРАМ КАРПАТСКИМ»

- 1 Топорков С. Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. № 19. С. 19.
- 2 «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма Великого Князя Николая Михайловича вдовствующей Императрице Марии Федоровне // Источник. М. 1998. № 4. С. 5.
- 3 Записки графа Д. Ф. Гейдена (1914–1917 гг.) // Военно-исторический вестник. № 38. Париж. 1971. С. 14.
- 4 Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 524.
- 5 Записки графа Д. Ф. Гейдена (1914–1917 гг.) // Военно-исторический вестник. № 38. Париж. 1971. С. 15.

- 6 *Байдак Е. Н.* Врожденный талант. Адъютант Его Высокопревосходительства рассказывает // Родина. 1997. № 5. С. 74.
- 7 Хочешь мира, победи мятежвойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 526.
- 8 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. М. 1994. С. 223.
- 9 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 258.
- 10 Хочешь мира, победи мятежвойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 522, 523.
- 11 *Байдак Е. Н.* Врожденный талант. Адъютант Его Высокопревосходительства рассказывает. С. 73.
- 12 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 41.
- 13 Там же. С. 93, 111, 114.
- 14 Пеший бой 10-го драгунского Новгородского полка у местечка Балигород на высоте 810, в Карпатах // Военная быль. Париж. № 79. С. 22–25.
- 15 Из приказа по полку в годовщину боя 16-го февраля 1915 года // Военная быль. Париж. № 79. С. 25
- 16 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 3. С. 267–268.
- 17 *Рубец И. Ф.* Конные атаки Российской Императорской кавалерии в первую мировую войну // Военная быль. Париж. 1965. № 76. С. 43.
- 18 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 3. С. 268.
- 19 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова... С. 460–461.
- 20 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. М. 1990. С. 266, 268, 269.
- 21 *Валь Э.* Действия 12-й кавалерийской дивизии в период командования ею Свиты Его Величества генерал-майора барона Маннергейма. Таллин. 1925. С. 11–14.
- 22 *Mannerheim G. Minnen.* Del. I. 1882–1930. Helsingfors. 1951. S. 160, 161.
- 23 *Валь Э.* Действия 12-й кавалерийской дивизии в период командования ею Свиты Его Величества генерал-майора барона Маннергейма. С. 51.
- 24 *Власов Л.* Маннергейм. С. 118–119.
- 25 *Кравченко Н.* Граф А. [sic!] Келлер // Новое время. № 14469. 1916. 18 июня/1 июля. С. 2.
- 26 Русский Инвалид. 1916. № 123. 9 мая.
- 27 *Ксюнин Ал.* Граф А. [sic!] Келлер // Новое время. № 14469. 1916. 18 июня/1 июля. С. 2.
- 28 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 3. С. 268.
- 29 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 102.
- 30 *Краснов П. Н.* От Двуглавого Орла к красному знамени. 1894–1921. Кн. 1. М. 2005. С. 80–81.
- 31 *Ящик Т. К.* Рядом с Императрицей. Воспоминания лейб-казака. СПб. 2004. С. 62.
- 32 *Чеславский В. В.* 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в мировую войну, 1914–1917 гг. С. 182.

- 33 Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 3. С. 272.
- 34 Там же. С. 269–270.
- 35 Там же. С. 275.
- 36 Липатов В. «И севом богатым в Карпатскую землю солдатские кости легли...» // Родина. М. 1993. № 8–9. С. 121.
- 37 Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 3. С. 318.
- 38 Краснов П. Н. Памяти Императорской Армии. С. 53–54.
- 39 Россия и первая мировая война. (Материалы международного научного коллоквиума). СПб. 1999. С. 356.
- 40 Цветаева М. Неизданное. Записные книжки. Т. 1. М. 2000. С. 172.
- 41 Записки графа Д. Ф. Гейдена (1914–1917 гг.) // Военно-исторический вестник. № 38. Париж. 1971. С. 11.
- 42 То же // Военно-исторический вестник. № 40. Париж. 1971. С. 12–13.

ПОД СТЯГОМ ВСЕМИЛОСТИВОГО СПАСА

- 1 Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 3. С. 280–281.
- 2 См. воспоминания об этом бое под Хотинном командира пластунов: *Ген.-лейтенант И. Е. Гулыга*. Кубанские пластуны во время Великой войны. Хотинская операция // Кубанская старина и современность. Париж. 1931. № 1. С. 20–25.
- 3 Рубец И. Ф. Конные атаки Российской Императорской кавалерии в первую мировую войну // Военная быль. Париж. 1965. № 76. С. 44.
- 4 Кравченко Н. Граф А. [sic!] Келлер // Новое время. № 14469. 1916. 18 июня/1 июля. С. 2.
- 5 Сливинский А. В. Конный бой 10-й кавалерийской дивизии ген. гр. Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославце. С. 44.
- 6 Краснов П. Н. На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. I. Берлин. 1921. С. 104.
- 7 Там же. С. 115.
- 8 Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 3. С. 281.
- 9 Рубец И. Ф. Конные атаки Российской Императорской кавалерии в первую мировую войну // Военная быль. Париж. 1965. № 76. С. 44.
- 10 Ксюнин Ал. Граф А. [sic!] Келлер // Новое время. № 14469. 1916. 18 июня/1 июля. С. 2.
- 11 Русский Инвалид. 1915. № 118.
- 12 Краснов П. Н. Памяти Императорской Армии. С. 37.
- 13 Там же. С. 49.

ЛИК ЗВЕРЯ

- 1 Деннингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М. 2004. С. 324.
- 2 Краснов П. Н. Единая-Неделимая. М. 2004. С. 317.

- 3 Дневник иеромонаха Никона (Беляева). Скит «Оптина пустынь». Житомир. 2003. С. 95.
- 4 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. № 18. С. 9.
- 5 *Drang nach Osten.* Из секретной докладной записки Германского Большого Генерального штаба. 1913 год // Родина. М. 1993. № 8–9. С. 15.
- 6 *Меленберг А. А.* Немцы в Российской армии накануне первой мировой войны // Вопросы истории. 1998. № 10. С. 128–130.
- 7 *М. фон Хаген.* Великая война и искусственное усиление этнического самосознания в Российской Империи // Россия и первая мировая война. (Материалы международного научного colloquium). СПб. 1999. С. 402.
- 8 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. Гельсингфорс. 1936. С. 96.
- 9 *Дёнингдаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 326.
- 10 *Сомов К. А.* Письма. Дневники. Суждения современников. М. 1979. С. 133.
- 11 *Кн. С. М. Волконский.* Последний день. Роман-хроника. Берлин. 1925. С. 404.
- 12 *Тхоржевский И. И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб. 1999. С. 177–179.
- 13 *Гиппиус З. Н.* Собрание сочинений. Дневники 1893–1919. М. 2003. С. 159.
- 14 *Барон Н. Н. Врангель.* Дни скорби. Дневник 1914–1915 гг. СПб. 2001. С. 44.
- 15 Там же. С. 73.
- 16 Там же. С. 95.
- 17 «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. М. 2004. С. 354.
- 18 Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...» Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. М. 1997. № 1. С. 44.
- 19 «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. С. 356.
- 20 *Дёнингдаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 329.
- 21 Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...» Депортации в России 1914–1918 гг. С. 53.
- 22 Там же. С. 44.
- 23 Там же. С. 47.
- 24 *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию. 1907–1917. М. 2003. С. 76.
- 25 Николай II и Великие Князья. (Родственные письма к последнему Царю). Л.-М. 1925. С. 75–76.

- 26 Литературное наследство. Т. 97. Кн. 2. М. 1989. С. 53.
- 27 Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...» Депортации в России 1914–1918 гг. С. 48.
- 28 Там же.
- 29 *Харламов Н.* Избиение в Первопрестольной. Немецкий погром в Москве в мае 1915 года // *Родина*. М. 1993. № 8–9. С. 127.
- 30 *Гоштовт Г.* Сумерки славы // *Часовой*. № 135–136. Париж. 1934. С. 27.
- 31 «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. С. 356.
- 32 Там же. С. 358.
- 33 *Барон Н. Н. Врангель.* Дни скорби. Дневник 1914–1915 гг. С. 138–140.
- 34 *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 330.
- 35 *Пуанкаре Р.* На службе Франции. Воспоминания за девять лет. Кн. 1. М. 1936. С. 309.
- 36 *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 331.
- 37 См.: *Дякин В. С.* Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья // *Первая мировая война. 1914–1918*. М. 1968; *Петров Ю. А.* «Московские немцы»: проблема документального наследия // *Российские немцы. Историография и источниковедение*. М. 1997.
- 38 *Резанов А. С.* Немецкое шпионство. Книга составлена по данным судебной практики и другим источникам. Пг. 1915. С. 209.
- 39 *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 405.
- 40 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 245.
- 41 Письмо 11 июня 1915 г.
- 42 «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. С. 361, 362.
- 43 *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. М. 2003. С. 255.
- 44 *Харламов Н.* Избиение в Первопрестольной. Немецкий погром в Москве в мае 1915 года. С. 128.
- 45 Там же. С. 129–130.
- 46 Там же. С. 130.
- 47 *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. С. 255.
- 48 Там же. С. 256.
- 49 *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 341.
- 50 Там же. С. 352.
- 51 *Московские ведомости*. 1915. 31 мая.
- 52 *Старые годы*. 1915. Июль–август. С. 107.

- 53 «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 1. С. 362.
- 54 *Линденберг В.* Три дома. Мюнхен. 1985. С. 27–28.
- 55 *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 345.
- 56 *Харламов Н.* Избиение в Первопрестольной. Немецкий погром в Москве в мае 1915 года. С. 131.
- 57 *Кирьянов Ю. И.* «Майские беспорядки» в 1915 г. в Москве // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 146
- 58 *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 345, 350, 351.
- 59 *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. С. 257.
- 60 *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 346.
- 61 *Харламов Н.* Избиение в Первопрестольной. Немецкий погром в Москве в мае 1915 года. С. 127.
- 62 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 119. Атрибуция этих стихов в кн. ошибочна. В действительности это стихотворение «Хладнокровный градоправитель, или Котлеты по-московски и соус “Тартар” принадлежало известному остро слову В. П. Мятлеву.
- 63 *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. С. 257.
- 64 *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 335, 336, 344, 346.
- 65 Там же. С. 338.
- 66 *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. II. М. 1997. С. 627.
- 67 *Завадский С. В.* На великом изломе. (Отчет гражданина о пережитом в 1916–17 годах). Под знаком Временного правительства. // Архив русской революции. Т. XI. Берлин. 1923. С. 64.
- 68 *Палеолог М.* Дневник посла. М. 2003. С. 308–309.
- 69 *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской Монархии. М. 2000. С. 130.
- 70 *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. С. 257.
- 71 Там же. С. 256.
- 72 *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск. 2004. С. 118–119.
- 73 Правые в 1915 – феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам. Публикация Ю. И. Кирьянова // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 14. М.-СПб. 1993. С. 214–215.
- 74 *Чеботарева В. В.* Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915 – 5 января 1918. Публ. В. П. Чеботаревой-Билл. Прим. Д. Скалона // Новый журнал. № 181. Нью-Йорк. 1990.

- 75 *Государыня Императрица Александра Феодоровна Романова*. Дивный свет. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание. М. 1999. С. 350–351.
- 76 Архипастырское воззвание // Московские ведомости. 1915. 31 мая. С. 1.
- 77 *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 155.
- 78 История Русской Церкви. Кн. 8. Ч. II. М. 1996. С. 180.
- 79 *Хвалин А.* Германский след // Десятина. № 55. С. 5.
- 80 Там же.
- 81 Там же. С. 4.
- 82 Там же. С. 5.
- 83 *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 367.
- 84 Там же. С. 353.
- 85 *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). С. 128.
- 86 Российский Императорский Дом. М. 1992. С. 178.
- 87 Там же.
- 88 *Кудрина Ю. В.* Мать и Сын. М. 2004. С. 225.
- 89 *Родзянко М. В.* Крушение Империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. Полное издание записок председателя Государственной думы. С дополнениями Е. Ф. Родзянко. М. 2002. С. 175.
- 90 «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма Великого Князя Николая Михайловича вдовствующей Императрице Марии Федоровне // Источник. М. 1998. № 4. С. 10.
- 91 *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 356.
- 92 *Данилов Ю. Н.* На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской Монархии. С. 131.
- 93 Там же. С. 131.
- 94 *Бехтерев В. М.* Распутинство и общество великосветских дам // Петроградская газета. 1917. 21 марта.
- 95 *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 206.
- 96 Записки Н. М. Романова // Красный архив. Т. 47–48. М. 1931. С. 166.
- 97 «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма Великого Князя Николая Михайловича вдовствующей Императрице Марии Федоровне. С. 10.
- 98 Николай II и Великие Князья. (Родственные письма к последнему Царю). С. 80.
- 99 Там же. С. 65.
- 100 Там же. С. 76–77.
- 101 Там же. С. 85–86.
- 102 *Дённингхаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 385.
- 103 Там же.

- 104 Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич: «Немецкую пакость уволить, и без нежностей...» Депортации в России 1914–1918 гг. С. 48.
- 105 Там же.
- 106 Там же. С. 50.
- 107 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 36.
- 108 Там же. С. 47–48.
- 109 Там же. С. 48.
- 110 *Киреевский И. В.* Разум на пути к Истине. М. 2002. С. 51, 53, 54, 62.
- 111 *Леонтьев К. Н.* Восток, Россия и Славянство. М. 1996. С. 604.
- 112 Там же.
- 113 *Киреевский И. В.* Разум на пути к Истине. С. 52, 57.
- 114 Там же. С. 57.
- 115 *Стогов Э. И.* Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М. 2003. С. 92–93.
- 116 Там же. С. 18.
- 117 *Вакар С. В.* Русская Императорская кавалерия // Военно-исторический журнал. М. 2002. № 6. С. 62.
- 118 *Рубец И. Ф.* Конные атаки Российской Императорской кавалерии в первую мировую войну // Военная быль. Париж. 1965. № 76. С. 47.
- 119 *Степун Ф.* «Спасение Германии в России. Спасение России в Германии...» Письма прапорщика-артиллериста // Родина. М. 1993. № 8–9. С. 56.
- 120 *Хозиков В.* Забытый кумир фюрера. М. 2004. С. 612.
- 121 *Аннинский Л.* «Неизвестная война» // Родина. М. 1993. № 8–9. С. 182.
- 122 От правления об-ва памяти Государя Императора Николая II // Царский вестник. № 297. Белград. 1932. 29 августа/11 сентября. С. 3.
- 123 *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 427.

С ЦАРЕМ ВО ГЛАВЕ

- 1 Идею наследие А. Свечина // Российский военный сборник. Вып. 15. М. 1999. С. 574.
- 2 См., напр.: *Катков Г. М.* Февральская революция. Париж. 1984. С. 135–147; *Шаццло К. Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Встречи с историей. М. 1988.
- 3 *Айрапетов О. Р.* Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и на революцию (1907–1917). С. 67.
- 4 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 246.
- 5 Там же.
- 6 Совет министров Российской Империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. (Записки заседаний и переписка). СПб. 1999. С. 169.
- 7 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 247.
- 8 *Ольдерогге Б.* Модест Иванов. М. 1969. С. 33.

- 9 Катков Г. М. Февральская революция. С. 143.
- 10 Тайные силы. Откровения руководителя кайзеровской разведки, сделанные на Лубянке. Публ. А. Здановича // Родина. М. 1993. № 8–9. С. 46–47, 48.
- 11 Там же. С. 47.
- 12 Дубнов С. М. Книга жизни. Материалы для истории моего времени. Воспоминания и размышления. М. 2004. С. 383.
- 13 Мельгунов С. П. На путях к Дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж. 1931. С. 121.
- 14 Совет министров Российской Империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. (Записки заседаний и переписка). С. 211, 212.
- 15 Там же. С. 212.
- 16 Тяжелые дни. (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года). Сост. А. Н. Яхонтовым // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин. 1926. С. 47–48.
- 17 Дёйнингхаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). С. 393.
- 18 Барон Н. Н. Врангель. Дни скорби. Дневник 1914–1915 гг. С. 119–120.
- 19 Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М. 1992. С. 206.
- 20 Там же. С. 218.
- 21 Там же. С. 217.
- 22 Совет министров Российской Империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. (Записки заседаний и переписка). С. 21, 22–23, 362.
- 23 Там же. С. 360.
- 24 Сухомлинов В. А. Воспоминания. С. 315.
- 25 Там же. С. 313.
- 26 Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 3. С. 306.
- 27 Попов К. Был ли полководцем Император Николай II? // Военная быль. Париж. 1960. Июль. № 43. С. 2.
- 28 Записки Н. М. Романова // Красный архив. Т. 47–48. М. 1931. С. 162.
- 29 Попов К. Был ли полководцем Император Николай II? С. 2.
- 30 Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 3. С. 306
- 31 Дневники Императрицы Марии Феодоровны. (1914–1920, 1923 годы). М. 2005. С. 88–89. См. также: Кудрина Ю. В. Мать и Сын. Императрица Мария Феодоровна и Император Николай II. М. 2004. С. 78–80.
- 32 Дневники Императрицы Марии Феодоровны. (1914–1920, 1923 годы). С. 89.
- 33 Совет министров Российской Империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. (Записки заседаний и переписка). С. 234, 236–237.
- 34 Тяжелые дни. (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года). Сост. А. Н. Яхонтовым. С. 91.
- 35 Там же. С. 92.

- 36 Там же. С. 93.
 37 Там же. С. 94.
 38 Там же. С. 95.
 39 Там же. С. 98.
 40 Там же. С. 94.
 41 *Очевидец*. Ставка Верховного Главнокомандующего. Два приказа // Русская летопись. Кн. 1. Париж. 1921. С. 158.
 42 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 3. С. 306, 307.
 43 *Попов К.* Был ли полководцем Император Николай II? С. 2. В написанные впоследствии воспоминания этот эпизод не вошел. См.: *Кондзеровский П. К.* В Ставке Верховного. 1914–1917. Париж. 1967. С. 83.
 44 *Очевидец*. Ставка Верховного Главнокомандующего. Два приказа. С. 160–161.
 45 Николай II и Великие Князья. (Родственные письма к последнему Царю). С. 33.
 46 *Очевидец*. Ставка Верховного Главнокомандующего. Два приказа. С. 4.
 47 РГИА. Ф. 1349. Оп. 1. Е. х. 1837. Л. 14 об.

ПРОРЫВ ПОД ЛУЦКОМ ИЛИ «БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ»?

- 1 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. М. 1994. С. 39.
 2 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 180.
 3 Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 495, 496.
 4 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. 4-е изд. М. 1946. С. 9.
 5 *Андреев А.* Далекое – близкое. (Обрывки воспоминаний) // Часовой. № 189. Париж. 1937. С. 24.
 6 Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 521.
 7 *Андреев А.* Далекое – близкое. (Обрывки воспоминаний). С. 24.
 8 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 237.
 9 *Уткин А.* Луцкий прорыв Брусилова // Версия. Еженедельная газета. № 33. М. 2003. Интернет-версия.
 10 *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах Русской Императорской Армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб. 2000. С. 426. Впервые с неточностями в кн.: *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Париж. 1957. С. 108.
 11 *Андрианов П. М.* Генерал Брусилов. Одесса. 1917. С. 4, 15, 17.
 12 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 129.
 13 Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 523.
 14 «Он любил свою старую русскую армию». Записки вдовы генерала А. А. Брусилова // Источник. М. 1996. № 4. С. 35.

- 15 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 183.
- 16 Русское слово. 1916. 26 мая.
- 17 *Голиков А. Г.* Генерал А. А. Брусилов: страницы жизни и деятельности // Новая и новейшая история. 1998. № 4.

«ЗЕМНОМУ БОГУ КТО НЕ РАД?»

- 1 *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск. 2004. С. 306.
- 2 См.: *Слезкин Ю.* Царский смотр (Воспоминания из времен 1-й мировой войны) // Знамя России. № 244. Нью-Йорк. 1964. С. 8–10.
- 3 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 214.
- 4 *Месснер Е. Э.* Царь и офицер // Государь Император Николай II Александрович. Сб. памяти 100-летия со дня рождения. Под ред. С. Завалишина. Всеславянское издательство. Нью-Йорк. 1968. С. 178–181.
- 5 Стихотворение М. Шереметева. Собственный Его Императорского Величества Конвой. Сан-Франциско. 1961. С. 244.
- 6 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 152.
- 7 *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). С. 306.

ЗАВОЕВАНИЕ ЗЕЛЕННОЙ РУСИ

- 1 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 37.
- 2 *Ксюнин Ал.* Граф А. [sic!] Келлер // Новое время. № 14469. 1916. 18 июня/1 июля. С. 2.
- 3 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 48–49.
- 4 Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 536–537.
- 5 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 55.
- 6 Из письма Государыни Императору от 17 июня 1916 г.
- 7 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 50.
- 8 Новое Время. № 4469. 1916. 18 июня.
- 9 *Кравченко Н.* Граф А. [sic!] Келлер // Новое время. № 14469. 1916. 18 июня/1 июля. С. 2.
- 10 Русский Инвалид. 1916. № 123. 9 мая.
- 11 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 42.
- 12 Дневники Императрицы Марии Феодоровны. (1914–1920, 1923 годы). С. 150.
- 13 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 57–58, 61.
- 14 *Рубец И. Ф.* Конные атаки Российской Императорской кавалерии в первую мировую войну // Военная быль. Париж. 1966. № 81. С. 18.

КОВЕЛЬ – МОГИЛА ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ

- 1 Записки Н. М. Романова // Красный архив. Т. 47–48. М. 1931. С. 180.
- 2 *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. II. С. 122.
- 3 Там же. С. 120–121.
- 4 Там же. С. 121.
- 5 Там же. С. 90, 91, 140.
- 6 Там же. С. 108.
- 7 *Адамович Б.* Трыстень. 15–28/VII – 1916 год. Париж. 1935. С. 10.
- 8 *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. II. С. 127, 129, 130.
- 9 *Макаров Ю. В.* Служба в Старой Гвардии // Военно-исторический журнал. М. 2002. № 6. С. 52.
- 10 *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. II. С. 132, 136.
- 11 *Макаров Ю. В.* Служба в Старой Гвардии. С. 52.
- 12 *Тихомиров А., Чапкевич Е.* Братская могила на болоте. Гвардия в боях на реке Стоход летом 1916 года // Родина. Специальный выпуск. Петербург – гвардейская столица. М. 2003. С. 38.
- 13 *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. II. С. 140.
- 14 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М. 2001. С. 188–189.
- 15 Там же. С. 189.
- 16 Николай II и Великие Князья. (Родственные письма к последнему Царю). С. 79.
- 17 *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. II. С. 142.
- 18 *Берберова Н. Н.* Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. М. 1997. С. 43–45.
- 19 *Маргулисес М.* Талаат и Гучков // Последние новости. № 283. Париж. 1921. 2–3 марта. С. 2; *Марков Н. Е.* Войны темных сил. М. 2002. С. 161–163.
- 20 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 158.
- 21 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 186.
- 22 *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. II. С. 171.
- 23 Из воспоминаний ген. А. С. Лукомского // Архив русской революции. Т. II. Берлин. 1921. С. 32.
- 24 *Стремоухов П. П.* Императрица Александра Феодоровна в Ее письмах // Русская летопись. Кн. 6. Париж. 1924. С. 85–86.
- 25 *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. II. С. 123.
- 26 Там же. С. 123, 124.
- 27 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 77–78.
- 28 Там же. С. 80.
- 29 Из боевого прошлого Русской Армии. Документы и материалы о подвигах русских солдат и офицеров. М. 1947. С. 322.
- 30 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 86, 89–90.

РУМЫНИЯ ВСТУПАЕТ В ВОЙНУ

- 1 *Власов Л. В.* Маннергейм. М. 2005. С. 173.
- 2 *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М. 1999. С. 67.
- 3 Николай II и Великие Князья. (Родственные письма к последнему Царю). С. 37.
- 4 Там же. С. 126.
- 5 «...Мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов». Февральская революция 1917 г. в семейной переписке П. П. Скоропадского // Исторический архив. 2002. № 4. С. 74–75.
- 6 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 99–102.
- 7 *Рубец И. Ф.* Конные атаки Российской Императорской кавалерии в первую мировую войну // Военная быль. Париж. 1966. № 81. С. 19.
- 8 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 95–96.
- 9 *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана. Буэнос Айрес. 1961. С. 29–30, 31–32.
- 10 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 105.
- 11 Там же. С. 104, 106.
- 12 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 461.
- 13 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 110.
- 14 Николай II и Великие Князья. (Родственные письма к последнему Царю). С. 84.
- 15 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. М. 2005. С. 211.
- 16 Великая Россия. Екатеринодар. 1919. 8/21 января.
- 17 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 106.
- 18 *Валь Э.* Действия 12-й кавалерийской дивизии в период командования ею Свиты Его Величества генерал-майора барона Маннергейма. С. 42. См. также: *Маннергейм К. Г.* Мемуары. С. 68–69.
- 19 *Власов Л. В.* Маннергейм. М. 2005. С. 180.
- 20 Там же. С. 184.
- 21 *Валь Э.* Действия 12-й кавалерийской дивизии в период командования ею Свиты Его Величества генерал-майора барона Маннергейма. С. 48.
- 22 *Власов Л. В.* Маннергейм. С. 179.
- 23 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 108, 109.
- 24 *Чаушеску И.* Румыния в годы первой мировой войны // Румынская литература. Бухарест. 1987. № 10. С. 6.
- 25 Там же. С. 5.
- 26 Там же. С. 6.
- 27 Там же. С. 7.
- 28 Там же. С. 4.
- 29 Там же. С. 11.
- 30 Там же. С. 9.

- 31 Там же. С. 10.
- 32 Керсновский А. А. История Русской Армии. Т. 4. С. 98.
- 33 Там же. С. 96.
- 34 Там же. С. 247–248, 249–250, 252, 253–254.
- 35 «Позорное время переживаем». Из дневника Великого Князя Андрея Владимировича Романова // Источник. М. 1998. № 3. С. 52.

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ РЕВОЛЮЦИИ

- 1 Воспоминания генерала барона Врангеля. Ч. 1. М. 1992. С. 20–21.
- 2 Там же. С. 8–9.
- 3 Дубенский Д. Н. Как произведен переворот в России // Русская летопись. Кн. 3. Париж. 1922. С. 16–17.
- 4 Лемке М. К. 250 дней в Царской Ставке. Пг. 1920. Записи 9.11.1916 и 14.2.1916.
- 5 Мельгунов С. На путях к дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж. С. 150.
- 6 Там же. С. 28.
- 7 Власов Л. В. Маннергейм. С. 176.
- 8 Катков Г. М. Февральская революция. Париж. 1984. С. 183.
- 9 Воспоминания генерала барона Врангеля. Ч. 1. С. 23, 24.
- 10 Родзянко М. В. Крушение Империи и Государственная дума и февральская 1917 года революция. Полное издание записок председателя Государственной думы. С дополнениями Е. Ф. Родзянко. М. 2002. С. 208.
- 11 Цветков А. Нравственность русского офицера // Вестник ПВО. М. 1991. С. 66.
- 12 Традиции офицеров Русской Армии. С. 43.
- 13 См. наше исследование: Фомин С. В. Россия без Царя // Игумен Серафим (Кузнецов). Православный Царь-Мученик. М. 1997. С. 665–765, а также наши комментарии к кн. Якобий И. П. Император Николай II и революция. Фомин С. В. «Боролись за власть генералы... лишь Император молился». СПб. 2005.
- 14 Там же. С. 42–43.
- 15 Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 томах. Т. 5. М. 1980. С. 157–158.

ПОСЛЕДНИЙ ОТДЫХ

- 1 Валь Э. Действия 12-й кавалерийской дивизии в период командования ею Свиты Его Величества генерал-майора барона Маннергейма. С. 50.
- 2 Там же. С. 49.
- 3 Николай II и Великие Князья. (Родственные письма к последнему Царю). С. 124, 125.

- 4 Воспоминания генерала барона Врангеля. Ч. 1. С. 23–25.
- 5 *Керсновский А. А.* История Русской Армии. Т. 4. С. 113–115.
- 6 *Долныков А.* Своя и чужая земля // Родина. М. 1993. № 8–9. С. 62.
- 7 *Краснов П. Н.* Памяти Императорской Армии. С. 36.
- 8 *Оберучев К.* В дни революции. Воспоминания участника великой русской революции 1917-го года. Нью-Йорк. 1919. С. 46–47.
- 9 *Кондзеровский П. К.* В Ставке Верховного. 1914–1917. С. 98.

Часть четвертая. ВЕРНОСТЬ

«ЗНАЕШЬ ЦАРЯ – ТАК ПСАРЯ НЕ ЖАЛУЙ!»

- 1 *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. *Фомин С. В.* «Боролись за власть генералы... лишь Император молился». СПб. 2005. С. 407–408.
- 2 *Тальберг Н. Д.* Рыцари монархии // Двуглавый Орел. Вып. 2. Париж, 1926. 24 декабря. С. 21.
- 3 *Епанчин Н. А.* На службе трех Императоров. С. 458.
- 4 *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. II. С. 168.
- 5 *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана. С. 33–34.
- 6 *Свитков Н.* О Верноподданной телеграмме графа Келлера // Владимирский вестник. № 69. Сан-Пауло. 1957. Июнь–июль. С. 27–28.
- 7 *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 96.
- 8 РГВИА. Ф 372. Оп. 1. Д. 41. Лл. 41–43.
- 9 *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. СПб., 1999. С. 163.
- 10 Воспоминания генерала барона Врангеля. Ч. 1. С. 25–28.
- 11 *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. II. С. 165.
- 12 *Шинкаренко Н.* Вечер в Оргееве. (Из воспоминаний о графе Келлере) // Донская волна. Ростов-на-Дону. 1919. № 2. С. 6. Пользуясь случаем, благодарю А. С. Кручинина за указание на эту публикацию.
- 13 *Шульгин В. В.* Дни. 1920. М., 1989. С. 260.
- 14 *Сергеевский Б. Н.* Отречение от Престола Императора Николая Второго. Машинопись. С. 41.
- 15 *Мордвинов А.* Отрывки из воспоминаний // Русская летопись. Кн. V. Париж, 1923. С. 151.
- 16 *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. Б.м., 1938. С. 379–380.
- 17 *Свитков Н.* О Верноподданной телеграмме графа Келлера. С. 28.

ДЕЛО КЕЛЛЕРА И ЛИНИИ МАННЕРГЕЙМА

- 1 Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. 2. Париж, 1939. С. 181–182.
- 2 Записки графа Д. Ф. Гейдена (1914–1917 гг.) // Военно-исторический вестник. № 40. Париж, 1971. С. 12.
- 3 «Охранка». Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 463.
- 4 Шинкаренко Н. Вечер в Оргееве. (Из воспоминаний о графе Келлере). С. 6.
- 5 Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. Париж 1961. С. 253–254.
- 6 Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 138–139.
- 7 Шкуро А. Г. Записки белого партизана. С. 32–33.
- 8 Шинкаренко Н. Вечер в Оргееве. (Из воспоминаний о графе Келлере). С. 6–7.
- 9 Воспоминания генерала барона Врангеля. Ч. 1. С. 30.
- 10 Маннергейм К. Г. Мемуары. С. 77.
- 11 Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 138.
- 12 Там же. С. 138, 163.
- 13 Там же. С. 138.
- 14 Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 142. Со ссылкой на: *Screen J. E. O. Mannerheim. Helsinki, 2000. S. 123.*
- 15 Воспоминания генерала барона Врангеля. Ч. 1. С. 39.
- 16 Там же. С. 29.
- 17 Там же. С. 33–34.
- 18 Там же. С. 35.
- 19 С. В. 70 лет тому назад. Весна 1917 года // Часовой. № 664. Париж, 1987. С. 14–15.
- 20 Белгородцев Н. Генерал Маннергейм // Донская волна. Ростов-на-Дону, 1919. № 4 (33). С. 11.
- 21 Воспоминания генерала барона Врангеля. Ч. 1. С. 34.
- 22 Там же. С. 38.
- 23 Палач финского народа // Правда. 1939. 4 декабря.
- 24 Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 10.
- 25 *Jagerskiold S. Gustav Mannerheim 1906–1915. Helsinki, 1965.*
- 26 *Вайну Х.* Многоликий Маннергейм // Новая и новейшая история. 1997. № 5. С. 167.
- 27 Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 43.
- 28 *Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм // Вопросы истории. 1994. № 1. С. 58.

- 29 *Вайну Х.* Многоликий Маннергейм. С. 143.
- 30 Там же. С. 144. *Власов Л.* Маннергейм. С. 57.
- 31 *Власов Л.* Маннергейм. С. 53.
- 32 Там же. Фото на наклейке между с. 96–97.
- 33 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 62.
- 34 Там же. С. 61.
- 35 Там же. С. 120.
- 36 *Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм. С. 59.
- 37 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 38.
- 38 *Власов Л.* Маннергейм. С. 95.
- 39 Там же. С. 97.
- 40 *Сухомлинов В. А.* Воспоминания. С. 51.
- 41 «Считаю тебя, перед Богом и людьми, своей невестой». Генерал Брусиллов – Надежде Желиховской // Источник. М., 1994. № 5. С. 14.
- 42 Записки Н. М. Романова // Красный архив. Т. 47–48. М., 1931. С. 153.
- 43 Там же. С. 149.
- 44 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 97.
- 45 *Власов Л.* Маннергейм. С. 96–97.
- 46 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 101.
- 47 *Куняев С. Ю.* Поэзия. Судьба. Россия. Кн. 3. Шляхта и мы. М., 2002. С. 82.
- 48 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 55.
- 49 *Власов Л. В.* Густав Маннергейм в Петербурге. СПб., 2003. С. 63.
- 50 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 103.
- 51 *Вайну Х.* Многоликий Маннергейм. С. 146.
- 52 *Manterheim G.* Minnen. Del. I. 1882–1930. Helsingfors, 1951. S. 183.
- 53 *Вайну Х.* Многоликий Маннергейм. С. 14. См.: *Маннергейм К. Г.* Мемуары. С. 69.
- 54 *Маннергейм К. Г.* Мемуары. С. 73–75.
- 55 Россия и первая мировая война. (Материалы международного научного colloquiuma). СПб., 1999. С. 69–70. См. также: *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? СПб.-М., 2002. С. 491–508.
- 56 *Власов В.* Маннергейм. С. 294.
- 57 *Маннергейм К. Г.* Мемуары. С. 77.
- 58 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 137.
- 59 *Маннергейм К. Г.* Мемуары. С. 76.
- 60 *Епанчин Н. А.* На службе трех Императоров. С. 473–474.

- 61 *Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм. С. 61.
- 62 *Власов Л. В.* Густав Маннергейм в Петербурге. С. 132.
- 63 *Jagerskiold S.* Gustav Mannerheim 1867–1951. Keuruu. 1983. S. 71.
- 64 *Власов В.* Маннергейм. С. 189.
- 65 Там же. С. 6.
- 66 *Глазков К. В.* Белое дело генерала России и маршала Финляндии Карла Густава Маннергейма // Православная Русь. Джорданвилль, 2001. № 16. С. 13–14.
- 67 *Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм. С. 56.
- 68 *Вайну Х.* Многоликий Маннергейм. С. 151. Со ссылкой на: *Jagerskiold S.* Gustav Mannerheim. 1918. Helsinki, 1967. S. 342, 357–358.
- 69 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 171.
- 70 Там же. С. 178. Со ссылкой на ст.: Почему финны не захватили Петербург // *Uusi Suomi.* 21.9.1929.
- 71 Там же. С. 184–185.
- 72 О Пилсудском см.: *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2004. С. 294–298.
- 73 *Вайну Х.* Многоликий Маннергейм. С. 151.
- 74 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 180.
- 75 *Куняев С. Ю.* Поэзия. Судьба. Россия. Кн. 3. С. 37.
- 76 *Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм. С. 69.
- 77 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 181.
- 78 Там же. С. 182.
- 79 *Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм. С. 61.
- 80 Там же. С. 61.
- 81 *Власов Л.* Маннергейм. С. 214.
- 82 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. М., 2002. С. 27.
- 83 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 284.
- 84 Там же. С. 302.
- 85 *Власов Л.* Маннергейм. С. 236.
- 86 Там же. С. 261.
- 87 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 283.
- 88 *Власов Л.* Маннергейм. С. 8.
- 89 Там же.
- 90 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 101.
- 91 *Власов Л.* Маннергейм. С. 122.

- 92 Семенов К. Иностранцы добровольцы войск СС. М., 2002. С. 35–37.
- 93 Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 289.
- 94 Кандель Ф. Книга времен и событий. Т. 4. М., 2004. С. 180.
- 95 Галицкий В. П. Вражеские военнопленные в СССР (1941–1945) // Военно-исторический журнал. 1990. № 9. С. 46.
- 96 Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 290.
- 97 Там же. Фото на с. 320.
- 98 Там же. С. 290.
- 99 Там же. С. 313.
- 100 Там же. С. 291.
- 101 Кандель Ф. Книга времен и событий. Т. 4. С. 180.
- 102 Власов Л. Маннергейм. С. 246–247.
- 103 Ильин И. А. Собр. соч. Переписка двух Иванов (1935–1946). М., 2000. С. 371.
- 104 Там же. С. 294.
- 105 Там же. С. 291.
- 106 Ильин И. А. Собр. соч. Переписка двух Иванов (1947–1950). М., 2000. С. 141–142.
- 107 Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 301–302.
- 108 Власов Л. Маннергейм. С. 244.
- 109 Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 293.
- 100 Власов Л. Маннергейм. С. 7.
- 111 Там же. С. 262.
- 112 Там же. С. 263.
- 113 Там же. С. 264.
- 114 Там же. С. 266.
- 115 Там же.
- 116 Там же. С. 267.
- 117 Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 287.
- 118 Вайну Х. Многоликий Маннергейм. С. 161. Со ссылкой на: Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel. Stuttgart, 1974. S. 108, 111–112.
- 119 Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 257–258.
- 120 Вайну Х. Многоликий Маннергейм. С. 161. Со ссылкой на: *Manninen O. Suur-Suomen aariviivat*. Helsinki, 1980. S. 250.
- 121 Иоффе Э. Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 183.
- 122 Там же. С. 54.

- 123 *Власов Л.* Маннергейм. С. 299.
 124 *Власов Л. В.* Густав Маннергейм в Петербурге. СПб. 2003. С. 90.
 125 *Маннергейм К. Г.* Мемуары. С. 58–59.
 126 *Свяц. Стефан Красовицкий.* Монархический путь // Имперский вестник. № 45. М., 1999. Январь. С. 4.
 127 *Власов Л.* Маннергейм. С. 97.
 128 Там же. С. 294.
 129 *Шинкаренко Н.* Вечер в Орееве. (Из воспоминаний о графе Келлере). С. 7.

ПАРАД ИЗМЕНЫ

- 1 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 120.
 2 «Позорное время переживаем». Из дневника Великого Князя Андрея Владимировича Романова // Источник. М., 1998. № 3. С. 37. См. также письмо Императрицы Государю от 5.11.1916.
 3 *Каррик В.* Война и революция. Записки 1914–1917 г. // Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 36.
 4 Николай II и Великие Князья. (Родственные письма к последнему Царю). Л.-М., 1925. С. 67, 68–69.
 5 *Каррик В.* Война и революция. Записки 1914–1917 г. // Голос минувшего. 1918. № 4–6. С. 9. Там же приводятся и сами анекдоты.
 6 *Марковчин В.* Три атамана. М., 2003. С. 278.
 7 Там же.
 8 Там же. 280.
 9 Записки Н. М. Романова // Красный архив. Т. 47–48. М. 1931. С. 147.
 10 Там же. С. 165.
 11 Николай II и Великие Князья. (Родственные письма к последнему Царю). С. 33.
 12 Там же. С. 32–33.
 13 Подробнее см. кн.: *Фомин С. В.* Последний Царский Святой. СПб., 2003.
 14 *Верещак С.* Отъезд Николая Николаевича с Кавказа. (Из воспоминаний) // Воля России. Прага, 1929. № 2. С. 60–61.
 15 Там же. С. 62.
 16 Там же.
 17 Николай II и Великие Князья. (Родственные письма к последнему Царю). С. 37.
 18 «Позорное время переживаем». Из дневника Великого Князя Андрея Владимировича Романова. С. 50.
 19 *Смирнов С.* К истории одного заговора // Последние новости. № 2587. Париж, 1928. 22 апреля.
 20 *Мельгунов С. П.* На путях к Дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). Париж, 1931. С. 115.

- 21 Тяжелые дни. (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года). Сост. А. Н. Яхонтовым. С. 55.
- 22 *Хатисов А. И.* У поколебленного Трона... Из истории предреволюционных дней. // Иллюстрированная Россия. Париж, 1931. № 50. 5 декабря. С. 1.
- 23 *Смирнов С.* К истории одного заговора.
- 24 Там же.
- 25 *Мельгунов С. П.* На путях к Дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). С. 107–108.
- 26 Мемуары А. И. Хатисова // Заря Востока. 1925. 4 января.
- 27 Там же.
- 28 *Спандарян С. С.* Статьи, письма, документы. М., 1982. С. 291.
- 29 Составлено на основе: *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 849; *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? СПб.-М., 2002. С. 535–536, 519.
- 30 См. подборку документов из архивов департамента полиции: Дашнаки. Публ. В. М. Копылова // Военно-исторический журнал. М. 1990. №№ 8–9. См. также: *Петросян И. Е. и Ю. А.* Османская империя: реформы и реформаторы (конец XVIII–начало XX в.). М., 1993. С. 130 и далее.
- 31 *Берберова Н. Н.* Люди и ложки. С. 73. См. также: Вестник Европы. 1912. Март.
- 32 Тяжелые дни. (Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 года). Сост. А. Н. Яхонтовым // Архив русской революции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 37. Примечательно, что непосредственные (необработанные) записи этого заседания оказались вырванными. См.: Совет министров Российской Империи в годы первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова. (Записки заседаний и переписка). С. 210.
- 33 *Величко В. Л.* Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. М., 2003. С. 44–45.
- 34 «Позорное время переживаем». Из дневника Великого Князя Андрея Владимировича Романова. С. 51.
- 35 *Хатисов А. И.* Почетная ссылка. Из истории смещения Вел. Князя Николая Николаевича с поста Верховного главнокомандующего и назначения его Наместником на Кавказ // Иллюстрированная Россия. Париж, 1932. № 14. С. 14.
- 36 Там же. С. 15.
- 37 *Островский А. В.* Кто стоял за спиной Сталина? С. 550.
- 38 *Хатисов А. И.* У поколебленного Трона... Из истории предреволюционных дней. С. 2.
- 39 *Берберова Н. Н.* Люди и ложки. С. 48.
- 40 *Смирнов С.* К истории одного заговора.
- 41 Там же.

- 42 Там же.
- 43 *Берберова Н. Н.* Люди и ложи. С. 48.
- 44 Там же. С. 51. См. также: *Смирнов С.* К истории одного заговора.
- 45 *Хатисов А. И.* У поколебленного Трона... Из истории предреволюционных дней. С. 4.
- 46 *Мельгунов С. П.* На путях к Дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). С. 106, 109, 110, 111; *Данилов Ю. Н.* Мои воспоминания об Императоре Николае II и Вел. Князе Михаиле Александровиче // Архив русской революции. Т. 19. Берлин, 1928. С. 241; *Берберова Н. Н.* Люди и ложи. С. 51.
- 47 *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 55; *Емельянов Ю. Н.* С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. М., 1998. С. 163–164.
- 48 *Мельгунов С. П.* На путях к Дворцовому перевороту. (Заговоры перед революцией 1917 года). С. 110.
- 49 *Емельянов Ю. Н.* С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. С. 164.
- 50 *Смирнов С.* К истории одного заговора.
- 51 «Момент, когда нельзя допускать оплошностей». Письма Великого Князя Николая Михайловича вдовствующей Императрице Марии Феодоровне. // Источник. 1998. № 4. С. 16.
- 52 «Позорное время переживаем». Из дневника Великого Князя Андрея Владимировича. С. 50.
- 53 *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. *Фомин С. В.* «Боролись за власть генералы... лишь Император молился». СПб., 2005. С. 410.
- 54 *Епанчин Н. А.* На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 457.
- 55 *Вел. Кн. Александр Михайлович.* Книга воспоминаний. М., 1991. С. 228.
- 56 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 212.
- 57 *Тальберг Н. Д.* К сорокалетию пагубного евлогиянского раскола. Джорданвилль, 1966. С. 36.
- 58 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 283–284. См. все это в изложении А. И. Хатисова: Иллюстрированная Россия. Париж, 1932. 12 марта.
- 59 *Смирнов С.* К истории одного заговора.
- 60 *Буранов Ю., Хрусталева В.* Гибель Императорского Дома. 1917–1919 гг. М., 1992. С. 51.
- 61 *Верещак С.* Отъезд Николая Николаевича с Кавказа. С. 66.
- 62 *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах Русской Императорской Армии. Генерал М. В. Алексеев. СПб., 2000. С. 501–502.
- 63 «Позорное время переживаем». Из дневника Великого Князя Андрея Владимировича. С. 50–51.
- 64 *Верещак С.* Отъезд Николая Николаевича с Кавказа. С. 65.
- 65 Там же.
- 66 *Буранов Ю., Хрусталева В.* Гибель Императорского Дома. 1917–1919 гг. С. 51.

- 67 *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах Русской Императорской Армии. Генерал М. В. Алексеев. С. 501.
- 68 «Позорное время переживаем». Из дневника Великого Князя Андрея Владимировича. С. 49.
- 69 *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах Русской Императорской Армии. Генерал М. В. Алексеев. С. 503.
- 70 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 427.
- 71 *Кондзеровский П. К.* В Ставке Верховного. 1914–1917. Париж. 1967. С. 117–118.
- 72 *Буранов Ю., Хрусталева В.* Гибель Императорского Дома. 1917–1919 гг. С. 52.
- 73 Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 83.
- 74 *Шульгин В. В.* Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 499–500. Первая публикация: Последний очевидец. Василий Витальевич Шульгин – организатор Белого движения // Московский строитель. 20–27.7.1990. С. 14.
- 75 Ген. Алексеев и Времен. комитет Государственной думы // Красный архив. Т. 2. Центрархив. 1923. С. 285.
- 76 «Во имя честности, во имя любви к нашей дорогой России». Письма генерала М. В. Алексеева к сыну Николаю // Источник. М., 1997. № 3. С. 5.
- 77 *Кобылин В.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Под ред. Л. Е. Болотина. СПб., 1998; *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. *Фомин С. В.* «Боролись за власть генералы... лишь Император молился». СПб., 2005.
- 78 «Во имя честности, во имя любви к нашей дорогой России». Письма генерала М. В. Алексеева к сыну Николаю. С. 16.
- 79 Там же. С. 18.
- 80 Там же. С. 7.
- 81 Там же. С. 16.
- 82 Там же. С. 17.
- 83 *Винберг Ф.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. Изд. 2-е. Мюнхен, 1922. С. 343.
- 84 *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах Русской Императорской Армии. Генерал М. В. Алексеев. С. 509, 510.
- 85 *Ген.-м. И. К. Кириенко.* От чести и славы 1613 г. к подлости и позору февраля 1917 г. Сан-Пауло, 1964. С. 41–42.
- 86 *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах Русской Императорской Армии. Генерал М. В. Алексеев. С. 512.
- 87 Там же.
- 88 Там же. С. 513.
- 89 Там же.

- 90 Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е. Э. Месснера. С. 520–521.
- 91 *Епанчин Н. А.* На службе трех Императоров. С. 471.
- 92 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 164–165.
- 93 *Платонов О. А.* Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы. Т. II. М., 2000. С. 171. Со ссылкой на публикацию во «Владимирском вестнике» (№ 53. Сан-Пауло, 1953. Май).
- 94 *Платонов О. А.* Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы. Т. II. С. 270.
- 95 *Галич Ю.* Брусилов в первые дни революции. (Из личных воспоминаний) // Сегодня. Рига, 1926. 21 марта (№ 65). С. 2.
- 96 *Епанчин Н. А.* На службе трех Императоров. С. 471.
- 97 «Он любил свою старую русскую армию». Записки вдовы генерала А. А. Брусилова // Источник. М., 1996. № 4. С. 31.
- 98 *Голиков А. Г.* Генерал А. А. Брусилов: страницы жизни и деятельности // Новая и новейшая история. 1998. № 4.
- 99 «Он любил свою старую русскую армию». Записки вдовы генерала А. А. Брусилова. С. 32.
- 100 Там же. С. 34.
- 101 Там же. С. 33.
- 102 *Ген. Н. А. Епанчин.* На службе трех Императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 461.
- 103 Там же. С. 462.
- 104 Там же. С. 463.
- 105 Записки графа Д. Ф. Гейдена (1914–1917 гг.) // Военно-исторический вестник. № 41. Париж, 1972. С. 9.
- 106 *Оберучев К.* В дни революции. Воспоминания участника великой русской революции 1917-го года. Нью-Йорк, 1919. С. 59.
- 107 Там же. С. 60–62.
- 108 *Галич Ю.* Брусилов в первые дни революции. (Из личных воспоминаний). С. 2.
- 109 *Геруа Б. В.* Воспоминания о моей жизни. Т. II. С. 170.
- 110 *Петрушева Л.* Неизвестный Брусилов // Родина. М., 1993. № 8–9. С. 87.
- 111 *Архиепископ Никон (Рождественский).* «Козни врагов наших сокруши...» Дневники 1910–1917. Минск, 2004. С. 1155–1156.
- 112 «...И даны будут Жене два крыла». Сб. к 50-летию Сергея Фомина. М., 2002. С. 619.
- 113 *Архиепископ Никон (Рождественский).* «Козни врагов наших сокруши...» Дневники 1910–1917. С. 1156.
- 114 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 236.
- 115 Там же. С. 232.

- 116 Россия перед Вторым Пришествием. 3-е изд. Сост. С. и Т. Фомины. Т. I. СПб., 1999. С. 319.
- 117 *Ген. Н. А. Епанчин*. На службе трех Императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 471.
- 118 *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах Русской Императорской Армии. Генерал М. В. Алексеев. С. 513–514.
- 119 *Ген. Н. А. Епанчин*. На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 473.
- 120 Там же. С. 46.
- 121 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 20. СПб. 1996. С. 545.
- 122 *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 194.
- 123 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 487.
- 124 *Оберучев К.* В дни революции. Воспоминания участника великой русской революции 1917-го года. Нью-Йорк, 1919. С. 62.
- 125 *Голиков А. Г.* Генерал А. А. Брусилов: страницы жизни и деятельности // Новая и новейшая история. 1998. № 4.
- 126 *Ген. Н. А. Епанчин*. На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 471.
- 127 Там же. С. 473.
- 128 Там же. С. 472.
- 129 Из воспоминаний ген. А. С. Лукомского // Архив русской революции. Т. II. Берлин, 1921. С. 36.
- 130 *Ген. Н. А. Епанчин*. На службе трех Императоров. Воспоминания. С. 475.
- 131 Там же. С. 474.
- 132 *Голиков А. Г.* Генерал А. А. Брусилов: страницы жизни и деятельности // Новая и новейшая история. 1998. № 4.
- 133 *Пронин В.* Из эпохи великого развала Российской армии (1917 г.). Митинг ген. Брусилова // Военный сборник Общества ревнителей военных знаний. Кн. 1. Белград, 1921. С. 165–166.
- 134 Там же. С. 166–167.
- 135 Подробнее о нем см. в наших комментариях, а также в основном тексте кн.: *Митр. Вениамин (Федченков)*. На рубеже двух эпох. М. 2004. С. 639–640; *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. *Фомин С. В.* «Боролись за власть генералы... лишь Император молился». СПб., 2005. С. 788–789. См. также: *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 481–482, 545–546, 610–612.
- 136 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 545.
- 137 *Пронин В.* Из эпохи великого развала Российской армии (1917 г.). Митинг ген. Брусилова. С. 168.
- 138 Стратегический очерк войны 1914–1918 гг. Ч. 7. М., 1923. С. 83.
- 139 *Деникин А. И.* Путь русского офицера. С. 179.

- 140 *Вожин Дм.* Четыре года смуты. (Март 1917 – март 1921) // Русская летопись. Кн. 1. Париж, 1921. С. 183.
- 141 *Деникин А. И.* Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 440.
- 142 *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. *Фомин С. В.* «Боролись за власть генералы... лишь Император молился». С. 578–590.
- 143 Подробнее об этом см. в кн.: *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. *Фомин С. В.* «Боролись за власть генералы... и лишь Император молился».
- 144 Военная быль. Париж. 1994. № 5 (134). С. 19.
- 145 *Ген.-м. И. К. Кириенко.* От чести и славы 1613 г. к подлости и позору февраля 1917 г. С. 164.
- 146 Обстоятельства гибели генерала Л. Г. Корнилова см. в воспоминаниях единственного бывшего в тот момент в комнате офицера Текинского (Туркменского) полка, адъютанта генерала: *Хаджиев Р. Б., хан Великий Бояр* (Ген. Л. Г. Корнилов). Белград, 1929. С. 368–371, 396.
- 147 Об обстоятельствах и духовном смысле сожжения тела Л. Г. Корнилова см.: *Деникин А. И.* Очерки Русской смуты. Борьба генерала Корнилова август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 1991. С. 299–301; *Хаджиев Р. Б., хан Великий Бояр.* С. 371–375, 394–396; *Фомин С. В.* Как они его жгли // Русский вестник. 2002. № 21–23. Специальный вып. Правда о Г. Е. Распутине. С. 5–6; наши комментарии к кн. *Митр. Вениамин (Федченков).* На рубеже двух эпох. М., 2004. С. 715–716.
- 148 Из воспоминаний ген. А. С. Лукомского // Архив русской революции. Т. II. Берлин, 1921. С. 28.
- 149 Там же. С. 31.
- 150 *Шкуро А. Г.* Записки белого партизана. С. 34.

НА ПЕТРОГРАД!

- 1 *Деникин А. И.* Очерки Русской смуты. Т. 2. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918. М., 1991. С. 25–26.
- 2 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 104–105.
- 3 Там же. С. 108.
- 4 *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. I. Берлин, 1921. С. 104.
- 5 Там же.
- 6 Там же. С. 113.
- 7 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 115.
- 8 *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте. С. 118.

- 9 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 461.
- 10 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 109.
- 11 *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. I. Берлин, 1921. С. 115.
- 12 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 122.
- 13 *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. I. Берлин, 1921. С. 136.
- 14 Там же. С. 136–137.
- 15 Там же. С. 185–186.

«НАШ ХРАБРЫЙ КЕЛЛЕР»

- 1 РГВИА. Ф. 409. Оп. II. Д. 29728. Л. 3, 4.
- 2 Там же. Л. 11. об.
- 3 *Гереш Э.* Александра. Трагедия жизни и смерти последней Русской Царицы. Ростов-на-Дону, 1998. С. 69.
- 4 *Маерова В.* Елизавета Федоровна. Биография. М., 2001. С. 24.
- 5 *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957. С. 106.
- 6 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 173.
- 7 «Считаю тебя, перед Богом и людьми, своей невестой». Генерал Брусилов – Надежде Желиховской // Источник. М., 1994. № 5. С. 14.
- 8 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 36.
- 9 Там же. С. 32.
- 10 Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. СПб., 2003. С. 24–25.
- 11 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 32.
- 12 Там же. С. 34, 35–36.
- 13 Там же. С. 33.
- 14 Там же. С. 34.
- 15 Там же. С. 35.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Кн. 1. С. 26, 27.
- 19 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 35.
- 20 *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 539.
- 21 Там же.
- 22 *Спиридович А. И.* Великая война и февральская революция (1914–1917). С. 95.
- 23 Записки графа Д. Ф. Гейдена (1914–1917 гг.) // Военно-исторический вестник. № 39. Париж, 1971. С. 18.

- 24 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 126.
- 25 *Войков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 124.
- 26 *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. С. 124–126.
- 27 *Байдак Е. Н.* Врожденный талант. Адьютант Его Высокопревосходительства рассказывает. С. 74.
- 28 Там же. С. 78.
- 29 *Берберова Н. Н.* Люди и ложи. Русские масоны ХХ столетия. С. 45.
- 30 *Вел. Кн. Александр Михайлович.* Воспоминания. М. 1999. С. 255–256.
- 31 *Якобий И. П.* Император Николай II и революция. *Фомин С. В.* «Боролись за власть генералы... лишь Император молился». С. 409.
- 32 *Бехтеев С. С.* Грядущее. Стихотворения. СПб., 2002. С. 77, 346–347.
- 33 ГАРФ. Ф. 601. Оп. 2. Е. х. 19. Л. 1–2.
- 34 *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья 1917–1918. С. 271.
- 35 *Ден Ю.* Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Феодоровны. СПб., 1999. С. 203. Во всех изданиях писем Царственных Мучеников из заточения, перевод этого письма неточен.
- 36 Дневники Императрицы Марии Феодоровны. (1914–1920, 1923 годы) С. 265–266.

БРЕМЯ «РАДЫ»

- 1 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. № 19. Париж, 1962. С. 19.
- 2 *Тальберг Н. Д.* Рыцари монархии. С. 20.
- 3 *Мглинский.* Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 1.
- 4 *Тальберг Н. Д.* Государевы воины // Высший монархический совет. Еженедельник. № 112. Берлин, 1923. 24 декабря. С. 2.
- 5 *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 85.
- 6 Там же.
- 7 *Платонов О. А.* Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы. Т. II. С. 303–304.
- 8 Там же. С. 313.
- 9 *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 86.
- 10 *Козлов Н.* Цареубийство М., 2005. С. 56–57.
- 11 *Кочубей В.* Генерал Павел Петрович Скоропадский. Из личных воспоминаний // Военная быль. Париж. 1969. № 96. С. 7; *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский // Вопросы истории. 1997. № 9. С. 65.
- 12 *Прот. Кирилл Фотиев.* Попытки Украинской Церковной автокефалии в ХХ в. // Православная Церковь на Украине и в Польше в ХХ столетии 1917–1950 гг. Сборник. М., 1997. С. 13.

- 13 *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 86.
- 14 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.). Воспоминания. М., 1995. С. 43.
- 15 *Митр. Евлогий.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 266.
- 16 Там же. С. 284–285.
- 17 Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 203.
- 18 *Митр. Евлогий.* Путь моей жизни. С. 296.
- 19 Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 231.
- 20 *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. Нью-Йорк, 1966. С. 191.
- 21 *Митр. Евлогий.* Путь моей жизни. С. 285–286.
- 22 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 95.
- 23 *Кн. Е. Трубецкой.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 234.
- 24 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. Минск, 2002. С. 49.
- 25 *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 82.
- 26 *Плешко Н.* Из прошлого провинциального интеллигента // Архив русской революции. Т. IX. Берлин, 1923. С. 207.
- 27 Там же.
- 28 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 178.
- 29 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 514.
- 30 *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 82.
- 31 Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 304.
- 32 *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 82, 83.
- 33 Там же. С. 83.
- 34 *Кн. Е. Трубецкой.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. Томск, 2000. С. 233.
- 35 Россия и Украина. Из дневников Н. М. Могилянского и писем к нему П. П. Скоропадского 1919–1926. Публ. А. Сергеева // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 14. М.-СПб., 1993. С. 260.
- 36 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 51.
- 37 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 178–179.

- 38 *Островский А. В.* Октябрьская революция: случайность? исторический зигзаг? закономерность? // Из глубины времен. Вып. 2. СПб., 1993. С. 149.
- 39 Там же.
- 40 Там же. С. 150.
- 41 Там же. С. 151.
- 42 *Кожин В. В.* Век XX-й (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. М., 1999. С. 237–238.
- 43 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 123, 124.
- 44 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 49.
- 45 *Кожин В. В.* Век XX-й (1901–1939). История страны от 1901 года до «загадочного» 1937 года. С. 239.
- 46 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 179.
- 47 *Могиланский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 89.
- 48 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 68.
- 49 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 51.
- 50 *Маляревский А.* На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время // Архив гражданской войны. Вып. 2. Берлин, 1922. С. 142.
- 51 Там же. С. 109, 117.
- 52 *Могиланский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 89.
- 53 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 57.
- 54 *Могиланский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 91.

ГЕТМАНШАФТ

- 1 Там же. С. 89–90.
- 2 Там же. С. 92.
- 3 Россия и Украина. Из дневников Н. М. Могиланского и писем к нему П. П. Скоропадского 1919–1926. Публ. А. Сергеева // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 14. М.-СПб., 1993. С. 257.
- 4 История кавалергардов, 1724–1899. Т. I. СПб., 1899. С. 128.
- 5 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 64.
- 6 *Маляревский А.* На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время. С. 108.
- 7 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 65.

- 8 *Кочубей В.* Генерал Павел Петрович Скоропадский. Из личных воспоминаний // Военная быль. Париж. 1969. № 95. С. 18, 20, 21, 24.
- 9 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 52, 59–60.
- 10 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 17. М.-СПб., 1995. С. 19.
- 11 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 61–62.
- 12 *Скоропадский П.* Спогади. Киев. 1993. С. 144–145.
- 13 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 36.
- 14 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия» // Архив русской революции. Т. VIII. Берлин, 1923. С. 175.
- 15 Россия и Украина. Из дневников Н. М. Могилянского и писем к нему П. П. Скоропадского 1919–1926. Публ. А. Сергеева // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 14. М.-СПб., 1993. С. 257, 258.
- 16 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 38.
- 17 Там же. С. 36.
- 18 Там же. С. 75.
- 19 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 174.
- 20 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 23.
- 21 Там же. С. 75.
- 22 Там же. С. 36.
- 23 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 30.
- 24 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин. 1922. С. 180–181.
- 25 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 58–59.
- 26 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 237.
- 27 Дневники Императрицы Марии Феодоровны. (1914–1920, 1923 годы). С. 243.
- 28 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 22.
- 29 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 76.
- 30 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 127.
- 31 *Маляревский А.* На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время. С. 109.
- 32 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 133.
- 33 Российский архив. Т. VIII. С. 269.
- 34 Там же.
- 35 *Мосолов А. А.* При Дворе последнего Императора. СПб., 1992. С. 245.
- 36 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 129.
- 37 Российский архив. Т. VIII. С. 303.
- 38 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 182; *Мельгунов С. П.* Судьба Императора Нико-

- лая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж, 1951. С. 613–614; *Мосолов А. А.* При Дворе последнего Императора. С. 245–246; Российский архив. Т. VIII. М., 1998. С. 352.
- 39 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 130.
- 40 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 200–201.
- 41 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 548.
- 42 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 68.
- 43 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 48.
- 44 *Мглинский.* Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград. 1924. № 21. 12/25 февраля. С. 2.
- 45 Там же. С. 1.
- 46 См.: Дневники Императрицы Марии Феодоровны (1914–1920, 1923 годы). М., 2005.
- 47 *Мосолов А. А.* При Дворе последнего Императора. С. 245–246.
- 48 Российский архив. Т. VIII. С. 268–271.
- 49 Там же. С. 296–297.
- 50 *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья 1917–1918. С. 433. См. также: *Тальберг Н. Д.* Рыцари монархии. С. 21.
- 51 *Тальберг Н. Д.* Рыцари монархии. С. 20.
- 52 *Мельгунов С. П.* Судьба Императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. С. 257.
- 53 *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья 1917–1918. С. 246.
- 54 Там же. С. 454–455.
- 55 *Тальберг Н. Д.* Государевы воины // Высший монархический совет. Еженедельник. № 112. Берлин, 1923. 24 декабря. С. 2.
- 56 Дневники Императрицы Марии Феодоровны. (1914–1920, 1923 годы). С. 249–250.
- 57 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 41.
- 58 Там же. С. 49.
- 59 Там же. С. 52.
- 60 Там же. С. 53.
- 61 Там же. С. 215–216.
- 62 *Деникин А. И.* Очерки Русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 58.
- 63 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 215.
- 64 *Кравецкий А. Г.* Священный Собор 1917–1918 гг. о расстреле Николая II // Ученые записки Российского Православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 1. М., 1995. С. 107.
- 65 *Мглинский.* Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 1.
- 66 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 359–360.

- 67 *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 95.
- 68 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 121, 125.
- 69 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 99.
- 70 *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 95.
- 71 *Кн. Е. Трубецкой.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 236.
- 72 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 134.
- 73 Там же. С. 127.
- 74 Там же. С. 54–55.
- 75 Там же. С. 108.
- 76 *Маляревский А.* На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время. С. 135.
- 77 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 548.
- 78 *Маляревский А.* На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время. С. 135.
- 79 Там же. С. 133–134.
- 80 *Кн. Е. Трубецкой.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 237.
- 81 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 53.
- 82 *Кн. Е. Трубецкой.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 234.
- 83 *Мглинский.* Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград. 1924. № 21. 12/25 февраля. С. 1.
- 84 *Кн. Е. Трубецкой.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 234.
- 85 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 63.
- 86 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. М. 2005. С. 25.
- 87 *Маляревский А. П.* Скоропадский, гетман всея Украины. Киев. 1918.
- 88 *Маляревский А.* На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время. С. 119, 120.
- 89 *Кириенко И. К.* 1613. От чести и славы к подлости и позору февраля 1917 г. С. 116.
- 90 *Архиепископ Никон (Рклицкий).* Антоний [Храповицкий] и его время 1863–1936. Кн. 2. Нижний Новгород, 2004. С. 632.
- 91 Антикано́нічна анафе́ма на гетьмана Мазепу // Матеріали інтернету.
- 92 *Схимонах Епифаний (Чернов).* Жизнь Святителя. Феофан, архиепископ Полтавский и Переяславский. Гл. XV. С. 40 // Матеріали інтернету.
- 93 *Свящ. Павел Флоренский.* Философия культа. (Опыт православной антропологии). С. 293–293.

- 94 *Архиепископ Никон (Рклицкий)*. Антоний [Храповицкий] и его время 1863–1936. Кн. 2. С. 19.
- 95 Там же. С. 25.
- 96 Там же. С. 17.
- 97 Там же. С. 47.
- 98 Возможно ли причисление Царя-Мученика к лику святых // Царский вестник. Белград. № 153. 27.4/10.5.1931. С. 3. Полностью письмо опубликовано в нашей ст.: *Фолин С.* «Царь в саккосе». (К восстановлению Симфонии в России) // Русский вестник. 2003. № 5. С. 12–13.
- 99 *Архиепископ Никон (Рклицкий)*. Антоний [Храповицкий] и его время 1863–1936. Кн. 2. С. 24.
- 100 *Защук Г. В.* «Орден Иуды» // Вопросы истории. М., 1971. № 7. С. 212–215.
- 101 *Мяло К.* Портрет России на фоне Украины // Наш современник. М., 2005. № 5. С. 263.
- 102 Там же.
- 103 *Піддубна О.* Ще раз про «Молитиву за гетьмана Мазепу» // Матеріали Інтернету.
- 104 Антикано́нічна анафема на гетьмана Мазепу // Матеріали інтернету.
- 105 *Мяло К.* Портрет России на фоне Украины. С. 263.
- 106 *Кудржинская Е.* Возвращение из заграники // Киевские ведомости. 2002. № 20. 30 января.
- 107 *Анисимов А. Л.* Скорбное безчувствие. Киев, 1992. С. 108–110.
- 108 *Лехович Д.* Деникин. Жизнь русского офицера. М., 2004. С. 404.
- 109 *Шульгин В. В.* Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 467–468.
- 110 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 167–168.
- 111 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 183.
- 112 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 201.
- 113 Россия и Украина. Из дневников Н. М. Могилянского и писем к нему П. П. Скоропадского 1919–1926. Публ. А. Сергеева // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 14. М.-СПб., 1993. С. 258.
- 114 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 68.
- 115 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 72, 74.
- 116 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 42.
- 117 Там же. С. 81.
- 118 *Воробьев Н.* Дневник подъясаула герцога Н. Н. Лейхтенбергского о поездке Зимовой станицы В.В.Д. к Императору Вильгельму // Родимый край. № 99. Париж, 1972. С. 22.
- 119 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 209.

- 120** В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 46.
- 121** Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 88.
- 122** Там же. С. 154.
- 123** *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 92.
- 124** В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 49.
- 125** Там же. С. 94.
- 126** Там же.

НА ТИХОМ ДОНУ

- 1** *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 193.
- 2** Там же. С. 195.
- 3** Там же. С. 198.
- 4** *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 109.
- 5** *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 168.
- 6** *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. // Донская летопись. Белград. 1924. № 3. С. 165.
- 7** Там же. С. 167.
- 8** Там же. С. 170.
- 9** Там же. С. 172.
- 10** Там же. С. 173.
- 11** Там же. С. 191.
- 12** Там же. С. 193.
- 13** Там же. С. 193–194.
- 14** Там же. С. 209–210.
- 15** Там же. С. 210.
- 16** *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 204.
- 17** Там же. С. 223.
- 18** Там же. С. 222.
- 19** Там же. С. 215.
- 20** *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 109.
- 21** *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 215.
- 22** Там же. С. 245.
- 23** Там же. С. 216.
- 24** *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 100.

- 25 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 530.
 26 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 218–220, 222.
 27 Там же. С. 241.

ПОД ЗНАМЕНОМ РЕСТАВРАЦИИ

- 1 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 166.
 2 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 103.
 3 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 31.
 4 Там же. С. 63.
 5 Там же. С. 87.
 6 Там же. С. 81, 87.
 7 Там же. С. 87.
 8 *Воробьев Н.* Дневник подьесаула герцога Н. Н. Лейхтенбергского о поездке Зимовой станицы В.В.Д. к Императору Вильгельму // Родимый край. № 99. Париж, 1972. С. 22.
 9 Там же.
 10 Там же. С. 24.
 11 Там же. С. 23, 24.
 12 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 206.
 13 Там же. С. 172.
 14 Там же. С. 184.
 15 Там же. С. 174.
 16 Там же. С. 176.
 17 Там же. С. 208.
 18 *Марковчин В.* Три атамана. С. 284–287, 310–311.
 19 Там же. С. 267–268.
 20 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 207–208.
 21 Там же. С. 207.
 22 *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья 1917–1918. С. 448–449.
 23 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 148.
 24 *Марковчин В.* Три атамана. С. 318.
 25 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 208.
 26 Там же. С. 210.
 27 Там же. С. 211.
 28 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 167.
 29 Там же. С. 172.
 30 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 208.

- 31 *Залесский П.* Южная армия. (Краткий исторический очерк) // Донская летопись. № 3. Белград, 1924. С. 237–238.
- 32 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 65.
- 33 Там же. С. 46.
- 34 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 243.
- 35 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 168–169, 171.
- 36 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 212.
- 37 *Залесский П.* Южная армия. С. 257.
- 38 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 15.
- 39 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 171.
- 40 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 209.
- 41 *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья 1917–1918. С. 452.
- 42 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 208.
- 43 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 242.
- 44 Там же. С. 237.
- 45 Там же. С. 242.
- 46 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 210.
- 47 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 219.
- 48 *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах Русской Императорской Армии. Генерал М. В. Алексеев. С. 724.
- 49 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 242.
- 50 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 146.
- 51 Там же. С. 201.
- 52 *Родзянко М. В.* Крушение Империи. Харьков, 1990. С. 200.
- 53 Колчак Александр Васильевич – последние дни жизни. Барнаул, 1991. С. 103.
- 54 Там же. С. 105.
- 55 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 174–175.
- 56 *Тальберг Н. Д.* Государевы воины // Высший монархический совет. Еженедельник. № 112. Берлин, 1923. 24 декабря. С. 2.
- 57 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 183, 184.
- 58 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 178.

- 59 *Топорков С. Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник.* № 19. Париж, 1962. С. 19.
- 60 *Залесский П.* Южная армия. С. 239.
- 61 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 243–244.
- 62 Там же. С. 273, 274.
- 63 Там же. С. 276.
- 64 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // *Архив русской революции.* Т. V. Берлин, 1922. С. 184.
- 65 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 205.
- 66 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 530.
- 67 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 64.
- 68 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 174–175.
- 69 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 64.
- 70 Там же. С. 222.
- 71 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 200.
- 72 Там же. С. 243.
- 73 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 426.
- 74 *Дневники Императрицы Марии Феодоровны.* (1914–1920, 1923 годы). С. 252.
- 75 Там же. С. 255.
- 76 Там же. С. 428. См. также: *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 367–368.
- 77 *Дневник П. Н. Милюкова* 1918–1924. С. 152.
- 78 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 430, 431.
- 79 Там же. С. 431.
- 80 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 181.
- 81 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 214.
- 82 *Залесский П.* Южная армия // *Донская летопись.* № 3. Белград, 1924. С. 239.
- 83 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 215.
- 84 Там же. С. 219.
- 85 *Дневник П. Н. Милюкова* 1918–1924. С. 185.
- 86 *Кириенко И. К.* 1613. От чести и славы к подлости и позору февраля 1917 г. С. 115–116.

СЛЕПЫЕ ВОЖДИ СЛЕПЫХ

- 1 *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья 1917–1918. С. 237–238, 241–244.
- 2 Там же. С. 449.
- 3 Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа о настоящем моменте // Вестник временного правительства. Пг. 1917. № 5. С. 2.
- 4 Последние новости. № 5712. 13.11.1936. С. 2.
- 5 Новое русское слово. Нью-Йорк, 1949. 20 ноября. Статья В. Ф. Бутенко.
- 6 *Севский В.* Генерал Корнилов. Издание Корниловского ударного полка. 1919. С. 73.
- 7 Речь идет о «Марше Корниловского полка» (1918), слова прапорщика А. К. Кривошеева, мелодия А. А. Архангельского. Примечательно, что в современном издании слова о Царе стыдливо убраны, словно бы и не было их. См.: Песенник Российского воина 1721–1921. Сост. В. Н. Мантулин. Т. I. Нью-Йорк, 1970. С. 62–63.
- 8 *Ген.-м. И. К. Кириенко.* От чести и славы 1613 г. к подлости и позору февраля 1917 г. С. 165. Со ссылкой на кн.: *Кривошеев А. П.* Песни Корниловца. С. 12.
- 9 *Ген.-м. И. К. Кириенко.* От чести и славы 1613 г. к подлости и позору февраля 1917 г. С. 179.
- 10 Там же. С. 72–85.
- 11 *Ген. Б. Казанович.* Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май–июль 1918 года // Архив русской революции. Т. VII. Берлин, 1922. С. 184.
- 12 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 29.
- 13 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 4.
- 14 *Ген. Б. Казанович.* Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май–июль 1918 года. С. 186.
- 15 Там же. С. 195.
- 16 Там же. С. 191.
- 17 Там же. С. 192.
- 18 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 203.
- 19 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 84.
- 20 Там же. С. 117.
- 21 Там же. С. 167.
- 22 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 384.

- 23 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 166.
- 24 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 3.
- 25 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 550.
- 26 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 44.
- 27 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 142.
- 28 Там же. С. 143.
- 29 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 371–372.
- 30 Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 222–223.
- 31 *Смирнов А. А.* Атаман Краснов. М., 2003. С. 131–132.
- 32 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 197.
- 33 Там же. С. 196.
- 34 Письмо М. Родзянко // Последние новости. № 1025. Париж, 1923. 26 августа. С. 3.
- 35 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 362.
- 36 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 231.
- 37 *Алексеева-Борель В.* Сорок лет в рядах Русской Императорской Армии. Генерал М. В. Алексеев. С. 716.
- 38 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 232.
- 39 Там же. С. 232.
- 40 Там же. С. 235.
- 41 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 385, 387.
- 42 *Краинский Н. В.* Без будущего. Очерки психологии революции и эмиграции. Белград, 1931. С. 40.
- 43 *Винберг Ф.* Крестный путь. Ч. 1. Корни зла. С. 203.
- 44 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 233.
- 45 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 385.
- 46 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 233.
- 47 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 220.

- 48 Там же. С. 221.
- 49 Там же. С. 224.
- 50 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 234–235.
- 51 *Шульгин В. В.* Последний очевидец. Мемуары. Очерки. Сны. М., 2002. С. 487.
- 52 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 235.
- 53 *Ген. Б. Казанович.* Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май–июль 1918 года. С. 201–202.
- 54 Там же. С. 202.
- 55 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 461.
- 56 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 173–174.
- 57 *Залесский П.* Южная армия. С. 239.
- 58 *Кн. Е. Грубецкой.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 240–241.
- 59 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 231.
- 60 Там же. С. 232.
- 61 Там же. С. 235.
- 62 *Архиеп. Иоанн (Максимович).* Письмо г-ну Рейеру об отношении к вождям Белого движения // «Православная Русь». 1991. № 13. С. 11. См. журн. «Пчела», изд. Фонда им. святителя Иоанна (Максимовича). М., 1990. № 6.
- 63 *Архим. Константин (Зайцев).* Чудо Русской истории. Сост. С. Фомин. М., 2000. С. 558.
- 64 Там же. С. 553.

«Я ВНОВЬ ЗОВУ ВАС ЗА СОБОЮ»

- 1 *Мельгунов С. П.* Воспоминания и дневники. С. 326.
- 2 *Гофман М.* Записки и дневники. 1914–1919. Л., 1929. С. 242–243.
- 3 Там же. С. 141.
- 4 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 59.
- 5 Там же. С. 60.
- 6 Там же. С. 60–61.
- 7 Там же. С. 61, 66.
- 8 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 146.
- 9 Там же. С. 712–713.

- 10 Там же. С. 147.
- 11 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 68.
- 12 Там же.
- 13 *В. Г. фон Розенберг*. За кулисами русской контрреволюции // Белая Гвардия. 2003. № 7. С. 96.
- 14 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 70.
- 15 Там же.
- 16 *Зуров Л. Ф.* Формирование Северной армии. С. 17.
- 17 *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. М., 2002. С. 447, 502.
- 18 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 33.
- 19 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 38.
- 20 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 65.
- 21 *Зуров Л. Ф.* Формирование Северной армии // Белая Гвардия. 2003. № 7. С. 17.
- 22 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 63–64.
- 23 Там же. С. 65.
- 24 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 40.
- 25 *Рутыч Н.* Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 150.
- 26 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 71.
- 27 Там же. С. 66.
- 28 Там же. С. 51.
- 29 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 31.
- 30 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 461.
- 31 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 214–215.
- 32 *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья. 1917–1918 гг. С. 455.

- 33 *Рутыч Н.* Белый фронт генерала Юденича. Биографии чинов Северо-Западной армии. С. 151.
- 34 Там же.
- 35 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 76.
- 36 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 32.
- 37 Там же. С. 32.
- 38 *Кручинин А. С.* Христианский рыцарь // Военная быль. М., 1993. № 3 (132). Июль–сентябрь. С. 22–23.
- 39 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. Мемуары. Харбин. 1936. С. 10–11. За предоставление ксерокопии указанной кн. благодарим г-жу Патрисию Полански (Hamilton Library, Honolulu, Hawaii) – за указание ее местонахождения.
- 40 *Тальберг Н. Д.* Государевы воины // Высший монархический совет. Еженедельник. № 112. Берлин, 1923. 24 декабря. С. 2.
- 41 *Е. Б.* Еще раз о Державной иконе Божией Матери // Православная Русь. Джорданвилль, 1967. № 8. С. 9.
- 42 *Архиепископ Нестор.* Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 г. (По личным воспоминаниям). Харбин, 1937. С. 28. За предоставление ксерокопии указанной кн. благодарим г-на Иржи Вачека из Национальной библиотеки Чешской республики в Праге, а также г-жу Патрисию Полански (Hamilton Library, Honolulu, Hawaii) – за указание ее местонахождения.
- 43 Из истории Христианской Церкви на родине и за рубежом в XX столетии. СПб.-М., 1995. С. 26.
- 44 Руль. Берлин. 1923. 17 июля. С. 2. См. также: Руль. Берлин. 1923. 8 июля. С. 3. Здесь было опубликовано интервью с кн. Г. Н. Трубецким, поправки к которому, в виде письма в редакцию Трубецкого, и были напечатаны в «Руле» 17 июля.
- 45 Россия перед Вторым пришествием. Сост. С. и Т. Фомины. Т. 2. С. 219.
- 46 *Сурский И. К.* Отец Иоанн Кронштадтский. М., 1994. С. 184–185.
- 47 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 83.
- 48 Там же. С. 80.
- 49 Там же. С. 81.
- 50 Там же. С. 81–82.
- 51 Там же. С. 82.
- 52 Там же. С. 71.
- 53 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 31.

- 54 Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. С. 503.
- 55 В. Г. фон Розенберг. За кулисами русской контрреволюции. С. 96.
- 56 Цит. По фотографиям документов на вклейке сб.: Белое движение на Северо-Западе России. Белая гвардия. Альманах. № 7. М., 2003. Листовки «Граждане солдаты!» и «За что мы воюем».
- 57 Смирнов А. А. Атаман Краснов. М., 2003. С. 181.
- 58 Иванов Н. И. О событиях под Петроградом в 1919 году // Архив гражданской войны. Вып. 1. Берлин, 1923. С. 102.
- 59 Маргулис М. С. Год интервенции. Кн. 2. Берлин. 1923. С. 266.
- 60 Там же. С. 132.
- 61 Иванов Н. И. О событиях под Петроградом в 1919 году. С. 122.

«ГИБЕЛЬ БОГОВ»

- 1 Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 330.
- 2 Протопресв. Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти. С. 127, 144.
- 3 Амфитеатров-Кадашев В. А. Страницы из дневника. С. 549.
- 4 Там же. С. 523.
- 5 Протопресв. Василий Зеньковский. Пять месяцев у власти. С. 169. См. также на с. 105.
- 6 Скоропадский П. П. «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 94.
- 7 Дневник П. Н. Милокова 1918–1924. С. 160.
- 8 Черячукин А. В. Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 171.
- 9 Там же. С. 170.
- 10 Амфитеатров-Кадашев В. А. Страницы из дневника. С. 548.
- 11 Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 333–334.
- 12 Там же. С. 331.
- 13 Краснов П. Н. Всевеликое Войско Донское. С. 265.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Булгаков М. А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Романы. М., 1978. С. 67.
- 17 Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 557–559.
- 18 Лодендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М.-Минск, 2005. С. 739.
- 19 Там же. С. 752.
- 20 Там же. С. 753.

- 21 Там же.
- 22 Там же. С. 760.
- 23 Там же. С. 775.
- 24 Вильгельм II. События и люди 1878–1918. Минск, 2003. С. 195.
- 25 *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. С. 788.
- 26 Вильгельм II. События и люди 1878–1918. С. 197.
- 27 Там же. С. 203.
- 28 Там же. С. 200.
- 29 Там же. С. 201.
- 30 *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. С. 788–792.
- 31 Вильгельм II. События и люди 1878–1918. С. 216.
- 32 Там же. С. 217.
- 33 *Кислов А. К.* Белый дом и сионистское лобби // Вопросы истории. М., 1973. № 1. С. 49–50; Краткая еврейская энциклопедия. Т. 1. Иерусалим. 1976. Стб. 527–528.
- 34 *Игумен Серафим (Кузнецов).* Православный Царь-Мученик. С. 192.
- 35 Там же.
- 36 *Карпец В. И.* Живые мертвые // Правая гу.
- 37 *Марков Н. Е.* Войны темных сил. М., 2002. С. 169.
- 38 Там же.
- 39 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 264.
- 40 *Смирнов А.* Атаман Краснов. М., 2003. С. 155.
- 41 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 265.
- 42 *Кн. Е. Трубецкой.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 234.
- 43 *Акунов В. В.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. М., 2004. С. 12.

ГЕТМАН И ЕГО АРМИЯ

- 1 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 130–131.
- 2 Там же. С. 131.
- 3 Там же. С. 155.
- 4 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Белое движение и борьба Добровольческой армии. Май–октябрь 1918. С. 63.
- 5 Из воспоминаний ген. А. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин. 1922. С. 181.
- 6 Воспоминания кн. Т. Г. Куракиной (урожд. баронессы Врангель) // Русская летопись. Кн. 5. Париж, 1923. С. 181.
- 7 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 526.
- 8 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!». Из воспоминаний. С. 24.
- 9 *Дружинин.* Последние дни Гетманской власти // Донская волна. Ростов-на-Дону. № 7 (35). С. 11.
- 10 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 164.

- 11 *Кочубей В.* Генерал Павел Петрович Скоропадский. Из личных воспоминаний // Военная быль. Париж. 1969. № 95. С. 20–24.
- 12 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 236–237.
- 13 *Кочубей В.* Генерал Павел Петрович Скоропадский. Из личных воспоминаний // Военная быль. Париж. 1969. № 96. С. 9.
- 14 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 344–345.
- 15 *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин. 1923. С. 103.
- 16 *Марков С. В.* Покинутая Царская Семья. 1917–1918. С. 449–450.
- 17 *Смирнов А. А.* Атаман Краснов. М., 2003. С. 179–180.

СМЕНА ДЕКОРАЦИЙ

- 1 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 3–4.
- 2 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 525.
- 3 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 96.
- 4 *Булгаков М. А.* Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Романы. М., 1978. С. 63.
- 5 *Мглинский.* Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 21. 12/25 февраля. С. 1.
- 6 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. Воспоминания последнего Дворцового коменданта Государя Императора Николая II. С. 363–364.
- 7 *Пантюхов И. И.* Значение антропологических типов в Русской истории. С. 351.
- 8 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 168.
- 9 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 543.
- 10 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.) // Архив русской революции. Т. II. Берлин, 1921. С. 59.
- 11 *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. I. Нью-Йорк, 1981. С. 31.
- 12 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 167.
- 13 *Хитрово В.* Киевская эпопея 1918 года // Военно-исторический вестник. № 31. Париж, 1968. С. 14.
- 14 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.). С. 60.
- 15 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 348.
- 16 Там же. С. 348–349.
- 17 *Дружинин.* Последние дни Гетманской власти. С. 10

- 18 *Киселевский В. В.* Последний бой Най-Турса. Отрывок из воспоминаний // Русская мысль. № 4392. Париж, 2002. 17 января.
- 19 *Лейхтенбергский (Князь Романовский) Г. Н.* Воспоминания об Украине, 1917–1918. Авториз. пер. с фр. Берлин. «Детинец». 1921. С. 40.
- 20 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 101.
- 21 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 194.
- 22 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 102.
- 23 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 193.
- 24 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 103.
- 25 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 201.
- 26 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 348.
- 27 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 103.
- 28 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 205.
- 29 *Маляревский А.* На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время. С. 136, 137.
- 30 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 213, 214.
- 31 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 147–148.
- 32 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 213, 214.
- 33 Там же. С. 222.
- 34 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 349.
- 35 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 128.
- 36 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 17.
- 37 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 351–352.
- 38 Воспоминания кн. Т. Г. Куракиной (урожд. баронессы Врангель). С. 183.
- 39 *Кн. Е. Трубецкой.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 270.
- 40 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.) // Архив русской революции. Т. II. Берлин, 1921. С. 61.
- 41 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 452.
- 42 Там же. С. 363.
- 43 Там же. 457.
- 44 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 365–366.
- 45 *Дружинин.* Последние дни Гетманской власти. С. 10.
- 46 Там же. С. 455.

- 47 *Кн. Е. Трубецкой*. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 267.
- 48 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 12.
- 49 *Кн. Е. Трубецкой*. Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 267.
- 50 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 551.
- 51 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 247.
- 52 *Булгаков М. А.* Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Романы. С. 17.
- 53 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.) // Архив русской революции. Т. II. Берлин, 1921. С. 61.
- 54 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. С. 11.
- 55 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 357–358. Ср.: *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 366.
- 56 *Лейхтенбергский (Князь Романовский) Г. Н.* Воспоминания об Украине, 1917–1918. С. 41.
- 57 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 32.
- 58 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 98.
- 59 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 206.
- 60 Там же. С. 194.
- 61 Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 237.
- 62 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 97–98.
- 63 *Дружинин*. Последние дни Гетманской власти. С. 10, 11.
- 64 *Кручинин А. С.* Христианский рыцарь. С. 24.
- 65 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. С. 12–13.
- 66 *Дружинин*. Последние дни Гетманской власти. С. 11.
- 67 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 358.
- 68 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 361–363.
- 69 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 360.
- 70 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 47–48.
- 71 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 367–368.
- 72 *Хитрово В.* Киевская эпопея 1918 года. С. 15, 17.
- 73 Там же. С. 17.
- 74 *Дружинин*. Последние дни Гетманской власти. С. 11.

- 75 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.) // Архив русской революции. Т. II. Берлин, 1921. С. 66.
- 76 *Хитрово В.* Киевская эпопея 1918 года. С. 16–17.
- 77 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.). С. 67.
- 78 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 216.
- 79 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 553.

КОГДА ПАНЫ ДЕРУТСЯ

- 1 *Тинченко Я.* Белая Гвардия Михаила Булгакова. Киев–Львов, 1997. С. 151–152.
- 2 *Мглинский.* Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 1–2.
- 3 *Кн. Е. Трубецкой.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 238.
- 4 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 218.
- 5 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 523. О приемах гетманом Винниченки в конце сентября (ст. ст.) свидетельствовал также и П. Н. Милюков: Дневник П. Н. Милюкова 1918–1924. С. 160, 194.
- 6 *Кн. Е. Трубецкой.* Из прошлого. Воспоминания. Из путевых заметок беженца. С. 238.
- 7 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 75.
- 8 Россия и Украина. Из дневников Н. М. Могилянского и писем к нему П. П. Скоропадского 1919–1926. Публ. А. Сергеева // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 14. М.-СПб., 1993. С. 253.
- 9 «...Мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов». Февральская революция 1917 г. в семейной переписке П. П. Скоропадского // Исторический архив. 2002. № 4. С. 83.
- 10 Там же // Исторический архив. 2002. № 5. С. 136.
- 11 Там же. С. 141–143.
- 12 Там же. С. 144.
- 13 Россия и Украина. Из дневников Н. М. Могилянского и писем к нему П. П. Скоропадского 1919–1926. Публ. А. Сергеева // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 14. М.-СПб., 1993. С. 257.
- 14 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 65; «...Мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов». Февральская революция 1917 г. в семейной переписке П. П. Скоропадского // Исторический архив. 2002. № 4. С. 72.
- 15 *Скоропадский П. П.* «Украина будет!..» Из воспоминаний. С. 42.

- 16 Россия и Украина. Из дневников Н. М. Могилянского и писем к нему П. П. Скоропадского 1919–1926. Публ. А. Сергеева // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 14. М.-СПб., 1993. С. 264.
- 17 Россия и Украина. Из дневников Н. М. Могилянского и писем к нему П. П. Скоропадского 1919–1926. Публ. А. Сергеева // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 14. М.-СПб., 1993. С. 268.
- 18 «...Мы пойдем по пути всевозможных социальных экспериментов». Февральская революция 1917 г. в семейной переписке П. П. Скоропадского // Исторический архив. 2002. № 5. С. 146.
- 19 Там же. С. 149.
- 20 *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. М. 2001. С. 751. О масонстве П. П. Скоропадского см.: *Кочубей Н.* Справі принадлежности и П. Скоропадського до масонської ложі // Збірник Хліборобської України. 1933. Т. 2.
- 21 *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. С. 523.
- 22 Там же. С. 637.
- 23 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 67.
- 24 *Платонов О. А.* Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы. Т. II. С. 231–232.
- 25 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 67.
- 26 Там же.
- 27 *Маляревский А.* На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время. С. 137.
- 28 *Платонов О. А.* Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы. Т. II. С. 413. «Список русских масонов на 1 января 1932 года» Н. Ф. Степанова (Н. Свиткова).
- 29 *Серков А. И.* Русское масонство 1731–2000. Энциклопедический словарь. С. 523.
- 30 *Платонов О. А.* Терновый венец России. Тайная история масонства. Документы и материалы. Т. II. С. 229.
- 31 Там же. С. 416.
- 32 *Степанов Н. Ф. (Н. Свитков).* Масонство в русской эмиграции (к 1 января 1932 г.). 3-е изд. Сан-Пауло. С. 41.
- 33 *Толстой Л. Н.* Собр. соч. в 22 томах. Т. 6. М., 1980. С. 10.
- 34 *Маляревский А.* На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время. С. 139.
- 35 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 215.
- 36 *Лейхтенбергский (Князь Романовский) Г. Н.* Воспоминания об Украине, 1917–1918. С. 41.
- 37 Дневник П. Н. Милокова 1918–1924. С. 271.
- 38 *Герцог Г. Лейхтенбергский.* Как началась «Южная Армия». С. 178.
- 39 *Тальберг Н. Д.* Рыцари монархии. С. 20.

- 40 *Мглинский*. Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 2.
- 41 *Топорков С. Граф Ф. А. Келлер*. (Материалы к его биографии) // Военно-исторический вестник. № 19. Париж, 1962. С. 19.
- 42 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 358–359.
- 43 *Кручинин А. С.* Христианский рыцарь. С. 23.

ГРАД ОБРЕЧЕННЫЙ

- 1 *Дружинин*. Последние дни Гетманской власти. С. 11–12.
- 2 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 360.
- 3 Там же. С. 361.
- 4 *Дневник П. Н. Милокова 1918–1924*. С. 271.
- 5 Там же. С. 364.
- 6 Там же. С. 365.
- 7 *Дружинин*. Последние дни Гетманской власти. С. 11.
- 8 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 355.
- 9 Там же. С. 11.
- 10 *Дружинин*. Последние дни Гетманской власти. С. 12.
- 11 *Хитрово В.* Киевская эпопея 1918 года. С. 17.
- 12 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 365.
- 13 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.). С. 70.
- 14 *Деникин А. И.* Очерки Русской Смуты. Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 – январь 1919. С. 365.
- 15 Там же. С. 457.
- 16 Там же. С. 458.
- 17 *Дружинин*. Последние дни Гетманской власти. С. 12.
- 18 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. С. 13–15.
- 19 *Тальберг Н. Д.* Рыцари монархии. С. 20.
- 20 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 463.
- 21 Там же. С. 463–465.
- 22 *Дружинин*. Последние дни Гетманской власти. С. 12.
- 23 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 231.

- 24 *Маляревский А.* На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время. С. 140.
- 25 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 75.
- 26 Там же.
- 27 *Дружинин.* Последние дни Гетманской власти. С. 12.
- 28 *Лейхтенбергский (Князь Романовский) Г. Н.* Воспоминания об Украине, 1917–1918. С. 45.
- 29 *Фомин С. В.* Н. Д. Тальберг: попытка воцерковления истории России // *Тальберг Н. Д.* Русская быль. Очерки истории Императорской России. М., 2000. С. 12.
- 30 *Тальберг Н. Д.* Государевы воины // Высший монархический совет. Еженедельник. № 112. Берлин, 1923. 24 декабря. С. 2.
- 31 *Киселевский В. В.* Последний бой Най-Турса. Отрывок из воспоминаний // Русская мысль. № 4392. Париж, 2002. 17 января.
- 32 *Могиланский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 104.
- 33 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.). С. 76.
- 34 Дневники Императрицы Марии Феодоровны. (1914–1920, 1923 годы). С. 313.
- 35 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 214.
- 36 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.). С. 74–75.
- 37 *Плешко Н.* Из прошлого провинциального интеллигента // Архив русской революции. Т. IX. Берлин, 1923. С. 217–218.
- 38 *Хитрово В.* Киевская эпопея 1918 года. С. 18.
- 39 *Тальберг Н. Д.* Государевы воины. С. 2.
- 40 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.). С. 76.
- 41 *Дружинин.* Последние дни Гетманской власти. С. 12.
- 42 *Плешко Н.* Из прошлого провинциального интеллигента. С. 218.
- 43 *Дружинин.* Последние дни Гетманской власти. С. 12.
- 44 *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 годы. М., 2002. С. 23.
- 45 *Войков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 371.
- 46 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 465–468.

БОЙ В СУМЕРКАХ

- 1 *Мглинский.* Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 2.
- 2 *Архиепископ Нестор.* Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 г. С. 29–30.
- 3 *Дружинин.* Последние дни Гетманской власти. С. 12.

- 4 *Мглинский*. Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 2.
- 5 *Уткин А.* Луцкий прорыв Брусилова // Версия. Еженедельная газета. № 33. М., 2003. Интернет-версия.
- 6 *Мглинский*. Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 2.
- 7 *Булгаков М. А.* Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Романы. С. 159.
- 8 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 468–469.
- 9 *Киселевский В. В.* Последний бой Най-Турса. Отрывок из воспоминаний // Русская мысль. № 4393. Париж, 2002. 24 января.
- 10 *Гинченко Я.* Белая Гвардия Михаила Булгакова. С. 154.
- 11 *Кислицын В. А.* В огне гражданской войны. С. 16–17.
- 12 *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. II. Нью-Йорк, 1984. С. 69.
- 13 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.). С. 78.
- 14 *Плешко Н.* Из прошлого провинциального интеллигента. С. 218.
- 15 *Архиепископ Нестор.* Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 г. С. 26–27.
- 16 *Фомин С. В.* Апостол Камчатки. Митрополит Нестор (Анисимов). М., 2004. С. 23.
- 17 *Архиепископ Нестор.* Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 г. С. 27.
- 18 *Краснов П. Н.* Всевеликое Войско Донское. С. 268.
- 19 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 374.
- 20 Из воспоминаний ген. А. С. Лукомского // Архив русской революции. Т. II. Берлин. 1921. С. 36.
- 21 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 222.
- 22 Воспоминания кн. Т. Г. Куракиной (урожд. баронессы Врангель). С. 184.

ПОД ПОКРОВОМ АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА

- 1 *Мглинский*. Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 2.
- 2 *Нелидов Н.* Гибель русского патриота. Из личных воспоминаний // Возрождение. Париж, 1926. 21 декабря. С. 2.
- 3 *Архиепископ Нестор.* Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 г. С. 30.
- 4 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 469–470.

- 5 *Митр. Евлогий*. Путь моей жизни. С. 291.
- 6 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 462.
- 7 *Мглинский*. Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 2.
- 8 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 372.
- 9 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 470.
- 10 *Нелидов Н.* Гибель русского патриота.
- 11 *Маннергейм К. Г.* Мемуары. С. 73.
- 12 *Вирмавирта Я.* Карл Густав Эмиль Маннергейм. С. 59.
- 13 *Архиепископ Нестор*. Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 г. С. 30–31.
- 14 *Нелидов Н.* Гибель русского патриота.
- 15 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 372.
- 16 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 470–473.
- 17 *Архиепископ Нестор*. Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 г. С. 31–32.
- 18 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 473.
- 19 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 223; Российская еврейская энциклопедия. Т. 3. М., 2000. С. 124.
- 20 *Митр. Евлогий*. Путь моей жизни. С. 320–321; Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 236.
- 21 *Амфитеатров-Кадашев В. А.* Страницы из дневника. С. 547.
- 22 Российская еврейская энциклопедия. Т. 2. М., 1995. С. 452.
- 23 *Булгаков М. А.* Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Романы. С. 225–232.

СМЕРТЬ У СВЯТОЙ СОФИИ

- 1 *Мглинский*. Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 2.
- 2 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 372.
- 3 Воспоминания генерала барона Врангеля. Ч. 1. С. 166–167.
- 4 Воспоминания кн. Т. Г. Куракиной (урожд. баронессы Врангель). С. 184.

- 5 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 223.
- 6 *Киселевский В. В.* Последний бой Най-Турса. Отрывок из воспоминаний // Русская мысль. № 4393. Париж, 2002. 24 января.
- 7 *Дружинин.* Последние дни Гетманской власти. С. 12.
- 8 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. С. 18.
- 9 Дневники Императрицы Марии Феодоровны. (1914–1920, 1923 годы). С. 284.
- 10 Там же. С. 295–296.
- 11 *Тинченко Я.* Белая Гвардия Михаила Булгакова. С. 157.
- 12 *Нелидов Н.* Гибель русского патриота.
- 13 *Воейков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 372–373.
- 14 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 76.
- 15 *Тинченко Я.* Последний защитник Монархии // Киевские ведомости. 2002. № 41. 23 февраля.
- 16 *Кручинин А. С.* Христианский рыцарь. С. 25.
- 17 Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 207–208.
- 18 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. С. 18.
- 19 *Булгаков М. А.* Повести. Рассказы. Фельетоны. М., 1988. С. 79.
- 20 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. С. 18.

ВЕРНЫЕ ДО ГРОБА

- 1 *Тальберг Н. Д.* Рыцари монархии. С. 21.
- 2 *Тальберг Н. Д.* Государевы воины // Высший монархический совет. Еженедельник. № 112. Берлин, 1923. 24 декабря; *он же.* Рыцари монархии // Двуглавый Орел. Вып. 2. Париж. 1926. 24 декабря; *он же.* Герои долга // Двуглавый Орел. Вып. 23. Париж, 1928.
- 3 *Иванов А.* Рыцари Самодержавия. Памяти кавалергардов-монархистов отца и сына Пантелеевых // Русская линия.
- 4 *Тальберг Н. Д.* Рыцари монархии. С. 21.
- 5 Там же.
- 6 *Тальберг Н. Д.* Государевы воины. С. 2.
- 7 *Тальберг Н. Д.* Рыцари монархии. С. 21.
- 8 Дневники Императрицы Марии Феодоровны. (1914–1920, 1923 годы). С. 253.
- 9 Там же. С. 259.
- 10 Там же. С. 287.
- 11 *Мглинский.* Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 2.

ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

- 1 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 223–224.
- 2 *Кручинин А. С.* Христианский рыцарь. С. 25.
- 3 *Войков В. Н.* С Царем и без Царя. С. 373.
- 4 *Тальберг Н. Д.* Рыцари монархии. С. 20.
- 5 *Мглинский.* Грехи русской интеллигенции // Старое время. Белград, 1924. № 23. 26 февраля/10 марта. С. 2.
- 6 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 224.
- 7 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. С. 18.
- 8 *Старый Кирибей.* Клеветникам Царской Семьи // Владимирский вестник. № 72. Сан-Паулу, 1958. Январь. С. 22.
- 9 См. о ней в кн.: Неизвестный Нилус. Сост. Р. Багдасаров и С. Фомин. Т. 2. М., 1995. С. С. 356–381.
- 10 *Архиепископ Нестор.* Смута в Киеве и мученичество митрополита Владимира в 1918 г. С. 33.
- 11 Там же. С. 32–33.
- 12 *Черячукин А. В.* Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. С. 224.

ЭПИЛОГ

ИЗ КИЕВСКОЙ ЭПОПЕИ

- 1 *Маляревский А.* На переэкзаменовке. П. П. Скоропадский и его время. С. 142.
- 2 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.). С. 82.
- 3 Там же. С. 83.
- 4 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. С. 20.
- 5 *Гуль Р.* Я унес Россию. Т. I. Нью-Йорк, 1981. С. 35.
- 6 *Гуль Р.* Киевская эпопея (ноябрь–декабрь 1918 г.). С. 84.
- 7 Там же. С. 86.
- 8 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. С. 20.
- 9 *Булгаков М. А.* Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Романы. С. 254.
- 10 *Плешко Н.* Из прошлого провинциального интеллигента. С. 218.
- 11 *Могилянский Н. М.* Трагедия Украины. (Из пережитого в Киеве в 1918 году) // Архив русской революции. Т. XI. Берлин, 1923. С. 104..
- 12 *Булгаков М. А.* Повести. Рассказы. Фельетоны. С. 190.
- 13 *Булгаков М. А.* Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Романы. С. 263, 270.

- 14 *Плешко Н.* Из прошлого провинциального интеллигента. С. 219.
- 15 Воспоминания кн. Т. Г. Куракиной (урожд. баронессы Врангель). С. 186.
- 16 *Плешко Н.* Из прошлого провинциального интеллигента. С. 219.
- 17 Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола. М., 1998. С. 224–225.
- 18 *Булгаков М. А.* Повести. Рассказы. Фельетоны. С. 78.

ПОХОД НА ВЕРСАЛЬ

- 1 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. Харбин. 1936. С. 23.
- 2 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 436.
- 3 Там же.
- 4 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 15.
- 5 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 48.
- 6 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 15.
- 7 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 51.
- 8 Там же. С. 51.
- 9 Там же. С. 82.
- 10 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 23–24.
- 11 *Кислицин В. А.* В огне гражданской войны. С. 22.
- 12 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 16.
- 13 *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. С. 471.
- 14 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 10. В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 52.
- 15 *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. С. 203.
- 16 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 52.
- 17 Там же. С. 53.

- 18 Там же. С. 456.
- 19 *Акунов В. В.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. С. 90, 123.
- 20 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 125.
- 21 Там же. С. 456–457.
- 22 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 16.
- 23 *Акунов В. В.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. С. 123–124.
- 24 *Акунов В. В.* Рыцари Белого Креста // Белая Гвардия. 2003. № 7. С. 112.
- 25 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 19.
- 26 Там же. С. 21.
- 27 *Граф Г. К.* На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. СПб., 2004. С. 559.
- 28 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова... С. 37.
- 29 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 20.
- 30 *Акунов В. В.* Германские добровольческие корпуса в составе Западной Добровольческой Армии // Наследие предков. 2001. № 4–5 (15). С. 26–36; *его же.* Рыцари Белого Креста // Белая Гвардия. 2003. № 7. С. 102–113; *его же.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. М., «ОГНИ». 2004; *его же.* Фрайкоры. Повесть о германских добровольцах. М., «Рейтаръ». 2004; *его же.* Германские белогвардейцы // Доброволец. Северо-Запад в Белой борьбе. Приложение. 2004. № 2. С. 24–71; *его же.* Почти забытая война (серия очерков) // Там же. С. 72–115.
- 31 *Носке Г.* Записки о германской революции // Вильгельм II. События и люди 1878–1918. С. 425, 426.
- 32 *Акунов В. В.* Почти забытая война (серия очерков) // Доброволец. Северо-Запад в Белой борьбе. Приложение. 2004. № 2. С. 76–83.
- 33 *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. С. 148.
- 34 Там же. С. 472.
- 35 *Акунов В. В.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. С. 124.
- 36 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 16.
- 37 *Акунов В. В.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. С. 90, 123.

- 38 Международные отношения. 1870–1918 гг. Сб. документов. М., 1940. С. 390.
- 39 *Акунов В. В.* Германские белогвардейцы // Доброволец. Северо-Запад в Белой борьбе. Приложение. 2004. № 2. С. 56.
- 40 *Носке Г.* Записки о германской революции. С. 427.
- 41 Там же. С. 431.
- 42 *Акунов В. В.* Германские добровольческие корпуса в составе Западной Добровольческой Армии. С. 30.
- 43 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 14.
- 44 То же // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 5.
- 45 *Акунов В. В.* Германские добровольческие корпуса в составе Западной Добровольческой Армии // Наследие предков. 2001. № 4–5 (15). С. 30.
- 46 Там же. С. 32.
- 47 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 22.
- 48 То же // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 21.
- 49 Там же. С. 23.
- 50 *Акунов В. В.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. С. 13.
- 51 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 19.
- 52 *Акунов В. В.* Почти забытая война (серия очерков) // Доброволец. Северо-Запад в Белой борьбе. Приложение. 2004. № 2. С. 85.
- 53 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 3.
- 54 То же // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 3.
- 55 Там же. С. 4.
- 56 То же // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 16.
- 57 Там же. С. 17.
- 58 То же // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 15.
- 59 Там же. С. 13–14.
- 60 Там же. С. 17.
- 61 *Акунов В. В.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. С. 129.
- 62 В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора кн. П. Авалова, б. командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. С. 76.
- 63 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 24.
- 64 То же // Вопросы истории. 2003. № 1. С. 22.
- 65 То же // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 15.
- 66 То же // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 5.

- 67 То же // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 11.
- 68 То же // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 7.
- 69 То же // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 7.
- 70 То же // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 9.
- 71 То же // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 4.
- 72 Там же. С. 27, 29.
- 73 Там же. С. 18.
- 74 То же // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 20.
- 75 Там же. С. 19.
- 76 То же // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 17.
- 77 Там же. С. 17–18.
- 78 То же // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 14.
- 79 *Акунов В. В.* Рыцари Белого Креста. С. 113.
- 80 Белая Гвардия. 2003. № 7. С. 128.
- 81 *Акунов В. В.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. С. 140. Со ссылкой на: Двуглавый Орел. Берлин. 1921 15 мая.
- 82 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 2. С. 24.
- 83 То же // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 6.
- 84 Там же. С. 7.
- 85 Там же. С. 15.
- 86 Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917–1920 гг. М., 1988. С. 224–225.
- 87 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 3.
- 88 То же // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 12.
- 89 *Акунов В. В.* Германские добровольческие корпуса в составе Западной Добровольческой Армии. С. 33.
- 90 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 12.
- 91 То же // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 15.
- 92 Там же. С. 12.
- 93 То же // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 19.
- 94 Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. I. Кн. 1. М., 1998. С. 93.
- 95 Там же. С. 173, 174.
- 96 Там же. Т. I. Кн. 2. М., 1998. С. 84.
- 97 Там же. С. 409.
- 98 Там же. С. 235.
- 99 Там же. С. 451.
- 100 Там же.
- 101 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 23.

- 102 То же // Вопросы истории. 2003. № 5. С. 13.
 103 Там же. С. 25.
 104 *Акунов В. В.* Фрайкоры. Германские добровольческие отряды в 1918–1923 гг. С. 140. Со ссылкой на: Двуглавый Орел. Берлин, 1921 15 мая.
 105 Полковник П. Р. Бермонт-Авалов. Документы и воспоминания // Вопросы истории. 2003. № 6. С. 21.
 106 *Акунов В. В.* Германские добровольческие корпуса в составе Западной Добровольческой Армии. С. 34.
 107 *Носке Г.* Записки о германской революции. С. 432.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

- 1 *Костырченко Г. В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 56, 69.
 2 *Уткин А.* Луцкий прорыв Брусилова // Версия. Еженедельная газета. № 33. М., 2003. Интернет-версия.
 3 *Трубецкой В. С.* Записки кирасира // Наше наследие. М., 1991. № II. С. 55.
 4 «Он любил свою старую русскую армию». Записки вдовы генерала А. А. Брусилова. С. 33.
 5 *Кн. В. Андроников.* Памяти полковника Ф. В. Винберга // Новое время. № 1752. Белград, 1927. 4 марта. С. 2.
 6 Большевики и русская эмиграция // Источник. 2001. № 6. С. 36.
 7 *Митр. Вениамин (Федченков).* На рубеже двух эпох. Сост. С. В. Фомина. М., 2004. С. 482.
 8 *Паламарчук П. Г.* Свиток. М., 2000. С. 626.
 9 Там же.
 10 Там же.
 11 *Митр. Вениамин (Федченков).* На рубеже двух эпох. С. 483.
 12 Там же.
 13 *Графиня М. Клейнмихель.* Из потонувшего мира. С. 303–304.
 14 *Гинченко Я.* Последний защитник Монархии.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ РЫЦАРЯ НАЙ-ТУРСА

- 1 *Булгаков М. А.* Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Романы. С. 13.
 2 *Булгаков М. А.* Письма. Жизнеописание в документах. М., 1989. С. 95.
 3 *Булгаков М. А.* Повести. Рассказы. Фельетоны. С. 78.
 4 *Сахаров В.* Последний бой Най-Турса // Источник. М., 2003. № 1. С. 32.
 5 *Каганская М.* Москва – Ершалаим – Москва // Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 99.

- 6 Яблоков Е. А. Роман М. Булгакова «Белая гвардия». М., 1997. С. 38.
- 7 Там же. С. 81.
- 8 Соколов Б. В. Кто вы, полковник Най-Турс? // НГ Ex libris. М., 1999. 19 августа. С. 16.
- 9 Иоффе С. Тайнопись в «Собаьем сердце» Булгакова // Новый журнал. Нью-Йорк, 1987. Кн. 11–12. С. 260–274.
- 10 Яблоков Е. А. Роман М. Булгакова «Белая гвардия». С. 98.
- 11 Тинченко Я. Белая Гвардия Михаила Булгакова. С. 143.
- 12 Епанчин Н. А. На службе трех Императоров. С. 295–296, 297.
- 13 Скворцов В. Принцесса Катя Десницкая // Огонек. М., 1986. № 41. С. 30.
- 14 Епанчин Н. А. На службе трех Императоров. С. 296.
- 15 Пажи – рыцари России. С. 206.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Скворцов В. Принцесса Катя Десницкая // Огонек. М., 1986. № 41. С. 29.
- 19 Епанчин Н. А. На службе трех Императоров. С. 297.
- 20 Скворцов В. Принцесса Катя Десницкая // Огонек. М., 1986. № 41. С. 29.
- 21 То же // Огонек. М., 1986. № 42. С. 27.
- 22 То же // Огонек. М., 1986. № 41. С. 29.
- 23 Епанчин Н. А. На службе трех Императоров. С. 298.
- 24 Скворцов В. Принцесса Катя Десницкая // Огонек. М., 1986. № 41. С. 29.
- 25 Незабываемые могилы. Т. 5. М., 2004. С. 30.
- 26 Сахаров В. Последний бой Най-Турса. С. 32.
- 27 Тинченко Я. Белая Гвардия Михаила Булгакова. С. 148–149.
- 28 Топорков С. А. Александрийцы у г. Святой Крест 12 января 1920 г. // Военная быль. Париж. 1960. Июль. № 43. С. 15.
- 29 Булаков М. А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Романы. С. 26.
- 30 Там же. С. 57.
- 31 Там же. С. 133.
- 32 Там же. С. 133, 134.
- 33 Там же. С. 133.
- 34 Там же. С. 82.
- 35 Там же. С. 162.
- 36 Там же. С. 248.
- 37 Там же. С. 68.
- 38 Там же. С. 69.
- 39 Там же. С. 68.
- 40 Там же. С. 198.
- 41 Соколов Б. В. Кто вы, полковник Най-Турс?

- 42 *Булгаков М. А.* Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. Романы. С. 149.
- 43 *Тинченко Я.* Белая Гвардия Михаила Булгакова. С. 154.
- 44 *Соколов Б. В.* Кто вы, полковник Най-Турс?
- 45 *Булгаков М. А.* Письма. Жизнеописание в документах. С. 122.
- 46 Там же. С. 537.
- 47 Там же. С. 125.
- 48 Сто сорок бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 123.
- 49 Там же. С. 270.
- 50 *Соколов Б. В.* Сталин, Булгаков, Мейерхольд... Культура под сенью великого кормчего. М., 2004. С. 213.
- 51 Там же.
- 52 *Иоффе Э.* Линии Маннергейма. Письма и документы. Тайны и открытия. С. 226.
- 53 *Булгаков М. А.* Избранные сочинения. Т. 3. Пьесы. М., 2003. С. 165–168.
- 54 Россия перед Вторым Пришествием. Т. II. С. 220.

КОНЕЦ... И ВНОВЬ НАЧАЛО!

- 1 *Топорков С.* Граф Ф. А. Келлер. (Материалы к его биографии) // Военно-исторический вестник. № 19. Париж, 1962. С. 21.
- 2 История УПА. Львів. Б. г. С. 12.
- 3 *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950- годы. С. 27.
- 4 Там же. С. 39.
- 5 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 79.
- 6 *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950- годы. С. 45, 47, 48.
- 7 *Булгаков М. А.* Письма. Жизнеописание в документах. С. 553.
- 8 *Михаил и Елена Булгаковы.* Дневник Мастера и Маргариты. М., 2004. С. 463.
- 9 *Булгаков М. А.* Письма. Жизнеописание в документах. С. 486.
- 10 Там же. С. 500, 501.
- 11 *Михаил и Елена Булгаковы.* Дневник Мастера и Маргариты. С. 463.
- 12 *Булгаков М. А.* Письма. Жизнеописание в документах. С. 492–493.
- 13 Там же. С. 555.
- 14 Там же. С. 486.
- 15 Там же. С. 545.
- 16 Неизвестный Нилус. Т. 2. С. 381.
- 17 *Смирнов А. А.* Атаман Краснов. М.-СПб., 2003. С. 264, 276, 278, 309.
- 18 Там же. С. 252, 262, 263, 285, 298.
- 19 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 79.
- 20 *Протопресв. Василий Зеньковский.* Пять месяцев у власти. С. 60.

- 21 Там же. С. 209.
- 22 *Кочубей В.* Генерал Павел Петрович Скоропадский. Из личных воспоминаний // Военная быль. Париж. 1969. № 96. С. 9.
- 23 *Папакин Г. В.* Павел Петрович Скоропадский. С. 80.
- 24 *Смирнов А. А.* Атаман Краснов. С. 281.
- 25 Там же. С. 282.
- 26 Там же. С. 281.
- 27 *Краснов Н. Н.* Незабываемое. 1945–1956. 2-е изд. Нью-Йорк. С. 44.
- 28 Там же. С. 45.
- 29 *Науменко В. Г.* Великое предательство. СПб., 2003. С. 322.
- 30 *Краснов Н. Н.* Незабываемое. 1945–1956. С. 46–47.
- 31 Там же. С. 82, 83.
- 32 Российский архив. Т. VIII. С. 268.
- 33 Храм-Памятник в Брюсселе. М., 2005. С. 72.
- 34 *Грезин И.* Храм-Памятник в Брюсселе. Список мемориальных досок. СПб., 1999. С. 10.
- 35 *Слезкин Ю.* В защиту светлой памяти П. Н. Шабельского-Борк // Владимирский вестник. № 99. Сан-Пауло, 1964. Январь. С. 31.
- 36 *Дитерихс М. К.* Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале. Ч. I. М., 1991. С. 76
- 37 См. об этом подробнее в нашем очерке «Державная» в кн. «Скорбный Ангел». Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях. Сост. С. В. Фомин. СПб., 2005. С. 601–620.
- 38 Российский архив. Т. VIII. С. 305.
- 39 *Граф Г. К.* На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. Воспоминания. СПб., 2004. С. 43.
- 40 *Старый Кирибей.* Павловский гобелен. М., 2001. С. 83.
- 41 *Гершельман А. С.* Покушение монархистов на Милюкова // Наша страна. № 2499–2500. Буэнос-Айрес, 1998. 4 июля. С. 5.
- 42 *Граф Г. К.* На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. С. 45.
- 43 *Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001. С. 363–364.
- 44 *Граф Г. К.* На службе Императорскому Дому России. 1917–1941. С. 168.
- 45 Там же. С. 58.
- 46 Там же. С. 668.
- 47 *Свитков Н.* Старый Кирибей. Писатель художественного бытового лубка. (К пятилетию со дня смерти) // Владимирский вестник. № 74. Сан-Пауло, 1958. Апрель–май. С. 20.
- 48 Там же.
- 49 *Слезкин Ю.* В защиту светлой памяти П. Н. Шабельского-Борк. С. 33.
- 50 *Старый Кирибей.* Павловский гобелен. С. 80.
- 51 Владимирский вестник. № 98. Сан-Пауло, 1963. Сентябрь. С. 1.

- 52 Часовой. № 512. Париж, 1969. С. 20. Некролог В. Орехова.
- 53 *Иванов И. Б.* Русский Обще-воинский Союз. СПб., 1994. С. 8.
- 54 *Окороков А. В.* Русские добровольцы. М., 2004. С. 109.
- 55 Там же. С. 119.
- 56 *Инокния Таусия.* Дополнение к некрологу Е. Н. Безак // Православная Русь. № 17 (970). Джорданвилль, 1971. 1/14 сентября. С. 13.
- 57 *Е. К. Елена Николаевна Безак.* 1880 – 1971 г. // Православная Русь. № 16 (969). Джорданвилль, 1971. 15/28 августа. С. 11–12.
- 58 *Граф Г. К.* На службе Императорскому Дому России 1917–1941. СПб., 2004. С. 114.
- 59 *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. 2-е изд. Т. 1. М., 1974. С. 34, 36–43.
- 60 *Жукова М.* Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души. М., Сретенский монастырь. 1999. С. 35.
- 61 *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 29.
- 62 Там же. С. 30.
- 63 *Biörkelund B.* Stalinille menetetyt vuoeni. Eläma ni vaiheet, 1945–1955. Porvo-Helsinki, 1966. S. 66; *Бьеркелунд Б. В.* Путешествие в страну всевозможных возможностей, 1945–1955. Хельсинки. Рукопись. С. 70, 268 // Рукописный отдел Республиканской национальной библиотеки. С.-Петербург. Сообщила Л. Ф. Капралова.
- 64 Мартиролог русской военной морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг. М., 2001. С. 70; *Волков С. В.* Офицеры Флота и Морского ведомства. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 215.

Р. Г. Гагжуев, С. С. Балмасов

**ГЕНЕРАЛ
Ф. А. КЕЛЛЕР
В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ
И РУССКОЙ СМУТЫ**

Исследование Великой войны вплоть до настоящего времени называемой большинством историков Первой мировой (а иногда, по старой привычке, еще и Империалистической) долгое время в нашей стране затруднялось идеологическими ограничениями. С одной стороны, большинство выдвинувшихся в ходе нее офицеров позднее участвовали в Гражданской войне на стороне вооруженной контрреволюции и изучение их жизни было попросту «неправильным». С другой стороны, война сама по себе как «империалистическая» заслуживала мало внимания и интересовала историков лишь с точки зрения созревания в стране и армии предпосылок для «крушения царизма» и свершений «Великого Октября». В результате, несмотря на накопленный большой массив документов и ряд написанных значимых трудов, история Великой войны по сей день полна белых пятен. До недавнего времени в ней словно не было места героям и подвигам. Знают о них в большинстве случаев лишь профессиональные историки, посвятившие изучению войны не один год своей жизни.

За последние десятилетия ситуация, несомненно, изменилась в лучшую сторону. Однако предстоит, наверное, работа еще одного поколения историков для того, чтобы эта война в сознании русских людей стала в один ряд с войной Великой Отечественной, а ее герои нашли действительно достойное место в учебниках истории и памяти потомков.

Среди ее героев одно из первых мест по праву принадлежит генералу, графу Федору Артуровичу Келлеру – блестящему кавалерийскому начальнику. Ф.А. Келлер – фигура, безусловно, знаковая для всего русского офицерства конца XIX – начала XX века. Сформировавшийся как офицер в период модернизации Русской армии эпохи Великих реформ Александра II, получивший богатый боевой опыт в ходе русско-турецкой войны 1877–1878 годов, в начале

XX века он, тем не менее, отнюдь не выглядел человеком из прошлого, закостеневшим в своих представлениях о военном деле. По сути Ф. А. Келлер воплощал в себе традиции старой Русской армии, шедшие от А. В. Суворова и М. Д. Скобелева, служил своеобразным мостом между поколениями офицеров. Не будем забывать, что на момент начала Великой войны вступившему в нее начальником дивизии Федору Артуровичу Келлеру было уже 57 лет. Конечно, таких военачальников, прошедших школу русско-турецкой и, тем более, русско-японской войн в Русской армии было не так уж и мало. Многие из них занимали более высокие, чем Келлер, должности. Но Федор Артурович выделялся среди них как своим знанием дела, так и отношением к подчиненным.

В 1877 году 20-летний Федор Келлер без ведома своих родителей, окончив подготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища, вступил вольноопределяющимся второго разряда в 1-й лейб-драгунский Московский Его Величества полк. Формально не состоя в военной службе, которая для него официально начиналась с 1 сентября 1877 года, он 30 августа отправляется с полком на театр русско-турецкой войны. Там он был награжден солдатскими знаками отличия ордена Святого Георгия 3-й и 4-й степени. В первый офицерский чин – прапорщики Федор Келлер был произведен 31 марта 1878 года. Спустя два года корнет Ф. А. Келлер по распоряжению начальства был переведен в 6-й гусарский Клястицкий полк, более семи лет командовал в нем эскадроном и дослужился до чина ротмистра.

В 1888–1889 годах Федор Артурович «на отлично» прошел курс обучения в Офицерской кавалерийской школе. Произведенный за «отличия по службе» в 1894 году в подполковники, а в 1901 году – в полковники Ф. А. Келлер служит в 24-м драгунском Лубенском, 23-м драгунском Вознесенском, 11-м драгунском Харьковском полках. С 1904 года Федор Артурович командует 15-м драгунским Александрийским, а с 1906 года – Лейб-Гвардии драгунским полками. В 1905 году, когда Ф. А. Келлер временно исполнял обязанности Калишского генерал-губернатора, он был ранен и контужен взрывом брошенной в него террористами бомбы.

В 1907 году полковник Ф. А. Келлер был произведен в генерал-майоры и зачислен в Свиту Его Императорского Величества. В июне 1910 года Федор Артурович был назначен командиром 1-й бригады Кавказской кавалерийской дивизии, а в феврале 1912 года – начальником 10-й кавалерийской дивизии, с которой и

выступил на фронт Великой войны. К тому времени он был уже генерал-лейтенантом.

Граф Ф. А. Келлер был хорошо известен в Русской армии. За ним прочно закрепилась слава одного из лучших кавалерийских начальников. Успешная боевая работа на фронте Великой войны сделала его знаменитым и в русском обществе: о нем с восторгом писали газеты, им восхищалось население, получая вести об очередных успехах его корпуса на фронте. О том, насколько известен и популярен был тогда Федор Артурович в России, свидетельствует тот факт, что служить к нему убегали из дома 15-летние и даже 13-летние мальчишки из вполне благополучных и даже богатых семей¹.

Тем не менее сегодня Ф. А. Келлер больше знаком нам как один из немногих русских офицеров, сохранивших в феврале 1917 года верность Государю и отказавшихся присягать Временному правительству.

Справедливо это или нет? Справедливо, потому что именно действия в феврале 1917 года стали своеобразной кульминацией жизни Федора Артуровича, сохранившего верность присяге, не поступившегося своими принципами и заветами отцов и дедов ради призрачной выгоды. Именно по этому поступку спустя многие годы потомки судят и будут судить о Ф. А. Келлере, сохранившем свою честь незапятнанной. Несправедливо потому, что почти неизвестным остается воинский путь этого выдающегося генерала, посвятившего себя Русской армии и ставшей делом его жизни кавалерии.

В предлагаемом вниманию читателей очерке речь пойдет о последних годах жизни Федора Артуровича Келлера – начиная с объявления Великой войны в августе 1914 года и заканчивая гибелью генерала в декабре 1918 года в Киеве.

В основу очерка легли архивные материалы воинских частей, руководимых Ф. А. Келлером в годы Великой войны – 10-й кавалерийской дивизии, с которой он начал кампанию, и 3-го кавалерийского корпуса, во главе которого Федор Артурович находился до весны 1917 года. Все документы этого периода, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве, впервые вводятся в научный оборот и не только рассказывают о боевом пути генерала и его частей в годы войны, но и показывают Келлера как командира и кавалерийского начальника, свидетельствуют о его незаурядных профессиональных и личных каче-

ствах. Отдельный раздел посвящен реакции Ф. А. Келлера на события февраля 1917 года. Завершает очерк рассказ об участии Федора Артуровича в Гражданской войне и его взаимоотношениях с лидерами Белого движения.

Авторы выражают глубокую признательность за помощь в подготовке очерка В. Ж. Цветкову, С. Н. Базанову, Н. Л. Калиткиной, Л. Б. Казьминой, сотрудникам Российского государственного военно-исторического архива, начальнику Отдела фондов Русского зарубежья Государственного архива Российской Федерации Л. И. Петрушевой и всем сотрудникам ГА РФа, а также специалистам Российского государственного военного архива.

«Честь и слава нашей доблестной коннице!»

Боевой путь воинских частей, руководимых Ф. А. Келлером в годы Великой войны, отмечен многими успехами, стяжавшими им славу одних из лучших кавалерийских соединений Русской Императорской армии. Об этом свидетельствует оценка верховным командованием действий как сначала 10-й кавалерийской дивизии, а позднее 3-го кавалерийского корпуса, так и личных заслуг Федора Артуровича. Многочисленные ордена и награды «келлеровцев» – скромная награда за их нелегкий ратный труд.

С первых дней войны и до марта 1917 года Ф. А. Келлер воевал на одном из наиболее благополучных с военной точки зрения фронтов Русской армии – Юго-Западном (последние месяцы – в рядах созданного в декабре 1916 года Румынского фронта).

4 августа 1914 года* Россия, верная союзническому долгу, вошла силами Северо-Западного фронта в пределы Восточной Пруссии. Против оборонявшей Восточную Пруссию двухсоттысячной 8-й германской армии действовали 2-я (генерал от кавалерии А. В. Самсонов) и 1-я (генерал от кавалерии П. К. Ренненкампф) русские армии. Отсутствие должной координации армий со стороны главнокомандующего армиями Северо-Западного фронта генерала от кавалерии Я. Г. Жилинского и несогласованность в действиях командующих армиями позволили немцам, несмотря на достигнутый русскими армиями первоначальный успех, разбить их

* Даты до 31 января 1918 года приведены по старому стилю, далее – по старому и (в скобках) новому стилям.

поодиночке. Блестяще начатая Восточно-Прусская операция окончилась неудачей.

В то время как в Восточной Пруссии разворачивались трагические события, на Юго-Западном фронте русские войска вели успешное наступление против Австро-Венгрии. Четыре армии фронта (3-я, 4-я, 5-я и 8-я) были развернуты на фронте в 400 км (от Ивангорода до Каменец-Подольска). Нанося концентрические удары с севера и востока, русские войска должны были взять в «клещи» весь район между Перемышлем и Львовом и захватить Галицию.

Для возглавляемой Ф. А. Келлером 10-й кавалерийской дивизии кампания началась в 20-х числах июля 1914 года, когда она прикрывала развертывание 3-й армии (командующий – генерал от инфантерии Н. В. Рузский) Юго-Западного фронта. Основной целью дивизии было создание завесы на пути противника и ведение разведки.

24 июля дивизия перешла русско-австрийскую границу между находящимся на русской территории местечком Вышгородок и австрийским городом Збараж. Выбив оттуда неприятеля, дивизия устремила в направлении Львова, двигаясь в авангарде войск 10-го армейского корпуса 3-й армии². Уже в первые дни произошли столкновения с неприятелем. 28 июля, отдавая приказ по дивизии, Федор Артурович подводил некоторые итоги действий своих подчиненных, особо обращая их внимание на то, что достигнутые успехи – результат большой работы в мирное время:

«За последние три дня, как только наша дивизия выдвинулась к границе, у нас сразу же во всех полках оказались разъезды, которые встретились с неприятелем. Разъезд 1-го Оренбургского казачьего полка под командованием хорунжего Хлебникова, преследуя спасавшийся разъезд неприятеля, нарвался на пехотную заставу, но не смутился сильного огня ее, смело бросился в атаку и перерубил несколько врагов. Второй эскадрон гусар под командой ротмистра [И. Г.] Барбовича, обнаружив роту пехоты, смело бросился на нее в атаку, загнал ее в деревню, затем спешился, выбил с помощью взвода казаков под командой подъесаула Лосева эту роту из деревни и окопа, а когда австрийцы побежали, эскадрон и казаки, сев опять на коней, бросились преследовать врага, причем перерубили и перекололи до 30 человек. [...]

Приношу от лица службы горячую благодарность всем господам офицерам и нижним чинам, бывшим в разъездах и эскадронах, за удалые их действия, за товарищескую поддержку, которую они

подавали друг другу, и за решительность в окопах. Рад, что вижу в настоящих делах против действительного врага, что тому, чему мы учились на маневрах в мирное время, привилось в 10-й дивизии – удаль и взаимная выручка друг другу. Все мы братья, все мы должны выручать один другого, хотя бы это стоило нам жизни. Всем поступать так, чтобы, не ожидая приказа, бить врага там, где он попадается, не справляясь, сколько его. Во всех бывших стычках оказалось, что хотя врагов было гораздо больше наших, но потери наши очень невелики сравнительно с врагом. А почему? Да только потому, что наши бросались смело, а враг отбивался! За все это время убито врагов около 50 человек, а у нас потери всего пять человек. Из них четыре легко раненых и один без вести пропавший казак, который, даст Бог, еще к нам вернется. Сердечное спасибо всем молодцам, бывшим в боях и показавшим пример, как надо бить врагов Отечества. Всех наиболее отличившихся предписываю представить сейчас же к наградам»³.

По свидетельству офицера штаба дивизии штабс-капитана А. В. Сливинского, создание завесы перед противником не вызывало больших трудностей, так как держался он в основном пассивно. Но ведение разведки было затруднено: «Вся приграничная полоса Восточной Галиции от Брод до Хотина была наводнена мелкими смешанными отрядами – австрийских ландштурмистов и жандармов с приданными к ним регулярными частями. Эти отряды опирались на четыре кавалерийские дивизии: 1-я кавалерийская дивизия – в районе Скала, 5-я гонведская кавалерийская дивизия – у Трёмбовля, 8-я кавалерийская дивизия – у Тарнополя и 4-я кавалерийская дивизия – у Брод; за ними стояли две пехотные дивизии: 43-я ландверная – у Залещиков и 11-я пехотная – в районе Тарнополя – Бржезан.

Так были прикрыты развертывавшиеся в Восточной Галиции австрийские армии. Завеса эта сильно препятствовала нашей разведке. Между тем в начале августа точные сведения о противнике были особенно нужны, так как наши армии уже готовы были начать общее наступление»⁴.

Первое крупное столкновение частей 10-й кавалерийской дивизии с противником произошло 3 августа: 1-й и 2-й эскадроны 10-го гусарского Ингерманландского полка атаковали австрийцев, захватив в плен около 500 солдат и 16 офицеров⁵. Серьезный бой 10-я кавалерийская дивизия выдержала 7 августа, когда столкнулась с австрийцами близ города Золочева (западнее Тарнополя,

в районе железной дороги Тарнополь – Львов)⁶. Отбив движение противника от Львова к Тарнополю и нанеся ему большие потери, дивизия отошла в деревню Бялогловы. На следующий день, 8 августа, 10-я кавалерийская дивизия провела у деревни Ярославлицы первый по-настоящему крупный бой с конницей противника – 4-й австрийской кавалерийской дивизией. Несмотря на численное преимущество неприятеля, имевшего в своих рядах двадцать эскадронов против десяти русских, Келлером была одержана блестящая победа: в плен было взято 250 кавалеристов и 400 пехотинцев; трофеи составили 300 лошадей, 8 орудий с передками и зарядными ящиками, несколько пулеметов, документы штаба дивизии. Потери самой дивизии – 150 человек убитыми и ранеными. Залогом успеха в этом бою стала не только отличная выучка русских кавалеристов, отточенная в предвоенные годы, но и роль их командира. По словам штабс-капитана А. В. Сливинского, оставившего воспоминания об этом бое, Федор Артурович «проявил удивительное присутствие духа, ясность мысли, быстроту решений и отличный глазомер. В бою 8/21 августа с особой яркостью обрисовались дарования этого истинного кавалерийского начальника»⁷.

За бой 8 августа у Ярославлиц чины 10-й кавалерийской дивизии получили свои первые на Великой войне награды. 23 сентября 1914 года генерал-лейтенант Ф. А. Келлер, генерал-майор В. Е. Марков, командиры донских конных батарей были награждены орденами Святого Георгия 4-й степени, командиры полков, ротмистр И. Г. Барбович и ряд других офицеров – Георгиевским оружием⁸.

10 августа на Юго-Западном фронте начались бои у города Красник, переросшие в грандиозную Галицийскую битву. В ходе упорных боев 3-я армия генерала Н. В. Рузского прорвала оборону австрийцев и 20 августа взяла Львов. 22 августа 8-я армия генерала от кавалерии А. А. Брусилова заняла хорошо укрепленную крепость Галич, в которой австрийцы оставили много тяжелой артиллерии и снаряжения. Развивая успех, Русская армия перешла в наступление по всему фронту. К 13 сентября после 33 дней упорных боев она продвинулась вглубь на 280–300 км и вышла к реке Вислока (80–90 км до Кракова), завершив победную битву за Восточную Галицию, имевшую громадное значение для всей кампании 1914 года.

10-я кавалерийская дивизия сыграла немалую роль в успешном исходе этого сражения. Даже несмотря на то, что возможности кавалерии при начавшемся отступлении врага не использовались командованием 3-й армии в полной мере, Ф. А. Келлеру удалось

значительно потрепать отходивших австрийцев. За боевую работу в августе–сентябре 1914 года Федор Артурович был представлен местной Георгиевской думой к награждению Георгиевским оружием «за совершенные подвиги в делах против неприятеля». А именно за то, что «12 августа 1914 года в районе деревень Гольковец – Выпески отбросил передовые части противника и затем задержал его превосходные силы, дав этим возможность нашим войскам вернуться в выгодных условиях для атаки позиции на Гнилой Липе. При первых признаках отхода противника 18 августа он прорвал его расположение и, продолжая параллельно преследование, сильно расстроил пехотную колонну врага, обратив ее в бегство, а 31 августа – 3 сентября организовал преследование неприятеля, отходящего к реке Сан. В ряде боев у сел Язов – Нови-Цетула, города Яворов и в районе Добромиль – Самбор окончательно его расстроил, захватив шесть орудий, 600 пленных и обоз, занимавший протяженность в десять верст. Такое же преследование продолжалось до 13 сентября включительно с принуждением арьергардов противника к спешному отходу и с захватом многочисленных трофеев»⁹. Высочайшее утверждение последовало лишь через полтора года после описанных событий – 25 апреля 1916 года¹⁰.

Австрийцы оставили Восточную Галицию, потеряв 400 тысяч солдат и офицеров – почти половину армии. Только в плен сдалось 100 000 человек. Врагом было оставлено свыше 600 орудий. В осаде оказалась крепость Перемышль – последний оплот сопротивления австрийцев. Перед Русской армией открывалась дорога на Венгерскую равнину, через Краков в немецкую Силезию, где была сосредоточена значительная часть германской промышленности. Военному престижу Австро-Венгрии был нанесен непоправимый удар. Еще в ходе Галицийской битвы, 3 сентября, командующего 3-й армией генерала Н. В. Рузского, назначенного Главнокомандующим армиями Северо-Западного фронта, сменил генерал от инфантерии Р. Д. Радко-Дмитриев. В середине сентября объединенные под командованием генерала А. А. Брусилова 3-я и 8-я армии успешно вели бои против четырех австро-венгерских армий.

В конце октября 10-я кавалерийская дивизия была включена в резерв Блокадной армии генерала от инфантерии А. Н. Селиванова, которая вела осаду Перемышля и была отведена вместе со всей 3-й армией на правый берег реки Сан. В конце сентября дивизия приняла участие в осаде Перемышля, а затем, когда 8-я армия генерала А. А. Брусилова прорвала австрийский фронт и перешла в на-

ступление, была придана ей для преследования противника, отходившего за Карпаты. Пройдя через Добромиль и захватив большое число пленных, 10-я кавалерийская дивизия без боя овладела городом Санок. В середине октября дивизия также без боя вошла в город Риманов, столкнувшись однако с сопротивлением австрийцев на заранее подготовленных позициях на высотах по обе стороны ущелья ведущего к Дуклинскому перевалу.

Здесь же, в окрестностях Риманова, дивизия совместно с пехотными частями Русской армии отбила наступление 7-го австрийского корпуса. В 20-х числах октября дивизия начала движение по Дуклинскому ущелью, выдержав 26 октября упорный бой у деревни Залуж¹¹.

О том, как воевала 10-я кавалерийская дивизия в первые недели Великой войны, свидетельствует донесение Ф. А. Келлера командованию, датированное 29 сентября 1914 года:

«Спешно. Не найдете ли возможным, Ваше Превосходительство, доложить командующему армией о том впечатлении, которое я вынес о наступающих на нас в настоящее время австрийских войсках. Оно сложилось у меня не за один день, а за долгий период непрерывных столкновений с ними разъездов, эскадронов и всей дивизии, в том числе при занятии города Санок, а затем при освобождении его от неприятеля и отражении новой попытки овладеть им.

На линии Санок – Врублики развернулся, по-видимому, австрийский корпус, имея, как я доносил, в первой линии немногим больше дивизии. Несмотря на громадное численное превосходство и на трудное положение 10-й кавалерийской дивизии, отрезанной разлившейся рекой Сан и отделенной от своих войск расстоянием в 60 верст, о чем не могло быть неизвестно неприятелю, он, тем не менее, долго не решался перейти в наступление и позволил нанести себе несколько мелких, но все же чувствительных для него поражений. Это, по моему мнению, объясняется тем, что против нас действуют венгерские войска, идущие в бой крайне неохотно и не только легко сдающиеся в плен, но даже ищущие такого случая.

Так, например, во время вторичного боя у Санок, когда отступающая рота венгерцев, увидев у себя на фланге наши полсотни, готовящиеся к атаке, сейчас же выкинула белый платок. Она сдалась с ротным командиром и двумя другими офицерами. Многократные ежедневные стычки наших разъездов и эскадронов показали, что целые цепи противника при первых выстрелах двоих-троих наших дозорных залегали и не шли вперед. Батальон пехоты, обстрелян-

ный нашей заставой в полэскадрона, задержал свое наступление на два часа. Два эскадрона наших гусар с двумя пулеметами задержали на три часа обходивший мой правый фланг целый полк неприятельской пехоты, чем позволили вывезти на его глазах весь обоз нашей дивизии. Наконец, наступление целого корпуса сдерживалось одной утомленной кавалерийской дивизией в продолжение двух дней. О мелких эпизодах, как например, о блестящей атаке девятью драгунами взвода австрийской кавалерии в 30 человек, о бегстве целого эскадрона австрийцев от одного нашего взвода, о том, как двое наших дозорных, стреляя с коня, остановили наступление целого взвода пехоты, я уже и не упоминаю.

Однако многочисленность таких примеров дает мне право сделать вывод, что в настоящее время мы имеем дело с войсками, с численностью которых можно и не считаться. Их кавалерия панически боится нашей конницы, пехота и кавалерия панически боятся нашей артиллерии и разбегаются при первой же разорвавшейся шрапнели»¹².

В конце октября 1914 года 3-я армия генерала Р. Д. Радко-Дмитриева достигла Дунайца, а 8-я генерала А. А. Брусилова вышла в предгорья Карпат. Значительно уступавшим в численности противнику русским армиям удалось отстоять Червонную Русь и выйти к Карпатам.

Подводя итог боевой работы, Федор Артурович в октябре 1914 года писал: «Кончились два с половиною месяца с тех пор, когда мы подошли к австрийской границе и начались боевые стычки 10-й кавалерийской дивизии с врагом. Прошли мы с боями всю Галицию и теперь, возвращаясь с Карпатских гор, мы можем сказать, что поработали добросовестно, по мере своих сил и разума, и что первую часть возложенной на нас работы мы выполнили честно. Но работа наша далеко не закончена: надо готовиться ко второй части, а для этого надо подкормить и подковать коней и самим отдохнуть, подтянуться, помыться, оправиться».

За два с половиною месяца вся наша 10-я кавалерийская дивизия ни одного дня не теряла неприятеля из виду, а бывало, и ночевала в одной версте от его сил. Разъезды наши сталкивались и били его почти ежедневно. Вся наша дивизия в полном составе имела за это время до 12 крупных дел с кавалерией, пехотой и артиллерией противника. Везде с помощью ГОСПОДА БОГА мы справлялись с австрийцами, которые часто бывали гораздо сильнее нас. Дружно выручая и помогая друг другу, как братья, шли в бой донцы, орен-

буржцы и регулярные полки. В этом единстве и в том, что все нападали, нигде никогда не отбивались, и есть наша сила. Взяли мы за это время у врага 18 орудий, пять пулеметов, чегыре громадных обоза с большим количеством патронных ящиков и боевых и продовольственных припасов, до 2000 пленных и до 1000 лошадей.

Бывали мы окруженными со всех сторон австрийцами в трудном положении, но с Божьей помощью всегда выходили целыми, не оставив врагу даже одного колеса нашего обоза. Под орудийным, пулеметным огнем, под пулями, в рукопашных боях на штыках, пиках и шашках, не раз с четверо сильнейшим врагом, все офицеры и нижние чины показали себя чудо-богатырями не хуже суворовских солдат, о которых рассказывают в книжках.

Такую Вашу службу друзья, боевые товарищи, оценит ГОСПОДЬ БОГ, ЦАРЬ-БАТЮШКА и Россия. Я же низко кланяюсь чудо-богатырям 10-й кавалерийской дивизии и горячо благодарю их за всегда отличную разведку, сторожевую и дозорную службу, за меткую стрельбу и за то доверие, которое мне всегда выказывали. В дни, когда мне приходилось заводить дивизию в места, где окруженные врагом, видя его со всех сторон, Вы не выказывали ни суеты, ни сомнения, своим спокойствием и уверенностью облегчали мне управление и доказывали, что твердо верите мне и верите, что с Божьей помощью я Вас выведу. Глубокое горячее спасибо Вам, боевые орлы, товарищи!

Но, повторяю, наше дело далеко еще не окончено, предстоит еще много работы. Так готовьтесь же в дни отдыха к ней, подготовьте к ней и своих коней и приведите их в такой вид, чтобы мы опять могли поработать месяца два без отдыха во славу нашего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, донского, оренбургского и всего русского воинства и всей матушки-России. Хвала и вечная память погибшим на боевых полях нашим товарищам. Слава живым орлам драгунам, уланам, гусарам, оренбуржцам и донцам!»¹³

3 декабря 1914 года, в бою у деревень Пшибовка и Непля Келлер был впервые за войну ранен и вынужден был на время оставить командование дивизией¹⁴. О характере ранения говорит перевязочное свидетельство от 5 декабря 1914 года, сделанное во Фриштаке: «Дано сие в том, что начальник 10-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенант Федор Артурович Келлер, 57 лет от роду, в бою близ деревень Пшибовка и Непля был ранен ниже середины правой голени навывлет ружейной пулей. Входное отверстие в полсантиметра в поперечнике на наружной поверхности голени, выходное на внут-

реннем – тоже небольшое. Кровотечение – довольно сильное. Большая берцовая кость цела, но задета ли малая берцовая – определить трудно. Сейчас же мной была наложена повязка. Раненый направлен в штаб 24-го корпуса. В чем собственноручной подписью с приложением казенной печати удостоверяю. Подлинное подписал старший врач 10-го гусарского Ингерманландского полка, коллежский асессор Гогин»¹⁵.

О том, что Ф. А. Келлер был у командования на особом счету, говорит телеграмма Верховного главнокомандующего, направленная 12 декабря 1914 года, в которой Великий князь Николай Николаевич интересовался у временно командующего 10-й кавалерийской дивизии генерал-майора В. Е. Маркова* подробностями ранения Федора Артуровича: «Великий Князь желает генералу графу Келлеру скорейшего выздоровления. Прошу сообщить, какого свойства рана, куда эвакуируется». Марков отвечал: «Штаб Верховного Главнокомандующего. Генералу [П. К.] Кондзеровскому. Пулевая сквозная рана наружной стороны середины правой голени. Кости целы. Исход предвидится благополучный. Эвакуирован в Харьков»¹⁶.

Подчиненные также не забывали своего командира. Временно командующий дивизией генерал Марков направил ему такую телеграмму: «Харьков, графу Келлеру, Пушкинская, 79. 10-я кавалерийская дивизия в полном составе поздравляет Ваше Сиятельство с наступающим Новым годом и шлет наилучшие пожелания скорейшего выздоровления и возвращения в ее ряды, дабы в новом году во главе с Вами продолжить боевой труд на пользу Царю и Родине»¹⁷.

Федор Артурович отсутствовал на фронте немногим больше месяца. В телеграмме № 152 на имя командующего 8-й армии генерала Брусилова он рапортовал: «Доношу, что 14-го сего января

* **Марков Василий Евгеньевич (1864–1935)**. Окончил Московский кадетский корпус (1882) и Николаевское кавалерийское училище (1884) Великую войну начал в составе 10-й кавалерийской дивизии. 21 апреля 1915 года, после формирования 3-го кавалерийского корпуса, в чине генерал-майора утвержден начальником дивизии. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (9 сентября 1915 года). За отличия командиром 1-й бригады 10-й кавалерийской дивизии награжден Георгиевским оружием (10 ноября 1915 года). В 1916 году – генерал-лейтенант, начальник 10-й кавалерийской дивизии, временно исполняющий должность командира 3-го кавалерийского корпуса. Участник Гражданской войны. Эмигрировал во Францию. Скончался в Париже.

прибыл по излечении полученной в бою раны и вступил в командование дивизией»¹⁸.

То, как сражалась 10-я кавалерийская дивизия и в отсутствие Ф. А. Келлера, видно из донесения генерала В. Е. Маркова: «Срочно. Штаб 8-й армии. Дежурному генералу. 16 декабря 1914 года № 851 из Ясинова. В период нахождения 10-й кавалерийской дивизии в прикомандировании к 8-й армии с 20 августа и до настоящего времени ею взяты в плен 23 офицера и 2048 нижних чинов. В это число не входят пленные, взятые дивизией и ее разъездами мелкими партиями. Эти пленные часто непосредственно передавались в ближайшие пехотные части, и вести им учет не представлялось возможным. В этот же период дивизией взяты семь орудий (из которых две 155-мм гаубицы), три пулемета, восемь автомобилей и один аэроплан. У Наконечне 1 сентября были отбиты обозы 6-го и 14-го корпусов, 11 и 13 сентября было захвачено около 500 повозок и зарядных ящиков. Кроме того, неоднократно захватывались небольшие обозы. Всего число отбитых повозок и зарядных ящиков – более двух тысяч. Кроме того, у Войткувы нами были отбиты русские пулеметы № 2031 и 3044»¹⁹.

Части 10-й кавалерийской дивизии, почти не выходя из сражений, на всем протяжении боевых действий несли тяжелые потери, которые коснулись и высшего командного состава. Помимо Федора Артуровича еще 17 августа 1914 года у Хлебовиц Свирских ранение нижней половины голени получил генерал-майор В. Е. Марков. Поправился он относительно быстро и уже 26 сентября того же года вышел на службу. По неполным данным, только за период с 10 по 22 декабря 1914 года 10-я кавалерийская дивизия потеряла убитыми десять офицеров и 114 нижних чинов. Кроме того, умерли от болезней 17 нижних чинов, пропали без вести один офицер и 59 нижних чинов. Ранеными или больными оказались 50 офицеров и 534 нижних чина²⁰.

К концу 1914 года положение на фронте, несмотря на некоторые неудачи, складывалось для России благоприятно. «На русском фронте стратегические последствия неудач армии генерала Рененкампа и генерала Жилинского [были] сведены на нет разгромом четырех австро-венгерских армий Юго-Западного фронта; вся Галиция очищена противником, торопливо уводящим остатки своих разбитых армий к Кракову и за Карпаты»²¹. Фактически наступательными действиями Русской армии в Восточной Пруссии и Галиции были сорваны планы противника на молниеносную и побе-

доносную войну. Но и потери русских войск были очень велики. Особенно остро ощущалась нехватка младшего командного состава, выбитого в ходе кровопролитных сражений. Помощь союзникам далась России дорогой ценой.

* * *

Начало 1915 года не предвещало России тяжелых поражений. В начале года на Кавказском фронте была успешно завершена Сарыкамышская операция, а также сделана попытка перейти к активным действиям на других фронтах – провести серию наступательных операций в Восточной Пруссии и Карпатах. Однако замыслы командования были сорваны противником, сумевшим сосредоточить на обоих флангах крупные войсковые группировки, частично переброшенные с Западно-Европейского театра военных действий. В ходе боев февраля–марта 1915 года русские войска в очередной раз были вытеснены из Восточной Пруссии, а германские части, развернув наступление на север вдоль побережья Балтийского моря, захватили Либаву.

Однако на Юго-Западном фронте наступление продолжалось. Зимой–весной 1915 года армии фронта предприняли попытку вторжения через Карпаты в Венгрию. В январе–марте прошла Карпатская операция. На начальном этапе русские армии отразили наступление австро-венгерской и германской армий и перешли в контр-наступление, в результате которого удалось занять карпатские перевалы и овладеть ключевыми для дальнейшего наступления пунктами. Затем также успешно для русских армий была прикрыта от противника Галиция и осаждаемый Блокадной армией Перемышль. Карпатская операция закончилась овладением главным Карпатским хребтом Бескид. 8-я армия генерала А. А. Брусилова, заняв ряд перевалов в Карпатах, была готова устремиться на Венгерскую равнину. Ранее, 9 марта сдался гарнизон Перемышля. Было взято в плен 9 генералов, 25 000 офицеров и 120 000 солдат австро-венгерской армии. Овладение Перемышлем и блестящая победа на Кавказском театре у Сарыкамыша давали России, как писал впоследствии известный военный историк, «полную моральную компенсацию за тактические неудачи в Восточной Пруссии»²². Но эти крупные успехи оказались последними в кампании 1915 года.

О том, насколько большое значение имели успехи на Юго-Западном фронте для Русской армии, потерпевшей в это время ряд поражений от германцев, свидетельствуют именные рескрипты Императора

Николая II, направленные генералу Н. И. Иванову и Великому князю Николаю Николаевичу.

«Высочайший рескрипт на имя Главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютанта генерала от артиллерии Иванова. Николай Иудович! С начала открытия военных действий против общего врага славянства наши доблестные армии под искусным водительством Вашим рядом тяжелых, но блестящих боев постепенно, шаг за шагом, завоеывая древнюю отчизну российскую, вернули нам подъяремную Русь вплоть до Карпат, тем освободив от ига вражеского родное нашему Отечеству племя. Благодаря столь опытному планомерному проведению в жизнь предначертаний Верховного главнокомандующего, настойчивостью своих распоряжений и огромным положенным Вашим трудом и ценным умением Вы достигли освобождения Червонной Руси, ныне еще крепче закрепленным падением неприступной крепости Перемышль. Высоко ценя столь высокие заслуги Ваши перед лицом России, Я считаю огромным долгом выразить Вам мою душевную благодарность в объявлении коей жалуя Вам бриллианты к имеющемуся у Вас ордену Святого Александра Невского с мечами. Пребываю к Вам неизменно благоклонный. На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою начертано “Глубоко Вас уважающий НИКОЛАЙ”. Ст. Броды. 12 апреля 1915 года».

«Высочайший рескрипт на имя Верховного главнокомандующего генерал-адъютанта генерала от кавалерии Его Императорского Высочества Великого князя Николая Николаевича. Ваше Императорское Высочество! Неуклонно следуя предначертаниям Моим, ведущим к осуществлению славных заветов наших предков – освобождению славянства от ига вражеского, благодаря непоколебимой твердости и настойчивости Вашей воли при самых серьезных обстоятельствах тяжелой брани завоевали вверенными Мною мудрому Вашему предводительству российскими войсками родственную России Червонную Русь и ныне успешно продолжаете отторжение подъяремной Руси. Этот великий подвиг беззаветно храброго российского воинства под Вашим опытным водительством навсегда останется запечатленным светлой страницей в истории нашей могучей Родины. Ныне лично посетив освобожденную от австрийского владычества Галичину и убедившись в блестящем порядке и заботливости положенных в основание правления завоеванного нами края, Я, глубоко ценя Вашу деятельность, равно крупные заслуги Ваши перед Престолом и Россией, желая явить Вам новое доказательство душевной Моей признательности, жалуя при сем препровождаемую Георгиевскую саблю бриллиантами оснащенную с надписью “За освобождение Червонной Руси”. Да благословит Вас и вверенные Вам Мною войска Всемогущая десница Всевышнего на новые подвиги во славу Российского оружия и на победу над дерзким и упорным врагом России. Пребываю к Вам

всегда и неизменно благосклонный. На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою начертано “Глубоко Вас любящий и благосклонный НИКОЛАЙ”. Ст. Броды. 12 апреля 1915 года»²³.

Генерал А. И. Деникин, вспоминая бои своей 4-й стрелковой бригады в феврале–марте 1915 года, писал о встрече с графом Келлером в это время: «Бригада, выдвинутая далеко вперед, полукольцом окружена командующими высотами противника, с которых ведут огонь даже по одиночным людям. Положение невыносимое, тяжкие потери, нет никаких выгод в оставлении нас на этих позициях, но... соседняя 14 пехотная дивизия доносит в высший штаб: “Кровь стынет в жилах, когда подумаешь, что мы оставим позицию и впоследствии придется брать вновь те высоты, которые стоили нам потоков крови”... И я остаюсь. Положение, однако, настолько серьезное, что требует большой близости к войскам; полевой штаб переносу на позицию – в деревню Творильню.

Приезжает, потратив одиннадцать часов на дорогу по непролазной грязи и горным тропам, граф Келлер – начальник нашего отряда. Отдохнул у нас.

– Ну, теперь поедem осмотреть позицию.

Мы (с генерал-майором С. Л. Марковым, начальником штаба бригады. – *Авт.*) засмеялись.

– Как “поедем”? Пожалуйста на крыльцо, если только неприятельские пулеметы позволят...

Келлер уехал с твердым намерением убрать бригаду из западни. [...] Действительно, через несколько дней нас увели за Сан»²⁴.

Успешная работа 10-й кавалерийской дивизии против врага весной 1915 года во многом способствовала назначению Ф. А. Келлера командиром одного из двух сформированных весной 1915 года кавалерийских корпусов: 11 марта он был назначен на должность командира 3-го кавалерийского корпуса, а 3 апреля утвержден на ней Высочайшим приказом. Временно командующий 10-й кавалерийской дивизией генерал-майор В. Е. Марков стал ее начальником²⁵.

Интересно проследить, как именно произошло назначение Федора Артуровича на эту должность. Свет на это проливает телеграмма начальника штаба 9-й армии генерал-лейтенанта А. С. Санникова: «По приказанию Главнокомандующего прошу срочно, не позднее 1 апреля сего года представить из числа достойнейших генералов и штаб-офицеров, заявивших себя на войне, в кандидаты на должности: одного – командира корпуса, другого – начальника дивизии, двоих – начальника пехотной дивизии и не позднее 7 апре-

ля – на должности командиров пехотной, кавалерийской и артиллерийской бригад, пехотного, кавалерийского и казачьего полка, а также артиллерийского дивизиона. На всех означенных лиц представить краткие аттестации, если таковые еще не представлены в штаб армии»²⁶. Нет ничего удивительного, что Ф. А. Келлер, успевший завоевать себе за полгода войны авторитет твердого, решительного и успешного командира, был во главе вновь создаваемого корпуса.

Формирование корпуса в составе 9-й армии согласно приказу главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала Н. И. Иванова началось в первых числах марта. 9 марта командующий армией генерал от инфантерии П. А. Лечицкий телеграфировал: «Временный 3-й кавалерийский корпус в составе Отдельной гвардейской кавалерийской бригады, 10-й кавалерийской и 1-й Донской дивизий генерал-лейтенанта Келлера считать временно сформированным с 12 часов ночи с 10 на 11 марта. 3-му кавалерийскому корпусу сосредоточиться в районе Глусте по указанию командира 2-го кавалерийского корпуса»²⁷.

12 марта Федор Артурович отдал приказ по корпусу № 1: «11 марта 1915 года временно сформирован под моею командой 3-й кавалерийский корпус в составе Отдельной гвардейской кавалерийской бригады, 10-й кавалерийской и 1-й Донской казачьей дивизии. [...] Исполняющим обязанности начальника штаба корпуса назначен командир бригады 2-й Кубанской казачьей дивизии генерал-майор [А. М.] Крымов»²⁸.

Прощаясь с горячо любимой дивизией, Ф. А. Келлер писал: «С глубоким чувством грусти расстаюсь я с 10-й кавалерийской дивизией, которой командовал более четырех лет в мирное и военное время. Несмотря на мои подчас тяжелые в мирное время требования, я во всех чинах дивизии, начиная от генерала и кончая рядовым, встречал всегда полное желание идти моим указаниям навстречу и доброе доверчивое товарищеское отношение ко мне. В военное время мы проработали вместе восемь месяцев. вступив в бой с противником еще в июле. С этого времени мы участвовали более чем в десяти крупных боях, в которых полки 10-й кавалерийской дивизии покрыли себя вечной славой. И всегда я видел то же доверие и доброе отношение ко мне и ту же готовность по одному моему приказанию идти, не рассуждая, на смерть. Господь Бог нам везде помогал и всюду славные разъезды, эскадроны, сотни, батареи и полки били часто впятеро сильнеешего нас врага, отбирая у него пушки, обозы и пленных в громадном числе.

Георгиевский крест, которым меня наградил Государь-Император, заработали мне своей беззаветной храбростью и удаљью именно Вы, славные батареи и полки 10-й кавалерийской дивизии. Горячее спасибо всем Вам, друзья-товарищи, от генерала до самого скромного героя-рядового, за Вашу службу, за любовь и доверие ко мне. Тяжело мне расставаться с Вами. Одним утешаюсь, что 10-я кавалерийская дивизия входит в состав корпуса, которым я назначен командовать. Значит, работать на славу НАШЕГО ЦАРЯ-БАТЮШКИ и нашей Родины мы будем опять вместе. Благослови Господь дальнюю нашу работу и дай он нам и в будущем того же счастья и удачи. Не забывайте завет Вашего старого начальника: читай перед боем молитву, иди с ней на устах на врага и никогда не отбивайся, а сам нападай»²⁹.

Назначение во главе 3-го кавалерийского корпуса не только дало Келлеру возможность принести Родине большую пользу и позволило ярче раскрыть себя как военачальнику, но и заставило решать новые проблемы. На весну 1915 года этого соединения как такового не существовало. Были разные по духу и выгучке дивизии – кадровая, возвращенная им в предвоенные годы, 10-я кавалерийская и иррегулярная 1-я Донская казачья, непривычная к руководству такого начальника, как Федор Артурович. Требовалось проделать большую работу, осложненную боевыми действиями, чтобы соединить эти разные подразделения воедино. Условий для этого создано не было: из казны не выдали даже денег для приобретения необходимого имущества. Подробности о том, как в таком сложном положении Келлер вышел из ситуации, можно узнать из его приказа от 5 апреля: «Штаб 3-го кавалерийского корпуса и управление корпусного интенданта спешно формируются. Ввиду неотпуска средств из казны для приобретения положенного по штату имущества предписываю на покупку обоза, лошадей и канцелярского имущества отчислить из хозяйственных сумм каждого полка, входящего в его состав, по 500 рублей и от каждой батареи – по 100 рублей, которые представить под расписку исполняющему должность начальника штаба корпуса немедленно»³⁰.

Необходимо отметить, что образованный весной 1915 года 3-й кавалерийский корпус впоследствии зачастую выполнял более широкие задачи, усиливаясь приданными частями и образовывая группы войск. Так, весной–летом 1915 года Федор Артурович, будучи командиром корпуса, руководил действиями Хотинской группой войск, а во время наступления Юго-Западного фронта летом

1916 года в состав 3-го кавалерийского корпуса временно входило до пяти–десяти дивизий³¹.

Несмотря на трудности связанные с формированием и обеспечением корпуса, Ф. А. Келлер уже 16–17 марта провел его частями блестящий бой. Обойдя левый фланг Юго-Западного фронта 42-я венгерская пехотная дивизия и гусарская бригада были атакованы и отброшены в Буковину. Подводя итоги этого боя, Федор Артурович отдал приказ по корпусу: «16 марта 3-й кавалерийский корпус впервые в составе 10-й кавалерийской дивизии, 1-й Донской казачьей дивизии и 9-го Донского казачьего полка вел бой дружными, отлично согласованными действиями. Безудержно двигаясь вперед, славные полки выбивали противника штыками и пиками из окопов, в которых он искал опору. Опора эта была непрочно – дух вверенных мне славных частей сильнее, и одним взмахом враг был изгнан из пределов России, оставив в руках 3-го кавалерийского корпуса пленных 33 офицеров и 2100 нижних чинов. Благодарю всех начальников частей, а нижним чинам – спасибо за это молодецкое дело. Погибшим же в этом бою – мир их праху»³².

Как видно, этот успех, одержанный под Хотиним, был особенно важен для Ф. А. Келлера, только вступившего в командование корпусом. Он позволил ему почувствовать уверенность во вверенных частях, способность их действовать в привычном для него ключе. В годовщину боя Федор Артурович даже отдал специальный приказ по корпусу, в котором призывал подчиненных помнить о славных традициях и следовать им в боевой работе:

«Славные полки и батареи 3-го кавалерийского корпуса! Сегодня, 17 марта, первая годовщина Вашего славного дела у деревень Шиловцы и Малинцы. В этот день Вы, имея в своих рядах не более трех спешенных батальонов, дружным ударом наголову разбили 12 батальонов 42-й Гонведной дивизии, преследовали ее, выгнали за границу и очистили от противника нашу Бессарабскую губернию. Пусть каждый из Вас, славных участников этого дела, расскажет о нем сегодня своим товарищам, которые не участвовали в этом бою. Пусть Ваши новые боевые товарищи узнают, какие подвиги Вы уже совершили и постараются быть достойными Вас! Да будет Ваше славное прошлое залогом не менее славных боевых дел всех частей 3-го кавалерийского корпуса в недалеком будущем! [...]

В бою 17 марта 1915 года 3-м кавалерийским корпусом взято в плен: 33 офицера, более 2100 нижних чинов, захвачено 40 походных кухонь, восемь телефонных вьюков, масса оружия и патронов.

Трупы австрийцев валялись кучами во всех окопах, садах и огородах. Потери корпуса в этом бою – около 100 убитых и раненых. Захваченные 3-м кавалерийским корпусом пленные принадлежали ко всем полкам 42-й Гонведной дивизии. Опросом их было выяснено, что 17 марта 3-й кавалерийский корпус вел бой со всей 42-й Гонведной дивизией, три полка которой приняли непосредственное участие в бою, причем некоторые батальоны этих полков были полностью уничтожены.

Вечная память героям, сложившим свои головы, защищая Родину от вторгнувшихся в нее врагов! Честь и слава чудо-богатырям 10-й кавалерийской и 1-й Донской казачьей дивизий, сослужившим в этот памятный день службу Батюшке-Царю и Родной России!»³³.

18–19 марта 3-й кавалерийский корпус вновь перешел в наступление на левом фланге 9-й армии у Замуши, благодаря чему было парировано движение противника, а армия выведена из тяжелого положения³⁴.

За эти бои 3-й кавалерийский корпус и лично Федор Артурович были удостоены похвалы Верховного главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича, о чем Келлер известил своих подчиненных в приказе от 22 марта 1915 года:

«Счастлив объявить славным частям вверенного мне корпуса милостивую телеграмму Верховного Главнокомандующего:

“Генерал-лейтенанту графу Келлеру. Лихое дело кавалерийского корпуса под Вашей командой несказанно обрадовало сердце старого генерала инспектора кавалерии. Честь и слава нашей доблестной коннице! Передайте всем участникам этого славного дела мою сердечную благодарность. Дай Вам Бог новые геройские подвиги. Генерал-адъютант Николай”.

В ответ на эту телеграмму мной послана на имя ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО телеграмма следующего содержания:

“Ставка Верховного Главнокомандующего. ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ. Милостивая оценка ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЫСОЧЕСТВОМ работы 3-го кавалерийского корпуса получена ко дню СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА, что делает этот день для нас еще торжественнее и радостнее. С Божьей помощью мы надеемся еще послужить нашему ЦАРЮ-БАТЮШКЕ и порадовать своего незабвенного старого генерал-инспектора кавалерии”.

Столь высокая оценка Вашей работы, славные полки и батареи 3-го кавалерийского корпуса, да удвоит силы к достижению новых побед над врагом на радость нашему Царю-Батюшке и Верховному Главнокомандующему. [...]

Сердечно поздравляю все части вверенного мне корпуса со СВЕТЛЫМ ПРАЗДНИКОМ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА и славными делами 17 и 19 марта. Приношу мою глубокую и сердечную благодарность всем начальствующим лицам, господам офицерам и удалым нижним чинам, своей дружной братской работой сокрушившим вчетверо сильнее врага»³⁵.

30 марта 3-я и 8-я армии Юго-Западного фронта перешли через Карпаты и вышли на территорию Венгрии. К 20 апреля в состав 3-го кавалерийского корпуса (10-я кавалерийская дивизия, 1-я Донская казачья дивизия и Сводная казачья дивизия) входили 14 полков (82 эскадрона и сотен) общей численностью 9490 шашек. Корпус также располагал семью батареями (38 орудий) и 26 пулеметами³⁶. 9-я армия генерала П.А. Лечицкого, в состав которой входил на тот момент корпус, 26 апреля перешла в наступление вдоль Днестра. В ходе развернувшегося Заднестровского сражения, в котором конница под командованием Ф. А. Келлера сыграла выдающуюся роль, 7-я австро-венгерская армия была отброшена за Прут.

27 апреля 3-й кавалерийский корпус провел очередной бой, умноживший его славу. В приказе по корпусу Федор Артурович писал: «Вверенный мне корпус с рассветом 27 апреля атаковал укрепленную позицию противника на фронте река Днестр – Баламутовка – Ржавенцы – Громешти – кордон Ржавинский – кордон Савокриничный – кордон Раздорожный. Около 8 часов утра 9-й Донской казачий полк прорвал проволочные заграждения противника и врукопашную овладел окопами на высотах северо-восточнее Баламутовки, что позволило остальным частям 1-й Донской казачьей дивизии и 2-й бригаде 10-й кавалерийской дивизии прорваться и овладеть всей укрепленной позицией неприятеля на фронте Баламутовка – Громешти и высотами к западу от них до деревни Снут и ручья Биалый. Противник в беспорядке отступил на новую сильно укрепленную позицию по высотам западнее деревень Онут – Чарни – Поток по левому берегу ручья Биалый до отметки 198 и далее к южной окраине деревни Громешти. На ней он продолжает удерживаться в мебельной фабрике. Южнее деревни Громешти противник упорно удерживается на укрепленной позиции на линии кордонов Ржавинский – Савокриничный – Раздорожный – деревня

Топороуц. За сегодня нами взято у противника шесть орудий, шесть пулеметов, два прожектора, зарядные ящики и около 1500 пленных»³⁷. Всего же в ходе Заднестровского сражения 9-й армией было взято около 20 000 пленных и 20 орудий³⁸.

Позднее генерал П. Н. Краснов вспоминал о боях этого периода: «Я имел счастье в рядах этого корпуса командовать 10-м Донским казачьим полком и принять участие в громкой победе корпуса над австрийцами у селений Баламутовка, Малинцы, Ржавенцы и Топороуц, где мы захватили более 6000 пленных и большую добычу»³⁹.

За бой 27 апреля корпус Ф. А. Келлера был удостоен очередной благодарности верховного командования, о чем Федор Артурович сообщил подчиненным в приказе от 1 мая:

«Счастлив объявить дивизиям и полкам 3-го кавалерийского корпуса полученные мною телеграммы Его Императорского Высочества Верховного главнокомандующего и Главнокомандующего Юго-Западного фронта:

“Передайте мою горячую благодарность своим доблестным дивизиям, продолжающим радовать меня своей лихой работой. Генерал-адъютант Николай”.

“Сердечное спасибо лихому 3-му кавалерийскому корпусу, а 9-му Донскому казачьему полку в особенности и их молодцам генералам с графом Келлером во главе за новое славное дело у [деревень] Баламутовки и Ржавенцы. Да поможет им Всевышний радовать Царя и Родину своими победными успехами. Генерал-адъютант [Н. И.] Иванов”.

Со своей стороны от лица службы и себя горячо благодарю удалые полки и батареи 1-й Донской и 10-й кавалерийской дивизии за их беззаветную удалую службу Царю и Родине. Снимаю шапку и низко кланяюсь чудо-богатырям, преодолевшим считавшуюся неприступной и непреодолимой позицию, в особенности 9-му Донскому казачьему, графа Орлова-Дашкова полку, прорывавшему первым проволочные заграждения и дававшему возможность другим частям корпуса броситься в преследование противника. От всей души благодарю еще раз всех участников боев с 25 по 30 апреля от генерала до младшего рядового. Всех отличившихся представить немедленно к наградам»⁴⁰.

За бои корпуса в марте–апреле 1915 года Ф. А. Келлер и его подчиненные были пожалованы рядом наград. 1 мая за боевые успехи Федор Артурович был награжден орденом Святой Анны 1-й степени с мечами, а командир наиболее отличившейся в боях 1-й Дон-

ской казачьей дивизии генерал-майор Г. И. Чоглоков* – орденom Святого Станислава 1-й степени с мечами⁴¹.

Вскоре Ф. А. Келлер получил и более высокую награду, по достоинству оценившую его заслуги в успехах 9-й армии, о чем сообщил в приказе по корпусу от 10 июня:

«Объявляю копию ВЫСОЧАЙШЕГО приказа от 11 мая 1915 года: “Государь Император в 11-й день мая 1915 года Всемилостивейше соизволил пожаловать орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 3-й степени командиру 3-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанту графу Федору Келлеру за то, что 17 марта 1915 года во главе вверенного ему корпуса атаковал в конном и пешем строю в районе деревень Рухохпин, Поляна, Шиловцы, Малинцы 42-ю гонведскую пехотную дивизию и бригаду гусар 5-й гонведской кавалерийской дивизии, наступавших на город Хотин, разбил их, частью уничтожив и взяв в плен 33 офицера, 2100 нижних чинов, 40 походных кухонь и восемь телеграфных выюков. 27-го апреля выбил противника из тройного ряда окопов с проводочными заграждениями у деревни Громешти на берегу Днестра, прорвался в тыл австрийцев и овладел высотами правого берега ручья Онут и деревнями Баламутовка, Ржавенцы и Громешти, при этом захватив в плен 23 офицера, 2000 нижних чинов, шесть орудий и 34 зарядных ящика”»⁴².

Немногом ранее, когда Федор Артурович командовал еще дивизией, он получил почетную награду от казаков, о чем свидетельствует следующий документ: «Военное министерство, [от] наказного атамана Оренбургского казачьего войска 7 декабря 1914 года № 8492,

* **Чоглоков Григорий Иванович (1867–1921)**. Окончил Александровский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище (1887). Выпущен в лейб-гвардии Казачий полк, командовал сотней. С 7 января 1909 года – командир 1-го Донского казачьего генералиссимуса князя Суворова Итальянского полка, с 25 января 1912 года – 2-й бригады 2-й кавалерийской дивизии. Вскоре после начала войны 15 августа 1914 года принял командование 1-й Донской казачьей дивизией. За бой 8 ноября 1914 года, когда Чоглоков лично повел в бой полки своей дивизии, был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени. Генерал-лейтенант, награжден Георгиевским оружием (1915). С 20 мая 1916 года – начальник 2-й Туркестанской казачьей дивизии, награжден орденом Святой Анны 1-й степени с мечами (1916). 22 марта 1917 года назначен командиром 2-го Кавказского армейского корпуса 10-й армии Западного фронта. Участник Белого движения. После поражения белых армий эвакуировался в Турцию, скончался в Константинополе.

Оренбург. Начальнику 10-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту графу Келлеру. Препровождаяю при сем приговора Наследнического поселкового и Наследнического станичного сборов, постановленные 4 мая 1914 года за № 32 и 33 о предоставлении Вашему Сиятельству звания почетного казака по означенному поселку и станице. Прошу, если Вашим Сиятельством будет изъявлено согласие на принятие этого звания, то не откажите сделать о сем на приговорах надписи и потом договора эти возвратить мне для испрошения на это Высочайшего разрешения через Главный штаб. Генерал-лейтенант [нрзб.]»

17 января 1915 года от начальника казачьего отдела Главного штаба на имя Ф. А. Келлера из Петрограда пришла телеграмма: «Начальнику 10-й кавалерийской дивизии. Милостивый государь граф Федор Артурович. Государь ИМПЕРАТОР, по всеподданнейшему докладу военного министра, в девятый день сего января ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволил предоставить Вам звание почетного казака Наследнического поселка Наследнической станицы. Уважающий Вас П. Агапов». 2 февраля Келлер подал рапорт на имя командира 10-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Н. И. Протопопова: «Представляя при сем Вашему Превосходительству письмо начальника казачьего отдела Главного штаба от 17 января сего года за № 314, прошу о внесении в мой послужной список ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ предоставленного мне звания почетного казака Наследнического поселка и Наследнической станицы Оренбургского казачьего войска».

Следует отметить, что и сам Федор Артурович проявлял к нуждам служивших под его началом казаков особое внимание. 1 октября 1914 года он обратился к наказному атаману 1-го Оренбургского казачьего полка: «1-й Оренбургский казачий полк ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА с первого дня войны до сего времени работал без устали, будучи ежедневно в тесном соприкосновении с противником. Не считая мелких стычек, он участвовал в 12 крупных боях. И везде оренбуржцы, входящие в состав 10-й кавалерийской дивизии, показывали себя чудо-богатырями, как в прежние времена. Я не могу ими нахвалиться, о чем считаю своим долгом довести до сведения Вашего Превосходительства. Пользуюсь случаем, чтобы обратиться к Вам с просьбой о скорейшем пополнении полка офицерами, казаками и лошадьми и в Вашем содействии посланному в войско подьесаулу Федорову в приобретении обуви для казаков, в которой они начинают нуждаться»⁴³.

Подчиненные Федора Артуровича в массе своей также проявляли мужество и героизм в боях. Так, только за март–апрель 1915 года по личному указанию Ф. А. Келлера к Георгиевскому кресту были представлены не менее 154 офицеров, солдат и казаков, а за июнь–июль эта цифра составила уже не менее 712 награж-

денных⁴⁴. Однако успехи давались 3-му кавалерийскому корпусу дорогой ценой. За неделю боев с 25 апреля по 1 мая общие потери убитыми составили 94 человека (в их числе четыре офицера); раненых и контуженных было 538 человек (в том числе 35 офицеров)⁴⁵.

Противник был настолько разозлен лихими действиями «келлеровцев», что в случаях, когда не удавалось вынести с поля боя раненых, добивал их. 26 сентября 1915 года Федор Артурович отправил об этом донесение председателю Чрезвычайной следственной комиссии, в котором писал: «Наблюдениями начальствующих лиц и показаниями многих раненых, которым, притворяясь мертвыми, удалось затем отползти от неприятельских проволочных заграждений, установлено, что в бою 24 сентября впереди деревни Боян австрийцы после отражения нашей атаки выходили из своих окопов, добивали наших раненых и снимали с них сапоги и одежду. Одним из наблюдавших это свидетелей был казак 7-го Донского казачьего полка Емельян Мальков»⁴⁶.

Весной 1915 года Ф. А. Келлер, всегда находившийся либо непосредственно на линии огня, либо поблизости от нее, был дважды ранен. Первое ранение Федор Артурович получил в конце апреля, когда шли бои под Хотиним. Генерал был легко ранен в ногу, правда, впоследствии ему все же пришлось обратиться в лазарет⁴⁷. О втором ранении Келлер сообщил 21 мая в рапорте на имя начальника штаба 9-й армии: «Препровождая при сем свидетельство о ранении, прошу не отказать в распоряжении о внесении в мой послужной список полученного мной повреждения при падении из автомобиля во время поездки для осмотра позиции у города Залешики»⁴⁸.

Между тем события на фронте развивались неблагоприятно для Русской армии. 18 апреля 1915 года началось мощное наступление германских войск на участке Громник – Горлице. После двухнедельных упорных боев обескровленная 3-я русская армия отошла за реку Сан. Увеличивая натиск своих атак, немцы в июне овладели Львовом и Перемышлем. Русские войска вынуждены были оставить Галицию. Используя преимущество в численности и вооружении, германцы повели наступление по всему фронту и попытались разгромить русские армии в Польше, захватив их в мешок между Вислой и Бугом. Ставка приняла решение об организованном отступлении из Польши. Только к середине сентября удалось остановить немецкое продвижение в глубь страны. Фронт стабилизировался на линии Рига – Двинск – Пинск – Дубно – Новосильцы.

Еще раньше, 23 августа, произошла смена верховного командования. Армию лично возглавил Император Николай II. Бывший

Верховный главнокомандующий – Великий князь Николай Николаевич был назначен наместником Его Величества на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армией. Начальником штаба Верховного главнокомандующего был назначен генерал от инфантерии М. В. Алексеев. По словам военного историка Н. Н. Головина, «по существу говоря, последний и становился теперь Верховным главнокомандующим. Это понимала вся армия, и это в известной степени примирило с произошедшей переменой, так как высшие лица штаба Великого князя Николая Николаевича были крайне непопулярны»⁴⁹.

В мае–июне 3-й кавалерийский корпус вел тяжелые бои. Об их напряженности говорят сведения о потерях: с 26 мая по 13 июня корпус потерял убитыми 106 человек (в их числе четыре офицера); убыль ранеными и контуженными составила 446 человек (из них 17 офицеров); кроме того, без вести пропали один офицер и 29 нижних чинов⁵⁰.

В скором времени Ф. А. Келлеру пришлось второй раз за войну оставить свою часть. Полученное ранение оказалось серьезнее, чем предполагалось, и потребовало лечения. 5 июля в приказе по командующей им Хотинской группе Федор Артурович писал: «С разрешения командующего 9-й армией сего числа я отбыл в двухмесячный отпуск по болезни. Временно командование Хотинской группой передаю командиру 32-го армейского корпуса генерал-лейтенанту [И. И.] Федотову. Временное командование 3-м кавалерийским корпусом сдаю генерал-майору [Г. И.] Чоглокову»⁵¹.

Пробыв в тылу на излечении два месяца, Ф. А. Келлер вернулся в родной корпус 3 сентября: «Прибыв по выздоровлении от болезни я вступил сего числа в командование 3-м кавалерийским корпусом». Выехав 28 августа, еще до своего выздоровления, Федор Артурович заехал в Ставку, где получил аудиенцию у Государя, который к тому времени принял на себя верховное командование Русской армией. Об этом Келлер сообщил подчиненным по прибытии в корпус: «30 августа я имел счастье представиться Его Императорскому Величеству Государю Императору. Его Императорское Величество повелел мне передать славным полкам и батареям 3-го кавалерийского корпуса свой привет и свою благодарность за их доблестную и блестящую службу, проявленную неоднократно в боях, и уверенность, что под Его Верховным Начальством войска 3-го кавалерийского корпуса покажут себя такими же молодцами. О столь высокомиловитых словах Его Императорского Величества счастлив объявить по войскам вверенного мне корпуса»⁵².

Кампания 1915 года заканчивалась для России неудачно. Практически всю захваченную у врага в 1914 году территорию пришлось оставить. Из-за немалых потерь противник получил превосходство не только в вооружении, но и численности войск. Русской армии предстояла долгая и тяжелая борьба.

* * *

Кампания 1916 года началась для России с новых требований союзников о помощи. 1 апреля в Ставке Верховного главнокомандующего в Могилеве собрались главкомы фронтов, чтобы определить план будущих действий. Предполагалось нанести главный удар по германской армии на участке Западного фронта из района Молодечно в направлении Вильно. Юго-Западному и Северному фронтам отводилась вспомогательная роль. Однако неудачи союзников внесли существенные коррективы в сроки наступления русских армий. Было решено, что Юго-Западный фронт начнет наступление первым на неделю раньше других, и именно на его участке развернутся основные события предстоящей операции. Такой поворот произошел во многом благодаря настойчивости нового главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта генерала А. А. Брусилова.

Свое наступление Брусилов начал с прорыва сильно укрепленных позиций противника, рассредоточив силы и средства армий не на одном направлении, а на четырех сразу – главном и вспомогательных, чтобы не дать неприятелю возможности маневрировать. Фронт состоял из четырех армий: 8-й, 11-й, 7-й и 9-й, общей численностью войск более 630 тысяч человек. Каждая из четырех армий фронта имела участок прорыва. Основной удар должна была наносить 8-я армия через Луцк и Ковель. Южнее ее 11-я армия наступала на Золочев, 7-я на Станислав, 9-я на Коломыю. Позиции австрийцев обороняла полумиллионная группировка войск, вооруженная мощной артиллерией и пулеметами. Линия обороны состояла из нескольких рядов укрепленных полос, каждая в две-три линии окопов, расположенных один от другого на расстоянии 5–10 км.

Наступление началось 22 мая и продолжалось почти четыре месяца. Первой перешла в наступление 9-я армия в Буковине, но наибольший успех выпал на долю 8-й армии. За три дня фронт здесь был прорван на участке длиной около 80 км и в глубину – более 30 км. 7 июня был взят Луцк, 17 июня – Черновицы. К концу мая 11-я армия дошла до истоков Буга, 7-я подошла к Галичу, 9-я к Карпатам. «Тактические результаты этой битвы были громад-

ными. Взято было в плен 8924 офицера, 408 000 нижних чинов, захвачено 581 орудие, 1795 пулеметов, 448 бомбометов и минометов. Отнята у противника территория более чем в 25 000 кв. километров. Таких результатов не достигла ни одна наступательная операция наших союзников в 1915, 1916 и 1917 годах»⁵³.

Брусиловский прорыв был крупным успехом русского оружия. Наступление Юго-Западного фронта вынудило немцев перебросить на восток десятки дивизий и ослабить натиск у Вердена. Австрийцы прекратили свое продвижение в Италии. Россия в очередной раз спасла своих союзников от поражения. Но перейти к наступлению по всему фронту не удалось: война вновь приняла позиционный характер. Многие историки связывают с Брусиловским прорывом начало решительного перелома в ходе Мировой войны в пользу держав Антанты.

Новый год начался для 3-го кавалерийского корпуса относительно спокойно. В январе–феврале 1916 года он одновременно с занятием позиций на Юго-Западном фронте вместе с частями 12-го армейского корпуса охранял границу с Румынией⁵⁴.

Незадолго до начала наступления Юго-Западного фронта, весной 1916 года Федор Артурович второй раз за войну встретился с Государем. 29 марта состоялся Высочайший смотр частей корпуса Николаем II. «Поздравляю славные полки 10-й кавалерийской и 1-й Донской казачьей дивизий с удачным Высочайшим смотром, – писал Ф. А. Келлер в приказе по корпусу. – Сам Государь Император благодарил за блестящий парад. Какой же нам еще нужно награды, когда мы удостоились высшей награды и похвалы Батюшки-Царя?! Покажем же мы и вновь докажем в боях, что мы достойны этой Царской милости. Полкам славной 1-й льготной Терской казачьей дивизии Его Величество приказал мне передать Свой Царский привет. Счастлив исполнить это Высочайшее приказание»⁵⁵. (За годы войны смотр 3-му кавалерийскому корпусу дважды, 18 марта и 14 августа 1916 года, устраивал также Походный атаман всех казачьих войск, Великий князь Борис Владимирович⁵⁶.)

3-й кавалерийский корпус принял непосредственное участие в Брусиловском прорыве. По своей доблести корпус Келлера заметно выделялся даже на фоне лучших частей Русской армии. Не случайно, что уже через неделю после начала Луцкого прорыва главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал А. А. Брусилов отметил героизм именно этого подразделения, проявившего массовую доблесть при взятии Черновиц⁵⁷.

С 22 по 28 мая 3-й кавалерийский корпус Ф. А. Келлера словно оставался в тени и не был замечен среди победных сводок русских войск. Но уже 29 мая им были взяты первые пленные в начавшемся Луцком наступлении – офицер и пять нижних чинов. Скоро число захваченных им трофеев и пленных стало идти на сотни и тысячи. Потери корпуса также были велики, но все же во много раз меньше, чем у австрийцев. За период с 27 мая по 1 июня 10-я кавалерийская дивизия потеряла убитыми 112 человек (в том числе троих офицеров), а также 280 ранеными (включая 13 офицеров). Потери 1-й Донской казачьей дивизии составили 23 убитых (в том числе один офицер) и 62 раненых (включая двоих офицеров), а также троих пропавших без вести⁵⁸. Как и во всей Русской армии в корпусе ощущался недостаток офицеров. Начальник штаба корпуса капитан А. В. Сливинский 10 июля жаловался на нехватку даже штабных офицеров, из-за чего боевой журнал корпуса вести регулярно было невозможно⁵⁹.

В приказах по корпусу этого периода Ф. А. Келлер неоднократно отмечал доблесть своих подчиненных. 27 мая он писал: «В ночь с 24 на 25 мая партия разведчиков 10-го гусарского Ингерманландского полка под командой поручика Слезкина переправившись вброд через реку Прут, проникла более чем на шесть верст в тыл расположения противника и вышла к деревне Луковица. Здесь высланные вперед дозоры (унтер-офицеры Пиявка и Мания и гусар Рудин) вошли в самую деревню, но были обнаружены сильными караулами, бывшими у ярко освещенного дома (видимо, какого-то штаба), и окружены ими. Но гусары отбившись от австрийцев прикладами и штыками, пользуясь темнотой, ушли и присоединились к своей партии. Австрийцы подняли тревогу, дальше было оставаться нельзя и поручик Слезкин, собрав своих людей, в темноте ускользнул от австрийцев и возвратился обратно к полку, принеся ценные сведения о расположении австрийцев на линии австро-румынской границы.

Сердечно благодарю организатора ночных поисков гусар полковника [В. В.] Чеславского, а также поручика Слезкина с его молодцами-разведчиками за проявленную смелость и удачу. Приказываю представить поручика Слезкина – к награде, унтер-офицеров Пиявка и Мания и гусара Рудина – к Георгиевским крестам, а наиболее отличившихся из остальных разведчиков – к Георгиевским медалям»⁶⁰.

Летом наступление русских армий Юго-Западного фронта успешно продолжалось. Участвуя в нем в конце июня – начале июля, 3-й кавалерийский корпус захватил немало пленных и трофеев. Среди последних были 800 тонн стратегически ценного антрацита.

За период с 24 июня по 9 июля келлеровский корпус взял в плен 11 офицеров и 1137 солдат противника с двумя пулеметами, огнеметом и другим воинским имуществом. Боевая работа корпуса на фронте в это время неоднократно отмечается в приказах вышестоящего командования⁶¹. За июль 1916 года по неполным данным «келлеровцы» захватили у противника четыре пулемета и 880 винтовок, а также взяли в плен 11 офицеров и 675 солдат⁶².

Преследуя противника, 3-й кавалерийский корпус вошел в Карпаты. Несмотря на успешное продвижение, чинам корпуса в это время приходилось бороться с неустойчивостью соседей. Об этом говорит следующий документ: «5 августа. Шипот Камерале, Карпаты. Командир батальона, стоящего на высоте 1453, обратился к командиру Уссурийского полка с просьбой дать казаков, чтобы стрелять по его солдатам, убегающим с позиции. Тот дал ему восемь казаков. Прошу указать, что делать Уссурийскому полку, который держится и отбивает атаки противника, если батальон отступит с высоты. Генерал-майор [А. В.] Крымов».

В ходе наступления кавалерия вынуждена была занять позиции в окопах, неся при этом большие потери. Части 3-го кавалерийского корпуса находились в таких же условиях, что и означенный стрелковый батальон: они занимали горные вершины и высоты, которые противник беспрестанно атаковал. Австрийцы стянули сюда такое количество артиллерии, в том числе и тяжелой, что удержаться без поддержки своих орудий было почти невозможно. Большая часть личного состава, занимавшего оборону в скалах, была ранена осколками снарядов и камней. Под бешеным орудийным огнем удавалось удержаться лишь самым стойким. Командиры частей регулярно доносили, что вражеские снаряды «в короткое время заравнивают окопы и уничтожают все живое»⁶³.

Чтобы почувствовать все напряжение боев этого времени, обратимся к записям боевого журнала 3-го кавалерийского корпуса с 22 мая (начала Брусиловского прорыва) по 16 июня 1916 года:

«22 мая. Армии Юго-Западного фронта перешли в наступление. 3-му кавалерийскому корпусу поставлена задача во что бы то ни стало удерживать занимаемую им позицию от ручья Хуккей до реки Прут у румынской границы.

В исполнение этого приказано: 10-я кавалерийская дивизия с 16 пулеметами (добавлено восемь пулеметов Терской казачьей дивизии) должна была оборонять участок позади от ручья Хуккей до реки Прут. Артиллерия корпуса (3-й Донской и 1-й Заамурский конно-горные ди-

визионы) содействовала выполнению поставленной корпусу задачи. 1-я Терская казачья дивизия оставалась в резерве командира корпуса, сосредоточившись в долине северо-восточнее Лехучены Западные.

С 8 часов орудие “Канэ”, данное на время от Сводного корпуса генерала [М. Н.] Промтова, стоявшее у деревни Глиница, открыло огонь, вызвав ответную реакцию легких и тяжелых орудий противника. День на позициях корпуса прошел сравнительно спокойно. Противник активности не проявлял, никаких перемен в его расположении замечено не было и действия обеих сторон свелись за день лишь к довольно сильной артиллерийской перестрелке. Наши потери: убито нижних чинов один, ранены – 11 и контужены трое.

23 и 24 мая прибыл стрелковый дивизион 10-й кавалерийской дивизии и был влит в нее, заняв окопы. За эти два дня на фронте корпуса был только артиллерийский и ружейный огонь. Противник оставался пассивным. Потерь не было.

25 мая по всему фронту корпуса была выслана сильная разведка, которая выяснила, что противник густо занимает окопы. Его полевые караулы стояли за проволочными заграждениями, держась в 20–25 шагах один от другого. Противник оставался пассивным. Потери: убиты два нижних чина, ранен один офицер и четыре нижних чина, контужены – один офицер и четыре нижних чина.

26 мая. Противник был пассивен. На фронте – редкий ружейный и артиллерийский огонь. Потерь нет.

27 мая. В ночь на 27 мая 10-я кавалерийская дивизия была смещена частями Сводного корпуса и расположилась в деревне Гогулени. Остальные части корпуса оставались в прежних местах.

28 мая 9-я армия продолжала развивать достигнутый успех. 3-му кавалерийскому корпусу была поставлена задача переправиться через реку Прут и овладеть городом Черновицы. В исполнение этого приказано: 10-й кавалерийской дивизии к 22 часам 28 мая головой колонны подойти к месту переправы южнее села Вамы, трем сотням 2-го Кизляро-Гребенского полка под начальством полковника Жукова к 21 часу 30 минутам занять позиции по левому берегу реки Прут против деревни Ватра. Остальным частям Терской казачьей дивизии, имея в голове три сотни 2-го Кизляро-Гребенского полка, с двумя подрывными выюками под начальством подполковника Маркова, к 22 часам головой колонны подойти к разрушенной мельнице в полверсты южнее деревни Ватра. К этому же времени 3-му Донскому казачьему артиллерийскому дивизиону с Заамурской батареей занять позицию в районе деревни Ватра.

Переправу начать ровно в 22 часа; 10-му гусарскому Ингерманландскому полку – ровно в 20 часов, после чего овладеть деревней Вама. Тотчас по ее овладению:

1) правый боевой участок генерал-лейтенанта [В. Е.] Маркова (14 эскадронов и сотен, три спешенных эскадрона и восемь пулеметов) должен был наступать на фронте реки Прут – отметки высот 185 – 138 – 137;

2) левый боевой участок генерал-майора [В. И.] Голощапова* (11 сотен с четырьмя пулеметами) должен был переправиться вслед за частями правого боевого участка и наступать на деревню Молодка на фронте высота 237 – деревня Луковица;

3) отряду подполковника Маркова приказано переправиться через Прут в конном строю и, быстро выдвинувшись в направлении на Волоку, разрушить железную дорогу Черновицы – Хлибока у деревень Волока и Хлибока;

4) отряду полковника Жукова занять позицию по реке Прут и способствовать огнем переправляющимся частям;

5) артиллерии полковника [М. В.] Лекарева** (16 легких и два тяжелых орудия) огонь открывать только по особому приказанию командира корпуса, а легким батареям стрелять лишь по окопам и пехоте противника, тяжелой же артиллерии – по орудиям противника;

6) отряду понтонеров начать наводку моста через Прут одновременно с началом переправы;

7) общему резерву генерал-майора [Л. П.] Тимашева*** (14 эскадронов и сотен с двумя пулеметами) к 22 часам стать в восточной части деревни Ватра.

К 22 часам части корпуса сосредоточились у переправы и заняли места, указанные в вышеприведенном приказе.

* **Голощапов Василий Иванович.** Генерал-майор. С марта 1916 года в чине генерал-майора командовал 1-й Терской казачьей дивизией. В мае 1916 года награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

** **Лекарев Михаил Васильевич.** В Великую войну в 1915–1916 годах полковник, командир 3-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона. В 1915 году награжден орденом Святого Георгия и Георгиевским оружием. С 28 апреля 1917 года в чине генерал-майора занимал пост инспектора артиллерии 27-го армейского корпуса.

*** **Тимашев Леонид Петрович (1864–1920?).** Из оренбургских казаков. Окончил Оренбургскую военную гимназию (1882), Александровское военное училище (1884) и Николаевскую академию Генерального штаба. Офицер лейб-гвардии Сводно-казачьего полка. Полковник (1911). Участник Великой войны, генерал-майор (1914). Командир 1-го Оренбургского казачьего полка (с 1912), 2-й бригады 10-й кавалерийской дивизии. С марта 1917 года – начальник 2-й Оренбургской казачьей дивизии. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. В годы Гражданской войны в рядах белых. Начальник управления учебных заведений военного ведомства Оренбургского военного округа, генерал-лейтенант (1918). С марта по май 1919 года – главный начальник Оренбургского военного округа, затем возглавлял этапно-хозяйственный отдел штаба Юго-Западной армии, был помощником атамана Оренбургского казачьего войска. После захвата красными Троицка в августе 1919 года отступал с войсками А.В. Колчака на Омск. Взят в плен под Красноярском.

В 22 часа 40 минут 10-й гусарский полк начал переправу вброд через Прут. Одновременно начали наводить мост. Противник, освещая место переправы прожекторами, заметил движение наших частей и открыл сильный артиллерийский огонь.

В 1 час ночи с 28 на 29 мая 10-й гусарский полк, выбив противника, овладел его передовыми окопами и взял в плен одного офицера и пять нижних чинов 25-го ландштурменного батальона. Противник открыл сильный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь по месту переправы и цепям 10-го гусарского полка. Последние подошли к главной позиции противника, залегли у проволочных заграждений и приступили к резке проволоки.

Тем временем остальные части правого боевого участка генерал-лейтенанта Маркова продолжали переправу. В 5 часов артиллерии было приказано начать артиллерийскую подготовку атаки. С рассветом огонь противника еще больше усилился. Небольшая площадь между рекой Прут, румынской границей и главной позицией противника засыпалась свинцом. Погода была неблагоприятной – весь день шел мелкий дождь. К 16 часам части генерала Маркова закончили переправу, и преодолевать водную преграду начали части 1-й Терской казачьей дивизии, во время которой был ранен ружейной пулей начальник дивизии генерал-майор Голощапов. В 18 часов, напротив правого фланга частей генерал-лейтенанта Маркова, противник вышел из своих окопов, по-видимому, чтобы контратаковать, но нашим огнем был отбит. К вечеру огонь противника ослаб. Наши части начали устраиваться на занятом берегу и готовиться к атаке деревни Вама.

29 мая. Для продолжения операции в распоряжение командира корпуса были приданы: бригада 19-й пехотной дивизии с дивизионом артиллерии и бригада 103-й пехотной дивизии также со своим артиллерийским дивизионом. Всю ночь с 29 на 30 мая шла лихорадочная работа по наведению моста. От проливного дождя вода в Пруте поднялась настолько, что броды закрылись, а течение стало значительно быстрее. Артиллерия противника, великолепно пристрелявшаяся за день, всю ночь вела огонь по месту наводки моста и три раза разбивала его в тот момент, когда он уже был почти закончен. К утру, еще до полного завершения моста, связь с противоположным берегом была установлена. Люди большую часть расстояния перебежали по построенному мосту, потом бросались в воду и вброд достигали берега.

Задача корпуса на 30 мая осталась прежней, причем: 1) генерал-лейтенанту [А. Д.] Нечволодову, начальнику 19-й пехотной дивизии, было приказано с тремя пехотными полками, двумя легкими и одним тяжелым артиллерийскими дивизионами сменить к 5 часам части 10-й кавалерийскую и 1-й Терскую казачью дивизии на позиции южнее реки Прут. В 6 часов они должны были атаковать противника у деревни Вама и затем наступать на город Черновцы в полосе от реки Прут до линии деревень Луковица – Молодия – Коровиа; 2) артилле-

рии 3-го кавалерийского корпуса продолжать выполнять свою задачу; 3) общему резерву (1-й полк 19-й пехотной дивизии в южной части Бояна, 10-я кавалерийская дивизия в составе 23 эскадронов и сотен с 8 пулеметами) стать в районе Ватра – Лехучены, куда им отойти по смене пехотой и быть в полной готовности к быстрому исполнению переправы в случае получения на то приказа; 4) подполковнику Маркову начать выполнение своей задачи в ночь на 30 мая; 5) полковнику Жукову с тремя сотнями по подходу пехоты стать на юго-западной окраине деревни Ватра, быть готовым к выполнению особых задач. Вследствие задержки в наведении моста части генерал-лейтенанта Нечволодова начнут переправу лишь в 5 часов утра.

К 8 часам два батальона уже переправились на противоположный берег и приступили к замене частей 10-й кавалерийской и 1-й Терской казачьей дивизий. Противник довел к 15 часам силу своего артиллерийского огня до ураганного. Несмотря на это 410-й пехотный [Уманский] полк сменил конные части, которые отошли на левый берег реки Прут. В 14 часов началась артиллерийская подготовка атаки деревни Вама. С 20 часов, согласно приказу по 9-й армии № 1667, 1-я Терская казачья дивизия с обоими пехотными бригадами перешла в состав 11-го армейского корпуса. На 3-й кавалерийский корпус, в состав которого с 12 часов 31 мая передавалась 1-я Донская казачья дивизия, возлагалась задача: 1 июня выдвинуться в район Гвоздец, прикрыв расположение 33-го и 41-го армейских корпусов и вести разведку на фронте Кутты – Коломыя – Станиславов. В ночь на 31 мая штаб 3-го кавалерийского корпуса вместе с 10-й кавалерийской дивизией выступил в Юркоуцы.

3 июня. 3-му кавалерийскому корпусу была поставлена задача: выдвинуться в район Гвоздеца и прикрыть расположение 33-го и 41-го корпусов, ведя разведку на фронте Станислав – Коломыя и Кутты.

Командир 3-го кавалерийского корпуса для ее выполнения решил прорвать расположение противника и приказал:

- 1) перешедшей в его распоряжение Кавказской туземной дивизии (12 сотен, 12 пулеметов и шесть орудий) в 6 часов утра начать наступление в обход Чертовец с юга, в направлении на Хатарув с целью прорыва фронта противника на Обертын; 2) 10-й кавалерийской дивизии (18 эскадронов и сотен, шесть пулеметов и шесть орудий) в 6 часов утра начать наступление на высоту 275 и деревню Виноград, нанося главный удар в направлении Виноград – Прухца с целью прорыва фронта противника в направлении Прухца – Турка; 3) 1-й Донской казачьей дивизии (18 сотен, шесть пулеметов и 12 орудий) в 6 часов утра начать наступление на фронте Башинце – высота 236 с целью прорвать его в направлении Подстац – Подгайчики; 4) общему резерву (16 эскадронов и сотен, 12 орудий) к 7 часам утра 3 июня расположиться на склоне между высотой 350 и деревней Сороки.

С 7 часов утра командир 3-го кавалерийского корпуса был на высоте 303 западнее деревни Сороки. С 6 часов утра началось наступле-

ние. Туземная дивизия была встречена с высот 320 и 243 сильным ружейно-пулеметным огнем и продвинуться вперед не смогла. Между 9 и 10 часами Драгунский, Уланский и две сотни Оренбургского казачьего полка атаковали в конном строю противника на высотах 283 – 275 и 328, что севернее Винограда, и хотя дошли до первой линии неприятельских окопов, но, понеся большие потери от огня противника, спешились и залегли.

В это же время 1-я Донская казачья дивизия, выбив противника из деревни Кирифановка и леса севернее ее и, переправившись под сильным огнем через реку Черняву, овладела деревнями Башинце и Бучачны. К 13 часам выяснилось, что вся линия от урочища Хлибока западнее Чертовец до реки Прут, представлявшая собой мощную укрепленную позицию, занята сильными частями противника, а не арьергардами, как рассчитывало командование. Особенно сильно укрепленными оказались высота 328 и Круглая роща, что западнее Подхустова, и высоты 311, что юго-западнее Балишца. Пленные показали, что на фронте 3-го кавалерийского корпуса находятся около двух дивизий пехоты врага, бригада конницы и не менее 15 артиллерийских батарей. Потери за 3 июня составили: ранен командир 1-го Оренбургского казачьего полка полковник [В. М.] Печенкин*, убито двое, ранено 10 и контужено 11 офицеров; врачей ранено двое; нижних чинов убито 94 и 374 ранено.

В ночь на 5 июня 11-й и 12-й корпуса прорвали расположение противника на реке Прут, который отступил на юг и юго-запад, преследуемый авангардами 11-го и 12-го корпусов и 1-й Терской казачьей дивизией.

* **Печенкин Василий Михайлович (1863–1920).** Из оренбургских казаков. Окончил Оренбургскую военную прогимназию (1881) и Оренбургское юнкерское казачье училище (1884). Участник русско-японской войны 1904–1905 годов в составе 1-го Оренбургского казачьего полка, за боевые отличия награжден тремя орденами. К началу Великой войны полковник. С февраля 1915 года – командир 1-го Оренбургского казачьего полка; с января 1917 года – командир 1-й бригады 2-й Оренбургской казачьей дивизии, генерал-майор (1917). Награжден орденами Святого Владимира 3-й степени с мечами, Святого Георгия 4-й степени и Георгиевским оружием. В Гражданскую войну в рядах белых. Командовал частями группы генерала В. Н. Шишкина (июль 1918). Позднее – командир 1-й бригады 2-й Оренбургской казачьей дивизии, временно командующий (с августа 1918) и начальник 3-й Оренбургской казачьей дивизии (январь 1919), командир 5-го Стерлитамакского армейского корпуса (февраль–апрель 1919 года). 25 апреля 1919 года избран атаманом 4-го округа Оренбургского казачьего войска. Участник Сибирского Ледяного похода. 5 января 1920 года взят в плен красными под Красноярском, расстрелян 30 января. Реабилитирован прокуратурой Омской области в 1995 году.

Задача 3-му кавалерийскому корпусу была в связи с этим поставлена такая: продолжать преследование противника и отбросить его за реку Сучаву в горы. В состав его входила 1-я Терская казачья дивизия. Убыли 1-я Донская казачья и Туземная дивизии.

6 июня 3-й кавалерийский корпус преследовал отступающего противника и вел бой с его арьергардами. К 19 часам 1-я бригада 1-й Терской казачьей дивизии (генерала [И. З.] Хоранова) вела успешный бой с противником у деревни Каменка, где овладела переправами через реку Серет. В это время 2-я бригада терцев (полковник [Н. В.] Скляр) переправилась через реку Серет у Сторожинца и преследовала неприятеля в направлении на Чудын – Фрашауц. На Фрашауц через Петроуц была направлена 10-я кавалерийская дивизия.

1-я Терская казачья бригада на линии местечка Серет вновь встретила сопротивление противника, сбила его, захватив в плен 9 офицеров, 150 нижних чинов, один пулемет и 16 пулеметных ящиков.

7 июня 1-я Терская казачья бригада генерала Хоранова сбила противника с высот у села Каменка, взяв три пулемета, 14 офицеров и более 650 нижних чинов пленных, расположилась на ночлег в деревне Каменка. В то же время 10-я кавалерийская дивизия заняла Нейфрадауц. Бригада полковника Склярова всю ночь вела бой с противником к западу от деревни Чудын. Утром противник повел наступление со стороны Радауц на Нейфрадауц. В это время 1-я Терская казачья бригада, выступив из Каменки, атаковала правый фланг противника, сбила его и на его плечах в конном строю ворвалась в город Радауц, после чего здесь и заночевала.

8 июня было приказано продолжать преследование противника в направлении на Гура-Гумора. В исполнение этого 1-я Терская казачья дивизия выступила из Радауц в 8 часов утра для преследования противника по дороге на Мардзина, Солка, Плес, Гура-Гумора. В 6 часов были высланы разъезды на Виков и Фюрстанталь, а также по ручью Содрец на Солку и через Микулы на Гура-Гумора. Бригаде полковника Склярова было приказано присоединиться к своей дивизии, а 10-я кавалерийская дивизия должна была выступить из Нейфрадауц в 8 часов утра и следовать через Радауц Арбара на Гура-Гумора, выслав предварительно в 6 часов утра разъезды на Мардзин – Плес – Гура-Гумора, на Обершлетуц – Унтернешти – Гура-Гумора. Дополнительно по пути следования 10-й кавалерийской дивизии должен будет выслан для разведки эскадрон.

Сбив противника на перевалах у Плес и севернее Полтиносы, 1-я Терская казачья и 10-я кавалерийская дивизии с севера и востока около 17 часов атаковали Гура-Гумора. Противник оказал жестокое сопротивление, но дружными усилиями обеих дивизий был разбит. В плен было взято более 700 австрийцев и захвачен пулемет. Дивизии для преследования противника выделили по два эскадрона и сотни и расположились в Гура-Гумора на ночлег.

10 июня 3-й кавалерийский корпус продолжил преследование противника в направлении на город Кимполунг. В голове его выступила в 8 часов утра 10-я кавалерийская дивизия. За ней следовала 1-я Терская казачья дивизия. Для разведки в 5 часов утра были посланы: от 10-й кавалерийской дивизии – эскадрон на Кимполунг и Поворита, эскадрон на Ступтуру, Русь Молдовицу. Дополнительно послали разведки на Фрассен – Стулпаканы и далее на Остру. От 1-й Терской казачьей дивизии для этой цели были выделены две сотни: одна – через Ватра Молдовицу в долину Вамы – Мошере, Фундул Молдови – Поворита и другую – на Фрасин – Дземиле – Изворул – Альт Фундул Позоритей и Позорита.

При подходе к Кимполунгу было обнаружено, что противник занимает его восточную окраину и высоты севернее и восточнее его. Тотчас для атаки были направлены части 10-й кавалерийской дивизии. В 14 часов для обхода города с юга были направлены две сотни 2-го Волгского терского казачьего полка. К 16 часам части корпуса заняли высоты по линии 1124 – 953 – 934 и медленно продвигались вперед. Наступление их было встречено сильным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем противника, занимавшего окопы местами в 400 шагах от нашего расположения. Около 17 часов в обход левого фланга неприятеля был направлен Кизляро-Гребенской полк и три сотни Волгского полка генерала Хоранова. Еще раньше к левому флангу драгун у высоты 953 было послано два эскадрона Уланского полка. К 19 часам Гребенской полк овладел Прислопским перевалом, откуда двинулся на Кимполунг с севера и в 20 часов ворвался в него. Вслед за гребенцами туда же с востока и юго-востока ворвались остальные части 1-й Терской казачьей и 10-й кавалерийской дивизий. Противник был окружен и кроме громадных потерь убитыми, потерял пленными 38 офицеров и 1250 нижних чинов. Наши потери: убиты один офицер и девять нижних чинов; ранены два офицера и 52 нижних чина.

Продолжая преследование, части 3-го кавалерийского корпуса (четыре сотни 2-го Кизляро-Гребенского и две сотни 2-го Сунженско-Владикавказского полков) в тот же день заняли деревню Позорита».

Федор Артурович отметил блестящие действия своих подчиненных в приказе от 14 июня 1916 года: «В бою 10 сего июня за обладание городом Кимполунгом решающее значение сыграли обходные части корпуса, особенно 2-й Кизляро-Гребенской полк, ворвавшийся в него во главе с временным командующим 1-й Терской льготной казачьей дивизии генерал-майором Хорановым и командиром полка полковником [В. Д.] Хетагуровым с севера. При этом 1-я сотня полка под командой подьесаула Золотарева, совершив более дальний переход, у западной окраины Кимполунга захватила шоссе и преградила противнику путь отступления. Результатом та-

ких действий стал захват корпусом в плен 40 офицеров, полторы тысячи нижних чинов и 11 пулеметов. Сердечно благодарю всех господ генералов, штаб и обер-офицеров, нижних чинов корпуса за это молодецкое дело, в котором мы овладели городом Кимполунг, став на Карпатах твердой ногой»⁶⁴.

Но вернемся к журналу боевых действий 3-го кавалерийского корпуса:

«16 июня. Командир корпуса решил перейти в наступление и приказал: 1) шести батальонам 103-й пехотной дивизии атаковать укрепленную позицию противника восточнее Якобени и овладеть ей. При этом два батальона должны следовать долиной Вама Шумала с целью охвата ее левого фланга; 2) стрелковому дивизиону 10-й кавалерийской дивизии атаковать противника на фронте высот 1187 и 1217. Наступление пехотных и стрелковых частей начать в 10 часов утра; 3) двумя сотням 1-й Терской казачьей дивизии продолжить выполнение задачи по очищению от противника района высот 1651 – 1857 – 1460 южнее Позориты; 4) 10-й кавалерийской дивизии начать наступление в 4 часа утра, атаковать правый фланг противника, наступающего на Брязу; 5) одновременно с ней бригада генерала Хоранова атакует неприятеля со стороны Бряза; 6) 1-й Донской казачьей дивизии, выступив в ночь из Шипот Камерале, атаковать левый фланг противника, наступающего на Молдаву.

С утра части 3-го кавалерийского корпуса перешли в наступление. Командир корпуса, выехав на наблюдательный пункт, вскоре по дороге был ранен в ногу. Командование принял генерал-лейтенант Марков»⁶⁵.

Получив очередное тяжелое ранение, Ф. А. Келлер доложил командующему 9-й армией генералу П. А. Лечицкому: «Сегодня во время боя ранен шрапнельной пулей в правую ногу. Кость не перебита, но расщеплена. Принужден сдать командование. Рассчитывал отбить наступление противника на правом фланге и взять Кирлибаба и Якобени, в два перехода выйти к Быстрице и оттуда на северо-запад. С Божьей помощью надеюсь до окончания войны поправиться и еще послужить Государю под Вашим начальством. Дня через два буду эвакуирован. Дай Вам Бог счастья и удачи». Интересно, что в первую очередь Федор Артурович известил о своем ранении Царскую семью: «16 июня. Царское Село. Ее Величеству Государыне Императрице Александре Федоровне. Данную мне задачу исполнил, очистив южную Буковину от противника. Сегодня ранен в другую ногу пулей. С Божьей помощью надеюсь снова скоро вернуться в строй для дальнейшей службы Вашим Величествам». Находясь на лечении в тылу, Келлер получал многочисленные письма и телеграммы направляе-

мые ему в госпиталь как офицерами, так и рядовыми. Сохранился один из его ответов, адресованный в штаб корпуса: «Ко всем дивизиям и бригадам корпуса. Горячее спасибо за сочувствие и добрые пожелания всем моим боевым товарищам от генерала до рядового. Глубоко благодарен Вам всем за доверие ко мне в боях, которое Вы проявляли ко мне, и за блестящую удачу, ковавшую нам победу⁶⁶».

Успехи, достигнутые в ходе наступления Юго-Западного фронта, стоили корпусу больших потерь. Однако и результаты прорыва русских армий превосходили ожидания многих. Генерал Марков регулярно направлял своему командиру в госпиталь телеграммы об очередных победах корпуса: «Харьков. Генералу графу Келлеру. Счастлив сообщить, что после девятидневного непрерывного боя, состоявшего из бесконечного ряда атак противника и наших контратак, давших нам много пленных, дух наших частей поколебал упорство врага, и сегодня было замечено его отступление на нашем правом фланге и в центре на свои укрепленные позиции. Я и Ваши ближайшие помощники приносим наше сердечное пожелание в скорейшем выздоровлении. 27 июня».

За время дальнейших боев Луцкого прорыва 3-й кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта В. Е. Маркова по-прежнему проявлял себя с самой лучшей стороны и содействовал максимальному продвижению наступления. То, как воевали «келлеровцы» в отсутствие своего командира, видно из приказов временно командующего корпусом.

24 июня: «Доблестные дивизии 3-го кавалерийского корпуса, 412-й пехотный [Славянский] полк и 3-й батальон 411-го пехотного [Сумского] полка. Вчера, 23 июня, противник, в несколько раз превосходящий нас силами, атаковал Вас на всем нашем фронте протяжением более 40 верст. Ожесточенные атаки неприятеля, поддержанные ураганным огнем его легкой и тяжелой артиллерии, веденные им непрерывно с раннего утра и до позднего вечера, Вами отбиты с большим для противника уроном.

Вы задержали натиск противника, стремившегося прорваться на Буковину, и сейчас стоите твердой ногой, запирая пути на Кимполунг – Гура-Гумора и далее на Черновицы. Уверен, что упорные бои, веденные Вами непрерывно уже восемь дней на вершинах Карпатских гор, еще более закалили Вас, Ваши доблесть и упорство еще увеличились. Наша армия смотрит на Вас и под Вашим прикрытием делает свое Великое дело. Не дадим же противнику выползти из Карпат, и всякую попытку его к этому встретим могучей

Русской грудью. За все последние бои и, особенно за дело 23 июня, приношу искреннюю благодарность всем начальствующим лицам и молодцам нижним чинам»⁶⁷.

29 июня: «С 16 по 26 июня в течение десяти дней непрерывно 3-й кавалерийский корпус вел упорный бой с превосходными силами противника. До 23 июня корпус, наступая на фронте до 50 верст, сбил противника с ряда укрепленных высот и отбросил его на сплошную, заранее укрепленную им позицию, преграждающую проходы в Венгрию на фронт Кишлибаба – Якобешти – Дорка – Вагра.

К этому времени противник, находившийся перед фронтом 3-го кавалерийского корпуса, значительно усилился подвозом пополнений и переброской сюда новых частей с Сербского и Итальянского фронтов. С рассветом 23 июня неприятель перешел на всем фронте 3-го кавалерийского корпуса подавляющими силами в решительное наступление. [...]

В течение 23 июня неприятельские атаки на всем фронте корпуса отражались нашими контратаками, причем на многих участках дело неоднократно доходило до ожесточенных штыковых схваток. [...] 23, 24 и 26 июня неприятель продолжал свои атаки... [...] С рассветом 27 июня обнаружилось ослабление противника против всего правого фланга корпуса. Части корпуса, перейдя в наступление и преследуя противника, в этот же день перешли реку Молдову и заняли передовыми частями высоты по западному берегу этой реки. Противник отступил на свои прежние укрепленные позиции, оставив на местах, где в течение нескольких дней шли горячие бои, своих раненых, груды убитых, много оружия и патронов.

Итак, десять дней непрерывно, Вы, доблестные части 3-го кавалерийского корпуса: 1-я Донская казачья дивизия, 10-я кавалерийская дивизия, 1-я льготная Терская казачья дивизия и 412-й пехотный Славянский полк, вели упорные бои, сначала наступая, а последние четыре дня сдерживая натиск подавляющих сил противника, стремившихся окружить Вас и овладеть городом Кимполунгом. Имея в своих рядах по численности не более восьми батальонов, 3-й кавалерийский корпус на фронте 22 верст отражал яростные атаки 2–30 батальонов противника с многочисленной легкой и тяжелой артиллерией. [...] На каждого из Вас, герои 3-го кавалерийского корпуса, приходилось по нескольку австрийцев, но могучий дух Ваш, беззаветная преданность долгу, удивительная стойкость и выносливость сломали упорство врага и заставили его постыдно отступить на свои укрепленные позиции.

Вы с честью выполнили возложенную на вас задачу, не позволили противнику прорваться в Буковину, удержали в своих руках город Кампулунг и даже близко не подпустили к нему врага, нанесли противнику тяжкие потери и захватили в плен 12 офицеров и до 800 нижних чинов. Будучи с 16 июня непосредственным Вашим начальником и свидетелем Вашей доблестной боевой работы с этого времени и до последних дней, я низко преклоняю голову пред Вами, герои 3-го кавалерийского корпуса, и горячо благодарю Вас»⁶⁸.

До конца июня 1916 года на фронте 3-го кавалерийского корпуса продолжались упорные встречные бои: его части занимали горный хребет и упорно оборонялись. Из опросов пленных выяснилось, что во время наиболее тяжелых боев 25 и 26 июня 3-й кавалерийский корпус не только выдержал натиск 30 полностью укомплектованных австрийских и немецких батальонов с большим количеством легкой и тяжелой артиллерии, которые сильно превосходили келлеровцев, но и отбросил их на исходные позиции.

30 июня, вслед за своим командиром, был ранен и заменивший его генерал В. Е. Марков. Временное командование 3-м кавалерийским корпусом принял генерал-лейтенант Ф. С. Рерберг*. Уже 3 июля он повел «келлеровцев» в энергичное наступление, которое

* **Рерберг Федор Сергеевич (1860–1933)**. Окончил 2-ю Санкт-Петербургскую военную гимназию, Михайловское артиллерийское училище (1881), Николаевскую академию Генерального штаба (1892), Офицерскую кавалерийскую школу. Выпущен в 6-ю артиллерийскую бригаду. С 1892 года старший адъютант штаба 14-й кавалерийской дивизии; с 1898 – штаба Виленского Военного округа; с 1900 – заведующий передвижением войск по железнодорожным и водяным путям Виленского района; с 1907 – командир 9-го драгунского Елисаветградского полка; с 1909 – начальник военных сообщений Виленского, а с 1911 года – Киевского военных округов. Генерал-майор (1911). С началом Великой войны – начальник этапно-хозяйственного управления штаба 3-й армии Юго-Западного фронта. В ноябре 1914 года командовал 2-й Кубанской казачьей, а позднее 7-й кавалерийской дивизиями. Генерал-лейтенант (1915). В течение войны неоднократно возглавлял, оставаясь начальником дивизии, сводные кавалерийские корпуса и исполнял обязанности командира 3-го кавалерийского и 26-го армейского корпусов. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (апрель 1916 года). С апреля 1917 года – командир 7-го кавалерийского корпуса, одновременно в июле–августе был временно командующим 11-й армией; в ноябре–декабре – командующий Особой армией. После Октябрьского переворота уехал в эмиграцию; принимал деятельное участие в работе Союза русских инвалидов в Болгарии.

было остановлено противником только к концу месяца. До середины августа на фронте корпуса шли ожесточенные бои⁶⁹.

3-й кавалерийский корпус и под руководством нового командира продолжал успешную боевую работу. В июле 1916 года генерал Рерберг писал: «9 июля начальник Уссурийской казачьей дивизии, получив донесение, что австрийцы с высоты 1647 (ур. Боирувка) сильно беспокоят нашу пехоту, занимающую позицию рядом с указанной высотой, приказал командиру Донской партизанской сотни сотнику [И. Ф.] Быкадорову произвести разведку этой высоты и по возможности сбить австрийцев, занимающих ее.

Сотник Быкадоров с 49 спешенными казаками пробрался через густой лес и овраги и на высоте 1647 произвел разведку ее и решил атаковать австрийцев. Зайдя в тыл противнику, повел наступление, но оно было обнаружено австрийским полевым караулом, поднявшим крик. Партизаны не дали опомниться караулу, бросились на австрийцев, троих закололи, а четверых взяли в плен и сейчас же вышли на австрийцев, занимающих высоту. Забросав австрийцев гранатами, кинулись в штыки. На месте боя осталось 33 австрийских трупа, остальные австрийцы побежали. Оставив на занятой высоте взвод казаков, сотник Быкадоров с остальными людьми побежал преследовать австрийцев, все время отрезая им путь, выгнал их на нашу пехоту, где австрийцы сложили оружие: сдалось в плен четыре офицера и 53 нижних чина. На высоте 1647 австрийцами оставлено много оружия и палаточный лагерь. В сотне партизан ранено казаков: один тяжело и четыре легко. За беспримерно лихие действия сердечно благодарю сотника Быкадорова и наиболее отличившихся казаков представляю к наградам»⁷⁰.

Положение Австро-Венгрии к концу Брусиловского прорыва, успех которого по разным причинам не был развит в должной степени, было отчаянным. 14 августа в одной из телеграмм, направленных по армиям, генерал А. А. Брусилов писал: «По имеющимся достоверным сведениям Австрия находится в отчаянном положении, переживая КРИТИЧЕСКИЕ минуты. Эти данные необходимо довести до сведения всех чинов армии немедленно, дабы каждый из них воодушевленный этим сознанием, приложил всю свою энергию, упорство и отвагу для достижения поставленной армии задачи, памятуя, что новый удар австрийцам поставит их в БЕЗВЫХОДНОЕ положение и послужит поворотным пунктом во всем ходе войны»⁷¹.

Ставка неоднократно высоко оценивала успехи, достигнутые армиями Юго-Западного фронта в ходе наступления. Приведем

лишь две телеграммы, зачитанные и перед чинами 3-го кавалерийского корпуса.

4 августа: «Начальник штаба фронтом передал следующую телеграмму генерала [М. В.] Алексеева: “Государь Император повелел мне передать благодарность Его Величества армиям 7-й и 9-й, усилиями, мужеством, доблестью и настойчивостью которых сломлены последние участки позиции и одержаны большие успехи, в которых кроется залог разгрома австрийцев и подкреплявших их германо-немецких дивизий. Алексеев”. Счастлив объявить доблестным войскам благодарность нашего обожаемого Верховного Вождя. Генерал [П. А.] Лечицкий»».

25 августа: «По приказанию командующего армией сообщая копию телеграммы: «Сердечно благодарю Вас и доблестные представляемые Вами войска за молитвы о даровании Нам победы. В течение минувшего года и, особенно в последние месяцы, действия закаленных в боях войск Юго-Западного фронта доставили Мне много отрадных минут и поселили во Мне еще большую уверенность в нашей близкой победе. С Божией милостью продолжайте столь успешно начатое дело, за которым с трепетным вниманием и гордостью следит вся наша Великая Родина. В сей знаменательный для Меня день Мне отрадно еще раз благодарить Вас и всех чинов Юго-Западного фронта от старших начальников до последнего рядового за неутомимый и беззаветный ратный подвиг. НИКОЛАЙ»»⁷².

В августе 1916 года войну Австро-Венгрии объявила еще одна страна: «Румыния, в тесном единении с державами Соглашения 15-го сего августа объявила войну Австро-Венгрии. На территорию Румынии, а также на территорию, занятую нашей армией, как например Буковину, каждая из союзных армий будет иметь право вступать лишь если интерес и совместная цель этого потребовали и по предварительному письменному случаю для каждого данного случая»⁷³. Для России появление нового союзника обернулось особыми трудностями, поскольку неподготовленная румынская армия буквально сразу оказалась на грани разгрома. «Выступление Румынии было для России менее выгодным, чем пребывание ее в нейтралитете, ибо это выступление заставило нас уступать Румынии часть нашего заграничного ввоза, который и без того был катастрофически ограниченным»⁷⁴.

В результате, чтобы обезопасить тыл и предотвратить окончательный разгром Румынии «Государь Император Высочайше повелел соизволил образовать из войск 4-й и Дунайской, переименованной в 6-ю русских армий и из румынских войск особый Румынский фронт с подчинением Его Величеству Королю Румынии и на-

значить ответственным помощником Его Величества Короля Румынии генерала от кавалерии [В. В.] Сахарова с правами Главнокомандующего фронтом. Румынскому фронту повелевается считать сформированным с 12 часов 3-го сего декабря»⁷⁵.

Федор Артурович вернулся к своим частям после ранения лишь через три месяца. «Сего числа я вступил в командование 3-м кавалерийским корпусом», – отдал он 15 сентября свой первый по возвращении приказ. Прощаясь с подчиненными, замещавший его генерал-лейтенант Ф. С. Рерберг писал: «Сегодня сдал корпус его постоянному командиру. Два месяца пробыл я во главе 3-го кавалерийского корпуса и эти два месяца совместной с частями работы, подчас при очень трудных условиях, дали мне возможность увидеть и оценить славную боевую работу частей корпуса. Расставаясь ныне с членами штаба и всеми учреждениями 3-го кавалерийского корпуса, приношу всем чинам сердечную благодарность за их труд и их работу и желаю им от души дальнейших успехов»⁷⁶.

Осенью 1916 года командование Юго-Западного фронта планировало развить достигнутые летом успехи. Однако противник сам наносил довольно чувствительные контрудары. 3-й кавалерийский корпус в это время не только упорно оборонялся, но и сам переходил в успешные контратаки. Во время одной из них в ходе боев 3–6 октября был захвачен стратегически важный населенный пункт Скапргенари, а части корпуса продолжили контрнаступление. О том, насколько упорны были тогда бои на этом участке, свидетельствует приказ Ф. А. Келлера от 6 октября, отданный им вскоре после занятия Скапргенари: «Ввиду сильного давления противника на левом фланге терцев наступление правым флангом приостановить, оставив заставу с пулеметом на высотах 1548 – 1647 – 1327. Занять высоты и укрепляться». 5 октября неприятель сумел потеснить терцев превосходящими силами, а также заставил отступить 412-й пехотный Славянский полк, попавший в особенно тяжелую ситуацию. Келлер приказал всеми имеющимися силами контратаковать врага и вернуть позиции. Однако до 17 октября эту задачу командир соседней 103-й пехотной дивизии, несмотря на то, что его части были усилены терцами, не выполнил. Проанализировав эту неудачу, Келлер возмутился тому, что утерянные позиции пытаются вернуть лобовыми атаками, а не действуют в обход, и это несмотря на то, что противник успел укрепиться на них.

Во многом прорыв стал возможен потому, что левый фланг отряда генерала В. И. Голощапова, где стояли румыны, был прорван,

и возникла угроза обхода и окружения. Боевая работа все больше убеждала русские войска в невысокой боеспособности румын. Для исправления ситуации Келлер просил от командования срочного перехода в наступление соседнего с ним 26-го армейского корпуса. Вместе с тем 8 октября он отметил «самоотверженные боевые действия румынского батальона майора Войнеску, действовавшего совместно с терцами в боях под Дорна Ватра»⁷⁷.

8 октября, подводя итоги боев за последнюю неделю, Федор Артурович писал: «С 1 по 6 октября все полки доблестной Терской дивизии, 10-й гусарский Ингерманландский полк, стрелковый дивизион 10-й кавалерийской дивизии, 13-й и 15-й Донские казачьи полки вынесли тяжелые дневные и ночные бои, не имея возможности не только отдохнуть, но и отогреться. Терцы огнем и штыковыми ударами всюду отбросили вчетверо превосходящего их противника, не уступив ему ни одной пяди земли. В этих же боях и также доблестно участвовали и подошедшие им на помощь донцы и гусары. Рядом штыковых атак несколько раз они осаживали настойчиво атаковавшего их яростными атаками противника... [...] Глубоко и низко кланяюсь всем чудо-богатырям, которыми я имею счастье и честь командовать. Горячее Вам спасибо, удалые боевые товарищи, Вы сделали большое дело. Бог в помощь Вам и в предстоящих боях»⁷⁸.

А. Г. Шкуро, прибывший осенью 1916 года в распоряжение Федора Артуровича вспоминал позднее о своей встрече с прославленным генералом: «Я слышал о славной работе вашего отряда, – сказал он. – Рад видеть вас в числе моих подчиненных и готов во всем и всегда идти вам навстречу, но буду требовать от вас работы с полным напряжением сил». Об этом, впрочем, граф мог бы и не говорить; все знали, что служба под его командой ни для кого не показалась бы синекурой. Действительно, после двухдневного отдыха на отряд были возложены чрезвычайно тяжелые задачи»⁷⁹.

Интенсивность боев в октябре была чрезвычайно высока. Келлер отмечал, что, несмотря на самоотверженную работу корпусных хирургов, раненых поступало столько, что они не справлялись с работой и не успевали оперировать даже людей в тяжелом положении. Страдало и снабжение продуктами, которых, как выяснил Федор Артурович, раненые не видели целыми днями⁸⁰.

О происходящем на фронте в середине октября свидетельствует телеграмма Ф. А. Келлера на имя командующего 9-й армией генерала П. А. Лечицкого: «Противник более силен, чем предполагалось. Около 13 часов он повел наступление по всему фронту распо-

ложения 3-го кавалерийского корпуса, направляя свой главный удар на высоты 1442 – 1459 – 1060. По словам попавшего в плен германца, на последний участок наступают части 16-го пехотного Баварского полка. Ввиду растянутости фронта 3-го кавалерийского корпуса есть опасение в том, что я не в силах буду удержаться, что грозит потерей всего кряжа 1399 – 1251 – 1442 – 1553 – 1581 – 1482. Для облегчения положения 3-го кавалерийского корпуса прошу о переходе в наступление правого фланга 68-й пехотной дивизии во фланг атакующего противника»⁸¹.

После этого состоялся телефонный разговор Келлера со штабом армии:

«– У аппарата командир корпуса.

– Здравия желаю, Ваше сиятельство, что прикажете?

– Здравствуйте, Ваше превосходительство. Дела у меня неважные – со всех сторон напирают. Вряд ли я смогу удержаться, так как не забудьте, что у меня не больше четырех батальонов растянуты на 12 верст. По-видимому, главное направление атаки противника – высоты 1399, 1409 и 1251, с одной стороны, а с другой – значительные силы напирают на высоты 1396 и 1442, а также в направлении высот 1452 и 1060, где накапливаются тоже большие силы. Положение опасно не только для меня, но и главным образом для 2-го [армейского] корпуса, так как если немцы прорвутся на 1399, то они выходят на дорогу вдоль ручья Нягра и на Вакария Регулуй, то есть в тыл 2-му [армейскому] корпусу.

Я сегодня утром посылал донесение, прося командующего 9-й армии приказать начальнику 68-й [пехотной] дивизии начать наступление на дорогу Голосарку – Бельбор во фланг наступающим на меня австрийцам. Второй корпус также мог бы помочь наступлением на высоту 1270, от которой австрийцы оттеснили мои части. Против меня объединились и австрийцы, и немцы, как показал пленный 16-го пехотного Баварского полка. Сказать, в каком количестве противник наступает, трудно, так как кругом – сплошной лес и, по-видимому, немцев ведут местные жители по только им известным тропам и заводят их в тыл тех высот, которые мы занимаем. Очень сильно затрудняет оборону то, что густые леса дают немцам возможность накапливаться чуть ли не в десяти шагах от наших частей.

– Могу ли я рассчитывать на скорую поддержку? Не откажите, Ваше сиятельство сказать, [1-я] Терская [казачья] дивизия у Вас вся в резерве или ее часть?

– Три полка терцев у меня в резерве. От полка, приданного 2-му [армейскому] корпусу, подошли две сотни. Но Вы знаете, что две сотни еще у Вас в штабе армии, а еще скажу, что 1-я Терская казачья дивизия – очень малочисленна по составу. Положение здесь еще осложняется тем, что перебрасывать резерв с одного места в другое почти невозможно, так как для того, чтобы перейти с одной горы на другую, надо потратить от трех до пяти часов. А фронт у меня пожалуй даже больше 12 верст. Меня атакуют на всем этом протяжении и могут порвать в любом месте, так что свой резерв я держу за теми позициями, которые считаю самыми опасными. В общем, мой резерв находится в трех группах, по одному полку в каждой.

– Сейчас иду докладывать командиру армии общие данные, что на Ваш правый фланг наступают около двух батальонов баварской пехоты с конными частями австрийцев. Разрешите идти? Не могла бы помочь своим наступлением 26-я [пехотная] дивизия на высоту 1270? Это сразу бы облегчило положение.

– Полагаю, что насчет сил, наступающих на мой правый фланг, Вы не ошиблись. Но, кроме того, на меня довольно усиленно напирают с юга на высоты 1442, 1452 и 1060, а также, по-видимому, накапливаются южнее высоты 1258. Если могу ожидать скорой поддержки, то постараюсь удержаться на занятых мной высотах. В противном случае сегодня же ночью осажу свой левый фланг назад по гребню высот 1442, 1553, 1581, 1482.

– Ушел ли командир корпуса? Нет еще? Разрешите идти с докладом?

– Пожалуйста. Только будут дозоры, возможно, скорее дам свой ответ. Я буду ждать у аппарата, так как сегодня ночью хочу выехать сам на позицию.

– Прошу, Ваше сиятельство, не ждать, так как мне далеко идти, приказание командиру 2-го [армейского] корпуса будет послано, копия будет послана Вам. До свидания, всего хорошего»⁸².

В итоге просьба Ф. А. Келлера не осталась без внимания – ему был выделен [из 26-й пехотой дивизии] на помощь 102-й пехотный Вятский полк. Получив поддержку, в ночь с 29 на 30 октября Федор Артурович предпринял контратаку, о чем свидетельствует его приказ генералу В. И. Голощапову: «Приказываю Вам сегодня же принять под свою команду все части 10-й кавалерийской и 1-й Терской казачьей дивизий, находящиеся на кряже горы от высоты 1396 до высоты 1442 включительно. Тут находятся [2-й] Горско-Моздокский полк [Терского казачьего войска], 11-й драгунский [Риж-

ский] полк, две сотни Оренбургского казачьего полка и [1-й] Волгский казачий полк. С ними Вы должны выбить противника, укрепившегося на кряже между высотами 1396 и 1442. Генералу [В. Е.] Маркову приказываю всю свою артиллерию предоставить в Ваше распоряжение на время исполнения поставленной Вам задачи»⁸³.

Однако в это время резко ухудшилось положение на фронте 1-й Донской казачьей дивизии. Противник окружил ее 30 октября во много раз превосходящими силами и весь день на фронте донцев кипели ожесточенные бои, несколько раз переходящие в штыковые схватки. В конце концов, донцы под напором противника были вынуждены оставить свои позиции, проложив себе дорогу в рукопашном бою. Все их последующие контратаки и попытки вернуть оставленную позицию окончились неудачей из-за многократного превосходства противника.

Полученного полка для изменения ситуации на фронте корпуса явно не хватало, а имевшаяся под рукой 103-я пехотная дивизия, по мнению начальства, была неспособна реально поддержать 3-й кавалерийский корпус «из-за своих показателей». Это подтвердилось после прихода на линию огня одной из ее бригад. Ирония судьбы заключалась в том, что вместо реальной помощи от пополнения Келлеру пришлось самому оказывать ему помощь, тогда как сил для этого практически не было. Федор Артурович писал в то время, что «части 3-го кавалерийского корпуса четыре дня бессменно ведут бой и им очень надо выспаться, так как, несмотря на всю их доблесть и геройство, физическим силам человека есть предел»⁸⁴.

Тяжелая обстановка на фронте 3-го кавалерийского корпуса вызвала нарекания в адрес Ф. А. Келлера со стороны командующего 9-й армией генерала П. А. Лечицкого. 17 октября он направил телеграмму на имя Федора Артуровича: «Ваш доклад НР 1035, как показывают боевые действия вчера и сегодня, не соответствует обстановке, на что обращаю Ваше внимание». Тут же последовал резкий ответ Келлера: «Мой доклад как всегда точно соответствовал обстановке, но она на войне меняется и ею надо, по моему мнению, уметь пользоваться. Ваше замечание нахожу для себя оскорбительным»⁸⁵.

Взаимоотношения с армейским начальством у Ф. А. Келлера зачастую складывались непросто. Характеризуя их, служивший под началом Федора Артуровича А. Г. Шкуро, писал: «С начальством, если он считал себя задетым, шел положительно на ножи. Верхи его поэтому не любили»⁸⁶. Келлер всегда стремился отстаивать свою точку зрения. Однако генерал Лечицкий и слушать не хотел доводы Федо-

ра Артуровича о том, что его люди за полгода ожесточенных непрекращающихся боев вымотались и нуждаются в отдыхе и доукомплектовании⁸⁷. Это был далеко не единственный случай, когда Келлер выяснял отношения с вышестоящим начальством. Так, еще в начале 1915 года во время Карпатского сражения произошел конфликт между Ф. А. Келлером и командовавшим в то время 8-й армией генералом А. А. Брусиловым. Дежурный генерал 8-й армии граф Д. Ф. Гейден вспоминал в эмиграции, что раненый в бою Федор Артурович, возмущенный действиями генерала Брусилова, в это время приехал «раненый на автомобиле к зданию окружного суда, где мы стояли, вызвал меня и просил передать генералу Брусилову, что он не может подняться к нему и просит его спуститься вниз. Брусилов вышел, и Келлер, не стесняясь присутствием моим и шофера, наговорил ему массу откровенных слов, от которых Брусилову не поздоровилось, и после чего он ходил целый день мрачный»⁸⁸.

Между тем документы показывают, что командование 9-й армии ставило осенью 1916 года перед Ф. А. Келлером непосильную задачу. Против ослабленного непрерывными боями 3-го кавалерийского корпуса противник выставил не менее двух свежих пехотных дивизий. В этих условиях речь не могла идти не только о наступлении. Проблематично было даже удержать те позиции, которые занимали «келлеровцы». В дело вмешался генерал-квартирмейстер штаба армий Юго-Западного фронта, который оспорил приказ Лечицкого, по которому 3-й кавалерийский корпус должен был пойти в самоубийственную атаку на хорошо укрепленные позиции противника. Осенью он писал главнокомандующему армиями Юго-Западного фронта генералу А. А. Брусилову: «Скажите, пожалуйста, мне что-то кажется, что Вы не оценили действия 3-го кавалерийского корпуса, а командующий армией позволяет себе посылать даже неприличные телеграммы. Меня это, конечно, мало трогает, так как я служу общему делу, но все же хотелось бы знать Ваше мнение, принесли ли действия 3-го кавалерийского корпуса ту пользу армии, которую я ожидал? Я считаю, что в отношении обеспечения и сосредоточения, которое еще продолжается, так и по занятию чрезвычайно выгодного исходного положения для дальнейшего наступления, его работа принесла фронту неоценимую услугу. Быстрота действий частей 3-го кавалерийского корпуса в последние два дня, взятие ими той укрепленной позиции, во что Ваше сиятельство в своем оперативном докладе отказалось верить и дало повод послать телеграмму НР 1035»⁸⁹.

Безусловно, что критиковать Федора Артуровича было проще, чем поставить ему тягловую силу для перемещения в сложных условиях Карпат горных орудий. Из-за отсутствия вьючных животных чины горных батарей тащили орудия на себе. Это изнуряло людей, замедляло движение и снижало эффективность действий корпуса.

Тем временем 3-й кавалерийский корпус продолжал упорные оборонительные бои. «После полудня корпус, развернувшись на фронте от железной дороги у Цклисти до деревни Арги, завязал бой с насевшим противником, который развернул против нас конный полк и пехотные части, наступление которых поддерживает тяжелая и легкая артиллерия, – писал Ф. А. Келлер вышестоящему командованию. – Последовательно задерживая неприятеля огнем, 3-й кавалерийский корпус начал медленно отходить с наступлением темноты на укрепленные нашей пехотой позиции. В общем, против моего корпуса по разным донесениям действовало до двух кавалерийских дивизий, до четырех батальонов пехоты при мощной артиллерийской поддержке. К утру 4 декабря предполагаю сосредоточить корпус в районе деревень Салтуиоар – Гергеаза, а штаб – в Сационер. Вследствие больших переходов, а в последние дни – непрерывных боевых действий, в том числе и ночью, людской и конский состав корпуса сильно утомились и для дальнейших действий нуждаются хотя бы в кратковременном отдыхе на несколько дней. Необходимо также наладить подвоз продовольствия, приведя командование в известность о больших потерях в людях и лошадях»⁹⁰.

Образование в декабре 1916 года Румынского фронта, в состав которого вошла и 9-я армия, во многом осложнило положение русских частей. Румынские войска были крайне ненадежны. Их слабая устойчивость на позициях вызывала большое неудовольствие Ф. А. Келлера. В своей полевой книжке он дает волю чувствам, жестко критикуя командование за то, что оно поставило его корпус фактически для прикрытия малобоеспособных румынских войск. Когда же румыны стояли впереди его частей, Федор Артурович проявлял беспокойство за судьбу своих подчиненных, поскольку эти «союзники» могли в любую минуту уйти без оповещения своих соседей и те легко оказывались в окружении⁹¹.

О положении на фронте и характере боев в это время рассказывает приказ, отданный в конце декабря 1916 года командующим 6-й армией (также вошедшей в состав Румынского фронта), генералом от кавалерии А. А. Цуриковым: «Оборонительное положение, занимаемое в настоящее время, отнюдь не должно знаменовать собой пас-

сивности, которую однако приходится наблюдать почти на всем фронте. Такое пассивное положение совершенно недопустимо. Подготовленные и смело, дерзко проведенные разведки и набеги не только необходимы для выяснения обстановки и скрывания противника, постоянного его тревожения, утомления и подрыва его духа, но и для боевого воспитания наших, в большинстве по составу молодых частей, втягивания их исподволь в боевую работу. Будите в наших славных частях, в ваших молодцах-героях русскую удачу, молодечество, русскую смекалку, сметку, русский здравый смысл и, применяя все это искусным умом, возможно чаще ставьте противника неожиданно для него в неудобное, тяжелое, опасное, даже смешное положение. Законно заработанный смех над противником – добрый для нас показатель. Всемерно стремитесь к его достижению. Требую от всех корпусов постоянных смелых, дерзких, но тщательно обдуманных, подготовленных, искусных разведок, наскоков, набегов. Длинные ночи нам помогут в этой удачной работе»⁹².

К концу 1916 года части 3-го кавалерийского корпуса после многомесячных непрерывных боев нуждались в отдыхе, пополнении и смене обмундирования, вышедшего у большинства офицеров, солдат и казаков из строя. Положение было настолько тяжелым, что 15 декабря Ф. А. Келлер направил в Ставку рапорт: «Генералу для поручений при Верховном Главнокомандующем Свиты генералу [Б. М.] Петрово-Соловово. 3-й кавалерийский корпус, находясь в постоянных боях и походах, совершенно истомился. Пребывая в короткое время в трех армиях, что потребовало от корпуса напряженной работы не считаясь с его положением, он дошел до шестирядного состава во взводах и не составляет уже той грозной силы, которую представлял до сих пор, и в скором времени должен будет прийти в совершенно небоеспособное состояние. Ходатайствую об отведении корпуса в составе 10-й кавалерийской, 1-й Донской казачьей и 1-й Терской казачьей дивизий в глубокий тыл хотя бы на короткое время, чтобы дать ему возможность пополниться и привести в порядок материальную часть для дальнейшей работы»⁹³.

Однако наверху, очевидно, плохо отдавали себе отчет в происходящем и просили подождать Федору Артуровичу еще три месяца – до февраля 1917 года⁹⁴. Но ситуация становилась настолько тяжелой, что Ф. А. Келлер 6 января 1917 года лично просил помощника главнокомандующего армиями Румынского фронта генерала от кавалерии В. В. Сахарова об отведении его подразделений с линии фронта в тыл. Дополнительной причиной, побудившей Федора Артуровича пойти на этот шаг, стало решение командования

о переподчинении его корпуса румынскому командованию. В результате корпус стал постоянно попадать в затруднительные ситуации. На каждом шагу румыны подставляли 3-й кавалерийский корпус под удар, не затрудняя себя в то же время даже его снабжением.

Не дождавшись ответа, Федор Артурович через день направил телеграмму начальнику штаба армий Румынского фронта генерал-лейтенанту М. И. Шишкевичу: «Из Ружнешти. Прошу не отказать сообщить, какая последовала резолюция помощника Августейшего Главнокомандующего на телеграмму от 6 января за № 16 и будет ли отведен 3-й корпус, так как каждый день промедления пагубно на нем отзывается»⁹⁵.

И действительно, из-за плохого питания по причине отвратительной работы румынских интендантов и такого же снабжения медикаментами личный и конский состав корпуса начали косить эпидемии. Вместе с боевыми потерями они вывели из строя большую часть офицеров, казаков и солдат. На 29 января 1917 года в строю осталось: в 10-й кавалерийской дивизии – 17 офицеров и 506 солдат; 1-й Терской казачьей дивизии – 11 офицеров, 403 казака и 76 лошадей; 1-й Донской казачьей дивизии – 16 офицеров, 435 казаков и 105 лошадей; Заамурской пограничной кавалерийской дивизии – 9 офицеров, 209 солдат и 270 лошадей. В относительно недавно прибывшим в состав корпуса стрелковом дивизионе оказалось людей и коней больше, чем в любой из дивизий корпуса – 20 офицеров и 796 солдат с 320 лошадьми. Всего в январе 1917 года в 3-м кавалерийском корпусе было около 3000 человек с 650 лошадьми. Сравним: на 1 ноября 1916 года в нем было 12 343 шашки и 831 штык⁹⁶. Уже по одному этому можно сделать вывод, что к концу 1916 года «келлеровцы» могли считаться «кавалерийским корпусом» лишь по названию.

Поскольку ответа на новое обращение не последовало, 10 января 1917 года Келлер направил очередную телеграмму: «Ввиду того, что 1) при условиях, в которые поставлен в настоящее время распоряжениями генерала [А.] Авереско 3-й кавалерийский корпус, ему в небоевой обстановке грозит полное уничтожение. После почти трех лет войны я поставлен в положение, в котором принужден просить о снятии с меня ответственности за сохранение частей вверенного мне корпуса для предстоящей еще в будущем боевой работы; 2) подчинение русского генерала, работавшего с самого начала войны всегда в передовых линиях наших войск и не испытывавшего неудачи, генералу румынских войск, ознаменовавших себя только

отступлениями и постыдным бегством, не может не быть обидным для всей Русской армии в целом и меня лично. На основании полученных мной в 1905 году и в настоящей войне трех тяжелых ранений ходатайствую перед Вашим Высочеством о зачислении меня в резерв чинов Киевского военного округа по случаю болезненного состояния вследствие полученных ран»⁹⁷.

Этот крик души подействовал на вышестоящее командование отрезвляюще. 29 января из Ясс начался запоздалый отвод частей 3-го кавалерийского корпуса в тыл, в Бессарабию. В тылу уже чувствовался надвигающийся хаос: для поста гражданские власти не могли отвести корпусу даже положенное число квартир.

Незадолго до отвода частей 3-го кавалерийского корпуса с фронта Федор Артурович 15 января 1917 года был произведен в генералы от кавалерии (старшинство 16 июня 1916 года). Символично, что один из немногих сохранивших до конца верность Государю военачальников, Ф. А. Келлер стал одним из последних, если не последним офицером, произведенным в полные генералы самим Императором.

К концу 1916 – началу 1917 года, по оценке генерала от инфантерии А. М. Зайончковского, Русская армия достигла «по своей численности и по техническому снабжению ее всем необходимым наибольшего за всю войну развития»⁹⁸. Более двухсот боеспособных дивизий противостояли неприятелю, значительно превосходя его силы. На многих участках фронта инициативой полностью владели русские войска.

Приближался февраль 1917 года...

«Всегда нападать, никогда не обороняться»

Причины успешных действий на фронте частей под командованием Ф. А. Келлера во многом объясняются незаурядностью их начальника, его взглядами на роль кавалерии в войне и тем вниманием, которое он уделял воспитанию как офицеров, так и рядовых.

«Тяжело в учении – легко в бою», – именно этого суворовского принципа всегда придерживался Федор Артурович. Достаточно посмотреть приказы по 10-й кавалерийской дивизии за 1912–1914 годы, чтобы понять – успехи «келлеровцев» на фронте Великой войны были совсем не случайны, а стали следствием тяжелой и напряженной работы в мирное время. Об этом, например, говорят доку-

менты за 1913 год: во время военных сборов и учений, проходивших с 16 апреля по 22 июня, подчиненные Федора Артуровича демонстрировали отменные выучку и умение ведения боевых действий – от стрельбы и марш-бросков до форсирования рек⁹⁹. А таких учений было проведено немало. Безусловно, что на фоне многих других кавалерийских частей Русской Императорской армии 10-я дивизия была подготовлена к войне лучше именно стараниями своего начальника, для которого кавалерия стала делом всей жизни. Поэтому, когда весной 1915 года на Юго-Западном фронте началось формирование новых кавалерийских корпусов и стал вопрос о назначении их начальников, взоры командования не случайно обратились именно к Федору Артуровичу как одному из наиболее опытных русских кавалерийских офицеров.

Каковы же были взгляды Федора Артуровича на роль кавалерии в современной ему войне и в чем был залог его успешных действий на фронте? Ответы на эти вопросы мы находим как в изданных им в 1910–1914 годах трех выпусках брошюры «Несколько кавалерийских вопросов», так и в многочисленных приказах, отданных Келлером на фронте.

«К сожалению, в последнее время вновь часто приходится читать статьи, проводящие тот взгляд, что ввиду усовершенствования огнестрельного оружия, способов борьбы и современных боевых порядков кавалерия утратила свою роль на полях сражения, и что грозные когда-то атаки конницы перешли в область славных преданий, – писал Ф. А. Келлер еще в 1910 году. – В лучшем случае авторы этих статей благосклонно соглашаются оставить этому отжившему свое время роду оружия некоторую роль при стратегических разведках и преследовании разбитого противника.

Встречающиеся все реже и реже сторонники кавалерийских атак, у которых все же между строк сквозит недоверие к ним, рекомендуют воспитывать конницу в мирное время так, чтобы она была в состоянии проходить быстрыми аллюрами большие пространства и, не утомляя лошадей и оставаясь способной к бою, в возможно короткое время проскакать обстреливаемые противником площади. Следовательно, из этого взгляда мы не можем не сделать вывод, что кавалерии нет места на самом поле сражения, а ее приходится вызывать откуда-то издалека. Так ли это на самом деле? [...] На мой взгляд, место для конницы на полях сражения не только всегда найдется, но ее место именно там, и даже в возможной близости к передовым частям пехоты.

На ответ, что это трудно и невозможно, я отвечаю, что невозможно-го на свете нет и что на войне все трудно. Но это именно и есть та причина, почему наша конница должна быть подготовленной и уметь бо-

лее чем в былое время применяться и пользоваться местностью, уметь пробираться по таким делям, которые в прежнее время она избегала, принимать такие строи, в которых она, возможно, менее терпит от огня, и уметь скрываться за такими предметами, которыми она прежде пренебрегала. Но место конницы всегда в первых рядах сражающихся. Только тогда она может быть в состоянии воспользоваться минутой и нанести своевременный, неожиданный и губительный удар противнику».

Будучи кавалеристом по призванию, прошедшим через школу русско-турецкой войны 1877–1878 годов и обладавшим богатым опытом, Ф. А. Келлер горячо отстаивал в своих работах место конницы в армии, не устая возражать тем, кто считал ее отжившим свое время родом войск. Он доказывал, что правильное использование кавалерии, способно принести армии пользу, не меньшую, чем она приносила ей в войнах предыдущего столетия.

«Во всех почти учебниках тактики мы находим, что кавалерия – такой дорогой род оружия, который надо беречь, дабы не подвергать напрасным потерям, – замечал Федор Артурович. – Напрасные, то есть бесцельные, потери на войне – преступление, будь они в пехоте, артиллерии или кавалерии. Это не подлежит сомнению. Но исходя из той же истины, что кавалерия – дорогой род оружия, стоящий больших денег государству, я пришел бы к совершенно другому выводу, а именно, что кавалерия, жертвуя собою в военное время и неся большие потери для достижения общих целей совокупно с другими родами оружия, должна вернуть государству те громадные средства, которые в мирное время тратятся на ее содержание. Сбережение кавалерии должно пониматься в смысле сбережения ее конского состава, но не в бою, а до боя, в не переутомлении его ординарческой службой, не держании лишнее время под седлом, не изнурении сторожевой службой и не гонении бесцельно на разведки... Одним словом, надо уметь беречь кавалерию там, где обыкновенно ее не берегут, и жертвовать ею там, где ее в последнее время почему-то стали сберегать. [...]

Наши пехотные начальники никак не могут свикнуться с мыслью, что лошадь не машина, а живое существо, требующее отдыха и корма, и что если этот живой организм надорвать с первых дней кампании, то он откажется служить на время всей войны и вместо важного фактора победы превратится в обузу. Но, как только раздался первый выстрел, сбережение конницы неуместно. Ее место в конном или пешем строю, но непременно в первых рядах сражающихся частей. Она должна жертвовать собой, нести громадные потери и добиться громадных результатов. [...] Воспитайте в кавалерии уверенность в том, что ее призвание не сберегать себя, а, действуя отважно, погибать с пользой для Отечества...»¹⁰⁰.

Начавшаяся Великая война подтвердила опасения Федора Артуровича в отношении эффективности использования кавалерии. Обстоятельства и сложные условия зачастую заставляли командование направлять ее на выполнение не свойственных ей задач. Нередки были и случаи, когда высшие начальники вместо того, чтобы использовать ее достоинства (например, в преследовании противника), наоборот, затрудняли ее действия. Ф. А. Келлер всегда довольно болезненно относился к этому, переживая прежде всего о пользе дела.

Уже 30 августа 1914 года он писал начальнику 3-й Кавказской казачьей дивизии: «К сожалению, есть предел для сил лошадей. Кроме того, вверенная мне дивизия должна пополнить израсходованные снаряды и патроны. Ввиду этого раньше завтрашнего дня дивизия не имеет возможности выступить. Доношу, что с целесообразностью расположения 11-й кавалерийской и 3-й Кавказской казачьей дивизий я согласиться не могу. Части этих дивизий расположены днем и ночью в окопах, вырытых частью в затылок пехотным частям ... частью же на одной линии с пехотой (д. Майдан). Такое расположение, утомляя людей и лошадей, не оправдывается даже местностью, на которой на некоторых участках конница, при вторжении неприятельской пехоты из опушки леса, могла бы оказать содействие нашей пехоте в конном строю. Что касается 10-й кавалерийской дивизии, получив задачу обеспечить правый фланг... ввиду сплошного густого леса на фронте... [ей] пришлось осадить на уступ назад, чтобы иметь впереди себя хоть самый ограниченный обстрел. Простояв два дня и одну ночь на позиции и считая, что постоянное напряжение совершенно не оправдывается необходимостью, я отвел части 10-й кавалерийской дивизии в близлежащую деревню с приказанием в случае тревоги занимать указанные каждому полку места.

В общем считаю долгом доложить Вашему Высокопревосходительству, что, принимая во внимание местность и задачу, данную трем кавалерийским дивизиям, нахожу [ее] совершенно не подходящей, и три кавалерийские дивизии могли бы быть заменены с успехом одним полком пехоты, который принес бы несомненно гораздо больше пользы как по заполнению промежутка между 10-м и 12-м армейскими корпусами, так и по ведению разведки в густом заросшем лесу, в непосредственной близости от противника. Повторяемые приказания командира 12-го [армейского] корпуса [генерала от инфантерии Л. В. Леша] и командующего 8-й армией [генерала А. А. Брусилова] об активной поддержке [76-го] пехотного Кубанского полка, занявшего позицию у деревни Ставки, являются

совершенно невыполнимыми, так как этот полк занял позицию на маленькой лесной поляне, окруженной болотами, на которой присутствие кавалерии могло бы ему лишь помешать. Осуществить же приказание, не считающееся с лесами и болотами, я не могу.

Мне сдается, что единственной задачей для конницы являются действия на путях сообщения противника, так как по моему, может быть и ошибочному разумению, неприятель задерживает наступление теперь своими отборными частями на опушке леса, чтобы выиграть время для отхода своих войск из лесов или же для подвоза подкреплений. В том и другом случае деятельность кавалерии в тылу противника не могла бы не принести пользы»¹⁰¹.

Начавшаяся война, к сожалению, неоднократно подтверждала те опасения, которые высказывал Ф. А. Келлер до ее начала. В 1910 году Федор Артурович писал: «В успешность атак, веденных по открытому месту, я не верю по той причине, что обнаруженная пехотой или артиллерией кавалерийская атака, хотя бы только за две версты – никогда до атакуемых частей дойти не может, а если дойдет, то дойдет в таком разреженном и расстроенном виде, что атака эта результативной быть не может. За три минуты, которые потребуются коннице для прохождения двух верст, нервы всякой пехоты успеют успокоиться, а видя губительное воздействие своего огня на незащитно несущуюся на нее конницу, даже самая плохая пехота приобретет уверенность и необходимое ей спокойствие. Совершенно другое впечатление и несомненный успех сулит неожиданная атака конницы. Только она в состоянии одним своим появлением смутить самую лучшую и стойкую пехоту и, не считаясь с ее численностью, привести ее в полное расстройство и сделать к дальнейшему бою неспособной»¹⁰².

Однако командовать Келлеру пришлось не только прекрасно знакомой и обученной им 10-й кавалерийской дивизией, но и другими частями. Да и убыль в личном составе, особенно офицерском, со временем стала слишком велика, чтобы это обстоятельство не сказалось на качестве действий: многое из того, что он знал и умел, о чем писал накануне войны, донести до вновь прибывших офицеров из-за нехватки времени на их подготовку не удавалось. Подводя итоги очередного боя, 3 июня 1916 года Федор Артурович отмечал: «Сегодняшний день 3-й кавалерийский корпус всеми частями вел усиленную разведку фронта противника на участке Чертовец – Бучачки для выяснения сил противника, угрожавших правому флангу нашей армии. Корпус трудным боем вполне выполнил возложен-

ную на него задачу, собрав о противнике и его расположении такие ценные сведения, за которые армия [его], конечно, поблагодарит.

К сожалению, успех этот достигнут ценой громадных жертв в людях. Преклоняясь перед беззаветной удалей и молодечеством [10-го] драгунского [Новгородского], [10-го] уланского [Одесского] и [1-го] Оренбургского казачьего полков 10-й кавалерийской дивизии, которым приношу от лица службы горячую, глубокую благодарность, я все же должен сказать, что такой же результат можно было достигнуть с гораздо меньшими потерями.

Еще во время командования мною 10-й кавалерийской дивизией как в мирное, так и военное время, я всегда говорил полкам, что кавалерийская атака может быть ведена по открытой местности только на самом близком расстоянии и неожиданно для пехотной части противника. Сегодня же полки были брошены в атаку по открытой местности с дальнего расстояния (тогда как при использовании местности могли быть подведены скрытно на близкое расстояние к противнику) и дошли до противника на выдохнувшихся усталых лошадях. Кроме того, атака была начата без надлежаще проведенной рекогносцировки местности впереди противника, что не могу не поставить в упрек командирам полков. Честь и слава оставшимся в живых удальцам-офицерам и нижним чинам. Вечная память беззаветным храбрецам, положившим жизнь свою за Царя и Родину»¹⁰³.

В отличие от многих начальников, Федор Артурович не считал для себя зазорным лично проверять положение дел в корпусе, касаясь вопросов, которые, казалось бы, не относятся к нему напрямую. То, что Ф. А. Келлер в своем отношении к делу значительно отличался от многих других командиров частей, отчетливо прослеживается при сравнении приказов по 3-му кавалерийскому корпусу за его подписью и подписью исполняющих обязанности командиров этого же корпуса – генералов В. Е. Маркова и Ф. С. Рерберга. Никто из них не уделял такого внимания как различным аспектам жизни корпуса, так и воспитанию личного состава, как Федор Артурович.

Лучше всего об это говорят документы. Вот одно из многих таких свидетельств. 12 сентября 1915 года, побывав на позициях, Ф. А. Келлер писал: «Обходя окопы на правом фланге боевого участка 10-й кавалерийской дивизии, я обратил внимание на неправильное устройство бойниц, допускающих лишь крайне ограниченный обстрел впереди лежащей местности. [...] В этих видах, кроме немедленного расширения бойниц, рекомендую стрельбу поверх

бруствера, для чего предписываю устроить на соответствующей высоте ступеньки в задней крутости траншеи. Казалось бы, все сказанное настолько элементарно, что не должно было бы вызвать необходимость каких-либо указаний с моей стороны. Вот почему меня крайне удивляет, что части, занимая более месяца одни и те же окопы, до настоящего времени не обратили внимания на самое основное требование, предъявляемое к ним как к стрелковой позиции. Вообще из сегодняшнего моего посещения боевого участка я, к сожалению, вынес довольно грустное впечатление, что если начальствующие лица и обходят окопы, то производят это чисто формально, относясь совершенно безучастно к окружающему. Но я, со своей стороны, не могу равнодушно отнестись ко всему мною сегодня найденному на боевом участке 10-го гусарского Ингерманландского полка и потому вынужден командиру его за допущение таких беспорядков объявить выговор, а начальнику 10-й кавалерийской дивизии [генералу В. Е. Маркову] поставить на вид»¹⁰⁴.

Приведем почти полностью еще один приказ за подписью Ф. А. Келлера, отданный им 25 ноября 1915 года. Один из многих подобных, он прекрасно отражает внимание Федора Аргуровича ко всем сторонам жизни корпуса и ведения боевых действий, показывает его взгляды на роль кавалерии в войне. Приказ, написанный во время войны, словно продолжает выпуск брошюры «Несколько кавалерийских вопросов», а во фразе **«Всегда нападать, никогда не обороняться»**, которая очень часто повторяется в отдаваемых им приказах, пожалуй, весь Келлер-военачальник.

«Ввиду того, что в состав корпуса вошли новые части, я вновь подтверждаю к неуклонному исполнению данные мною тактические указания:

§ 1. При движении вперед нам опять придется втянуться в лесную и гористую местность, почему обращаю внимание всех начальствующих лиц на организацию охранения на походе. Совершая переходы в горах, охраняться боковыми заставами и дозорами, как показал опыт, невозможно, так как заставам и дозорам приходилось бы спускаться и подыматься без дорог по кручам и оврагам, задерживающим их движение, и они неизбежно бы отстали от охраняемой ими колонны, следующей без задержки по дороге. Ввиду вышеуказанного приказываю принять к точному исполнению и подготовить все части корпуса к следующему способу охранения: за несколько часов (два-три часа) до выступления с ночлега (если переход приходится совершать по гористой или лесистой местности) от каждой колонны высылать независимо от авангарда по пути следования колонны небольшой от-

ряд силой от каждой дивизии от двух–трех эскадронов (смотря по величине предполагаемого перехода), на который возлагать занятие всех вершин и перевалов по обоим сторонам дороги полевыми караулами и постами от 5–10 человек каждый. [...]

§ 2. Как мне неоднократно приходилось наблюдать в настоящую войну, наша артиллерия предпочитает закрытые позиции открытым, часто стреляет на пределе и занимается, не видя противника, обстреливанием площадей, руководствуясь иногда одним донесением разъезда, что в таком-то селении или за такой-то горой расположены части противника. Бой конницы скоротечен не только в конном, но и в пешем строю. Ввиду этого своевременная поддержка артиллерии для конницы слишком важна, чтобы первая могла тратить хотя бы 10 минут на оборудование закрытой позиции. Поэтому требую, чтобы конная артиллерия всегда и везде выезжала на позиции открытые, выезды же на закрытые позиции допускаю только в том случае, когда у противника обнаружено присутствие артиллерии, могущей помешать выезду наших орудий.

Стрельбу на пределе также совершенно не допускаю. Конная артиллерия не должна терять времени на долгую пристрелку (скоро и точно пристреливаться возможно только по близким и хорошо видимым целям), она должна быть в непосредственной близости от своих частей, дабы иметь возможность преследовать отступающего противника своим огнем. Если еще в пешей артиллерии при обилии снарядов и близости парков стрельба по площадям является иногда допустимой, то в конной артиллерии стрельба по площадям совсем непозволительна, так как конница при выполнении своих задач удаляется часто на большое расстояние от парков, а при неизвестности, что ее ожидает впереди, каждый снаряд для нее слишком дорог, для того чтобы тратить его даром. Ввиду этого стрельбу по площадям совершенно запрещаю и требую, чтобы артиллерия 3-го кавалерийского корпуса открывала огонь только по ясно видимым, окупающим трату снарядов целям.

§ 3. Прошу начальников частей воспретить также и пулеметам открывать огонь с дальних дистанций, так как такая стрельба приучает противника к устрашающему звуку пулеметной стрельбы и, не нанося ему вреда, только ободряет его. Пулеметам следует незаметно и скрытно подбираться к противнику и сразу с близких расстояний осыпать его действенным огнем не далее как с 800 шагов. При невозможности подобраться скрытно лучше молча, не выдавая себя, выждать приближение неприятеля.

§ 4. 1) При встрече с неприятелем требую, чтобы части корпуса немедленно переходили в наступление, охватывая его фланги. Если же на пути следования встретится занятая противником деревня или населенный пункт, то частям корпуса отнюдь не останавливаться, а, оставив небольшую часть с фронта, выходить на путь отступления противника и охватывать его с тыла. Для охранения же своего тыла вы-

ставлять достаточный заслон. Наступление поднимает дух и дает уверенность в себе, оборона же порождает колебания и опасения. Вот почему обороны я не допускаю. Раз принятое решение проводить твердо и энергично, этим спутываются расчеты противника. Он переоценивает наши силы, у него появляются неуверенность и беспорядок. Только наступление дает решительные результаты и победу. Оборона же, как бы упорна она ни была, в лучшем случае может привести к задержанию неприятельского наступления – обороняясь, разбить противника невозможно. Оборона на месте противоречит задачам и назначению конницы. Оборона конницы состоит в нападении и атаке.

2) Предписываю разъярившим всем чинам и особенно начальствующим лицам, что долгое сидение в окопах и пешие бои есть явление только исключительное и ненормальное, вызванное особыми обстоятельствами. Настоящая работа кавалерии теперь, как и раньше, в конных строях. Надо только помнить, что сила конницы заключается в стремительности конных атак и в способности к быстрому маневрированию. Численность спешенной конницы слишком мала, силы ее незначительны, вследствие чего в пеших строях конница не может развить ни могучего натиска при наступлении, ни упорства в обороне, а маневрирование ее сковано коноводами. Опыт настоящей войны много раз подтверждает, что конница, у которой не угасли порыв и удал и умеющая работать в конном строю, может с успехом бить значительно превосходящие силы противника. Я уверен, что все части, входящие в состав вверенного мне корпуса, проникнутся этим, и требую, чтобы части 3-го кавалерийского корпуса в предстоящих боях участвовали всегда в конном строю. К пешему бою может вынудить только болотистая и лесистая местность и кручи, которые конь взять не может.

3) Для достижения в бою быстрых и решительных результатов надлежит сразу вводить в него почти все свои силы, оставив в резерве только самую необходимую начальнику часть отряда для парирования случайностей боя. Употребление войск пакетами приводит лишь к потере времени, поражению по частям и дает противнику возможность одуматься и примениться к обороне. При вынужденном местностью действии в пешем строю приказываю всегда иметь наготове хоть небольшую часть в конном строю, которая, как только противник дрогнет, должна переходить к самому беспощадному, не жалея своих сил, преследованию. Коноводов держать в возможной близости от спешенных частей, дабы спешенные части каждую минуту были готовы к преследованию. Только неотвязное преследование по пятам дает полные результаты и может принудить противника отказаться от дальнейшего сопротивления. В преследовании надлежит развивать наибольшую энергию и быстроту, почему оно должно вестись непременно в конном строю.

4) Обращаю внимание всех начальствующих лиц на поддержание тесной связи между частями как по фронту, так и в глубину: каждый начальник, не ожидая указаний от старших, должен принять меры

к поддержанию связи с соседями и со старшим начальником. Только в этом случае появляется возможность установить полную согласованность в работе частей и их взаимодействие.

5) Самым важным условием победы является взаимная поддержка и выручка. Это священный долг каждого солдата и начальника. Не только командиры частей, но и начальники самых небольших соединений и даже отдельные люди обязаны, не ожидая особых приказаний, спешить на выручку к атакованным противником частям. Идя на выстрелы или на выручку соседа, отнюдь не стараться присоединиться к нему, а напротив, войдя с соседом в связь, стремиться выйти атакующему противнику во фланг или тыл. Опоздания ближайших частей к атакованной колонне не допускаю. В этих случаях конский состав жалеть не приходится – дорога каждая минута. Уклоняясь от первоначального направления, колонна, идущая на выручку, должна все же не упускать первоначальной задачи, почему в первом направлении она обязана оставлять разведку и заслон, а выручив соседа, должна выйти вновь на свою прежнюю дорогу.

Итак, прошу помнить, руководствоваться и внушить не только офицерам, но и всем нижним чинам: 1) всегда взаимная помощь и поддержка; 2) всегда тесная связь по фронту и в глубину; 3) всегда тщательное охранение как на месте, так и на ходу,сообразное с местностью; 4) всегда нападать, никогда не обороняться; 5) спешиваться только в крайних случаях, когда в конном строю действовать нет никакой возможности; 6) никогда не допускать бесцельной орудийной, пулеметной и ружейной стрельбы»¹⁰⁵.

Оставление Ф. А. Келлером своих подчиненных (три раза за время войны Федор Артурович отправлялся в тыл для лечения ранений), не проходило для его корпуса бесследно. Возвращаясь, Келлер вынужден был восстанавливать привычный для него порядок. Наиболее заметной разницей в положении дел оказалась осенью 1916 года. Падение дисциплины и боевого духа даже на относительно благополучном Юго-Западном фронте в это время было уже довольно заметным, и возвратившийся после трехмесячного отсутствия Федор Артурович не мог этого не отметить. Тем не менее 3-й кавалерийский корпус по-прежнему сохранял высокую боеспособность во многом благодаря предпринятым Ф. А. Келлером мерам.

В сентябре 1916 года в приказе по корпусу он писал:

«§ 1. Знакомясь с положением 3-го кавалерийского корпуса и просматривая донесения, полученные от частей, я невольно обратил внимание на те из них, в которых доносилось, что, исполняя приказ по овладению позицией противника, части подошли вплотную к проволочным заграждениям, причем режут их несколько дней. Считаю, что по-

добные донесения могут быть присланы только начальнику, о котором заранее известно, что он никогда в бою сам не бывал и никогда боя не видел, так как каждый начальник, побывавший в бою, не может не знать, что немисливо лежать часами в нескольких шагах от противника, под его огнем, режа при этом проволоку. Одно из двух: или часть, назначенная для резки проволоки, через несколько минут, преодолев проволоку, ворвется в неприятельский окоп, или же, при неудаче, отхлынет через несколько минут, и атаку придется возобновить.

§ 2. Усмотрено мною также недопустимое явление, что донесения о занятии высот или каких-либо пунктов опровергается другими донесениями или не подтверждаются очевидцами. Рекомендую точнее разбираться по картам при донесениях, предписываю впредь всем начальствующим лицам, перед посылкою донесений, проверять их правдивость. Неправильное донесение может повлечь за собой тяжелые последствия не только для полков, стоящих вблизи части, из которой послано ложное донесение, но и для всего корпуса.

§ 3. Предписываю также прекратить крики "Ура!" за 1000 и больше шагов от неприятеля. С криком "Ура!" бросаются в штыки за 50–100 шагов от противника. Крики же "Ура!" на расстоянии 1000 и более шагов от противника только предупреждают врага о том, что против него лежат труссы, боящиеся идти в атаку, и сами, своим криком себя подбадривающие.

§ 4. В мое отсутствие в корпусе имели место печальные и позорные случаи сдачи в плен как отдельных людей, так и небольших частей. Наши деды и отцы ни при каких тяжелых условиях в плен не сдавались, предпочитая честную славную смерть позорному плену. Крепко верили в Бога и свято хранили присягу. Чем же мы хуже наших отцов и дедов!? Те клятвопреступники и подлецы, что сдаются в плен, мало того, что берут на свою душу грех, но еще и подводят ближайшие сражающиеся к ним части и предают своих товарищей, рассказывая в плену о расположении наших частей, чем облегчают действия противника и подводят под смерть и увечье своих братьев. Приказываю к неуклонному исполнению, чтобы все части, находящиеся поблизости, если заметят, что какая-нибудь часть сдается врагу, открывали бы по ней ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь впредь до уничтожения до последнего тех подлецов, что хотели сдаться. Таких жалеть нечего!

§ 5. Бывали случаи, когда в цепях, идущих в атаку, многие люди залегали и дальше не шли, прячась сами и выдавая этим врагу своих молодцов-товарищей. Предписываю немедленно замечать труссов, уклоняющихся от боя, записывать их и после окончания боя предавать полковому суду как солдат, бежавших с поля сражения. Если во время боя не удалось записать труссов-предателей, то немедленно после боя – опрашивать нижних чинов и выяснять личности тех, которые бежали или прятались.

Бывали случаи, что при отступлении солдаты оставляли не только своих убитых, но и раненых товарищей. Этого я не допускаю. Не помочь своему раненому товарищу в беде – недостойно порядочного солдата. Покойников своих, положивших жизнь свою за Царя и Родину, должны непременно отпевать и предавать честному погребению»¹⁰⁶.

* * *

Обучение и воспитание подчиненных было для Ф. А. Келлера одной из первостепенных задач. И до, и во время Великой войны Федор Артурович старался развивать лучшие качества как офицеров, так и нижних чинов и внимательно следил за тем, чтобы их подготовка была на должном уровне, понимая, что в противном случае о победах можно забыть¹⁰⁷.

«...Перевелись настоящие опытные кавалеристы, всю свою жизнь посвятившие любимому делу, изучившие до тонкости порученный им материал, испытывавшие сотни раз на себе самих все отрасли нашей службы от ведения разъездов и командования постами до командования эскадронами, полками и дивизиями на многочисленных маневрах и войне исключительно, – писал Ф. А. Келлер в канун войны. – Ряд неудач при применении того или другого способа действий научил их взвешивать и испытывать разные рекомендованные способы действий и выбирать из них самый практичный и целесообразный, который они и проводили в жизнь, основываясь не на вычитанном из книжек или на кабинетных рассуждениях, а на жизни, опыте и практике. [...]

Вся наша работа должна быть направлена к тому, чтобы выработать сознательного отдельного бойца и начальника, умеющего оценить условия, в которых он находится, и принять, не ожидая приказа, соответствующие решения для нанесения противнику удара, сохранив свои силы. А это возможно только тогда, когда у каждого младшего начальника тверда вера в себя, когда он умеет оценить положение находящегося перед ним неприятеля, к какому бы роду войск он ни принадлежал, умеет оценить и воспользоваться открывающимися ему шансами на успех и умеет не упустить выгодную минуту для нанесения ему поражения и для атаки»¹⁰⁸.

Именно на выработку практических навыков, умения принимать самостоятельные решения была направлена повседневная работа Федора Артуровича и в 10-й кавалерийской дивизии, и в 3-м кавалерийском корпусе, этим задачам немало места он уделил и в написанных им выпусках брошюры «Несколько кавалерийских вопросов».

Федор Артурович тяготился присутствием в своей дивизии присланных офицеров запаса, не готовых к его требованиям. В рапорте командующему 8-й армией от 30 января 1915 года он писал: «В пол-

ки вверенной мне дивизии до настоящего времени назначаются офицеры из запаса, и в частности, прапорщики запаса, вследствие чего состав офицеров превышает более чем вдвое положенное их число по штату. Например, в 10-м драгунском Новгородском полку по списку числится 83 офицера. Ввиду малой опытности и неподготовленности большинства офицеров запаса к выполнению важных и ответственных задач, с одной стороны, и с другой – вследствие того, что каждый офицер отнимает от строя трех лошадей (одну – под себя, вторую – под вьюк и третью – под денщика), означенные офицеры являются тяжелым бременем для полков. В то же время в некоторых частях пехоты наблюдается некомплект офицеров, почему не найдете ли, Ваше Высокопревосходительство, возможным часть излишних в полках 10-й кавалерийской дивизии офицеров запаса перевести в части пехоты, наиболее в них нуждающихся?»¹⁰⁹

Когда последовало долгожданное разрешение на откомандирование лишних офицеров в пехоту, командиры входивших в дивизию полков произвели опрос, есть ли желающие добровольно сделать это. Результаты были обескураживающими. В рапорте на имя Ф. А. Келлера командир 10-го драгунского Новгородского полка полковник А. Р. Алахвердов докладывал: «Во вверенном мне полку офицеров, желающих перейти на военное время в пехоту, нет». Такие же рапорты поступили и от командиров 10-го уланского Одесского и 10-го гусарского Ингерманландского полков¹¹⁰.

В результате 28 февраля 1915 года Ф. А. Келлер был вынужден в принудительном порядке отчислить «лишних» офицеров в пехоту, не считаясь с их титулами. Этой унижительной для офицера процедуре был подвергнут даже барон Розен. К весне 1915 года избавиться от «балласта» удалось лишь отчасти. Так, из сорока «лишних» офицеров в пехоту отправили лишь десять наиболее негодных для командования человек из 10-го гусарского Ингерманландского полка, среди которых был и корнет Дублянский, печально прославившийся впоследствии в рядах Южной армии во время Гражданской войны. Но Федор Артурович на этом не остановился, продолжая избавляться от ненужного элемента и в марте того же года¹¹¹.

Вместе с тем Ф. А. Келлер уделял большое внимание воспитанию и обучению вновь прибывающих офицерских укомплектований. В приказах по 3-му кавалерийскому корпусу постоянно встречаются указания Ф. А. Келлера о необходимости подготовки офицеров к боевой работе, распоряжения о проведении тактических занятий и др. Вот лишь несколько из них.

20 октября 1915 года: «В некоторых полках вверенного мне корпуса для ночной разведки высылаются партии под командой унтер-офицеров. Это может быть допущено только в тех частях, где офицеров мало, но не там, где с прибытием молодых офицеров их много. Тем более что для молодых офицеров особенно необходима практика в несении разведывательной службы. Имея в виду важность сведений, добываемых разведкой, и необходимость ее выполнения, разведывательные партии высылают всегда под командой опытных офицеров, придавая им офицеров молодых»¹¹².

17 декабря 1915 года: «Приказываю распоряжением начальников дивизий производить в частях дивизии одиночные, эскадронные (сотенные), полковые и даже дивизионные учения. Артиллерии, которая не стоит на позиции, производить ежедневные проезды для втягивания в работу конского состава. Вновь прибывшим укомплектованиям производить стрельбу»¹¹³.

Ноябрь 1916 года: «Ввиду того, что по всем признакам мы в первую голову встретимся с германской, а может быть, и болгарской конницей, повторить, насколько время допустит, с нижними чинами приемы пикой и вновь внушить им к неуклонному исполнению, что при обнаружении противником нашего разъезда разъезду всегда следует первому атаковать неприятеля, смело бросаться на него и всегда нападать, а никогда не отбиваться»¹¹⁴.

Таких выдержек из приказов можно привести еще очень много.

Отводя части своего корпуса в тыл, Ф. А. Келлер старался с максимальной пользой использовать это время для приведения в порядок оружия, обозов, снабжения и проч. Он лично проверял выдачу индивидуальных пакетов и противогазов, заботясь о сохранении жизней подчиненных, зорко следил за состоянием личного и конского состава. В это же время интенсивно проводились учения: «С отходом частей корпуса на отдых предписываю не менее двух раз в неделю вести тактические занятия с офицерами, обращая особое внимание на решение задач в поле. [...] Собрать теперь же при каждом полку и артиллерийском дивизионе учебные команды, в которые назначать наиболее отличившихся нижних чинов, кои, вследствие своей малограмотности и недостаточного знакомства с уставами, требуют подготовки для занятия ими унтер-офицерских должностей»¹¹⁵.

Не меньше значения Ф. А. Келлер придавал воспитанию и обучению нижних чинов. В его отношении к русскому солдату прослеживаются традиции, идущие от А. В. Суворова и М. Д. Скобелева.

Федор Артурович решительно не соглашался с теми офицерами, которые считали русского солдата отсталым и значительно уступающим в знаниях и умениях нижним чинам западных армий. В 1914 году Ф. А. Келлер, имевший за плечами огромный опыт и как никто другой знавший и любивший своих подчиненных, в последнем выпуске брошюры «Несколько кавалерийских вопросов» посвятил проблеме воспитания рядового состава отдельный раздел.

«Ознакомившись близко с нашим солдатом на войне, прокомандовав более десяти лет эскадронами и девять лет отдельными частями, я убедился в том, что все зависит от воспитания и обучения нашего солдата, – указывал он. – [...] Наш солдат в сравнении с солдатом западных армий, так сказать, школьно или научно действительно менее развит, но сметки и природного ума у него не меньше, а несравненно больше, чем у всякого немца или француза, и это объясняется очень просто: западный простолудин, по большей части житель города или ферм, где ему незнакома ни дикая природа, с которой приходится на каждом шагу бороться, ни десятиверстные пространства, на которых уже с малых лет приходится ориентироваться нашему крестьянину. [...]

Пущенная кем-то фраза о высоком развитии солдата западных армий сравнительно с нашим принята без всякой поверки (надо полагать в силу нашей всегдашней готовности к самооплеванию) на веру и чуть ли не за аксиому, против которой никто даже не считает возможным поднять своего голоса. Наш солдат не развит, наш солдат не любит военного дела и способен действовать только в массе под непосредственным надзором и при подсказе начальника и все его признаваемое в лучшем случае достоинство выражается в покорности, выносливости и, в последнее время, даже заподозренной любви к Отечеству. [...] ...Тот, кто дал себе труд хоть немного ближе узнать русского солдата, кто интересовался его бытом, кто немного проник в его мирозерцание, его взгляды, наклонности и слабости, тот не мог не убедиться в том, что составленное о нашем солдате мнение совершенно не соответствует истине и что все зависит от того, как принять за его воспитание и обучение».

«Проследите за новобранцами, прибывшими в военную часть после принятия их на службу, – писал Ф. А. Келлер. – С каким рвением, с какой жадностью знания и желанием скорее всему научиться принимается за дело большинство из них. И не виноваты они в том, если через два-три месяца этот пыл у многих остывает, интерес к делу притупляется, любознательность усыпает, и мало-помалу появляются лодыри, число которых постепенно растет. Наш простолудин, у которого в силу домашнего воспитания совершенно отсутствует даже понятие о чувстве долга, развивающееся только при особенно благоприятных

условиях на военной службе, болезненно самолюбив и чуток к насмешке. Эксплуатируя эту черту его характера, его можно подвигнуть на любую, даже героический поступок до самопожертвования включительно, но в то же время можно отбить всякую охоту к делу и работе. Второй характерной чертой его является понимание только всего логичного, осязательного, определенного и ведущего прямо к цели. Нашему солдату для сохранения интереса к делу нужен ясный, осязательный вывод, для чего то или другое ему необходимо, и сознание практического применения того, чему его учат»¹¹⁶.

Показательны примеры обучения и воспитания нижних чинов из довоенного опыта, которые Федор Артурович приводит в своей брошюре.

«Выслушивая в былое время сетования эскадронных командиров на глупость и неразвитость солдат, которые отлично отвечают в классе и не умеют применить свои знания на местности, – писал он, – я иногда брался им доказать неосновательность их мнения, для чего призывал прибывших в эскадрон всего два-три дня назад новобранцев и уводил их в поле. Объяснив таким никогда еще не слышавшим слово “дозор” деревенским парням, что вот мол, по этой дороге во время войны следует их эскадрон, что можно со всех сторон ждать неожиданного нападения неприятеля, я приказывал им выбрать по собственному усмотрению и стать на те места, с которых они охраняли бы в действительности свой отряд, если им такое охранение было бы поручено. В результате эти не имеющие никакого представления о походном движении и уставе парни становились на места, указанные уставами и применялись как нельзя лучше к местности, а эскадронным командирам приходилось сознаваться, что не солдат глуп, а они не умеют его учить. [...]

...Мне пришлось быть свидетелем того, как везший донесение молодой солдат, окруженный ловившим его неприятельским разъездом, бросился с лошадью с трехсаженного обрыва в реку, переплыл ее и торжествующе доставил своему начальнику донесение. Видел я, как разъезд прокладывал себе дорогу через такую лесную гущу, через которую, казалось бы, невозможно пробиться и одиночному пешему человеку. Видел я, как солдат в холод и осенний дождь просиживал целую ночь в мокрой канаве с единственной целью захватить неприятельского посыльного и отнять у него донесение. Видел я и то, как разведчик проползал в грязь по несколько верст на животе с тем, чтобы пробраться через сторожевое охранение и открыть расположение противника, или как преследуемый он просиживал часами в холодной воде по горло, как простой рядовой выдумывал, чтобы скрыть свой след, такие фокусы и увертки, которые и в голову никому прийти не могут, – всего не перечтешь. Вечером, сидя у костра, с какой гордостью герой такого происшествия рассказывал товарищам о том, как

он надул глупого противника и этим спас весь свой отряд и чуть ли не всю свою армию от вернейшего разгрома. Видел я, с каким увлечением, завистью и восторгом слушали рассказчика его однополчане, жаждущие такого же случая, чтобы самим отличиться»¹¹⁷.

Выводы, сделанные Ф. А. Келлером на основании многолетнего опыта, он настойчиво воплощал в жизнь в своих частях. Думается, что далеко не в последнюю очередь именно такой подход Федора Артуровича к обучению и воспитанию стал одним из слагаемых успеха «келлеровцев» в годы войны. «Для того чтобы человек отнесся к делу с интересом и сознательно, необходимо его личное участие в исполнении задачи и возможность проявить свою хоть маленькую инициативу, – писал Федор Артурович. – У него должно быть сознание в том, что личное его маленькое “я” играет роль и все же хоть немного способствует достижению общего большого дела. Обстановка, общий план и выполнение целого, иногда сложного маневра, солдату не могут быть понятны, для этого требуется подготовка и знания, ему недоступные. Но зато мелочи маневра, в общей сложности имеющие часто громадное значение, как, например, своевременная доставка донесения, работа отдельного дозора и разъезда, перехват донесения, умение пробраться незамеченным сквозь сторожевое охранение противника, открытие и своевременное отогнание назойливо следящего за отрядом неприятельского разъезда и т.д., для него понятны и интересны, и, развивая в солдате удаль, умение применяться и пользоваться местностью, сметку и решимость, готовят его к исполнению того, что от него потребуется в военное время».

«Познание солдата дается только долгодетней совместной жизнью с ним, наблюдательностью и тактичным умением вызвать его на откровенность..., – заключал Ф. А. Келлер. – Вот почему мне сдается большой ошибкой разрешение молодым людям, никогда не жившим с народом и не имевшим возможности его наблюдать и изучить, поступать непосредственно из гражданских учебных заведений и корпусов в юнкерские училища, откуда они выпускаются уже офицерами в части. Казалось бы совершенно необходимым требовать от молодых людей, посвящающих себя военной службе, прослужить хоть один год вольноопределяющимся в рядах. Без такого условия офицер солдата никогда не узнает, не поймет его мирозерцания и не поймет его слабостей и высоких качеств, а без этого понимания влияние и воспитание являются для него непосильной задачей. На нашем офицере лежит высокое призвание не только учителя, но и главным образом воспитателя, способного своим влиянием, обучением и воспитанием из мягкого вос-

приимчивого деревенского парня создать твердого, уверенного в себе, крепкого, самостоятельного бойца, готового сознательно пожертвовать и жизнью, и достоянием на защиту своего Государя и способного по возвращении домой своим примером и влиянием воспитывать подрастающее деревенское молодое поколение в верности и преданности своему Царю, Вере и Отечеству»¹¹⁸.

«Своими солдатами не торгую!»

Взаимоотношения Ф. А. Келлера с подчиненными – тема отдельного исследования. Документы периода Великой войны свидетельствуют о том, какое большое внимание Федор Артурович уделял заботе не только об офицерах, но и о нижних чинах. Во многих его приказах чувствуется внимательная рука отца-командира, не забывающего о своих подчиненных в любой ситуации, и в то же время – требовательного и строгого начальника, не допускающего малейшего ослабления дисциплины и боеготовности вверенных ему частей.

3-й кавалерийский корпус стал в годы Великой войны своеобразной кузницей кадров: немало воевавших в его рядах офицеров стали впоследствии известными военачальниками, проявившими себя как в ходе Мировой, так и во время Гражданской войн. Наиболее известен из них Петр Николаевич Краснов, воевавший в Великую войну непосредственно под командованием Ф. А. Келлера в рядах 1-й Донской казачьей дивизии, а позднее, в сентябре 1917 года, ставший последним командиром 3-го кавалерийского корпуса и оставивший в своих воспоминаниях теплые строки о своем корпусном командире. Среди подчиненных Федора Артуровича был также Иван Гаврилович Барбович, – один из самых известных кавалерийских начальников белых на Юге России во время Гражданской войны, а позднее, в эмиграции, руководитель одного из отделов Русского общевоинского союза. Высоко ценимый последним Главнокомандующим белой Русской армии генералом П. Н. Врангелем, он провел Великую войну в рядах 10-го гусарского Ингерманландского полка 10-й кавалерийской дивизии и неоднократно отмечался Ф. А. Келлером в приказах и по дивизии, и по корпусу.

В рядах 1-го Оренбургского казачьего полка 10-й пехотной дивизии воевал ставший в конце войны его командиром Александр Ильич Дутов – будущий атаман Оренбургского казачьего войска и один из лидеров русской контрреволюции. Одной из бригад

1-й Донской казачьей дивизии 3-го кавалерийского корпуса с сентября 1916 по октябрь 1917 года командовал еще один видный участник Белого движения – Борис Ростиславович Хрещатицкий. Вместе с Келлером воевали Андрей Григорьевич Шкуро, оставивший яркие воспоминания о Федоре Артуровиче, и Алексей Михайлович Крымов, который после ухода Ф. А. Келлера из армии с апреля по август 1917 года был командиром корпуса. Еще ранее, в марте 1915 года, когда корпус был только сформирован, А. М. Крымов был назначен исполняющим должность начальника его штаба. Этого времени Келлеру хватило для того, чтобы по достоинству оценить личные и профессиональные качества этого человека. В приказе по корпусу № 17 от 30 марта 1915 года Федор Артурович писал: «Всего несколько дней генерал-майор [А. М.] Крымов прослужил с нами, исполняя должность начальника штаба корпуса, но за это короткое время я не мог не оценить в нем храброго опытного, выдающегося ума человека и ценного советника. Искренне сожалея об его уходе из 3-го кавалерийского корпуса ввиду его назначения на должность начальника отдельной Уссурийской бригады и потере для нас генерал-майора Крымова, я от всего сердца желаю ему и его бригаде славных боевых дел. Храни Вас БОГ, Александр Михайлович, и даст он Вам счастья и удачи»¹¹⁹.

Под командованием Ф. А. Келлера воевали два будущих маршала Советского Союза. Георгий Константинович Жуков, будучи в 1916–1917 годах унтер-офицером 10-го драгунского Новгородского полка, был непосредственным подчиненным Федора Артуровича¹²⁰. Александр Михайлович Василевский в 1916 году был прапорщиком 409-го пехотного Новохоперского полка 103-й пехотной дивизии 9-й армии и также оставил небольшие воспоминания об одном из своих начальников¹²¹.

Среди офицеров, непосредственно выдвинутых Ф. А. Келлером, был Василий Евгеньевич Марков, которого Федор Артурович очень ценил. При формировании корпуса Келлер писал в феврале 1915 года начальнику штаба 9-й армии генерал-лейтенанту А. А. Гулевичу: «Убедительно прошу ходатайства и содействия Вашего Превосходительства в случае назначения меня командующим 3-м кавалерийским корпусом об одновременно назначении генерал-майора [В. Е.] Маркова начальником 10-й кавалерийской дивизии.

Генерал Марков, неоднократно замещавший меня, работает с дивизией с начала кампании. При нем дивизия дважды удавалась благодарности Верховного Главнокомандующего. Такая

преемственность в дивизии крайне желательна в интересах дела. Представление назначения генерала Маркова на должность начальника дивизии вне очереди сделано командующему 9-й армией при рапорте»¹²².

Ходатайство Ф. А. Келлера было удовлетворено. Впоследствии, весной 1916 года, генерал В. Е. Марков замещал находившегося в отпуске командира корпуса и по возвращении удостоился его высокой оценки: «Возвратившись к командованию корпусом из шестнадцатидневного отпуска, из докладов и личного осмотра позиций я убедился, что дело продолжения укрепления занимаемых корпусом позиций значительно продвинулось вперед во всем согласно моим требованиям и согласно данных мною при отъезде указаний. В управлении и частях корпуса я нашел образцовый порядок. Ввиду этого считаю своим приятным служебным долгом принести искреннюю благодарность за временное командование корпусом начальнику 10-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту [В. Е.] Маркову»¹²³.

Вместе с тем Келлер далеко не всегда мог выдвинуть на командные должности офицеров, которые, по его мнению, могли принести большую пользу делу. В рапорте от 22 декабря 1915 года на имя командующего 9-й армией генерала П. А. Лечицкого Федор Артурович сетовал: «Так как Ваше Высокопревосходительство упомянули об аттестации на офицеров, то я полагал возможным доложить, что аттестации и представления, исходящие от старших начальников, имеющих возможность видеть своих офицеров в боях и боевой обстановке, к сожалению, не всегда принимаются во внимание. Так, например, выдвигают офицеров несмотря на самую плохую, основанную на делах аттестацию, а когда я хлопотал несколько раз о выдвигании офицера, неоднократно доказавшего свое бесстрашие и недюжинные боевые дарования, то несмотря на то, что даже армия не может отрицать его большую заслугу, в моем ходатайстве мне было отказано на том основании, что имеются старшие кандидаты.

Мне кажется, что в настоящее военное время, когда ощущается такой недостаток в талантливых и энергичных офицерах, первенство выслуги над заслугой не должно иметь места и тормозить наше дело. Я лично считаю себя неспособным руководствоваться при аттестации на офицеров своими симпатиями или антипатиями к ним или какими-либо посторонними соображениями. Об этом свидетельствует и моя почти сорокалетняя служба. Тем не менее мне до сих пор не удалось выдвинуть ни одного действительно вы-

дающегося офицера, которых в командуемом мною корпусе несколько человек и которые на высших должностях принесли бы Родине громадную пользу»¹²⁴.

Как здесь не вспомнить, что еще накануне войны Ф. А. Келлер справедливо указывал на существующие в порядке выдвижения офицеров на новые командные должности: «История кавалерии есть история ее начальников», – это давно известная и неоспоримая истина. Долгая служба исключительно в строю убедила меня в том, что между младшими нашими офицерами встречается много талантливых, обладающих необходимыми качествами для кавалерийского начальника людей, в высших же чинах эти качества встречаются все реже и реже. Казалось бы, при новой аттестационной системе должны выдвигаться лучшие, а не худшие силы. На поверку же выходит, что талантливых офицеров мало дослуживается даже до штаб-офицерских чинов. Где же причина этому грустному и ненормальному явлению? По моему мнению, она кроется в хорошо задуманной, но неправильно проведенной в жизнь коллегиальной аттестационной системе. В силу ли этого, в силу ли врожденного нашего добродушия и склонности творить благотворительность за счет казенного интереса, или в силу других причин, но всегда и везде отстаивается принцип старшинства, а это, не придавая энергии старшим, убивает энергию у действительно выдающихся и превращает их или в инертных, угождающих начальству ожидателей движения, или заставляет их искать применения своей энергии и талантливости вне военной службы, там, где ценится самостоятельность, работоспособность и эта самая восхваляемая и у нас, но поощряемая только на словах инициатива»¹²⁵.

* * *

Впрочем, даже хорошие личные взаимоотношения между Ф. А. Келлером и его подчиненными не давали последним возможностей для поблажек. И в 10-й кавалерийской дивизии, и в 3-м кавалерийском корпусе были установлены жесткий порядок и железная боевая дисциплина, что нравилось далеко не всем. Но наряду с блестящей боевой выучкой не это ли было причиной громких побед «келлеровцев» на фронте?

19 мая 1915 года Келлер выговаривал весьма ценному им самим генерал-майору В. Е. Маркову: «Из донесения Вашего от 19-го сего мая № 1210 я усматриваю, что поставленная частям Вашей дивизии боевая задача на сегодняшнюю ночь не была ими выполнена. В то время как менее опытные в боевом отношении части Ополченческой бригады блестяще выполнили поставленную им задачу, нанесая австрийцам тяжелые потери, заняли и закрепили за собой де-

ревни Шипениц и Лух и захватили более 30 пленных, Ваши части не дошли до соприкосновения с противником. Оправдания, приводимые в Вашем донесении, не могу признать основательными, и неуспех сегодняшнего наступления отношу исключительно к неправильной организации этого наступления и еще более неправильному его исполнению. Предписываю объявить выговор руководящему наступлением подполковнику Тютчеву и сегодня ночью вновь повторить это наступление теми же частями»¹²⁶.

Ф. А. Келлер без колебаний наказывал за проступки начальствующих лиц. В приказе по корпусу от 24 октября 1915 года Федор Артурович писал: «Исполняющий должность начальника штаба 1-й Донской казачьей дивизии капитан [П. И.] Липко* позволил себе не только не исполнить немедленно по получении переданное ему мое приказание, но, получив даже повторное, не потрудился за целый день проследить за его исполнением. Ограничиваясь на этот раз объявлением капитану Липко только выговора, предупреждаю его, что я даже в самых мелочах требую немедленного и точного исполнения раз отданного мною приказа, а также требую того, чтобы получивший его проследил за его исполнением. Было ли оно передано другому лицу, которое его не исполнило, меня не касается»¹²⁷.

В мае–июне 1915 года корпус вел тяжелые бои: противник в это время усилил натиск на его позиции. В ночь со 2 на 3 июня 2-я бригада 1-й Донской казачьей дивизии под напором неприятеля оставила позиции и отступила. Как ни странно, командованию донцов это фактически сошло с рук. Одному из командиров бригады, генерал-майору Каргальскому повезло, – он вообще «не был замечен» Келлером. Другой – генерал-майор П. И. Греков отделался выговором. В то же время есаул Власов, на участке которого произошел прорыв, был отстранен от командования сотней. Помимо этого, Келлер потребовал от Грекова строгого взыскания с его ординарцев, которые не доставили распоряжения оборонявшимся частям под предлогом, что «дорога обстреливается противником»¹²⁸.

Это далеко не единственные случаи, когда Ф. А. Келлер делал нелицеприятные замечания подчиненным ему старшим офицерам. Характер у графа был суровый, выполнять все его требования и ми-

* **Липко Петр Иванович.** Окончил академию Генерального штаба. В декабре 1915 года – капитан, старший адъютант штаба 1-й Донской казачьей дивизии, исполняющий обязанности начальника штаба дивизии. Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени (декабрь 1915 года).

риться с келлеровской манерой ведения дел мог далеко не каждый. Так, у Федора Артуровича не сложились отношения с начальником 1-й Донской казачьей дивизией генерал-майором Г. И. Чоглоковым, который летом 1915 года после ранения Ф. А. Келлера временно исполнял даже должность командира корпуса. Несмотря на боевые заслуги Чоглокова, Федор Артурович давал ему не лучшую аттестацию в штабе армии. Из-за нарушения дисциплины между ними в итоге произошел серьезный конфликт.

23 марта 1916 года в приказе по корпусу Ф. А. Келлер писал: «Заходя сего числа случайно для переговоров по службе в 1-ю Донскую казачью дивизию, я застал в ее штабе трубачей, песенников и сидящую за столом и пившую вино при нижних чинах компанию, из которой сам начальник дивизии и многие из присутствующих офицеров были в нетрезвом виде. Нахожу, что начальнику дивизии преступно допускать нарушение неоднократно объявленной воли ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА о воспрещении употреблять спиртные напитки в войсках и тогда, когда с нижних чинов строго взыскивается даже за одну выпитую рюмку водки, самому показывать в этом пример. В этой связи я не считаю возможным оставить генерал-майора [Г. И.] Чоглокова на занимаемом им посту». В результате Чоглоков, имевший немало наград, вынужден был оставить 3-й кавалерийский корпус: в мае 1916 года он был уже начальником 2-й Туркестанской стрелковой дивизии. В 3-м кавалерийском корпусе происходила своеобразная селекция: те, кто был не готов к напряженной ежедневной работе на благо Отечества и постоянному вниманию со стороны Федора Артуровича, уходили в другие части¹²⁹.

Келлер любил неожиданно нагрянуть на посты и лично оценить несение караульной службы подчиненными. Федор Артурович часто общался с нижними чинами и в случае выявления каких-то огрехов подтягивал до нужного уровня командиров их частей. В приказе от 11 мая 1915 года граф писал: «В одном из полевых караулов (3-й сотни) люди спрятали винтовки от дождя под мост, сами же настолько увлеклись чтением, что не заметили моего приближения. Сторожевой резерв, при котором находился и штаб полка, не принял никаких мер для непосредственного своего охранения и мое появление у деревни Ошихлиб явилось для него совершенно неожиданным. [...] Обращаю внимание начальников всех степеней на подобное совершенно недопустимое отношение к вопросу отправления сторожевой службы, особенно при настоящих условиях непосредственного соприкосновения с противником.

Предупреждаю, что в случае повторения подобных явлений я вынужден буду принять самые суровые меры, [вплоть] до отрешения от командования начальников частей включительно»¹³⁰.

Появление Келлера было особенно неожиданным для подчиненных после его долгого отсутствия (как правило – после ранений). Успевая отвыкнуть от жесткой дисциплины, «келлеровцы» неоднократно получали нарекания с его стороны. 12 сентября 1915 года Келлер писал: «Посетив сегодня передовые окопы, занимаемые 10-м гусарским Ингерманландским полком, я нашел гусар 4-го эскадрона спящими в окопах без амуниции. Конечно, после бессонной ночи отдохнуть людям не только нужно, но этот отдых следует им и предоставить возможно больше. Однако снятие амуниции в непосредственной близости от противника, при возможности его наступления во всякую минуту считаю недопустимым. Такой порядок отправления боевой службы в передовой линии свидетельствует о недопустимом, халатном отношении командира эскадрона к службе и соответственном воспитании им подчиненных ему нижних чинов. Можно себе вообразить, какая суета должна была подняться среди людей в случае внезапного перехода противника в наступление и к каким результатам это могло повести. Считаю такое отношение к делу в военное время нетерпимым, почему предписываю командиру 4-го эскадрона 10-го гусарского Ингерманландского полка штаб-ротмистра Трегубова отрешить от командования эскадроном»¹³¹.

Почти в это же время, 21 сентября 1915 года, после почти двухмесячного отсутствия Федор Артурович выговаривал подчиненным: «В Новоселице и по дорогам, ведущим из расположения частей корпуса, встречаются люди идущие и едущие при одних шапках или даже совсем безо всякого оружия. Мы находимся не в мирной обстановке, а следовательно, каждую минуту можем ждать тревоги. В случае же наступления противника или неожиданного выступления частей из своих расположений отлучившиеся люди не будут в состоянии сразу присоединиться к своим полкам, а должны будут скакать к своим квартирам и отыскивать свое оружие, что не может не вызвать и беспорядок, и суету. Приказываю: куда бы офицер, солдат или казак не отлучались из расположения своих полков, чтобы они всегда были бы в полном вооружении»¹³².

В сентябре 1916 года, возвратившись к своим частям через три месяца после очередного ранения, Федор Артурович сразу показал подчиненным, что за время лечения он не размяк и по-прежнему

остается таким же требовательным командиром. 2 октября 1916 года он писал другу и сослуживцу, начальнику 10-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанту В. Е. Маркову: «Из Вашего приказа по дивизии № 80 усматриваю: 1) Вами не приняты меры по обеспечению шоссе Бронштени – Палриноса и по поддержанию отряда полковника [В. В.] Чеславского, что должно быть главнейшим; 2) не освещен главнейший район в западном направлении на фронте Патрариш – Топлица и 3) одновременно розданы две задачи – по разведке и по поддержке связи, что недопустимо». Досталось Маркову и за более ранние дела: «11–30 сентября 1916 года [Ваши части] стояли на позиции и не смогли даже вырыть нормальные окопы, хотя должны были их сделать, в том числе и с проволочными заграждениями»¹³³.

Начальникам частей 3-го кавалерийского корпуса нередко попадало от Федора Артуровича и за недостоверные донесения. В ноябре 1916 года Келлер распекал подчиненных: «Командующим 1-й Донской казачьей дивизией была допущена присылка совершенно невероятных и, по проверке, не отвечающих обстановке донесений. Так, например, 29-го числа командующий дивизией донес, что 13-й [Донской казачий] полк отбил 11 атак, а 9-й [Донской казачий] полк отбил 4 атаки, веденные превосходящими силами противника, причем дело доходило до штыков. По проверке оказалось, что за весь этот день потери: в 13-м [Донском казачьем] полку убит один офицер, один казак, ранено шесть казаков, а в 9-м [Донском казачьем] полку – два раненых казака.

Зная и высоко ценя доблесть и удалство донцев, я всегда радуюсь малым потерям, понесенным этими молодцами, но все же не могу допустить, чтобы в штыковой свалке с превосходящим численностью противником они могли потерять такое малое число казаков, из чего заключаю, что об отогнанных наступающих разведывательных партиях мне было доложено как о будто бы отбитых атаках. Полки 1-й Донской дивизии стяжали себе в настоящую войну настолько много славы, что в преувеличениях и неправде не нуждаются, а о недопустимости и вреде преувеличенных и неправдивых донесений я говорил и писал уже не раз. [...] Ставлю допущения неправильных донесений, потерю связи и растерянность на вид командующему 1-й Донской казачьей дивизией»¹³⁴.

То, что в приказах по корпусу Ф. А. Келлером неоднократно делались замечания подчиненным о неправильном ведении действий, оборудовании позиций и проч., лишний раз подтверждает тот

факт, что Федор Артурович всегда старался быть вместе со своими частями на линии фронта. Осенью 1916 года Келлер выговаривал, что 5 октября во время внезапной атаки противником позиций 412-го пехотного Славянского полка «людей в окопах оказалось мало, так как многие из них отсутствовали по разным причинам. Офицеров также не было в окопах, а это именно и было необходимо при таком окопном положении, какое занимали наши окопы по отношению к позиции противника. Не было также, по-видимому, артиллеристов-наблюдателей в пехотных окопах, и артиллерия, по-видимому, сначала упустила момент для открытия огня, а затем стреляла по своим... Вообще служба в окопах неслась халатно, а это и было причиной внезапной атаки противника, подметившего это ранее и изучившего местность»¹³⁵.

В декабре 1916 года в 3-м кавалерийском корпусе произошел позорный случай с ротмистром Решетинским, который с подчиненными ему людьми без приказа и извещения покинул боевые позиции, чем поставил весь корпус в тяжелое положение. Отведя части в тыл, Келлер не забыл этого: невзирая на заступничество за сына влиятельного отца-Решетинского, ротмистра ожидало суровое наказание¹³⁶. Спасли Решетинского лишь февральские события.

Не меньше внимания Келлер уделял и дисциплине среди нижних чинов, не оставляя без внимания упущения по службе. В отношении проступков подчиненных, которые могли бы повлиять на боеспособность 3-го кавалерийского корпуса и снизить моральную устойчивость его чинов, Ф. А. Келлер был беспощаден. Он жестоко карал самовольные отлучки нижних чинов, предавая их за это военно-полевому суду¹³⁷.

Федор Артурович обращал большое внимание и на незначительные проступки и упущения по службе, полагая, что развал начинается именно с подобных фактов. 29 ноября 1915 года, отдавая приказ по корпусу, он писал: «Сегодня мне повстречался на дороге старший ветеринарный врач 13-го казачьего Донского полка коллежский советник Громов. Установленной чести он мне не отдал и, небрежно отмахивая рукой, даже не приложил ее к козырьку фуражки. На мой вопрос, почему он этого не сделал по отношению к начальнику, ветеринарный врач доложил, что он меня не узнал. Полагаю, что не узнать меня было трудно, так как ехал я в сопровождении ординарцев и корпусного значка. Но если даже это и было так, то все же ветеринарный врач не мог не видеть, что едут офицеры, а при отдании военного приветствия даже младшему офицеру

или даже при принятии отдаваемой нижними чинами чести, небрежное отмахивание рукой неприлично и недопустимо. Предписываю ветеринарного врача 13-го казачьего Донского полка Громова арестовать на гауптвахте на две недели»¹³⁸.

За период командования Ф. А. Келлером 3-м кавалерийским корпусом в нем несколько раз происходили случаи оскорблений и даже насилия над офицерами со стороны нижних чинов. Всякий раз Федор Артурович жестко наказывал виновных. В приказе по корпусу от 28 сентября 1915 года говорилось: «17 сего сентября имел место случай, когда казаки 1-го казачьего Оренбургского полка 3-й сотни Спиридон Ушаков и Григорий Морозов, бывшие в ночном обходе местечка Новоселица, проявили усердие не по разуму, обратившись к прапорщикам 10-го Донского казачьего полка Митрофанову и 9-го казачьего Донского казачьего полка Гудкову с неподобающими требованиями. Временно исполняющему должность корпусного коменданта подьесаулу Анисимову объявляю выговор за то, что не внушил своим казакам, как держать себя с офицерами. На казаков же Спиридона Ушакова и Григория Морозова корпусному коменданту наложить строгое взыскание».

Произошло же следующее: казаки в грубой форме потребовали от офицеров, оскорбляя их нецензурной руганью и угрозой физической расправы, удалиться из помещения, не предназначенного для постоя там донцов. Казаков наказали, но, очевидно, подьесаул Анисимов не успел донести до своих подчиненных правила обращения с офицерами. Вслед за этим в корпусе произошло еще одно чрезвычайное происшествие: оренбургские казаки урядники Иван Логинов и Антон Епанешников в состоянии опьянения учинили буйство, отказавшись подчиниться старшим по званию и отправиться в расположение полка. При этом нарушители угрожали офицерам убийством. Военно-полевой суд при личном участии Ф. А. Келлера вынес виновным суровые приговоры: Логинов, имевший за отвагу и храбрость два Георгиевских креста, был лишен чина, всех наград и отправлен на восемь лет на каторгу. Второй казак, также лишенный чина и наград, отделался четырьмя годами заключения¹³⁹.

Скоро сам корпусной комендант едва не поплатился жизнью из-за поведения своих подчиненных. Не успели провести заседание предыдущего военно-полевого суда, как случилось следующее: казаки урядники Войска Донского, Георгиевские кавалеры, раздобыли спиртное и сильно напились. В таком состоянии их и застал подьесаул Анисимов. Когда офицер сделал им замечание, потребовал уго-

мониться и вернуться в расположение части, то один из них, Василий Курносов, ударил корпусного коменданта шашкой по голове, нанеся тяжелую рану, которая едва не привела к его гибели. Другой урядник даже не пытался предотвратить столкновение и бежал с места преступления. Вновь был собран военно-полевой суд. Ввиду того, что происшествие носило чрезвычайный характер, в работе суда участвовали все старшие офицеры корпуса. В результате Курносов был приговорен к расстрелу, лишен чина урядника и всех наград. Приговор утвердил сам Келлер. Решение о казни далось всем нелегко: подсудимый был одним из лучших нижних чинов корпуса, о чем свидетельствовали его многочисленные награды, в том числе – все четыре степени Георгиевского креста. Тем не менее Федор Артурович решился на смертный приговор, справедливо полагая, что лучше потерять одного подчиненного, пусть и героя, но преступника, чем весь корпус. Ведь спусти он это дело «на тормозах», желание оскорбить офицера и даже убить его могло возникнуть и у других. Другой соучастник преступления, имевший три степени Георгиевского креста, был наказан мягче: он был разжалован, лишен всех наград и приговорен к четырем месяцам каторги¹⁴⁰.

Во многих случаях, если он находил приговор военно-полевых судов чрезмерно суровым или, наоборот, чересчур мягким, Федор Артурович лично вмешивался в их работу. И в большинстве случаев такое вмешательство было оправданным. 7 января 1916 года он отменил судебное решение от 22 октября 1915 года в отношении солдата 10-го уланского Одесского полка Григория Хололеенко, который прострелил себе ногу из винтовки. Келлер отменил «самострелу» наказание 20 сутками ареста и освободил его, будучи, очевидно, твердо уверенным в том, что солдат исправится. Впрочем, дело не всегда доходило до суда. 26 августа 1915 года из 2-й батареи 1-го конно-горного дивизиона 3-го кавалерийского корпуса сбежал в Румынию, прихватив с собой 1157 рублей казенных денег, выданных ему для уплаты местным жителям за фураж, старший писарь Машляковский. Следствие установило непосредственную вину в этом командира батареи подполковника Ширна и его заместителя. В результате Келлер поручил виновным офицерам без предания делу широкой огласке вернуть означенную сумму¹⁴¹.

Федор Артурович был строг и неуклонно следовал установленным правилам, не делая исключения и в «женском вопросе». В приказе от 27 октября 1915 года Келлер писал: «Вчера, возвращаясь с передовых позиций, я встретил двух полковых дам в сопровожде-

нии офицеров, из которых одна каталась верхом по укреплениям 2-й позиции, а другая – ехала в экипаже в деревню, где расположена 10-я кавалерийская дивизия. Я неоднократно предупреждал дивизии, что совершенно не допускаю пребывания дам в расположении частей корпуса и что все дамы, кто бы они ни были, появляющиеся в районе расположения частей корпуса, будут арестовываться и отправляться этапным порядком в Россию. Меня крайне удивляют ротмистр Дудоркин и штаб-ротмистр Холщевников, поставившие своих жен в такое тяжелое положение. Вышеупомянутые полковые дамы по моему приказанию арестованы и препровождены к корпусному коменданту, которому приказано передать их жандармским властям для препровождения в тыл.

Крайне сожалею, что по долгу службы мне пришлось прибегнуть к такому крайнему средству. Подтверждаю всем, что безукоснительно буду держаться его, так как не вижу другого выхода для прекращения незаконного посещения дамами боевого расположения частей. Командирам частей, под личной ответственностью, немедленно выселить всех женщин, не принадлежащих к составу местного населения и находящихся в районах расположения полков и батарей. Ротмистра Дудоркина арестовываю на 30 суток с исправлением служебных обязанностей, штаб-ротмистра Холщевникова – на 7 суток, а корнета Эмниха и прапорщика Водяникова – на 3 суток»¹⁴².

Во время войны Келлеру приходилось бороться не только против врага на фронте, но и в тылу: например, с пьянством, разлагающим находящиеся на отдыхе воинские части. Отступая, австрийцы сознательно оставляли русским огромные запасы спиртного, не без основания полагая, что это поможет задержать их наступление. Поэтому Ф. А. Келлер неоднократно направлял казаков для пресечения массовых попок солдат других частей и предпринимал меры для недопущения этого в будущем. 21 декабря 1916 года в районе деревень Никодесчи – Лиресешти, где находился завод по производству алкоголя, вспыхнули беспорядки. Для их подавления Федор Артурович направил с полусотней казаков войскового старшину Лосева. Для восстановления порядка в полном объеме этого оказалось мало и Келлер предоставил ему еще одну казачью оренбургскую полусотню, приказав «произвести аресты, выставить караулы, восстановить спокойствие, но к исполнению смертных приговоров без особых распоряжений не приступать. Употребление оружия допускать по необходимости»¹⁴³.

В тот же день он отправил армейскому командованию рапорт о прошедшем: «Для восстановления порядка мной была послана сотня казаков войскового старшины Лосева. Он доносит, что в селе Никодесчи жители занимаются исключительно виноделием и там имеется запас более 200 тысяч ведер вина крепостью от 9 до 12%. Нижние чины расквартированных в этом селении частей и обозов заняты поголовным пьянством. По этой причине за время с 12 декабря по сегодняшний день были случаи убийства, не прекращаются грабежи, изнасилования, кражи денег, имущества и вина, оскорбление чинов жандармерии и буйства. За пьянство войсковой старшина Лосев на месте преступления подверг телесному наказанию двоих нижних чинов. Предполагается организовать при 10-м саперном Сибирском батальоне военно-полевой суд, на что требуется распоряжение Вашего Высокопревосходительства»¹⁴⁴.

Серьезные меры Ф. А. Келлер предпринимал и для соблюдения дисциплины в тылу корпуса. Почти сразу наступили осложнения в отношениях командования корпуса с еврейским населением прифронтовой полосы. Среди разоблаченных шпионов в районе действий 3-го кавалерийского корпуса доля евреев была довольно высока. Кроме того, Федору Артуровичу одна за другой направлялись жалобы за якобы причиненные его чинами евреям обиды. Так, в июне 1915 года Келлеру поступила просьба от Хаима Ванштейна защитить его от казаков и солдат, чья вина заключалась в том, что они отобрали у него доски для крепежа окопов и костров, «а он – человек, обремененный семейством». Имущество было изъято для оборудования укреплений, поэтому резолюция Келлера была соответствующей: «Оставить без последствий»¹⁴⁵.

В конце апреля 1915 года Келлер обратил особое внимание на недопущение братаний русских солдат с противником и нарушений, связанных с употреблением подчиненными спиртного: «Регулярно наши и вражеские нижние чины общаются, происходит обмен хлеба на коньяк, шоколад, водку и сигары»¹⁴⁶. 6 сентября 1915 года Келлер приказал выселить из района расположения 3-го кавалерийского корпуса четверых русин, которые, как доказало следствие, возводили клевету на его чинов о самовольном покосе травы и грабежах. Доказано было и ложное обвинение против двоих донских казаков 3-го корпуса, которых подозревали в убийстве местного крестьянина и грабеже его лошадей. Федор Артурович проводил силовые действия в районе расположения его войск против не только лиц, подозреваемых в шпионаже, но и всех нарушителей установленного

порядка во фронтовой и прифронтовой полосе, включая торговцев спиртом. В телеграмме от 26 сентября 1915 года хотинскому уездному исправнику начальник штаба 3-го кавалерийского корпуса генерал-майор В. И. Сенча писал: «Из дознания, произведенного по особому делу, между прочим, выяснилось, что хотинский мещанин, проживающий в Липканах – Янкель Цукович Гельфен, содержал в своем доме столовую с тайным притоном разврата. Командир корпуса приказал ее немедленно закрыть, о чем донести»¹⁴⁷.

В то же время Ф. А. Келлер никогда не покрывал имевшие место проступки своих подчиненных. Еще 1 августа 1914 года на имя Федора Артуровича поступила секретная телеграмма от командира 10-го армейского корпуса за № 491: «До меня дошли слухи, что некоторые части 1-го казачьего Оренбургского полка, переходя границу Австрии, ведут себя неподобающим образом, обижая местных жителей, угоняя их скот, и был даже случай поджога деревни, в результате чего местное население, относившееся к нам до сего времени благоприятно, может обратиться в наших врагов». Келлер тут же принял соответствующие меры. Если следствие доказывало факты грабежей мирных жителей независимо от их национальности, он привлекал их к военно-полевому суду¹⁴⁸. После его вмешательства к арестантским работам за неправомерные действия против населения был приговорен казак 1-й Донской казачьей дивизии. Келлер был категоричен в отношении мародерства чинов своего корпуса. Виновным грозила смертная казнь, и потому подобных преступлений в расположении 3-го корпуса почти не было¹⁴⁹.

Когда в феврале 1917 года 3-й кавалерийский корпус был, наконец, отведен с фронта в тыл, в Бессарабию, где он должен был отдохнуть и пополниться, Федор Артурович, несмотря на уже появившиеся в армии первые признаки разложения, продолжал держать подчиненных в «ежовых рукавицах». Он не позволял чинам корпуса мародерствовать и жестко пресекал посягательства на имущество населения. 25 февраля 1916 года начальник штаба корпуса издал следующий приказ: «До сведения командира корпуса графа Келлера местными гражданскими властями доведено, что в Оргеевском уезде на тыловых позициях нижними чинами расхищаются колья. Он приказал начальникам всех степеней обратить самое серьезное внимание, дабы расхищение кольев больше не имело бы места, в противном случае от воинских частей будут установлены наряды для охраны позиции, а виновные будут подвергнуты строгому взысканию»¹⁵⁰.

* * *

Ф. А. Келлер заслуженно завоевал у своих подчиненных славу отца-командира. Несмотря на тяжелый характер его «любили боевые товарищи-офицеры и нижние чины, из которых последние называли его просто “Граф”»¹⁵¹.

Служивший под началом Федора Артуровича А. Г. Шкуро писал впоследствии о своем начальнике: «Граф Келлер был чрезвычайно заботлив о подчиненных; особенное внимание он обращал на то, чтобы люди были всегда хорошо накормлены, а также на постановку дела ухода за ранеными, которое, несмотря на трудные условия войны, было поставлено образцово. Он знал психологию солдата и казака. Встречая раненых, выносимых из боя, каждого расспрашивал, успокаивал и умел обласкать. С маленькими людьми был ровен в обращении и в высшей степени деликатен; со старшими начальниками несколько суховат»¹⁵².

Несмотря на тяжелейшую обстановку на фронте, Федор Артурович никогда не забывал о нижних чинах и всегда следил за их довольствием, принимая меры по обеспечению их всем необходимым. Он лично проверял на вкус содержимое солдатских котлов, строго взыскивая, если оно было недостаточно хорошего качества. Во многом поэтому интенданты в 3-м кавалерийском корпусе не рисковали воровать продукты, как это нередко случалось в других частях. 4 июля 1915 года Келлер издал приказ, которым устанавливалась выдача горячей пищи не менее двух раз в день, тогда как в некоторых других частях не удавалось так хорошо кормить нижних чинов даже раз в сутки¹⁵³. Насколько заботливо относился Федор Артурович к здоровью рядовых, говорит его телефонограмма от 7 июня 1915 года, направленная начальнику штаба 10-й кавалерийской дивизии полковнику С. Н. Кулжинскому: «По приказанию командира корпуса прошу срочно донести по телефону о здоровье рядового Сводного пограничного [пехотного] полка Георгия Дану»¹⁵⁴.

Исходя из мер предосторожности Келлер запрещал подвозить сразу за частями походные кухни, опасаясь контрудара противника. 29 марта 1915 года он писал: «Мной был отдан приказ о том, чтобы части корпуса не подтягивали в район своего расположения походные кухни. При проверке этого распоряжения выяснилось, что 10-й уланский Одесский полк и 3-й Донской казачий артиллерийский дивизион решили не исполнять его, и я обнаружил это. Объявляю выговор временно командующему 1-й бригады 10-й кавалерийской дивизии полковнику [А. С.] Данилову, командующему

10-м уланским Одесским полком полковнику [В. А.] Черемисинову и командиру 3-го Донского казачьего артиллерийского дивизиона полковнику [М. В.] Лекареву. Предупреждаю, что за неисполнение отдаваемых мной приказаний буду отчислять виновных от командования»¹⁵⁵.

Заботе о раненых Келлер уделял особое внимание. Командир 10-го гусарского Ингерманландского полка полковник В. В. Чеславский, вспоминая в эмиграции сентябрьские бои 1914 года, писал, что граф Келлер сам «два раза в сутки обходил всех больных, следя, чтобы у каждого больного были у ног бутылки с горячей водой и чтобы растирали тех, у кого сильная рвота и корчи. Отдавая должное графу, он совершенно игнорировал опасность заразиться – подходил к тяжело больным и сам растирал им руки, пробовал, горяча ли вода в бутылках, разговаривал, утешал больных, что холера у них в легкой форме, никто еще не умер и, наверное, смертных случаев не будет. Это сильно ободряло больных солдат морально»¹⁵⁶.

Когда на фронте начались эпидемии, по распоряжению Федора Артуровича для предотвращения желудочных заболеваний среди чинов корпуса в пищу стала добавляться лимонная кислота и была увеличена норма чая. Дополнительно в рацион солдат и казаков по распоряжению Келлера был включен рис, «поскольку было установлено, что он благоприятно сказывается на желудке». Однако и в этом случае Федор Артурович следил за тем, чтобы кашевары его хорошо разваривали, так как благотворное воздействие этой пищи наблюдалось лишь в случае его хорошей обработки¹⁵⁷.

Тот же полковник Чеславский вспоминал, что в один из сентябрьских вечеров 1914 года «граф вызвал всех командиров полков на совещание. Он был сильно взволнован, и как только мы собрались, сейчас же начал всех ругать за недостаточную заботу, проявленную о больных.

Командир конно-артиллерийского дивизиона поднялся и ска зал:

– Что же мы можем больше сделать? Все, что от нас зависело и что Вы требовали, мы выполнили, а прекратить холеру не в наших силах.

Граф взбеленился, вскочил со своего стула, ударил кулаком по столу и закричал:

– Вы еще смеете говорить, что вы все сделали и больше ничем помочь не можете, так я вам покажу, что вы еще можете сделать, – и, обратившись к начальнику штаба, сказал:

– Я назначаю командиров полков ночными дежурными по холерным баракам и вы распределите им очередь.

Выпалив это, граф хлопнул дверью и вышел из комнаты...»¹⁵⁸

От внимания строгого командира корпуса не уходило ничего. Он проникал в самые глубины жизни простых солдат и казаков, пытаясь сделать ее лучше и скрасить выпавшие на долю его подчиненных тяготы. В приказе от 18 сентября 1915 года он писал: «Сегодня мною были встречены подводы, которые везли хлеб в 10-ю кавалерийскую дивизию, который не был накрыт, и вся пыль, поднимаемая повозками, садилась на него. Начальнику дивизии наложить на виновных взыскание и принять меры для устранения подобного беспорядка»¹⁵⁹.

Чтобы накормить своих офицеров, казаков и солдат Келлер не останавливался и перед суровыми мерами. В апреле 1916 года, когда местное население отказалось продавать корпусному интендантству скот, он приказал его реквизировать. В приказе от 25 января 1916 года Федор Артурович указывал: «Ввиду уменьшения выдачи мяса предписываю начальникам частей принять все меры, дабы это не отозвалось на качестве пищи. Требую, чтобы борщ и щи были наваристы и густы, а каша была бы достаточно сдобрена салом и кашица к ужину не была бы жидка. Начальникам частей своевременно озаботиться заготовкой в достаточном количестве запасом продуктов»¹⁶⁰.

Забота Келлера о подчиненных касалась не только еды, но и обмундирования: «В 10-й кавалерийской дивизии я заметил, – писал он, – что у многих улан рваные штаны, и вообще одежда на нижних чинах не в порядке. Обращаю на это внимание начальника дивизии и ставлю на вид командиру 10-го уланского Одесского полка. Предписываю немедленно заменить пришедшие в негодность штаны вполне исправными»¹⁶¹.

Ф. А. Келлер решительно пресекал и случаи рукоприкладства нижних чинов начальствующим составом. Об этом красноречиво говорит его приказ от 16 апреля 1916 года: «Посетив 12 апреля лазарет 5-го Проскуровского отряда Красного Креста, я заметил солдата 5-го эскадрона 10-го драгунского Новгородского полка Луку Секиренко, поступившего туда с прободением барабанной перепонки. По его заявлению, это увечье ему нанес вахмистр того же эскадрона Нарусевич. Из произведенного по моему приказанию дознания выяснилось, что подпрапорщик Нарусевич два раза ударил драгуна Секиренко по уху за то, что последний будто бы не-

достаточно хорошо вычистил лошадь. Однако это опровергается показаниями свидетелей. Избиение солдат я преследовал еще в мирное время и тем более считаю это недопустимым в период военных действий, так как оно выводит людей, призванных для защиты Родины, из строя. По моему мнению, это неподобающий способ отношений, являющийся преступлением. Приказываю немедленно арестовать и предать вахмистра Нарусевича корпусному суду при штабе 9-й армии. Начальнику 10-й кавалерийской дивизии донести мне, насколько виновато в этом незаконном обращении с нижними чинами командование 10-го драгунского Новгородского полка»¹⁶².

Федор Артурович вообще очень внимательно относился к вопросу соблюдения достоинства рядовых чинов: «Солдату внушают на словах о высоком звании воина, а не так еще давно на оградах парков, скверов и при входах на гулянки он мог прочесть: “Собак не водить”, а рядом – “Нижним чинам вход воспрещается”. Распоряжение “По таким то улицам нижним чинам не ходить” мне приходилось читать еще не так давно в приказах по гарнизону. Объяснялись такие распоряжения тем, что солдаты стесняют публику, держать себя на гуляниях не умеют, так же как не умеют ходить по людным улицам, и показываются иногда очень грязно одетыми. Пора, казалось бы, переменить взгляд на солдата, пора посмотреть на него как на взрослого, полноправного человека, отвечающего за свои проступки и поведение, и пора воспитывать его в этом направлении, выказывая ему полное доверие, но в то же время безудержно и строго требуя от него трезвого поведения, сохранения воинского достоинства и умения себя держать на улицах и в людных местах. За малейший же проступок или отступление от приличия и добропорядочности беспощадно взыскивать с него. Только этим способом мы воспитаем самостоятельных твердых людей, которые привыкнут сами следить за собой и отвечать за свои поступки и поведение, будут их обдумывать и взвешивать, а не тех недомыслей, полудетей, которые, вырвавшись из-под глаз начальника на свободу, способны напиться до потери сознания и своей распущенностью коробить общество и ронять достоинство воинского знамени. Воспитание, которое я отстаиваю, не сразу, конечно, принесет желательные плоды и породит вначале много хлопот и неприятностей, но не пройдет и двух лет, как облик нашего нижнего чина, самосознание его и уважение к себе самому совершенно изменится»¹⁶³.

Объектом пристального внимания Келлера был конский состав – основа мобильности и силы 3-го кавалерийского корпуса. С этим вопросом Федор Артурович был знаком не понаслышке.

Еще до войны во втором выпуске своей брошюры «Несколько кавалерийских вопросов» Ф. А. Келлер подробно рассматривал такую серьезную конскую болезнь, как сап, и говорил о необходимых мерах его профилактики (глава «Маллеин как мера искоренения сапа в полках»). Федор Артурович лично участвовал в осмотрах лошадей и принимал решительные меры в случаях, если они нуждались в дополнительном уходе и лечении. Когда к концу 1916 года на фронте отмечался недостаток сена и возникла угроза падежа лошадей, Келлер приказал кормить их более дорогим зерном, предотвратив тем самым утрату боеспособности корпуса¹⁶⁴.

Ф. А. Келлер внимательно следил за тем, чтобы офицеры, солдаты и казаки 3-го кавалерийского корпуса вовремя и по справедливости получали награды. Этому Федор Артурович уделял особое внимание. Каждый его приказ, в котором говорилось о боевых действиях, неизменно заканчивался распоряжением о представлении всех отличившихся к наградам. В документах 10-й кавалерийской дивизии часто встречаются строки, подобные этим, записанным им 26 августа 1914 года в полевой книжке: «Командиру 2-го эскадрона гусар. Вышгородок. Искренне благодарю удаłego командира, молодецкий эскадрон, который первым в дивизии показал пример, как следует бить врага. Представьте к наградам отличившихся»¹⁶⁵.

Когда Ф. А. Келлер вступил в командование корпусом, то обнаружил неурядицу с награждениями отличившихся в подчиненных ему частях. Оказалось, что было немало даже офицеров, не говоря уже о солдатах, которых «забыли» наградить еще за июльские и августовские бои 1914 года. Приказом, отданным в апреле 1915 года, он объявил промедления с награждениями «преступными» и поручил штабу исправить это упущение. Федор Артурович не оставлял незамеченным ни один подвиг своих подчиненных, был внимательным и чутким командиром¹⁶⁶. «Всем частям корпуса, находящимся перед противником, поддерживать с ним непрерывное соприкосновение, производя днем и ночью разведки, тревожа его и захватывая пленных, – писал он в 1915 году. – Наиболее отличившихся в этой работе господ офицеров и нижних чинов немедленно представлять к наградам, дабы последние получали их в день свершения подвига»¹⁶⁷. Когда в начале 1917 года корпус был отведен на отдых в тыл, Ф. А. Келлер издал приказ, согласно которому от каждого эскадрона должны быть представлены к награждению Георгиевскими крестами по шесть наиболее

отличившихся в последние месяцы 1916 года офицеров, солдат и казаков¹⁶⁸.

Вот один из примеров оценки Келлером действий своих подчиненных, которым изобилуют приказы по 3-му кавалерийскому корпусу. 18 декабря 1915 года Федор Артурович отмечал: «Сегодня вернулся из австрийского плена раненый в бою под Котуманом и взятый там в плен подпрапорщик 10-го уланского Одесского полка Пензар. В первый раз он бежал из-за города Вены, куда его завезли австрийцы. Около Будапешта он переплыл Дунай и, скрываясь, прошел 400 верст до румынской границы, где опять был схвачен австрийцами. Отправленный на работы на Сербский фронт, подпрапорщик Пензар вновь бежал, и через всю Сербию и Румынию вернулся в Россию в свой родной полк. Честь и слава отважному улану! Дай нам Бог побольше таких богатырей! Награждаю подпрапорщика Пензара как уже имеющего три степени Георгиевского креста Георгиевским крестом 1-й степени за № 2925 и предписываю представить его в прапорщики»¹⁶⁹. Не осталась без внимания Келлера и «самоотверженная деятельность персонала Проскуровского отряда Красного Креста», находившегося при этом корпусе, что было особо отмечено в приказах¹⁷⁰.

Федор Артурович решительно отстаивал интересы своих подчиненных. Весьма показателен следующий случай: молдавские помещики предложили Келлеру отправить его казаков и солдат батраками на полтора месяца на сельскохозяйственные работы в крупные имения (!). На это последовал решительный отказ Федора Артуровича: своими солдатами он не торгует, и прежде чем предлагать ему подобное, местные гражданские власти могли бы помочь организовать отдых и снабжение войск всем необходимым¹⁷¹.

Позднее выяснилось, что эта инициатива возникла не без участия Великого князя Георгия Михайловича (!) и генерала от кавалерии В. В. Сахарова. Они несколько смягчили просьбу бессарабских помещиков и обосновали необходимость присылки солдат и казаков тем, что полученными таким образом продуктами будут обеспечены все. Но Келлер и здесь заявил решительный отказ, обратив внимание просителей на то, что во время отдыха корпус должен обучать прибывшее пополнение. Последующие попытки Ф. А. Келлера связаться с Георгием Михайловичем, чтобы решить вопросы улучшения быта своего корпуса, неизменно оканчивались неудачей. Он получал ответы, подобные присланной ему 28 февраля 1917 года телеграмме: «Из Царского Села. Командиру 3-го кавалерийского корпуса, гене-

ралу, графу Келлеру. Великий князь уехал в новую командировку, я ничего не знаю. Флигель-адъютант полковник Петровский»¹⁷².

А улучшать было чего, и помощь «келлеровцам» была очень нужна. Ситуация в Русской армии в сравнении с летом–осенью 1915 года, когда она испытывала снарядный и винтовочный голод, была несравненно лучше. Тогда по частям был даже объявлен сбор австрийских винтовок, и некоторые подразделения были перевооружены ими едва ли не полностью¹⁷³. Но и в 1916 году недостаток вооружения был немалым. Так, у чинов Уссурийской и Донской казачьих дивизий к началу 1917 года большая часть винтовок пришла в негодность, и требовалось заменить их новыми. Нужны были винтовки и для новых пополнений. Однако на все рапорты Ф. А. Келлера командованию ответа так и не последовало¹⁷⁴. Вспоминаются горькие слова, сказанные Федором Артуровичем еще до начала войны: «Не впервые русскому солдату бороться с неприятелем, худшим, чем у него оружием, но зачем же повторять ошибки, когда есть полная возможность поставить нас в равные с противником условия»...¹⁷⁵

Уже говорилось о том, сколь неприятные отношения сложились у Ф. А. Келлера с румынским командованием. Однако когда этого требовали интересы дела, он переступал через личную неприязнь. Силами своего корпуса в конце февраля 1917 года Федор Артурович помог 17 румынским полкам заготовить фураж, которого у них не было из-за отвратительной работы интендантской службы, а также помог разместиться их воинским частям по квартирам. Кроме того, благодаря работе чинов корпуса удалось предотвратить разрушительный ледоход на реке Прут, который грозил уничтожить все мосты и прервать связь с армией¹⁷⁶.

О том, как жил корпус накануне революции, свидетельствует письмо Ф. А. Келлера Императрице Александре Федоровне, датированное 24 февраля 1917 года. Отчаявшись, видимо, решить проблемы корпуса с обмундированием, он напрямую обратился с просьбой о помощи к Императрице, знакомой с ним лично и высоко ценившей его: «Милостивая Государыня! Непрерывная тяжелая боевая работа 3-го кавалерийского корпуса в сложнейших климатических и жизненных условиях не давала возможности людям высушиться, обогреться и переменить белье, которое положительно на них истлело. Плохие санитарные условия, в которых по боевой обстановке приходилось быть нижним чинам, а также расквартирование в зараженных тифом селениях, избежать которого было

ных военно-полевому суду шпионов и распространителей прокламаций не было». Однако уже в апреле в только сформированном 3-м кавалерийском корпусе состоялся первый процесс по делу о шпионаже: военно-полевой суд приговорил «австрийского подданного, жителя деревни Онут Федора Семеновича Посовина, обвиняемого в шпионаже в пользу австрийцев, к смертной казни через повешение», и в ночь с 27 на 28 апреля приговор был приведен в исполнение¹⁸⁰.

Весной – летом 1915 года отмечается усиление работы австрийской разведки на участке 3-го кавалерийского корпуса, доставлявшего ему немало неприятностей. Не прошло и месяца, как контрразведка корпуса обезвредила еще нескольких шпионов. В штаб 9-й армии об этом была отправлена соответствующая телеграмма: «23 мая полевой суд в 3-м кавалерийском корпусе присудил неизвестного, назвавшего себя нижним чином 2-го ландверного австрийского полка Яцент Новаком, обвиняемого в шпионаже в пользу австрийцев, к смертной казни через расстрел. Приговор приведен в исполнение сегодня вечером». Всего же с 1 по 30 мая в расположении корпуса было захвачено пятеро подозреваемых в шпионаже, из них четверо – евреи были признаны виновными и повешены. 11 июня было расстреляно еще трое шпионов, а трое подозреваемых в этом за недоказанностью были отправлены для расследования в глубокий тыл¹⁸¹.

Австрийские спецслужбы активно использовали в своей работе еврейское население прифронтной полосы, из-за чего контролю за ним уделялось особое внимание. Ф. А. Келлер принял ряд мер во избежание получения противником сведений о своем корпусе. В телеграмме от 22 сентября 1915 года на имя хотинского уездного капитан-исправника он писал: «В последнее время наблюдаются разъезды евреев по населенным пунктам в расположении и тылу 3-го кавалерийского корпуса под видом скупщиков. Предписываю предпринять безотлагательные меры к прекращению таких разъездов и путешествий евреев в районе от австрийской границы до Днестра и линии Дарабан – Мамальпа. Нарушителей же арестовывать и препровождать в штаб корпуса в Новоселицу»¹⁸².

Для шпионажа противник использовал и детей. Так, среди захваченных корпусной контрразведкой был австрийский подданный Ваня Мельничук, которому было всего 10 лет. Как писал весной 1915 года сам Федор Артурович, «пойманный на фронте 13-й армии мальчик 15 лет сознался, что десять таких же, как он,

подростков были посланы германцами на Грубешов и Грабовец для порчи телеграфных проводов и разведки. Допускаю возможность подобных действий противника на нашем фронте». И случаи задержания детей-разведчиков не были единичными: 9 июня 1915 года контрразведчики задержали двоих тринадцатилетних мальчиков, русин по национальности. Оба были вооружены, и один из них сразу же признался в своей принадлежности к австрийским спецслужбам, а другой напротив, все отрицал¹⁸³.

Обеспечивая безопасность корпуса, Федор Артурович не ограничился выселением отдельных лиц и принял превентивные меры против враждебно настроенного к Русской армии населения. 17 сентября 1915 года он направил командующему 9-й армией генералу П. А. Лечицкому телеграмму: «Жители австрийских деревень Боян, Лихучены, Глиница и Слободзея относятся к нам очень недружелюбно, способствуют неприятельскому шпионажу, занимаясь сигнализацией, а также тайной торговлей румынской водкой. Вследствие изложенного является необходимым поголовное выселение жителей названных деревень. Ввиду имевшихся ранее указаний об оставлении туземного населения на своих местах я затрудняюсь применять статью 507-ю положения о Полевом управлении, почему и прошу разрешения выселения жителей из всех названных австрийских деревень. О последующем решении прошу спешно меня уведомить». Из штаба 9-й армии немедленно пришел ответ, не только разрешающий Келлеру выселение враждебно настроенного населения, но и проведение более суровых мер: «Командующий находит достаточным арестовывать и выселять подозрительных лиц и брать заложников». К 10 октября 1915 года Келлер провел аресты заложников, чтобы избежать возможного восстания, и выселил австрийское население в другое место¹⁸⁴.

В 1915–1916 годах австрийцы с помощью воздушных шаров стали забрасывать в расположение русских войск агитационную литературу. Корпусная контрразведка докладывала, что, несмотря на запреты, казаки и солдаты все же подбирают прокламации для «самокруток», предварительно их прочитав. Листовки носили антивоенный характер: в них нижние чины призывались к дезертирству, если они хотят «остаться в живых», поскольку германская военная машина якобы непобедима¹⁸⁵.

Контрразведка 3-го кавалерийского корпуса работала столь эффективно, что до начала 1916 года противник даже не пытался рисковать жизнями своих шпионов в его расположении. Новый ав-

стрийский шпион – Станислав Антонов Пучака был пойман лишь в январе 1916 года. Однако австрийским спецслужбам все же едва не удалось добиться крупного успеха. В 3-м кавалерийском корпусе произошло чрезвычайное происшествие, связанное с утерей поручиком Д. К. Доброславиным особо секретных документов. В их числе был и шифровальный телеграфный код, который, попав к противнику, мог дать неприятелю существенные преимущества при ведении дальнейших боевых действий. Благодаря оперативной работе корпусной контрразведки удалось установить, что секретные бумаги для передачи австрийцам были похищены крестьянином Алексеем Балынским. Дело поручика Доброславина было настолько важным, что в работу военно-полевого суда вмешался сам Император. Приняв во внимание, что злого умысла в действиях подсудимого не было, он отменил решение о разжаловании Доброславина в рядовые. Исполнение решения суда отложили до окончания войны – своим поведением в бою поручик должен был искупить вину¹⁸⁶.

Объясняя секрет успеха многих операций контрразведки, Ф. А. Келлер писал 18 июня 1916 года, что «много раз результативность действий 3-го кавалерийского корпуса в районе местечка Новоселица зависела от плодотворной работы начальника тайной разведки подполковника 9-го драгунского Казанского полка»¹⁸⁷, имя которого остается пока неизвестным.

«Я христианин, и думаю, что менять присягу грешно...»

11 февраля 1917 года, накануне Февральского переворота, 3-го кавалерийский корпус, отведенный, наконец, с фронта на отдых, находился в районе города Орgeeва Бессарабской губернии. Части корпуса после многомесячных непрерывных боев приводили себя в порядок; шла напряженная каждодневная работа по подготовке вновь прибывшего пополнения. Военная цензура докладывала, что невзирая на все выпавшие на долю «келлеровцев» невзгоды «дух армии – превосходный». В то же время многие чины жаловались на поведение румынских войск, из-за которого с ними неоднократно происходили вооруженные столкновения. Разлагающе на некоторых подействовало и легкодоступное в этих краях вино. Несмотря на наказания, его употребление воинскими чинами по-прежнему продолжалось, хотя в 3-м кавалерийском корпусе

это явление носило лишь эпизодический характер. Военные цензоры подсчитали, что из 5149 писем «бодрыми» были 4640, или 90%¹⁸⁸. Армия по-прежнему была готова выполнять приказы командования.

События, разыгравшиеся в Петрограде в конце февраля 1917 года и приведшие к отречению Николая II от Престола, разразились для армии неожиданно. «Войска были ошеломлены быстротой совершившегося переворота»¹⁸⁹. Известно лишь два случая, когда высшие офицеры Русской армии высказались против отречения Государя: соответствующие телеграммы в Царское Село были отправлены командиром 3-го кавалерийского корпуса генералом Ф. А. Келлером и командиром Отдельного Гвардейского кавалерийского корпуса генералом от кавалерии ханом Г. Нахичеванским. Обе телеграммы были перехвачены и не дошли до своего адресата.

«Многим кажется удивительным и непонятным тот факт, – пишет спустя годы генерал А. И. Деникин, командовавший в то время 7-м армейским корпусом, – что крушение векового монархического строя не вызвало среди армии, воспитанной в его традициях, не только борьбы, но даже отдельных вспышек. Что армия не создала своей Ванден... [...]

Было бы ошибочно думать, что армия являлась вполне подготовленной для восприятия временной “демократической республики”, что в ней не было “верных частей” и “верных начальников”, которые решились бы вступить в борьбу. Несомненно, были. Но сдерживающим началом для всех явились два обстоятельства: первое – видимая легальность обоих актов отречения, причем второй из них, призывая подчиниться Временному правительству, “облеченному всей полнотой власти”, выбивал из рук монархистов всякое оружие, и второе – боязнь междоусобной войной открыть фронт. Армия тогда была послушна своим вождям. А они – генерал Алексеев, все главнокомандующие – признали новую власть. Вновь назначенный Верховный главнокомандующий, Великий князь Николай Николаевич, в первом приказе своем говорил: “Установлена власть в лице нового правительства. Для пользы нашей Родины, я, Верховный главнокомандующий, признал ее, показав тем пример нашего воинского долга. Повелеваю всем чинам славной нашей армии и флота неуклонно повиноваться установленному правительству через своих прямых начальников. Только тогда Бог даст нам победу”¹⁹⁰.

Схожее мнение о событиях февраля 1917 года высказывал русский военный ученый Н. Н. Головин: «Солдатская масса была слишком темна и инертна, чтобы сразу разобраться в событиях. Поэтому можно было наблюдать в различных частях армии совершенно противоречивые проявления. ...генерал Деникин утверждает, что во время чтения манифеста об отречении Государя “местами в строю непроизвольно колыхались ружья, взятые на караул, и по щекам старых солдат катились слезы...” Мы же сами отлично помним донесения нескольких командиров полков, доносивших в штаб армии о том, что их солдаты отказывались присягать Временному правительству перед своим полковым знаменем, требуя немедленного уничтожения на его полотнище вензеля отрекшегося Императора»¹⁹¹. (Выше нами уже приводились данные военной цензуры о благонадежности личного состава корпуса накануне февраля 1917 года. О том, сколь неустойчивы были настроения войск, свидетельствуют данные уже за апрель этого же года, говорящие о том что «свержение монархии» солдаты и офицеры «встретили с радостью»¹⁹².)

По рассказам очевидцев телеграмму из Ставки об отречении Государя в штаб 3-го кавалерийского корпуса получили 3 марта. В тот же день, не сомневаясь в своих офицерах, Федор Артурович вызвал унтер-офицерский состав всех полков дивизии (в сопровождении офицеров) и заручился их преданностью Государю. 4 марта Ф. А. Келлер собрал свой корпус в районе Ореева и во всеуслышание прочитал перед чинами корпуса телеграмму, направленную им Николаю II в Царское село¹⁹³.

Документы показывают, что события развивались во времени несколько иначе, чем об этом говорят рассказы очевидцев. Как следует из воспоминаний, Ф. А. Келлер узнал об отречении Государя 3 марта. Тотчас же удостоверившись в боеспособности своего корпуса и его преданности Престолу, он, тем не менее, отправил телеграмму на имя Николая II лишь в полдень 6 марта – через три дня после того, как узнал об отречении Государя. Очевидно, что известие столь потрясло графа, что, несмотря на всю свою решительность, он все же некоторое время ожидал дальнейшего развития событий. Мы можем лишь предполагать, какую внутреннюю драму пережил Федор Артурович в эти дни, получивший вскоре от вышестоящего командования, еще недавно преклонявшегося перед Государем, приказ о немедленном снятии всех портретов царствующих особ со стен штабов...¹⁹⁴

БИТЬСЯ СЪ ВНЕШНИМЪ ВРАГОМЪ ДО ПОСЛЕДНЕЙ КАПЛИ СВОЕЙ КРОВИ
 И КЪ ПОЛНОЙ ПОБЕДЫ НАДЪ НИМЪ ТОЧКА НО ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО ПРО-
 СТИТЕ НАСЪ ЕСЛИ МЫ ПРИБЪГАЕМЪ СЪ ГОРЯЧЕЙ МОДЬБООЮ КЪ НАШЕМУ
 БОГОМЪ ДАННОМУ НАМЪ ЦАРЮ ТОЧКА НЕ ПОКИДАЙТЕ НАСЪ ВАШЕ ВЕЛИ-
 ЧЕСТВО НЕ ОТЪИМАЙТЕ У НАСЪ ЗАКОННАГО НАСЛЕДНИКА ПРЕСТОЛА
 РУССКАГО ТОЧКА ТОЛЬКО СЪ ВАМИ ВО ГЛАВЪ ВОЗМОЖНО ТО ЕДИНЕНІЕ
 РУССКАГО НАРОДА О КОТОРОМЪ ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО ИЗВОЛЯТЕ ПИСАТЬ
 ВЪ МАНУСКРИПТЪ ТОЧКА ТОЛЬКО СО СВОИМЪ БОГОМЪ ДАННЫМЪ ЦАРЕМЪ
 РУССІЯ МОЖЕТЪ БЫТЬ ВЕЛИКА СИЛЬНА И КРѢПКА И ДОСТИГНУТЬ МИРА
 БЛАГОДѢЙСТВІЯ И СЧАСТЬЯ ТОЧКА
 ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ВЪРНОПОДДАНИЙ ГРАФЪ
 КЕЛЛЕРЪ

* На стл. набранъ заголовочъ телеграммы, принятой въ Буковинскомъ военномъ департаментѣ, вышедша изъ печати по поводу слѣдующаго: 1) до-
 лжно, укажи; 2) чинъ-де селъ; 3) чинъ-де селъ; и 4) часы и минуты ит.д.

Не получив ответа из Царского Села, Федор Артурович как мог противостоял начавшимся в армии революционным процессам. 6 марта, когда начались волнения в Кишиневе, Федор Артурович направил туда для водворения порядка сотню донских казаков¹⁹⁶. В тот же день, когда он собрал свой корпус под Оргеевым выяснилось, что в городе в это же время проходила «демонстрация с красными флагами, устроенная 5-м запасным [пехотным] полком. Не задумываясь, граф Келлер направил туда две сотни 1-го Оренбургского казачьего полка (4-й полк 10-й кавалерийской дивизии), которые молниеносно разогнали манифестантов, загнав в казармы распущенные банды, отобрав у них красные тряпки»¹⁹⁷. 11 марта в приказе по корпусу Келлер писал об этом глубоко возмущившем его событии:

«§ 1. Председатель Оргеевской земской управы сношением от 10 марта 1917 года сообщил мне, что в последние дни замечается вызывающее отношение со стороны некоторых солдат расположенных здесь войск к чинам полиции, и был уже даже случай оскорбления действием полицейского пристава. Приказываю начальствующим лицам города Оргеева разъяснить своим подчиненным, солдатам, что они должны являть собой образец блюстителей порядка и общественной тишины, что главной целью армии в настоящее время является окончательная победа над внешним врагом. Это возможно лишь при полном сохранении спокойствия и порядка в тылу. Все, что его нарушает, способствует врагу. Потому к ныне существующей полиции, которая также стремится к поддержанию порядка, должно быть корректное отношение.

§ 2. Каждому хорошо известно, что войскам запрещены всякие демонстрации, в особенности близ нашего фронта, в местностях, объявленных на военном положении, где даже жители не имеют права устраивать сходки и демонстрации. Однако сегодня я неожиданно для себя увидел проходящие по городу около двух рот 5-го запасного полка с музыкой и красным знаменем.

На всех фронтах наши братья дерутся с наседающим на них врагом, а в России в некоторых городах еще льется кровь православная, да не от вражеских пуль, а от своих, братских. И в это время в Оргееве играет военная музыка и устраивается парад.

Я не хотел верить своим глазам, когда в голове этого позорного парада увидел офицеров, а в его рядах унтер-офицеров и Георгиевских кавалеров. Я увидел среди них тех людей, которые должны были объяснить молодым весь позор и стыд такого торжества в такое время. Кто такому параду может радоваться – да только внутренние и внешние враги России, ждущие удобного момента, чтобы ударить по нам, что они давно готовили. И этот момент наступает – мы сами создали у себя беспорядки. Кроме врагов, такому явлению радоваться некому. Настоящий русский человек посмотрит на такой парад, покачает головой и больно ему станет за Русскую землю. И мне больно и стыдно было смотреть на офицеров и молодцов Георгиевских кавалеров с красными тряпками на груди. Мне, как старому солдату, тяжело было видеть, что войска показывают пример беспорядка. Образумьтесь же, господа офицеры и солдаты 5-го запасного пехотного полка, берегите пуще глаза своего порядок и дисциплину. Враг не дремлет. Приказ этот немедленно прочитать во всех ротах, эскадронах, батареях и командах»¹⁹⁸.

После переворота Ф. А. Келлер сразу вступил в конфликт с новым военным министром А. И. Гучковым, протестуя против вводимых им новшеств, способных разрушить армию. Комментируя знаменитый приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, изданный 1 марта 1917 года (содержание его широко известно и потому нами не приводится), а также более поздние директивы самого военного министра, Федор Артурович пусть и с горечью, но не без некоторой иронии писал 9 марта в приказе по корпусу:

«Настоящий приказ по Военному ведомству почитаю долгом разъяснить. Форма титулования изменена только для младших чинов. Форма обращения начальников и старших к подчиненным остается прежней. Отмену ограничений вышеуказанных статей устава внутренней службы принимаю к исполнению со следующими ука-

заниями. Разрешение курить где угодно не исключает обязанности младшего чина каждый раз спрашивать на то разрешение начальника. Право состоять членами обществ, союзов и кружков до окончания войны – не осуществимо, так как в районе армии таковые воспрещены, а посещение различных увеселительных заведений, за неимением таковых, трудно. Езда в вагонах всех осуществляется за недостатком мест уже давно. На ведение торговых и промышленных дел при нашей работе нет времени и возможности, а книги и газеты давно читают, как Бог послал. Остается только игра на деньги, которая мной временно категорически запрещена ввиду особых условий театра военных действий нашей войны. Настоящие мои указания подробно объяснить всем солдатам. Указать, что все наши помыслы и желания должны быть направлены только на победу. [...]

Со своей стороны как командир 3-го кавалерийского корпуса считаю долгом добавить и приказываю принять к руководству и строгому исполнению: обращение к казаку или солдату на “Вы” не должно допускать распушенности или меньшей требовательности со стороны начальников в обращении к подчиненным. Напротив, при более вежливом обращении к солдату, казаку, унтер-офицеру или уряднику необходимо требовать с их стороны еще большей выправки, чинопочитания, вежливости и предупредительности в отношении начальников и при обращении к ним. Казакам и солдатам курить в помещениях и на улице разрешается, но при встрече со старшим по чину или офицером, при отдании им чести, папиросу или трубку в зубах держать не разрешается. При входе офицера в помещение солдат или казак обязаны спросить разрешения у него закурить и только по получении такового они могут это делать в присутствии старшего. Во время занятий и учений курить совершенно воспрещается, а по команде “вольно” это разрешается, если только на это было дано разрешение.

Казаки и солдаты имеют право ходить в рестораны и ездить внутри железнодорожных и трамвайных вагонов всех классов, если у них хватит денег на покупку билета. При входе в вагон они обязательно должны спросить разрешения сесть у находящегося в нем раньше старшего. Если старший по чину войдет в вагон сам, то младший обязан встать и отдать ему честь. Если же для старшего по чину нет места, то младший обязан уступить свое.

Во всех общественных заведениях и на гулянии казаки и солдаты должны быть чисто одетыми и по форме, держать себя скромно и прилично, так, чтобы вся публика относилась к ним всегда с почте-

нием и уважением. Разгильдяйства и распушенности отнюдь не допускать и за это строго взыскивать. Книги и газеты нижним чинам держать у себя и читать разрешается какие угодно, но я советую приобретать только хорошие, а на вранье и дрянь деньги не тратить. Играть на деньги в карты и обирать друг друга таким способом совершенно запрещаю и за это буду взыскивать самым строгим образом.

Посещение политических собраний и сходов как господам офицерам, так и нижним чинам в районе действующих армий строго воспрещается, а начальствующим лицам в пределах района 3-го кавалерийского корпуса ничего такого не допускать.

В заключение напомним своим молодцам, боевым товарищам, что они видели в Румынии и что представляли собой румынские войска при их отступлении. Не дай нам Бог дойти до такого. Я уверен, что новые правила в 3-м кавалерийском корпусе послужат не к расшатыванию дисциплины, а к тому, что она будет соблюдаться еще сильнее и строже»¹⁹⁹.

В этом приказе, отданном спустя лишь несколько дней после Февральского переворота, безошибочно узнается твердая рука Федора Артуровича, несмотря ни на какие обстоятельства продолжавшего держать корпус в кулаке. Очевидно, что добровольно уходить в отставку он не собирался. Неудивительно, что отношение Федора Артуровича к происходившему в стране и армии сделало его одним из первых кандидатов в списке высших офицеров, которых новая революционная власть решила отправить в отставку как неблагонадежных. Формальный повод для нее нашелся очень быстро – прославленный генерал отказался присягнуть Временному правительству.

«Прислали, наконец, текст присяги “на верность службе Российскому государству”, – вспоминал А. И. Деникин. – Идея верховной власти была выражена словами: “...Обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему российское государство, впредь до установления воли народа при посредстве Учредительного собрания”.

Приведение войск к присяге повсюду прошло спокойно, но идиллических ожиданий начальников не оправдало: ни подъема, ни успокоения в смятенные умы не внесло. Могу отметить лишь два характерных эпизода. Командир одного из корпусов на Румынском фронте во время церемонии присяги умер от разрыва сердца. Граф Келлер заявил, что приводить к присяге свой корпус не станет, так как не понимает существа и юридического обоснования

верховой власти Временного правительства; не понимает, как можно присягать повиноваться Львову, Керенскому и прочим определенным лицам, которые могут ведь быть удалены или оставить свои посты... “Князь Репнин 20 века” после судебной волокиты ушел на покой, и до самой смерти своей не одел машкеры...

Было ли действительно принесение присяги машкерой? Думаю, что для многих лиц, которые не считали присягу простой формальностью – далеко не одних монархистов – это, во всяком случае, была большая внутренняя драма, тяжело переживаемая; это была тяжелая жертва, приносимая во спасение Родины и для сохранения армии...»²⁰⁰

Накануне приведения войск к присяге Временному правительству ряд высших кавалерийских офицеров Юго-Западного фронта, решивших не только присягнуть, но и обратиться к представителям новой власти с просьбой более энергичного «проявления своей воли», зная о решении Ф. А. Келлера не принимать присягу, решили повлиять на него. Расчет был на то, что если не удастся склонить к присяге самого Федора Артуровича, то по крайней мере убедить его отказаться от воздействия в этом случае на волю чинов 3-го кавалерийского корпуса. Эта миссия выпала на долю начальника 12-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта барона К. Г. Маннергейма.

«16 или 17 марта, точно не помню, генерал Маннергейм выехал на автомобиле из Кишинева в Оргеев, где был штаб Келлера, – вспоминает очевидец. – Генерал граф Келлер подтвердил справедливость слухов о том, что лично он не принесет присяги Временному правительству и показал письмо, написанное им по этому поводу командующему 4-й армией генералу [А. Ф.] Рагозе, а равно и письмо Рагозы. Все убеждения генерала Маннергейма пожертвовать личными политическими верованиями для блага армии пропали втуне. Граф Келлер, по-видимому, к этому времени уже окончательно решил, где его долг. Зато он вполне успокоил барона Маннергейма, уверив его, что воздействие на волю войск никогда не входило в его, графа Келлера, расчеты. Он заявил, что и не подумает удерживать свои войска от принесенной присяги.

Тогда барон Маннергейм спросил, не повлияет ли на войска уже самый факт личного отказа от присяги графа Келлера. Этот последний ответил, что, по его мнению, полки 1-й Донской [казачьей] дивизии все равно присягать не станут, полки 10-й кавалерийской дивизии не присягнут только в том случае, если он, Келлер, окажет

на них воздействие в этом смысле; относительно 1-й Терской [казачьей] дивизии он ничего сказать не может.

Как показали последующие события, когда все части 3-го кавалерийского корпуса без всяких затруднений присягнули, генерал граф Келлер тоже жил в мире иллюзий и уже не знал истинных настроений своих войск.

Впрочем, можно думать, что его мало интересовало, как поступят его офицеры и солдаты. Он знал, как надо поступить ему самому и поступал так.

– Я христианин, – сказал он генералу Маннергейму, – и думаю, что грешно менять присягу»²⁰¹.

16 марта 1917 года Федор Артурович отдал свой последний приказ по корпусу за № 28: «Сегодняшним приказом я отчислен от командования славным 3-м кавалерийским корпусом. Прощайте же все дорогие боевые товарищи, господа генералы, офицеры, казаки, драгуны, уланы, гусары, артиллеристы, самокатчики, стрелки и все служащие в рядах этого доблестного боевого корпуса!

Переживали мы с Вами вместе и горе, и радости, хоронили наших дорогих покойников, положивших жизнь свою за Веру, Царя и Отечество, радовались достигнутыми с БОЖЬЕЙ помощью неоднократным успехам над врагами. Не один раз бывали сами ранены и страдали от ран. Сроднились мы с Вами. Горячее же спасибо всем Вам за Ваше доверие ко мне, за Вашу любовь, за Вашу всегдашнюю отвагу и слепое послушание в трудные минуты боя. Дай Вам Господи силы и дальше служить также честно и верно своей Родине, всегдашней удачи и счастья. Не забывайте своего старого и крепко любящего Вас командира корпуса. Помните то, чему он Вас учил. Бог Вам в помощь»²⁰².

7 апреля 1917 года генерал-лейтенант Ф. А. Келлер был зачислен в резерв чинов при штабе Киевского военного округа. Начался последний этап его жизни.

* * *

Командование корпусом после вынужденной отставки Ф. А. Келлера принял один из его боевых товарищей – генерал-лейтенант А. М. Крымов. Судьба распорядилась так, что дважды в 1917 году 3-й кавалерийский корпус оказывался в центре политических событий. Корпус, продолжавший сохранять в сравнении с большинством других частей Русской армии довольно высокую боеспособность, использовался как сила во внутренней политике.

Первый раз он был выдвинут к Петрограду во время Корниловского выступления в августе 1917 года. Новый главнокомандующий Русской армии генерал от инфантерии Л. Г. Корнилов предпринял ряд мер, направленных на восстановление дисциплины в армии и правопорядка в стране. По соглашению с представителями главы Временного правительства А. Ф. Керенского при Ставке и с ведома самого председателя правительства, Л. Г. Корнилов 25 августа 1917 года направил 3-й кавалерийский корпус (к тому времени он находился в резерве Румынского фронта) и Туземную дивизию в Петроград. Эти части должны были стать основой Отдельной Петроградской армии, подчиненной непосредственно Ставке. Свои намерения Л. Г. Корнилов объяснил правительству необходимостью «зачистки» Петрограда от запасных частей, разложившихся под влиянием вседозволенности и большевистской пропаганды. Накануне, 23 августа, Корнилов назначил генерала А. М. Крымова командующим Отдельной Петроградской армией, а генерала П. Н. Краснова – командующим 3-м кавалерийским корпусом и отдал приказ о снятии указанных войск с фронта и их концентрации в районе Луги.

26 августа Верховный главнокомандующий телеграфировал исполняющему обязанности командующего войсками Петроградского военного округа Б. В. Савинкову: «Корпус сосредоточится в окрестностях Петрограда к вечеру 28 августа. Я прошу объявить Петроград на военном положении 29 августа». Однако В. Н. Львов, выступавший в те дни посредником между Л. Г. Корниловым и Временным правительством, доложил А. Ф. Керенскому требования генерала в искаженном виде: «Первое – генерал Корнилов предлагает объявить Петроград на военном положении. Второе – передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного главнокомандующего. Третье – уходят в отставку все министры, не исключая и министра-председателя, временное управление министерствами передается товарищам министров впредь до образования кабинета Верховным главнокомандующим».

В результате, еще в ходе продвижения отряда под командованием генерала А. М. Крымова к Петрограду, получавший через посредников разноречивую информацию о намерениях Верховного главнокомандующего А. Ф. Керенский переменял свою позицию. 29 августа указом Временного правительства Л. Г. Корнилов был отстранен от должности Верховного главнокомандующего «с преданием суду за мятеж». В ответ Корнилов сделал заявление о пре-

дательской политике Временного правительства и призвал «всех русских людей к спасению умирающей Родины». Воззвания, подписанные Л. Г. Корниловым, не дошли ни до армии, ни до широких слоев населения, так как телеграф находился под контролем правительства.

Навстречу войскам генерала А. М. Крымова были высланы агитаторы. Не дойдя до столицы, части Отдельной Петроградской армии фактически потеряли боеспособность. Вызванный при содействии генерала М. В. Алексева в Петроград генерал Крымов, отдав приказ корпусу не продвигаться вперед, встретился с А. Ф. Керенским, после разговора с которым 31 августа «прошел в канцелярию военного министра и застрелился. Перед смертью он написал письмо генералу Корнилову и послал его с адъютантом. Письмо было получено Корниловым, но с его содержанием он никого не познакомил»²⁰³. Сам Л. Г. Корнилов, не желая развязывать гражданскую войну, отказался от использования верных ему войск и 2 сентября был арестован.

Второй раз 3-й кавалерийский корпус двинулся к Петрограду в октябре 1917 года, после большевистского переворота. Во главе корпуса находился генерал П. Н. Краснов. Во время Корниловского выступления по прибытии в Псков он был арестован комиссаром Северного фронта, но затем освобожден. 30 сентября его назначение на должность командира 3-го кавалерийского корпуса, произведенное еще в августе Л. Г. Корниловым, было утверждено временно исполняющим должность начальника штаба Верховного главнокомандующего генералом М. В. Алексеевым.

Расположенный в окрестностях Петрограда 3-й кавалерийский корпус по приказу А. Ф. Керенского в сентябре 1917 года был переброшен в район Острова и поступил в распоряжение штаба Северного фронта. Там его поспешили разбросать на пространстве от Витебска до Вендена. 25 октября генерал П. Н. Краснов получил телеграмму от Керенского с приказом спешно перебросить 3-й кавалерийский корпус под Петроград – власть в столице захватывали большевики. В тот же день находившийся в городе Остров генерал П. Н. Краснов отдал секретный боевой приказ по 3-му кавалерийскому корпусу № 47/21:

«В Петрограде кучка безответственных людей, подкупленная Императором Вильгельмом, и толпа солдат Петроградского гарнизона, состоящая из трусов, упорно не желающих идти на позицию, решила насильственным путем свергнуть Временное правительст-

во, Совет республики и Центральный исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов.

Часть гарнизона Петрограда, также 1-й, 4-й и 14-й казачьи полки остались верны присяге и правительству. Юнкера и Женский батальон мужественно защищают Временное правительство и часть Совета солдатских и рабочих депутатов.

Для подавления вооруженной силой беспорядков Временное правительство призвало 44-ю пехотную дивизию, самокатные батальоны, 5-ю Кавказскую казачью дивизию, 23-й и 43-й донские казачьи полки и еще некоторые свободные на фронте части, которые спешно двинуты к Петрограду. Одновременно на фронте в 1-й армии части 51-й пехотной дивизии под влиянием пропаганды немецких агентов отказались идти на позицию на смену 148-й пехотной дивизии.

Командуемому мною корпусу приказано спешно погрузиться и направляться: 1-й Донской казачьей дивизии для водворения порядка в Петрограде, чтобы дать возможность состояться Учредительному собранию и Уссурийской казачьей дивизии в распоряжение командующего 1-й армией для водворения порядка и приведения к повиновению бунтующих частей.

Казаки и солдаты! Нас мало, но за нами честная солдатская присяга. Мы боремся за право, за свободу, за революцию и за Русский народ. С нами Бог! Наши противники – продавшиеся немцам люди, забывшие присягу. За их спиной измена, предательство и трусость. Никто из нас не сомневается, что правда и свобода восторжествуют на Руси при вашей бескорыстной и честной помощи»²⁰⁴.

На следующий день в Псков прибыл сам бежавший из Петрограда А. Ф. Керенский. По его приказанию Краснов двинул на столицу весь наличный состав корпуса (шесть сотен 9-го и четыре сотни 10-го Донских казачьих полков – всего 700 казаков). Сильно поредевший «корпус» под командованием будущего донского атамана взял Гатчину и Царское Село. Однако силы Краснова были слишком малы для восстановления власти Временного правительства: корпус был разбит под Пулковым. Его командир был доставлен в Смольный, после чего был посажен под домашний арест. 6 ноября, воспользовавшись документами Донского казачьего комитета, он бежал из Петрограда.

В ноябре–декабре 1917 года некогда грозный 3-й кавалерийский корпус прекратил свое существование...

«Настала пора, когда я вновь зову вас за собою»

Получив отставку, Ф. А. Келлер выехал в Харьков, где жила его семья. За годы войны он бывал там дважды, когда проходил лечение от полученных ранений. Теперь ему предстоял гораздо более длительный отдых, во время которого графу пришлось стать лишь наблюдателем происходивших в стране перемен. Можно только догадываться, с какой болью он следил за разворачивающимися событиями, за развалом некогда грозной Русской армии и позором немецкой оккупации. По свидетельству Н. Д. Тальберга, Федор Артурович открыто жил в Харькове и не скрывал своих монархических убеждений, фактически находясь под защитой своих бывших подчиненных. Тронуть заслуженного генерала попросту боялись. Этого не случилось даже в декабре 1917 года, когда Харьков впервые заняли красные войска²⁰⁵. Более года Ф. А. Келлер был далек от какой-либо активной политической деятельности. По некоторым свидетельствам граф в это время работал над своими воспоминаниями о Великой войне, которые, по всей видимости, погибли в годы смуты²⁰⁶.

Октябрьский переворот, а впоследствии и заключение Брестского мира, безусловно, произвели на Федора Артуровича гнетущее впечатление. В конце 1917 – начале 1918 года политическая ситуация на Украине была более чем сложной. Созданная еще в первой половине марта 1917 года в Киеве Центральная рада после начала октябрьских событий 7 (20) ноября провозгласила Украинскую народную республику в составе России. Власть ее не была твердой. В декабре 1917 года в Харькове состоялся I Всеукраинский съезд советов, который объявил Центральную раду вне закона, провозгласив 12 (25) декабря Украинскую социалистическую советскую республику. В декабре 1917 – январе 1918 года большевики сумели установить советскую власть в Екатеринославе, Одессе, Полтаве, Кременчуге, Елисаветграде, Николаеве, Херсоне и Харькове. 26 января (8 февраля) советские войска заняли Киев. В этих условиях Центральная рада 11 (24) января IV универсалом провозгласила независимость Украинской народной республики от России. Но к февралю 1918 года советская власть утвердилась уже почти на всей территории Украины, за исключением части Волыни, куда бежала Центральная рада.

Ситуация в корне изменилась с подписанием Брестского мира. По заключенному Центральной радой соглашению с Германией и Австро-Венгрией в феврале–апреле 1918 года их войска оккупиро-

вали почти всю территорию Украины, на которой вновь была восстановлена власть Украинской народной республики. 23 марта (5 апреля) немцы заняли Харьков, в котором находился Ф. А. Келлер. Присутствие на русской территории вчерашних противников было особенно неприятным для боевого генерала. Встретившемуся с Федором Артуровичем в июне 1918 года генерал-майору Б. И. Казановичу он сказал, что «почти не выходит на улицу, так как не переносит вида немецких касок»²⁰⁷. Германское влияние и германские деньги стали основными причинами, по которым Ф. А. Келлер с большим недоверием отнесся к формированию летом 1918 года в Киеве союзом «Наша Родина» Южной армии.

Между тем Германии необходимо было иметь на Украине твердую власть и крепкий административный аппарат. Только в этом случае она могла бы извлечь максимальные выгоды от ее оккупации: для продолжения войны на Западном фронте ей были необходимы сырье и продовольствие. В результате при участии германского командования был организован переворот. 16 (29) апреля Центральная рада (в день принятия ею конституции) была разогнана и заменена правительством гетмана П. П. Скоропадского, который упразднил Украинскую народную республику и ввел в созданной Украинской державе единоличное диктаторское правление.

Действовавшая в Киеве и стоявшая обособленно от других правых организаций группа В. В. Шульгина, создавшая конспиративный орган «Азбука», в донесении агента «Добро», отправленном в апреле 1918 года в штаб Добровольческой армии, так характеризовала сложившуюся на Украине ситуацию: «Скоропадский только этап. Немцы хотят восстановить русскую монархию, русскую империю и русское единство, но на этот раз под другой формой, выгодной для них. Они поняли, какую пользу извлечет Германия из тихой и показной России, управляемой одним из Романовых и признательным Берлину за восстановление трона. Этой комбинацией Германия выполнит мечту Фридриха, который говорил: “Мне нужен сильный сосед, но не сосед могущественный”. Очевидно, Россия, омоложенная революцией, таковой и будет: сильной, но в пользу Берлина. Действительно, это печально, что немцы вовремя поняли все это и выполняют, в то время как союзники еще пытаются что-то построить с большевиками»²⁰⁸.

* * *

О пронемецких формированиях на Юге России стоит сказать отдельно. Германская оккупация Украины продолжалась менее года – с марта по ноябрь–декабрь 1918 года. Тем не менее она оказа-

ла серьезное влияние на расстановку внутривосточных сил в России. Принеся с собой порядок и относительную стабильность, на время избавив население созданной Украинской державы от ужасов большевизма, германская армия вместе с тем внесла и свой весомый вклад в углубление противоречий, и без того имевших место в антибольшевистском лагере. По сути со стороны Германии оккупация сводилась к двум основным задачам: не допустить воссоздания сильной и неподконтрольной ей российской власти (и, следовательно – восстановления в любых формах Восточного фронта) и обеспечение своей экономики сырьем и продовольствием. Союзниками в этом деле стали пришедшие к власти в результате Октябрьского переворота большевики.

Сотрудничество большевистской партии с Генеральным штабом Германской империи в 1916–1917 годах, в том числе и перевод на партийные счета денежных сумм от «Дойчбанка», уже давно не является для отечественной историографии новым фактом²⁰⁹. Не вызывает сомнения и связь германской разведки с членами РСДРП(б) в период так называемого «двоевластия», когда после тяжелого поражения Русской армии в июне 1917 года большевики организовали демонстрации в Петрограде под лозунгами немедленной отставки Временного правительства и переговоров с Германией о заключении мира.

Унизительный для национального самосознания Брестский мир, заключенный в марте 1918 года, сделал бесполезными жертвы всех четырех лет страшной, кровопролитной борьбы, которую вела Россия. Сепаратный мир с Германией, заключенный Советом народных комиссаров, нарушение всех обязательств перед союзниками лишил Россию международного авторитета. Но взаимодействие большевиков с политическими и военными кругами Германии на этом не закончилось. Факты показывают, что вплоть до осени 1918 года – времени окончательного поражения немецкой армии в Мировой войне, Германия не только поддерживала Советскую Россию, но и старалась ослабить антибольшевистский лагерь. Здесь цели германского командования и большевиков совпадали. Остановимся лишь на освещении политики Германии в отношении русской контрреволюции на Украине и Юге России, напрямую связанной с судьбой Ф. А. Келлера.

Наибольшее беспокойство германских оккупационных властей вызывала набиравшая летом 1918 года силу Добровольческая армия. Ведь одной из главных своих задач лидеры Белого движения провозгласили «продолжение войны с Германией» и «верность союзническим обязательствам». «Немецкие войска не имели боевых столкновений с Добровольческой армией (за исключением так называемого «таманского инцидента», во время которого немецкие передовые посты на Таманском полуострове были обстреляны казачьими разъез-

дами), но опасения, что в случае свержения большевистского правительства у власти в России могут оказаться силы “антантовской ориентации”, были вполне обоснованы»²¹⁰.

Отметим, что в советской историографии, а также у многих современных исследователей одним из главных пунктов в «обличении» Белого движения до сих пор остается «интервенция Антанты», которую допустили лидеры антибольшевистского сопротивления. Большевики при этом изображаются едва ли не «спасителями Отечества». Их патриотизм в 1918 году не вызывает сомнений, ведь и Брестский мир был заключен ими «из-за крайней нужды». «А разве может быть патриотом тот, кто использует иностранную помощь, помощь “интервентов”? Ведь это же “иноземное вмешательство”!!! На все подобные обвинения уместно дать хотя бы такой ответ. Любая форма помощи стран Антанты (от дипломатической до прямой военной, кстати, крайне ограниченной) расценивалась лидерами Белого движения только как **“Помощь со стороны союзников в борьбе против общего врага”**. “Союзников” по Первой мировой войне, “боевых соратников”, которым верили, с которыми были заключены договоры еще Императором Николаем II и с которыми, как надеялись, будет полное взаимопонимание и взаимное уважение. Иное дело, что результаты подобной помощи могли бы стать гораздо более эффективными и искренними, ведь в 1914 и 1916 годах Русская армия бескорыстно спасала Европу от ударов германской, австрийской, болгарской, турецкой армий. Но... это проблема уже другого порядка»²¹¹.

Окупировав территорию нынешней Украины, Германия первоначально не вела деятельности, направленной против Добровольческой армии: в июне и первой половине июля немецкие войска не только не чинили препятствий к отправке добровольцев на Дон, но даже оказывали содействие в отправке эшелонов. Однако позднее, после подписания 14 (27) августа 1918 года Советской Россией и Германией в дополнение к Брестскому миру соглашения²¹², по которому стороны обязались прилагать усилия по борьбе внутри России с Добровольческой армией и Антантой, их политика переменялась*. В конце лета на Украине и в Крыму были случаи ареста германским командованием добровольческих вербовщиков, их работа была сильно затруднена немцами, а отправка доброволь-

* Заключенное 14 (27) августа 1918 года в Берлине дополнительное русско-германское финансовое соглашение обязывало Советскую Россию также уплатить Германии контрибуцию в размере 6 млрд марок (1,5 млрд погашались золотом и кредитными билетами, 1 млрд – поставками товаров и 2,5 млрд – специальными займами).

цев стала возможна только небольшими партиями²¹³. Тогда же, при немецком участии, было начато формирование трех армий – Южной, Астраханской* и Народной**, основная задача которых по сути заключалась в том, чтобы ослабить приток кадров в Добровольческую армию.

* Создание **Астраханской армии** началось в июле 1918 года, по инициативе ряда крайне правых организаций, тесно связанных с германским командованием. Формирование велось на Дону, в районе станицы Великокняжеской. Во главе армии находился астраханский атаман полковник Д. Д. Тундутов, политическое руководство осуществлял И. А. Добрынский. Название армии было дано из «теоретического предположения Тундутова комплектовать армию астраханскими казаками и калмыками по мере освобождения Астраханской губернии». Организаторам не удалось привлечь к руководству армией известных генералов (отказались принять командование генералы Н. И. Иванов и Ф. А. Келлер). Непосредственное участие в ее создании принял гетман П. П. Скоропадский, передавший на ее нужды значительные денежные средства из украинской казны. Как и другие прогерманские формирования на Юге России, сыграла свою роль в сокращении притока добровольцев в Добровольческую армию. Так, летом 1918 года, по призыву штабс-капитана В. Д. Парфенова в состав Астраханской армии перешло до 40 только что произведенных офицеров 1-го офицерского полка Добровольческой армии (через полтора месяца в рядах Астраханской армии из них осталось лишь восемь человек) (*Павлов В. Е.* Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917–1920 гг. Кн. 1. Париж, 1962. С. 242–243). К августу в составе армии был сформирован батальон численностью в 400 штыков. Тогда же прекратилось финансирование со стороны немцев. 30 сентября (13 октября) приказом донского атамана П. Н. Краснова она была преобразована в Астраханский корпус Особой Южной армии. Во главе с полковником В. В. Тундутовым в конце 1918 – начале 1919 года он оборонял степи за Манычем. В начале 1919 года его численность составляла 3000 человек, из которых в феврале на фронте могло быть только 1753. Фактически в корпусе был сформирован лишь 1-й пехотный Астраханский полк. 12 (25) апреля корпус был расформирован, а его части вошли в состав Астраханской отдельной конной бригады и 6-й пехотной дивизии Вооруженных сил Юга России (*Антропов О. О.* Астраханская армия: война и политика // Новый исторический вестник. 2001. № 1; *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 26; *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 2. М., 2005. С. 507–510).

** **Русская народная армия** формировалась летом 1918 года на севере Донской области при поддержке гетмана П. П. Скоропадского, передавшего на ее создание значительные суммы, и донского атамана П. Н. Краснова.

Командированный от Добровольческой армии для связи с войсковым атаманом и правительством Всевеликого Войска Донского генерал-лейтенант Е. Ф. Эльснер 12 (25) сентября писал начальнику штаба армии генерал-лейтенанту И. П. Романовскому: «В газете "Россия" № 17... помещено сведение о начавшейся в городе Екатеринодаре вербовке генерал-майором [Л. И.] Федулаевым охотников в Астраханский отряд. В той же газете № 18... напечатана телеграмма из Харькова, сообщающая, что в этом городе состоялось собрание, созванное генерал-майором [П. И.] Залесским (будущий начальник штаба Южной армии. – Авт.), русских офицеров для организации самообороны. [...] По-видимому, идея организации самообороны встретила полную поддержку со стороны командира 1-го германского корпуса. Приведенные выше сведения, безусловно, вредно отзовутся на притоке офицеров, солдат и добровольцев в Добровольческую армию, что уже видно из сократившегося числа записавшихся за последние дни в армию».

В следующем рапорте начальнику штаба армии от 14 (27) сентября генерал Е. Ф. Эльснер писал: «12 (25) сентября мне вновь было доложено начальником бюро записи полковником Муфелем о продолжающемся сокращении притока поступающих в Добровольческую армию, с приведением еще новых причин этого уменьшения... Причины следующие: в Харькове формируется "Новая" Добровольческая армия... В местных газетах... помещены объявления и обращения к населению и офицерам полковника [В. К.] Манакина, формирующего "Русские добровольческие отряды в Саратовском направлении" (речь идет о Русской народной армии. – Авт.).

Из Минска сообщают, что спешно формируются белорусские дружины на местах, которые немецкое командование собирается покинуть. Цель организации дружин – не допустить водворения власти

Комплектовалась в основном за счет крестьян Саратовской губернии. Стоявший во главе армии полковник В. К. Манакин приказом донского атамана был назначен губернатором Саратовской губернии. 30 сентября (13 октября) приказом П. Н. Краснова она была преобразована в Саратовский корпус Особой Южной армии, который действовал в составе Донской армии на Царицынском направлении. Фактически в корпусе было лишь несколько полков небольшой численности, представлявших кадры ряда полков Русской Императорской армии (42-го пехотного Якутского, 187-го пехотного Аварского и других полков), несколько отдельных сотен, рот, эскадронов, а также технический батальон. Части корпуса понесли большие потери в боях. 15 (28) марта они были переформированы в Саратовскую отдельную бригаду, а позднее вошли в состав 6-й пехотной дивизии Вооруженных сил Юга России (*Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны... С. 472–473; *Деникин А. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 512, 696).

большевиков... От прибывшего из Минска через Киев в Новочеркасск военного инженера... я узнал, что в Минске почти никто не знает о Добровольческой армии, а кто и слышал о ней, то имеет самые смутные представления. Тем не менее в этом городе после большевистского переворота осело около 1000 офицеров, которые устроились на различных местах. Кроме этого числа есть много отставных, терпящих настоящий голод; в последнее же время в Минск прибывает много офицеров из немецкого плена, плохо одетых, босиком и без копейки денег, которые благодаря отсутствию денежных средств остаются в городе, но с удовольствием поступили бы в Добровольческую армию.

В настоящее время в Минске появились вербовщики от Южной и Астраханской армий для вербовки к ним добровольцев. От нашей же армии... там никого нет. Приехавшие на днях офицеры из Кременчуга и Полтавы за справками об условиях поступления в Добровольческую армию также заявили о смутном там представлении об армии. Сокращение притока записывающихся в бюро идет прогрессивно: так, в июле ежедневная запись в среднем имела около 100 человек, в середине августа число записывающихся снизилось до 60 человек в день, в конце августа – начале сентября записывалось до 50 человек ежедневно, а в период с 7 (21) по 12 (25) сентября включительно ежедневно запись упала до 30 человек в день».

Е. Ф. Эльснер отмечал, что возникновение большого числа организаций должно отразиться «на притоке добровольцев в нашу армию, а Южная и Астраханская армии, имеющие бюро и вербовщиков во всех крупных центрах и районах, имеют возможность привлекать добровольцев в свои ряды крайне высокими окладами содержания. Саратовская организация Манакина может оттянуть к себе известный процент офицеров, так как многие прибывающие для записи в нашу армию просятся на Северный фронт и бывают разочарованы, узнав, что вся наша армия действует на Северном Кавказе. Много офицеров поступает в Донские части постоянной армии». Для исправления ситуации генерал Е. Ф. Эльснер считал необходимым усилить агитацию на вступление добровольцев в ряды армии, а также увеличить число агентов. Он обращал внимание на недопустимо скрытную работу некоторых из начальников центров вербовки в Добровольческую армию (в частности, генерала П. Н. Ломновского в Киеве), о деятельности которых офицеры, живущие в городах, ничего не могли узнать²¹⁴.

Очевидно, что германское командование, видя в Добровольческой армии враждебную силу и руководствуясь августовским соглашением с Советской Россией, препятствовало вступлению в нее добровольцев и, наоборот, поощряло комплектование создаваемых при его поддержке Южной, Астраханской и Русской народной армий летом–осенью 1918 года. Добровольческая армия, в свою оче-

редь, крайне отрицательно относилась к прогерманским формированиям, всячески препятствуя их комплектованию. В октябрьском циркуляре штаба армии подчеркивалось: «Отношение Добровольческой армии к “Южной”, “Астраханской”, “Народной” и прочим армиям, формируемым под германской опекой и на германские деньги – **безусловно отрицательно** (выделено в документе. – *Авт.*); вести пропаганду против поступления офицеров в ряды этих армий не только можно, но и должно»²¹⁵.

Наиболее значительным формированием, которое велось при германском участии, стала Южная армия. Ее создание началось летом 1918 года в Киеве союзом «Наша Родина», во главе которого стояли герцог Г.А. Лейхтенбергский и М. Е. Акацатов. «Территория для формирования была предоставлена генералом [П. Н.] Красновым... “русская” (не донская) – южная часть Воронежской губернии, – на которой Акацатов стал водворять администрацию и “исконные начала»²¹⁶. В июле при союзе было образовано бюро (штаб) армии, во главе которого стали полковники Чеснаков и Вилимовский, в задачу которых входила вербовка добровольцев и отправка их в Богучарский и Новохоперский уезды Воронежской губернии, где шло формирование 1-й пехотной дивизии генерал-майора В. В. Семенова.

По воспоминаниям генерал-майора П. И. Залесского (осенью 1918 года – начальник штаба Особой Южной армии. – *Авт.*) полковник В. В. Семенов выдавал себя за представителя Верховного руководителя Добровольческой армии генерала М. В. Алексеева, уполномоченного для вербовки личного состава. «Впоследствии оказалось, что никто его не уполномочивал вербовать добровольцев, с генералом [М. В.] Алексеевым у него вышло какое-то недоразумение, но что письмом от начальника штаба Добровольческой армии генерала [И. П.] Романовского он действительно заручился и благодаря этому довольно удачно собирал в Харькове материальные средства, применяя их главным образом для ведения широкой жизни». В. В. Семенов сразу получил от М. Е. Акацатова 10 тысяч рублей «на создание армии». Его отряд, на основе которого велось формирование 1-й дивизии Южной армии, находился на границе с Волчанским уездом Воронежской губернии, насчитывал не более 20 человек и жил «подачками и реквизициями», в то время как его командир жил в Харькове²¹⁷. А. И. Деникин в своих воспоминаниях так характеризовал В. В. Семенова: «...до того [он был] удален из отряда [М. Г.] Дроздовского ввиду полной неспособности в боевом отношении, потом – из Добровольческой армии за то, что будучи начальником нашего вербовочного бюро в Харькове вступил в связь с немцами и... отговаривал офицеров ехать в Добровольческую армию».

«Ни один из крупных генералов, к которым обращался союз “Наша Родина”, не пожелал встать во главе армии, – писал А. И. Деникин. – Так до конца своего “самостоятельного” существования армия оставалась без командующего; его занял временно начальник штаба генерал [К. К.] Шильбах, а наличным составом формируемых частей командовал фактически генерал [В. В.] Семенов», назначенный донским атаманом также воронежским генерал-губернатором²¹⁸.

Предостерегая Великого князя Николая Николаевича от возможного участия в формированиях финансируемых германским командованием, генерал М. В. Алексеев писал в сентябре 1918 года: «Немцы с увлечением ухватились за создание так называемой Южной Добровольческой армии, руководимой нашими аристократическими головами, и так называемой Народной армии в Воронежской губернии... На эти формирования не будут жалеть ни денег, ни материальных средств. Во главе Южной армии, а быть может, и всех формирований предположено поставить графа Келлера. При всех высоких качествах этого генерала у него не хватает выдержки, спокойствия и правильной оценки общей обстановки. В конце августа он был в Екатеринодаре. Двухдневная беседа со мной и генералом Деникиным привела, по-видимому, графа Келлера к некоторым выводам и заключениям, что вопрос не так прост и не допускает скоропалительных решений»²¹⁹.

Напомним, что Ф. А. Келлер, вполне вероятно и под влиянием состоявшихся в августе разговоров с М. В. Алексеевым и А. И. Деникиным, крайне отрицательно отнесся к самой возможности возглавить Южную армию. «Нужно было найти для армии подходящего вождя, – вспоминал генерал П. И. Залесский. – Сначала в Киеве подумывали о генерале графе Келлере, который в то время жил в Харькове, находясь совершенно не у дел. Он ненавидел и открыто бранил немцев, украинцев, республиканцев и даже прогрессистов всех оттенков. Это был честный и мужественный воин, самоотверженный патриот, но с узкосамодержавными взглядами... [...] Даже монархическая организация “Наша Родина” убоялась нетерпимости и крайних правых убеждений графа Келлера. Мысль о таком главнокомандующем была оставлена»²²⁰.

Средства на содержание Южной армии поступали из казначейства германских оккупационных войск на Украине и от донского атамана, также выделяемых для ее нужд немцами. В течение трех месяцев по всей Украине было открыто 25 вербовочных бюро, че-

рез которые в Южную армию было отправлено около 16 000 добровольцев, 30% которых составляли офицеры, и около 4000 в Добровольческую армию при поддержке Донского атамана П. Н. Краснова. Вербовочные бюро действовали и за пределами Украины – в Новочеркасске, Пскове, Минске и других городах. Предполагалось, что Южная армия будет действовать на фронте вместе с Донской. В августе началось формирование 2-й дивизии генерал-лейтенанта Г. Г. Джонсона в Миллерово и штаба корпуса. К концу августа были сформированы эскадрон 1-го конного полка в Черткове и пехотный батальон в Богучаре. Немалую помощь армии оказал гетман П. П. Скоропадский. По его распоряжению в армию были переданы кадры 4-й пехотной дивизии (13-й пехотный Белозерский и 14-й пехотный Олонецкий полки), из которых еще весной предполагалось создать Отдельную Крымскую бригаду армии Украинской державы, а также кадры 19-й и 20-й пехотных дивизий, почти не использованные в гетманской армии²²¹.

Менее чем через три месяца руководство армии стало испытывать серьезные трудности со снабжением. «...Немцы, достигнув основной своей цели – посеяв рознь, не думали вовсе о создании из Южной армии прочной силы: уже в сентябре финансирование ими герцога Лейхтербергского почти прекратилось, снабжение ограничилось до ничтожных размеров, – вспоминал А. И. Деникин. – К октябрю в “армии” было до 3 1/2 тысяч штыков и сабель, без обоза, почти без артиллерии, и много небоевого элемента. В войсках создавалось тяжелое настроение. Искусственно вызванное взаимное отчуждение и озлобление между “южанами” и добровольцами сменялось понемногу явным тяготением к Добровольческой армии отдельных лиц и целых частей Южной армии». После того, как руководители армии обратились за помощью к донскому атаману генералу П. Н. Краснову, она полностью перешла в его подчинение. 30 сентября (13 октября) вышел приказ атамана «о создании “Особой Южной армии”, в составе которой должны были формироваться три корпуса: Воронежский (бывшая “Южная армия”), Астраханский (бывшая “Астраханская армия”) и Саратовский (бывшая “Русская Народная армия”). На новую армию возлагалась “защита границ Всевеликого войска Донского от натиска красногвардейских банд и освобождение Российского государства”». Средства на содержание армии (76 млн) обещал выделить гетман П. П. Скоропадский, однако до своего падения он успел отпустить лишь 4 1/2 млн²²².

П. Н. Краснов видел в Особой Южной армии своеобразный противовес Добровольческой, который может сыграть важную роль в противостоянии с генералом А. И. Деникиным. Представители Добровольческой армии писали: «...Генерал [С. В.] Денисов (командующий Донской армией. – *Авт.*) смотрел на Южную армию, как на сценическое представление, нужное ему для иных [не военных] целей»²²³.

Приняв армию под свое начало, П. Н. Краснов постарался поставить во главе нее хорошо известного в России генерала, что могло сыграть немалую роль в деле привлечения в ряды армии офицерства. Первоначально должность командующего решено было предложить бывшему помощнику главнокомандующего армиями Румынского фронта генералу от инфантерии Д. Г. Щербачеву. Но войти в связь с генералом, жившим в Яссах, не удалось. Генерал от кавалерии А. М. Драгомиров, проезжая в августе из Киева через Новочеркасск, «умышленно уклонился от встречи с Красновым», так как, по его словам, «мы стояли на столь различных точках зрения в вопросе о дружбе с немцами, что наш разговор мог иметь результатом только крупную ссору»²²⁴.

Предложение встать во главе Особой Южной армии принял бывший главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал от артиллерии Н. И. Иванов. К этому времени Николаю Иудовичу было уже 67 лет, а его здоровье оставляло желать лучшего. Заслуженный генерал по сути был втянут в авантюру.

А. И. Деникин напишет позднее об этом назначении: «Остановился Краснов на Н. И. Иванове. К этому времени дряхлый старик, Николай Иудович, пережив уже свою былую известность, связанную с вторжением в 1914 году армий Юго-Западного фронта в Галицию, проживал тихо и незаметно в Новочеркасске. Получив предложение Краснова, он приехал ко мне в Екатеринодар, не желая принимать пост без моего ведома. Я не противился, но не советовал ему на склоне дней давать свое имя столь сомнительному предприятию.

Однако, вернувшись в Новочеркасск, Иванов согласился.

25 октября мы прочли в газетах атаманский приказ о назначении Николая Иудовича, заканчивавшийся словами: «Донская армия восторженно приветствует вождя их новой армии – армии Российской...»

Бедный старик не понимал, что нужен не он, а бледная уже тень его имени. Не знал, что пройдет немного времени и угасшую жизнь его незаинтересованный более Краснов передаст истории с такой эпитафией: «Пережитые им (генералом Ивановым) в Петербурге и Киеве страшные потрясения и оскорбления от солдат, которых он так

любил, а вместе с тем и немолодые уже годы его отозвались на нем и несколько расстроили его умственные способности...”

Генерал Иванов умер 27 января (9 февраля), увидев еще раз крушение своей армии, особенно трагическое в войсках Воронежского корпуса (бывшей Южной армии)»²²⁵.

Выбор Донским атаманом П. Н. Красновым в качестве руководителя Особой Южной армии именно генерала Н. И. Иванова, по мнению П. И. Залесского, был вполне объясним: «Хоть и дутая была у Иванова репутация, зато большая, и на этом можно было разыграть словесную рапсодию какой угодно формы и величины, что атаман и сделал. С другой стороны, Николай Иудович был человек безликий, с которым можно было делать все, что угодно. Вот и избрали покорного статиста на безмолвную и никому не нужную роль командующего Южной армией»²²⁶.

«Не признание “монархии” или “учредилки” играло главную роль при выборе офицером той или иной армии, а другие, более близкие и реальные вопросы, – писал генерал П. И. Залесский. – Среди них: где находится армия и что она делает, на какие должности там принимают, сколько дают денег. Вот это всех интересовало и ценилось. Даже вопрос, откуда берутся деньги на содержание Южной армии, мало кого интересовал. Одни говорили, что деньги – немецкие, другие – что деньги собраны богатейшими русскими людьми, кои гарантируют содержание армии всем своим состоянием в России и за границей. [...] Большинство рассуждало: “Не все ли равно, в конце концов, чьи деньги, важно, для чего они даются и можно ли выполнить с ними начатое дело”»²²⁷. «Монархический лозунг был поставлен ясно и определенно. Политическая же ориентация была известна в точности только верхам, – характеризовал армию А. И. Деникин. – Рядовому офицерству сообщалось, что Южная армия не имеет никаких обязательств в отношении немцев и “создается на деньги, занятые у русских капиталистов и у монархических организаций”»²²⁸. Доброволец Бинецкий вспоминал, что первоначально его полку ежедневно после вечерней поверки чины пели «Боже, Царя храни!», что «вызывало всевозможные толки как среди населения, так и среди добровольцев». В сентябре 1918 года исчезло и это внешнее проявление монархизма: «После приезда генерала Семенова гимн “Боже, Царя храни!” петь прекратили»²²⁹.

Для характеристики ситуации с формированием Южной армии и ее взаимоотношений с добровольцами показателен рапорт, отправленный из Воронежской губернии 27 августа (9 сентября) на имя начальника Военно-политического отдела Добровольческой армии пол-

ковника Я. М. Лисового. Под угрозой расформирования уже существовавшего к тому времени в Богучаре отряда поручика Филиппова, подчинявшегося Добровольческой армии, в Екатеринодар сообщалось: «Доношу, что в город Богучар Воронежской губернии прибыл генерал [В. В.] Семенов. Все городские учреждения объявлены губернскими. Потребовал от поручика Филиппова полного себе подчинения. С 1 (14) сентября Семенов вступает в управление губернией. Предварительно объявил: жалование офицерам рядовым – 400 рублей, ротным командирам – 700 рублей, солдатам-добровольцам – 90, мобилизованным солдатам – 18 рублей*. На днях будет объявлена мобилизация 18-го и 19-го годов. Обучение и формирование дивизии произойдет в Чертково. На днях будет объявлена мобилизация лошадей с целью создания кавалерийской бригады в 2000 коней. Сам Семенов будет жить в Кантемировке, откуда будет управлять губернией. Поручик Филиппов просит скорейшего командирования двух штаб-офицеров, ибо возможно, что генерал Семенов разобьет отряд по формируемым его частям. Вместе с ним об этом просит начальника штаба армии генерал [Е. Ф.] Эльснер.

На станции Чертково стоят два эшелона офицеров и солдат. Первых – 180 человек, вторых – 200, набранных генералом Семеновым. Офицеры в недоумении, зачем их сюда привезли. 21 августа (3 сентября) офицеры послали от себя одного офицера к генералу [М. В.] Алексееву узнать, что это за организация генерала Семенова и что им надо делать. Многие уже теперь дезертируют в Добровольческую армию, но отдано распоряжение Семеновым ловить их на станциях и в Новочеркасске. Можно организовать переход офицеров Семенова в Добровольческий отряд Филиппова. Офицеры Семенова на это сразу пойдут, если негласно объявить, что этот отряд часть Добровольческой армии»²³⁰.

Развитие событий осенью 1918 – зимой 1919 года показало, что, отказавшись от возглавления создаваемой на германские деньги Южной армии, Ф. А. Келлер не дал себя втянуть в комбинацию, изначально обреченную на неудачу и не запятнал своего имени со-

* Для сравнения приведем некоторые данные о жаловании офицеров в Добровольческой армии. В первые месяцы ее существования (вплоть до лета 1918 года) в ней существовала своеобразная «контрактная система». «Четыре месяца службы; казарменное общее помещение; общее питание и жалование – 200 рублей офицерам, рядовым – соответственно меньше» (Павлов В. Е. Указ. соч. Кн. 1. С. 57). Вербовочные центры Добровольческой армии, летом-осенью 1918 года при отправке офицера в армию выдавали ему пособие на проезд: не более 100 рублей холостому и не более 200 рублей семейному (РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 5. Л. 6).

трудничеством с врагом по Великой войне. Не случайно, что в письме генералу М. В. Алексееву Федор Артурович писал о немцах: «чистым намерениям их я не верю».

Но, несмотря на фактическую неудачу формирования Южная армия, тем не менее, оказала заметное влияние на ситуацию на фронте антибольшевистских сил во второй половине 1918 – начале 1919 года. Наряду с Астраханской и Русской народной, Южная армия привлекла в свои ряды немало добровольцев, которые в другой ситуации могли бы оказаться в рядах Добровольческой армии. Германия, финансируя монархические армии создаваемые непосредственно под ее покровительством, очевидно, стремилась создать на Юге России альтернативные Добровольческой армии, центры притяжения для офицерства и усилить раскол в антибольшевистском лагере. Основная цель заключалась в недопущении усиления Добровольческой армии. В конце августа – сентябре 1918 года, когда поставленные цели были отчасти достигнуты и выяснилось, что формирования армий несмотря на затраченные средства идет невысокими темпами, финансирование со стороны германского командования было свернуто.

Созданная в конце сентября приказом донского атамана Особая Южная армия, в состав которой вошли преобразованные в корпуса Южная, Астраханская и Русская народная армии, лишь в теории претендовала на роль альтернативной Добровольческой армии общероссийской силы. В событиях осени 1918 – зимы 1919 года она играла больше политическую роль, нежели военную.

Приток добровольцев и офицеров в прогерманские монархические армии летом–осенью 1918 года не оправдал надежд организаторов и не был большим (несмотря на более высокие оклады личного состава). Но их создание проходило в период тяжелых боев Добровольческой армии на Кубани и Донской армии на Царицынском направлении, когда вопрос о пополнении стоял особенно остро. Летом–осенью 1918 года были навсегда обескровлены лучшие полки Добровольческой армии: никогда более доля офицерского состава в них уже не была столь велика, как в начале 2-го Кубанского похода. Не случайно, что именно тогда А. И. Деникиным были проведены первые массовые мобилизации, а на фронте была начата постановка в строй пленных красноармейцев.

Именно поэтому даже относительно незначительный отток офицеров в прогерманские монархические армии имел для антибольшевистского фронта большое значение. Кроме того, наличие

самого противостояния между контрреволюционными центрами негативно отразилось на настроениях офицерства – многие предпочли вовсе устраниваться от участия в борьбе. И в этом смысле цели создателей армии достигли успеха.

В феврале–марте 1919 года большая часть сил Особой Южной армии, в которую помимо Воронежского входили Астраханский и Саратовский корпуса, была переформирована и вошла в состав 6-й пехотной дивизии и других частей Вооруженных сил Юга России²³¹.

* * *

Отношение Ф. А. Келлера к происходящему в 1918 году на Украине не было однозначным. С одной стороны, создание независимого украинского государства и немецкая оккупация были для него неприемлемыми, с другой – некоторые обстоятельства давали надежду на изменение ситуации к лучшему. Это прежде всего касалось деятельности монархических организаций в Киеве и надежд на появление вооруженной силы, открыто провозгласившей бы борьбу за восстановление монархии. Предполагая, видимо, что кадры армии Украинской державы могут быть впоследствии использованы для создания армии монархической, Федор Артурович открыто не осуждал П. П. Скоропадского. В гетманских войсках было немало сослуживцев Ф. А. Келлера, с которыми он воевал на фронте Великой войны (генерал от инфантерии А. Ф. Рагоза, полковник А. В. Сливинский, генерал-майор В. В. Чеславский и др.), что делало вполне реальным использование кадров армии Украинской державы для строительства новой вооруженной силы.

Очевидно, что нахождение больше года вне каких-либо дел, связанных с армией и политикой, тяготило Федора Артуровича. Разыгрывающиеся в стране события не позволяли ему оставаться безучастным. Летом 1918 года он совершил поездку на Юг России, побывал в Екатеринодаре, только освобожденным к тому времени от большевиков Добровольческой армией, и Крыму, где жила вдовствующая Императрица Мария Федоровна. Главной целью поездки была встреча с руководством Добровольческой армии – Верховным руководителем генералом М. В. Алексеевым и Командующим – генералом А. И. Деникиным. Федор Артурович, наблюдавший за событиями со стороны, не видел на тот момент ни одной приемлемой для себя силы, определенно и без немецкого участия выдвинувшей бы лозунг восстановления монархии. Не стала ею и

Добровольческая армия, официально придерживавшаяся непред-
дрешения будущего политического устройства России.

Взаимоотношения Ф. А. Келлера с Добровольческой армией, имевшей в его глазах республиканскую окраску, не были простыми. С одной стороны, убеждения Федора Артуровича делали невозможным борьбу против большевиков в ее рядах. С другой – политическая ситуация на Юге России и немецкая оккупация Украины приводили его к мысли о необходимости как минимум совместной работы против общего врага – большевиков. Первый засвидетельствованный контакт Ф. А. Келлера с представителями Добровольческой армии состоялся в июне 1918 года, когда в Харькове его навестил уже упоминавшийся генерал Б. И. Казанович. По его словам, он безуспешно пытался уговорить Федора Артуровича вступить в Добровольческую армию, которой в то время не хватало настоящих кавалерийских начальников. Но Ф. А. Келлер решительно отказался, заявив ему, что программа Добровольческой армии «слишком неопределенна», и не известно «кто мы – монархисты или республиканцы?» Более того, полагая, что в скором времени может появиться сила, провозгласившая монархический лозунг, он не обещал Б. И. Казановичу не отговаривать офицеров-кавалеристов, среди которых обладал высоким авторитетом, от вступления в Добровольческую армию: «...Пусть подождут, когда настанет время провозгласить Царя, тогда мы все выступим»²³².

Время шло, но такой силы на Юге России не появлялось. Еще до поездки в Екатеринодар 20 июля (2 августа) Ф. А. Келлер направил письмо М. В. Алексееву, одновременно разослав его копии ряду других политических деятелей: «Единственной надеждой являлась до сих пор для нас Добровольческая армия, но в последнее время и к ней относятся подозрительно, и подозрение, вкрапившееся уже давно, растет с каждым днем... – писал он. – ...Большинство монархических партий, которые в последнее время все разрастаются, в Вас не уверены, что вызывается тем, что никто от Вас не слышал столь желательного, ясного и определенного объявления, куда и к какой цели Вы идете сами и куда ведете Добровольческую армию. Немцы это, очевидно, поняли, и я сильно опасаюсь, что они этим воспользуются в свою пользу, то есть для разъединения офицерства...

Боюсь я также, что для того, чтобы отвлечь от Вас офицеров, из которых лучший элемент монархисты, немцы не остановятся перед тем, чтобы здесь в Малороссии или Крыму формировать армию с чис-

то монархическим, определенным лозунгом. Если немцы объявят, что цель формирования – возведение законного Государя на Престол и объединение России под Его державою, и дадут твердые гарантии, то для такой цели, как бы противно ни было идти с ними рука об руку, пойдет почти все лучшее офицерство кадрового состава.

В Ваших руках, Михаил Васильевич, средство предупредить еще немцев (чистым намерениям коих я не верю), но для этого Вы должны честно и открыто, не мешкая, объявить – кто Вы, куда и к какой цели Вы стремитесь и ведете Добровольческую армию.

Объединение России великое дело, но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый даже Ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, который может быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете. Объявите, что Вы идете за законного Государя, если Его действительно уже нет на свете, то за законного же Наследника Его, и за Вами пойдет без колебаний все лучшее, что осталось в России, и весь народ, истосковавшаяся по твердой власти...»²³³

Опасения Ф. А. Келлера о том, что для укрепления собственных позиций Германия может пойти на формирование подконтрольных ей монархических формирований, не были напрасны. Стремясь расколоть антибольшевистский лагерь и не допустить воссоздания Восточного фронта, летом 1918 года с подачи немецкого командования и при поддержке Донского атамана П. Н. Краснова было начато формирование Южной и Астраханской армий, действительно провозгласивших борьбу за восстановление монархии.

Фактический провал пронемецких монархических формирований на Юге России, в распоряжении которых находились немалые финансовые средства, был связан не столько с противодействием добровольческого командования, сколько с отсутствием к ним реального интереса как со стороны инициаторов их создания, так и большей части русского офицерства, надежды на широкий приток которого не оправдались. Помимо этого, организаторам пронемецких формирований так и не удалось привлечь к себе серьезной фигуры, которая могла бы встать во главе такой армии.

Показательно здесь донесение агента «Аз» шульгинской «Азбуки» от 12 (25) июня 1918 года: «Планы немцев, состоящие в том, чтобы для парирования восстанавливаемого союзниками Восточного фронта воссоздать союзную Германии монархическую Россию, терпят крушение. В настоящее время это можно сказать с уверенностью. Первоначальные расчеты немцев в этом отношении не оправдались. Главной

причиной неудачи немцев явилась непреклонная твердость династии*. В то время как наши рабочие и солдаты братались с немцами и предавали Россию в прошлом году, а аграрии и крупная буржуазия братаются и предают Россию ныне, наша династия стоит на высоте положения, верная велениям патриотизма, долга и чести. Немцы долго и настойчиво искали сближения с нашей династией, но не имели никакого успеха. Династия проявила такое же величие духа, которое в будущем заставит русский народ благоговейно склониться перед ней на коленях. Прошлый обзор мой был закончен сообщением о сношениях Вильгельма II с отрекшимся ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ II. Отрекшийся ИМПЕРАТОР с непреклонной твердостью отклонил предложение Вильгельма II, чем последний был очень раздражен. Если бы ужасное известие о смерти НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА подтвердилось, то это злодеяние необходимо было бы поставить в прямую связь с неудачей переговоров Вильгельма II с отрекшимся ИМПЕРАТОРОМ.

* Показательны дошедшие до нас свидетельства, показывающие отношения Императорской Семьи к заключению Брестского мира и возможной помощи в освобождении со стороны германского императора.

Записи в дневнике Николая II. 18 ноября 1917 года: «Получилось невероятнейшее известие о том, что какие-то трое парламентариев нашей 5-й армии ездили к германцам впереди Двинска и подписали предварительные с ними условия перемирия! Подобного кошмара я никак не ожидал. Как у этих подлецов большевиков хватило нахальства исполнить их заветную мечту предложить неприятелю заключить мир, не спрашивая мнения народа, и в то время, что противником занята большая часть страны». 7 (20) февраля 1918 года: «...Судя по телеграммам война с Германией возобновлена, так как срок перемирия истек; а на фронте, кажется, у нас ничего нет, армия демобилизована, орудия и припасы брошены на произвол судьбы и наступающего неприятеля! Позор и ужас!». 12 (25) февраля: «Сегодня пришли телеграммы, извещающие, что большевики, или, как они себя называют Совнарком, должны согласиться на мир на унижительных условиях Герман. Правительства, ввиду того, что неприятельские войска движутся вперед и задержать их нечем! Кошмар!» (Дневники Императора Николая II. Москва, 1991. С. 658, 667).

Из книги С. П. Мельгунова «Судьба Императора Николая II после отречения»: «Воспитатель Наследника Цесаревича Алексея Жильяр писал в своем дневнике от 19 марта (н. ст.): «...После завтрака говорили о Брест-Литовском договоре, который только что подписан. Государь высказался по этому поводу с большой грустью: “Это такой позор для России; это равносильно самоубийству. Я бы никогда не поверил, что император Вильгельм и германское правительство могут унизиться до того, чтобы пожать руку этих негодяев, которые предали свою страну...” Когда князь Долгорукий несколько времени спустя сказал, что часто говорят об одном из условий, со-

Выступление чехословаков поставило немцев перед возможностью стать в близком будущем лицом к лицу с манифестом отрекшегося ИМПЕРАТОРА, содержащим в себе призыв хранить верность союзникам. Ни одного кандидата в Императоры России среди Романовых немцы не нашли. Они уже склонились к мысли посадить на престол России герцога Лейхтенбергского, но выступление чехословаков и общее движение на Востоке России, а затем исчезновение Великого князя Михаила Александровича и т.д. – все это заставило немцев отбросить свои прежние планы и принять иные решения. Немцы хорошо понимают, что их монархия в России не может иметь никаких шансов на успех, если все главные и законные преемники отрекшегося ИМПЕРАТОРА будут на стороне союзников и будут физически находиться в их лагере»²³⁴.

Ситуация на Украине и Юге России была крайне неустойчива, что, как следствие, порождало всевозможные слухи. Интересно донесение «Азбуки», отправленное из Киева генералу А. И. Деникину в начале осе-

гласно которому немцы требуют, чтобы Царская Семья была передана им целой и невредимой, Государь воскликнул: “Если это не предпринято для того, чтобы меня дискредитировать, то это оскорбление для меня”, Государыня добавила вполголоса: “После того, что они сделали с Государем, я предпочитаю умереть в России, нежели быть спасенной немцами”²³⁵.

В своем письме А. Вырубовой 2 марта Александра Федоровна высказалась более ярко и определенно, чем в восприятии мемуариста: “Боже, как родина страдает... Бедная родина, измучили изнутри, а немцы искалечили снаружи... Если они будут делать порядок в нашей стране, что может быть обиднее и унижительнее, чем быть обязанными врагу. Боже спаси, только не смели бы разговаривать с Папой и Мамой”. В каждом из последующих писем Александра Федоровна возвращается к волновавшему ее вопросу и сравнивает немцев с “ползущим, все съедающим раком”. “Но что решается в Москве?” – мучительно спрашивает она (*Танеева А. (Вырубова)*). Страницы из моей жизни. [Берлин], 1923. С. 164–165).

На другой день, 3 марта 1918 года в конспиративном письме, написанном по-русски “сестре Серафиме” (Вырубовой): “...Такой кошмар, что немцы должны спасти всех и порядок наводить. Что может быть хуже и более унижительно, чем это? Принимаем порядок из одной руки, когда другой они все отнимают. Боже, спаси и помоги России! Один позор и ужас. Богу угодно это оскорбление России перенести: одно меня убивает, что именно немцы – не в боях (что понятно), а во время революции, спокойно продвинулись вперед и взяли Батум и т.д. Совершенно нашу любимую родину общипали... Не могу мириться, то есть не могу без страшной боли в сердце это вспоминать... Только бы не больше унижения от них, только бы они скорее ушли...”» (Там же. С. 166) (*Мельгунов С. П. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1951. С. 303*).

ни. Несмотря на довольно высокую осведомленность агентов, сообщение по сути не имеет ничего общего с реальной обстановкой. Возможно, что представители шульгинской группы в Киеве пытались так оказать влияние на руководителей армии. Вместе с тем документ показывает, что с формированием Южной армии правые общественные круги связывали поначалу большие надежды, которым тем не менее не суждено было сбыться. 2 сентября агент «Азбуки» писал А. И. Деникину: «Из авторитетных и серьезных германских украинских источников известно, что через две–три недели в Киев пребудет Цесаревич Алексей с Матерью (к тому времени были уже убиты большевиками. – Авт.). Будет провозглашен Императором. Регентом кто – пока неизвестно. Это известие подтверждается вновь. Если это совершится, то наше положение (Добровольческой армии. – Авт.) крайне осложнится. Необходимо Ваших директив и указаний. Южная армия численностью 75 000, по слухам, явится ядром будущей армии Цесаревича Алексея (цифра о численности армии чрезвычайно завышена. – Авт.). Ввиду этого нами предложено постараться заполнить все командные должности своими. Необходимо для этого распоряжение генерала [М. В.] Алексеева и Ваша санкция. Единственный исход из могущего создаться положения, – это немедленное провозглашение в Добровольческой армии монархического лозунга: “Монархия во главе с Цесаревичем Алексеем и регентом Великим Князем Михаилом Александровичем”. Этим будет вырвана инициатива из рук немцев и крайне правых их ориентации. Формирование Южной армии идет полным ходом. Говорят, что она будет содержаться на деньги монархических организаций и что у них есть средства на год. Будто бы Донецкий район дал им 100 млн (сведения о выделении средств также не соответствуют действительности. – Авт.)»²³⁵.

Мнение о Добровольческой армии как о «демократической» после поездки в Екатеринодар у Ф. А. Келлера только укрепилось. Генерал П. И. Залесский писал, что, не услышав призыва о восставлении монархии, «граф Келлер сам отправился в Добровольческую армию, чтобы лично на месте сориентироваться, за что и в компании с кем он может идти. Вернулся обратно из этого путешествия он крайне разочарованным. Его узкая приверженность к самодержавной идее нигде не встретила поддержки. Он очень хотел принять активное участие в борьбе с большевиками, но только при условии, что она будет вестись [под] открытым именем “самодержавного Царя всея Руси”»²³⁶. В то же время, не приемля взглядов М. В. Алексеева и А. И. Деникина, Федор Артурович настоятельно рекомендовал им объединить руководство всеми антибольшевистскими силами на Юге России. Но конфликт между командованием Добровольческой армии и атаманом Всевеликого Войска

Донского П. Н. Красновым, откровенно прогерманская ориентация Украинской державы делали такое объединение на тот момент невозможным*. В результате, не добившись успеха и так и не найдя силы примкнуть к которой или возглавить которую он бы мог, Ф. А. Келлер вернулся в Харьков.

Именно там в октябре 1918 года его застали бывшие члены Государственной Думы Г. М. Дерюгин, Н. Н. Лавриновский, А. П. Горсткин, сенатор Н. И. Туган-Барановский и др., называвшие себя «Советом обороны Северо-Западной области». Они рассказали Федору Артуровичу об организации белых отрядов в районе Пскова и предложили ему возглавить формируемую Северную

* Отношения между Командующим Добровольческой армией генералом А. И. Деникиным и донским атаманом генералом П. Н. Красновым (избран атаманом Кругом спасения Дона 3 (16) мая 1918 года) с самого начала приобрели напряженный характер. Наиболее существенным был вопрос о снабжении Донской армии германскими оккупационными властями, против чего высказывался А. И. Деникин, и прогерманская позиция донских властей. Немало споров вызвал и вопрос о направлении нового похода Добровольческой армии весной–летом 1918 года. Если Деникин высказывался в первую очередь за занятие Кубани и обеспечение тыла перед походом на Москву, то атаман Краснов, напротив, считал, что Добровольческой армии необходимо заняться российскими делами и вести наступление в направлении на Царицын. В мае 1918 года генерал П. Н. Краснов отдал приказ по Всевеликому Войску Донскому № 272, предписывавший всем донским казачьим офицерам покинуть ряды Добровольческой армии. Начался отток донского казачества в приступившую к активному формированию Донскую армию. А. И. Деникин, отмечая негативную роль приказа атамана, писал, что уход донцев «растроил сильно некоторые наши части, особенно Партизанский и Конный полки». В дальнейшем напряженность в отношениях между Новочеркасском и Екатеринодаром продолжала нарастать. Одним из главных вопросов был вопрос о едином командовании – П. Н. Краснов и его окружение выступали против объединения всех сил под началом А. И. Деникина. После поражения Германии в Мировой войне и прибытия на Дон представителей союзных держав, поддерживающих идею о едином командовании антибольшевистскими силами, П. Н. Краснов согласился вступить в переговоры с представителями Добровольческой армии. 26 декабря 1918 года (8 января 1919 года) было заключено соглашение об объединении сил Добровольческой и Донской армий под общим руководством генерала А. И. Деникина (созданы Вооруженные силы Юга России). 2 (15) февраля, после того как Большой войсковой круг потребовал отставки командующего Донской армией генерал-лейтенанта С. В. Денисова и начальника его штаба генерал-майора И. А. Полякова, Краснов подал в отставку, которая была принята Войсковым кругом.

армию, монархическую по своей идеологии²³⁷. После некоторых раздумий Ф. А. Келлер согласился. Приняв предложение Совета обороны Северо-Западной области, Келлер сразу же приступил к формированию штаба Северной армии. В это время он выпустил воззвание – «Призыв старого солдата», в котором обращался к своим боевым товарищам. «...**Настала пора, когда я вновь зову вас за собою...** (Выделено нами. – *Авт.*) За Веру, Царя и Отечество мы присягали сложить свои головы – настало время исполнить свой долг... Вспомните и прочтите молитву перед боем, – ту молитву, которую мы читали перед славными нашими победами, осените себя крестным знамением и с Божьей помощью вперед за Веру, за Царя и за целую неделимую нашу родину Россию», – заканчивал свое обращение Федор Артурович²³⁸.

В конце октября, готовясь к отъезду в Псков, Ф. А. Келлер приехал в Киев, где продолжал собирать вокруг себя офицеров для создаваемой Северной армии. После поражения Центральных держав в Мировой войне Келлер, рассчитывая на помощь союзников, отправил генерала А. Н. Розеншильд-Паулина в Яссы. Федор Артурович надеялся на получение кредитов, считал необходимым занятие союзным флотом Ревеля и Либавы. Рассчитывал он и на передачу в его распоряжение богатых русских складов в Пскове, Двинске, Вильно и других городах, находившихся в зоне оккупации Германии²³⁹. «Ему не суждено было узнать, что он вновь был обманут в своих ожиданиях. Больно говорить, но трагическая и преждевременная гибель уберегла его еще от одного разочарования – приехав в Псков, он бы ничего не нашел там, кроме разрозненных и слабых полупартизанских отрядов, зависимых от немцев, не имевших дисциплины и не доверявших своему командиру, генерал-майору Вандаму...»²⁴⁰

Приехав в Киев 30 октября (12 ноября), Ф. А. Келлер уже 2 (15) ноября отправил телеграмму генералу А. И. Деникину, поставив Северную армию в зависимость от Екатеринодара и выразив готовность в случае отрицательного ответа отказаться от этой должности. «Признаете ли Вы меня командующим Северной Псковской монархической армией или мне следует сдать эту должность? – писал он. – Если признаете, то с какими полномочиями? Необходимо разрешение принять меры к охране разграбляемых в Малороссии военных складов, воспользоваться украинскими кадрами и продолжать формирование, для чего необходим немедленный отпуск денег, которые можно добыть в украинском правительстве»²⁴¹. Командующий Добровольческой армии ответил на

письмо Келлера «принципиальным согласием», что фактически, несмотря на имевшиеся расхождения в политических взглядах, делало Федора Артуровича подчиненным А. И. Деникина.

К середине ноября подготовительная работа по созданию Северной армии была фактически завершена. Ф. А. Келлер был готов отправиться в Псков. За несколько дней до предполагаемого отъезда митрополит Антоний отслужил в Киево-Печорской лавре молебен, дав Ф. А. Келлеру свое благословение. Федора Артуровича благословил и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон*. Через епископа Нестора Камчатского Келлер получил от не-

* По сей день распространено мнение, что Ф. А. Келлер – единственный участник Белого движения (собственно, и само участие Федора Артуровича в Белом деле ставится под сомнение), получивший благословение Святейшего Патриарха Тихона. Однако это не так. Еще в начале 1990-х годов в России неоднократно публиковались отрывки из до сих пор, к сожалению, малоизвестных «Записок» ротмистра В. В. Князева, служившего адъютантом у Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака в годы Гражданской войны. Ротмистр вспоминал: «В первых числах января 1919 года к адмиралу приехал священник, посланный Патриархом Тихоном с фотографией образа Св. Николая Чудотворца с Никольских ворот Кремля. Так как фотография была очень малого размера, с ноготь пальца, она была отдана в Пермь для увеличения. Священник был в костюме бедного крестьянина с мешком на спине. Кроме крошечного образа с большим риском для жизни священник пронес через большевистский фронт еще письмо от Патриарха, зашитое в подкладке крестьянской свитки. Мне удалось наскоро выхватить части прекрасного благословляющего письма Патриарха Тихона адмиралу: “Посылаю фотографическую копию этого чудотворного образа (речь идет о фотоснимке, сделанном в захваченной большевиками Москве, на котором изображен изуродованный артиллерийским и ружейным огнем образ Св. Николая Чудотворца, украшавший Никольскую башню Московского Кремля. – *Авт.*) как мое благословение Вам, Ваше Высокопревосходительство, Александр Васильевич – благословение – на борьбу с атеистической властью, временной над страдающим народом Руси. Прошу Вас, усмотрите, досточтимый Александр Васильевич, что большевикам удалось отбить левую руку с крестом, что и являет собой как бы показатель временного попрания веры Православной... Но карающий меч в правой руке Чудотворца остался в помощь и Благословение Вашему Высокопревосходительству, в Вашей христианской борьбе по спасению Православной Церкви и России”» (Жизнь за всех и смерть за всех. Записки личного адъютанта Верховного правителя адмирала А. В. Колчака, ротмистра В. В. Князева. Джорданвилл, 1971. С. 20–23). Авторы благодарят за предоставленный материал московского историка В. Г. Чичерюкина-Мейнгарда.

го просфору и шейный образок Державной Божией Матери²⁴². «И как знать, на что благословлял его Патриарх, наделенный от Бога даром прозорливости?.. На борьбу? Или на мученичество?»²⁴³

Вскоре, однако, ситуация в корне изменилась. 29 октября (11 ноября) 1918 года Германия заключила перемирие со странами Антанты. По соглашению с союзниками она задержала свои войска на занятых ею российских территориях до ноября–декабря 1918 года. Германские оккупационные войска, покидающие после поражения в войне Украину, перестали быть сдерживающим фактором: повсеместно по Украинской державе вспыхивали восстания против гетмана П. П. Скоропадского, руководимые как большевиками, там и петлюровцами. Части гетманской армии, созданные летом 1918 года, не представляли серьезной боевой силы. В этой обстановке П. П. Скоропадский обратился к Ф. А. Келлеру с предложением возглавить «все вооруженные силы, действующие на территории Украины». Келлер, по словам генерала В. А. Кислицина, принял предложение гетмана, понимая отказ в этой ситуации как уклонение «от поддержки страны в критический момент»²⁴⁴. 5 (18) ноября Федор Артурович телеграфировал генералу А. И. Деникину, что «по настоянию общественных кругов, гетмана Украины и его правительства (он) принял на себя всю полноту военной и гражданской власти на Украине...»²⁴⁵

Возглавив войска Украинской державы, Ф. А. Келлер полагал, что в его распоряжении находятся также и кадры его Северной армии, и отдельные подразделения Южной и Астраханской армий, а также офицерские дружины на территории Украины, больше тяготевшие к Добровольческой армии. Фактически Федор Артурович воспринимал свою деятельность на посту главнокомандующего как начало объединения всех антибольшевистских сил на Юге России. «До сведения моего дошло, – писал он вскоре после назначения, – что некоторые из призванных... отказываются принимать участие в подавлении настоящего восстания, мотивируя это тем, что они считают себя в составе Добровольческой армии и желают драться только с большевиками, а не подавлять внутренние беспорядки на Украине. Объявляю, что в настоящее время идет работа по воссозданию России, к чему стремятся Добровольческая, Донская, Южная, Северная и Астраханская армии, а ныне принимают участие и все вооруженные силы на территории Украины под моим начальством. На основании этого все работающие против единения России почитаются внутренними врагами, борьба с которыми для

всех обязательна, а не желающие бороться будут предаваться военно-полевому суду как за неисполнение моих приказов»²⁴⁶.

Впрочем, это вовсе не означало преодоления всех разногласий с Добровольческой армией. Через три дня после назначения командующим украинскими войсками Ф. А. Келлер, по словам А. И. Деникина, «дал неопределенное объяснение» представителю Добровольческой армии генерал-лейтенанту П. Н. Ломновскому. «По вопросу об установлении общего фронта и единого командования [Келлер] держится своего прежнего взгляда, – докладывал Ломновский командующему по прямому проводу, – однако [по его мнению] Украина столь тесно связана с Доном и столь зависит от него, что единое командование возможно только и включая Дон». Учтивая, что между добровольческим командованием и донским атаманом продолжался конфликт, такая позиция Федора Артуровича ставила А. И. Деникина в сложное положение. Ломновский сообщал, что согласно представленному Ф. А. Келлером и одобренному гетманом плану на Украине предполагается создать особую Юго-Западную армию, без участия представителя Добровольческой армии, но, тем не менее, для этого создателями нового формирования просился «флаг Добровольческой армии». «Ломновский категорически отказал, – писал Деникин. – Тем не менее взаимоотношения его с Келлером не нарушались. Генерал Ломновский, имея от меня общее указание предоставить добровольческие отряды в оперативном отношении высшей украинской власти, в интересах борьбы и спасения Малороссии от большевизма исполнял эту директиву с большой выдержкой...»²⁴⁷

Стоит отметить, что напряженность и недосказанность в отношениях между Киевом и Екатеринодаром сохранялась до последнего момента. Несмотря на договоренность о совместных действиях против большевиков обе стороны, как показывает доклад П. Н. Ломновского А. И. Деникину и другие документы, не вполне верили друг другу. Ситуация на Украине менялась с калейдоскопической быстротой, что еще больше осложняло отношения двух сторон и порождало взаимные подозрения в неискренности.

Прямой и не терпящий двусмыслия Федор Артурович, стремившийся к воссозданию русской государственности и сильной власти, не мог не войти в конфликт с правительством Украинской державы. И если командующий Добровольческой армией вполне обосновано не доверял прогермански ориентированному гетману П. П. Скоропадскому, при участии которого и на немецкие деньги создавались Южная и Астраханская армии, то Ф. А. Келлер в нояб-

ре 1918 года и вовсе оказался заложником сложившейся ситуации. По сути он был вовлечен в авантюру, где любой его шаг не мог не привести к еще большему осложнению ситуации.

В своих воспоминаниях А. И. Деникин отмечает, что связь между Екатеринодаром и Киевом в ноябре то и дело прерывалась. Тем интереснее представляется доклад, сделанный начальником штаба представителя Добровольческой армии в Киеве на имя начальника Военного и морского отдела генерал-лейтенанта В. Е. Вязьмитинова. Очевидно, что напряженность в отношениях между П. Н. Ломновским и Ф. А. Келлером отразилась на характеристике последнего и его действия получили невысокую оценку. Однако доклад во многом показывает безнадежность ситуации, в которую фактически был втянут Федор Артурович.

«Начальник штаба представителя главнокомандующего Русской Добровольческой армии
Отдел политический
27 ноября 1918 года
№ 875, г. Киев

Секретно
начальнику Военно-морского отдела
Русской Добровольческой армии

РАПОРТ ²⁴⁸

Назначение Келлера

Под воздействием министра внутренних дел [И. А.] Кистяковского гетман согласился на вручение диктаторских полномочий графу Келлеру. Последний принял власть после долгих уговоров. Графа Келлера выдвигали представители разных монархических организаций в Киеве (союз «Наша Родина», Соединенный монархический блок, Союз хлеборобов, [нрзб.] монархические группы). Выступление [С. В.] Петлюры угрожающее интересам крупных промышленников и финансистов на Украине, дало графу Келлеру поддержку влиятельной организации «Протофис» (объединены промышленность, торговля, финансы и сельское хозяйство).

Граф Келлер является ярким представителем крепких монархических воззрений, а в военных кругах известен как генерал смелый, решительный, но непоследовательный, неспособный разобраться в средствах и политической обстановке, весьма запутанной, которую он своим поведением еще больше осложняет. Вокруг графа Келлера группируются исключительно представители разных объединившихся монархических организаций, выдвинувших из себя Совет обороны

под председательством полковника в отставке [Ф. Н.] Безака (бывший член Государственного совета от Киевской губернии).

Членами Совета обороны и вообще лицами, имеющими влияние на графа Келлера, являются: [А. А.] Катенин (бывший начальник [Главного] управления по делам печати), [П. В.] Скаржинский (бывший Волынский губернатор), [генерал-лейтенант] князь [А. Н.] Долгоруков (бывший командир [1-го кавалерийского] корпуса), Щегловитов (есаул, [нрзб.]), [И. А.] Добрынский (организатор Астраханской армии), Григоренко (представитель министерства земледелия при Главсоюзе), Соколов, Свистунов, Хомутов (полковник, секретарь Монархического блока), Дидина (чешский общественный деятель), Замысловский (бывший член Государственной Думы). Точно не установлено, вышла ли из совета группа “Наша Родина” с [М. Е.] Акацатовым во главе. По слухам, Акацатов арестован.

Общественное настроение

В общественных кругах, представленных Союзом возрождения России и левым крылом Национального центра, отношение к графу Келлеру и особенно к лицам, его окружающим, – резко отрицательное. Правое крыло Национального центра, относясь отрицательно к лицам, группирующимся около штаба, готово поддержать графа Келлера как представителя власти, борющейся с повстанцами. В министерских и других правительственных учреждениях среди служащих украинцев переворот на Россию встречен весьма враждебно. Эти элементы ведут подпольную работу во вред Русскому делу. Особого внимания в этом отношении заслуживают главное управление Генерального штаба, Министерство иностранных дел и Министерство торговли и промышленности. Произведен арест.

Деятельность графа Келлера

Действительной силы в руках графа Келлера нет. Против Петлюры на позиции под Киевом ему удалось выдвинуть около 1500 человек при нескольких орудиях. Военные операции предпринятые им, кончились неудачно, и на фронте установилось равновесие. Главная надежда – на выступление германцев, но и тут, по слухам, вредит неумеренно проявляемый монархизм графа Келлера, так как германский совдеп не желает служить орудием “явной реакции”.

В организационной работе по созданию войсковых частей из добровольцев проявляется необыкновенная сумбурность. Прежде всего бросается в глаза возникновение ряда организаций, формируются армии, корпуса, летучие и партизанские отряды и прочее, без связи между собой и обыкновенно одна в ущерб другой. Все эти формирования дальше создания громадных штабов обыкновенно не идут, причем первым делом изыскиваются между политическими единомышленниками крупные денежные средства и устанавливаются боль-

шие оклады.

Штаб главнокомандующего, по-видимому, неспособен внести порядок и планомерность в это дело и со своей стороны вопросы снабжения разрешает бессистемно, а финансовые – явно пристрастно, в пользу одной организации и в ущерб другой. Назначения старших чинов в различные формирования происходит сплошь и рядом помимо их желания, под угрозой поставить рядовыми в строй. Неразборчивость в подборе ближайших помощников характеризуется привлечением к работе полковника [А. В.] Сливинского и назначением [генерал-майора А. И.] Спиридовича на должность заведующего гражданской частью штаба (в штабе смущаются тем впечатлением, которое создалось с этим назначением в различных общественных кругах).

Следствие сложившегося положения

Деятельность штаба графа Келлера и различных самочинных организаций приносит большой вред делу создания единой армии.

1) Вносится политическая рознь в военную среду, так как каждое новое формирование носит яркую политическую окраску своего командного состава и явных и тайных организаторов и советчиков.

2) Подрывается престиж офицерства и Добровольческой армии, так как в общественном мнении смешивается представление о Добровольческой армии с представителями всех этих малочисленных дружин и многочисленных штабов.

3) Затрудняется сбор денежных средств, так как на частные пожертвования идет яростный поход со всех сторон.

4) Разъединяется и рассеивается офицерство.

5) Развращается офицерство большими окладами и фиктивной службой в больших штабах.

Настоятельно необходимо при первом же объявлении о едином командовании упразднить все эти штабы и организации, передав их дело в одни руки.

Выводы

Деятельность графа Келлера и лиц, его окружающих, не соответствует настоящему политическому моменту. Политическая физиономия графа Келлера и общее недоверие и нерасположение к гетману создают обстановку, при которой в массах [вместо] прежних симпатий к русскому национальному движению распространяются большевистские настроения, раньше не замечавшиеся, появляется чувство недоброжелательности к самой Добровольческой армии.

Для успешного осуществления единого командования и создания действительной силы для борьбы с большевизмом необходимо скорейшее прибытие войск союзников и **удаление как гетмана, так и графа Келлера**».

Искренне полагая, что в сложившихся на Украине условиях в его руках находится и гражданская власть, Ф. А. Келлер фактически не считался с правительством Украинской державы. Впрочем подобные действия с его стороны имели под собой реальные основания. Согласно опубликованной 5 (18) ноября грамоте гетмана П. П. Скоропадского Федор Артурович не только принимал «общее командование над всеми вооруженными силами, действующими на территории Украины». В связи с тем, что вся страна объявлялась театром военных действий, ему подчинялись и гражданские власти. Тогда же А. И. Деникин получил от Ф. А. Келлера телеграмму, содержание которой говорило о том, что он воспринял свое назначение как скрытую капитуляцию гетмана и передачу ему диктатуры – «всей полноты военной и гражданской власти на Украине».

Вскоре после назначения Ф. А. Келлером был образован Совет обороны, в который вошли многие представители монархических кругов Киева. Федор Артурович отдавал приказания министрам и вызывал их к себе для доклада, со свойственной ему откровенностью он не признавал искусственной украинизации, проводимой державным правительством. «В высокой степени достойный и храбрый генерал, граф Келлер, – вспоминал А. И. Деникин, – как политический деятель был прямо опасен своими крайними убеждениями, вспыльчивостью и элементарной прямолинейностью. Уже на третий день по пришествии к власти он написал приказ – призыв о восстановлении монархии, от распространения которого его, однако, удержал “блок”, считавший такое обращение к пылающей Украине преждевременным»²⁴⁹.

Такая политика уже в скором времени привела к серьезному конфликту с правительством Украинской державы и отставке Ф. А. Келлера. 13 (26) ноября по поручению правительства к Федору Артуровичу пришли министры Афанасьев и Рейнбот, заявившие ему, что он «неправильно понимает существо своей власти: ему не может быть подчинена власть законодательная, какую до созыва Державного сейма является Совет министров». Келлеру было также поставлено в вину то, что в своих воззваниях он «говорит об единой России, игнорируя вовсе Украинскую державу». В ответ на это Ф. А. Келлер потребовал всей полноты власти. В тот же день П. П. Скоропадский издал приказ об его отставке и назначении на место Федора Артуровича его заместителя – генерал-лейтенанта князя А. Н. Долгорукова. Прощаясь, Ф. А. Келлер объяснял причины своего ухода: «1. Могу приложить свои силы и положить свою

голову только для создания Великой, нераздельной, единой России, а не за отделение от России федеративного государства. 2. Считаю, что без единой власти в настоящее время, когда восстание разгорается во всех губерниях, установить спокойствие в стране невозможно»²⁵⁰.

Представитель Добровольческой армии в Киеве докладывал в Екатеринодар: «Утром 14 (27) ноября состоялось увольнение графа Келлера от занимаемой им должности и назначение на его место князя [А. Н.] Долгорукова. По существу эта перемена ничего нового в положение вещей не вносит, так как князь Долгоруков лично входил в состав тех политических организаций, которые поддерживали графа Келлера, и несомненно, что лица, группировавшиеся вокруг штаба главнокомандующего, останутся те же, и перемен в направлении политики и деятельности главнокомандующего ожидать нельзя»²⁵¹.

На посту главнокомандующего Ф. А. Келлер находился всего десять дней. Несмотря на то что в его распоряжении находились далеко не самые сильные в боевом отношении части, Федор Артурович, тем не менее, успел несколько улучшить ситуацию с обороной Киева. Необученные и необстрелянные сердюки (гетманская гвардия), до этого терпевшие на фронте неудачи, с приездом на фронт Ф. А. Келлера неожиданно перешли в наступление, отбросив в первом же бою петлюровцев и захватив четыре орудия. Федор Артурович лично вел цепи в атаку, прихрамывая и опираясь на палку²⁵².

1 (14) декабря в Киев вошли войска Украинской народной республики. Гетман П. П. Скоропадский, равно как и главнокомандующий украинскими войсками князь А. Н. Долгорукий, несмотря на данные им ранее обещания «умереть среди вверенных ему войск», скрылись. Между тем отправленный менее трех недель в отставку Ф. А. Келлер продолжал оставаться в городе. Именно к нему обратились некоторые из офицеров и добровольцев, дружины которых, оставшись без командования, отступали к центру столицы. Возглавив небольшой отряд, в состав которого вошли в основном представители штаба Северной армии, Федор Артурович после небольшой стычки с петлюровцами отвел его в Михайловский монастырь, где «со слезами на глазах» предложил офицерам разойтись.

Сам Ф. А. Келлер с несколькими оставшимися с ним офицерами остался в монастыре. Вечером того же дня к нему приехал майор германской армии, предложивший ему укрыться в немецкой коммандуре, где его жизнь была бы в безопасности. Федор Артуро-

вич отказался. Находившийся в тот вечер с ним Н. Д. Нелидов вспоминал, что несмотря на это «мы вывели графа почти силой из кельи во двор и довели уже до выхода из ограда». По просьбе немецкого майора на Келлера накинули германскую шинель, а его огромную папаху заменили фуражкой. Однако когда майор попросил его снять шашку и Георгия с шеи, чтобы эти предметы не бросались в глаза, Федор Артурович «с гневом сбросил с себя шинель и сказал: “Если вы меня хотите одеть совершенно немцем, то я никуда не пойду”. После чего он повернулся и ушел обратно в келью. Ни мольбы, ни угрозы не могли уже изменить его решения»²⁵³.

После этого в монастыре появились петлюровцы. Во время ареста с Федором Артуровичем остались лишь два его адъютанта – полковник А. А. Пантелеев и ротмистр Н. Н. Иванов. Около недели они находились под арестом. Германское командование, которое, надо отдать ему должное, немало сделало для спасения попавших в плен к петлюровцам русских офицеров, спустя какое-то время потребовало от новых властей перевести арестованных в Лукьяновскую тюрьму, очевидно, рассчитывая так обезопасить Ф. А. Келлера. Однако спасти Федора Артуровича не удалось: 8 (21) декабря 1918 года, в четыре часа утра, при переводе в Лукьяновскую тюрьму Ф. А. Келлер, А. А. Пантелеев и Н. Н. Иванов были убиты выстрелами в спину на Софийской площади у памятника Богдану Хмельницкому.

Стараясь избежать огласки, комендант города, командующий Осадным корпусом Директории Е. М. Коновалец разрешил похоронить старого генерала лишь с условием, что за его гробом будут идти «только самые близкие родственники»²⁵⁴.

Генерал от кавалерии, герой русско-турецкой и Великой войн, один из немногих русских офицеров, сохранивших верность присяге, граф Федор Артурович Келлер был похоронен под чужим именем в Покровском монастыре в Киеве²⁵⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Российский государственный военный архив (РГВИА). Ф. 3520. Оп. 1. Д. 235. Лл. 166–168.
- 2 *Чеславский В. В.* 67 боев 10-го гусарского Ингерманландского полка в Мировую войну, 1914–1917 гг. Чикаго, 1937. С. 45–46.
- 3 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 1. Лл. 4–4 об.
- 4 *Сливинский А. В.* Конный бой 10-й кавалерийской дивизии генерала графа Келлера 8/21 августа 1914 г. у д. Ярославце. Б. м. [Сербия], 1921. С. 23–24.
- 5 *Рубец И. Ф.* Конные атаки Российской Императорской кавалерии в Первую мировую войну // Военная быль. Париж, 1964. № 68. С. 15.
- 6 *Чеславский В. В.* Указ. соч. С. 50.
- 7 *Сливинский А. В.* Указ. соч. С. 23, 33.
- 8 Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия / В. М. Шабанов. М., 2004 (**Ф. А. Келлер** – С. 554; **В. Е. Марков** – С. 629; **Г. И. Барбович** – С. 397 и др.).
- 9 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 334. Л. 355.
- 10 Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия... С. 554.
- 11 *Чеславский В. В.* Указ. соч. С. 82–93.
- 12 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 274. Л. 110.
- 13 Там же. Д. 1. Лл. 11–11 об.
- 14 Там же. Д. 347. Л. 51; Д. 237. Л. 66.
- 15 Там же. Д. 327. Л. 78.
- 16 Там же. Л. 39.
- 17 Там же. Д. 235. Л. 191.
- 18 Там же. Д. 237. Л. 89.
- 19 Там же. Д. 274. Л. 222.
- 20 Там же. Д. 237. Лл. 42, 43, 45, 47, 105.
- 21 *Головин Н. Н.* Военные усилия России в Мировой войне. Жуковский; М., 2001. С. 301.
- 22 *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 304.
- 23 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 13. Лл. 324–326.
- 24 *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Т. 1. М., 2003. С. 205–206; *Деникин А. И.* Путь русского офицера. Статьи и очерки на исторические и геополитические темы. М., 2006. С. 319.

- 25 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 334. Л. 14.
 26 Там же. Д. 237. Л. 608.
 27 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 11. Л. 41.
 28 Там же. Д. 1. Лл. 1–4.
 29 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 334. Л. 14.
 30 Там же. Л. 10.
 31 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
 32 Там же. Д. 1. Л. 10.
 33 Там же. Д. 5. Лл. 31–33.
 34 *Керсновский А. А.* История Русской армии. Т. 3. М., 1994. С. 268.
 35 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 334. Л. 1.
 36 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 13. Л. 146.
 37 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 385. Л. 23.
 38 *Керсновский А. А.* Указ. соч. Т. 3. С. 280–281.
 39 *Краснов П. Н.* На внутреннем фронте // Архив русской революции. Т. I. Берлин, 1921. С. 104.
 40 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 1. Лл. 32–33.
 41 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 387. Л. 46.
 42 Там же. Л. 45.
 43 Там же. Д. 235. Лл. 11, 74, 264–264 об.
 44 Там же. Д. 387. Лл. 20–29, Лл. 95–107.
 45 Там же. Д. 347. Л. 18.
 46 Там же. Д. 398. Л. 237.
 47 *Ксюнин Ал.* Граф А. Келлер // Новое время. 1916. № 14469. 18 июня / 1 июля. С. 2.
 48 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 347. Л. 51.
 49 *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 320.
 50 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 347. Лл. 56, 60, 82.
 51 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 3. Л. 11.
 52 Там же. Л. 16.
 53 *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 328.
 54 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 5. Лл. 13–14, 16–19, 23–23 об.
 55 Там же. Л. 46.
 56 Там же. Л. 30; Д. 6. Л. 163.
 57 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 85. Л. 188.
 58 Там же. Д. 359. Л. 149.
 59 Там же. Д. 90. Л. 1.
 60 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 6. Л. 33.
 61 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 85. Лл. 266, 301, 313.
 62 Там же. Д. 378. Л. 15 об.
 63 Там же. Д. 90. Лл. 32, 40.
 64 Там же. Д. 383. Л. 106.
 65 Там же. Д. 90. Лл. 753–756.
 66 Там же. Д. 85. Лл. 215, 217–218.

- 67 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 6. Лл. 99–99 об.
68 Там же. Лл. 114–115 об.
69 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 90. Л. 758.
70 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 6. Л. 126.
71 Там же. Л. 162.
72 Там же. Д. 6. Л. 150; Д. 7. Л. 11.
73 Там же. Д. 6. Л. 162.
74 Головин Н. Н. Указ. соч. С. 328.
75 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 24. Лл. 201–201 об.
76 Там же. Д. 7. Лл. 37, 39.
77 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 90. Л. 633, 677, 722.
78 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 7. Лл. 52–53.
79 Шкуро А. Г. Гражданская война в России: Записки белого партизана. М., 2004. С. 68.
80 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 90. Лл. 696, 730.
81 Там же. Л. 780.
82 Там же. Лл. 785–787.
83 Там же. Лл. 791–792.
84 Там же. Д. 90. Лл. 794, 799, 803, 807.
85 Там же. Л. 769.
86 Шкуро А. Г. Указ. соч. С. 68.
87 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 90. Л. 770.
88 Записки графа Д. Ф. Гейдена (1914–1917 гг.) // Военно-исторический вестник. № 38. Париж, 1971. С. 15.
89 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 90. Л. 771.
90 Там же. Д. 330. Л. 1.
91 Там же. Лл. 24, 25.
92 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 24. Л. 399.
93 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 330. Л. 64.
94 Там же. Л. 64.
95 Там же. Д. 372. Л. 27, 29.
96 Там же. Лл. 66, 67; Д. 370. Лл. 96, 459.
97 Там же. Д. 372. Лл. 33, 85.
98 Зайончковский А. М. Первая мировая война. СПб., 2002. С. 278.
99 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 252.
100 Келлер Ф. А. Несколько кавалерийских вопросов. Вып. II. СПб., 1910. С. 3–7, 23–24.
101 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 71. Лл. 29–34.
102 Келлер Ф. А. Указ. соч. Вып. II. СПб., 1910. С. 5.
103 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 6. Лл. 54–54 об.
104 Там же. Д. 3. Лл. 19–19 об.
105 Там же. Лл. 38–40 об.
106 Там же. Д. 7. Лл. 42–43.
107 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 334. Л. 321.

- 108 *Келлер Ф. А.* Указ. соч. Вып. II. СПб., 1910. С. 19–20, 21–22; Вып. III. СПб., 1914. С. 9.
- 109 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 236. Л. 391.
- 110 Там же. Лл. 392–394.
- 111 Там же. Лл. 479–482, 483, 521.
- 112 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.
- 113 Там же. Д. 4. Л. 4.
- 114 Там же. Д. 7. Лл. 83–83 об.
- 115 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 383. Лл. 18, 220.
- 116 *Келлер Ф. А.* Указ. соч. Вып. III. СПб., 1914. С. 6–7, 20–21.
- 117 Указ. соч. С. 22–23, 24–25.
- 118 Указ. соч. С. 32–34.
- 119 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 334. Л. 7.
- 120 *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. 2-е изд. Т. 1. М., 1974. С. 34, 36–43.
- 121 *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 29.
- 122 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 12. Л. 117.
- 123 Там же. Д. 6. Л. 21.
- 124 Там же. Д. 25. Лл. 333–333 об.
- 125 *Келлер Ф. А.* Указ. соч. Вып. III. СПб., 1914. С. 12–14.
- 126 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 4. Л. 35.
- 127 Там же. Д. 334. Л. 323.
- 128 Там же. Д. 387. Л. 52.
- 129 Там же. Д. 383. Л. 25, 64.
- 130 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 1. Лл. 43–43 об.
- 131 Там же. Д. 3. Лл. 19–19 об.
- 132 Там же. Лл. 20–20 об.
- 133 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 90. Л. 685, 758.
- 134 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 7. Лл. 72–72 об.
- 135 Там же. Лл. 62–62 об.
- 136 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 372. Л. 209.
- 137 Там же. Д. 383. Л. 31.
- 138 Там же. Д. 334. Л. 359.
- 139 Там же. Лл. 261, 279.
- 140 Там же. Л. 277 об.
- 141 Там же. Д. 383. Лл. 3, 5.
- 142 Там же. Д. 334. Л. 327.
- 143 Там же. Д. 330. Лл. 1–3.
- 144 Там же. Л. 3.
- 145 Там же. Д. 398. Л. 140.
- 146 Там же. Д. 274. Л. 416.
- 147 Там же. Д. 398. Лл. 293, 302, 536, 712.
- 148 Там же. Д. 235. Л. 3; Д. 398. Л. 459.
- 149 Там же. Д. 383. Л. 36; Д. 334. Л. 321.

- 150 Там же. Д. 372. Л. 135.
- 151 *Кравченко Н.* Граф А. Келлер // Новое время. 1916. № 14469. 18 июня / 1 июля. С. 2.
- 152 *Шкуро А. Г.* Указ. соч. С. 68–69.
- 153 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 383. Л. 39 об; Д. 387. Л. 123.
- 154 Там же. Д. 347. Л. 78.
- 155 Там же. Д. 334. Л. 6.
- 156 *Чеславский В. В.* Указ. соч. С. 66–67.
- 157 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 387. Лл. 10–10 об, 55.
- 158 *Чеславский В. В.* Указ. соч. С. 66–67.
- 159 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 334. Л. 231.
- 160 Там же. Д. 383. Л. 18, 71.
- 161 Там же. Л. 75.
- 162 Там же. Л. 78.
- 163 *Келлер Ф. А.* Указ. соч. Вып. III. СПб., 1914. С. 26–28.
- 164 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 383. Л. 83; Д. 334. Л. 382.
- 165 Там же. Д. 70. Л. 3.
- 166 Там же. Д. 385. Л. 44; Д. 383. Лл. 6, 18 и др.
- 167 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 7. Л. 40.
- 168 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 372. Л. 94.
- 169 Там же. Д. 334. Л. 384.
- 170 Там же. Д. 383. Лл. 6, 18 и др.
- 171 Там же. Д. 372. Лл. 146, 148.
- 172 Там же. Д. 372. Лл. 146 об, 147, 152, 173.
- 173 Там же. Д. 387. Л. 123 и др.
- 174 Там же. Д. 372. Л. 180.
- 175 *Келлер Ф. А.* Указ. соч. Вып. I. СПб., 1910. С. 4.
- 176 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 372. Л. 121.
- 177 Там же. Л. 134.
- 178 Там же. Д. 398. Л. 5.
- 179 Там же. Д. 274. Лл. 207, 212–214.
- 180 Там же. Д. 398. Лл. 7, 56.
- 181 Там же. Лл. 71–73, 77, 106, 128.
- 182 Там же. Л. 328.
- 183 Там же. Д. 274. Л. 456; Д. 398. Лл. 77, 83.
- 184 Там же. Д. 398. Лл. 333–334, 461.
- 185 Там же. Лл. 347, 480, 591.
- 186 Там же. Д. 383. Лл. 19, 122, 134, 254.
- 187 Там же. Л. 123.
- 188 Там же. Д. 372. Лл. 178, 179.
- 189 *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 342–343.
- 190 *Деникин А. И.* Указ. соч. Т. 1. С. 165–166.
- 191 *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 342–343.
- 192 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 372. Л. 412.

- 193 *Свитков Н. О Верноподданной телеграмме графа Келлера // Владимирский вестник. Сан-Пауло, 1957. № 69. Июнь–июль. С. 27–28.*
- 194 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 372. Л. 268.
- 195 РГВИА. Ф. 372. Оп. 1. Д. 41. Лл. 41–43.
- 196 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 372. Л. 198.
- 197 *Свитков Н. Указ. соч. С. 28.*
- 198 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 383. Л. 223.
- 199 Там же. Л. 222.
- 200 *Деникин А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 174–175.*
- 201 *Шинкаренко Н. Вечер в Оргееве (Из воспоминаний о графе Келлере) // Донская волна. Ростов-на-Дону, 1919. № 2. С. 6.*
- 202 РГВИА. Ф. 3520. Оп. 1. Д. 383. Л. 224.
- 203 Из воспоминаний генерала А. С. Лукомского // Архив русской революции. Т. V. Берлин, 1922. С. 122.
- 204 РГВИА. Ф. 2311. Оп. 1. Д. 6. Лл. 166–166 об.
- 205 *Тальберг Н. Д. Рыцари монархии // Двуглавый Орел. Вып. 2. Париж, 1926. 24 декабря. С. 20.*
- 206 *Топорков С. Граф Ф. А. Келлер // Военно-исторический вестник. Париж, 1962. № 19. С. 19.*
- 207 *Казанович Б. Поездка из Добровольческой армии в «Красную Москву». Май–июль 1918 года // Архив русской революции. Т. VII. Берлин, 1922. С. 201.*
- 208 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40238. Оп. 2. Д. 34. Лл. 7–7 об.
- 209 См. например: *Александров К. Октябрь для Кайзера. Заговор против России в 1917 г. // Посев. 2004. № 1. С. 37–39; № 2. С. 36–38.*
- 210 *Цветков В. Ж. «Интернациональный долг» в Гражданской войне // Посев. 1999. № 3. С. 36.*
- 211 Там же. С. 38.
- 212 История дипломатии. Т. 3. М., 1965. Изд. 2-е. С. 110.
- 213 РГВА. Ф. 40238. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.
- 214 Там же. Д. 15. Лл. 1–3.
- 215 Там же. Л. 41 об.
- 216 *Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 510.*
- 217 Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 7030. Оп. 2. Д. 172. Л. 6.
- 218 *Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 511–512.*
- 219 Там же. С. 696.
- 220 ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 2. Д. 172. Лл. 10–13.
- 221 *Авалов П. М. В борьбе с большевизмом. Воспоминания генерал-майора князя П. Авалова, бывшего командующего русско-немецкой Западной армией в Прибалтике. Глюкштадт; Гамбург, 1925. С. 46–47; Волков С. В. Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. СПб.; М., 2003. С. 652.*

- 222 Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 512, 516.
223 ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 2. Д. 172. Л. 16.
224 Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 516.
225 Там же. С. 517.
226 ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 2. Д. 172. Лл. 14–16.
227 Там же. Л. 10.
228 Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 510.
229 ГА РФ. Ф. 6562. Оп. 1. Д. 3. Л. 39.
230 РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 8. Лл. 12–12 об.
231 Волков С. В. Указ. соч. С. 652–653.
232 Казанович Б. Указ. соч. С. 201–202.
233 Лейхтенбергский Г. Как началась «Южная армия» // Архив русской революции. Т. VIII. Берлин, 1923. С. 173–174; Деникин А. И. Указ. соч. Т. 2. С. 465.
234 РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 34. Лл. 20–20 об.
235 Там же. Лл. 28–28 об.
236 ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 2. Д. 172. Лл. 10–13.
237 Авалов П. М. Указ. соч. С. 51.
238 Кручинин А. Христианский рыцарь // Военная быль. 1993. № 3. С. 23.
239 Деникин А. И. Указ. соч. Т. 3. С. 29–30.
240 Кручинин А. Указ. соч. С. 22.
241 Деникин А. И. Указ. соч. Т. 3. С. 30.
242 Е. Б. Еще раз о Державной иконе Божией Матери // Православная Русь. Джорданвиль, 1967. № 8. С. 9.
243 Кручинин А. Указ. соч. С. 23.
244 Кислицин В. А. В огне гражданской войны. Мемуары. Харбин, 1936. С. 11.
245 Деникин А. И. Указ. соч. Т. 3. С. 29–30.
246 Кручинин А. Указ. соч. С. 23.
247 Деникин А. И. Указ. соч. Т. 3. С. 282.
248 РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 11. Лл. 37–40.
249 Деникин А. И. Указ. соч. Т. 3. С. 280–281.
250 Там же. С. 281.
251 РГВА. Ф. 40238. Оп. 2. Д. 11. Лл. 37–40.
252 Дружинин. Последние дни Гетманской власти // Донская волна. Ростов-на-Дону, 1919. № 7 (35). С. 11.
253 Нелидов Н. Гибель русского патриота. Из личных воспоминаний // Возрождение. Париж, 1926. 21 декабря. С. 2.
254 Черячукин А. В. Донские делегации на Украину и в Берлин в 1918–1919 г. // Донская летопись. Белград, 1924. № 3. С. 224.
255 Гальберг Н. Д. Указ. соч. С. 20.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>В. Ж. Цветков.</i> Предисловие редактора	5
<i>Н. А. Ганина.</i> ПАМЯТИ ГРАФА КЕЛЛЕРА	7
<i>С. В. Фомин.</i> ЗОЛОТОЙ КЛИНОК ИМПЕРИИ	11
«Истинный герой и христианин»	13
Часть первая. ПОЛЕТ ОРЛА	17
Корень и крона	19
Славянский пожар	28
«На кровавый бранный пир»	44
Четыре Плевны	54
Покорение Балкан	61
«Люди близкого круга»	69
К теплому морю!	73
Белый генерал.	84
У врат Царьграда	90
Подсчитали – прослезились	110
Часть вторая. «СЛУГА ЦАРЮ, ОТЕЦ СОЛДАТАМ» ...	121
Домой	123
«Огневой гусар»	128
Встреча с полком	136
Пора перемен	158
Командир «Безсмертных»	170
Гремучая смесь революции	191
Полоса ненависти	219
В Гвардию!	226
Командир дивизии	261
Келлеровская «Наука побеждать»	274
Часть третья. ЧЕСТЬ	295
Бои в завесе	297
Славные Ярославичи	311
Битва за Галицию	320
Под Перемышлем	352
«По горам Карпатским»	361
Под стягом Всемилоственного Спаса	380

Лик зверя	383
С Царем во главе	420
Прорыв под Луцком или «Брусиловский прорыв»? ..	435
«Земному богу кто не рад?»	440
Завоевание Зеленой Руси	444
Ковель – могила Императорской Гвардии	451
Румыния вступает в войну	460
Первый выстрел революции	471
Последний отдых	476
Часть четвертая. ВЕРНОСТЬ	483
«Знаешь Царя – так псаря не жалуй!»	485
Дело Келлера и линии Маннергейма	496
Парад измены	532
На Петроград!	575
«Наш храбрый Келлер»	580
Время «Рады»	594
Гетманшафт	608
На Тихом Дону	639
Под знаменем Реставрации	647
Слепые вожди слепых	670
«Я вновь зову вас за собою»	692
«Гибель богов»	711
Гетман и его армия	721
Смена декораций	726
Когда пань дерутся	748
Град обреченный	758
Бой в сумерках	773
Под покровом Архистратига Михаила	783
Смерть у Святой Софии	799
Верные до гроба	803
Под чужим именем	806
ЭПИЛОГ	811
Из Киевской эпопеи	813
Поход на Версаль	818
По белу свету	845
Последний бой рыцаря Най-Турса	852
Конец... И вновь начало!	865
ПРИМЕЧАНИЯ	897
Р. Г. Гагхуев, С. С. Балмасов. ГЕНЕРАЛ Ф. А. КЕЛЛЕР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ И РУССКОЙ СМУТЫ ...	995

Военно-историческая серия «Белые Воины»

МАРКОВ и марковцы

Первая книга серии представляет собой сборник документов и воспоминаний об одном из самых выдающихся военачальников Белой армии генерал-лейтенанте Сергее Леонидовиче Маркове. Основой книги стал известный в эмиграции двухтомник полковника В. Павлова «Марковцы в боях и походах за Россию», но практически неизвестный широким кругам российских читателей. Помимо значительных отрывков из этого издания в книгу вошли и архивные материалы, никогда не вводившиеся в научный оборот. Это – дневник С. Л. Маркова, воспоминания о 2-м Кубанском походе (их начало – в № 3 альманаха «Белая Гвардия»), дневник начальника штаба Марковской дивизии полковника Биттенбиндера, приказы по формированию марковских частей. Немалую часть издания составляют аналитические материалы по социальному составу марковских полков, особенностям их создания и участию в боевых действиях в 1917 – 1920 годах.

Книга иллюстрирована многочисленными фотографиями, посвященными как жизни генерала Маркова, так и боевой истории марковцев.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В. Ж. Цветков.

Военно-историческая серия «Белые Воины»

Генерал ДИТЕРИХС

Третья книга серии «Белые Воины» посвящена судьбе последнего белого правителя и Главнокомандующего белой армии в России – генерал-лейтенанта Михаила Константиновича Дитерихса. Глава Приамурского Земского края осенью 1922 года предпринял попытку возрождения Русской Монархической государственности и Православной традиции на Дальнем Востоке. Основу книги составили документы из российских и зарубежных архивов, личного архива наследника генерала Дитерихса А. А. Васильева (Дания), воспоминания его современников и друзей.

Издание рассказывает об основных этапах жизни и боевой биографии генерала Дитерихса. Отдельно представлены отрывки из его исследования «Гибель Царской Семьи», приведены решения Приамурского Земского Собора. Большой интерес представляют и документы, отражающие эмигрантский период жизни генерала Дитерихса. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива кинофотодокументов и личного архива А. А. Васильева.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В. Ж. Цветков.

Военно-историческая серия «Белые Воины»

ДРОЗДОВСКИЙ

И ДРОЗДОВЦЫ

Четвертая книга серии «Белые Воины» рассказывает об истории одной из самых доблестных частей Добровольческой армии – Дроздовской стрелковой дивизии и ее легендарном шефе – генерал-майоре Михаиле Гордеевиче Дроздовском. В книге опубликованы материалы о формировании и начале боевого пути 1-й бригады русских добровольцев, ее героическом переходе с Румынского фронта на Дон, на соединение с Добровольческой армией. Приведены воспоминания об участии дроздовцев во 2-м Кубанском походе, боях 1919–1920 гг. Биографический очерк о генерале Дроздовском показывает непростую судьбу русского офицера, не изменившего присяге и Отечеству в годы тяжелых испытаний русской смуты. Интересны материалы о судьбах дроздовцев в Зарубежье. Книга иллюстрирована фотографиями из фондов Государственного архива Российской Федерации, а также из коллекций А. Соколовского (Париж) и В. Чичерюкина-Мейнгардта.

Научный редактор серии – кандидат исторических наук В. Ж. Цветков.

Граф Келлер

Издание осуществлено при финансовой поддержке А. А. Ерошкина

Верстка текстовой части

В. Н. Карпухин

Компьютерные работы для иллюстративной части

В. Н. Карпухин

Корректор

М. В. Беляева

Формат 60х90/16 Объем 44 п л Гарнитура «Петербург» Тираж 1500 экз